К 100-летию со дня рождения
Даниила Леонидовича
Андреева

Даниил АНДРЕЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Даниил АНДРЕЕВ

Том третий

РОЗА МИРА

Москва
Русский путь
2006

ББК 84 (2Рос)6
А 655

Издательская программа Правительства Москвы

Составление, подготовка текста и примечания
Б.Н. Романова

Художник
Е.Л. Вельчинский

ISBN 5-85887-247-6
ISBN 5-85887-250-6

© Окунев А.А., наследник, 2006
© Романов Б.Н., сост., примеч., указатели, 2006
© Вельчинский Е.Л., оформление, 2006
© Русский путь, 2006

РОЗА МИРА

КНИГА ПЕРВАЯ

РОЗА МИРА И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ

Глава первая
РОЗА МИРА И ЕЕ БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ

Эта книга начиналась, когда опасность неслыханного бедствия уже нависала над человечеством; когда поколение, едва начавшее оправляться от потрясений Второй мировой войны, с ужасом убеждалось, что над горизонтом уже клубится, сгущаясь, странная мгла — предвестие катастрофы еще более грозной, войны еще более опустошающей.

Я начинал эту книгу в самые глухие годы тирании, довлевшей над двумястами миллионами людей. Я начинал ее в тюрьме, носившей название политического изолятора. Я писал ее тайком. Рукопись я прятал, и добрые силы — люди и не люди — укрывали ее во время обысков. И каждый день я ожидал, что рукопись будет отобрана и уничтожена, как была уничтожена моя предыдущая работа, отнявшая десять лет жизни и приведшая меня в политический изолятор.

Книга «Роза Мира» заканчивается несколько лет спустя, когда опасность Третьей мировой войны не поднимается уже, подобно мглистым тучам, из-за горизонта, но простерлась над нашими головами, закрыв зенит и быстро спускаясь от него вниз, по всем сторонам небосклона.

«А может быть, обойдется?» — Такая надежда теплится в душе каждого, и без подобной надежды нельзя было бы жить. Одни пытаются подкрепить ее логическими доводами и активными действиями. Некоторые ухитряются убедить самих себя в том, будто опасность преувеличивается. Третьи стараются не думать о ней совсем, погружаясь в заботы своего маленького мирка и раз навсегда решив про себя: будь что будет. Есть и такие, в чьей душе надежда тлеет угасающей искрой, и кто живет, движется, работает лишь по инерции.

Я заканчиваю рукопись «Розы Мира» на свободе, в золотом осеннем саду. Тот, под чьим игом изнемогала страна, давно уже пожинает в иных мирах плоды того, что посеял в этом. И все-таки последние страницы рукописи я прячу так же, как прятал первые, и не смею посвятить в ее содержание ни единую живую душу, и по-прежнему нет у меня уверенности, что книга не будет уничтожена, что духовный опыт, которым она насыщена, окажется переданным хоть кому-нибудь.

«А может быть — обойдется, тирания никогда не возвратится? Может быть, человечество сохранит навеки память о страшном историческом опыте России?» — Такая надежда теплится в душе всякого, и без этой надежды было бы тошно жить.

Но я принадлежу к тем, кто смертельно ранен двумя великими бедствиями: мировыми войнами и единоличной тиранией. Такие люди не верят в то, что корни войн и тираний уже изжиты в человечестве или изживутся в короткий срок. Может быт,ь отстранена опасность данной тирании, данной войны, но некоторое время спустя возникнет угроза следующих. Оба эти бедствия были для нас своего рода апокалипсисами — откровениями о могуществе мирового Зла и о его вековечной борьбе с силами Света. Люди других эпох, вероятно, не поняли бы нас; наша тревога показалась бы им преувеличенной, наше мироощущение — болезненным. Но не преувеличено такое представление об исторических закономерностях, какое выжглось в человеческом существе полувековым созерцанием и соучастием в событиях и процессах небывалого размаха. И не может быть болезненным тот итог, который сформировался в человеческой душе как плод деятельности самых светлых и глубоких ее сторон.

Я тяжело болен, годы жизни моей сочтены. Если рукопись будет уничтожена или утрачена, я восстановить ее не успею. Но если она дойдет когда-нибудь хотя бы до нескольких человек, чья духовная жажда заставит их прочитать ее до конца, преодолевая все ее трудности, — идеи, заложенные в ней, не смогут не стать семенами, рождающими ростки в чужих сердцах.

И произойдет ли это еще до Третьей мировой войны или после нее, или Третья война не будет развязана в ближайшие годы вовсе — книга не умрет все равно, если хоть одни дружественные глаза пройдут, глава за главой, по ее страницам. Потому что вопросы, на которые она пытается дать ответ, будут волновать людей еще и в далеком будущем.

Эти вопросы не исчерпываются проблематикой войны и государственного устройства. Но ничто не поколеблет меня в убеждении, что самые устрашающие опасности, которые грозят человечеству и сейчас и будут грозить еще не одно столетие, это — великая самоубийственная война и абсолютная всемирная тирания. Быть может, Третью мировую войну — в нашу эпоху — человечество превозможет или, по крайней мере, уцелеет в ней, как уцелело оно в Первой и во Второй. Быть может, оно выдержит, так или иначе, тиранию еще более обширную и беспощадную, чем та, которую выдержали мы. Может случиться также, что через сто или двести лет возникнут новые опасности для народов, не менее гибельные, чем тирания и великая война, но — иные. Возможно. Вероятно. Но никакие усилия разума, никакое воображение или интуиция не способны нарисовать опасностей грядущего, которые не были бы связаны, так или иначе, с одной из двух основных: с опасностью физического уничтожения человечества вследствие войны — и опасностью его гибели духовной вследствие абсолютной всемирной тирании.

Книга направлена прежде всего против этих двух зол. Двух коренных, первичных зол. Она направлена против них — не как памфлет, не как разоблачающая сатира, не как проповедь. Самая жгучая сатира и самая пламенная проповедь — бесплодны, если они только бичуют зло и доказывают, что хорошее — хорошо, а дурное — дурно. Они бесплодны, если не основаны на знании основ того миропонимания, того универсального учения и той действенной программы, которые, распространяясь от ума к уму и от воли к воле,

были бы способны отвратить от человечества эти две коренные опасности. Поделиться своим опытом с другими, приоткрыть картину исторических и метаисторических перспектив, ветвящуюся цепь дилемм, встающих перед нами или долженствующих возникнуть, панораму разноматериальных миров, тесно взаимосвязанных с нами в добре и зле, — вот задача моей жизни. Я стремился и стремлюсь ее выполнять в формах словесного искусства, в художественной прозе и в поэзии, но особенности этого искусства не позволяли мне раскрыть всю концепцию с надлежащею полнотой, изложить ее исчерпывающе, четко и общедоступно. Развернуть эту концепцию именно так, дать понять, каким образом в ней, трактующей об иноприродном, в то же время таится ключ и от текущих процессов истории, и от судьбы каждого из нас, — вот задача настоящей книги. Книги, которая, если Господь предохранит ее от гибели, должна вдвинуться, как один из многих кирпичей, в фундамент Розы Мира, в основу всечеловеческого Братства.

Существует инстанция, много веков претендующая на то, чтобы быть единственной неуклонной объединительницей людей, предотвращающей от них опасность войны всех против всех, опасность падения в хаос. Такая инстанция — государство. Со времен окончания родового строя на всех исторических этапах государство являлось существенной необходимостью. Даже иерократии, пытавшиеся его подменить властью религиозной, превращались в разновидности того же государства. Государство цементировало общество на принципе насилия, а уровень нравственного развития, необходимый для того, чтобы цементировать общество на каком-либо принципе ином, не был достигнут. Конечно, он не достигнут и поднесь. Государство до сих пор остается единственным испытанным средством против социального хаоса. Но уясняется наличие в человечестве этических начал более высокого типа, способных не только поддерживать, но и совершенствовать социальную гармонию; и, что еще важнее, намечаются пути ускоренного развития этих начал.

В политической истории новейшего времени легко различаются две общечеловеческие направленности, полярные друг другу.

Одна из них стремится к переразвитию государственного начала как такового, к укреплению всесторонней зависимости личности от государства, точнее — от той инстанции, в руках которой находится государственный аппарат: партии, армии, вождя. Государства типа фашистского или национал-социалистического — ярчайший пример феноменов этого рода.

Другой поток явлений, возникший еще в XVIII веке, если не раньше, — это поток направленности гуманистической. Его истоки и главнейшие этапы — английский парламентаризм, французская Декларация прав человека, германская социал-демократия, наконец, освободительная борьба против колониализма. Дальняя цель этого потока явлений — ослабление цементирующего насилия в жизни народов и преобразование государства из полицейского по преимуществу аппарата, отстаивающего национальное или классовое господство, в аппарат всеобщего экономического равновесия и охраны прав личности. В исторической действительности имеются еще оригинальные образования, могущие показаться как бы гибридами. По существу оставаясь феноменами первого типа, они видоизменяют собственное обличье в

той мере, в какой это целесообразно для достижения поставленной цели. Это — лишь тактика, маскировка, не более.

И все же, несмотря на полярность этих потоков явлений, их объединяет одна черта, характернейшая для XX столетия: стремление ко всемирному. Внешний пафос различных движений нашего века — в их конструктивных программах народоустройств; но внутренний пафос новейшей истории — в стихийном стремлении ко всемирному.

Интернациональностью своей доктрины и планетарным размахом отличалось самое мощное движение первой половины нашего столетия. Ахиллесовой пятой движений, ему противополагавшихся — расизма, национал-социализма, — была их узкая националистичность, точнее — узкорасовые или национальные границы тех блаженных зон, химерою которых они прельщали и завораживали. Но к мировому владычеству стремились и они, и притом с колоссальной энергией. Теперь космополитический американизм озабочен тем, чтобы избежать ошибок своих предшественников.

На что указывает это знамение времени? Не на то ли, что всемирность, перестав быть абстрактной идеей, сделалась всеобщей потребностью? Не на то ли, что мир стал неделим и тесен, как никогда? Не на то ли, наконец, что решение всех насущных проблем может быть коренным и прочным лишь при условии всемирных масштабов этого решения?

Деспотические образования планомерно осуществляют при этом принцип крайнего насилия либо хитрым сочетанием методов частично вуалируют его. Темпы убыстряются. Возникают такие государственные громады, на сооружение каких раньше потребовались бы века. Каждое хищно по своей природе, каждое стремится навязать человечеству именно свою власть. Их военная и техническая мощь становится головокружительной. Они уже столько раз ввергали мир в пучину войн и тираний, — где гарантии, что они не ввергнут его еще и еще? И наконец сильнейший победит во всемирном масштабе, хотя бы это стоило превращения трети планеты в лунный ландшафт. Тогда цикл закончится, чтобы уступить место наибольшему из зол: единой диктатуре над уцелевшими двумя третями мира — сперва, быть может, олигархической, а затем, как это обычно случается на втором этапе диктатур, — единоличной. Это и есть угроза, самая страшная из всех, нависавших над человечеством: угроза всечеловеческой тирании.

Сознательно или бессознательно предчувствуя эту опасность, движения гуманистической направленности пробуют консолидировать свои усилия. Они лепечут о культурном сотрудничестве, размахивают лозунгами пацифизма и демократических свобод, ищут призрачного спасения в нейтралитете, либо же, испуганные агрессивностью противника, сами вступают на его путь. Бесспорной, всем доверие внушающей цели, то есть идеи о том, что над деятельностью государств насущно необходим этический контроль, не выдвинуло ни одно из них. Некоторые общества, травмированные ужасами мировых войн, пытаются объединиться, с тем чтобы в дальнейшем политическое объединение охватило весь земной шар. Но к чему теперь привело бы и это? Опасность войн, правда, была бы устранена, по крайней мере временно. Но где гарантии того, что это сверхгосударство, опираясь на обширные

нравственно отсталые слои — а таких на свете еще гораздо больше, чем хотелось бы — и расшевеливая неизжитые в человечестве инстинкты властолюбия и мучительства, не перерастет опять-таки в диктатуру и наконец в тиранию, такую, перед которой все прежние покажутся забавой?

Знаменательно, что именно религиозные конфессии, раньше всех провозгласившие интернациональные идеалы братства, теперь оказываются в арьергарде всеобщего устремления ко всемирному. Возможно, в этом сказывается характерное для них сосредоточение внимания на внутреннем человеке, пренебрежение всем внешним, а ко внешнему относят и проблему социального устроения человечества. Но если вглядеться глубже, если сказать во всеуслышание то, что говорят обычно лишь в узких кругах людей, живущих интенсивной религиозной жизнью, то обнаружится нечто, не всеми учитываемое. Это возникший еще во времена древнеримской империи мистический ужас перед грядущим объединением мира, это неутолимая тревога за человечество, ибо в едином общечеловеческом государстве предчувствуется западня, откуда единственный выход будет к абсолютному единовластию, к царству «князя мира сего», к последним катаклизмам истории и к ее катастрофическому перерыву.

Да и в самом деле: где гарантии, что во главе сверхгосударства не окажется великий честолюбец и наука послужит ему верой и правдой как орудие для превращения этого сверхгосударства именно в ту чудовищную машину мучительства и духовного калечения, о которой я говорю? Можно ли сомневаться, что даже уже и теперь создаются предпосылки для изобретения совершенного контроля за поведением людей и за образом их мышления? Где границы тем кошмарным перспективам, которые возникают перед нашим воображением в результате скрещения двух факторов: террористического единовластия и техники XXI столетия? Тирания будет тем более абсолютной, что тогда закроется даже последний, трагический путь избавления: сокрушение тирании извне в итоге военного поражения: воевать будет не с кем, подчинены будут все. И всемирное единство, мечтавшееся стольким поколениям, потребовавшее стольких жертв, обернется своей демонической стороной: своей *безвыходностью* в том случае, если руководство этим единством возьмут ставленники темных сил.

На горьком опыте человечество убеждается уже и теперь, что ни те социально-экономические движения, шефство над которыми берет голый рассудок, ни достижения науки сами по себе не в состоянии провести человечество между Харибдой и Сциллой — тираниями и мировыми войнами. Хуже того: новые социально-экономические системы, приходя к господству, сами облекаются в механизмы политических деспотий, сами становятся сеятелями и разжигателями мировых войн. Наука превращается в их послушную служанку, куда более послушную и надежную, чем была церковь для феодальных владык. Трагедия коренится в том, что научная деятельность с самого начала не была сопряжена с глубоко продуманным нравственным воспитанием. К этой деятельности допускались все, независимо от уровня их нравственного развития. Неудивительно, что каждый успех науки и техники обращается теперь одной стороной против подлинных интересов челове-

чества. Двигатель внутреннего сгорания, радио, авиация, атомная энергия — все ударяет одним концом по живой плоти народов. А развитие средств связи и технические достижения, позволяющие полицейскому режиму контролировать интимную жизнь и сокровенные мысли каждого, подводят железную базу под вампирические громады диктатур.

Таким образом, опыт истории подводит человечество к пониманию того очевидного факта, что опасности будут предотвращены и социальная гармония достигнута не развитием науки и техники самих но себе, не переразвитием государственного начала, не диктатурой «сильного человека», не приходом к власти пацифистских организаций социал-демократического типа, качаемых историческими ветрами то вправо, то влево, от бессильного прекраснодушия до революционного максимализма, — но признанием насущной необходимости одного-единственного пути: установления над Всемирной Федерацией государств некоей незапятнанной, неподкупной высокоавторитетной инстанции, инстанции э т и ч е с к о й, внегосударственной и надгосударственной, ибо природа государства внеэтична по своему существу.

Какая же идея, какое учение помогут создать подобный контроль? Какие умы его выработают и сделают приемлемым для громадного большинства? Какими путями придет такая инстанция к общечеловеческому признанию, на высоту, господствующую даже над Федерацией государств, — она, отвергающая насилие? Если же она примет к руководству принцип постепенной замены насилия чем-то другим, то чем же именно и в какой последовательности? И какая доктрина сможет разрешить все возникающие в связи с этим проблемы с их неимоверной сложностью?

Настоящая книга стремится дать в какой-то мере на эти вопросы ответ, хотя общая тематика ее шире. Но, подготавливаясь к ответу, следует ясно сформулировать сперва, в чем же это учение видит своего непримиримейшего врага и против чего — или кого — оно направлено.

В историческом плане оно видит своих врагов в любых державах, партиях и доктринах, стремящихся к насильственному порабощению других и к каким бы то ни было формам и видам деспотических народоустройств. В метаисторическом же плане оно видит своего врага в одном: в Противобоге, в тиранствующем духе, Великом Мучителе, многообразно проявляющем себя в жизни нашей планеты. Для движения, о котором я говорю, и сейчас, когда оно едва пытается возникнуть, и потом, когда оно станет решающим голосом истории, врагом будет одно: стремление к тирании и к жестокому насилию, где бы оно ни возникало, хотя бы в нем самом. Насилие может быть признано годным лишь в меру крайней необходимости, только в смягченных формах и лишь до тех пор, пока наивысшая инстанция путем усовершенствованного воспитания не подготовит человечество при помощи миллионов высокоидейных умов и воль к замене принуждения — добровольностью, окриков внешнего закона — голосом глубокой совести, а государства — братством. Другими словами, пока самая сущность государства не будет преобразована, а живое братство всех не сменит бездушного аппарата государственного насилия.

Не обязательно надо предполагать, что подобный процесс займет непременно огромный отрезок времени. Исторический опыт великих диктатур,

с необыкновенной энергией и планомерностью охватывавших население громадных стран единой, строго продуманной системой воспитания и образования, неопровержимо доказал, какой силы рычаг заключен в этом пути воздействия на психику поколений. Поколения формировались все ближе к тому, что представлялось желательным для властей предержащих. Нацистская Германия, например, ухитрилась добиться своего даже на глазах одного поколения. Ясное дело, ничего, кроме гнева и омерзения, не могут вызвать в нас ее идеалы. Не только идеалы — даже методика ее должна быть отринута нами почти полностью. Но рычаг, ею открытый, должен быть взят нами в руки и крепко сжат. Приближается век побед широкого духовного просвещения, решающих завоеваний новой, теперь еще едва намечаемой педагогики. Если бы хоть несколько десятков школ были предоставлены в ее распоряжение, в них формировалось бы поколение, способное к выполнению долга не по принуждению, а по доброй воле; не из страха, а из творческого импульса и любви. В этом и заключен смысл воспитания *человека облагороженного образа*.

Мне представляется международная организация, политическая и культурная, ставящая своею целью преобразование сущности государства путем последовательного осуществления всеохватывающих реформ. Решающая ступень к этой цели — создание Всемирной Федерации государств как независимых членов, но с тем, чтобы над Федерацией была установлена особая инстанция, о которой я уже упоминал: инстанция, осуществляющая контроль над деятельностью государств и руководящая их бескровным и безболезненным преобразованием изнутри. Именно бескровным и безболезненным: в этом все дело, в этом ее отличие от революционных доктрин прошлого.

Какова будет структура этой организации, каково ее наименование — предугадывать это мне представляется преждевременным и ненужным. Назовем ее пока условно, чтобы не повторять каждый раз многословных описаний, Лигой преобразования сущности государства. Что же до ее структуры, то те, кто станут ее организаторами, будут и опытнее, и практичнее меня: это будут общественные деятели, а не поэты. Могу только сказать, что лично мне рисуется так, что Лига должна располагать своими филиалами во всех странах, причем каждый филиал обладает несколькими аспектами: культурным, филантропическим, воспитательным, политическим. Такой политический аспект каждого филиала превратится, структурно и организационно, в национальную партию Всемирной Религиозной и Культурной Реформы. В Лиге и Лигой все эти партии будут связаны и объединены.

Как именно, где и среди кого произойдет формирование Лиги, я, конечно, не знаю и знать не могу. Но ясно, что период от ее возникновения до создания Федерации государств и этической инстанции над ними должен рассматриваться как период подготовительный, период, когда Лига будет отдавать все силы распространению своих идей, формированию своих рядов, расширению организации, воспитанию подрастающих поколений и созданию внутри себя той будущей инстанции, которой со временем может быть доверена всемирная руководящая роль.

Устав Лиги не может препятствовать пребыванию в ее рядах людей различных философских и религиозных убеждений. Требуется лишь готов-

ность деятельно участвовать в осуществлении ее программы и решимость не нарушать ее моральных установлений, принятых как краеугольная плита.

Во всех превратностях общественной жизни и политической борьбы успехи Лиги должны достигаться не ценой отступления от ее нравственного кодекса, а именно вследствие верности ему. Ее репутация должна быть незапятнанной, бескорыстие — не подлежащим сомнению, авторитет — возрастающим, ибо в нее будут стекать и ее непрерывно укреплять лучшие силы человечества.

Вероятнее всего, что путь ко всемирному объединению ляжет через лестницу различных ступеней международной солидарности, через объединение и слияние региональных содружеств; последней ступенью такой лестницы представляется всемирный референдум или плебисцит — та или иная форма свободного волеизъявления всех. Возможно, что он приведет к победе Лиги лишь в отдельных странах. Но за нее будет сам исторический ход вещей. Объединение хотя бы половины земного шара довершит глубокий сдвиг в сознании народов. Состоится второй референдум, может быть, третий, и десятилетием раньше или позже границы Федерации совпадут с границами человечества. Тогда откроется практическая возможность к осуществлению цепи широких мероприятий ради превращения конгломерата государств в монолит, постепенно преображаемый двумя параллельными процессами: внешним — политико-социально-экономическим и внутренним — воспитательно-этико-религиозным.

Ясно из всего этого, что деятели Лиги и ее национальных партий смогут бороться только словом и собственным примером и только с теми идеологиями и доктринами, которые стремятся расчистить путь для каких бы то ни было диктатур или поддержать эти диктатуры у кормила власти. Своих исторических предшественников, хотя и действовавших в узконациональных масштабах, Лига увидит в великом Махатме Ганди и в партии, вдохновлявшейся им. Первый в новой истории государственный деятель-праведник, он утвердил чисто политическое движение на основе высокой этики и опроверг ходячее мнение, будто политика и мораль несовместимы. Но национальные рамки, в которых действовал Индийский национальный конгресс, Лига раздвинет до планетарных границ, а цели ее — следующая историческая ступень или ряд ступеней по сравнению с теми, какие ставила себе великая партия, освободившая Индию.

О, конечно, найдется немало людей, которые станут утверждать, будто методика Лиги — непрактична и нереальна. Ах уж мне эти поборники политического реализма! Нет безнравственности, нет социальной гнусности, которая не прикрывалась бы этим жалким фиговым листком. Нет груза более мертвенного, более приземляющего, чем толки о политическом реализме как противовесе всему крылатому, всему вдохновенному, всему духовному. Политические реалисты — это, между прочим, и те, кто в свое время уверял, даже в самой Индии, что Ганди — фантаст и мечтатель. Им пришлось стиснуть зубы и прикусить язык, когда Ганди и его партия именно на пути высокой этики добились освобождения страны и повели ее дальше, к процветанию. Не ко внешнему процветанию, которое порошит людям глаза черной

пылью цифр о росте добычи угля или радиоактивным пеплом от экспериментальных взрывов водородных бомб, а к процветанию культурному, этическому и эстетическому — процветанию духовному, неспешно, но прочно влекущему за собой и процветание материальное.

Обвинять Лигу в нереальности методов будут также те, кто не способен видеть лучшее в человеке; чья психика огрубела, а совесть захирела в атмосфере грубого государственного произвола. К ним присоединятся и те, кто не предвидит, какие сдвиги массового сознания ждут нас в недалекие уже годы. Травмированность войнами, репрессиями и всевозможными насилиями даже теперь вызывает широкое движение за сосуществование и за мир. Постоянно совершаются и будут совершаться события, разрушающие чувство безопасности, не оставляющие ничего от уюта и покоя, подрывающие корни доверия к существующим идеологиям и к охраняемому ими порядку вещей. Разоблачение неслыханных ужасов, творившихся за помпезными фасадами диктатур, наглядное уяснение, на чем воздвигались и чем оплачивались их временные победы, их внешние успехи — все это иссушает душу как раскаленный ветер, и духовная жажда делается нестерпима. Об отстранении угрозы великих войн; о путях к объединению мира без кровопролитий; о светоносце-праведнике, грядущем возглавить объединенное человечество; об ослаблении насилия государств и о возрастании духа братства — вот о чем молятся верующие и мечтают неверующие в наш век. И вероятно в высшей степени, что мирообъемлющее крылатое учение — и нравственное, и политическое, и философское, и религиозное — претворит эту жажду поколения во всенародный творческий энтузиазм.

То обстоятельство, что последнее крупное религиозное движение в человечестве — протестантская Реформация — имело место четыреста лет назад, а последняя религия мирового значения, ислам, насчитывает уже тринадцать веков существования, — выдвигается иногда как аргумент в пользу мнения, что религиозная эра в человечестве завершилась. Но о потенциальных возможностях религии как таковой, а не отдельных форм ее судить следует не по тому, как давно возникли последние крупные ее формы, а по тому, зашла ли эволюция религии в тупик, имеется ли возможность сочетать религиозную творческую мысль с бесспорными тезисами науки, а также еще и по тому, брезжут ли перед таким мировоззрением перспективы осмысления жизненного материала новых эпох и возможно ли действенное и прогрессивное влияние религии на этот материал.

Действительно, с последнего крупного религиозного движения международного размаха прошло около четырехсот лет. Но ведь и *перед* протестантской Реформацией подобных движений не было много столетий. Да и в этом ли дело? Разве еще не ясно, что определенное русло идейной, творческой работы человечества в последние века вбирало в себя почти все его духовные и умственные силы? Трудно было бы ожидать, чтобы, осуществляя такой стремительный прогресс — научный, технический и социальный, создавая такие культурные ценности, как литература, музыка, философия, искусство и наука последних веков, человечество нашло бы в себе силы одновременно творить еще и универсальные религиозные системы.

Но рубеж XX века как раз и явился той эпохой, когда закончился расцвет великих литератур и искусств, великой музыки и философии. Область социально-политического действия вовлекает в себя — и чем дальше, тем определенней — не наиболее духовных представителей человеческого рода, а как раз наименее духовных. Образовался гигантский вакуум духовности, не существовавший еще пятьдесят лет назад, и гипертрофированная наука бессильна его заполнить. Если позволительно подобрать такое выражение, колоссальные ресурсы человеческой гениальности не расходуются никуда. Это и есть то лоно творческих сил, в котором зреет предопределенная к рождению всечеловеческая интеррелигия.

Сможет ли религия — не старинные ее формы, а та религия итога, которой ныне чреват мир, предотвратить наиболее грозные из нависших над человечеством опасностей: всемирные войны и всемирную тиранию? — Предотвратить ближайшую мировую войну она, вероятно, не в состоянии: если Третья война вспыхнет, то произойдет это бедствие, вероятно, раньше, чем даже успеет возникнуть Лига. Но в предотвращении всех войн, опасность которых будет возникать после того, как сформируется ядро грядущей интеррелигии, так же как и в предотвращении всемирной тирании, — ее ближайшая цель. Может ли эта религия достичь наибольшей гармонии между свободой личности и интересами человечества, какая только мыслима на данном этапе истории? — Но это лишь другой аспект той же самой ее ближайшей цели. Будет ли она способствовать всестороннему развитию заложенных в человеке творческих способностей? — Да, кроме способностей демонических, то есть способностей к тиранствованию, мучительству и к самоутверждению за счет остальных живых существ. Требует ли она для своего торжества кровавых жертв, как другие движения всемирной направленности? — Нет, исключая те случаи, когда ее проповедникам придется, может быть, собственной кровью засвидетельствовать свою верность идее. Противоречат ли ее тезисы — не философской доктрине материализма (ей-то они, конечно, противоречат во всех пунктах от А до Я), а объективным и общеобязательным тезисам современной науки? — Ни в одной букве или цифре. Можно ли предвидеть установление в эпоху ее гегемонии такого режима, когда инакомыслие будет преследоваться, когда она будет навязывать свои догматы философии, науке, искусству? — Как раз наоборот: от частичных ограничений свободы мысли — вначале к неограниченной свободе мысли — потом: таков предлагаемый ею путь. — Что же остается от аргумента, что религия не способна ответить на насущные вопросы времени, а тем более — практически разрешить их?

С полным правом и основанием такой упрек может быть брошен не религии, а, увы, науке. Как раз именно система взглядов, которая не выглядывает ни вправо, ни влево за пределы того, что очерчивается современным научным знанием, не способна дать ответа на самые коренные, самые элементарные вопросы. — Существует ли Первопричина, Творец, Бог? Неизвестно. — Существует ли душа или что-либо подобное ей и бессмертна ли она? Этого наука не знает. — Что такое время, пространство, материя, энергия? Об этом мнения резко расходятся. — Вечен ли и бесконечен мир или, напротив, ограничен во времени и в пространстве? Материала для твердого ответа на эти вопросы у науки не имеется. — Ради чего я должен делать добро, а не зло, если зло мне нравится, а от наказания я могу уберечься? Ответы невразумительны совершенно. — Как воспользоваться наукой, чтобы предотвратить возможность войн и тираний? Молчание. — Как достичь, с наименьшим числом жертв, социальной гармонии? Выдвигаются взаимоисключающие предложения, сходные только в одном: в том, что все они в равной мере не имеют отношения к строгой науке. Естественно, что на таких шатких, субъективных, действительно псевдонаучных основаниях возникали лишь учения классового, расового, национального и партийного эгоизма, то есть как раз те, чье призвание заключается в оправдании диктатур и войн. Низкий уровень духовности — отличительная черта подобных учений. Следовательно, искомая этическая инстанция может быть построена на основе не так называемого научного мировоззрения — такого, в сущности, и не существует, — а на приобщении к духовному миру, на восприятии лучей, льющихся оттуда в сердце, разум и совесть, и на осуществлении во всех сферах жизни завета деятельной и творческой любви. Нравственный уровень, вполне отвечающий перечисленным признакам, называется праведностью.

Распространен еще и другой предрассудок: взгляд на религию как на явление, реакционное по своему существу, а тем более в нашу эпоху. Но говорить о реакционности или устарелости религии вообще, безотносительно к ее конкретным формам, так же бессмысленно, как доказывать реакционность искусства вообще или философии вообще. Тот, кто мыслит динамически, кто видит эволюционирующие ряды фактов и процессы, которыми формируются эти ряды, тот сумеет и в искусстве, и в религии, и в любой области человеческой деятельности разглядеть наличие реакционных и прогрессивных форм. Реакционных форм религии можно встретить сколько угодно и даже больше, чем нам хотелось бы, но это не имеет никакого касательства к той рождающейся религии итога, которой эта книга посвящена. Ибо в нашем столетии не было и нет ни более прогрессивных целей, ни более прогрессивных методов, чем те, которые слиты воедино с этой религией. Что же до претензий научного метода на некое верховенство, то научный метод столь же бессилен вытеснить из жизни методы художественный и религиозный в широком смысле слова, как и его самого не могла в свое время вытеснить агрессивная религиозность. Потому что методы эти различествуют между собой не только в том *как*, но и в том, *что* ими познается. В прошлом столетии, под впечатлением стремительного прогресса в науке и технике, пророчили гибель искусства. Прошло сто лет, и соцветие искусств не только не погибло, но обогатилось еще одним: искусством кино. Сорок или тридцать лет назад многим в России казалась неизбежной гибель религии вследствие прогресса научного и социального. И однако же, соцветие религий не только не погибло, несмотря на все средства, ради этого мобилизованные, но именно под влиянием научного и социального прогресса обогащается тем, что сделает мировую религиозность вместо сочетания разрозненных лепестков целокупным и единым духовным цветком, Р о з о ю М и р а.

Из всего вышесказанного вытекает, что религиозное движение, которое включит в свое миросозерцание и практику положительный опыт чело-

вечества, а из отрицательного сделает выводы, требующие слишком много мужества и прямоты, чтобы быть сделанными на путях других течений общественной мысли; движение, которое ставит своими ближайшими целями преобразование государства в братство, объединение земли и воспитание человека облагороженного образа; движение, которое предохранит себя от искажения идеала и методики нерушимой броней высокой нравственности, — такое движение не может не быть признано прогрессивным, перспективным и творчески молодым.

Броней нравственности! Но на каких основах может создаться такая нравственность? Я говорил о праведности. Но разве не утопия праведность целых общественных кругов, а не единиц?

Следует уточнить, что понимается здесь под праведностью. Праведность не есть непременно плод монашеской аскезы. Праведность есть высшая ступень нравственного развития человека; тот, кто ее превысил, — уже не праведник, а святой. Формы же праведности разнообразны; они зависят от времени, места и человеческого характера. Можно сказать обобщенно: праведность — в негативном аспекте — есть такое состояние человека, устойчивое и оканчивающееся только с его смертью, при котором его воля освобождена от импульсов себялюбия, разум — от захваченности материальными интересами, а сердце — от кипения случайных, мутных, принижающих душу эмоций. В позитивном же аспекте — праведность есть проницание деятельной любовью к Богу, людям и миру всей внешней и внутренней деятельности человека.

Вряд ли психологический климат для возникновения нравственной инстанции, основанной именно на праведности, может быть где-либо подготовлен лучше, чем в обществе, объединившемся в чаянии ее возникновения и в этом видящем свой смысл и цель. Но как раз таким обществом должна быть Лига. В числе ее членов могут оказаться даже атеисты. Но основной тезис Лиги — необходимость превыше государств всемирной этической инстанции; именно он сплотит наиболее одушевленных, творческих, деятельных и одаренных членов ее в я д р о. Ядро, для которого характерна атмосфера неустанного духовного созидания, деятельной любви и чистоты. Ядро, состоящее из людей, достаточно просвещенных, чтобы понимать не только опасность, грозящую каждому из них вследствие разнуздания импульсов самости, но и опасность того слишком внешнего понимания религиозно-нравственных ценностей, которое приводит к этическому формализму, лицемерию, душевной черствости и ханжеству.

Никто, кроме Господа Бога, не знает, где и когда затеплится первый огонь Розы Мира. Страна — Россия — только предуказана; еще возможны трагические события, которые осложнят совершение этого мистического акта и принудят перенести его в другую страну. Эпоха — шестидесятые годы нашего века — только намечена; возможны гибельные катаклизмы, которые отодвинут эту дату на длительный ряд лет. Возможно, что средой, где затеплится первый пламень, окажется не Лига преобразования сущности государства, а иной, сейчас еще не предугаданный круг людей. Но там ли, здесь ли, в этой стране или в другой, раньше на десятилетие или позже, интеррелигиозная, всечеловеческая церковь новых времен, Роза Мира, явится как итог духовной деятельности множества, как соборное творчество людей, ставших под низливающийся поток откровения, — явится, возникнет, вступит на исторический путь.

Религия, интеррелигия, церковь — нужной точности я не могу достигнуть при помощи ни одного из этих слов. Ряд коренных ее отличий от старых религий и церквей со временем принудит выработать в применении к ней слова иные. Но и без того предстоит вводить в кругооборот этою книгой столь обширный запас новых слов, что здесь, в самом начале, предпочтительнее прибегнуть не к этим словам, а к описательному определению отличительных черт того, что должно именоваться Розою Мира.

Это не есть замкнутая религиозная конфессия, истинная или ложная. Это не есть и международное религиозное общество вроде теософического, антропософского или масонского, составленного, наподобие букета, из отдельных цветов религиозных истин, эклектически сорванных на всевозможных религиозных лугах. Это есть интеррелигия или панрелигия в том смысле, что ее следует понимать как универсальное учение, указующее такой угол зрения на религии, возникшие ранее, при котором все они оказываются отражениями различных пластов духовной реальности, различных рядов иноматериальных фактов, различных сегментов планетарного космоса[1]. Этот угол зрения обнимает Шаданакар как целое и как часть божественного космоса вселенной. Если старые религии — лепестки, то Роза Мира — цветок: с корнем, стеблем, чашей и всем содружеством его лепестков.

Второе отличие: универсальность устремлений Розы Мира и их историческая конкретность. Задачу преобразования социального тела человечества не ставила перед собой ни одна религия, исключая средневековый католицизм. Но и папство, упорно старавшееся замкнуть феодальный хаос дамбами иерократии, не сумело ни ослабить эксплуатацию неимущих имущими, ни уменьшить широкими реформами социальное неравенство, ни повысить общее благосостояние. Впрочем, обвинять в этом ведущую католическую иерархию было бы несправедливостью: для подобных преобразований еще не было материальных средств, ни экономических, ни технических. Не случайно зло мира ощущалось испокон веков и вплоть до Нового времени неустранимым и вечным, и католицизм, по существу, обращался, как и остальные религии, лишь к «внутреннему человеку», учил личному совершенствованию. Но времена изменились, материальные средства появились, и заслуга всего исторического процесса, а не самой Розы Мира в том, что она сможет теперь смотреть на социальные преобразования не как на внешнее, обречен-

1. Под планетарным космосом понимается совокупность слоев различной материальности, различного числа пространственных и временных координат, но непременно связанных со сферою Земли как планеты. Планетарный космос — это земной шар во всей сложности материальных (а не физических только) слоев его бытия. Подобные могучие системы имеются у множества небесных тел. Они называются *брамфатурами*. Брамфатура Земли носит имя *Шаданакар*. Об этих словах, как и о многих других, употребляемых здесь впервые или же измененных новым смыслом, в них влагаемым, следует смотреть небольшой словарь, приложенный в конце. (*Здесь и далее, кроме оговоренных, подстрочные примечания принадлежат Д.Л. Андрееву.*)

ное на неудачу и не заслуживающее усилий, но ставить их в неразрывную связь с совершенствованием внутреннего мира человека: теперь это два параллельных процесса, которые должны друг друга восполнять. Нередко слышишь: «Христианство не удалось». Да, если бы оно все было в прошлом, можно было бы говорить, что в социальном и всемирно-нравственном отношении оно не удалось. «Религия не удалась». Да, если бы религиозное творчество человечества исчерпалось тем, что уже создано, религия в только что упомянутом смысле действительно не удалась бы. А пока справедливо говорить об этом только так: добиться существенного уменьшения социального зла старые религии не могли, так как не располагали необходимыми для этого материальными средствами, и отсутствие этих средств вызвало их отрицательное отношение ко всем подобным попыткам. Этим был подготовлен безрелигиозный этап цивилизации. В XVIII веке пробудилась социальная совесть. Социальная дисгармония была наконец почувствована и осознана как нечто недопустимое, оскорбляющее, требующее преодоления. Конечно, это находилось в связи с тем, что начали появляться недоставшие для этого материальные средства. Но старые религии не сумели этого понять, не захотели этими средствами воспользоваться, не пожелали возглавить процесс социального преобразования, и именно в этой косности, в этой умственной лени, в этой идейной неподвижности и узости — их тягчайшая вина. Религия дискредитировала себя своей вековой беспомощностью в этом отношении, и не приходится удивляться противоположной крайности, в которую впала Европа, а затем и другие континенты: преобразованию общества чисто механическими средствами при полном отказе от духовной стороны того же процесса. Нечего, конечно, удивляться и итогу: потрясениям, каких не видал мир, масштабам жертв, какие никогда не рисовались даже в бреду, и такому снижению этического уровня, самая возможность которого в XX веке представляется до сих пор многим мрачной и трагической загадкой. На старые религии падает в значительной степени ответственность за глубину и упорство последующего безрелигиозного этапа, за духовную судьбу миллионов душ, которые, ради борьбы за справедливое мироустройство, противопоставили себя религии вообще и этим вырвали корни своего бытия из лона мировой духовности. Но истинная религиозная деятельность есть своего рода общественное служение, а истинное общественное служение есть в то же время религиозная деятельность. Никакое религиозное делание, даже подвиг инока, не может быть изолировано от общего, от труда на пользу всемирного просветления; и никакая общественная деятельность, кроме демонической, не может не влиять на увеличение суммы мирового добра, то есть не иметь религиозного смысла. Биение социальной совести, действенное социальное сострадание и сорадование, неустанные практические усилия ради преобразования общественного тела человечества — вот второе отличие Розы Мира от старинных религий.

Третье отличие: динамичность ее воззрений. Религии, не чуждые представлениям о метаистории, уже были: иудаизм, раннее христианство — но лишь в далекие от нас и притом короткие периоды своего становления они пытались духовно осмыслить текущий исторический процесс. В те короткие,

полузабытые эпохи поразительные прозрения Апокалипсиса оставались прикрытыми от глаз людей покровом иносказаний и недомолвок; шифр образов допускал всевозможные толкования. Подлинного осмысления исторического процесса так и не состоялось. Исторический опыт был еще мал и узок, географический кругозор ничтожен, мистический разум не был подготовлен к постижению внутренних закономерностей метаистории и неимоверной сложности Шаданакара. Но явлению Розы Мира предшествовала эра гегемонии науки, в самых корнях потрясшая представление о вселенной, о народах, культурах и их судьбе. Предшествовало ей и другое: эпоха коренных сдвигов и сбросов социальных, эпоха революций и планетарных войн. Оба ряда явлений взрыхлили психологические пласты, столько веков пребывавшие в неподвижности. В почву, взрытую железными зубьями исторических катастроф, падают семена метаисторического откровения. И приоткрывается духовному взору весь планетарный космос как непрерывно меняющаяся система разнозначных миров, бурно несущаяся к ослепительной цели, одухотворяющаяся и преображающаяся от века к веку, ото дня ко дню. Начинают сквозить ряды предстоящих эпох, каждая — во всем своем неповторимом своеобразии, в переплетении борющихся в ней метаисторических начал. Стремление Розы Мира — в том, чтобы стать восприемницей, умножательницей и толковательницей этого познания. Соборный мистический разум живущего человечества, она будет осмыслять исторический процесс в его прошлом, настоящем и будущем, чтобы вступить в творческое руководство им. Если и можно будет говорить о каких-либо догматах в ее учении, то это догматика глубоко динамичная, многоаспектная, способная к дальнейшему обогащению и развитию, к длительному совершенствованию.

Отсюда вытекает и еще одно, четвертое, отличие Розы Мира: перспектива последовательных, стоящих перед нею духовно-исторических задач, вполне конкретных и принципиально осуществимых. Перечислю еще раз ближайшие из них: объединение земного шара в Федерацию государств с этической контролирующей инстанцией над нею, распространение материального достатка и высокого культурного уровня на население всех стран, воспитание поколений облагороженного образа, воссоединение христианских церквей и свободная уния со всеми религиями светлой направленности, превращение планеты — в сад, а государств — в братство. Но это — задачи лишь первой очереди. Их осуществление откроет путь к разрешению задач еще более высоких: к одухотворению природы.

Итак: интеррелигиозность, универсальность социальных стремлений и их конкретность, динамичность воззрений и последовательность всемирно-исторических задач — вот черты, отличающие Розу Мира от всех религий и церквей прошлого. Бескровность ее дорог, безболезненность ее реформ, доброта и ласка в отношении к людям, волны душевного тепла, распространяемые вокруг, — вот черты, отличающие ее от всех политико-социальных движений прошлого и настоящего.

Ясно, что сущность государства, равно как и этический облик общества, не могут быть преобразованы в мгновение ока. Сразу же полный отказ от принуждения — утопия. Но этот элемент будет убывать во времени и в

общественном пространстве. Всякая дисциплина слагается из элементов принуждения и сознательности, и от соотношения между собою этих двух элементов зависит тот или иной род дисциплины. Наибольшим процентом принуждения и почти полным отсутствием сознательности обладает дисциплина рабовладельческих хозяйств, тюрем и концентрационных лагерей. Немного больше процент сознательности в воинской муштре. И дальше, по мере ослабления в дисциплинарных системах элемента принуждения, возрастает и заменяет его собой категорический императив внутренней самодисциплины. На воспитании именно этого импульса построится вся новая педагогика. О ее принципах и методах, как и о методах перевоспитания и возрождения преступников, речь пойдет еще не скоро — в одной из последних глав. Но ясно, думается, уже и теперь, что стимул внешнего принуждения быстрее всего будет отмирать во внутренних концентрических кругах Розы Мира: ибо именно людьми, целиком спаявшими свою жизнь с ее задачами и с ее этикой и уже не нуждающимися во внешнем принуждении, наполнятся эти внутренние круги. Именно такие люди будут являться ее совестью, и кем же, как не ими, должны быть заняты кресла Верховного Собора?

Да и можно ли переоценить воспитательное значение таких общественных устройств, когда на вершине общества руководят и творят достойнейшие: не те, чье волевое начало гипертрофировано за счет других способностей души и чья сила заключается в неразборчивом отношении к средствам, но те, в ком гармонически развитая воля, разум, любвеобилие, чистота помыслов и глубокий жизненный опыт сочетаются с очевидными духовными дарами: те, кого мы называем праведниками. Совсем недавно мы видели тому пример: мы видели роковую годину Индии и великого духом Ганди. Мы видели потрясающее зрелище: человек, не обладавший никакой государственной властью, в подчинении которого не было ни одного солдата, даже ни одного личного слуги, не имевший крова над головой и ходивший в набедренной повязке, стал совестью, стал духовным и политическим вождем трехсот миллионов человек, и одного его тихого слова было достаточно, чтобы эти миллионы объединялись в общей бескровной борьбе за освобождение своей страны, а пролитие крови врага влекло за собой всеиндийский пост и траур. Нетрудно представить себе, как трагически исказился бы исторический путь индийского народа, если бы вместо этого подвижника в решающую минуту выдвинулся в качестве вождя человек односторонне-волевого типа, вроде Муссолини или Сталина, — так называемая «сильная личность», мастер демагогии и политической интриги, маскирующий свою сущность деспота тирадами о народном благе! Как блестяще играл бы он на низших инстинктах народа, на естественной ненависти к завоевателям, на зависти к богатым; какие волны огня и крови заходили бы по Индии, затопляя острова высокого этического сознания, тысячи лет укреплявшиеся и лелеемые лучшими сынами великого народа! И какая тирания воздвиглась бы в итоге над истерзанною страной, пользуясь склонностью к повиновению, созданною веками рабства!.. Ганди направил освободительный и созидательный энтузиазм нации по другому пути. Вот первый в новейшей истории пример той силы, которая постепенно заменит меч и кнут государственной власти. Эта

сила — живое доверие народа к тому, кто доказал свою нравственную высоту; это — авторитет праведности.

Предвижу множество возражений. Одно из них таково: да, это было возможно в Индии, с ее неповторимыми особенностями, с четырехтысячелетним религиозным прошлым, с этическим уровнем ее народа. У других народов другое наследие, и опыт Индии ни на какую другую страну перенесен быть не может.

Верно, у каждого народа свое наследие. И наследие Индии привело к тому, что ее народ стал пионером на этой дороге. Но почти каждый народ видел у себя или рядом с собой диктатуры и тирании всевозможных окрасок, разнообразной идеологической маскировки, и каждый мог убедиться, в пучину каких катастроф увлекает страну слепая власть, не просветленная праведностью, не отвечающая даже требованиям среднего нравственного уровня. А ведь государственное водительство — это подвиг, и средний нравственный уровень для этого мал. Многие народы убедились и в этом, потому что там, где вместо диктаторов чередуются политические партии, там сменяются, точно в калейдоскопе, дипломаты и генералы, боссы и адвокаты, демагоги и дельцы, одни — своекорыстнее, другие — идейнее, но ни один не способен вдохнуть в жизнь новый, чистый и горячий дух, разрешить насущные всенародные проблемы. Ни одному из них никто не может доверять больше, чем самому себе, потому что ни один из них даже не задумывался о том, что такое праведность и духовность. Это — снующие тени, опавшие листья, подхваченные ветром истории. Если Роза Мира не выйдет вовремя на всечеловеческую арену, они будут развеяны огненным дыханием волевых и безжалостных диктатур; если же Роза Мира появится — они растворятся, растают под восходящим солнцем великой идеи, потому что сердце народа доверяет одному праведнику больше, чем сотне современных политиков.

Но еще могущественнее и светлее будет воздействие на народ и его судьбу, если три наивысших одаренности: праведность, дар религиозного вестничества и художественная гениальность — совместятся в одном человеке.

Много, о, много проявлений религии относится целиком к ее минувшим стадиям. Одно из таких проявлений, по-видимому, — и власть над умами строго очерченных, аподиктически выраженных, не подлежащих развитию, статуарных догм. Опыт последних веков и рост личности привели к тому, что сознание человека ощущает условность и тесноту любой догматики. Следовательно, сколь адогматичными ни были бы тезисы Розы Мира, сколь бы ни были они проникнуты духом религиозной динамики, но весьма многие затруднятся принять даже их. Зато множества и множества откликнутся на ее зов, коль скоро он будет обращен не столько к интеллекту, сколько к сердцу, звуча в гениальных творениях слова, музыки, театра, архитектуры. Образы искусства емче и многоаспектнее, чем афоризмы теософем или философские рассуждения. Они оставляют больше свободы воображению, они предоставляют каждому толковать учение так, как это органичнее и понятнее именно для его индивидуальности. Откровение льется по многим руслам, и искусство — если и не самое чистое, то самое широкое из них. Поэтому все виды искусства и прекрасный культ оденут Розу Мира звучащими и сияющи-

ми покровами. И поэтому же во главе Розы Мира естественнее всего стоять тому, кто совместил в себе три величайших дара: дар религиозного вестничества, дар праведности и дар художественной гениальности.

Может быть, такой человек не придет или придет не скоро. Возможно, что Розу Мира будет возглавлять не он, а коллектив достойнейших. Но если бы Провидение направило такую великую душу в наш век — а Оно ее уже направило — и демонические силы не сумели бы устранить ее, — это было бы для всей земли величайшим счастьем. Потому что более могучего и светлого воздействия на человечество, чем воздействие гениального художника слова, ставшего духовидцем и праведником и возведенного на высоту всемирного руководства общественными и культурными преобразованиями, не может оказать никто. Именно такому человеку, и только такому, может быть вверен необычайный и небывалый в истории труд: этический контроль над всеми государствами Федерации и водительство народами на пути преобразования этих государств во всечеловеческое братство.

О, мы, русские, жестоко поплатились за безусловное доверие, оказанное сильному человеку, принятому многими из нас за благодетеля человечества. Не повторим этой ошибки! Есть безусловные признаки, отличающие человека, достойного подобной миссии, от злого гения народа. Последний сумрачен; первый — весел духовным веселием. Один укрепляет свою власть казнями и карами; другой не станет домогаться власти ни в один из дней своей жизни, а когда примет ее — не прольет ничьей крови. Один насаждает по всей земле, ему подвластной, культ своей личности; другому отвратительно и смешно его прославление. Один — недоступен, другой — открыт всем. Один обуреваем неистовой жаждой жизни и власти и прячется от воображаемых опасностей за непроницаемыми стенами; другой — свободен от жизненных искушений, а перед лицом опасности спокоен, потому что совесть его чиста, а вера непоколебима. Это — два антипода, посланцы двух непримиримых начал.

Конечно, в Верховном Соборе такой избранник был бы лишь первым среди равных. Он опирался бы во всем на сотрудничество множества, и этим множеством была бы контролируема его собственная деятельность. На свой необычайный пост он мог бы прийти только сквозь строгий искус. Такому сану не может соответствовать ни молодость, ни даже зрелый возраст; лишь старость. Искушения и борьба страстей должны быть давно изжиты. Что до самого избрания, то оно, мне кажется, могло бы быть осуществлено лишь через тот или иной вид плебисцита. Да и в годы правления верховного наставника Собор следил бы за его действиями. Уклонение его от пути влекло бы передачу власти достойнейшему. Вообще, все связанные с этим вопросы могли бы быть тщательно продуманы, опасности предусмотрены, решения внимательно взвешены и впоследствии усовершенствованы. Но пока верховный наставник будет следовать неукоснительно по предназначенной стезе, он — мистическая связь между живущим человечеством и миром горним, проявитель Провиденциальной воли, совершенствователь миллиардов и защитник душ. В руках такого человека не страшно соединить полноту духовной и гражданской власти.

Скажут: подобные люди появляются по одному в пятьсот лет. А я скажу больше: личности такого масштаба и обладающей при этом суммой именно таких свойств, раньше не могло быть никогда. Эйнштейн не мог бы появиться среди маори XIX века; Достоевского — такого, каким мы его знаем, — напрасно было бы надеяться найти среди подданных Тутанхамона или Теодориха. Тогда он обладал бы другой суммой свойств, а многие из них не имел бы возможности проявить в жизни. Такой человек, о каком я говорю, даже в недалекую от нас эпоху не мог бы осуществить врученные ему дары, и современники остались бы в полном неведении относительно его истинных масштабов и потенций. Нужные условия, по-видимому, уже намечаются наступающей ныне эпохой; Роза же Мира досоздаст их так, чтобы атмосфера общественная и культурная обеспечила верховному наставнику цепь преемников, достойных этого венца.

Могут сказать также: даже всех перечисленных дарований мало для такой необычайной деятельности; надо обладать широким, трезвым и практичным государственным умом. Да, еще бы. Такому деятелю придется соприкасаться с тысячами разнообразных проблем; потребуются и знания, и опыт, и эрудиция — экономическая, финансовая, юридическая, даже техническая. Но век Аристотелей давно миновал; умы энциклопедического охвата немыслимы в наше время. И деятельность того, о ком я говорю, столь же немыслима в отрыве от соборного разума, от Верховного Собора. В ней будут участвовать самые глубокие умы, люди, умудренные в превратностях государственной жизни, специалисты всех отраслей знания. Не энциклопедическая эрудиция и не приземистый хозяйственный смысл потребуются от верховного наставника, но мудрость. Мудрость, которая понимает людей с первого взгляда, которая в самых сложных вопросах сразу находит их существо и которая ни на миг не делается глуха к голосу совести. Верховный наставник должен стоять на такой моральной высоте, чтобы любовь и доверие к нему заменяли бы другие методы властвования. Принуждение, насилие над чужою волей мучительны для него; он пользуется ими лишь в редчайших случаях.

И все же это лишь один из вариантов возможного, хотя, на мой личный взгляд, наиболее желательный. Вполне представимо и другое: такое руководство Розой Мира, такое соотношение его с законодательными учреждениями и с правительством Федерации, при котором принцип коллективности не будет ограничен ни в чем и никем. Время разрабатывать конституцию будущего — в далеком будущем, и не нам, а счастливым потомкам придется выбирать из многих вариантов один.

Но уж не теократия ли это? Я не люблю слово «теократия». Теократия есть боговластие; применять его к каким бы то ни было общественным и государственным устройствам абсурдно — с точки зрения атеиста, кощунственно — с точки зрения верующего. Никакой теократии история не знает и знать не может. Не теократией, а иерократией, властью духовенства, следует называть церковное государство пап или далай-лам. А тот строй, о котором я говорю, прямо противоположен всякой иерократии: не церковь растворяется в государстве, поглотившем ее и от ее имени господствующем, но и весь конгломерат государств, и сонм церквей постепенно растворяются во всече-

ловеческом братстве, в интеррелигиозной церкви. И не высшие иерархи церкви занимают кресла в высших органах, законодательных, исполнительных и контролирующих, но лучшие представители всех народов, всех конфессий, всех общественных слоев, всех специальностей.

Не иерократия, не монархия, не олигархия, не республика: нечто новое, качественно отличное от всего, до сих пор бывшего. Это — всемирное народоустройство, стремящееся к освящению и просветлению всей жизни мира. Я не знаю, как его назовут тогда, но дело не в названии, а в сути. Суть же его — труд во имя одухотворения человека, одухотворения человечества, одухотворения природы.

Глава вторая
ОТНОШЕНИЕ К КУЛЬТУРЕ

Мало-помалу новое отношение возникает ко всему: существование Розы Мира не имело бы и тени смысла, если бы она лишь повторяла то, что было сказано раньше. Новое отношение к себе, новое осмысление вызывается буквально всеми явлениями, от великих до малых: процессом космическим и процессом историческим, мировыми законами и связью между разноматериальными мирами, человеческими отношениями и путями развития личности, государствами и религиями, животным царством и стихиями — словом, всем тем, что мы объединяем в понятии «культура», и всем, что объединяем в понятии «природа». Новое отношение возникает ко всему, но это не значит, что всякое старое отношение обесценивается или опорочивается: во многих случаях лишь указывается такой угол зрения, под которым различные отношения прошлого могут перестать контрастировать друг друга, начинают друг друга дополнять и должны читаться как различные ряды аспектов одной и той же или многих реальностей. Это нередко применяется, например, при рассмотрении старых религий и реальностей, за ними стоящих.

В сущности, этому новому отношению к вещам посвящена вся книга: подобная проблематика чересчур обширна и сложна, чтобы быть хотя бы бегло очерченной в одной главе. Данная глава «Отношение к культуре», следующая — «Отношение к религиям», но не следует ждать от них развернутого изложения этих тем. Новым осмыслением различных культурных областей, различных исторических явлений, различных религиозных систем, а также различных царств природы насыщены все двенадцать книг этого труда. Первые же главы равноценны лишь некоему введению. Они содержат конспективное изложение некоторых основных принципов — и только.

Ведущей областью культуры в наш век является наука. Научный метод познания претендует на гегемонию; поэтому настоящая глава начинается с характеристики отношения Розы Мира именно к научному методу. Приходится сказать сразу и без обиняков: сколько иллюзий ни создавали бы на этот счет энтузиасты научного метода, но ни единственным методом познания, ни единственным методом овладения материей он никогда не был, не будет и не может быть. Не говоря уже о методе художественном, с которым научный метод высокомерно и неохотно делит теперь свое первенствующее

положение, следует напомнить, что давно уже заложены основы такой методики познания и овладения материальностью, усвоение которой неразрывно связано с духовным самосовершенствованием человека, с просветлением его этического облика. Впереди брезжит даже возможность таких исторических стадий, когда эта методика придет к некоторому первенствованию. Я подразумеваю не столько дискредитированные вследствие ряда недоразумений понятия магии или оккультизма, сколько понятие духовного делания. Различные системы и школы этого рода имеются во всех высокоразвитых религиях. Разрабатывая веками практические приемы воздействия воли на человеческий организм и на внешнюю материю и подводя человека к этому лишь после длительной нравственной подготовки и многостороннего искуса, они поднимали и поднимают сотни, может быть даже тысячи людей, до того, что в просторечии именуется чудотворчеством. Эту методику, крайне трудоемкую и вызывающую жгучую ненависть современных филистеров, отличает один принцип, науке чуждый: принцип совершенствования и трансформации собственного существа, вследствие чего физический и эфирный покровы личности становятся более податливыми, эластичными, более послушными орудиями воли, чем у нас. Этот путь приводит к таким легендарным якобы явлениям, как телесное прохождение сквозь предметы трехмерного мира, движение по воздуху, хождение по воде, мгновенное преодоление огромных расстояний, излечение неизлечимых и слепорожденных и, наконец, как наивысшее, чрезвычайно редкое достижение — воскрешение мертвых. Здесь налицо овладение законами нашей материальности и подчинение низших из них высшим, нам еще неизвестным. И если в XX столетии большинство из нас успевает прожить всю жизнь, так и не столкнувшись с бесспорными случаями подобных явлений, то из этого вытекает не то, что подобных явлений не бывает, и не то, что они принципиально невозможны, но лишь то, что условия безрелигиозной эры — культурные, социальные и психологические — до такой степени затрудняют изучение и усвоение этой методики (особенно на Западе и еще больше в странах социалистического лагеря), что сводят количество подобных случаев к немногим единицам. Некоторые воистину роковые для человечества события, имевшие место около двух тысяч лет назад, — о них речь будет впоследствии, — повинны в том, что вовлечение не единиц, а множеств человеческих на этот путь познания и овладение материей оказалось невозможным. В дальнейшем психологический климат безрелигиозной эры все более и более тормозил движение по этому пути. Ныне освоение этой методики затруднено до предела, а в некоторых странах практически невозможно совсем. Но нет оснований думать, что таким медленным и трудоемким этот путь останется навсегда: арелигиозная эра — не бесконечна, мы живем в ее конце. Трудно представить себе что-нибудь столь же тяжеловесное, несовершенное, грубое и жалкое, чем достижения современной техники в сравнении с достижениями той методики, о которой я говорю. Если бы на ее развитие и усвоение были бы брошены такие средства и такие неисчислимые людские резервы, какие ныне поглощены развитием методики научной, — панорама человеческой жизни, нашего творчества, знаний, общественного устройства и нравственного облика

изменилась бы в самых основах. Психологический климат эпохи Розы Мира создаст для развития именно этой методики такие благоприятные условия, как никогда. Но это — дело будущего, и притом не слишком близкого. А пока это не стало настоящим, нам предстоит пользоваться в основном иною методикой, гораздо менее совершенной, не ведущей далеко, но повсеместно господствующей теперь.

Отсюда и общее отношение Розы Мира к науке и технике на текущем историческом этапе. Кропотливо накапливая факты, выводя из них кое-какие закономерности, не понимая ни природы их, ни направленности, но овладевая ими механически и при этом будучи не в силах предугадать, к каким изобретениям и социальным потрясениям приведут ее открытия, — наука давно доступна всем, независимо от морального облика каждого. Результаты — у нас перед глазами и у нас над головой. Главный из них тот, что ни один человек на земле не гарантирован, что в любую минуту на него и на его сограждан не будет сброшена высокоинтеллигентными умами водородная бомба или другое, еще более ошеломляющее достижение науки. Естественно поэтому, что одним из первых мероприятий Розы Мира после ее прихода к контролю над деятельностью государств будет создание Верховного Ученого Совета — то есть такой коллегии, которая выделится внутренними кругами самой Розы Мира. Состоящий из лиц, сочетающих высокую научную авторитетность с высоким нравственным обликом, Совет возьмет под свой контроль всю научную и техническую деятельность, направив свою работу по двум путям: планирующему и оберегающему.

Все, что относится к обереганию жизненных интересов человечества, представляется в общем достаточно ясным, во всяком случае в своих принципах, и вряд ли на этом нужно останавливаться здесь. Что же касается проблем, связанных с обереганием интересов животного и растительного царств, то они будут освещены в соответствующих разделах книги, посвященных животному миру и мирам стихиалей. Потому что это — едва ли не единственная область, в которой воззрения Розы Мира и взгляды большинства современных ученых не могут быть примирены. Впрочем, это противоречие затрагивает не какие-либо выводы науки, а лишь некоторые из ее частных практических методов, которые не только в глазах Розы Мира, но и в глазах почти любого религиозно-нравственного учения и даже почти любого гуманного человека несовместимы с элементарными требованиями добра.

Кроме этих чисто методологических противоречий, между Розой Мира и наукой никаких точек столкновения нет и не может быть. Им негде сталкиваться. Они *о разном*. Не случайно, вероятно, то обстоятельство, что большинству крупных ученых XX века их научная эрудированность не мешала обладать личной религиозностью, не мешала им разделять и даже создавать яркие спиритуалистические системы философии. Эйнштейн и Планк, Павлов и Лемэтр, Эддингтон и Милн, каковы бы ни были области их научных изысканий, оставались каждый по-своему глубоко верующими людьми. Разумеется, я не принимаю при этом во внимание русских ученых советского периода, некоторые из коих вынуждены были заявлять о своем материализме не из философских соображений, а в силу совершенно иных причин, для

всякого понятных. Оставим же в покое философию и политику: в чисто научных областях Роза Мира не утверждает ничего [о том], о чем наука имеет право на отрицание. Налицо другое: о тех реальностях, которые утверждает Роза Мира, наука пока молчит. Но и это — явление недолговременное. Что же касается социальных, культурных, этических задач, стремиться решить которые будет Роза Мира, то невозможно представить, чтобы они встретили со стороны научных авторитетов какие-либо возражения по существу.

Думается, что уже и не самая идея планирования науки будет тогда предметом дискуссии, а границы того, что охватывается планированием, и его практика. Не будет лишено, вероятно, некоторого интереса специальное изучение практики планирования и координации научных работ в некоторых государствах середины XX столетия. Но воспользоваться можно будет лишь отдельными их деталями, хотя бы уже потому, что Федерация будет состоять из многих государств, больших и малых, только что объединившихся, стоящих на разных ступенях экономического развития, формировавшихся в лоне различных культур и обладающих различными социально-политическими укладами. Некоторые из этих укладов, отличающиеся большей социализацией экономических отношений, будут легче вовлекаемы в общий неизбежный процесс всемирной социализации; другие, привычные к анархии производства, втянутся в него постепенно. Все это, равно как и многообразие культурных типов, будет создавать в первый период чрезвычайную пестроту мировой экономики и воздействующих друг на друга культурных укладов. Долго еще будут давать себя знать и застарелые национальные антагонизмы. Не сразу удастся уравновесить и согласовать нужды отдельных стран и отдельных слоев населения, заинтересованных, например, в первоочередном развитии таких-то и таких-то отраслей промышленности там-то и там-то или в сбыте своей продукции куда-нибудь. От тех, кто будет возглавлять Ученый Совет и самое Розу Мира, потребуется для справедливого решения этих проблем некое новое психологическое качество: преодоленность в собственном существе господства местных, столь пока еще естественных, культурно-расовых привязанностей, полное национальное беспристрастие. Сколько усилий, какая авторитетность и даже самопожертвование потребуются хотя бы для того, чтобы ослабить застарелые антагонизмы — англо-арабский, например, русско-польский или армяно-турецкий! Каким поведением заслужат немцы, англичане, русские или американцы забвение той вражды, которую они возбудили к себе во стольких нациях? Какие воспитательные средства потребуются для того, чтобы разрушить комплекс ущемленного самолюбия, мешающий многим малым и средним нациям дружественно относиться к своим соседям и перерастающий в агрессивные мечты о достижении собственного величия за счет величия других? Но это — только одна сторона задачи. Многим западным нациям придется вытравить в себе малейшие следы старинного чувства превосходства своего перед другими. Русскому придется понять, что его страна — не венец создания и уж, во всяком случае, не лучше многих других. Англичанин вынужден будет совершить титаническую внутреннюю работу, чтобы отрешиться от невольного предпочтения интересов жителей Британских островов интересам жителей Индонезии или Танга-

ньики. От француза потребуется умение принимать к сердцу интересы Парагвая или Таиланда так же горячо, как и свои собственные. Китаец или араб освободят свое сердце и ум от вскормленного столькими веками когда-то справедливого, а теперь устаревшего недоверия к европейцам и научатся уделять потребностям Бельгии или Греции внимание не меньше, чем потребностям Жэхэ или Судана. Жителям латиноамериканских республик придется отучиться от привычки заботиться и плакаться только о себе и принять участие в распределении мировых благ с учетом нужд Афганистана, Камбоджи и даже Якутии. А гражданам Соединенных Штатов надлежит вспомнить, что они почитаются христианами и что христианство несовместимо со звериной ненавистью к какой бы то ни было расе, хотя бы и черной. Трудно, трудно это; ясно, что ужасно трудно, но избавление от войн и тираний — только через эту психологическую самопеределку. И уж конечно, надеяться на участие в работе всемирных планирующих органов не может ни один человек, не завершивший над собою подобной операции. Придется учиться даже национальному самопожертвованию: о, не своею кровью, разумеется, не жизнью своих сынов, а только долларами. Ибо наиболее богатым странам предстоит в какой-то мере поделиться своими ресурсами с народами Востока и Юга, и поделиться притом бескорыстно, безо всяких надежд сделать из этой помощи удачный бизнес. Короче говоря, каждый причастный к руководству Розы Мира должен уметь чувствовать себя прежде всего — членом космического целого, потом — членом человечества, и только уже после всего этого — членом нации. А не наоборот, как учили и учат нас доселе.

Потому что общая цель Розы Мира, точнее — того гигантского духовного процесса, который начался тысячелетия назад и лишь этапом которого является Роза Мира, цель его — просветление Шаданакара, а ближайшая эпохальная задача — чтобы достойный человека материальный достаток, простое житейское благополучие и элементарно нравственные отношения между людьми водворились везде, не оставляя вне своих пределов ни одного человека. Тезис о том, что всякому человеку без исключения должны быть обеспечены занятия, отдых, досуг, спокойная старость, культурное жилище, пользование всеми демократическими свободами, удовлетворение основных материальных и духовных потребностей, начнет стремительно воплощаться в жизнь.

Не скоро, лишь в последних главах смогу я осветить те конкретные мероприятия, ту систему последовательных реформ, благодаря которым, как мне представляется, эти принципы могут облечься плотью и кровью. Пока — речь только о принципах. Чтобы тот, в ком эти принципы не возбуждают сочувствия, не тратил времени и сил на дальнейшее чтение, а сочувствующий понял внутренний дух Розы Мира прежде, чем перейти к размышлению о путях претворения этих идеалов в жизнь.

Таков принцип отношения Розы Мира к науке и технике, насколько можно дать понять этот принцип, не забираясь пока в метаисторическую и трансфизическую глубь. И такова должна быть роль научного метода в ряду ближайших эпох.

Пройдет несколько десятилетий. Прогрессирующий рост производительных сил достигнет того уровня, который мы будем вправе назвать всеобщим достатком. Условия жизни, какими пользуются теперь граждане передовых стран, водворятся в самых диких уголках земного шара. Обращение на мирные цели тех неимоверных сумм, которые сейчас тратятся на вооружение, сообщит экономическому прогрессу почти непредставимые темпы. Период всеобщего начального обучения будет во всех странах преодолен, вероятно, еще раньше; в дальнейшем и среднее всеобщее образование начнет представляться уже недостаточным. Очертания интеллигенции совпадут с очертаниями человечества. Развитие новых и новых средств связи, их общедоступность, их комфорт фактически уничтожат проблему международного и межкультурного пространства. Рабочий день, сокращаясь все более, высвободит новые резервы времени. Физиология разработает аппаратуру, помогающую человеческому мозгу быстро и прочно запоминать воспринимаемые им сведения. Досуг станет возрастать. И те вопросы, которые волнуют сейчас большинство, — интересы хозяйства, организации производства, улучшения продукции, промышленной техники, дальнейшего совершенствования жизненных удобств, — потеряют свою остроту. Весьма правдоподобно даже, что тем поколениям будет непонятно и странно, как могли их предшественники увлекаться и кипятиться при решении столь скучных и плоских проблем. Запасы сил обратятся на создание ценностей высшего порядка, ибо материальная основа жизни не будет подвержена никаким колебаниям, всеобъемлюща и совершенно прочна.

Проблемы техники и экономики перестанут привлекать к себе преимущественное внимание. Они будут решаться в соответствующих коллективах, а широкой гласности их будут предавать не больше, чем теперь предают вопросы общественной кухни или водопровода. И человеческая одаренность обратится на другое: на то, что будет диктоваться жаждою знания, любовью ко всему живущему, потребностью в высших формах творчества и влюбленностью в красоту.

Жажда знания, когда-то толкавшая исследователей в плавание по неведомым морям, в блуждания по нехоженым материкам, бросит их сперва — возможно, еще до прихода Розы Мира — в космонавтику. Но чужие планеты негостеприимны; после нескольких разведывательных экспедиций эти полеты прекратятся. И сама жажда знания начнет менять свою направленность. Будут разработаны системы воспитания и раскрытия в человеческом существе потенциально заложенных в нем органов духовного зрения, духовного слуха, глубинной памяти, способности к произвольному отделению внутренних, иноматериальных структур человека от его физического тела. Начнутся странствия по иноматериальным мирам, по открывающимся слоям Шаданакара. То будет век Магелланов планетарного космоса, Колумбов духа.

Какая же система взглядов на личность, на ее ценность, на ее права и долженствование, на пути ее совершенствования будет способствовать водворению нового психологического климата, ускорит наступление этого золотого века?

Именно в том факте, что личность содержит единоприродные с Божеством способности творчества и любви, заключена ее абсолютная ценность. Относительная же ее ценность зависит от стадии ее восходящего пути, от

суммы усилий — ее собственных и Провиденциальных, — затраченных на достижение ею этой стадии, и от того, в какой степени она эти способности богосотворчества и любви выявляет в жизни.

Земной отрезок космического пути восходящей монады являет собой такой этап, на котором ее способности к творчеству и любви уже могут и должны распространяться на окружающую ее природную и искусственную среду, ее совершенствуя, — то есть преодолевая в этой среде тенденцию к изолированному самоутверждению частей и частиц за счет других. Зло заключается именно в такой тенденции, как бы она ни выражалась. Формами и масштабами оно разнообразно почти до бесконечности, но основа всегда одна и та же: стремление к утверждению себя за счет всех остальных и всего остального.

Старинные религии усматривали мерило относительной ценности личности в степени выполнения ею предписаний данного религиозно-нравственного кодекса. Религии аскетической окраски наивысшей ступенью полагали святость, понимая под нею чистейший образец иноческого служения либо мученичество за веру. При этом любовь отступала на второй план. Иноческий или мученический подвиг совершался не в силу любви к людям и ко всему живому, но в силу жажды воссоединения с Богом и избавления от посмертных мук. Конечно, я имею здесь в виду доминирующее направление, преобладающее настроение, а не образы таких изумительных отдельных деятелей, апостолов любви, как св. Франциск, Рамаджуна или Миларайба. Как это ни чудовищно для нас, но даже вечные мучения грешников в аду не вызывали в большинстве адептов этих религий стремления к тому, чтобы просветить мировые законы, в том числе и закон возмездия, или кармы. Вечное возмездие за временное нарушение их казалось справедливым актом Божества или, во всяком случае (как в брахманизме), непререкаемым и абсолютно непреодолимым законом. Будда, как свеча, горел огнем сострадания, но и он учил только тому, как вырваться из круга железных законов мира, а не тому, как просветить и преобразить их. Что касается творчества, то его врожденность монаде не сознавалась совсем, даже понятия такого не было, а конкретным видам творчества, доступным человеку, не придавалось значения, исключая религиозное творчество в узком смысле: духовное делание, богословие, проповедничество, храмовое строительство, культ.

Другие религии, не склонные к аскетизму, как ислам и протестантизм, видоизменили этот идеал, расширили его и вместе с тем снизили, сделав его более доступным, более народным, вплоть до исполнения нескольких заповедей по отношению к Богу, к государству, к ближайшему окружению, к семье и, наконец, к самому себе. Приходится повторить, что ни та ни другая группа религий задач преобразования общества, и тем более природы, ни перед кем не ставила. Сообразно этому представление и о долженствовании личности оставалось ущербным и узким. Естественно, что подобные задачи, но в крайне упрощенном виде, были поставлены наконец учениями безрелигиозными. Провозглашался сниженный и противоречивый этический идеал, механически сочетавший некоторые прогрессивные черты с такими, которые шли вразрез с этическим минимумом, давно, казалось бы, бесспорным.

Вспомнили старую формулу «цель оправдывает средства» и, опасаясь провозгласить ее с честной откровенностью, стали пользоваться ею практически. При характеристиках и оценках исторических явлений их моральное качество игнорировалось полностью; вердикты выносились лишь исходя из учета общей прогрессивной или реакционной направленности данного явления. Никого не смущало, что это приводит к оправданию кровавой деятельности многих деспотов прошлого и даже таких вопиющих массовых побоищ, как якобинский террор или деятельность опричнины. Многие старые достижения социального прогресса, как свобода слова, печати или религиозной пропаганды, были отброшены. Поколения, воспитанные в подобной атмосфере, постепенно теряли самую потребность в этих свободах — симптом, говорящий выразительнее любых тирад о потрясающем духовном регрессе общества. Таким образом, при приближении к идеалу в том виде, в каком он представал в реальности, обесценивалось и то положительное, что он заключал. Ибо впереди рисовалось лишь царство материальной сытости, купленное ценой отказа от духовной свободы, многомиллионными гекатомбами человеческих жизней и сбрасыванием в низшие слои Шаданакара миллиардов душ, отдавших за чечевичную похлебку свое божественное первородство.

Надо надеяться, что страшный урок не пройдет даром.

Учение Розы Мира указывает на абсолютную *ценность* личности, на ее божественное первородство: право на освобождение от гнета бедности, от гнета агрессивных обществ, на благополучие, на все виды свободного творчества и на обнародование этого творчества, на религиозные искания, на красоту. Право человека на обеспеченное существование и пользование благами цивилизации есть такое врожденное ему право, которое само по себе не требует отказа ни от свободы, ни от духовности. Уверять, будто бы здесь заключена какая-то роковая дилемма, что ради достижения всего только естественных, само собой разумеющихся благ надо жертвовать личной духовной и социальной свободой, — это значит вводить людей в обман.

Учение укажет и на *долженствование* личности: на последовательное расширение сферы того, что охватывается ее любовью; на возрастание, умножение и просветление того, что создается ее творчеством. Творчество, таким образом, оказывается и правом, и долженствованием. Я до сих пор не могу понять, каким образом эта воистину божественная способность человека не встретила должного отношения к себе ни в одной из старинных религий, кроме некоторых форм многобожия, в особенности эллинского. Кажется, только в Элладе умели боготворить не только произведения искусства, но самую творческую способность, именно творческую, а не производительную, как в других формах политеизма, и даже венчать апофеозами великих деятелей искусства. Печально и странно, что после угасания Эллады творческий дар перестал привлекать к себе взор религий, не осмыслялся больше ни онтологически, ни метафизически, ни мистически. Под влиянием односторонне понятой семитической идеи о том, что после шести дней творения наступило упокоение Божественного творческого духа, даже вопрос о дальнейшем творчестве Самого Бога богословская мысль предпочитала обходить стороной, и речение Божества, запечатленное в Откровении Иоанна — «Се, творю всё новое», — оста-

лось единичным взлетом, единичным прозрением. К человеческому же творчеству установилось и вовсе подозрительное отношение, как будто гордыня, в которую может впасть человек-творец, более опасна и гибельна, чем творческое бесплодие. К сожалению, не менее прискорбная точка зрения на творчество человека установилась и в религиях индийского корня.

Последние века западных культур, столь богатые проявлениями гениальности во всех областях искусства, в науке и в философии, научили нас многому. Научили они нас и благоговейному отношению к человеческому творчеству, и уважению к человеческому труду. Но безрелигиозный дух этих веков способствовал в этом вопросе как раз тому, чего боялись старинные религии: человеку-творцу сделалась свойственной гордыня своим творческим даром, как если бы самый этот дар он создал в себе сам. Впрочем, эта самостность свивала себе гнездо не столько в душах подлинных гениев и тем более духовных вестников, сколько в ряду второстепенных деятелей наук и искусств. Более подробному рассмотрению этих проблем под углом учения Розы Мира будет в настоящей книге посвящен ряд специальных глав.

Во всяком случае, творчество, как и любовь, не есть исключительные дары, ведомые лишь избранникам. Избранникам ведомы праведность и святость, героизм и мудрость, гениальность и талант. Но это — лишь раскрытие потенций, заложенных в каждой душе. Пучины любви, неиссякаемые родники творчества кипят за порогом сознания каждого из нас. Религия итога будет стремиться разрушить эту преграду, дать пробиться живым водам сюда, в жизнь. В поколениях, ею воспитанных, раскроется творческое отношение ко всему, и самый труд станет не обузой, но проявлением неутолимой жажды создавать новое, создавать лучшее, творить свое. Все последователи Розы Мира будут наслаждаться творческим трудом, обучая этой радости детей и юношество. Творить во всем: в слове и в градостроительстве, в точных науках и в садоводстве, в украшении жизни и в ее умягчении, в богослужении и в искусстве мистериалов, в любви мужчины и женщины, в пестовании детей, в развитии человеческого тела и в танце, в просветлении природы и в игре.

Потому что всякое творчество, кроме демонического, совершаемого во имя свое и для себя, есть богосотворчество: им человек поднимает себя над собой, о б о́ ж и в а я и собственное сердце, и сердца других.

В смысле личного духовного совершенствования большинство людей движется по медленному и широкому пути. Этот путь проходит через браки и деторождения, сквозь причастность различным формам деятельности, сквозь полноту и пестроту впечатлений жизни, сквозь ее радости и наслаждения. Но есть и Узкий Путь: он надлежит тем, кто носит в своей душе особый дар, требующий жесткого самоограничения: дар святости. Несправедливы религиозные учения, утверждающие Узкий Путь как единственно правильный или наивысший. И столь же неправы общественные или религиозные системы, отрицающие его вовсе и воздвигающие препятствия перед теми, кто чувствует себя призванным именно к такому пути. Вряд ли в эру Розы Мира монастыри будут многочисленными; но они — будут, чтобы всякий, кого духовная жажда гонит на Узкий Путь, мог бы работать над раскрытием в себе таких способностей души, которые нуждаются в многолетнем труде среди

тишины и уединения. Если на Узкий Путь человек встает из страха перед возмездием или из-за мечты о личном, себялюбивом, замкнутом общении с Божеством, его победы не имеют цены. Никакого Божества, дарующего в награду своим верным рабам блаженное созерцание его величия, — нет. Созерцание высших сфер есть *выход личности из себя* и приобщение Единому, объемлющему все монады и зиждущему весь мир. Поэтому последователя Розы Мира может принудить стать на Узкий Путь не духовный эгоизм, не жажда личного спасения при холодном безразличии к другим, но понимание, что на Узком Пути раскрываются такие дары, которыми праведник будет помогать миру из уединения более действенно, чем сотни живущих в миру, и которые в посмертии становятся такою силой, что перед ней преклоняются даже могучие демонические иерархии.

Нет никакой надобности в страшных клятвах, сопровождающих постриг. Нет основания для осуждения и поношения того, кто по истечении ряда лет ушел с пути. Вступающий будет давать сперва только временный обет: на три года, на пять, на семь. Лишь после успешного завершения таких этапов он, если хочет, получит право принесения обета на более длительный срок; и все же сознание безвозвратности, подозрение непоправимой ошибки не будет томить и давить его, порождая отчаяние и бурные вспышки неизжитого: он будет знать, что по истечении срока волен вернуться в мир, волен избрать любой образ жизни, любой труд, волен иметь семью, детей, не заслужив этим ни от кого ни порицания, ни пренебрежения.

Я постарался предвосхитить отношение Розы Мира к научному и к вненаучным методам познания, к личности, к ее правам и долженствованию, к человеческому творчеству и труду, теперь — к двум основным видам духовного пути: Широкому и Узкому. Чтобы восполнить представление об ее отношении к культуре, следовало бы остановиться на ее воззрениях на искусство — в широком смысле слова. Но этот вопрос столь многозначен и важен, а лично мне столь близок, что я решился посвятить ему серию глав в одной из дальнейших частей книги. Поэтому, прежде чем перейти к вопросу об отношении Розы Мира к другим религиям, скажу об искусствах приближающейся эры лишь несколько беглых слов.

Какими же чертами может отличатся искусство, которое создадут люди, причастные духу Розы Мира, в ближайшие эпохи, когда солнце золотого века только начнет еще озарять облака над горизонтом?

Было бы наивно пытаться предугадать или очертить многообразие художественных направлений, жанров, школ, стилистических приемов, которыми засверкает эта сфера культуры к концу текущего столетия. Но будет, мне кажется, определяться некий преобладающий стиль, не исчерпывающий, конечно, всех течений искусства (в условиях максимальной свободы это невозможно, да и не нужно по той же причине), но призванный стать в искусстве и литературе последней трети века некоторой, как теперь говорят, магистралью. В этом стиле найдет свое выражение присущее Розе Мира восприятие вещей: восприятие *сквозящее*, различающее через слой физической действительности другие, иноматериальные или духовные слои. Такое мировосприятие будет далеко от нарочитого оптимизма, боящегося нарушить соб-

ственную безмятежность вниманием к темным и трагическим сторонам бытия. Творцы этого искусства не станут избегать созерцания горестной и страшной изнанки мира. Они сочли бы за малодушие жажду забыть о кровавом пути истории, о реальности грозных, инфрафизических слоев Шаданакара, об их беспощадных законах, удерживающих в узах нечеловеческих мук неисчислимые сонмища несчастных, и о тех наистрашнейших срывах общечеловеческого духа, которые подготавливаются силами Противобога и осуществятся в истории почти неизбежно, когда исчерпает свое поступательное движение золотой век. Но высокая степень осознания не воспрепятствует их любви к миру, к земле, не уменьшит их радостей, порождаемых природой, культурой, творчеством, общественным служением, любовью, дружбой, — напротив! Разве сознание скрытых опасностей, грозящих тому, кого любишь, ослабляет жар любви? Будут чудесные создания еще небывалой полноты жизнеутверждения, чистоты и веселия. В руслах всех искусств — тех, которые уже есть, и тех, которые возникнут, — появятся искрящиеся, как водяные брызги в солнечных лучах, произведения творцов будущего о любви, более многосторонней, чем наша, о молодости, о радостях домашнего очага и общественной деятельности, о расширении человеческого сознания, о раздвижении границ восприятия, о стихиалях, подружившихся с людьми, о вседневной близости невидимых еще теперь друзей нашего сердца, да и мало ли о чем, что будет волновать людей тех эпох и чего мы не в состоянии себе представить.

Мне кажется, такое искусство, мужественное своим бесстрашием и женственное своим любвеобилием, мудрое сочетание радости и нежности к людям и к миру с зорким познаванием его темных глубин, можно было бы назвать сквозящим реализмом или метареализмом. И следует ли говорить, что не непременно нужно произведению искусства быть образцом сквозящего реализма, чтобы люди, причастные духу Розы Мира, сумели ему радоваться и восхищаться? Они будут радоваться всему, что отмечено талантом и хотя бы одной из этих особенностей: чувством прекрасного, широтою охвата, глубиною замысла, зоркостью глаза, чистотой сердца, веселием души.

Наступит время, когда этический и эстетический уровень общества и самих деятелей искусств станет таков, что отпадет всякая надобность в каких-либо ограничениях, и свобода искусств, литературы, философии и науки станет полной. Но между тем моментом, когда Роза Мира примет контроль над государствами, и эпохой этого идеального уровня пройдет несколько десятилетий. Не из мудрости, а из юношеской незрелости могла бы возникнуть мысль, будто общество уже достигло тех высот развития, когда абсолютная свобода не может породить роковых, непоправимых злоупотреблений. Вначале придется вручить местным филиалам Всемирного Художественного Совета, кроме других, более отрадных функций, также и этот единственный контроль, через который будет проходить художественное произведение перед его обнародованием. Это будет — если не обидится читатель на шутку — лебединой песнью цензуры. Сначала, когда национальные антагонизмы и расовые предрассудки еще не будут изжиты, а агрессивные организации будут еще играть на этих предрассудках, придется налагать запрет на любую пропаганду вражды между теми или иными группами населения. Позднее контроль еще будет сохраняться над книгами и учебными пособиями, популяризирующими научные и философские идеи, в том единственном, однако, направлении, чтобы они не оказались неполноценными, легковесными или искажающими объективные факты, — не вводили бы неквалифицированного читателя в заблуждение. Над художественными произведениями еще удержится, мне кажется, контроль, требующий от них некоторой минимальной суммы художественных достоинств, оберегающий книжный рынок от наводнения безвкусицей, эстетически безграмотной макулатурой. И наконец, дольше всего удержится, вероятно, безусловный запрет, наложенный на порнографию. С отменой же каждого из этих ограничений его будет заменять другое мероприятие: после выхода в свет недоброкачественного произведения Всемирный Художественный Совет или Всемирный Ученый Совет опубликует свое авторитетное о нем суждение. Этого будет достаточно. Разумеется, не так-то легко будет выработать такую систему заполнения кресел в этих Советах, которая гарантировала бы все области культуры от вмешательства в руководящую ими деятельность людей с узкопартийными или узкошкольными взглядами, нетерпимых сторонников какого-либо одного художественного течения или философской концепции либо, наконец, защитников творческих интересов какой-нибудь ограниченной группы, нации или поколения. Мне не думается, однако, что в психологической атмосфере Розы Мира подобная система не могла бы быть выработана.

Если не вдаваться сейчас в разграничение понятий культуры и цивилизации, то можно сказать, что культура есть не что иное, как общий объем творчества человечества. Если же творчество — высшая, драгоценнейшая и священнейшая способность человека, проявление им божественной прерогативы его духа, то нет на земле и не может быть ничего драгоценнее и священнее культуры, и тем драгоценнее, чем духовнее данный культурный слой, данная культурная область, данное творение. Культура общечеловеческая еще только возникает; до сих пор мы видели в качестве совершенно оформившихся феноменов лишь культуры отдельных сверхнародов — то есть таких групп наций, которые объединены между собой именно совместно созидаемою, своеобразною культурой. Но каждая из таких культур отнюдь не исчерпывается тою своей сферой, которая пребывает, развиваясь, в нашем трехмерном пространстве. Те, кто эту культуру созидали здесь, продолжают свое творчество и в посмертии — творчество, измененное, конечно, сообразно иным условиям того мира или тех миров, через которые проходит теперь душа человека-творца. Возникает представление о миллионных содружествах подобных душ, о небесных странах и градах над каждым из сверхнародов мира и об Аримойе — ныне возникающей небесной стране культуры общечеловеческой.

Подобный принцип отношения к культуре нов и необычен. Мы вправе были бы даже заметить, что при дальнейшем углублении и детализации он перерастет в обширную мифологему, если бы только под словом «миф» мы не привыкли понимать нечто, не имеющее под собой никакой реальности. Здесь же как раз напротив: речь идет о реальности колоссальных масштабов, которая отражается сниженно и замутненно, но все же отражается, в подобной мифологеме.

Атмосфера Розы Мира и ее учения создадут предпосылки к тому, чтобы эта мифологема о культуре стала достоянием каждого ума. И пусть во всей ее эзотерической сложности ее сможет охватить лишь ограниченное число сознаний; дух этой концепции, а не буква ее постепенно сделается доступен почти для всех. И если вдуматься в те психологические перспективы, которые сулит овладение подобной концепцией со стороны масс, то перестанет казаться несбыточной и надежда на создание системы мероприятий, гарантирующей все области культуры от вмешательства людей, не имеющих на руководство этими областями никаких внутренних прав.

Глава третья
ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИЯМ

Как часто употребляем мы слово «истина» и как редко пытаемся определить это понятие.

Не смутимся же, однако, тем, что повторяем, в сущности, вопрос Пилата, и попытаемся в меру наших сил разобраться в этом понятии.

Истинными называем мы ту теорию или то учение, которые, на наш взгляд, выражают неискаженное представление о каком-либо объекте познания. В точном смысле слова истина есть неискаженное отражение какого-либо объекта познания в нашем уме. И сколько существует на свете объектов познания, столько же может существовать истин.

Но объекты познания познаваемы *от нас*, а не *из себя*. Следовательно, истина о любом объекте познания, познанном от нас, должна быть признана истиной *относительной*. Истина же *абсолютная* есть отражение такого объекта познания, который каким-либо субъектом познан «в себе». Такое познание принципиально возможно лишь тогда, когда противостояние объекта и субъекта снято; когда субъект познания отождествляется с объектом.

Абсолютная истина универсальная есть не искаженное отражение в чьем-то сознании Большой Вселенной, познанной «в себе». *Абсолютные истины частные* суть не искаженные отражения какой-либо *части* Вселенной — части, познанной «в себе».

Естественно, что Абсолютная истина Большой Вселенной может возникнуть лишь в сознании соизмеримого ей субъекта познания, субъекта всеведущего, способного отождествиться с объектом, способного познавать вещи не только «от себя», но и «в себе». Такого субъекта познания именуют Абсолютом, Богом, Солнцем Мира.

Бог «в Себе» как Объект познания познаваем только Собою. Его Абсолютная истина, как и Абсолютная истина Вселенной, доступна только Ему.

Ясно, что любая *частная* истина, сколь бы мал ни был объект познания, для нас доступна только в ее *относительном* варианте. Такой агностицизм, однако, не должен быть понят как безусловный: при конечном совпадении любого частного субъекта познания, любой монады с Субъектом Абсолютным для нее становится возможно познание не только «от себя», но и «в себе». Таким образом, правомерен не безусловный, а только *стадиальный* агностицизм.

У частных истин быть может несколько или много вариантов — личных, индивидуальных разновидностей одной частной относительной истины. При этом объекты познания малых (сравнительно с субъектом) масштабов отразятся в сознании ряда родственных субъектов почти или полностью идентично: именно родственность многих субъектов между собой обусловливает то, что родственны и их личные варианты той или иной истины. Если бы это было не так, люди были бы лишены возможности понять друг друга в чем бы то ни было. Но чем больше объект познания сравнительно с субъектом, тем больше вызываемых им вариантов. Относительная истина Вселенной и относительная истина Божества порождают столько же личных вариантов, сколько имеется воспринимающих субъектов.

Ясно, стало быть, что все наши «истины» суть, строго говоря, лишь приближения к истинам. И чем мельче объект познания, тем лучше он может быть охвачен нашим познанием, тем уже разрыв между его абсолютной истиной и нашей относительной истиной о нем. Впрочем, в соотношении масштабов субъекта и объекта имеется граница, ниже которой разрыв между абсолютной и относительной истиной вновь начинает возрастать: например, разрыв между абсолютной истиной какой-нибудь элементарной частицы и нашей относительной истиной о ней чрезвычайно велик. Между же Абсолютной истиной Вселенной, Абсолютной истиной Божества — и нашими относительными истинами о них разрыв велик необъятно.

Я высказываю мысли, которые после Канта должны, казалось бы, быть общеизвестными и общепринятыми. Однако если бы они были усвоены каждым религиозно чувствующим и религиозно мыслящим человеком, ничьи претензии на личное или коллективное познание Абсолютной истины, ничьи претензии на абсолютную истинность какой-либо теории или учения не могли бы иметь места.

Как показано выше, Абсолютная истина есть достояние только Всеведущего Субъекта. Если бы такой истиной обладал какой-нибудь человеческий субъект, например коллективное сознание конкретно-исторической церкви, это обнаруживалось бы объективно в безусловном всеведении этого коллективного сознания. И тот факт, что таким всеведением не обладает ни один человеческий коллектив и ни одна личность, лишний раз показывает беспочвенность претензий какого бы то ни было учения на абсолютную истинность. Если бы представители Розы Мира вздумали когда-нибудь претендовать на абсолютную истинность ее учения, это было бы так же беспочвенно и нелепо.

Но столь же беспочвенно и нелепо утверждение, будто бы все учения или какое-либо одно учение *ложно*. *Совершенно ложных* учений нет и не может быть. Если бы появилось мнение, лишенное даже крупицы истинности, оно не могло бы стать учением, то есть переданной кому-то суммой представлений. Оно осталось бы собственностью того, кто произвел его на свет, что и случается, например, с философическими или псевдонаучными построениями некоторых душевнобольных. Ложными, в строгом смысле слова, могут быть только отдельные *частные* утверждения, которым способен придавать иллюзию истинности заемный свет от частноистинных тезисов, соседствующих с ним в

общей системе. Однако имеется известное соотношение количества и весомости частноистинных и ложных тезисов, при котором сумма ложных начинает обесценивать крупицы истины, в данном учении заключенные. Далее следуют учения, в которых ложные утверждения не только обесценивают элемент истинного, но переводят всю систему в категорию отрицательных духовных величин. Подобные учения принято именовать учениями «левой руки». Будущее учение Противобога, которым, по-видимому, ознаменуется предпоследний этап всемирной истории, построится таким образом, что при минимальном весе частноистинного элемента свет от него будет придавать вид истинности максимуму ложных утверждений. Этим и обусловится то обстоятельство, что это учение будет запутывать человеческое сознание в тенетах лжи прочнее и безвыходнее, чем какое бы то ни было другое.

Религии, к разряду учений «левой руки» не относящиеся, разнствуют между собой не в силу истинности одной из них и ложности остальных, а по двум совершенно другим координатам. А именно:

во-первых — в силу различных ступеней своего восхождения к абсолютной истине, то есть сообразно убыванию в них субъективного, эпохального элемента. Это *стадиальное* различие можно условно назвать различием *по вертикали*;

во-вторых — они разнствуют между собой в силу того, что они говорят о разном, отражают различные ряды объектов познания. Этот род различий — различий *сегментарных* — можно условно назвать различиями *по горизонтали*.

Оба вида различий не следует ни на минуту упускать из виду при рассмотрении вопроса об отношении Розы Мира к другим религиям.

В развитии науки мы наблюдаем непрерывный процесс накопления относительных частных истин и их совершенствование, уточнение. На очередной стадии отвергаются обычно не ряды накопленных ранее фактов, а лишь их устаревшее толкование. Случаи, когда старый ряд фактов ставился под сомнение и отвергался, как это произошло, например, с алхимией, — сравнительно редки. Но в истории религий господствуют, к сожалению, иные обычаи. Вместо преемственно сменяющих друг друга осмыслений не подвергающихся сомнению духовных фактов мы видим чаще всего, как на очередной стадии религиозного развития отвергаются значительные ряды ранее постигнутых относительных, частных истин, а свой, новый ряд их, со включением некоторого числа старых, выдается за абсолютное. Это наблюдение особенно справедливо по отношению к смене так называемых языческих религий системами монотеизма.

Ясно, что сохранение нами подобных обычаев в условиях расширяющегося кругозора XX столетия привело бы нас, самое большее, к созданию еще одной секты. Привнесение в религию научной методики было бы, конечно, грубой ошибкой, столь же незаконной, как перенесение методов искусства на область науки. Но перенять доброе обыкновение ученых — не отвергать, а переосмыслять ряды накопленных ранее относительных истин — давно пора.

Из сказанного вытекает, что никакие учения, кроме учений «левой руки», распознаваемых прежде всего по их душевно растлевающему воздействию, не могут быть отвергнуты полностью. Они должны быть признаны недостаточными, обремененными субъективно-человеческими привнесениями: эпохальными, классовыми, расовыми, индивидуальными. Однако зерно относительной истинности, зерно познания «от нас» той или другой области трансфизического мира имеется в каждой из религий, и каждая такая истина драгоценна для всего человечества. Естественно при этом, что объем истинности систем, сложившихся в итоге опыта множества индивидуумов, как правило, больше объема истинности систем, распространенных только у небольших групп. Исключение могут составлять молодые системы, восходящие, быть может, к широкому распространению, но, в силу естественного хода вещей, сперва минующие стадию келейного или ограниченно группового существования.

Подобные широко распространенные системы называются в данной концепции — как это будет подробно разъяснено несколько ниже — мифами. За мифами всегда стоит та или иная трансфизическая реальность, но она не может быть не искаженной и не запутанной привнесением в миф множества «человеческого, слишком человеческого». Методика высвобождения трансфизического зерна мифов из их человеческой шелухи вряд ли может быть, во всяком случае теперь, строго и точно сформулирована. Пока не удалось еще выработать необходимый для этого механизм критериев, которого в любом случае было бы достаточно. Да и сомнительно, разрешима ли подобная сложнейшая мистическая задача при помощи одного рацио. Можно, правда, построить, исходя из телеологии истории, определенную классификацию религий, которая позволила бы выделить религии высокоразвитые в особую группу и убедиться, что есть тезисы, утверждаемые всей этой группой религий, хотя и с различной степенью чистоты и силы. К их числу принадлежат: тезис о единстве Бога, о множественности различных духовных иерархий, о множественности разнозначных миров, о бесконечной множественности становящихся монад, а также о существовании некоего общего нравственного закона, который характеризуется посю- или потусторонними воздаяниями за совершенное человеком в жизни. Во всем же остальном, и даже в истолковании только что перечисленных общих тезисов, мифы либо противоречат один другому, либо говорят о разном.

Однако если во многих случаях индивидуальность субъекта привносит в представления о познаваемом нечто постороннее, сугубо человеческое, то, с другой стороны, столь же многочисленны случаи, когда какая-либо духовная истина может быть воспринята только определенным складом познающего сознания. Индивидуальность оказывается фактором, не замутняющим познание, но, наоборот, делающим его реально возможным. Телеологический процесс в религиозной истории человечества заключался отчасти именно в том, чтобы воздействием исторических и биографических факторов отшлифовать сознание отдельной личности, народа, расы, эпохи таким образом, чтобы сделать его способным к восприятию данных истин, данной трансфизической реальности. Другим же индивидуальностям, народам, расам, эпохам такое отшлифованное определенным образом сознание и его религиозный опыт могли казаться странными, искаженными либо незрелыми, чреватыми всякого рода аберрациями.

Из сотен возможных примеров я возьму пока один, но чрезвычайно яркий: идею перевоплощений. Глубоко присущая индуизму и буддизму, имеющаяся в эзотерическом иудаизме (Каббала), идея эта отвергается ортодоксальным христианством и исламом. Следует ли, однако, думать на основании этой «невсеобщности» идеи, что она представляет собою расовую или стадиально-культурную аберрацию индийского сознания? Дело в том, что при согласовании тезисов различных религий надлежит прежде всего научиться отсеивать главное от второстепенного, общее от частного. «Общее», главное любого тезиса заключается в *семени* идеи, проявляющем чрезвычайную устойчивость в веках: брошенное в почву различных культурных сред, оно дает различные побеги — различные варианты данного тезиса. Если телеологическая направленность вообще имеется в истории, то, конечно, направленность эта должна сказаться прежде всего в бытии именно таких устойчивых духовных семян — в широко распространенных, исповедуемых миллионами сознаний *основах идеи*.

Семя идеи перевоплощений состоит в учении о некоем «я», совершающем свое космическое становление или известный отрезок его по ступеням последовательных существований в нашем физическом мире. Все остальное, как то: духовно-материальная природа и структура перевоплощающегося, та или иная зависимость перевоплощений от закона кармы, распространение принципа перевоплощений также на мир животных или отрицание такого распространения, — все это лишь варианты, разновидности основной идеи. И понятно, что в этих вариантах и деталях можно больше и чаще столкнуться с подлинными аберрациями, чем в ее семени, для восприятия которого народом индийским телеологические силы работали много веков, затратив неимоверный труд на ослабление у многих его представителей средостения между дневным сознанием и глубинной памятью — хранилищем воспоминаний о путях души до момента ее последнего воплощения. Ошибочность религиозных догматов заключается по большей части не в их содержании, а в претензиях на то, что утверждаемый догматом закон имеет всеобщее, универсальное, космическое значение, а утверждаемый догматом факт должен исповедоваться всем человечеством, ибо без этого будто бы нет спасения. Все изложенное приводит нас к признанию подлинности того духовного опыта, который отлился в идею перевоплощений: да, такой путь становления имеет место; ничего принципиально неприемлемого для христианства или ислама в существе этой идеи *нет*, кроме, разве, того, что об идее перевоплощений до нас не дошло никаких высказываний основателей христианства и ислама (что, впрочем, само по себе ничего не доказывает, так как в Евангелие и Коран попало, как известно, далеко не все, что они говорили). Но решительно не из чего не следует, что путь перевоплощений будто бы есть единственно возможный, единственно реальный путь становления индивидуального духа. Отшлифованное в таком направлении, чтобы постигнуть этот тип пути, сознание индийского народа, как часто в подобных случаях бывает, *абсолютизировало* свое открытие, стало глухо к восприятию других типов пути становления. С еврейским и арабским народами произошло то же самое, но под противоположным знаком: восприняв истину о другом пути становления, при котором воплощение в физическом слое совершается лишь один

раз, сознание этих народов столь же неправомерно абсолютизировало этот второй тип пути. Этому способствует и то, что в различных метакультурах человечества может вообще преобладать тот или другой тип. В результате возникло между двумя группами мировых религий разногласие, кажущееся неразрешимым. В действительности же обе эти антагонистические идеи истинны в своей основе, фиксируя два из возможных типов пути, и для снятия этого «противоречия» не требуется ничего, кроме отказа каждой из сторон от претензий на универсальную исключительность своей идеи.

Итак, одна из исторических причин непримиримых якобы противоречий между религиями заключается в неправомерной абсолютизации какого-либо тезиса.

А вот и другая причина.

Одним из основных догматов христианства является, как известно, учение о Троичности Божества. Основатель ислама отверг этот догмат, заподозрив в нем реминисценцию многобожия, а главное — потому, что его собственный духовный опыт не заключал в себе положительного указания на подобную истину. Но вряд ли стоит в XX веке повторять аргументацию христианских богословов, в свое время доказывавших и объяснявших коренное различие между догматом Троичности и многобожием: это настолько элементарно, что, надо полагать, теперь и среди магометанских мыслителей не найдется таких, которые, разбираясь в вопросах христианского вероучения, стали бы настаивать на этом ошибочном утверждении. Что же касается второго аргумента — того, что духовный опыт Мухаммеда не содержал подтверждения Троичности, — то он несостоятелен логически. Ничей вообще опыт не может содержать подтверждений в с е х истинных идей, возникших ранее, в ходе коллективного человеческого богопознания и миропознания. Всякий личный опыт ограничен; только премудрость Всеведающего охватывает всю сумму истин «в себе». Поэтому то обстоятельство, что Мухаммед не пережил своим духовным опытом ничего, подтверждающего тезис Троичности, само по себе никак не должно служить аргументом для опровержения этой идеи, даже в глазах ортодоксальных мусульман. Вместо формулы «Пророк, познав совершенное единство Божие, убедился в ложности учения о Троице», следует, по справедливости, формулировать так: «Пророк, познав совершенное единство Божие, не получил, однако, указаний на Троичность Единого». Вполне естественно, что христианское вероучение не только не имеет никаких возражений против мусульманского учения о Единстве, но полностью с ним совпадает. Оно лишь дополняет этот тезис той идеей, которая одною своей устойчивостью две тысячи лет и своей распространенностью на миллиарды сознаний указывает на истинность своей *основы*. К чему же сводится противоречие между этими двумя главными догматами двух религий? Разве не к произвольному и неправомерному отрицанию одною из них того, о чем в ее собственном положительном опыте нет никаких данных?

Теперь мы видим вторую историческую и психологическую причину укоренившихся разногласий между вероучениями: неправомерное отрицание чужого утверждения только на том основании, что мы не располагаем положительными данными по этому вопросу.

К сожалению, разногласиям, основанным исключительно на этой логической и гносеологической несообразности, нет числа. Привлечем к рассмотрению еще один случай, известный каждому: ислам (суннизм) и протестантизм отрицают правомерность культа святых; почти все остальные религии его принимают и, в той или иной форме, осуществляют. Возражения против этого культа сводятся к тому, что человек не нуждается ни в каких посредниках между собой и Божеством и что духовные почести и молитвы, будучи возносимы не к Богу, а к тем, кто были людьми, — греховны, ибо ведут к обожествлению человека. Но что, собственно, значит эта знаменитая формула: «Человек не нуждается в посредниках»? Если в них не нуждается тот, кто эту мысль провозглашает, то откуда у него право говорить за других, даже за все человечество? Кто его уполномочивал? Уж не те ли миллиарды людей, которые во всех почти странах, во всех почти религиях ощущали живую вседневную потребность в таких посредниках, что и сделало существование культа святых психологически возможным? Если мы, не испытывая потребности в чем-либо (есть люди, не испытывающие потребности, например, в музыке), станем негодовать на всех, эту потребность испытывающих, как на глупых выдумщиков, корыстных лжецов или темных невежд, что мы докажем этим, кроме собственного невежества? Второй довод — неправомерность воздавания божеских почестей и молитв тем, кто были людьми. Но почестей божеских (в монотеистическом смысле) им и не воздают, никто их не приравнивает к Богу: мысль совершенно абсурдная, а для людей, выросших в христианских странах, непростительно невежественная. Правда, в индуизме имеется идея аватар — воплощений Вишну в человеческом облике; но то — аватары, а вовсе не святые. Перед святыми преклоняются именно как перед людьми, сумевшими преодолеть свое человеческое, либо как перед осуществителями воли Божией, посланцами мира горнего. Протестантизм отрицает понятие святости вообще. Но здесь обнаруживается скорее спор о частностях, чем о существе дела: ведь отвергая аскетический монашеский идеал, Лютер и Кальвин не умаляли значения мирской праведности, хотя и понимали ее, с одной стороны, шире, чем католицизм, а с другой — несколько сниженно: отрицался Узкий Путь как таковой. Мухаммед, умирая, запретил своим последователям обращаться к его духу молитвенно. Это показывает чистоту и искренность его помыслов, но противоречит основам религиозно-нравственного миропредставления вообще. Ведь если праведность как высшая самоотдача себя человечеству во имя Божие есть безупречное и бескорыстное Ему служение (а если понимать праведность так, то смешно отрицать, что она существует на свете, встречается, хотя и редко, в жизни), — если так, то нельзя представить себе праведную душу, после кончины успокоившуюся в бездеятельном блаженстве. Всеми силами своей души, в том числе и такими, которые раскрываются только после смерти, праведник будет осуществлять помощь живущим и нижестоящим в их восходящем движении. Это так же естественно, как помощь взрослого ребенку, и столь же мало, как эта помощь, умаляет или уничижает тех, на кого направлена. Вряд ли это могло быть неизвестно пророку Мухаммеду. Надо полагать, что некоторые крайности, излишества в культе святых, которые он наблюдал у христиан,

побудили его запретить своим последователям какие бы то ни было установления этого рода. Возможно, он полагал, что этот запрет уравновешивается тем обстоятельством, что усопшие праведники не обязательно нуждаются в напоминании со стороны молящихся, чтобы оказывать им невидимую помощь. Так или иначе, решительно всякое учение, утверждающее истину духовного бессмертия и высокий нравственный закон, только вопреки логике и собственным принципам может полагать, будто дух праведника в его посмертии относится к ныне живущим бездеятельно и безучастно. Отрицание культа святых или, лучше сказать, праведных, логично только с одной точки зрения: материалистической. Но, с другой стороны, абсолютизирование культа святых как общеобязательного неправомерно в такой же степени. Бывают длительные этапы в пути души, даже в пути целого народа, когда им действительно не нужны никакие «посредники»; когда душа, сознательно или неосознанно, чувствует, что укрепление ее самостоятельности, силы, свободы, духовной воли исключает возможность обращения за помощью к кому-либо, кроме Самого Бога. На каком же основании и по какому праву будем мы навязывать такой личности участие в культе святых?

Значительно большую сложность являет основное противоречие между христианством и другими религиями: утверждение божественности Иисуса Христа как догмат, почитание Его за воплощение одной из ипостасей Троицы. Всем известно, что остальные религии либо соглашаются на признание Иисуса пророком в ряду других пророков, либо игнорируют Его, иногда даже энергично отрицая Его провиденциальную миссию. Христианство же, со своей стороны, опираясь на слова своего Основателя о том, что никто не приходит к Отцу иначе, как через Сына, отрицает возможность спасения для всех не-христиан.

Представляется, однако, что много недоумений и грубых снижений идей мы избегнем, если во все речения Христа, до нас дошедшие, будем вникать, задавая себе вопрос: говорил ли в данном случае Иисус как личность, как конкретное историческое лицо, прожившее в такой-то стране от такой-то до такой-то даты, или же Его разумом и устами трансформируется в человеческие слова голос Бога, который Он слышит в себе. Каждое речение Христа требует рассмотрения именно под таким углом: говорит ли Он в данном случае как Вестник истин духовного мира или же как человек. Ибо нельзя представить, чтобы Иисус во все мгновения своей жизни говорил только как Вестник и никогда — просто как человек. Вряд ли подлежит сомнению, что в Его скорбном восклицании на кресте «Отче, Отче, вскую Меня покинул?» запечатлена мука одной из тех минут, когда он, Иисус, человек, переживал трагедию оставленности, трагедию прерыва связи своего человеческого «я» с Божественным Духом; а в учении Его, изложенном на Тайной вечере, все время слышится, как за местоимением первого лица предполагается Бог-Сын, Мировой Логос. Такому разделению речей Христа на две группы следует подвергнуть все слова Его, сохраненные Евангелием. Совершенно очевидно в таком случае, что и слова Его о том, что никто не приходит к Отцу иначе, как через Сына, следует понимать не в том сниженном, суженном, оплотненном и безжалостном смысле, что не спасется будто бы ни одна душа человечес-

кая, кроме христиан, а в том величественном, истинно духовном, космическом смысле, что всякая монада, восполнившая себя до конца, погружается в глубины Бога-Сына, Сердца и Демиурга вселенной, и только через этот всезавершающий акт возвращается к своему истоку, к Богу-Отцу, непостижимо отождествляясь Ему и Всей Пресвятой Троице.

Один из виднейших деятелей религиозно-философской индийской общины Брахмо Самадж, Кешуб Чандер-Сен, высказал весьма глубокую мысль: он сказал, что мудрость индуистов, кротость буддистов, мужество магометан — все это о т Х р и с т а. Очевидно, под этим именем он понимал в данном случае, конечно, не историческую личность Иисуса, а Логос, Себя в Иисусе Христе выразивший преимущественно, но не исключительно. В этой идее нащупывается, на мой взгляд, путь к такому углу зрения, на котором могут прийти к взаимопониманию христиане и многие течения восточной религиозности.

Думается также, что некоторые выражения, укоренившиеся в христианском богословии, почти механически повторяемые нами и как раз являющиеся неприемлемыми для других верований, нуждаются в пересмотре и уточнении. Как понимать, например, слово «вочеловечение» в применении к Иисусу Христу? Неужели мы и теперь представляем себе так, что Логос вселенной облекся составом данной человеческой плоти? Можем ли мы сделать допущение, что путем телеологической подготовки из поколения в поколение был создан, так сказать, телесный инструмент, индивидуальный физический организм, человеческий мозг, способный вместить Разум вселенной? Если так, то ведь надо полагать, что Иисус уже при жизни обладал всеведением, что не согласуется даже с фактами евангельской истории и с Его собственными словами. Не нестерпима ли для нас эта диспропорция масштабов: сближение категорий космических в самом предельном смысле с категориями локально-планетарными, узкочеловеческими? И нестерпима не потому, что она *превышает* границы нашего разумения, а, наоборот, потому, что в ней слишком очевиден продукт мышления на определенной, давно минованной культурной стадии, когда вселенная представлялась в миллиарды раз миниатюрнее, чем она есть на самом деле, когда казалось реально возможным падение на землю твердого небесного свода и жуткий град из звезд, сорвавшихся с крюков, на которых они подвешены. Не точнее ли было бы поэтому говорить не о вочеловечении Логоса в существе Иисуса Христа, а о Его в Нем в ы р а ж е н и и при посредстве великой богорожденной монады, ставшей Планетарным Логосом Земли? Мы именуем Христа *Словом*. Но ведь говорящий не воплощает, а именно *выражает* себя в слове; Бог не воплощается, а выражает Себя в Христе. Именно в этом смысле Христос есть воистину Слово Божие. А если так, то отпадает еще одно из препятствий к соглашению христианства с некоторыми другими религиозными течениями.

Я коснулся кратко только четырех межрелигиозных разногласий. Исключая одно последнее, проистекающее из спорности и, может быть, недостаточной отчетливости формулировок, недостаточной откристаллизованности идей, остальные основаны на несовпадении духовного опыта великих визионеров, на том, что, при созерцании некоторых объектов с различных

точек Шаданакара, под различным духовным углом созерцатели видят данный объект в различных аспектах. Условно можно назвать такие разногласия противоречиями *по горизонтали*, разумея под этим правомерность обеих точек зрения и их мнимую, а не истинную противоречивость.

Еще пример. С тех пор как существуют христианство и ислам, они продолжают бороться с тем, что они называют язычеством. С течением веков человечество прониклось идеей о непримиримости, несовместимости монотеизма с многобожием как своего рода аксиомой. Исследование того, почему и как это произошло, увело бы нас слишком в сторону. Существенно другое: на каком основании религии семитического корня, утверждающие бытие духовных иерархий и еще в Средние века разработавшие до мелочей учение о них — ангелологию и демонологию, — ограничивают многообразие этих иерархий теми немногими, которые были включены в эти средневековые схемы? Имеется ли хоть тень последовательности в их принципиальном отказе всякому опыту о духовных иерархиях — в истинности? Решительно никаких оснований для этого, кроме опять-таки ссылок на молчание об этом Евангелия и Корана. Именно ввиду недостаточности оснований для огульного отрицания церковь в первые века христианства не столько отрицала богов олимпийского пантеона, сколько отождествляла их с демонами и бесами семитических канонизированных текстов. При этом, вопреки очевидности, игнорировался характер этих божеств, какой восприняло политеистическое духопознание, и им произвольно приписывались снижающие и опорочивающие черты либо же нарочито подчеркивался слишком антропоморфный элемент, привнесенный в эти представления субъектом познания — политеистическим человечеством и к тому времени сохранившийся уже только в их низших, простонародных вариантах. Как будто признание истинности бытия иерархий природы, великих стихиалей или духов-народоводителей могло поколебать единство Бога — Творца и зиждителя вселенной, истока и устья мирового потока жизни — больше, чем признание других Его прекрасных детей — ангелов и архангелов, а также тех демонов, о которых трактовалось в канонизированных поучениях Библии!

К сожалению, это древнее недоразумение не разъяснено до сих пор: от античного многобожия давно ничего не осталось, но ожесточенная, узкая, лишенная всякой мудрости нетерпимость проявляется всякий раз, когда христианским церквам или, по крайней мере, тем, кто говорит от их имени, доводится высказывать свое суждение по вопросам индусских, китайских, японских, тибетских систем. Столь же нетерпимы и две другие религии семитического корня. Здесь налицо типичный случай разнствования религий по горизонтали: не противореча друг другу по существу, не сталкиваясь друг с другом в необозримом духовном космосе, христианство и индуизм, буддизм и ислам, иудейство и религия шинто говорят о р а з н о м, о разных, так сказать, духовных странах, о разных сегментах Шаданакара; ограниченность же человеческая толкует это как противоречия и объявляет одно из учений истинным, а остальные — ложными. — «Если Бог един, то другие боги суть, так сказать, самозванцы: это — или бесы, или игра человеческого воображения». Какая детская мысль! Господь Бог един, но богов много; начертание этого слова в

русском языке то с большой, то с малой буквы достаточно ясно говорит о различиях содержания, вкладываемого в это слово в обоих случаях. Если же повторение этого слова в различных смыслах пугает кого-нибудь, пусть он заменит его, говоря о политеизме, каким-нибудь другим: «великие духи», «великие иерархии», но от этого ничего не изменится, если не считать того, что употребление слова «дух» может в ряде случаев повести к недоразумениям, ибо многие из этих богов суть не духи, а могучие существа, обладающие материальной воплощенностью, хотя и в других, трансфизических слоях бытия.

Все эти основанные на недоразумениях разногласия между религиями приводят на память одно сравнение, когда-то встреченное мною в религиозной литературе, хотя я и не помню, где именно: как если бы несколько путешественников поднимались с разных сторон на одну и ту же гору, видели и обследовали различные ее склоны, а по возвращении заспорили бы о том, кто из них видел реально существующее, а кто — причуды собственного воображения; причем каждый рассуждал бы, что гора именно такова, каковой она оказалась с его стороны, а свидетельства других путешественников о других ее сторонах — лживы, абсурдны и являют собой западню для душ человеческих. Таким образом, первый вывод, вытекающий из сопоставления междурелигиозных разногласий, заключает в себе путь к устранению тех из них, которые основаны либо просто на недоразумении, либо на несовпадении объектов религиозного познания в различных рядах опыта, то есть противоречия «по горизонтали».

Но не только политеизм, но и анимизм, и праанимизм не исчерпываются мутными, случайными, субъективными образами, возникавшими в сознании первобытного человечества: трансфизическая реальность стоит и за ними. Провидение именно потому и есть Провидение, что оно никогда не оставляло народы и расы быть игралищем фантазмов и иллюзий, без всякой возможности соприкоснуться с высшей реальностью. Не Бога, а темную, злобную силу пришлось бы признать за истинного вожатого человечества, если представить себе, что десятки тысяч лет первобытному человечеству преграждалась всякая возможность пережить что-либо духовное или, по крайней мере, иноматериальное, соприкоснуться с чем-либо, кроме физического мира да собственных фантасмагорий. — Пусть так, но чем может духовный опыт «дикаря» обогатить нас — нас, стоящих на столь высокой, сравнительно с ним, ступени духопознания? — А вот именно тем, что было постигнуто тогда, в той обстановке, тою неповторимой психикой, но не передалось, утратилось, не было преемственно воспринято последующими формами духопознания в свою сокровищницу. Специальное исследование магических представлений и опыта пралогического мышления под этим углом зрения помогло бы не только «реабилитации» этих древних верований в их существенных чертах, но и нашло бы для них место в начинающем формироваться теперь синтетическом религиозном мировоззрении. Выяснилось бы, например, что представления австралийского племени арунта о единой жизненной субстанции, переливающейся в материи непрерывно и повсеместно, из существа в существо, из предмета в предмет (а в таких представлениях заключается, в сущности, вся религия этого племени), есть древнейшее

откровение человечества о трансфизическом космосе: это есть живое, ярчайшее, безусловнейшее, чем когда-либо потом, переживание единой жизненной силы; австралийцы окрестили ее арунгвильтой, высокоразвитый брахманизм называет ее праной, а как назовет ее через двадцать или тридцать лет мировая наука — это мы еще услышим.

Это разногласие — утверждение тезиса об арунгвильте-пране древнейшими верованиями и отрицание его подавляющим большинством позднейших религиозных учений — можно рассматривать как разногласие стадиальное, разногласие *«по вертикали»*, разногласие между различными ступенями религиозного познания. Но и здесь мы наталкиваемся на ту же ошибку, тот же неправомерный подход к чужому опыту, с которым мы познакомились, разбирая вопрос об отрицании исламом культа святых или идеи Троичности. И здесь, подо всеми доводами, которые приводятся против древнейшего откровения, таится все тот же наивный ход мысли: об арунгвильте-пране ничего не говорят авторитетные для меня канонизированные тексты; следовательно, ее нет. Ход мысли, по меньшей мере, опасный, потому что в таком случае придется отрицать реальность не только арунгвильты-праны, но и радиоволн, и элементарных частиц, и множества химических элементов, и галактик, и даже, например, планеты Уран, ибо обо всем этом канонические тексты хранят абсолютное молчание[1].

Выясняется, таким образом, еще и следующее: решительная необходимость учесть то, что не было учтено в эпоху формирования старинных, так сказать, классических конфессий: опыт первобытного духопознания, а так же то, что не могло быть учтено тогда по самому ходу вещей: опыт многовековой эволюции религий на всех континентах, опыт мировой истории и опыт науки. Материал этих рядов опыта учит нас подходить ко всем догматам и тезисам динамически, уметь понять всякий тезис как звено в цепи религиозно-исторического развития и уметь расслоить его на два, а то и на три пласта. Глубиннейший пласт есть *основа идеи*, содержащая относительную частную истину. Другой пласт есть специфическая окраска, разработка, детализация идеи в той мере, в какой индивидуальный, расовый или эпохальный аспект ее *оправдан*, ибо именно такой и только такой расовый или эпохальный склад души дал возможность этому народу вообще воспринять эту идею. Самый же внешний, третий пласт — шелуха, аберрации, неизбежная муть человеческих сознаний, сквозь которую проникает свет откровения. Следовательно, опыт всех стадий развития, в том числе политеистической, анимистической и пр<очих>, должен быть освобожден от своего внешнего пласта, от шелухи, заново осмыслен и включен в мировоззрение *религии итога*. Конечно, принцип такой работы здесь едва намечен, системы критериев нуждаются в огромной разработке, да и вообще такой пересмотр «религиозного наследия» — задача колоссальная,

1. Кстати, если Евангелие не говорит об арунгвильте-пране прямыми словами, зато оно подробно рассказывает о длинном ряде случаев, когда Христос и, позднее, апостолы пользовались этою сущностью. Совершенно непонятно, как могли бы христианские ортодоксы объяснить суть того иноматериального механизма, которым пользовались виновники чудесных исцелений, если отрицать наличие жизненной силы, разлитой во всем и везде.

требующая совместного труда многих и многих; в настоящее время для нее нет даже и кадров, не говоря о прочих необходимых условиях. Но если эта задача велика, то чем скорее будет приступлено по крайней мере к подготовительной работе, тем лучше. Не надо преуменьшать трудностей, но есть все основания для надежд на то, что при условии доброй воли, при энергии и инициативности руководящих лиц пропасти и рвы, разделяющие ныне все религии, будут постепенно засыпаны, и хотя каждая из религий сохранит своеобразие и неповторимость, но некоторый духовный союз, некоторого рода уния сможет со временем объединить все учения «правой руки».

Известно, что многие японцы, исповедующие христианство, остаются в то же время верными шинтоизму. Правоверного католика или протестанта, да и православного тоже это коробит, он не может понять, как это психологически возможно, и даже ощущает в этом явлении нечто как бы кощунственное. Но безо всякого кощунства это возможно и даже совершенно естественно потому, что опыт христианства и опыт шинтоизма различествуют по горизонтали: они — о разном. Шинтоизм есть национальный миф. Это есть аспект мирового религиозного откровения, обращенный к народу японскому, и только к нему. Это — осмысление духовной, лучше сказать, трансфизической реальности, надстоящей над японским народом, и только над ним, и проявлявшейся в его истории и культуре. В шинтоизме не найти ответов на вопросы космического, планетарного или общечеловеческого характера: о Творце мира, о происхождении зла и страдания, о путях космического становления. Он говорит только о метаистории Японии, о ее метакультуре, об иерархиях, ею народоводительствующих, и о небесном соборе просветленных душ, поднявшихся в высшие миры Шаданакара именно из Японии. Синкретизм японцев, то есть одновременное исповедание ими шинтоизма и католичества, шинтоизма и буддизма, есть не психологический парадокс, а, напротив, первый намек на то, как должны дополнять гармонически друг друга опыты и истины различных религий.

Конечно, прежде чем станет осуществимой уния между христианством и другими религиями и культами «правой руки» — а это есть одна из исторических задач Розы Мира, — естественно достичь воссоединения христианских церквей: подготовку такого воссоединения, богословскую, философскую, психологическую, культурную и организационную, Роза Мира будет проводить с неослабевающим воодушевлением. Пока воссоединения христианства не произошло, пока Восьмой вселенский собор (или несколько последовательных соборов) не рассмотрят весь объем старой догматики и не внесут в него ряд тезисов, основанных на духовном опыте последней тысячи лет, пока они не санкционируют наивысшим авторитетом воссоединенного христианства тезисы учения Розы Мира, до тех пор эти тезисы могут, конечно, исповедоваться, утверждаться, проповедоваться, но не должны быть отлиты в замкнутые, завершенные, безусловные формы, рекомендуемые к исповеданию всем христианам.

В этом воссоединении христианских конфессий и в дальнейшей унии всех религий Света ради общего сосредоточения всех сил на совершенствовании человечества и на одухотворении природы Роза Мира видит свою надрелигиозность и интеррелигиозность.

Религиозная исключительность ее последователям не только чужда — она для них невозможна. С о - в е р ч е с т в у со всеми народами в их наивысших идеалах — вот чему учит ее мудрость.

Строение Розы Мира предполагает поэтому ряд концентрических кругов. Почитаться пребывающими вне всеобщей церкви не должны последователи никакой религии «правой руки»; те же из них, кто еще не достиг сознания надрелигиозного единства, занимают внешние из этих кругов. Средние круги охватывают менее деятельных, менее творческих из числа последователей Розы Мира; внутренние же — тех, кто смысл своего существования положил в сознательном и свободном богосотворчестве.

Пусть христианин вступает в буддийский храм с трепетом и благоговением: тысячи лет народы Востока, отделенные от очагов христианства пустынями и горными громадами, постигали через мудрость своих учителей истину о других краях мира горнего. Сквозь дым курений здесь мерцают изваяния высоких владык иных миров и великих вестников, об этих мирах говоривших людям. Мирам этим не соприкоснулся западный человек; пусть же обогатятся его разум и душа хранимым здесь знанием.

Пусть мусульманин входит в индуистский храм с мирным, чистым и строгим чувством: не ложные боги взирают на него здесь, но условные образы великих духов, которых поняли и страстно полюбили народы Индии и свидетельство о которых следует принимать другим народам с радостью и доверием.

И пусть правоверный шинтоист не минует неприметного здания синагоги с пренебрежением и равнодушием: здесь другой великий народ, обогативший человечество глубочайшими ценностями, оберегает свой опыт о таких истинах, которыми духовный мир открылся ему — и никому более.

Розу Мира можно сравнить с опрокинутым цветком, корни которого — в небе, а лепестковая чаша — здесь, в человечестве, на земле. Ее стебель — откровение, через него текут духовные соки, питающие и укрепляющие ее лепестки, — благоухающий хорал религий. Но, кроме лепестков, у нее есть сердцевина: это — ее собственное учение. Учение это не есть механическое сочетание наиболее высоких тезисов различных теософем прошлого: кроме нового отношения к религиозному наследию, Роза Мира осуществляет новое отношение к природе, к истории, к судьбам человеческих культур, к их задачам, к творчеству, к любви, к путям космического восхождения, к последовательному просветлению Шаданакара. В иных случаях отношение это ново потому, что хотя отдельные деятели прошлого говорили о нем, но *религией*, но *церковью* оно принимается и исповедуется впервые. В других случаях отношение Розы Мира оказывается новым в безотносительном смысле, потому что его еще не высказывал никто никогда. Это новое отношение вытекает из нового духовного опыта, без которого, вместо Розы Мира, был бы возможен только рассудочный и бесплодный религиозный эклектизм.

Но прежде чем перейти к содержанию этого духовного опыта, к основам этого учения, предстоит уяснить, на каких путях души этот опыт приобретается и какими методами можем мы облегчить или ускорить для себя его приобретение.

КНИГА ВТОРАЯ

О МЕТАИСТОРИЧЕСКОМ И ТРАНСФИЗИЧЕСКОМ МЕТОДАХ ПОЗНАНИЯ

Глава первая
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА

Общеизвестно выражение «религиозное чувство». Это выражение неправильное: религиозного чувства «вообще» не существует, а существует необозримый мир религиозных чувств и переживаний, бесконечно разнообразных, часто контрастирующих между собой, различных и по своему эмоциональному содержанию, и по объекту своей направленности, и по силе, и по тону, и, так сказать, своему цвету. Широты и многообразия этого мира даже не подозревает тот, кто лишен собственного религиозного опыта и заключает о нем только по свидетельствам других: свидетельства эти, при отсутствии личного опыта, почти всегда воспринимаются с недоверием, с предубеждением, со склонностью истолковывать их сообразно не с утверждениями самих свидетельствующих, а с догматическими положениями арелигиозных схем.

Многообразию мира религиозных чувств соответствует и многообразие методов религиозного познания. Излагать эти методы — значит писать фундаментальное исследование по истории и психологии религий. Подобная задача не имеет никакого отношения к задаче настоящей книги. В задачу книги входит — как один из компонентов — намерение дать понятие лишь о *некоторых* методах религиозного познания, а именно тех, которые, как мне кажется, имеют наибольшее творческое значение на текущем историческом этапе.

Произошла бы самая печальная ошибка, если бы кто-нибудь заподозрил автора этой книги в претензиях на роль одного из основоположников великого дела — исторического, культурного и общественного — созидания того, что обозначается здесь словами «Роза Мира». Все обстоит совсем иначе. Роза Мира может явиться и появится только в результате совместного труда огромного числа людей. Я убежден, что не только в России, но и во многих других краях Земли — в первую очередь, кажется, в Индии и Америке, происходит тот же процесс: та же грандиозная потусторонняя реальность вторгается в человеческое сознание, сначала — сознание единиц, потом сотен, чтобы позднее стать достоянием миллионов. Да, теперь, сейчас, вот в эту самую минуту, люди, еще ничего не знающие друг о друге, иногда разделенные огромными пространствами и рубежами государств, иногда — лишь стенами нескольких домов, переживают потрясающие прорывы сознания, созерцают трансфизическую высь и трансфизическую глубь, и некоторые силятся — каждый сообразно личным способностям и складу души — выразить или хоть приближенно отобразить этот опыт в творениях слова, кисти и музыки. Не знаю сколько, но, по-видимому, уже немало людей стоят в этом потоке откровения. И моя задача — выразить его так, как переживаю его именно я, — и только.

Следовательно, речь здесь пойдет не о научном строе мышления и познания и даже не о художественном, но о таком, понимание которого требует некоторой перестройки представлений, господствующих в России последние сорок лет.

Я полагаю, что серьезное вникновение исследователей, стоящих на высоте современной физиологии и психологии, в огромную апокалиптическую литературу, в автобиографические свидетельства духовных авторов и некоторых религиозных деятелей, имевших опыт подобного рода, непредубежденное изучение и обобщение материала, рассеянного в трудах по сравнительной религиологии, — все это приведет со временем к выработке научной методики, на основе которой удалось бы заложить фундамент гносеологии религиозного, и в частности метаисторического, познания. Можно себе представить возникновение научно-педагогической практики, ставящей целью овладеть механизмом этого познания, дать личности, до сих пор воспринимавшей этот процесс пассивно, способы вызывать его и управлять им, хотя бы отчасти. Но все это — дело будущего, и притом не близкого. Пока несомненно только то, что многообразие этого процесса зависит и от субъекта, и от объекта познания. Нельзя объять необъятного; я могу говорить здесь лишь о том варианте процесса, с которым меня столкнула собственная жизнь. Придется идти на то, чтобы усилить в книге элемент автобиографический, хотя я лично, при любых иных обстоятельствах, этого элемента стремился бы избегать.

В центре внимания при этом будут три вида религиозного познания: метаисторический, трансфизический и вселенский. Впрочем, проводить вполне четкую границу между ними невозможно, да и не нужно.

Прежде всего: что, собственно, разумеется здесь под метаисторией?

Метаистория есть, говорит Сергей Булгаков, едва ли не единственный русский мыслитель, поставивший эту проблему ребром, — метаистория есть «ноуменальная сторона того универсального процесса, который одной из своих сторон открывается для нас как история»[1]. Мне думается, однако, что применение кантовской терминологии к проблемам этого порядка вряд ли поможет уяснению существа дела. Понятия ноуменального и феноменального были выработаны иным ходом мысли, вызваны иными философскими потребностями. Объекты метаисторического опыта могут быть втиснуты в систему этой терминологии лишь по способу Прокруста.

Еще неправомернее сближение метаистории с каким-либо из видов философии истории. Философия истории есть именно философия; метаистория же всегда мифологична.

Так или иначе, термин «метаистория» употребляется в настоящей книге в двух значениях.

——— 1. Булгаков С. Два града. М., 1911. Т. 2. С. 103.

Во-первых — как лежащая пока вне поля зрения науки, вне ее интересов и ее методологии совокупность процессов, протекающих в тех слоях инобытия, которые, будучи погружены в другие потоки времени и в другие виды пространства, просвечивают иногда сквозь процесс, воспринимаемый нами как история. Эти потусторонние процессы теснейшим образом с историческим процессом связаны, его собою в значительной степени определяют, но отнюдь с ним не совпадают и с наибольшей полнотой раскрываются на путях именно того специфического метода познания, который следует назвать метаисторическим.

Второе значение слова «метаистория» — это учение об этих процессах инобытия, учение, разумеется, не в научном, а именно в религиозном смысле.

Нет ничего удивительного в том, что возможность познания этих процессов обусловлена для различных индивидуумов рядом психологических, а может быть, и физиологических предпосылок. Очевидно, мы имеем здесь дело с некоторой врожденной предрасположенностью; мы столь же мало можем вызвать или уничтожить ее, как, например, врожденное свойство музыкальности. Однако самая эта способность может быть на протяжении жизни или заглушена, или просто остаться неиспользованной, как зарытый в землю талант, или, наконец, подвергнуться развитию, иногда даже чрезвычайно ускоренному. Научно-воспитательная система, которая кажется нам возможной в будущем, способствовала бы именно развитию этой способности. Пока же средства положительного воздействия на эту способность приходится нащупывать почти вслепую, и заметного развития ее на протяжении жизни не получилось бы, вероятно, совсем, если бы некоторые силы, действуя навстречу нашим усилиям, не брали бы на себя огромный труд развития в нас соответствующих органов восприятия. Однако кажется весьма правдоподобным, что для возникновения процесса метаисторического познания необходимо, кроме врожденных свойств и деятельной помощи Провиденциальных сил, и кое-что приобретенное нами самими, например — наличие пусть скромного, но безусловного запаса положительных исторических сведений. Для человека совершенно невежественного, никак не переживающего своей связи с историческим потоком явлений, живи он в австралийской пустыне или в дебрях современного города-гиганта, метаисторический метод познания закрыт. Участием в накоплении вот этого именно запаса исторических сведений и ограничивается пока роль научного фактора в разбираемом психологическом процессе, точнее — в подготовке к этому процессу. Самый же процесс, по крайней мере тот его вариант, который мне знаком, не имеет к научным формам познания ни малейшего отношения. Повторяю это и подчеркиваю.

Состоит он из трех последовательных стадий.

Первая стадия заключается в мгновенном внутреннем акте, совершающемся без участия воли субъекта и, казалось бы, без видимой предварительной подготовки, хотя, конечно, в действительности такая подготовка, только протекающая за порогом сознания, должна иметь место.

Содержанием этого акта является молниеносное, но охватывающее огромные полосы исторического времени переживание нерасчленимой ни на

какие понятия и невыразимой ни в каких словах с у т и больших исторических феноменов. Формой же такого акта оказывается сверх меры насыщенная динамически кипящими образами *минута* или *час*, когда личность ощущает себя как тот, кто после долгого пребывания в тихой и темной комнате был бы вдруг поставлен под открытое небо в разгар бури — вызывающей ужас своей грандиозностью и мощью, почти ослепляющей и в то же время переполняющей чувством захватывающего блаженства. О такой полноте жизни, о самой возможности такой полноты личность раньше не имела никакого представления. Синтетически охватываются единовременно целые эпохи, целый — если можно так выразиться — метаисторический космос этих эпох с великими, борющимися в нем началами. Ошибочно было бы предполагать, что эти образы имеют непременно зрительную форму. Нет, зрительный элемент включается в них, как, может быть, и звуковой, но сами они так же относятся к этим элементам, как, например, океан относится к водороду, входящему в состав его воды. Дать представление об этом переживании крайне трудно за отсутствием сколько-нибудь точных аналогий с чем-либо другим, более известным.

Переживание это оказывает потрясающее действие на весь душевный состав. Содержание его столь превосходит все, что находилось раньше в круге сознания личности, что оно будет много лет питать собою душевный мир пережившего. Оно станет его драгоценнейшим внутренним достоянием.

Такова первая стадия метаисторического познания. Мне кажется допустимым назвать ее метаисторическим озарением[1].

Результат озарения продолжает храниться в душевной глубине, храниться не как воспоминание, а как нечто живое и живущее. Оттуда постепенно, годами, поднимаются в круг сознания отдельные образы, идеи, целые концепции, но еще больше остается их в глубине, и переживший знает, что никакая концепция никогда не сможет охватить и исчерпать этого приоткрывшегося ему космоса метаистории. Эти-то образы и идеи становятся объектом в т о р о й стадии процесса.

Вторая стадия не обладает тем моментальным характером, как первая: она представляет собою некоторую цепь состояний — цепь, пронизывающую недели и месяцы и проявляющуюся почти ежедневно. Это есть внутреннее созерцание, напряженное вживание, сосредоточенное вглядывание — иногда радостное, иногда мучительное — в исторические образы, но не замкнутые в самих себе, а воспринимаемые в их слитности со второй, метаисторической реальностью, за ними стоящей. Выражение «вглядываться» я употребляю здесь условно, а под словом «образы» разумею опять-таки не зрительные представления только, но представления *синтетические*, включающие зрительный элемент лишь постольку, поскольку созерцаемое может вообще иметь зрительно представимый облик. При этом крайне важно то, что содержанием подобного созерцания бывают в значительной мере и явления

1. Такая характеристика, однако, не должна быть воспринята как попытка предрешить заранее в положительном смысле оценку объективной значимости описанного психологического явления. Об этом речь впереди.

иномерных слоев материальности; ясно, что воспринимать их могут не физические органы зрения и слуха, но некоторые другие, имеющиеся в составе нашего существа, но обычно отделенные как бы глухою стеной от зоны дневного сознания. И если первая стадия процесса отличалась пассивным состоянием личности, ставшей как бы невольным зрителем ошеломляющего зрелища, то на второй стадии возможно, в известной мере, направляющее действие личной воли, — иногда, например, в выборе того или иного объекта созерцания. Но чаще, и как раз в наиболее плодотворные часы, образы всплывают непроизвольно, излучая, сказал бы я, такую завораживающую силу и приоткрывая такой многопланный смысл, что часы созерцания превращаются в ослабленные подобия минут озарения. При известной творческой предрасположенности субъекта образы эти могут в иных случаях становиться источником или стержнем, осью художественных произведений; и сколь мрачны и суровы ни были бы некоторые из них, но величие этих образов таково, что трудно найти равное тому наслаждению, которое вызывается их созерцанием.

Именно метаисторическим созерцанием можно, мне кажется, назвать эту вторую стадию процесса.

Картина, создающаяся таким образом, подобна полотну, на котором ясны отдельные фигуры и, быть может, их общая композиция, но другие фигуры туманны, а некоторые промежутки между ними ничем не заполнены; иные же участки фона или отдельные аксессуары отсутствуют вовсе. Возникает потребность уяснения неотчетливых связей, заполнения скитающихся пустот. Процесс вступает в третью стадию, наиболее свободную от воздействия внеличных и внерассудочных начал. Ясно поэтому, что именно на т р е т ь е й стадии совершаются наибольшие ошибки, неправильные привнесения, слишком субъективные истолкования. Главная помеха заключается в неизбежно искажающем вмешательстве рассудка; вполне отделаться от этого, по-видимому, почти невозможно. Возможно другое: уловив внутреннюю природу метаисторической логики, удается иной раз перестроить в ее направлении даже работу рассудка.

Эту третью стадию процесса естественно назвать метаисторическим осмыслением.

Таким образом, метаисторическое озарение, метаисторическое созерцание и метаисторическое осмысление можно фиксировать как три стадии того пути познания, о котором идет речь.

Оговорю возможность еще одного рода состояний, представляющих разновидность состояний первой стадии. Это — озарение особого типа, связанное с переживанием метаисторических начал демонической природы; некоторые из них обладают огромною мощью и обширною сферой действия. Это состояние, которое было бы правильно назвать инфрафизическим прорывом психики, крайне мучительно и по большей части насыщено чувством своеобразного ужаса. Но, как и в остальных случаях, за этим состоянием тоже следуют стадии созерцания и осмысления.

Мои книги, написанные или пишущиеся в чисто поэтическом плане, зиждутся на личном опыте метаисторического познания. Концепция, являющаяся каркасом этих книг, выведена целиком из этого опыта. Откуда я взял эти образы? кто и как внушил мне эти идеи? какое право имею я говорить с такой уверенностью? могу ли я дать какие-нибудь гарантии в подлинности своего опыта? Теперь, здесь, в одной из вступительных частей книги «Роза Мира», я отвечаю на эти вопросы как могу. В автобиографической конкретизации нет ничего для меня привлекательного, я стараюсь ее свести к минимуму. Но в этот минимум входит, конечно, краткий отчет о том, где, когда и при каких обстоятельствах были пережиты мной часы метаисторического озарения.

Первое событие этого рода, сыгравшее в развитии моего внутреннего мира огромную, во многом даже определяющую роль, произошло в августе 1921 года, когда мне еще не исполнилось пятнадцати лет. Это случилось в Москве, на исходе дня, когда я, очень полюбивший к тому времени бесцельно бродить по улицам и беспредметно мечтать, остановился у парапета в одном из скверов, окружавших Храм Христа Спасителя и приподнятых над набережной. Московские старожилы еще помнят, какой чудесный вид открывался оттуда на реку, Кремль и Замоскворечье с его десятками колоколен и разноцветных куполов. Был, очевидно, уже седьмой час, и в церквах звонили к вечерне... Событие, о котором я заговорил, открыло передо мной или, вернее, надо мной такой бушующий, ослепляющий, непостижимый мир, охватывавший историческую действительность России в странном единстве с чем-то неизмеримо бóльшим над ней, что много лет я внутренне питался образами и идеями, постепенно наплывавшими оттуда в круг сознания. Разум очень долго не мог справиться с ними, пробуя создавать новые и новые конструкции, которые должны были сгармонизировать противоречивость этих идей и истолковать эти образы. Процесс слишком быстро вступил в стадию осмысления, почти миновав промежуточную стадию созерцания. Конструкции оказались ошибочными, разум не мог стать вровень со вторгавшимися в него идеями, и потребовалось свыше трех десятилетий, насыщенных дополняющим и углубляющим опытом, чтобы пучина приоткрывшегося в ранней юности была правильно понята и объяснена.

Второе событие этого порядка я пережил весной 1928 года в церкви Покрова в Левшине, впервые оставшись после пасхальной заутрени на раннюю обедню: эта служба, начинающаяся около двух часов ночи, ознаменовывается, как известно, чтением — единственный раз в году — первой главы Евангелия от Иоанна: «В начале бе Слово». Евангелие возглашается всеми участвующими в службе священниками и дьяконами с разных концов церкви, поочередно, стих за стихом, на разных языках — живых и мертвых. Эта ранняя обедня — одна из вершин православного — вообще христианского — вообще мирового богослужения. Если предшествующую ей заутреню можно сравнить с восходом солнца, то эта обедня — настоящий духовный полдень, полнота света и всемирной радости. Внутреннее событие, о котором я говорю, было, и по содержанию своему, и по тону, совсем иным, чем первое: гораздо более широкое, связанное как бы с панорамой всего человечества и с переживанием Всемирной истории как единого мистического потока, оно, сквозь торжественные движения и звуки совершавшейся передо

мной службы, дало мне ощутить тот вышний край, тот небесный мир, в котором вся наша планета предстает великим Храмом и где непрерывно совершается в невообразимом великолепии вечное богослужение просветленного человечества.

В феврале 1932 года, в период моей кратковременной службы на одном из московских заводов, я захворал и ночью, в жару, приобрел некоторый опыт, в котором, конечно, большинство не усмотрит ничего, кроме бреда, но для меня — ужасающий по своему содержанию и безусловный по своей убедительности. Существо, которого касался этот опыт, я обозначал в своих книгах и обозначаю здесь выражением «третий уицраор». Странное, совсем не русское слово «уицраор» не выдумано мною, а вторглось в сознание тогда же. Очень упрощенно смысл этого исполинского существа, схожего, пожалуй, с чудищами морских глубин, но несравненно превосходящего их размерами, я бы определил как демона великодержавной государственности. Эта ночь оставалась долгое время одним из самых мучительных переживаний, знакомых мне по личному опыту. Думаю, что если принять к употреблению термин «инфрафизические прорывы психики», то к этому переживанию он будет вполне применим.

В ноябре 1933 года я случайно — именно совершенно случайно — зашел в одну церковку во Власьевском переулке. Там застал я акафист преподобному Серафиму Саровскому. Едва я открыл входную дверь, прямо в душу мне хлынула теплая волна нисходящего хорового напева. Мною овладело состояние, о котором мне чрезвычайно трудно говорить, да еще в таком протокольном стиле. Непреодолимая сила заставила меня стать на колени, хотя участвовать в коленопреклонениях я раньше не любил: душевная незрелость побуждала меня раньше подозревать, что в этом движении заключено нечто рабское. Но теперь коленопреклонения оказалось недостаточно. И когда мои руки легли на ветхий, тысячами ног истоптанный коврик, распахнулась какая-то тайная дверь души, и слезы ни с чем не сравнимого блаженного восторга хлынули неудержимо. И, по правде сказать, мне не очень важно, как знатоки всякого рода экстазов и восхищений назовут и в какой разряд отнесут происшедшее вслед за этим. Содержанием же этих минут был подъем в Небесную Россию, переживание Синклита ее просветленных, нездешняя теплота духовных потоков, льющихся из того средоточия, которое справедливо и точно именовать Небесным Кремлем. Великий дух, когда-то прошедший по нашей земле в облике Серафима Саровского, а теперь — один из ярчайших светильников Русского Синклита, приблизился и склонился ко мне, укрыв меня, словно эпитрахилью, шатром струящихся лучей света и ласкового тепла. В продолжение почти целого года, пока эту церковь не закрыли, я ходил каждый понедельник к акафистам преподобному Серафиму — и — удивительно! — переживал это состояние каждый раз, снова и снова, с неослабевающей силой.

В начале 1943 года я участвовал в переходе 196-й стрелковой дивизии по льду Ладожского озера и, после двухдневного пути через Карельский перешеек, вошел поздно вечером в осажденный Ленинград. Во время пути по безлюдному, темному городу к месту дислокации мною было пережито состояние, отчасти напоминавшее то давнишнее, юношеское, у храма Спасителя,

по своему содержанию, но окрашенное совсем не так: как бы ворвавшись сквозь специфическую обстановку фронтовой ночи, сперва просвечивая сквозь нее, а потом поглотив ее в себе, оно было окрашено сурово и сумрачно. Внутри него темнело и сверкало противостояние непримиримейших начал, а их ошеломляющие масштабы и зиявшая за одним из них великая демоническая сущность внушали трепет ужаса. Я увидел третьего уицраора яснее, чем когда-либо до того, — и только веющее блистание от приближавшегося его врага — нашей надежды, нашей радости, нашего защитника, великого духа-народоводителя нашей родины — уберегло мой разум от непоправимого надлома[1].

Наконец, нечто схожее, но уже полностью свободное от метафизического ужаса, было мною пережито в сентябре 1949 года во Владимире, опять-таки ночью, в маленькой тюремной камере, когда мой единственный товарищ спал, и несколько раз позднее, в 1950–<19>53 годах, тоже по ночам, в общей тюремной камере. Для «Розы Мира» недостаточно было опыта, приобретенного на таком пути познания. Но самое движение по этому пути привело меня к тому, что порою я оказывался способным сознательно воспринять воздействие некоторых Провиденциальных сил, и часы этих духовных встреч сделались более совершенной формой метаисторического познания, чем та, которая мною только что описана.

Сравнительно часто и многими изведан выход эфирного тела из физического вместилища, когда это последнее покоится в глубоком сне, и странствие по иным слоям планетарного космоса. Но, возвращаясь к дневному сознанию, путник не сохраняет о виденном никаких отчетливых воспоминаний. Хранятся они только в глубинной памяти, наглухо отделенной от сознания у огромного большинства. Глубинная память (анатомически ее центр помещается в мозгу) — это хранилище воспоминаний о предсуществовании души, а также о ее трансфизических странствиях, подобных описываемому. Психологический климат некоторых культур и многовековая религиозно-физиологическая практика, направленная в эту сторону, как, например, в Индии и в странах буддизма, способствовали тому, что преграда между глубинной памятью и сознанием ослабела. Если отрешиться от дешевого скепсиса, нельзя не обратить внимание на то, что именно в этих странах часто можно услышать, даже от совсем простых людей, утверждения о том, что область предсуществования не является для их сознания закрытой совершенно. В Европе, воспитывавшейся сперва на христианстве, оставлявшем эту проблему в стороне, а потом на безрелигиозной науке, ослаблению преграды между глубинной памятью и сознанием не способствовало ничто, кроме индивидуальных усилий редких единиц.

1. Это переживание я попытался выразить в поэме «Ленинградский Апокалипсис», но закономерности искусства потребовали как бы рассучить на отдельные нити ткань этого переживания. Противостоявшие друг другу образы, явившиеся одновременно, пришлось изобразить во временной последовательности, а в общую картину внести ряд элементов, которые хотя этому переживанию и не противоречат, но в действительности в нем отсутствовали. К числу таких произвольных привнесений относится падение бомбы в Инженерный замок (при падении этой бомбы я не присутствовал), а также контузия героя поэмы.

Я должен сказать совершенно прямо, что лично мною не было проявлено даже и этих усилий по той простой причине, что я не знал, как к этому подойти, а руководителей у меня не было. Но было зато нечто иное, чем я обязан, вероятно, усилиям невидимых осуществителей Провиденциальной воли, а именно — некоторая приоткрытость, как бы на узенькую щелку, двери между глубинной памятью и сознанием. Сколь бы неубедительно ни прозвучало это для подавляющего большинства, но я не намерен скрывать того факта, что слабые, отрывочные, но для меня неоспоримо достоверные проблески из глубинной памяти сказывались в моей жизни с детских лет, усилились в молодости и наконец на сорок седьмом году жизни стали озарять дни моего существования новым светом. Это не значит, будто бы совершилось полное раскрытие органа глубинной памяти, — до этого еще далеко, но значительность образов, оттуда подающихся, стала для меня столь осязательно ясна, а образы эти временами столь отчетливы, что качественное, принципиальное отличие их от обычных воспоминаний, а также от работы воображения становится несомненным.

Как могу я не преклониться с благодарностью перед судьбой, приведшей меня на целое десятилетие в те условия, которые проклинаются почти всеми, их испытавшими, и которые были не вполне легки и для меня, но которые вместе с тем послужили могучим средством к приоткрытию духовных органов моего существа? Именно в тюрьме, с ее изоляцией от внешнего мира, с ее неограниченным досугом, с ее полутора тысячею ночей, проведенных мною в бодрствовании, лежа на койке, среди спящих товарищей, — именно в тюрьме начался для меня новый этап метаисторического и трансфизического познания. Часы метаисторического озарения участились. Длинные ряды ночей превратились в сплошное созерцание и осмысление. Глубинная память стала посылать в сознание все более и более отчетливые образы, озарявшие новым смыслом и события моей личной жизни, и события истории и современности. И наконец, пробуждаясь утром после короткого, но глубокого сна, я знал, что сегодня сон был наполнен не сновидениями, но совсем другим: трансфизическими странствиями.

Если подобные странствия совершаются по демоническим слоям и притом без вожатого, а под влиянием темных устремлений собственной души или по предательскому призыву демонических начал, человек, пробуждаясь, не помнит отчетливо ничего, но выносит из странствия влекущее, соблазнительное, сладостно-жуткое ощущение. Из этого ощущения, как из ядовитого семени, могут вырасти потом такие деяния, которые надолго привяжут душу, в ее посмертии, к этим мирам. Такие блуждания случались со мною в юности, такие деяния влекли они за собой, и не моя заслуга в том, что дальнейший излучистый путь моей жизни на земле уводил меня все дальше и дальше от этих срывов в бездну.

Если же спуск совершается с вожатым — одним из братьев Синклита страны или Синклита Мира, если он имеет провиденциальный смысл и назначение, то путник, пробуждаясь и испытывая иногда то же сладостно-жуткое, искушающее чувство, в то же время *осознает его соблазн*, мало того: в его воспоминаниях обретается этому соблазну противовес: это — понимание

грозного смысла существования этих миров и их подлинного лица, а не личины. Он не пытается вернуться в эти нижние слои посредством *этического падения в плане своего бодрственного бытия*, но делает приобретенный опыт объектом религиозного, философского и мистического осмысления или даже материалом своих художественных созданий, имеющих наряду с другими значениями непременный предупреждающий смысл.

На сорок седьмом году жизни я вспомнил и понял некоторые из своих трансфизических странствий, совершенных ранее; до этого времени воспоминания о них носили характер смутных, клочкообразных, ни в какое целое не слагавшихся хаотических полуобразов. Новые же странствия зачастую оставались в памяти так отчетливо, так достоверно, так волнуя все существо ощущением приоткрывшихся тайн, как не остается в памяти никакое сновидение, даже самое значительное.

Есть еще более совершенный вид таких странствий по планетарному космосу: тот же выход эфирного тела, те же странствия с великим вожатым по слоям восходящего или нисходящего ряда, но с полным сохранением бодрственного сознания. Тогда, вернувшись, путник приносит воспоминания еще более бесспорные и, так сказать, исчерпывающие. Это возможно только в том случае, если духовные органы чувств уже широко раскрыты и запоры с глубинной памяти сорваны навсегда. Это уже подлинное духовидение. И этого, конечно, я не испытал.

Насколько мне известно (возможно, впрочем, что я ошибаюсь), из европейских писателей этому был причастен пока один только Дант. Создание «Божественной комедии» было его миссией. Но полное раскрытие его духовных органов совершилось только в конце жизни, когда огромная работа над поэмой уже близилась к концу. Он понял многочисленные ошибки, неточности, снижение смысла, излишнюю антропоморфность образов, но для исправления уже не хватало времени и сил. Тем не менее излагаемая им система может быть принята в основных чертах как панорама разноматериальных слоев романо-католической метакультуры.

Не смея и заикаться о чем-либо подобном, я имел, однако, великое счастье бесед с некоторыми из давно ушедших от нас и ныне пребывающих в Синклите России. К совершенно потрясающим переживаниям их реальной близости я почти не смею прикоснуться пером. Не смею назвать и имена их, но близость каждого из них окрашивалась в неповторимо индивидуальный тон чувств. Встречи случались и днем, в людной тюремной камере, и мне приходилось ложиться на койку, лицом к стене, чтобы скрыть поток слез захватывающего счастья. Близость одного из великих братьев вызывала усиленное биение сердца и трепет торжественного благоговения. Другого все мое существо приветствовало теплой, нежной любовью как драгоценного друга, видящего насквозь мою душу и любящего ее и несущего мне прощение и утешение. Приближение третьего вызывало потребность склонить перед ним колена как перед могучим, несравненно выше меня взошедшим, и близость его сопровождалась строгим чувством и необычайной обостренностью внимания. Наконец, приближение четвертого вызывало ощущение ликующей радости — мировой радости — и слезы восторга. Во многом могу

усомниться, ко многому во внутренней жизни отнестись с подозрением в его подлинности, но не к этим встречам.

Видел ли я их самих во время этих встреч? Нет. Разговаривали ли они со мной? Да. Слышал ли я их слова? И да и нет. Я слышал, но не физическим слухом. Как будто они говорили откуда-то из глубины моего сердца. Многие слова их, особенно новые для меня названия различных слоев Шаданакара и иерархий, я повторял перед ними, стараясь наиболее близко передать их звуками физической речи, и спрашивал: правильно ли? Некоторые из названий и имен приходилось уточнять по нескольку раз; есть и такие, более или менее точного отображения которых в наших звуках найти не удалось. Многие из этих нездешних слов, произнесенных великими братьями, сопровождались явлениями световыми, но это не был физический свет, хотя их и можно сравнить в одних случаях со вспышками молнии, в других с заревами, в третьих — с лунным сиянием. Иногда это были уже совсем не слова в нашем смысле, а как бы целые аккорды фонетических созвучий и значений. Такие слова перевести на наш язык было нельзя совсем, приходилось брать из всех значений — одно, из всех согласованно звучащих слогов — один. Но беседы заключались не в отдельных словах, а в вопросах и ответах, в целых фразах, выражавших весьма сложные идеи. Такие фразы, не расчленяясь на слова, как бы вспыхивали, отпечатываясь на сером листе моего сознания, и озаряли необычайным светом то темное для меня и неясное, чего касался мой вопрос. Скорее даже это были не фразы, а чистые мысли, передававшиеся мне непосредственно, помимо слов.

Так путь метаисторических озарений, созерцаний и осмыслений был дополнен трансфизическими странствиями, встречами и беседами.

Дух нашего века не замедлит с вопросом: «Пусть то, что автор называет опытом, достоверно для пережившего субъекта. Но может ли оно иметь бóльшую объективную значимость, чем “опыт” обитателя лечебницы для душевнобольных? Где гарантии?»

Но странно: разве ко всем явлениям духовной жизни, ко всем явлениям культуры мы подходим с требованием гарантии? а если не ко всем, то почему именно к этим? Ведь мы не требуем от художника или композитора гарантии «достоверности» их музыкальных наитий и живописных видений. Нет гарантий и в передаче религиозного и, в частности, метаисторического опыта. Без всяких гарантий опыту другого поверит тот, чей душевный строй хотя бы отчасти ему созвучен; не поверит и потребует гарантий, а если получит гарантии — все равно их не примет тот, кому этот строй чужд. На обязательности принятия своих свидетельств настаивает только наука, забывая при этом, как часто ее выводы сегодняшнего дня опрокидывались выводами следующего. Чужды обязательности, внутренне беспредельно свободны другие области человеческого духа: искусство, религия, метаистория.

Впрочем, смешивать эти области между собой, полагать, например, будто метаисторическая форма познания является какою-то оригинальной и редкой разновидностью художественного творчества, — было бы самой примитивной ошибкой. На некоторых стадиях они могут соприкасаться, да. Но возможен метаисторический познавательный процесс, начисто свободный от

элементов художественного творчества, а процессы художественного творчества, не имеющие никакого отношения к метаистории, — воистину бесчисленны.

Но и в области религий — до сих пор лишь немногочисленные разновидности их действительно обогащены метаисторическим познанием. Интересно отметить, что в русском языке слово «откровение» в буквальном смысле равнозначное греческому «апокалипсис», не помешало, однако, этому последнему прочно обосноваться на русской почве. При этом за каждым из двух слов закрепился особый оттенок смысла. Значение слова «откровение» более обще: если не замыкаться в узкоконфессиональные рамки, придется включить в число исторических случаев откровения и такие события, как видения и восхи́щения Мухаммеда и даже озарение Гаутамы Будды. Апокалипсис же — только один из видов откровения: откровение не областей универсальной гармонии, не сферы абсолютной полноты, даже не круга звездных или иных космических иерархи́й; это — откровение о судьбах народов, царств, церквей, культур, человечества и о тех иерархиях, кои в этих судьбах проявляют себя наиболее действенно и непосредственно: откровение метаистории. Апокалипсис не так универсален, как откровение вселенское, он *иерархически ниже*, он — о более частом, о расположенном ближе к нам. Но именно вследствие этого он отвечает на жгучие запросы судьбы, брошенной в горнило исторических катаклизмов. Он заполняет разрыв между постижением универсальной гармонии и диссонансами исторического и личного бытия.

Как известно, богаты таким откровением были лишь немногие народы и в немногие века: апокалиптика возникла среди еврейства, по-видимому, около VI века до Р.Х., захватила раннее христианство и дольше всего держалась в средневековом иудействе, питаясь жгучей атмосферой его мессианизма.

В христианстве же, в частности в восточном, апокалиптическая форма познания почти совершенно утратилась еще в начале Средних веков, внезапно вспыхнув тусклым, мечущимся, чадящим пламенем в первое столетие великого русского раскола. Здесь неуместно вдаваться в анализ сложных и многочисленных причин этого ущерба, но невозможно не отметить его связь с тем антиисторизмом религиозного сознания и мира религиозных чувств, который останавливает наше внимание еще у византийских отцов церкви и прямо-таки поражает у представителей русского православия, даже у крупнейших, у таких, в праведности и в наивысшем духовном опыте которых не может быть сомнения. Антиисторизм становится словно обязательным каноном религиозной мысли. Поучительно вспомнить о нерешенных конфликтах между официальным антиисторизмом русского церковного миропонимания и врожденной, иррациональной тягой к апокалиптической форме познания, к метаистории, в духовных и творческих биографиях светских православных писателей и мыслителей: Гоголя, Хомякова, Леонтьева, Достоевского, Владимира Соловьева, Сергея Булгакова.

Но утешение в том, что прикосновение к метаистории может осуществляться и совсем иначе, чем это было разобрано здесь. Об этом свидетельствует тот *элемент метаисторического опыта*, который можно обнаружить

зачастую под огромной толщей антиисторизма — кажущегося или подлинного. Чувство, замечательно переданное Тютчевым, когда личность ощущает себя участницей некоей исторической мистерии, участницей в творчестве и борьбе великих духовных — лучше сказать трансфизических сил, мощно проявляющихся в роковые минуты истории, — разве, не обладая этим чувством, могла бы совершить свой подвиг Жанна д'Арк? Разве мог бы св. Сергий Радонежский — по всему остальному своему мирочувствию настоящий анахорет и аскет — принять столь решительное, даже руководящее участие в политических бурях своего времени? Могли ли бы без этого чувства значительнейшие из пап век за веком пытаться осуществить идею всемирной иерократии, а Лойола — создать организацию, сознательно стремящуюся овладеть механизмом исторического становления человечества? Мог ли бы Гегель без этого чувства, одною работой разума, создать «Философию истории», а Гете — вторую часть «Фауста»? Разве мыслимо было бы самосожжение раскольников, если бы ледяной ветер эсхатологического, метаисторического ужаса не остудил в них всякую привязанность к миру сему, уже подпавшему, как им казалось, власти антихриста? Смутное метаисторическое чувство, не просветленное созерцанием и осмыслением, часто приводит к искаженным концепциям, к хаотическим деяниям. Не ощущаем ли мы некий метаисторический пафос в выспренних тирадах вождей Французской революции, в доктринах утопического социализма, в культе Человечества Огюста Конта или в призывах ко всемирному обновлению путем разрушения всех устоев — призывах, принимающих в устах Бакунина тот оттенок, который заставляет вспоминать страстные воззвания иудейских пророков, хотя оратор XIX века вкладывает в эти воззвания новый, даже противоположный мирочувствию древних пророков смысл? Подобных вопросов можно было бы задавать еще сотни. Непременные же ответы на них приведут к двум важным выводам. Во-первых, станет ясно, что в общем объеме как западной, так и русской культуры подспудный слой апокалиптических переживаний можно обнаружить в неисчислимом количестве явлений, даже чуждых ему на первый взгляд. А во-вторых — что метаисторическое чувство, метаисторический опыт, неосознанный, смутный, сумбурный, противоречивый, вплетается то и дело в творческий процесс: и художественный, и религиозный, и социальный, и даже политический.

Говоря о метаисторическом методе познания, я незаметно перешел к трансфизическому: странствия и встречи, рассказанные мною, отчасти относятся уже к областям трансфизического познания. Ведь я говорил уже, что далеко не всегда можно четко классифицировать эти явления; этого не нужно было бы вовсе, если бы не хотелось внести некоторую ясность в сложный и малоисследованный ряд проблем.

Может быть, некоторые выскажут удивление: почему вместо общепонятного слова «духовный» я так часто употребляю термин «трансфизический». Но слово «духовный» в его строгом смысле закономерно относить только к Богу и к монадам. Термин же «трансфизический» применяется ко всему, что обладает материальностью, но иной, чем наша, ко всем мирам, существующим в пространствах с другим числом координат и в других потоках времени. Под трансфизикой (в смысле объекта познания) я понимаю всю совокупность таких миров вне зависимости от процессов, там протекающих. Такие процессы, связанные со становлением Шаданакара, составляют метаисторию; связанные со становлением Вселенной — метаэволюцию; познание метаэволюции есть познание *вселенское*. Слово же «трансфизика» в смысле религиозного учения означает учение о структуре Шаданакара. Объекты метаисторического познания связаны с историей и культурой, трансфизического — с природой нашего слоя и других слоев Шаданакара, а вселенского — со Вселенной. Таким образом, те явления, которые я назвал трансфизическими странствиями и встречами, могут быть, в зависимости от своего содержания, отнесены либо к метаисторическому роду познания, либо к трансфизическому, либо ко вселенскому.

После этой небольшой оговорки ничто уже не препятствует перейти к рассмотрению двух остальных родов религиозного познания, — но, разумеется, только в тех их вариантах, которые знакомы лично мне.

Глава вторая
НЕМНОГО О ТРАНСФИЗИЧЕСКОМ МЕТОДЕ

Казалось бы, отношение людей к природе бесконечно разнообразно, индивидуально, а иногда и внутренне антиномично. Но если проследить эволюцию этого отношения во всеобщей истории культуры от изобретения письменности до наших дней, можно обнаружить несколько типов его, лучше сказать — фаз. Я позволю себе здесь весьма упрощенно, в самых общих чертах, наметить три-четыре очень важные фазы так, как они мне представляются. Это не подлинная картина того, как это отношение изменялось в культурах и веках, а лишь несколько грубых мазков, назначение которых скорее в том, чтобы ввести читателя внутрь проблемы, нежели в создании у него исторической перспективы по этому вопросу.

Наиболее ранняя фаза характеризуется тем, что космос кажется крайне миниатюрным, а Земля — единственным обитаемым миром. Зато этот мир, кроме нашего физического слоя, обладает рядом других слоев, тоже материальных, но их материальность — другой природы и других свойств, чем наша; первое приближение к трансфизической действительности Шаданакара. Все эти слои, равно как и наш, лишены развития. Они сотворены раз и навсегда и обитаемы добрыми и злыми существами. Для этих существ человек — центр их интересов и, так сказать, яблоко раздора. Сам же человек не осознает Природу как нечто вне его лежащее и не противопоставляет себя ей. Отдельные проявления Природы возбуждают, конечно, те или иные чувства — страх, удовольствие, благоговение, но Природа как целое, по-видимому, почти не воспринимается или воспринимается в чисто эстетическом плане, да и то лишь отдельными людьми, высокоодаренными художественным чувством. Поэтому редко можно найти среди памятников искусства этих эпох лирику природы и еще реже — пейзажную живопись. К этой фазе относятся в основном культуры древности, а также некоторые более поздние куль-

турные формы Востока. В религиозном отношении для первой фазы характерен политеизм.

Для второй фазы типичны те монотеистические системы, которые или игнорируют Природу, не проявляя к ней интереса, или враждебны ей. Рост личности приводит к представлению, что человек может совершенствоваться. Природа же не подает признаков развития, она косна и статична, она внеморальна и неразумна, она во власти демонических сил, и та часть человеческого существа, которая единосущна Природе, требует либо порабощения ее духом, либо порабощает его сама. Это — фаза *природоборческая*. Ее прошли и христианские, и буддийские, и индуистские народы; на ней остановилось (пока совпадало со своей национальной религией) еврейство. Последнее, однако, равно как и народы ислама, не столько стремилось к борьбе с Природой, сколько проходило мимо нее. Семитическое чувство Природы вообще отличалось скудостью. Давно уже отмечено, как бедны были этим чувством авторы библейских книг и Корана сравнительно с теми, кто создавал великие эпопеи Эллады и особенно Индии. Семиты отдавали Природе неизбежную дань, осеняя религиозной санкцией воспроизведение рода, но в своей духовной философии и искусстве стремились игнорировать ее с многозначительной последовательностью. Они сделали у себя фактически невозможной скульптуру и портретную живопись, потому что боялись обожествить человека и ненавидели обоготворение стихии. Как и другие элементы семитизма, эта природоборческая тенденция перешла с христианством в Европу, подавила природные культы германского и славянского язычества и господствовала до конца Средних веков. Но и Востоку пришлось пройти через эту фазу, хотя и окрасив ее по-своему. Аскетичность крайних проявлений брахманизма, борьба буддизма за высвобождение человеческого Я из-под власти Природы — все это слишком общеизвестно, чтобы на нем останавливаться. Таким образом, если в первой фазе Природа как целое почти не осознавалась, а поэтизировалась и боготворилась в отдельных своих проявлениях, то во второй она была осознана как начало враждебное, покорное демоническим силам.

Третья фаза связана с эрой господства науки и с оскудением мира религиозных чувств. Унаследовав от христианства природоборческое начало, человек третьей фазы освобождает его от религиозного смысла, отказывается от преодоления природных элементов в собственном существе и обосновывает к природе строго утилитарный подход. Природа есть объект разумного (научного) исследования, — во-первых; она есть сонмище бездушных сил, которые надо покорить на потребу человека, — во-вторых. Физический кругозор неизмеримо расширяется; знание структуры и законов нашего слоя достигает головокружительной глубины; в этом — ценность третьей фазы. Но напрасно толкуют о любви к природе естествоиспытателей. Интеллектуальную любовь можно испытывать только к продукции интеллекта: можно умом любить идею, мысль, теорию, научную дисциплину. Так можно любить физиологию, микробиологию, даже паразитологию, но не лимфу, не бактерии и не блох. Любовь к природе может быть явлением физиологического порядка, может быть явлением порядка эстетического, наконец — порядка

этического и религиозного. Явлением только одного порядка она не может быть: интеллектуального. Если отдельные специалисты-естественники и любят природу, то это чувство не имеет никакой связи ни с их специальностью, ни вообще с научной методикой познания Природы: это чувство или физиологического, или эстетического порядка.

Однако наибольшего противопоставления себя Природе цивилизованное (по крайней мере, западное) человечество достигло не в XX веке, как это могло бы показаться, но в XVII, XVIII и начале XIX. Никогда моды не были так искусственны, как во времена пудреных париков. Никогда близлежащие к человеку участки Природы не уродовались так рассудочно и противоестественно, как в эпоху Версальского парка. Аристократа времен Людовиков так же немыслимо вообразить берущим солнечную ванну или гуляющим босиком, как нельзя представить себе спартанку времен Греко-персидских войн — в корсете и в ботинках на высоких каблуках. Во всем этом проявлялось отношение к Природе, генетически коренившееся в христианском аскетизме, но в ходе развития заменившее духовный снобизм — снобизмом цивилизации, религиозную гордыню — гордыней рассудка, а ко всему печатью рассудочности не отмеченному, не испытывавшее ничего, кроме насмешливого презрения.

Философия Руссо знаменует собою поворотный пункт. Но должно было протечь полтора столетия, мир должен был вступить в эпоху городов-гигантов, чтобы тоска по Природе стала понятна человеческому большинству. Поэты Озерной школы в Англии, Гете и романтики в Германии, Пушкин и в особенности Лермонтов в России любили Природу высокой эстетической, а некоторые и пантеистической любовью. Возникла Барбизонская школа живописи, и к концу XIX века эстетическая любовь завоевала незыблемое право на бытие в культуре; в XX веке развилась и любовь физиологическая. Зрительное созерцание Природы стало уже недостаточным: появилась потребность ощущать стихии осязательно и моторно, всей поверхностью тела и движением мускулов. Этой потребности отвечали отчасти туризм и спорт; и, наконец, в первой половине нашего столетия *пляж*, с его физиологическим растворением человека в солнечном свете, тепле, воде, игре, плотно и прочно вошел в повседневную жизнь. Тот самый пляж, который во времена Ронсара или Ватто показался бы непристойной выходкой сумасшедших, а в Средние века был бы приравнен к шабашам ведьм на Лысой горе и, пожалуй, к черной мессе. Если вообразить Торквемаду, внезапно перенесенного в качестве зрителя на пляж в Остенде или в Ялте, вряд ли можно усомниться в том, что мысль о немедленном аутодафе из тысяч этих бесстыдных еретиков сразу возникла бы в голове этого охранителя душ человеческих.

Может быть, ничто так наглядно не иллюстрирует уменьшение пропасти между человеком и стихиями за последний век, как эволюция одежды. Пальто и головные уборы, неотступно сопровождавшие «образованного» человека даже в летний полдень, стали употребляться лишь в меру климатической необходимости. Пятьдесят лет назад казалось неприличным выйти из дому без перчаток; теперь ими пользуются только в холода. Вместо сюртуков и крахмальных манишек, в которых бонтонно прели наши деды даже при тридцатиградусной жаре, жизнь стала завоевываться безрукавками с открытым воро-

том. Ноги, изнывавшие в высоких ботинках, почувствовали прелесть тапочек и босоножек. Женщины освободились от кошмара корсетов, летом вошли в обиход укороченные снизу и открытые сверху платья, а платья длинные уцелели только в качестве вечерних туалетов. Дети, чьи прадеды в соответствующем возрасте чинно расхаживали даже в июле в гимназических куртках и с фуражкой на голове, бегают босиком, в одних трусах, до черноты зацелованные солнцем. Человек мирового города, отдалившийся от Природы на такое расстояние, как еще никогда, затосковал об ее «жарких объятиях» и возвращается к ней, еще почти бессознательно, инстинктивной телесной любовью, но в накопленном историческом опыте своей души неся семена нового, совершеннейшего отношения к Природе. Такова четвертая фаза.

Итак, четыре фазы: языческая, аскетическая, научно-утилитарная и инстинктивно-физиологическая.

Резюмировать можно так. Ко второй половине нашего века в образованных и полуобразованных слоях нации, принадлежащих к романо-католической, германо-протестантской и российской культурным зонам, установилось два отношения к природе, пока друг другу почти не противоречащие. Одно — старое: утилитарно-хозяйственно-научное, совершенно чуждое любви. Оно сосредоточило взор на использовании заключенных в Природе ресурсов энергии и измеряет все критерием материальной выгоды для человечества или, что еще хуже, для некоторых из антагонистических его частей; с этой точки зрения оно одобряет также спорт, пляж, туризм. Сторонники этого отношения из интереса к тому, «как это устроено?», спокойно потрошат заживо кошек и собак, а для удовлетворения атавистического охотничьего инстинкта подкарауливают зайцев и куропаток. Может быть, в первом случае имеется в виду и любовь к человечеству: ибо из Монбланов собачьих трупов извлекают наконец крупицу познания, например, условных рефлексов; этим, как известно, просвещается алчущий ум и двигается вперед медицина. Но любви к Природе здесь нет и тени. Больше того: такое отношение к Природе аморально, потому что никакие интересы живых существ, кроме человека, не принимаются во внимание и потому, что на всю Природу устанавливается взгляд, как на дойную корову. К счастью, такое отношение начинает смягчаться более новым: бессознательно-эгоистически-физиологической любовью к Природе, иногда осложненной привнесением эстетики.

Но это развитие еще не привело к осознанию того, что возможно и необходимо, сохраняя старые оттенки любви к природе, за исключением, конечно, аморально-утилитарного отношения к ней, безмерно обогатить это отношение смыслом этическим и религиозным. Не пантеистическим, когда человек только смутно ощущал присутствие в Природе некоей безличной, равномерно разлитой божественной силы, — нет. Это уже было, и первобытный праанимизм — доказательство того, что пантеистическое чувство цивилизованных людей есть не что иное, как трансформация древнейшего переживания арунгвильты-праны. Нет! перед нами — иное. Перед нами — отношение несравненно более нравственное и сознательное, более четкое, развитое и изощренное, более жизнерадостное, более активное. Оно может быть основано только на том опыте, когда человек непосредственно ощущает сквозь Природу богатейшие и многообразнейшие миры стихиалей. Ощущает — то есть вступает в общение, все яснее понимая возможности счастливой и творческой с ними дружбы, прекрасного перед ними нашего долга и горькой, старинной нашей вины.

Правда, неясное чувство вины перед Природой, в особенности перед животными, стало сказываться. Возникли общества охраны животных, любовь к ним стала поощряться даже школьной педагогикой, а охрану зеленых насаждений взял на себя такой прославленный источник любви, как государство. К сожалению, исходило оно при этом только из соображений хозяйственной пользы, а что касается охраны животных, то благотворители получили от ученых-естественников жестокий урок: после горячих дискуссий вивисекция явочным порядком заняла в науке место одного из ведущих методов. Оправдывая себя пользой для человечества, этот позор человечества накрепко обосновался в университетах, лабораториях и даже в той самой средней школе, которая учит ребят любить кошечек и собачек.

Каково же отношение к Природе со стороны того миросозерцания, которое может лечь в основу учения Розы Мира?

Вопрос очень обширный; однако нетрудно, мне кажется, заключить, в чем будет состоять главная особенность этого отношения. Ведь восприятие Розы Мира отличается прежде всего *ощущением прозрачности физического слоя*, переживанием просвечивающих сквозь него слоев трансфизики, [которое сопровождает] горячая любовь к этому переживанию и его старательное выпестывание. Это ощущение охватывает сферу культуры и истории — и отливается в учение метаисторическое; оно обращается к Солнцу, Луне, звездному небу — и делается основой учения вселенского, то есть метаэволюционного; оно охватывает земную природу — и находит свое выражение в учении о стихиалях. Учение же о стихиалях оказывается ветвью более общего учения о структуре Шаданакара — учения трансфизического.

Сколь ни были бы замутнены древние представления о стихиалях (духах стихий в самом широком смысле) побочными примесями, внесенными ограниченностью человеческого воображения и ума, сколько бы аберраций ни искажало в пантеонах политеистических религий образы природных божеств — в самой основе этих вер лежит истина.

Но, конечно, нам предстоит постигать и почитать миры стихиалей уже совсем иначе, чем удавалось это народам древности. Опыт последующих стадий обогатил нас, расширил знания и обострил мистическую мысль.

Главные отличия нашей веры в стихиали от веры древних вот в чем.

Древние антропоморфизировали свои представления о стихийных божествах; мы больше не ощущаем потребности придавать стихиалям человекоподобный образ.

Древние смотрели на эти миры как на нечто раз навсегда данное и неизменное; мы отдаем себе отчет в факте их эволюции, хотя и непохожей на эволюцию нашего органического мира, и будем стремиться постичь ее пути.

Древние могли переживать связь с отдельными слоями стихиалей, но неотчетливо разграничивали их друг от друга, а о путях становления этих монад у них не возникло даже догадок. Собственно говоря, они не обладали

ясным представлением о множественности этих слоев. Для нас же множественность и взаимосвязь этих слоев и пути становления обитающих там монад делаются объектом трансфизического познания.

Древние были не в состоянии нарисовать себе общую картину планетарного космоса; мы гораздо четче дифференцируем каждый слой и включаем его со всеми его специфическими особенностями в общую панораму Шаданакара.

Древние не могли примирить веру в эти миры с верой в Единого; для нас — между обеими этими верами нет никакого противоречия.

И надо добавить еще, что свои духовные обязанности по отношению к стихиалям древние видели в умилостивлении их и восхвалении — и только; мы же будем стремиться осуществлять нашу связь с ними в готовности участвовать в их играх и творчестве, в привлечении их благодействующего участия в нашу жизнь — возможные пути к этому будут показаны в соответствующих главах — и, наконец, в нашей собственной помощи светлым стихиалям и в работе над просветлением темных.

Такое отношение к Природе сочетает языческую жизнерадостность, монотеистическую одухотворенность и широту знаний научной эры, все эти элементы претворяя в высшее единство собственным духовным опытом рождающейся религии итога.

Распространено заблуждение, будто бы всякое религиозное мировоззрение враждебно жизни, подменяя все ценности нашего мира ценностями миров иных. Такое обобщение не более законно, чем, например, утверждение, будто бы искусство живописи уводит от мира, сделанное на том основании, что такова была отчасти живопись Средних веков. Враждебно жизни религиозное кредо определенной фазы, да и то лишь в крайних его проявлениях. То же мироотношение, о котором я говорю, не уводит от мира, а учит любить его горячей и бескорыстной любовью. Оно не противопоставляет «миров иных» миру сему, но все их воспринимает как великолепное целое, как ожерелье на груди Божества. Разве хрустальная лампада меньше нравится нам оттого, что она прозрачна? Разве мы будем меньше любить наш мир оттого, что сквозь него просвечивают другие? Для человека, чувствующего так, и эта жизнь хороша, и смерть может быть не врагом, а добрым вожатым, если достойно прожитая жизнь на земле предопределяет переход в иные — не менее, а еще более насыщенные, богатые и прекрасные формы миров.

Но через что же, какими путями достигается человеком это сквозящее мировосприятие? Приходит ли оно независимо от наших усилий воли, как счастливый дар судьбы или может быть нами сознательно воспитано в самих себе и в целых поколениях?

Пока объединенные усилия множества людей еще не направлены на такое воспитание, до тех пор радость сквозящего мировосприятия остается действительно милостью Божией и для получения ее мы почти не затрачиваем сил. Долгим трудом только наших невидимых д р у з е й с е р д ц а, носителей Провиденциальной воли, раскрываются в ком-нибудь из нас органы такого восприятия, а чаще, гораздо чаще приоткрываются на узкую, то и дело снова притворяющуюся щель. Но и такой приоткрытости достаточно, чтобы

уже началось *сквожение физического мира* и чтобы осчастливленный им стал похож на прозревающего слепого.

Вызвать этот процесс совершенно произвольно — в себе или в другом — вряд ли возможно, по крайней мере, теперь. Но можно работать в этом направлении так, чтобы в каждом из нас или наших детей этот труд шел навстречу труду Провиденциальных сил; чтобы в психофизических пластах как бы прорывался туннель одновременно с двух сторон: нами — и друзьями нашего сердца.

Колоссальная задача такой педагогики сейчас может быть только предсказана как одна из задач будущей культурной эры. Требуется еще огромная предварительная работа по изучению и систематизации опыта. На этом я подробнее остановлюсь в одной из последних частей книги. Сейчас же сообщу лишь несколько необходимых сведений о двух-трех возможных вариантах этой методики. Варианты эти и много других, здесь не оговоренных, могут, разумеется, быть совмещены и помогать один другому.

Есть одно предварительное условие: без него никакие усилия в этом направлении ни к чему бы не привели. Это — собственная готовность человека добиваться сквожения ему того хрустального сосуда, который мы называем Природой. Значит, процесс этот доступен либо для тех, кто сам допускает возможность существования миров стихиалей (без этого можно желать не сквожения физического слоя, а только, наоборот, чтобы из этого ничего не вышло, дабы мой научный скепсис восторжествовал), либо для детей, если это доверие к стихиям и любовь к Природе с ранних лет укрепляются старшими. Естественно, что тот, кто заранее отрицает бытие этих миров, тот и сам не станет тратить время и силы на подобные опыты. И если бы даже, в качестве эксперимента, он вздумал сделать несколько усилий, он бы ничего не достиг, потому что его собственное недоверие постоянно распространялось бы на полученные результаты, он приписывал бы эти результаты самовнушению или чему-нибудь в этом роде. Шаг вперед — шаг назад. Толчея на месте.

Итак, если требуемое внутреннее условие налицо, надо озаботиться созданием необходимых условий внешних. Легко догадаться, что речь идет о таких периодах (месяца полтора, два в году), когда современный человек, освободясь от работы ради хлеба насущного, может позволить себе уединиться среди природы. Мне думается, летом условия благоприятнее, потому что именно летом, при высоком стоянии солнца, развитии растительности и обнажении земной поверхности и водных пространств, активность стихиалей умножается во много раз за счет участия новых и новых слоев их. Не говорю уж о том, что обычно именно летом горожане уезжают в отпуска, то есть хоть на месяц получают возможность общения с Природой. Хотя, надо сказать прямо, за месяц далеко не продвинешься, а в двухнедельные отпуска предпринимать подобные попытки и вовсе бесполезно. Оговорюсь также, что некоторым из нас зимняя природа индивидуально ближе, и в таких случаях, конечно, следует считаться с этой предрасположенностью.

Может быть, от меня ждет кто-нибудь точных указаний, вставать тогда-то, ложиться тогда-то, придерживаться такого-то распорядка дня. Таких мелочных рекомендаций я предпочел бы избегать. В чем задача? В том, чтобы войти возможно глубже в Природу, в жизнь стихий, и войти притом не как

разрушителю и не как любознательному испытателю, а как сыну, после многолетних скитаний на чужбине возвращающемуся в отчий дом. Для решения такой задачи — одной индивидуальности будет естественнее и полезнее одно, для другой — другое. Я хотел бы только рассказать, какие именно условия помогали мне лично.

Выбрав на это время некоторую, как теперь говорят, «базу» в красивом и, разумеется, малолюдном месте, следовало прежде всего избегать засорения души и ума всякими мелочными житейскими заботами. Нужно было ослабить связь с большим городом, реже пользоваться радио и постараться возможно долее обходиться без газет, если, конечно, мир не находился в состоянии крайне тревожного неравновесия. Быт свой необходимо было упростить, одежду сделать возможно легче, а о существовании обуви забыть совсем. Купаться два-три раза в день в реке, в озере или в море, найдя для этого такое место, где можно оставаться на это время с Природой один на один. Читать такие книги, которые способствовали бы мирному, доброжелательному настроению и временами помогали бы мыслям вживаться в глубь Природы; естественно-научная литература не может быть полезна в такие дни, так как настраивает на совершенно другой лад: еще более уводят в сторону занятия точными науками и техникой. Лучше — хорошие стихи, некоторые классики художественной литературы: Тургенев, Диккенс, Эркман-Шатриан, Тагор (но, конечно, не такие, как Стендаль, Золя, Свифт или Щедрин). Хорошо перечитывать в это время классические произведения детской литературы, вроде «Тома Сойера» или «Детей капитана Гранта», и литературы о детях. Да и частое общение, игры и разговоры с детьми в это время могут только помочь делу. Быть может, некоторых я спугну одним указанием, но, к сожалению, оно совершенно твердо: сведéние к минимуму мясной и рыбной пищи и отказ от обильного употребления вина. И — требование совершенно безусловное: чтобы ни охоты, ни рыбной ловли не было и в помине.

В такой атмосфере начинались путешествия: словами «прогулки» или «экскурсии» их называть не хочется. Это были уходы на целый день, от зари до заката, или на три-четыре дня вместе с ночевками — в леса, в блуждания по проселочным дорогам и полевым стежкам, через луга, лесничества, деревни, фермы, через медленные речные перевозы, со случайными встречами и непринужденными беседами, с ночлегами — то у костра над рекой, то на поляне, то в стогу, то где-нибудь на деревенском сеновале. Близости к машинам, разговоров на технические темы и чтения подобной литературы я всячески избегал, разве что пользуясь иногда механическим транспортом. Потом — возвращение на свою уединенную «базу», несколько дней отдыха и слушания крика петухов, шелеста вершин да голосов ребят и хозяев, чтение спокойных, глубоких и чистых книг — и снова уход в такое вот бродяжничество. Этот образ жизни может вызвать иной раз недоумения, подшучивание; на понимание рассчитывать не нужно, а люди, занятые на сельских работах, даже склонны будут видеть в таком чудаке праздношатающегося лентяя: большинство крестьян пока что умеют считать делом только свою собственную работу. Это не должно смущать. Надо уметь пренебрегать чужим мнением, если чувствуешь собственную правоту.

Но все это — указания о внешнем. Можно все лето до изнеможения слоняться по лесам и полям, а вернуться ни с чем. Внешние условия должны быть дополнены некоторыми усилиями ума и чувства. В чем они заключаются?

В том, что человек постепенно приучается воспринимать шум лесного океана, качание трав, течение облаков и рек, все голоса и движения видимого мира как *живое*, глубоко *осмысленное* и к нему *дружественное*. Будет усиливаться, постепенно охватывая все ночи и дни, чувство, неизменно царящее над сменой других мыслей и чувств: как будто, откидываясь навзничь, опускаешь голову все ниже и ниже в мерцающую тихим светом, укачивающую глубь — извечную, любящую, родимую. Ощущение ясной отрады, мудрого покоя будет поглощать малейший всплеск суеты; хорошо в такие дни лежать, не считая времени, на речном берегу и бесцельно следить прохладную воду, сверкающую на солнце. Или, лежа где-нибудь среди старого бора, слушать органный шум вершин да постукивание дятла. Надо доверять тому, что стихиали Л и у р н ы уже радуются тебе и заговорят с твоим телом, как только оно опустится в текучую плоть их; что стихиали Ф а л ь т о р ы или А р а ш а м ф а уже поют тебе песни шелестящей листвой, жужжанием пчел и теплыми воздушными дуновениями. Когда по заливным лугам, пахнущим свежескошенным сеном, будешь возвращаться на закате домой с далекой прогулки, поднимаясь в нагретый воздух пригорков и опускаясь в прохладные низины, а тихий туман начнет заливать все, кроме верхушек стогов, — хорошо снять рубашку, и пусть ласкают горячее тело этим туманом те, кто творит его над засыпающими лугами.

Можно было бы указать еще сотни таких минут — от загорания на песке до собирания ягод — полудействия, полусозерцания, — но о них догадается и без указаний тот, кто вступит на этот легкий и светлый путь. Ведь такой уклад возможен не только в Средней России, но и в природном ландшафте любой другой страны, от Норвегии до Эфиопии, от Португалии до Филиппин и Аргентины. Соответственно будут меняться только детали, но ведь они могут меняться и в пределах одного ландшафта сообразно личным наклонностям. Главное — создать внутри себя этот свет и легкость и повторять подобные периоды по возможности каждый год.

— Что за нелепость, — подумают иные. — Как будто мы не располагаем исчерпывающими данными, отчего и как возникают туманы, ветер, роса, не знаем механики образования дождя, рек, растительности? И такие сказки преподносятся с серьезным видом в середине XX столетия! Недаром автор намекает на то, что ему легче столковаться с детьми: зрелому человеку не пристало слушать такие басни.

Они заблуждаются, эти абсолютисты научного метода познания: ни малейшего противоречия науке здесь не имеется. Подчеркиваю: науке, объективной и серьезной, а не философской доктрине материализма. Ведь если бы существовало какое-нибудь разумное микроскопическое существо, изучающее мой организм и само в него входящее, оно имело бы основание сказать в ту минуту, как я шевельнул рукой, что эта глыба вещества, состоящая из таких-то и таких-то молекул, дернулась оттого, что сократились некоторые ее части — мускулы. Сократились же они потому, что в моторных

центрах произошла такая-то и такая-то реакция, а реакция была вызвана такими-то и такими-то причинами химического порядка. Вот и все! Ясно как день. И уж конечно, такой толкователь возмутился бы, если бы ему вздумали указать, что «глыба» шевельнулась потому, что таково было желание ее обладателя, свободное, осознанное желание, а мускулы, нервы, химические процессы и прочее — только передаточный механизм его воли.

Изучением этого механизма занимается физиология. Это не мешает существованию психологии — науки о том сознании, которое этим механизмом пользуется.

Изучением стихий природы как механизмов занимаются метеорология, аэродинамика, гидрология и ряд других наук. Это не должно и не будет мешать со временем возникновению учения о стихиалях, о тех сознаниях, которые пользуются этими механизмами.

Лично у меня все началось в знойный летний день 1929 года вблизи городка Триполье на Украине. Счастливо усталый от многоверстной прогулки по открытым полям и по кручам с ветряными мельницами, откуда распахивался широчайший вид на ярко-голубые рукава Днепра и на песчаные острова между ними, я поднялся на гребень очередного холма и внезапно был буквально ослеплен: передо мной, не шевелясь под низвергающимся водопадом солнечного света, простиралось необозримое море подсолнечников. В ту же секунду я ощутил, что над этим великолепием как бы трепещет невидимое море какого-то ликующего, живого счастия. Я ступил на самую кромку поля и, с колотящимся сердцем, прижал два шершавых подсолнечника к обеим щекам. Я смотрел перед собой, на эти тысячи земных солнц, почти задыхаясь от любви к ним и к тем, чье ликование я чувствовал над этим полем. Я чувствовал странное: я чувствовал, что эти невидимые существа с радостью и с гордостью вводят меня, как дорогого гостя, как бы на свой удивительный праздник, похожий и на мистерию, и на пир. Я осторожно ступил шага два в гущу растений и, закрыв глаза, слушал их прикосновения, их еле слышно позванивающий шорох и пылающий повсюду божественный зной. С этого началось. Правда, я вспоминаю переживания этого рода, относящиеся к более ранним годам, отроческим и юношеским, но тогда они не были еще такими захватывающими. Но и раньше, и позже — не каждый год, но иногда по нескольку раз за одно лето — случались среди природы, обязательно наедине, минуты странной, опьяняющей радости. Они являлись по большей части тогда, когда за плечами оставались уже сотни верст, пройденных пешком, и когда я неожиданно попадал в незнакомые мне места, отмеченные пышностью и буйством свободно развивающейся растительности. Весь, с головы до ног, охваченный восторгом и трепетом, я продирался, не помня ни о чем, сквозь дикие заросли, сквозь нагретые солнцем болота, сквозь хлещущие кусты и наконец бросался в траву, чтобы осязать ее всем телом. Главное было в том, что я в эти минуты явственно осязал, как любят меня и льются сквозь меня невидимые существа, чье бытие таинственно связано с этой растительностью, водой, почвой.

В последующие годы я проводил лето по большей части в области Брянских лесов, и там произошло со мною многое, воспоминание о чем составляет отраду моей жизни, но особенно люблю я вспоминать свои встречи со стихиалями Лиурны — теми, кого я тогда называл мысленно душами рек.

Однажды я предпринял одинокую экскурсию, в течение недели странствуя по Брянским лесам. Стояла засуха. Волокнами синеватой мглы тянулась гарь лесных пожаров, а иногда над массивами соснового бора поднимались беловатые, медленно менявшиеся дымные клубы. В продолжение многих часов довелось мне брести по горячей песчаной дороге, не встречая ни источника, ни ручья. Зной, душный, как в оранжерее, вызывал томительную жажду. Со мной была подробная карта этого района, и я знал, что вскоре мне должна попасться маленькая речушка, — такая маленькая, что даже на этой карте над нею не обозначалось никакого имени. И в самом деле: характер леса начал меняться, сосны уступили место кленам и ольхе. Вдруг раскаленная, обжигавшая ноги дорога заскользила вниз, впереди зазеленела поемная луговина, и, обогнув купу деревьев, я увидел в десятке метров перед собой излучину долгожданной речки: дорога пересекала ее вброд. Что за жемчужина мироздания, что за прелестное Божье дитя смеялось мне навстречу! Шириной в несколько шагов, вся перекрытая низко нависавшими ветвями старых ракит и ольшаника, она струилась, точно по зеленым пещерам, играя мириадами солнечных бликов и еле слышно журча.

Швырнув на траву тяжелый рюкзак и сбрасывая на ходу немудрящую одежду, я вошел в воду по грудь. И когда горячее тело погрузилось в эту прохладную влагу, а зыбь теней и солнечного света задрожала на моих плечах и лице, я почувствовал, что какое-то невидимое существо, не знаю из чего сотканное, охватывает мою душу с такой безгрешной радостью, с такой смеющейся веселостью, как будто она давно меня любила и давно ждала. Она вся была как бы тончайшей душой этой реки, — вся струящаяся, вся трепещущая, вся ласкающая, вся состоящая из прохлады и света, беззаботного смеха и нежности, из радости и любви. И когда, после долгого пребывания моего тела в ее теле, а моей души — в ее душе, я лег, закрыв глаза, на берегу под тенью развесистых деревьев, я чувствовал, что сердце мое так освежено, так омыто, так чисто, так блаженно, как могло бы оно быть когда-то в первые дни творения, на заре времен. И я понял, что происшедшее со мной было на этот раз не обыкновенным купанием, а настоящим омовением в самом высшем смысле этого слова.

Быть может, кто-нибудь сказал бы, что и он живал в лесах и купался в реках, и он хаживал по лесам и полям, и он, стоя на тетеревином току, испытывал состояние единения с природой и, однако же, ничего, схожего со стихиалями, не ощутил. Если так скажет охотник, удивляться будет нечему: в этом разрушителе природы стихиали видят врага и осквернителя, и нет более верного способа сделать невозможной их близость, как захватить с собой в лес охотничье ружье. Если же это скажет не охотник — пусть он со вниманием припомнит недели своей жизни среди природы и сам обнаружит свои нарушения тех условий, о которых я с самого начала предупреждал.

Нельзя, конечно, заранее определить длительность этапов этого познания: сроки зависят от многих обстоятельств, объективных и личных. Но рано или поздно наступит *первый день*: внезапно ощутишь всю Природу так,

как если бы это был первый день творения и земля блаженствовала в райской красоте. Это может случиться ночью у костра или днем среди ржаного поля, вечером на теплых ступеньках крылечка или утром на росистом лугу, но содержание этого часа будет везде одно и то же: головокружительная радость первого космического прозрения. Нет, это еще не означает, что внутреннее зрение раскрылось: ничего, кроме привычного ландшафта, еще не увидишь, но его многослойность и насыщенность духом переживешь всем существом. Тому, кто прошел сквозь это первое прозрение, стихиали станут еще доступнее; он будет все чаще слышать какими-то, не имеющими названия в языке, способностями души повседневную близость этих дивных существ. Но суть «первого прозрения» уже в другом, высшем. Оно относится не к трансфизическому познанию только, но и к тому, для которого мне не удалось найти иного названия, кроме старинного слова «вселенский». В специальной литературе этот род состояний освещался многими авторами. Уильям Джемс называет его прорывом космического сознания. По-видимому, оно может обладать весьма различной окраской у различных людей, но переживание космической гармонии остается его сутью. Методика, которую я описывал в этой главе, способна, в известной мере, приблизить эту минуту, но не следует надеяться, что такие радости станут частыми гостями до́ма нашей души. С другой стороны, состояние это может охватить душу и безо всякой сознательной подготовки: такой случай описывает, например, в своих «Воспоминаниях» Рабиндранат Тагор.

Легко может статься, что человек, не раз испытавший среди Природы чувство всеобщей гармонии, подумает, что это и есть то, о чем я говорю. О нет. Прорыв космического сознания — событие колоссального субъективного значения, каких в жизни одного человека может быть весьма ограниченное число. Оно приходит внезапно. Это — не настроение, не наслаждение, не счастие, это даже не потрясающая радость, — это нечто большее. Потрясающее действие будет оказывать не оно само, а скорее воспоминание о нем; само же оно исполнено такого блаженства, что правильнее говорить в связи с ним не о потрясении, а о просветлении.

Состояние это заключается в том, что Вселенная — не Земля только, а именно Вселенная — открывается как бы в своем высшем плане, в той божественной духовности, которая ее пронизывает и объемлет, снимая все мучительные вопросы о страдании, борьбе и зле.

В моей жизни это совершилось в ночь полнолуния на 29 июля 1931 года в тех же Брянских лесах, на берегу небольшой реки Неруссы. Обычно среди природы я стараюсь быть один, но на этот раз случилось так, что я принял участие в небольшой общей экскурсии. Нас было несколько человек — подростки и молодежь, в том числе один начинающий художник. У каждого за плечами имелась котомка с продуктами, а у художника еще и дорожный альбом для зарисовок. Ни на ком не было надето ничего, кроме рубахи и штанов, а некоторые скинули и рубашку. Гуськом, как ходят негры по звериным тропам Африки, беззвучно и быстро шли мы — не охотники, не разведчики, не изыскатели полезных ископаемых, просто — друзья, которым захотелось поночевать у костра на знаменитых плесах Неруссы.

Необозримый, как море, сосновый бор сменился чернолесьем, как всегда бывает в Брянских лесах вдоль пойм речек. Высились вековые дубы, клены, ясени, удивлявшие своей стройностью и вышиной осины, похожие на пальмы, с кронами на головокружительной высоте; у самой воды серебрились округлые шатры добродушных ракит, нависавших над заводями. Лес подступал к реке точно с любовной осторожностью: отдельными купами, перелесками, лужайками. Ни деревень, ни лесничеств... Пустынность нарушалась только нашей едва заметной тропкой, оставленной косарями, да закругленными конусами стогов, высившихся кое-где среди полян в ожидании зимы, когда их перевезут в Чухраи или в Непорень по санной дороге.

Плесов мы достигли в предвечерние часы жаркого, безоблачного дня. Долго купались, потом собрали хворост и, разведя костер в двух метрах от тихо струившейся реки, под сенью трех старых ракит, сготовили немудрящий ужин. Темнело. Из-за дубов выплыла низкая июльская луна, совершенно полная. Мало-помалу умолкли разговоры и рассказы, товарищи один за другим уснули вокруг потрескивавшего костра, а я остался бодрствовать у огня, тихонько помахивая для защиты от комаров широкой веткой.

И когда луна вступила в круг моего зрения, бесшумно передвигаясь за узорно-узкой листвой развесистых ветвей ракиты, начались те часы, которые остаются едва ли не прекраснейшими в моей жизни. Тихо дыша, откинувшись навзничь на охапку сена, я слышал, как Нерусса струится не позади, в нескольких шагах за мною, но как бы сквозь мою собственную душу. Это было первым необычайным. Торжественно и бесшумно в поток, струившийся сквозь меня, влилось все, что было на земле, и все, что могло быть на небе. В блаженстве, едва переносимом для человеческого сердца, я чувствовал так, будто стройные сферы, медлительно вращаясь, плыли во всемирном хороводе, но сквозь меня; и все, что я мог помыслить или вообразить, охватывалось ликующим единством. Эти древние леса и прозрачные реки, люди, спящие у костров, и другие люди — народы близких и дальних стран, утренние города и шумные улицы, храмы со священными изображениями, моря, неустанно покачивающиеся, и степи с колышущейся травой — действительно все было во мне тою ночью, и я был во всем. Я лежал с закрытыми глазами. И прекрасные, совсем не такие, какие мы видим всегда, белые звезды, большие и цветущие, тоже плыли со всей мировой рекой, как белые водяные лилии. Хотя солнца не виделось, было так, словно и оно тоже текло где-то вблизи от моего кругозора. Но не его сиянием, а светом иным, никогда мною не виданным, пронизано было все это, — все, плывшее сквозь меня и в то же время баюкавшее меня, как дитя в колыбели, со всеутоляющей любовью.

Пытаясь выразить словами переживания, подобные этому, видишь отчетливее, чем когда бы то ни было, нищету языка. Сколько раз пытался я средствами поэзии и художественной прозы передать другим то, что совершилось со мною в ту ночь. И знаю, что любая моя попытка, в том числе и вот эта, никогда не даст понять другому человеку ни истинного значения этого события моей жизни, ни масштабов его, ни глубины.

Позднее я старался всеми силами вызвать это переживание опять. Я создавал все те внешние условия, при которых оно совершилось в 1931 году.

Много раз в последующие годы я ночевал на том же точно месте, в такие же ночи. Все было напрасно. Оно пришло ко мне опять столь же внезапно лишь двадцать лет спустя, и не в лунную ночь на лесной реке, а в тюремной камере.

О, это еще только начало. Это еще совсем не то просветление, после которого человек становится как бы другим, новым — просветленным в том высшем смысле, какой влагается в это слово великими народами Востока. То просветление — священнейшее и таинственнейшее: это раскрытие духовных очей.

Большего счастья, чем полное раскрытие внутреннего зрения, слуха и глубинной памяти, *на Земле нет*. Счастье глухого и слепорожденного, внезапно, в зрелые годы пережившего раскрытие телесного зрения и слуха, — лишь тусклая тень.

Об этом я могу только повторять, если можно так выразиться, понаслышке. Есть замечательная страница в поэме Эдвина Арнольда «Свет Азии», где описывается такое состояние, сделавшее одного искателя тем, кто ныне известен всему человечеству как Гаутама Будда.

Вот это описание.

Речь идет о вступлении Будды в состояние «абхиджны» — широкое прозрение «в сферы, не имеющие названий, в бесчисленные системы миров и солнц, двигающихся с поразительной правильностью, мириады за мириадами... где каждое светило является самостоятельным целым и в то же время частью целого — одним из серебристых островов на сапфировом море, вздымающемся в бесконечном стремлении к переменам. Он видел Владык Света, которые держат миры невидимыми узами, а сами покорно движутся вокруг более могущественных светил, переходя от звезды к звезде и бросая непрестанное сияние жизни из вечно меняющихся центров до самых последних пределов пространства. Все это он видел в ясных образах, все циклы и эпициклы, весь ряд кальп и махакальп[1] — до предела времен, которого ни один человек не может охватить разумом. Сакуалу за сакуалой[2] проницал он в глубину и высоту и прозревал за пределами всех сфер, всех форм, всех светил, всякого источника движений. То незыблемое и безмолвно действующее Великое, согласно Которому тьма должна развиваться в свет, смерть — в жизнь, пустота — в полноту, бесформенность — в форму, добро — в нечто лучшее, лучшее — в совершеннейшее; это невысказываемое Великое сильнее самих богов: Оно неизменно, невыразимо, первоверховно. Это — Власть созидающая, разрушающая и воссоздающая, направляющая все и вся к добру, красоте и истине».

Что скажешь на это? Надеяться даже в самом потаенном уголке души на то, что и тебя осенит когда-нибудь подобный час, было бы не гордыней, а простым ребячеством. И тем не менее утешение в том, что каждая монада человеческая, без малейших исключений, рано или поздно, пусть даже после почти бесконечных времен, может быть, уже совсем в другой, не человеческой форме, в другом мире, достигнет этого состояния, и превзойдет его, и оставит его за собой.

1. Мировые периоды. Кальпа — период от возникновения до разрушения мира.
2. Системы миров.

А наше дело — делиться с другими тем лучшим, что мы имеем. Мое лучшее — то, что я пережил на путях трансфизического и метаисторического познания. Затем и пишется эта книга. В двух последних главах я показывал, как сумел, важнейшие вехи своего внутреннего пути. Все дальнейшее будет изложением того, что на этом пути было понято о Боге, об иных мирах и о человечестве. Постараюсь больше не возвращаться к вопросу о том, к а к это было понято; настало время говорить о том, ч т о понято.

Глава третья
ИСХОДНАЯ КОНЦЕПЦИЯ

1. МНОГОСЛОЙНОСТЬ

Наш физический слой — понятие, равнозначное понятию астрономической Вселенной, — характеризуется, как известно, тем, что его Пространство обладает тремя координатами, а Время, в котором он существует, — одной. Этот физический слой в терминологии Розы Мира носит наименование Э н р о ф.

На арене современной науки и на арене современной философии все еще длится спор о бесконечности или конечности Энрофа в пространстве, о его вечности или ограниченности во времени, а также о том, охватывается ли Энрофом все мироздание, исчерпываются ли его формами все формы бытия.

Открытие понятия антивещества; возникновение из физической пустоты и даже искусственное извлечение из нее физически материальных частиц, дотоле пребывавших в мире отрицательной энергии; экспериментальное подтверждение теории, указывающей, что физическая пустота Энрофа заполнена океаном частиц другой материальности, — все эти факты суть вехи пути, по которому медлительная наука следует от представлений классического материализма к таким, которые весьма отличны и от них, и от позиций старой идеалистической философии. Очень вероятно, что путаница, которую вносят в эту проблематику сторонники материалистической философии, утверждая, будто бы все ее противники лишь повторяют зады идеализма, — один из приемов в той последней битве, которую дает материалистическое сознание, прежде чем съехать, как говорится, на тормозах, сдавая одну свою позицию за другой и уверяя в то же время, будто бы именно это предвиделось и давно утверждалось классиками материализма. В частности, очень любопытно будет наблюдать, к каким ухищрениям прибегнет эта философия в недалеком будущем, когда ей придется, под давлением фактов, вводить в круг своих понятий понятие антиматерии.

Первичность материи по отношению к сознанию, принципиальная познаваемость всей Вселенной и в то же время ее бесконечность и вечность — эти наивные тезисы материализма, выработанные на минувших стадиях науки, могут еще удерживаться в обращении лишь путем напряженных натяжек, а главное — благодаря вмешательству сил, имеющих отношение не столько к философии, сколько к полицейской системе. Однако многие тези-

сы классических религий не выдерживают экзамена современной науки в такой же мере. Новое же познание, метаисторическое и трансфизическое, не покрывая области научных знаний, по существу не противоречит науке ни в чем, а в некоторых вопросах предвосхищает ее выводы.

Понятие многослойности Вселенной лежит в основе концепции Розы Мира. Под каждым слоем понимается при этом такой материальный мир, материальность которого отлична от других либо числом пространственных, либо числом временных координат. Рядом с нами сосуществуют, например, смежные слои, Пространство которых измеряется по тем же трем координатам, но Время которых имеет не одно, как у нас, а несколько измерений. Это значит, что в таких слоях Время течет несколькими параллельными потоками различных темпов. Событие в таком слое происходит синхронически во всех его временны́х измерениях, но центр события находится в одном или в двух из них. Ощутительно представить себе это, конечно, нелегко. Обитатели такого слоя, хотя действуют преимущественно в одном или двух временны́х измерениях, но существуют во всех них и сознают их все. Эта синхроничность бытия дает особое ощущение полноты жизни, неизвестное у нас. Немного опережая ход изложения, добавлю сейчас, что большое число временны́х координат в сочетании с минимальным (одна, две) числом пространственных становится для обитателей таких слоев, напротив, источником страдания. Это схоже с сознанием ограниченности своих средств, со жгучим чувством бессильной злобы, с воспоминанием о заманчивых возможностях, которыми субъект не в состоянии воспользоваться. Подобное состояние в Энрофе некоторые из нас назвали бы «кусанием локтей» или мукою Тантала.

За редкими исключениями, вроде Энрофа, число временны́х измерений превышает, и намного, число пространственных. Слоев, имеющих свыше шести пространственных измерений, в Шаданакаре, кажется, нет. Число же временны́х достигает в высших из этих слоев брамфатуры огромной цифры — двести тридцать шесть.

Неправильно было бы думать, перенося специфические особенности Энрофа на другие слои, будто все преграды, отделяющие слой от слоя, непременно так же малопроницаемы, как преграды, отделяющие Энроф от слоев других измерений. Встречаются, правда, преграды, ограничивающие один слой и еще менее проницаемые, еще плотнее изолирующие его от остальных. Но таких мало. Гораздо больше таких групп слоев, внутри которых переход из слоя в слой требует от существа не смерти или труднейшей материальной трансформы, как у нас, но лишь особых внутренних состояний. Есть и такие, откуда переход в соседние обусловлен не большим количеством усилий, чем, скажем, переход из одного государства земного Энрофа в другое. Несколько таких слоев складываются в систему. Каждую такую систему слоев или ряд миров я привык мысленно называть индийским термином с а к у а л а. Впрочем, наряду с сакуалами встречаются и слои-одиночки, подобно Энрофу.

Слои и целые сакуалы разнствуют между собой также и характером протяженности своего пространства. Отнюдь не все они обладают протяженностью космической, какой обладает Энроф. Как ни трудно это вообразить,

но пространство многих из них гаснет на границах Солнечной системы. Другие еще локальнее: они как бы заключены в пределах нашей планеты. Немало даже таких, которые связаны не с планетой в целом, а лишь с каким-нибудь из ее физических пластов или участков. Ничего, схожего с небом, в таких слоях, понятное дело, нет.

Будучи связаны между собой общими метаисторическими процессами, обладая — в большинстве — как бы парой враждующих духовных полюсов, все слои каждого небесного тела составляют огромную, тесно взаимодействующую систему. Я уже говорил, что такие системы называются брамфатурами. Общее число слоев в некоторых из них ограничивается единицами, в других — насчитывает несколько сот. Кроме Шаданакара, общее число слоев которого ныне двести сорок два, в Солнечной системе существуют теперь брамфатуры Солнца, Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна, Луны, а также некоторых спутников больших планет. Брамфатура Венеры находится в зародыше. Остальные планеты и спутники столь же мертвы в других слоях своих, как и в Энрофе: это — руины погибших брамфатур, покинутых всеми монадами, либо не являвшиеся брамфатурами никогда.

Многослойные системы материальностей, до некоторой степени аналогичные брамфатурам, но несравненно более колоссальные, объемлют некоторые звездные группы, например — большинство звезд Ориона или систему двойной, со многими планетами, звезды Антарес; еще колоссальнее системы галактик и всей Вселенной. Это — макробрамфатуры. Известно, что есть макробрамфатуры с огромным числом разноматериальных слоев — до восьми тысяч. Ничего, схожего с крайней материальной разреженностью, так называемой «пустотой» Энрофа, в макробрамфатурах нет.

Легко понять, что макробрамфатуры находятся вне досягаемости даже для величайших из человеческих душ, ныне обитающих в Энрофе. Иначе чем в отдаленных предчувствиях, никаких конкретных сведений о них не может непосредственно почерпнуть никто. Такие сведения иногда достигают до нас от высоких духов Шаданакара, неизмеримо более великих, чем мы, через посредство невидимых друзей нашего сердца. Но и такие сообщения крайне трудны для нашего восприятия. Так, мне было почти невозможно понять странную и скорбную весть о том, что в макробрамфатурах нашей Галактики существует материальный слой, где есть пространство, но нет времен, — нечто вроде дыры во Времени, притом внутри себя обладающей, однако, движением. Это — страдалище великих демонов, царство темной вечности, но не в смысле бесконечно длящегося Времени, а в смысле отсутствия всяких времен[1]. Такая вечность не абсолютна, ибо Время может возникнуть и там, и именно в этом — одна из задач огромных циклов космического становления. Потому что только возникновение времен сделает возможным освобождение из этого галактического ада великих страдальцев, заключенных там.

Молекулы и некоторые виды атомов входят в состав крошечных систем — микробрамфатур, причем существование некоторых из них во време-

1. Отмечу попутно, что различие двух значений слова «вечность» до сих пор очень мало осознано нашей философской мыслью.

ни исчезающе мало. Однако это довольно сложные миры, и не следует упускать из виду, что элементарные частицы — живые существа, а иные из них обладают свободой воли и вполне разумны. Но общение с ними, а тем более личное, непосредственное проникновение в микробрамфатуры фактически невозможно. Ни в одном из слоев Шаданакара нет в настоящее время ни одного существа, на это способного: это пока превышает силы даже Планетарного Логоса. Только в макробрамфатурах Галактики действуют духи столь невообразимой мощи и величия, что они способны одновременно спускаться во множество микробрамфатур: для этого такой дух должен, сохраняя свое единство, одновременно воплотиться в миллионах этих мельчайших миров, проявляясь в каждом из них со всею полнотой, хотя и в ничтожно малые единицы времени.

Я все время говорю о, так или иначе, материальных слоях, ибо духовных слоев как слоев не существует. Различие между духом и материей скорее стадиальное, чем принципиальное, хотя дух творится только Богом, эманирует из Него, а материальности создаются монадами. Дух в своем первичном состоянии, не облаченный ни в какие покровы, которые мы могли бы назвать материальными, представляет Собою субстанцию, которую мы не точно, а лишь в порядке первого приближения можем сравнить с тончайшей энергией. Духовны только Бог и монады — бесчисленное множество богорожденных и богосотворенных высших «Я», неделимых духовных единиц; они разнствуют между собой степенью своей врожденной потенциальной масштабности, неисчерпаемым многообразием своих материальных облачений и дорог своей жизни. Высоко поднявшаяся монада может быть там, здесь, во многих точках мироздания одновременно, но она не вездесуща. Дух же Божий воистину вездесущ, — Он пребывает даже там, где нет никаких монад, например в покинутых всеми монадами руинах брамфатур. Без Него не может существовать ничто, даже то, что мы называем мертвой физической материей. И если бы Дух Божий покинул ее, она перестала бы быть — не в смысле перехода в другую форму материи или в энергию, но совершенно.

2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗЛА. МИРОВЫЕ ЗАКОНЫ. КАРМА

Если миф о восстании и падении Люцифера рассматривать в применении к духовной истории Шаданакара, он потеряет смысл. Никаких событий в метаистории нашей планеты, которые могли бы быть отражены в событиях этого мифа, не совершалось никогда. Совершилось однажды, весьма давно, нечто иное, о чем воспоминания, хотя и очень искаженные, сохранились в некоторых других мифах, например — в сказании о бунте титанов. Об этом, впрочем, предстоит говорить подробнее в другой связи. Что же до легенд, связанных с восстанием и падением Люцифера, то эти события совершились некогда в плане вселенском, в превышающих все категории нашего разума масштабах той макробрамфатуры, которая объемлет Вселенную. Совершилось то, что, будучи переведено духовидцами древности в плоскость эпохальных человеческих понятий, отлилось в этот миф. Эпохальные понятия отмерли, масштабы наших представлений расширились неизмеримо, и

если теперь мы хотим уловить в этом мифе бессмертное и истинное семя идеи, мы должны пренебречь всем эпохальным, внесенным в него, и остановиться лишь на одном центральном факте, им утверждаемом.

Естественно, что сознание даже мудрейших в те времена отстояло от теперешних представлений об объемах и структуре Вселенной так далеко, что ведение вселенского, просачивавшееся в их сознание благодаря усилиям невидимых друзей их сердца, сдавливалось, стискивалось в тесном объеме их эмпирического опыта, их сильного, но не обогащенного и не истончившегося ума. Впрочем, мало чем легче и задачи того, кто ныне пытается выразить в человеческих понятиях и словах хоть отзвук вселенской тайны о восстании так называемого Денницы. Такая попытка состояла бы из двух стадий: в выискивании в океане наших понятий именно тех, которые ближе других к отражению этой запредельной реальности, — во-первых; в выискивании в океане нашего языка таких словосочетаний, которые в состоянии хоть сколько-нибудь отразить, в свою очередь, эти ускользающие понятия, — во-вторых. Но такая работа связана с органическим ростом личности и ее вселенского опыта. Ее нельзя форсировать по собственной прихоти. Я чувствую себя находящимся лишь в начале этой работы. Поэтому говорить что-либо о вселенских событиях этого порядка я не могу, кроме обнаженной констатации некогда совершившегося факта: в незапамятной глубине времен некий дух, один из величайших, называемый нами Люцифером или Денницей, выражая неотъемлемо присущую каждой монаде свободу выбора, отступил от своего Творца ради создания другой вселенной по собственному замыслу. К нему примкнуло множество других монад, больших и малых. Создание ими другой вселенной началось в пределах этой. Они пытались создавать миры, но эти миры оказывались непрочны и рушились, потому что, восстав, богоотступнические монады этим самым отвергли любовь — единственный объединяющий, цементирующий принцип.

Вселенский план Провидения ведет множество монад к высшему единству. По мере восхождения их по ступеням бытия формы их объединений совершенствуются, любовь к Богу и между собой сближает их все более. И когда каждая из них погружается в Солнце Мира и со-творит Ему — осуществляется единство совершеннейшее: слияние с Богом без утраты своего неповторимого Я.

Вселенский замысел Люцифера противоположен. Каждая из примкнувших к нему монад — только временная его союзница и потенциальная его жертва. Каждая демоническая монада, от величайших до самых малых, лелеет мечту — стать владыкою Вселенной: гордыня подсказывает ей, что потенциально сильнее всех — именно она. Ею руководит своего рода «категорический императив», выражаемый до некоторой степени формулой: *есмь Я и есть не-Я; все не-Я должно стать мною*; другими словами, всё и все должны быть поглощены этим единственным, абсолютно самоутверждающимся Я. Бог отдает Себя; противобожеское начало стремится вобрать в себя все. Вот почему оно есть прежде всего *вампир* и *тиран*, и вот почему тираническая тенденция не только присуща любому демоническому Я, но составляет неотъемлемую его черту.

Поэтому демонические монады объединяются временно между собой, но, по существу, они соперники не на жизнь, а на смерть. С захватом локальной власти их группою скоро вскрывается это противоречие, начинается взаимная борьба, и побеждает сильнейший.

Трагичность для демонов хода космической борьбы обусловлена еще и тем, что Господь творит новые и новые монады, демоны же неспособны сотворить ни одной, и соотношение сил непрерывно увеличивается не в их пользу. Новых отпадений не совершается и не совершится больше никогда, этому есть абсолютные гарантии, и я глубоко сожалею, что исключительная трудность этой проблемы не позволяет мне найти нужный ряд понятий для того, чтобы изложить ее сколько-нибудь вразумительно. Во всяком случае, все демонические монады — очень древнего происхождения, все они — давние участники великого восстания. Правда, совершались и позже, совершаются и теперь — не отпадения, а нечто, внешне схожее: высокосознательное существо, иногда даже целая группа их, временно противопоставляют себя Провиденциальной воле. Но этот богоборческий выбор совершается не самою монадою, а низшим «я», душевным, ограниченным сознанием. Поэтому богоборческая деятельность его протекает не в духовном мире, но в материальных мирах, подвластных, по воле самих же демонов, закону возмездия. Этим самым бунт оказывается заранее обречен, совершивший его вступает на длительный путь искупления.

Постепенно, в ходе борьбы, безуспешность попыток демонических сил создать собственную вселенную стала уясняться ими самими; продолжая создавать отдельные миры и прилагая неимоверные усилия к упрочению их существования, они в то же время поставили перед собой и другую цель: завладеть мирами, уже существующими или ныне творящимися Провиденциальными силами. Отнюдь не разрушение миров, а именно завладение ими — такова их цель, но разрушение миров — объективное следствие подобного завладения. Лишенные объединяющего принципа любви и сотворчества, цементируемые лишь противоречивым принципом насилия, миры не могут существовать сколько-нибудь длительное время. Есть разрушающиеся галактики. И когда астрономические наблюдения внегалактических туманностей охватят более длительный период, чем сейчас, процессы этих мировых катастроф приоткроются взору науки. Есть погибшие и погибающие планеты: Марс, Меркурий, Плутон — руины брамфатур; все монады Света были изгнаны из этих систем, подпавших демоническому господству, вслед за чем последовала завершающая катастрофа, и демонические полчища оказались бесприютно мечущимися в мировом пространстве в поисках за новым объектом вторжения.

Но есть макробрамфатуры и целые галактики, вторгнуться в которые силам Восставшего не удалось. Внутри нашей Галактики системою, полностью освободившейся от демонических начал, является Орион — макробрамфатура необычайного могущества духовного Света. Тот же, кто будет созерцать в рефлектор великую туманность Андромеды, увидит воочию другую галактику, не знавшую демонических вторжений никогда. Это мир, с начала до конца восходящий по ступеням возрастающих блаженств. Среди миллионов галактик Вселенной таких миров немало, но наша Галактика, к сожалению, не входит в их число. Давно низвергнутые из макробрамфатуры Вселенной, силы Восставшего ведут в мирах нашей Галактики безостановочную, неустанную, миллионы форм приобретающую борьбу против сил Света; ареной борьбы оказался и Шаданакар.

Он стал такою ареною еще в те отдаленные времена, когда в Энрофе Земля представляла собой полурасплавленный шар, а другие слои Шаданакара, исчислявшиеся еще однозначными цифрами, только создавались великими иерархиями макробрамфатур. Там не было закона взаимопожирания: там, в мирах существ, которые теперь нам известны под общим именем ангелов, господствовал принцип любви и дружбы всех. Не было закона смерти: каждый переходил из слоя в слой путем материальной трансформы, свободной от страдания и не исключавшей возможности возврата. В этих мирах, тогда обладавших только тремя измерениями пространства и, следовательно, почти таких же плотных, как Энроф, не было, однако, закона возмездия: совершенные ошибки исправлялись с помощью высших сил. Проблески воспоминаний об этом, из сокровищниц глубинной памяти поднимавшиеся в сознание древних мудрецов, но сниженные и упрощенные их сознанием, привели к кристаллизации легенды об утраченном рае. В действительности не рай, а прекрасная заря, и не над земным Энрофом, тогда еще лишенным органической жизни, а над миром, который теперь называется Олирной, сияла тогда и сохранилась в памяти тех немногих человеческих монад, которые не явились в Шаданакар позднее, как большинство, а начинали в нем свой путь во времена, более давние, чем древность, и не в Энрофе, а в ангельской Олирне. Это содружество праангелов можно назвать, в известном смысле, первым человечеством Шаданакара.

Великий демон, один из сподвижников Люцифера, вторгся в Шаданакар с полчищами меньших. Имя его Гагтунгр. То была длительная и упорная борьба; она увенчалась его частичной победой. Изгнать силы Света из брамфатуры ему не удалось, но удалось создать несколько демонических слоев и превратить их в неприступные цитадели. Ему удалось вмешаться в процесс возникновения и развития жизни в земном Энрофе и поставить на животном царстве свою печать. Планетарные законы, с помощью которых начинали создавать органическую жизнь в Энрофе силы Света, неузнаваемо исказились. Ложно и кощунственно приписывать Божеству законы взаимопожирания, возмездия и смерти. «Бог есть Свет и нет в Нем никакой тьмы».

От Бога только спасение. От Него только радость. От Него только благодать. И если мировые законы поражают нас своей жестокостью, то это потому, что голос Бога возвышается в нашей душе против творчества Великого Мучителя. Взаимная борьба демонических монад, победа сильнейшего, а не того, кто более прав, и низвержение побежденного в пучину мук — этот закон люциферических сил отобразился на лице органического мира Энрофа, выразившись здесь в законе «борьбы за существование». Всякое страдание существа, всякая его боль и мука дают излучение — и здесь, в Энрофе, и там, в мирах посмертия. Всякое его чувство, всякое волнение его душевного естества не может не давать соответствующего излучения. Излучения злобы,

ненависти, алчности, похоти животных и людей проникают в демонические слои, восполняя убыль жизненных сил у различных классов и групп их обитателей. Но этих излучений едва достаточно, чтобы они восполняли убыль сил именно у отдельных демонических сообществ. Зато излучение страдания и боли — оно называется гаввах — способно насыщать гигантские толпы демонов почти всех видов и рангов. По существу, гаввах — их пища. Налагая свою лапу на законы Шаданакара, Гагтунгр искажал их так, чтобы породить и умножить страдание. Он делал их тягостными, жестокими, нестерпимыми. Он воспрепятствовал водворению в Энрофе закона трансформы; как равнодействующая обоих борющихся начал возникла смерть и стала законом. Он воспрепятствовал принципу всеобщей дружбы; как равнодействующая обеих сил появилось взаимопожирание и стало законом жизни. И наконец, демонические силы вмешались в жизнь других слоев Шаданакара — тех, через которые пролегал путь существ, хоть раз воплотившихся в земном Энрофе: эти слои были обращены в миры возмездия, где царствуют мучители, впивая страдания страдальцев. Среди различных видов гавваха особое значение имеет тот, который связан с истечением физической крови. Когда кровь людей и животных вытекает из организма, то в первые минуты этого процесса она выделяет жгучее излучение особой силы. Поэтому некоторые классы демонов заинтересованы не столько в смерти живых существ Энрофа и не в загробном страдании их душ, сколько именно в кровопролитиях. Ни одно кровопролитие в истории не происходило и не происходит без неосознанного нами внушения этих потусторонних кровопийц. И кровавые жертвоприношения в некоторых древних культах были ужасны не только своей жестокостью, но и тем, что питали собою отнюдь, конечно, не богов, а именно этих демонов.

Для восполнения сил Света Планетарным Логосом — первой и величайшей монадой Шаданакара — был создан новый слой и положено начало новому человечеству. Энроф был оставлен животному царству; новый же слой населился *титанами*, обликом напоминавшими нас, но огромными и великолепными. В мире, напоминавшем Энроф, только пока еще сумрачном, их светящиеся фигуры двигались на фоне сине-серого, свинцового неба, по склонам и выгибам пустынных гор, их совершенствуя. Человечество титанов исчислялось несколькими тысячами. Пола они были лишены, рождение новых не связывалось с союзом двух старших никак. Но Гагтунгр сумел вызвать их бунт против Промысла. Идея их заключалась в том, что они — семя и ядро нового мирового начала, третьего, противостоящего и Богу, и демонам. Они жаждали абсолютной свободы своих «я», но жестокость и злобу демонов ненавидели. Бунт завершился тем, что силы Гагтунгра, пользуясь законом возмездия, вовлекли души титанов в глубокие мучилища. Там длилась их пытка свыше миллиона лет, пока, с помощью Провиденциальных сил, им не удалось вырваться из плена. Теперь большинство из них совершают свой путь среди человечества, выделяясь на общем фоне масштабом своей личности и особым сумрачным, хотя отнюдь не темным ее колоритом. Их творчество отмечено смутным воспоминанием богоборческого подвига, как бы опалено древним огнем и поражает своею мощью.

От демонических монад их дух отличен порывом к Свету, презрением к низменному и жаждой божественной любви[1].

В последние тысячелетия до Христа могущество Гагтунгра было так велико, что в потусторонних слоях многих метакультур человечества у возмездия был отнят его временный характер. Выход из страдалищ был для мучающихся наглухо закрыт и у них отнята надежда.

Этот закон возмездия, железный закон нравственных причин и следствий — тех следствий, которые могут проявляться и в текущей жизни, но во всей полноте проявляются в посмертии и даже в следующих воплощениях, — можно назвать индийским термином к а р м а. Карма есть такая же равнодействующая двух противоположных воль, как закон смерти и закон борьбы за существование. Если бы демонические силы не встречали постоянных препятствий со стороны своих врагов, законы были бы еще тяжелее, потому что демоническая цель законов — порождать гаввах и парализовать проявления подпавших им душ Света. У законов есть и другая сторона, это — их очищающее значение. Это остаток древнейших светлых празаконов миротворивших прекрасных иерархи́й; цель этих иерархи́й и всех светлых сил Шаданакара — смягчение и просветление законов; цель демонических — еще большее их утяжеление.

Замысел Провидения — спасение всех жертв. Замысел Гагтунгра — превращение всех в жертвы.

Богочеловечество следующего мирового периода будет добровольным единением всех в любви. Дьяволочеловечество — по-видимому, его не удастся избежать в конце текущего периода — будет абсолютной тиранией одного.

Космос есть поприще становящихся монад. Антикосмос — всемирный союз соперников и скопище ущербленных светлых монад, плененных ими в мирах, над которыми господствуют демоны. У этих пленников отнят священнейший их атрибут: свобода выбора.

Несоизмеримостью своих масштабов с масштабами Люцифера вселенной Гагтунгр не смущен: он, как и все демонические монады, понимает свою малость лишь как стадию. Слепая вера в безграничное свое возрастание и победу неотъемлема от его «я». Так верит в свой грядущий макрогалактический триумф любая из этих монад, сколь бы миниатюрна она ни была в настоящее время и какое подчиненное место ни занимала бы в иерархии восставших. Поэтому любая из них, и Гагтунгр в том числе, — тиран не только в идеале и не только в данный момент, но и на каждой стадии в той мере, в какой это позволяет власть, достигнутая на этой стадии. Тирания вызывает такое обильное выделение гавваха, как никакой другой принцип водительства. Впивание гавваха увеличивает запас демонической мощи. Если бы демон стал восполнять убыль своих сил за счет вливания других психических излучений — радости, любви, самоотвержения, религиозного благоговения, восторга, счастия, — это переродило бы его естество, он перестал бы быть де-

1. Из числа деятелей мировой культуры я мог бы назвать несколько таких имен: Эсхил, Дант, Леонардо, Микеланджело, Гете, Бетховен, Вагнер, Ибсен, Лермонтов, Лев Толстой.

моном. Но он не хочет именно этого. И тиранией, только тиранией может он обуздать центробежные силы внутри подчинившихся ему демонических множеств. И потому же совершаются иногда в метаистории (а отраженно — и в истории) акты отпадения и обратного восстания отдельных демонических монад против Гагтунгра. Подобные восстания поддержаны силами Света не могут быть, ибо любая из таких монад есть в потенции такой же планетарный демон; если бы она оказалась сильнее Гагтунгра, она сделалась бы еще большим мучителем, чем он. Не надо, впрочем, забывать, что не столь уж редки случаи восстания отдельных демонических монад не против Гагтунгра как такового, а против демонического миропорядка вообще. Такие восстания — не что иное, как обращение демонических монад к Свету, и ясно, что им оказывается тогда всемерная помощь Провиденциальных сил.

При всей сатанинской мудрости мировых замыслов Гагтунгра, замыслы эти зыбки именно вследствие указанных причин, ибо шансы обуздать все демонические монады мира, и в будущем самого Люцифера, для планетарного демона исчезающе малы.

Но неутолимое стремление ко вселенскому господству составляет источник единственно понятных ему радостей: он испытывает подобные радости всякий раз, когда малейшая частная победа кажется ему шагом, приближающим к конечной цели. Победы же эти заключаются в порабощении других монад или их душ: демонических — как полусоюзников, полурабов, светлых — как узников и объектов мучительства. Насколько Гагтунгр может вообразить космическое грядущее, он рисует самого себя как некое солнце, вокруг которого бесчисленные монады вращаются по концентрическим кругам, одна за другою падая в него и поглощаясь, — и постепенно вся Вселенная приходит в это состояние вращения вокруг него, погружаясь, мир за мирами, в чудовищно разбухшую гипермонаду. Вообразить дальнейшее демонический разум бессилен. Меньшие из этих монад не способны нарисовать даже и такого апофеоза. Незыблемо веруя в свою конечную победу над Вселенной, они сосредотачивают волю и мысль на более близких, легче представимых стадиях.

3. К ВОПРОСУ О СВОБОДЕ ВОЛИ

Существует некоторое предубеждение, некоторая особая умственная установка, свойственная в наше время немалому количеству людей, так как ее старательно внедряли в сознание многих народов целых четыре десятилетия. Это — такой ход мысли, который приводит мыслящего к выводу, перерастающему с течением времени в аксиому, в догмат: будто бы религия отнимает у человека его свободу, требует слепой покорности высшим силам, ставит его в полную от них зависимость. А так как они — только призраки, то в действительности укрепляется зависимость от всех весьма реальных человеческих инстанций, которые стремятся эксплуатировать невежество масс. В этом и заключается «религиозное рабство», из коего человечество высвобождается наукой и материалистической философией.

Оспаривать это рассуждение — значит писать трактат, ставящий целью опровержение основ материалистической философии. Такие трактаты

уже написаны, и если они до сих пор в России недостаточно известны, то причина тому в обстоятельствах, имеющих отношение не столько к философии, сколько к политике.

Что же касается утверждения, будто бы всякая религия требует покорности высшим силам, то нет сомнения, что некоторые религиозные доктрины действительно проповедовали предопределение и фактическое отсутствие свободы воли у человека: это — факт, и я меньше всего склонен брать под защиту любые религиозные формы без разбора. Однако распространять этот признак на всю религию в целом правомерно не в большей степени, чем утверждать, например, что мировая художественная литература реакционна по своему существу, а для обоснования этого ссылаться на отдельных реакционных писателей и отдельные реакционные школы.

Уяснить неправомерность такого обвинения по отношению к концепции Розы Мира я хотел бы немедленно.

Прежде всего позволю себе высказать недоумение: никакая наука и никакая философия[1], в том числе и материалистическая, не оспаривает факта зависимости человеческой воли от множества материальных причин. Как раз именно материалистическая философия даже особенно настаивает на сугубой зависимости воли от факторов экономического ряда. И тем не менее никто не возмущается этим принижением человека перед природной и исторической необходимостью. Никто не вопиет о рабстве человека закону тяготения, закону сохранения материи, закону эволюции, законам экономического развития и т.д. Все понимают, что в рамках этих законов остается все же достаточный простор для проявления нашей воли.

Между тем настоящая концепция не прибавляет ни одного фактора нового, дополнительного, к перечисленной сумме факторов, определяющих нашу волю. Дело не в их числе, а в их истолковании. То необъятное и бесконечно многообразное, что объединяется выражением «высшие силы», воздействует на нашу волю не столько путем сверхъестественных вторжений, сколько при помощи тех самых рядов, тех законов природы, эволюции и т<ому> п<одобного>, которые мы только что условились считать объективными фактами. Эти ряды фактов в огромной степени определяют наше сознание, и не только сознание, но и подсознание, и сверхсознание. Отсюда и возникают те голоса совести, долга, инстинкта и пр<очие>, которые мы слышим в себе и которые видимым образом определяют наше поведение. Таков механизм связи между «высшими силами» и нашей волей. Правда, иногда имеют место явления, которые субъективно могут казаться нарушениями законов природы «высшими силами». Это называют чудом. Но там, где такие явления действительно совершаются, а не оказываются аберрациями, там происходит вовсе не нарушение естественных законов «произволом» высших сил, а проявление этих сил через ряд других законов, нам еще неясных.

То, что зачастую кажется нам монолитным, простым, нерасчленимым двигателем наших поступков, например совесть, в действительности представляет собой весьма сложный результат разных рядов. В основном совесть

1. Кроме субъективного идеализма.

есть голос нашей монады. Но его доступ в сферу нашего сознания обусловливается воздействием других рядов: внешние обстоятельства, например какой-нибудь случай, послуживший толчком к тому, чтобы этот голос монады был нами услышан, — это есть проявление Промысла, действие сил Провиденциальной природы.

Таким образом, выбор человека предопределяется тремя рядами сил. Силами Провиденциальными, пользующимися в своих целях законами природы и истории как орудиями и постепенно их просветляющими; силами демоническими, пользующимися теми же самыми законами и все более их отягчающими; и волей нашей собственной монады, подаваемой в круг нашего сознания голосами сердца и разума с помощью Провиденциальных сил.

Поэтому, будем ли мы рассматривать законы природы и истории как механические, бездушные необходимости или как орудие тех или иных живых, личных, иноматериальных либо духовных сущностей, — от этого степень нашей свободы не убудет и не увеличится.

Следовательно, степень свободы человеческого выбора с точки зрения концепции Розы Мира не меньше, чем с точки зрения материализма, но ряды определяющих ее факторов иначе осмыслены и четче расчленены.

И если материалиста не оскорбляет ограниченность нашей свободы совершенно безличными и бездушными законами природы, то чем же может унижать нас ограниченность нашей свободы волей Провиденциальных сил? Нас может оскорблять только ограниченность нашей свободы волей сил демонических; да, она оскорбляет; но ведь это — те самые силы, те наши исконные враги, в обуздании, обращении и просветлении которых — вся наша цель. И э т о оскорбление мы перестанем переживать только тогда, когда сделаем себя недоступными их воздействию. Эволюция мировой жизни ведет ряды существ от минимальной степени свободы в простейших формах (в зачаточное сознание микроба голос монады не достигает почти совершенно, и поведение его определяется главным образом демоническими силами, действующими через законы природы как через свой передаточный механизм). Высшие животные уже гораздо свободнее, чем микроб, амплитуда их произвольных действий много шире; у человека она возрастает несравненно.

Противники религии как таковой указывают на то, что она требует отказа от личной воли, требует покорности нашей воли Божеству. И по отношению к некоторым религиям прошлого они правы. Но Роза Мира не есть религиозное учение прошлого. Она есть религиозное и социально-этическое учение будущего. Никакой «покорности» воле Божией Роза Мира не требует, ибо ценно только то, что совершается человеком добровольно, а не по принуждению.

Не требование рабской покорности воле Божества будет звучать из святилищ религии итога. Оттуда будет излучаться призыв ко всеобщей любви и к свободному богосотворчеству.

Господь — это неизменное и невыразимое первоверховное стремление, это — духотворящая власть, действующая во всех душах, не умолкающая даже в глубине демонических монад и направляющая миры и миры, от микробрамфатур до сверхгалактик, к чему-то совершеннейшему, чем добро,

и высшему, чем блаженство. Чем выше ступень каждого «я», тем полнее совпадает его воля с творческой волей Господней. И когда оно, начав свой космический путь с простейших форм живой материи, минует ступени человека, демиурга народов, демиурга планет и звезд, демиурга галактики, оно через Бога-Сына — погрузится в Отца, и воля его полностью совпадет с Отчею волей, сила — с Отчею силой, образ — с Отчим образом и творчество — с Отчим творчеством.

Бого-сотворчество есть светлое творчество всех монад восходящего потока Вселенной, от человека, стихиалей и просветленных животных до демиургов галактик, исполинов невообразимого величия.

Вот почему так часто встречается здесь слово «демиург», в старинных религиях почти не употреблявшееся. Демиурги — все, кто творит во славу Божию, из любви к миру и его Первотворцу.

Он абсолютно благ.

«Он всемогущ», — добавляло старое богословие.

Но если Он всемогущ — Он ответственен за зло и страдание мира, следовательно, Он не благ.

Казалось бы, выйти из круга этого противоречия невозможно.

Но Господь творит из Себя. Всем истекающим из Его глубины монадам неотъемлемо присущи свойства этой глубины, в том числе абсолютная свобода. Таким образом, божественное творчество само ограничивает Творца, оно определяет Его могущество той чертой, за которой лежат свободы и могущества Его творений. Но свобода потому и свобода, что она заключает возможность различных выборов. И в бытии многих монад она определилась их отрицательным выбором, их утверждением только себя, их богоотступничеством. Отсюда то, что мы называем злом мира, отсюда страдание, отсюда жестокосердные законы и отсюда же то, что эти зло и страдание могут быть преодолены. Законы оберегают мир от превращения в хаос. Сами демоны вынуждены считаться с ними, дабы миры не распались в пыль. Поэтому они не опрокидывают законов, но утяжеляют их. Законы слепы. И просветлены они могут быть не во мгновение ока, не чудом, не внешним вмешательством Божества, но длительнейшим космическим путем изживания богоотступническими монадами их злой воли.

У Бога всеобъемлющая любовь и неиссякающее творчество слиты в одно. Все живое, и человек в том числе, приближается к Богу через три божественных свойства, врожденных ему: свободу, любовь и Бого-сотворчество. Бого-сотворчество — цель, любовь — путь, свобода — условие.

Демонические монады свободны, как и все, но их любовь глубоко ущербна. У них она направлена исключительно внутрь: демон любит только себя. И оттого что весь могучий запас любви, в духе его пребывающий, сосредоточен на этом одном, демон любит себя с такою великой силой, с какою любить себя не способен ни один человек.

Не может быть утрачена демоническими монадами и способность к творчеству. Но Бого-сотворчество не вызывает у них ничего, кроме предельной враждебности. Каждый демон творит только ради себя и во имя свое.

Творчество человека превращается в Бого-сотворчество с той минуты и в той мере, в какой его непреодолимый творческий импульс направляется усилием его воли и веры не на достижение тех или иных эгоистических целей — славы, удовольствия, материального успеха, служения жестоким и низменным учениям, — но на служение Богу любви.

Именно три слова — свобода, любовь и Бого-сотворчество — определяют отношение Розы Мира к искусству, науке, воспитанию, браку, семье, природе и даже к таким всеми религиями пренебрегавшимся элементам жизни, как ее благоустройство и благолепие.

4. БЫТИЕ И СОЗНАНИЕ

То, что я говорил до сих пор, подводит нас к новому углу зрения на многовековой спор о примате сознания или бытия.

«Сознание определяет бытие», — формулировали идеалистические школы. На следующем, безрелигиозном этапе культуры эта формула была вывернута наизнанку, но материал ее сохранился в неприкосновенности. А материал состоял в противопоставлении двух членов, и поэтому новая формула унаследовала примитивизм своей предшественницы.

Вопрос сложнее, чем эти формулы. И вместе с тем он проще, чем громоздкие сооружения посылок и выводов, напластовавшиеся в XVIII и XIX веках для того, чтобы извлечь столь скромный результат.

«Бытие определяет сознание»... «Сознание определяет бытие»... Чье бытие? чье сознание?

Отдельной конкретной личности? человечества? мира? живой сознающей материи? Как все спутано, как нечетко.

Сознание отдельной конкретной личности (для простоты будем говорить только о человеке) определяется не чьим-либо сознанием и не вообще бытием, но *суммою факторов*. А именно:

а) ее собственным физическим бытием;

б) бытием природной и культурной ее среды;

в) сознаниями множества людей, живущих и живших, ибо эти сознания в значительной мере определили своими усилиями культурную среду, в которой личность живет и которая воздействует на ее бытие и сознание;

г) сознанием n-ного числа других существ, влиявших на природную среду и ее трансформировавших;

д) бытием и сознанием миротворящих иерархий;

е) сверхсознательным, но индивидуальным содержанием, кое врожденно монаде данной личности;

ж) бытием-сознанием Единого, в Котором бытие и сознание суть одно, а не различные, противостоящие друг другу категории.

Если вопрос ставится не об отдельной личности с ее бытием и сознанием, но о Вселенной, точнее — о появлении сознания в органической природе каких-либо миров, то ясно, что поскольку Вселенная определяется Единым, постольку это противопоставление бытия и сознания снимается по только что указанной причине. Поскольку же Вселенная определяется

творчеством богосотворенных монад, постольку вопрос о каком-то моменте появления в ней сознания после периода существования бессознательности лишается смысла. Ибо если бы не было богосотворенных монад с их сознанием и бытием, не могла бы возникнуть и никакая материя, ни органическая, ни неорганическая.

Над примитивностью классических формул теперь можно было бы только добродушно пошутить, если бы одна из них, став философским догматом политической деспотии, не оказалась повинна в бесчисленных несчастиях, забив, как пробка, дыхательные пути мысли множества людей и преградив доступ духовности в сферу их сознаний. Другая из классических формул, столь же ошибочная, все-таки менее опасна именно потому, что она духовнее. Но со старых религий с их философемами это отнюдь не снимает вины: столько веков потратить на схоластические мудрствования — и ни на шаг не приблизиться к вопросу о примате бытия или сознания.

5. РАЗНОМАТЕРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЧЕЛОВЕКА

Среди многочисленных слоев Шаданакара есть многомерный мир, где пребывают человеческие монады — неделимые и бессмертные духовные единицы, высшие Я людей. Творимые Богом, и только Богом, а некоторые (немногие) таинственно рождаемые Им, они входят в Шаданакар, облекаясь наитончайшей материей, — ее правильнее было бы назвать энергией: это — субстанция, пронизывающая весь Шаданакар; каждый индивидуальный дух, вступая в нашу брамфатуру, неизбежно ею облекается. Мир, в котором пребывают наши монады, носит имя *Ирольн*.

Творческий труд, ведущий к просветлению Вселенной, — задача каждой монады, кроме демонических; среди же людей демонических монад нет. Человеческие монады осуществляют этот труд в низших мирах, подлежащих их просветляющему творчеству, создавая там для себя материальные облачения и через эти облачения воздействуя на среду соответствующих слоев.

Прежде всего, монада создает *шельт* из материальности пятимерных пространств, затем — *астральное тело* из материальности четырехмерных. Оба эти облачения часто объединяются в нашем представлении под словом «душа». Шельт — материальное вместилище монады со всеми ее божественными свойствами и ее ближайшее орудие. Не сама монада, остающаяся в пятимерном Ирольне, но именно шельт является тем «я», которое начинает свое странствие по низшим слоям. Шельт творится самою монадою; в творении же астрального тела принимает участие великая стихиаль — Мать-Земля. Она принимает участие в творении астральных тел всех существ Шаданакара — людей, ангелов, даймонов, животных, стихиалей, демонов и даже великих иерархий, когда последние спускаются в те слои, где астральное тело необходимо. Это тело — высший инструмент шельта. В нем сосредоточены способности духовного зрения, слуха, обоняния, глубинной памяти, способности полета, способности общения с синклитами, даймонами, стихиалями, ангелами, способность ощущения космических панорам и перспектив.

Далее, Мать-Земля, оплодотворяемая духом Солнца, создает для воплощающейся монады *тело эфирное*: без него невозможна никакая жизнь в мирах трех и четырех измерений. И когда шельт со всеми своими облачениями, включая эфирное, покидает в Энрофе самый внешний, кратковременный, последний из своих сосудов — тело физическое, в Энрофе остается только труп. Физическое же тело создается для нас ангельскими иерархиями — они творят самую материю — и великой стихиалью человечества — *Лилит* — той, которая ваяет из этой трехмерной материальности цепь рода. Воздействие самой монады в этом акте через шельт заключается в том, что она данному звену рода дает индивидуальность.

Так завершается процесс спуска; начинается процесс восхождения.

Физическое тело может приниматься монадой один или, снова и снова, много раз. Эфирное же создается наново только в том случае, если носитель, подпав закону возмездия, принужден был совершить путь по кругам великих страдалищ. А в восходящем пути эфирное тело сопутствует носителю по всем мирам Просветления вплоть до затóмисов — обителей просветленного человечества, небесных градов метакультур. Состоит оно из жизненной субстанции, не универсальной, но разлитой по всем трехмерным и четырехмерным мирам. Памятуя о древнейшем откровении человечества, ее справедливо было бы назвать арунгвильтой-праной.

Астральное тело сопутствует носителю выше, включая сакуалу «Высокого Долженствования», а еще выше остается только шельт, просветленный до конца и слившийся с монадой в единство. Тогда монада покидает Ирольн и, облеченная предельно истонченным шельтом, вступает на лестницу наивысших миров Шаданакара.

В последующих частях книги будет идти речь обо всех этих слоях, многие из них будут, насколько это возможно, описаны. Но подробнее осветить вопросы о взаимодействии различных облачений монады, о функциях каждого из них и об их строении я, к сожалению, не в состоянии.

6. МЕТАКУЛЬТУРЫ

Структура Шаданакара, к колоссальной проблематике которой скоро пора уже будет перейти, останется непонятной в самых своих основах, если предварительно не усвоить, что такое сверхнарод, метакультура и трансмиф.

Под термином «сверхнарод» понимается совокупность наций, объединенных общей, совместно созидаемою культурой, либо отдельная нация, если ее культура созидалась ею одной и достигла высокой степени яркости и индивидуальности.

При этом подразумевается, что вполне изолированных культур не существует, они взаимосвязаны, но в целом каждая культура вполне своеобразна, и, несмотря на влияние, оказываемое ею на других, она во всей своей полноте остается достоянием только одного сверхнарода, своего творца.

Понятие сверхнарода можно было бы не вводить в настоящую концепцию, если бы оно не обладало, наряду с историческим, также и метаисторическим значением. А метаисторическое значение его в том, что своеобразие сверхнарода не ограничивается культурной сферой в Энрофе, но сказывается также во многих иноматериальных слоях как восходящего, так и нисходящего ряда, поскольку некоторые участки этих слоев охватываются воздействием лишь одного данного сверхнарода. Ведь нельзя забывать, что под сверхнародом понимается совокупность не тех только личностей, которые принадлежат к нему сейчас, не только наших современников, но и весьма многих из тех, которые принадлежали к нему раньше, хотя бы и на заре его истории, а позднее, в своем посмертии, действовали и действуют в трансфизических слоях, с этим сверхнародом связанных. Над человечеством поднимается лестница слоев, общих для всех сверхнародов, но над каждым из них эти слои меняют свою окраску, свою физиономию, свое содержание; есть даже такие слои, которые наличествуют только над одним сверхнародом. Точно так же обстоит дело и по отношению к демоническим мирам нисходящего ряда, существующим как бы *под* сверхнародами. Таким образом, значительная часть Шаданакара состоит из отдельных многослойных сегментов; слой Энрофа в каждом из таких сегментов занят только одним сверхнародом и его культурой. Эти многослойные сегменты Шаданакара носят название *метакультур*.

Каждый сверхнарод обладает своим мифом. Этот миф создается отнюдь не в одном лишь детском периоде его истории, — напротив. И, так как традиционное употребление слова «миф» не совпадает с тем значением, которое вкладывается в него здесь, приходится тщательно разъяснить, какое понятие мною в это слово вложено.

Когда мы говорим о строго координированной системе идейно насыщенных образов, воплощающих какое-либо многообъемлющее интернациональное учение и нашедших свое выражение в преданиях и культе, в теософемах и философемах, в памятниках словесности и в изобразительном искусстве и, наконец, в кодексе нравственности, — мы говорим о *мифах великих международных религий*. Таких мифов существует четыре: индуистский, буддийский, христианский и магометанский.

Когда мы говорим о строго координированной системе идейно насыщенных образов, определяющих отношение к Энрофу, к трансфизическим и духовным мирам со стороны одного какого-нибудь сверхнарода, о системе, отлившейся в определенную религию и играющую в истории данного сверхнарода весьма значительную роль, но почти не распространившуюся за его пределы, — мы говорим о *национальных религиозных мифах отдельных сверхнародов*. Таковы мифы египетский, древнеиранский, еврейский, древнегерманский, галльский, ацтекский, инкский, японский и некоторые другие.

Когда мы имеем в виду мир образов, столь же идейно насыщенных и тоже, быть может, связанных, хотя и не так тесно, с идеями религиозного и нравственного порядка, но не сложившихся в стройную систему и отражающих ряд общих нравственных, трансфизических, метаисторических или вселенских истин в связи именно с данностью и с долженствованием вот этой культуры, — мы имеем перед собой *общие мифы сверхнародов*. Таковы мифы

юго-западного — романо-католического сверхнарода, сверхнарода северо-западного — германо-протестантского, сверхнарода российского[1].

И наконец, последняя, четвертая группа — *общие мифы национальные: это* — мифы отдельных народностей, входящих в состав сверхнарода, но внутри себя создающих, в дополнение к общему сверхнародному мифу, свой частный, очень локальный, ни в какую строгую систему, ни в какую религию не отлившийся вариант. В качестве примеров можно было бы привести языческие мифы славянских племен, финских племен, тюркских племен, а также мифы некоторых обособленных и отстающих племен Индии. В сущности, в зачаточном состоянии мифы народностей обнаруживаются у весьма многих этнических образований, но ярко выраженную физиономию приобретают они редко.

Ни к каким другим явлениям в истории культуры мы применять слово «миф» не будем.

Таким образом, три последние группы мифов относятся к специфике отдельных культур. Первая же группа — мифы международных религий — мистически связана (за исключением одного) с такими слоями Шаданакара, которые лежат уже выше его сегментарных членений, называемых метакультурами.

Мне кажется, что понятие мифов национально-религиозных воспринимается без труда. Общим же мифам сверхнародов следует дать, для ясности, пару дополнительных определений.

Определение индуктивное.

Общий миф сверхнарода есть сумма его представлений о трансфизическом космосе, об участии в нем данной культуры и каждого входящего в эту культуру «я»[2] — представлений, которые этой культурой вырабатываются, отливаясь в формы цикла религиозно-философских идей, цикла художественных образов, цикла социально-этических понятий, цикла государственно-политических установлений и, наконец, цикла общенародных жизненных норм, осуществляющихся в обряде, в повседневном укладе быта, в обычае.

Определение дедуктивное.

Общий миф сверхнарода есть *осознание сверхнародом* в лице его наиболее творческих представителей некоей *второй реальности*, над ним надстоящей, в которую он сам входит частью своего существа и в которой таится руководство его становлением и корни его судьбы, — осознание, замутненное посторонними, из неупорядоченной человеческой природы возникающими примесями.

Эту вторую реальность, служащую объектом трансфизического и метаисторического, художественного и философского постижения, можно условно обозначить термином т р а н с м и ф.

1. В некоторых культурах, напр<имер> в греко-римской или вавилоно-ассиро-ханаанской, развитие мифов уже вышло из стадии «общего», но не сложилось в систему, достаточно строгую для того, чтобы мы могли причислить олимпийский и вавилонский мифы к группе национ<ально>-религиозных мифов сверхнародов.

2. При этом само понятие данной культуры может быть осознано не более четко, чем это было, например, у греко-римлян, с их противопоставлением себя всему остальному человечеству как варварам.

Само собой разумеется, что степень отличия мифа от трансмифа может быть весьма разной. Ограниченность тех, кто воспринимал трансмиф через интуицию, сновидения, художественные наития, религиозное созерцание, метаисторическое озарение; национальные, эпохальные, классовые и личные особенности этих сознаний и той подсознательной области их существа, которая деятельно участвует в этом процессе; невозможность найти в слове или в образах трехмерного искусства точные аналогии для выражения реальности иномерных миров — разве может все это не привести к бесчисленным аберрациям, к загромождению мифа массой случайного, неточного, антропоморфного, примитивизирующего, даже просто неудачного? Но миф динамичен, он движется во времени, развивается, меняет лики, и поздние его фазы, как правило, ближе к трансмифу, потому что за истекшие века сами воспринимающие сознания стали тоньше, богаче, зорче, шире.

Но тем временем развивается и сам трансмиф. Запредельная реальность полна кипучего движения, о ее статике не может быть и речи. Как отличаются города-крепости времен Меровингов от современного Парижа, так же отличаются ландшафты, сооружения и все содержание трансмифов в пору их возникновения и к концу их метаисторического развития.

Но на всех стадиях развития сверхнародного трансмифа присутствуют, наряду с постигающим его народом Энрофа, две другие реальности, два других слоя, два полюса метакультурной сферы. Вокруг них и между ними находятся и другие слои, но каждый из них возник потом или же претерпел коренные изменения; некоторые исчезли. Незыблемы и долговечны только три области: в Энрофе — сверхнарод, в иномерном пространстве над ним — обиталище его просветленных душ, священные грады, небесная страна метакультуры, а внизу, в мирах нисходящего ряда — антиполюс этой небесной страны: цитадель, сооружаемая в мирах, связанных с глубинными пластами в физическом теле планеты. Это — средоточие демонических сил данной метакультуры. Небесные страны и все, что в них, называются *затóмисами*; подземные цитадели — *шрастрами*.

Обычно из этих двух полюсов ярче и четче бывают отражены в мифах именно затомисы. Образы шрастров далеко не всегда отливаются в сколько-нибудь законченную форму. Затомисы же, обиталища синклитов метакультур, можно встретить в мифах решительно всех сверхнародов, и притом в мифах и религиозных, и общих. Такова Эанна вавилонян: зиккурат в городе Эрехе был, по воззрениям шумеро-аккадийцев, подобием этой горы богов, Эанны Небесной, а позднее аналогичный смысл усматривался вавилонянами в главном культовом сооружении их великого города — в семиступенчатом храме Эсагиле. Таков Олимп греко-римлян. Такова Сумэра (Меру) индийцев — индусский Олимп, на склонах которого блещут небесные города богов индуизма. Таковы образы Рая — Эдема в метакультурах Византийской и Романо-католической, Джаннэт — в Арабо-мусульманской, Шан-Ти — в Китайской, Монсальват — в Северо-западной, Китеж — в Российской метакультуре.

Сквозь клубящиеся тучи искусств, верований, мифологий и народоустройств стараясь разглядеть небесную страну Северо-западной метакультуры, ни на миг не следует забывать, что сверхнароды, пока они существуют

в Энрофе, не завершают творение своих мифов никогда. Меняются формы выражения: в качестве выразителей на историческую арену выступают новые человеческие группы; от анонимных творцов фольклора и обряда задача мифотворчества переходит к мыслителям и художникам, к чьим именам поднимаются волны всенародной любви: но миф живет. Живет, углубляясь, наполняясь новым содержанием, раскрывая в старых символах новые смыслы и вводя символы новые — сообразно более высокой стадии общего культурного развития воспринимающих — во-первых, и сообразно с живым метаисторическим развитием самого трансмифа — во-вторых.

Небесная страна Северо-западной культуры предстает нам в образе Монсальвата, вечно осиянной горной вершины, где рыцари-праведники из столетия в столетие хранят в чаше кровь Воплощенного Логоса, собранную Иосифом Аримафейским у распятия и переданную страннику Титурэлю, основателю Монсальвата. На расстоянии же от Монсальвата высится призрачный замок, созданный чародеем Клингзором: средоточие богоотступнических сил, с непреоборимым упорством стремящихся сокрушить мощь братства — хранителей высочайшей святыни и тайны. Таковы два полюса общего мифа северо-западного сверхнарода, от безымянных творцов древнекельтских легенд через Вольфрама фон Эшенбаха до Рихарда Вагнера. Предположение, будто раскрытие этого образа завершено вагнеровским «Парсифалем», — отнюдь не бесспорно, а, пожалуй, и преждевременно. Трансмиф Монсальвата растет, он становится все грандиознее. Будем же надеяться, что из толщи северо-западных народов еще поднимутся мыслители и поэты, кому метаисторическое озарение позволит постигнуть и отобразить небесную страну Монсальват такой, какова она ныне.

Нетрудно понять, что большинство даже самых огромных человекообразов Северо-западного мифа не связано и не может быть связано с образом Монсальвата непосредственно. Ожидать непременной непосредственной связи — значило бы обнаружить узкий и формальный подход и даже полное непонимание того, что такое общий сверхнародный, а не религиозно-национальный миф.

В конце концов, любой человеческий образ, созданный великим писателем, художником, композитором, длящий свою жизнь в сознании и подсознании миллионов и становящийся внутренним достоянием каждого, кто этот образ воспримет творчески, — любой такой образ есть образ мифический. Кримгильда и Офелия, Макбет и Брандт, Эсфирь Рембрандта и Маргарита Гете, Эгмонт и м-р Пикквик, Жан Кристоф и Джолион Форсайт мифичны совершенно в такой же мере, как Лоэнгрин и Парсифаль. Но в чем же заключается связь художественных образов, а также философских и социальных идей Северо-западной культуры с полюсами Северо-западного мифа — с Монсальватом и замком Клингзора?

Полюсы всякого сверхнародного мифа опоясаны множеством кругов, целыми мирами образов, связь которых со средоточием не в сюжетной от них зависимости, а во внутреннем родстве, в возможности для нас мыслить эти образы и постигать их метаисторическим созерцанием в средоточьи мифа или рядом с ним.

Фауст, конечно, не Мерлин; байроновский Каин — не Клингзор; Пер Гюнт — не Амфортас, а гауптмановского Эммануэля Квинта, на первый взгляд, просто странно сопоставлять с Парсифалем. Образ Кундри, столь значительный в средоточии мифа, не получил, пожалуй, никакой равноценной параллели на его окраинах. С другой стороны, никаких прообразов Гамлета и Лира, Маргариты или Сольвейг мы в средоточии Северо-западного мифа не найдем. Но их взор туда обращен; на их одеждах можно заметить красноватый отсвет — то ли Грааля, то ли колдовских клингзоровских огней. Эти колоссальные фигуры, возвышаясь на различных ступенях художественного реализма, на различных стадиях мистического просветления, похожи на изваяния, стерегущие подъем по уступам лестницы в то святилище, где пребывает высочайшая тайна северо-западных народов — святыня, посылающая в страны, охваченные сгущающимся сумраком, духовные волны Промысла и благоволения.

Разве блики от излучения этой святыни — или от излучения другого полюса того же мифа, дьявольского замка Клингзора — мы различаем только на легендах о рыцарях Круглого стола? или только на мистериях Байрэйта? Если Монсальват перестал быть для нас простым поэтическим образом в ряду других, только чарующей сказкой или музыкальной мелодией, а приобрел свое истинное значение — значение высшей реальности, — мы различим его отблеск на готических аббатствах и на ансамблях барокко, на полотнах Рюисдаля и Дюрера, в пейзажах Рейна и Дуная, Богемии и Бретани, в витражах-розах за престолами церквей и в сурово-скудном культе лютеранства. Этот отблеск станет ясен для нас и в обезбоженных, обездушенных дворцовых парках короля-солнца, и в контурах городов, встающих из-за океана, как целые Памиры небоскребов. Мы увидим его в лирике романтиков и в творениях великих драматургов, в масонстве и якобинстве, в системах Фихте и Гегеля, даже в доктринах Сен-Симона и Фурье. Потребовалась бы специальная работа, чтобы указать на то, что могущество современной науки, чудеса техники, равно как идеи социализма, даже коммунизма, с одной стороны, а нацизма — с другой, охватываются сферой мифа о Монсальвате и замке Клингзора. Ничто, никакие научные открытия наших дней, кончая овладением атомной энергией, не выводят Северо-западного человечества из пределов, очерченных пророческой символикой этого мифа. Думается, что тому, кто прочитает настоящую книгу, уяснятся эти не вскрытые еще взаимосвязи.

Я заговорил об одной из метакультур с ее мифом и трансмифом лишь для того, чтобы помочь конкретными образами понять идею о небесных странах человечества, пребывающих в просветленных слоях на вершинах метакультур, и задуматься над их антиподами — крепостями богоотступнических начал, деятельно творящих свой антикосмос и борющихся с силами Света во всех сверхнародах Энрофа, во всех слоях, во всех метакультурных зонах.

Но лестница слоев Шаданакара не заканчивается там, где завершаются сегменты метакультур: дальше поднимаются пятимерные и шестимерные миры, тоже получившие свое смутное отображение в мифах и религиях человечества. В этом смысле ко многим из этих слоев тоже применимо наименование «трансмифы». Но в более узком и более высоком смысле слово

«трансмиф» применяется к особой сакуале: это система миров с пятью измерениями пространства и с огромным числом временных координат; это пять грандиозных, как бы светящихся изнутри солнечным сиянием, прекрасных и прозрачных пирамид, незыблемо высящихся над Энрофом. Не только Энроф, но и небесные страны метакультур кажутся оттуда глубоко внизу, в сумраке. Эти миры — высшие аспекты трех (не четырех!) великих международных религий и двух религий, почти не разбивших своей национальной замкнутости вследствие ряда исторических причин, но носивших на себе отблеск как своих затомисов, так и этой, несравненно более высокой сакуалы. Об этой сакуале подробно будет сказано в одной из следующих частей.

Хочу предварительно сделать замечание еще вот по какому поводу. Думаю, что у многих, читающих эту книгу, возникает недоумение: почему все новые слова и имена, которыми обозначаются страны трансфизического мира и слои Шаданакара, даже названия почти всех иерархий — нерусские? А это потому, что русская метакультура — одна из самых молодых: когда стал возникать ее Синклит, все уже было названо другими. Чаще всего можно встретить в этих словах звучание, напоминающее санскрит, латынь, греческий, еврейский и арабский языки, а иногда — языки еще более древние, которых не знает пока ни один филолог. Само собой разумеется, не знаю их и я; только по этим отдельным словам я сужу об их странной фонетической физиономии.

Теперь, мне кажется, сказано все, без чего дальнейшие части книги могли бы остаться не вполне понятными. Перед нами — четыре части, почти целиком посвященные описанию структуры Шаданакара, — своего рода трансфизическая география. Только составив представление об арене и об участниках метаисторической мистерии, хотя бы самое приблизительное, можно будет перейти к тем частям, которые посвящены самим метаисторическим процессам, в особенности — метаистории России и ее культуры, а также метаистории современности. Это связано с задачами, с конкретною программой Розы Мира, с изложением тех исторических путей, на которых возможно бескровное объединение человечества в единый организм, всеобщее изобилие, воспитание поколений облагороженного образа, преобразование планеты в сад, а всемирного государства — в братство. Отсюда перекинется мост к последним главам: к некоторым далеким историческим прогнозам, к проблеме завершающих катаклизмов всемирной истории и к неизбежному, хотя и катастрофическому, переходу Энрофа в другую, высшую материальность, в другой слой бытия. Космическим перспективам, раскрывающимся при этом, посвящены последние страницы.

КНИГА ТРЕТЬЯ

СТРУКТУРА ШАДАНАКАРА. МИРЫ ВОСХОДЯЩЕГО РЯДА

Глава первая
САКУАЛА ПРОСВЕТЛЕНИЯ

Я не знаю, где и когда умру на этот раз, но знаю, где и когда умирал я в последний раз перед тем, как родиться в 1906 году для жизни в России. Конечно, это знание не имеет общего значения и может интересовать только тех, кто способен отнестись с доверием к моим свидетельствам и кто чувствует притом кармическую связь с моей судьбой. Но мое знание некоторых этапов пути между предпоследним моим существованием и текущим по своему объективному интересу шире, я могу и должен рассказать о самом существенном из того, что мне удалось постепенно припомнить. Впрочем, лучше сказать не «мне удалось», а «мне помогли припомнить».

Я встречал иногда людей, обладавших вот такой приоткрытостью глубинной памяти, но ни один из них не решался говорить об этом почти ни с кем; о попытках же запечатлеть эти воспоминания в письменной форме ни у кого не возникало даже смутного помысла. Виной тому была уверенность, что подобные признания могут вызвать только насмешку, и естественная душевная стыдливость, восстающая против вынесения на суд чужих и чуждых людей того, что интимно, неприкосновенно и в то же время недоказуемо. Очень долгое время так смотрел на дело и я, да и теперь предпринимаю подобную попытку без малейшей отрады. Но так как решительно все, о чем я рассказываю в этой книге, имеет столь же бездоказательный источник, то я не вижу больше оснований молчать именно о прорывах глубинной памяти: надо было или не начинать книги совсем, или, раз уже начав, говорить обо всем, вопреки боязни. К тому же меня укрепляет надежда на то, что читатели, не доверяющие мне, отсеялись уже после первых глав и следить дальше за моим изложением будут лишь люди, преднастроенные благожелательно.

Последняя смерть моя произошла около трехсот лет назад в стране, возглавляющей другую, очень древнюю и мощную метакультуру. Всю теперешнюю жизнь, с самого детства, меня томит тоска по этой старой родине; быть может, так жгуча и глубока она потому, что я прожил в той стране не одну жизнь, а две, и притом очень насыщенные. Но, уходя из Энрофа триста лет назад, я впервые за весь мой путь по Шаданакару оказался свободным от необходимости искупляющих посмертных спусков в глубину тех слоев, где страдальцы развязывают — иногда целыми веками, даже тысячелетиями, — кармические узлы, завязанные ими при жизни. Впервые я успел и смог развязать узлы еще в Энрофе, долгими мучениями и горькими утратами оплатив совершенные в молодости срывы и ошибки. И в первый раз я умирал с

легкой душой, хотя по религиозным воззрениям той страны должен был бы ожидать воистину страшного посмертия. Но я уже знал, что исключением из касты и сорокалетней жизнью среди париев я искупил все. Смерть была легка и полна надежды.

То была вещая надежда: такая не обманывает. О первых часах, даже о нескольких днях моего нового бытия мне до сих пор ничего не удалось вспомнить. Но зато я помню несколько местностей того нового слоя, в котором долгое время существовал вслед за тем.

Единый для всех метакультур, этот слой, однако, очень пестр; в древней, тропической, огромной метакультуре, дважды обнимавшей мою земную жизнь, он был похож на ее природу в Энрофе, но мягче — без крайностей ее жестокости и великолепия, без неистовых тропических ливней и губительной сухости пустынь. Я помню, как белые башнеобразные облака необыкновенно мощных и торжественных форм стояли почти неподвижно над горизонтом, вздымаясь до середины неба: сменялись ночи и дни, а гигантские лучезарные башни все стояли над землей, едва меняя очертания. Но само небо было не синим и не голубым, но глубоко-зеленым. И солнце там было прекраснее, чем у нас: оно играло разными цветами, медлительно и плавно их сменяя, и теперь я не могу объяснить, почему эта окраска источника света не определяла окраски того, что им освещалось: ландшафт оставался почти одинаков, и преобладали в нем цвета зеленый, белый и золотой.

Там были реки и озера; был океан, хотя увидеть его мне не довелось: раз или два я был только на побережье моря. Были горы, леса и открытые пространства, напоминавшие степь. Но растительность этих зон была почти прозрачна и так легка, какими бывают леса в северных странах Энрофа поздней весной, когда они только начинают одеваться лиственным покровом. Такими же облегченными, полупрозрачными казались там хребты гор и даже сама почва: как будто все это было эфирною плотью тех стихий, чью физическую плоть мы так хорошо знаем в Энрофе.

Но ни птиц, ни рыб, ни животных не знал этот слой: люди оставались единственными его обитателями. Я говорю — люди, разумея под этим не таких, какими мы пребываем в Энрофе, но таких, какими делает нас посмертье в первом из миров Просветления. Наконец-то я мог убедиться, что утешение, которое мы черпаем из старых религий в мысли о встречах с близкими, — не легенда и не обман, — если только содеянное при жизни не увлекло нас в горестные слои искупления. Некоторые из близких встретили меня, и радость общения с ними сделалась содержанием целых периодов моей жизни в том слое. Он очень древен, когда-то в нем обитало ангельское прачеловечество, а зовется он *Олирной*: это музыкальное слово кажется мне удачной находкой тех, кто дал ему имя. Общение с близкими не содержало никакой мути, горечи, мелких забот или непонимания, омрачающих его здесь: это было идеальное общение, отчасти при помощи речи, но больше в молчании, какое здесь бывает знакомо лишь при общении с немногими, с кем мы соединены особенно глубокой любовью, и в особенно глубокие минуты.

От забот о существовании, имевших в Энрофе столь необъятное значение, мы были совершенно освобождены. Потребность в жилье сводилась

на нет мягкостью климата. Кажется, в Олирнах некоторых других метакультур это не совсем так, но в точности я этого не помню. Пищу доставляла прекрасная растительность, напитками служили родники и ручьи, обладавшие, как мне припоминается, различным вкусом. Одежда, вернее, то прекрасное, живое, туманно-светящееся, что мы пытаемся в Энрофе заменить изделиями из шерсти, шелка или льна, — вырабатывалась самим нашим телом: тем нашим эфирным телом, которого мы почти никогда не сознаем на себе здесь, но которое в посмертье становится столь же очевидным и кажется столь же главным, как для нас — физическое. И в мирах Просветления, и в Энрофе без него невозможна никакая жизнь.

И все же первое время в Олирне для меня было отравлено тоской об оставшихся в Энрофе. Там остались дети и внуки, друзья и старушка-жена — то драгоценнейшее для меня существо, ради которого я нарушил закон каст и стал неприкасаемым. Прерыв связи с ними питал постоянную тревогу об их судьбе; скоро я научился видеть их смутные облики, блуждавшие по тернистым тропам Энрофа. А некоторое время спустя уже встречал свою жену, такую же юную, какой она была когда-то, но более прекрасную: ее путь в Энрофе завершился несколькими годами позже моего, и теперь радость нашей встречи не была омрачена ничем.

Один за другим раскрывались новые органы восприятия: не те органы зрения и слуха, которые в эфирном теле полностью совпадают с соответствующими органами тела физического, — нет! те органы зрения и слуха действовали с первых минут моего пребывания в Олирне, и именно через них я Олирну воспринимал; но то, что мы называем духовным зрением, духовным слухом и глубинной памятью; то, к раскрытию чего стремятся в Энрофе величайшие мудрецы; то, что раскрывается там лишь у единиц среди многих миллионов; то, что в Олирне раскрывается постепенно у каждого. Духовное зрение и слух преодолевают преграды между многими слоями; жизнь оставленных мною на земле я воспринимал именно ими — еще неотчетливо, но все же воспринимал.

Я наслаждался просветленной природой — такой зрительной красоты я не видал в Энрофе никогда, — но странно: в этой природе мне не хватало чего-то, и скоро я понял чего: многообразия жизни. С печалью я вспоминал пение и щебет птиц, жужжание насекомых, мелькание рыб, прекрасные формы и бессознательную мудрость высших животных. Только здесь мне уяснилось, как много значит для нас, для нашего общения с природой животный мир. Однако те, кто знал больше меня, вселяли надежду, что древняя, смутная мечта человечества о существовании слоев, где животные предстают просветленными и высокоразумными, — не мечта, но предчувствие истины: такие слои есть, и со временем я буду вхож в них.

Позднее, совсем недавно, мне напомнили о некоторых зонах, которые имеются в Олирнах всех метакультур. Говорилось об областях, похожих на холмистые степи: там находятся некоторое время те, кто в Энрофе был слишком замкнут в личном, чьи кармические узлы развязаны, но душа слишком узка и тесна. Теперь, среди прозрачных, тихих холмов, под великолепным небом ничто не препятствует им восполнить этот ущерб, принимая в себя

лучи и голоса космоса и раздвигая границы своего расширяющегося Я. Говорилось и о зонах Олирны, похожих на горные страны: там, в долинах, трудятся над собой те, кто смог уверовать — точнее, достоверно почувствовать потустороннее — уже только в посмертии. Они созерцают оттуда горные вершины, но не такими, какими видим их мы, а в духовной славе. Могущественные духи, господствующие там, льют в созерцающих струи своих сил. И способности души, парализованные неверием, раскрываются там, в дни и годы непосредственного лицезрения многослойности вселенной и торжественного величия других миров. Но этого я не помню сколько-нибудь отчетливо, быть может, потому, что я был там лишь гостем, а источник сведений об этом не внушает мне абсолютной уверенности, что сведения эти не упрощены ради их для меня понятности, следовательно, не искажены.

Кроме общения с людьми и наслаждения природой, время уходило на работу над своим телом: предстояло подготовить его к трансформе, ибо путь из Олирны в следующие, высшие миры лежит не через смерть, но через преображение. И я понял, что стихи Евангелия, повествующие о вознесении Иисуса Христа, намекают на нечто схожее. Воскресение из мертвых изменило природу Его физического тела, и при вознесении из Олирны оно преобразилось вторично вместе с эфирным. Мне, как и всем остальным, предстояло преображение лишь эфирного тела; преображение, подобное тому, которое некогда видели апостолы своим зрением, проникавшим в Олирну, но еще не достигавшим миров, лежащих выше. Как иначе могли бы выразить евангелисты переход Спасителя из Олирны туда, как только назвав это событие Его вознесением на небо? И я, воспитанный в строгом брахманизме, начал понимать, какой странной для меня, бездонной правдой полон христианский миф.

И образ великого Предателя, дотоле принимавшийся мною лишь как легенда, стал для меня реальностью: я узнал, что здесь, среди морей Олирны, в глубоком уединении, на пустынном острове находится теперь он. Свыше шестнадцати веков длился его путь сквозь страдалища. Низвергнутый грузом кармы, неповторимой по своей тяжести, в глубочайшее из них, ни раньше, ни позже не видавшее у себя ни одного человека, он был поднят оттуда Тем, Кого предал на земле, но лишь после того, как Преданный достиг в своем посмертии такой неимоверной духовной силы, которая для этого нужна и которой не достигал ранее никто в Шаданакаре. Поднимаемый силами Света вверх и вверх по ступеням чистилищ, искупивший свое предательство достиг наконец Олирны. Еще не общаясь с ее обитателями, он подготавливается на острове к дальнейшему восхождению. Этот остров я видел издалека: он суров, внутри него — нагромождение странных скал, вершины которых все наклонены в одну сторону. Вершины — острые, цвет скал — очень темный, местами черный. Но самого Иуду не видит в Олирне никто: видят по ночам только зарево его молитв над островом. В грядущем, когда в Энрофе наступит царство того, кого принято называть антихристом, Иуда, приняв из рук Преданного великую миссию, родится на земле вновь и, исполнив ее, примет мученическую кончину от руки князя тьмы.

Но объяснить, какими именно усилиями была достигнута моя собственная трансформа и что, собственно, совершалось в ту минуту с моим телом, я

бы не мог. Теперь я припомнить в силах только то, что стало тогда перед моими глазами: множество людей, может быть, сотни, пришедшие проводить меня в высокий путь. Достижение трансформы кем-либо из живущих в Олирне всегда бывает радостью и для других; событие это окружается торжественным, светлым и счастливым настроением. Очевидно, событие происходило днем, на возвышении вроде холма и, как все в индийской Олирне, под открытым небом. Я помню, как ряды обращенных ко мне человеческих лиц стали мало-помалу делаться туманнее и как бы несколько удаляться в пространстве; вернее, повидимому, я сам удалялся от них, приподнимаясь над землею. Вдали, на горизонте, я видел до сих пор полупрозрачный, будто сложенный из хризолита, горный кряж, вдруг я заметил, что горы начинают излучать удивительное свечение. Трепещущие радуги перекинулись, скрещиваясь, по небосклону, в зените проступили дивные светила разных цветов, и великолепное солнце не могло затмить их. Я помню чувство захватывающей красоты, ни с чем не сравнимого восторга и изумления. Когда же взгляд мой опустился вниз, я увидел, что толпы провожавших больше нет, весь ландшафт преобразился совершенно, и понял, что миг моего перехода в высший слой уже миновал.

Я был предуведомлен, что в этом слое буду совсем недолго, ибо все проходящие его минуют в несколько часов, но в эти часы весь этот слой — название его *Файр* — будет охвачен ликованием обо мне, его достигшем. Это — великий праздник, уготованный каждой восходящей душе, — о, не человеческой только, но и душам других монад Шаданакара, поднимающимся по ступеням Просветления, даже — высшим животным. В известном смысле Файр — рубеж пути: после него еще могут совершаться воплощения в Энрофе, но уже только с определенной миссией. Впоследствии не исключены падения, бунт, не исключена даже глубоко сознательная и тем более тяжкая измена Богу, но уже никогда не будет возможен слепой срыв, и на веки веков исключен из числа возможностей тот паралич духовного понимания, который в различные века Энрофа, проявляясь в психике живущих, менял свои разновидности, оттенки и названия, а в наш век преимущественно, хотя и не исчерпывающе, определяется как материализм.

Если искать в знакомых для всех явлениях хотя бы отдаленную аналогию тому, что видишь в Файре, нельзя остановиться ни на чем, кроме праздничной иллюминации. Надо ли при этом говорить, что самые великолепные из иллюминаций Энрофа сравнительно с Файром — не более чем несколько наших ламп в сравнении с созвездием Ориона.

Я видел множество существ в их вдвойне и втройне просветленных обликах: они явились сюда из более высоких слоев, движимые чувством сорадования. Чувство сорадования свойственно просветленным в несравненно большей мере и силе, чем нам; каждая душа, достигшая Файра, порождает это ликующее чувство у миллионов тех, кто миновал его ранее. Как передать состояние, охватившее меня, когда я увидел сонмы просветленных, ликующих оттого, что я, ничтожный я, достиг этого мира? — Не благодарность, не радостное смущение, даже не потрясение, — скорее оно было похоже на то блаженное волнение, когда смертные в Энрофе предаются неудержимым и беззвучным слезам.

Минут и форм перехода в следующий слой я не помню. Потрясающее переживание Файра вызвало глубокое изнеможение и как бы размягчение всех тканей души. И все, что я могу теперь восстановить из пережитого на следующей стадии подъема, сводится к одному состоянию, но длившемуся очень долго, может быть, целые годы.

Лучезарный покой. Разве не противоречивое, казалось бы, словосочетание? С обилием света у нас связывается представление о деятельности, а не об отдыхе, о движении, а не о покое. Но это — у нас, в Энрофе. Не везде это так. Да и самое слово «лучезарный» не так точно, как хотелось бы. Потому что сияние *Нэртиса* лучезарно и в то же время невыразимо мягко; в нем сочетается чарующая нежность наших ночей полнолуния с сияющей легкостью высоких весенних небес. Как будто убаюкиваемый чем-то более нежным, чем тишайшая музыка, я растворялся в счастливой дремоте, чувствуя себя подобно ребенку, после многих месяцев, полных обид, страданий и незаслуженной горечи, укачиваемому на материнских коленях. Женственная ласка была разлита во всем, даже в воздухе, но с особенной теплотой излучалась она от тех, кто окружал меня, словно ухаживая с неистощимой любовью за больным и усталым. То были взошедшие раньше меня в еще более высокие слои и нисходящие оттуда в Нэртис к таким, как я, для творчества ласки, любви и счастья.

Нэртис — страна великого отдыха. Неприметно и неощутимо, безо всяких усилий с моей стороны, лишь в итоге труда моих друзей сердца мое эфирное тело медленно изменилось здесь, становясь все легче, пронизаннее духом и послушнее моим желаниям. Таким, каким является наше тело в затомисах, небесных странах метакультур, оно становится именно в Нэртисе. И если бы меня мог увидать кто-нибудь из близких, оставшихся в Энрофе, он понял бы, что это — я, он уловил бы неизъяснимое сходство нового облика с тем, который был ему знаком, но был бы потрясен до глубины сердца нездешней светлотой преображенного.

Что сохранилось от прежнего? Черты лица? — Да, но теперь они светились вечной, неземной молодостью. — Органы тела? — Да, но на висках сияли как бы два нежно-голубых цветка — то были органы духовного слуха. Лоб казался украшенным волшебным блистающим камнем — органом духовного зрения. Орган глубинной памяти, помещающийся в мозгу, оставался невидим. Так же невидима была и перемена, совершавшаяся во внутренних органах тела, ибо все, приспособленное раньше к задачам питания и размножения, было упразднено или в корне изменено, приспособленное к новым задачам. Питание сделалось похоже на акт дыхания, и пополнение жизненных сил совершалось за счет усвоения светлого излучения стихиалей. Размножения же — как мы его понимаем — ни в одном из миров восходящего ряда нет. Там есть иное, и об этом я скажу, дойдя до главы о Небесной России.

По истечении долгого времени я стал ощущать все прибывающее, радостное нарастание сил, как будто раскрывание таинственных и долгожданных крыльев. Не нужно понимать меня слишком буквально: дело шло не о появлении чего-нибудь, напоминающего крылья летающих существ Энрофа, но о раскрытии способности беспрепятственного движения во всех направлениях четырехмерного пространства. Это было еще только возможностью — неподвижность по-прежнему покоила меня, но возможность полета превращалась из неопределенной мечты в очевидную, открывающуюся передо мной перспективу. От друзей моего сердца я узнал, что мое пребывание в Нэртисе подходит к концу. Мне казалось, что нечто, схожее с колыбелью, где я покоился, как бы медленно раскачивается вверх и вниз, и каждый взлет казался выше предыдущего. Это движение порождало предвкушение еще большего счастья, в которое я должен теперь войти. И я понял, что нахожусь уже в другом слое — в *Готимне*, последнем из миров сакуалы Просветления. То были как бы колоссальные цветы, размер которых не лишал их удивительной нежности, а между ними открывались бездонные выси и дали девяти цветов. О двух из них, лежащих за пределами нашего спектра, могу здесь только сказать, что впечатление, производимое одним из них, ближе всего к тому, которое оказывает на нас небесно-синий, а впечатление от другого отдаленно напоминает впечатление, которое здесь оказывает золотой.

Огромные цветы Готимны, составляющие целые леса, склоняются и выпрямляются, качаются и колышутся, звуча в непредставимых ритмах, и это их колыхание подобно тишайшей музыке, никогда не утомляющей и мирной, как шум земных лесов, но полной неисчерпаемого смысла, теплой любви и участия к каждому из там живущих. С легкостью и спокойствием, недостижимыми ни для какого существа в Энрофе, мы двигались, как бы плывя в любом из четырех направлений пространства между этими напевающими цветами, или медлили, беседуя с ними, потому что их язык стал нам понятен, а они понимали наш. Здесь, на небесно-синих полянах или подле огромных, тихо мерцающих золотых лепестков, нас посещали те, кто сходит в Готимну из затомисов, чтобы подготовить нас, младших братьев, к следующим этапам пути.

Садом Высоких Судеб называется Готимна, оттого что здесь предопределяются надолго судьбы душ. Передо мной представало распутье: оно является всякому, взошедшему в этот слой. Выбранного здесь нельзя уже было бы изменить долгие столетия ни в одном из многих миров, здесь предызбираемых. Я мог свободно выбрать одно из двух: либо подъем в Небесную Индию, конец навсегда пути перевоплощений, замену его путем восходящих преображений по иноматериальным слоям; либо еще одно, может быть и несколько, существований в Энрофе, но уже не как следствие неразвязанной кармы — она была развязана, — а как средство к осуществлению определенных, только мне поручаемых и мною свободно принимаемых задач. И хотя слово «миссия» на русском языке звучит книжно и лишено поэзии, я буду употреблять его и впредь для обозначения таких специальных заданий, поручаемых отдельной душе для осуществления в Энрофе. Тяжесть ответственности того, кто принял миссию, возрастает во много раз, так как миссия связана всегда не только с судьбой ее носителя, но и с судьбою очень многих душ, судьбою и прижизненной, и посмертной, иногда же — с судьбой целых народов и всего человечества. Того, кто предаст свою миссию добровольно или вследствие слабости, ждет возмездие и искупление в самых глубоких и страшных слоях. Это не значит, что для прошедшего сквозь сакуалу Просветления

невозможны более на земле падения, измены, этические срывы. Невозможен только срыв слепой, основанный на незнании о бытии Бога; но дремлющее на дне души под лучами Нэртиса и Готимны может пробудиться во мраке ночей Энрофа и повлечь носителя миссии в сторону или вниз. Если эти падения не затронут существа его миссии, Провиденциальные силы поднимут его из любого провала, чтобы миссия все-таки была осуществлена.

Передо мной открылась возможность спуска назад, уже в пределы другой метакультуры, мне до тех пор незнакомой и чуждой, еще совсем молодой, но с огромным грядущим. Что-то тревожное, бурное, сумрачное излучалось от этого огромного, разнослойного массива, смутно воспринимавшегося мною издалека. Задание же, принятое мной, должно было иметь отношение к великой задаче, выходящей далеко за пределы этой метакультуры и долженствовавшей в далеком грядущем охватить мир. Уже тысячи душ подготавливались для участия в этой задаче.

И я выбрал именно эту возможность. Я теперь понимал, что мною взята на плечи такая ноша, сбросить которую невозбранно уже нельзя.

И из Готимны Индии я был перенесен в Готимну России: там должна была закончиться моя подготовка к исполнению миссии, свыше принятой моим Я. Но падения, акты бунта и измены возможны и после светлых жизней, потому что тогда может проснуться в душе спавшее при солнечном свете. Были такие падения и на моем пути уже после Готимны. Однако на это придется бросить луч в некоторых других главах книги. Теперь же наступает время заговорить о затомисах, небесных странах метакультур.

Но если о сакуале Просветления я мог рассказывать как о пережитом на основании того, что удалось вспомнить, то о сакуале Затомисов память может хранить лишь редкие, отрывочные образы, запечатлевшиеся гораздо позднее, во время моих трансфизических странствий, совершавшихся в состоянии сна отсюда, из Энрофа России. Эти смутные образы дополнялись другим, неоценимым источником познания — трансфизическими встречами и беседами. Автобиографический метод к изложению этого материала неприменим. И следующие главы будут, к сожалению, протокольны и сухи, подобно главе об исходной концепции.

Глава вторая
ЗАТОМИСЫ

Вершины метакультур, называемые затомисами, до некоторой степени совпадают с географическими контурами соответствующих культурных зон Энрофа. Пространство всех затомисов четырехмерно, но каждый из них отличается свойственным только ему числом временных координат. Материальность этой сакуалы сотворена одной из ангельских иерархи́й — Господствами; сами же затомисы медленно строятся совместными усилиями иерархий, героев, гениев, праведников и широчайших, способных к творчеству народных множеств, пока сверхнарод, их выдвинувший, продолжает свое становление в истории, — и позже, когда его исторический путь завершается и миллионы его бессмертных монад продолжают свое восхождение от одной высоты мирового познания и творчества к другой.

Основателем каждого из затомисов является кто-либо из великих человекодухов.

Панорама этих слоев очень отдаленно напоминает нашу природу. Пожалуй, из элементов земного ландшафта ближе всего к ландшафту затомисов — небо с облаками. Океанам нашим и морям соответствуют зоны как бы светлых паров, легко проницаемых и сияющих: это — души морских стихиалей; рекам Энрофа соответствуют их души, образования невыразимой красоты, на которую даже намекнуть нельзя словами «сияющие туманы». Растительность мало походит на нашу: это — души стихиалей, о которых речь впереди. Пока достаточно, мне думается, сказать, что в затомисах находятся души некоторых стихиалей в промежутках между инкарнациями.

Смена суток в этих слоях протекает совершенно так же, как у нас, будучи обусловлена тем же самым вращением планеты вокруг оси. Погода меняется в пределах приятного и прекрасного.

Высшее человечество — синклиты метакультур — наша надежда, наша радость, опора и упование. Праведники, некоторые родомыслы и герои вступают сюда почти сразу после смерти в Энрофе, быстро миновав миры Просветления. О подавляющем большинстве таких душ нам не расскажет никакая история: они прошли в глубине народа, не оставив следа ни в летописях, ни в преданиях — лишь в памяти тех, кто их знал или слышал о них от живых свидетелей. Это незаметные герои нашей жизни; думать иначе, то есть вообразить синклит метакультуры в виде некоего собрания «знаменитостей», значило бы доказать, что наш нравственно-мистический разум спит еще крепким сном.

Другие, в особенности носители особых даров, даже павшие после смерти в глубину чистилищ, поднимаются оттуда силами Света, сокращающими сроки их искупительного очищения, и вступают в Синклит.

Не только иные из художественных гениев, но еще больше родомыслов и героев, а праведники — все, развязали еще в Энрофе свои кармические узлы, искупили груз своих вин, и смерть для них была широко распахнутыми вратами затомисов.

Других смерть застигла еще не подготовленными к высшим ступеням, еще отягощенными. Таким приходится сначала миновать ряд ступеней в верхних чистилищах — верхних по отношению к страшным кругам магм и земного ядра, но нижних по отношению к нам. Многие тысячи таких душ, достигнув наконец Готимны, избирают не новые спуски в Энроф, но труд и великую борьбу в братствах затомисов.

Третьи не отяготили своих душ в Энрофе никакими падениями, напротив; но кругозор их, объем их знания, их чувство космического, хотя и выросли после Олирны, все же недостаточно велики. Путь из Олирны означал для них начало странствия, иногда — долгого, даже длящегося, может быть, века, пока они не станут способными вместить задачи и мудрость Синклита. Таким образом, между последней смертью в Энрофе и вступлением в Синклит такие души не искупают, а только расширяют и обогащают себя.

Путь перевоплощений, вообще, не есть универсальный закон. Но преобладающая часть монад движется все-таки по этому пути. Они испытали уже ряд рождений в других народах Энрофа, в других метакультурах, даже в другие тысячелетия и на других концах Земли, а до человеческого цикла многие из них проходили свой путь в других царствах Шаданакара; их шельты надстояли, быть может, даже над существами растительного и животного царств. Иные знали в незапамятные времена воплощения в человечестве титанов, среди праангелов или даймонов. Воспоминание об этой гирлянде рождений хранится в их глубинной памяти; и объем духовной личности таких монад особенно велик, пучина воспоминаний особенно глубока, их будущая мудрость отличается особенной широтою. Носители высшего дара художественной гениальности, которым посвящено несколько глав в другой части этой книги, все имели позади себя подобную гирлянду воплощений. И напротив: праведники метакультур христианских, в противоположность праведникам некоторых восточных метакультур, знают, в большинстве, иной путь восхождения: путь, приводящий в Энроф лишь раз, но зато в странствиях по другим слоям раскрывающий перед глазами такие высоты мира, что память об этом пылает в их душах как звезда, и ее лучи во время их единственной жизни в Энрофе распутывают в их сердце все тенета тьмы.

Деятельность Синклитов необозримо многообразна и широка, а во многом для нас и непостижима. Я мог бы указать на три ее стороны: помощь — творчество — борьбу.

Помощь — всем, еще не достигшим затомисов. Ангелы мрака, хозяева чистилищ, не выпустили бы своих жертв еще века и века, если бы не безостановочные усилия Синклитов. Магмы и ужасающие миры земного ядра удерживали бы страдальцев вплоть до третьего мирового периода (ныне подходит к концу еще только первый). Живущие в Энрофе были бы окружены почти непроницаемым панцирем духовной тьмы, если бы не Синклиты.

Но эта работа, избавляющая одних, облегчающая другим, предохраняющая третьих, обогащающая четвертых, просвещающая пятых, — лишь одна сторона. Другая сторона — творчество автономных ценностей, значение которых непреходяще. Однако для нас созерцание творений Синклитов, а тем более понимание их, возможно лишь в минимальной степени. Передача же их смысла при помощи наших понятий исключена полностью.

Несколько понятнее третья сторона деятельности синклитов — их борьба с демоническими силами. Можно сказать, что бороться им приходится телесно, но, конечно, оружие их не имеет с оружием Энрофа ни одной точки соприкосновения. Оно разнообразно; оно зависит и от совершенства владения собственным существом, и от того, против кого оно направлено. Однако общий его принцип характеризуется тем, что это — концентрация волевых излучений, парализующих врага. Гибель в бою для братьев Синклита невозможна. Возможно другое: в случае поражения — длительный плен в глубине демонических крепостей.

Ландшафты затомисов осложняются неким эквивалентом городов, очень мало, впрочем, похожих на наши, тем более что жилищ, в строгом смысле этого слова, там нет. Назначение сооружений — совершенно особое; это преимущественно места общения братьев синклита с другими мирами и с духами других иерархий. Здания, где протекает их общение в его высших формах с монадами стихиалей, называются шериталами. И все же в архитектуре затомисов угадываются стили, знакомые нам, но как бы возведенные на несравненно более высокие ступени. Это результат параллельных процессов, понять которые нелегко. Нелегко — но следует. Дело в том, что прекрасные архитектурные сооружения Энрофа, насыщаясь излучениями многих человеческих психик, приобретают этим самым душу, точнее — астрал: такие астралы пребывают в затомисах. Но в затомисах есть и такие сооружения, никакого двойника которых в Энрофе нет, например — те же шериталы. Есть и такие, которые были уловлены, поняты творцами Энрофа и намечены ими к воплощению на Земле, но история поставила этому непреодолимую преграду.

Братья Синклитов могут опускаться в миры нисходящего ряда вплоть до магм и подниматься до весьма высоких слоев, которые обозначаются как Высшие Аспекты Трансмифов мировых религий.

В каждом затомисе господствует преображенный язык соответствующей страны Энрофа, здесь это не только звуко-, но и светоязык. Нисколько не странно применить к этим языкам и наше понятие словарного «фонда»; при этом надо указать, что фонд этот весьма отличен от нашего, соответственно иному, несравненно более богатому запасу понятий. Наряду с этими языками метакультур есть и общий язык для всех: названия слоев, существ и иерархий — оттуда. Быстрота и легкость усвоения различных языков здесь не может идти ни в какое сравнение с соответствующим процессом в Энрофе: это происходит безо всякого труда, само собой. Общий язык затомисов принято называть языком Синклита Мира, но это не вполне точно: Синклит Мира, о котором речь далеко впереди, знает такие формы общения, какие не имеют ничего общего с какими бы то ни было звуковыми языками. Но, нисходя с высот в затомисы метакультур, братья Синклита Мира направляли создание единого языка затомисов, и только поэтому условное наименование этого языка связано с их именем.

В затомисах, кроме синклитов, обитают еще и другие существа: будущие ангелы. Это чудеснейшие творения Божии, и если мы вспомним сиринов и алконостов наших легенд, мы приблизимся к представлению о тех, чье присутствие украшает жизнь в затомисах Византии и России: к представлению о существах, предопределенных стать потом «солнечными архангелами». В других затомисах обитают иные существа, не менее прекрасные.

Итак, я дошел до перечня затомисов.

Их девятнадцать.

Маиф — древнейший из затомисов, небесная страна и синклит Атлантической метакультуры, существовавшей в Энрофе приблизительно с двенадцатого по девятое тысячелетие до Рождества Христова.

Атлантида находилась на архипелаге островов, крупнейший и главный из которых по размерам напоминал Сицилию. Ее населяла красная раса. То было рабовладельческое общество, сперва составлявшее несколько мелких государств, позднее объединившихся в деспотию. Мировоззрение было по-

литеистическим с огромным пластом магии. Пантеон и культ омрачались включенным в него демонопоклонством. Ближе всего из хорошо известных нам культур Атлантида была бы к Египту и отчасти к ацтекам, но сумрачнее и тяжелее. Из искусств доминировали архитектура, скульптура и танец. Цивилизацию ни в коем случае нельзя назвать высокой, хотя атланты, пользуясь наличием цепи мелких островов между Атлантидой и Америкой, поддерживали связь с этим континентом, откуда вели свое происхождение. Позднее им случилось добраться и до Западной Африки, предание об Атлантиде достигло впоследствии до Египта через посредство древней Суданской цивилизации, ныне неизвестной, но следы которой еще могут быть обнаружены в будущем. Над этическими представлениями атлантов довлели образы беспощадных и алчных божеств, и в культе большую роль играло ритуальное людоедство. В поздний период возникли полуэзотерические религиозные движения светлой направленности. Но в общем картина была довольно мрачной вследствие большой активности демонических начал.

Главный остров и окружавшие его мелкие погибли от ряда сейсмических катастроф. Небольшие группы жителей спаслись в Америке, одна — в Африке, где и растворилась в негрском населении Судана. Ныне Маиф, существующий уже около пятнадцати тысячелетий над некоторой зоной Атлантического океана, достиг огромного могущества Света.

Эмблематический образ:

Красный храм на черном фоне; перед ним — четыре фигуры в белом, с воздетыми руками.

Фигуры обозначают культы четырех светлых божеств: именно через эти культы в Атлантическую культуру сходила духовность.

Линат — затомис так называемой Гондваны, если понимать под этим именем не тот незапамятно древний материк, который, задолго до человека, существовал в Индийском океане, — но метакультуру, очагами которой в Энрофе были Ява, Суматра, Южный Индостан и некоторые города, ныне покоящиеся на дне моря. Время существования Гондванской культуры — шесть и более тысячелетий до Р<ождества> Х<ристова>.

Эта была группа государств — торговых олигархий на рабовладельческой основе, причем сильно развитое мореплавание Гондваны втянуло в торговый и культурный обмен побережья Индокитайского полуострова, Цейлон и многие острова Индонезии. Господствовал политеизм и, в основном, те же три искусства; танец развился до театра мистерий. Но кровожадность и религиозно-демоническая жестокость атлантов Гондване были незнакомы. Это был чувственный, сангвинический, жадный до жизни народ, богато одаренный художественно, с очень напряженной жизнью сексуальной сферы. Мистика пола пронизывала и культ, и повседневную жизнь, достигавшую в эпоху расцвета подлинного великолепия; подобной роскоши не знали ни Атлантида, ни даже Вавилон и Египет. Расу Гондваны можно, мне кажется, назвать протомалайской. Во всяком случае, коричневая кожа плотно обтягивала их широкие скулы и полные губы, удлиненные глаза были слегка раскосы, фигуры стройны и мускулисты, с широкими плечами, тонкой талией и очень

крепкими икрами ног. Народ был красив полнокровной и страстной красотой юга.

Через несколько тысячелетий в этой же зоне возникла Индомалайская культура, кое в чем повторившая свою предшественницу, но гораздо более одухотворенная.

Эмблематический образ Лината:

Женщина в фиолетовом и мужчина в зеленом, обнявшие друг друга за плечи, на золотом фоне, под красной нижней половиной солнечного диска.

Фиолетовый цвет означает здесь скрещение синего — сил Мировой Женственности, низлияние которых с такою мощью произошло в Гондванской метакультуре впервые за все время существования нашего человечества, — с красным: он символизирует стихийность, но не в смысле стихиалей Природы, а в смысле чрезвычайной активности некоторых стихиалей, связанных с человечеством. Зеленый обозначает такую же силу активности стихиалей Природы. Золото — иератический фон, говорящий о развитой уже духовной реальности, стоящей за этим сверхнародом.

Иалу (кажется, он носит также имя вроде Атхеам) — затомис Древнеегипетской метакультуры.

Совершенно затмившая Атлантиду своими масштабами и величавостью, эта культура создала, еще во времена своего исторического бытия, огромный Синклит и ослепительный затомис. Однако демоническим силам удалось одержать серьезную победу в четырнадцатом веке до н.э., когда через великого родомысла и пророка Эхнатона Провиденциальные силы сделали первый в мировой истории шаг к озарению народных сознаний реальностью Единого Бога. Если бы реформа Эхнатона удалась, встретив достойных преемников и продолжателей, миссия Христа была бы осуществлена на несколько веков раньше, и не на Иордане, а в долине Нила.

Замечу, что египетская вера в Небесный Нил имела под собой переживание высшей действительности. Текущая через Иалу — мифическую страну Блаженных, то есть через затомис метакультуры, — великолепная река многослойна: это и великая одухотворенная стихиаль земного Нила, и Соборная идеальная Душа египетского народа.

Эмблематический образ:

Белая ладья с парусами на синей реке, текущей к солнцу.

Эанна — затомис древней Вавилоно-ассиро-ханаанской метакультуры, возникшей, по-видимому, в четвертом тысячелетии до Р<ождества> Х<ристова>. Семиступенчатые храмы-обсерватории, сделавшиеся вершинами и средоточиями великих городов Двуречья, повторяли в Энрофе, как отражения, грандиозный небесный город, сооружаемый Синклитом этого затомиса. Но зиккураты в городах Вавилонии и корпорация высокопосвященного жречества, принимая на этих мистических обсерваториях излучения светлых космических сил, не уберегли ся от принятия также чрезвычайно деятельного излучения галактического антикосмоса, центр которого в Энрофе совпадает с системою звезды Антарес. Это все более замутняло и без того

двойственную религию, вливало тонкий яд в существо воспринимающих, оплотняло и утяжеляло их душевный состав грузом сомнения и отрицания.

Вавилонская метакультура была первой, в которой Гагтунгру удалось добиться в подземном четырехмерном слое, соседнем с вавилонским шрастром, воплощения могучего демонического существа, уицраора, потомки которого играли и играют в метаистории человечества огромнейшую и крайне губительную роль. В значительной степени именно уицраор явился виновником общей духовной ущербности, которой была отмечена эта культура в Энрофе. И хотя богиня подземного мира, Эрешкигаль, побеждалась в конце концов светлой Астартой, нисходившей в трансфизические страдалища Вавилона в порыве жертвенной любви, но над представлениями о посмертье человеческих душ, исключая царей и жрецов, довлело пессимистическое, почти нигилистическое уныние: интуитивное понимание парализующей власти демонических сил.

Эмблематический образ:

Семиступенчатый белый зиккурат.

Семь ступеней обозначают те семь слоев, которые были пережиты и ясно осознаны религиозным постижением вавилонского сверхнарода.

Шан-Ти — затомис Китайской метакультуры, существовавшей в Энрофе со второго тысячелетия до н.э. по сей день. Его значительное усиление началось в последние века перед Христом, когда конфуцианство создало долговечный нравственный кодекс и жизненный уклад, способствовавший поднятию общенародного этического уровня. Однако свободному развитию высших сторон души ставился весьма невысокий потолок. Постепенно окаменев, конфуцианский закон стал не столько путем восхождения, сколько тормозом. Этим объясняется то, что объем и сила китайского затомиса, несмотря на его древность, не так велики, как можно было бы ожидать. Распространение буддизма распростерло над географическим Китаем другой затомис, сосуществующий с Шан-Ти и в последние века принимавший в себя гораздо больше просветленных душ, чем национально-китайский затомис.

Эмблематический образ:

Прекрасное женское лицо в лотосообразной короне.

Сумэра (или Мэру) — которое из этих имен следует считать более правильным, мне неизвестно.

Затомис Индийской метакультуры — самый могучий из всех затомисов Шаданакара. Уже по древней мифологии, вершина горы Сумэры была увенчана городом Брахмы, на ее склонах располагались города других божеств индуизма, но Небесная Индия не ограничивалась их числом, а включала несколько больших участков суши, разделенных морями. Ныне Небесная Индия надстоит над географической зоной Энрофа, гораздо более широкой, чем пределы Индийского государства. На протяжении четырех тысяч лет духовная деятельность исключительно одаренных в религиозном отношении народов Индии привела к тому, что две метакультуры отделились от нее, став самостоятельными системами слоев, а саму Небесную Индию восполнило

столь огромное число просветленных, что в XX веке влияние ее Синклита перевесило всю силу демонических начал: Индия оказалась единственной культурой Энрофа, неуклонно развивающейся по высокоэтическому пути. Еще гораздо раньше мощь Индийского синклита воспрепятствовала созданию силами Гагтунгра, как это сделали они в остальных метакультурах, слоев безысходных страдалищ. До Христа эта метакультура оставалась единственной, обладавшей чистилищами и не достигавшей своей нижней оконечностью до магм.

Мэру имеет два великих средоточия: над Гималаями и над горами Нильгири в Центральной Индии — и множество меньших. Кроме того, в Энрофе Индийский синклит обладает прочной точкой опоры в лице некоего текучего коллектива людей, эпохально перемещающегося по некоторой географической кривой: до второй мировой войны он находился на Памире, ныне — в Южной Индии.

Ландшафт Небесной Индии схож с ландшафтом Небесной России, но природа роскошнее: сказываются и тропический характер соответствующих стран Энрофа, и бóльшая длительность существования этого затомиса. Через весь затомис течет Небесная Ганга: для Индийской метакультуры она имеет то же двойное значение, что Небесный Нил для Египетской.

Эмблематический образ:

Три белых горных цепи, одна выше другой, увенчанные золотыми городами. Смысл: первая цепь — затомис, вторая и третья — весьма высокие миры, наивысший аспект Индуистского трансмифа.

Зерван — затомис Древнеиранской (маздеистской) метакультуры.

Недостаточная четкость идеи единобожия в этой, впрочем, весьма возвышенной и чистой религии, не позволила создать почву, бывшую необходимой для того, чтобы миссия Христа могла бы осуществиться в Иране. Позднейшая попытка Иранской метакультуры восполнить эту свою неудачу созданием новой международной религии — манихейства — завершилась вторичной неудачей благодаря тому, что демоническая инволтация получила доступ к творческому сознанию ее основателей. К моменту мусульманского завоевания Иранская культура исчерпала свое поступательное движение. В последующие века единственной точкой опоры ее в Энрофе оказалась община парсов в Индии. Естественно, что число вступающих через миры Просветления в Зерван теперь чрезвычайно невелико, а сам Зерван почти оторвался от географических зон Энрофа.

Эмблематический образ:

Жертвенник с пылающим огнем.

Олимп — затомис древней Греко-римской метакультуры.

Этим именем называется и средоточие затомиса, величайший град просветленных, действительно связанный с географическим районом горы Олимп, и вся небесная страна Греко-римской метакультуры. Бывший в эпоху исторического существования Эллады и Рима обиталищем и ареной деятельности тех нечеловеческих иерархий, которые отразились в образах гре-

ко-римского пантеона, этот затомис сделался постепенно в тысячелетие после Христа обиталищем Синклита. Иерархии, пребывавшие там некогда, за истекшие века совершили огромный путь восхождения и ныне обитают и действуют в несравненно более высоких мирах, в то же время, однако, надстоя над Олимпом и действенно инвольтируя его синклит.

Аполлон — имя демиурга Греко-римской метакультуры. Афина Паллада — имя Соборной идеальной Души этого сверхнарода.

Эмблематический образ:

Белый античный храм на горе, на фоне голубого неба.

Нихорд — затомис Еврейской метакультуры — нижний, только нижний слой синклита Израиля.

Основателем Нихорда был великий человекодух Авраам.

Древние учители еврейства инвольтировались демиургом этого сверхнарода, но чистоте этой инвольтации мешали воздействия сперва стихиальные, связанные с «гением места» горы Синай, потом — еврейского уицраора. Все же под «Я» библейских книг следует видеть Всевышнего. Монотеизация была необходима для всего человечества как почва, без которой не могла осуществиться в Энрофе задача Христа. Внедрение в сознание народа идеи единобожия было достигнуто ценой колоссального напряжения сил, истощившего Нихорд на долгое время. Отсюда — не всегда победоносная борьба с демоническими силами и трагический характер еврейской истории. В столетие, завершившееся жизнью и смертью Иисуса, эта географически маленькая зона была ареной напряженнейшей борьбы сил Гагтунгра и Божественных сил. Несколько подробнее об этом будет сказано в другом месте. Воскресение Христа было встречено в Нихорде великим ликованием: отношение еврейского синклита к Планетарному Логосу — такое же, как и в остальных затомисах, другого не может и быть. Но тех, кто входит в Нихорд, перед этим в Олирне ждет открытие истины Христа, не понятой ими на земле, — открытие изумляющее, которое многие долго не могут осмыслить. Гибель Иерусалима и еврейского царства отразилась в Нихорде скорбью, но с сознанием логичности происшедшего: с агрессивным, но слабым еврейским уицраором не могло бы случиться ничего другого после того, как он вступил в непримиримую борьбу с демиургом сверхнарода в годы проповедничества Христа на земле. После окончательного разгрома евреев при Адриане еврейских уицраоров больше не было и нет. Но за уицраором стояла еще одна, более страшная демоническая иерархия — исчадие Гагтунгра, истинный соперник демиурга; он продолжал воздействовать на еврейство и в эпоху рассеяния. Средневековый иудаизм продолжал формироваться под воздействием двух полярных влияний: этого демона и Нихорда. Теперь Нихорд пополняется уже очень малым числом новых братьев, входящих, однако, именно через иудаизм в миры Просветления. Восстановление государства Израиль в XX веке не имеет к Нихорду никакого отношения; восстанавливаемый храм — театральный спектакль, не более. Нового израильского уицраора не возникло, но схожую роль играет одно из существ, о которых будет сказано в главе об эгрегорах; на него оказывается сильнейшее воздействие из главного гнездилища демонических сил.

Географически Нихорд связан до сих пор с районом Палестины.

Эмблематический образ:

Шатрообразное сооружение, окруженное деревьями с огромными красными плодами. Смысл: шатер — скиния Завета, символ впервые удержавшегося в истории откровения Единого; деревья с плодами — Земля Обетованная, ожидающая сверхнарод не на земле, а в затомисе.

Рай — условное наименование затомиса Византийской метакультуры. Как и остальные затомисы христианских метакультур, это — одна из лестниц, ведущих с разных сторон к чрезвычайно высокому миру, называемому Небесным Иерусалимом: он есть не что иное, как Высший Аспект Христианского Трансмифа; вопрос о нем будет освещен немного позднее.

Рай — древний, мощный слой, существующий отчасти и над Россией. Его основатель — великий человекодух, бывший в Энрофе Иоанном Крестителем.

Победа Иисуса Христа, хотя осуществившаяся лишь частично, вызвала громадное возбуждение сил в демонических мирах. В частности, их усилия направились на то, чтобы не дать преобразить страдалища Византийской метакультуры во временные чистилища. Эти усилия увенчались успехом, но в конечном счете их жертвой пала Византийская культура в Энрофе. Отсутствием чистилищ и неизбежным для грешников посмертным спуском в безысходные муки магм и Ядра было вызвано то устойчивое ощущение ужаса перед малейшим грехом, которое было свойственно наиболее одаренным духовно людям Византии; в значительной степени именно это привело к крайностям аскетизма.

Южнославянские народы метаисторически находятся в промежуточной области между Византийской, Российской, Римско-католической и Мусульманской метакультурами. Синклиты их — в Раю.

Эмблематический образ:

Ручей в цветущем саду, люди в золотых одеждах. Одежда символизирует преображенное тело, золотой цвет — пронизанность силами Отца Миров.

Эдем — условное наименование затомиса Романо-католической метакультуры, одна из лестниц, ведущих к Небесному Иерусалиму. К этой метакультуре принадлежит и несколько народов другого этнического корня: поляки, венгры, чехи, ирландцы, хорваты.

Основатель Эдема — великий человекодух, бывший в Энрофе апостолом Петром.

Эмблематический образ — тот же, что у Рая, но преобладающий цвет — голубой. Голубой цвет означает бóльшую пронизанность католичества началом Мировой Женственности.

Монсальват — затомис метакультуры европейского Северо-Запада, Американского Севера, а также Австралии и некоторых частей Африки: самый географически обширный и расчлененный из всех затомисов. Основатель Монсальвата — великий человекодух Титурэль, связанный с Христом задолго до воплощения Спасителя в Палестине. Так же, как Лоэнгрин и Пар-

сифаль, он является не легендарным героем, а реально существовавшим некогда в Энрофе (хотя и не в Палестине) человеком. Грааль содержит эфирную кровь Христа, пролитую им на Голгофе.

Разграничение слоев Эдема и Монсальвата основано главным образом на национально-культурных различиях между романскими и германскими народами. Но большая религиозность или светскость деятельности человека вносила в посмертные судьбы людей Западной Европы множество коррективов, тем более что Монсальват возник на несколько веков позже Эдема. Франция находится в промежуточном положении, ее трагедия в том, что у нее нет своего синклита. Одни из восходивших монад поднимались из Франции в своем посмертии в Эдем, другие — в Монсальват.

Центр Монсальвата, ранее связанный с системою Альп, в конце Средних веков переместился далеко на Восток и теперь находится в связи с Памиром (причины этого очень сложны). Но над Европой и Америкой блещет множество других, меньших метагородов. Некоторые из них надстоят над небольшими по физическому масштабу, но духовно могучими центрами Энрофа, как Гейдельберг, Кембридж, Веймар.

Эмблематический образ:

Храм готического стиля, но белый, на горном пике; на фоне храма — алая сияющая чаша.

Жюнфлейя — затомис Эфиопской метакультуры, которая две тысячи лет влачила свое существование в исключительно неблагоприятных историко-географических условиях, как островок христианства между двумя враждебными океанами — ислама и примитивного язычества негрских племен. Эта метакультура не смогла осуществить и одной десятой своих потенций. Ныне протекает мучительный метаисторический процесс — Жюнфлейя перемещается в другую сакуалу: сакуалу метакультур, трагически недостроенных в Энрофе. При исключительно счастливом стечении исторических обстоятельств этот процесс еще может приобрести обратную направленность.

Эмблематический образ:

Белое круглое здание в развевающихся покрывалах. Смысл: здание — затомис, покрывала — тонкие и тончайшие материальности.

Джаннэт — затомис Мусульманской метакультуры.

От остальных мировых религий ислам отличается тем, что у него отсутствует высший аспект трансмифа, т<о> е<сть> в чрезвычайно высокой сакуале миров высших трансмифов мировых религий нет мира, специально связанного именно с исламом. Это сказалось в бедности мусульманской мифологии, в несамостоятельности большинства разработанных в нем трансфизических образов и сюжетов, почерпнутых преимущественно из иудейства и христианства. Представляя собою во многом по отношению к христианству регресс, ислам, тем не менее, дает душе возможность восходящего движения, способствует втечению в жизнь сил духовности и за период своего исторического существования создал не столь мощный, но все же очень яркий затомис и блистающий синклит.

Эмблематический образ:

Белая мечеть между двух симметрично склоняющихся пальм; люди в зеленом и белом. Смысл: мечеть — затомис, пальмы — два основных вероисповедания ислама.

Сукхавати — «Западный рай Амитабхи-Будды» — затомис метакультуры, связанной с Северным буддизмом, так наз<ываемой> Махаяной. Он господствует над Тибетом и Монголией, а над Японией и Китаем сосуществует с Шан-Ти и с национальным японском затомисом Никисакой.

Сукхавати отделился от материнской Индийской метакультуры в IX веке, когда средоточия буддизма окончательно передвинулись из Индии в Тибет и Китай. Особенно же усилился он три-четыре столетия спустя, когда блистательно начавшая свой путь Гималайская метакультура начала клониться к преждевременному упадку и за тибето-китайскими центрами буддизма закрепилась руководящая роль.

Затомис Сукхавати — один из самых многолюдных и сильных. Это — одна из двух лестниц к тому высокому миру «Высшего аспекта буддийского трансмифа», который носит имя Нирваны и о котором мы будем говорить впоследствии.

Эмблематический образ:

Заря над лотосами.

Айрэнг-Далянг — затомис чудеснейшей, мало известной пока у нас в России Индомалайской метакультуры. Отделившись от метакультуры Индийской около V века, она охватила брахмано-буддийские царства Явы, Индокитайского полуострова и Цейлона, одно время исторически выражалась в объединившей эту территорию империи Сайлендра, но позднее была резко ослаблена отрывом Явы, подпавшей исламу, и в конце XIX века — хищными демонами — уицраорами Европы. Теперь она еще теплится в индокитайских королевствах, но благоприятный исторический климат мог бы вызвать ее новое цветение.

Эмблематический образ:

Смеющиеся дети в саду храма-дворца.

Небесная Россия. Об этом затомисе будет сказано подробнее, чем о других, несколькими строчками ниже.

Затомис *Негрской* метакультуры. К сожалению, мне о нем не известно почти ничего, даже его имя. Известно, что он молод и еще очень слаб. После крушения Суданской культуры с ее религией, допускавшей низлияние духовности не только на верхи, но даже в толщу негрских народов Экваториальной Африки, негры надолго утратили возможность восходящего посмертия. Оно стало приоткрываться им лишь несколько веков назад в связи с тем, что некоторые племена достигли той стадии, когда смутные политеистические системы делаются доступными для вмещения первых проявлений духовности. Еще в большей степени восходящее посмертие открылось негрским

народам вместе с распространением — к сожалению, слабым — ислама и христианства. Метаисторическое значение имелось и в факте образования Либерии, создавшей в Экваториальной Африке небольшой, но прочно защищенный очаг христианской духовности. С негрским затомисом связано также негритянское население Америки. Представители белой расы поднимаются в этот затомис лишь в виде редкого исключения. Гарриэт Бичер-Стоу, например, достигнув Монсальвата, удалилась оттуда в негрский затомис, где ее деятельность долгое время имела огромное значение, а положение ее было схоже отчасти с положением королевы, отчасти — с положением главы священства.

Эмблематический образ:

Лестница, ведущая от озера к оранжевому круглому зданию. Смысл: озеро — материальность сверхнарода, здание — затомис. Оранжевый цвет — скрещение солнечного золота с алостью тех стихиалей, которые связаны не с царствами природы, а с человечеством.

Последний из великих затомисов находится в состоянии творения. Это — *Аримойя*, будущий затомис общечеловеческой метакультуры, связанной с возникновением и господством грядущей интеррелигии Розы Мира. Материальность Аримойи, как и других затомисов, создается одной из ангельских иерархий — Господствами; великий человекодух, бывший в последнем воплощении на Земле Зороастром, руководит созданием того, что я решусь условно обозначить выражением «великий чертеж».

Эмблематический образ:

Белый многобашенный собор, с главной центральной башней, колоннадами и лестницами, окруженный рядом огромных струнных инструментов, похожих на золотые лиры. Смысл: башни — затомисы человечества, центральная башня — Аримойя; колоннады — миры даймонов, ангелов, стихиалей, просветленных животных; лиры — все народы земного шара.

Небесная Россия.

Эмблематический образ:

Многохрамный розово-белый город на высоком берегу над синей речной излучиной.

Как и остальные затомисы, Небесная Россия, или Святая Россия, связана с географией трехмерного слоя, приблизительно совпадая с очертаниями нашей страны. Некоторым нашим городам соответствуют ее великие средоточия; между ними — области просветленно прекрасной природы. Крупнейшее из средоточий — Небесный Кремль, надстоящий над Москвою. Нездешним золотом и нездешней белизной блещут его святилища. А над мета-Петербургом, высоко в облаках того мира, высится грандиозное белое изваяние мчащегося всадника: это — не чье-либо личное изображение, а эмблема, выражающая направленность метаисторического пути. Меньшие средоточия рассеяны по всему затомису; среди них — и метакультурные вершины других наций, составляющих вместе с русской единый сверхнарод. Здесь пребывают синклиты Украины, Грузии, Армении; теперь к этому затомису

начинает примыкать и Синклит народа болгарского вместе со своими небесными городами. Общая численность обитателей Небесной России мне неизвестна, но я знаю, что около полумиллиона просветленных находится теперь в Небесном Кремле.

Демиург Яросвет проявляется в небе и воздухе этого мира так, как если бы прозрачный океан могущества проходил от одного небосклона до другого и заливал бы сердца. Это могущество сосредоточивается в храмах демиурга, образ его очерчивается, голос его становится внятным, и возникает общение между ним и просветленными — общение, придающее им силу и высшую мудрость.

Так же проявляет себя другая, схожая с демиургом иерархия — великие духи-народоводители отдельных наций, входящих в состав нашей метакультуры. Среди них есть и более древние, чем Яросвет, есть и юный народоводитель Украины.

Но ни Навны — идеальной Соборной Души народа русского, ни ее сестер — соборных душ других народов, все еще нет здесь: плененные в глыбах государственности, в цитадели великодержавного демона, уицраора, в подземном мире российского античеловечества, они достигают Небесной России лишь отдаленными звучаниями, ослабленными отблесками.

Моря светящихся эфиров — это души стихиалей, сияющих красками, непредставимыми для нас, омывают там сооружения, которые отдаленно можно было бы уподобить громадам лазурных и белых гор.

Об этом мире поет русская церковь, когда провожает новопреставленных в невозвратный путь, дабы Господь упокоил их в «месте светлом, месте злачном, месте покойном, иде же несть ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная».

Новые пришельцы являются в Небесной России в особых святилищах, имея при этом облик не младенцев, а уже детей. Состояние вновь прибывших схоже именно с состоянием детства; смена же возрастов заменяется возрастанием просветленности и духовной силы. Нет ни зачатия, ни рождения. Не родители, а восприемники подготавливают условия, необходимые для просветленной души, восходящей сюда из Готимны. В обликах некоторых из братьев Синклита можно было бы угадать черты, знакомые нам во времена их жизни в Энрофе: теперь эти черты светозарны, ослепительны; они светятся духовной славой, истончённы и облегчены. Производимая преображенным телом, их одежда светится сама. Для них невозбранно движение по всем четырем направлениям пространства; оно отдаленно напоминает парение птиц, но превосходит его легкостью, свободой и быстротой. Крыльев нет. Восприятию просветленных доступно множество слоев: нисходящие — чистилища, магмы, страшная Гашшарва; восходящие — миры Просветления, круги ангелов, даймонов и стихиалей, миры инвольтаций других брамфатур, миры Высших Аспектов мировых трансмифов. Они вхожи в темные шрастры — миры античеловечества, обитатели которых видят их, но бессильны их умертвить; они вхожи и в наш Энроф, но люди способны их воспринять только духовным зрением.

Та любовь между мужчиной и женщиной в Энрофе, которая достойна именоваться великой, продолжается и здесь, освобожденная от всего отяго-

щавшего, возросшая и углубившаяся. Между некоторыми существует и телесная близость, но от задач продолжения рода она совершенно откреплена и вообще не имеет ничего схожего с телесной близостью в Энрофе. Многие органы тела здесь полностью изменили свою структуру, назначение и смысл, в том числе органы, связанные с принятием и усвоением пищи, потому что процесс восстановления жизненных сил здесь схож с дыханием. Возрастание духовности постепенно подводит просветленного к следующей великой трансформе тела, которая ведет в более высокие миры, в Небесный Иерусалим и еще выше — вплоть до Синклита Мира и Элиты Шаданакара.

В затомисах нет ничего схожего с нашей техникой: она заменена другим, крайне трудно поддающимся пониманию. Можно, впрочем, констатировать, что принцип — не в создании механических приспособлений, сделанных из посторонней материи, а в развитии многообразных способностей собственного существа. Из посторонней материи создается здесь лишь то, что сравнимо в какой-то мере с творениями наших пространственных искусств.

Всюду блистают здесь души церквей, существовавших у нас, или таких, которые должны были быть построены. Многие храмы имеют, однако, назначение, трудно понятное для нас. Есть святилища для общения с ангелами, с Синклитом Мира, с даймонами, с верховными иерархиями. Несколько великих храмов предназначено для встреч с Иисусом Христом, временами сходящим сюда, принимая зримый, человекоподобный облик, другие — для встреч с Богоматерью. Теперь там воздвигается величайший храм: он предназначен стать обителью того великого Женственного Духа, который примет астральную и эфирную плоть от брака Российского демиурга с идеальной Соборной Душой России. Я еще с детства привык называть этот храм храмом Солнца Мира, но это название неправильно. Закономерно относимо оно к другому сооружению, еще более грандиозному, тому, что намечается созданием в Аримойе. Храм же, созидаемый в Небесном Кремле, именуется обителью З в е н т ы - С в е н т а н ы, и впоследствии я объясню, что значит это имя. Эта великая Женственная Сущность ныне стала уже существом одного из высочайших миров Шаданакара. В Энрофе она не примет плоти никогда, но родится в Небесной России, приняв человекоподобный облик. Это будет не царица наша и не богиня — свет, благодать и божественная красота.

Лестница дивных, один сквозь другой просвечивающих миров поднимается из алтаря в храме Женственности, в храмах Христа, в храмах демиурга Яросвета. Лестница поднимается в Небесный Иерусалим и наконец к преддвериям Мировой Сальватэрры.

Временами в Небесной России рождаются великие человекодухи — те, кто закончил свой путь в Шаданакаре, достигнув до его наивысших миров и теперь со-творит Планетарному Логосу. Ради помощи нижестоящим они покидают Элиту Шаданакара и, осуществляя миссии, объять которые не в состоянии самый высокий мистический разум человека, сходят путем рождения сюда, в затомисы. Они принимают здесь такие же просветленные тела, как и у братьев Синклита, но несравненно превосходят их быстротою своего вхождения в полноту духовной силы и масштабами своего Я. Их пути в затомисах похожи на пути гениев среди остального человечества, но синклиты предуведомлены об их рождениях и ждут их с радостью и ликованием.

Те же, кто были гениями и вестниками на Земле, продолжают после искуплений, просветлений и трансформ свое творчество здесь, в затомисах.

Возрастает блаженство самих гамаюнов и сиринов, когда они видят те эпопеи, которые творят там великие души, прошедшие в последний раз по Земле в обликах Державина и Пушкина, Лермонтова и Гоголя, Толстого и Достоевского, Рублева и Сурикова, Глинки и Мусоргского, Казакова и Баженова. Светящиеся волны невообразимых звучаний взмывают местами как бы из сердца небесных гор: они водворяют душу в состояние такой духовной отрады, от какого разорвалось бы земное сердце, и, поднимаясь и меняясь, подобно славословящим облакам, опускаются в любви и тишайшей радости.

Великий зодчий, когда-то приступивший к сооружению храма «Тела, Души и Духа» в Москве, на Воробьевых горах, испытавший крушение своего замысла, изгнание, забвение и нищету, теперь творит высочайшее, что есть в Небесном Кремле: внутренние приделы в обители Звенты-Свентаны.

Но среди просветленных Небесной России лишь ничтожное меньшинство известно нам, знакомым с историей нашей Родины. Имена остальных ничего не скажут нашей памяти.

В монастырях Киевской и Московской Руси, так же как и в обителях более поздних времен, проходили незаметно свою жизненную тропу не светочи святости, но тихие души, менее богатые дарами, молча и смиренно вносившие свою лепту в религиозное творчество, в соборный труд духа.

Во все эпохи по дорогам России брели странники и искатели, сказители и бандуристы, безымянные творцы сказок и духовных стихов, песен и легенд, никем не записанных утраченных рассказов о героях своего времени и о его идеалах. А чудесные мастера сканого, обронного или иконописного дела, плотники-строители чудесных теремов, смиренных деревянных церквей и весело разукрашенных изб, влюбленные в свой труд каменщики, столяры, гончары, ткачи, ювелиры, переписчики, работавшие в мастерских, приказах, кельях и под открытым небом, чьи создания, отмеченные радостью творчества и горячей любовью к жизни, веселили и радовали целые поколения, — где могут быть их создатели ныне и что они могут создавать теперь, если не вечные ценности Святой Руси?

Во все эпохи русской истории тысячи мужиков — огнищан, смердов, тяглых крестьян, крепостных и вольных, просто и чисто проживших свой век, совершали труд посевов и жатв как возложенный на них Богом долг, с благоговением и благодарностью к Матери-Земле, и умирали простой и ясной смертью, веруя и простив всех.

Во все эти эпохи тысячи матерей несли свой крест, воспитывая людей, достойных имени человека, и в служении этому делу полагавших смысл своей жизни. Разве это не одно из самых высоких творчеств?

Когда начали строиться школы, сотни людей бросали привычный круг и образ жизни и уходили — хочется сказать «спускались» — в народные низы, замуровывая себя на всю жизнь в захолустьях, среди непробудного невеже-

ства, где не с кем было перекинуться живым словом: все ради просвещения непросвещенных.

А врачи, работавшие по одному на целый уезд? А герои-доктора на эпидемиях? А те из революционеров, кто был движим не фанатизмом, ненавистью и жаждой власти, а живою любовью к людям и скорбью от созерцания скорбей народа? А те из священников, которые, в меру данных им от Бога даров, являли образец ясной и чистой жизни, взращивая во множестве простых сердец лучшее, что в этих сердцах было?

Нет возможности перечислить те пути на земле, встав на которые, путник приходит, рано или поздно, к Синклиту. Вопрос только во времени, в стадиях, которые еще надо преодолеть по дороге к этой цели. Цели, не проявляющейся в сознании человека с полной отчетливостью, но ве́домой ее бессмертной монаде и влекущей ее.

О, напрасно представлять себе Небесную Русь в виде нескончаемых, однообразно строгих служб и молений. Там такие духовные наслаждения, о каких мы не имеем понятия; там есть и шутки, и смех, и даже игры, особенно среди их детей.

Я мог бы перечислить несколько имен деятелей русской культуры и истории, которые вступили в Небесную Россию за последние сорок лет. Пусть смеется кто хочет над этим сообщением. Да и к репутации сумасшедшего мне не приходится привыкать. Итак, имена некоторых из тех, кто не имел нисходящего посмертия и сразу после смерти в Энрофе вступил через миры Просветления в Синклит: Лесков, Римский-Корсаков, Ключевский, Гумилев, Волошин, Рахманинов, Анна Павлова, Сергей Булгаков, Иоанн Кронштадтский, патриарх Тихон, цесаревич Алексей Николаевич, несколько творцов и тысячи героев, погибших от руки Сталина. Очень немногие из имен тех, кто вступил в синклит после кратковременного пребывания в верхних чистилищах: Фет, Л. Андреев, Александр Блок, Шаляпин, Александр II, Константин Романов, академик Павлов.

Из числа просветленных, взошедших в Небесной России на особенную высоту, мне известно несколько имен: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Лев Толстой, Алексей Конст<антинович> Толстой, Достоевский, Аксаковы, Витберг, Кутузов, не пользующийся широкой известностью и рано умерший гравер XVIII века Чемесов.

Ближе остальных к великой трансформе, уводящей в Небесный Иерусалим и в Синклит Мира, подошли к настоящему времени Лермонтов, Владимир Соловьев, император Иоанн VI, а также два духа, чьи имена вызвали мое удивление, но были два раза твердо произнесены: Шевченко и Павел Флоренский.

За все время существования русского затомиса через него в Синклит Мира поднялось несколько десятков человек, из которых мне известны следующие имена: Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Антоний и Феодосий Печерские, летописец Нестор, дружинник Сергий — автор «Слова о полку Игореве», Александр Невский, Сергий Радонежский, Андрей Рублев, Нил Сорский, Ломоносов, Александр Благословенный, Амвросий Оптинский, Серафим Саровский.

Зрение, разрывающее оковы нашего пространства, различает вдали, за сферою Российской метакультуры, небесные страны других метакультур, такие же лучезарные, исполненные неповторимого своеобразия. Подготовка в любви и взаимопонимании к творению небесной страны всечеловечества, священной Аримойи, — вот узы, связующие ныне синклиты и грады метакультур. Величайшие из детей человечества, завершив творения в своих священных градах, выходят за метакультурные пределы: поднимаясь в Синклит Мира как бы с разных сторон, они встречаются наконец, но еще задолго до его достижения. Мир их встречи — *Гридрутства*, белый чертог, где творится ими общий план восхождения человечества. Дальнейший подъем приводит в такие слои, где их мудрость и мощь превосходит мудрость и мощь демиургов. Высший провиденциальный план, который мы сквозь историю можем различить иногда как бы за частными планами демиургов, есть отражение их творческого труда. Это — Синклит Мира. Он со-творит, во всей ясности духовного сознания, самому Планетарному Логосу.

Аримойя лишь недавно начата творением в четырехмерных мирах, а ее историческое отображение на Земле будет смыслом и целью наступающего столетия. Для этого и совершилось низлияние сил Приснодевы-Матери из транскосмических сфер в высшие слои Шаданакара — сил, сосредоточившихся в одной божественной монаде; для этого и созидается в Небесной России небывалый храм, чтобы принять в него Ту, Чье рождение в четырехмерных мирах есть цель и смысл грядущего брака Российского Демиурга и Соборной Души. Исторически же, через осуществление этого великого Женственного Духа в Розе Мира начнется преобразование государственности всех народов в братство всех. В этом Российскому синклиту помогают и будут помогать все синклиты метакультур, а Синклит Мира примет от них и продолжит их труд, чтобы завершить его всемирным бого-человечеством.

Однако, кроме великих затомисов, исчисляемых цифрою 19, в Шаданакаре имеется другая сакуала затомисов: это затомисы метакультур, трагически недостроенных в Энрофе. Если становится ясно, что Провиденциальные силы данной метакультуры не могут противостоять натиску демонических начал, ее затомис перемещается в слой этой сакуалы. Культурные, а иногда и государственные образования ее в Энрофе мало-помалу растворяются в общечеловеческом окружении, уицраоры погибают, подземные шрастры влачат мучительное прозябание, постепенно вырождаясь; но затомис продолжает свое развитие, Синклит продолжает и усиливает свое творчество. Души такой метакультуры, еще не достигшие того уровня, при котором затомис становится для них открыт, могут проходить ступени необходимого совершенствования вне Энрофа либо претерпевать инкарнации в других метакультурах и странах, но в конце концов достигают именно своего затомиса. Бывают и такие случаи, когда культурно-исторический базис в Энрофе еще длит, постепенно хирея, свое существование и затомис сохраняет с ним активную связь-помощь. В таких случаях еще возможно, при благоприятных условиях, возвращение затомиса в прежнюю сакуалу, а сверхнарода —

к исторической жизни. Нечто подобное происходит теперь с Жюнфлейей, о которой я уже упоминал.

Мне остается коротко перечислить пятнадцать затомисов этой второй сакуалы.

Намбата — затомис Древнесуданской метакультуры, в очень неблагоприятных условиях крайне медленно развивавшейся, лучше сказать, теплившейся в долине Нигера, в районе озера Чад и в Кордофане с девятого до пятого тысячелетие до Р<ождества> Х<ристова>. Погибла от центробежных сил, истощавших ее нескончаемыми междоусобными войнами. Первая в истории человечества попытка сементировать антагонистические и притом этнографически пестрые народности общей международной религией (конечно, политеистической) не удалась вследствие усиленного демонического воздействия через весьма двойственный пантеон той же религии. Археологические остатки этой культуры еще могут быть обнаружены.

Эмблематический образ:

Хоровод нагих темных людей на изумрудно-зеленом фоне.

Цен-Тинь — затомис Прамонгольской метакультуры — прамонгольской не в этнографическом, а в территориальном смысле. Ее народ принадлежал к желтой расе, но антропологически, да и духовно был ближе к народам Гондваны, чем позднейшей Монголии. Он населял Северный Китай и Приамурье в четвертом — третьем тысячелетии до н.э. и переходил от кочевого образа жизни к оседлому. Уже возникли небольшие города. Начало этой культуры было замечательное. Ведущей иерархией был не демиург сверхнарода, а некое могучее демоническое существо, которое должно было обратиться и уже обращалось к Свету. Оно было погублено Гагтунгром, а сверхнарод раздавлен ордами, нахлынувшими из Центральной Азии.

Эмблематический образ:

Крылатый дракон, запрокинувший голову к Солнцу и заливаемый его лучами.

Прэд — затомис Дравидической метакультуры, определяемой этим наименованием условно, так как в ней принимали участие народности различного этнического корня, в том числе близкие к сумерам. К поздним образованиям этой метакультуры относятся города Мохенджо-Даро и Хараппа. Катастрофа (в начале второго тысячелетия до н.э.) явилась следствием как внутренних причин (для меня они не ясны), так и внешних: вторжения арийцев.

Эмблематический образ (я видел его неотчетливо):

Розовая пагода.

Асгард — неправильно называемый иногда более популярным именем Валгаллы — затомис Древнегерманской метакультуры, парализованной ростом в историческом слое христианства. Катастрофа произошла в двенадцатом веке.

Эмблематический образ:

Золотой чертог в облаках.

Токка — затомис Древнеперуанской (доинкской) метакультуры, исторически развивавшейся в века перед и после Р<ождества> Х<ристова>. Быть может, не надо печалиться, что это образование погибло в Энрофе, так как воздействие демонических начал было в нем очень сильно[1].

Эмблематический образ:

Каменная статуя сидящей пумы.

Бон — затомис Древнетибетской культуры, разрушенной буддизмом, но элементы которой органически вошли в культуру Махаяны.

Эмблематический образ:

Красная и голубая молнии, скрестившиеся над оранжевым шатром царя. Смысл: голубая молния — буддизм с его духовностью, красная — добуддийская, в очень сильной степени отравленная демонизмом, тибетская религия. Шатер — царская власть, гибнущая в итоге скрещения этих двух сил.

Гаурипур — затомис маленькой, слишком рано отделившейся от Индии, но с огромными возможностями, Гималайской метакультуры. Именно здесь зажигались когда-то самые яркие очаги буддизма; здесь в лоне этого учения протекали те метаисторические процессы, которые создали из него религию в полном смысле этого слова, то есть учение не только нравственное, но и трансфизическое и духовное. Нравственная же сторона буддизма поднялась в Гималаях на такую ступень, которая знакома лишь чистейшим образцам христианства.

Гималайская метакультура погибла от натиска с двух сторон демонов великодержавной государственности: тюркских уицраоров — с севера и с запада, уицраоров империи Великих Моголов — с юга. Ныне эта метакультура совершенно гаснет в Непале.

Эмблематический образ:

Коронованная горная вершина под созвездием Ориона.

Юнкиф — затомис Монгольской метакультуры, сразу ставшей добычей необыкновенно могучего уицраора. Катастрофа — в тринадцатом веке.

Эмблематический образ:

Волнистая линия холмов, и над нею сражение двух стай, белой и красной.

Йиру — затомис Древнеавстралийской метакультуры, две тысячи лет существовавшей в полнейшей изоляции от остального человечества в Центральной Австралии. Общество дошло до рабовладельческой формации. Метакультура погибла вследствие чрезвычайной активности демонических стихиалей — духов пустынь и непроходимых кустарниковых зарослей. На протяжении многих веков в культуре боролись две религии — правой и левой

1. Эта культура должна была высоко поднять труд просветления животного царства, но исторически пришла к его обоготворению и деградировала до широкого распространения людоедства.

руки: политеистическая и демоническая. Последняя приносила человеческие жертвы именно тем злобным стихиалям, которые губили метакультуру. Под конец эта религия взяла верх, и борьба против наступления пустыни и кустарников была объявлена грехом. Культура в Энрофе угасла благодаря внутреннему высыханию. Из искусств наиболее развитым была живопись. Она напоминала до некоторой степени Критскую, но была интереснее и ярче. Остатки цивилизации, которые будут обнаружены, не дадут восстановить картину вследствие своей незначительности.

Эмблематический образ:

Облако над вулканом, но это в действительности сверхнарод и его Синклит.

Тальтном — затомис Тольтеко-ацтекской метакультуры.

Эмблематический образ:

Героический лик, увенчанный солнцем.

Кэрту — затомис Юкатанской метакультуры (майя).

Эмблематический образ:

Голубая змея вокруг золотого древа. Смысл: змея далеко не у всех народов являлась символом темных начал. Золотое древо — духовный (трансфизический) мир. Голубая змея — сверхнарод, спиралеобразным развитием поднимающийся к духу.

Интиль — затомис Инкской метакультуры, гибель которой в Энрофе, как ни странно, уберегла мир от большой опасности (об этом пойдет речь в одной из других частей книги).

Эмблематический образ:

Фигура в красном, с митрой на голове и с руками, воздетыми к солнечному диску. (Красный цвет здесь — знак царственности, митра — верховного священства.)

Даффам — затомис Индейской метакультуры области Великих озер[1].

Эмблематический образ:

Группа воинов, направляющих копья на серп ущербной луны.

Леа — затомис Полинезийской метакультуры, которую погубила ее крайняя географическая распыленность. Остатки догорают на Гавайях, Таити и др<угих> архипелагах.

Эмблематический образ:

Золотая гора на острове в голубом море.

Никисака — затомис Японской метакультуры, тяжело раненной дважды: буддизмом и европеизмом — и не могущей раскрыть своих потенций. Шинтоизм, по существу, есть поклонение Никисаке как японскому синклиту; богиня Аматерасу, в правильном понимании этого образа, есть не что иное, как Навна Японии. Процесс перемещения Никисаки в сакуалу трагически недостроенных в Энрофе метакультур происходит теперь. Роза Мира сможет существенно помочь укреплению этого затомиса: для него еще вполне возможен возврат.

Эмблематич<еский> образ:

Цветущие вишни над водоемом.

1. Эта культура особо предназначалась к борьбе с лунным демоном женств<енной> природы — Воглеа. Отсюда необычайная целомудренность этого народа. С этим же связано и его отрицание городской цивилизации.

Глава третья
СРЕДНИЕ СЛОИ ШАДАНАКАРА

Раньше, чем пытаться нарисовать панораму демонических сакуал, имеющих для трансфизики и метаистории Шаданакара столь колоссальное значение, а также сакуал стихиалей, некоторые из которых с демоническими началами тесно связаны, целесообразно дать понятие о нескольких сакуалах восходящего ряда, как бы следующих за сакуалами затомисов. Эти сакуалы весьма различны, но все вместе они составляют средние слои Шаданакара.

Естественно, что чем иерархически выше расположены слои, тем затрудненнее их познание, тем меньше аналогий с Энрофом можно найти в их ландшафтах, в облике и форме обитающих там существ, в содержании их жизни. Девять десятых виденного или так или иначе воспринятого остается непонятным, и в большинстве случаев приходится ограничиваться протокольными сообщениями об элементарных фактах, не пытаясь вскрыть ни их закономерностей, ни их углубленного смысла. Поэтому настоящая глава не сулит читающему почти ничего, кроме сухого перечня нескольких сакуал и составляющих их слоев.

Мне помнится, например, что в мистике иудаизма фигурирует понятие «эгрегоры»; однако насколько точно совпадает этот термин с тем содержанием, которое вкладывается в него здесь, мне судить трудно, хотя бы вследствие моего более чем поверхностного знакомства с еврейскими теософемами. Так или иначе, здесь под эгрегорами понимаются иноматериальные образования, возникающие из некоторых психических выделений человечества над большими коллективами. Эгрегоры лишены духовных монад, но обладают временно сконцентрированным волевым зарядом и эквивалентом сознательности. Свой эгрегор имеет любое государство, даже Люксембург. Эти существа в основном статичны и неагрессивны. В борьбе между демоническими и Провиденциальными силами Шаданакара большинство эгрегоров участия не принимают; впрочем, имеются некоторые, примыкающие к демоническому стану.

С распадением эгрегоров исчезают и эквиваленты их сознаний, рассеиваясь в пространстве. Это не переживается ими как страдание.

Поскольку можно говорить о ландшафте этих слоев, то для сакуалы эгрегоров характерны желтоватые клубящиеся пространства, в которых эгрегоры представляются несколько гуще окружающей среды.

Семь слоев, составляющих эту сакуалу, можно перечислить вот в какой последовательности.

Затив — эгрегоры начальных племен, умирающие вместе с растворением племени в нации или вместе с его физическим уничтожением. Здесь же были эгрегоры древнейших культурно-государственных образований человечества, теперь уже рассеявшиеся в пространстве.

Жаг — область эгрегоров государств. Кроме того, тут находятся и эгрегоры некоторых крупных общественно-политических образований современности, например — партии Индийский национальный конгресс.

Фораун — эгрегоры церквей. Образуются из тех темноэфирных излучений причастного к церквам людского множества, какие вносятся любой, не достигшей праведности душой, примешиваясь к ее религиозным состояниям: из мирских помыслов, материальных интересов, стяжательства, страстных состояний — вообще из того, что отцы церкви называли «житейским попечением». Часто эти эгрегоры становятся большим тормозом, грузом на восходящем пути церквей. Со временем в Форауне будет эгрегор и Розы Мира: это неизбежно, поскольку интеррелигиозную церковь будущего составят не одни только святые, а и сотни миллионов людей, находящихся на различных ступенях пути.

Удгрогр — эгрегоры антицерквей, массовых воинствующих партий Нового времени.

Слой, название которого мне неизвестно, обитаем эгрегорами, порожденными психической деятельностью демонического населения шрастров. Точно так же неизвестно мне название слоя, принадлежащего эгрегорам, возникающим в результате психической деятельности мира даймонов — того самого второго, более светлого человечества, о котором будет сказано несколько слов страницей ниже.

Последний из эгрегориальных слоев называется *Цебрумр*. Он еще пуст. Здесь будет со временем эгрегор грядущей антицеркви, в которой осуществится демоническая квазирелигия поклонения Гагтунгру — ядро и основа грядущего (в конце первого эона) дьяволочеловечества.

В сакуале, состоящей из трех-четырехмерных пространственных слоев с огромным числом временных координат, обитает другое, высшее человечество Шаданакара. К сожалению, мои сведения о нем крайне скудны. Множество вопросов, возникающих при размышлении о нем, остаются в сложившейся у меня панораме Шаданакара широким пробелом. Это человечество называется *даймонами*. Оно проходит путь развития, схожий с нашим, но началó его гораздо раньше и совершало его более успешно. По-видимому, определяющим фактором при этом явилось то, что миссия Иисуса Христа, в Энрофе оборванная усилиями Гагтунгра почти в начале и ознаменовавшаяся лишь частичной победой, в мире даймонов была полностью завершена. Хронологически это совершилось гораздо раньше, чем Христос вочеловечился в облике Иисуса. Его победа в мире даймонов устранила тягчайшие преграды, нагроможденные Гагтунгром на их восходящем пути, и к настоящему времени эти существа далеко нас опередили. Сроки и жертвы их становления были сокращены во много раз. Явлений социальной дисгармонии у них давно уже нет, и силы направлены на духовное и эстетическое совершенствование и на помощь другим слоям, в частности — человечеству Энрофа.

Даймоны — это крылатые люди, схожие своим обликом отчасти с ангелами, от которых, однако, их отличает, кроме многого другого, наличие двух полов. Основной слой их пребывания, соответствующий нашему Энрофу, носит имя *Жерам*. Природа, схожая с нашей, доведена там до уровня высокого художественного и эстетического совершенства, а машинная цивилизация одухотворена внутренней мудростью о силах и слоях Шаданакара и развитием высших способностей в их собственном существе. О человечестве Энрофа даймонам известно все существенное.

От посмертных спусков в демонические миры возмездия даймоны освобождены со времен завершения в Жераме задачи Христа. А многоярусная сакуала чистилищ, опытно известная, хотя и забываемая большинством из нас, для них заменена единственным слоем — его имя *Урм*, — где некоторые из них проходят в посмертии искупляющее очищение. Параллель затомисам нашего человечества составляет для них *Картиала* — мир просветленных даймонов, их небесная страна. Оттуда раскрывается подъем в сакуалу Высокого Долженствования и наконец в Синклит Мира.

Среди многих задач, встающих перед даймонами Картиалы по отношению к другим мирам Шаданакара, одна заключается в их деятельном участии в борьбе против уицраоров и античеловечества шрастров; другая — во вдохновляющем, творчески направляющем воздействии на творцов нашей художественной культуры. Отнюдь не поэтическим приемом, а свидетельством о подлинных трансфизических фактах являются обращения многих поэтов к их вдохновителям-даймонам, других — к их музам. Не знаю, существовали ли в затомисе Олимпе девять сестер Аполлона — весьма возможно и это, — но то, что даймоны женственной природы, музы, или мужественной природы — сократовские даймоны в узком смысле этого слова — способствовали раскрытию творческих глубин в личности наших художников и мыслителей, не подлежит никакому сомнению. Только материалистическая слепота может заставлять проходить мимо бесчисленных свидетельств об этом со стороны наших поэтов, писателей, музыкантов, философов, начиная с Сократа и еще раньше, кончая Гоголем и Александром Блоком.

Большинство даймонов-вдохновителей, выполнив свою задачу, отходят от вдохновлявшихся ими. Иногда же получается двуединство — явление крайне редкое и очень сложное для разъяснения.

Нередки и такие случаи, когда человеческие шельты вплетают в свою гирлянду одно воплощение в мире даймонов. Такое воплощение дается им для того, чтобы закрепить светлые достижения души.

Но в сакуале даймонов обитает еще и другая раса, меньшая по численности, отставшая в своем развитии и как бы опекаемая ими. История ее появления в этих мирах мне не вполне ясна; кажется, это те же даймоны, когда-то в древности сорвавшиеся с пути, утратившие крылья и восполняющие нанесенный себе ущерб на дороге своеобразного искупления. Эти бескрылые существа почти не отличаются от человека. Здесь я подхожу к факту, который неизбежно вызовет почти в каждом, читающем эту книгу, вспышку отрицания и даже возмущения. Но если нельзя выбросить слова из песни, то из этой книги нельзя выбросить мысли. Итак, те существа, о которых я загово-

рил как о низшей расе даймонов, можно отчасти определить как *метапрообразы* некоторых героев мировой литературы и искусства Энрофа. Случается, что интуиция художников Энрофа, свойственная, впрочем, лишь гениям, прозревает в Жерам, созерцает какое-либо из этих существ и приводит к созданию его отражения в человеческом искусстве. Это отражение становится как бы магическим кристаллом, который концентрирует излучения людей, возникающие в часы творческого восприятия; эти излучения, восходя в Жерам, дают метапрообразу силы для развития. Если такого отражения не создается, развитие замедляется и в некоторых случаях метапрообразу, быть может, придется даже покинуть сакуалу даймонов и начать медленный путь в Энрофе.

Большинство живописных и скульптурных портретов, созданных в нашем мире, метапрообразов лишены: это — портреты людей, не более. Но такие произведения, как, например, Джиоконда, *кроме* своего человеческого прототипа, связаны именно с прообразами из Жерама, постигнутыми интуицией гения. Отсюда необычайная значительность этих шедевров и сила их воздействия. Достойно сожаления то, что Джиоконда была создана Леонардо таким образом, что прообраз оказался снижен и портрет включил в себя некоторые элементы из Дуггура — одного из миров демонических стихиалей, вследствие чего прообраз претерпел падение из Жерама в Урм, ибо этот слой играет роль чистилища не только для даймонов, но и для метапрообразов. Поднятая Леонардо, его посмертными трудами, снова в Жерам и выше, пра-Джиоконда теперь находится в одном из слоев Высокого Долженствования. Венера Милосская находится уже в Синклите Мира, так как душа эллинской женщины, которая послужила художнику в Энрофе натурой для этой статуи, после исторического окончания греко-римской культуры в Энрофе поднялась через Олимп именно в Картиалу даймонов и, воссоединившись со своим метапрообразом, вступила на лестницу восхождения по высшим слоям. То же будет в свое время со всеми душами подобных метапортретов.

С живописными произведениями жанров мифологического, психологического, исторического и бытового дело обстоит еще сложнее, еще разнообразнее. Суриковская боярыня Морозова обладала метапрообразом в Жераме, как и некоторые из второстепенных персонажей этого полотна, и благодаря творению художника поднята в Картиалу. Вместе с тем ныне Суриков создает в Небесном Кремле ослепительный вариант этой картины.

Изображение Репиным убийства Грозным своего сына завязало такой узел, которого Репин не развязал до сих пор; развязывать его приходится в Друккарге — противостоящем Небесному Кремлю шрастре античеловечества России, где Грозный находится сейчас как пленник и раб.

Еще хуже с «Поверженным Демоном» Врубеля — поразительнейшим, уникальным случаем демонического инфрапортрета. Для развязывания этого узла Врубель вынужден был спускаться в Гашшарву, к ангелам мрака. Страшно выговорить, но, может быть, было бы лучше, несмотря на гениальность этого творения, если бы оно погибло в Энрофе.

Живопись пейзажная, несмотря на ее колоссальное значение культурное и психологическое, приобретает трансфизическое значение очень редко.

Это происходит либо в тех случаях, когда художнику удается заразить зрителя своим ощущением миров стихиалей, сквозящих через природу Энрофа, либо же намекнуть своеобразными сочетаниями линий и красок на ландшафты какого-нибудь другого слоя. На мой личный взгляд, это удавалось, из русских художников, наиболее Рериху, а иногда — такому спорному, лучше сказать — отрицаемому, даже беспомощному художнику, как Чюрлянис.

Что касается художественной литературы, то никаких метапрообразов за персонажами подавляющего большинства ее произведений не стоит. Их лишена, например, за исключением ничтожных единиц, почти вся советская литература. Не может быть также метапрообразов у персонажей исторического жанра, например пушкинского Бориса или шекспировского Цезаря. Но у Макбета — есть, так как это не история. Вообще, наличие метапрообраза в произведении влечет за собой резкое уклонение от исторической буквальности в сторону придания персонажу особой глубины и такого масштаба, который не соответствует историческому прототипу. Этого нет ни в драме Пушкина, ни в «Цезаре» Шекспира: доказательство отсутствия в этих вещах метаисторической глубины.

После смерти в Энрофе художника-творца метапрообразы его творений в Жераме видят его, встречаются с ним и общаются, ибо карма художественного творчества влечет его к ним. Многим, очень многим гениям искусства приходится в своем посмертии помогать прообразам их героев в их восхождении. Достоевский потратил громадное количество времени и сил на поднимание своих метапрообразов, так как самоубийство Ставрогина и Свидригайлова, творчески и метамагически продиктованное им, сбросило пра-Ставрогина и пра-Свидригайлова в Урм. К настоящему моменту все герои Достоевского уже подняты им: Свидригайлов — в Картиалу. Иван Карамазов и Смердяков достигли Магирна — одного из миров Высокого Долженствования. Там же находятся Собакевич, Чичиков и другие герои Гоголя, Пьер Безухов, Андрей Болконский, княжна Марья и с большими усилиями поднятая Толстым из Урма Наташа Ростова. Гетевская Маргарита пребывает уже в одном из высших слоев Шаданакара, а Дон Кихот давно вступил в Синклит Мира, куда скоро вступит и Фауст.

Я хочу воспользоваться случаем, чтобы сказать несколько слов о трансфизическом значении театрального искусства. Отрицательное отношение к этому искусству со стороны христианской религиозности, как бы ни объясняли его историки культуры и даже религиозные проповедники, вызвано было тем, что христиане древности и Средних веков своим, если так можно сказать, религиозным чутьем бессознательно ощущали соседство сценического искусства с древним оргиазмом, который связан отчасти с Лилит, а отчасти с одним, еще более темным демоническим миром: несколькими страницами ниже этот мир, называющийся Дуггур, будет мною охарактеризован полнее. Дуггур связан с сексуальной сферой человечества, и хотя в Средние века его не различали отчетливо, но испытывали перед его бесовскими излучениями страх, отвращение и стыд. Театральное же действо в собственном смысле может быть очень различно, даже полярно по своему трансфизическому значению. Шаляпин был глубоко прав, постясь и молясь после

исполнения роли Мефистофеля. Спектакль «Жизнь Человека» был вреден и для автора, и для исполнителей, и для зрителей, потому что лишен того, что древние называли катарсисом. Все же сценические действа, проводящие актера и зрителя через катарсис — духовный подъем и хотя бы кратковременное просветление, — глубоко оправданы. Что же касается метапрообразов, то значение спектаклей Энрофа для них таково: пока Смердяков был в Урме, сброшенный туда магически-творческим воздействием Достоевского, исполнение его роли на человеческой сцене было для него отяжеляюще, тормозяще, мучительно; теперь — безразлично. Исполнение же светлых ролей или ролей, проводящих через катарсис, всегда хорошо для всех, в том числе и для метапрообразов.

На сакуале даймонов мое изложение покидает на время четырехмерные миры: теперь перед нами одинокий, ни в какую сакуалу не входящий, уже пятимерно-пространственный слой, *Фонгаранда*.

Приходится сделать предупреждение: дело дошло до понятий, весьма непривычных. Ибо Фонгаранда — слой пребывания шельтов великих творений архитектуры. Здесь они обладают способностью движения и роста; их изменение состоит в совершенствовании. Облик их близок к облику просветленных стихиалей, но форма не струистая, как у тех, и лишенная способности телесного взаимопроникновения. Следует понять, что создание в Энрофе их отражений гениальными зодчими, интуиция которых уловила отблески Фонгаранды, дает им эфирное тело: внутри физического сосуда здания возникает оно из многолетних излучений человеческих тысяч и миллионов. Если прошло достаточно времени и такое тело успело создаться, гибель физического сосуда в Энрофе уже не имеет трансфизического значения: шельт, пребывавший в Фонгаранде, облекся эфирным телом и перешел в один из затомисов. После смены эонов, мировых периодов, когда затомисы перестанут существовать как таковые, шельты этих монад со своими облачениями, совершенно уже измененными, соединятся в одном из слоев Высокого Долженствования со своими монадами и войдут впоследствии в Элиту Шаданакара.

В Фонгаранде пребывают преимущественно шельты творений храмового и дворцового типа. Имеется, например, один грандиозный прообраз православных монастырей, один прообраз египетских пирамид, зиккуратов, гопуррамов Южной Индии, католических аббатств, рейнских замков. Но есть шельты и некоторых индивидуальных зданий, например — собора св. Петра, Василия Блаженного, китайского Храма Неба, даже Версальского и Царскосельского дворцов. Есть и такие, как шельт лондонского Парламента и петербургского Адмиралтейства.

После таких странных для нас представлений, как мир Фонгаранды, представления, связанные с сакуалами ангелов, покажутся, вероятно, знакомыми, даже привычными. Таких сакуал — две. Первая, низшая, состоит из трех слоев; она так и называется: ангелы низшего круга. В сущности, это первое по времени человечество Шаданакара, когда-то обитавшее в слоях более плотной материальности, хотя и не в Энрофе; та эра предшествовала эре титанов. Мы не в состоянии понять и осмыслить содержания их жизни теперь,

в просветленных мирах, только можем уловить ту сторону их деятельности, которая имеет непосредственное отношение именно к нам. Первый из этих слоев обитаем *херувимами*, хранителями людей — носителей светлых миссий. Именно хранителями, а не вдохновителями: то — даймоны! Об ангелах же хранителях мы слышим с детских лет, и не наша вина, если мы думали, что такой ангел стоит за правым плечом каждого из живущих. Но облик их действительно таков, каким описывает его предание, а ландшафт их мира — среда прелестных тонов, нами не воспринимаемых, отдаленно напоминающих розовый и сиреневый.

Другой слой — бело-золотистая среда, пронизанная снопами света, — принадлежит *серафимам* — хранителям некоторых человеческих содружеств: церквей, религиозных общин, некоторых этических объединений, очень немногих городов — тех, духовная целостность и нравственная чистота которых имеет особое значение в глазах Провиденциальных начал. Бывают эпохи, когда стража серафимов окружает какой-нибудь город, потому что в нем совершается то или иное метаисторическое событие или протекает тот или иной трансфизический процесс, требующий особой помощи или охраны. После его завершения, со сменою эпох, стража серафимов удаляется. Так было над Киевом при князе Владимире Святом, над Москвою при князе Даниле и Иване Калите, несколько раз над Иерусалимом, Римом и многими другими городами. Редкий случай, когда стража серафимов не покидает города в течение многих веков, представляет собою Бенарес, город колоссального метаисторического значения. Конечно, с узко конфессиональной христианской точки зрения сообщения, подобные этому, не могут вызвать ничего, кроме недоумения. Обликом серафимы подобны шестикрылым ангелам.

Сакуала завершается миром так называемых *Престолов*, чей облик схож с нашим представлением об архангелах, а среда их обитания — сине-зеленая, пронизанная играющими снопами света. Престолы — хранители наций. Их много: духовное становление каждой нации охраняется целым сонмом этих блистающих существ.

Переходя ко второй сакуале — Ангелам Высшего Круга — я лишаюсь возможности облегчить ее понимание хотя бы такими бедными зрительными образами, как в предыдущей. Могу сказать только, что это — обиталища светлых иерархий огромной силы, именно тех, кем создается материальность трех-, четырех- и пятимерных слоев Шаданакара.

Первыми идут *Астралы*, известные в христианской мистике под названием *Властей*: это творцы материальности Энрофа. Далее следуют *Силы*, творцы материальности сакуалы даймонов, и *Господства*, творцы материальности миров Просветления (кроме Олирны). Сакуала Ангелов Высшего Круга венчается миром *Начал*, творящих материальность затомисов, и *Архангелами* — теми самыми, кем становятся после трансформы сирины, алконосты и гамаюны Рая, Эдема, Монсальвата, Жюнфлейи и Святой России — всех затомисов христианских метакультур. Они творят материальность миров Высокого Долженствования. Материальность же самих ангельских миров, так же как и материальность высших слоев Шаданакара, творится иерархиями метабрамфатуры.

Знаю, что излагаемое совершенно не совпадает с традициями христианской ангелологии, несмотря на общность названий. Мне жаль, что это так. Но я пишу не от себя и не могу вносить изменений до тех пор, пока на это не укажет единственный Голос, которому я доверяю полностью.

Изложение дошло до сакуалы «Высокого Долженствования». Эти миры общи и для людей, и для ангелов, и для даймонов, и для стихиалей, и даже для просветленных животных. Они парят высоко над теми сегментарными членениями Шаданакара, которые называются метакультурами. Понятно, что мои сведения о них бедны, чтобы не сказать — нищи.

Я не уверен даже в имени первого из них — оно звучит похоже на *Уснорм*, но мне никак не удается расслышать его точнее. Вращение планеты вокруг оси проявляется и здесь, и, по-видимому, тогда там стояла ночь, потому что я смутно помню исполненную потрясающего великолепия светящуюся туманность, как если бы предо мной впервые раскрылось явно для зрения творящее лоно нашей вселенной. То был Астрафайр, великий центр нашей Галактики, скрытый в Энрофе от нас темными облаками космической материи.

Я видел и россыпь бесчисленных звезд, но не так, как у нас: то были не звезды, а брамфатуры. Не блестящие точки, но системы просвечивающих друг сквозь друга концентрических сфер; когда взгляд останавливался на любой из них, она делалась огромной и явственной, точно приблизившись; мне кажется теперь, что все они медленно вращались, гармонически звуча и перекликаясь многозвонными голосами. Но, может быть, это мне кажется теперь, и в этом — влияние представлений о гармонии сфер, пришедших ко мне не изнутри, а из человеческого предания. Во всяком случае, гармонии эти лишь проступали сквозь волны невообразимого хора, звучавшего вот здесь, вокруг меня, и вздымавшихся из такой глубины и до такой высоты, каких я не мог ни понять, ни измерить взглядом. Это — воспоминание о слое, являющем собою всеобъемлющий храм, предназначенный для вечного богослужения человечества.

О, не только человечества! Здесь присутствовали, кажется, миллионы существ и — не знаю сколько, — вероятно, больше половины из них никогда не были людьми и не должны были становиться ими. Здесь были просветленные души стихиалей и просветленные души животных, здесь были дивные даймоны и ангелы разных кругов. Когда мы читаем в Апокалипсисе пророчество о высокоразумных животных, обступивших алтарь иного мира и совершающих служение, — это, быть может, и символ, но это также намек на реальность — ту реальность, которой во времена автора Апокалипсиса еще не было. Потому что Уснорм как всеобщий храм есть осуществление замысла именно того великого человекодуха, который в последнее свое воплощение на земле был апостолом Иоанном Богословом.

И если молящихся там были миллионы, то предстоящие у престола Храма исчислялись тысячами, потому что каждый, достигший сакуалы «Высокого Долженствования», делается в Уснорме одним из предстоящих, будучи затем сменяем следующим.

Самые возвышенные, самые благостройные служения в храмах верховных религий — лишь слабые отблески, отзвуки вечной литургии Уснорма. Да,

в этой литургии участвует слово, но это — невоспроизводимый у нас язык Синклита Мира, где слова — не просто отдельные звуки, но как бы смысловые аккорды, а иные их них являются в то же время вспышками и переливами света. В этой литургии участвует как элемент движение, небесный прообраз священного танца, но в Уснорме — пять измерений, и движение совершается не по горизонтальной плоскости, как у нас, а по всем пяти измерениям пространства. В литургии участвуют как элементы свет и цвет, но дать понятие о цветах сверх семи цветов, воспринимаемых нами, нет никакой возможности. Что можно сказать о тех световых симфониях, перед которыми кажется однообразной и бедной даже иллюминация Файра? Что можно сказать о духовных благоуханиях? о фимиамах Уснорма, которые восходят из гигантских, плывущих и раскачиваемых кадильниц, чтобы подняться к самому Астрафайру?.. Это — первый мир, где восходящий воспринимает не материальные уже, а чисто духовные излучения: они исходят из наивысших транскосмических сфер, которые можно было бы назвать эмпиреем, если под этим старинным словом понимать не фантастический «мир неподвижных звезд», но объемлющую космос обитель чистого Духа, то есть Пресвятой Троицы.

Миры «Высокого Долженствования» — остановки между затомисами, Картиалой даймонов и Хангвиллой просветленных животных, с одной стороны, мирами Высших Трансмифов Верховных Религий — с другой. Над Уснормом расположена *Гридруттва* — тот белый чертог, где создается великий творческий план человечества. За ней идут: *Аликанда*, похожая на сердцевину цветка, *Товия*, похожая на пену, на иней, на белый сад, на падающий снег, и *Ро* — огромные поющие кристаллы: их эхо — прекраснейшие произведения музыки в Энрофе, в Олирне, у даймонов, даже в затомисах. Эти три слоя — обиталища человеческих монад, воссоединившихся со своими ставшими душами.

Похожий на глубину озаренных морей слой *Магирн* — обитель монад метапрообразов, воссоединившихся со своими шельтами и с преображенными астральными облачениями. В *Каэрмисе*, который можно определить как «расколдованные сфинксы», со своими ставшими душами соединяются монады животных, в *Дейтрасте* — монады даймонов, а в *Сибране*, о которой я не могу сказать ни слова, кроме того, что это — невероятные хоры ликования, — монады ангелов. Во *Фляуросе*, намек на который может дать слово «протуберанцы», пребывают монады стихиалей. В сакуалу мира «Высокого Долженствования» входит также Ниатос: это фиолетовая вершина, где соединяются со своими шельтами монады наших бывших врагов — демонов, обратившихся к Свету. Я упоминал о могучем демоническом духе, великом «драконе» Прамонгольской культуры: сброшенный Гагтунгром в один из страшных слоев, носящий прозвище Дождя Вечной Тоски, он давно поднят Провиденциальными началами оттуда и теперь блистает в мире фиолетовой вершины как одно из ее прекраснейших светил.

И насколько я понимаю, к этой сакуале относится лишь отчасти колоссальный и великолепный *Ирольн*: монады людей до их соединения со своими ставшими душами. Это — первый мир, куда спускается личный дух каждого человека, вступая в Шаданакар из Отчего лона. Он похож на течение и вращение множества солнц. И мне не ясно: мне кажется, что это мир не пяти

уже, а шести измерений пространства, а включение его в сакуалу Высшего Долженствования — моя ошибка, плод аберрации.

Выше по иерархической лестнице Шаданакара располагаются, одна за другой, сакуалы космических инвольтаций. Что это значит? В длящейся много миллионов лет истории Шаданакара имели и имеют место активные воздействия других брамфатур: или более мощных, чем наша, или стоящих впереди нас в своем развитии, или, наконец, соизмеримых с нашей по своим масштабам и ступени восхождения, но находящихся пространственно не так далеко от нас, следовательно, взаимодействующих с Шаданакаром. Материальность миров инвольтаций создана светлыми силами других брамфатур; обитаемы же они теми высочайшими существами, которые без труда преодолевают космические пространства: это — пришельцы с других брамфатур, великие помощники и друзья светлых сил Шаданакара.

О некоторых сакуалах инвольтаций я не могу сказать буквально ничего, кроме нескольких названий. Так, например, существует сакуала инвольтаций Ориона. Орион — система брамфатур гигантской силы, полностью освободившихся от демонических начал; она играет в жизни Галактики колоссальную роль. Конечно, перечень названий десяти слоев, из которых состоит эта сакуала, не может своею бедностью вызвать в читающем ничего, кроме разочарования. Но я не знаю — может быть, даже эти имена пригодятся когда-нибудь. Юмаро́йя. Одгиа́на. Рамн. Вуа́льра. Лиге́я. Фиа́нна. Эра́мо. Вэатно́р. Заоли́та. Ната́лис.

При всей несхожести условий, царствующих в физическом слое Юпитера или Нептуна, с нашими условиями, надо свыкнуться с мыслью, что многие из планет и их спутников обладают брамфатурами. Юпитер даже и в нашем слое, в Энрофе, обитаем высокоразумными существами, но столь отличными от нас и живущими в таких немыслимых для нас условиях, что в плане Энрофа никакого общения между нами не возникнет никогда. Но общение существует в пятимерных слоях обеих брамфатур. Элита Юпитера и его спутников создала внутри Шаданакара два слоя своих инвольтаций, один слой создан Сатурном и его спутниками, один — Ураном и один — Нептуном. Все они составляют сакуалу планетных инвольтаций.

Особое место занимают три слоя — Иора, Ахнос и Гебн: это — сакуала инвольтаций преобразившейся планеты *Дайи*, которой в Энрофе больше нет. Эта планета вращалась некогда между Марсом и Юпитером. Демиургическая деятельность на ней привела, уже очень давно, к изгнанию демонических сил на противостоящую ей брамфатуру ее спутника. Дайя вступила в свой т р е т и й э о н, то есть была физически преображена и исчезла из мирового Энрофа. Спутник же подвергся катастрофическому распаду (астероиды — его обломки), и демонические полчища развеялись в космическом пространстве. Когда наш научный инструментарий будет достаточно силен, чтобы наблюдать планеты других звездных систем, мы иногда будем свидетелями внезапного, на протяжении всего нескольких часов, исчезновения некоторых из этих планет. Вероятно, ученые построят для объяснения этого явления ряд остроумных гипотез прежде, чем признают, что в этих случаях происходит то же, что некогда произошло с планетой Дайей.

Сакуала солнечных инвольтаций насчитывает девять слоев. Опять-таки, одни только названия… Ра́ос. Фле́рмос. Тра́мнос. Ги́мнос. Ара́я. Нигва́я. Тримо́йя. Дера́йн. Ио́рдис.

И четыре названия для слоев инвольтаций Центра Галактики — Астрафайра: Грезуа́р, Мале́йн, Вируа́на, Люва́рн.

К числу сакуал инвольтаций лишь частично относится система, которую правильнее назвать брамфатурой, хотя ныне она входит в Шаданакар, объемлясь его пятимерными и шестимерными слоями. Это — Лунная брамфатура.

Я не знаю точно, когда закончилось в Энрофе развитие лунного человечества — селенитов; во всяком случае, это произошло чрезвычайно давно, почти миллион лет назад. Но развитие там шло гораздо более медленными темпами, хотя от появления органической жизни на поверхности Луны до возникновения там высокоразумных существ потребовалось значительно меньше времени, чем для аналогичного процесса у нас. Вообще, идея, будто миры физически меньшего масштаба должны непременно эволюционировать быстрее, не всегда применима к отдельным периодам развития органической жизни на них, а тем более к темпам развития разумных существ. Но интуиция Уэллса о внешности этих существ, описанных в его увлекательном романе, поразительна, в особенности если учесть рационалистическую окраску и наукообразную плоскостность его мышления. Он угадал и общую насекомообразность их облика, и мягкоэластичный характер их физических тканей, и способность их тел к видоизменению формы в зависимости от рода деятельности, и высоту их технических достижений, и даже то, что к концу была отчасти использована и внутренность планеты.

Трагедия селенитов заключалась в победе *Воглеа* — лунного демона женственной природы. Может вызвать недоумение, каким образом в этой рассудочной цивилизации проявилась деятельность именно женственно-демонического начала? Но существует особая разновидность рассудочности, именно женская, и далеко не везде она выражена так слабо, как в нашем человечестве. У селенитов она проявилась с особою силой и сказалась, в частности, в том, что их техника была по своим принципам гораздо магичнее, чем человеческая.

Этапы духовного и культурного спуска селенитов были таковы: дьяволочеловечество — вырождение — гибель под грузом техники. Прогрессирующая бездуховность привела к тому, что селениты, дичая, не могли справляться с собственными машинами и погибли от холода и голода. Но в состав Лунной брамфатуры мир Воглеа входит до сих пор. Чрезвычайно долго он находился в своеобразной полуизоляции, враждуя и с силами Света, и отчасти с Гагтунгром. Но в последнее время между ним и планетарным демоном Шаданакара намечается компромисс и даже союз — консолидация сил ради изгнания из Шаданакара начал Света. Один демонический слой Шаданакара, так называемый Дуггур — о нем речь впереди, — тесно связан с эманациями Воглеа. Теперь эта сине-серая, обольщающая и засасывающая демоница восстанавливает особый слой — лунный ад, куда будут низвергаться, с согласия Гагтунгра, жертвы Дуггура; до сих пор некоторые из этих жертв

пожинали еще более страшный удел — выбрасывание из Шаданакара в пустоты Галактики.

Миру Воглеа противостоят три остальных слоя Лунной сакуалы. *Сольдбис* — видимый из затомисов на лике Луны: это мир обитания множества просветленных — тех, кто в свое время трагически отстал; их последняя инкарнация в Энрофе пришлась на эпоху лунного дьяволочеловечества и вырождения; весь огромный последующий период ушел на исправление и постепенное просветление в Сольдбисе. Другой мир — *Лаал*, лунная элита. Очень много селенитов поднялось уже еще выше, в Элиту Шаданакара. И, наконец, третий, светлейший из лунных миров — *Танит*, обитель лунной богини.

Если тонким анализом разложить на составные пряди то, что мы чувствуем в лунные ночи, то мы убедимся в наличии следующих компонентов нашего переживания. Первый: предчувствие гармонии; это действуют на нас Сольдбис и Лаал. Второй: тончайшая тоска о горнем; это зовет нас к себе Танит. И третий: тяготение к сексуальным провалам; это томит нас и искушает Воглеа. Она боится Солнца и всегда отступает от его сияния на неосвещенную сторону Луны. Во время полнолуния нас достигают лишь ослабленные эманации Воглеа — те, что простраиваются сквозь всю толщу земного спутника. Но когда Луна идет на ущерб, Воглеа перемещается вместе с мраком на ту ее сторону, которая обращена к Земле; вот почему так болезненно, мрачно и тяжело действуют на подсознательную сферу многих из нас лунный ущерб и ночи новолуния.

Изложение структуры Шаданакара достигло, наконец, той грандиозной сакуалы, которую мне приходится обозначить такими мучительно громоздкими определениями, как миры того, что можно было бы назвать Высшими Аспектами верховных религий, их чистейшими трансмифами.

Много лет назад, задолго до Отечественной войны, когда я был еще совсем молод, мне явился непонятный, прекрасный и неотступно настойчивый образ: как бы видимая из бесконечного отдаления голубоватая пирамида из хрусталя, сквозь которую просвечивает солнце. Я чувствовал огромность его значения, волны благодати, силы и красоты, изливаемые этим светящимся средоточием, но понять смысл этого образа не мог. Позднее я думал даже, что это преломленный моим ограниченным человеческим сознанием отблеск Мировой Сальватэрры. Детская мысль! Тот, чьей души коснется отблеск Мировой Сальватэрры, становится праведником и пророком. И уж конечно, ее отблеск лишен всякого подобия чему бы то ни было земному.

Лишь много лет спустя и, в сущности, совсем недавно уяснилось для меня, что эта пирамида — не одинока, что с нею как бы согласованы другие, и всего их пять, а шестой в Шаданакаре никогда не будет. Но голубая — действительно одна: остальные — других цветов, и невозможно сказать, которая прекраснее. О, конечно, трансмифы «в себе» трансцендентны для нас; возможно, что «в себе» они не имеют сходства ни с какими геометрическими формами. Но моего сознания они коснулись именно как исполинские хрустальные пирамиды, и, по-видимому, в наличии именно таких образов есть глубокий смысл.

Позднее меня поразило другое: что одна из пирамид, меньших размеров, но удивительной, какой-то нездешней белизны, есть наивысший трансмиф религии, которую я лично никогда бы не мог отнести к числу мировых или верховных: трансмиф зороастризма. Недоумение это до сих пор не рассеяно. Я до сих пор не могу уяснить, каким образом эта локальная религия, исторически давно угасшая в Энрофе и, как мне кажется, не столь уж богатая мифологией, оказывается отражением такой колоссальной и только ею исповедуемой реальности. Называется этот мир *Азур*.

Другая пирамида, тоже небольших сравнительно масштабов, но золотая, мне понятнее. Это — наивысший аспект иудейства, — тот аспект, который оставляет далеко внизу антихристианскую непримиримость своего земного двойника, тусклого и мутного. Это тот золотой мир небесной славы, который сквозил в видениях великих мистиков Каббалы, в прозрениях пророков и для которого кропотливая пряжа Талмуда — как пыль долин для владык горных высот. Имя золотой пирамиды — *Аэ*.

Исполинская пирамида, цвет которой напоминает наш сиреневый — наивысший аспект индуистского трансмифа. Сложный этот мир слоится, и внешний из его слоев — конечная цель Веданты и Йоги, высший слой Синклита Индии, намек на который мы нашли бы в индийской философии под именем *Нируддхи*. О другом слое — *Эройе* — и еще об одном, имя которого я не имею права произносить, могу сказать только, что хотя в этих мирах обитают также и те, кто был когда-то людьми, но они здесь скорее гости. Последний из слоев сиреневой пирамиды — *Шатриттва*, обиталище многих иерархий индуистского пантеона. Но говорить о точном соответствии образов этого пантеона иерархиям трансмифа можно только отчасти, в отдельных случаях. Под одним и тем же именем Кали-Дурги, например, в Энрофе почитаются инстанции совершенно различных высот, масштабов, ступеней космической иера́рхии: от «Всенародной Афродиты» Индии до Приснодевы — Матери Вселенной.

Не менее велика и зеленая пирамида — состоящий из двух слоев мир наивысшего аспекта буддизма. Распространено заблуждение о том, что будто бы буддизм, по крайней мере южный, атеистичен. В действительности на высших ступенях Хинаяны, как и джайнизма, никакого атеизма, конечно, нет. Но начиная с Гаутамы и Махавиры мыслители и проповедники считали, что для масс лучше подчеркивать несущественность вопроса о Боге в деле духовного спасения, чтобы на Бога не перекладывались те усилия, к которым обязан сам человек. Да и как иначе могли бы мыслить о Боге те, чья *Нирвана* — первый из двух слоев великой зеленой пирамиды? Второй же слой принадлежит *дхиани-бодхисаттвам*, иерархи́ям, осуществляющим водительство людьми буддийских метакультур. С предельной серьезностью следует относиться к утверждению духовных пастырей Тибета о том, что большинство далай-лам — перевоплощения дхиани-бодхисаттвы Авалокитешвары. Буквальное понимание этого утверждения показало бы, что ясность нашего сознания еще не превысила той ясности, которая достижима в определенных конфессиональных рамках; но если бы мы поняли, что тезис о перевоплощении Авалокитешвары в преемственном ряду далай-лам есть подогнанная под

уровень народного понимания форма намека на факт инспирации большинства далай-лам этой великой иерархией, — мы были бы недалеки от истины. Предпоследний из тибетских далай-лам был инспирирован не вполне, а ныне правящий — не что иное, как подмена; отсюда и его поведение.

Голубая же пирамида, манящая меня двадцать лет, — *Небесный Иерусалим* — высший трансмиф христианства. Это — то, что стоит за такими утверждениями христианского учения, которые общи и для католиков, и для православных, и для лютеранина, и для абиссинца, и для будущих последователей Розы Мира. «Утверждения», — сказал я, но это не точно; потому что это единое для всех, общее для всех почти невозможно выразить в словесных формулах. Небесный Иерусалим — высший слой синклитов христианских метакультур; и все же это еще не Церковь. Церковь — это высшие миры Шаданакара. И прежде чем приблизить к ним это изложение, придется обратиться вспять, глубоко вниз, в огонь и мрак, ибо без понимания устрашающих и грозных в своем могуществе демонических сакуал нельзя правильно приблизиться мыслью также и к высшим слоям Шаданакара.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
СТРУКТУРА ШАДАНАКАРА. ИНФРАФИЗИКА

Глава первая
ОСНОВА

Один из фактов, в которых религиозное сознание до сих пор не отдавало себе отчета, заключается в том, что Троичность Единого Существа, присущая Богу, как бы повторяется или воспроизводится и в некоторых из сотворенных Им монад. Грубое выражение «дьявол — обезьяна Бога» имеет глубокий и многообразный смысл; одно из важнейших его значений состоит именно в искажающем, перевернутом повторении великими демоническими монадами внутренней тайны Божества: Его Троичности. О сущности триединства Люцифера я, конечно, не могу сказать ничего: эти инстанции столь безмерно превышают все возможности нашего понимания, что вряд ли вообще можно осознать о них что-либо, кроме самого факта их существования, факта их отпадения в незапамятные времена и еще одного факта: их постоянной богоборческой деятельности.

Сущность Гагтунгра, великого демона Шаданакара, несмотря на его исполинские, сравнительно с нами, масштабы, может быть, при благоприятных условиях, осознана в несколько большей степени. Главное, становится ясной его троичность, хотя причины этой троичности, ее происхождение и цель — если в ней есть цель — остаются не раскрытыми.

Прежде всего уясняется, что здесь налицо какой-то кощунственный параллелизм ипостасям Пресвятой Троицы. Но вопрос о сущности Божественного Триединства — едва ли не глубочайшая из проблем богословия — может быть хотя бы немного затронут лишь в другой части книги; поэтому и сущность параллелизма, о котором я упоминаю, осветить в настоящей главе еще невозможно. Можно только сказать, что Первой ипостаси Божественного Триединства Гагтунгр стремится противостоять своим первым лицом — Великим Мучителем, Второй ипостаси — вторым лицом, которое точнее всего охарактеризовать наименованием Великой Блудницы, а Третьей ипостаси Троицы противостоит антипод, именуемый Урпарп: это осуществитель демонического плана; в некотором смысле его можно назвать *принципом формы*, это — та сторона великого демонического существа, которая открывается в жизни различных слоев Шаданакара как начало, активно переделывающее их данность согласно замыслам и целям Мучителя, начало формирующее. Великая Блудница — ее имя Фокерма — сторона демонического существа, втягивающая, всасывающая души и судьбы в орбиту Гагтунгра. Первое же лицо — Гистург, Великий Мучитель — последняя глубина демонического Я, носитель высшей воли, власти и желания.

Безмерно жуток его облик, каким видели его духовные очи немногих людей, проникших в темные высоты Дигма — мира его обитания. Как бы возлежащий на бушующем лиловом океане, с черными крыльями, раскинутыми от горизонта до горизонта, он поднимает свое темно-серое лицо в зенит, где полыхают инфралиловые зарева, раскачиваются и гаснут протуберанцы, а в самом зените блещет светило непредставимого цвета, отдаленно напоминающего фиолетовый. Горе тому, на кого Гагтунгр опустит свой взор и кто этот взор встретит открытыми очами. Из всех носителей темных миссий среди людей, восхищенных позднее в Дигм, кажется, только один (Торквемада) нашел в себе силы вспомнить в этот миг Божье имя. Остальные монады стали рабами дьявола на неисчислимые века.

Кроме Гагтунгра, в Дигме находятся также избранники зла: монады немногих людей, слившиеся со своими демонизированными шельтами, и столь же немногие души некоторых существ демонической природы, в том числе — великих игв, темных водителей античеловечества, уже закончивших свой путь в различных, более плотных материальных слоях. Здесь они творят богоборческий план, здесь простираются перед Гистургом, наслаждаются близостью Великой Блудницы и приобщаются пучинам познания через лицезрение Урпарпа.

Имеется в Шаданакаре и еще более высокий демонический слой: это многомерный *Шог*, материальность которого создана великими демонами макрофрамфатур. Сюда втекают мощные потоки инспирирующих, инвольтирующих богоборческих сил из глубины Вселенной, и никто, кроме Гагтунгра, не может вступить в этот слой; остальные, и то в редчайшие минуты, способны видеть его лишь извне. В эти минуты они воспринимают то светило невыразимого цвета, которое пылает в зените Дигма, уже не как сферу, но как пульсирующую арку, перекинутую от края и до края, а цветом схожую опять-таки с фиолетовым. Это — антикосмос Галактики, средоточье в ней сил самого Люцифера. Временами арка как бы прогибается вовнутрь и силы Люцифера льются в Шог. Тогда Гагтунгр, приемля их в себя, воздевает свои крылья в черное небо. Так, по крайней мере, воспринимают те, кто видит Шог снаружи. Сами же по себе явления и формы этого мира для нас трансцендентны.

Есть, впрочем, в Шаданакаре и другие слои, откуда может быть зрим антикосмос Галактики, хотя и в ином аспекте. Антикосмосы всех брамфатур, и Шаданакара в том числе, — двухмерны: это как бы бесконечные плоскости. Все они пересекаются между собой в одной и той же линии; ее можно было бы назвать демонической осью Галактики. Для облегчения понимания я привлеку на помощь некоторую условную пространственную модель. Возьмем книгу, поставим ее вертикально на корешок, развернув ее и растрепав страницы, и двухмерную плоскость каждой из ее страниц продолжим мысленно в бесконечность. Все эти плоскости окажутся пересекающимися друг с другом под различными углами, но все — в одной вертикальной линии, находящейся внутри корешка. Космический прообраз этой линии пересечения всех плоскостей и есть демоническая ось Галактики, ее антикосмос. Естественно, что он будет зрим для любого существа, обитающего в любом из этих двухмерных плоскостных миров, в том числе и из соответствующего слоя Шаданакара.

Двухмерный слой Шаданакара иногда именуется адом, но этот термин здесь не вполне уместен: слой этот — не страдалище человеческих душ в их посмертии, но обиталище большинства демонических существ нашей планеты. Можно называть его Антикосмосом Шаданакара, но и это не совсем точно, потому что Божественному Космосу противостоит не один этот слой, а все демонические миры, он же является лишь, так сказать, главной демонической цитаделью. Настоящее имя его *Гашшарва*.

Существа, пребывающие там, можно, если угодно, считать находящимися в состоянии воплощения; впрочем, понятие воплощения вообще крайне относительно. Монады этих существ всегда находятся высоко в Дигме и Шоге, шельты же их влачат свое существование между воплощениями, по большей части, на одномерном Дне Шаданакара — в ужасном мире.

Гашшарва — ядро системы, создаваемой демоническими силами Шаданакара в противовес Божественному Космосу, в предполагаемое ему замещение. Не лишенный торжественности, но угрюмый, этот мир любому из нас не мог бы не показаться жутким. Большое число временных координат при наличии лишь двух пространственных создает особую д у х о в н у ю д у х о т у. Для всякой монады процесс вхождения ее шельта в этот мир мучителен: он напоминает ощущение, возникающее при затягивании тела в тесный железный корсет. Чем меньше пространственных координат, тем материальность мира плотнее. Однако среда этого мира все-таки схожа с воздухом, а почва, совершенно плоская и однородная, более твердая, чем любой материал Энрофа. Никакого эквивалента растительности нет. Источник света состоит в самоизлучении существ и некоторых искусственных сооружений, причем синего и зеленого цветов здесь не воспринимают, но зато воспринимают два инфракрасных. Один из них я буду условно именовать инфралиловым, подчеркнув, что к ультрафиолетовому он не имеет отношения, а впечатление, производимое им, ближе всего к тому, какое оказывает на нас очень густой, темный и в то же время интенсивный лиловый цвет.

Антикосмос Галактики, видимый из Дигма как светило совершенно невообразимого и непередаваемого цвета, а из Шога — в виде титанической, пылающей и пульсирующей инфралиловой арки, перекинутой через зенит, из Гашшарвы представляется как бы участком горизонта, посылающим равномерное инфралиловое свечение из бесконечно удаленных пространств.

Всех обитателей Гашшарвы связывает между собой тирания Гагтунгра и вместе с тем нечто вроде союза общих интересов. Гагтунгра они ненавидят, но, конечно, все же не так, как Бога. Здесь обитают хозяева нижних чистилищ, магм и ядра — трех сакуал Возмездия.

«Поверженный Демон» Врубеля двузначен, двуслоен: это и память о прозрении в Дигм, о Гагтунгре, раскинувшем крылья до горизонта; это и метапортрет, правильнее — инфрапортрет одного из демонов, мелких сравнительно с ним: хозяев чистилищ. Ангелами мрака именуются они, и это наименование соответствует вполне их облику: в них есть некоторое человекоподобие, у них широкие крылья удивительной красоты, а в пурпуровой

и багряной окраске этих крыльев чудится нечто царственное. Но на врубелевском полотне эти дивные крылья поломаны: гениальная интуиция художника этой деталью передала роковую ущербность обитателей Гашшарвы. В действительности их крылья не повреждены, но самая возможность пользования ими мучительно сужена, так как в плотной, хотя и прозрачной среде этого слоя возможно только медленное продирание сквозь материальность, а не полет. Серый, как пепел, цвет лиц ангелов мрака отталкивающ и ужасен, а в чертах совершенно обнажена их хищная и безжалостная природа. Будучи хозяевами нижних чистилищ, они восполняют убыль своих жизненных сил тем, что впивают гаввах людей, вовлеченных в чистилища своею кармой. Проникая из Гашшарвы в эти чистилища, они находят там менее плотную среду, в которой полет угловатый, неровный, как бы рывками и зигзагами, все-таки возможен.

Совершенно лишены человекоподобия другие обитатели Гашшарвы, хозяева магм: их называют рыфрами. Скорее всего, подобна каждая из них движущейся гряде холмов. Есть нечто вроде лица, но очень размытое.

Может быть, читающий эту книгу упрекнет меня в недостатке воображения или в том, что я верен христианской традиции как раз в самых неубедительных ее частностях. Но ведь именно игру воображения я стремлюсь изгнать с этих страниц, и чем беднее они фантазией — тем лучше. А из христианской традиции здесь остается не то, что лично я предпочел бы, но то, что получило подтверждение в моем духовном опыте. К сожалению, такое подтверждение получили и образы некоторых существ, возвещенных христианской демонологией. Как ни странно, но существа, похожие на пресловутых чертей, действительно есть, и, представьте себе, даже с хвостом и рогами. Они обитают в Гашшарве и пользуются сомнительным удовольствием быть хозяевами *Ядра* — сакуалы, состоящей из самых ужасающих страдалищ Шаданакара. Вообще, оказывается, что многие из легенд, к которым мы привыкли относиться с улыбкой либо же, в лучшем случае, усматривая в них символический смысл, следует понимать вполне буквально. Испытание для рассудка нашего века воистину непосильное!

Круг обитателей Гашшарвы причудлив и пестр. Из них я знаю еще могучих демонов женственной природы, которых условно привык называть велгами. Это — гиганты. В истории человечества они проявляются иногда как умножательницы жертв и вдохновительницы анархий. О каком бы то ни было подобии не только людям, но даже чудовищам нашего мира здесь надо забыть совсем: это скорее огромные, свивающиеся и развивающиеся покрывала, черные и лиловые. У каждого народа Велга, кажется, только одна; во всяком случае, в России — одна, очень древняя. Сроки их инкарнаций в Гашшарве — если это считать инкарнациями — исчисляются, по-видимому, многими веками.

Некогда все эти существа обитали на поверхности Земли, но не в Энрофе, а в слое приблизительно такой же плотности и даже похожем на него отдаленно. Созданный Гагтунгром в самом начале истории Шаданакара, слой этот давно уже перестал быть. Внешние формы демонических существ были в том мире мельче и вообще несколько иными. Но они не могли чувствовать себя там хозяевами: они были сжаты, стеснены светом. Под его влиянием их

естество должно было измениться; оно переставало соответствовать их демонической сущности. Теперь в Гашшарве им жизнь дается нелегко, но там они все-таки остаются самими собою.

Есть еще и другие существа, гнездящиеся там, но мне они неизвестны. Зато известно, что там находятся некоторые из числа тех, кто были в Энрофе людьми: носители специальных темных миссий. Впрочем, здесь они почти не страдают. Задача в другом: в Гашшарве они заботливо подготавливаются силами Гагтунгра к очередному воплощению в человечестве.

Из каких побуждений подобная миссия может быть принята человеческим шельтом? — Дантес принял ее из страха. После смерти низвергнутый сквозь все слои на Дно Шаданакара, он был взят оттуда в Гашшарву силами Урпарпа и некоторое время спустя вновь родился в Энрофе. Не знаю, умер ли он уже опять, но совсем недавно он существовал в России, где, выполняя новую темную миссию, погубил несколько крупных дарований. Иногда же темную миссию принимают и добровольно, из жажды власти, из жажды крови, из врожденного тяготения ко злу. Так было, например, с Тимуром, прошедшим в посмертии те же круги, что и Дантес, но гораздо медленнее. Поднятый наконец в Гашшарву, он принял новую миссию в силу безвыходности. Миссия эта была несравненно мельче, чем первая: Гагтунгр любит издеваться надо всеми, в том числе и над своими марионетками.

Силам Света нередко приходится спускаться в Гашшарву. Эти спуски мучительны, но они вызываются необходимостью: этого требуют обстоятельства борьбы с ратями Гагтунгра. Обитатели Гашшарвы видят своих проникающих сюда врагов, но воспрепятствовать их проникновению бессильны.

Демоническая Основа включает еще один мир: мир одномерного пространства и одномерного времени. Это *Дно* Шаданакара, страдалище демонических шельтов и немногих людей — носителей темных миссий.

Дно возникло в самом начале существования нашей брамфатуры усилиями Гагтунгра и еще более могучих, чем он, темных сил. Эта материальность самая плотная из всех возможных. Материальность Энрофа до какой-то степени уподобляется ей только во внутренностях звезд или в таких чудовищных телах нашей Галактики, как «белые карлики». Трудно представить, как в подобных условиях может все-таки осуществляться движение. Однако оно на Дне Шаданакара есть, для сознающего существа мучительное в высочайшей степени. Вызывается же оно необходимостью поддерживать жизненные силы, так как в противном случае существо будет затянуто в некий провал, ведущий в места, еще более печальные: на Дно Галактики.

Все это помогает окончательно уяснить относительность понятия «воплощение». Демоны, воплощенные в Гашшарве или в некоторых других слоях трех и даже четырех измерений, после смерти погружаются на Дно, где их ждет новое тело, самое плотное из возможных. Таков закон кармы, обращающийся вторым острием против самих демонов. Излучениями их страданий на Дне восполняет убыль своих жизненных сил сам Гагтунгр. Бунтовать против закона кармы? Но ведь во время их воплощений во всех других слоях именно этот закон является для них источником сил жизни. Восставать против него — значит отвергнуть гаввах как пищу, значит противопоставить себя

всему демоническому стану, всему антикосмосу, — то есть перестать быть демонами.

Подобным Дном обладает всякая брамфатура нашей Галактики, кроме тех, которые свободны от демонических сил; следовательно, таких «днищ» в Галактике — миллионы. И подобно тому как двухмерные космические плоскости многих антикосмосов или гашшарв скрещиваются в общей линии, точно так же скрещиваются в единой точке схода все космические линии галактических днищ. Точка эта находится в системе звезды Антарес. Отнюдь не случайно эта звезда, именуемая иначе Сердцем Скорпиона, служила во многих мифологемах древности и Средних веков олицетворением зловещих, даже дьявольских сил. Огромная планетная система этой звезды — средоточие богоборческих полчищ Галактики, их обиталище в трехмерном мире; это также титаническая метабрамфатура демонов, Антикосмос нашего Млечного Пути в той мере, в какой этот Антикосмос вообще проявляется в Энрофе. Я уже говорил, что брамфатуры, в которых победили демоны, — недолговечны, и великая планета — спутник звезды Антарес, инвольтирующая на Дно Шаданакара теперь, скоро распылится, но ее место займет другая. Та же, которая инвольтировала в эпоху создания Шаданакара, погибла миллионы лет назад.

В наших широтах звезда Антарес бывает видна поздней весною и летом низко над южным горизонтом, и многие хорошо помнят яркую пульсацию ее винно-красных лучей. Со Дна же Шаданакара не видно ни Солнца, ни других небесных тел — ничего, кроме неподвижной Антарес, в которую Дно упирается одним концом. Оттуда она кажется инфракрасной. В противоположном направлении пространство этого одномерного мира гаснет вместе с приближением к поверхности земной сферы. В ту сторону не видно ничего. Там-то и таится провал на лишенное времен Дно Галактики.

Трудно представить, каким образом тело, самое плотное из всех, являет собою нечто вроде самого простого, что мы в силах представить: нечто вроде черной линии. Еще труднее понять, что у этих существ сохраняется эквивалент зрения и даже осязания. Самое же непонятное, пожалуй, то, как они вообще в состоянии видеть сквозь предельно плотную среду. Из этой среды они восполняют свои жизненные силы. Общение их между собою возможно, но крайне ограничено. Страдание неописуемо.

Не только Дно, но и все миры демонической Основы возникли, как я уже говорил, в период остывания физического тела Шаданакара. До появления органической жизни в Энрофе деятельность Гагтунгра клонилась к попыткам создать для демонических сил слой обитания на поверхности земли, а когда это не удалось — к укреплению и развитию Гашшарвы и других слоев, связанных с нижними слоями коры, с магмами и ядром планеты. Когда же в Энрофе возникла органическая жизнь, его деятельность направилась на завладение царством животных — это отчасти удалось — и на утяжеление законов демиургов. В итоге равнодействия этих двух сил сформировались основы тех законов Природы и Кармы, в которых мы живем.

Религиям семитического корня свойственно стремление возложить ответственность за жестокость законов на Божество. Как ни удивительно, но не вызывала протеста, даже просто не осознавалась самая их жестокость, по

крайней мере жестокость законов возмездия. С непостижимым для нас спокойствием даже праведники христианских метакультур мирились с представлением о вечных страданиях грешников. Абсурдность вечного воздаяния за временное зло не волновала их разума, а совесть — непонятно как — удовлетворялась идеей о предвечной незыблемости, то есть безвыходности этих законов. Но то состояние разума и совести миновало давно. И нам кажется кощунственной мысль, будто этот Закон, в том виде, как он существует, создан по божественному произволению.

Да, ни единый волос не упадет без воли Отца Небесного, не шелохнется ни единый лист на дереве. Но это следует понимать не в том смысле, что весь мировой Закон в его совокупности есть проявление Воли Божией, а в том, что становление свободных воль, которое представляет собой Вселенная, санкционировано Богом. Из наличия множества свободных воль проистекла возможность отпадения некоторых из них; из их отпадения проистекла их борьба с силами Света и создание ими Антикосмоса, противопоставляемого Космосу Творца.

С самого начала возникновения живой жизни в Энрофе Гагтунгр и его стан наложили свою лапу на законы этой жизни. Изменить законы средних слоев Шаданакара им не удалось, но многие виды и классы животного царства и некоторые слои стихиалей подпали их владычеству — полностью или частично. Отсюда и двойственность того, что мы называем природой: красота, одухотворенность, гармоничность, дружественность — с одной стороны, всеобщее взаимопожирание живых существ — с другой. Неужели не очевидно, что и та и другая сторона одинаково реальны? Неужели хоть один человек с совестью и умом, сколь горячо он ни любил бы природу, дерзнет сказать, что ее гармония покрывает и снимает то безбрежное море страданий, какое являет эта самая природа непредубежденным очам? И неужели найдется хоть один человек, который, вопреки этому морю страданий, столь явному, столь неоспоримому, так неумолчно оглушающему нас стонами и криками живых созданий, хоть изредка не переживал бы природу как необъяснимую, вопреки всему пребывающую гармонию и несравненную красоту? Почему же случилось так, что это роковое противоречие до сих пор не понято и не разрешено? Не потому ли, что религиозная мысль на Западе свыше двадцати веков находится в плену идеи абсолютного всемогущества Бога и вытекающих отсюда предрассудков о единстве Природы, а на Востоке устоявшийся философский монизм не дает приблизиться к пониманию ее двойственности?

Глава вторая
МИРЫ ВОЗМЕЗДИЯ

В эпоху первобытных обществ демонические силы были заняты торможением их развития и подготовкой слоев трансфизических магм и ядра к приему миллионов душ грядущего человечества. Несколько позднее, уже в исторические времена, были созданы шрастры и сакуала уицраоров. Большинство чистилищ возникло в еще более поздние эпохи.

Изложение миров возмездия начинается с чистилищ потому, что они ближе к нам, чем другие; они соизмеримее с понятиями, привычными для нас, а в случаях нисходящего пути после смерти спуск начинается именно с чистилищ. В большинстве случаев чистилищами он и ограничивается.

Слово «чистилище» взято из католичества, но с католическими представлениями панорама того, о чем пойдет речь, совпадает далеко не во всем. Можно было бы применить к этим слоям также термин «шеолы», но иудаистические картины этих теневых стран умерших тоже отнюдь не будут повторены в моем изложении.

Чистилища различных метакультур несколько отличаются друг от друга; даже отдельно взятое, каждое из них претерпевает значительные изменения на протяжении веков. Сформировались они тоже в различные эпохи. В метакультурах древности, включая Византию, их не было вообще. Точнее — на их месте были миры безысходного страдания; отголосок мистического знания о безвыходности страдалищ явственно слышен в большинстве древних религий.

Древнейшие из чистилищ принадлежат к метакультуре Индийской: именно этот синклит первым в истории человечества достиг такой мощи Света, какая была необходима для того, чтобы воспрепятствовать силам Гагтунгра превратить в страдалища сакуалу некоторых слоев искупительного посмертия, которую Индийская метакультура унаследовала от древнейших человечеств — даймонов и титанов. Позднее в чистилища были превращены некоторые слои метакультур еврейства, христианства и ислама: здесь решающее значение имело воскресение Иисуса Христа, Его схождение в демонические миры и последовавшая затем, в течение ряда веков, борьба христианских синклитов с демонами за смягчение закона Возмездия. Но в Византийской метакультуре эта борьба победой не увенчалась. Вражеский стан оказал непреодолимое сопротивление; в итоге этой борьбы Византийская метакультура оторвалась от Энрофа. Я мимоходом упоминал уже о многозначительности того обстоятельства, что византийское православие не приняло идеи чистилищ, когда она появилась в западной церкви. В ужасающих перспективах *вечных* мук, ожидающих грешную душу, следует искать и горючее вещество того аскетического максимализма, которым пламенел византийский религиозный дух до самого конца своей истории. Да, перед духовидцами Византии эсхатологическая глубь разверзалась со всеми крайностями своей демонической жестокости. Приходится удивляться не отчаянным эксцессам аскетизма в этой стране, а скорее тому, что не во всех метакультурах, лишенных чистилищ, подобные эксцессы имели место.

В Российской метакультуре первый шеол был создан в XII веке, будучи преобразован из страдалища силами Христа. С течением времени он несколько изменил свой вид; изменились и те кармические грузы, которые влекут умерших в этот мир. Впрочем, механическая сторона действия закона Возмездия остается, конечно, неизменной всегда и везде: она состоит в том, что нарушение нравственных законов влечет за собой утяжеление эфирного тела совершившего. Пока он жив, утяжеленное эфирное тело остается как бы на поверхности трехмерного мира; при этом тело физическое играет роль

спасательного круга для утопающего. Но как только связь между ними разрывается смертью, эфирное тело начинает погружаться глубже и глубже, из слоя в слой, пока не достигнет равновесия с окружающей средою. Таков, в основном, механизм. Но есть и существа, которые следят за его безотказным действием: *блюстители кармы*. Это совсем особая категория; среди разнообразных демонов Шаданакара это — пришельцы. Когда демонические полчища планеты Дайи были изгнаны из ее брамфатуры прочь, в брамфатуру ее спутника, а спутник вскоре затем погиб и превратился в стаю мертвых кусков — астероидов, его демонические обитатели рассеялись по мировому пространству в поисках новых пристанищ. Часть их вторглась в Шаданакар, заключив некое подобие договора с силами Гагтунгра. Это существа высокого интеллекта, но с холодной, как лед, сферой чувств. Им равно чужды ненависть и любовь, злоба и сострадание. Они взяли на себя заботу о механизме кармы, восполняя убыль своих жизненных сил эманациями душевных мук тех людей, что после жизни в Энрофе принуждены опускаться в Скривнус, Ладреф и Мород — верхние слои чистилищ. Размеры этих существ огромны; они полупрозрачны и серы, как мутное стекло, тела их прямоугольны, а в мордах, как это ни странно, есть сходство с мордами сторожевых собак: торчащие уши и зорко наблюдающие глаза. С силами Света они вступают в борьбу только тогда, когда эти силы предпринимают труд по смягчению законов кармы и преобразованию чистилищ.

Первое из чистилищ именуется *Скривнус*. Это — картина обезбоженного мира и обезбоженного общества безо всяких прикрас. Бесцветный ландшафт; свинцово-серое, никогда не волнующееся море. Чахлая трава, низкорослые кустарники и мхи напоминают до некоторой степени нашу тундру. Но тундра хотя бы весной покрывается цветами; почва же Скривнуса не взрастила ни одного цветка. Обиталищами миллионных масс тех, кто были людьми, служат здесь котловины, замкнутые среди невысоких, но неприступных откосов. Скривнус не знает ни любви, ни надежды, ни радости, ни религии, ни искусства; никогда не видал он и детей. Нескончаемый труд прерывается лишь для сна, но сны лишены сновидений, а труд — творчества. Какие-то огромные пугающие существа бодрствуют по ту сторону откосов; время от времени они швыряют оттуда груды предметов, как бы скользящие по воздуху. Каждый из предметов сам находит того, кто над ним должен работать: чинить никому не нужную ветошь, мыть что-то вроде измазанных маслом и грязью склянок, надраивать металлические обломки. И работа, и сон протекают преимущественно в баракообразных домах, длинных, перегороженных внутри барьерами высотой до пояса.

Облик обитателей сохраняет полное человекоподобие, но черты смыты и разглажены. Они напоминают блины, почти полностью схожие друг с другом. Впрочем, память о существовании в Энрофе не только сберегается в душе обитателей, но и гложет их, как мечта об утраченном рае. Самое неотступное из мучений Скривнуса — это скука безысходного рабства, это нудность труда, это отсутствие перспектив, каких бы то ни было.

Ибо не перспективой, а кошмаром вечно нависающей угрозы представляется единственно реальный выход отсюда. Выход этот заключается в

том, что на море показывается черный, похожий на ящик корабль, быстро и бесшумно скользящий к берегу. Его появление повергает обитателей в панический ужас, так как ни один не знает, застрахован ли он от поглощения кромешною темнотой трюма. Забрав некоторое число их — тех, кого груз кармы обрекает на страдание в более глубинных слоях, — корабль отчаливает. Заключенные в трюм не видят совершаемого пути. Они чувствуют только, что движение по горизонтали сменяется спиральным спуском, как если бы корабль увлекался в закручивающийся мальстрем.

Скривнусом ограничиваются искупительные страдания тех, чья совесть не омрачена памятью ни о тяжких пороках, ни о преступлениях, но чье сознание в Энрофе было отделено от воли и влияния его шельта глухой стеной житейских забот и попечений только о материальном.

Следующий слой похож на предыдущий, но он темней: как будто он застыл в неопределенном сумраке на границе вечной ночи. Здесь ни строений, ни человеческих толп; однако каждый ощущает невидимое присутствие множества других: следы движений, схожие с отпечатками ног, выдают их присутствие. Чистилище это называется *Ладреф*, и кратковременное пребывание в нем испытывают десятки миллионов. Это — следствие маловерия, не дававшего силам духовности проникать в естество человека и облегчать его эфирное тело.

Тот, кому предстоит дальнейший спуск, субъективно воспринимает его так, как если бы он заснул и внезапно проснулся в изменившейся обстановке. В действительности же демонические существа — осуществители кармы — переносят его во время забытья в другой поток времен, хотя число пространственных координат — три — остается неизменным во всех шеолах.

Искупающий свою карму оказывается среди полного мрака, где слабо фосфоресцируют только почва да редкие эквиваленты растений. Благодаря светящимся скалам ландшафт не лишен кое-где мрачной красоты. Это последний слой, где еще имеется то, что мы обобщенно называем Природой. Следующим слоям будет свойственен только урбанистический ландшафт.

Здесь, в *Моро́де*, царствует абсолютная тишина. Каждый пребывающий в этом мире других обитателей не воспринимает совсем и уверен в своем полном одиночестве. Тоска великой покинутости охватывает его, как железный панцирь. Напрасно метаться, молиться, звать на помощь, искать: каждый предоставлен общению только с собственной душой. А душа преступна, ее память запятнана совершенным на земле злодеянием, и для такой души нет ничего более пугающего, чем уединение и тишина. Здесь каждый уразумевает смысл и масштабы совершенного на земле зла и выпивает до дна чашу ужаса перед своим преступлением. От этого бесконечного диалога с самим собой несчастного не отвлекает ничто, даже борьба за существование. Потому что никакой борьбы тут нет, пища кругом в изобилии, ею служат некоторые виды почв. Одежда? Но в большинстве слоев, в том числе и в Мороде, эфирное тело само излучает облекающую его ткань: ту, которую мы заменяем одеждой. И если в мирах Просветления она прекрасная и светящаяся, то в Мороде творческая ущербность его обитателей позволяет создавать только эфирные клочья. Впрочем, подобное нищенское рубище облекало астрально-эфирное существо искупающего уже в Ладрефе.

Того, чью совесть не может очистить и Мород, ждет уже не спуск в следующий слой, а внезапный и устрашающий провал в него: это схоже с трясиной, в которую несчастный попал неожиданно для себя и которая засасывает его: сперва ноги, потом туловище, наконец голову.

Повествование достигло *Агра*, слоя черных паров, между которыми вкраплены, как острова, черно-зеркальные отражения великих городов Энрофа. Этот слой, как и все чистилища, не имеет космической протяженности. Поэтому здесь ни солнца, ни звезд, ни луны: небо воспринимается как плотный свод, окутанный постоянной ночью. Некоторые предметы светятся сами, тускло светится и земля, точно пропитанная кровью. Цвет здесь преобладает один: в Энрофе мы не способны видеть его, и по впечатлению, производимому им, он скорее всего напоминает темно-багровый. Кажется, это тот самый невидимый свет, который в физике называется инфракрасным.

Я очень немного, едва-едва, знаком с инфра-Петербургом. Помню, что там тоже есть большая, но черная, как тушь, река и здания, излучающие кроваво-красное свечение. Это подобно отчасти иллюминациям наших праздничных ночей, но жутким подобием. Внешний облик тех, кто пал в этот мир, напоминает, до некоторой степени, облик гномов: человекоподобие еще сохранено, но формы уродливы и убоги. Рост уменьшен. Движения замедлены. Никакой материальности, заменяющей одежду, их тело уже не излучает; царствует беспомощная нагота. Одно из мучений Агра — чувство бессильного стыда и созерцание собственного убожества. Другое мучение в том, что здесь начинает впервые испытываться терпкая жалость к другим подобным и приходит понимание своей доли ответственности за их трагическую судьбу.

Третья же мука этих несчастных — страх. Он порождается наличием в Агре еще других существ, хищниц демонической природы: они называются волграми. Когда мы приблизились к зданию, составлявшему темноэфирное тело Инженерного замка, я различил неподвижно сидящее на его крыше существо, огромное, величиной с ящера мезозойской эры. Оно было женского пола, мешковатое и рыхлое, с серою, ноздреватою кожей. Сиротливо прижавшись щекой к башне и обняв ее правою лапой, бедняга неподвижно смотрела перед собой совсем пустыми, как мне показалось, глазницами. Она была глубоко несчастна. По-моему, ей мучительно хотелось кричать или выть, но ни рта, ни пасти у нее не было. Впрочем, чревато опасностями могло быть самое чувство жалости к ней: лукавая хищница подстерегала жертву, и жертвой мог сделаться всякий из тех, кто были людьми. В зверином страхе перед волграми бедные гномы прятались по темным углам или прокрадывались, затаив дыхание, у подножья зданий, облюбованных этими чудищами. Быть пожранным, вернее, всосанным волгрою через ее пористую кожу значило умереть в Агре, чтобы затем возникнуть еще ниже, в Бустviче или в страшном Рафаге. Позднее я увидел, что волгр — множество, что они отчасти разумны и что грубая, мрачная цивилизация, которая отличает Агр, — именно их творение. Механических приспособлений, облегчающих труд, у них еще почти не было. Они вручную громоздили из какого-то материала, похожего на стволы гигантских деревьев Калифорнии, здания, которые я видел кругом, и каждый кусок этого материала, плотно примыкая к остальным, начинал

светиться тускло-багровым, почти ничего не озарявшим излучением. В чем заключалась связь между зданиями человеческих городов в Энрофе и сооружениями волгр в Агре, для меня осталось неясным.

Звуковым языком они, конечно, не обладали, но у них было нечто вроде языка жестов. Здания они строили, по-видимому, для того, чтобы укрываться в них от коротких проливных дождей, налетавших поминутно. Дожди были черные.

Странно, разумеется, и то еще, что у волгр существует не два пола, а три. Мужская особь оплодотворяет особь среднего пола, которая некоторое время вынашивает зародыш внутри себя, а затем передает его будущей матери.

Но кое-где в эту цивилизацию вкрапливались, как острова, безмолвные, совсем не светящиеся здания. Волгры даже не приближались к ним: по-видимому, им мешало нечто, мною невидимое. Такие здания возвышались на месте Исаакия и некоторых других храмов Петербурга: единственные убежища от волгр, где мученики Агра хоть на краткое время могли ощутить себя в безопасности. Кто их воздвиг? когда? из какого материала? Не знаю. Голод не давал несчастным таиться в этих приютах: он гнал их в поиски за съедобной плесенью, покрывавшей фундаменты этого безрадостного города.

Если тяжелая карма не сделает того, кто попал сюда, жертвою волгры и он не очнется в следующем из миров нисходящего ряда, рано или поздно ему суждена трансформа, поднимающая вверх. Кончающий свое искупление постепенно меняется телесно. Он увеличивается ростом, у него начинают снова проступать черты лица, напоминающие черты, которыми он обладал прежде, и волгры не дерзают подступать к нему. Самая трансформа происходит с помощью братьев из Небесной России: спустившись в Агр, они окружают окончившего искус. Присутствовать при этом событии из числа гномов могут лишь те, кто скоро будет поднят отсюда таким же образом. Но пока они смотрят на совершающееся со стороны, им кажется, будто братья Синклита поднимают освобождаемого на своих крыльях или на складках светящихся покрывал. Волгры, охваченные мистическим трепетом и страхом, смотрят на это событие издали, но не в состоянии понять ничего.

Лестница восхождения не закрыта ни перед одной демонической монадой, даже перед волграми. Но для подобного обращения требуется столь острая ясность сознания, какая не встречается здесь почти никогда.

Иногда встречается здесь совсем иное: местами ландшафт разнообразится светящимися пятнами, похожими на огромные гнилушки. Что-то от трупной зелени есть в них… Это в Агр просвечивает другой слой, расположенный ниже: *Буствич*. Там все гниет, но никогда не сгнивает до конца; в состоянии, сочетающем гниение заживо с духовною летаргией, и заключается мука Буствича. В Буствиче развязывают узлы своей кармы те, чья душа, отяжеленная тяготением к ничем не озаренному плотскому, не выработала за свою жизнь на земле никакого противовеса. Здесь пленника гложет удручающее отвращение к самому себе, потому что эфирное тело его превратилось в подобие кала. Ибо, как это ни страшно и ни омерзительно, но Буствич, в сущности, не что иное, как нечистоты волгр.

К душевным мукам здесь начинает присоединяться и телесная: способность пленников к движению крайне ограничена, как и их способность к самозащите. А самозащита насущно необходима любому из них, ибо рядом с ними здесь обитают, между двумя воплощениями в одном из демонических стихиальных миров, облаченные в темноэфирные тела души мелких человекоподобных демонов: здесь они имеют вид человеко-червей, а размерами напоминают кошку. Заживо, медленно, понемногу пожирают они в Буствиче тех, кто когда-то были людьми в Энрофе.

В очередном двойнике Инженерного замка (такой есть и в Буствиче) находился в то время, то есть в 1949 году, император Павел I. Он миновал уже цикл мучений в слоях более глубоких и теперь был медленно поднимаем в Друккарг — шрастр российского античеловечества. Суровость постигшего его несчастья поразила меня. Но мне было объяснено, что, если бы часть груза не была с него снята мукой его умерщвления в ночь на 12 марта и вместо этого он продолжал бы тиранствовать вплоть до своей естественной кончины, груз содеянного повлек бы его еще глубже, вниз, пока не был бы достигнут Пропулк — одно из самых ужасающих страдалищ.

За Буствичем следует чистилище, носящее имя *Рафа́г*: здесь изживаются кармические следствия предательств и корыстной преданности тираниям. Рафаг — мука непрерывного самоистощения, нечто, на что могут намекнуть такие явления нашего слоя, как страдания холеры. Это последний слой, ландшафт которого хотя бы отдаленно напоминает наши города; убежищ, маячивших в Буствиче и Агре, здесь, однако, уже нет. Покров соборных молитв человечества не распространяется до Рафага: глубже могут досягать лишь силы синклитов и высших иерархий Шаданакара.

Над тремя последними, нижними чистилищами, господствуют ангелы мрака.

Первый из этих слоев — *Шим-биг* — являет собой медленный поток, движущийся по невыразимо мрачному миру, заключенному под высокий свод. Трудно понять, откуда исходит полусвет, мертвенный и бесцветный. Мельчайший дождь сеется на поток, вскипая на его поверхности маленькими пузырями. И уже не одежда мучающихся здесь душ, но сами души в их деградировавших эфирных телах похожи на дымно-бурые клочья. Они мечутся взад и вперед, цепляясь за что попало, лишь бы не пасть в поток. Их томит не только ужас: еще большее мучение заключается в чувстве стыда, нигде не достигающем такой силы, как в Шим-биге, и жгучая тоска по настоящему телу, по мягкому теплому миру — воспоминания о радостях жизни на земле.

Здесь же усиливается сострадание.

А устье потока видится совсем вблизи. И сам поток, и весь этот тунелеобразный мир обрываются там подобно тому, как обрывается туннель метро при выходе на эстакаду. Но воды не впадают ни во что: и они, и берега, и свод — все растворяется в серой беспредметной пустынности. Там не может быть никакого тела, там и намека нет на какую-либо почву или среду. Только одно не гаснет там: искра самосознания. Это чистилище называется *Дромн*: иллюзия страшного небытия.

И если в Шим-биге себя искупали те, на ком ответственность за несколько человеческих смертей, хотя бы даже смертей преступников, кому подписывался смертный приговор или на кого составлялся предательский донос, — в Дромне находятся те, чье нарушение Закона кажется, на наш взгляд, несравненно меньшим. Да, арифметика кармы — странная арифметика! И в Дромн увлекают не злодеяния, не кровопролития, но всего лишь кармическое следствие активного безверия, воинствующее отрицание духовности, деятельное утверждение ложной идеи о смертности души. Тайна этой удивительной, непропорциональной, казалось бы, кары в том, что все эти волевые акты еще при жизни в Энрофе как бы наглухо забили пробками дыхательные пути души; итогом явилось еще большее отяжеление эфирного естества, чем даже бывает в результате отдельных преступлений, если взять их изолированно, самих по себе. Пленнику Дромна кажется, что нигде нет ничего, нет и его самого — именно так, как это ему рисовалось при жизни. И он с величайшим усилием, очень не скоро может справиться с поражающим фактом — неугасанием самосознающего «я» даже здесь, в абсолютной пустоте, вопреки рассудку и здравому смыслу. При этом он начинает смутно понимать, что все могло бы быть иначе, если бы это небытие — или полунебытие — он не выбрал сам.

Но тоска добровольной покинутости, окрашивающая пребывание в Дромне, мало-помалу начинает уступать место тревоге. «Я» чувствует, что его куда-то влечет, как бы вниз и вкось, и само оно из точки превращается в вытянутую фигуру, устремленную книзу. Отсутствие всяких ориентиров не дает понять, падает ли он медленно или низвергается с большой быстротой. Только внутреннее чувство вопиет громче всяких доказательств логики, что он движется не вверх и не в сторону, но именно вниз. Вот внизу уже обозначилось и розоватое пространство. Несколько мгновений этот цвет может казаться падающему даже радостным. Но затем леденящая догадка пронизывает несчастное «я»: оно поняло, что непреодолимо опускается в раскаленное, тихое, как бы железное море. Вес опускающегося стремительно возрастает; вот он прикасается к раскаленно-красной поверхности *Фукабирна* и погружается в его среду. Мука состоит, кроме жгучего телесного страдания, именно в ужасе опускания в вечные пытки — опускания, которое представляется невозвратным.

Фукабирн — последний в сакуале чистилищ. Теперь начинается сакуала трансфизических магм: эти локальные миры сосуществуют в трехмерном пространстве, но в других потоках времени с поясами раскаленного вещества в оболочке планеты. Повторяю, подчеркиваю: во всех метакультурах, кроме Индийской, страдания этих миров не имели конца, пока Иисус Христос не совершил того освободительного спуска в них, который в церковном предании называется схождением Спасителя в ад. С этого мгновения для сил Света становится возможным, хотя и требующим огромных усилий, извлечение страдальцев из этих пучин после известного срока, необходимого для развязывания узлов личной кармы.

Первая из магм — это *Окрус*, вязкое дно Фукабирна.

Вокруг шельта уже в Дромне не осталось никаких старых оболочек и начало образовываться новое телесное существо. В Окрусе его формирование подходит к концу, но ничего, хотя бы отдаленно напоминающего человеческий облик, нет в нем: это шарообразное нечто из оживленного инфраметалла.

За что же муки Фукабирна и Окруса, за что? О, этих страдальцев уже немного. В Скривнусе и Ладрефе томились миллионы, здесь — сотни, может быть, даже десятки. Осуждение идейного врага на великие мучения, осуждение невинных, терзание беззащитных, мучительство детей — все это искупается страданиями здесь, в Окрусе и Фукабирне.

Здесь мучающийся вспоминает отчетливо о религиозных учениях, слышанных на земле, и о том, что он был предупрежден. Телесные муки субъективно ощущаются здесь как воздаяние, но уже начинает осознаваться двойственная природа Закона и ответственность за его жестокость не Бога, а демонических сил. Сознание яснеет: в этом — проявление Провиденциальной стороны Закона, той его древней основы, которая была создана демиургами еще до вторжения Гагтунгра в Шаданакар. Прояснение сознания, прояснение совести, возрастание духовной жажды — это та сторона Закона Возмездия, которую светлые силы отстояли от темных и благодаря которой Закон все-таки не сделался абсолютным злом.

Инфрафизическая субстанция магм очень похожа на их физическую субстанцию. Их пленники сначала сохраняют свободу движения, но в действиях для поддержания существования здесь пока нет нужды: силы впитываются из окружающей среды механически. Все это относится и ко второму из поясов магм — *Гвэгру*, представляющему собой раскаленную докрасна неподвижную среду.

Однако я хотел бы напомнить, что страдание в Энрофе — какое бы то ни было — ослабляет посмертную муку, преимущественно в смысле сокращения сроков ее, но иногда и в смысле ее «качества». Длительность искупительного наказания души после смерти определяется в основном масштабами тех жертв, которые пострадали от его деяний в Энрофе. Массовый характер преступлений влечет за собой понижение слоев возмездия: Окрус может быть заменен, например, Укарвайром, Гвэгр — Пропулком. При этом суть дела в том, что телесные муки, начавшиеся в Фукабирне и возросшие в Окрусе и Гвэгре, апогея достигают в следующем слое, называемом *Укарвайр*: это магма бушующая. Там искупают себя извратители высоких и светлых идей, несущие ответственность за калечение трансфизических путей тысяч и миллионов. Там же и те, кто повинен в гнусных деяниях, называемых на нашем сухом, мертвом языке осознанным садизмом, — то есть таких поступков, при которых страдания других не только вызывали чувство наслаждения, но и недолжность этого наслаждения была совершенно ясно осознана преступником тогда же. Осознана — но не помешала наслаждению, не воспрепятствовала испытывать его опять и опять.

К счастью, время здесь течет гораздо быстрее. Весьма известному писателю наших дней, виновному, конечно, не в осознанном садизме, а в подмене идеалов, в извращении идей, в отравлении множества сознаний ложью, казалось, например, что он здесь пробыл не десять лет, как это было по времени Энрофа, а всего несколько дней.

Далее идет *Пропулк* — магма твердая: мир искупительных страданий массовых палачей, виновников кровопролитных войн и мучителей народных множеств. Свобода движения утрачивается. Тело как бы замуровано в твердый состав, сдавлено со всех сторон. Но даже страшнейшую телесную муку здесь перерастает страдание души. Это такое жгучее раскаяние и такая тоска о Боге, какие невозможны ни в одном из высших слоев. К счастью, до Пропулка спускаются немногие. Нужно ли говорить, что здесь такие существа, как Ежов или сподвижники Берии? Удивительно то, что здесь совсем еще недавно продолжал томиться Малюта Скуратов, а в Пропулке Западных метакультур все еще не развязали своей кармы не только Робеспьер и Сен-Жюст, но даже некоторые из инквизиторов XVI века.

Сакуала магм завершается слоем, носящим название *Ырл*: это магма сверхтяжелая. Здесь телесные страдания совершенно меркнут перед духовною мукой. Ырл создан для возмездия тем, кого на нашем юридическом языке мы назвали бы рецидивистами: тем, кто, уже раз испытав падение в магмы и возвратившись в Энроф, вновь отягчил себя великими злодеяниями.

Магмы кончились.

Ниже начинается сакуала миров, соотносимых с физическим ядром планеты, общая для всех метакультур.

Первым идет *Биаск*, инфракрасные пещеры, худшая из алых преисподних, если так определить всю лестницу слоев от Фукабирна до Биаска. Форма здесь меняется, появляется подобие головы и четырех ног. Но зато дар речи утрачен, так как разговаривать не с кем: каждый из узников изолирован от остального мира и видит только своих мучителей — именно тех, которые похожи, как это ни странно, на пресловутых чертей. Сидя здесь, в Энрофе, в относительной безопасности, можно сколько угодно посмеиваться над верой в существование этих рогатых безобразников, но не стоит желать даже смертельному врагу более близкого с ними знакомства. А так как жертв, павших в Биаск, насчитываются всего десятки, чертей же, нуждающихся в их гаввахе, — многое множество, то они выколачивают гаввах из своих жертв всеми способами, какие в состоянии измыслить. Жертвы Биаска — это те, кто был в Энрофе растлителями духа. Такие преступления расцениваются столь сурово потому, что они приносят больше кармического вреда для тысяч человеческих душ. Даже палач, от руки которого погибли физически сотни людей, не принес такого ущерба, как те, про кого сказано в Евангелии: «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Матф. 18, 6). И даже если бы Ярославский или Демьян Бедный были в своей частной жизни добрыми людьми, это не спасло бы их от посмертной судьбы, ждущей растлителей духа.

Ниже Биаска зияет *Амиуц*: вертикальные щели. Падающий как бы застревает, подвешенный в полной беспомощности. А так как щели ведут в Гашшарву, то несчастный оказывается висящим прямо над гнездилищем демонических сил Шаданакара. Здесь те, кто сочетал сознательный садизм с огромностью злодеяний.

Но из вертикальных щелей Амиуца есть и боковые ходы-тупики. Это *Ытрэч*, планетарная ночь, длящаяся от начала формирования Шаданакара до

конца существования нашей планеты в Энрофе, то есть до истечения второго (будущего) эона. Здесь были очень немногие, например Иоанн Грозный. А дальше есть еще один слой, совсем особый: деянию Иуды Искариота соответствовал только он. Называется он *Журщ*, и никто никогда, кроме Иуды, в этот слой не вступал.

Ясно, конечно, что о страданиях, переживаемых в слоях ядра, мы не можем себе составить даже отдаленного представления.

И вот описание подошло к последнему из слоев — кладбищу Шаданакара. Мне никак не удавалось расслышать точно его наименование: иногда казалось, что оно звучит как Суфэл, иногда же более правильным мне казалось *Суфэтх*, и вопрос остался нерешенным. Сюда из нижних страдалищ опускаются упорствовавшие во зле. Здесь их скорлупы — остатки шельта — покидаются монадами. Монады выпадают из Шаданакара вообще, чтобы начать все сначала в непредставимых пространствах, временах и формах. И все же это лучше, чем провал сквозь Дно Шаданакара на Галактическое Дно: здесь монада не выпадает по крайней мере из Космического Времени.

Но шельт — живой, это самосознающее, хотя и низшее «я»; в Суфэтхе он едва шевелится, постепенно выдыхая остатки жизненных сил. Это и есть та с м е р т ь в т о р а я, о которой говорится в Священном писании. Искра сознания теплится до конца, и мера ее мук превышает воображение самих демонов. Сюда до сих пор не может досягнуть никто из Света, даже Планетарный Логос. Братьям синклитов Суфэтх может быть виден иногда, но не изнутри, а из соседних слоев. Тогда они различают пустыню, над которой стоит тускло-лиловым солнцем Гашшарва — антикосмос Гагтунгра.

К счастью, за всю человеческую историю набралось лишь несколько сотен монад, падавших до Суфэтха. Из них только несколько единиц оставили след в истории, ибо все крупные монады нисходящей направленности затягиваются в Гашшарву. В Суфэтхе — те, кто не нужен и Гагтунгру. Из исторических деятелей я знаю только об одном — о Домициане, в следующем воплощении, после падения в Пропулк, ставшем маршалом Жюлем де Рэцем, тем самым, который сперва был сподвижником Жанны д'Арк, а потом — злодеем и садистом, купавшимся в ваннах, устроенных из внутренностей убитых им детей. Сброшенный в Ырл, он в следующей инкарнации в Энрофе опять запятнал себя великими злодеяниями в эпоху инквизиции. После третьей кончины он в третий раз прорезал все слои преисподней, достиг Суфэтха и был выброшен из Шаданакара как шлак.

Я хорошо знаю, что гуманистическому сознанию нашего века хотелось бы встретить совсем другие картины, чем те, какие намечены мною в этой главе. Одних отпугнет то, что мои свидетельства покажутся им слишком напоминающими, несмотря на все отличия, популярные образы, исток которых — в историческом христианстве. Других будет шокировать дикарская суровость законов и материальный характер ужасающих мук в страдалищах. Но первых я готов спросить: неужели они думали всерьез, что учение отцов церкви не содержит ничего, кроме игры испуганного воображения? Только сознание, безрелигиозное, как трактор или прокатный стан, может полагать, например, что «Божественную комедию» мы в силах исчерпать, толкуя ее как

сумму художественных приемов, политической ненависти и поэтических фантазий. В первой части Данте показал лестницу нисходящих слоев, наличествовавших в Средние века в инфрафизике Романо-католической метакультуры. Нужно учиться отслаивать примесь, внесенную в эту картину ради требований художественности либо вследствие аберраций, присущих эпохе, от выражения подлинного трансфизического опыта, беспримерного и потрясающего. И не лишним будет, мне кажется, указать, что ныне тот, кто был Дантом, входит в число нескольких величайших духов человечества, таких, которые властны проникать невозбранно до самого Дна Шаданакара.

А тем, которые возмущены суровостью законов, можно ответить одно: так работайте же над их просветлением! Конечно, с умственными привычками гуманистического века легче бы сочеталось представление не о материальных муках, но о, так сказать, духовных: угрызениях совести, тоске от невозможности любить и тому подобном. К сожалению, варварские эти законы создавались, очевидно, без учета настроений интеллигенции XX столетия. Правда, духовные страдания тоже имеют в нисходящих слоях немалое значение. В сущности, лишь великие преступники истории подвергаются страданиям материальным по преимуществу, и к тому же таким, которые тяжелее, чем любая наша физическая боль, потому что физическая боль уступает эфирной в силе и длительности. Но и то сказать: представив себе объем мук, причиненных этими людьми своим жертвам в Энрофе, какими угрызениями совести или, как думал Достоевский, тоскою от невозможности любить уравновесится эта гора мук на весах бесстрастного закона кармы?

А примкнуть к тем, кто трудится над смягчением этого закона, волен каждый из нас.

Глава третья
ШРАСТРЫ И УИЦРАОРЫ

Я подхожу к описанию миров, имеющих для человечества с его историей и для всего Шаданакара совершенно особое значение, так как именно эти миры созданы демоническими силами как непосредственное орудие для осуществления мирового плана Гагтунгра.

Это, собственно, два ряда, две сакуалы инфрафизических слоев, тесно связанные между собой.

Я уже мельком говорил о том, что каждая из метакультур включает в себя некий антиполюс своему затомису, некую цитадель демонических сил, где как бы перевернуто отражаются черными зеркалами священные грады синклитов. Речь идет о шрастрах, обиталищах античеловечества.

Шрастры — различные области единого четырехмерного пространственного мира; каждый из них обладает, однако, своим неповторимым числом временных координат. Кольцо шрастров метагеологически связано с нижними слоями земной коры, с ее компенсационными выступами, и противостоит темными двойниками-антиподами Эанне, Олимпу, Раю, Монсальвату, Небесной России и остальным затомисам. Компенсационные выступы,

уравновешивающие горные массивы на поверхности земли, обращены своими остриями и гребнями к центру планеты. В Энрофе эти области безжизненны и мертвы: базальт, лава и ничего более. Но в четырехмерном мире не так. Ниже, к центру, под ними лежит пустота — рыжая, полыхающая перебегающими волнами света и жара, тускло-оранжевая полость. На изнанке коры господствует равнодействующая двух притяжений: к толще коры — и к центру земли; понятия верха и низа не совпадают с нашими. В подземном оранжево-рыжем небе там неподвижно стоят инфралиловые и инфракрасные, почти черные светила: так воспринимаются оттуда Гашшарва и страдалища земного ядра. В лучах этих лун живут и укрепляют свои цитадели те многомиллионные общества и те чудовищные иерархии, которые на наших глазах проявляют себя в великих державах, в государственных тираниях, в безликих вампирах мировой истории.

Что за природа, какой ландшафт господствуют на этой изнанке мира? Синего и зеленого цветов здесь нет: они не могли бы восприниматься зрением обитателей. Зато имеются два, к восприятию которых не приспособлен наш глаз. Имеется и некое подобие растительности, но жгучее и жуткое: купы массивных темно-багровых кустов, а местами большие, отдельные, шевелящиеся цветы из пламени. Рельеф очень неровен; в массивы суши вкраплены озера и моря белой и розоватой лавы. В целом ландшафт имеет своеобразный геолого-урбанистический характер: гигантские многомиллионные города; в инфра-России, например, главнейший из них связан почти со всем компенсационным выступом анти-Урала, другой соответствует Кавказу, а теперь создаются еще города на компенсационных выступах гор Казахстана и Тянь-Шаня. Имеются города и под нашими низменностями, но реже, так как эти районы по большей части заполнены лавой.

Античеловечество состоит в основном из двух рас или пород, весьма отличных друг от друга. Главнейшие из них мелкие, но высоко разумные существа, двигающиеся по кругу перевоплощений в шрастрах, где они принимают четырехмерную форму, несколько напоминающую нашу. Это тело, соответствующее нашему физическому, называется каррох: оно формируется из материальности этих слоев, созданной высшими демоническими иерархиями. Жители шрастров обладают парой верхних и парой нижних конечностей, хотя и с иным, чем у нас, числом пальцев; кроме того, они снабжены чем-то вроде кожных летательных перепонок. Их красные стебельчатые глаза, выдающиеся по сторонам цилиндрической головы, их мышино-серая кожа и вытянутый трубкообразный рот могли бы вызвать в человеке отвращение. Но эти существа — обладатели острого интеллекта, создатели высокой цивилизации, в некоторых отношениях опередившей нашу. Они называются *игвами*.

Игвы появились впервые в шрастре Вавилоно-ассирийской метакультуры. В более древних шрастрах существовала другая раса, предки нынешних раруггов, о которых я скажу потом. Но самое происхождение игв для меня не вполне понятно: приходится иметь дело с такими странными представлениями, что рассудок не может их принять. Дело в том, что хотя среди людей нет монад, демонических по своей природе, но бывали случаи — исключительно, впрочем, редкие, — когда человек в дальнейшем своем пути добро-

вольно становился игвой. Для этого необходимы, кроме желания, колоссальная ясность сознания и уникальное развитие специфических способностей. Таков и был основатель античеловечества, личность, совершенно реально существовавшая в Эрехе и Вавилоне, где он был жрецом Нергала, а позади имел длинную цепь воплощений в более древних культурах и в человечестве титанов.

Игвы произошли от сочетания этого существа с Лилит. Она способна обретать иногда — очень редко и лишь по воле Гагтунгра — женские облики в более плотных мирах. Когда она явилась в Вавилонии, для глаз людей это произошло так, как если бы она внезапно возникла из ничего. Ее видели трое: будущий отец игв и еще двое, один из которых сошел с ума, а другой был казнен. Тот, ради которого она приняла этот призрачный физический облик, сочетался с ней своим астральным, а потом и эфирным телом. Потом она сошла, вся объятая пламенем, в пустынный инфрафизический слой, где извергла из чрева первую чету игв. Основоположник же этой расы не воплощался более ни в шрастрах, ни в Энрофе. Теперь он в Дигме, и его участие в разработке и осуществлении демонического плана весьма велико.

Игвы обладают звуковым языком односложного строения. Из наших языков он фонетически ближе всего, пожалуй, к китайскому, но, благодаря трубчатому строению рта, среди гласных у игв доминируют звуки вроде «о», «у», «ÿ».

Они употребляют иногда и одежду, но чаще ходят обнаженными. Чрезмерный интеллектуализм этих существ выхолостил их сексуальную сферу. Способ размножения похож на человеческий, но неприглядnее. Они совокупляются почти на ходу, никакой потребности в уединении при этом не испытывая, так как лишены стыда. Чувства любви, привязанности, жалости находятся в зародыше. Вместо семьи — кратковременные союзы, а для детенышей — тщательно оборудованные и скрупулезно продуманные воспиталища.

Мораль — рабская. Общество состоит из двух классов: высшая интеллигенция, в которую входят ученые, инженеры, жрецы и, если применимо здесь это слово, администраторы; и — подчиняющееся большинство, действующее только по заданиям руководства. Впрочем, и само руководство строго подчинено воле так называемых «великих игв» (это нечто вроде преемственно следующих друг за другом верховных жрецов-императоров) и воле страшилищ соседнего слоя — уицраоров.

Почти неограниченным владыкой в каждом из шрастров фактически является великий игва. Шрастр — не монархия и, конечно, не теократия: это — сатанократия. Принцип династического наследования власти игвам совершенно чужд. Преемник избирается и подготавливается десятками лет, с изумительной рациональностью и дальновидностью. Ясность сознания великих игв огромна, хотя воспринимают они весь мир перевернуто, под демоническим углом зрения. Они способны прозревать даже до антикосмоса Галактики; их постоянно инвольтирует сам Гагтунгр. После смерти великие игвы поднимаются прямо в Дигм.

Неправильно было бы сказать, что в шрастрах налицо эквивалент нашей науки и техники: скорее, наша наука и техника — эквивалент науки и техники игв. Иные условия и законы тех слоев определили иное, сравнительно с нашим, содержание их науки, но методы научного исследования и принципы техники весьма схожи с нашими. Правда, им, далеко опередившим нас на этом пути, ведомы такие приемы и способы, которые перекликаются с нашей магией и многим из нас показались бы колдовством. Но они пользуются даже принципами винта, колеса, ракеты. Есть суда для плавания по озерам инфралавы. Сколь ни дико это представить, но между шрастрами практикуются давно регулярные рейсы, весьма развит даже туризм — конечно, не с эстетическими, а только с познавательными целями. На высоте находится и авиация, хотя сами игвы способны передвигаться с большой скоростью, балансируя часто вниз головой и садясь на потолки и стены зданий, как мухи.

Наука дала игвам возможность проникнуть и на поверхность Земли. В их инфрафизическом слое эта поверхность мертва и пустынна, как в нашем — поверхность Луны. А так как пространство сакуалы шрастров гаснет на границах Солнечной системы, то звезд в этом небе нет. Но планеты и Солнце игвы увидели, хотя и совсем иначе, чем видим мы. Температура в шрастрах очень высока (для нас она была бы непереносима), и поэтому Солнце, показавшееся игвам тусклым инфракрасным пятном, излучает тепло, для них отнюдь не достаточное. Несмотря на все меры самозащиты, принятые против холода, игвы-пионеры на поверхности Земли жестоко страдали; эта поверхность пока что столь же мало пригодна для их существования, как для нас глубина Антарктиды. Однако у них имеются виды на некий способ освоения этой поверхности, и притом не в их собственном слое, а в нашем.

Научная аппаратура уже позволила им уловить тени Энрофа. Возможно, даже почти неизбежно, что со временем они дадут нам о себе знать, возникнут обмен и контакт, но этим, конечно, они будут влиять на человечество в желательном для них направлении. Ведь их заветнейшее чаяние, объединяющая их мечта — распространение их владычества с помощью уицраоров и Гагтунгра на все слои Шаданакара. Представляется, что великий противобог Грядущего, подготавливаемый в Гашшарве к рождению среди человечества в недалеком уже будущем, создаст в Энрофе чету полулюдей-полуигв. Отсюда пойдет раса игв в нашем слое. Размножаясь быстро, как, рыбы, они должны будут постепенно заменить людей, превратив поверхность земли в обиталище дьяволочеловечества.

Игвы движутся по кругу воплощений в шрастрах, а в промежутках между ними претерпевают одно и то же: их шельт вместе с астралом падает на Дно (воплощение в сверхтяжелом теле Дна невозможно без астрала), проносясь как бы по касательной через магмы и Гашшарву, едва задевая их. При этом спуске их эфирные тела стремительно разлетаются по каплям. Случаи просветления среди игв редки до единичности, и тогда их посмертье, конечно, меняется. О Боге, все они, кроме, отчасти, великих игв, имеют перевернутое понятие как о мировом тиране, более страшном, чем Гагтунгр. Христос, о Котором они слышат от великих игв, в их представлении оказывается в положении антихриста — как бы мятежным и крайне опасным деспотом; вообще все опрокинуто вверх дном. Поэтому естественно, что культ их состоит главным образом в экстатическом демонослужении, излучения которого восходят к Гагтунгру.

О, цивилизация игв не ограничивается наукой и техникой: она включает и некоторые искусства. Перед грандиозным конусообразным капищем

в Друккарге, главном городе российского античеловечества, представляющем собою гору, выдолбленную изнутри, высится монструозное изваяние: праигва верхом на раругге. Если переходить на наши меры длины (а это во многих случаях вполне законно), то можно сказать, что глаза игвы на этом изваянии изображены киноварно-красными камнями величиной с наш двухэтажный дом, а темно-багровые глаза раругга еще во много раз больше.

Но развитию искусств препятствует рассудочный склад психики игв и их слабая эмоциональность. Вместе с общей уродливостью их представлений все это направило их искусство по таким путям, на которых наши эстетические критерии оказываются неприменимыми. Наибольшее развитие в шрастрах получила архитектура. Города сформировались из сооружений сверхчеловеческих размеров, но голых геометрических форм. Частично — это скалы, выдолбленные изнутри и облицованные снаружи. Кубы, ромбы, усеченные пирамиды блистают облицовками красного, серого и коричневого цветов. Стиль конструктивизма в человеческой архитектуре — вот некоторый намек на стиль шрастров. Потребовалась усиленная инспирация творческого подсознания людей светлыми силами Фонгаранды, чтобы человеческое зодчество не подчинилось внушениям, поднимавшимся из шрастров, и не превратило города Энрофа в жалкие подобия стереометрических городов игв. А там, в этих городах, бушует и музыка, преимущественно шумовая, для нашего уха звучащая какофонией, но иногда поднимающаяся до таких ритмических конструкций, которые способны заворожить и некоторых из нас. Еще большую роль в жизни игв играет танец, если допустимо применение этого слова к их безобразным вакханалиям. И их демонослужения, сочетающие поразительные световые эффекты, оглушительное звучание исполинских инструментов и экстатический пляс-полет в пространстве четырех координат, превращаются в массовые беснования: этим привлекаются ангелы мрака, а излучаемую при этом энергию впивает Гагтунгр.

Кроме игв, в шрастрах обитают еще другие существа, аборигены этого перевернутого мира — раругги, древняя порода, обликом напоминающая отчасти кентавров, отчасти ангелов мрака, а больше всего, пожалуй, мезозойских ящеров, поднявшихся на воздух. Поднявшихся на воздух — но не так, как поднялись когда-то в Энрофе птеродактили с их мышиноподобными крыльями: крылья раруггов могучи и выпрямлены по сторонам непомерно огромного тела. При законах тяжести, действующих в Энрофе, столь массивный летающий организм был бы невозможен.

Их сходство с ящерами не случайно: раругги и есть эти ящеры. После длительных инкарнаций в телах аллозавров, тиранозавров и птеродактилей некоторые — наиболее хищные виды их — вступили на путь дальнейшего развития в слоях инфрафизики. За истекшие миллионы лет они достигли ступени разумности, но эта разумность еще очень далека от изощренного интеллектуализма игв. Зато телесная мощь и невероятный эмоциональный накал их душевной жизни таковы, что после длительной борьбы за этот слой бытия игвы принуждены были примириться с тесным соседством раруггов. Вскоре был выработан между обеими расами своеобразный модус вивенди, перешедший затем в союз. Теперь раругги — нечто вроде разумной конницы шрастров, их

армия. Сами игвы участвуют в войнах лишь в крайнем случае; обычно же им принадлежит лишь руководство, особенно технической частью. Неповоротливые мозги раруггов все еще не в силах справиться с задачами военной техники. Но их неимоверная кровожадность, их воинственность и бесстрашие — необходимые условия победоносных войн в этом слое. Старинные представления об адских крылатых конях — отзвук знания о бытии раруггов.

А войны на изнанке мира бывают двоякие. В прошлом история этих сатанократий сводилась в значительной степени к взаимному соперничеству и вооруженной борьбе. Конечно, не все войны человечества находились в связи с бойнями в этом мрачном мире, но наши великие войны — безусловно. В ходе сильнейших из этих войн некоторые шрастры претерпевали катастрофические изменения и даже гибель. Теперь стало сложнее: высшие демонические инстанции прилагают все усилия к тому, чтобы упрочить между шрастрами мир. Причины этого очень сложны и будут постепенно изложены в дальнейшем. Воистину же непримиримая борьба ведется не между шрастрами, а между игвами, раруггами и уицраорами — с одной стороны, и синклитами затомисов, ангелами, даймонами и самими демиургами сверхнародов — с другой.

После того как метакультура завершает цикл своего существования в Энрофе, ее шрастр влачит унылые дни, похожие на постоянную голодную агонию. Такие шрастры больше не нужны Гагтунгру, брошены на произвол[1].

Игвы и раругги деградируют, поступательное движение науки и техники прекращается. Уничтожение соответствующих агрессивных государственных образований в Энрофе влечет за собой прекращение притока основного вида пищи уицраоров и игв, — пищи, о которой я подробнее скажу чуть-чуть ниже. Вырождающиеся обитатели шрастров вынуждены перебиваться мелким хищничеством, попросту выкрадывая пищу у более удачливых соседей, либо прозябать на «вегетарианском столе». Такова же судьба некоторых шрастров, метакультуры которых еще существуют в Энрофе, но уицраоры которых уничтожены в ходе взаимной борьбы, а великие подземные города разрушены[2].

Сильные и активные шрастры ныне существуют в числе четырех. Это *Фу-чжу*, шрастр Китая, древний, но недавно получивший новый импульс к развитию; *Юнукамн* — шрастр Романо-католической метакультуры, правда, сильно ослабевший и отставший, но еще активный[3]; *Друккарг* — шрастр Российс-

1. Названия шрастров завершившихся в Энрофе метакультур: Дабб — шрастр Атлантиды, Бубгищ — шрастр Гондваны, Сэтх — Древнего Египта, Тартар — греко-римлян, Нергал — Вавилоно-Ассирии, Дэван — Ирана, Зинг — еврейства, Бабилон — Византии. Последнее наименование основано, кажется, на неточном толковании символов Апокалипсиса. Под «Вавилоном» Откровения следует понимать не византийский шрастр, а дьяволочеловечество Грядущего.

2. Ару — шрастр Индомалайской метакультуры, Альфокк — Мусульманской, Тугибд — Индийской. Два последних еще могут быть возрождены в связи с появлением новоиндийского и новомусульманского рода уицраоров.

3. За инквизицией стояло беспрецедентное метаисторическое явление — ужаснейшее из порождений Гагтунгра. Подобных ему не было ни раньше, ни позже ни в одной метакультуре. Обитало оно в Гашшарве, и с ним боролось множество светлых сил; последний удар был нанесен лишь в XVIII веке великим человекодухом Иоанном Богословом. Теперь оно выброшено из Шаданакара на Галактическое Дно. Папство не вполне свободно от инвольтации демонических сил и поэтому до сих пор не до конца осудило этот страшный исторический этап.

кой метакультуры и *Мудгабр* — самый мощный из всех шрастров, изнанка великой культуры Северо-Запада. Основателем Мудгабра был человеко-игва Клингзор; в последнем своем воплощении в Энрофе он был одним из анонимных инспираторов казни Иисуса Христа, сознательным сторонником Гагтунгра под личиной фарисея и патриота. Основанный им впоследствии анти-Монсальват ныне уже ничем не напоминает те наивно-патриархальные образы, которые из легенд Средневековья с запозданием перешли в музыкальные драмы Вагнера. Наука и цивилизация игв нигде не шагнула так далеко, как именно в Мудгабре. Отмечу, что именно игвы этого шрастра первыми сумели проникнуть на пустынную и мертвенную в их мире поверхность Земли.

Но жизнь шрастров теснейшим образом переплетена с бытием совсем иного рода и масштаба демонических существ, слои обитания которых составляют соседнюю сакуалу, — соседнюю, но активно взаимодействующую с сакуалой шрастров. Игвы и раругги еще не в состоянии переходить в эти слои, но обитатели соседней сакуалы — *уицраоры* — могут вступать и вступают, вернее, вползают в города игв.

Это могущественные существа, играющие в истории и метаистории роль столь же огромную, как и их телесные размеры. Если бы голову этого создания вообразить на месте Москвы, щупальцы его дотянулись бы до моря. Они передвигаются с захватывающей дух быстротой, обладают даром речи и немалой хитростью. Происхождение их сложно и двойственно. Каждый род уицраоров появился на свет как плод сочетания кароссы, то есть локальных, национальных проявлений Лилит, «Всенародной Афродиты» человечества, с демиургами сверхнародов. В большинстве метакультур эти существа были порождены по воле демиургов как защитники сверхнарода от внешних врагов. Впервые они появились в метакультуре Вавилонии: ее демиург попытался это свое порождение противопоставить воинствующим эгрегорам Египта и Мидии, грозившим самому существованию вавилонского сверхнарода. Но кароссы несут в себе проклятое семя Гагтунгра, в глубокой древности заброшенное им в эфирную плоть Лилит, отдельными национально-культурными выражениями которой они являются. И семя Гагтунгра предопределило то, что первый же уицраор, сначала выполняя волю демиурга, вскоре затем переродился в трансфизического носителя великодержавной государственности Вавилона. Его агрессивность толкнула демиургов других сверхнародов на крайние меры защиты своих стран в Энрофе против завоевателя. Меры эти состояли в порождении ими подобных же существ, способных оказать сопротивление Вавилонскому уицраору. Таким образом, эти чудовища появились в Иранской и Еврейской метакультурах, а затем и во всех остальных.

Размножение этих крайне агрессивных и глубоко несчастных существ происходит путем, напоминающим почкование. Пола они лишены. Каждое детище становится тотчас смертельным врагом своего родителя и потенциальным его убийцей. Так возникли в метакультурах как бы династии уицраоров, преемственно наследующих друг другу после того, как умерщвлен родитель и пожрано его сердце. В большинстве метакультур существует одновременно лишь один уицраор либо один уицраор-родитель и одно или несколько его детищ, ведущих с отцом отчаянную борьбу. Борьба

и уничтожение уицраорами друг друга — одно из самых чудовищных зрелищ метаистории.

На протяжении исторического существования России сменилось три царствовавших уицраора, но у каждого из них раньше, чем он погибал, появлялись сперва детища, которых ему удавалось пожрать самому. В метакультуре же Северо-Запада создалось иное положение: там были и есть одновременно несколько династий уицраоров, и это обстоятельство породило громадные исторические последствия для всего мира, так как наличие нескольких подобных династий препятствовало и препятствует объединению Северо-Западного сверхнарода в единое целое. Оно же явилось предпосылкой ко всем великим европейским войнам, а также к обеим мировым.

Уицраоры обитают в пустынном мире, похожем на горячую тундру; он распадается на отдельные зоны соответственно границам метакультур. Каждый уицраор может быть вхож не только в соседние зоны (конечно, только победив соседних уицраоров), но и в шрастры: туда он вползает как туманная гора. Игвы и раругги трепещут, слыша его голос, как перед властелином и деспотом, но вместе с тем видят в нем великого защитника и против других шрастров, и против сил Света. Как без него боролись бы они с воинствами синклитов и с самим демиургом? — Именно различные коллизии борьбы уицраоров между собой, а также каждого из них — с демиургом и синклитом данной метакультуры — вот, в значительной степени, трансфизическая сторона того процесса, который мы воспринимаем как политический и исторический.

Уицраоры видят Энроф смутно, людей и наш ландшафт — туманно и искаженно, но любят наш мир горячей, неутолимой страстью. Они хотели бы воплотиться здесь — и не могут. Гагтунгра видят воочию и трепещут перед ним, как рабы. Великих игв они считают, в своей ограниченности, лишь исполнителями своей воли; в действительности великий игва видит выше и глубже, чем они, знает больше и стремится использовать алчность, воинственность и мощь уицраоров в интересах античеловечества.

Что же поддерживает жизненные силы уицраоров? Механизм этого процесса весьма непрост. Уицраор излучает в гигантских количествах своеобразную психическую энергию, проникающую в Энроф. Воспринятая сферою бессознательного в человеческой психике, она проявляется среди человеческих обществ в виде комплекса национально-государственных чувств. Благоговение перед своим государством (не перед народом или страной, а именно перед государством с его мощью), переживание самого себя как участника в грандиозной деятельности великодержавия, культ кесарей или вождей, жгучая ненависть к их врагам, гордость материальным преуспеванием и внешними победами своего государства, национальное самодовольство, воинственность, кровожадность, завоевательный энтузиазм — все эти чувства, выявляющиеся уже в пределах человеческого сознания, могут расти, распухать, гипертрофироваться лишь благодаря этой уицраориальной энергии. Но при этом психика людей обогащает эти, если можно так выразиться, разряды энергии своими собственными привнесениями, свойственными лишь ей. Возникает своеобразное психоизлучение человеческих масс, психо-

излучение двойственной природы и обратной направленности. Оно опускается сквозь земную кору, проникает в соседние инфраслои и проступает в виде вязкой красной росы на почве шрастров. Игвы собирают ее для уицраора — в этом и состоит их главная обязанность по отношению к нему, — а остатками лакомятся сами: прозябание на растительной пище не только угнетает их и тяготит, но и не может предохранить от деградации.

Весьма возможно, что я упрощаю или не вполне правильно излагаю механизм этого процесса; но суть его — питание уицраоров психоизлучениями народов, и притом излучениями, связанными именно с эмоциями государственного комплекса, — это не только серьезнейший факт, но и причина неисчислимых бедствий.

Игвы не вхожи в слои уицраоров, но видят их как бы извне, смутно, тенями. Притаясь в шрастрах, наблюдают они битвы между уицраором и демиургом, изо всех сил стараясь влить в разъяренную тушу демона побольше питательной росы. При этом демиурга они не видят, но эта незримость кого-то могучего и светлого, способного бороться с самим демоном великодержавия, внушает им чувства ужаса и острой враждебности. Они знают, что гибель уицраора влечет за собой, вместе с гибелью государственного образования в Энрофе (это могло бы вызвать даже их ликование, если б на месте старого государства должно было возникнуть молодое, более сильное), гибель всей династии уицраоров или разрушение шрастра. Этим предопределяется гибель воинствующих государств данной метакультуры, во всяком случае на многие века.

Так как я стремлюсь поделиться всем, что мне известно, даже не имеющими, казалось бы, значения мелочами, то в сноске я перечисляю имена погибших династий уицраоров[1] а в тексте — династии ныне существующие. Итак: Истарра — уицраор Испании; Ниссуш — монголо-маньчжуро-японская династия; с ним сосуществует пока Лай-Чжой, помесь Ниссуша с российским Жругром; сам Жругр; и, наконец, Ваггаг — общее имя для уицраоров Северо-Запада, обитающих в своем слое, как я уже говорил, по нескольку одновременно. Сейчас их трое: английский (Устр), французский (Бартрад) и заброшенное в их слой отпочкование Жругра — югославский Чармич. Все эти уицраоры — уже не первые в своем роду: династии их появились в прошлые столетия. Но в XX веке возникли и совсем новые династии как итог сочетания демиургов с кароссами метакультур, имевшего место в современности. Таковы: Шостр — уицраор новоарабский, рожденный после разгрома Оттоманской империи и ищущий проявить себя то в одном, то в другом из мусульманских государств, начав с кемалистской Турции; Авардал — уицраор новоиндийский, родившийся несколько лет назад в силу все той же роковой необходимости защиты метакультуры; Стэбинг — уицраор Соединенных Штатов Америки, во внешнем облике которого есть нечто от тигра, а на голове — золотой конус; и еще Укурмия — уицраор новогерманский, рожденный после крушения Третьей империи и гибели старой династии уицраоров. Демиург Северо-Запада был вынужден повторить роковой шаг, так как другого выхода не было. Новое создание менее свирепо, чем его предшественник: прилагаются неслыханные усилия, чтобы инспирировать его из очень высоких миров Света. Перед ним открывается — впервые перед уицраорами — возможность восходящего пути, и в облике его есть нечто царственное, скорее всего — львиное. Ведь до сих пор ни один из уицраоров не знал иного посмертия, кроме падения в *Уппу́м*, особый ад уицраоров — «Дождь Вечной Тоски», созданный некогда Гагтунгром для обратившегося к Свету дракона Прамонгольской метакультуры. Позднее Уппум был замкнут наглухо, и освобождения оттуда не может быть, по крайней мере в этом эоне.

1. Унидр — уицраоры Вавилона, Ассирии и Карфагена; Форсуф — Македонии и Рима; Фошц — еврейства; Ариман — Ирана (сколь ни странно применение этого имени к демону великодержавной государственности); Харада — уицраоры Индии; Эфрор — халифатов, старой Турции и тюрко-мусульманских империй. Имена уицраоров Византии, средневековых государств Юго-Восточной Азии, связанных со шрастром Ару, но довольно слабых, мне неизвестны.

Мне остается сказать несколько слов о *Друккарге* — единственном из шрастров, воспоминания о котором поднимаются в круг моей дневной памяти. Центр главного из городов Друккарга составляет сооружение высотою около километра: капище. О статуе праигвы, мчащегося верхом на распростершем крылья раругге, я уже говорил; и если отдаленным подобием этой статуи нужно считать в Энрофе Медного Всадника, то с капищем трансфизически связано совсем иное, знакомое нам здание: мавзолей.

Главный город опоясан кольцевой цитаделью, состоящей из концентрических кругов. В одном из них томится Навна, идеальная Соборная Душа России. При третьем Жругре положение ухудшилось: над нею воздвигнут плотный свод. Теперь ее сияющий голос едва проступает местами, как голубоватое, невидимое игвам и раруггам, свечение на поверхности циклопических стен. А вне Друккарга лишь верующие в России земной и просветленные в России Небесной слышат ее голос. — Кто она, Навна? То, что объединяет русских в единую нацию; то, что зовет и тянет отдельные русские души ввысь и ввысь; то, что овевает искусство России неповторимым благоуханием; то, что надстоит над чистейшими и высочайшими женскими образами русских сказаний, литературы и музыки; то, что рождает в русских сердцах тоску о высоком, особенном, лишь России предназначенном долженствовании, — все это Навна. Соборность же ее заключается в том, что нечто от каждой русской души поднимается к Навне, входит в нее, оберегается в ней и сливается с ее собственным Я. Можно сказать и так: некоторого рода духо-энергия, имеющаяся у каждого человека, входящего в организм нации, пребывает в Навне. Навна — невеста демиурга России и пленница Жругров.

Жругр, как и остальные уицраоры, не может иметь никаких детей, кроме отпочковывающихся иногда жругритов. Но некое отдаленное подобие брака между ним и кароссой России по имени *Дингра* состоит в том, что он, всасывая индивидуальные русские души, точнее — шельты, во время их человеческого сна, ввергает их в лоно кароссы Дингры, где они трансформируются, калечась и духовно обеспложиваясь. Результаты этого воспринимаются нами как психическое перерождение тех из наших соотечественников, кто стал активным строителем цитадели.

Кроме раруггов и игв, в Друккарге есть и еще обитатели: те, чья жизнь и деятельность в русском Энрофе были накрепко связаны с великодержавным

строительством, кто пользовался большой властью и влиял на судьбы миллионов душ. Здесь они находятся как узники и рабы, без отдыха строящие цитадель игв. Кроме гибели Жругров и разрушения Друккарга, их не освободит ничто. Здесь находятся, например, с самого начала своего посмертия Иоанн III и почти все остальные монархи, полководцы, деятельные строители государственности. Исключения? Да, есть и исключения. Это, с одной стороны, тираны: прежде чем вступить в Друккарг, им приходится веками искупать свою личную карму в глубоких страдалищах. Некоторые из них уже миновали эти круги и теперь находятся здесь, например, Иоанн Грозный. Другие, как Павел или Аракчеев, еще только поднимаются из глубины магм. Но есть и иные исключения, ничтожные по своему числу: те, кто, будучи монархом, создал еще при жизни противовес своей лично-державной карме, создал его горячею верой, высоким милосердием и добротой либо даже страдальчеством. Вспомним Владимира Святого, Владимира Мономаха, Александра Невского, Федора Иоанновича. Вспомним тех, для кого власть, едва принятая в руки, оказалась источником только страданий, утрат и даже гибели: Федора Годунова, Иоанна Антоновича. Многих удивит подобное утверждение, но Николая II избавила от Друккарга трагедия, пережитая им в Екатеринбурге. Совсем особое значение имеет одна из колоссальнейших фигур русской метаистории — Александр Первый. Ему в этой книге посвящена отдельная глава.

В Друккарге таких пленников около трехсот. Это человекоподобные существа громадных размеров, напоминающие фигуры древних титанов. Но в обликах нет ничего светящегося. Напротив: лица их кажутся испепеленными глубинным огнем, тела облачены в грубые темно-багровые ткани. Они скованы между собой, а труд их схож с кладкой камней, с возведением новых и новых ярусов цитадели. Короткий полусон. Пища — инфрарастительность. Над ними довлеет страх перед уицраором: в случае ослушания или бунта он может сбросить их, как и игв, на Дно Шаданакара. История Друккарга уже знает такие случаи.

Аналогично Друккаргу, такими же пленниками-титанами пребывают в Мудгабре Карл V, Наполеон, почти все монархи, полководцы, государственные деятели Северо-Западной Европы и Северной Америки. В Юнукамне работают камненосцами Григорий VII, Лойола, большинство пап. Торквемада, пробыв в Биаске и Пропулке много веков, поднят еще только до нижних чистилищ.

А в особом, уже совсем недоступном застенке содержат властители Друккарга тех из братьев Синклита, кто был взят ими в плен во время битв между силами шрастров и силами Света. Уничтожить их не может никто — ни уицраоры, ни игвы. Они как бы томятся в бессрочном заключении, ожидая неизбежной — рано или поздно — гибели этой крепости античеловечества.

КНИГА ПЯТАЯ
СТРУКТУРА ШАДАНАКАРА: СТИХИАЛИ

Глава первая
ДЕМОНИЧЕСКИЕ СТИХИАЛИ

В числе разнозначных и разноматериальных слоев, составляющих Шаданакар, имеется четыре сакуалы, связанные с тем, что мы называем стихиями Природы. Как связанные? через что?

Здесь мы касаемся тезиса, поддающегося изложению с некоторым трудом. Дело в том, что смысл и значение некоторой зоны трехмерного мира, объемлющего, скажем, снежные вершины гор, отнюдь не исчерпываются тем, что схватывается восприятием наших пяти чувств, то есть вот этими вершинами, состоящими из гнейса, гранита и других пород и покрытыми фирном и ледниками. Трехмерная зона эта оказывается, сверх того, как бы полусферой, соотносимой с другою зоной, условно выражаясь — полусферой, но обладающей иным числом пространственных координат. Снежные хребты, безжизненные, бесприютные и бесплодные в своем мертвом великолепии, — это только одна из двух полусфер или двух слоев тесно связанной системы. Другая полусфера или, точнее, другой ее слой — иномерен. Этот слой являет страну воплощенных духов потрясающего величия, подобных царям снежных вершин. Называется он *Орлионтана*. Именно просвечивание Орлионтаны сквозь кору трехмерного вещества вызывает то впечатление царственного спокойствия, могущества и лучезарности, которое снежные хребты вызывают в каждом, кто хоть немного способен принимать инспирацию сил трансфизического мира через красоту. Орлионтана, созерцаемая духовным зрением, — это горные вершины в духовной славе. Вершины же, доступные нашим физическим очам, — не более как плоды могучего, миллионы лет охватывающего творческого бытия этих существ — *стихиалей* Орлионтаны. Когда человеческая душа, несущая внутри себя последствия долгого пребывания в состоянии безверия, уединяется в Олирне среди ее полупрозрачных гор, именно прозрение в слой Орлионтаны способствует устранению последних следов слепой замкнутости и косности в душевном существе и приобщает человеческую душу пониманию многослойности и духовного величия Вселенной.

Но, в противоположность Орлионтане, большинство слоев стихиалей локальны, то есть пространство их не обладает космическим протяжением. Точнее, оно лишено даже той протяженности до границ Солнечной системы, какой обладают миры шрастров. Поэтому в большинстве этих слоев неба нет. Сами же слои стихиалей подобны своего рода оазисам, а между ними — пустынность. Друг от друга они отграничиваются, как и шрастры, различиями в цифрах временны́х координат.

Стихиалями называются те монады, которые проходят свой путь становления в Шаданакаре преимущественно сквозь царства Природы. При этом нельзя забывать, что аспектом своеобразного царства Природы является и человечество. Стихийные, именно стихийные силы, кипящие в нем и без которых немыслимо его существование, выражают, хотя и не исчерпывают, этот его аспект. Неудивительно поэтому, что есть и такие стихиали, которые связаны не с природой в общепринятом смысле слова, а с человечеством, с его стихийным, природным аспектом.

Есть среди стихиалей множество духовных «Я» светлой природы, есть демонической, есть и такие промежуточные группы, сущность которых была временно омрачена в ходе их развития. Но всех их объединяет одно: путь их так тесно связан с царствами Природы, как ни у кого более. Это не значит, впрочем, что монада никакой стихиали, ни на одном из отрезков своего пути не может принять инкарнацию в плоти человека, даймона или ангела. Может вполне. Так же как и некоторые человеческие монады начали создавать для себя форму из более плотных материальностей в незапамятные времена не в человеческих слоях, а в сакуале стихиалей или в сакуале ангелов. Но для них это явилось кратковременным сравнительно этапом. Столь же кратковременны для отдельных стихиалей их инкарнации в человеческих или в любых иных формах.

Если исключить из круга тех, о ком мы говорим, животное царство, а также мир деревьев, то следует считать, что наиболее плотную форму, истинное свое воплощение стихиали принимают в тех сакуалах, которым присвоено их имя. Стихии природы в Энрофе — вода, воздух, земля, растительный покров, минеральные слои, магмы и, наконец, та «жизненная сила», арунгвильта-прана, присутствие которой — непременное условие всякой органической жизни в Энрофе, — все это, по большей части, не плоть стихиалей, а скорее внешний концентрический круг среды их пребывания, пронизанный ими, движимый ими и преобразуемый, — арена и материал их творчества, их веселия и гнева, их борьбы, игры и любви. Собственная же плоть стихиалей имеет, в большинстве, струящийся характер: границы формы непостоянны и способны к взаимопроникновению. Однако так обстоит дело далеко не со всеми стихиалями, и в каждом подобном случае это будет оговорено.

Со стихиалей демонической природы я начинаю лишь потому, что этой самою демоничностью они примыкают к слоям инфрафизики, панораму которых мы, слава Богу, собираемся покинуть. Потом, сказав несколько слов о промежуточной группе, можно будет с легкою душой поставить точку на описании горестных или омраченных слоев и закончить обзор брамфатуры, после характеристики светлых стихиальных слоев, мирами наивысшими, духовно блистающими в ее недостижимой высоте, в святая святых Шаданакара.

Существует область буйных и страшных стихиалей магмы, подлежащих просветлению едва ли не позже всех: *Шартамахум*. Область эту следует понимать как зону воплощения существ, чьи шельты между инкарнациями находятся в инфражелезном океане Фукабирна, не испытывая при этом тех страданий, какие становятся уделом павших туда человеческих душ. Магмы же физические — это, как я говорил, внешний круг среды их пребывания

в периоды их воплощения в Шартамахуме, арена и материал их творчества, их гнева и борьбы. Во время вулканической деятельности, землетрясений, геологических катастроф стихиали Шартамахума вырываются из подземных глубин того слоя как бы на его поверхность; этим самым они увлекают потоки лавы в Энрофе из-под земли наверх, неся живому только погибель. Но это — лишь косвенный, почти случайный результат их деятельности. До живых существ в Энрофе им нет никакого дела, они их просто не воспринимают, а если бы и восприняли, то не поняли бы. Прямой смысл их деятельности следует искать совсем в другом плане, и он нам станет яснее, если мы представим себе, что сталось бы с земным шаром, если бы деятельность Шартамахума прекратилась миллионы лет назад. Субъективно деятельность этих стихиалей — только мятежный разгул, дикое беснование, не знающее никакого контроля и доставляющее им наслаждение именно сознанием своей силы и безнаказанности. Объективно же получается так, что этим буйствованием вызываются изменения лика земли в Энрофе, вызываются процессы горообразования, смена преобладающих режимов — морского и континентального, соответствующая эволюция растительного и животного царств и, в конце концов, создание предпосылок к появлению человека. Злобное и неистовое действование демонических стихиалей Провиденциальные силы отчасти обращают во благо, извлекают из него некий положительный итог.

Но есть и такие стихиали, из чьей деятельности извлечь положительный итог не удалось доныне. Таковы, например, стихиали трясин, болот, тропических зарослей. Слой их пребывания, называемый *Ганникс*, подобен подводной черноте. Между же инкарнациями в Ганниксе души их находятся в темнейшем из миров земного ядра — в Ытрэче. А что до Ганникса, то его бытие разве не ощущали многие народы на заре своей истории, пока иные устремления духа не заслонили, не загасили в них это переживание? А некоторые разве не ощущают бытие Ганникса и поныне? Сказания о разноликих, вернее, безликих, только личины на себя принимающих коварных существах, заманивающих человека в гибельные места, связаны именно с этим миром. Он таится не только за трехмерными зонами трясин и болот, но и в наледях сибирской тайги, в чарусах и немеречах средней России. В трагической гибели Австралийской культуры повинны, наряду со стихиалями пустынь, и черные, клубящиеся, засасывающие в темноту стихиали Ганникса.

Не менее враждебны человеку, да и всему живому стихиали песчаных массивов, чей слой воплощения называется *Свикс* и похож на пустыню в состоянии самума. Между воплощениями в этом слое стихиали пустынь находятся в Шим-биге, где усугубляют мучения проходящих через этот инфрафизический туннель человеческих душ, терзая их в виде присасывающихся к ним вихрей. Пустыня в состоянии покоя, когда стихиали Свикса утомлены или погружены в забытье, являет человеческим очам такой величавый простор, такие мирные и чистые дали, а небо зияет над ней с такой очевидной божественностью, что, вероятно, нигде в Энрофе нет областей, более способствующих созерцанию Единого. Легко понять, почему четкое единобожие возникло и утвердилось именно в странах с великими пустынями. Но пустыня двойственна. И следы замутняющих лик неба песчаных смерчей, следы

затемняющих лик Единого стихиалей Свикса можно разглядеть даже на страницах таких памятников мирового откровения, как Библия и Коран.

В непроглядных мирах земного ядра находятся между инкарнациями души еще и других стихиалей: угрюмых, косных, мрачных и алчных стихиалей морских глубин. Область их воплощений, *Нугурт*, дождется просветления очень, очень не скоро, лишь к концу второго эона. Но если силы Шартамахума вырываются на поверхность в часы извержений, то излучения Нугурта поднимаются, напротив, исподволь, из глубинной тьмы, сквозь пронизанный светом мир прекрасных стихиалей верхних слоев моря. В открытом океане излучения Нугурта сильней, потому что там толща глубинных темных слоев массивнее, чем в мелководных морских бассейнах. Для нас это излучение физически не опасно, но его опустошающему, отягчающему действию подпадает душевный состав нашего существа. Это могли бы проследить на самих себе многие моряки, если бы мысль их была вооружена трансфизическим анализом.

И есть еще один мир демонических стихиалей, стоящий как бы особняком, так как он связан не со стихиями Природы, а со стихией человечества. Слой этот называется *Дуггур*, и запомнить это название необходимо, ибо там царят демоны великих городов Энрофа, в высшей степени опасные для нашего душевного существа.

Подобно Агру и Бустичу, в структурном отношении Дуггур представляет собой океанообразную сферу темных паров, не обитаемую никем, и редкие острова, пространственно связанные с городами-гигантами трехмерного мира. Ландшафт резко урбанистичен, даже более урбанистичен, чем в шрастрах, потому что здесь нет ни гор, ни лавовых морей, ни растительности, но зато и колорита тьмы и багровых свечений тоже нет в нем. Весь спектр нашего мира наличествует и там, преобладают же тона мутно-синие, сизые, серые, голубовато-лунные. Из Дуггура видно даже небо, но из всех небесных светил — только Луна, ибо его пространство гаснет вскоре за пределами лунной брамфатуры. Впрочем, и Луна там имеет совсем не такое обличье, к которому привыкли мы, потому что из всех слоев ее брамфатуры обитатели Дуггура видят лишь тот, где обитает Воглеа — великий лунный демон. В русском языке нет соответствующего слова женского рода; но, говоря о мирах, подобных Дуггуру, потребность в таком слове переходит в необходимость. И хотя слово «демоница» непривычно и немузыкально, мне придется его употреблять.

Демоницы великих городов нашего слоя обременены в Дуггуре гигантскою материальностью. Эти воплощения их отчасти человекоподобны, но лишь настолько, насколько могут походить на человека необъятные туши, почти не способные к передвижению. В каждом из городов Дуггура такая демоница только одна; население же городов состоит из мелких демонов обоего пола, и по размерам своим, и по форме едва отличающихся от человека. Как пчелы вокруг матки, кишат они вокруг своей владычицы; но цель их — лишь отчасти помощь ей, главное же — наслаждение, а ее смысл и цель — не продолжение рода (он продолжается и без нее), а удовлетворение похоти своих подданных. Для демониц созданы грандиозные обиталища; в каждом из

городов Дуггура такое обиталище — одно, в форме усеченной пирамиды: оно напоминает чудовищный жертвенник. Дуггур не только грандиозен, он посвоему даже величав и, во всяком случае, роскошен. Как и в шрастрах, там имеется эквивалент человеческой техники, хотя по уровню его можно было бы сравнить с техникой в наших великих городах древности. Организация общества развивается очень медленно, мало-помалу начиная проявлять некоторые признаки того, что на языке человеческих понятий называется самоуправлением. Но социально-экономической основой остается рабство, причем рабами здесь оказываются те, кто сорвался сюда из человечества или из некоторых миров других стихиалей. Положение мелких демонов Дуггура напоминает положение патрициев и всадников в Древнем Риме. Нельзя сказать, чтобы они были как-нибудь особенно жестоки, но сладострастны они свыше всякой меры, как не сладострастно ни одно существо в Энрофе. Основ владычества великих демониц здесь не могли бы потрясти никакие мятежи, ибо оно основано не на страхе, а на похоти, которую испытывают к ним миллионы подданных, и на наслаждении, которое им даруется в награду за их послушание и любовь.

Демоницы Дуггура телесно отдаются одновременно целым толпам, и в их обиталищах, полудворцах-полукапищах, идет непрерывная, почти непонятная для нас оргия во славу демонической царицы Луны, той самой, чье влияние испытываем иногда мы, люди, в городские лунные ночи: оно примешивается к маняще возвышенному и чистому влиянию светлой Танит, возбуждая в человеческом существе тоску по таким сексуальным формам наслаждения, каких нет в Энрофе. В Дуггуре эти формы есть. В Дуггуре выработана почти необозримая шкала этих форм, столь разнообразных, как нигде в Шаданакаре. Влияние Танит сюда не достигает совсем, о солнечном свете здесь не имеют даже представления, все погружено то в сизый сумрак, то в бледно-синеватое, фиолетовыми вспышками играющее освещение Луны, и ничто не мешает бушеванию страстей, вызываемых лунною демоницей Воглеа. От непрерывных оргий во дворцах-жертвенниках Дуггура клубы испарений восходят к ней, и она пьет их, но бесчисленных обитателей этих городов не может удовлетворить ничто, ибо их томит еще более глубокий, мало кому из нас понятный вид сладострастия — сладострастие мистическое, тянущее их к недостижимому даже для них: к Великой Блуднице. Она — их божество, их тоска и греза. Ей посвящен их высший культ. В дни ее праздников демоницы-правительницы отдаются рабам. Но получить удовлетворение это мистическое сладострастие может лишь в Дигме, в обиталище Гагтунгра, и достойным его оказываются лишь избранники.

Восполнение жизненных сил бесчисленного населения Дуггура совершается за счет нашего слоя: излучение человеческой и отчасти звериной похоти, так называемый эйфос, беловатыми ручьями медленно и вязко движущийся вдоль улиц Дуггура; они его впивают в себя. Такая пища соответствует их собственному существу: похоть — смысл, цель, содержание и пафос их жизни. Острота наслаждений, испытываемых ими, во много раз сильнее, чем способны испытывать мы. Они движутся по кругу перевоплощений, и для них это действительно безвыходный круг: каждый раз между инкарна-

циями их души погружаются в Бустви́ч, приобретая облик человеко-червей и заживо пожирая людей-страдальцев в этом вечно гниющем мире. И все же наслаждение, доставляемое похотью, даже неутолимым мистическим сладострастием к Великой Блуднице, в их глазах так велико, что они готовы платить пребыванием в Бустви́че за беснование и оргии в Дуггуре.

Единственным светилом в Дуггуре, его солнцем, служит Луна, поэтому большую часть времени этот слой погружен в глубокий сумрак. Тогда вступает в свои права искусственное освещение — длинные цепи мутно-синих и лиловатых фонарей: они тянутся нескончаемыми гирляндами вдоль пышных, массивных зданий. В архитектуре господствует закругленная линия, но это не избавляет ее форм от тяжеловесности. Внутреннее и внешнее убранство зданий аляповато и грубо, но поражает своим богатством, своим бьющим в глаза великолепием. Зодчие, художники, даже ученые, не говоря уж о рабочих, принадлежат к классу рабов. Основное, демоническое, население Дуггура столь же импотентно умственно и художественно, насколько одарено похотью.

Для человеческой души срыв в Дуггур таит грозную опасность. Срыв происходит в том случае, если на протяжении жизни в Энрофе душу томило и растлевало сладострастие к потустороннему — то самое мистическое сладострастие, которое испытывают мелкие демоны Дуггура к Великой Блуднице. Даже пребывание в Бустви́че не может для такой души восстановить должного равновесия между отягченным эфирным телом и окружающей средою. Душа со своими облачениями проваливается в Рафаг, где ждет ее новый провал: в тот самый мир, о котором ей смутно мечталось на земле. Там, в Дуггуре, на нее надевается каррох — плотноматериальное тело, схожее с физическим, но созданное из той материальности демонических миров, которая порождена темными иерархиями метабрамфатуры и Гагтунгром. Спасение души из рабства в Дуггуре силами Света наталкивается на исключительные трудности. Есть, однако, один акт, зависящий от самой человеческой души, который может открыть перед ней путь к спасению: самоубийство. Греховное в Энрофе, где материальность сотворена Провиденциальными силами и предуготовляется к просветлению, самоубийство в демонических слоях оправдано, так как влечет за собой разрушение карроха и высвобождение души. Но если этого акта не совершено, а светлые силы помощи побеждены, душа после смерти в Дуггуре попадает в Бустви́ч опять, потом снова в Дуггур — уже не в качестве раба, а привилегированного. Шельт постепенно демонизируется, застревает в колесе инкарнаций от Дуггура до Бустви́ча и обратно, и может статься, что монада в конце концов отказывается от него. Тогда он падает в Суфэтх, кладбище Шаданакара, и умирает там навсегда, а монада покидает нашу брамфатуру, чтобы начать наново свой путь где-нибудь на других концах вселенной. Из тех немногочисленных, впрочем, душ, что погибли навеки в Суфэтхе, большинство были жертвами именно Дуггура.

Описание Дуггура можно закончить небольшим штрихом. В Дуггуро-Петербурге, так же как в Друккарге, так же как в Небесной России, есть двойник — лучше сказать — тройник огромной статуи Всадника. Но здесь этот Всадник мчится не на раругге, как в столице российского античеловечества,

и, конечно, не на заоблачном белом коне, как в Небесном Петербурге. Здесь — это изваяние первооснователя этого преисподнего города с бурно пылающим и дымящимся факелом в простертой руке. Отличие этой фигуры еще и в том, что она мчится не на коне, а на исполинском змее. Может быть, теперь поймет читающий эту книгу, о чем и о ком говорил Александр Блок в стихах, исполненных настоящего прозрения:

Сойдут глухие вечера,
Змей расклубится над домами.
В руке протянутой Петра
Запляшет факельное пламя.

Зажгутся нити фонарей,
Блеснут витрины и тротуары
В мерцанье тусклых площадей
Потянутся рядами пары.

Плащами всех укроет мгла,
Потонет взгляд в манящем взгляде.
Пускай невинность из угла
Протяжно молит о пощаде!

Там, на скале, веселый царь
Взмахнул зловонное кадило,
И ризой городская гарь
Фонарь манящий облачила!

Бегите все на зов! на лов!
На перекрестки улиц лунных!
Весь город полон голосов,
Мужских — крикливых, женских — струнных.

Он будет город свой беречь,
И, заалев перед денницей,
В руке простертой вспыхнет меч
Над затихающей столицей.

Что в руке первооснователя Дуггура рано или поздно вместо факела вспыхивает меч кары, меч кармы — это понятно. И каждая душа человеческая, побывавшая в этом темнолунном городе, не может не помнить этого, хотя бы и совсем смутно. Не вполне понятно другое: в какой мере самому Блоку были ясны взаимосвязи между Дуггуром и нашим миром. Об этом я попытаюсь высказать некоторые наблюдения в тех главах книги, которые посвящены проблеме метаисторического смысла художественной гениальности.

В некотором сочетании с Дуггуром находятся слои стихиалей, принадлежащих уже не к демонической, а к промежуточной группе. Монады их, как и других стихиалей светлой природы, — в одном из прекрасных миров «Выс-

шего Долженствования», во Фляуросе. Но вследствие того что природа их омрачена в ходе их развития, путь их инкарнации приводит в слои Нибрусков, Манику, Каттарам и Рон, а чистилища и страдалища заменены для них Дуггуром, где они влачат свои дни в состоянии рабства. Восходящее же посмертно приводит их сперва в Шалем — для них он сходен с нашей Олирной, и далее, через Файр и Уснорм, во Фляурос, где они соединяются со своими монадами.

Нибруски представляют собой существа, как бы средние между мелкими демонами Дуггура и тем, что древние римляне представляли себе под именем «гениев места». Без нибрусков не обходится ни один человеческий поселок. Мне еще неясно, как и почему эти существа заинтересованы в физической стороне человеческой любви и особенно в нашем деторождении. Может быть, какие-то излучения человеческой души в состояниях, свойственных младенчеству и раннему детству, имеют известное отношение к восполнению нибрусками своих жизненных сил. Во всяком случае, их заинтересованность не вызывает сомнений. Они по-своему хлопочут, споспешествуя сближению в нашем слое мужчин и женщин между собой, шумно радуются нашим детям, суетливо снуют вокруг них, стараясь даже предохранить их от невидимых нам опасностей. Но они капризны, импульсивны и мстительны. Доверять им можно не всегда.

И пусть мудрецы нашего века, посадившие сами себя в материалистический карцер, иронизируют с высоты своего невежества над суевериями дикарей, но только в сказках о домовых, о пенатах и ларах, о добрых и шаловливых маленьких духах домашнего очага заключается глубокая правда. Древнее язычество знало ее куда лучше нас, лучше евреев и магометан, лучше христиан, возводивших на эти безобидные существа поклепы и небылицы. Сплетни про домовых удивляют своей несправедливостью. Подобные россказни бывают порождены только одним духом — тем самым, который свойственен фанатикам монотеизма, ханжам и сухим моралистам, объявляющим все, что не входит в их канон, нечистью. Куда объективнее относились к этим существам древние, видевшие в них верных друзей — лар и пенатов!.. Область этих мелких стихиалей, ютящихся у человеческих жилищ, называется *Ма́нику*. Ландшафты этого мира похожи на комнату и не лишены уюта. Но снаружи — мрак и холод, и не дай Бог этим существам быть изгнанными из их теплых убежищ. А формы их воплощений не таковы, как у большинства стихиалей: в них нет ничего струистого, переливающегося — наоборот: как и нибруски, как жители Дуггура, они обладают плотным, четко очерченным телом, хочется сказать — тельцем. Они миниатюрны, веселы и проказливы, а некоторые активно добры. Это своего рода филантропы, любящие делать людям мелкие услуги так, чтобы этого никто не знал. Впрочем, другие из них позволяют себе с людьми более или менее безобидные шутки. Вообще же, они относятся к нам избирательно, но дом стараются хранить и оберегать как могут. Потому что в случае его разрушения разрушаются и их приюты в слое Манику, и бездомные малютки в большинстве погибают. Лишь немногим удается добраться до другого убежища.

О *Каттараме*, области стихиалей минерального царства, связанных с верхней частью земной коры, я почти ничего не могу сказать: соответствующего личного опыта у меня нет, а мои невидимые друзья сказали мне об этом мире лишь несколько слов. Я узнал только, что ландшафт Каттарама — подземные пустоты среди самосветящихся метаминералов — красив сказочной красотой, но нам это все-таки казалось бы мертвенным. Население Каттарама разнообразно (вспомним «Хозяйку Медной горы», с одной стороны, троллей — с другой), и общение с этими стихиалями может быть чревато, хотя и не всегда, потусторонними опасностями. Еще менее знаком мне *Рон*: его ландшафт схож с Каттарамом, но обогащен отражением неба — именно только отражением. Это область горных стихиалей, пестрый мир существ, часто враждующих между собой.

Последним или, вернее, высшим из слоев этой сакуалы нужно считать *Шале́м* — своеобразную Олирну для стихиалей четырех предыдущих слоев. Ландшафт его сравним отчасти с колоссальными дубами среди пустыни. В средоточиях ландшафта преобладают сине-зеленые тона, к окраинам — желтоватые и серые. Здесь стихиали становятся вполне светлыми, царственными, и здесь их ждет не смерть, а трансформа, ведущая в Файр и Уснорм; они ее покупают ценой почти полной телесной неподвижности. Неподвижность возмещается глубиной и сосредоточенной проникновенностью духовного созерцания, в которое они погружены. Некоторые народы нашего мира, ощущая бытие этих существ, понимали их как духов отдельных гор, водопадов, источников, урочищ. В действительности это не духи, а вполне воплощенные существа, а неразрывная связь между ними и урочищами Энрофа — лишь кажущаяся. Она обусловлена их неподвижностью, которую древние толковали сообразно уровню своего понимания подобных истин. Правда же в том, что, если источник иссякнет, водопад будет перекрыт, гора разрушена землетрясением, стихиали Шалема останутся незыблемо на своих местах, пока их внутренняя работа над собственным существом не подведет их к мгновению трансформы.

Глава вторая
СВЕТЛЫЕ СТИХИАЛИ

Я утомил перечислением все новых и новых слоев, введением новых и новых названий. Теперь их осталось впереди, правда, уже немного — обозрение структуры Шаданакара близится к концу, — но мне бы хотелось дать понять, что не ради забавы или причуды я ввожу все эти имена. Сколь бы непривычно ни звучали они сейчас и сколь бы ни казались подавляющему большинству праздной игрой воображения, но придут времена, когда каждый школьник старшего возраста будет знать эти имена столь же твердо, как теперь знает он названия латиноамериканских республик или провинций Китая. Если бы я думал иначе, я бы никогда не дерзнул приковывать к этим именам и названиям внимание читающих. Какой смысл составлять «географию» и «геологию» какой-нибудь планеты из системы Альдебарана, если на нее никто никогда не попадет и даже наши потомки, может быть, разглядят ее лишь в виде слабой звездочки? Кому нужна такая выдумка? Но метагеография Шаданакара сейчас нужна единицам, скоро понадобится сотням, а

когда-нибудь, вероятно, миллионам. Ведь и обыкновенная география была нужна лишь единицам всего каких-нибудь двести лет назад, во времена госпожи Простаковой.

Как счастлив я, что окончился наш спуск в демонические миры и что перед нами — слои существ прекрасных, для человека безусловно благоприятных. Но описывать светлое, тем более потустороннее, всегда значительно труднее, чем темное или чудовищное. Опасаюсь, что и я не избегну удела большинства тех, кто пишет: находя краски и слова для образов омраченных и скорбных, томиться от недостатка изобразительных средств, когда дело доходит до заоблачных сияний.

Именно сияя и блистая в возвышенном Фляуросе, монады светлых стихиалей протягивают оттуда свои шельты, подобно лучам, — в затомисы, чтобы там сосредоточивать вокруг себя просветленную материю: это их души, облаченные в астральные покровы. В промежутках между воплощениями эти души остаются там. Воплощаясь же в мирах светлых стихиалей, они, в свою очередь, концентрируют вокруг себя материальность более плотной субстанции: эфирную. Именно эти миры и перечисляются в настоящей главе. Ни одна из светлых стихиалей, исключая стихиали Арашамфа, не знает размножения, как и не знает воплощения в Энрофе. Каждая из них самостоятельно облекает себя тканями четырехмерного мира: такова инкарнация, не нуждающаяся в размножении. А после цепочки инкарнаций каждая стихиаль, вместо очередного умирания, переживает трансформу, уводящую в Файр и Уснорм.

Энроф, и в частности людей, они воспринимают осязанием и одним из чувств, которых у нас нет. И уж конечно, человек для них не безразличен: их отношение к каждому из нас определяется его отношением к Природе. А о том, что стихии Энрофа правильнее всего понимать как внешний, концентрический круг среды их пребывания, я уже говорил. Кажется, только поэзии и музыке удавалось до сих пор выразить эту взаимосвязь стихиалей и стихий, эту дивную жизнь их в веселье, игре, любви и радости. Достаточно вспомнить гениальные страницы Вагнера — так называемый «Шелест леса», где не ветер уже проносится над морем деревьев и зацветающими лугами, но сами стихиали целуют этим ветром друг друга и прекрасную землю.

Немецкие сказки об эльфах — совсем не сказки: слой обитания добродушных, очаровательных маленьких существ, похожих на эльфов, действительно есть. Можно так и называть его: *Страна Эльфов*.

Верхний тоненький слоек земной коры, где таятся корни и семена растений, имеет в трансфизических мирах свое соответствие — чудесную страну *Дараи́нну*, область благих духов, пестующих корни и семена. Ее ландшафт может показаться волшебным: семена и корни тихо светятся нежнейшими оттенками голубоватого, серебристого, зеленоватого цвета; вокруг каждого зерна мягко мерцает живая аура. Обитатели Дараинны — крошечные существа, похожие на белые колпачки; сверху у каждого еще один колпачок, поменьше, вроде головки; имеется пара нежных и ловких конечностей — среднее между руками и крыльями. Они тихо переплывают по воздуху, шелестя складками своих колпачков — это их речь, их форма общения между собою, — и ворожат над семенами и корнями, как над колыбелями. Им ведомы те загадочные процессы, благодаря которым из крошечного семени вырастает большое дерево со всей сложностью своих форм. Если бы не их помощь, темные силы получили бы доступ к этим колыбелям и давно уже превратили бы земную поверхность в непроходимые заросли кошмарных форм — вампирически хищных и безобразных эквивалентов растительности.

Если углубляться в почву Дараинны, в конце концов достигнешь Рона или Каттарама.

Нижнему ярусу лесов — мхам, травам, кустам, всему, что мы называем подлеском, — соответствует слой по имени *Мурохáмма*, а обиталище стихиалей деревьев именуется *Арашáмф*.

Нет, это не дриады. Может быть, и были существа, подобные тем, кого так называли древние греки, но я их не знаю. Стихиали Мурохаммы и Арашамфа нисколько не походят на людей, да и ни на одно существо нашего слоя. Души отдельных деревьев существуют в затомисах, они там разумны, высокопрекрасны и мудры. Братья синклитов общаются с ними в полной мере: это взаимный обмен идеями, чувствами, жизненным опытом. Но в Арашамфе они облекаются эфирными телами и погружаются в полудремоту. Деревья Энрофа — их физические тела. Каждая стихиаль Арашамфа прошла через множество воплощений; общую сумму лет существования в Энрофе можно исчислять для многих из них громадными цифрами, приближающимися к миллиону. Ландшафт же Арашамфа напоминает зеленоватые, тихо покачивающиеся языки благовонного негорячего пламени. Некоторые из них благи, подобно праведникам, и благосклонны к нам. Они терпеливы, спокойны и смиренномудры. Иногда между ними совершается нечто торжественное: они склоняются друг к другу, все в одну сторону. Весь эфирный лес превращается в тихо сгибающиеся и выпрямляющиеся, друг в друга переливающиеся пламена; они возносят хором нечто вроде славословия. В этом принимает участие иногда и слой Мурохаммы: он являет собой то же зеленоватое пространство, но еще гуще, темнее, теплее и еще ласковее.

Всякий легко припомнит, как на летней заре или весенним полднем проносятся тихие ветры, целующие землю. Они целуют землю с ее травами, нивами и дорогами, деревья, поверхность рек и озер, людей и животных. Эти стихиали слоя, называемого *Вайита*, радуются жизни. Они радуются нам и растениям, водам и Солнцу, радуются прохладной, горячей, мягкой, твердой, освещенной или полутемной земле, гладят ее и ласкают. Если же нам удалось бы увидеть Вайиту собственными очами, нам показалось бы, что мы погружены в зеленоватые, благоухающие, играющие волны, совершенно прозрачные, прохладно-теплые, а главное — живые, разумные и радующиеся нам.

Когда жарким днем окунаешь лицо в траву цветущего луга и от медовых запахов, от дыхания нагретой земли и листьев кружится голова, а еле слышные дуновения света и тепла проносятся над лугами, — это стихиали Вайиты играют и празднуют вместе с детьми *Фальтуры* — области стихиалей лугов и полей. В нас не остается ни единого мутного помысла — может показаться, что это и есть утраченный рай, пыль «житейского попечения» сдувается с души чистыми дыханиями и, кроме всепоглощающей любви к Природе, мы не в состоянии испытывать ничего.

Сквозь бегущие воды мирных рек просвечивает мир воистину невыразимой прелести. Есть особая иерархия — я издавна привык называть ее душами рек, хотя теперь понимаю, что это выражение не точно. Каждая река обладает такой «душой», единственной и неповторимой. Внешний слой ее вечнотекущей плоти мы видим как струи реки; ее подлинная душа — в Небесной России или в другой небесной стране, если она течет по землям другой культуры Энрофа. Но внутренний слой ее плоти, эфирной, который она пронизывает несравненно живей и где она проявляется почти с полной сознательностью, — он находится в мире, смежном с нами и называемом *Лиурною*. Блаженство ее жизни заключается в том, что она непрерывно отдает оба потока своей струящейся плоти большей реке, а та — морю, но плоть не скудеет, все струясь и струясь от истока к устью. Невозможно найти слова, чтобы выразить очарование этих существ, таких радостных, смеющихся, милых, чистых и мирных, что никакая человеческая нежность не сравнима с их нежностью, кроме разве нежности самых светлых и любящих дочерей человеческих. И если нам посчастливилось воспринять Лиурну душой и телом, погружая тело в струи реки, тело эфирное — в струи Лиурны, а душу — в ее душу, сияющую в затомисе, — на берег выйдешь с таким чистым, просветлевшим и радостным сердцем, каким мог бы обладать человек до грехопадения.

Воздействием на человеческую душу с Лиурною отчасти схож *Вланми́м* — область стихиалей верхних слоев моря. Ландшафт этого мира — ярко-синий, ритмически волнующийся океан, — такой нежно-яркой, упоительной синевы в Энрофе не существует, — а волны его зацветают не пеной, но молочно-белыми ажурными сферами, похожими на большие цветы: цветы распускаются и тают на глазах, распускаются и снова тают. Стихиали Лиурны — женственной природы, Вланмима — мужской, но это не имеет никакого отношения к размножению, хотя соединение реки с морем есть выражение любви стихиалей этих двух миров между собою. Вланмим тоже способен делать нас более мудрыми и чистыми, но он открыт снизу воздействиям мрачных стихиалей морских глубин — Нугурта, а потому он суровее. Воздействие его заметно на душевном складе и даже физическом облике людей, повседневно соприкасающихся с ним, хотя бы и за порогом своего сознания: на рыбаках и отчасти моряках. На последних, впрочем, слишком заметна печать еще других, не светлых стихиалей: хозяев Нугурта — с одной стороны, Нибруско в и Дуггура — стихиалей больших портовых городов — с другой. Рыбаки же получили от излучений Вланмима черту, отличающую их от остального народа: сочетание чистоты, мужества и грубоватой, немного жестокой силы с детскою цельностью души.

Повсюду над землей и морями простерт *Зунгуф* — область стихиалей воздушной влаги, творящих облака, дождь, росу и туман. Зунгуф не отделен определенной границей от *Ирудраны* — области стихиалей, чья деятельность проявляется в Энрофе грозами, отчасти ураганами; оба эти слоя переливаются друг в друга, как и их существа. Приоткрывается тот самый трансмиф, что брезжил в древних мифологемах народов, вызывая в их творческом воображении титанические образы громовников: Индра, Перун, Тор. О, если бы древние, привнося в эти образы, как и во все, человеческие черты, могли

знать, как бесконечно далеки эти существа от малейшего сходства с человеком! И когда струи ливня обрушиваются на землю и бурные, веселые дети Зунгуфа ликуют, то припадая к земле и поверхности вод, то отпрядывая вверх, в бурлящий водяной стихией воздух — выше, в Ирудране, бушуют рати существ, не похожих на Тора и Индру ничем, кроме веселой воинственности: для них гроза есть творчество, а ураган — полнота их жизни.

Если при легком морозце тихо падает мягкий снежок или если деревья и здания стоят, убеленные инеем, бодрая, резвая, почти восторженная радость, которую испытываем мы, свидетельствует о близости дивных стихиалей *Нивенны*. Белые просторы, безгрешные особою, невыразимой чистотой, — вот что такое Нивенна, страна стихиалей инея, падающего снега, свежего снежного покрова. Резвящиеся в нездешнем веселии, похожем на веселость эльфов, они укрывают возлюбленную землю своей фатой. Почему такая радость жизни пронизывает нас, когда мириады бесшумных белых звезд тихо опускаются вокруг? И почему, когда мы видим леса или городские парки, убеленные инеем, мы испытываем чувство, соединяющее в себе торжественность и легкость, прилив жизненных сил и восхищение, благоговение и детский восторг? А тех из нас, кто сохранил в душе вечно детское начало, стихиали Нивенны любят особенно нежно, они приветствуют его и пробуют с ним играть: даже возбуждение, мальчишеский азарт, быстрый бег крови в жилах у ребят во время игры в снежки или катания на салазках с гор для них приятны.

С Нивенной соседствует суровый и хмурый *Аха́ш* — связанный с полярными областями нашей планеты слой арктических и антарктических стихиалей. Ахаш обладает космической протяженностью, из него виден Млечный Путь. В соответствующие времена года границы обеих полярных зон придвигаются к тропикам.

Необузданная душа этих существ, с ее склонностью к переходам от кристально-ясного созерцания к неистовству, с ее порывами строить целые миры из трансфизических льдов, с ее любовью взирать, глаза в глаза, в бездонные провалы метагалактики — наложила разительную печать на воспринимаемую всеми нами природу полярных бассейнов. Когда обращение Земли вокруг Солнца вызывает в Северном полушарии наступление зимы и делает доступными для стихиалей Ахаша обитаемые людьми области материков, они вторгаются туда, увлекая за собой физические массы арктического воздуха, воинствуют метелями и буранами по полям и тайге, ликуют в вышине антициклонами. Они не видят Энрофа так, как видим его мы. Они не воспринимают зрением также и человека. Но есть среди них более хищные и душевно холодные, как андерсеновская Снежная Королева — они опасны для человека; есть и другие, улавливающие атмосферу души тех из нас, кто родствен им мужеством, удалью и бесстрашием. Таких они могут любить странною, несоизмеримою с нами любовью. Они баюкают его на своих снежных коленях, открывают ему пути в глубину своих стран, показывают ему жуткое великолепие физических покровов своего царства и, не соразмерив своей грандиозности с нашей телесной малостью, готовы укутать его белым саваном под песню вьюг.

И подобно тому как обладает космической протяженностью пространство Ахаша, обладают ею и два последних слоя стихиалей: *Дира́мн*, связанный со стратосферным воздушным океаном пояса низких температур, и *Сиа́нна* — мир, просвечивающий внутреннему зрению сквозь те высокотемпературные зоны, которые объемлют нашу планету на большой высоте. Однако обитающие там стихиали столь огромны и столь чужды нашему душевному складу, что понять их сущность чрезвычайно трудно. Они светлы, но опаляющим, грозным светом. Только уже взошедшему на исключительную высоту человеческому духу возможен доступ в их царство.

Такова сакуала Малых Стихиалей. Малых, конечно не в сравнении с людьми — многие из них гораздо могущественнее отдельного человека, — но в сравнении с сакуалою других, с восходящей лестницей Стихиалей Верховных, с рядом подлинных планетарных божеств. Это властелины. Малые стихиали радостно трепещут от их дыхания. Большинство из них — прекрасные, высокоблагие существа невыразимого величия. Но о ландшафтах этих слоев говорить почти невозможно, как и о форме этих великих существ: каждый из них присутствует одновременно во множестве точек своего слоя.

«Царь Благословляющих Крыльев», *Ваю́мн*, воплощенный дух воздушного океана, распространяет свое владычество от крайних пределов атмосферы до самых глубоких пропастей. Его брата, «Царя Оживляющих Вод» *Эа* (кажется, его другое имя Вларол), почитали еще греки под именем Посейдона, римляне под именем Нептуна, но глубже всего поняли благость и космичность его существа вавилоняне, почитавшие хранителя и хозяина мировых вод великолепным культом. Оба духа несут вечную стражу у истоков жизни на всей земле — не только в Энрофе, но и во многих других сакуалах. Оба древни, как вода и воздух, и безгрешны, как они.

Еще древнее третий из братьев — *Повýрн*, «Царь Пылающего Тела», ибо под верованиями в Плутона и Яму древних таится глубочайшая реальность. Этот устрашающий властелин подземных магм не есть слуга Гагтунгра; однако его преображение предстоит, кажется, позже всех, в конце второго эона.

Есть и четвертый великий брат, младший: *Зара́нда*, воплощенный в своем иноматериальном слое — «Царь Всех Животных Царств». Трагическая история животного царства в Энрофе наложила отпечаток глубокой, воистину мировой скорби на его лик. И как ни объясняли бы историки символику египетского сфинкса, метаистория всегда будет видеть в нем эмблему того, кто совмещает в себе природу Великого Зверя с мудростью выше человеческой.

Верховных стихиалей — семь. Две божественные сестры делят между собой остальные сферы могущества: *Эсти́ра*, «Царица Вечного Сада» — госпожа растительных царств Шаданакара, и *Лили́т* — «Всенародная Афродита» всех человечеств.

Значение Лилит в нашем существовании необозримо велико. Как и у всех Верховных Стихиалей, мир ее обитания несоизмерим ни с какими нашими формами и неописуем, а ее собственный облик необозрим. Ее иноматериальное тело единоприсутствует во множестве мест ее слоя, и лишь в отдельных случаях она принимает образ, который может быть воспринят духовным зрением человека. Хотя я не знаю механизма этого процесса, но знаю, что без участия Лилит невозможно формирование ни одного тела в мирах плотной материальности: исключение составляют животные, виды которых формируются Зарандой. Во всех же остальных царствах эта деятельность выполняется Лилит: она формирует цепь рода как в человечестве Энрофа, так и у даймонов, и в мирах демонических — у раруггов и игв, и у обитателей Дуггура. Каждое плотноматериальное тело, создаваемое при ее участии в мирах темных, есть каррох.

Вот почему она заслуживает вполне наименование ваятельницы нашей — и не только нашей — плоти. Потому же с ее бытием и воздействием неразрывно связана у человека сфера половых чувств. Она ли сама или ее кароссы, но это начало всегда надстоит над всяким актом человеческого соития, и пока плод вынашивается во чреве, она всегда здесь.

Некогда, в глубочайшей древности, эта стихиаль стала супругою Первоангела — того величайшего Духа, что сделался Логосом Шаданакара. Это было во времена творения ангельских слоев, и Лилит стала праматерью этого первого человечества. Но Гагтунгр сумел проникнуть в мир Лилит, и ее тончайшее материальное тело восприняло в себя некий демонический элемент. Это была катастрофа. С тех пор все цепи рода, формируемые ею, будь то в мирах титанов, даймонов или людей, принимают в себя нечто от этого элемента. Еврейская мистика знает термин «эйцехоре» — семя дьявола в человеке. Попробуем пользоваться им для обозначения этого проклятого семени и в человеке, и в самой Лилит, несущей его в себе по сей день, и в ее кароссах.

Монадой и всей полнотой сознания обладает только Лилит: ее локальные проявления, кароссы, в том числе и Дингра России, при всей своей мощи и вековой устойчивости, имеют лишь эквивалент сознательности и лишены монад. Этим ваятельницам физической плоти народов мы обязаны, между прочим, теми подчас явными, иногда почти неуловимыми чертами сходства, видимого физического родства, которыми отмечена масса индивидуальных обликов какого-либо народа. Известно, что в античной древности на Кипре культ богини любви распался в свое время на две противоположности: возвышенный культ Афродиты Урании, духовной, творческой, поэтизируемой и поэтизирующей любви, и культ Афродиты Пандемос (Pandemios), что можно приблизительно перевести выражением «Афродита Всенародная». Он широко разлился в народных низах, проявляясь в оргиастических празднествах и благословляя разврат как священную дань богине. Аналогичный процесс раздвоения и поляризации когда-то слитных начал знают и некоторые другие культуры. Еще больше таких культур, где взору историка отчетливо предстает уже более поздний этап: культ разврата и хаотическое смешение демонического и стихиального элементов под лживой личиной божественного. Ритуальная проституция в Ханаане, Вавилонии, Индии и других странах — явление этого порядка. Над подобными институтами, над радениями оргиастических сект, над массовыми совокуплениями и доныне надстоят кароссы наций или сверхнародов. Ясно также, что такие явления не могут обойтись без вмешательства лунной демоницы и темных сил Дуггура. Но когда в борьбе с теми, кто грозит уничтожением физического существования

народа, его демиург изыскивает пути к созданию могучего и воинственного защитника, он принужден сходить к кароссе и сочетаться с ней. Проклятое эйцехоре неминуемо входит в их общее порождение, и отравленная плоть кароссы создает двойственное чудовище. Таково происхождение всех первых членов в каждом роде уицраоров. Освобождение каросс и самой Лилит от эйцехоре будет возможно, по-видимому, лишь во втором эоне.

Первая и последняя из Верховных Стихиалей — мать всем остальным, и не только им, но и всему, существующему в Шаданакаре: всякой стихиали, всякому зверю, человеку, даймону, ангелу, демону и даже великим иерархиям. Неоскудевающее лоно, она есть то, что творит эфирные тела всех существ, а в творении их астральных тел участвует наряду с их личными монадами. Ей свойственна неистощимая теплая любовь ко всем, даже к демонам: она тоскует и скорбит о них, но прощает. *«Ма́ти»* называют ее все, даже ангелы мрака и чудовища Гашшарвы. Она любит всех, но благоговеет лишь перед наивысшими иерархиями Шаданакара, в особенности Христом. Оплодотворяет же ее Солнце: и в Энрофе, и в собственном неописуемом мире ее оплодотворяет этот великий, ослепительный дух. Людей, их душевное состояние, их внутренний образ она воспринимает, она слышит, она отзывается на призыв нашего сердца, отвечает через Природу и любовь. Да благословится ее имя! Ей можно и должно молиться с великим смирением.

Да благословится дочь Земли и Солнца, прекрасная Луна, и трижды благословится Солнце. Все мы когда-то пребывали — и будущим нашим телом, и будущей нашей душой, вместе со всем Шаданакаром — в его пречистых недрах. О великий бог-светоносец! Тебя славили в храмах Египта и Эллады, на берегах Ганга и на зиккуратах Ура, в Стране восходящего солнца и на далеком Западе, на плоскогорьях Анд. Мы любим тебя все, злые и добрые, мудрые и темные, верующие по-разному и неверующие — те, кто чувствует твое сердце, неизмеримое в своей благости, и те, кто просто радуется свету твоему и теплу. Твоя ослепительная Элита уже сотворила в Шаданакаре лестницу лучезарных слоев и по ней изливает ниже и ниже, в миры ангелов, в миры стихиалей, в миры человечества каскады духовных благ. Прекрасный дух, зачинатель и отец всякой плоти, зримый образ и подобие Солнца Мира, живая икона Единого, позволь и мне влить никому, кроме тебя, не слышный голос во всеобщую тебе хвалу. Люби нас, сияющий!

Глава третья
ОТНОШЕНИЕ К ЖИВОТНОМУ ЦАРСТВУ

Мы сами часто не осознаем, что утилитарный угол зрения на все существующее стал для нас чем-то вроде нашего второго «я». Все на свете расценивается исключительно сообразно тому, в какой мере оно полезно для человека. Но если нам давно уже кажется диким тот историко-культурный провинциализм, который возводится в политическую теорию и именует себя «национализмом», то космический провинциализм человечества покажется столь же смешным нашим потомкам. Легенда о «венце мироздания», это наследие средневековой ограниченности и варварского эгоизма, должна будет вместе с господством покровительствующей ей материалистической доктрины развеяться как дым.

Приходит новое мироотношение: для него человек есть существо в грандиозной цепи других существ, он совершеннее многих, но и ничтожнее многих и многих, и каждое из этих существ имеет автономную ценность, безотносительно к его полезности для человека.

Но как же эту ценность определить в каждом конкретном случае? какой критерий для этого взять? какую иерархию ценностей установить?

Можно констатировать прежде всего, что ценность, материальная или духовная, какого-либо объекта, материального или духовного, возрастает вместе с суммой усилий, затраченных на то, чтобы он стал таким, каков он есть. Конечно, когда мы применяем этот принцип к оценке живых существ, мы легко убеждаемся, что подсчитать сумму этих усилий для нас невозможно. Но возможно другое: возможно отдавать себе отчет в том, что чем выше ступень, достигнутая существом на космической лестнице, тем сумма затраченных на это усилий (его личных, природы или Провиденциальных сил) должна быть больше. Развитие интеллекта и всех способностей человека, отличающих его от животного, потребовало неимоверного количества труда — и его собственного, и Провиденциальных сил — сверх того труда, который был затрачен ранее на возведение животных от простейших форм до высших. На этом и основывается космическая иерархия ценностей, насколько мы можем ее понять. Из нее следует, что ценность инфузории меньше ценности насекомого, ценность насекомого меньше ценности млекопитающего, ценность этого последнего еще далека от ценности человека, ценность человека невелика сравнительно с ценностью архангела или демиурга народа, а ценность этого последнего, при всем ее масштабе, теряется рядом с ценностью Владык Света, демиургов Галактики.

Если взять этот принцип изолированно, можно сделать вывод о фактической безответственности человека по отношению ко всем, ниже его стоящим: раз его ценность выше, значит, ему самой природой указано пользоваться их жизнями так, как ему это полезно.

Но никакой этический принцип не должен рассматриваться изолированно: он не самодовлеющ, он — частность в общей системе принципов, определяющих ныне бытие Шаданакара. Противовес принципу духовной ценности можно назвать принципом нравственного долга. На стадиях ниже человека и даже на ранних стадиях человечества этот принцип еще не был осознан; теперь же его можно формулировать с точностью уже довольно значительного приближения. Вот эта формула: *начиная со ступени человека долг существа по отношению к нижестоящим возрастает по мере восхождения его по дальнейшим ступеням.*

На первобытного человека уже возлагался долг по отношению к приручаемым животным. И не в том он состоял, что человек должен был их кормить и охранять: это был еще простой обмен, долг в низшем, материальном, а не в этическом смысле, потому что за корм и кров человек брал у домашнего животного либо его труд, либо молоко и шерсть, либо даже его жизнь (в

последнем случае он, конечно, уже нарушал естественную пропорцию обмена). Этический же долг первобытного человека заключался в том, что он должен был то животное, которое приручал и которым пользовался, любить. Древний наездник, питавший глубокое чувство к своему коню, пастух, проявлявший к своему скоту не только заботу, но и ласку, крестьянин или охотник, любившие свою корову или собаку, — все они выполняли свой этический долг.

Этот элементарный долг оставался общечеловеческой нормой до наших дней. Правда, отдельные высокие души — те, кого мы называем праведниками, а индусы называют более точным словом — махатма, высокий духом, — понимали новый, гораздо более высокий уровень долга, естественно вытекавший именно из их духовного величия. Жития святых полны рассказами о дружбе иноков и отшельников с медведями, волками, львами. В иных случаях это, быть может, легенды, но в других факты этого рода запротоколированы исторически точно, например — в свидетельствах о жизни св. Франциска Ассизского или св. Серафима Саровского.

Разумеется, подобный уровень долга по отношению к животным свойствен лишь ступени святости; уделом большинства человечества он не может быть так же, как и три тысячи лет назад. Но три тысячи лет — срок немалый. И ничем не оправдан тезис, будто мы и теперь обречены оставаться на том уровне примитивного долга, что и наши далекие предки. Если человек, блуждавший в тесном и мутном анимистическом мире, уже мог любить своего коня или пса, для нас это, по меньшей мере, недостаточно. Неужели колоссальный путь, проделанный нами с тех пор, не обязывает нас к большему? Разве мы не в состоянии любить и тех животных, от которых не получаем непосредственной пользы, — диких животных, по крайней мере тех из них, которые не приносят нам вреда?

Тем, что мы условно называем шельтами или, если угодно, душами, то есть тончайшим иноматериальным покровом, созданным для себя бессмертной монадой, обладают все существа, включая инфузорию: без шельта невозможно никакое материальное существование, как без монады невозможно никакое существование вообще. Но монады животных находятся в одном из миров Высокого Долженствования — в Каэрмисе, души же совершают длительные пути по восходящей спирали сквозь особую сакуалу, состоящую из нескольких слоев. Они воплощаются здесь, в Энрофе, но нисходящего посмертия у многих из них нет. Закон кармы довлеет и над ними, но для них он другой; развязывание узлов происходит только в Энрофе, на путях бесчисленных инкарнаций в пределах класса, с чрезвычайною медленностью.

По начальному замыслу Провиденциальных сил, Энроф был предназначен именно для животного царства, то есть для множества монад, сходивших своими шельтами сюда для того, чтобы приступить к великому творческому деянию: просветлению материальности трехмерного слоя. Вмешательство Гагтунгра исказило этот замысел, усложнило пути, изуродовало судьбы, ужасающим образом растянуло сроки. Достигнуто это было главным образом тем, что с самого начала органической жизни в Энрофе она была подчинена закону взаимопожирания.

Почему так очаровательны, так милы детеныши почти всех животных? Почему, не говоря уже о волчатах и львятах, даже поросята и маленькие гиены не вызывают в нас ничего, кроме доброго и трогательного чувства? Потому что проявление демонического начала в животном начинается лишь с той минуты, когда ему приходится вступить в борьбу за жизнь, то есть подпасть закону взаимопожирания. Маленькие звереныши Энрофа напоминают те образы зверей, которыми они обладали в смежном мире, откуда впервые попадали в Энроф. Даже змеи в том слое были прелестными существами, веселыми, очень резвыми. Они танцевали, славя Бога. И еще прекраснее, разумнее и мудрее они должны были бы стать в Энрофе, если бы не Гагтунгр.

Его деятельность провела между двумя половинами животного царства резкую черту. Одну половину ему удалось демонизировать очень сильно, поставив духовному развитию этих животных крайне низкий потолок тем, что они могли существовать не иначе как за счет своих собратьев. Вообще, хищное начало демонично по своей природе, и в каком бы существе мы его ни встретили, это значит, что демонические силы уже основательно поработали над ним. Другая половина животного царства была предназначена в жертву первой. Хищное начало не было в нее заброшено, эти виды ограничились растительною пищей, но прозябание в условиях почти непрерывного бегства или прятания от опасностей страшно затормозило их умственное развитие.

Цель просветления трехмерной материальности продолжала стоять перед Провиденциальными силами. Так как животное царство оказалось к этому неспособным, по крайней мере на обозримый вперед отрезок времени, были созданы предпосылки к тому, чтобы из него выделился один вид, могущий скорее и успешнее справиться с этою задачей. Выделение этого вида имело характер стремительного рывка вперед. При этом тот родительский вид, от которого отделился новый, прогрессирующий, послужил ему как бы трамплином для прыжка. И чем стремительнее был рывок вперед человеческого рода, тем дальше откатился назад родительский вид, служивший трамплином. Позднее этот вид сформировался в отряд обезьян — трагический образец регресса. Таким образом, наш скачок от зверя к человеку был оплачен остановкой развития бесчисленного множества других существ.

Животные демонизированы тем сильнее, чем более они хищны. Конечно, эта демонизация ограничивается их шельтами и более плотными материальными облачениями: монаду она затронуть не может. Но демонизация шельта может достигать ужасающих степеней и вызывать страшнейшие последствия. Достаточно вспомнить то, что произошло со многими видами из класса пресмыкающихся. Мезозойская эра ознаменовалась тем, что этот класс, достигший к тому времени гигантских форм, был рассечен пополам: одна половина, оставшаяся травоядной, получила в дальнейшем возможность развития в других слоях, и теперь имеется некий материальный мир, называемый *Жимейрой*, где прошедшие через бесчисленные инкарнации бронтозавры и игуанодоны обитают в виде вполне разумных, добрых и необыкновенно ласковых существ. Другая же половина гигантских ящеров, хищники, эволюционировали в других слоях в противоположную сторону. На них дав-

но уже не физическое тело, а каррох, и не кто иной как они свирепствуют в шрастрах в виде раруггов.

Жимейра, нынешнее обиталище лучшей части животных древних геологических эр, уже исчезает: они переходят в более высокие слои. Полны мириадами существ два других слоя: *Исонг* — мир душ большинства животных, существующих ныне, сквозь который они мелькают очень быстро в промежутках между инкарнациями, и *Эрмастиг* — мир душ высших животных: туда поднимаются после смерти лишь представители немногих видов, да и то далеко не все. Задерживаются они в этом мире гораздо дольше, чем в Исонге.

Мне вспоминаются замечательные по своей глубине слова старца Зосимы: «Посмотри на коня али на вола... понурого и задумчивого, посмотри на лики их: какая кротость, какая привязанность к человеку, часто бьющему их безжалостно, какая незлобивость, какая доверчивость и какая красота в его лике!» Дерзнуть сказать о лошадиной или коровьей морде «лик» — для этого нужно обладать силой подлинного прозрения. Привычная для нас поверхность вещей засквозила перед вещим взором — не Зосимы, а Достоевского, и он сквозь данность увидал долженствование. Долженствование животных. Ибо уже есть мир, где ставшие души многих из них, облеченные в просветленные тела, прекрасны и — мало сказать — высокоразумны, но духовно-мудры. Этого мира, *Хангвиллы,* высшего в сакуале, они должны со временем достигнуть все, чтобы подниматься дальше, в Файр, Уснорм и Каэрмис.

О, гнусные следы Гагтунгровой лапы видны и на многом другом в царстве животных! Ему удалось, например, надавив на некоторые шельты животных, совершить над ними насилие, которому трудно найти аналог в нашем слое. Он не то что расплющил их или раздробил, но он сделал их из индивидуальных коллективными. Индивидуальные шельты многих низших существ суть кратковременные проявления именно такого коллективного шельта. Таковы, например, большинство насекомых, не говоря уже о простейших. Индивидуальный шельт мухи или, например, пчелы — это, если так можно сказать, только малюсенькое вздутие на поверхности сферы коллективной души; умерла пчела или муха здесь, в Энрофе, — и вздутие это втянулось опять в общую сферу, влилось в шельт роя или мушиного множества. Мир коллективных душ насекомых и простейших называется *Нигойда*: там эти коллективные души, особенно пчел и муравьев, разумны, видом же схожи с обликом существ, их воплощавших в Энрофе, но больше и светлее. Некоторые из них — правда, пока немногие — поднимаются выше, в Хангвиллу, и там становятся прекрасны и мудры; у них появляются даже царственность и великолепие. Хангвилла — своеобразный великий общий затомис всего животного царства, и оттуда звериные просветленные души поднимаются через Файр уже в самый Уснорм, где принимают участие в вечном богослужении Шаданакара.

Еще более странным покажется то, что касается не живых зверей, а некоторых детских игрушек. Я имею в виду всем известных плюшевых мишек, зайцев и тому подобные безделушки. В детстве их любил каждый из нас, и каждый испытывал тоску и боль, когда начинал понимать, что это — не живые существа, а просто человеческие изделия. Но радость в том, что правее не мы, а дети, свято верящие в живую природу своих игрушек и даже в то, что они могут говорить. Нашим высшим разумом мы могли бы в этих случаях наблюдать совершенно особый процесс творения. Сначала у такой игрушки нет ни эфирного и астрального тела, ни шельта, ни, само собой разумеется, монады. Но чем больше любим плюшевый медвежонок, чем больше изливается на него из детской души нежности, тепла, ласки, жалости и доверия, тем плотнее сосредоточивается в нем та тончайшая материя, из которой создается шельт. Постепенно он создается и в самом деле, но ни астрального, ни эфирного тела у него нет, и поэтому тело физическое — игрушка — не может сделаться живою. Но когда игрушка, полностью насыщенная бессмертным шельтом, погибает в Энрофе, совершается божественный акт, и созданный шельт связывается с юной монадой, входящей в Шаданакар из Отчего лона. В Эрмастиге, среди душ высших животных, облеченных в астрал и эфир, появляется изумительное существо, для которого именно здесь должны быть созданы такие же облачения. Существа эти поражают не красотой и тем более не величием, а той невыразимой трогательностью, какой размягчает наши суровые души вид зайчонка или олененочка. В Эрмастиге эти существа тем прелестнее, что даже в соответствовавших им игрушках никогда не было ни капли зла. Они чудесно живут там вместе с душами настоящих медведей и оленей, получают там астральное тело, а потом поднимаются в Хангвиллу, как и все остальные.

Я имею возможность едва наметить путь к решению проблем, связанных с трансфизикой и эсхатологией животного царства. Но и этого достаточно для того, чтобы понять, насколько эта проблематика сложнее, чем представлялось мыслителям старых религий. Упрощенная формула «животные не знают греха» нисколько не отвечает существу дела. Если под грехом в данном случае подразумевается такое состояние сексуального сознания, при котором отсутствуют чувство стыда и идея о запретности некоторых проявлений половой сферы, то животные действительно греха «не знают». Но правильнее было бы сказать, что для них эти проявления — не запрещенное, не наказуемое кармой, не грех. С другой стороны, понятие греха неизмеримо шире половой сферы. Злоба, жестокость, необоснованный и необузданный гнев, кровожадность, ревность — вот грехи животного царства, и у нас нет никаких данных судить о том, в какой мере те или иные животные осознают эти проявления и их недолжность. К тому же это и не решает вопроса о самом наличии или отсутствии для них такого запрета. Нелепо думать, что закон становится действен только тогда, когда он осознан. Закон тяготения был осознан только Ньютоном, но подвержены ему были все и всегда. Сознают ли животные некий высший закон или нет, смутно ощущают его или никак не ощущают — все равно: причинность есть причинность, карма есть карма. Насколько я понимаю, голодный лев, умерщвляющий антилопу, не несет личной вины, поскольку для него это необходимость, но несет вину своего вида или класса — древнюю вину всех хищников. Сытый же тигр, нападающий на антилопу только от избытка личной кровожадности и злобы, кроме общевидовой вины несет и личную, ибо он не принужден к умерщвлению своей жертвы необходимостью. Волк,

обороняющийся против собак и загрызающий одну из них в борьбе, не виновен лично, но виновен как представитель хищного вида, предки которого некогда сделали выбор в этом направлении. Здесь своего рода первородный грех. Но упитанная и откормленная кошка, играющая мышью ради развлечения, виновна и первородной виной, и своей личной, так как в ее действии не было необходимости. Скажут: перенесение человеческих, даже юридических, понятий на мир животных. Но понятие вины есть понятие не юридическое только, а трансфизическое, метаисторическое, онтологическое. В различных царствах природы, для различных иерархий меняется содержание понятия вины, но решительно ни из чего не следует, что понятие это и стоящая за ним реальность кармы присущи только человечеству.

Ни крупицы новых идей не внесла в эту область и безрелигиозная эпоха мысли. Напротив: преобладающий в современности взгляд на животных стал слагаться из двух противоречивых начал: утилитарного и эмоционального. При этом животный мир был расчленен на категории в зависимости от того, каково отношение данного вида к человеку. Прежде всего, конечно, животные домашние: за ними ухаживают, иногда даже любят, если коровка заболеет — над ней проливают слезу, но если она перестанет доиться, ее отводят, скорбно вздыхая, в некое место, где любимое животное будет превращено во столько-то пудов мяса. Этим мясом хозяин, с детски невинным самочувствием, будет кормиться сам и кормить свое семейство. Вторая категория — значительная часть диких животных, включая и рыбу: их не приручают, не осчастливливают нашей заботой, их просто ловят или убивают на охоте. В-третьих — хищники и паразиты: с ними разговор прост, их уничтожают, где и как могут. И еще можно выделить четвертую группу: это некоторая часть животных диких, в особенности птиц, полезная тем, что она уничтожает вредителей. Этой категории предоставляется жить и размножаться, а в иных случаях, как, например, к скворцам или аистам, проявляется даже покровительство. Что касается остальных животных, от ящериц и лягушек до галок и сорок, то их иногда ловят для научных опытов или просто для забавы, мальчишки швыряют в них камнями, но чаще их просто не замечают с высоты своего величия.

Такова схема, конечно, очень грубая, утилитарного отношения к животным. Эмоциональный же элемент заключается в том, что большинство из нас способно испытывать к тем или другим видам и особям род симпатии либо настоящей привязанности или эстетического восхищения. Кроме того, многим еще свойственно, слава Богу, общее сострадательное сочувствие к животным; отчасти этому сочувствию звериный мир обязан тем, что во многих странах имеется даже законодательство по вопросам их охраны и функционирует сеть добровольных обществ, этой охране себя специально посвятивших. В соединении с таким могучим союзником, как утилитарная забота о том, чтобы ценные в промысловом отношении виды не были совершенно истреблены, это эмоциональное отношение сделало возможным учреждение заповедников. А в порядке исключения некоторые заповедники и вовсе не имеют утилитарного смысла — например, существующие во многих местах питательные пункты для голубей.

Я говорю, разумеется, об отношении к животным в Европе, Америке, многих странах Востока. Но Индия являет собою совсем иную картину. Брахманизм, как известно, издавна запретил вкушение различных сортов мяса, свел фактическое питание человека к молочной и растительной пище, обработку кож и мехов объявил греховным и нечистым делом, а корову и некоторые другие виды провозгласил священными животными.

И прекрасно сделал.

Европейца, конечно, смешит и возмущает зрелище коровы, невозбранно разгуливающей по базару и берущей с любого лотка все, что ей приглянется. Не буду оспаривать, что религиозное поклонение корове — специфика только индийского мироотношения и быть предметом подражания в наш век не может. Но чувство, лежащее в основе этого поклонения, так чисто, возвышенно, так свято, что само заслуживает преклонения перед ним. Это психологическое основание культа коровы хорошо разъяснил Ганди. Он указал, что корова в данном случае есть олицетворение всего живого, стоящего ниже человека; смиренное преклонение перед ней, служение ей в виде бескорыстного за ней ухода, ласки и украшения выражает религиозную идею и этическое чувство нашего д о л г а перед этим миром живых существ, идею покровительства и помощи всему слабому, нижестоящему, всему, не успевшему еще развиться до высших форм; больше того: это есть еще и выражение иррационального чувства глубокой общечеловеческой вины перед звериным царством, ибо человек выделился из этого царства ценой отставания и деградации более слабых. Выделился — а выделившись, усугубил свою вину беспощадной эксплуатацией слабейших; с течением веков эта общечеловеческая вина росла, как снежный ком, и наконец достигла необозримых, неохватываемых размеров.

Слава тому народу, который сумел возвыситься до такого понимания, не в уме единиц, а в совести множества!

Что, какую идею, какую этику можем противопоставить этой этике мы, мы, кичащиеся тем, что столько веков исповедуем христианство?

В моей жизни был один случай, о котором я должен здесь рассказать. Это тяжело, но я бы не хотел, чтобы на основании этой главы о животных у кого-нибудь возникло такое представление об авторе, какого он не заслуживает. — Дело в том, что однажды, несколько десятков лет назад, я совершил сознательно, даже нарочно, безобразный, мерзкий поступок в отношении одного животного, к тому же принадлежавшего к категории «друзей человека». Случилось это потому, что тогда я проходил через некоторый этап или, лучше сказать, зигзаг внутреннего пути, в высшей степени темный. Я решил практиковать, как я тогда выражался, «служение Злу» — идея, незрелая до глупости, но благодаря романтическому флеру, в который я ее облек, завладевшая моим воображением и повлекшая за собой цепь поступков, один возмутительнее другого. Мне захотелось узнать наконец, есть ли на свете какое-либо действие, настолько низкое, мелкое и бесчеловечное, что я его не осмелился бы совершить именно вследствие мелкого характера этой жестокости. У меня нет смягчающих обстоятельств даже в том, что я был несмышленым мальчишкой или попал в дурную компанию: о таких компаниях

в моем окружении не было и помину, а сам я был великовозрастным багагаем, даже студентом. Поступок был совершен, как и над каким именно животным — в данную минуту несущественно. Но переживание оказалось таким глубоким, что перевернуло мое отношение к животным с необычайной силой и уже навсегда. Да и вообще оно послужило ко внутреннему перелому. И если бы на моей совести не было этого постыдного пятна, я, может быть, не испытывал бы теперь ко всякому мучению или убийству животного такого омерзения, иногда даже до полной потери самообладания. В ряду аксиом, ясных для меня как дважды два, одно из первых мест занимает вот эта: в подавляющем большинстве случаев (исключая только самозащиту от хищников, от паразитов да случаи отсутствия других источников питания) умерщвление и тем более мучительство животных безобразно, недопустимо, *недостойно человека*. Это — нарушение одной из тех этических *основ*, лишь твердо стоя на которых человек имеет право именоваться человеком.

Конечно, охота как основное средство существования некоторых отсталых племен никакому нравственному осуждению быть подвергнута не может. Надо быть фарисеем от вегетарианства, чтобы «изобличать» готтентота или гольда, для которых отказ от охоты равносилен смерти. Да и каждый из нас, попав в подобные условия, может и должен поддержать жизнь свою и других людей охотой: жизнь человека ценнее жизни любого животного.

Поэтому же самому человек имеет право на самозащиту от хищников и паразитов. Хорошо известно, что многие джайны и некоторые последователи крайних течений буддийской этики вкушают воду не иначе как сквозь марлю, а при ходьбе на каждом шагу подметают перед собой дорогу. В Индии даже находились, кажется, такие аскеты, которые давали себя заедать паразитам. Ярчайший пример того, как любую мысль можно довести до абсурда! А ошибка здесь в том, что ради сбережения жизни насекомых и даже простейших — то есть существ наименьшей ценности — человек ставится в условия, при которых и его социальный, и его технический прогресс делаются невозможными. Отбрасываются все виды транспорта как источник гибели множества мелких существ, запрет налагается даже на сельское хозяйство, вообще обработку почвы, так как и она влечет за собой гибель миллиардов маленьких жизней. В современной Индии джайны занимаются по преимуществу свободными профессиями и торговлей. Но что стали бы они делать, если бы к этому воззрению примкнуло большинство человечества? Конечно, такое отношение к вещам, при котором восходящему движению человеческого рода ставится непроницаемый потолок, не может быть признано правильным.

Но что же такое паразиты и простейшие — не с материалистической, а с трансфизической точки зрения? Это существа, имеющие, как и большинство других насекомых, коллективные души, но крайне отставшие в своем пути. Собственно, тут даже не простое отставание, а активная демонизация Гагтунгром коллективных шельтов. В Нигойде эти шельты находятся в состоянии рабствования, разумны лишь отчасти, и им предстоит дорога становления, исключительная по своей медлительности и длине. Просветление им принесет только момент перехода нашей планеты в третий эон. Теперь же паразиты, то есть существа наименьшей ценности, прозябают и жиреют за

счет существ высшей сравнительно ценности: животных и человека. Поэтому мы вправе их истребить, ибо другого выхода на данном этапе нет.

Хищники существуют за счет смертей существ той же ценности, то есть животных, и за счет человека, существа высшей ценности. Те виды хищников, изменить хищную природу которых мы не в состоянии, постепенно должны быть в Энрофе истреблены. Постепенно — не потому только, что иначе это неосуществимо, но и потому, что за такой период времени могут обнаружиться средства к изменению даже и их природы. Безусловно, природа многих хищных видов, особенно среди высших млекопитающих, может быть совершенно изменена. Достаточно вспомнить собаку, этого бывшего волка, ныне способного обходиться без мясной пищи совсем, и это даже несмотря на то, что человек никогда не ставил себе задачи сделать собаку вегетарианцем. На полурастительную пищу собака была переведена вследствие чисто хозяйственных соображений человека, но успех этого мероприятия указывает на перспективы в этой области, едва еще приоткрывающиеся нашему опыту.

Таким образом, охота на хищников есть второй вид охоты, который на настоящем этапе человечества еще не может быть осужден. Необходим только, наряду с ней, другой ряд мероприятий: о них я скажу ниже.

Но что подлежит безоговорочному упразднению, даже строгому запрету, так это *охота-спорт*. Превосходно отдаю себе отчет в том, какой вопль поднимут любители избиения косуль и куропаток, если требование, высказанное здесь, получит распространение в обществе и превратится из утопических мечтаний отдельных чудаков в настоятельный призыв всей передовой части человечества. Доводы нетрудно предсказать наперед. Будут привлечены на помощь все аргументы, какие только способен измыслить изворачивающийся ум, когда он мобилизуется на подмогу ущемленному инстинкту. Закричат, например, о п о л ь з е охоты, закаляющей наш организм (как будто его нельзя закалять другими способами), укрепляющей характер, волю, находчивость, мужество (как будто при охоте на дичь человек имеет дело с какой-нибудь опасностью). Посыплются уверения, что охота, в сущности, только предлог, только средство, истинная цель которого — наслаждение природой: как будто ею нельзя наслаждаться без дополнительного удовольствия — зрелища зайца, настигаемого псом. Будут сооружаться блестящие психологические построения à la Кнут Гамсун в доказательство того, что охотничье чувство есть нечто неотъемлемо присущее человеку и что прелесть охоты именно в том, что удовлетворение этого чувства соединяется с ощущением «себя в природе»: дескать, не глазами праздношатающегося горожанина, не «извне» я на нее смотрю, а я сам — природа, поелику прячусь за деревом и подкарауливаю. Но сколько бы ты ни воображал себя, голубчик, частью природы, все твои ощущения не стоят одного взгляда угасающих глаз подстреленного тобой гуся. И все эти увертки лукавствующего ума опровергаются одной короткой фразой Тургенева. Сам страстный охотник, он был честен и с читателем, и с самим собой; он понял и высказал твердо и ясно, что охота не находится с любовью к природе ни в какой связи. Вот эта фраза: «Природой на охоте я любоваться не могу — все это вздор: ею любуешься,

когда лежишь или присядешь отдохнуть после охоты. Охота — страсть, и я, кроме какой-нибудь куропатки, которая сидит под кустом, ничего не вижу и не могу видеть. Тот не охотник, кто ходит в дичные места любоваться природой» (*Д. Садовников* (Встречи. О Тургеневе)).

Сказано открыто и ясно. Зачем же другие морочат себя и окружающих, оправдывая охоту любовью к природе?

Ах, знаю, знаю этот тип: храбрость, честность, прямота, зоркий глаз, широкие плечи, обветренное лицо, обстоятельная речь, иногда соленая шутка — ну чем не образец человека-мужчины? И уважают его кругом, и сам себя он уважает — за крепость нервов (она кажется ему силой духа), за трезвый взгляд на вещи (он принимает это за разум), за объем бицепсов (это представляется ему достойным «царя природы»), за орлий, как ему кажется, взор. А изучишь попристальней, заглянешь за этот импозантный фасад — а там только клубок из всех разновидностей эгоизма. Он мужествен и храбр — потому что он физически крепкий самец и потому что трусить не позволяет ему влюбленность в собственное великолепие. Он прям и честен — потому что сознание этих достоинств позволяет ему разумно обосновывать собственное поклонение себе. А что глаза его, видевшие столько содроганий убитых им существ, остались ясны и чисты, яко небеса — так это не к украшению его, а к позору.

О, этот тип найдешь вовсе не среди обитателей тайги или пампасов. Ему только х о ч е т с я походить на подлинных таежников, ему хочется, чтобы все поражались, как это он сумел так гармонически соединить в себе высококультурного европейца с гордым сыном природы. А правда в том, что это — продукт городской цивилизации, рассудочный, себялюбивый, жестокий и чувственный, как она, но одной половиной своего существа атавистически оттягиваемый назад, на давно минованные стадии культуры. Таких встретишь больше, чем захочешь, и среди физиков, и среди биологов, и среди журналистов, и среди хозяйственников и администраторов, и среди художников, и даже среди академиков. В мировой литературе есть мощное течение, созданное такими людьми или теми, кто примыкал к этому типу некоторыми существенными чертами натуры. Оно плещет в романах Гамсуна, врывается в рассказы Лондона, клокочет уже безо всякого удержу в стихах и повестях Киплинга, отравляет ядовитой струйкой настоящую любовь к природе в прелестных очерках Пришвина. Оправдание жестокости как якобы неизбежного закона жизни, культ зоологического эгоизма, идеал сильного хищника, бессердечие к живому, прикрытое романтикой путешествий и приключений и подслащенное поэтическими описаниями картин природы, — давно пора бы назвать все это собственными именами!

Нет права, нет у нас а б с о л ю т н о н и к а к о г о п р а в а покупать наши удовольствия ценою страданий и смерти живых существ. Если не умеешь иными путями ощущать себя частью природы — и не ощущай. Лучше оставаться совсем «вне природы», чем быть среди нее извергом. Потому что, входя в природу с ружьем и сея вокруг себя смерть ради собственного развлечения, становишься жалким игралищем того, кто изобрел смерть, изобрел закон взаимопожирания и кто жиреет и разбухает на страданиях живых существ.

И еще будут говорить: «Ха! что́ — звери: л ю д и гибнут миллионами в наш век — и от войн, и от голода, и от политических репрессий, — нашел, дескать, время рыдать по поводу белок и рябчиков!» — Да, нашел. И никак не могу понять: какое отношение имеют мировые войны, репрессии и прочие человеческие безобразия к вопросу о животных? Почему животные должны погибать ради забавы лишенных сердца бездельников, пока человечество утрясет, наконец, свои социальные дела и займется на досуге смягчением нравов? Какая связь одного с другим? Разве только та, что, пока человечество терзает само себя войнами и тираниями, общественная совесть будет слишком оглушенной, пришибленной и суженной для того, чтобы чувствовать всю гнусность охоты и рыбной ловли.

Да, и рыбной ловли. Той самой рыбной ловли, которой мы так любим предаваться на поэтическом фоне летних зорь и закатов, умиляясь и отдыхая душой среди окружающей идиллии, а пальцами ухватывая извивающегося червяка, прокалывая его тельце крючком и в ребяческом недомыслии не понимая, что он испытывает теперь то же, что испытывали бы мы, если бы чудовище величиной с гору ухватило нас за ногу, проткнуло наш живот железным бревном и бросило в море, навстречу подплывающей акуле.

«Хорошо, — скажут, — но ведь ловить рыбу можно и не на червяка, — на хлеб, на блесну и т. п.» — Да, можно. И для пойманной рыбы, безусловно, великим утешением послужит мысль, что она гибнет, одураченная не червяком, а блестящей жестянкой.

Находятся еще и такие осколки далекого прошлого, которые продолжают верить всерьез, будто рыба или рак не могут испытывать страдания, потому что у них, мол, холодная кровь. Действительно, во времена оны, человечество, не имея понятия о физиологии животных, воображало, что чувствительность есть функция температуры крови. Между прочим, вследствие именно этого заблуждения рыба была семитическими религиями включена в список постных блюд и ею не брезговали лакомиться даже праведники. Боже упаси их осуждать: религиозный опыт души, как велик и высок он ни был бы, не покрывает опыта науки (как и наоборот); наука же тогда находилась в детском возрасте, и никто, даже праведники, не ответственны за мысль, будто холоднокровные животные не испытывают боли. Но ведь теперь-то мы знаем, что это чушь! Теперь-то ведь понимаем, что рыба, болтающаяся на крючке или извивающаяся на песке, корчится от боли, а не от чего другого! Ну, так как же? Белые ризы поэтического созерцания, которыми мы облекаемся в буколические часы сидения с удочкой — не забрызгиваются ли они до омерзения кровью, слизью, внутренностями живых существ, тех самых, которые резвились в прозрачной воде и могли бы жить и дальше, если бы не наша, с позволения сказать, любовь к природе?

Встречаются еще рассуждения такого рода: в животном мире все основано на взаимопожирании, с какой же стати человеку быть исключением? — Что среди животных на взаимопожирании основано все — это ложь. Или мало животных, питающихся растительной пищей? Или не вырвали Провиденциальные силы из лап Гагтунгра сотни видов животных хотя бы в этом одном отношении? Разве мало среди природы совершенно безобидных существ, даже

физически не приспособленных к мясной пище? Главное же — как под человеческим черепом смеет вообще шевелиться мысль, будто нравы животных могут нам служить образцом поведения? А если наших охотников восхищает «мужественность» в поведении хищников (кстати, это не столько «мужественность», сколько просто уверенность в своей физической силе и безнаказанности), то почему же не подражать этому хищнику, например волку, и в другом — ну, скажем, в растерзывании раненого или ослабевшего члена собственной стаи? Да и на каком основании останавливаться в своем подражательстве именно на хищных млекопитающих? Почему бы не взять за образец еще более разительные обычаи — например, те, что царят у пауков: ведь там самец пожирается самкой сразу после оплодотворения? Думаю, что эта блестящая идея не приходит в голову нашим апологетам «звериного начала» лишь потому, что они, как правило, принадлежат к мужской половине человеческого рода. Если бы у пауков самку пожирал бы после родов самец, уж нашлись бы, вероятно, среди нас адепты столь мужественного образа действия.

Но при всей своей уродливости охотничий спорт не приносит теперь столько зла, сколько другой его источник, открывшийся, увы, лишь недавно, с развитием науки и просвещения.

Беру «Практическое руководство для учителей средней школы», принадлежащее перу некоего Я.А. Цингера и выпущенное Учпедгизом в 1947 г<оду> под заглавием «Простейшие». Раскрываю на стр. 60 и читаю наставление о том, как на уроке естествознания следует ставить опыт по извлечению паразитов грегарин из кишечника мучного червя: «Червя вскрывают со спинной стороны и выделяют участок кишечника. Можно и просто отрезать у червя голову и задний участок и затем пинцетом вытащить кишечник сзади... Содержимое кишечника выдавливают на предметное стекло и, смочив водой, рассматривают при малом увеличении».

А что, рвоты у зрителей при этом не случается? уже привыкли? уже научились, с помощью педагога, подавлять в себе ужас и отвращение? уже умеют называть сентиментальностью естественную жалость? Пожалуй, даже «девчонкой» назовут мальчика, у которого при этом дрогнут руки или в глазах появятся боль, гадливость и стыд.

Переворачиваю две страницы. «Лягушку усыпляют эфиром... Можно и проще: взяв лягушку за задние ноги и держа брюшком кверху, сильно и быстро ударяют головой о выступ стола. Затем лягушку вскрывают с брюшной стороны...»

Может быть, действительно таким способом дети получают наглядное представление о паразитах в кишечнике лягушки: представление, конечно, насущно необходимое каждому, без него невозможно жить. Но не менее наглядно демонстрирует педагог, любитель действий «попроще», также и человеческую гнусность.

Я еще не затрагиваю принципиального вопроса о том, могут ли естественные науки обходиться без опытов на «живом материале». Но даже если бы эти опыты были печальной необходимостью, где же аргументы в пользу того, чтобы к ним приучать всех детей школьного возраста? Из этих детей не более 20 % изберут какую-либо естественно-научную или медицинскую специальность. Ради чего же глушить элементарное чувство жалости, калечить самые основы совести у остальных 80 %? Ради какого еще выдуманного «блага человечества» уничтожать лишние десятки и сотни тысяч подопытных животных? Для чего и зачем, по какому, наконец, праву уроки естествознания в школе превращать в уроки убийства и мучительства бессловесных? Как будто нельзя заменить эту кровавую кухню диапозитивами, моделями, муляжами! А если идти по старой дороге, то ведь сказав А, надо говорить и Б. Коли принять к руководству наглядный метод обучения, то почему бы учителю истории, рассказывающему об инквизиции, не устроить поучительную инсценировку, чтобы доходчиво растолковать ребятам, как применялись испанские сапоги, гаррота, дыба и прочие достижения науки и техники того времени?

А теперь еще несколько слов о «живом материале» вообще. Кстати, естественники так привыкли к своей терминологии, что уже не замечают, конечно, какое моральное убожество, какое одеревенение совести слышится в этом противоестественном тупо утилитарном словосочетании: «*живой — материал*». — Так вот: о живом материале в научных лабораториях, вообще об этой методике в естественных науках. Сделанного не воротишь, умерщвленных не воскресишь, и дискутировать о том, могла ли бы наука в предыдущие эпохи двигаться вперед без этого — дело праздное. Но может ли она это теперь? Инстинкт экономии усилий виновен в том, что на эту методику, прямей и дешевле ведущую к цели, обратились взоры всех естественников. Став узаконенной, она кажется теперь многим единственной и незаменимой. Вздор! Лень тратить силы и время на разработку другой методики, да еще государственная и общественная скупость — и ничего больше. Лень и скупость вообще качества малопочтенные, а когда они оказываются повинны в таких горах жертв — как по достоинству оценить их?.. Конечно, изыскание новой методики в одиночку — дело несбыточное. Тысячи молодых врачей, педагогов, научных работников, вступая на свой профессиональный путь, испытывают естественное отвращение к тем научным приемам, которые связаны с мучительством и умерщвлением живых существ. Но дело обстоит так, что перед каждым таким работником встает дилемма: либо заглушить в себе сострадание рассуждениями о благе человечества, либо покинуть дорогу естественника совсем, ибо другой методики не существует. Понятно, что подавляющее большинство избирают первое и постепенно втягиваются в практикование этих бесчеловечных приемов. Изыскание новой методики реально возможно только как результат длительных усилий большого коллектива — союза работников в различных отраслях естественных наук, посвятившего себя этой цели. А подобное предприятие может быть осуществлено лишь в том случае, если его будет финансировать экономически сильная инстанция, общественная или государственная.

Но и жертвы нашей «любви к природе», и жертвы нашей «жажды знания» — все это лишь холмики, бугорки рядом с Монбланами, с Эверестами рыбьих трупов, вытаскиваемых на промыслах, и трупов коров и свиней, громоздимых на бойнях, — короче говоря, трупов, покупаемых нами в магазинах и поглощаемых за культурно сервированным столом. И еще хуже того: утилитаризм технического прогресса достиг наконец вершин, на которых

выяснилось, что экономичнее делать крабовые, например, консервы, не умерщвляя крабов, а с каждого из них сдирая панцирь заживо, отсекая клешни и полуживые останки выбрасывая назад, в море, на съедение кому попало. Хорошо бы изобретателю такой крабоконсервной машины дать отдохнуть несколько лет в одиночной камере: пусть на досуге поразмыслит над вопросом — человек ли он вообще. А еще отрадней было бы, если б по другую сторону стены, в соседней камере отдохнул от забот об интересах казны тот премудрый хозяйственник, чьей рачительностью эти пытки для крабов и раков были внедрены в нашу промышленность.

Но — хорошо, пусть безобразия подобного рода — крайности и скоро будут изжиты. А как же быть с мясом и рыбой как продуктами массового питания? как с производством кож? как с выделкой мехов? Если все это даже не очень морально, то разве это — не необходимость?

Действительно, элемент необходимости здесь еще налицо, но, по правде говоря, его уже гораздо меньше, чем думают. Можно сказать, что научный и социальный прогресс приближаются, слава Богу, к такой ступени, когда от этой необходимости останется лишь тягостное воспоминание.

В самом деле: прикладная химия с каждым годом усовершенствует заменители кож; искусственные меха становятся дешевле и доступнее естественных и если еще уступают им в качестве, то со временем будет восполнен и этот пробел. Следовательно, создаются предпосылки к тому, чтобы употребление животных тканей в промышленности могло быть запрещено. Самый же трудный, действительно трудный вопрос — проблема рыбо-мясной пищи, которую многие считают необходимой для нашего организма.

Но, собственно, почему же необходимой? Необходимы не мясо и рыба как таковые, а определенное количество углеводов и белков. Необходимо определенное количество калорий. Эти количества могут быть введены в наш организм и через другие виды пищи: блюда молочные, мучные, фруктовые, овощные. Притворяться, будто нам неизвестно, что на свете существуют миллионы вегетарианцев, и притом существуют совершенно благополучно, — прием несерьезный, чтобы не сказать резче. Всем нам отлично известно даже и то, что на свете вот уже тысячи лет существует многомиллионный народ, почти не употребляющий мяса, — факт, неприятный, конечно, для нашей совести, но неоспоримый. Правда, в условиях северного климата для компенсации мясных и рыбных блюд потребуется больше других питательных веществ, чем в тропической Индии. Правда и то, что компенсация эта пока обходится дороже и, следовательно, не всем доступна. Вопрос, таким образом, в повышении общего материального уровня жизни. Но ведь то, что благосостояние человечества растет в прогрессии, стало трюизмом. И время, когда компенсация эта станет общедоступна, — не за горами.

Вырисовывается, следовательно, некоторая программа, цепь хронологически последовательных мероприятий, которые после прихода к власти Розы Мира станут реально осуществимыми.

Первая группа — мероприятия, проводимые без промедления:

1. Запрет мучительных для животного способов его умерщвления — в промышленности и где бы то ни было.

2. Запрет опытов на «живом материале» в школах и где бы то ни было, кроме специальных научных учреждений.

3. Полный запрет опытов над животными без их усыпления или обезболивания.

4. Создание и финансирование мощных научных коллективов для изыскания и разработки новой экспериментальной методики в естественных науках.

5. Ограничение охоты как спорта и рыбной ловли как развлечения задачею борьбы с хищниками.

6. Такая перестройка воспитательной системы, которая способствовала бы развитию в детях дошкольного и школьного возраста любви к животным, любви бескорыстной, обусловленной не сознанием полезности данного вида, а органической потребностью любить и помогать всему слабому и отсталому.

7. Широкая пропаганда нового отношения к животным.

Но суть этого отношения состоит еще не в том, чтобы уберечь животных от мучительства и убийства человеком. Это только негативная его сторона, и ничего нового тут нет. Позитивная же его сторона, действительно новая, заключается в том, чтобы оказать животному царству *активную помощь в деле его совершенствования*, в сокращении путей и сроков этого совершенствования.

Что это значит?

Это значит: установление «мира» между человеком и всеми животными, исключая хищников; изыскание средств к перевоспитанию некоторых хищных видов; отказ от использования каких-либо животных для нужд охраны; искусственное убыстрение умственного и духовного развития некоторых высших видов животного царства.

На развитие зоопсихологии придется бросить немалые средства. Ничего! Никакие средства, даже в тысячу раз большие, не окупят зла, принесенного нами звериному царству на протяжении тысячелетий. Возникнет новый отдел знания — з о о г о г и к а, то есть педагогика животных. В итоге тщательного изучения будут выделены такие виды хищников, которые, подобно собаке и кошке, могут быть перевоспитаны. Ведь я напоминал уже о том, что на наших глазах бывший волк стал способен к усвоению растительной пищи, и это даже несмотря на то, что человек не заглушал, а, напротив, развивал в нем кровожадный инстинкт в интересах охотничьей и сторожевой службы. Если бы не это, какую веселость, кротость, доброту наблюдали бы мы теперь в собаке в придачу к ее преданности, отваге и уму! И какие могут быть сомнения в том, что подобная работа над многими хищными видами, работа людей, вооруженных знанием психологии и физиологии животных, педагогики, а главное — силой любви, сможет перевоспитать, физически и умственно усовершенствовать, смягчить, преобразить их?

Уже теперь собака в состоянии запомнить до двухсот слов. И запомнить не механически, как попугай, но вполне отдавая себе отчет в их смысле. Это существо воистину колоссальных возможностей. Ее развитие достигло того рубежа, когда вид совершает стремительный рывок вперед. От нас

самих зависит, чтобы этот коренной сдвиг произошел на наших глазах, чтобы неприспособленность некоторых органов собаки не затормозила его на столетия. Появление речи у собаки тормозится не общим ее интеллектуальным уровнем, а чисто механическим препятствием в виде неблагоприятной структуры органов, для речи необходимых. Общее ее развитие тормозится еще одним препятствием: отсутствием у нее хватательных конечностей, вернее — неприспособленностью ее лап к тем функциям, которые у нас выполняют руки. Разовьется еще одна отрасль физиологии животных: наука о средствах биохимического воздействия на зародыш в направлении таких структурных его изменений, которые необходимы для ускоренного развития органа речи и для превращения передних лап в руки. Овладение же речью, хотя бы в объеме нескольких десятков слов, обратно воздействует на темп общего умственного развития, и через сотню лет люди будут иметь поразительного друга, сократившего, благодаря их помощи, предназначавшийся ему путь до расстояния в несколько генераций вместо сотен тысяч лет.

Следующими кандидатами на путь ускоренного развития будут, вероятно, кошка, слон, медведь, может быть, некоторые виды грызунов. Лошадь, в умственном отношении продвинувшаяся весьма далеко, а в этическом имеющая несомненные преимущества перед кошкой и даже собакой, обладает, к сожалению, свойством, мешающим ее скорому вступлению на этот путь: копытностью. То же самое относится к оленю и буйволу. У слона, обладающего изумительным хватательным органом, имеется другое тормозящее свойство: его размеры, требующие громадного количества пищи. Возможно, впрочем, что наука найдет способы уменьшения его размеров и этим устранит основное препятствие к его стремительному умственному развитию. Можно полагать, что необыкновенное обаяние слона не убавится, если он, обладая даром речи, размерами не будет превышать нынешнего слоненка.

Итак, по прошествии некоторого периода Роза Мира сможет осуществить вторую группу мероприятий:

1. Запрет убийства животных для каких бы то ни было промышленных или научно-исследовательских целей.

2. Резкое ограничение их убоя в целях питания.

3. Выделение обширных заповедников во всех странах для жизни в привычных условиях тех животных, которые еще не приручены.

4. Свободное существование — и среди природы, и в населенных пунктах — давно одомашненных и новых прирученных видов.

5. Планирование работы зоопедагогических учреждений во всемирном масштабе, перевод этого труда на высшую ступень, изучение проблем, связанных с обогащением высших животных даром речи.

6. Особо внимательное изучение проблем, связанных с искусственным ослаблением в животных хищного начала.

Так будет возрастать этот творческий труд совершенствования зверей — труд бескорыстный, вдохновляемый не нашими узкими материальными интересами, а чувством вины и чувством любви. Возрастающей любви, слишком широкой, чтобы замкнуться в рамках человечества. Любви, которая сумеет разрешить проблемы, кажущиеся неразрешимыми теперь; например:

где же разместятся все эти животные, если человек прекратит их массовое убийство? Не повторится ли во всемирном масштабе то, что случилось с кроликами в Австралии, где они, размножаясь в непомерных количествах, превратились в бич сельского хозяйства? Но эти опасения похожи на мальтузианство, перенесенное в мир животных. Сейчас нельзя, конечно, предугадать тех мер, какие найдут и осуществят в этом направлении наши потомки. Наихудшим представляется установление определенной квоты: превышение ее будет вынуждать общество конца XXI столетия прибегать к искусственному ограничению рождаемости животных. Однако не лишено вероятия, что этот вопрос будет разрешен иначе — путем, который на современном уровне естественных наук, техники, экономики и этики предвосхитить невозможно. Но даже в случае установления квоты все же это будет неизмеримо меньшим злом, чем совершающееся поныне. Сумма страданий, приносимых человеком, уменьшится колоссально, а ведь именно в этом и состоит задача.

Соответственно увеличится сумма приносимого добра, выражаясь по-индусски — прэм сагар, океан любви. Лев, возлежащий рядом с овцой или ведомый ребенком — отнюдь не утопия. Это будет. Это — провидение великих пророков, знавших сердце человечества. Не в вольерах, даже не в заповедниках, а просто в наших городах, парках, рощах, лугах, не страшась человека, а ласкаясь к нему и с ним играя, работая с ним вместе над совершенствованием природной и культурной среды и над развитием своего собственного существа, будут обитать потомки современных зайцев и тапиров, леопардов и белок, медведей и воронов, жирафов и ящериц. Изобилие средств к жизни уже в следующем столетии достигнет размеров, кажущихся почти невероятными, и питание этих милых, мирных, ласковых и высокоразумных существ не будет составлять никакой проблемы. И придут поколения, которые будут с содроганием узнавать из книг, что не так еще давно человек не только питался трупами умерщвляемых им животных, но и находил удовольствие в подлом их подкарауливании и хладнокровном убийстве.

КНИГА ШЕСТАЯ

ВЫСШИЕ МИРЫ ШАДАНАКАРА

Глава первая
ДО МИРОВОЙ САЛЬВАТЭРРЫ

Никого не может удивить, что именно об этих сферах сведения не только скуднее, чем о каких-либо других, но, в сущности, почти отсутствуют. Причин — две. Неадекватность действительности этих сфер каким бы то ни было нашим представлениям и понятиям, а тем более попыткам выразить их словами — причина первая. Вторая — исключительная высота духопрозрения, требующаяся для прикосновения к этим мирам через личный опыт. Почти все, сообщаемое о них здесь, почерпнуто не из личного непосредственного опыта, нет, это только передача словами нашего языка того, что я воспринял от невидимых друзей. Да простят они мне, если я в чем-нибудь ошибся, если мое воспринимающее сознание внесло нечто низшее, чисто человеческое и замутнило субъективными примесями эту весть.

Все слои, о которых здесь сначала пойдет речь, пятимерны; число же временных координат, то есть потоков параллельно текущих времен, превышает в этих слоях цифру 200. Этого одного уже довольно, чтобы понять, насколько бессильны попытки выразить содержание и смысл этих сфер в человеческих образах. Привычные представления о формах придется оставить совершенно; но и попытка компенсировать этот ущерб представлениями об энергиях, зонах воздействия и т.п. тоже обречена на неудачу.

Превыше сакуалы Трансмифов пяти верховных религий — о них я уже говорил как о пяти исполинских пирамидах как бы из светящегося хрусталя разных цветов — вздымается, объемля весь Шаданакар, неописуемая сакуала Синклита Человечества, состоящая из семи сфер. Моря сияющих эфиров — беру это слово за неимением более соответствующего, — блистающих красками, непредставимыми даже для синклитов метакультур, омывают в этих мирах сооружения, которые так же отдаленно можно было бы уподобить светящимся громадам гор, как и сооружениям невообразимой архитектуры. Исконное несходство между великими творениями человеческого гения и великими созданиями Природы там уже не имеет места, ибо оба начала слились наконец в непостижимом для нас синтезе. Что можем мы помыслить о тех ликующих, переливающихся светом эпопеях, в которые облеклись там прекраснейшие духи ставших стихиалей? Или о лучезарных волнах звучаний, взмывающих местами как бы из блаженствующего лона небесных гор? Я достигну своей цели, если хотя бы немногие из читающих эту книгу почувствуют сквозь необычные сочетания слов, сквозь эти образы, почти лишенные очертаний, наличие такой реальности, к которой может стремиться наш дух,

но прикосновение к которой недоступно почти ни для кого из живущих на нашей скудной и темной земле.

Избранные из избранных, составляющие ныне Синклит Человечества, числом своим не превышают, кажется, тысячу человек. Уже не имея человеческого, в нашем смысле слова, облика, они добровольно принимают высшее, просветленное его подобие, когда спускаются в нижележащие слои. Пространство же между брамфатурами Солнечной системы они способны преодолевать со скоростью света, несомые его лучами.

Об отдельных сферах Синклита Человечества я не знаю ничего, кроме их наименований, и то лишь в той мере, в какой мне удалось перевести их в звуки человеческого языка[1].

Из Монсальвата и Эдема в Синклит Мира вошли к нашему времени уже многие, свыше ста человек. Еще больше дала древняя и огромная метакультура Индии. Кажется, последним взошедшим в Синклит Мира до 1955 года был Рамакришна; таким образом, от момента его смерти в Энрофе до вступления в эти наивысшие сферы протекло около семидесяти лет. Но чаще на такой подъем уходят целые столетия. Например, пророк Мухаммед, хотя его посмертие не было осложнено никаким движением по нисходящему ряду, достиг Синклита Мира лишь сравнительно недавно. Еще выше этих сфер скоро поднимутся из Синклита Человечества пребывающие там давно пророки Иезекииль и Даниил, а также Василий Великий.

Этим исчерпывается все, что я в состоянии сказать о сферах этой сакуалы. Однако об одиннадцати сферах следующей сакуалы, сакуалы Великих Иерархий, придется сказать еще менее, еще суше и протокольнее.

Да, это миры именно тех высоких сущностей, которые мы не имеем возможности назвать иначе как великими иерархиями: многие из них были в свое время объектами почитания в древних религиях различных стран. В образах египетского, вавилонского, греческого, древнегерманского, ацтекского, в некоторых аспектах верховных божеств пантеона индийского отразились — хотя лишь до известной степени — эти возвышенные существа, но не такими, каковы они теперь, а такими, какими они были, вернее, какими представлялись сознаниям постигавших их народов в те далекие времена. За века, протекшие со дней возникновения и расцвета их культов в Энрофе, эти иерархии поднялись на наивысшую высоту.

Могу сказать, что сферы этой сакуалы слоятся уже не по принципу связи той или иной иерархии с определенной метакультурой: те нижние слои Шаданакара, которые членятся вертикальными разрезами, образуя сегменты метакультур человечества, остались далеко позади, вернее, внизу. Слоение между сферами сакуалы Иерархий обусловлено принципом силы и высоты, достигнутых каждой из этих сущностей.

Опять-таки мне известны лишь названия этих слоев. Но и адекватность их фонетической физиономии, выраженной буквами, подлинному звучанию этих имен не рождает во мне никакой уверенности. Нет сомнения, что

1. Арвантаке́рнис. Лиэда́рнис. Ранмати́рнис. Сербара́йнис. Маграле́йнос. Иваруе́нис. Наммара́йнос.

к наименованиям этим следует относиться лишь как к самому грубому приближению[1].

Если на стадии метаисторического размышления дать полную свободу рассудку, он по природе своей устремится ко внесению в размерности, соотношения и — да простится мне это выражение — в специфику метаистории привычных для него категорий физического и исторического слоя и логических наукоподобных норм. В частности, его склонность к единообразию и порядку, наивно понятому как симметрия, проявится на этот раз в том, что ему покажется естественным, чтобы над всеми сверхнародами надстояли — в метаисторическом плане — идентичные группы участвующих в его жизни иерархий. В действительности же это не так.

Правда, нет сверхнарода (именно сверхнарода, а не нации), над которыми не надстоял бы его демиург, ибо тогда это был бы не сверхнарод, а случайное соседствование нескольких, никакой общностью не связанных между собой народностей; и нет нации, которая не обладала бы идеальной Соборной Душой (ибо тогда это была бы арифметическая сумма личностей, минутно и случайно сблизившихся между собой). Но прежде всего идеальная Соборная Душа отнюдь не есть совокупность каких-либо психологических или иных, очевидных для нас, свойств данного народа, определяющих его историческую, от всех отличную физиономию. Идеальная Соборная Душа есть существо, обладающее единой великой монадой, которая таит в себе прообразы высших возможностей нации и облечена в материальную ткань многомерных пространств. По мере исторического становления нации и личной зрелости человеческих индивидуумов все большая и большая тонкоматериальная часть каждого из них приближается к ней и объемлется ею, сообщая ей характер соборности.

Почти в каждой метакультуре есть несколько национальных соборных душ, но, как правило, одна из них принадлежит к иной иерархии, чем остальные. Только она является *богорожденной*, как и демиург сверхнарода, и только она связана с ним особыми, таинственными, духовными и материальными узами любви. Такие соборные души составляют иерархию *Великих Сестер*; в земной брамфатуре их около сорока. Соборная Душа есть у каждой определившейся нации, но остальные из них принадлежат к монадам богосотворенным. Им, этим *Младшим Сестрам*, соответствуют *духи-народоводители*, инспираторы тех наций, которые входят в состав сверхнарода, но не играют ведущей роли в его истории. Впрочем, некоторые из Младших Сестер проходят свою метаисторическую дорогу без спутников-народоводителей. Случаются и такие промежуточные состояния, длящиеся иногда столетие и больше, когда нация вместе со своей Соборной Душой и своим духом-народоводителем остается вне метакультур, как бы м е ж д у ними. В качестве примера можно привести народы Балканского полуострова, когда-то входившие в состав метакультуры Византийской. Греки, сербы и хорваты были порабощены одним из уицраоров Мусульманской метакультуры, а ныне пребывают в

1. Аолинор, Рамнагор, Плейрагор, Форайгор, Странганор, Целирор, Лиханга, Девенга, Сиринга, Хранга, Ганга.

промежутке между метакультурами Романо-католической и Российской. Не менее трагична судьба нации Болгарской, тоже входившей в византийский сверхнарод и предназначавшейся к огромному будущему — к первенствованию, духовному и культурному, в восточнохристианском мире. Уицраор Турции навсегда лишил болгарскую нацию подобных перспектив, изуродовав и как бы укоротив ее духовные крылья. Теперь она начинают входить в состав сверхнарода Российского. Что же касается румын, то они в качестве нации только еще формируются. Их Соборная Душа и дух-народоводитель надстоят еще весьма высоко, едва поддерживая связь с этой народностью в Энрофе, и еще не скоро войдут в полноту своих сил.

Великой богорожденной монадой является и демиург сверхнарода, более могучий, более действенный, но чуждый соборности. Он един.

Ему в метакультуре соответствует одна из Великих Сестер — Соборная Душа ведущей нации. Бывают, однако, и более сложные коллизии. В метакультуре Северо-западной, например, демиург сверхнарода был связан до XIX века с одной из Сестер — Соборной Душою Германии. Но в этом столетии второй германский уицраор стал настолько силен, что плен этой Соборной Души в одной из цитаделей Мудгабра превратился в почти полное порабощение ее воли, и демиург вступил в союз с другой Великой Сестрой, Соборной Душою Англии.

Рождение монад обеих иерархи́й — демиургов сверхнародов и Великих Сестер — предвечным Солнцем Мира не может быть нами ни понято, ни воображено, и любые логизирования на эту тему обречены оставаться пустою спекуляцией. Спекуляциями, на мой взгляд, останутся и попытки заполнить пробел в наших представлениях о тех ступенях космического становления этих монад, которые предшествовали их появлению в Шаданакаре. В каких брамфатурах, в каких формах, по каким ступеням странствовали и воплощались они, прежде чем вступить в пределы нашей планеты? Быть может, я заблуждаюсь, но мне кажется, что подобные инобрамфатурные тайны для нас трансцендентальны. В круг возможностей нашего постижения (и то постижения не в виде метаисторического озарения, а лишь в форме пассивного восприятия сведений об этом из уст наших невидимых друзей) обе эти иерархии вступают в момент метаэфирного рождения. Таким термином условно обозначим событие, заключающееся в том, что их монады вступают в пятимерную материальность Шаданакара. От Планетарного Логоса, Который можно понимать и как Существо, ставшее высшим Демиургом нашей брамфатуры, они получают некий импульс: этот импульс есть *творческое воление к осуществлению и выражению себя в трехмерной и четырехмерной субстанциях грядущего сверхнарода*, которого еще не было и которого без них не могло бы быть. Именно этот импульс влечет за собою их спуск, облечение их тканями более плотной материальности, уже четырехмерной, и начало, таким образом, их планетарного цикла. Это есть их второе в Шаданакаре, их астральное рождение. Физического, конечно, они не испытывают никогда. Я знаю, что понять эту мысль не очень легко, но вряд ли она может быть выражена проще.

Миры, где эти иерархии пребывают между двумя этими рождениями, а монады их — на протяжении всего их цикла в Шаданакаре, составляют са-

куалу Демиургов. Она состоит из трех сфер. Родина демиургов и Великих Сестер — Идеальных Душ сверхнародов — называется *Рангарайдр*. Названия остальных — *Астр* и *Оамма*. Астр — родина и обиталище монад Младших Сестер и духов-народоводителей. О содержании Оаммы я не в состоянии сообщить ничего.

Однако можно говорить о том, что в течение последних пятисот лет из числа демиургов выделился один, не только получивший миссию всемирного, а не лишь сверхнародного значения, но и осуществлявший ее: это — демиург Северо-Запада. Создание некоторых предпосылок к объединению человечества в единое целое — плод именно его творчества за последние века. В близком будущем мировое водительство такого рода перейдет, вероятно, на короткое время к демиургу сверхнарода Российского, а затем к демиургу Индии. Позднее единоличного водительства, по всей видимости, не будет.

Яросвет и Навна суть имена, условно и произвольно взятые мною для обозначения иерархий Российской метакультуры. Подлинные имена демиургов и Великих Сестер мне неизвестны. Впрочем, на человеческом языке они, кажется, вообще не могут быть произнесены[1].

Метаисторическая миссия будущего брачного союза и всей, вообще, жизни в Шаданакаре Яросвета и Навны — миссия планетарного значения — может быть приближенно очерчена как рождение ими, точнее, эфирное воплощение через них некоей Великой Женственной Монады[2]. Немыслимая, конечно, ни в каком личном воплощении физическом, она готова излиться со временем в эфирное вместилище, просветленное, личное, живое и непорочное; оно же мыслимо лишь возникающим единовременно со своим овеществлением в Энрофе — всемирным Братством. Народ же российский мыслится своим демиургом как непросветленная еще в Энрофе, но просветляемая уже в Небесной России эфирно-физическая субстанция, из которой будет создано это двойное — физическое и эфирное — вместилище Света и в то же время как арена, на которой совершится этот теургический акт.

Выше сакуалы Демиургов и Великих Сестер парит сакуала, которую я могу определить лишь словами: Волны Мировой Женственности. Первая из ее сфер, *Лимуа́рна*, есть женственный Синклит Человечества, а вторая — *Баю́шми* — местопребывание Великой Женственной Монады в настоящее время. Об остальных сферах этой сакуалы мне известны только их имена: *Фаоле́ммис, Сао́ра, Наоли́тис*. Имя последней из сфер, шестой, останется тайной.

1. Я лелею надежду на то, что читатель поймет, что всякое применение к иерархиям привычных для нас антропоморфных понятий возраста, брачных отношений и т.п. может быть делаемо лишь с целью приблизить путем единственно возможных, хотя и далеких, аналогий нашу мысль к пониманию явлений, в *буквальном* смысле не имеющих почти ничего общего с явлениями, привычными для нас.
2. Под термином «эфирный» я разумею материальность более тонкую и высокую, чем физическая. Эфирной является материальность миров Просветления, затомисов, Светлых стихиалей. Для обозначения еще более тонкой материальности, характерной, например, для сакуалы Высокого Долженствования и сакуалы Ангелов, применяется термин «астральный», а для наитончайшей из всех вообразимых нами материальностей — термин «метаэфирный». Это материальность высших слоев Шаданакара. Ко всему, иерархически расположенному еще выше, применяется слово «духовный».

Эта сакуала объемлется еще одной — мирами общения иерархий Шаданакара с иерархиями макробрамфатуры и Вселенной. Из этих трех миров могу назвать лишь средний — *Рао́рис* — местопребывание Великой Женственной Монады вначале, когда Она эманировала в Шаданакар.

Отсюда начинаются слои пребывания Единой Церкви нашей брамфатуры. Они охватывают как ту сакуалу, о которой я только что сказал, так и три сферы сакуалы еще более высокой: Элиты Шаданакара. Океаны многократно просветленной и одухотворенной материи колышатся вокруг нее; светящиеся гребни их не встречают препон в ее прозрачных гранях, плавно входят внутрь и, разливаясь по этому обиталищу Совершенных, сообщают ему всю полноту жизни. И человечество Энрофа, и человечество даймонов, и человечество Луны, и ангелы, и стихиали, и даже животное царство, чей метафизический смысл являл собой столь глубокую загадку, — находят свое наивысшее оправдание, свое окончательно преображенное бытие в лоне этого высшего рая, совмещающего покой и могущество, блаженство и творчество, совершенство и беспредельное движение дальше и дальше по ослепительному пути. Это — все те, кто воочию видит Мировую Сальватэрру — наивысшую ступень лестницы Шаданакара для любой из его монад, как богорожденных, так и богосотворенных, кроме Планетарного Логоса, Пресвятой Девы и Великого Женственного Духа. Единственное, что я могу, говоря об Элите Шаданакара, это перечислить некоторых из тех великих человекодухов, которые достигли Элиты, — их последние человеческие имена: Эхнатон, Зороастр, Моисей, Осия, Лао-цзы, Гаутама Будда, Махавира, Ашока, Чандрагупта Маурья, Патанджали, Нагарджуна, Самудрагупта, Канишка, Шанкара, Аристотель, Платон, все апостолы, кроме Павла, Титурэль, Мария Магдалина, Иоанн Златоуст, Августин, Франциск Ассизский, Жанна д'Арк, Данте, Леонардо да Винчи.

Так довели мы обозрение структуры Шаданакара до его конца — до наивысшей из сакуал, тремя сферами объемлющей всю нашу брамфатуру: сферой Планетарного Логоса, сферой Приснодевы-Марии и сферой Великой Женственной Монады.

В силу чисто субъективных причин я привык к именованию этого средоточия и вершины Шаданакара М и р о в о й С а л ь в а т э р р о й — имя, конечно, совершенно условное, даже случайное, не имеющее к Сальватэрре средневековых крестоносцев, Палестине, даже отдаленного отношения. Я не настаиваю на нем ни в малейшей степени, но принужден им пользоваться за неимением лучшего.

Мировая Сальватэрра пронизывает весь Шаданакар, кроме четырех миров демонической Основы и Суфэтха, но в различной степени. Ее наибольшая полнота связана с высокими слоями атмосферы. Религиозный смысл слова «Небо» — не плод аберрации темных сознаний древности, а выражение реальности, которую предчувствовали высокие души уже тысячи лет назад.

Все Провиденциальное в истории Шаданакара, в истории человечества и отдельной души — от Сальватэрры. Здесь сосредоточивается низлияние высших космических Сущностей, выражающих себя как в становлении звездных миров, так и в нашем становлении. «Небесных воль блистающий кристалл» —

формула, применимая к Мировой Сальватэрре не только поэтически. Непрерывные волны благодати и силы изливаются с этих высот, из этих глубин. Чем помогут нам приблизиться к представлению о них такие слова, как сияющий благовест или звучащее сияние? То, на что могли намекать подобные полуобразы, осталось глубоко внизу, в мирах ангелов, в сакуале Высокого Долженствования, в Синклите Мира. Даже то, что пыталась выразить библейская легенда о лестнице Иакова, заканчивается здесь, пройдя сквозь весь Шаданакар. Великие сущности и великие существа восходят и сходят ступенями материального бытия от Сальватэрры к земле и от земли к Сальватэрре. Она есть сердце планеты и ее внутреннее Солнце. Сквозь нее и только сквозь нее раскрываются выси, шири и глуби Духовной Вселенной, объемлющей и звездные архипелаги, и океаны метагалактики, кажущиеся нам столь пустынными.

Духовная Вселенная невыразима ни на каком языке и может быть пережита, конечно, лишь в отдаленнейших предчувствиях. Наивысшие духовные восхи́щения у мистиков христианства, высшая ступень экстаза у индуистов, «абхиджна» Будды — все это суть состояния именно этих отдаленных предчувствий. Систематизирующий разум пытается влить их в твердые формы учений, чтобы приобщить к ним многих, и создает тусклые отблески, подобно учениям о Дао, о Плероме, об Эмпирее, о дыхании Парабрамы.

Когда же странники по мирам иным говорят об Эдеме, как учители семитических религий, либо о чертогах Брамы и Вишну, о небесах иранских азуров или индуистских дэвов, о блаженной стране Сукхавати, даже о Нирване — они принимают за последнюю цель лишь отдельные ступени внутри Шаданакара, отдельные вершины метакультур и наивысшие трансмифы религий, либо, наконец, реальность Мировой Сальватэрры.

Когда человечество — физическое и уже внефизическое — закончит свой колоссальный цикл, когда закончат его и все царства планетарной Природы, они полностью совпадут с этим планетарным раем. Тогда начнется раскрывание Мировой Сальватэрры, как цветка, в готовый принять ее простор Духовной Вселенной. Солнце Мира будет сиять над этим цветком, принимая в свои небеса его благоухающее излучение.

Но последняя цель будет и тогда еще безмерно далека; ныне же она лежит за пределами какого бы то ни было самого ослепительного предчувствия.

Глава вторая
ЛОГОС ШАДАНАКАРА

Все неисчислимые мириады монад распадаются, насколько я знаю теперь, на две онтологически различные категории. Одна — монады богорожденные. Их немного. Они крупнее масштабно, они непосредственно вышли из непостижимых глубин Творца, они предназначены к водительству мирами и с самого начала приступают к нему, не зная ни падений, ни срывов и в дальнейшем только возрастая от славы к славе, от силы к силе. Тайну их божественного рождения не постигает и никогда не постигнет никто, кроме них самих. В Шаданакаре к числу богорожденных монад принадлежат Планетарный Логос, З в е н т а - С в е н т а н а, демиурги сверхнародов, Великие Сестры и некоторые из Верховных Иерархи́й. Ни одна демоническая монада Шаданакара не входит в их число, хотя следует знать, что Люфицер является монадой богорожденной — единственной из всех богорожденных монад, совершившей богоотступничество.

Другая категория — все остальные монады мира, монады богосотворенные. Тайна их творения Богом может быть постигнута каждой из них, хотя, конечно, на чрезвычайно высокой ступени восхождения.

Планетарный Логос — великая богорожденная монада, божественный разум нашей брамфатуры, древнейшая, самая первая из всех ее монад. Ее отличие от всех остальных заключается в том, что она выражает собою, как Слово выражает Говорящего, одну из ипостасей Троицы: Бога-Сына. Логос Шаданакара совершает абсолютно непостижимый для нас путь восхождения и творчества по космической лестнице, и ни одной брамфатуры, исключая демонические, нет и не может быть без такой монады. Ибо одна такая монада появляется в каждой из брамфатур на самой заре ее и на всем протяжении становления всех ее сакуал остается средоточием Провиденциальных сил и Божественного Духа.

Планетарный Логос сошел в Шаданакар, как только созданная иерархиями материальность брамфатуры стала способна вместить Его. Слой, в который Он сошел сперва, стал впоследствии Ирольном. Творчеством Логоса этот слой был подготовлен к тому, чтобы принять множество юных богосотворенных монад; однако это творчество не смогло предохранить Шаданакар от вторжения Гагтунгра; Планетарный Логос и сонмы светлых монад принуждены были вступить с ним в борьбу. Творились прекрасные законы мира, чуждые страданию, смерти и какой бы то ни было тьме. Начало первому человечеству — ангельскому — было положено Самим Планетарным Логосом и Лилит, существо которой еще было свободно тогда от демонического эйцехоре. Одновременно с неустанной борьбой против демонического стана создавались Олирна, сакуалы Высокого Долженствования, Великих Иерархий, Верховных Стихиалей и подготавливались те слои, которые стали сакуалами инвольтаций других планет, Солнца и Астрафайра. Некоторых слоев, созданных тогда, теперь уже нет: например, тех, куда поднимались в те времена, достигнув просветления, человекоангелы. И так как материальность этих существ не была отравлена никаким эйцехоре, восхождение ангелочеловечества не было омрачено никаким срывом.

Под представлением о первородном грехе следует понимать то, что произошло между Лилит и вторгшимся в ее мир Гагтунгром, — то, вследствие чего сатанинское семя — эйцехоре — несут с тех пор все существа, в создании чьих плотноматериальных цепей рода принимала или принимает участие Лилит. В демонических существах эйцехоре господствует даже над монадами, у остальных — в худшем случае над шельтами. Что касается легенды об Адаме и Еве, то в ней до того перепутаны все слои, эры и иерархии, что лучше совсем не трогать этого предания. Во всяком случае, общее искупление, то есть высветление всех эйцехоре, было бы в конце концов совершено Христом, если бы Его миссия в Энрофе не была оборвана.

Зеркально отображая схождение ангельских монад в Шаданакар, Гагтунгр создал плотноматериальный слой, где обрели свою инкарнацию более мелкие демонические существа — те самые, что со временем превратились в чудовищ наших дней: уицраоров, велг, рыфр, игв, ангелов мрака. А параллельно восхождению ангелочеловечества стала возникать органическая жизнь в Энрофе, предназначенном царству животных. Это царство было задумано как грандиозное сообщество новых, юных, сотворенных и творимых Богом монад, призванных сойти в наиболее плотные слои материальности, чтобы просветлить их. Когда же Гагтунгру удалось исказить законы жизни в Энрофе, наложить свою руку на животное царство и этим опрокинуть Провиденциальный замысел, силами Планетарного Логоса было создано второе человечество — титаны, назначение которых состояло в том же, что и у всех сообществ Света: в просветлении материи. Со временем они должны были перейти в Энроф и руководить там процессами просветления животного царства и некоторых стихиалей — демонических или отставших. Новой катастрофой явились бунт и падение титанов. Крушение второго человечества послужило Гагтунгру источником такого возрастания его мощи, какого он не испытывал еще никогда. И если животное царство было только заторможено им в своем развитии, а титаны сброшены в миры Возмездия и позднее вырвались оттуда, то Лунное человечество, созданное Планетарным Логосом и Его силами после титанов, претерпело еще более сокрушительный удар и, пройдя через фазу демонизации почти всех своих шельтов, исчезло с лица Энрофа совсем. Это совершилось около 800 000 лет назад, когда в земном Энрофе человек начал выделяться из животного царства, а в других трехмерных слоях Планетарным Логосом и Его станом было сотворено человечество даймонов. Его творение было вызвано настоятельной необходимостью усиления стана Света и тем, что вытекающие из Отчего лона новые и новые мириады монад искали путей к спуску в плотноматериальные слои для их просветления. Задача просветления животного царства на даймонов возложена не была — их слои никак не связаны с животными, — но просветление отставших стихиалей было и остается одной из их задач.

Что касается так называемой зари человечества, то есть эры выделения человеческого вида из царства животных, то это была необычайно унылая и угрюмая заря. Человечество пещерного века можно и должно жалеть, но не надо его идеализировать: оно было жестоко, низменно и грубо утилитарно. Оно не знало абсолютно ничего духовного, кроме магии, а магия утилитарна и корыстна по самому своему существу. Микроскопическое меньшинство медленно вынашивало непонятное никому чувство Великих Стихиалей и первые побеги чувства красоты. Первым же массовым ощущением трансфизической стороны вещей было переживание разлитой везде арунг-вильты-праны.

Процесс медленного просачивания духовного в сферу сознания шел тысячелетие за тысячелетием, капля за каплей; временами накапливался в подсознании, по прошествии веков, как бы известный заряд энергии, некий духовный квант, и прорывался сразу в душу и разум одной личности. Это были первые люди светлых миссий, своего рода вестники. Вокруг них создавались

маленькие содружества, открывались ближайшие отрезки дорог совершенствования. Определенный рубеж во времени, когда это началось, указать трудно, но, во всяком случае, проблески заметны уже к концу кроманьона. Затем наступил долгий регресс, потом новые вспышки на Американском континенте, и наконец накануне образования Атлантической культуры они слились уже в непрерывные цепочки света.

Гибель Атлантиды поставила под угрозу всю духовность, достигнутую за эти невеселые столетия. Тончайшую ниточку удалось унести в Африку и через Суданскую культуру передать Египту. Другую ниточку перебросили в Америку. Наступили века мучительного волнения для всех сил Света, ибо натиск тьмы бывал таков, что нить порою воплощалась в одном-единственном человеке на земле. Легко ли представить себе его беспримерное одиночество и бушевание мрака, жаждущего погубить его? Можно было бы назвать несколько странных, неизвестных имен, но лучше сказать, что эти вестники и герои духа на кровавой заре человечества впоследствии вплели в дальнейшие свои гирлянды те прекраснейшие и ярчайшие цветы, чьи имена известны теперь каждому. Это Эхнатон, Зороастр, Моисей, Осия, Будда, Махавира, Лао-цзы, апостол Иоанн. Особенно жаркую борьбу выдержал будущий Гаутама Будда. Это было среди негритянского племени в области озера Чад, когда Суданской культуры еще не существовало, а уже тускнеющий огонь атлантической мудрости и духовности теплился в душе этого единственного человека. Нить, переданная в Америку, оборвалась, и он оставался единственной свечой духа в Энрофе земного шара. С точки зрения позднейших мерил, прилагаемых к пророкам и вестникам, он был еще не так ярок, но он был один, и этим все сказано. Синклит Атлантиды был слишком географически далек, чтобы оказывать ему действенную помощь; воспринять же помощь других сил Света своим бодрствующим дневным сознанием он еще не умел, и ему казалось, что он выдерживает нескончаемую битву во мраке абсолютно один. К счастью, на исходе той его инкарнации у него появилось несколько достойных учеников, и дело было спасено. В этом-то и невероятность его подвига: без Синклита!

В соответствующем нашему Энрофу мире даймонов, Жераме, Планетарный Логос воплотился около 10 000 лет назад, когда у нас переживала свой расцвет Атлантида. Прервать или исказить Его миссию в мире даймонов Гагтунгру не удалось, физически умертвить Его воплощение раньше, чем оно исполнилось всей полнотой сил Логоса, — тоже; путь Логоса в мире даймонов превратился в Его апофеоз, и вся эта сакуала вступила на путь последовательных просветлений. Миссия Логоса по отношению к миру даймонов была подобна Его позднейшей миссии по отношению к нашему человечеству, но там она была доведена до победоносного конца, и это повлекло за собой ускоренное развитие этой сакуалы.

Прежде чем достичь вочеловечивания, которое вполне отразило бы Его сущность, Великий Дух исполнил подготовительный спуск, воплотившись около 7000 лет назад в Гондване. Там Он был великим учителем. Однако человечество еще не было готово принять духовность, низливавшуюся через воплощенный Логос. Было основано лишь глубокое и чистейшее эзотерическ-

кое учение, брошены первые семена, перенесенные ветрами истории в почву других стран и культур: в Индию, в Египет, в Китай, в Иран, в Вавилонию. Воплощение Логоса в Гондване еще не носило характера такой полноты, какая позднее проявилась в Иисусе Христе; оно было, в сущности, подготовкой.

Народ, культура, страна, долженствовавшие стать ареной жизни Христа, определились, конечно, не сразу. Как необходимое условие нужен был четкий монотеизм, исповедуемый не единицами, а воспринятый уже массой народа. Без этого отсутствовала бы психологическая почва, необходимая для откровения Бога-Сына. Но географические и исторические условия, определившие культурный и религиозный характер народов Индии и Китая, не дали монотеистической идее способов проникновения в сознание народных масс. И монотеистическое учение Лао-цзы, и такие же тенденции в брахманизме остались почти эзотерическими доктринами. Все ограничивалось духовными восхищениями отдельных высоких душ и уединенными теософскими спекуляциями. Беспримерная религиозная одаренность народов Индии обусловила восприятие ими откровения многих Великих Иерархий и создание синклита, не сравнимого ни с одним другим по своей численности. Но могучий пантеон Индии как бы заслонял собою еще более высокую реальность Мировой Сальватэрры. Индийское религиозное сознание издавна привыкло к представлению о воплощении иерархий в облике людей и даже животных; поэтому оно не в состоянии было бы воспринять совершенную исключительность и особенность вочеловечивания Планетарного Логоса, его полную принципиальную несхожесть ни с аватарами Вишну, ни с инкарнациями каких бы то ни было других светлых сил. Буддизм, мощный своей этической стороной, избегал четкой постановки проблемы Абсолюта. Будда, как и Махавира, считал, что в деле спасения человек должен полагаться только на самого себя. В этом заблуждении сказалась отрицательная сторона того страшного духовного опыта, который он приобрел во время своего одинокого горения среди планетарной ночи, — опыта, который он вспомнил, став Гаутамой, но который он не смог, очевидно, осмыслить до конца. Так или иначе, буддийское учение, уклонявшееся от прямого обращения к Единому, своим широким распространением в Индии окончательно вычеркнуло эту страну из числа возможных арен воплощения Планетарного Логоса.

В XIV веке до нашей эры была произведена первая в мировой истории попытка сделать отчетливо формулированный солнечный монотеизм всенародной религией. Это произошло в Египте, и исполинская фигура фараона-реформатора до сих пор возвышается над горизонтом минувших веков как образ одного из первых пророков в истории. Какое полное одиночество должен был испытывать этот гениальный поэт и провидец, заканчивая свой вдохновенный гимн Единому Божеству трагической жалобой: «И никто не знает Тебя, кроме сына Твоего, Эхнатона!»

Впрочем, понимать эту жалобу с абсолютной буквальностью нельзя: был, по крайней мере, один человек, разделявший его одиночество. Роль царицы Нефертити, его жены, как вдохновительницы и участницы религиозной реформы вряд ли может быть кем-либо преувеличена. Эта изумительная женщина прошла по золотистым пескам своей страны посланницей того же Небесного Света, что и ее супруг, и уже давно они оба, неразрывно связанные творчеством и божественной любовью на всех путях, достигли высочайших миров Шаданакара.

Попытка Эхнатона претерпела, как известно, крушение. Не только основанный им культ, даже само имя реформатора было стерто с анналов египетской историографии; историческая истина восстановлена лишь в конце XIX века усилиями европейских археологов. Вместе с крушением этого замысла и с длительным, устойчивым господством многобожия выпал из числа возможных арен воплощения Христа также и Египет.

До ясного единобожия не смог развиться и маздеизм в Иране. Колоссальный трансмиф этой религии не был вмещен ее мифом даже в малой доле. Ответственность за это падает, конечно, не на ее основателей, ибо они, и в первую очередь сам Зороастр, подготовили религиозную форму, достаточно емкую для вмещения огромнейшего содержания. Ответственность несут уицраоры Ирана и его шрастр. Их отображение в Энрофе — империя Ахеменидов — сумела затормозить всякое духовное развитие, вызвать окостенение религиозных форм маздеизма, заглушить его мистику, окаменить этику, направить не на религию, а на себя поток эстетики, а душевную энергию сверхнарода переключить на создание великодержавной государственности. Когда эта империя наконец пала и Соборная Душа Ирана была на краткое время освобождена, сроки были упущены. Религия Митры, распространившаяся тогда, носит на себе отпечаток творчества слишком поспешного, откровения слишком неотчетливого.

Взор Избирающего остановился наконец на еврействе.

Метаисторическое исследование Библии дало бы возможность проследить, как инспирировались пророки демиургом этого народа; как искаженно, но все-таки его голос улавливали создатели книг Иова, Соломона, Иисуса Сираха; как вначале примешивалась к этому откровению, снижая его, инспирация из Шалема, от стихиали горы Синай, духа сурового, жесткого и упорного; и как потом книги Ветхого Завета начинают все более омрачаться нотами гнева, ярости, воинственности, безжалостной требовательности — характерными интонациями уицраоров. Но монотеизм как всенародная религия был необходим, и здесь, именно здесь он был все-таки дан; в этом историческая и метаисторическая заслуга еврейства. Важно то, что, несмотря на бесчисленные подмены, вопреки спутанности инстанций, вдохновлявших разум и творческую волю создателей Ветхого Завета, монотеистическая религия сокрушена не была и под «Я» библейских книг можно, хотя, конечно, не всегда, понимать Всевышнего.

Насколько метаисторическое познание допускает понимание задач Христа, стоявших перед Ним в Его земной жизни, настолько их можно определить пока следующим образом. Приобщение человечества Духовной Вселенной вместо догадок о ней при помощи спекулятивной философии и одиноких предчувствий; раскрытие в человеке органов духовного воспринимания; преодоление закона взаимной борьбы за существование; разгибание железного кольца Закона кармы; упразднение в человеческом обществе закона насилия и, следовательно, государств; превращение человечества в

братство; преодоление закона смерти, замена смерти материальным преображением; возведение людей на ступень богочеловечества. О, Христос не должен был умирать — не только насильственной, но и естественной смертью. После многолетней жизни в Энрофе и разрешения тех задач, ради которых Он эту жизнь принял, Его ждала трансформа, а не смерть — преображение всего существа Его и переход Его в Олирну на глазах мира. Будучи завершенной, миссия Христа вызвала бы то, что через два-три столетия на земле вместо государств с их войнами и кровавыми вакханалиями установилась бы идеальная Церковь-Братство. Число жертв, сумма страданий и сроки восхождения человечества сократились бы неизмеримо.

Основанию Христом Церкви в Энрофе предшествовало низлияние сил Приснодевы-Матери, другой ипостаси Троицы, в высшие миры Шаданакара. Это низлияние не носило характера личного, не заключалось в нисхождении какой-либо богорожденной монады. Не было это низлияние Женственности и первым по времени. Первое низлияние Женственности за период существования нашего человечества имело место на четырнадцать или двенадцать веков ранее, и отголоски интуитивного понимания этого факта можно найти в некоторых мифах, где он, впрочем, нерасчленимо сливается с преданиями о жертвенных нисхождениях соборных душ сверхнародов в темные слои, как это мы видим, например, в Вавилонии. Но два раза именно в Вавилонии и второй раз именно в эпоху первого низлияния Женственности принимала воплощение в человеческом облике та светлейшая из богосотворенных монад, которой впоследствии предстояло стать Матерью Планетарного Логоса на земле. Ее жизненный путь в тот раз не вывел Ее из пределов небольшого города в Сеннааре; Она была там великой праведницей и претерпела казнь. В момент Ее смерти Мировая Женственность просветлила все Ее существо, и это предопределило то, что Она впоследствии стала Богоматерью. Еще же раньше, до Вавилонии, Она жила в Атлантиде, где была простою прекрасной женщиной, матерью многих детей, а до Атлантиды, на самой заре человеческой цивилизации — в маленьком городке Центральной Америки. Городок этот совершенно забыт, и его бедные останки никогда не будут извлечены из-под тропических зарослей Гондураса или Гватемалы. Раньше, в эпоху первобытных обществ, монада грядущей Богоматери в человеческом облике не рождалась.

Второе низлияние сил Мировой Женственности в Шаданакар вызвало, как эхо, в Энрофе как бы смягчение душевной каменности в существе многих людей: без этого образование Церкви на земле Иисусом Христом было бы вообще невозможно. Христианские церкви в том прерванном, незавершенном виде, в каком они знакомы нам по истории, суть бледные, зачаточные, ограниченные и искаженные отображения Церкви Шаданакара, пребывающей в наивысших слоях.

В возрасте от четырнадцати до тридцати лет Иисус находился в Иране и Индии, где Он прошел сквозь наиболее глубокую мудрость, достигнутую тогда человечеством, и оставил ее далеко за Собою.

Почему Иисус не облек в письменную форму изложение Своего учения? Почему предпочел доверить эту задачу Своим ученикам? Ведь даже будучи боговдохновляемыми, евангелисты оставались людьми, а великий враг не дремал, и даже на книгах Нового Завета явственно различается местами его искажающее прикосновение. Но Христос не мог изложить Своего учения в книге потому, что учением были не только слова Его, но вся Его жизнь. Учением было непорочное зачатие и Его рождение в тихую вифлеемскую ночь, озаренную пением Ангелов; Его беседа с Гагтунгром в пустыне и Его странствия по галилейским дорогам; Его нищета и Его любовь, исцеления больных и воскрешения мертвых, хождение по водам и преображение на горе Фаворе; Его мученичество и воскресение. Такое учение могло быть изложено, хотя бы с пробелами и ошибками, только живыми свидетелями этого божественного жизненного пути. Но в пробелы вкрался исконный враг; проникая в человеческое сознание авторов Евангелия, он сумел извратить многие свидетельства, исказить и омрачить идеи, снизить и ограничить идеал, даже приписать Христу слова, которых Спаситель мира не мог произнести. У нас еще нет способов отслоить в Евангелии подлинное от ошибочного, нет точных критериев, нет очевидных доказательств. Каждому, читающему Новый Завет, следует помнить лишь, что учение Христа — это вся Его жизнь, а не слова только; в словах же, Ему приписываемых, истинно все, что согласно с духом любви, ошибочно все, отмеченное духом грозным и беспощадным.

Трудно сказать, с какого момента земной жизни Иисуса в душе Его возникла тревога, сомнение в исполнимости Его миссии во всей ее полноте. Но в последний период Его проповеднической деятельности все отчетливее сквозит в Его словах — насколько мы знаем их по Евангелию — готовность к тому, что господин темных сил может оказаться временным, частичным победителем. Действительно, видимой формой такой частичной победы явились предательство Иуды и Голгофа.

Субъективный мотив предательства Иуды заключался в том, что Христос Своим вочеловечением разрушил в душе Иуды еврейскую мечту о Мессии как о национальном царе, владыке мира. Эта мечта горячо пылала в сердце Иуды всю его жизнь до самого дня его встречи с Иисусом, и ее крушение было для него великой трагедией. В божественности Иисуса он не испытывал ни малейшего сомнения, и предательство явилось актом смертельной ненависти, отчетливо осознанным богоубийством. Тридцать сребреников, вообще мотив жадности был лишь наскоро предпринятой маскировкой: не мог же он обнажать перед людьми истинных мотивов своего преступления! Именно характер этих истинных мотивов вызвал такую беспримерно тяжелую форму кармического возмездия, какою было его ниспадение в Журщ.

Отсюда ясно, какое необъятное значение имели события, развернувшиеся в Иерусалиме после торжественного вступления Иисуса Христа в этот город. К этому моменту Планетарный Логос еще не мог подготовить Свое воплощение к трансформе; Голгофа обрекала Его на мучительную человеческую смерть. Избегнуть казни Он не хотел, хотя и мог: это было бы отступлением, да и все равно Гагтунгр умертвил бы Его несколько позже. Но после смерти для Него оказалась возможной трансформа иного рода: воскресение. А между этими двумя актами совершилось то потрясшее Шаданакар нисхождение Его в миры Возмездия и раскрытие вечно замкнутых врат этих миров,

которое воистину стяжало Иисусу имя Спасителя. Он прошел сквозь все слои магм и ядра; непреодолимым оказался только порог Суфэтха. Все остальные пороги были сдвинуты, запоры сорваны, страдальцы подняты — одни в миры Просветления, другие в шрастры, третьи в верхние слои Возмездия, начавшие преобразовываться из вечных страдалищ во временные чистилища. Так было положено начало великому, позднее все возраставшему смягчению Закона кармы.

Физическое тело Спасителя, покоившееся во гробе, просветлилось и, будучи возвращено к жизни, вступило в иной, более высокий слой трехмерной материальности — в Олирну. Те свойства плоти Его, которые были замечены апостолами между Его воскресением и вознесением — способность прохождения сквозь предметы нашего слоя и вместе с тем способность принимать пищу, способность необычайно быстрого преодоления пространства, — объясняются именно этим. Та же новая, вторая трансформа, которая описана в Евангелии как вознесение, была не чем иным, как переходом Спасителя из Олирны еще выше, в следующий слой из числа тогда существовавших. Спустя некоторое время Он провел через трансформу Богоматерь Марию, а еще несколькими десятилетиями позднее — апостола Иоанна. Впоследствии совершались трансформы и некоторых других великих человеческих душ.

Постепенно восходя от силы к силе, уже девятнадцать веков возглавляет Воскресший борьбу всех светлых начал Шаданакара против демонических начал. В первые века христианства были созданы новые просветляющие слои — Файр, Нэртис, Готимна, потом Уснорм, и движение многих миллионов просветляемых через эту сакуалу было убыстрено. Через христианские церкви низливался могучий поток духовности, истончая и просветляя все больше человеческих душ; возникли и расцвели блистающие затомисы христианских метакультур с их многолюдными, все светлее и светлее становившимися синклитами. Грандиознейший процесс превращения страдалищ в чистилища к нашему времени достиг едва ли половины своего пути; ждет преобразования сакуала магм, а самые чистилища должны постепенно измениться еще более. Элемент возмездия из них будет устранен совсем; для душ с отягченным эфирным телом его заменит такая духовная помощь им со стороны синклитов, которую можно уподобить не наказанию, а только врачеванию.

За эти века Богоматерь Мария исполнила Свое восхождение из мира в мир. Помощница всех страждущих, особенно всех мучающихся в преисподних, всеобщая Заступница и великая Печальница за всех и за вся, Она, так же как Ее Сын, пребывает в Мировой Сальватэрре, принимая для нисхождения в другие слои светозарно-эфирное облачение. Спаситель, пребывающий как Планетарный Логос во внутреннем чертоге Сальватэрры, уже много столетий обладает властью облекаться в создаваемые Им светоносно-эфирные тела: таким Он нисходит в затомисы, общаясь там с синклитами метакультур. Его мощь возросла неизмеримо; однако смысл процессов, совершавшихся в эти два тысячелетия в наивысших мирах Шаданакара, мы воспринять сейчас еще не в состоянии, хотя с точки зрения метаистории в них заключается, очевидно, самое главное.

Но если потусторонняя борьба Иисуса Христа с демоническими силами ознаменовалась рядом мировых побед, то недовершенность Его миссии в Энрофе сказалась в неисчерпаемом множестве трагических следствий.

Самоё учение оказалось искаженным, перепутанным с элементами Ветхого Завета — как раз теми элементами, которые преодолевались жизнью Христа, а если бы эта жизнь не оказалась оборвана, были бы преодолены окончательно. Основная особенность этих элементов — привнесение в образ Бога черт грозного, безжалостного судьи, даже мстителя, и приписывание именно Ему бесчеловечных законов природы и нравственного возмездия. Эта древняя подмена служит немалым тормозом на восходящем пути души: спутанность в сознании божественного с демоническим заставляет свыкнуться с идеей оправданности, предвечности и неизменности тех самых законов, ответственность за которые несет Гагтунгр и которые должны быть облегчены, одухотворены, изменены в корне. Такое снижение уровня этического понимания естественно ведет к сосредоточению внимания на своем личном спасении, а импульс социального сострадания и активное стремление к просветлению мира оказываются в параличе.

Недовершенность миссии Христа сказывается и в том, что материальное начало в природе и плотское в человеке не дождались предназначенного им просветления во всеобщих масштабах, а не в одном только естестве Самого Христа. И, оставшись непросветленными, они были выброшены христианскою церковью за пределы того, что обнималось ею, что ею принималось и благословлялось. Таинства крещения и причащения отрезали неофита от языческого оправдания самодовлеющего плотского начала; никакого же иного осмысления, высшего, не давалось. Эта аскетическая тенденция христианства, едва смягченная компромиссным институтом таинства бракосочетания, эта поляризация понятий «духа» и «плоти», которую влекло за собой христианство во всех охваченных им культурах и которая привела в конце концов к безрелигиозной эре цивилизации, — все это не было простой случайностью или хотя бы явлением только одного исторического плана. Напротив, в этом отразилась особенность, свойственная христианству в его метаисторической судьбе, — особенность, предопределенная именно оборванностью миссии Христа в Энрофе.

Главное же, в Энрофе вообще не совершилось коренного сдвига. Законы остались законами, инстинкты — инстинктами, страсти — страстями, болезни — болезнями, смерть — смертью, государства — государствами, войны — войнами, тирании — тираниями. Образование церкви в человечестве, обремененном прежней самостью и не огражденном от темных инспираций, не могло вызвать того стремительного прогресса — духовного и нравственного, который совершился бы, если бы Гагтунгр не оборвал жизнь Христа. Поэтому девятнадцать веков человечество двигалось по изломанному, зигзагообразному, неравномерному и односторонне суженному пути: он — равнодействующая между работой Провиденциальных начал и яростным воздействием Гагтунгра.

Половинчатый характер победы великого демона поверг его в длительное состояние, которое ни с каким человеческим, кроме предельной яро-

сти, сравнить невозможно. Это неистовое бушевание доносилось и в Энроф, порождая небывалые волнения на поверхности всемирной истории. Ряд тиранов-чудовищ на престоле Римской империи, которым ознаменовался I век новой эры, их злодеяния, не сравнимые ни с чем, бывшим до или после них, их не поддающаяся рациональному толкованию кровожадность, гордыня, бешенство, их нечеловеческая изобретательность в области придумывания новых способов мучительства, уродливая искаженность их творческого импульса, побуждавшая их воздвигать сооружения, неслыханные по своей грандиозности, но либо потакавшие самым низменным инстинктам масс, как Колизей, либо совершенно бессмысленные, как абсурдные начинания Калигулы, — все это отголоски неистовства того, кто увидал, что извечный враг его хотя и задержан на Своем пути, но стал могущественнее и теперь будет возрастать от славы к славе.

Уже за несколько веков до Христа Гагтунгром было найдено внушительное оружие: удалось воплотить в соответствующих слоях некие огромные по масштабу демонические существа и начать в Вавилоно-Ассирии и Карфагене первую династию уицраоров. Один из ее отпрысков, уицраор еврейства, добросовестно помог своему господину в его борьбе с Христом во время жизни Спасителя в Энрофе: без этого уицраора вряд ли оказалось бы возможным захватить полностью волю Иуды Искариота и многих пастырей еврейства, воображавших, что преследованием и казнью Христа они защищают интересы своего народа. Но и помимо этого «Умный дух» хорошо понимал, что создание двух, трех, нескольких хищных существ одного плана, одного слоя приведет, по закону борьбы за существование, к победе сильнейшего из них, пока сильнейший из сильнейших не распространит в будущем на все шрастры власть свою, а на весь земной Энроф — власть своих человекоорудий. Так будет подготовлено все для абсолютной тирании. Именно в осуществление этой мысли были созданы династии уицраоров также в Иране и Риме, и римская оказалась сильнее других.

Похоже на то, что в I веке, уже после воскресения Христа, главная надежда Гагтунгра возлагалась именно на Форсуфа — уицраора Римской мировой державы. Более того: кажется, что даже силы синклитов тогда не обладали уверенностью в том, что бешенство Гагтунгра, удваивавшее его силы, не приведет в близком будущем к явлению антихриста и не сократит сроков первого эона, умножив тем самым число духовных жертв до непредставимых размеров, а задачи второго эона усложнив до крайности. Этой тревогой объясняется та апокалиптическая, правильнее сказать эсхатологическая, настроенность, то ожидание конца мира в недалекие дни, которое охватило христианские общины и еврейство в первые десятилетия после воскресения Христа. К счастью, эти опасения не оправдались: сил Гагтунгра в ту пору хватило лишь на фантастически нелепые кровавые безумства кесарей да на попытки истребить христианскую церковь физически. Однако уже в середине I века намечается и другая линия в деятельности Гагтунгра. Пользуясь тем, что миссия Христа в Энрофе осталась недовершенной и поэтому основанная Им церковь, вместо всемирного апофеоза, едва теплится в виде нескольких маленьких общин под грузными пластами государственных институтов, созданных уицраорами, и под косными толщами инвольтированных ими психологий, — силы Гагтунгра начинают вмешиваться в жизнь самой церкви. Выдвигается высокоодаренная и глубоко искренняя в своем порывании к Христу волевая личность, в которой еврейская навязчивость и агрессивная еврейская суровость сочетаются с рассудочно-правовым сознанием римского гражданина. Этот человек был носителем некоей миссии, безусловно светлой, но указанные личные и наследственные черты его извратили понимание этой миссии им самим. Вместо продолжения Христова дела, вместо укрепления и высветления церкви духом любви, и только одним этим духом, тринадцатый апостол развертывает громадную, широчайшую организационную деятельность, цементируя разрозненные общины строгими уставами, неукоснительным единоначалием и даже страхом, так как опасность быть выброшенным, в случае ослушания, из лона церкви порождала именно духовный страх. То обстоятельство, что апостол Павел никогда не встречал Иисуса Христа при Его жизни и был, следовательно, лишен всего того благодатного, что исходило непосредственно от Иисуса, — это обстоятельство не менее многозначительно, чем и другое: то, что Павел не испытал, как остальные апостолы, схождения Святого Духа. И однако остальные апостолы как бы отодвигаются на второй план, каждый из них сужает свою деятельность до локальных задач, до создавания христианских общин в той или другой стране, а лишенный благодати Павел постепенно оказывается центральной фигурой, возвышающейся надо всеми общинами, все их объединяющей и всем им диктующей то, что ему кажется продолжением Христова дела.

Это, быть может, первое явственное проявление решимости Гагтунгра — в корне изменить демонический план. К концу I века внезапно меняется обстановка и вся атмосфера на верхах римской государственности. Последний изверг на престоле, Домициан, падает жертвой заговорщиков. Эра кесарских безумств резко прерывается. Дальше на протяжении целого столетия сменяются на престоле вполне достойные монархи. Они, конечно, выполняют то, к чему обязывает их логика власти, то есть воля уицраора Форсуфа, стараются укрепить ту государственную систему, которая обеспечивала уицраору такой неисчерпаемый приток красной питательной росы (она называется *шаввá*), но не видно уже ни прежних воспаленных мечтаний о всемирном единодержавии, ни бредовых строительных замыслов, ни «живых факелов», то есть облитых смолой и подожженных христиан, которыми озарял свои оргии Нерон. Государственная жизнь входит в более или менее нормальное русло. Другими словами, Форсуф заботится о продлении своего существования, но стремлений ко всемирной власти ему более не внушается. Ось высшего демонического плана изменилась. Идея довести Римскую империю до стадии планетарного владычества — отброшена. Во главу угла кладется другая: захватить христианскую церковь изнутри.

При всех искажениях, вызванных в христианстве духовной ограниченностью человеческих тысяч, его создававших, христианская церковь (а позднее — церкви) являла собой устье могучего духовного потока, низливавшегося в человечество с планетарных высот. В глазах «Умного духа» церковь стала фактором первостепенной важности, и для захвата ее изнутри были

использованы все средства. Семитическая религиозная исключительность, греческий духовный сепаратизм, римская безжалостность и жажда политической гегемонии во что бы то ни стало — все было привлечено на помощь во втором, третьем, четвертом, пятом веке христианской эры. Для достижения основной цели этого было, конечно, мало, но отвлечь церковь от ее прямых задач, замутить ее духом ненависти, увлечь ее в океан политических волнений, подменить непреходящие духовные цели злободневно-житейскими, подчинить восточную ее половину власти императоров, а западную — идеям ложно понятой теократии удалось вполне. Церковь становится миродержавной силой — тем хуже для нее! Человечество еще далеко от той нравственной высоты, на которой возможно сочетать миродержавное водительство с этической незапятнанностью.

Моя неосведомленность мешает мне — не говорю уж — нарисовать панораму девятнадцативековой борьбы Гагтунгра с силами Воскресшего, но даже наметить хотя бы главные ее этапы. Более или менее ясны для меня только отдельные, очень немногие ее звенья.

Так, например, уясняется мало-помалу метаисторическое значение личности и деятельности Мухаммеда. Стоя на точке зрения какой-либо ортодоксии, мусульманской или христианской, сравнительно легко дать ту или иную, положительную или отрицательную оценку этой деятельности. Но, стремясь сохранить объективность, неизбежно наталкиваешься на такие соображения и доводы, противоречивость которых не позволяет вынести окончательного суждения. Казалось бы, не подлежат сомнению ни религиозная гениальность Мухаммеда, ни его искренность, ни его вдохновленность высокими идеалами, ни та особая огненная убедительность его проповеди, которая заставляет признать в нем подлинного пророка, то есть вестника мира горнего. С другой стороны, непонятно, в чем же, собственно, можно усмотреть прогрессивность его учения сравнительно с христианством; если же такой прогрессивности в его учении не заключено, то зачем оно было нужно человечеству? Отношение к Мухаммеду как к пророку ложному тоже не помогает уяснению дела, так как остается совершенно непонятно, каким образом религиозное лжеучение смогло все-таки сделаться неким каналом, по которому духовность изливается в толщу многочисленных народов, пламенным поклонением Единому Богу поднимая ввысь миллионы и миллионы душ.

Метаисторическое познание дает на эти вопросы неожиданный ответ, одинаково неприемлемый, к сожалению, ни для христианской, ни для мусульманской ортодоксии. Дело в том, что правильный ответ может быть нами найден, только если мы убедимся, что Мухаммед явился в тот исторический момент, когда Гагтунгром было уже подготовлено появление на исторической арене подлинного лжепророка. То была фигура огромного масштаба, и столь же огромна была бы духовная опасность, в лице этого существа нависшая над человечеством. Лжепророк должен был оторвать от христианства ряд окраинных народов, воспринявших эту религию поверхностно, увлечь за собой ряд других наций, к христианству еще не примкнувших, а в самом христианстве возбудить сильнейшее движение прямой демонической направленности. Несовершенство христианской церкви было почвой, на которой подобное ядовитое семя могло бы дать богатейший плод, завершившись водворением у кормила духовной и государственной власти группы явных и тайных приверженцев Гагтунгра.

Пророк Мухаммед был носителем высокой миссии. Смысл ее сводился к тому, чтобы, вовлекая в движение молодой и чистый арабский народ, едва-едва прикоснувшийся к христианству, вызвать его силами в христианской церкви пламенное движение в сторону религиозной реформации, в сторону очищения христианства от крайностей аскетизма, с одной стороны, от подчиненности церкви государственным властям — с другой, от теократического единовластия, которого уже добивалось папство, — с третьей. Но Мухаммед был не только религиозным проповедником, он был гениальным поэтом, даже больше поэтом, чем вестником мира горнего: он был одним из величайших поэтов всех времен. Эта поэтическая гениальность, в сочетании с некоторыми другими свойствами его натуры, увлекала его в сторону от неукоснительного прямого религиозного пути. Струя могучего поэтического воображения вторглась в русло его религиозного творчества, искажая и замутняя то откровение, которое было ему дано. Вместо реформы христианства Мухаммед позволил себя увлечь идеей создания новой, чистейшей религии. Он и создал религию. Но так как откровения, достаточного для того, чтобы сказать воистину новое слово после Христа, у него не было, то созданная им религия оказалась не прогрессивной, сравнительно с учением Христа, а регрессивной, хотя и не ложной и не демонической. Эта религия действительно вовлекла в свой поток те народы, которые без Мухаммеда стали бы добычей того, кого подготавливал Гагтунгр. Поэтому окончательная оценка роли Мухаммеда не может быть ни полностью отрицательной, ни полностью положительной. Да, это был пророк, и религия, им созданная, — одна из великих религий правой руки; да, появление этой религии уберегло человечество от больших духовных катастроф. Но, отрицая многие основные идеи христианства, эта религия регрессировала к упрощенному монотеизму; она, в сущности, не дает ничего нового, и теперь понятно, почему в числе Великих Трансмифов, в числе пяти хрустальных пирамид, блистающих на высотах Шаданакара, нет трансмифа ислама.

Здесь я укажу еще лишь на одну линию демонического плана, без знания которой нельзя понять дальнейшего и которая должна превратиться в свое время — и в истории, и в метаистории, — если можно так сказать, в основную магистраль.

Говоря о том, что никакой демон, сколь масштабно-грандиозен он ни был бы, не в состоянии породить ни одной монады, я надеялся, что на это обстоятельство будет обращено должное внимание. После вочеловечения Планетарного Логоса решающей ареной борьбы сделалось человечество, и в демоническом разуме выкристаллизовалась мечта: создать, пусть медленно, такое человекоорудие, которое в силах было бы осуществить в историческом плане абсолютную тиранию и превращение населения земли в дьяволочеловечество. Опять проявилась творческая скудость демонических начал: ничего самостоятельного измыслить не удавалось; можно было только отдаться законам мышления «по противоположности» и рисовать себе картины, зеркально-искаженно противопоставляемые силам и путям Провидения. Космосу

противопоставлялся Антикосмос, Логосу — Принцип формы, Богочеловечеству — дьяволочеловечество, Христу — антихрист.

Антихрист! Введением этого понятия в круг настоящей концепции я отпугну больше читающих, чем, может быть, отпугнул всем рядом предшествующих глав. Понятие это дискредитировано многократно: и плоским, мелким, вульгаризированным содержанием, влагавшимся в него, и злоупотреблениями тех, кто своих политических врагов провозглашал слугой антихриста, и неоправдавшимися прорицаниями тех, кто в чертах давно промчавшихся исторических эпох уже усматривал черты наступающего антихристова царства. Но если бы введением этого воскрешаемого понятия я отпугнул в десять раз больше человек, чем отпугну — все равно понятие антихриста сюда введено, крепчайшими нитями со всей концепцией связано и не будет из нее устранено до тех пор, пока она сама существует.

Так как Гагтунгр не в состоянии творить монад, а демонические монады быть воплощенными в человечестве не могут, то ему оставалось воспользоваться для своего замысла одной из монад человеческих. Какую темную миссию ни осуществлял бы человек, какой страшный след ни оставил бы он в истории, все это темное исходит не от его монады, а от его шельта. Демонизироваться может только шельт, но не человеческая монада. В тех редчайших случаях, как с родоначальником царства игв или с Клингзором, когда личность, достигнув предельно ясного сознания, совершает богоотступничество, совершает его не монада, а только шельт. При этом совершается нечто воистину жуткое: отказ от собственной монады именно потому, что она не может санкционировать богоотступничества, и полное вручение себя — то есть шельта и всех его материальных облачений — воле и власти Гагтунгра. Связь между монадой и шельтом прерывается. Монада удаляется из Шаданакара, чтобы начать свой путь сызнова где-то в иных брамфатурах, а шельт или отдается какой-либо демонической монаде, по каким-нибудь причинам еще не имеющей шельта, или становится непосредственным орудием Гагтунгра, причем отсутствие монады восполняется отчасти воздействием его собственного духа. В обоих случаях шельт демонизируется окончательно, то есть происходит постепенное перерождение его материальной субстанции: *сиайра* — материальность, созданная светлыми силами брамфатуры, — заменяется так называемой а г г о й — материальностью демонического происхождения; то же происходит и с астральным телом. (Структурно агга отличается от сиайры тем, что она лишена микробрамфатур, а составляющие ее элементарные частицы — не одушевленные и даже частично разумные существа, как в сиайре, но мертвые неделимые материальные единицы. Агга состоит всего только из одиннадцати типов таких темных антиатомов, представляя собой бесчисленное множество их комбинаций.) Естественно, что существа с подобными демонизированными шельтами и астралами не могут более рождаться ни в каких слоях, кроме демонических. Таким образом, возможность инкарнации в человечестве для них оказывается исключенной.

А так как замысел создать антихриста имел в виду именно воплощение его в человечестве, то Гагтунгру оставалось одно: захватить одну из человеческих монад, оборвать с нее все одевающие ее покровы сиайры, то есть шельт,

астрал и эфир, и постепенным трудом создать для нее другие покровы из агги. Уничтожение ее прежнего, светлого шельта не находилось во власти Гагтунгра, но, лишенный монады, как бы духовно обезглавленный, он мог бы пребывать в состоянии неограниченно долгой духовной летаргии где-то в своеобразном трансфизическом склепе, в закоулках Гашшарвы. Похищение монады требовало неимоверных усилий и длительной подготовки. Оно удалось только в IV веке н<ашей> э<ры>, когда Гагтунгр сумел вырвать из Ирольна одну человеческую монаду, в прошлом проходившую некогда через инкарнацию еще в человечестве титанов, а теперь связанную с шельтом, едва успевшим закончить путь по Энрофу в облике одного из императоров Рима. Но единственность подобного существа вызывала у Противобога опасение, что непредугаданное вмешательство Промысла сорвет демонический план. И в дальнейшем было похищено еще несколько монад — своего рода «резерв» или, если можно так выразиться, кандидаты в антихристы. В исторической перспективе вырисовывались жесточайшие между ними схватки, победа сильнейшего, удачнейшего и сосредоточение демонической работы именно над ним.

Шельты, у которых были похищены их монады, действительно лишились возможности рождаться где бы то ни было. Как бы замурованными в глубине Гашшарвы они остаются и по сей день. А похищенные монады, отягченные материальными покровами из агги, как бы связанные по рукам и непосредственно направляемые Гагтунгром, двинулись по пути демонического совершенствования, от века к веку воплощаясь в человечестве.

Вскоре одна из них, а именно бывшая монада императора, стала опережать других. От инкарнации к инкарнации вел ее похититель, преодолевая ее сопротивление и добившись под конец почти полного угасания ее светлой воли. Во время воплощения этого поразительного существа уже в XV веке оказалось, что монада как автономная сила окончательно парализована, а созданные для нее материальные покровы все лучше выполняют веления демонической инспирации. Хотя от осуществления всех возможностей, в них заложенных, они еще очень далеки. Инкарнация эта пришлась на кульминационный момент метаисторической борьбы внутри Романо-католической метакультуры. Оно было связано с одной из наиболее очевидных, драматических и жутких попыток Гагтунгра захватить церковь изнутри — попыткой, которая остается до сих пор исторически последней. Я уже упоминал в другом месте, что за тем крайним течением в католицизме, которым был омрачен конец Средних веков и которое нашло свое наиболее законченное выражение в институте инквизиции, стояло одно из кошмарнейших исчадий Гагтунгра, а борьба против него сил Света закончилась победой только в XVIII столетии. Что же касается дьявольского человекоорудия, то оно появилось на исторической сцене раньше, внешне приобретя облик активного борца за всемирную теократию. В русской художественной литературе есть поразительное творение, автор которого, без сомнения, не мог не обладать духовным знанием об этом событии, хотя знание это не стало полностью достоянием его дневного, бодрствующего «я». Я имею в виду «Легенду о Великом Инквизиторе». Тот, кто должен стать антихристом в недалекие теперь уже времена, был, можно сказать, схвачен за руку Достоевским на одном из

важнейших этапов своего предсуществования. Правда, эта историческая личность не оставила по себе громкого имени: оно известно теперь лишь специалистам-медиевистам как имя одного из довольно заметных тогда деятелей испанской инквизиции. Примерно тогда же стала уясняться Гагтунгру неудача его общей попытки обратить исторический католицизм в своего слугу, да и вообще невозможность объединения всего мира на основе римской космополитической иерократии. Без объединения человечества абсолютная тирания была неосуществима, но для этого объединения, на какой бы то ни было основе, не имелось еще множества необходимых предпосылок.

Я в других местах остановлюсь на некоторых важнейших метаисторических коллизиях, имевших место в течение последних веков. Как и предвидел Иисус Христос, этот ход развития привел к близости теперь уже решительного сражения, неизбежного в силу исконной агрессивности демонического начала и его стремления к универсальной тирании.

Всемирная мощь Того, Кто был Иисусом Христом, возросла за эти века неизмеримо. Если бы Он опять явился в Энрофе теперь, перед чудесами, которые Он мог бы совершить, померкли бы все чудеса Евангелия, все чудеса индийских и арабских легенд. Но это пока не нужно. До Его второго пришествия осталось еще два или три столетия, и за это время Он сможет достичь такой мощи, чтобы совершить величайший акт истории и метаистории — смену эонов. Смена эонов будет качественным изменением материальности человечества, рождением всех синклитов метакультур в просветленных физических телах здесь, в Энрофе, вступлением тех, из кого будет состоять дьяволочеловечество, на длительный искупительный путь в иных слоях и наступлением в Энрофе того, что в Священном Предании называется тысячелетним царством праведных. Акт второго пришествия должен совершиться одновременно во множестве точек земного Энрофа, чтобы ни одного существа не осталось Его не видящим и не слышащим. Другими словами, Планетарный Логос должен достичь таких невообразимых сил, чтобы явиться одновременно во стольких обликах, сколько будет тогда в Энрофе воспринимающих сознаний. Эти эфирно-физические облики, однако, останутся лишь кратковременными выражениями Его единственного Образа, и с Ним сольются они для постоянного пребывания в просветленном Энрофе. Именно об этом говорит пророчество Христа о Его втором пришествии, которое будет как молния, блистающая от востока до запада, дабы все народы и страны земли увидели Грядущего на облаках небесных.

Глава третья
ЖЕНСТВЕННОСТЬ

Я подхожу к решающему тезису. И все же, сколь бы ни был он важен, я едва смею сказать о нем несколько слов.

Почти 2000 лет существует догмат христианского учения, которого сейчас придется коснуться. Подвергались сомнению самые различные догматы Символа веры, из различных их пониманий возникали расколы, секты,

ереси; даже ничтожнейшие обрядовые различия перерастали порой в настоящую пропасть, отделявшую схизматиков от господствующей церкви. Но за все девятнадцать веков никогда, кажется, не появлялось разногласий о том, что считалось основой основ: о трех ипостасях Пресвятой Троицы — Боге-Отце, Боге-Сыне, Боге-Святом Духе.

Подвергать историческому или психологическому разбору факт возникновения в христианской церкви именно такого понимания Троичности мне не хотелось бы. Ни необходимых материалов, ни нужной для этого эрудиции у меня нет. И даже если бы я обладал тем и другим, мне страшно было бы коснуться ланцетом рассудочного анализа таинственнейших духовных глубин, где возникала и определялась в первые века после Христа эта идея.

Позволю себе только напомнить одну страницу евангельской истории, которая указывает, как мне кажется, не в сторону такого понимания тайны Троичности, а в иную. Каноническими Евангелиями (от Матфея и от Луки) утверждается ясно и отчетливо зачатие Младенца Иисуса Девой Марией от Святого Духа. Таким образом, можно заключить, что не Бог-Отец был Отцом Христа как человека, но Святой Дух. Однако как же это? Предвечное рождение Бога-Сына от Бога-Отца могло ли иначе выразиться мистериально в историческом, человеческом мире, как только рождением человека-Иисуса от сил Той же ипостаси? — Но нет, евангельский рассказ совершенно отчетлив. Неотчетливо другое: понимание третьей ипостаси христианской церковью. За всю историю церкви догмат о Третьей ипостаси так и не был разработан. Даже поражает контраст между подробнейшей — может быть, даже слишком подробной — разработкой учения о Боге-Сыне — и почти пустым местом, каким являются догматические формулы о Святом Духе. Но ничего странного, в сущности, тут нет. Не случайно христианская религия сама именовала себя именно христианской: кроме указания на ее происхождение от Христа, в этом наименовании заключено было отражение того религиозного факта, что эта религия есть откровение Бога-Сына по преимуществу, т<о> е<сть> не столько религия Троицы, сколько именно Сына. Отсюда и эта чрезмерно туманная обобщенность, неясность, отсутствие полноты, а иногда и противоречивость в догматах, касающихся других ипостасей.

Ведь кем может быть Сам Бог-Отец, как не *Духом*? Только Духом. И притом именно *Святым*, в отличие от всех других духов, Им сотворенных, ибо каждая из богосотворенных и даже богорожденных монад может совершить — и многие совершили — отрицательный выбор, богоотступничество; Отец же — совершенно очевидно — не может отпасть от Самого Себя. Он первичен, неизменяем, незамутним и неомрачим, и именуется Святым именно в этом смысле. Какое же положительное содержание можно вложить в отвлечение от Бога-Отца двух Ему изначально присущих свойств — Его духовности и Его святости? Где основания для того, чтобы этому отвлечению придавать совершенно автономное значение в качестве третьего лица Троицы? Вообще, почему, на каких словах Христа, на каком свидетельстве четырех Евангелий можно основать учение о том, что Бог-Отец есть одна ипостась Троицы, а Святой Дух — другая? В Евангелиях на это указаний нет. Слова Иисуса, приводимые в качестве обоснования, — это Его известное пророчество: «По-

шлю вам Духа утешителя, он же наставит вас на всякую истину». Из различного толкования именно этих слов возник даже великий раскол, что рассек единое тело христианской церкви на восточную и западную половины; но при этом оба толкования исходили из общего постулата: из неоспоренного почему-то никем положения, будто здесь Иисус подразумевает под Духом-утешителем именно Третью ипостась. Но ведь в этих словах нет и *тени указания* на то, что утешитель, которого пошлет Воскресший Спаситель, есть Третья ипостась и вообще и п о с т а с ь. Нет здесь указания и на то, что под выражениями «Дух утешитель» и «Бог Святой Дух» следует понимать одно и то же. Разве не естественнее и не последовательнее, не понятнее со всех точек зрения совсем другое решение: именно, решение в том смысле, что Бог Святой Дух именно и есть Бог-Отец, ибо Бог-Отец не может быть кем-либо иным, как *Святым* и *Духом*.

Опять-таки я касаюсь здесь таких корней великого учения, противопоставляю одинокий голос такому могучему, необозримому хору, звучащему столько веков, что не может быть сомнения в характере отзывов на него, даже если он будет кем-либо услышан. Я даже понимаю, что в глазах некоторых окажусь повинен в великом духовном преступлении и мне будет приписан единственный непрощаемый (по Евангелию) грех: хула на Святого Духа. Заявляю торжественно: поклоняюсь Святому Духу, чту Его и молюсь Ему с таким же благоговением, как другие христиане; и не могу видеть не только хулы на Него, но ни малейшего принижения Его образа в той идее, что Он есть Бог-Отец и что Бог-Отец есть Бог Святой Дух, что это — два именования одного и того же — Первого — Лица Пресвятой Троицы.

И подчеркиваю, что высказываю здесь свое личное мнение, ни на что не претендующее. Правда, мнение это представляется мне выводом, к которому со временем должны будут прийти многие и многие. Подтверждено оно было и той высшей инстанцией, которая остается для меня единственным решающим авторитетом. Но я считаю, что никто не уполномочен настаивать на единственной и абсолютной правильности этой идеи, на ее догматической обязательности. Законной, общеочевидной инстанцией, полномочной разрешить такой вопрос, мог бы быть Восьмой Вселенский собор, где представители всех ныне существующих христианских вероисповеданий и Роза Мира подвергли бы обсуждению этот тезис, равно как и тезис об абсолютной истинности и неотменимости постановлений вселенских соборов вообще, и, быть может, пересмотрели бы некоторые пункты ортодоксальной догматики. Пока же этого не свершилось, никто в Розе Мира не может утверждать полную ошибочность старого догмата: можно только в е р о в а т ь так, как подсказывает совесть и собственный духовный опыт, и работать для воссоединения церквей, для разрешения всех недоумений.

Однако высказанная здесь идея открывает путь к решению другой, не менее кардинальной проблемы.

Известно, что от гностиков до христианских мыслителей начала XX века в христианстве жило смутное, но горячее, настойчивое чувство Мирового Женственного Начала — чувство, что Начало это есть не иллюзия, не перенесение человеческих категорий на план космический, но высшая духовная реальность. Церковь намеревалась, очевидно, дать выход этому чувству, освятив своим авторитетом культ Богоматери на Востоке, культ Мадонны — на Западе. Действительно, перед благоговейным почитанием Материнского Начала — почитанием, иррационально врожденным народной массе, — возник конкретный образ, к которому оно и устремилось. Но то мистическое чувство, о котором я говорю, — чувство Вечной Женственности как начала космического, божественного, — осталось неудовлетворенным. Ранняя и непререкаемая догматизация учения об ипостасях поставила носителей этого чувства в своеобразное положение: дабы не отпасть в ересь, они принуждены были обходить коренной вопрос, не договаривать до конца, иногда отождествлять Мировую Женственность со Вселенской Церковью или же, наконец, совершать отвлечение одного из атрибутов Божества — Его Премудрости — и персонифицировать это отвлечение, наименовав его Святой Софией. Высшие церковные инстанции избегали высказываться по этому вопросу сколько-нибудь определенно, и это не может быть поставлено им в вину, ибо идея Мировой Женственности не может не перерастать в идею Женственного аспекта Божества, а это, естественно, грозит ломкой догматизированных представлений о лицах Пресвятой Троицы[1].

Я встречал немало людей, в культурном и умственном отношении весьма утонченных и обладающих несомненным духовным опытом и, однако же, удивлявшихся и даже оскорблявшихся самым принципом: переносом, как им казалось, различий пола и вообще человеческих категорий на миры высочайшей реальности и даже в тайну Самого Божества. Им это представлялось следствием древней склонности к антропоморфизации духовных сфер нашим ограниченным человеческим сознанием. Из весьма схожих (психологически) источников вытекает, между прочим, протест строгого магометанского монотеизма против идеи Троичности и против культа Богоматери. И потому же с такой нетерпимостью отталкивается деизм и современный абстрактный космополитический монизм от представлений о Троице, от веры в иерархии и, конечно, от идеи Вечной Женственности. Повторяется, как это ни смешно, даже обвинение в многобожии, брошенное христианству Мухаммедом 1300 лет назад.

В основе подобных обвинений лежит либо слишком упрощенное понимание христианских идей, либо нежелание вникнуть в глубину вопроса. Ни в историческом христианстве, ни тем менее в данной концепции никакого переноса человеческих категорий на Божество нет, а есть нечто принципиально обратное. Единство Божие не подвергается, разумеется, ничьему сомнению: наивно было бы искать здесь возвращения ко временам Карфагена, Ура или Гелиополиса. Ипостаси — это различные выявления Единой Сущности вовне; это — то, как открывается Она миру, а не какою пребывает

1. Было бы чрезвычайно интересно увидеть когда-нибудь капитальное исследование, посвященное истории и развитию идеи Вечной Женственности хотя бы в христианских культурах. Но, конечно, такое исследование очень выиграло бы, если бы в рамки его были включены и другие религии, по крайней мере те, в пантеонах которых обрисовались образы великих милосердных богинь: индуизм, махаяна, древние политеистические учения и, разумеется, гностицизм.

в Себе. Но выявления вовне столь же абсолютно реальны, как и пребывание в Себе; поэтому ипостаси не могут быть приняты ни в коем случае за иллюзии или за аберрации нашего сознания.

Выявляясь вовне, Единый проявляет некую присущую Ему внутреннюю полярность. Сущность этой полярности внутри Божества для нас трансцендентна. Но, выявляясь вовне, она воспринимается нами как полярность двух друг к другу тяготеющих и друг без друга не пребывающих начал, извечно и присно соединяющихся в творческой любви и дающих начало третьему и завершающему: Сыну, Основе Вселенной, Логосу. Истекая во вселенную, божественность сохраняет эту присущую ей полярность; ею пронизана вся духовность и вся материальность вселенной. На различных ступенях бытия она выражается различно. В слое неорганической материи, который доступен всеобщему человеческому восприятию, ее можно усмотреть, вероятно, в основе того, что мы именуем всеобщим законом тяготения, в полярности электричества и во многом другом. В органической же материи нашего слоя, з д е с ь, эта полярность Божественного проявляется в противозначности мужского и женского начал. Повторяю и подчеркиваю: здесь, ибо лежащая в основе этой противозначности полярность Божества сама в себе, в своей сути, не может быть понятна.

Вот почему Божественную Женственность мы именуем Матерью Логоса и через Него всей вселенной. Но извечный союз между Отцом и Матерью не изменяет Ее предвечной сущности; именно поэтому мы именуем Матерь миров Приснодевою.

Таким образом, в учении о Троице и о Женственном аспекте Божества наличествует не перенесение «слишком человеческого» на сферы горние, а, напротив, понимание объективной полярности наших слоев — мужского и женского начал — как проекции непостижимой для нас полярности в существе Бога. «Бог есть любовь», — сказал Иоанн. Будут сменяться века, потом эоны, наконец брамфатуры и галактики; каждый из нас, рано или поздно, достигнет Плеромы — божественной Полноты и вступит в родимое Лоно уже не только как дитя, но и как брат Божий; наши нынешние представления о Божестве исчезнут из памяти, как бледные, отцветшие, ненужные больше тени; но и тогда истина о том, что Бог есть любовь, не утратит своей истинности. Бог любит не Себя (такое предположение было бы кощунственно), но Каждая из таящихся в Нем Непостижимостей обращена любовью на другую, и в этой любви рождается Третье: Основа Вселенной. Отец — Приснодева-Матерь — Сын.

Высочайшая из тайн, внутренняя тайна Божества, тайна любви Отца и Матери, отнюдь не «отражается» в человеческой любви, какой бы то ни было: ничто в мире конечном не может быть соизмеримо или подобно сущности этой тайны. Но и ничто в мире, за исключением того, что исходит от начал богоотступнических, не может быть сторонним по отношению к этой тайне. В человеческой любви вообще, то есть в любви ко всему живому, в ы р а ж а е т с я (а не отражается) существо Триединого — существо, которое есть любовь. В любви же мужчины и женщины в ы р а ж а е т с я (а не отражается) внутренняя тайна союза Отца и Матери в той мере, в какой она нас

достигает, будучи преломленной множеством слоев космического ряда. В этом и заключается коренное, онтологическое различие двух областей нашей духовной жизни, не имеющих между собой почти ничего общего, но на нашем нищем языке выражаемых одним и тем же словом.

Любовь ко всему сущему давно уже стала — если не на практике, то в идее — религиозной основой, и даже не в одном только христианстве. От грядущего надо ожидать все большего расширения того, что охватывается любовью. Правда, в безрелигиозных учениях современности явно выражено отступление вспять, к любви в крайне суженном смысле: к своему государственному коллективу, к его союзникам и сторонникам за рубежом, к своей семье и своим друзьям — и только. Но это явление сугубо временное, обусловленное всем характером безрелигиозной эпохи с ее ограниченной и сниженной моралью, и срок ему — тот же, что и всему безрелигиозному этапу развития. Следующая же религиозная эпоха потому и будет новой, что провозгласит и будет стремиться осуществить охват любовью всего человечества, всех царств Природы и всех восходящих иерархи́й[1]. В далеком будущем откроются еще большие духовные возможности. Станет доступной и необходимой даже любовь к демонам. Уже и в прошлом некоторые из святых возвышались до такой любви. Но опережать самих себя, воспитывать в своей душе, еще несвободной от соблазнов, еще не охватившей любовью даже человечества и царства животных, любовь к исконным врагам Бога и всего живого — значит подвергать угрозе восходящий путь собственной души. Демоны только и ждут, чтобы их пожалели. Но ждут, конечно, не потому, что им эта жалость нужна (они одержимы гордыней и человеческую жалость презирают), но потому, что от такой жалости к ним человека — один шаг к его сомнению в их неправоте, а от подобного сомнения — рукой подать до богоборческого искушения и до бунта; бунт же предопределяет подпадение души жестокому воздаянию и порождению душой излучений страдания, гавваха, в том именно изобилии, о каком мечтают демоны для поддержания своих жизненных сил. Поэтому любовь к демонам в высшей степени опасна для всякого, кроме уже просветленной души. Просветленная же душа будет понимать сама, как можно любить, не испытывая при этом ни сочувствия (потому что сочувствие кому-либо невозможно без сочувствия его основной деятельности, а деятельность демонов направлена только ко злу), ни сорадования (потому что они радуются только тому, что противно Провидению). Эта любовь может выражаться только в чувстве величайшей жалости, в вере в их конечное просветление и в готовности отдать все, кроме своей верности Божеству, ради этого просветления.

Но ведь любовь ко всему сущему — это практически только одна сторона проблемы. Как же быть с другой стороной нашей жизни — и внешней и внутренней — той, которая включает в себя все, именуемое любовью между мужчиной и женщиной?

1. В главе о животном царстве уже было указано на единственное исключение — на класс живых существ, который не может и не должен быть очерчен кругом любви в условиях текущего эона: на паразитов. Здесь перед нами этическая задача, разрешить которую на настоящей ступени восхождения мы не в состоянии. На этот счет не следует создавать себе никаких иллюзий.

«Раскаленный уголь» внутри каждого существа, неумолимый инстинкт воспроизведения рода, источник самопожертвований, неистовых страстей, чистейших вдохновений, преступлений, подвигов, пороков и самоубийств — странно ли, что для подвижников и святых именно эта любовь была величайшим камнем преткновения? Пытались различать двойственность внутри нее самой: телесной любви противопоставляли платоническую, мимолетной страсти — любовь неизменную, свободной связи — труд и долг деторождения, разврату — романтическую влюбленность. Иногда различали двойственность трансфизических истоков любви: Афродиту Уранию и Афродиту Простонародную. Но в конкретной данности, в живом чувстве, в повседневных отношениях все переплеталось, спутывалось, переходило одно в другое, уплотнялось в узел, который невозможно развязать; начинало казаться, что лучше выкорчевать самые корни этой любви, чем заслонить ее буйными зарослями путь для себя в небо.

Так начиналась в религии великая аскетическая эра. Незачем, я думаю, повторять истины о том, на какие сделки с собственным духом должны были пойти христианство и буддизм, чтобы не выродиться в аскетические секты, ненавидящие жизнь и сами ею ненавидимые. Брак был освящен таинством, деторождение благословлено, но высшим состоянием продолжало считаться — и совершенно последовательно — иночество.

Особенность любви как источника разнообразных человеческих трагедий заключается в том, что любовное влечение может быть *и односторонним*. Эту свою особенность любовь не утратит, конечно, долго — вплоть до второго эона. Но кроме трагедий этого рода, если можно так выразиться, — трагедий первичных, человечество, стремясь нормализовать усложнявшуюся жизнь, создало предпосылки и для других трагедий: они происходят тогда, когда любовь двоих вступает в конфликт с установившимся обычаем, общественными воззрениями или государственным законом. Когда мужчина или женщина любит, но не встречает ответа, это — трагедия первого типа, и с этим нельзя сделать ничего, пока человечество, как говорил Достоевский, «не переменится физически». Когда же оба любят друг друга, но их всестороннее гармоническое соединение, ничем не омраченное, нельзя осуществить вследствие семейного или общественного положения одного из них — это трагедия второго типа; обычай и законодательство должны быть со временем перестроены так, чтобы свести трагедии этого рода к минимуму, если не к нулю.

Задача колоссальной сложности. Даже вряд ли может быть выработана единая для всего человечества система узаконений в этой области: уровень социального и культурного развития, традиции и национальные психологии слишком различны. Не центральный законодательный орган Розы Мира, но, вероятно, ее законодательные органы в отдельных странах должны будут заняться этим. Достаточно ясно, кроме того, что здесь придется вести общество, как и во всем другом, через ряд последовательных стадий, потому что односторонне отрицательное решение вопроса, то есть внезапная отмена ограничений закона, приводит, как это показал опыт России, к моральной анархии, вынуждающей государство к отмене отмен и к восстановлению запретов. Это потому, что отмены производились механически, без предварительного воспитания в поколениях такого взгляда на брак и любовь, какой необходим для умения пользоваться столь широкой свободой.

Думается, что правильный религиозный ответ на вопрос о любви между мужчиной и женщиной может быть только один: эта любовь благословенна, прекрасна и свята в той мере, в какой эта любовь т в о р ч е с к а я.

Что под этим разумеется?

Разумеется то, что наиболее распространенным видом творческой любви в нашем эоне является *рождение и воспитание детей*, но что это отнюдь не единственный вид творческой любви и любовного творчества. Совместный труд в любой из областей культуры, воспитывание друг в друге лучших сторон личности, обоюдное самосовершенствование, вдохновление друг друга на художественный, религиозный и любой другой творческий труд, наконец, даже простое счастье молодой, свежей, страстной любви, обогащающее, усиливающее и поднимающее обоих, — все это богосотворчество, потому что ведет к возрастанию их и просветлению, к увеличению мирового океана любви и радости. Излучения прекрасной любви между мужчиной и женщиной поднимаются в высочайшие миры, их укрепляя, — в те миры, которые были охарактеризованы в одной из предыдущих глав как Волны Мировой Женственности. Даже если оба любящих направляют свой совместный творческий труд в ошибочную сторону, если оба они, например, трудятся в таком направлении, которое имеет общественно вредный смысл, — даже в этом случае заслуживает осуждения только направленность этого труда; импульс же сотворчества, которым отмечена их любовь, дух товарищества, спутничества и дружбы, которым она пронизана, — благословенны свыше.

Пока человечество физически не преображено, до тех пор любовь между мужчиной и женщиной останется как бы прикрепленной к инстинкту физического размножения. Со временем это станет не так. Творчество любви изменит свое содержание. Понятие физического размножения окажется к преображенному человечеству неприменимым вообще. Тогда будет иметь место воплощение монад в просветленных телах, осуществляющееся совершенно иначе. Но, конечно, в условиях нашего эона основным видом любовного творчества остается все-таки рождение детей и их воспитание.

Проблеме воспитания посвящены главы в конце книги. Здесь же мне кажется своевременным отметить некоторые особенности тех исторических задач, которые не только в воспитании, но и вообще в жизни ставит именно перед женщиной начинающийся ныне цикл эпох.

И от мужчин, и от некоторых женщин, не обладающих глубиной понимания как раз именно женственного начала, случается услышать решительное утверждение, будто бы культурные и творческие задачи обоих полов — одни и те же, а если до сих пор в общественности, политике, науке, технике, философии, даже в искусстве женщина уступала мужчине в объеме и значительности создаваемого, то это объясняется лишь тем, что женщина всегда находилась в положении подчиненном и угнетенном.

Такое мнение распространено шире, чем можно было бы думать. Допустимо даже назвать его ходячим.

Однако разве женщина всегда и везде находилась в угнетенном положении? Уже двести лет в Европе и России двери творческого труда в области литературы и искусства были открыты — конечно, в привилегированных классах — перед женщинами так же, как перед мужчинами. Нужно ли напоминать, что, проявив бесспорную одаренность и выдвинув немалое число музыкантов-исполнителей, женщины за эти два столетия (равно, впрочем, как и за весь предшествующий период всемирной истории) не обогатили пантеон музыкальных гениев ни единым именем? Грустно, что приходится указывать на то, что среди корифеев мировой литературы на двести или триста мужских имен приходится шесть или семь женских. Уже около столетия назад женщина добилась во многих странах права на высшее образование. И она с успехом заменила мужчину на широких участках профессиональной деятельности: в больницах, лабораториях, за школьными кафедрами, даже иногда в научных экспедициях. Но где же те сотни имен выдающихся женщин-ученых, которые могли бы уравновесить сотни мужских имен, ставших известными всему миру за тот же период времени? Мировой театр блещет, как звездное небо, именами замечательных актрис. Но приобрела ли хоть одна женщина-режиссер действительно всемирную известность? Слыхал ли кто-нибудь о женщине — великом философе? великом архитекторе? великом государственном деятеле? знаменитом металлурге, мудром критике, замечательном организаторе производства, прославленном шахматисте? — Отрицать или игнорировать эти факты значит расписываться в полной потере объективности. Вместо отрицания фактов — было бы плодотворнее изменить на них угол зрения. Одарена ли женщина менее, чем мужчина? Совершенно бесспорно, что в некоторых отношениях — да. И столь же бесспорно, что в других отношениях она обладает дарами, которых мужчина не имеет и никогда не будет иметь.

Было бы, разумеется, реакционным абсурдом отрицание того, что женщина может быть хорошим геологом, добросовестным инженером, талантливым художником, квалифицированным химиком или биологом, или сомневаться в полезности или ценности ее работы в таких областях. Но можно и должно усвоить два бесспорных факта: во-первых, то, что список гениальных деятелей в этих областях не обогатился и вряд ли когда-нибудь обогатится женскими именами, а во-вторых, то, что *незаменима и высокоодарена* женщина — в другом.

Материнство. Воспитание детей. Творчество домашнего очага. Уход за больными и лечение. Этическое врачевание преступников. Преобразование природы. Совершенствование животных. Некоторые русла религиозной жизни. Творчество любви. И, наконец, творческое оплодотворение души того, кого она полюбила. Вот в чем женщина незаменима и безгранично одарена.

В первом и в последнем из этих видов творчества она незаменима абсолютно. В остальных же — мужчина уступает ей в той же мере, в какой она уступает ему на поприще государственной деятельности или технических наук. Ибо здесь требуется именно женское, *женственное* душевное качество: мягкость, любовная нежность, самоотдача, терпеливая настойчивость, бережность, чуткость, сердечность, внимательность.

В областях высшего творчества совершается нечто обратное тому, что мы видим в мире физическом: там оплодотворяющее начало — женщина, оформляющее и воплощающее — мужчина. «Божественная комедия» есть плод двоих, и без Беатриче она так же не появилась бы на свет, как и без Данте. А если бы мы вникли в глубину творческого процесса большинства великих художников, мы убедились бы, что духовное семя их бессмертных творений именно женщиной брошено в глубину их подсознания, в сокровенные творческие тайники. Мысль о постановке в Веймаре памятника Ульрике Левенцоф, вдохновившей Гете на прекрасные стихи, — справедлива и глубока. И не нужно смущаться тем, что в большинстве биографий художников трудно доискаться внешними приемами до тех женских имен, которые заслуживают благодарности потомков в той же мере, как имена самих художников: художники и сами не знают порой, кому они обязаны семенами своих творений. Каждый из них это узнает в свое время и в своем месте — уже за пределами Энрофа.

Тысячи лет в человечестве преизбыточествовало мужское, мужественное начало: сила, дерзость, гордыня, отвага, стремление вдаль, жестокость, воинственность. Существует испанская поговорка, удручающая сознание и возмущающая совесть: «Мужчина должен быть свиреп» Увы: народ, создавший эту поговорку, вполне ее оправдал. Бесчеловечность конквистадоров и зверства испанской инквизиции украсили страницы всемирной истории картинами такой свирепости, что зло, от них излучающееся, не перестает воздействовать на души до сих пор. Впрочем, и многие другие народы мало уступали испанцам на этом поприще. Тысячелетие за тысячелетием перекатывались и перекатываются по лицу земли волны войн, мятежей, революций, террора, бешеных и беспощадных расправ: бесчисленные капли, составляющие эти волны — мужские воли и мужские сердца. Говорят иногда о женской жестокости. Но, Боже мой, разве кровопролития Чингиз-ханов, Тимуров, Наполеонов, пытки застенков, ярость якобинского террора, неистовства колониальных захватов, массовые репрессии фашистских и иных диктатур начинались и возглавлялись женщинами?.. История знает женщин-отравительниц, братоубийц, детоубийц, изощренных садисток, но не знает ни одной, чье историческое значение сопоставимо со значением Тиберия и Нерона, Ассаргадона и Алла-эд-Дина, Торквемады и Пизарро, герцога Альбы и Робеспьера, Грозного и Скуратова, Гиммлера и Берии.

Робкое, загнанное в глубь семейных ячеек, женственное начало уберегло от уничтожения лишь потому, что без него сам мужчина бесплоден, как свинец, и потому, что физического продолжения человечества без женщины не может быть.

До сих пор провозглашалось, что не только мужчина, но и женщина обязана быть мужественной. Если под мужественностью понимать смелость и стойкость в жизненной борьбе, то это, конечно, так. Но если под женственностью понимать не стиль манер и поведения, не жеманство и сентиментальность, а сочетание сердечной теплоты, внутреннего изящества, нежности и способности повседневно жертвовать собой ради тех, кого любишь, то не только женщина, но и мужчина должен быть женствен. Когда наконец человече-

ство дождется эпох, в дни которых ложно понятая мужественность не будет превращать мужчину в свирепого захватчика, в кичащегося своей грубостью драчуна, в помесь индюка с тигром? когда не будет больше воспитываться в нем фальшивый стыд перед собственной затаенной нежностью, попираемой и насилуемой им же самим?.. Трудно будет преодолевать этот тысячелетний комплекс предрассудков, предубеждений, душевной искалеченности и атавистических инстинктов, но их преодолеть нужно. Во что бы то ни стало.

В метаистории новейшего времени совершается таинственнейшее событие: низлияние в нашу брамфатуру новых божественно-творческих сил. Об этом событии мечтали с древних времен сердца самые возвышенные, умы самые истонченные. И вот оно совершается. Первое звено этого события — события такого значения, что его можно сопоставить лишь с вочеловечением Планетарного Логоса — имело место на рубеже XIX столетия: то было низлияние сил Приснодевы-Матери, но не безличное, как это имело место уже дважды в истории человечества, а несравненно усиленное личным своим характером. С высот Вселенной нисходила в Шаданакар великая богорожденная монада. Прозрение в Раорис — один из высочайших слоев нашей брамфатуры, в который Она вошла тогда, — было дано почти столетие спустя Владимиру Соловьеву, когда он в Египетской пустыне звездной ночью пережил потрясающий прорыв сознания и воочию узрел это великое Женственное Существо. Ее, Пресветлую и Благую, выражение Женственной ипостаси Троицы, мы зовем З в е н т о й - С в е н т а н о ю[1]. Теперь Ее обиталище — в Баюшми, в одной из сфер, входящих в сакуалу Волн Мировой Женственности. Близится день Ее долгожданного спуска в один из верховных градов метакультур. Там должна Она родиться в теле из просветленного эфира — дитя демиурга и одной из Великих Сестер. С Нею спустится в этот затомис из Элиты Шаданакара сонм высочайших душ. Вот Она, надежда наша и упование, Свет и Божественная красота! Ибо это рождение отразится в нашей истории тем, что увидят наши внуки и правнуки: основанием Розы Мира, ее распространением по человеческим кругам всех стран и, если страшный срыв человечества не отбросит его вниз, в глубь мрака, — приходом Розы Мира к верховной власти надо всей землей.

О, это еще не будет означать окончательной победы сил Света: вспомним всадников Апокалипсиса! Лишь последовательность всадников в истории не та, что предсказал провидец на острове Патмосе: первым промчался Черный — эра господства иерократии на феодальной основе. Теперь довершает свой путь всадник второй, Красный: каждый поймет, что таится за этим символом. Ждем и уповаем на всадника Белого — Розу Мира, золотой век человечества! Появления последнего всадника, Бледного, не отвратит ничто: Гагтунгр добьется рождения в человеческом облике того, кого он пестует уже столько веков. Но эпоха господства Розы Мира вызовет такое сокращение духовных жертв, какое невозможно исчислить. Она успеет воспитать ряд поколений облагороженного образа. Она укрепит силу духа в миллионах, даже в миллиардах колеблющихся. Предупреждая о приближающемся антихристе, а когда он явится — указывая на него и разоблачая его, взращивая в сердцах человеческих незыблемую веру, а в разуме — понимание метаисторических перспектив и мировых духовных панорам, она сделает недоступными для искушений грядущего исчадия Тьмы роды и роды.

1. Как я уже говорил, фонетика Энрофа не может дать точного отображения звучания слов на языке Синклита Мира: каждое такое слово обладает как бы аккордом звучаний, аккордом значений и сопровождается, кроме того, явлениями световыми. Приблизительный смысл имени Звента-Свентана — «Светлейшая из светлых и Святейшая из святых». Корень имени — славянский, поскольку затомис, в котором происходит Ее рождение, связан с народами, славянскими по преимуществу.

И не только Роза Мира отразит в Энрофе мистерию рождения Звенты-Свентаны в одном из затомисов: возрастание женственных сил и их значения в современности сказывается и везде вокруг. Этим, и прежде всего этим, обусловлено всеобщее стремление к миру, отвращение к крови, разочарование в насильственных методах преобразований, возрастание общественного значения женщины, усиливающаяся нежность и забота о детях, жгучая жажда красоты и любви. Мы вступаем в цикл эпох, когда женская душа будет делаться все чище и шире; когда все большее число женщин будут становиться глубокими вдохновительницами, чуткими матерями, мудрыми водительницами, дальновидными направительницами людей. Это будет цикл эпох, когда женственное в человечестве проявит себя с небывалой силой, уравновешивая до совершенной гармонии самовластие мужественных начал. Имеющий очи да видит.

КНИГА СЕДЬМАЯ

К МЕТАИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Глава первая
КИЕВСКАЯ РУСЬ КАК ЯВЛЕНИЕ МЕТАИСТОРИЧЕСКОЕ

Я уже говорил, что подразумевается здесь под словом сверхнарод, и напомню еще раз: это группа наций или национальностей, объединенных общею, совместно созидаемою культурой, физиогномически отличною от других. Этнический признак не имеет при этом значения. Достаточно вспомнить случаи, когда из числа наций, составляющих сверхнарод, сразу же выделялась одна как ведущая (например, древнеегипетская; национальности ведомые — принадлежащие к другому этническому корню — народности Нубии, Напаты, Мероэ), равно как и случаи противоположные: несколько этнически различных наций сочетались в единый сверхнарод так, что передавали друг другу в различные века ведущую роль или же делили ее между собой (сверхнарод Индийский, Северо-западный, Дальневосточный, Романо-католический).

Совпадая в основном с вековыми очертаниями России, наш народ принадлежит скорее к образованиям первого типа. Полиэтническое происхождение русской нации этому не противоречит: важно то, что на протяжении ее истории ведущее значение в сверхнароде, значение мировое, оставалось до сих пор именно за ней, не переходя ни к украинцам, ни к белорусам, ни к народностям Поволжья или Сибири. Сложившись из пестрых этнических элементов, как в свое время народ Египта, русская нация оказалась, как и он, сильнейшей творческой силой в кругу сочетавшихся с ней в единой культуре меньших народов. (Речь идет о прошлом и настоящем. Не исключена возможность, что в будущем положение изменится.)

Это великое образование последнего тысячелетия было издавна предопределено творческим замыслом народоводительствующих иерархий — российского демиурга и Навны, — замыслом, возникшим в их сознании еще как смутная мечта, как приковавший их волю образ. Так было когда-то в Рангарайдре, родине демиургов и Великих Сестер. О, Яросвет тогда вовсе не напоминал еще «духа снегов и пламени»: то было радостное солнечное дитя, мудрости Шаданакара еще не приобретшее, а если и предчувствовавшее огромные дали своего долженствования, то лишь в неясных очертаниях грандиозных прообразов. Созерцая из отдаления становящиеся вершины других метакультур, творения других демиургов и синклитов, он начинал сознавать масштабы своего духа, пропорции своего собственного будущего творения. К постепенно уяснявшемуся долженствованию он пытался приблизиться своей вдохновенной отроческой игрой; эта игра стала перерастать в священно-

действие, в миротворчество, когда высокий человекодух, бывший за несколько веков перед тем в Энрофе апостолом Андреем Первозванным, отдал свои силы Яросвету. В сакуале Демиургов начал возникать как бы туманный еще чертеж Небесной России. Церковное предание считает апостола Андрея первопросветителем наших далеких предков. Это верно в том смысле, что апостол Андрей в конце I века христианской эры принял мученический венец в землях Скифии. Но в предании этом таится, по-видимому, и отголосок интуитивного знания о том, что первооснователем Небесной России был именно этот человекодух, достигший за тысячелетие между своей кончиной и своим участием в миротворческом акте Яросвета огромных сил и высот.

Свое долженствование, заключающееся в браке с Соборной Душой народа и в рождении ими Звенты-Свентаны, демиург Яросвет уже понимал; но подготовка к этому еще не могла представляться ему в тех формах и временных масштабах, какие она в действительности приняла. Он не предугадывал, что одно из его собственных созданий фатальным образом должно будет подняться против него и стать величайшим метаисторическим его соперником, узурпатором и исказителем его замысла. Он не мог предвидеть, что постоянная борьба враждебных иерархий с ним самим и с Навной сделается содержанием метаисторической драмы России с XI по XXI столетие. Наконец, ему не могло быть ясно, что для осуществления его миссии должны завершиться огромные процессы также и в лоне других культур, ибо лишь при условии объединения всего человечества в единое социально-политическое целое возможно постепенное превращение этого целого во всемирное Братство.

Срок спуска Навны в четырехмерные слои наступил несколько раньше, когда Яросвет еще впитывал в Рангарайдре творческие излучения Планетарного Логоса.

Внизу простирались безбрежные пустынные пространства четырехмерных сакуал. В отдалении, на Востоке и Юге, вздымались созидающиеся громады других, старших метакультур. На Западе уже возникло туманное, медленно кристаллизовавшееся сооружение, увенчанное пиком ослепительной белизны, — мистический Монсальват Германии, Англии, Бургундии и Скандинавии. На Юге трепетал и переливался золотом и пурпуром Византийский затомис, и, казалось, он уже готов оторваться от земли и подняться, подобно блистающему ковчегу, к подножию занебесной обители Христа. Но обширное пространство, открытое к Ледовитому океану, было пустынно. Только прозрачные клубы бушующих стихиалей проносились там, над нехожеными лесами и исполинскими реками Энрофа, да слабые сгущения племенных эгрегоров пульсировали кое-где, усиливаясь на открытых степях Юга.

Конечно, набросанную мною картину не следует понимать с буквальной точностью. Это лишь намек, поэтическое обобщение, предельно упрощающее истинную картину многих сакуал, открывшихся очам нисходившей Навны. Но все они были связаны с той единственной областью древнего Евразийского материка, которая тогда еще оставалась свободной от каких бы то ни было наслоений великих цивилизаций человечества. Скудные материальные останки нескольких исчезнувших племенных групп, так никогда и не

создавших ни нации, ни письменной культуры, покоились в почве, не нарушая ее первичной девственной чистоты. Леса и степи будущей Европейской России представлялись достаточно емкими для расселения в грядущем громадных человеческих массивов, а к Востоку открывался еще другой неисчерпаемый пространственный резерв, тянущийся до Тихого океана. Запасы всевозможных ископаемых могли обеспечить материальную основу жизни колоссальному коллективу на тысячелетия вперед. Очаги же великих старших культур были достаточно удалены, чтобы уберечь юную культуру будущего от потери самой себя до тех пор, пока задача преодоления пограничных вакуумов сможет стать по плечу ее собственному мужающему гению. Только демиург Византии длил еще поблизости свой трагический, отрывающийся от земли труд, готовясь передать Яросвету бремя задач, обреченных оставаться в недовершенности.

Это была не страна, но целая часть света, и от предчувствия событий, соразмерных с ее масштабами, могло бы захватить дух — не только человеческий.

Смысл спуска или второго в Шаданакаре рождения Навны заключался в том, что она стала облекаться мало-помалу в материальные ткани того четырехмерного слоя, где демиургом и великими человекодухами, отдававшими ему свои силы, начали закладываться материальные (не физические, конечно, а эфирные) основы Небесной Руси. С этого времени, соответствующего, по-видимому, VIII — IX векам нашей эры, в историческом плане обозначился медленный процесс: формирование восточнославянского племенного единства.

Если бы мы захотели, по аналогии с явлениями человеческой жизни, определить метаэфирный возраст Навны в ту историческую эпоху, нам пришлось бы остановиться на том, который мы привыкли отождествлять с переходом от детства к юности[1]. Ее пестовала Мать-Земля, а души стихиалей, суровые и нежные, одна за другой вступали в творимый затомис Святой Руси и облекали текучевеющую субстанцию Навны своими струящимися тканями. В те времена состояние Навны знаменовалось единством первоначальной гармонии, непосредственной радостью впервые вкушаемого воплощения. Женственно-вещее предощущение гроз будущего смягчалось воспоминанием о наднебесной родине, Рангарайдре, и ожиданием оттуда брата — друга — жениха. И в России Небесной, и в России земной на всем ощущался его отдаленный, но неотступно прикованный взор. И если сама Навна едва начинала уяснять народному сознанию детски смутные отражения окружающих стихиалей, то разум демиурга эти образы прояснял, очерчивал, определял, кристаллизируя их в именах славянских божеств: Перуна, Ярилы, Стрибога, Лады.

1. Оговариваюсь, что возрастные этапы в применении к иерархиям сверхнарода не только имеют длительность, в десятки раз превышающую длительность соответствующих этапов человеческой жизни, но и самые пропорции этих этапов не совпадают с привычными для нас. В частности, их юность синхронична весьма длительным периодам истории, а пора их зрелости протекает преимущественно уже тогда, когда соответствующий народ сыграл свою роль в Энрофе и продолжает становление и творчество в высших слоях метакультуры. Например, ныне находятся в состоянии полной зрелости народоводительствующие иерархии Древнего Египта, Вавилонии, античности, не говоря уже о Гондване и Атлантиде.

На языке историков это перекрестное влияние демиурга и идеальной Соборной Души называется мифологией, религией, искусством и бытом древних славян — всем тем, что теперь обнимается понятиями духовной и материальной культуры.

Событие, которое антропоморфным шифром наших понятий может быть отмечено как первое явление Яросвета во плоти в Небесной России и его встреча с Навною там, имело место в X столетии. Буря, вызванная этим в метаисторическом мире, трудно поддается сравнениям, ибо уже само понятие р а д о с т н о й бури кажется нам искусственным. То было низлияние метаэфирных потоков и потоков астрала, подобных клокочущим водопадам света. Демиургу сопутствовали нисходившие из Ирольна или притекавшие из других метакультур ликующие человекодухи — те, кому предстояли потом воплощения на Русской земле с невидимыми коронами родомыслов, праведников, гениев и героев. Стихиали встречали Яросвета как посланца Божьего и великого творца, которому предстоит среди них, над ними и с ними творить нечто, выходившее за круг их постижения, но внушавшее их вещим душам безотчетное преклонение и восторг. Навна приняла его в блаженных лесных просторах Святой России как долгожданного жениха.

Некоторыми таинствами и обрядами наших религий, например таинством венчания, знакомого в том или ином виде всем народам, мы создаем подобия событиям в жизни народоводительствующих иерархий. Но подобное таинство между Яросветом и Навной тогда и само еще мерцало лишь из далекого будущего, хотя им казалось, будто радость их встречи и есть это таинство венчания. В действительности же вслед за этой встречей произошло другое событие, имело место другое таинство, параллелью которому в человечестве обладает только христианский культ, сделавший своей осью таинство причащения.

Это было их причащением Богу-Сыну, распятому, пока существует во вселенной демоническое начало, в Мировой материи, Им оживляемой, — в той живой плоти, мистериальным знаком которой мы берем хлеб и вино. Совершилось оно не в Небесной России, тогда еще к этому не готовой, а в великом Византийском затомисе. Оттуда распахнул демиург Византии ряды надстоявших над этим затомисом небес; Яросвет и Навна узрели воочию предельную высоту Христианского Трансмифа и сквозь Небесный Иерусалим вступили в общение с Богом. Так совершилась их первая в Шаданакаре встреча с Тем, Кого видеть лицом к лицу могут лишь богорожденные монады. Так демиург Византии посвятил их в свою глубочайшую тайну — тайну, действенно претворить которую в формах человеческой жизни он не сумел. Теперь он передавал ее им как своим наследникам.

Историческая неудача всех трех христианств сводилась, как известно, к тому, что и католичество, и византийское православие, и, позднее, протестантские церкви остались т о л ь к о церквами, и притом не с большой, а с малой буквы. Печальна и поразительна аберрация сознания некоторых членов этих церквей, которые принимают их за единую вселенскую мистическую соборность. В этом — смещение перспективы, спутанность уповаемого и данного, искажение времен и сроков и даже — что еще хуже — снижение и искажение самого идеала.

В нашей брамфатуре церкви человечества являются феноменами, полными своеобразия. Вершинами они дотягиваются до подножий Мировой Сальватэрры, а в Энрофе существуют как замкнутые объемы, опирающиеся на ограниченные участки внутри культуры, внутри государственности, внутри быта, внутри человеческой души.

Драма исторического христианства заключается в том, что ни одна из церквей не превратилась в *форму совершенного народоустройства*, способную выразить и осуществить завет христианства, его мистический и этический смысл. Причина этого коренится опять-таки в прерванности Гагтунгром миссии Иисуса Христа, но отсутствие серьезных, искренних и чистых попыток в этом направлении — вина самих церквей как человеческих сообществ. Ибо если католицизм, стремясь иерократией подменить Царство Божие на земле, подпал, хотя, к счастью, временно, одному из страшнейших инфрафизических вампиров всемирной истории, то православие, еще в Византии занявшее, по выражению Достоевского, «угол в государстве», совсем отказалось от этой задачи. Эта задача, одна из ключевых, если не самая ключевая из всех задач, возникавших перед человечеством, переходила теперь со всей непомерной тяжестью и опасностью требуемого ею пути к иерархиям Российской метакультуры.

Это было отражено зеркалом исторической действительности в акте так называемого крещения Руси. Чтобы уразуметь воистину необъятные масштабы исторических и метаисторических последствий, предопределенных этим деянием князя Владимира, достаточно вдуматься в то, что сулило бы молодому русскому сверхнароду присоединение к католичеству, к исламу или тем паче к хазарскому иудаизму; какое нелепо искаженное, почти абсурдное будущее было бы вызвано к жизни подобным выбором религии. Сама собой напрашивается, но, к сожалению, выходит из композиционных рамок книги, большая монографическая глава о князе Владимире Святославиче, деятеле воистину титанического масштаба. Масштаб этот до сих пор недооценен из-за отдаленности и малоизвестности эпохи и благодаря тому предутренне-сумеречному освещению, в котором фигура этого деятеля возвышается у истоков нашей истории. Вероятно, только метаисторическое созерцание и размышление способны привести к углубленному пониманию подлинного значения того, кого народ чтил, любил и воспевал почти тысячу лет, связав с его именем прозвище, одно из самых теплых и нежных, какие только знает всемирная история: Красное Солнышко (прозвище, непереводимое на другие языки, так как только в русском, кажется, допустимо применение к солнцу ласкательной формы). Во всяком случае, акт крещения Руси был почти единовластным деянием князя Владимира, деянием полностью провиденциальным, сколь примитивны и сторонни ни были бы мотивы, активизировавшиеся в сознании реформатора.

Эта инвольтация Яросвета начинается в X веке и очень быстро знаменуется появлением, вслед за Владимиром, ряда крупнейших исторических имен: Ярослава Мудрого, летописца Нестора, Антония и Феодосия Печерских, затем Владимира Мономаха. Это будущие человекодухи, нисшедшие в Небесную Россию во дни ее основания, теперь направлялись демиургом в Энроф ради выполнения особых задач, с миссиями праведников и родомыслов.

Как и всегда над большими коллективами, над Киевским государством дышало и зыблилось то иноматериальное образование, о подобных которому уже говорилось в главе про средние слои Шаданакара под названием эгрегоров. Порожденный теми психологическими излучениями народа, которые связаны с деятельностью государственной, эгрегор обладал подобием сознательности, зарядом воли и жил самостоятельной жизнью, в значительной степени определяя государственную деятельность каждого из следующих поколений русских людей.

Не имела собственной монады и кароссa Дингра — одно из проявлений Лилит, последняя из иерархий, значение которых в возникновении народа русского было огромно. Раздвинув свою деятельность до границ нации и позднее — сверхнарода, чью живую материальность она призвана непрерывно возобновлять и укреплять, кароссa Дингра выполняла свою провиденциальную роль, и этим же исчерпывалось ее положительное содержание.

Круг деятельности кароссы очерчен по преимуществу границами половой жизни народа. Она участвует во всяком акте человеческого соития и зачатия. У нее — ключи вожделения друг к другу представителей двух полов. Но ей, несущей в себе проклятое эйцехоре, присуще стремление переливаться за окружность своей зоны действия, подчинять себе все явления, попадающие в ее кругозор, захлестывать волнами сексуальной стихии другие импульсы народной души. Фаллический оргиазм древности, утративший теперь свою религиозно-магическую окраску, но проявляющийся в некоторых народных праздниках, остается и в наше время ярчайшим проявлением Дингры, «Всенародной Афродиты» России. Свадебные же, пиршественные, весенние и тому подобные оргиастические действа, игрища и обряды в дохристианский период возникали на Руси именно как волны, расходившиеся от помахивания невидимых покрывал Дингры, как отзвуки ее тяжелой пляски, как отсветы ее пылающего взора, вперенного в народное тело и в тело каждого из людей. В России христианство, сразу вступившее с кароссой в явную и тайную борьбу, провозгласило по отношению ко всякой мистике пола решительное «нет» и заставило укрыться ее в подполье, где она, уродуясь тесными пределами, приобрела удушливый и смрадный оттенок, дойдя наконец до свального греха хлыстовских и других изуверских сект. В некоторых же других культурах, особенно в культурах древности, деятельность кaросс проступала на самой поверхности народной жизни, а тень этих существ явственно доходила до сознания мифотворческих и религиозно-творческих пластов сверхнарода, отливаясь в образы богинь — покровительниц любви, брака, деторождения. Ясно, что там, где к почитанию таких богинь примешивался оргиазм, где задачи продолжения рода отступали перед бесконтрольной жаждой чувственного наслаждения, там к воздействию кароссы примешивалось и даже заглушало его вязкое и растлевающее воздействие сил Дуггура.

Активизация светлых сил всегда во всемирной метаистории вызывает и активизацию сил Противобога: это, по-видимому, закономерность текущего эона. Да и мог ли бы Противобог и его миры оставаться безучастными, созерцая выход на метаисторическое поприще новых сил, стремящихся в конечном счете к преодолению демонической власти над человеческим ми-

ром? И борьба инфрафизического стана против Навны, Яросвета и Дингры (остающейся хотя и слепой, но необходимой участницей метаисторического процесса) приобретает несколько форм.

Проследите основные линии движения, основные события истории Киевской Руси: каждый легко различит два главных фактора, угрожавших молодому национальному образованию. Уже Владимир занял киевский престол лишь после кровопролитной распри; едва же он умер, как вся страна была потрясена борьбой за власть и братоубийствами Святополка Окаянного. Короткая передышка при Ярославе Мудром — новая волна усобиц при Изяславе I — и с тех пор прерывающаяся лишь на короткие года двухсотлетняя княжеская усобица. Усобица, не только заливавшая кровью поля страны и подтачивавшая ее физическое бытие, но и истощавшая эфирную субстанцию сверхнарода, а его духовное становление тормозившая опасно и мучительно. Так выходит на поверхность истории великая хищница, гасительница светочей и домашних очагов, умножительница страданий — Велга России. В человеческом существе она срывает все запреты с низших инстинктов разрушения и осквернения. Она втягивает в себя клочья распавшихся человеческих эфирных и астральных тел. Она — смерчеобразное средоточие множества мелких инфрафизических существ, вдохновительница анархических сил, хозяйка на полях сражений и на местах казней.

Велги появились в пределах Шаданакара вместе с большинством других демонических монад, то есть почти с самого начала. Но для метаисторика важнее другой непреложный факт: то, что каждая велга есть полюс идеальной Соборной Душе, и то, что она стремится к перетягиванию эфирно-астральной субстанции сверхнарода в сферу демонической материальности.

Вторая форма борьбы Противобога и его миров против светлой диады и Дингры заключалась в попытках истребить их или истощить нападениями извне. Эту цель преследовали те события, которые в зеркале исторической действительности приняли вид нападений печенегов, половцев и наконец татар на раздираемое Велгой Киевское государство. Трудно ли за этими тенями, этими ратями и ордами, мечущимися по степным просторам Поволжья, Дона и Днепра, разглядеть тех, от кого эти тени отбрасываются: ожесточенных эгрегоров степных племен, вечно бурлящих, вечно клокочущих, неспособных к отвердению в устойчивые, творческие организмы истории? — Этот вид враждебной деятельности Противобога разрастется в далеком будущем, ставя под угрозу существование страны, в годину татарского, польского, французского, германского нашествий. Деяния же Велги примут форму общенародных внутренних потрясений Великой Смуты и Великой Революции.

Вопреки неблагоприятным метаисторическим условиям, Яросвет совершает в XI–XII веках попытки проявить свой юный гений. Демиург Византии сперва еще руководит им; следствием этого в исторической действительности делается то, что на языке историков именуется «византийским влиянием» или «византийской традицией». А так как всякое творчество в русле какой-либо традиции требует меньше смелости и духовной зоркости, то деятелей традиции всегда оказывается больше, чем новаторов. Главное же, в эту эпоху воздействие и самого Яросвета становилось таким, что его трудно

отличить от воздействий христианского Трансмифа, ибо реальности этого Трансмифа он приобщился сам. Приобщился сам — но не замкнулся в нем; сторона, ранее высказывавшаяся в русской дохристианской культуре, оставалась этим Трансмифом не охваченной и продолжала жить — хотя и не такой уже интенсивной жизнью.

Мощно вливался в сознание народа христианский миф, чаруя и привлекая сердца образами Вседержителя, Пречистой Девы и святых, некогда восходивших на высоты праведности из темных недр еврейства и Византии. От святынь Иерусалима и Афона, от куполов Царьграда устремлялись белые лучи, согревая душу и приобщая ее к радости православного творчества: иноческому деланию, подражанию житиям угодников, восхищению в области духа, смирению, храмостроительству, посту. И оттуда же доносились неустанные предупреждения, трепет ужаса перед мирами возмездия, тем более устрашающими, что никакими чистилищами тяжесть загробного воздаяния в Византийской метакультуре не была смягчена.

В дальние углы культуры, в народные низы, к смердам, отодвинулось древнее славянское миропонимание. Но великие леса надежно хранили в своей глубине связь человеческого существа со стихиалями; и волхвования кудесников, игрища во славу творческих сил, чары колдунов, обряды, связующие человека с незримыми обитателями и хозяевами Природы, длили свое существование. Требовательный аскетизм никогда во всемирной истории не смог стать руководящим принципом для масс; не случилось этого и здесь. Жизнь предъявляла все те же требования: продолжение рода, оберегание семьи, защита страны от натиска степных кочевников. Сколько бы ни молились иноки по монастырям, эти молитвы не освобождали людских множеств от воинского долга, от повседневного труда, от гибельных половецких набегов и от радостей страстной, полнокровной жизни, вознаграждающих за все. Так были заложены основы двоеверия, не исчезавшего в России вплоть до XX века.

Первым дошедшим до нас памятником инспирации иерархий сверхнарода остается «Слово о полку Игореве» — произведение, никак не связанное с византийской традицией и вообще с трансмифом христианства. В чуждых аскетизму и смирению, мужественных интонациях поэмы, похожих на ясный и чистый булатный звон, в отсветах внехристианских верований, вспыхивающих то здесь то там на ее суровом горизонте, даже в самой тематике этого памятника — в вооруженной борьбе с национальным врагом — обнаруживается непосредственное вдохновляющее вторжение в волю творца сил Яросвета. Легкое и прозрачное, как фата, веяние Навны одевает высокорыцарственное существо поэмы тонкою музыкальностью, поднимаясь до щемящей силы в плаче Ярославны на городской стене.

Этою поэмой инспирации отлились в высокохудожественные образы. Из того, что эти образы оказались жизненными, мы должны заключить, что сама реальная жизнь давала для них материал, что те же инспирации проявлялись, следовательно, в отношениях, психологии, повседневном укладе народных масс. В лице автора «Слова» под низливающийся поток инспирации встал княжеский дружинник, гениальный поэт, то есть поэт, «одержимый» даймоном. Былины же киевского и новгородского циклов позволяют почув-

ствовать, как становился под этот поток человек массы, безымянный создатель низового искусства, фольклора. Скажут: элементарность, грубость былин — о какой духовной инспирации можно тут разговаривать? — Но какими же вообще качествами, если не этими, отличается творение масс от творения высококультурного мастера? Простоватость, примитивность былинной поэзии нисколько не опровергают факта инспирации, они только указывают на то, что, ослабленная и замутненная, она все же проникала в плотные пласты массовой психологии.

Она начинала постепенно окрашивать в своеобразные тона и те искусства, которые оказались наиболее связанными с мифом христианства. Это можно проследить в иконе и фреске — киевских, суздальских и особенно новгородских. Иконописные образы новгородской школы поражают иногда бурной динамикой и такой смелой, почти современной остротой, какие были совершенно чужды, даже враждебны византийской традиции с ее статуарностью. К сожалению, в этой книге я располагаю возможностью только намечать ряды специальных тем, требующих разработки. По нескольку таких тем заложено в любой из этих глав, и мне остается только сожалеть о краткости оставшегося мне отрезка жизни.

И в то время как национальная духовная интуиция во многих других метакультурах выражала свое знание о бытии затомисов преимущественно на языке *легенд*, Россия начинает выражать духовное знание о своем небесном прообразе и двойнике — России Небесной — на языке другого искусства: зодчества. С XI до XVIII века все очаги русской духовной и особенно религиозной жизни с поражающей нас последовательностью стремятся к развитию, совершенствованию и повторению одного и того же образа. Это — архитектурный ансамбль, осью которого является белый кристалл — белый собор с золотыми куполами и столпообразной колокольней, вокруг него — сонм часовенок и малых церквей, часто многоцветных, но почти всегда златоглавых; далее — палаты, службы и жилые хоромы и, наконец, кольцо могучих защитных стен с башнями. У их подножия — излучина реки.

Этот мотив возникает над Днепром в начале XI столетия, сейчас же повторяется над Волховом, а затем варианты его начинают множиться: во Пскове, Смоленске, Владимире, Переяславле, Чернигове, Ростове, Коломне, Нижнем Новгороде, Устюге, в Троице-Сергиеве, в больших и малых городах и совсем без городов, во множестве монастырей и кремлей; в следующие эпохи он достигнет своего апофеоза в Кремле Московском.

Над этим стоит задуматься. Вряд ли увенчалась бы успехом попытка исчерпывающе объяснить это явление одними соображениями военно-политическими, техническими, даже общекультурными. Другие страны, расположенные в сходных географических условиях, в эпоху тех же феодальных отношений и, если можно так выразиться, в схожих религиозных климатах, создали, однако, совсем другие художественно-мистические символы, другие эстетические образцы и, в частности, архитектурные каноны. Архитектурный ансамбль вообще далеко не везде перерос в первенствующий символ, в синтетическое отражение трансмифа, в каменное подобие «Града взыскуемого». В такой символ он перерос в Египте и Вавилоне, в Индии и некоторых странах буддизма, в Афинах, но этого не случилось ни в Иране, ни в Японии, ни в североиндейской культуре, и даже о таковом значении средневековых аббатств можно говорить только с натяжкой. Очевидно, мы имеем здесь дело с фактором иррациональным, может быть, с духовным вкусом сверхнарода. Корни же духовного вкуса уходят в неисследимые его глубины, к закономерностям, связующим сверхнарод с надстоящей над ним второй реальностью.

А между тем эпоха, когда кристаллизовался этот образ, становилась от поколения к поколению все менее благоприятной.

Если бы мы попытались перенести на миры иной материальности аналогию трех основных состояний материи в нашем слое — понятия твердого, жидкого и газообразного, то убедились бы, что в метаисторической картине Киевской Руси состояние восточнославянского эгрегора можно было бы уподобить простертому над страной разреженному туману, едва начинающему приобретать смутные контуры. Смерчеобразные завихрения Велги то и дело разрывали это образование в различных его частях, а натиск половецкого, литовского и польского эгрегоров постоянно менял его очертания, вызывая смятение во всем его существе и отрывы отдельных частей, начинавших жить ущербной, призрачно самостоятельной жизнью.

Это было слабое существо, не способное оказать эффективного сопротивления ни Велге, ни эгрегорам степных племен.

В XIII веке на изнемогавшего русского эгрегора Гагтунгром направляется темноэфирный гигант-чудовище: воинствующий уицраор монгольского племенного массива. Я не знаю, роковой ли ошибкой демиурга Дальнего Востока или другими причинами он был порожден, но рост его был фантастически быстр, а алчность неутолима. Жертвой этого существа сделалась сама монгольская метакультура, слишком юная, с едва еще возникавшим синклитом, а теперь втягиваемая в воронку метаисторических замыслов Противобога. Демонический разум теперь играл в беспроигрышную игру: русская метакультура либо рухнула бы под напором более сильного врага, либо Ярославет оказался бы вынужден противопоставить уицраору Монголии подобное же чудовище, дабы оградить само физическое существование русского народа. Это — первый могучий удар, обрушиваемый на Русь Гагтунгром, и это — то самое метаисторическое событие, которое стоит за первой великой катастрофой нашей истории: нашествием татар.

Можно по-разному оценивать — и историки по-разному оценивают — размеры социально-политического, культурного и нравственного урона, нанесенного России татарским игом. Рассматривая же события под метаисторическим углом, мы можем дополнить положения исторической науки лишь следующим указанием: воздействие сил Велги, столь бурно проявлявшееся в княжеских усобицах, расчистило путь для другой, более могущественной силы, причем *обе эти группы сил* являлись в конечном счете проявлением воли одной и той же инфрафизической инстанции. То, что расшатала Велга, должен был сокрушить монгольский уицраор; если же это не удалось бы до конца и ему — осталось бы в запасе другое орудие, которое должно было развернуть свою деятельность в другие времена и другими методами: черное ядро в существе будущего русского уицраора.

Действительно: под ударами монгольского чудовища русский эгрегор был смят, полурастерзан на клочья, едва сохранявшие в себе жизнь и способность к будущему воссоединению. Кароссе Дингре был нанесен ущерб, который — если бы речь шла о существах физического плана — можно было бы сравнить с истеканием кровью. Сам Яросвет был побежден в бою с монгольским гигантом на границах Святой России; юному, еще не окрепшему и малочисленному Синклиту едва удалось спасти от разрушения лишь сокровеннейшие святилища своей небесной страны.

Спасаемая демиургом, Навна была удалена из опустошаемой южной области Святой России в недоступные девственные земли, соответствующие дремучим северным лесам в Энрофе. Туманные сгущения израненного, полуразорванного эгрегора облекали нищенским рубищем ее новое средоточие. Напор врага не ослабевал: насытившаяся Велга уползла в свою Гашшарву, но монгольский уицраор то и дело проносился, подобно урагану, по небесной стране, гася огни, иссушая метаэфирные источники, а в России земной разметывая ту живую материальную субстанцию сверхнарода, из которой образуются эфирные тела всех отдельных членов его и без которой невозможна жизнь в Энрофе не только народа, но и отдельного человека. Становилось ясным, что выполнение задач, ради которых светлая диада приняла эфирное воплощение, неосуществимо до тех пор, пока Дингра не воссоздаст народную плоть; пока сильнейшему орудию Гагтунгра не противопоставлен противник в том же плане бытия: могущественный, полновластный демон государственности. Перед демиургом сверхнарода встал выбор: либо создание левиафана-государства в Энрофе и допущение, следовательно, возникновения российского шрастра, населенного игвами; либо отказ от выполнения своей миссии на земле. Он избрал первое.

Очевидно, демиургу, еще не отграничивавшему идеального народоустройства как отдаленного долженствования от государства как реальной возможности, уяснялась категорическая необходимость этого последнего — необходимость государства, и притом непременно очень сильного, в качестве ф о р м ы сверхнарода, единственно способной оградить его физическое бытие, защитить от центробежных внутренних сил — проекции Велги и от нападений извне — проекции сегодня уицраора Монголии, а завтра какого-нибудь еще. Кто знает, сливалась ли у Яросвета идея о необходимости сильного государства с представлением об идеальном народоустройстве, которое должно было быть плодом его грядущего брака с Навной. Понимал ли он со всею ясностью, что, нисходя к кароссе Дингре в качестве отца их общего детища, порождая от нее уицраора и обрекая Навну на плен в глыбах грядущей государственности, он отодвигает день своего брака с Навной в непредставимую даль веков? Так или иначе, каросса Дингра породила первого из уицраоров России, несущего в себе, вместе с материнской кровью, проклятое эйцехоре. Не ясно ли, что это значит?

Ваятельница физической субстанции сверхнарода рождает демона великодержавия от двух начал: от демиурга сверхнарода и от того, кто некогда вторгся в плоть стихиали Лилит: Гагтунгра. Таким образом, эйцехоре должно было стать своего рода проклятием, довлевшим над российской государственностью и фатально искажавшим осуществление русским народом его мировой миссии.

Мог ли Яросвет избежать рождения демона великодержавия? Мог ли охранить физическое бытие сверхнарода каким-либо иным путем? Не подтверждают ли примеры других культур, что уицраоры суть неизбежные участники всякого метаисторического процесса, его неизбежное зло, внутреннее противоречие?

Но затем и позаботился Гагтунгр о рождении этой расы трансфизических чудищ в Вавилонии. Возникло нечто вроде цепной реакции: каждый демиург любой метакультуры оказывался вынужденным противопоставить злобному разъяренному врагу точно такого же защитника. Защитник, в свою очередь, перерастал в нападающего хищника и этим вызывал необходимость для демиургов соседних метакультур повторить то же самое. Уицраоров теперь лишены только небольшие нации, входящие в состав сверхнарода, но не сам сверхнарод. Со времен Вавилона метакультур без уицраоров не существует.

Что касается Яросвета, то воспламененность своей мечтой препятствовала ему различить законы перспективы в этом новом для него мире исторической действительности. Он не умел еще проводить точную грань между реальной государственностью и идеальным народоустройством, между созданием государства и конечной целью своего брака. Только с мучительным опытом жизни и творчества могла прийти к демиургу та мудрость, которая научила бы его отслаивать близкое от далекого, *ныне возможное* от *долженствуемого предела*. Самая природа государства была ему еще непонятна, и вряд ли он отдавал себе отчет в непримиримости самодовлеющего государственного начала с идеальным народоустройством, равно как и в том, что это народоустройство может быть осуществлено лишь в отдаленном будущем, когда физическая сохранность сверхнарода будет обеспечена объединением человечества в единый монолит.

Но дело в том, что народоустройства могут быть нескольких типов, и понять различие этих типов — в высшей степени важно. Разумеется, прилагаемая таблица дает лишь несколько самых главных типов их, не имея ничего общего с попытками исчерпать все их многообразие и опуская множество переходных или недостаточно определенных форм.

1. *Жидкое состояние государственности*.

Зачаточность централизующей государственной власти. Постоянные столкновения слабо организованных составных единиц между собой. Могущество племенных эгрегоров и вампирических образований типа Велги. Воздействие диады сверхнарода, весьма еще юной, преимущественно на эстетическую и религиозную сферы сознания.

Примеры: Египет эпохи номов, ведическая Индия, Греция эпохи полисов, Европа в раннее Средневековье.

2. *Твердо-вязкое состояние государственности, достаточно мягкой для преобразующей работы.*

Ограничение тиранических тенденций равновесием социально-политических сил. Государственное водительство осуществляется демиургом через эгрегоры. Его брак с идеальной Соборной Душой.

Примеры: Египет до Тутанхамона, буддийские государства Индии и Юго-Восточной Азии, империи Тан и Сун в Китае, Афины времен Перикла.

3. *Крайне твердое состояние государственности. Деспотическая держава-колосс.*

Тирания демона великодержавия. Сохранность эфирного воплощения Соборной Души, но крайнее сужение ее свободы действий, то есть ее плен в глыбах государственности. В конце этой стадии, а иногда и раньше демиург снимает свою санкцию с демона государственности.

Примеры: великие империи-тирании, Ассирия, Карфаген, Рим, Багдад, империи Чингиз-хана, Тамерлана, Испания XVI века, Британия XVIII–XIX веков, империя Наполеона, государство Гитлера и т.п.

4. *Иерократия*.

Захват эгрегором церкви державотворящих сил. Либо перерастание его в схожее с уицраорами вампирическое чудовище, заявляющее всемирные претензии и переносящее свое обиталище из сакуалы эгрегоров в Гашшарву (папство в конце Средних веков); либо — замыкание в этнических границах и высасывание внутренних источников (Тибет). В первом случае — борьба с ним диады сверхнарода и синклита, при этом восстающих даже на искажаемый миф международной религии. Во втором случае — ограничение свободы действий светлой диады инфрафизикой метакультуры — с одной стороны, силами Наивысшего Трансмифа международной религии — с другой.

5. *Раздробленность единого устройства сверхнарода на множество твердых государственных единиц.*

Развитие локальных сил, вырвавшихся из-под контроля иерархий. Ослабление активной творческой силы последних. Состояние Соборной Души, схожее с состоянием глубокого недуга.

Примеры: Средиземноморье в IV–V столетиях н.э.; мусульманские страны после халифата; Германия после Тридцатилетней войны.

6. *Чуженародное порабощение*.

Народоустройство, превратившееся в орудие других иерархий, преследующих свои, не имеющие отношения к данному сверхнароду, цели. Положение Соборной Души, равнозначное состоянию рабства.

7. *Государственное устройство смягченного типа, созданное при условии социально-этической зрелости сверхнарода и отсутствия внешней угрозы.*

Подчинение государственного начала непосредственно силам демиурга. Начало отмирания принципа насилия. Открывающаяся перед иерархиями возможность подготовки идеального народоустройства. Положение Соборной Души как супруги демиурга.

Примеры: к настоящему моменту этот тип достигнут только в отдельных небольших странах, в наиболее чистом виде — в Скандинавии, Швейцарии. Можно надеяться, что в будущем этот тип приобретет сверхнародные масштабы, лишь при которых и возможны сверхнародные метакультурные плоды его.

8. *Межсверхнародное объединение*.

Пока мыслимая лишь теоретически государственная формация, переходная к планетарному объединению. Сотворчество демиургов.

9. *Идеальное народоустройство*.

Упразднение государства. Превращение государственного строя человечества в Братство. Совершенное устройство общества, только в которое и может быть принято рождаемое иерархиями эфирное выражение Вечной Женственности.

То, что ясно теперь, не могло быть ясно тысячу лет назад даже демиургу. Союз его с Дингрой и рождение уицраора воздвигли между Яросветом и Навной длительную преграду. И хотя понять тогда же весь многозначный смысл происшедшего было еще вне возможностей демиурга, но уяснялось, что эта преграда падет и в их браке откроется возможность творческого осуществления их задачи лишь тогда, когда совершенная ошибка будет искуплена, то есть последствия ее исчерпаны; начинала приоткрываться и ужасающая своей длительностью даль этого искупления. Происшедшее явилось могучим толчком к его духовному возмужанию. Первое столкновение с исконным врагом светлого стана открыло перед демиургом воочию ту глубину мирового дуализма, неразрешимость которого он раньше не постигал. Жгучая скорбь, свойственная осознанию первой большой жизненной неудачи, охватывала его; лишь теперь становилась понятной трагедия демиурга Византии и возможность крушения, только в еще больших, уже всемирных масштабах, подстерегающая его самого.

Положение усложнялось еще тем, что рождение и детство уицраора видимым образом оправдывали совершенное: демон государственности оказывался именно той силой, в которой нуждался сверхнарод для обороны против Велги и чужеземных уицраоров.

Область сильнейших инспираций Первого Жругра в Энрофе определилась в некоторой географической области, на берегах Москвы-реки, и здесь берет начало процесс концентрации и воспитания сил метакультурной и исторической самообороны.

Это был один из тех редких (в жизни любого народа) периодов, когда силы, различнейшие по своей природе, своим иерархическим ступеням и по своим целям, скрестили свои усилия в общем труде.

Глубоко значительным предметом созерцания для метаисторика остается тот процесс, в котором мыслимо появление личностей, подобных Александру Невскому, чью мудрость и волю укреплял демиург, чистоту замысла блюла Навна, Ваятельница народной плоти подготавливала чреду его преемников, демон великодержавия укреплял силу его меча, а силы христианского Трансмифа берегли его своим покровом, сотканным из светлого эфира народ-

ных молитв, мученичества погибавших в бою или в татарской Орде и духовного делания светочей церкви. Недаром его смерть отозвалась волнами скорби по всей стране, а в позднейшие времена самые непримиримые движения народного духа видят своего далекого предшественника в этом родомысле.

Никогда (по отношению к первому уицраору) не сказывалась в ряде исторических фактов столь отчетливо благословляющая этого демона деятельность демиурга, как в той горячей помощи, которую оказывали великим князьям московским пастыри России — главы церкви; в том оправдании ими дела собирания Руси высшей национально-религиозной и нравственной целью, которое как бы осенило это общерусское движение хоругвью церковного авторитета. Этот ряд явлений, столь ярко сказавшийся в деятельности великих московских митрополитов, достигает наивысшей выразительности в благословении Димитрия Донского на битву с татарами величайшим святителем тех времен и в личности инока Пересвета, открывшего Куликовское сражение своим единоборством с татарским богатырем.

Когда определилось географическое средоточие Российской метакультуры, естественно и неизбежно этот национальный духовный очаг и цитадель государственности должен был увенчаться физическим подобием вершины сверхнародного трансмифа: Кремлем Земным. Даймоны и другие силы демиурга, ниспосылавшиеся им к душе, разуму и воле московских князей и митрополитов, иноков и бояр, зодчих и иконописцев, прославленных и безымянных, приоткрывали им те образы Небесной Руси и Фонгаранды, которые ждали своего отражения в камне и кирпиче. И это отражение стало возникать: медленно, трудно, из года в год и из века в век, утяжеленное, беспорядочное, вечно перестраивающееся, искаженное случайностями, калечимое пожарами, нападениями чужеземцев и произволом властей, с золотым венцом царства — на челе, с клеймом рабства и ранами мученичества — на лице, — и все же прекраснейшее из всего, что было возможно при духовном и материальном уровне русского Средневековья.

Глава вторая
ХРИСТИАНСКИЙ МИФ И ПРАРОССИАНСТВО

Сколько-нибудь подробный разбор общего, в высшей степени широкого и сложного вопроса о метаисторическом значении православной церкви и тем более всего христианского мифа — это тема для многотомного труда или даже для целого цикла работ. Но ясно и естественно, что внутренняя мистическая жизнь русской церкви определялась связью именно с общехристианским трансмифом и с теми иерархиями и сущностями, космическими и планетарными, которые почитались русской церковью: с Логосом, с Богоматерью Марией, с ангельскими чинами и с великими духовными деятелями общехристианского или византийского прошлого. Высокая ступень их восхождения открывала перед ними возможность активной помощи сверху вниз, из затомисов, из Небесного Иерусалима и Синклита Человечества в слой конкретной исторической действительности, в Энроф.

На протяжении многих веков христианский миф пронизывал и окутывал духовную жизнь русского общества, сказываясь решительно во всех областях культуры тех эпох — от «плетения словес», как понимали тогда искусство письменного слова, до орнаментики посуды или покроя одежды. Но анализ легко обнаружит в запасе образов, насыщавших эти искусства, и в эстетических канонах, тогда выработанных, огромный пласт таких, какие не имеют прямого отношения ни к идеологии, ни к пантеону христианства.

Травчатые узоры на тканях и поставцах столь же далеки от христианского мифа в его чистом виде, как Жар-птица наших сказок, богатыри наших былин, архитектурные особенности наших теремов или стилизованные петушки и фантастические звери, украшавшие печи, прялки и коньки изб. Этот пласт образов восходит, конечно, к дохристианскому мироотношению, к зачаточной и так и не развившейся славянской мифологии. Но важно то, что это мироотношение так же сказывается в XVII веке, как в XII; совершенно перестает быть заметным или, вернее, меняет свое обличье оно только в XX. Христианским же мифом оно не было преодолено или ассимилировано никогда. Произошло другое: параллельное *сосуществование* двух мироотношений, характеризующееся разграничением сфер проявления. При этом одно из них, христианское, быстро добившееся господства в качестве общегосударственного и общенародного круга идей, вытеснило своего соперника из целого ряда областей жизни, и прежде всего — из области обобщающей и систематизирующей мысли. Второе отношение укрылось в фольклор, в низовое и прикладное искусство, в народные обряды и заговоры, в быт, но так никогда и не поднялось до уровня философских или вообще идейных обобщений.

С другой же стороны, нас не может не поражать необычайная его устойчивость, феноменальная живучесть. Уже сама по себе эта живучесть говорит метаисторику о том, что мироотношение это коренилось не в случайных, не в преходящих чертах народной психологии, но в таких, которые присущи народу органически. Если же мы имеем дело с чертами народной психологии органическими и неистребимыми, мы всегда имеем перед собой фактор, связанный с проявлением творчества иерархий, ибо все в народе, находящееся вне сферы их деятельности, не носящее на себе печати их труда, оказывается кратковременным, наносным, эфемерным. В той стороне разбираемого отношения, которая связывалась с продолжением рода, во всем, что относилось до повышения уровня и напряженности половой стихии, различается мутная, горячая, беспокойно колышущаяся субстанция кароссы Дингры. Собственно, в условиях христианской страны никакой другой области для ее проявления и не оставалось. Но в мироотношении этом явственен еще и другой слой, преимущественно эстетический. Творческая радость, которую испытывали художники и мастера при создании этой орнаментики, этих сказок и этих теремов, так и пышет нам в душу при малейшем к ним прикосновении; любовь к миру, к природе, к стихиям, в них разлитая, свидетельствует о том, что уже не каросса, но силы самого демиурга веяли в создававшей эти произведения человеческой душе.

Это мироотношение (поскольку речь идет о русском национальном прошлом) приходится теперь извлекать из-под пластов христианского мифа

либо при помощи кропотливого научного анализа, либо путем метаисторического созерцания и размышления. Мироотношение это я бы назвал прароссианством.

Прароссианство есть, в сущности, не что иное, как первая стадия развития мифа российского сверхнарода.

Сам по себе общий Трансмиф христианства не противоречит и не может противоречить трансмифам сверхнародов; не противоборствует и не может противоборствовать им. Напротив: Мировая Сальватэрра, вся пронизанная силами Логоса и Богоматери, то есть высочайшей реальностью Трансмифа христианского, остается в то же время вершиною вершин, смутно сквозящей через трансмифы сверхнародные. Исторические перспективы будущего были бы угрюмы и безрадостны, если бы их не озаряла наша вера в такое грядущее мироотношение, когда христианский миф будет взаимно дополняться мифами сверхнародов, сливаясь с ними в гармоническое целое. Но в историческом прошлом зрелый уже христианский миф как бы застилал собою едва возникавший миф российского сверхнарода. Застилал — и в силу все той же присущей историческим церквам, с их ущербной узостью, потребности утверждать свой религиозный аспект мира как единственную и универсальную истину, исключающую самую возможность существования других.

Сколь благоговейным ни было бы субъективное отношение метаисторика к христианскому мифу, сколь высоко он ни расценивал бы роль этого последнего в культурной истории России, но вряд ли он сможет отделаться вполне от чувства горечи и сожаления, даже какой-то безотчетной обиды, при изучении любого из искусств средневековой Руси. Он почувствует, что тем росткам исконно национального мироотношения, которые пытались все же проявить себя хотя бы в искусстве, было зябко и мучительно тесно.

Довлела формула «Мир лежит во зле». И любовь к нему, детская жизнерадостность, солнечная веселость и непосредственность едва осмеливались обнаруживать свое существование в яркой раскраске утвари, в сказочно-игрушечном, я бы сказал — смеющемся стиле изразцов или резьбы, в задних планах икон, где цветы, светила небесные и сказочные звери создают удивительный фон, излучающий трогательно чистую, пантеистическую любовь к миру.

Довлел монашеский аскетизм. И творческой деятельности Дингры отводились самые низы, прикровенное тло человеческой жизни. Соприкосновение духовности с физической стороной любви казалось кощунством; в брачную ночь образа плотно завешивались, ибо любовь, даже освященная таинством брака, оставалась грехом.

Довлел христианский пантеон. И душа, улавливавшая веяние иерархий сверхнарода и стихиалей, не осмеливалась даже отдать себе отчет в бытии этих иерархий, не нашедших места в христианском пантеоне, не санкционированных церковным авторитетом. Истины богопознания и миропознания казались исчерпанными двумя Заветами и учением отцов церкви; и всякая самостоятельная работа мысли оказалась бы подозрительной, едва ли не еретической.

Довлело отношение к искусству как к второстепенному виду выражения все тех же истин христианского мифа. И светская живопись не возникала, скульптура представлялась язычеством, поэзия прозябала в границах фольклора, танец едва терпелся даже в виде чинных хороводов, а зачатки театральных действ жестоко выкорчевывались.

Сопоставив все это, интересно обратить внимание на один вид искусства, в памятниках которого прароссианство и христианский миф сумели ужиться рядом, как бы поделив между собой территорию и почти не смешиваясь даже механически и вместе с тем — как это ни странно — художественно и психологически дополняя друг друга. Я говорю о некоторых школах церковного зодчества, от шатрового храма до так называемого нарышкинского барокко. Поражает в этих памятниках одна особенность, ярче всего, пожалуй, сказавшаяся в храме Василия Блаженного: контраст экстерьера и интерьера. Заразительная, заставляющая невольно улыбаться всей душой, жизнерадостность этих пестрых луковок и пузатых колонок, этих стен, превращенных наивно веселым узорочьем в сказочные сады... А войдешь вовнутрь — и точно попадаешь в другую культуру, хотя, как это ни невозможно, почти столь же русскую: решетчатые оконца, узкие притворы, низкие своды, тяжелые устои, суровые лики, полумрак. Изгнанный наружу, вовне, миф сверхнарода — и противопоставляющий себя миру, созидающий внутреннее пространство, самодовлеющий и нетерпимый миф христианский. Прароссианство — и православие. И не синтез, даже не смешение, а почти механическое разграничение сфер действия. А если уж говорить о какой-нибудь диалектике, то — теза и антитеза.

Можно возразить, что, будучи очищены от наслоения веков, фрески и иконы наших храмов являют глазам гораздо более яркие краски, более жизнерадостные мотивы орнаментов, чем принято думать. Да, но если в жизнерадостном характере некоторых росписей и сказывалось веяние прароссианства, то время работало против него, гася звонкость красок копотью свечей и лампад, неизбежных и неотъемлемых атрибутов культа. Создавался единый колорит, как нельзя более соответствовавший и низким ходам, и крошечным оконцам, и общей минорной гамме богослужения. И наибольшего единства и выразительности достигло это соединение приемов именно в интерьере Василия Блаженного с его членением внутреннего пространства на множество изолированных ячеек, откуда богослужение не было видно, а только слышно и где обстановка предельно способствовала внутренней уединенной молитве.

Да и вообще, разве не поражает в облике русских святилищ любого века, от переданного нам Византией однокупольного храма до ампирных церквей XIX столетия, контраст между внешностью и внутренностью, формой и содержанием? О, это совсем, совсем не гармония! Русский храм гармоничен, да, пока мы созерцаем его снаружи: будь то белоснежный куб с золотыми шеломами или пестрый теремообразный цветок, изгибающийся своими деревянными или каменными лепестками и будто пребывающий в вечном веселии. Внутри он гармоничен тоже, хотя и совсем другой гармонией. Но между этими двумя гармониями — разрыв, взаимное непонимание, затаенная вражда.

В церковном зодчестве христианский миф (не вполне ясно, впрочем, почему) все же терпел, молчаливо принимал территориальное сосуществование с мифом сверхнарода[1]. В других же областях культуры и жизни было, как я уже отмечал, гораздо хуже. И не удивительно, что при таких условиях праросианство не могло сложиться ни в какую автономную систему, ни в какое учение. Оно даже не могло осознать своего собственного существования. Для такого осознания необходимо наличие хоть какого-нибудь стержня, оси, какого-нибудь центрального образа, принадлежащего данному мифу и только ему; а стержня такого не было. Воздействие демиурга и Навны на индивидуум и на народ в целом не поднималось за порог сознания; а то, что переживалось в душевном ощущении, приписывалось действию других инстанций: инстанций исключительно христианского мифа.

Если в этом вопросе мы и способны удивляться чему-нибудь, так это тому, что праросианство все-таки не было уничтожено. Больше того: создается впечатление, что враждебному натиску христианского мифа кто-то все время ставил как бы некий предел, кто-то, век за веком, оберегал слабые грядки праросианства от вытаптывающей поступи воинствующей церкви. Демиург, сам причастный христианскому Трансмифу, но свободный от человеческой ограниченности, берег эту область потенций народного духа для далеких, великих веков; он сам оплодотворял ее своим дыханием; сама Навна питала ее мерцающей духовной росой.

Но еще более глубокая мудрость, мудрость жертвенного самоограничения сказывается в том, что Яросвет не дал праросианскому мифу возможности буйного роста, мощного цветения. К чему это могло бы привести? Если бы праросианство осознало себя самое, сложилось бы в систему, стало бы претендовать на роль господствующей идеологии — страшная, не на жизнь, а на смерть борьба его с мифом христианским стала бы неизбежностью. Борьба — и уничтожение одной из сторон. Но в глазах высшей мудрости обе стороны драгоценны, обе оправданы единой Истиной, таящейся в них под покровом двух правд. Искоренится ли на Руси христианство, заглохнет ли праросианское оправдание мира — и исчезнет одна из двух основ грядущей синтетической культуры. Обе должны быть сохранены до тех отдаленных времен, когда станет возможным не уничтожение их во взаимной борьбе, но переход обеих в общее гармоническое мироотношение и богоотношение, свободное от узости, от эпохальной ограниченности одного из них и от безотчетности, безынтеллектуальности другого.

Ведь мы определили только тормозящее действие христианского мифа на миф сверхнарода. Но у того же процесса была и другая сторона. За христианским мифом мерцала не призрачная игра случайных теней, а высшая реальность, христианский Трансмиф — Небесный Иерусалим и сферы Мировой Сальватэрры. Самое уже прикосновение к этим ценностям высшего порядка (не говоря уже о тех случаях, когда жизнь прикоснувшегося превращалась в духовный подвиг, в житие) — таило в себе неисчерпаемый источник духовных сил, давало могучий толчок импульсу внутреннего самосоздания. Конечно, самосоздание это устремлялось, в сущности, одною аскетическою, иноческою дорогой; мирская праведность хотя и уважалась, но рассматривалась как низшая, подготовительная ступень к иночеству. Но ведь если бы православие выработало и сумело осуществить идеал праведности также и гражданской, семейной, общественной, государственной — это означало бы, что достигнута такая стадия человеческого совершенствования, какая и поднесь не достигнута нигде в мире. Другими словами, это было бы возможно лишь в двух случаях: или если бы миссия Христа была довершена, а не оборвана, или если бы новый поток космических духовных сил хлынул из макробрамфатуры в Шаданакар, ослабляя Гагтунгра и мощно способствуя преображению человечества.

1. Один из эпизодов борьбы церкви с этим мифом в церковном зодчестве можно видеть в запрещении (в XVII веке) шатровых храмов ради возвращения к каноническому византийскому типу.

В XVI веке Сильвестр сделал попытку, значение которой не вполне осознано до сих пор. Домострой есть попытка создания грандиозного религиозно-нравственного кодекса, который должен был установить и внедрить в жизнь именно идеалы мирской, семейной, общественной нравственности. Задача колоссальная: ее масштабы сопоставимы с тем, что осуществил для своего народа и культуры Конфуций. Очень легко, конечно, свалить неудачу на несоответствие масштаба личности Сильвестра масштабу таких задач. Но ведь можно вывернуть этот вопрос и наизнанку: не потому ли именно такой человек взялся за такую задачу, что малый масштаб личности не давал ему понять ни грандиозности задачи, ни ее неосуществимости на той ступени культурного и религиозного развития? Не потому ли в средневековой России ни один действительно великий духовно человек не дерзнул приблизиться к подобной задаче, что именно духовная зоркость и мудрость не могли не подсказать ему ее преждевременность? — Сильвестру, как известно, удалось сложить довольно плотно сколоченную, крепкую на вид, совершенно плоскую систему, поражающую своей безблагодатностью. Ни размаха, отмечающего все, вдохновляемое демиургом; ни духовной красоты, лишенной которой не может быть ни одна инвольтация Навны; ни огненности, веющей в творениях, внушенных инстанциями христианского Трансмифа. Совсем другой дух: безмерно самонадеянный, навязчиво-требовательный, самовлюбленно-доктринерский, ханжески прикрывающий идеал общественной неподвижности личиной богоугодного укрепления общественной гармонии, — гармонии, которой в реальной жизни не было и помину. В последующие эпохи мы еще не раз встретимся — совсем в других произведениях, в других доктринах — с этим тяжеловесным, приземистым, волевым духом: духом демона государственности.

Не в попытках создания общенародного кодекса этики, а в действенной разработке сурового иноческого пути заключается непреходящая ценность того, что создал в плане этики русский христианский миф. Аскетическому пути русская культура — правильнее, метакультура — обязана своими величайшими праведниками. История средневековой Руси характеризуется полным отсутствием творцов широкообъемлющих философских и научных концепций, ограниченным числом художественных гениев, большим числом

героев (хотя потомством утрачены даже имена многих из них) и — не созвездием, но целым звездным небом праведников. Сотни их имен сохранены церковью. Такое соотношение определялось опять-таки могуществом христианского мифа, еще из Византии принесшего неравноценное отношение к различным видам духовного творчества.

Как бы ни относиться к аскетическому принципу в применении к жизненным условиям, идеалам и психологическому климату XX столетия, но для метаисторика не может быть сомнения в том, способствует ли вообще жесткая дисциплина этого пути предельной концентрации внутренних сил на взаимной мистической связи человека с высочайшими инстанциями духовного мира. Еще бы она не способствовала!.. Если бы этому не способствовала наивозможно полная изоляция самого себя от захватывающих бурь, страстей и забот «мира дольнего», то что же тогда вообще могло бы способствовать? Среднее сознание нашего века точно мстит своей узостью в понимании таких вещей среднему сознанию Киевской и Московской Руси с его противоположно направленной узостью. Обвинение в эгоизме, в себялюбивом устремлении к спасению, которое бросается иногда представителям аскетического пути, правомерно лишь по отношению к тем, кто этот путь профанировал; но по отношению к тем, кто называется святыми, такое обвинение основано на невежестве либо на недоразумении. Логичен только последовательно материалистический взгляд, вообще не видящий никакой цены во внутреннем делании личности, если это делание не проявляется весьма быстро во внешних деяниях, для всех явных. Но если бы мы остановились на материализме, то незачем, да и просто невозможно было бы начинать книгу «Роза Мира». Внутреннее делание вообще, а келья и затвор в особенности, раскрывают в человеке то, благодаря чему становится служение человечеству и помогание ему *из* уединения. Но и этого мало: религиозное мировоззрение не может задумываться о жизни на земле в отрыве ее от потустороннего продолжения; в продолжении же этом именно праведник получает возможность больше, чем кто-либо другой, пользоваться теми сильнейшими духовными орудиями, теми средствами помощи человечеству и всем дольним мирам, теми средствами борьбы с темным началом, которые он выстрадал и выработал в себе за десятки лет самосоздания и самоочищения.

В метаисторическом отношении существование не только Нила Сорского или Серафима Саровского, но и праведников меньшей высоты, меньшего духовного величия, меньшего непосредственного влияния на народную психологию и нравственность, даже праведников, может быть, оставшихся нам совершенно неизвестными, — важнее для метакультуры, чем прозябание тысяч людей духовной середины. Там «своя арифметика». Вспомним, что в то самое время, как гаввах, эйфос, излучения зависти, скупости, алчности, злобы восполняют убыль жизненных сил в стране демонов, излучения духовной радости, религиозного восторга и благоговения становятся тончайшим материалом для творчества затомисов; сорадование восполняет жизненные силы ангелов; излучения высокой любви между мужчиной и женщиной поднимаются в те миры, которые обозначены здесь как Волны Мировой Женственности и только лазурные отдаленные зарева которых можем мы воспринимать в минуты восхищений; сострадание же, вдохновение, творческий пламень людей укрепляют обитель Логоса Шаданакара.

Карамазовский «черт» попытался, конечно, окарикатурить эти закономерности доведением их принципа до абсурда: по его словам, душа одного подвижника стоит будто бы целого созвездия. Созвездия не созвездия, но, во всяком случае, рассудок был бы потрясен и возмущен, если бы мог убедиться в странных законах потусторонней «арифметики». Впрочем, она покажется не такой уж странной, если мы вспомним, что существование Пушкина важнее для русской поэзии, чем существование миллионов людей, пишущих плохие стихи. Разумеется, это не значит, что ценность людей измеряется **только** их отношением к поэзии, равно как и их отношением к праведности.

Дар *святости* есть такой же *дар*, как гениальность или как та незыблемая ось *героического* душевного склада, которая делает человека способным не на отдельный героический акт (на это способны многие), но на превращение своей жизни в героическую повесть. Все эти три дара (так же как и дар *родомысла*, но об этом — в другой связи) заключаются в том, что к конкретной человеческой личности, выдающейся по своим врожденным способностям воспринимать светлую инспирацию иерархий, посылается с детства (реже — в зрелом возрасте) один из даймонов. Посланцы из мира крылатого человечества, где миссия Христа была победно завершена и само человечество безмерно опередило нас в своем духовном развитии, даймоны видят одну из своих главных задач в помощи ниже расположенным, отстающим, вообще подлежащим подниманию слоям бытия. Бодрствуя над людьми, обладающими светлым даром, то есть специальною миссией, даймоны становятся проводниками, через которые льется в разум и волю человека воздействие Провиденциальных начал. Именно ощущением их присутствия вызваны к жизни такие устойчивые представления, как убежденность многих гениальных поэтов в присутствии вдохновляющих муз, религиозных деятелей — в сопутствовании им ангелов-хранителей, а некоторых мыслителей — в воздействии на них *даймонов* в совершенно буквальном смысле.

Резюмируя, мы можем сказать, что абсолютное значение христианского мифа заключено в нем самом; частное же положительное значение его для метакультуры Российской состояло в том, что он раскрывал над сверхнародом как субъектом познания ту глубь и высь наивысших сфер Шаданакара, к которым стремится сам демиург, увлекая за собой сверхнарод как свое творение. В христианском Трансмифе заключено (хотя в христианском мифе едва приоткрыто) то общепланетарное долженствование, которое лежит дальше — или выше — любых затомисов, любых стихиалей, любых иерархий.

Из всех существовавших до сих пор и вполне определивших себя культур человечества только две оказались способными выйти из локальных пределов и распространить свои начала на весь почти земной шар: культура Романо-католическая и культура Северо-западная. Сколько причин этого явления ни обнаруживали бы историки — социально-экономических, географических, общекультурных — и сколько ни пытались бы замалчивать неудовлетворительность своих объяснений — для метаисторика, нисколько

не отвергающего относительного значения и механизма этих причин, первичным, конечно, останется иное. Эту прапричину он будет искать в том факте, что христианский миф, исконно связанный не только с Эдемом и Монсальватом, но с реальностью Небесного Иерусалима и самой Мировой Сальватэрры, сообщил европейскому духу его истинные масштабы и сделал его способным к действительно *всемирной* миссии.

Две другие христианские метакультуры, Византийская и Абиссинская, были так стиснуты, так сжаты демоническими силами, что существование одной из них в Энрофе прекратилось совсем, а другая в своем пути была безнадежно задержана.

Пятой метакультурой, проникнутой лучами христианского Трансмифа, была метакультура Российская. В силу ряда внешних и внутренних причин она развивалась медленнее своих западных сестер, но все же она преодолела ряд смертельных опасностей, устояла против потрясающих натисков и ко второму тысячелетию своего исторического бытия вышла на мировую арену, и для друзей своих и для врагов грозная явною всечеловечностью своих потенций.

Правда, другие международные религии были связаны, хотя бы отчасти, со слоями Шаданакара, высшими, чем затомисы метакультур. Казалось бы, пропорции духа, необходимые для задач всемирного масштаба, могли сообщить своим сверхнародам и они. Но в мусульманском мифе метаисторическому взгляду видятся три пласта. Один — отражающий трансмиф именно мусульманского сверхнарода и только к этому трансмифу, то есть к затомису Джаннэту, обращенный. Другой — дающий свой, сниженный и искаженный, но все-таки опирающийся на духовную реальность вариант христианского мифа. И третий — как бы пытающийся прорваться в метабрамфатуру, но бытие Мировой Сальватэрры, бытие Планетарного Логоса не осознавший и тем самым поставивший предел для себя самого, осудивший себя на нераскрытие в исламе как в религии потенций подлинной всечеловечности. Отблеск всемирной устремленности, трепетавший на миллионах душ, захваченных этой религией в свой поток в первые века ее существования, сделал возможным ее великолепный разлив, ее распространение на целый ряд стран; но под этой *психологической* устремленностью ко всемирному не лежало *онтологической* всечеловечности. Именно поэтому ислам, как разливающаяся религия, быстро иссяк и ныне не дерзает помышлять о распространении большем, чем удалось ему достигнуть в далекие минувшие века.

Буддийское созерцание, исключая, кажется, состояние «абхиджны» самого Гаутамы Будды, останавливается на Нирване, вернее, на мирах наивысшего аспекта буддийского Трансмифа, не стремясь осознать даже высших сфер Шаданакара. Чувство глубокой безнадежности, неверия в возможность преображения миров и просветление Закона проникают эту религию насквозь. Это естественно для всех религий, возникших до воплощения Планетарного Логоса в Энрофе. Естественно также, что эта безнадежность парализовала всякое стремление ко всемирному. Если можно здесь чему-нибудь удивляться, то скорее тому, что буддизм все-таки нашел в себе силы к разливу вширь, хотя, конечно, прозелитизм его духа давно отошел в минувшее.

Что же касается индуизма, то та же самая причина выразилась в судьбах этой религии еще и той исторической особенностью, что индуизму остался почти совершенно чужд какой бы то ни было прозелитизм.

Напротив: сознанию российского сверхнарода христианский миф с самого начала сообщил предчувствие именно всемирной миссии — не миссии всемирного державного владычества, но миссии некоторой высшей правды, которую он должен возвестить и утвердить на земле на благо всем. Это обнаруживается и в тоне киевских и московских летописей, и в наивной, но бесспорной идеологии былин, осмыслявших своих богатырей как носителей и борцов за высшую духовную правду, светящую для всякого, кто готов ей себя открыть. Далее, самосознание это творит идеальный образ Святой Руси: не великой, не могучей, не прекрасной, а именно святой[1]; наконец, в идее Третьего Рима чувство это кристаллизуется уже совершенно явственно.

А что до замедленности развития, то кто обязывает нас рассматривать ее только под каузальным углом зрения, а не под телеологическим? Разве невозможно, чтобы в масштабах всемирной метаистории было целесообразно, чтобы культура Российская выступила на мировую арену именно тогда, когда она выступила? Однако здесь мы прикасаемся к проблеме, о которой в настоящем месте говорить еще преждевременно.

Глава третья
ЭПОХА ПЕРВОГО УИЦРАОРА

Итак, метаисторическим событием, лежавшим в основе того, что в истории называется возвышением Москвы и созданием национального государства, было рождение кароссой Дингрой от Яросвета демона великодержавной государственности и укрепление его демиургическими силами для борьбы с общим врагом.

Но в лице своего порождения и его преемников — двух, наследовавших первому, демонов великодержавия — Яросвет приобрел как бы метаисторического соперника, которому тоже предстояло стремиться к планетарной цели, но в корне подменив ее смысл.

Тройственность природы первого из рода Жругров делала сложным и трагическим его путь и путь его преемников, их метаисторическую судьбу и судьбу того, что они создавали в истории.

С течением веков, со сменою трех поколений уицраоров, с расширением их кругозора и возрастанием мощи импульс мировой миссии начинает осознаваться ими самими в его подлинном объеме. Разумеется, той отчетливости, какой достигло это осознание у последнего из уицраоров, у первого из них не могло быть. И тем не менее уже к XVI веку идея мировой миссии, христианско-демиургическая по своей природе, но непрерывно искажаемая,

1. Поучительно сравнить, например, с идеальным образом народа французского: la belle France [прекрасная Франция (*фр.*) — *Ред.*] или индийского: Бхáрат-Мáта, Матерь-Индия.

становится высшей санкцией, которой первый демон российского великодержавия оправдывает самого себя и свои универсальные притязания. Это — идея Третьего Рима — амальгама православно-религиозной исключительности, уицраоровской национальной гордыни и свойственных ранним стадиям культуры исторических фантазмов с исходящим от демиурга предчувствием планетарных масштабов будущего и с высокою этическою мечтой, внушаемой Трансмифом христианства.

Но эйцехоре, заключенное в уицраорах, наполняет мало-помалу этот импульс иным содержанием, ставит перед ним иную, внешне схожую, но внутренне противоположную цель. Сущность эйцехоре состоит в непреодолимом для самого обладателя мучительном стремлении — все поглотить в своем самостном «я». В пределе — он хочет быть во вселенной один, всю ее поглотив в себе. Это стремление к идеальной тирании присуще любой демонической монаде, но уицраорам присуще не только это стремление, но и ясное его осознание. Уицраор — внеэтичен. Это не значит, что он обладает иными, нечеловеческими этическими представлениями; это значит, что он вообще лишен возможности созерцать мир под этическим углом.

Третий элемент уицраора, унаследованный им от Дингры, — это бесконтрольность и импульсивность, в той или иной степени свойственная всем стихиалям, но в Лилит и в кароссах доходящая до предела. Отсюда — сила его чувств, неимоверный их накал и, несмотря на всю хитрость Жругра, недостаточность контролирующего ума.

Эфирные ткани русского эгрегора были поглощены демоном государственности. Эгрегор как некое подобие личности, обладавшее подобием сознательности и подобием воли, перестал существовать. Те излучения человеческих психик, которые превращались в его ткань, отныне сделались продуктом питания Жругра. Таким образом, его существование попало в зависимость от непрерывного притока тех эфирных сил, которыми обладает лишь масса конкретных человеческих единиц.

И, как и уицраоры любой метакультуры, для грядущей, уже предвидимой борьбы с демиургом, Синклитом и Соборной Душой он вынужден принимать активнейшее участие в сооружении новой цитадели античеловечества — Друккарга и в создании условий для заселения его расами раруггов и игв. С этих пор интересы Жругра и российского античеловечества начинают совпадать почти полностью, ибо и он, и население Друккарга заинтересованы в шавва́ — питательной росе, поступающей из Энрофа России, и в победах над синклитом и демиургом, и в содержании Навны в плену, в крепости Друккарга, и в грядущем выходе игв в Энроф, и в захвате ими всех трех- и четырехмерных слоев Шаданакара. Обе стороны заинтересованы, разумеется, в ослаблении, а потом завоевании всех других шрастров, других уицраоров, всех других метакультур в целом.

Отсюда и сложный характер государства Московского. Являясь как бы крепостной стеной вокруг российской светлой диады и Дингры, обороняя их от натиска внешних эгрегоров и уицраоров, то есть защищая народ от иноземных порабощений, Жругр и его проекция в Энрофе — держава — выполняют задачу, возложенную на них демиургом. Жругр остается в границах этой

задачи и тогда, когда стремится к расширению державы до естественных географических границ страны или захватывает пустующие пространства, будущую арену жизни и творчества для умножающегося сверхнарода. Но когда этот процесс естественного расширения перерастает в процесс сверхгосударственного распухания, пределом которого мыслятся только границы планетной сферы, — уицраор становится мучителем народа и рабом своего сатанинского ядра. Говоря еще прямее, становится абсолютно послушным орудием Великого Мучителя, пытавшегося уже несколько раз во всемирной истории создать темноэфирный организм, который охватывал бы весь известный тогда земной Энроф ради приближения того дня, когда универсальная тирания создаст предпосылки для появления антихриста. Такими попытками, или, лучше сказать, репетициями, были и Римская империя, и империя Тимура, и папская иерократия, и та империя Филиппа II, в которой «не заходило солнце», и мировые колониальные державы современности.

Естественно, что и в тех случаях, когда уицраор в отношениях к своему собственному народу перестает ограничиваться той долей насилия, без которой невозможно существование никакого государства вообще, и, терзаясь неутолимой алчностью и жгучим желанием абсолютной власти, превращает свое государство в сплошную систему щупалец, всасывающих шавва в бездонное инфрафизическое чрево, — все это оказывается лишь другою стороной его деятельности как орудия Великого Мучителя.

Вампирическая структура, унаследованная от Гагтунгра, придает распухающей плоти уицраора характер упыря, бесчисленными присосками впившегося в народное тело, в его эфирную и астральную ткань. Жругр существует лишь постольку, поскольку ему удается всасывать шавва, то есть излучения людей, связанные с государственным комплексом их психики. Но, поглощая эту шавва, он нуждается в ее постоянном восстановлении и умножении. Прежде всего, ему нужно, чтобы возрастало число единиц, составляющих народ, а затем, чтобы психика этих единиц выделяла наибольшее количество не каких-либо других излучений, а именно излучений государственного комплекса. Интересно, что в некоторые исторические эпохи забота уицраоров об умножении народонаселения страны находит отражение даже в системах законодательства, впрочем, и в другие эпохи эти Молохи великодержавия парадоксальным образом способствуют количественному росту сверхнарода. Вторая же цель — умножение таких человеческих единиц, которые наиболее способны к излучению шавва, — достигается множеством разнообразных, меняющихся от эпохи к эпохе средств воспитания, лучше сказать, душевного калечения, от муштры в казармах до воинственных проповедей в церквах и до вдалбливания в умы детей великодержавного идеала. Но все это — видимое каждому из нас. А невидимое заключается в том, о чем я уже говорил в книге об инфрафизике Шаданакара: во всасывании уицраором некоторых человеческих душ, точнее — астралов во время их физического сна и вбрасывании их в лоно кароссы. Пробуждение застает таких людей уже с наличием в их психике некоторых перемен: несколько ночей спустя акт повторяется, потом еще и еще, пока жертва не превратится в пламенного сторонника и бессознательного раба

великодержавной идеологии. Разумеется, объект всегда воображает при этом, что дошел до нового credo путем беспристрастного и свободного размышления.

Механизму продолжения рода уицраоров, как я уже говорил, мы не нашли бы никаких, даже отдаленных аналогий в мире человеческом. Процесс этот напоминает скорее процесс почкования, причем ничто, аналогичное стороннему оплодотворению, здесь не имеет места.

Как только порождение уицраора отделяется от родительского существа, оно становится для уицраора не столько детищем, сколько быстро возрастающим соперником и потенциальным отцеубийцей. Поэтому всякий уицраор стремится к пожиранию своих порождений. Извечное стремление всякой державной государственности к уничтожению ядер государственности новой, возникающей в стихийности всех тех движений, которые стремятся к смене существующего народоустройства другим, — в сущности, не что иное, как отражение в историческом зеркале этих гнусных сцен, разыгрывающихся на изнанке мира.

Я был бы понят совершенно превратно, если бы кто-нибудь заключил из моих слов, будто дремлющая в человеческом существе тенденция тираническая определяется исключительно бытием уицраоров, а тенденция разрушительная — бытием Велги. Само собой разумеется, эти тенденции существовали бы и проявлялись бы и без них. Но инфрафизические хищники усиливают эти тенденции, пользуются реальными плодами активизации этих тенденций, притягивают и сосредоточивают их вокруг себя и в себе.

Иерархи́я, которой Великий Мучитель уже пользовался в первый период его борьбы со светлыми силами России, Велга, продолжает существовать в Гашшарве, временами взмывая оттуда и приходя в столкновение с уицраором. Он стремится к разбуханию темноэфирного организма государства, она — к разрушению этого организма и всасыванию его тканей в себя. Он — тиранический строитель, она — хищная разрушительница. Насытившись или будучи побежденной, она впадает в полусон в своем двухмерном мире, и ее пульс поддерживается тем, что можно назвать эфирными испарениями человеческой крови, вдыхаемыми ею сквозь сон из пытошных башен, из застенков, с эшафотов, с полей битв. Так длится до тех пор, пока — в плане метаистории — действия уицраора не приведут, против его собственной воли, к ее пробуждению, а в плане историческом — пока тирания великодержавия не вызовет обратной реакции: разнуздания низших инстинктов масс и срывания всех запретов со стихии разрушения.

Окончательной ликвидацией татарского ига при Иоанне III и завоеванием Казани и Астрахани при Иоанне IV завершается тот период жизни Первого Жругра, когда он создавал материально-человеческий сосуд, дающий в Энрофе грани и формы текучевеющей Соборной Душе народа. В этот период, как сказано, ему покровительствовали силы всех иерархий, и эйцехоре еще не определило собой направление его труда, терпеливо дожидаясь своего времени.

Если бы это существо было свободно от эйцехоре, исторически это сказалось бы в том, что российская государственность не переросла бы самое себя, держава не превратилась бы в хищника, терзающего свой собственный и окружающие народы; монархия не выродилась бы в тиранию.

Уточню, какого рода деятели подразумеваются в этой книге под словом «родомыслы». Родомысл есть тот, чья деятельность оказывает решающее и благотворное влияние на народную судьбу и судьбу государства и кто направляется в этой деятельности волей демиурга сверхнарода. Входя после смерти в Синклит метакультуры вместе с праведниками, гениями, героями и всем множеством просветленных душ, родомысл оказывает громадное, от века к веку лишь возрастающее влияние на те стороны исторического бытия, с которыми связана была его деятельность во времена физического существования.

Родомыслами русского Средневековья были Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Мономах, Александр Невский, Минин, Пожарский, Гермоген. В течение некоторого периода своей жизни был родомыслом Дмитрий Донской. Отчасти им был Иоанн III, хотя инспирация уицраора начинала уже в нем заглушать инспирацию Яросвета, и сделанное этим государем оказалось сильно искаженным сравнительно с тем, что он должен был совершить как родомысл, как посланник и друг демиурга.

Родомыслом был призван стать и Иоанн IV.

Страшная трансфизическая судьба Грозного коренится в том, что некоторые свойства натуры сделали его легко доступным бессознательным духовным подменам, а неограниченная власть разнуздала его эмоции, развратила волю, расшатала ум, нанесла непоправимый ущерб его эфирному телу и превратила излучины его индивидуального пути, вернее, падения в цепь несчастий для сверхнарода и в катастрофу для государства.

Проследить и выявить внутреннюю сторону этого процесса, метаисторическую и психологическую, — задача особой монографии. Но всякий, даже и не специалист, заинтересовавшись этой темой, может легко проследить, как совмещались в Иоанне, то сливаясь, то вступая в борьбу, влияния демиурга сверхнарода и воинствующего демона великодержавия; как в 1564 году, во время его странного бегства из Москвы сначала к Троице, потом в Александровскую слободу, уицраор всецело подчинил его личность своим заданиям, и жуткая метаморфоза, происшедшая в государственном творчестве, душевном состоянии и даже во внешнем облике царя, потрясла его окружение. Учреждалась опричнина — то ядро абсолютной тирании, которое, по мысли его создателя, должно было организовать в себе и вокруг себя молодой дворянский класс, послушное орудие новой государственности. Вряд ли можно сомневаться в том, что опричнина мыслилась лишь первым этапом на пути превращения в зону абсолютной тирании всей страны, хотя бы ценой истребления целых классов и того стремительного и ужасающего снижения общего творческого и морального уровня, которое сопутствует всякому тираническому народоустройству.

Так отражалось в нашем трехмерном мире усиление того сооружения в мире демоническом, которое является перевернутым подобием Небесного Кремля и его трансфизическим полюсом и которое сперва закачалось в зеркале истории бесовскою карикатурою на монастырь — Александровской сло-

бодою, а потом начало искажать Московский Кремль, осквернив его застенками, тюрьмами, плахами и богомерзкими оргиями. Это сооружалась и крепла в Друккарге черная цитадель, это создавали чертеж Грядущего великие игвы, это бесновались раругги, томимые жаждою крови и подстегиваемые безнаказанностью; это разнуздывались силы той исподней страны, которая была призвана стать несколько веков спустя средоточием планетарных сил, стремящихся вырвать из-под влияния Мировой Сальватэрры весь круг человечества[1].

Но фатум тирании непреоборим: на известной ступени развития тирания вступает в противоречие уже с интересами государства как суммы личностей. Это значит, что сквозь инспирацию уицраора пробивается другая: воля Велги. И если нетрудно было понять, что в деяниях Иоанна IV, направленных на внешнее укрепление и внутреннее упорядочение государственного устройства, проявлялись перекрещивающиеся инспирации демиурга и демона государственности, а в другой цепи деяний, направленных на превращение державы в единовластную тиранию, инспирация только одного уицраора, — то несколько сложнее другая задача: вдуматься в метаисторический смысл той стороны деятельности царя, которая не укрепляла, а подтачивала это государство. Если же мы вдумаемся, то разглядим, кто утолял инфрафизический голод невиданными ранее потоками гавваха — излучением человеческого страдания на кровавых вакханалиях в Новгороде и Твери, пытками и бесчисленными казнями в Москве; физическим подобием каких бесовских полчищ были отряды черных всадников с собачьими головами у седла и кто подчинил себе ослепшую от ярости душу царя, когда он поразил железным жезлом своего сына, наследника престола, надежду династии.

Тонкую, интимную, глубоко человечную теплоту вносит в жгучий, какой-то раскаленный — если можно так выразиться — образ этого царя одно обстоятельство: веяние идеальной Народной Души, очевидно им переживавшееся в его любви к первой жене — рано, к сожалению, умершей Анастасии. Эту царицу он любил, по замечанию Ключевского, «какой-то особенной чувствительной, не-домостроевской любовью».

Естественно, что и посмертье такого деятеля было столь же катастрофично, как и его жизнь. Нетленная часть его существа была рассечена начетверо. И если шельту, в отношении которого даймон не выполнил своей задачи, он должен был теперь помогать в его необозримо долгом пути искупления, а часть существа, захваченная уицраором, увлеклась в поток темноэфирной крови, мчащейся по тканям демона великодержавия, то четвертая часть, добыча Велги, не могла испытать ничего иного, как распадения на десятки крошечных, похожих на хлопья, бездомных скорлуп, мечущихся в непредставимых для нас пустынях, на изнанке Российской метакультуры.

Таким образом, Иоанн IV являет собой ярчайший пример не столь уж редкого в истории типа *родомысла-тирана*, то есть личности, призванной к

1. Поучительно вспомнить характерный для одной из позднейших эпох взгляд на Иоанна IV, приписывающий его тиранической тенденции и даже самой опричнине некую безусловно прогрессивную роль.

обширной культурно-государственной деятельности демиургом сверхнарода, блистательно вступившей на это поприще и сорвавшейся в пучину инфрафизических слоев с той крутизны, на которую вознес ее демон государственности.

Деятельность Грозного подготовила эпоху Великого Смутного Времени — единственную в своем роде. Ее хроники озарены фантастическими отсветами массовых видений, сверхъестественных вмешательств, демонических вторжений. Если метаисторическое созерцание подготовило нас к пониманию таких свидетельств как выражений массового душевного опыта сверхнарода, мы станем вчитываться в эти исторические события как в шифр, которым написана мрачная поэма всеобщего столкновения иерархий в начале XVII столетия.

КНИГА ВОСЬМАЯ

К МЕТАИСТОРИИ ЦАРСТВА МОСКОВСКОГО

Глава первая
СМЕНА УИЦРАОРОВ

Демиург сверхнарода снимает свое благословение с демона государственности, когда деятельность последнего начинает диктоваться только его черным ядром. В тот же момент в историческом слое лишается демиургической инвольтации и человекоорудие уицраора.

Это — формула. Но формула, в которой все понятия антропоморфизированы, дабы сделать их соизмеримыми с нашими способностями разумения. Так придется делать и впредь. Я не знаю других способов сделать мою тему удобоизлагаемой.

Итак, утрата царем способности к восприятию (или права на восприятие) демиургической инвольтации, превращение его целиком в орудие инфрафизической тирании — вот смысл Александровской слободы, т<о> е<сть> того периода в царствовании Грозного, за которым это прозвание закреплено.

Своеобразие подобных метаисторических и исторических положений заключается в том, что подчинение черному ядру всегда и неизбежно приводит уицраора и его человекоорудие к одновременному столкновению с обоими, взаимно противоположными началами: со светлою диадой сверхнарода и с Дингрою — с одной стороны, с Велгою — с другой. Ибо внутренние силы антикосмоса раздираемы борьбой и противоречиями: его устойчивое равновесие — лишь цель, которую ставит перед собой Гагтунгр, цель, которая могла бы быть осуществлена лишь универсальною тиранией.

Но тирания имеет свою неукоснительную логику. Дробясь в исторической действительности на множество проводников, на тысячи человеческих личностей, с их сложной душевной структурой, тираническая тенденция теряет свою монолитность. Проводники сами вырываются из-под контроля центра, сами начинают терзать тело государства. Было бы наивно думать, будто бы деятельность Грозного приняла формы, опасные для самого государства, лишь в силу случайностей. Такие формы принимает любая тирания; больше того: именно они являются ее признаками. Мы можем проследить этот процесс как во властвовании Калигулы, Нерона или Домициана, так и в эпоху Людовика XI во Франции, при Чингиз-хане на Востоке, при Аурангзебе в Индии, при Гитлере в Германии и т.д.

Вместо укрепления государственного начала, опричнина внесла в общенародную жизнь только смуту, ужас и смятение. И если в произволе, в садистической жестокости, в анархической разнузданности антисоциальных страстей правящего меньшинства вообще проявляется воздействие Велги, то где же искать нам более яркого проявления этих сил, как не именно в опричнине?

Уже никакими деяниями, даже отменой опричнины, поправить это дело Грозный не мог: это был уже не человек, но заживо распадающееся душевное существо, не способное к движению по прямой ни в каком направлении. И когда наконец он в бессмысленном бешенстве умертвил наследника престола, от него и от его деградирующего рода отступился и демон государственности. Неудивительно, что последние годы царствования Грозного являют собой сплошную цепь неудач.

Стало ли ясно демоническому сознанию Жругра, столь от нас далекому, что исторический вариант его собственной тиранической тенденции грозит ему возможностью утерять даже то, что он уже приобрел? Но уицраор может временно отступить; изменить же свою основную тенденцию он не в состоянии, как не в состоянии извергнуть из себя свое эйцехоре. Вырвался из рук Иоанн IV — начинает подготавливаться Иоанн V, тот самый царевич Иван, чьего восшествия на престол с таким унынием и страхом ждали современники. Царевич погибает от руки собственного отца, попытавшись спасти от его вожделений свою молодую беременную жену; ударом колена по животу собственной невестки разъяренный старик довершает убийством своего внука убийство своего сына. Тогда демоническая инвольтация династии Рюриковичей прекращается окончательно, навсегда. Пусть богомольный Федор Иоаннович процарствует как знает: ему все равно долго не жить, да и править будет не он. Нужен новый, молодой, крепкий, здоровый род — род восходящий. Ни одна отрасль разветвившегося древа Рюрика не годится: «вотчинный» тип мышления, удельные предрассудки, олигархические тенденции, дух соперничества, зоологическая приверженность к тому, что было до сих пор, — все это неотъемлемо присуще всем старобоярским фамилиям. Что нужно? Нужен волевой характер истинного государственного мужа. Нужен смелый и в то же время осторожный ум. Нужна свобода от феодально-боярских черт мышления. Нужно непомерное, но умеющее до времени скрываться властолюбие. Нужна, наконец, способность к охвату и пониманию проблем европейского масштаба. Иначе говоря, нужен Борис Годунов.

Препятствия устраняются, дорога расчищается, в умах парализуется определявший до сих пор все принцип знатности происхождения — и, впервые за всю историю России, безродный выскочка возводится на престол.

Нет: слишком поздно.

Мучительно — и за Годунова, и за всю страну — наблюдать, оглянувшись из далекой эпохи, как демон великодержавия пытался загладить результаты собственных деяний; как он стремился вернуть себе помощь демиурга, выдвигая царя Бориса в качестве личности, приемлемой для обеих сторон; как внушались Борису такие мероприятия, такие государственные замыслы, которые могли бы составить славу любому правителю. Наследник престола Федор воспитывался с небывалой заботливостью и дальновидностью; из него явно стремились сделать не только мудрого правителя, но и высоконравственного человека, достойного стать родомыслом, если бы

перемирие с демиургом состоялось. И в то же время тираническая тенденция поминутно прорывалась сквозь эти начинания, то в виде новых волн опал и казней, вызывающих в памяти дни Грозного, то в узаконениях, которые заставляют отнести окончательное установление крепостного права именно к эпохе Бориса.

Когда в трагедии Пушкина царь Борис горестно вглядывается в цепь своих благих государственных начинаний и в их фатальную неудачу, он — по мысли поэта — склонен усматривать причину этого в том моральном законе, который сделал его, убийцу царевича, недостойным венца. Эта аберрация, характерная для тех, кто пытался перенести нормы человеческой морали и наивно нетерпеливое требование возмездия непременно з д е с ь, в этой жизни — на явления большого масштаба, коренящиеся в метаистории. Разве мы не знаем множества случаев, когда неизмеримо большие преступления оставались безнаказанными для носителей власти, точнее — не наказанными здесь, на обозримом для всех этапе их необозримо длительного духовного пути? Разве Тимур, Генрих VIII, Людовик XIV, Сталин — все эти властители, умершие естественной смертью, в преклонном возрасте, на вершине могущества, были в состоянии хотя бы просто п о н я т ь, почему и чем терзает себя пушкинский Борис? — Дело, конечно, в другом. А именно в том, что уже никакой деятель, выдвинутый уицраором, не получит санкции высших иерархий; в том, что уицраор оставлен один на один с последствиями своей тиранической попытки при Иоанне.

Подобно тому как Ньютон, при всей своей гениальности, не мог в XVII веке «подняться» до идей теории относительности, не смог и Пушкин превысить уровня исторического опыта и метаисторического сознания, свойственных XIX столетию. Гениальность его сказалась в том уже, что он интуитивно ощутил *этическую природу* конфликта между замыслом Бориса и довлевшей над ним *неблагословенностью*. Не приходится удивляться тому, что великий поэт, творивший сто тридцать лет назад, объяснял этот конфликт элементарным нарушением царем нравственного закона.

Всякий знает, к чему привело то, что Годуновы были предоставлены собственным силам. И вероятно, никто, знакомясь с историей Смутного времени, не может остаться безучастным к гибели молодого царя Федора Борисовича. Обладавший такой душевной чистотой и благородством, так заботливо воспитанный в ожидании предстоящих задач царствования, такой мужественный и добрый, он гибнет «за грехи отца» шестнадцатилетним мальчиком, едва взойдя по тронным ступеням, и гибнет к тому же такой ужасной смертью, что молодой богатырь л и ш и л с я с о з н а н и я о т б о л и, этим дав наконец возможность своим убийцам довести их дело до конца. Только гибнет он «за грехи» не одного Бориса, но и за грехи четырех Иоаннов, трех Василиев, Дмитрия, Симеона и т.д. — всех, сплетавших ту карму престола, которую теперь этот мальчик понес. Он гибнет оттого, что в эту эпоху демиург отвергал все, даже благое, если оно исходило от уицраора или использовалось этим последним для себя. Но ясно и другое: прекрасная человеческая природа и легкая *личная* карма Федора II ограждали его от посмертной кармической связи с уицраором и его судьбой; связь эта исчерпалась его мученической кончиной. Все благое, проявленное человеком, будь оно даже в своей непосредственности отвергнуто демиургом, не может не дать плодов в духовном посмертии личности. Через положенный ему предел страдания Федор прошел в свой смертный час. Дальше ему предстояло собирать прекрасные плоды посеянного при жизни и вместо ноши царствования в Москве, к достойному несению которой он был совершенно готов, принять бремя и радость соответствующего пути в Святой России.

Опережая ход событий, обращу внимание на судьбу другого деятеля той эпохи, внешне не схожую с судьбой Федора II почти ни в одной черте, но близкую ей по метаисторическому смыслу: судьбу Михаила Скопина-Шуйского. Это Первый Жругр пытался в последний раз вдвинуть в историю своего проводника, избрав для того счастливого полководца, доблестного государственного мужа, высоконравственного человека, народного героя. Но короткая цепь блестящих побед Скопина оборвалась катастрофически в тот момент, когда умиротворение государства казалось уже вопросом самого близкого будущего: на пиру у другого Шуйского, бесталанного честолюбца, мнившего занять престол после бездетного Василия IV, Скопину был поднесен красавицей хозяйкой кубок с отравленным вином.

Смерть Скопина вызвала взрыв народного горя, небывалый со времен смерти Невского. Столица, города, села, монастыри огласились рыданиями. Порыв скорби объединил все слои Москвы от патриарха и бояр до городской черни. Царь Василий упал подле своего тронного кресла, раздирая в отчаянии волосы и одежду. Даже командир шведских наемников, лютеранин, преклонил колени перед гробом героя, и грубое лицо его было мокро от слез. Казалось бы: в чем, как не в этом всеобщем горе, искать доказательство того, что Скопин был ведом демиургом сверхнарода, что ему предстояло стать родомыслом, спасителем страны и ее государственности в столь суровый час? Но, повторяю, не всегда и не все светлые движения народного духа бывают вызваны этою иерархией. Если бы зрение демиурга не было зорче, чем зрение народной массы и ее вождей, если бы его мудрость уже далеко не превзошла человеческую, он не был бы демиургом сверхнарода. Нечто, невидимое народу, но известное ему, принуждало его удерживать руку от благословения Скопина, от укрепления судьбы этого героя щитом своей санкции. Последним криком уицраора о помощи — вот чем было выдвижение Скопина: этим он отрекался еще раз перед Яросветом от своих тиранических притязаний, от своего прошлого, по крайней мере, теперь, на время. Повторялось, по существу, то же, что произошло с Федором II.

В зрелищах, подобных картине всенародного горя в час смерти Скопина, для метаисторического созерцания заключен источник благоговейного чувства, схожего, как ни странно, с просветляющей радостью. Беспросветность чужда метаисторическому мировоззрению. Метаисторику не приходится сомневаться в том, что великая народная любовь и деяния, ее вызвавшие, не подлежат закону уничтожения, если деяния были светлы и любовь оправдана. Герою, прошедшему через смертный час, тем самым открываются новые и новые пути творческого воздействия на исторический слой, сверху вниз. Деяния Скопина не были при его жизни приняты Яросветом. Но высо-

кий замысел этих деяний не мог не вызвать своих плодов, и ко вступлению его души в Синклит метакультуры препятствий больше не было. И какими границами можно очертить, на каких весах взвесить, какими понятиями определить значение духовно-творческого вклада в дело спасения России, в ее метаисторическое строительство, который был совершен Скопиным — да может быть, совершается и теперь, — равно как и героями предшествовавших эпох в их запредельном бытии?

Но, подготовленная внутренней метаисторией России, Великая Смута осложнилась, как известно, тем, что на западе, у самых границ и даже частично на русской земле, сформировалось государство Польско-Литовское: такое же молодое, как сама Россия, и также вступившее на путь воинственного расширения.

В связи с излагаемой концепцией это государство понуждает заговорить о нем лишь один раз, именно теперь. Разумеется, какие-либо соображения по поводу столь обширной и сложной темы, как метаистория Польши, были бы здесь неуместны; да я и не имею на них никакого права. Совершенно необходимо лишь одно: указать на существование под государственностью этой страны в ту эпоху некоего инфрафизического существа, которое я решаюсь назвать, не вдаваясь в детализацию, уицраором Польши. Сложные отношения, связывавшие это молодое и слабое, но уже обуреваемое претензиями существо с воинствующим демоном папства, способствовали кристаллизации в польских правящих кругах определенного умонастроения. Оно сводилось к весьма эмоциональной идее создания сильной державы на восточной окраине католической цивилизации за счет и против России. Как идеал рисовалась возможность искоренения в России православной культуры, подпадение этой страны под власть польской государственности и включение русских как малой и отсталой нации в число сателлитов Романо-католического сверхнарода.

В поисках человеческой личности, способной стать его временным орудием, уицраор Польши обнаружил в Энрофе существо, еще совершенно безвестное, но глубоко убежденное в своих правах на российский престол и готовое ради достижения этой цели на союз хотя бы с самим чертом.

Способствовать уяснению вопроса о происхождении и настоящем имени этого человека метаисторическое созерцание, само собой разумеется, не может. Оно может в данном случае привести лишь к одному: *к обнаружению в существе незнакомца некоего компонента*, который обладал незыблемой уверенностью в своей органической связи с ранее царствовавшей в России династией, в своих правах на занятый узурпатором трон и в долге мщения этому узурпатору.

Железная непоколебимость, чтобы не сказать — маниакальность этой идеи, находится в поражающем противоречии с человеческим характером Лжедмитрия — непостоянным, беззаботным и ветреным. Этот человек мог впадать в малодушное отчаяние и приходить в безосновательный восторг. Мог строить легкомысленнейшие планы и беззаветно отдаваться, забывая все, чувственным влечениям. Он был способен поставить под угрозу срыва свой замысел ради страсти к миловидной полячке, чтобы назавтра ей изменить с приглянувшейся ему Ксенией Годуновой. Самого себя он представлял

с равною легкостью то в короне императора (не царя только, а именно императора), то в рубище изгнанника. Но идея — не идея даже, а иррациональное чувство своего права на престол, своей царственности не померкло в нем никогда. Потрясающее впечатление производит последняя минута его жизни, когда он, простертый на кремлевских камнях, с разбитою грудной клеткой и сломанной ногой, видел над собой обнаженные мечи и разъяренные лица преследователей. Именно о праве на престол, и только об этом, пролепетал, почти уже бессвязно, его костенеющий язык.

Подобная двойственность существа естественна при наличии в нем некоего инородного «я»; двойственность эта может не осознаваться ее носителем (для осознания ее требуются некоторые, не часто встречающиеся особенности), но уже само пассивное наличие этого инородного компонента ведет к катастрофической декоординации между жизненной целью человека и его характером, между его данными и его поведением. С незнакомцем, известным под именем Лжедмитрия I, случилось именно это. В его личность с ранних лет, может быть почти с рождения, вкралась и там угнездилась одна из множества бесприютно мечущихся скорлуп, ищущих пристанища в живых существах, — тех скорлуп, тех клочьев, на которые распалась часть существа Грозного, ставшая добычей Велги. Чтобы не повторять каждый раз, как я заговорю о них, многословных описаний, я буду впредь применять к этим обрывкам личности термин «микро-эго».

Уверенность в своей идентичности убитому царевичу была, очевидно, лишь индивидуальной аберрацией сознания этого человека, естественной для элементарного склада его натуры, чуждой всякому мистицизму и склонности к самоанализу. Иррациональное чувство своей царственности требовало рассудочного обоснования, оправдания. И невозможно было бы найти обоснование, более правдоподобное, чем то, которое было сначала подсказано рассудком, а потом слилось с основною идеей.

Таким образом, из ряда вон выходящая судьба Лжедмитрия определилась (поскольку она вообще определялась причинами внутренними) двумя факторами: обрывком существа погибшего родомысла-тирана — и собственным складом характера незнакомца. Эта несгармонированность и породила действия, не только не приведенные в соответствие с основной целью, но и фатальным образом ей противоречившие.

В длинном ряду странных — странных именно своей элементарностью — ошибок незнакомца две особенно бросаются в глаза. Одна заключалась, конечно, в тех отношениях, которыми он связал себя с Мариной, женщиной весьма хитрой, но начисто лишенной государственного смысла. Известно, что именно Марина оказалась одним из главных возбудителей конфликта между Лжедмитрием и московским обществом; именно с ней и за ней шляхта притащила в Москву навыки безалаберного государственного быта Польши, всю его анархию, произвол, все его воинствующее чванство. Другая же ошибка Лжедмитрия состояла в полном непонимании им своего положения в Москве и в целой цепочке его промахов во время царствования. Эти промахи в поведении (начиная с помилования Шуйского после раскрытия первого заговора и кончая демонстративным пренебрежением всеми

традициями и навыками московского уклада) подливали масло в огонь конфликта до тех пор, пока не привели к катастрофе. Они показывают лишний раз, как чужеродна была для этой беспечной и, в сущности, добродушной натуры завладевшая ею жизненная идея.

Метаисторической инстанцией, наиболее активно проявлявшейся тогда в силах московского общества, оставался, кроме Велги, ослабевший демон великодержавной государственности. Он был еще жив, и ничего, кроме смертельной схватки между двумя уицраорами, не могло произойти в итоге воцарения Лжедмитрия. Для того чтобы, напрягая силы, погубить врага в своем географическом средоточии, в Кремле, куда силы уицраора Польши едва могли дотянуться, Жругр был еще достаточно активен. Главное же — сама Велга больше не нуждалась в своем орудии: расшатав центральную власть в государстве, вмешав в жизнь страны чужеземные силы, потряся своим самозванством все привычные нормы и авторитеты в целом поколении русских, незнакомец отыграл свою роль.

Рассуждения о том, что некоторыми свойствами своего ума Лжедмитрий стоял выше московского общества того времени, и о том, что если бы не стечение обстоятельств, определивших удачу государственного переворота в мае 1606 года, царь мог бы достойно продолжать наиболее прогрессивные начинания своих предшественников — с метаисторической точки зрения лишены смысла. Каковы бы ни были его субъективные намерения, Лжедмитрий оставался пришлецом, лишенным органических связей с русской культурой и государственностью. Он не поддерживался на своем шатком троне ни иерархиями сверхнарода, ни демоном великодержавия, ни даже той инфрафизической хищницей, чьи силы помогали ему ранее в борьбе за власть. Неполный год — самый естественный срок для царствования подобного фантома.

Когда перед метаисториком предстает такой ряд вопросов, как свидетельства современников о различных темных чудесах над растерзанным и поруганным телом самозванца, его не интересует, имели ли место в действительности подобные факты так, как они описываются. Как искаженно ни преломлялись бы факты в стиле наивной фантастики магически-религиозным сознанием эпохи, сами по себе — и даже именно так, как они описываются современниками — они говорят о некотором метаисторическом опыте, пережитом в ту эпоху не единицами, а огромными человеческими множествами и засвидетельствованном разнообразными авторами. Сквозь эти образы проступает жгучее ощущение близости буйствующих потусторонних сил, игралищем которых был незнакомец. Какие сонмища ликовали над его трупом на Красной площади в эту апокалиптическую ночь — какие и почему?

Уицраор не принял в свою материальную ткань ни единой частицы погибшего: не властный над бессмертной частью его существа, стремительно падавшей на Дно Шаданакара, он остальное рассек на множество частей и разметал их по слоям от Скривнуса до Друккарга. Новое минутное человекоорудие демона точно воспроизвело в Энрофе этот акт над тем, над чем имело власть: над физическими останками незнакомца. И пушка, заряженная пеплом Лжедмитрия, выстрелила в сторону польского рубежа. Но этот акт ненависти и мести оказался самоубийственным.

Конечно, не только на уровне XVII, но и на уровне XX века нелегко бывает принять некоторые вещи. Абсурдом, бредом могут показаться мысли о том, что, например, одно из микро-эго Грозного, вселившись в существо незнакомца, отравило весь его душевный состав и в то же время, подобно некоторым микроорганизмам в питательной среде, вступило в процесс распухания; о том, что посмертье незнакомца явило собой устрашающий пример распыления этого существа не только в физическом, но и в инфрафизическом пространстве и о том, наконец, что каждая из этих частиц начала новый цикл существования, присасываясь паразитически к душам живых и порождая такие исторические явления, каких не знают другие эпохи. В продолжение десяти лет они дробятся и множатся в своеобразной прогрессии, стремительно мельчая в смысле масштаба личности и размаха действия. Наконец дело доходит уже до совершенно призрачных образований, о которых истории известны только их клички. Дальнейший процесс дробления скрывается из наших глаз за гранью обозримых слоев инфрафизики.

Разумеется, загробная судьба шельта Лжедмитрия, который проявил себя при жизни не только азартной игрой интересами народа и государства, но и рядом великодушных деяний и всем тонусом личности, вполне доступной, по-видимому, движению восходящему, — посмертье этого шельта не могло быть идентично посмертью присосавшегося к нему микро-эго. Но, каковы бы ни были некоторые личные качества этого человека, его историческая роль — расшатывание общественных и нравственных устоев России — объективно была осуществлением его темной миссии. Ближайшие же этапы посмертия у всех носителей темных миссий — одни и те же: падение на Дно. Лишь веками пребывания там искупаются темные миссии, после чего — если Гагтунгр не затянет злосчастный шельт опять в Гашшарву — для шельта начинается новый этап: искупление в шрастре того кармического груза, который был создан личностью во время ее пребывания на земле в качестве главы и укрепителя государства. Вот почему самозванец пребывает теперь в Друккарге, трудясь рабом-камненосцем в ряду других узников-владык.

А тем временем вокруг каждой частицы дробящегося микро-эго Грозного возникают темноэфирные завихрения, взмывают волнами движения казачества, служилого дворянства, разоряемого крестьянства, деклассированного сброда, голытьбы. Наступает период, когда если и можно говорить о чьей-либо власти над страной, так только о власти Велги.

Ее пробуждение и выход из Гашшарвы в шрастр метакультуры, воронкообразные завитки ее свищущих покрывал, лиловых и черных, помавающих над сверхнародом, происходят всякий раз, как слабеет мощь государственного демона. Тем больше оснований для ее обнаружения в тех случаях, когда тираническая тенденция уицраоров и их насилия над миллионами человеческих судеб вызывают обесценение жизней и обнажение человеческого тла. Не «боги жаждут», но жаждет великая трансфизическая хищница — можно было бы сказать о таких эпохах.

Она поднялась из своих глубин, предшествуемая и сопровождаемая теми самыми бесовскими полчищами, которые потусторонний опыт народа запечатлел в бесчисленных фантастических рассказах того времени.

Иногда может показаться, что ее неистовства напоминают древние оргии кароссы: то же буйство разнуздавшейся стихии, те же всплески удали и омуты похоти; и порою действительно не сразу различишь исторические проекции обоих начал. Но это — лишь кажущееся сходство, лишь результат переплетения этих начал в смертельной схватке, ибо великая Разрушительница угрожает именно Ваятельнице плоти народа прежде всего. Импульс разрушения и осквернения, разгул центробежных антигосударственных сил, перекатывающиеся волны гражданских войн, борьба всех против всех, втягивание чужеземных разрушительных сил в общую воронку всенародного хаоса, столкновение мельчайших дифференцированных частиц — такова историческая проекция запредельных деяний Велги, втягивающей по частям живую материальную субстанцию народа, его арунгвильту-прану, в расщелины инфрафизики.

Этот хаос забушевал на поверхности истории еще при Василии Шуйском. Его царствование — это предсмертные конвульсии первого уицраора; это судорожные, уже почти слепые взмахи его щупалец, метание его головы на непредставимо длинной шее, содрогание его тела, заживо раздираемого врагами.

Печатью бесславия, неполноценности, непоправимого духовного ущерба отмечено это царствование с начала и до конца: провозгласила Шуйского царем, как известно, стихийно собравшаяся на площади толпа, а четыре года спустя этого царя, хватавшегося за дверные косяки, выволакивали из дворца и постригали в монахи, держа его за руки и подавая вслух, вместо него, те реплики, какие требовались по чину пострижения. Отражая безмерное унижение уицраора, зеркало исторического плана показывает нам ошеломляющий заключительный эпизод: дряхлого Шуйского в польском плену, целующего в Кракове, на глазах всего двора и шляхты, руку Сигизмунда. Подобного унижения русская государственность не испытывала со времен поездок князей к золотоордынскому хану.

Что же означает ничтожная личность Василия IV? Что означает именно ее ничтожество? Очевидно, инвольтирующие силы демона великодержавия стремительно истощались; впрочем, другого процесса трудно было и ожидать после разрыва с демиургом. Положение, видимо, было таково, что приходилось, если можно так выразиться, хвататься за любого политического деятеля, который обладал бы хоть двумя свойствами: органической связанностью со старым государственным началом — и жаждою власти.

Это было горестное царствование, когда Жругр мог видеть, как отпочковываются от него его детища, и каждое из них могло и хотело пожрать его самого и занять его место. Они воплощались в те ядра новой государственности, которые кажутся историкам возникающими в хаотической стихийности революционных движений. Для борьбы уже не хватало сил, приходилось звать на помощь то поляков, то шведов, показывая иностранцам путь в самое сердце страны. В руках Москвы оставался лишь небольшой клочок этого недавно столь обширного государства. После смерти Скопина и низложения царя Василия часы жизни Первого Жругра были сочтены. Он умер в тот метаисторический момент, которому в историческом слое соответствовало междуцарствие.

Порождения Жругра извивались кругом, борясь друг с другом и спеша уплотнить свои темноэфирные ткани, — разнохарактерные скопления, в большинстве имевшие облик ратей, ополчений, дружин, иногда даже разбойничьих шаек. Вероятно, то, что я намереваюсь сказать, покажется не вполне понятным, но обойти этот факт невозможно: будущий уицраор должен был поглотить сердце своего предшественника и отца, средоточие круга его чувств и его воли, бесприютно носившееся в состоянии невыразимого томления по пространствам Кратра — того слоя, где происходят битвы уицраоров, — после того, как его демонический шельт опустился в глубокий Уппум, мир, называемый Дождем Вечной Тоски. Схваткам и взаимоистреблению жругритов и неистовствам Велги не представлялось конца. Дингра изнемогала в борьбе с инфрафизическими хищниками. Сосуд народоустройства был разбит, Навна сияющим туманом поднималась вверх, а снизу вздымались, преграждая ей спуск в народ, волны инфрафизической стихии. Ставился вопрос о метаисторическом и материальном бытии сверхнарода.

А между тем уицраор Польши предпринимал новый натиск.

К великому счастью для России, этот уицраор, чей характер столь исчерпывающе отразился в бестолковой государственности шляхетской Польши, был, если позволительно так выразиться, сам себе враг: не желая ничего поставить выше своего минутного произвола, он не сумел обеспечить своему человекоорудию возможности практически осуществить уицраориальную инвольтацию; он не сумел даже выбрать своим орудием человека, чьи индивидуальные особенности отвечали бы поставленным задачам. Если бы во главе движения оказалась личность более волевая и дальнозоркая, с более ясным умом, чем Сигизмунд III, события повернулись бы иначе, на московском престоле очутилась бы польская династия, и трудно угадать, какие новые исторические потрясения это повлекло бы за собой.

И все же судьба уицраора Польши продолжала двигаться по восходящей. Поляки владели сердцем России — Кремлем, а вокруг все еще клокотала страна, казавшаяся обезглавленной, и все-таки живая.

Что уяснил страшный опыт этой апокалиптической эпохи самому Яросвету? Даже не дерзко — лишь наивно было бы пытаться осмыслить этот опыт нам, с нашим трехмерным сознанием. Но тот эквивалент, который в это сознание проецируется, неизбежно упрощаясь, приобретает вид приблизительно вот какого хода идей.

Для осуществления цели Яросвета на земле, для рождения от него Соборной Душою сверхнарода Звенты-Свентаны сверхнарод должен дорасти до создания достойного материального вместилища; таким вместилищем может быть лишь народоустройство, неизмеримо более совершенное, чем какое бы то ни было государство. Всякий уицраор российского сверхнарода будет нести в себе искажающее и гибельное эйцехоре. Так. Но кто, кроме могучих Жругров, мог бы охранить сверхнарод от порабощения уицраорами других держав, его окружающих? Кто мог бы обеспечить кароссе Дингре воспроизведение новых и новых поколений людей в России? Кто мог бы оградить Навну от опасности пленения чужими уицраорами либо от ее развоплощения, ее возвращения в небесный Рангарайдр, но не в качестве выполнив-

шего свою задачу великого соборного Я, а лишь как монады, потерпевшей непоправимое крушение в Шаданакаре и вынужденной начинать свое творческое восхождение сызнова, в непредставимых временах, пространствах и формах? Пути к грядущему всемирному Братству пребывали укрытыми непроницаемой мглой. Но чтобы отвратить от сверхнарода опасность, нависшую над ним теперь, чтобы обеспечить его дальнейшее физическое существование, оставалось одно: остановить свой выбор на одном из порождений первого уицраора, влить в него силы, благословить на бой с внешним врагом и на века существования в грядущем как великого государства, как единственно возможного пока ограждения Соборной Души.

И выбор был сделан. Потенциальным носителем наиболее здорового ядра народоустройства, самым полноценным пластом нации оказывался средний класс: ремесленники, купцы, мелкое духовенство. Там еще сохранились старинные нравственные устои, способность к подвигу и самоотречению, воля к строительству жизни и к творчеству, душевная цельность, чистота.

Через великого родомысла Смутного времени — патриарха Гермогена — обратился демиург сверхнарода к коренным его слоям. Гермоген мученической смертью оплатил брошенный им призыв, но призыв подхватил родомысл Минин. Золото и серебро, лившееся в молодое ополчение, усиливавшее его и умножавшее, становилось физическим подобием тех высших сил, которые вливались в нового уицраора от стоявших выше его источников светлой воли и власти: Яросвета и Синклита России. Наступила пора могучего излияния в исторический слой воли второго демона государственности и самого демиурга, излияния, охватывавшего все более широкие слои народа, превращавшего дворянство, купечество, духовенство, казачество и крестьян в участников подвига и ведущего ополчение к Москве под водительством родомысла Пожарского для завершения кровавой всероссийской драмы: смены уицраоров.

Когда Велга, в стенах подземного Друккарга раненная новым Жругром, уползла, извиваясь, как поникшие и разорванные черные покрывала, в свою Гашшарву, а уицраор Польши втянулся в пределы своей страны, зализывая раны, зиявшие на месте отрубленных щупальцев, — новый Жругр поглотил сердце первого, и новая династия, венчаемая Яросветом и силами христианского мифа, приступила к труду над новым историческим народоустройством России.

Глава вторая
ЭГРЕГОР ПРАВОСЛАВИЯ И ИНФРАФИЗИЧЕСКИЙ СТРАХ

Вряд ли хоть один добросовестный исследователь стал бы отрицать горький для нашего национального самолюбия факт: отсутствие в допетровской Руси каких-либо памятников, свидетельствующих о плодотворной работе анализирующей и широко обобщающей мысли. Ни к русским летописцам, ни к церковным поэтам и писателям XII–XVI веков, ни даже к Иоанну Грозному, проявившему в письмах к Курбскому незаурядный умственный темперамент, мы, строго говоря, не могли бы применить термин «мыслители».

В сущности, это естественно. На ранних исторических стадиях какого бы то ни было народа не бывает и не может быть иначе. Если что и может уязвить наше самолюбие, так это чрезмерно затянувшийся — больше чем на восемьсот лет, — период культурного детства.

Естественно и другое: необычайная цельность характера и, я бы сказал, недифференцированность душевной жизни, свойственная людям тех эпох. Русские характеры XI или XVI века, будь то Александр Невский или Иван Калита, Святополк Окаянный или Малюта Скуратов, Стефан Пермский или Нил Сорский, Андрей Рублев или автор «Слова о полку Игореве» (поскольку можно судить о его личности по его произведению) — кажутся нам фигурами, высеченными из цельного камня. По-видимому, единственный тип внутреннего конфликта, хорошо знакомый этим людям, состоял в *угрызениях совести*, но и для него был найден катарсис руководительницей душ, церковью: покаяние и, как крайняя форма, — постриг.

Это естественно потому, что вплоть до второй половины XVI столетия исторический опыт не сталкивал русское сознание с неразрешимыми противоречиями мысли и духа, не давал повода заглянуть в пропасть этического или религиозного дуализма. Борьба с татарами была борьбой с конкретным, открытым, ясно очерченным, общенациональным врагом: такая борьба могла только способствовать выработке цельного и крепкого, как кремень, характера. Столкновение же христианского мифа с праросианством вряд ли даже осознавалось как глубокий духовный конфликт современниками Юрия Долгорукого или Василия Темного. Скорее, это был род синкретизма — устойчивое, не вполне отчетливо осознанное бытовое двоеверие, которое не разделялось только немногочисленной крайней общественной группой: монашеством.

Первой историческою фигурой, возвещавшей переход на другую ступень, был Грозный; понятно, что такая фигура, будучи вознесенной на предельную высоту государственной власти, так сказать, напоказ всему народу, не могла не произвести на современников впечатления ошеломляющего, ужасающего и даже, пожалуй, обескураживающего. Но за Грозным последовала Великая Смута со всею обнаженностью столкновения метаисторических сил — Смута, втянувшая в свой апокалипсис все пласты сверхнарода. Годы эти стали рубежом в развитии русского сознания.

В результате метаисторического опыта этих лет в широких народных слоях сложилось некое общее умонастроение, то самое, которое, в логическом своем развитии, привело к великому церковному расколу.

Жестокая травмированность народной психики бедствиями Смуты и их трансфизической подосновой могла быть изжита лишь со сменой нескольких поколений. Слишком явным и жгучим было дыхание антикосмоса, опалившее современников Грозного и Лжедмитрия. Впервые в своей истории народ пережил близость гибели, угрожавшей не от руки открытого, для всех явного внешнего врага, как татары, а от непонятных сил, таящихся в нем самом и открывающих врата врагу внешнему, — сил иррациональных, таинственных и тем более устрашающих. Россия впервые ощутила, какими безднами окружено не только физическое, но и душевное ее существование. Неслыханные преступ-

ления, безнаказанно совершавшиеся главами государства, их душевные трагедии, выносимые напоказ всем, конфликты их совести, их безумный ужас перед загробным возмездием, эфемерность царского величия, непрочность всех начинаний, на которых не чувствовалось благословения свыше, массовые видения светлых и темных воинств, борющихся между собой за что-то самое священное, самое коренное, самое неприкосновенное в народе, может быть, за какую-то его божественную сущность — такова была атмосфера страны от детства Грозного до детства Петра. Острая настороженность, недоверчивость, подозрительность ко всему новому, непроверенному были в ту пору естественны и закономерны. Для того чтобы оказаться способным воспринять и примириться с таким культурным переворотом, как переворот Петра, народ должен был отойти от Смутного времени на целое столетие.

Да: без проявившейся слишком рано и слишком бурно тиранической тенденции первого уицраора преобразования Петра оказались бы внутренне возможными на столетие раньше. Мне лично кажется даже, что светлая миссия Иоанна IV, лишь малую часть которой он сумел осуществить, заключалась в подготовке, в создании условий именно для широких реформ, направленных ко внутреннему сближению с другими христианскими культурами. Но дело в том, что России не только не требовалось в этот период спешить с выходом на Запад, но именно заторможенность ее исторического движения в XVI–XVII веках могла иметь также и провиденциальный смысл. Если бы переворот петровской направленности был произведен еще в XVI столетии (а при единовластии московских государей начиная с Грозного это могло бы произойти, окажись на престоле легитимный государь типа и масштаба Петра), то переворот этот мог бы жестоко исказить намечавшиеся метаисторические — и исторические — пути России. Народ был еще слишком наивен духовно, слишком ослаблен душевно татарским игом, слишком не закален в борьбе с инфрафизическими соблазнами. Европеизм, который хлынул бы внутрь российской культурной зоны, мог бы затопить очаги национально-русской духовности, задушить под наносным илом чужеземной, более высокой материальной цивилизации слабые ростки самобытной русской культуры. Нужно было дать им окрепнуть, нужно было провести страну через горнило сатанинских искушений — поскольку они неизбежны все равно, — но заставить при этом искушающие силы ограничиться такими искушениями, с какими народ в состоянии был справиться, а не с такими, как соблазны высокоинтеллектуального и этически низкого католицизма эпохи инквизиции — с одной стороны, или как соблазны безрелигиозной эры, в которую уже готовилась вступить Западная Европа — с другой стороны. Россия предназначалась для единственной и неповторимой роли, миссия мирового масштаба подготавливалась внутри нее и над ней. И осуществление этой миссии было бы заранее обречено, если бы неокрепшая культура, духовно незакаленный народ, неподготовленная страна оказались бы втянутыми в орбиту более зрелых метакультур Запада, то есть превратились бы в одну из многих наций Католической или Северо-западной культуры.

Демиурги сверхнародов не есть высшая метаисторическая инстанция. Есть иные. Есть Гридруттва, Белый Чертог, где просветленные, поднимаясь

из затомисов в Синклит Мира, совместно творят духовный план общечеловеческого восхождения; есть Синклит Человечества, есть Элита Шаданакара, есть Мировая Сальватэрра. Бездонно глубокие замыслы этих инстанций приоткрываются хотя бы частично лишь по прошествии веков. Тогда начинает просвечивать *второй*, глубиннейший слой телеологии, только зыбкими, частичными отражениями которого становятся телеологические планы всех демиургов человечества — создания духов великих, но все-таки ограниченных, планы несовершенные или слишком узкие при всем своем великолепии, не все предучитывающие, не обо всем помыслившие, не все охватившие.

Итак, Великая Смута вывела народ из состояния детства. Она дала ему метаисторический опыт, который обогатил его. Но усвоение этого опыта потребовало длительного времени; вполне он не усвоен, как видно, и до сих пор. Семнадцатый же век целиком стоит под знаком этого усвоения, этого перехода от отрочества к юности. Под знаком этого усвоения — и вместе с тем под знаком некоего нового фактора, усложнявшего процесс и придававшего ему своеобразнейшие формы.

Всемирной метаистории хорошо известны случаи, когда воинствующие эгрегоры возникали и над религиозными общинами. Бурно проявляющаяся тенденция завоевательная и тем более вампирическая, если они плотно слились с самим религиозно-общинным мировоззрением, оказываются лучшими свидетельствами сильного религиозного эгрегора, активно демонизируемого Гагтунгром и превращающегося из простой неизбежной помехи Провиденциальному процессу метаистории в деятельного и сознательного врага его. Достаточно вызвать в памяти историю иудаизма или кровавую экспансию раннего ислама.

Мы уже говорили об огромном и притом счастливейшем значении для России, которое заключалось в персональном решении князя Владимира Святого относительно государственного вероисповедания. Теперь же необходимо вспомнить, что Владимиром было привлечено на Русь именно то вероисповедание, которое, по своей почти тысячелетней традиции, по обстоятельствам своего формирования в культурных центрах Византии у самого императорского трона, осталось чуждым крайней теократической тенденции. Сравнительно с эгрегорами ислама или кальвинизма, а тем более — с чудовищами, возникшими за спиной иудаизма и папства, эгрегор русского православия был косным, аморфным, неагрессивным, слабым. Церковь издавна заняла позицию духовной союзницы государства, позднее из союзницы превратилась в помощницу, потом в слугу, а при Третьем Жругре — в рабу и только раз попробовала заявить претензию на верховную общегосударственную роль. Сколь ни печально с религиозно-культурной, а тем более с конфессионально-православной точки зрения это нисхождение церкви по ступеням подчинения государству, все же это — меньшее из двух зол, если сопоставить его с противоположной крайностью.

Темноэфирный эгрегор окреп над русской православной церковью на почве того психологического климата, который сложился в стране в результате борьбы с татарами и установлением национально-воинствующего самодержавия. Эгрегор образовывался из тех излучений причастного церкви людско-

го множества, какие вносились любой душой, не достигшей праведности и примешивавшей к излучениям благоговения, умиления и любви излучения так называемого «житейского попечения». Роковым образом способствовали росту эгрегора и особенности средневекового полумагического благочестия, заставлявшего верующих делать огромные вклады в монастыри на помин души, князей — жаловать монастырям колоссальные угодья, а самих монахов — принимать все это как должное. Непомерное обогащение монастырей, обмирщение иночества и вообще духовенства было весьма благодатной почвой для темноэфирного нароста на организме церкви. У подножия ее соборной метаэфирной вершины сгущался этот мглистый клуб, этот волнующийся туман, своим слепым эквивалентом сознания отождествляя себя, очевидно, с самой церковью. Угроза его разбухания представлялась как бы возникновением невидимой преграды между душою верующего и трансфизической сущностью церкви, к которой эта душа устремлялась. Поэтому, сколь смутно ни ощущал бы верующий природу этой опасности, она должна была рисоваться ему еще более грозной, чем вампирическая тенденция Жругров.

Церковь, конечно, не оставалась равнодушной к этому угрожающему явлению; и историческим выражением двух основных боровшихся в ней тенденций — эгрегориальной и Провиденциальной — явилось в XVI веке столкновение сторонников и противников крупного монастырского землевладения, ярчайшими представителями обоих течений [были] — Нил Сорский и Иосиф Волоцкий, а открытой формой и ареной борьбы — Собор 1503 года и горячая литературная полемика. Показательно при этом, что вождем противников землевладения оказался именно Нил Сорский, человек с тончайшей душевной организацией, истинный поэт скитского жития, носитель настоящей святости, в полном смысле слова — сосуд духовности. Не волнение «исторического чувства», которого Нил Сорский, как и все почти православные подвижники, был лишен, а глубокая *трансфизическая* тревога за церковь вывела его из скитского уединения и подвигла на борьбу с иосифлянами. Но, хотя церковь впоследствии причислила его к лику святых — не сделать этого по отношению к памяти едва ли не величайшего из русских праведников было просто невозможно, — но за иосифлянами, в общем, осталась победа, и, таким образом, эгрегор православия сохранил для себя ту почву, которая порождала его питательную темноэфирную среду. Результаты сказались с лишком через столетие, вскоре после Смутного времени.

Проводя свои внутрицерковные реформы почти исключительно богослужебного и текстологического характера, патриарх Никон оставался, конечно, выразителем воли церкви как таковой. Выступив же в качестве претендента на первенствующее значение в государстве, стремясь подчинить царский сан сану патриарха, он становился — каковы бы ни были его субъективные намерения — прямым выразителем воли того паразитирующего на церковном теле темноэфирного образования, о котором мы говорим.

Поражение его и его инспиратора было обусловлено не только большей силой демона государственности, но и большей эпохально-исторической оправданностью его действий. Эта правота уицраора ощущалась, по-видимому, широкими народными слоями. Если уже чисто богослужебные реформы

Никона вызвали противодействующее движение — столь сильное, что конструктивные формы старообрядчества, в которые оно отлилось, досуществовали до наших дней, — то его попытка теократического, вернее, иерократического переворота должна была испугать еще более широкие слои, включая подавляющее большинство церковной иерархии, на которую подобный переворот возложил бы непомерную, странную, ей самой непонятную и потому невыполнимую ответственность. От папистских притязаний Никона повеяло смутно знакомым духом: чем-то напоминали они ту тираническую тенденцию, которая так страшно обожгла русское общество при Грозном и уже опять успела дохнуть на него в конце царствования Бориса. Слишком памятно было всем, какие страдания это несет и в какие пропасти уводит; а то обстоятельство, что теперь опасность исходила не от демона государственности, но от чего-то зловеще неясного, образовавшегося внутри самой церкви, лишь увеличивало иррациональный, трансфизический страх.

Иерократические поползновения Никона были пресечены, но потусторонний страх уже не мог быть искоренен одним этим. Из него и вырос раскол, весь пронизанный этим ужасом перед «князем мира сего», уже будто бы пришедшим в мир и сумевшим свить гнездо в самом святая святых человечества, в церкви. Отсюда — надклассовость или внеклассовость раскола, к которому примыкали люди любого состояния или сословия, если только в сердце зарождался этот инфрафизический страх. Отсюда — неистовая нетерпимость Аввакума, яростное отрицание им возможности малейшего компромисса и страстная жажда мученического конца. Отсюда — непреклонная беспощадность раскольников, готовых, в случае церковно-политической победы, громоздить гекатомбы из тел «детей сатаны». Отсюда же — та жгучая, нетерпеливая жажда избавления, окончательного спасения, *взыскуемого окончания мира*, которую так трудно понять людям других эпох. И отсюда же, наконец, тот беспримерный героизм телесного самоуничтожения, который ставит нас, при вникновении в историю массовых самосожжений, в тупик, если метаисторическое созерцание нам чуждо в какой бы то ни было степени, и который потрясает нас до глубочайшего трепета, если подобный род созерцания приоткрыл нам природу удивительных этих явлений.

Никон был сослан, умер, но церковь санкционировала его реформы; проходили десятилетия, а никакого поворота вспять, к древней вере, даже и не намечалось. И когда демиург, осуществляя свой всемирный замысел, выдвинул такого колосса, как Петр; когда Второй Жругр инвольтировал его всей своей молодой мощью; когда от лица царя-реформатора государство отвело церкви небольшой угол в державе, подчинив религию своим интересам и сузив пределы духовного творчества народа, — тогда раскол обрел конкретное лицо, на котором сосредоточился его потусторонний ужас и ненависть. Петр I был объявлен антихристом.

Напрасно удивляемся мы мелочности чисто формальных, отнюдь не догматических расхождений между старообрядчеством и никонианством; с точки зрения сознания XVII века, наполовину магического и вместе с тем не боявшегося крайних выводов, антихристов дух вовсе не должен был выразиться непременно в восстании против Символа веры или в физическом ис-

треблении религиозной общины. Дух этот представлялся исчадием «отца лжи», начинающего со второстепенных внешних подмен и по их лестнице низводящего уловляемую душу в пучину антикосмоса. И если мы не можем ощутить сочувствия героям раскола в их идейной направленности или в их методике, нам доступно зато понимание и сочувствие великому душевному смятению, раскол вызвавшему.

Правда, эгрегор православия получил должный отпор, и опасность с этой стороны исчезла. Правда, конечно, и то, что за Петром стояли такие инспираторы, а путь, начертываемый этим царем, раскрывал такие перспективы, что идея Третьего Рима могла показаться захолустным провинциализмом. Но это грядущее сулило вместе с тем цепь таких перемен или подмен, зияло такими неизведанными безднами, а из недавнего прошлого еще отблескивали так предостерегающе огни Смутного времени, что дух невольно отшатывался вспять, вглубь, к духовно достоверным, веками освященным формам древности, доставившим спасение бесчисленному легиону душ — прадедам и прапрадедам.

Таким образом, в XVI веке обозначился, а в XVII определился духовный процесс чрезвычайной важности. Его можно было бы очертить следующими взаимно дополняющими определениями:

а) как распад первичной цельности душевного строя;

б) как диалектически неизбежное прохождение через длительный этап внутренней дисгармонии;

в) как развитие способности к одновременному созерцанию противоположных духовных глубин;

г) как культурное и трансфизическое расширение границ личности;

д) как борьба мысли за осмысление метаисторического опыта.

Свидетельствовало бы о полной беспомощности, о неспособности вникать в существо культурно-исторических процессов предположение, будто бы данный духовный процесс оборвался, заглох или замкнулся в старообрядчестве. Напротив: вся религиозная философия и историософия XIX века от Чаадаева и славянофилов до Владимира Соловьева, Мережковского и Сергея Булгакова, вся душевная раздвоенность, все созерцание и эмоционально-жизненное переживание обоих духовных полюсов, свойственное как Лермонтову и Гоголю, так — в еще большей степени — Достоевскому, Врубелю и, наконец, Блоку, являются не чем иным, как следующими этапами этого процесса.

Проследим это подробнее.

Распад первичной цельности душевного строя достиг в XIX веке такой глубины, что на его фоне даже исполненная противоречий, сложно эволюционировавшая личность Пушкина, прошедшего через противоположные полюсы религиозных и политических воззрений, кажется нам, однако, цельной сравнительно с душевным обликом его современников и потомков.

Под знаком *внутренней дисгармонии* стоит почти все культурное творчество XIX века. Только к концу его намечается один из путей ее преодоления — преодоления, однако, ущербного и чреватого еще более глубокими катастрофами — и в общеисторическом плане, и в плане личной эсхатологии, то есть посмертной судьбы человеческих шельтов. Я разумею здесь то

колоссальное движение, у истоков которого возвышаются фигуры Плеханова и Ленина.

Способность к одновременному созерцанию противоположных духовных глубин оказывалась не чем иным, как соответствовавшим новому культурному возрасту нации проявлением в духовной сфере исконной русской способности к неограниченному размаху: тому самому размаху, который во времена примитивных и цельных натур выражался психологически — в слитности душевного склада с ширью необозримых лесов и степей, эмоционально — в богатырской удали, а исторически — в создании монолитной державы от Балтики до Тихого океана. Печорины и Пьеры Безуховы, Ставрогины и Иваны Карамазовы, герои «Очарованного странника» и «Преступления и наказания» — внуки землепроходцев и опричников, иноков и разбойников, казачьих атаманов и сжигавших самих себя раскольников; только разный культурный возраст и разные, следовательно, сферы размаха.

Это вело к *культурному и трансфизическому расширению границ личности* — факту, слишком очевидному, чтобы нуждаться в каких-либо иллюстрациях или комментариях.

Что же касается *борьбы мысли за осмысление метаисторического опыта*, то этим, в сущности, были заняты все выдающиеся русские умы XIX столетия, и это несмотря на то, что самое понятие метаистории оставалось еще несформулированным и даже неосознанным. Разве в размышлениях Белинского по поводу новой русской литературы не чувствуется усилий *прочесть историю* как систему видимых знаков некоего невидимого духовного процесса? Разве в не имеющей равных исторической эпопее Льва Толстого народные массы и их вожди не становятся проявлениями и даже орудиями запредельных сил? Разве в исторических концепциях Достоевского не брезжит непрерывно этот потусторонний свет, превращающий исторические перспективы в сдвинутые, опрокинутые, странные и завораживающие перспективы метаистории? Станет ли кто-нибудь отрицать этот духовный угол зрения на национальное прошлое в полотнах Сурикова, в народных драмах Мусоргского? — Я ограничиваюсь указанием только на корифеев XIX века; перечисление имен меньшего масштаба потребовало бы специальной главы.

Итак, все пять признаков разбираемого процесса, которые я указал страницей ранее, оказываются налицо. Мы убеждаемся, что процесс, возникший в незапамятные времена опричнины, — процесс переживания обоих полюсов трансфизического мира, познания их и осмысления, переходя из фазы в фазу, к XX веку достигает высоты гениальных художественных обобщений и философских интуиций. Я не думаю, чтобы имелась надобность в разъяснении того, что события XX века должны еще углубить этот процесс, должны довести до крайности и внутреннюю дисгармонию, и борющиеся концепции, и эмоциональную накаленность поляризующихся идей, этим подготавливая фазу некоего синтеза, предстоящего следующим поколениям.

В этом смысле мы не можем не ощущать себя кровными потомками тех, кто двести пятьдесят лет назад совершали, для нас теперь уже почти недоступный, подвиг самосожжения и тех, кто в следующие десятилетия создавали сказание о невидимом граде Китеже.

Все изложенное создало предпосылки для кристаллизации этой легенды именно в расколе. Естественно, что именно в глухих заволжских лесах, издревле озаренных лампадами скитского жития угодников Божиих, поместило сказание этот город праведных на берегу Светлояра. Его связь с внешним миром осуществляется через город Малый Китеж, вынесенный на границу степей, — символ исторической церкви с ее человеческими слабостями: той исторической церкви, подлинную духовную сущность которой скрывает от ищущих душ, замутняет, искажает мглистый, плотный и чувственный православный эгрегор. Под ударами внезапно нахлынувшего внешнего врага историческая церковь гибнет «без боя, с великим позором». Но, конечно, гибнет не вся: дева Феврония, олицетворение Идеальной Души, овеянная той поэзией, которая может исходить от Навны, и только от нее, вступает через страдальческую смерть в Великий Китеж[1]. Великий Китеж телесно беззащитен: небольшая рать его героев принимает мученический венец в битве над Керженцем. Тогда, в ответ на жаркую молитву всего народа перед Великой Заступницей, город таинственно погружается на дно Светлояра, «в жизнь вечную» — переходит в иную сферу бытия.

Сказание отразило в преображенном виде суть раскола так, как она рисовалась его лучшим мечтателям, созерцателям и «поэтам сердца». Оно до неузнаваемости идеализировало действительность, да; но этим самым оно дало образ, несравненно более глубокий, долговечный и универсальный, чем само историческое явление раскола: мистерию народа, культуры или отдельной души, чья неприкосновенная внутренняя святыня, оберегаемая иерархиями Света, остается недоступной никакому самому могущественному врагу, уходя в таинственную духовную глубь от любого вторжения, от любого враждебного прикосновения.

Глава третья
ЗАПОЛНЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ

Какими импульсами создавалось то гигантское географическое целое, тот странный конгломерат пустынь, тундр, плодороднейших густонаселенных областей, огромных городов и необозримой тайги, которое, в общих чертах, совпало с границами Российского сверхнарода?

Задаваясь таким вопросом, нельзя, конечно, не вспомнить некоторых эпох всемирной истории, когда народ или сверхнарод переходил из состояния географической замкнутости в состояние стремительной экспансии. Историческая наука выдвинула в качестве объяснения таких феноменов ряд остроумных соображений о географических, социально-политических и в особенности об экономических причинах. Однако можно усомниться в том, только ли недостаток годных для обработки земель толкнул арабов, на протяжении веков довольствовавшихся прозябанием на своем полуострове в виде разрозненных племен, — к ошеломляюще быстрому объединению и к молниеносной, головокружительной экспансии; экспансии, похожей на развернувшуюся пружину, на излияние лавы из кратера, на ураган; экспансии, и не подумавшей остановиться на захвате богатых и плодородных соседних стран, но в какие-нибудь пятьдесят лет захлестнувшей территорию от Гвадалквивира до Инда.

1. Я здесь стараюсь указать на метаисторический смысл музыкальной мистерии Римского-Корсакова как наивысшей (пока что) ступени в развитии этого изумительного сказания.

Позволительно задать также вопрос, почему же, в конце концов, именно в Западной Европе экономика сложилась на рубеже XVI века столь беспрецедентно и изумительно, что впервые за всю человеческую историю два сверхнарода — Романо-католический и Северо-западный — одолели океан, залили Америку, втянули в свою орбиту Африку, открыли и частично подчинили своей цивилизации древние культуры Востока? Оставаясь в пределах системы экономических и социально-политических мотиваций, нам придется ответить пожиманием плечей и разведением рук на простой вопрос: отчего социально-экономическая конъюнктура, эту экспансию вызвавшая, сложилась за всю историю многочисленных культур человечества только один раз и в одном месте? Если же подобная конъюнктура сложилась хоть раз еще где-нибудь, например в Китае, то почему она не возымела тех же результатов? Оказывается, не грешно сохранить долю сомнения в исчерпывающей силе социально-экономических объяснений и даже заподозрить в подобных исторических явлениях наличие некоего фактора, не покрываемого сетью исторической причинности, — фактора иррационального.

Это сомнение и подозрение перерастают в огромный вопросительный знак, коль скоро дело переходит к проблеме русской экспансии на Восток в конце XVI и в XVII столетии.

XVII век вообще задал исторической мысли немало загадок, и одна из самых глубоких заключается в следующем: почему и ради чего, какими именно социально-экономическими причинами понуждаемый, русский народ, и без того донельзя разреженный на громадной, необжитой еще Восточно-Европейской равнине, в какие-нибудь сто лет усилиями отнюдь не государства, а исключительно частных людей залил пространство, в три раза превышающее территорию его родины, пространство суровое, холодное, неуютное, почти необитаемое, богатое только пушниной да рыбой, а в следующем столетии перешагнул через Берингово море и дотянулся до Калифорнии?

Конечно, усиливавшаяся крепостная эксплуатация выбрасывала тысячи людей на восточные, незаселенные окраины, где им приходилось изыскивать средства к существованию. Но разве Урал и Западная Сибирь не были достаточно обширны, чтобы вместить и прокормить население, в десятки раз большее, чем казацкие дружины, переваливавшие через Каменный Пояс при Грозном, Борисе или Алексее Михайловиче? Отчего эти крестьяне (а казаками становились ведь в подавляющем большинстве именно крестьяне) не брались на новых плодородных местах за свой привычный труд, а переходили на охотничий промысел — промысел, ставивший их, по условиям сбыта продукции, в тяжелую зависимость от купцов и от государ-

ства? Народ бежал от гнета помещиков. Так. Бежал. Но почему же нельзя было остановиться и прочно обосноваться на Оби, на Иртыше, на Ангаре, где никаких помещиков никогда не водилось, а требовалось бежать дальше и дальше, бежать не от погони, которой не было, а — неизвестно от кого, неизвестно зачем и неизвестно куда, в непробудную глухомань, через исполинские реки и непролазную тайгу, через районы, занятые сопротивляющимися инородцами, и, добежав наконец до Тихого океана, не успокоиться даже и там, а перепрыгнуть в Америку?

Русских казаков, дескать, привлекали изобилие зверя и рыбные богатства Дальнего Востока. Да, привлекали. Но не одни ведь русские знали, что рыба — вкусная вещь; не одни же русские носили меха и торговали ими. Почему же, странное дело, эти самые богатства не привлекали, например, китайцев, обитавших к ним гораздо ближе, в культурном отношении стоявших в XVII веке бесспорно выше русских и к тому же страдавших от перенаселенности в своей стране?

На все эти вопросы, сами собой напрашивающиеся еще на школьной скамье, невозможно добиться ответа потому, что из факторов, с которыми удостаивает иметь дело современная наука, этого ответа не извлечешь; фактор же, этот ответ в себе заключающий, остается вне поля ее зрения. Это тот самый фактор, который, в его нарочито упрощенном понимании принято, пренебрежительно морщась, называть психологическим и без учета которого вся история превращается не только в мертвую схему, но в прямую подделку науки — подделку, прикрывающую свою неспособность отвечать на элементарные вопросы или догматическими разглагольствованиями, или притворным незамечанием этих вопросов.

Не будем пугаться слов. Да: избыток телесных сил и мужание народного духа, в котором, при неутраченной еще до конца внутренней цельности, пробуждается стремление вдаль — вот, в психологическом плане, проявление этого иррационального фактора в разбираемую нами эпоху. Что же это за непреодолимый зов, увлекавший землепроходцев дальше и дальше? Что это за непонятный инстинкт (употребим уж этот таинственный термин, более загадочный, чем «эфир» в физике недавнего прошлого)?

Но нет никакой необходимости представлять себе инвольтацию демиурга непременно в виде головокружительного озарения или потока ослепительных образов. Напротив: такая форма инвольтации — или инспирации — явление далеко не частое. Оно предполагает развитую личность, яркую индивидуальность, даже некую специфическую одаренность, близкую отчасти к художественной, но не идентичную ей; скорее, это один из видов одаренности религиозной. Демиургическая же инвольтация «человека массы» знает совсем иные пути. В такой душе демиург не бушует подобно буре; такому уму он не внушает никаких огромных идей, не распахивает перед такой душой ни космических панорам, ни этических горизонтов. Он совершает другое: он поднимается из глубин души бессловесным, грозным и непререкаемым зовом Бессознательного.

Голосами Бессознательного говорят с человеком массы и другие инстанции: каросса, уицраор, Соборная Душа народа, даже Велга. Различить эти

голоса можно только по характеру пробуждаемых ими чувств и внушаемых ими деяний.

А деяния, внушавшиеся землепроходцам, сводились к одному — только к одному, но великому: силами нескольких сотен богатырей захватить и закрепить за сверхнародом Российским грандиозные пространственные резервы — всю пустующую территорию между массивами существующих ныне на земле культур. Ни один казак, ни один герой сибирских завоеваний этого, конечно, даже приближенно не понимал. Перед каждым возникала не эта общая историческая цель, а мелкая, частная, конкретная: бороться за свое существование путем устремления на Восток за горностаем, за белкой, за соболем. Всего этого имелось в изобилии в уже захваченных местах; но остановиться почему-то было невозможно. Этому мешали дикие запахи с неведомых пустошей Востока, ударяющие в ноздри и пьянящие, как вино. Этому мешало курлыканье журавлей, трубные клики оленей — напряженные, страстные, вольные голоса звериного мира. Этому мешала синеватая дымка, затуманивавшая на востоке дремучий лесной горизонт. Этому мешали бездомные ночлеги, костры, лица и рассказы товарищей, песни, удалая жизнь. Даже само солнце мешало этому, поднимаясь над таинственными восточными просторами, словно указывая молча путь и цель. Главное же — мешала собственная кровь, учившая именно так понимать голоса ветра и солнца, зверей и птиц, — кровь, гудящая по жилам властным призывом *вдаль*, внеразумным и провиденциальным хмелем бродяжничества.

Да это даже не психология, это просто поэзия! — скажет кто-нибудь. Что же, разве историческая наука выше поэзии, чтобы позволять себе смотреть на нее свысока? А если они равноценны, если они должны друг друга оплодотворить, то закономерна не только *история поэзии*, но и *поэзия истории*. В особенности же не стоит иронизировать над поэтическим элементом в истории тому, кто без привлечения на помощь этого элемента не сумел ответить на поставленные вопросы ничем, кроме словесного топтания вокруг них или же стыдливого молчания.

Показательно, что демон государственности долгое время оставался в стороне от движения землепроходцев. Это видно хотя бы по той безучастности, с какой Российское государство взирало на занятие русским народом огромных земель на Востоке. Когда это движение началось, Первый Жругр был поглощен другим: санкция демиурга была утрачена, и самое существование уицраора клонилось к концу. Тут было уж не до Сибири. Второй же Жругр на протяжении всех трех столетий своего существования понимал просторы Азии только как второстепенную статью государственного обогащения. Поразительно, что вплоть до XX столетия он так и не понял, зачем, собственно, история и его собственный народ обременили его Сибирью и Дальним Востоком. И когда пушной промысел перестал играть в государственных доходах заметную роль — Сибирь превратилась в место ссылки, а Русская Америка была продана. Что сказал бы Петр, этот великий флотостроитель и морелюбец, если бы мог знать, что через двести лет, в 1925 году, его преемники все еще не будут иметь военного, да, в сущности, и гражданского флота на Тихом океане? А Петр бессознательно понимал больше, чем

демон государственности. Он понимал, например, что для чего-то нужно (неизвестно, собственно, зачем именно) осуществить такое грандиозное предприятие, как Великая Северная экспедиция. Подобного предприятия не замышлял и не проводил ни один европейский монарх ни в XVII, ни в XVIII, ни даже в XIX столетии. Нет данных, однако, предполагать, что Петр ясно отдавал себе отчет в смысле и цели такого предприятия. Во всяком случае, колоссальные расходы, которых оно потребовало, не могли окупиться ничтожными экономическими выгодами, даже если бы русским кораблям удалось пробиться в Индию через Ледовитый океан. А бросать деньги на затеи, не сулящие большой государственной выгоды, Петр не любил. Но дело в том, что Петр I, как стремлюсь я показать в следующей главе, был не только проводником воли демона государственности: через него больше, чем через всех других русских государей Нового времени, волил демиург, и если мы откажемся видеть плоды его инспирации в целом ряде деяний Петра, мы ничего не поймем в русской истории последних столетий.

Итак, воление демиурга явственно сказалось в занятии русскими североазиатских пространств, обширных и почти пустых. Но почему он так торопил этот процесс? Чтобы не опередили другие? Но кто же? Китай? Но Китай до XX века не мог овладеть как следует даже Маньчжурией. Англия? Но Англию Сибирь не привлекала ни раньше, ни после. Япония, Соединенные Штаты? Но экспансия этих государств началась только на рубеже XX века.

Мы не можем знать, во избежание какого зла демиург ускорял закрепление за своим сверхнародом этих территорий. Предвидел ли он все же возможность их захвата каким-нибудь чужеземным завоевателем? Или не исключена была возможность образования в Сибири самостоятельного государства, сильного, способного к обороне и наступлению, что повлекло бы за собой цепь лишних трудностей, жертв, кровопролитий? Все это — предположения, не опирающиеся ни на какой метаисторический опыт, следовательно, лишенные какой бы то ни было цены.

Но достаточно очевидно, что превращению России из окраинной восточноевропейской страны в великую евразийскую державу, заполняющую все полое пространство между Северо-западной, Романо-католической, Мусульманской, Индийской и Дальневосточной культурами (то есть между почти всеми культурами, ныне существующими), Яросветом придавалось особое значение. Можно догадываться, что это имело отношение ко всемирно-историческому назначению России и что эти пространственные резервы должны послужить ареной для тех творческих деяний сверхнарода, свидетелем которых явится XXI или XXII век. Культура, призванная перерасти в интеркультуру, может осуществить свое назначение, лишь тесно соприкасаясь со всеми культурами, которые она должна ассимилировать, объединить и претворить в планетарное единство. Если сверхнарод предназначен стать реактивом, трансформирующим и себя, и все сверхнароды мира в духовно единое Человечество, то ему должны быть уготованы пространства, соответствующие размаху его борьбы, его идей и творческого труда.

Глава четвертая
РОДОМЫСЛ ПЕТР И ДЕМОНИЧЕСКОЕ ИСКАЖЕНИЕ ЕГО МИССИИ

Среди загадок, заданных XVII веком исторической мысли, не последнее место занимает странный факт рождения именно в царской семье, именно в качестве царского сына такого человека, который по своим духовным масштабам, дарованиям, уму, характеру и даже физическому темпераменту в точности соответствовал идеальному образу государственного деятеля, какого требовали тогда Россия, ее метакультура, ее миссия, ее судьба.

Рождение личностей такого масштаба приходится исчислять единицами на сотни миллионов рождений. По теории вероятности, шансы в пользу того, чтобы таким человеком оказался именно царевич, близки к нулю.

А между тем в условиях XVII столетия переворот, подобный перевороту Петра, мог осуществить только великий государственный гений при одном непременном, однако, условии: законности его власти в глазах современников. Гораздо более скромные начинания Бориса и Лжедмитрия, имевшие в виду сближение России с Западом, не были прощены русскими ни тому, ни другому и послужили одной из причин этих двух преждевременных смертей. Конечно, масштаб государственного разума этих двух государей далеко уступает гению Петра, но никакому узурпатору, будь он хотя бы и столь же гениален, как Петр, общество той эпохи, еще полностью проникнутое древней идеей родового права на власть, не позволило бы, конечно, опрокидывать вековые общественные устои.

Однако науке сегодняшнего дня, догматически отрицающей телеологию истории, приходится и этот факт обходить молчанием. Как всегда в подобных случаях, она притворяется, будто вопросы такого рода не имеют смысла. Она прекрасно понимает, что при исключительно каузальном подходе к явлениям она не сможет произнести в объяснение этого факта ни единого звука.

Такое положение современного историка — историка в собственном значении этого слова — совершенно закономерно. Для него применение к историческим фактам принципа телеологического невозможно и в самом деле: какая методика позволила бы ему подходить к фактам с вопросом «зачем»? С крутого берега этого вопроса ему не видится ничего, кроме безбрежного моря фантазии.

Но метаисторику нет надобности суживать свои возможности до границ, очерченных каузальным подходом. Для него — с крутизны вопроса «зачем» — тоже открывается море, но не фантазии, а второй действительности. Никаким фетишем он каузальность считать не намерен и ко многим проблемам подходит с другой стороны, именно — с телеологической. В частности, о зависимости характера и способностей от условий рождения и детства. Если же историку будет угодно не видеть коренного различия между игрой фантазии и метаисторическим методом — не будем, по крайней мере, лишать его того утешения, которое он почерпает в идее, будто сидение в клетке каузальности есть последнее и блистательнейшее достижение на пути познания.

По-видимому, подготовительная работа демиурга и кароссы Дингры над эфирно-физическою формой или, вернее, аппаратом, который был бы

способен вместить столь колоссальную инвольтацию и осуществить ее задания, началась очень давно — за несколько поколений в роду отца царевича и в роду его матери. Процесс этой подготовки находится, конечно, вне поля зрения метаисторика; ему представляется возможность проследить только самый конец его — провиденциальность обстоятельств детства и юности Петра, его личность досоздавших.

Задачи преобразователя должны были потребовать от него исполинского напряжения физических сил. И детство Петра в селе Преображенском, вырывая его из тепличной атмосферы дворца, где захирели оба его брата, закаляет его тело и представляет возможность для любых физических упражнений, в том числе и для таких, какие кажутся его современникам совершенно неуместными для царевича.

Будущему реформатору понадобится величайшая независимость ума, привычка к отсутствию авторитетов и к самостоятельному мышлению. И вот ни в детстве, ни в отрочестве не допускается в его окружение ни один человек, по своим интеллектуальным и волевым качествам способный хотя бы на время подменить в мальчике самостоятельную умственную работу слепым доверием к авторитету.

Невероятные задачи царствования потребуют от него неслыханных, чудовищных, почти неосуществимых форм поведения. Ему придется сбросить царское облачение и, засучив рукава, подавать пример плотникам, кораблестроителям, кузнецам, столярам — мастерам всевозможных ремесел. И в том же Преображенском возникают условия, вполне отвечающие потребности будущего царя — не только приучить себя к трудам подобного рода, но и практически изучить некоторые из них.

На смену боярству ему придется находить талантливых разночинцев, а вместо стрелецкого войска создать — неизвестно как и откуда — новую армию, отвечающую потребностям грядущих дней. И вот товарищами его игр в Преображенском оказываются мальчишки из простонародья, смышленые, смелые и преданные — ядро будущей гвардии.

Суровый долг революционера на престоле потребует от него непримиримости к врагам его государственной идеи. И сердце его ожесточается с ранних лет такими зрелищами, как кровавые стрелецкие бунты и казни, и такими человеческими отношениями, как отношение к нему царевны Софьи.

Если бы всеми этими условиями был окружен обыкновенный, то есть никакими метаисторическими силами не выпестованный, ребенок, ничего исключительного из него все-таки не получилось бы. Но при врожденной гениальности, то есть при выработанной еще ранее силами демиурга и кароссы повышенной способности к восприятию инспираций посланного ему даймона, условия села Преображенского доформировали, дошлифовали это человекоорудие.

Подобное телеологическое рассмотрение могло бы быть применено к биографии любого человека, принадлежащего к числу родомыслов, гениев, праведников, при одном условии: при достаточном количестве биографических сведений, находящихся в нашем распоряжении.

В чем же состояла и с т о р и ч е с к а я з а д а ч а Петра I, поскольку эта задача указывалась демиургом?

Насколько можно отслоить в личности и в деяниях Петра эту задачу от воздействий уицраора и насколько она вообще выразима в человеческих понятиях, задача эта обрисовывается в следующем виде:

России суждена всемирная миссия, смысла которой императору не дано знать. Он должен быть уверен лишь в одном: в ее мировом характере. Его персональная задача сводится к тому, чтобы повернуть сверхнарод на путь, ведущий из прозябания в национальной замкнутости на простор общечеловеческого становления. При этом народ русский надлежит ввести в круг передовых народов не в качестве чьего-либо сателлита или младшего исторического партнера, а в качестве великой державы, которую другие народы вынуждены будут принимать всерьез с самого начала. Такой поворот возможен только при условии, если Россией будут восприняты объективно передовые начала соседней, старшей культуры, ибо эта культура — одна из двух, сумевших расторгнуть аристократически сословную ограниченность внутри себя и локальную изолированность по отношению к остальному миру. Для того же, чтобы такой переворот был осуществлен и результаты его прочны, требуется полное преобразование внутри: оно упразднит боярство как правящую группу, показавшую свою неспособность быть на уровне исторических задач, и передаст ведущую роль дворянству и среднему классу. Почему не духовенству, не крестьянству? Потому не духовенству, что господство в государстве этого последнего привело бы к торжеству эгрегора православия и в конечном счете — к иерократической деспотии, наиболее косной из всех деспотий. Не крестьянству же — потому, что крестьянство было самым отсталым из всех классов и ему еще веками следовало оказывать помощь, прежде чем оно смогло бы принять положительное участие в государственном и социальном творчестве.

Здесь невозможно подробное рассмотрение вопроса о том, в какой мере историческая деятельность Петра отвечала этому заданию. Но возможно и необходимо другое: указать на смысл второй инвольтации, как бы прослаивавшейся между инвольтацией демиурга и личностью императора и придававшей деятельности последнего характер, не всегда и не во всем отвечавший желаниям Яросвета.

Эта инвольтация демона государственности обращалась на некоторые свойства характера и темперамента Петра, а в иных случаях — на свойства его рассудка. При этом она искажала ход его мысли и действий в той мере, в какой этот ход не был свободен от воздействия этих самых черт характера, темперамента и рассудка.

Жругр заботливо потрудился над тем, чтобы внедрить в родомысла свою тираническую тенденцию. Ему удалось в целях этого переразвить суровую твердость, необходимую и неизбежную в положении Петра, в неумолимость, внутреннюю свободу от авторитета — в свирепую лютость ко всяким авторитетам прошлого, прямолинейную преданность своей идее — в ненависть ко всему, что ему казалось бесполезным, то есть чего нельзя было обратить на пользу его идее, а стихийный размах — в бесконтрольную чувствен-

ность и непомерную грубость. Ирония переросла в склонность к глумлению. Утилитарность мышления выхолостила эстетическое начало натуры, введя его в два русла: русло артистического отношения к ремеслам и русло ремесленного отношения к искусствам. А в проявлениях жестокости стал порою различаться явно садистический оттенок.

Из этих качеств проистекли те промахи государственной мысли, которые привели Петра к деяниям, с точки зрения метаистории — а, пожалуй, также и истории — ошибочным и вредным: к неоправданной ничем жестокости в отношении бояр, стрельцов, раскольников, собственного сына, а главное — собственного народа, приносившего замыслам своего царя жертвы мало сказать — огромные, но даже иногда не вызывавшиеся необходимостью; к слепому непониманию настоятельнейшей исторической потребности — обеспечить рост, а позднее и ведущую роль среднего класса, — ошибка, имевшая для будущего воистину роковое значение; к насилиями над церковью, в результате которых она после Петра оказалась, по выражению позднейших мыслителей, в параличе, а при третьем уицраоре дошла до такого низкопоклонства перед собственным врагом, какое в любую другую эпоху показалось бы совершенно неправдоподобным; к пренебрежению интересами крестьянства, что повлекло за собой упрочение крепостного строя и на века затормозило культурное развитие основного по численности класса российского общества; и наконец — к воцарению в стране той атмосферы террора, обесценения человеческой жизни и неуважения к личности, которая надолго пережила Петра и сделалась атрибутом самодержавия в ряде последующих эпох.

Как грандиозна ни была фигура этого императора и сколь провиденциально необходимой ни являлась его деятельность, но двойственность инвольтаций, воспринятых его бушующим сердцем, богатырской волей и дальновидным, но утилитарным умом, превратила родомысла в двойственное существо, перед которым врата Синклита оказались закрытыми.

Трудно найти более разительную противоположность между образами двух родомыслов, допустивших глубокий ущерб своей миссии: тем, кто, будучи вознесен на предельную высоту единодержавия, непоправимо сорвался с этой крутизны — Иоанном IV — и Петром, до конца своей жизни продолжавшим, несмотря ни на что, воспринимать инспирацию Яросвета; трудно найти контраст между ними более разительный, чем тот, что обнаруживается при сопоставлении обстоятельств смерти их сыновей, Ивана и Алексея. В одном случае — самоубийственный для династии и государства акт, совершенный существом, потерявшим человеческий облик и охваченным бессмысленным бешенством: ярко выраженное проявление воли Велги. В другом — холодно продуманное и беспощадно, вопреки собственному человеческому чувству, осуществленное мероприятие во имя государственной идеи, которой приносится в жертву собственная плоть и кровь: столь же очевидная инвольтация демона государственности.

Не менее любопытно, пожалуй, представить обоих царей не решающими государственные дела, не поражающими татар или шведов, а пирующими. Один — исподлобья озирающий сотрапезников и тут же совершающий что-нибудь безобразное; можно даже сказать монструозное: один раз — поражающий опального боярина посохом в грудь, в другой раз — откусывающий ухо у кого-нибудь из гостей, в третий — хохочущий до слез над князем, зашитым в медвежью шкуру и растерзываемым собаками, в четвертый — заставляющий какого-нибудь несчастного съесть уд собственного отца.

И — великий государь через полтора столетия: гигант с мутным взором, но твердо стоящий на широко расставленных ногах, заставляющий, хохоча и хлопая по плечу бывшего боярина или, может быть, вчерашнего сапожника либо пирожника, а теперь сановника, выпить залпом кубок Большого Орла.

Истинно великий человек не может не быть великодушным. Грозный — огромен; но он лишен великодушия — и он не велик. Петр же был великодушен — необычным, каким-то великолепным великодушием. Как чудесно уловил это Пушкин:

То он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну.

Но самой выразительной параллелью будет, мне кажется, сопоставление обстоятельств смерти обоих царей. В первом случае — гниение заживо, метание в тоске и молитвах, отчаянные попытки смягчить Божество приказами о помиловании преступников, об отпирании всех темниц. В другом — безоглядная отдача себя порыву — спасти погибающих матросов — и собственная смерть как следствие этого героического поступка. Ясно, конечно, что и посмертье Петра не могло иметь ничего общего с посмертьем его далекого предшественника.

Но в синклит не может вступить тот, кто сам превратил себя в палача — и в переносном и в буквальном смысле; кто перешагивал через гекатомбы жертв — собственных подданных, не повинных ни в чем и отдавших Богу душу только потому, что вождю потребовалось сию же минуту и без малейшей заботы о жизни тысяч строителей воздвигнуть новую столицу — ключ к мировому будущему России.

К этой столице и привязались шельт, астрал и демонизированный эфир основателя Петербургской империи. Медный Всадник Фальконета — не просто статуя. Это — нечто вроде иконы Второго Жругра, персонифицированного в условном обличии самого яркого из его человекоорудий. Это также подобие основателя Друккарга, мчащегося на бешеном раругге. Мало того: это исправленное сообразно человеческому сознанию и условиям Энрофа отображение основателя Дуггура, восседающего в лунной полутьме на гигантском змее и озаряющего факелом в простертой руке пышную и мрачную площадь. На площади Сената понятия переворачиваются: Петр мчится на коне, попирая змею; кругом — светлые колоннады ампира. Но, как и всякая икона, в которой встретились излучения изображенного с излучениями эмоционально созерцающих и благоговейных людских множеств, этот памятник тысячами нитей связан с тем, чей прах двести лет покоится в подземелии Петербургской крепости.

А шельт императора, облаченный теперь в демонизированный материальный покров, прикован тяжкой цепью своих деяний к изнанке своего собственного сооружения. Как движущаяся кариатида в цитадели Друккарга, этот гигант и доныне поддерживает то, что созидал: Российскую мировую державу. Да и он ли один? Могут сменяться Жругры, рушиться и снова строиться формы народоустройств, но великий реформатор останется одним из тех, кто поддерживает своей мощью Российское государство, пока оно существует на Земле. А потом? Кто и когда снимет с этого Атласа его ношу? Только освобождение Навны, только разрушение Друккарга, только гибель последнего из Жругров, только конец Российского великодержавия.

КНИГА ДЕВЯТАЯ
К МЕТАИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРИИ

Глава первая
ВТОРОЙ УИЦРАОР И ВНЕШНЕЕ ПРОСТРАНСТВО

Перед мыслью, направленной на осмысление русской метаистории последних веков, само собою возникает разительное сопоставление двух исторических моментов.

Избранная всенародным собором, благословляемая церковью, приветствуемая всеми сословиями страны, санкционируемая авторитетом великих родомыслов Смутного времени, приступила династия Романовых к благодарному и суровому труду — восстановлению и возвеличению России. Царем был шестнадцатилетний мальчик, лишенный каких бы то ни было даров, не проявивший исключительных качеств и позднее; но ему прощалось все, никто не требовал от него гениальности. Общество было сильно непоколебимой уверенностью в том, что эта монархия, выстраданная народом в страшном горниле смут, иноземных вторжений и безвластия, охраняема и направляема свыше. И действительно: фатальная невозможность создать другие, светлейшие силы, дабы оградить народ от погибельных натисков извне и от погибельных распрь внутри, довлела над демиургом. Она вела к тому, что Второй уицраор России вместе со своими человекоорудиями — носителями государственной власти — был осенен провиденциальной санкцией как меньшее из зол.

Миновало триста лет. Ненавидимая всеми классами, презираемая всеми творческими умами нации, осуждаемая высшим представительством народа, увлеченная в мистическую муть гипнотизирующим взором мужика-проходимца, мечтавшего о патриаршем клобуке, монархия Романовых рухнула почти без сопротивления. Последний самодержец был столь же бесцветен и недалек, как и ее основатель; но ему не простилось ничто. Ему вменялось именно врожденное отсутствие гениальности, ибо лишь государственный гений мог бы спасти старую державу, сообщив ей поступательное движение, влив новые силы и указав новую цель. Общество было непоколебимо убеждено в том, что монархия Романовых не справилась с историческими задачами, никакими силами свыше не направляема и что права на жизнь у нее больше нет. И действительно: никаких отблесков демиурга давно уже не мерцало над челом императоров. Упрямые глупцы либо трагические неудачники, они не сумели низвести благодать на свою деятельность. И то, что торжественный обряд коронования превратился в жалкий маскарад, в фикцию, понимали все. Если бы катастрофа не оборвала естественного хода вещей, можно было бы ожидать, что Григорий Распутин добьется восстановления патриаршества, что клобук святого Гермогена

будет возложен на голову хлыстовского «саваофа», развратника и бывшего конокрада, и что несколькими годами позднее император Алексей II будет коронован в Успенском соборе этим бесноватым, этой марионеткою Гашшарвы. От подобного несмываемого позора церковь была спасена только катастрофой.

Очевидно, санкция со Второго уицраора была снята давно.

Почему же? И когда именно?

То, что инвольтацией демиурга — хотя и не только ею одной — была насыщена деятельность Петра, не подлежит, очевидно, сомнению. Следовательно, утрата санкции свершилась в одну из последующих эпох. Но когда же? при ком? В чем заключались вины уицраора, эту утрату повлекшие за собой? И не видим ли мы на этой поворотной точке истории какого-нибудь исключительного деятеля, судьба которого полна еще непонятым смыслом?

Историзм всех школ сходится на том, что из числа стоявших у кормила правления за эти триста лет крупнейшею фигурою был Петр и что ничье значение и ничей масштаб личности не могут быть сопоставлены с его значением и масштабом. Этот тезис требует пересмотра. Требует потому, что он основан на учете не всех фактов и не всех процессов; и потому еще, что духовную сторону исторического процесса в целом, то есть метаисторию, он игнорирует совершенно.

Проверим же, не возникла ли в историческом слое уже после Петра личность не менее значительная, чем он, но по характеру своего значения могущая быть названной антиподом великого основателя империи. Выясним также, не имеет ли судьба этого лица отношения именно к тем обстоятельствам и именно к тому периоду, когда санкция демиурга была снята с деятельности Второго уицраора. И наконец, вникнем в значение — не для его современников только, но и для нас, для далеких потомков, — истинное значение этого странного, двоящегося, окруженного легендами, загадочного образа.

Однако, прежде чем приступить вплотную к этой задаче, нельзя избежать рассмотрения целой цепи других проблем, без метаисторического уяснения которых роль того лица, о коем идет речь, не может быть понята. Проблемы эти сводятся к итоговой оценке деятельности Второго уицраора на основе сопоставления того, какие задачи ставил перед ним демиург России и что фактически оказалось осуществленным вторым демоном великодержавия.

Зенитом его творческой мощи была, без сомнения, эпоха Петра. В сравнении с историческими перспективами, открывшимися тогда перед Россией, старая концепция Третьего Рима начинала казаться беспочвенными мечтаниями, бессодержательной абстракцией. Но что, собственно, следует понимать под этою новою перспективой? То есть как именно могла она рисоваться сознанию тех, кто жил на рубеже XVIII века?

Очевидно, это было смутное, но властное ощущение м и р о в ы х п р о с т р а н с т в; оно походило на дыхание океана, на пронизывающий, соленый и шумный ветер, вдруг ворвавшийся в замкнутый столько веков мир. На берег морского пространства перенесся центр государственности. Государственность стала созидаться новым континентом людей; и для них эта атмосфера, не знающая твердых географических границ, по-северному холодная, по-морскому требовательная, казалась чем-то несравненно высшим

сравнительно с насыщенной местными запахами, душной, земляной и вязкой атмосферой Московской Руси.

Исторический смысл этого ощущения заключается, мне кажется, в том, что современники Петра и их потомки по-новому осознали человечество и свое место в нем.

Татарщина и вековая борьба за создание национального государства сталкивали русских лишь с народностями, по культурному уровню их не превышавшими, и притом сталкивали почти исключительно на полях битв. В итоге выработался огромный национальный эгоцентризм, переливавший всеми цветами радуги от религиозно-мистической гордыни до пошлой обывательской спеси. А после победы над поляками в 1612 году народ русский вырос в собственных глазах в некоего исполина, в единственный народ Божий на земле; недалеко уже было и до той температуры кипения, которая порождает пары столь бурные, что они в конце концов взрывают сосуд национально-государственного бытия, как это случились однажды с народом еврейским. Когда читаешь творения протопопа Аввакума или знакомишься с эсхатологическими упованиями других учителей раскола, этот православно-русский мессианизм ударяет в наш, к счастью уже невосприимчивый, ум с такою силой, что от этих писаний отшатываешься с чувством, похожим на то ощущение, которое заставляет нас отдернуть руку из-под стоградусной паровой струи. Преклоняться перед личным героизмом раскольников можно и должно. По-своему разделять чувство породившей раскол трансфизической тревоги — вполне естественно. Но слава Богу за то, что это движение не стало на Руси власть имеющим. Народ, возомнивший себя мессией, а все остальное человечество — блуждающим во тьме, обрекает себя на одно из двух: или на трагедию разрушения своей исторической цитадели (вспомним опять-таки еврейство), или на бесплодное кипение и выкипание в самом себе, в тех самых границах, которые он счел броней против великих культурных и этических соблазнов: вспомним Византию. Давно уже осознан и выражен тот факт, что всякий народ, несущий в мир, как говорил Достоевский, новое слово, ощущает свое избранничество. Но это избранничество — не единственно, и всякое самообольщение на этот счет грозит катастрофой.

Эпоха Петра спасительно перевернула представление русских о человечестве; теперь оно начало слагаться не из двух, а уже из трех величин. Во-первых — великая Западная культура (тогда еще не замечали, что культур на Западе — две: Романо-католическая и Северо-западная, в основном германская, тесно связавшая себя с протестантизмом). Эта единая, как казалось, Западная культура была волшебно-притягивающей, глубокой, зрелой, многосторонней; культура, удивительная, между прочим, и тем, что, становясь демократически-трудолюбивой, она оставалась аристократически-презрительной. Приходилось во многом идти к ней на выучку.

Во-вторых — неопределенное туманище «диких» и «языческих» народов, со включением в эту категорию, по причине собственного невежества, народов буддийских, индуистских и даже мусульманских: считалось, что у этих учиться нечему и по отношению к ним можно, в свою очередь, усвоить аристократический взгляд сверху вниз.

И наконец, собственный сверхнарод: это хоть и не мессия, но и по объему своему, и по размерам территории, и по ощущению затаенной в нем силы предназначен, очевидно, к чему-то великому и вынужден торопливо нагонять упущенное.

Но если попробовать под этим слоем новых представлений обнаружить какую-либо идейную глубину, мы скоро принуждены будем остановиться в горестном недоумении. В самом деле: какое содержание вкладывалось в понятие «великого будущего» России? Каким культурным или социальным смыслом оно насыщалось?

В XVIII веке мы не найдем ответа более содержательного, чем ломоносовская формула, возвещавшая, что «будет собственных Платонов и быстрых разумов Невтонов Российская земля рождать». То есть народ российский окажется не беднее других, выдвигая на авансцену отдельные личности, одаренные гениальностью. И только.

Но Ломоносов — сам, быть может, наш первый гений (вестник) со времен Андрея Рублева — не мог, очевидное дело, не находиться в той или иной степени под воздействием Яросвета и Навны. Когда же мы от поэтических формул, пусть до крайности упрощенных, но все же несущих отсвет этой инспирации, перейдем к тем пластам национального сознания, которыми владел демон великодержавной государственности, нас еще более поразит пустота идеи «российского величия».

Сколько бы мы ни разыскивали в высказываниях людей XVIII века от Меншикова до Потемкина и Суворова содержания этой идеи, мы не найдем ничего, кроме представления о военном, великодержавном, чисто внешнем могуществе. Этот идеал будет провозглашаться то сухо повелительным языком приказов и узаконений, то напыщенной лексикой манифестов, то выкриками воинской команды, то, наконец, торжественным бряцанием пиитических лир. Теорию Третьего Рима озарял смутный, но все же отблеск идеала религиозно-этического. Теперь погасло и это отдаленное сияние, и привычные словеса о «православном» царе выродились в мертвую риторическую фигуру. Да и трудно было, в самом деле, придавать большое значение православию тех, величайший из которых забавлял себя и свою столицу зрелищем «всешутейшего собора», то есть хулиганскими выходками в стиле тех антирелигиозных шествий и карнавалов, которыми так печально прославилось добровольное общество «Безбожник» в двадцатых годах двадцатого века. Но руководители этого общества не провозглашали себя, по крайней мере, православными. Напротив: со всей обнаженностью и резкостью они заявляли о своей антирелигиозной нетерпимости. Что же можно сказать о «православии» их далекого предшественника? Конечно, Петр был личностью сложной, противоречивой, двойственной. Сегодня — глумление над церковью, завтра — искренняя молитва. Но в искренность его молитв вряд ли могли верить многие из тех, кто накануне наблюдал его кощунственные забавы.

Таким образом, уже очень скоро определилась идейная нищета второго демона государственности; обнажилось его стремление ко внешнему могуществу как к единственной положительной цели.

Цепь победоносных военных предприятий и плеяда блистательных героев империи отразили в историческом слое XVIII века это метаисторическое стремление уицраора. Нужны ли были эти предприятия — с точки зрения телеологии демиурга Яросвета?

Если бы Второй уицраор уже тогда полностью вышел из-под демиургического водительства, подобно тому как это случилось с его предшественником при Грозном, санкция Яросвета была бы снята уже в XVIII столетии. Однако такое событие, как Отечественная война 1812 года с ее потрясающим, пробуждающим народ воздействием, указывает, что даже в эту позднюю эпоху было возможно действие демиурга и демона государственности, так сказать, заодно. Стало быть, сколь пустыми ни кажутся нашему взгляду войны Анны, Елизаветы и Екатерины, но некоторыми из них преследовалась цель, неясная самим исполнителям, но имеющая метаисторическое оправдание. Благодаря им к XIX столетию государство приобрело те географические контуры, которые совпали в общих чертах с границами сверхнарода. Этим была устранена опасность, так грозно осуществившаяся в истории большинства других культур: опасность дробления на несколько устойчивых государственных единиц, веками раздиравших тело и душу своего сверхнарода кровопролитной борьбой и духовным соперничеством.

Но при всем том Второй уицраор до самого конца так и не приобрел действительно мирового кругозора. Может быть, это было естественно для демона сугубо континентальной нации; во всяком случае, Петр так и не передал своим преемникам, ни ближним, ни дальним, океанического размаха своей мечты, позднее лишь в сознании Александра I брезжила, по-видимому, мечта его прапрадеда, когда он снаряжал одну экспедицию за другой в кругосветное плавание.

Остальные же носители государственной власти от Бирона до Николая II повторили в историческом плане слепую ограниченность того, кто завороженным взором вперился в темноэфирных гигантов Западной Европы, только их учитывая и только в этой зоне усматривая смысл своего желаемого торжества.

Идейная нищета принуждала хвататься за предания исторического прошлого, хоть этим пытаясь возместить собственное творческое бесплодие. Таково упрямое цепляние российской государственности за идею своей преемственности от Византийской империи — жалкий рудимент религиозной концепции Третьего Рима. Образы двуглавого орла на цитадели Стамбула и креста на Айя-Софии приковывали к себе ее взор с гипнотической силой из века в век. Кругом возникали и рушились державы, мир сотрясали великие революции, на горизонте возникали вновь открытые материки, рождались идеологические системы, грозившие не оставить от старых мифологем камня на камне; предшествуемые пророчествами и социальными бурями, приближались палачи не только монархии, не только православия... А навязчивая идея Царьграда и «проливов» маячила перед взором последнего царя с такой же неподвижностью, как перед взором Потемкина. Сказывалась все та же врожденная неспособность мыслить в мировом масштабе и расти вровень с раздвиганием исторических арен.

Проблема проливов заслуживала быть одной из второстепенных проблем российской государственности — не более. Ибо выход в Средиземное море, столь же замкнутое, как и Черное, не сулил России ничего, кроме частных торговых выгод да новых конфликтов с новыми соседями. Только неисправимо провинциальному сознанию он мог вообще казаться выходом куда-то. Он вопиюще не соответствовал ни размаху, ни перспективам XIX и тем более XX века. Уж если приходилось добиваться выхода к открытому морю, то как было не видеть, что прямо по тифлисскому меридиану на юг, отгороженные от России только остановившейся в развитии, но все еще агрессивной Персией, подкатываются к берегу волны Индийского океана? То, чего не мог бы добиться Петр, когда южные степи и Грузия еще не были присоединены, могли бы и должны были бы выполнить государи на рубеже или в начале XIX века. Но все они с поразительным равнодушием отнеслись к этой задаче. Достаточно было столкнуться с дипломатическими происками Англии, чтобы начавшееся в Иран русское движение было приостановлено навсегда. Только гибель Грибоедова чернеет, как траурный памятник, на этой дороге, по которой российская государственность сумела сделать лишь один шаг, и притом только для того, чтобы сейчас же отдернуть ногу.

Столь же не способен оказался Второй демон государственности усмотреть что-либо серьезное во владениях сибирских и тихоокеанских. В конце концов эта аморфная, близорукая политика достойно увенчалась Цусимою и Мукденом.

Однако часто ставится вопрос: действительно ли нуждалась Россия в этих пустых пространствах? Не слишком ли огромной оказалась территория? Стоила ли она таких жертв?

Верно, жертв она стоила немало, стоит и до сих пор. Но занятие почти пустых сибирских, дальневосточных, американских территорий производилось, как я указывал уже, не силами государства, а силами самого народа. Сетовать на подобный процесс так же странно, как жаловаться, например, на жидкость, которая, будучи разлита на плоской поверхности, в силу законов природы будет растекаться по ней до тех пор, пока энергию растекания не перевесит сила сцепления частиц. Но в той же мере, в какой согласно с естественными законами было растекание сверхнарода по просторам пустых земель, в такой же мере несогласны с этими законами, а согласны с ложно понятыми государственными интересами были многие завоевательные устремления империи Второго уицраора. Это целиком относится и к идее проливов, и к кровопролитным Балканским войнам, и к завоеванию стран Средней Азии, в которых Россия нисколько не нуждалась и о присоединении которых не подумал бы, вероятно, никто, если бы не трусость государственных деятелей, в чьих глазах опасность занятия Средней Азии англичанами — опасность совершенно нереальная — выросла наконец до размеров неотвязного кошмара. Словом, удары направлялись не туда, куда направил бы их уицраор, если бы смысл и пафос мирового пространства не был ему чужд. Инвольтировать этим пафосом демона государственности демиургу не удавалось. А задача, между тем, заключалась именно в том, чтобы заполнить Россией все полое пространство между существующими ныне культурами. Занятием Сибири и Аляски народ подсказывал своей империи, в каком направлении следует прилагать усилия; но этот голос не был ни услышан, ни понят. География и история подсказывали императорам выход в Индийский океан; но и это оказалось гласом вопиющего в пустыне.

Однако как же это, — может поразиться кто-нибудь: значит, историческое размышление может приводить к оправданию завоевательных предприятий? и даже к сожалению о том, что такого-то предприятия не произошло? Мыслимо ли примирить это с элементарными нравственными нормами, ясными для нас как день и необходимыми как хлеб?

Затрагивается кардинальнейшая тема, основные принципы метаисторической этики. Конечно, и читателям, и автору было бы приятнее, если бы ответ был дан в виде лаконических афоризмов. Но это превышает мои возможности. И, не претендуя на краткость этой главы, я предпочту здесь немного задержаться, чем оставить читателя в состоянии недоумения и даже возмущения.

Облегчить задачу поможет то предварительное соображение, что некоторые явления истории, сами по себе остающиеся злом, потому что они несут множеству людей страдание и гибель, могут быть в то же время, и даже совершенно очевидно, м е н ь ш и м и з з о л. Война есть источник страдания народов и понижения их морального уровня, следовательно — зло. Но мыслимо зло еще большее, например — зло длительного, всеобщего, истощающего народ порабощения. И если ставится исторический выбор между этими двумя проявлениями зла, то выбор меньшего из них оправдывается. Борьба с татарами, с польским нашествием в 1612 году, с Наполеоном — все эти войны стоили колоссальной суммы страданий и жертв, и, однако, в том, что эти жертвы были оправданны, не сомневается никто. С точки зрения метаистории самой страшной катастрофой является непоправимая неудача выполнения сверхнародом его метаисторического (и исторического) задания. Любая извилина исторического пути, в конце которой маячит такая опасность, должна быть избегнута любой ценой. И когда подобная опасность давит на одну из чаш весов, никакая сумма личных страданий не может ее перевесить.

Конечно, этот закон жесток. Но в этом повинны не демиурги и не Бог-Творец. Биологическим и историческим законам, господствующим в Шаданакаре теперь, нельзя найти иного нравственного осмысления, как только признать их двойственность; понять утяжеленность, искаженность первоначальных, Провидением творившихся принципов всеобщего восхождения вмешательством демонических сил. Но просветление Закона — задача грандиозных периодов. Оно не совершится во мгновение ока по нашему мановению. Мы живем внутри Закона, ему подчинены и с ним принуждены считаться как с фактом. Больше того: Закон — далеко не худшее из возможного. Худшее из возможного — его дальнейшее искажение и утяжеление: мечта Противобога. Вот почему и к самому Закону во многих случаях следует подходить как к меньшему из зол.

Оставлять этот тезис без конкретных исторических примеров я не хочу. Как подойти, скажем, к такому факту, как колониальная экспансия европейских наций в XVI–XIX веках? С точки зрения «абсолютного гуманизма»

это было непрерывной цепью насилий сильного над слабым, а зачастую даже худшего над лучшим. Путем этого насилия обогащались верхние слои западноевропейского общества и истощались, даже вовсе сходили с исторической сцены народы в других частях света. Не только с точки зрения каких-либо теорий, но и просто с точки зрения нашей непосредственной живой совести это чудовищно.

Так. Ну, а с точки зрения метаисторической?

Метаистория потому и есть метаистория, что для нее невозможно рассмотрение ни отдельной человеческой жизни, ни существования целого народа или человечества в отрыве от духовного предсуществования и посмертия. Стезя космического становления любого существа или их группы прочертилась уже сквозь слои иноматериальностей, ряды миров, по лестнице разных форм бытия и, миновав форму, в которой мы пребываем сейчас, устремится — может быть, на неизмеримые периоды — в новую чреду восходящих и просветляющихся миров. Переживаемый нами отрезок по отношению к целому сравним с десятисекундной остановкой на полустанке в ночной степи пересекающего гигантский материк пассажирского поезда. И пока мы не приучим себя к созерцанию исторических и космических панорам во всем их величии, пока не привыкнем к таким пропорциям, масштабам и закономерностям, до тех пор наши суждения будут мало чем отличаться от суждений насекомого или животного, умеющего подходить к явлениям жизни только под углом зрения его личных интересов или интересов крошечного коллектива.

Наша непосредственная совесть возмущается зрелищем страдания — и в этом она права. Но она не умеет учитывать ни возможностей еще горшего страдания, которые данным страданием предотвращаются, ни всей необозримой дали и неисповедимой сложности духовных судеб как монад, так и их объединений. В этом — ее ограниченность. Столь же правильны и столь же ограниченны и все гуманистические нормы, из импульса этой совести рожденные.

Метаисторическая этика зиждется на абсолютном доверии. В иных случаях метаисторику может приоткрыться то, ради чего принесены и чем окупятся такие-то историческое, казалось бы бессмысленные, жертвы. В других случаях это превышает вместимость его сознания. В третьих — уясняется, что данные жертвы и сами исторические обстоятельства, их вызвавшие, суть проявления сил Противобога, вызваны наперекор и вразрез с замыслами Провиденциальных начал и потому не оправданы ничем. Но во всех этих случаях метаисторик верен своему единственному догмату: Ты — благ, и благ Твой промысел. Темное и жестокое — не от Тебя.

Итак, на поставленный вопрос следует отвечать без обиняков, сколько бы индивидуальных нравственных сознаний ни оттолкнуло такое высказывание. Да: всемирной задачей двух западных сверхнародов является создание такого уровня цивилизации, на котором объединение земного шара станет реально возможным, и осуществление в большинстве стран некоторой суммы морально-правовых норм, еще не очень высоких, но дающих возможность возникнуть и возобладать идее, уже не от западных демиургов исходящей и не ими руководимой: идее преобразования государств в братства параллельно с процессом их объединения сперва во всемирную федерацию, а впоследствии — в монолитное человечество, причем различные национальные и культурные уклады будут в нем не механически объединены аппаратом государственного насилия, но спаяны духовностью и высокою этикой. Этот процесс будет возглавлен все возрастающим контингентом людей, воспитывающих в новых поколениях идеал человека облагороженного образа; однако этот этап находится уже за пределом долженствования западных культур как таковых.

Развиться именно так, чтобы выработать и распространить указанную сумму предварительно необходимых морально-правовых норм, оказалась способной только одна Северо-западная культура. Колониальная экспансия произошла ранее, чем они были выработаны; вырабатывались они северо-западными нациями параллельно, синхронически с порабощением и истощением колонизуемых. Только к XX веку принципы эти уяснились и утвердились в северо-западных обществах настолько, чтобы начать свое распространение и вовне; и тогда экспансия военная стала сменяться экспансией социально-правовых идей. Мы не знаем, сколько еще веков должны были бы народы Востока и Юга пребывать на уровне социально-правового примитива, если бы демократические, гуманистические, социально-экономические понятия не хлынули в их сознание из поработившей их и их же теперь освобождающей западной цивилизации. Освобождающей — вопреки собственному колониализму, просто в силу логики вещей; освобождающей не только от ее собственного угнетения, но от тысячелетнего феодального хаоса, от гнета древних выдохшихся идей и окостеневших форм жизни и от множества других зол. А ведь это — только начало этапа, действительно всемирного, когда человечество будет пожинать плоды, посеянные на полях всех стран земли этою беспощадно кровавой и высокогуманной цивилизацией.

Разбираемый вопрос представляется мне настолько важным, что я рискну задержать внимание читателя еще на одном примере, более частном, но не менее сложном. Нас оскорбляет и ужасает злодейское уничтожение испанскими завоевателями царства и культуры Перу. Никаких оправданий для преступлений испанских конкистадоров измыслить невозможно; посмертная судьба каждого из них была, надо полагать, ужасна. Но это — только одна сторона катастрофы, разразившейся в Южной Америке в 1532 году. Другую понять несравненно труднее.

Трудно принять то, что удивительнейшая и своеобразнейшая империя инков (для историка, впрочем, остающаяся только любопытным локальным раритетом) для метаисторического созерцания предстает феноменом совершенно другого масштаба, эмбрионом неосуществленного образования, грандиозного и устрашающего, чреватого срывом необозримых человеческих множеств с предательски скрытой духовной крутизны.

К моменту появления испанцев империя инков уже распространила почти на четверть южноамериканского материка тот необычайный духовный, экономический и социально-политический уклад (некоторые исследователи называют его теократическим социализмом), который характеризуется высоким материальным довольством, купленным ценой предельного

порабощения личности, ценой потери человеческого «я» в беспрекословно повинующейся безликой массе. Страшнее такого строя, доведенного до совершенства, то есть до превращения в дьявольскую машину массовых духовных убийств, нет ничего: мечта Гагтунгра в той мере, в какой она касается человечества, заключается именно в этом. Только масштабы при этом грезятся не национальные, а планетарные, но ведь надо же с чего-нибудь начинать... Если бы держава инков нашла в себе силы для отпора испанцам, для усвоения их технических и военных преимуществ и для дальнейшего самостоятельного развития, как, например, Япония, то через некоторое время человечество стало бы лицом к лицу с тиранией столь централизованной, столь совершенной, столь мощной и неколебимой, что взор теряется в мутных заревах общечеловеческих катаклизмов, не совершившихся именно благодаря испанцам, и только им.

Оправдываются ли этими дальними положительными следствиями те, кто совершал зверства над императором Атахуальпой, надо всеми личностями, составлявшими перуанский народ? Служат ли вообще в оправдание человеку, совершившему зло, косвенные, дальние, непредвиденные им положительные следствия его деяний? Странная мысль. Конечно нет! Косвенные, дальние следствия, которых он предвидеть не мог, будь они благими или дурными, не идут совершившему ни в оправдание, ни в осуждение. Оправдывается он или осуждается за совершенное только следствиями ближайшими, находившимися в поле его зрения, и, главное, теми побуждениями, которые им в данном случае руководили. В этом и заключается карма личная.

Что же пожинает своими страданиями и смертью человек, падающий жертвой национального бедствия? Отчасти он все-таки пожинает этим плоды личной кармы; если же он сам ни в каких злодеяниях не виновен, то он страдает и умирает не в качестве л и ч н о с т и, а в качестве ч л е н а национального коллектива и своим страданием и смертью способствует развязыванию этого кармического узла навсегда. В этом заключается карма коллективная, в данном случае — национально-культурно-государственная. Сумма личностей, составлявших перуанский народ во второй четверти XVI века и развязавших своей гибелью страшный узел национальной кармы, — освобождается ли эта сумма личностей тем самым для восхождения в иноматериальных мирах и для творения там своей просветленной метакультурной сферы? — Да, конечно. Такая сфера творится в ряду затомисов; она называется Интиль, и туда поднялись или поднимутся, рано или поздно, все, составлявшие некогда великий народ древнего Перу.

Подлежит ли в таком случае — не отдельные злодеяния конквистадоров, но суммарный факт уничтожения перуанской империи — некоторой *второй этической оценке*, такой оценке, которая не снимет с совершивших это зло ни осуждения нашей совести, ни беспощадных кармических следствий в посмертии каждого из них, вплоть до вековых мучений в Укарвайре или Пропулке, но которая даст этому злу относительное оправдание: оправдание не в плане индивидуальной человеческой моральной ответственности, а в плане становления народов и человечества, в плане стези демиургов? — Да, подлежит.

Именно в такой оценке проявится, в применении к разбираемому случаю, этика метаистории. Это есть как бы второй этический слой, простертый над привычным для нашего сознания и нашей совести слоем этики чисто гуманистической.

Обширное отступление это о некоторых принципах метаисторической этики было необходимо для ответа на вопрос, поставленный несколькими страницами ранее.

Да: в некоторых случаях метаисторическое созерцание может приводить к относительному оправданию (только в плане общечеловеческого становления, а не в плане индивидуальной кармической ответственности) завоевательных предприятий. И даже к невольному сокрушению о том, что такого-то предприятия не произошло. Примирить это с элементарными нравственными нормами, «ясными как день и необходимыми как хлеб», — можно, и я показал как.

Только теперь можем мы возвратиться к окончательному разъяснению проблемы об отношении Второго уицраора к мировому пространству.

Итак, почему же все-таки в плане метаисторическом надо считать ошибкой утрату такой пустынной, далекой, трудно сохранимой территории, как Русская Америка? И почему неосуществленному выходу в Индийский океан придается здесь такое значение?

Но ведь уже было упомянуто дважды об эпохальной задаче, поставленной перед российской государственностью: заполнение пространства между всеми культурами, ныне существующими. Заполнение — значит теснейшее соприкосновение со всеми ними, совместный обмен духовных излучений и, следовательно, не только внешнее сближение, но и взаимное духовное обогащение.

Упорное, ни перед какими затратами не останавливающееся, ускоренными темпами идущее освоение Русской Америки не могло бы не повлечь за собой возникновение теснейших, огромной важности культурных узлов между Россией и восходящей, одаренной огромными потенциями молодой культурой Соединенных Штатов. Весьма возможно, что Русская Америка, обогащенная открытием золота в ее недрах и пользуясь выгодами своей удаленности от метрополии, отделилась бы и образовала как бы вторую Россию, несравненно меньшую, но передовую, предприимчивую и, главное, демократическую. Обратное культурно-идеологическое воздействие ее на самодержавную метрополию активизировало бы силы освободительного движения в империи, придало бы ему совсем иную окраску, и к середине XX столетия, вместо изнемогания под тиранической властью Третьего Жругра, русские достигли бы уже более гармонического строя и более нравственного, мягкого и справедливого уклада жизни.

Выход на Индийский океан, в соприкосновение с арабо-мусульманской культурой не на ее захолустных окраинах, какими сделались Средняя Азия и Азербайджан, а у подлинных очагов этой культуры и, что еще гораздо важнее, в непосредственное соседство с неисчерпаемыми духовными богатствами высокоразвитых культур Индийской и Индомалайской — все это привело бы неизбежно к установлению сперва торговых, а потом и тесных куль-

турных связей со всеми странами индоокеанского бассейна. Близкое ознакомление с накопленными и созидающимися ценностями этих культур, со всем разнообразием и яркостью их психологических, социальных, религиозных, художественных обликов, с историческим и духовным опытом, который хранит каждая из них в своей литературе и быте, философии и религии, искусстве и нравственности, — все это так раздвинуло бы горизонт мыслящих слоев российского сверхнарода, что от его континентального полуевропейского провинциализма не осталось бы и следа. Двести лет продолжалось у нас культурное паломничество на Запад. Оно было необходимо, неизбежно, глубоко осмысленно и оправданно. Но исключительность этой обращенности русского взора на Западную Европу лишила русских возможности сопоставлять облики и ценности различных равновеликих культур; плоскостность и утилитаризм новейшей европейской цивилизации были восприняты широкими слоями как своего рода жизненная философия, как мироотношение, и удручающие последствия этого весьма далеки от своего изживания до сих пор. Культурное паломничество на Восток, к тысячелетним очагам духовности, ослабило бы воздействие этой клингзоровской стороны западного духа, уравновесило бы его тем идеализмом и той необходимой созерцательностью, без которых народная энергия оказывается обращенной на достижение только материальных благ, а ум — на постижение только рассудочно очевидных истин. Русские умеют хорошо ассимилировать. В ассимилированные же формы они вливают новое содержание; в итоге возникают совершенно своеобразные создания культуры и цивилизации. Примеров множество. Вспомним хотя бы о русской литературе, которой мы по праву гордимся, одной из глубочайших литератур: ведь жанры, в которых она жила и живет, заимствованы с Запада. Мало того: именно лишь после их ассимиляции родилась великая русская литература. Если же свершилось бы то, о чем я говорю, русская литература обогатилась бы новыми темами, жанрами, приемами, сюжетами, и они оказались бы адекватны идеям и образам тех шедевров, которые в действительности так и остались невоплощенными ни в чем. Русское изобразительное искусство обогатилось бы новыми способами видеть мир, оно не застряло бы на целых сто лет на реалистическом примитиве передвижников, а засверкало бы такими красками, композициями, чувствами и сюжетами, какие сейчас и представить невозможно. Русская архитектура, надолго истощившаяся после заимствованного с Запада, но по-своему претворенного классицизма, получила бы такой приток идей из неисчерпаемых сокровищ зодчества Востока, что вторую половину XIX и, наверное, все XX столетие пришлось бы рассматривать не как период ее глубокого упадка, а как ее золотой век. Россия (пора уже это признать) не создала философии. Тип философии, выработанный античностью и Западом, оказался неадекватным глубинным потребностям русской обобщающей мысли и почти ничем ее не оплодотворил. Так ли было бы, если бы перед широкими интеллигентными слоями предстали сто лет назад во весь рост философемы и мифологемы Востока? Консервативный провинциализм русского православия не был ни поколеблен, ни освежен вторжением европеизма. Но остался ли бы он столь аморфным и косным, если бы с Востока и Юга хлынул

поток идей, выработанных тысячелетиями духовной жизни в этой колыбели всех религий, в Азии?

Главное же: сверхнароду Российскому предстоит рано или поздно стать во главе созидания интеррелигии и интеркультуры. Возможно, что в дальнейшем ведущие роли в этом процессе перейдут к другим народам, но задача закладывания основ ляжет, по-видимому, именно на его плечи. Такому народу больше, чем какому-нибудь другому, необходимо не только знание, но и душевное понимание чужих психологий, умение синтетически претворять и любить другие умственные уклады, культурные облики, жизненные идеалы, иные расовые и национальные выражения духа. Что же могло бы сильнее способствовать этому, как не взаимопроникновение, дружеское, и, конечно, не единиц, а именно широких слоев, с историческими реальностями других культур? Что иное могло бы так уберечь от навязывания другим народам именно своего и только своего социально-политического строя, именно у нас господствующего в данный момент мировоззрения?.. В нашей истории должно было быть, но, к великому горю нашему и всего мира, не совершилось культурное паломничество на Восток и Юг.

Пока мы не освободимся от нашей национально-культурной спеси, пока не перестанем чувствовать так, как если бы Россия и в самом деле была лучшей страной на свете, — до тех пор из нашего огромного массива не получится ничего, кроме деспотической угрозы для человечества.

Возможно, некоторых из читающих мои аргументы не убедили, и они остались при своем недоумении относительно того, как же можно сожалеть о том, что российская экспансия не направилась полтораста лет назад в сторону Ирана. Разве не сводятся мои аргументы к перечислению выгод, которые получила бы от этой экспансии Россия, а интересы Ирана совершенно не принимаются в расчет?

Нет. Аргументы мои сводятся совсем к другому. Они сводятся к перечислению тех преимуществ, какие приобрел бы в случае этой экспансии российский сверхнарод не сам по себе и не сам для себя, а в качестве носителя совершенно определенной всемирной миссии. Сами по себе народы России просуществовали эти полтораста лет без присоединения Ирана, не погибнув и не захирев. И если бы моим ходом мыслей руководил национальный эгоизм, они были бы выражены где угодно, но только не на страницах «Розы Мира». Те изменения в российской культуре, истории, психологии, характере и мироотношении, которые вызвала бы эта экспансия, отразились бы и на том, что распространяет над миром Россия в середине и к концу XX столетия. Распространяемое ею было бы иным: более широким, свободным и гуманным, более терпимым, ласковым и добрым, более духовным. А в этом заинтересованы все народы мира, и народ иранский не меньше других. Исторические же потери, которые понес бы этот народ в случае завоевания Ирана русскими полтораста лет назад, вряд ли сделали бы его более несчастным, чем он был эти полтораста лет под владычеством своих шахов, и уж, во всяком случае, не более несчастным, чем была Средняя Азия после присоединения ее к России.

Но ведь выхода в Индийский океан — скажут — не произошло. Зачем же такая тирада о том, что упущено?

А затем, что мы, во-первых, разбираем вопрос о Втором уицраоре России, о его отношении к мировому пространству и о том, в чем он был прав и в чем неправ. А во-вторых, как это всякому известно, мы учимся именно на ошибках и упущениях прошлого. Осознав, наконец, что именно мы упустили, как исказили и утяжелили этим свой исторический путь и как затруднили осуществление миссии сверхнарода, мы в новых условиях, в другую эпоху можем постараться нагнать упущенное. Под этим я разумею, конечно, не какие-либо попытки вернуть себе Русскую Америку или захватить Иран: ныне и Россия, и весь мир проходят уже совершенно иной этап, и всякому ясно, что в современных условиях подобные замыслы были бы только смешным и вредным анахронизмом, напоминая того чудака, который плясал на похоронах лишь потому, что упустил это сделать на свадьбе. Я разумею совсем иное: воспитывание в себе, в нашей нации, в ее широчайших кругах именно такого отношения к другим культурам, другим психологиям, укладам, мировоззрениям. Отношения дружественного и чуткого, исполненного понимания, интереса, терпимости и любви; такого отношения, сутью которого является устремление духовно обогащаться самому, духовно обогащая всех.

Итак, Второй уицраор, временами почти задыхавшийся от мечты о своем физическом, то есть военном, могуществе, не только не сумел стать в уровень всемирных задач сверхнарода (на этот уровень не может стать ни один уицраор вследствие своей демонической природы), не только не насытил идею внешнего могущества каким-либо содержанием, но он *не оказался на уровне тех эпохальных задач*, какие ставились перед государственностью империи. Он остался глубоко провинциальным. Ибо всякий национализм, если понимать под этим словом предпочтение своей нации всем остальным и преследование ее интересов за счет остальных наций, есть не что иное, как провинциализм, возведенный в принцип и исповедуемый как мировоззрение.

Так доказал Второй уицраор свою несостоятельность по отношению к внешнему пространству. Как же справился он со своей задачей по отношению к пространству внутреннему?

Глава вторая
ВТОРОЙ УИЦРАОР И ВНУТРЕННЕЕ ПРОСТРАНСТВО

Пытаясь проектировать на плоскость человеческих понятий те требования демиурга, которые были поставлены перед демоном государственности при Петре, я подчеркнул в предыдущих главах насущную необходимость внутренних в России преобразований, а именно: упразднение боярства как ведущей силы (это и было совершено), передачу ведущей роли дворянству (это тоже было совершено) и среднему классу (этого совершено не было) с тем, чтобы постепенно поднять и вовлечь в гражданскую и культурную жизнь нищее, дикое крестьянство. Этого не было совершено тоже.

Тот исторический факт, что это не было совершено Петром, составлял только половину беды: сроки еще не были упущены. Настоящая беда заключалась в том, что этого не сумели или не хотели сделать его преемники в течение полутораста лет.

Если правильно понять те замечания об интеррелигии, интеркультуре, о превращении государства в братство, которые мне довелось уже сделать в предыдущих главах, то нельзя не сделать горького вывода: зрелище сверхнарода, вызванного из небытия ради подобных целей и после тысячи лет все еще пребывающего на 80 % своего массива в состоянии рабства, — такое зрелище вызывает тревогу и глубокую печаль.

Печален при этом не столько сам факт крепостного права: на известном этапе это было злом вряд ли отвратимым, обусловленным рядом объективных причин, всем известных, и обрисовать которые здесь не для чего. Печально и непоправимо было *запоздание* раскрепощения.

Нас ужасает зияющая бездна между долженствованием сверхнарода и тем этическим качеством народоустройства, которое он допускал у себя столько веков. Пугает разрыв между реальным этическим уровнем сверхнарода и тем уровнем, который требуется для осуществления его миссии. Притом задержка освобождения имела ряд ближайших, прямых следствий, отозвавшихся в свою очередь на действительности нашей, послереволюционной эпохи.

Какие из этих следствий наиболее важны с точки зрения метаистории?

Первое следствие — экономическое и культурное. Это — троглодитский уровень материального благосостояния и соответствующий ему уровень требований к жизни. Не говоря уже об этом как о полном, безотносительном зле, не возвышавшем, а принижавшем человека, поймем, что без этого фактора формация Третьего уицраора — этот монстр XX столетия — не получила бы возможности развернуть свою методику, мыслимую лишь в обществе, приученном ко всевозможным лишениям, убожеству и нищете.

Второе следствие — нравственно-психологическое. Это — устойчивые, глубоко вкорененные в психологию народных масс навыки рабского мироотношения: отсутствие комплекса гражданских чувств и идей, унизительная покорность, неуважение к личности и, наконец, склонность превращаться в деспота, если игра случая вознесла раба выше привычной для него ступени. Как трагически звучит признание, сделанное уже на пороге XX века одним из корифеев нашей литературы, Чеховым, о том, что даже он — он! — годами, всю жизнь, «по капле выдавливал из себя раба».

Без этой трудно и долго изживавшейся психологической особенности возникновение и пышный расцвет Третьего уицраора были бы невозможны также.

Третье следствие — религиозное в широком смысле. Из рабской психологии, из убожества требований и стремлений, из узости кругозора, из нищеты проистек и паралич духовно-творческого импульса. Нельзя сидеть при лучине с раздутым от голода животом, с необогащенным ни одною книгою мозгом и с оравой голодных и голых ребят и творить «духовные ценности». Народ, в лице крупнейших представителей доказавший духовную свою одаренность, глубину и размах религиозных возможностей, в массе своей за много веков не произвел духовных движений, более осмысленных, чем ста-

рообрядчество. Обозрение русских сект оставляет неизгладимо тягостное впечатление, в особенности на того, кто хотя бы поверхностно знаком с историей религиозной мысли в античности, в Византии, в Индии, в Германии. Русское сектантство — это либо всплески древней оргиастической стихии, смешавшейся с неузнаваемо замутненной струей христианства и превратившейся в мелкие завихрения мистической похоти, в подмену духовности излучениями Дуггура; либо же это рационалистические секты западноевропейского происхождения, свободные от хлыстовской мути и скопческого изуверства, но удручающие мелочностью своих заповедей, удивительным отсутствием эстетического начала, безмолвием воображения и какою-то общею бескрылостью, я бы сказал — безблагодатностью. В интеллектуально-обобщающую, с позволения сказать «богословскую», сторону всех этих сект лучше не углубляться совсем: это пустынный ландшафт, усеянный только мелкими колючками озлобленной и высокомерной полемики. Что же касается господствовавшей церкви, то, кроме пяти-шести имен выдающихся подвижников, в лоне этого единственного подлинно духовного водоема великой страны за два столетия не шелохнулась ни одна волна, не засверкала ни одна струя. Только бесшумные подводные течения — паломничество, странничество, келейное молитвенное делание да мистериальное приобщение масс к трансмифу христианства через богослужение и таинства еще свидетельствовали, что церковь не умерла.

Таково было третье следствие векового рабства масс и церковной политики империи. Вряд ли нужно указывать, что и без этого следствия было бы невозможно возникновение громады Третьего уицраора в том душеубийственном виде, в каком она сформировалась в истории. Был бы невозможен позднейший разлив примитивного материализма во всю ширь необозримого рабочего класса и полуинтеллигентных слоев. Было бы немыслимо то религиозное невежество новых советских поколений, которое сравнимо разве только с первобытным нигилизмом знаменитого в науке племени кубу. Словом, была бы невозможной устойчивость такого религиозного уровня, который поставит перед просветителями следующей эпохи, перед провозвестниками Розы Мира, задачу, почти сверхчеловеческую по своей трудности.

Но еще и другая вина удлиняла список вин отупевшего демона великодержавия. Я уже упоминал о ней вскользь; это — игнорирование насущнейшей исторической потребности — передачи ведущей государственно-общественной роли среднему классу.

Излагать правительственные мероприятия, в продолжении полутораста лет тормозившие развитие купечества и мещанства, державшие точно в опале низшее духовенство; указывать на бездействие государственности вплоть до эпохи Александра II в деле создания межсословной интеллигенции — значит повторять то, что известно всем. Но не мешает, может быть, высказать мысль, многими разделяемую, хотя еще не сформулированную, насколько мне известно, в нашей литературе: если бы государственность, не разрывая с дворянством, сумела опереться на купечество и мещанство еще в XVIII веке, если бы формирование национальной буржуазии и разночинной интеллигенции нашло место несколькими десятилетиями раньше, чем это

получилось, — история России повернула бы на другой путь, вероятнее всего — на путь эволюционный в узком смысле этого слова. Невозможно даже вообразить, от скольких бедствий и трагедий избавило бы это и нашу родину, и все человечество.

Однако, размышляя о винах Второго демона великодержавия, приведших в итоге к снятию с него санкции демиурга и к его гибели, мы не можем не спросить себя: но, быть может, эти вины несет не столько он, сколько неудачные проводники его воли, преемственно возглавлявшие Российское государство в последние века?

С древних времен вплоть до XX столетия Россия оставалась наследственной монархией. Поэтому династия становилась сама собой в положение главного проводника воли уицраоров. Но династию составляли не призрачные автоматы, не идеально пригодные для уицраора агенты, а живые люди, разнохарактерные по своим врожденным свойствам. Создавалась своеобразная шкала различных степеней инвольтированности. Иные из монархов становились в известной мере проводниками демонической воли лишь в силу занимаемого ими положения и, так сказать, логики власти; отсутствие специальных способностей делало их для уицраора только терпимыми, не более. Другие оказывались и вовсе непригодными для его целей: вялость умственных движений, крайняя неуравновешенность натуры или младенческий возраст при отсутствии подходящего регента делали их неспособными к осуществлению какой бы то ни было целеустремленной цепи деяний. Таких приходилось устранять насильственным путем (Иоанн VI и Анна Леопольдовна, Петр III, Павел). Таким образом, столкновение между волей уицраоров и живою пестротой человеческих характеров было одним из трагических внутренних противоречий того народоустройства, которое уицраор хранил и укреплял и которое могло возглавляться только наследственным монархом. Принцип наследственного абсолютизма оказывался инструментом крайне несовершенным, ненадежным, искажавшим осуществление метаисторического плана уицраоров постоянным вмешательством случайностей.

Но положение демона государственности осложнялось еще и тем, что, устраняя одних претендентов на власть и возводя других, к тому же роду принадлежавших, он создавал нечто, выходившее за пределы его разумения, как и все, связанное с областью этики, ибо уицраоры аморальны по своей природе. Я разумею сеть человеческой *кармы*, пряжу вин и воздаяний, нравственный закон преступления и возмездия. Согласно этому закону, преодолеваемому нечасто и лишь вмешательством могущественных Провиденциальных начал, вина, не искупленная при жизни, как бы раздваивается, отягощая не только посмертье совершившего, но и посюстороннюю судьбу его потомства.

Можно представить себе возникновение капитального психолого-исторического исследования, построенного на кропотливом изучении огромного биографического материала о жизни представителей династии Романовых, — исследования, которое вскрыло неуклонное осуществление закона кармы от патриарха Филарета до последнего императора и его детей. В нем пришлось бы коснуться не только внешнего течения судеб, но и глубины душевной жизни, внутренних коллизий, проникнуть в лабиринт которых может

лишь тот, кто сочетал эрудицию и беспристрастие ученого с воображением художника и с интуицией мыслителя. Я этими данными не обладаю, и в мою задачу входит лишь указание на возможность такой темы да несколько беглых замечаний об отдельных узловых моментах этой вековой династической трагедии.

Умерщвляя своего сына Алексея, Петр I так же мало подозревал о том узле, который он завязывает, как и его невидимый инспиратор. Бразды правления оказались в руках последовательного ряда членов династии, право на трон каждого из которых подвергалось сомнению. Из числа тринадцати монархов, занимавших престол от Петра Великого до Николая II, четверо взошли на трон путем переворота, а шесть погибли насильственной смертью. В залах Зимнего дворца и Ропши, в опочивальне Инженерного замка, в шлиссельбургских казематах и в подвалах революционного Екатеринбурга, даже на освещенной скупым зимним солнцем петербургской набережной настигал самодержцев роковой час, а нарастающий клубок вин переходил, обогащаясь новыми и новыми нитями, в судьбу их преемников.

Таким образом, столкновение между волей уицраора и непонятным ему законом человеческой кармы было вторым противоречием того народоустройства, которое он охранял и укреплял. Цепь же дворцовых переворотов оказывалась только выражением этой метаисторической неупорядоченности в вопросе передачи власти. Лица, стоявшие во главе державы, удачные или неудачные проводники воли Жругра, несли в посмертии каждый свое. Но ответственность за то, что в течение двухсот лет демон государственности не сумел и даже не пытался создать исторического инструмента, более совершенно воспринимающего инвольтацию и обеспечивающего закономерную смену человекоорудий во главе государственности, мог и должен был нести, конечно, только он сам.

Но главное еще не в этом. Если, рассматривая историческую деятельность уицраора, мы хоть на миг упустим из виду конечную его цель и мечту — идеальную тиранию, — мы запутаемся в противоречиях и в конце концов ничего не поймем в разбираемом материале. Цель идеальной тирании маячила перед Вторым уицраором сперва как отдаленная мечта, но со времени Петра Великого становится заметно следующее: демон великодержавия начинает как бы раскачиваться между попытками выполнить волю демиурга — и своей собственной тенденцией к превращению государственности в тиранический аппарат. Это можно проследить в деятельности Анны, Екатерины II, Павла и, наконец, Александра I. В конце царствования последнего готовность уицраора к выполнению демиургических предначертаний гаснет совершенно, и Николай I, став наконец послушным орудием охваченного непомерной гордыней уицраора, вступает на тот же гибельный путь, на который за триста лет перед тем вступил Иоанн Грозный.

Так приходим мы к пониманию причин, вследствие которых Вторым Жругром была утрачена санкция Яросвета и тем самым он оказался исторически обречен.

Я не хотел бы, однако, чтобы это рассмотрение деятельности Второго уицраора было бы воспринято в плане запоздалой критики. Это не критика, а

попытка оценки исторической деятельности того, кто три столетия возглавлял созидание цитадели игв внизу, в Друккарге, и цитадели российского великодержавия — наверху, здесь. Лишь метаистория может приближаться к оценке исторических явлений через постановку вопроса: а что произошло бы, если бы в таком-то случае был бы сделан не этот выбор, а другой, победила бы не эта сила, а противоположная? Метаисторическое размышление и чувство масштабности помешают при этом задавать вопросы касательно явлений второстепенных, а усвоенная методика воспрепятствует растеканию в предположениях фантастических и неправдоподобных. По-видимому, только на этом пока что пути возможно переключение общих положений телеологии, общего понимания истории как цепи знаков в п р о ч т е н и е этих знаков, в расшифровку действительности, в истолкование конкретных исторических явлений.

Глава третья
СНЯТИЕ САНКЦИИ

Когда граф Пален вырвал наконец у цесаревича Александра согласие на отстранение от власти Павла I, это было согласием именно на его отстранение. Об убийстве полубезумного императора вопрос не возникал. Предполагалось, что внезапно арестованный государь подпишет акт об отречении и будет отправлен в Павловск. Но никто из знавших характер Павла Петровича не мог быть уверен, что в эту ночь не прольется царская кровь. Цесаревичу предоставлялась полная свобода тешить себя упованием на благополучный исход предприятия, сколь угодно отгонять мысль о том, что несчастный маниак, считавший себя правым всегда и во всем, будет защищать свое царское достоинство и свои права, пока жив. Такая мысль не могла не гореть в трепещущей душе Александра. И когда кровь действительно пролилась, он счел себя виновным в отцеубийстве.

Если бы его восшествие на престол было законным, этим он принял бы на себя, как и всякий самодержавный монарх, груз государственной кармы: тот самый груз, который влечет за гробом, после распутывания кармы личной, участь строителя-раба в цитадели уицраоров. Теперь же Александр отягчил свое эфирное существо безмолвным, не формальным, а внутренним согласием на отцеубийство. Подобное преступление влечет за собою в посмертии падение в глубину трансфизических магм.

Конечно, то обстоятельство, что этот акт был, в сущности, мерой самообороны и Александра, и всего общества от деяний власти, внушенных заживо распадающейся психикой Павла I, облегчает в высшей степени тяжесть этой вины. Но субъективная совесть Александра говорила ему, что это не так. Был ли то страх загробного возмездия? Преобладающим оттенком его раскаяния было, по-видимому, другое: стыд. Стыд — и жалость к убитому. Стыд, жалость и то ни с чем не сравнимое, пронизывающе жгучее ощущение, которое составляет самую суть угрызений совести.

Это неотступное чувство, преследовавшее его везде и всегда и не утихавшее с годами, послужило одним из важнейших слагаемых в той сумме

причин, которые привели его к беспримерному в истории повороту судьбы — в самом конце царствования и уже за его хронологическим пределом.

Вторым слагаемым был врожденный мистический склад его натуры. Это был один из носителей такого характера, такого склада ума и такой концепции чувства, при которых человек ощущает все свои действия (и в тем большей степени, чем большая власть сосредоточена в его руках) как бы в непрерывной связи с некими инстанциями Добра и Зла, пребывающими и вне его, и внутри его души в духовном единоборстве.

Трепет глубокой совести (некоторые поверхностные наблюдатели принимали его за слабость натуры) и чувство ответственности достигали мучительной остроты благодаря стремлению прикладывать ко всему религиозно-нравственный критерий и склонности к самоанализу. Воля была достаточно крепка, чтобы выдержать борьбу с Наполеоном, если при этом сознавалось сочувствие человеческого множества; но недостаточно устойчива для неуклонного проведения широких замыслов, если в этих замыслах он был одинок. А одиноким его делало все, и притом все более и более одиноким: и положение самодержца, и оригинальность натуры, и склонность к идеям, не находящим отзвука в эпохе, и коллизии личной жизни, и, наконец, врожденная скрытность, усугубляемая чувством совершенного преступления.

Третьим же из главных слагаемых было в натуре Александра то, за что в кругах, близких к императору и чутких к тому, что от его личности излучалось, его до 1812 года называли «нашим ангелом», а после победы над Наполеоном прозвали «Благословенным» и «родомыслом девятнадцатого века».

Можно, конечно, усугубить свою врожденную близорукость до того, что во всех чуждых явлениях общественно-политической и идейной жизни видеть мотивы только низкие и мелкие. Тогда в этих прозвищах Александра мы не усмотрим ничего, кроме проявлений монархического низкопоклонства. Но важно то, что даже низкопоклонство присвоило ему именно эти наименования, и никаких иных. Почему-то ни один льстец даже не пробовал именовать его «мудрым», «доблестным» или «великим», но множество людей, и не только придворных, но и в слоях дворянских, купеческих и даже мещанских называли его почему-то именно «Благословенным», именно — «родомыслом». Может быть, эти прозвища были неточны, философски и исторически не оправданы; в них сказался, конечно, не вывод метаисторической мысли, а совсем другое: живая потребность народа, неискушенного в философских и мистических тонкостях, выразить свое понимание того, что личность этого монарха имеет какое-то особое значение, в высшей степени светлое, нравственное и, как тогда говорили, «угодное Богу». Очевидно, от личности царя излучалось нечто, резко отличавшее его от царственно-величественного, иногда благоволящего, иногда грозного и жуткого, но никогда не «ангельского» излучения личности его предшественников. Такое излучение дается только глубокою духовной жизнью, привычкой к ощущению своего этического долженствования и взвешиванием всякого своего шага на нравственных весах.

Эти три слагаемых — глубокая совесть, мистический склад натуры и чувство этического долженствования себя как самодержца и человека —

были проявлениями глубиннейшего существа императора Александра, его лучшего, его высшего я.

Противостояло же этому два фактора: врожденный и приобретенный.

Только 1/16 часть крови в жилах Александра была русской. То была наследственность Великого Петра, прошедшая через психофизическую форму убогого Петра III и душевнобольного Павла. Как бы отравленная на этих ступенях рода, она смешалась на них с густой, упорной, неуступчивой кровью владетельных родов Германии. Благоговение перед прусским началом; ощущение всего немецкого как иррационально-родственного; любовь к милитарной парадности; представление о высоком, будто бы нравственном значении, милитарности вообще в сочетании с мелочным и формальным пониманием качеств воина; восторженное, почти экстатическое отношение к шагистике и муштре — все это передавалось в династии с поразительной неуклонностью из рода в род начиная с Петра III и до Александра III включительно. В Александре I это начало было выражено слабее, чем во многих других, но свободным от него он не был и быть не мог. Это было сильнее его, потому что это была наследственность.

И, наконец, фактор приобретенный: он играл в деятельности Александра немалую роль, и притом чисто отрицательную. Это была та «логика власти», которая присуща всякому единодержавию. Уже самое пребывание на престоле вынуждает монарха порою подчиняться голосу демона государственности: вопреки морали, вопреки собственной человечности, вопреки высокому разуму. Многие из таких проявлений, хотя и не все, иные политики бывают склонны именовать оправдывающими и даже льстивыми терминами: «государственный здравый смысл», «государственный реализм». Демон великодержавия самостен и абсолютно эгоцентричен. Он не способен поступаться своими непосредственными интересами ради каких бы то ни было общих идей. Именно этим объясняются психологически те случаи, когда преобразования, начатые под влиянием высоких идеалов, замирали, не доводились до конца или искажались до неузнаваемости; когда государство упрямо отказывалось от малейшего ограничения своего суверенитета ради объединения с другими для преследования целей общих, а не частных; когда, упираясь в политическую традицию, точно в землю копытами, власть сопротивлялась силам в собственной стране, добивавшимся самых насущных, исторически оправданных реформ; когда, наконец, охваченная животным страхом за собственное существование, она отваживалась на массовые репрессии, этим отталкивая от себя и тех, кто доселе были ее сторонниками. Надо быть совершенным родомыслом, чтобы, находясь на престоле, никогда не поддаваться этому голосу. Александр же, вопреки молве, родомыслом не был.

В его сложной натуре голос «государственного здравого смысла» причудливо скрещивался с иррациональным страхом перед люциферически-революционным началом, с глубокой травмированностью психики революционными бурями в Европе. Этот голос спорил с его лучшим «я» все те годы, пока длилась его реформаторская деятельность. Этот голос заставлял его мельчить и выхолащивать проекты преобразований; звучание этого голоса победно усиливалось, когда с ним сливался хор реакционных общественных кругов с

участием солиста Карамзина, вопиявших за сохранение крепостного права; этот голос заглушил все остальные перед Отечественной войной, когда идеолог и осуществитель реформ Сперанский был отправлен в ссылку. Именно это все и доказывает, что родомыслом Александр не стал, несмотря на несомненные к тому возможности.

Но наступил великий исторический момент, когда противостояние двух воль в его стране и в его душе — воли демиурга и воли самодовлеющего великодержавия — внезапно совпали, и раздиравшееся ими сознание царя озарилось блеском совершенной уверенности в правоте его дела, в помощи Божией. Наполеон вторгся в Россию.

Провиденциальность исхода Отечественной войны настолько бросается в глаза, что не нуждается ни в каких пояснениях. Бородинские залпы и зарево Москвы воистину пробудили дремотное сознание и волю тысячелетнего раба. Что же касается провиденциальности самого хода событий, эту войну ознаменовавших, то она уясняется скорее всего из тех огромных исторических итогов, которые война 1812–<18>14 годов могла иметь, только развиваясь именно так, а не иначе. Пробуждение самосознания и активизация сил во всех слоях населения были бы невозможны без мощного толчка, каким явились Бородинская битва, занятие неприятелем древнего, священного сердца страны и пожар его. Сокрушение империи Бонапартов не совершилось бы, если бы, как желал Кутузов, русские ограничились изгнанием врага из родных пределов. Проникновение в русское общество идей и живых впечатлений более зрелой культуры — а последствия этого проникновения были неисчислимы — оказалось бы немыслимо без перенесения войны на поля Западной Европы и длительного пребывания русской армии там. Все это очевидно. Гораздо менее очевидно и менее изучено другое: радикальное отличие первоначальной идеи Священного союза, принадлежавшей лично Александру, от того, во что выродился Священный союз, когда Александр, не встречая понимания ни в России, ни на Западе, отступил, и европейская реакция, обретая орудие в «государственном здравом смысле» и аморальной воле Меттерниха, использовала это учреждение в интересах местных охранительных начал.

Отблеск высокого этического долженствования всегда мерцал на представлениях Александра о верховной власти, ее смысле и назначении. С этими представлениями, возникшими еще в юности отчасти под влиянием Лагарпа и от сопоставления с разнузданным произволом Павла I, он вступил на престол; исходя из них, он предпринял оборвавшиеся потом реформы; эти представления маячили перед его мыслью в 1812, 1813 и 1814 годах; и они же осенили высшей внутренней санкцией идею Священного союза.

Идея Священного союза, как она рисовалась Александру, заключалась, по-видимому, в объединении всех ведущих наций Европы в некое гармоническое, религиозно-нравственной истиной вдохновляемое целое, под руководством тех, кто представлялся сознанию того времени естественными, законными правителями народов. Руководство это становилось инстанцией, превышавшей суверенитет отдельных наций, и должно было обеспечить Европе безопасность от войн, переворотов и диктатур, внутреннее спокойствие,

развитие духовных сил и постепенное нравственное совершенствование христианского мира[1].

Таким образом, идея Священного Союза была первым в истории шагом к объединению человечества, по крайней мере христианского, сверху, мирным путем. Никаких прецедентов этому мы не найдем, разве только в космополитической иерократии римских пап. Нужно ли, однако, показывать, насколько ближе была и идея, и даже методы Св<ященного> Союза к гуманистическим, гражданственным предприятиям XX ст<олетия>, чем к насильственному жреческому автократизму Средних веков? Дальнейшим этапом этой идеи было не что иное, как расширение идеального объема желаемого союза до всечеловеческих границ и попытка конкретно воплотить его в Лиге Наций, потом в ООН и, наконец, во всемирной федерации будущего.

Метаисторика все это удивить не может. Если предощущение, хотя бы человечески ограниченное, целей Яросвета как целей превращения всемирного народоустройства в братство станет его драгоценнейшим упованием, может ли ему показаться странным или психологически необоснованным то, что первое, приближенное отображение этого замысла возникло в сознании именно этого монарха? В чьем же тогда сознании, если не в сознании Александра, самого глубокого, самого религиозного и самого этически чуткого человека из всех, занимавших русский престол?

Но если в каком-либо государстве, за которым стоит уицраор, государственный руководитель искренно и всерьез провозглашает идеалы этического порядка, за этим следует одно из двух: либо силы демона великодержавия устраняют такого провозвестника как досадную помеху, либо уицраор надевает провозглашенный идеал, как маску, на собственную морду, постепенно выхолащивая первоначальный замысел провозвестника и превращая этот замысел в его противоположность.

Тем более этого не могло не случиться с идеей, которою Александр опередил свое время на целое столетие. Связанный уицраориальным принципом легитимности, император не смог измыслить никакой высшей надгосударственной инстанции, кроме как доброй воли и живой совести христианских государей. А так как это были не идеальные люди, а самые обыкновенные короли, руководимые прежде всего пресловутым «государственным реализмом» и «здравым смыслом», то можно было сказать с самого начала, что практика дискредитирует идеал, и ничего больше.

Естественно, что в этом величайшем, действительно мировом замысле своей жизни Александр оказался одиноким еще больше, чем в каком-либо другом.

Через три-четыре года императору стало окончательно ясно, что руководители европейских держав проникнуться подобными замыслами неспособны; что в умственной сфере России идея эта не воспламенила ни одного сердца, не нашла отклика ни в одной душе; что государственных дея-

1. Ограниченность Священного союза сферою христианских народов была совершенно естественна для религиозно-политического кругозора в начале XIX в<ека>. Бросать Александру упрек в неполной универсальности его идеи так же странно, как, например, обвинять Петра в том, что он не создал отечественной авиации.

телей, на понимание которых император мог бы опереться, нет — нет ни единого; и что Св<ященный> союз в том виде, как он мечтался, неосуществим. Хуже того: уже будучи создан по его же инициативе, он неуклонно трансформируется в чисто политический инструмент феодальной реакции и, в частности и в особенности, в орудие узкой, своекорыстной политики австрийского двора.

Победителем Наполеона, арбитром великих держав, господином Европы он возвратился в Петербург. Тонкий дипломат, блестящий danseur[1], джентльмен до кончиков ногтей — таким остался он в памяти высшего европейского общества.

Неисправимый любитель военных парадов, способный проводить часы и дни над изобретением новой формы петлиц или галунов для какого-нибудь гвардейского полка; царственный всадник, в минуту торжественного въезда в столицу внезапно бросившийся с саблей наголо за мужиком, неосторожно перебежавшим ему дорогу; друг Аракчеева. Таким узнали его теперь в России.

Таким знал его и Пушкин. Вглядевшись в «бюст завоевателя», он решил, что портрет правдив.

Напрасно видишь здесь ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку,
И гнев — на хладный лоск чела.

Но рука искусства не сделала ни единого движения резцом, чтобы дать понять людям, что перед ними — портрет мечтателя о превращении человечества в христианское братство; портрет жадного искателя мистических бесед с престарелой духовидицей, госпожой Крюдинер; портрет неутомимого читателя Священного Писания, отцов церкви и визионеров Запада; портрет несчастного человека, часами простаивавшего на коленях в своей одинокой комнате, а ночью плакавшего в подушку как дитя.

Как понимал он крушение своей мечты об идеальном Священном союзе? Вероятно, он видел в этом знак того, что его светлый замысел неугоден Провидению. Неугоден не сам по себе, а потому, что с этим замыслом осмелился выступить он — он, преступник, нарушитель самых основ нравственного миропорядка в ночь своего восшествия на престол.

Ему постоянно чувствовалось так, будто Провидение ждет от него какого-то шага, о котором он не может догадаться. Очевидно, деятельностью своей как государя он должен искупить этот грех. Да и только ли этот? Разве не лежат не нем вины всей династии, этого «темного дома Атридов, где возмездие переходит с головы на голову»[2]? В 1812 году он надежды Промысла оправдал — это он чувствует непреложно. Но до и после войны… Что он должен сделать, что? Священный союз — это, очевидно, то, что следует, но его деяние не принято свыше: он недостоин. Реформы?..

1. Танцор (*фр.*) — *Ред.*
2. Выражение Д. Мережковского.

Реформы…

Да: вот была задача, которую он не сумел решить. Вот была последняя оттяжка, данная демону великодержавия! Быть может, если бы возвращение Александра из освобожденной им Европы ознаменовалось широкими преобразованиями; если бы в цитадели уицраоров демон сам разрушил темницу Навны, а его человекоорудие — император — отобразил этот великий акт тем, что, ограничив права самодержца и отменив жестокие запреты, открыл врата свободному волеизъявлению народа — санкция демиурга не оказалась бы снята с демона государственности. Но Жругр становился все самовластнее. Косность его росла, надежда на возможность инвольтации его силами Яросвета иссякла. Его голос — то, что мы называем логикой власти и государственным здравым смыслом, совпадал с голосом наследственности и с иррациональным страхом перед революцией. Он и раньше твердил государю, что, становясь на путь реформ, Александр ошибся; после пребывания на Западе Александр убедился в этом окончательно. Этот голос уверял, что меттерниховский вариант Священного союза — все же лучше, чем новый тур европейских революций и падение России в этот потоп. И этот же голос способствовал раздвоению жизни Александра с 1816 года: с одной стороны — Аракчеев, реакция, военные поселения, Магницкий — то, что могло, казалось, хотя бы отсрочить бурю, раскаты которой воспринимались издалека; с другой — тайная, напряженная, скорбная жизнь души, ее уход во внутреннее пространство, метание от идеи к идее, смертельная тоска от желания осмыслить наконец свой долг, понять свое долженствование. Судить о том, на какой именно год падает момент прояснения, момент отчетливого понимания, что последний отблеск божественных лучей над помазанником и надо всей империей погас, у меня нет данных. Очевидно только, что это произошло в конце царствования.

Но пока этого не совершилось, его религиозная жизнь требовала какого-то действия, видного всем, какого-то увековечивания его горячей веры, как бы благодарственной хвалы Богу за те героические дни борьбы с иноземным завоевателем, когда он чувствовал (всего какой-нибудь год из двадцати пяти лет царствования), что он делает именно то, чего хочет от него Бог. И он приступил к выполнению своего обета, к сооружению храма в память Отечественной войны. На конкурсе проектов его поразил необыкновенный архитектурный эскиз: могучие лестницы, поднимающиеся от реки, глубокие пещерные залы — усыпальницы павших на Бородинском поле, за рядами тяжелых колонн таящиеся в обрыве высокой прибрежной гряды; над ними, уже на гребне — просторный и торжественный храм, а еще выше — подобно золотой вершине вознесенная в синеву великолепная ротонда с царственным куполом. Это был проект Александра Витберга — молодого, почти никому не известного, даже не питомца Академии художеств. И в императоре заговорил тот, чье тончайшее художественное чутье, высокий вкус и эстетическая окрыленность способствовали подъему русской архитектуры до ее зенита, а столицу превратили в один из красивейших городов мира. Проект был высочайше утвержден мимо всех проектов прославленных академиков. И в 1817 году в Москве, на Воробьевых горах, при стечении пятисот тысяч чело-

век, после торжественного молебствия с участием нескольких сот иерархов церкви, в присутствии царя был заложен храм Тела, Души и Духа.

Но год проходил за годом, а замысел не воплощался. Песчаный грунт Воробьевых гор не мог выдержать тяжести столь грандиозного сооружения. Витберг был отстранен от руководства строительством, работы приостановлены. На Воробьевых горах по-прежнему шумели березы и шелестели пустынные поля.

А он?

Внутренняя тревога гнала его с места на место, из одного дворца в другой, из города в город. В распутицу и в метель, в стужу и в зной мчалась, пугая прохожих, императорская карета по полудиким губерниям, по жалким приземистым городам, по штампованным на одно лицо военным поселениям. Один за другим восходили и опускались за свинцовый горизонт годы скорбной и уединенной работы духа внутри самого себя.

Но человека с таким душевным строем, каким был Александр, человека, чья совесть истекала кровью, как от величайшего преступления, от того, через что другой перешагнул бы, не замечая; человека, убедившегося за двадцать лет царствования в невозможности озарения государственности светом высших начал; человека, осознавшего на своих плечах тяжесть религиозного и этического долга за всю династию и за всю страну; человека, издавна задумывавшегося над высшей правдой иноческого пути и, следовательно, над искупительным смыслом отречения от престола, — такого человека эта работа духа неотвратимо должна была привести к выводу, переворачивающему жизнь в самых ее основах и уводящему судьбу из поля зрения истории в сумрачную и таинственную даль.

Глава четвертая
ПОДВИГ

«Государственность отягощена первородным грехом; озарить ее невозможно». Вот в какую формулу, мне думается, мог бы он облечь субъективный опыт царствования, невольно пользуясь традиционными понятиями христианства.

Он сам, — и как монарх, и как нарушитель в кровавую ночь на 12 марта этических основ ради благополучия и себя самого, и своей державы, — он сам вдвойне стал носителем этого первородного греха аморальной государственности. Он чувствует себя ответственным и за тех, кто царствовал до него, и за тех, кому суждено царствовать в будущем. Может ли он эту ответственность оправдать, оставаясь на престоле? Но то облагораживание государства, какое вообще осуществимо практически, грозит расшатыванием всех скреп, революционным взрывом, крушением всего. К какому-либо иному просветлению нет объективных путей; да у отцеубийцы все равно не было бы на то субъективного права.

Есть иная правда — надгосударственная. Единственная, в которой он незыблемо убежден. Покаяние — любовь — духовное делание для человечества во имя Божие.

Что же: торжественное отречение от престола ради монастыря? Но он — не Карл V. Превратить интимнейшую драму судьбы и души в театрально-мистический маскарад на глазах всего мира… О, только не это! Монастырь — да, но уйти так, чтобы об этом не подозревал никто. Оставить державу тем, кто еще молод, исполнен сил, не знает угрызений совести, не заклеймен преступлением, не догадывается об этих страшных дилеммах этики и религии. Уйти! Уйти безвестным странником, по пыльным дорогам, из села в село. Какой для него отрадой было бы просить милостыню! Но он лишен права даже на это. Богатейший из монархов земного шара, в нищенском рубище, клянчит грош у своих подданных: что за недостойная комедия!.. Нет. Посвятить в тайну двух-трех людей — без этого не удастся ничего устроить, — в том числе императрицу Елизавету. Она поймет. Она оправдает и поможет. И уйти так, чтобы все сорок миллионов подданных думали, что он почил. Чтобы закрытый пустой гроб был опущен на глазах у всех в усыпальницу царского дома.

Когда-то, в минуту величайшей опасности для его страны, он обмолвился, что лучше отпустит себе бороду и уйдет в сермяге по дорогам, чем покорится врагу. И вот наступило время не слов, а дел. Враг теперь — не император французов, а сам демон великодержавия, но уйдет он от него именно так. В армяке или в чуйке, как простой мещанин, доберется до намеченного монастыря. Постригаться ему еще рано: сперва нужен послух. Поступить в послушание к одному из подвижников, которые прославили себя мудростью и чистотой жития. Молиться всю оставшуюся жизнь, очищая себя и искупая. Молиться за Россию. За грешный, кровавый царский род. За просветление его; за умудрение его; да минует внуков и правнуков чаша возмездия! А если этого не суждено, пусть зачтется им на суде загробном эта малая лепта, которую принесет он. За них! за всех! за весь народ, уже покрытый тенью чего-то неведомого, стоящего впереди, — чего-то непостижимо страшного.

Конечно, ход его мыслей не мог быть точно таким: я привношу оттенки, свойственные моему сознанию. Нельзя найти никаких указаний на то, что он сознавал или отчетливо чувствовал существование демона государственности и демиурга как трансфизических личностей, как иерархий. Кроме того, его должна была долго мучить идея, глубоко вкоренившаяся в церковном, в конфессиональном сознании: идея о том, что тот, кто помазан на царство, не имеет права добровольно сложить с себя корону — никогда и ни при каких обстоятельствах, ибо это равнозначно предательству задач, возложенных на него свыше. Вероятно, эта идея долгое время препятствовала ему совершить роковой шаг. Препятствовала до тех пор, пока он не ощутил явственно, что с тех сил, которые руководят его государством, Божие благословение снято, и очевидно, навсегда. Надо полагать, что только тогда он почувствовал себя вправе на уход. Во всяком случае, направление его душевного процесса, основные вехи внутреннего пути были, очевидно, такими. Это доказывается всем предшествовавшим и всем последовавшим.

Ранняя осень 1825 года, солнце, золотая листва. И уже не то мучительное беспокойство, которое заставляло метаться по всем губерниям и городам империи, но тщательно продуманный план приводит его в Таган-

рог. Рубеж жизни достигнут, совершается небывалый поворот судьбы. К государю не допускается никто, кроме императрицы, лейб-медика и камердинера: время, достаточное для последних приготовлений. Затем приносится гроб. Из Таганрога на север выходит высокий пожилой путник в одежде простолюдина, с мешком за плечами, с палкой в аристократически маленькой руке. А во дворце — заглушенные движения, шорох, шепчущие голоса. Гроб завинчивают и заливают свинцом. Россия оповещается о скорбном событии — безвременной кончине императора Александра. Лейб-медик рисует профиль государя на смертном одре: это в столице должно послужить доказательством, что император действительно умер и в гробу действительно его тело. И гроб везут через всю Россию, чтобы в Петербурге опустить его с подобающими церемониями в усыпальницу царской фамилии.

Историческая наука еще не произнесла своего авторитетного приговора над тем, что до сих пор носит в литературе странное наименование: «Легенда о старце Федоре Кузьмиче»[1]. По-видимому, силы Жругров — и второго, и третьего — немало потрудились над тем, чтобы создать и в династии, и в обществе, и в научных кругах такое умонастроение, при котором самое предположение об уходе императора Александра казалось бы фантастическим. Это естественно. В глазах государственной церкви подобный акт оставался изменой, предательством, духовным преступлением. Глазам династии он представлялся грозным соблазном для народа, опасным прецедентом, вызывающим сомнение в законности пребывания на троне всех последовавших монархов и, уж во всяком случае, сомнение в моральном существе государства. Понятно, что до гибели Второго уицраора серьезное научное исследование этого вопроса оставалось практически неосуществимым. Когда же в трансфизических слоях России власть принял Третий Жругр, возникло другое, не менее внушительное препятствие: чтобы над кем-либо из государей низвергнутой династии сиял ореол подвига, самоотречения, святости, допустить было нельзя. И все же обнаруживаются новые данные, ждущие изучения. За рубежом появляются исследования, замалчиваемые здесь. После революции наука, став послушной рабой Третьего уицраора, поспешила дискредитировать имена многих деятелей прошлого, но мало к кому она отнеслась столь враждебно, как к Александру I. Его образ развенчивали, стремились унизить, измельчить, запачкать, стремились сделать психологически нелепым самое предположение о реальности его ухода. В этом, быть может, сказалась интуитивная догадка о том, что новый демон великодержавия приобрел в лице этого великого духа непримиримого и могущественного врага. На «легенду» о старце Федоре Кузьмиче опустилось точно заговорщицкое молчание, и даже тот потрясающий исторический факт, что при вскрытии гробниц Петропавловской крепости гроб Александра I оказался пустым, остался почти никому не известен.

1. Слово «легенда» здесь неуместно во всяком случае, т<ак> к<ак> научному сомнению подвергается не историчность самого Федора Кузьмича, но идентичность его императору Александру.

Я не могу вдаваться здесь в изложение аргументов в пользу этой так называемой легенды. Я не историческое исследование пишу, а метаисторический очерк. Тот же, перед чьим внутренним зрением промчался в воздушных пучинах лучезарный гигант; тот, кто с замиранием и благоговением воспринял смысл неповторимого пути, по которому шел столетие назад этот просветленный, — того не могли бы поколебать в его знании ни недостаточность научных доказательств, ни даже полное их отсутствие.

О, сто лет назад он был еще совсем, совсем не таким. Сохранился портрет во весь рост старца Федора Кузьмича, написанный неопытной кистью местного (кажется, тобольского) живописца. Этот документ был опубликован[1]. Он красноречивее любых доказательств. Он ошеломляет.

Огромный, голый, полусферический череп. Над ушами — остатки волос, совершенно белых, наполовину прикрывающих ушные раковины. Чело, на «хладный лоск» которого «рука искусства» наводила когда-то тайный гнев, теперь почти грозно. Губы, отчетливо видные между усами и редкой бородой, сжаты с невыразимой скорбью. В глазах, устремленных на зрителя, — суровая дума и непроницаемая тайна. Горестной мудростью светят эти испепеленные черты — те самые черты, которые видели мы все столько раз на портретах императора, — именно те. Они преобразились именно в той мере и именно так, как могли бы преобразить их года и внутренний огонь подвига.

Для того чтобы «подделать» это портрет, чтобы умышленно (да и ради чего?) придать старцу нарочитое сходство с Александром и при этом с такой глубиной психологического проникновения постичь всю логику духовной трагедии этого царя — для этого безвестный живописец должен был бы обладать прозорливостью гения. Но здесь не может идти речь не только о гении, но даже о скромном таланте: как произведение искусства портрет почти безграмотен.

Я невольно начинаю аргументировать. Мне бы хотелось привлечь все средства, чтобы передать другому свое знание. Потому что великих властителей с подобным историческим катарсисом едва ли удастся насчитать в мировой истории больше, чем пальцев на одной руке. Диоклетиан? Но, отказавшись от власти, он ушел не в «пустыню», а просто в частную жизнь, как и Сулла. Карл V? Но он и в монастыре св. Юста не забывал государственных дел, а жизнь его там была окружена таким комфортом, какому позавидовал бы любой герцог. Нет, мне вспоминаются некоторые государи Индии, воистину великие — великие духом. Приходят на ум образы Чандрагупты Маурья, основателя первой Индийской империи, после блестящего царствования отрекшегося от трона, вступившего на аскетический путь джайнов и покончившего жизнь тем искупительным самоубийством, которое допускается в этой религии: отказом от пищи; одна из колоссальнейших фигур всех времен и народов, император Ашока, после сокрушительной победы над государством Калингой постигший греховность убийства человека человеком, возвестивший об оставлении им

1. Жизнеописание отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. Январь, 1906 г. Изд. Афонского русского Пантелеймонова монастыря.

пути «завоевания мира» ради пути распространения благочестия и после длительного царствования, едва ли не светлейшего в истории, принявший буддийский монашеский сан. Но все эти судьбы глубоко индивидуальны. И второй истории о тайном уходе государя могущественной державы и о смерти его через много лет в полной безвестности я не знаю.

Мое горячее желание — чтобы это было наконец понято. Именно поэтому я иногда прибегаю к историческим аргументам. Но этого я не должен, этого я не хочу. Это — задача исследователей. Я же — безо всякой, конечно, аргументации — могу только чуть-чуть указать на метаисторический смысл некоторых явлений.

Те годы совпали с последними годами жизни русского святого, которого можно и должно поставить рядом с великими подвижниками далеких времен: преподобного Серафима Саровского. Молва о нем широко разливалась по стране, и среди почитателей Саровского пастыря и чудотворца обозначились имена с великокняжеской титулатурой.

В конце 1825 года в Саровскую обитель прибыл неизвестный человек средних лет. Его исповедовал сам преподобный Серафим, и вновь прибывший был принят в монастырь под начало преподобного как послушник под именем Федора. Его происхождение и прошлое оставались неизвестными, по-видимому, никому, кроме преподобного.

Миновало несколько лет — время, достаточное для того, чтобы официальная версия о смерти в Таганроге императора Александра крепко вошла в общественное сознание. Немногие посвященные свято хранили тайну: каждый понимал, что приоткрыть хоть крайний уголок ее — значит закончить жизнь в казематах Шлиссельбурга либо в других, еще более скорбных местах. У всех было еще свежо в памяти 14 декабря, и малейший слух, способный посеять сомнение в правах императора Николая на престол, был бы истреблен в самом зародыше. Императрица Елизавета умерла. Новый государь наложил руку на ее письма и дневники, прочитал их в полном уединении и собственноручно сжег в камине.

Сжег в камине. Но прошло немного времени, и в Саровскую обитель, отстоявшую от Петербурга на 1200 верст, внезапно пожаловал он, государь император. Аршинными, как всегда, шагами, выгнув грудь колесом и глядя вперед стеклянным, трепет наводящим взором, прошествовал он со свитою в скромный храм. На паперти его ждал в праздничных ризах маленький горбатый старичок со множеством мелких морщин и с голубыми глазами, такими яркими, будто ему было не 70, а 17 лет. Император склонился, и его пушистые, благоухающие, холеные подусники коснулись руки святителя — бледной, с загрубевшими от постоянной работы пальцами, но странно пахнущей кипарисом.

После торжественной службы и не менее торжественной трапезы государь удалился в келью настоятеля. И там в продолжение двух или трех часов длилась беседа троих: Серафима Саровского, Николая I и того, кто теперь трудился в Сарове под смиренным именем послушника Федора.

Что почувствовал Николай, увидев своего предшественника на престоле, родного брата, здесь, в глуши, нарушаемой лишь колокольными звонами, в простой черной рясе? Сколь ни был он упоен всегда собственным величием, но в первую минуту встречи смешанное чувство трепета, ужаса, скорби, преклонения, странной надежды и странной зависти не могло не пройти волной по его душе. В духовные трагедии такого рода, как трагедия его брата, он не верил никогда, все подобное казалось ему или блажью, или комедией. Теперь — может быть, всего на несколько часов или даже минут — он понял, что это не игра и не безумие; и смутная радость о том, что за него и за весь царский род предстательствует этот непонятный ему искатель Бога, в нем шевельнулась.

О чем же они беседовали? Обстановка исключала возможность малозначащих тем или расспросов о личной жизни каждого. Не для этого одолел император тысячу верст на лошадях. Уговаривал ли его Александр Павлович о тех преобразованиях, от которых когда-то уклонился сам? Не на лошадях, а пешком одолел он тысячу верст от Таганрога до Сарова и не из окна кареты узнавал и узнал свою страну. И если его многому научили страшные зрелища российской жизни, то, уж конечно, в первую очередь тому, что отказ от немедленного освобождения крестьян — морально чудовищен и политически безумен.

Но к чему могла привести эта беседа? О чем бы Александр ни просил, о чем бы ни увещевал брата, как ни пытался бы передать ему выстраданное знание — как и что могло бы дойти до молодого самодержца, пребывавшего в зените своего могущества? — Они говорили на разных языках.

Государь вернулся в Петербург. Логика власти продолжала свой неукоснительный ход. И та слепота, которую политики того времени считали государственным здравым смыслом и назвали бы, вероятно, государственным реализмом, если бы это словечко уже было изобретено, продолжала стремить империю к ее концу.

Конечно, только накануне своего ухода мог император Александр надеяться на то, что индивидуальный подвиг или хотя бы даже духовный труд всей Небесной России в состоянии упразднить кармическую сеть династии, спасти ее от неотвратимой мзды. Когда, давно уже покинув Саров, он в глубокой старости умирал в сибирской тайге, сознание его было уже безмерно яснее и он прозревал в такие глуби и выси, о каких вначале, вероятно, не подозревал.

Что заставило его покинуть Саров, мы не знаем. Преподобный Серафим преставился в 1832 году, а осенью 1836-го к одной из кузниц на окраине города Красноуфимска подъехал верхом бедно, хотя и чисто одетый очень высокий человек преклонного возраста. Он просил подковать ему лошадь. Но и облик его, и манера речи показались кузнецу и народу, там толпившемуся, необычными и странными. Задержанный и направленный в городскую тюрьму, он назвался крестьянином Федором Кузьмичом, но от дальнейших разъяснений отказался и объявил себя бродягою, не помнящим родства. Его судили именно за бродяжничество и сослали в Сибирь на поселение, предварительно наказав еще двадцатью ударами плети. Местом поселения была назначена деревня Зерцалы Томской губернии.

Так начался сибирский период его жизни — долгий, 28-летний период. Казаки, крестьяне, купцы, охотники, священники — все принимали горячее участие в его судьбе, так как его скитальческая жизнь, благочестие, врачебная помощь, которую он оказывал населению, и религиозные беседы, которые он вел, скоро стяжали ему ореол праведности и прозорливости. Но сам он считал себя отягощенным великим грехом и, где бы ни случалось ему жить, большую часть времени проводил в молитве. Везде и всегда с ним было несколько религиозных книг, икона Александра Невского и маленькое слоновой кости распятие, поражавшее всех нерусским характером работы. О своем прошлом Федор Кузьмич не говорил никогда никому, даже оказывавшим ему особое уважение епископам Иннокентию и Афанасию Иркутскому. Лишь иногда в его речах слушателей поражало такое глубокое знание событий 1812 года, такие подробные воспоминания о жизни высших петербургских кругов, какие могли бы быть достоянием только их непосредственного участника.

Скончался Федор Кузьмич в 1864 году. Детской дерзостью была бы попытка догадываться о том, какие дали «миров иных» приоткрывались ему в последние годы и в какой последовательности постигал он тайну за тайной. Каждый из духовных путей единственен и во многом неповторим; общи и закономерны лишь основные принципы.

Но один из этих принципов заключается в том, что так называемый «Узкий путь» (а варианты узкого пути содержатся во всех верховных религиях) не только предызбавляет восходящего от посмертных спусков в чистилища и страдалища души, но и сокращает его пребывание в мирах просветления. Ибо часть того труда над просветлением материальных покровов своей монады, который большинству из нас приходится совершать уже по ту сторону смерти, подвижники совершают здесь. Степень просветления, достигнутого здесь, предопределяет быстроту восхождения, совершаемого там.

С легким дыханием, едва касаясь земли тех миров, взошел Александр Благословенный через слои Просветления в Небесную Россию. Там возрастало его творчество, там ждала его лестница просветлений новых и новых, пока у нас проходили десятки лет.

Тому, кто в годину величайшей опасности возглавил обороняющийся народ и обеспечил освобождение Европы, дано стать главою просветленных сил России в их борьбе с силами античеловечества, с уицраорами нашей метакультуры и с самим Гагтунгром.

Архистратиг Небесного Кремля, он ныне еще там, в Святой России. Но возрастает его духовная мощь, его светлота; он восхищается выше и выше, он уже входит в Небесный Иерусалим — в голубую светящуюся пирамиду, в наивысший Трансмиф Христианства.

Тому, кто подвигом на себе разорвал петли и узлы царственной кармы, предстоит в грядущем стать освободителем тех, кого эта карма привела в вековой плен: гигантов-узников в цитадели игв и уицраоров.

Тому, кто некогда заложил в столице России великий храм, так и оставшийся не осуществленным Вторым демоном великодержавия, дано возглавлять, вместе с бессмертным зодчим этого храма, сооружение неповторимого святилища: оно скоро станет обителью З в е н т ы - С в е н т а н ы, пречистой дочери Яросвета и Народной Души.

Битвы, следующие одна за другой, между Синклитом России и античеловечеством, возглавляет он. Но когда борьба демиурга с демоном великодержавия завершится освобождением Навны и З в е н т а - С в е н т а н а примет просветленную плоть в Небесном Кремле, он покинет вершину Российской метакультуры, чтобы вступить в Синклит Мира — те сферы, которые уже и теперь видели его у себя сияющим гостем.

Мчащимся светло-туманным всадником, чье приближение вздымает в телесной среде тех миров как бы искрящиеся волны силы и радости, проносится он с ангелами, с даймонами, с воинствами Синклита к стенам Друккарга. Он — всадник, но его конь прекрасен и высокоразумен — одно из существ животного царства, поднявшихся выше Хангвиллы. И смысл совместно одолеваемых ими дорог и совместно совершаемых битв есть смысл союза между просветленным человечеством и просветленным царством животных.

Так развязал Александр узлы своей кармы. А его брат Николай? А Второй уицраор, предоставленный Яросветом самому себе?

Упоенный победами, Жругр встречал теперь в воле демиурга не помощь, а досадное препятствие, и это не вызывало в нем ничего, кроме бешенства. Начиналась долгая эра борьбы — той борьбы, которой суждено было в грядущем перелиться через рубежи сверхнарода и из борьбы за Россию превратиться в борьбу за спасение человечества.

Так Николай I, послушное орудие демона великодержавия, повторил, сам того не понимая, богоотступничество Грозного. Сопоставление этих двух исторических фигур может показаться странным, но только историку: для метаисторика оно обоснованно и логично. Разные культурно-исторические возрасты, эпохальные климаты, несхожие политические ситуации, различные индивидуальности обоих уицраоров и, наконец, контрастность характеров обоих царей... да, да, они так велики, что заслоняют общую суть, затаенную в их судьбе и метаисторическом значении.

Особенно несхожими кажутся эти два характера. Ведь и тиранствовать можно на разные лады, в разном, так сказать, стиле... И все же эти различия — только на поверхности. Когда взбешенный Николай направлял на подданного взор студенисто-светлых глаз с двумя черными дробинками зрачков, несчастный леденел и окаменевал совершенно так же, как окаменевал боярин или холоп под ястребиным взором Грозного.

Когда Николай, разыгрывая роль непостижимого в своем великодушии и возвышенности своих стремлений монарха и сам веря в этот фарс, доводил Рылеева до покаянных рыданий, а мудрого и неподкупного Пушкина — до хвалебных песнопений праправнуку Петра, — разве не приходит на память садистское комедиантство Иоанна IV? Разве не оба они веровали — пьянящей и ослепляющей верой гордыни — в великолепную формулу: «В небе — Бог, на земле — я»? Разве не чтили самих себя как пастырей душ и телес, возвышенно-одиноких в своем знании того, что этому стаду нужно и что не нужно, что благополезно ему и что погибельно?

Николай I и Иоанн IV знаменовали собой зенит мощи демона великодержавия — во-первых; его вступление на путь борьбы с демиургом сверхнарода — во-вторых; доведение тиранической тенденции до предела — в-третьих, и начало процесса государственной гибели — в-четвертых.

Синхроническую параллель неудачным польским и ливонским войнам в конце царствования Грозного составляет Крымская война. Опричнине соответствует террористически удушающий режим Николая, причем роль дворянства, выдвигавшегося Иоанном через опричнину, теперь играет бюрократия. Самоубийство Николая, дожившего до начала краха своего сооружения, параллельно ужасной смерти Грозного. Существенно, конечно, не то, что один добровольно принял яд, а другой яростно, в паническом страхе, сопротивлялся своей кончине; важно то, что обе эти смерти — ярчайшие образцы двух духовно-государственных банкротств.

КНИГА ДЕСЯТАЯ
К МЕТАИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Глава первая
ДАР ВЕСТНИЧЕСТВА

Я уже вынужден был указать в одной из предыдущих глав, что на культурном горизонте средневековой Руси не выдвинулось ни одного крупного мыслителя. Художественными гениями этот длинный период был тоже не очень богат. Но никогда позднее метакультура Российская не сияла таким числом святых и праведников. Общеизвестно и то, что праведность эта была по преимуществу типа аскетического, иноческого, согласно этическим преданиям, завещанным православною Византией. С точки зрения этих преданий всякий другой вид деятельности человеческой мог иметь лишь относительное, преходящее значение. Правда, роль вождей государства — великих князей и царей — осознавалась, но, конечно, плодотворной и правильной она почиталась только в той мере, в какой согласовывалась с заветами, возвещенными высшим нравственным индикатором тех времен: престолом митрополита и патриарха, подвижническим затвором, келией. Характерно, что, умирая, царь принимал постриг, этим знаменуя вступление души на высшую ступень духовной жизни.

В XVIII веке становится явственным оскудение духовных рек, которыми питались корни православной праведности. Меньше становится крупных религиозных деятелей, перед глазами общества все реже возникают фигуры чистых и высоких пастырей душ, высветливших собственное сердце и покоривших собственное естество. В XIX веке уже лишь несколько человек — преп<одобный> Серафим Саровский, Феофан Затворник, Амвросий и Макарий Оптинские — уподобляются образам тех святых, которыми так богата была земля в предыдущие столетия. Наконец, в предреволюционную эпоху на церковном горизонте становится совсем пустынно. Мало того: это измельчение масштабов личности оказывается только одним из проявлений общего творческого оскудения православия. Год за годом церковь все более отстает от требований и запросов быстро меняющихся эпох, причем это отставание даже возводится в некий принцип: церковная иерархия смотрит на себя как на хранительницу незыблемых и исчерпывающих истин, независимых от смены времен и человеческих психологий. Но так как этот взгляд не подкрепляется ни безупречностью жизни самих пастырей, ни интенсивностью их духовного делания, ни мудрыми их ответствованиями на порожденные новыми эпохами вопросы социальные, политические или философские, то авторитет и значение церкви стремительно падают. Последние духовные усилия со стороны церкви вызываются бурей Революции. Выдвигается целый ряд

безымянных героев и мучеников; с окончанием их жизненных путей творческий дух оставляет православную церковь еще более, и, став игралищем в руках дипломатствующих политиков, руководство восточнохристианской общины превращается в пособника и в орудие антирелигиозного государства.

Но по мере того как церковь утрачивала значение духовной водительницы общества, выдвигалась новая инстанция, на которую перелагался этот долг и которая, в лице крупнейших своих представителей, этот долг отчетливо осознавала. Инстанция эта — вестничество.

Вестник — это тот, кто, будучи вдохновляем даймоном, дает людям почувствовать сквозь образы искусства в широком смысле этого слова высшую правду и свет, льющиеся из иных миров. Пророчество и вестничество — понятия близкие, но не совпадающие. Вестник действует только через искусство; пророк может осуществлять свою миссию и другими путями — через устное проповедничество, через религиозную философию, даже через образ всей своей жизни. С другой стороны, понятие вестничества близко к понятию художественной гениальности, но не совпадает также и с ним. Гениальность есть высшая степень художественной одаренности. И большинство гениев были в то же время вестниками — в большей или меньшей степени, — но, однако, далеко не все. Кроме того, многие вестники обладали не художественной гениальностью, а только талантом.

Столетие, протекшее от Отечественной войны до великой Революции, было в полном смысле слова веком художественных гениев. Каждый из них, в особенности гении литературы, был властителем дум целых поколений, на каждого общество смотрело как на учителя жизни. Колоссально возросшая благодаря им воспитательная и учительская роль литературы выражалась, конечно, и в деятельности множества талантов; влияние некоторых из них становилось даже интенсивнее и шире, чем влияние их гениальных современников. С шестидесятых годов ясно определился даже многозначительный факт, совершенно неосознанный, однако, обществом: влияние гениев и влияние талантов стало, в некотором очень глубоком смысле, противостоять друг другу. Художественные гении того времени — Тютчев, Лев Толстой, Достоевский, Чехов, Мусоргский, Чайковский, Суриков, позднее Врубель и Блок — не выдвигали никаких социальных и политических программ, способных удовлетворить массовые запросы эпохи, увлекали разум, сердце и волю ведомых не по горизонтали общественных преобразований, а по вертикали глубин и высот духовности; они раскрывали пространства внутреннего мира и в них указывали на незыблемую вертикальную ось. Таланты же, по крайней мере наиболее влиятельные из них, все определеннее ставили перед сознанием поколений проблемы социального и политического действия. Это были Герцен, Некрасов, Чернышевский, Писарев, все шестидесятники, Глеб Успенский, Короленко, Михайловский, Горький. Таланты-вестники, как Лесков или Алексей Константинович Толстой, оставались изолированными единицами; они, так сказать, гребли против течения, не встречая среди современников ни должного понимания, ни справедливой оценки.

Подобно тому как Иоанн Грозный, при всем масштабе своей личности, должен быть признан фигурой огромной, но не великой, ибо лишен одного из

признаков истинного величия — великодушия, точно так же целый ряд художественных деятелей, к которым многие из нас применяют эпитет гения, не являются и никогда не являлись вестниками. Ибо их художественная деятельность лишена одного из основных признаков вестничества: чувства, что ими и через них говорит некая высшая, чем они сами, и вне их пребывающая инстанция. Такими именами богата, например, литература французская, а у нас можно назвать двух-трех деятелей эпохи революционного подъема: Горького, Маяковского. Можно спорить о гениальности этих писателей, но вряд ли кто-нибудь усмотрел бы в них вестников высшей реальности.

Истины высшей реальности преломляются подчиненной реальностью Энрофа. Если на человека возложена миссия проповедничества этих истин и их преломлений, долг их проповедничества языком художественных образов, если к художнику послан ради этого даймон — художник не сможет не чувствовать (с той или другой степенью отчетливости) его инспирирующего воздействия. Характер этого чувства и способы его выражения могут видоизменяться как угодно, но в основе всегда будет обнаруживаться одно и то же: переживание некоторой вне личности художника пребывающей силы, в него вторгающейся и в его творческом процессе себя выражающей. Бывает, что подобное переживание оказывается знакомо и людям с меньшей силой одаренности, относить которых к разряду гениев мы не можем. В пример можно привести такого превосходного, хотя и не гениального поэта, как А.К. Толстой. Мало кто из гениальных поэтов сумел выразить это чувство с такой ясностью и определенностью, как Алексей Толстой в своем изумительном стихотворении: «Тщетно, художник, ты мнишь, что своих ты творений создатель». Одного этого стихотворения было бы, вероятно, достаточно, чтобы для нас сделался ясным и бесспорным дар вестничества, которым обладал этот поэт. А между тем по глубине трансфизического прозрения это стихотворение еще далеко до некоторых других шедевров А. Толстого. Кто другой в русской литературе выразил с такой ясностью, обоснованностью, силой и пламенностью, как Толстой в своем «Иоанне Дамаскине», ту идею, что искусство вообще и искусство слова в особенности может быть выражением высшей реальности, верховной Правды, дыхания миров иных и что поэт, осуществляющий свой дар вестничества, выполняет этим то, к чему он предназначен Божественными силами? А разве его поэма «Дракон» — не первая в русской литературе попытка нарисовать облик и выяснить метаисторическую роль демонических существ, подобных уицраорам? Я уж не говорю о его «Дон Жуане», для раскрытия трансфизической концепции которого потребовалась бы специальная работа, или о такой жемчужине русской лирики, как стихотворение «Слеза дрожит в твоем ревнивом взоре».

Все это поясняет отличие понятия художественной гениальности от понятия вестничества. Мы видим при этом талантливых художников, не претендовавших на гениальное совершенство своих творений, но возвещавших ими о таких высотах и глубинах потусторонних сфер, до которых не в силах были досягнуть и многие гении. С другой стороны, многие деятели, твердо уверенные в своей гениальности, являются только носителями таланта. Выдает их один незаметный, но неопровержимый признак: они ощущают свой

творческий процесс не проявлением какого-либо сверхличного начала, но именно своей, только своей прерогативой, даже заслугой, подобно тому как атлет ощущает силу своих мускулов принадлежащей только ему и только его веления исполняющей. Такие претенденты на гениальность бывают хвастливы и склонны к прославлению самих себя. В начале XX века, например, в русской поэзии то и дело можно было встретить высокопарные декларации собственной гениальности.

Я — изысканность русской медлительной речи,
Предо мной все другие поэты — предтечи… —

восклицал один. Другой, перефразируя «Monumentum» Горация, стер с постамента имя великого римлянина и буквами, падающими то вправо, то влево, то какафонически сталкивающимися между собой, начертал свое: «… и люди разных вкусов… все назовут меня: Валерий Брюсов».

Я гений, Игорь Северянин,
Своей победой упоен… —

восторгался третий.

Мой стих шагнет
через хребты веков
И через головы
поэтов и правительств… —

утверждал, подменяя возможное желаемым, четвертый.

Каждый из этих деклараторов убежден, что гениальность — качество, неотъемлемое от его личности, даже его достижение. Подобно подросткам, чувствующим себя сильнее своих сверстников, они кичливо напрягают изо всех сил свои поэтические бицепсы и с глубоким презрением, сверху вниз, поглядывают на остальную детвору. Все это — таланты, ослепленные самими собой, мастера, создающие во имя свое, рабы самости; это не гении, а самозванцы гениальности. Подобно самозванным царям нашей истории, некоторым из них удавалось достичь литературного трона и продержаться на нем несколько лет, одному — даже около трех десятилетий. Но суд времени подвергал их каждый раз беспощадному развенчанию, потомство отводило этим именам подобающие им скромные места, а личная карма, утяжеленная гордыней и самоослеплением, осложненная понижением моральных требований к себе («мне позволено больше всех, потому что я выше всех»), увлекала такую личность в ее посмертии прочь и прочь от Синклита метакультуры.

Я был бы понят совершенно превратно, если бы кто-нибудь попытался из моих слов сделать тот вывод, что я будто бы подготавливаю читателя к тому, чтобы он не удивился требованию, которое я на следующих страницах предъявлю любому художнику: чтобы в его созданиях непременно сказывалась этическая тенденция, руководящая религиозно-нравственная идея. Прежде чем предъявлять какие-либо «требования», я забочусь о том, чтобы характеризовать не то, что должно быть, а то, что наличествует в действительности как факт. Именно с этой целью я, вводя понятие вестничества, отграничиваю его

от понятий гениальности и таланта. Смешно и дико было бы предъявлять ко всякому художнику требование: раз вестнику свойственно то-то, старайся быть таким же. Гениальность и талант сами по себе, не совмещенные с даром вестничества, являются, однако, тоже божественными дарами, но иначе вручаемыми и содержащими иные потенции. Трансфизическое отличие просто гения и просто таланта от вестника есть большая или меньшая, но всегда — л и ч н а я одаренность натуры; талант и даже гениальность — это такие общечеловеческие способности, которые в данной личности достигли высшей степени развития, чем в других, благодаря особенностям ее психофизической структуры; особенности же эти телеологически обусловлены формирующей работой тех или иных Провиденциальных сил над шельтом, астралом, эфиром и физическим телом. Никакой даймон к такому художнику не послан, никакая муза ничего ему не внушает, и никто невидимый не трудится над тем, чтобы приоткрыть органы его духовного восприятия. Такой человек, будь он талантлив или гениален, не может переживать сверхличной природы своих вдохновений по той простой причине, что такой сверхличной природы у этих вдохновений нет. Если мы встречаемся с подобными утверждениями в устах молодого, не достигшего еще зенита дарования, то здесь надо предположить одно из трех: либо это действительно юный вестник, либо перед нами дарование, вставшее в позу вестника и сознательно или бессознательно копирующее осанку великих творцов искусства, либо же, наконец, мы имеем дело просто с безобидным литературным приемом, подобным выродившемуся в пустую риторическую фигуру обращениям поэта к музе. Талант и даже гений обладают не миссией, а долженствованием, подобно всякому человеку, но ряд глубоко индивидуальных особенностей отличает это долженствование от остальных. Миссия же имеет всегда значение общее, очень широкое, в ее осуществлении горячо заинтересована вся метакультура. Для того чтобы художник мог быть вестником, требуются более напряженные, длительные усилия Провиденциальных сил, требуется неустанная, задолго до его физического рождения начинающаяся работа над материальными покровами его монады со стороны херувимов, даймонов, стихиалей, демиурга сверхнарода и его Соборной Души, со стороны Синклита метакультуры и Синклита Мира. Потому что приоткрытие духовных органов его существа — а без этого вестничество невозможно — процесс необычайно трудоемкий, более трудоемкий, чем вручение любой, самой мощной художественной гениальности.

Что же до гениальности или таланта как таковых, они могут быть совершенно свободны от задания — возвещать и показывать сквозь магический кристалл искусства высшую реальность. Достаточно вспомнить Тициана или Рубенса, Бальзака или Мопассана. Не снимаются с них лишь требования этики общечеловеческой да условие: не закапывать свой дар в землю и не употреблять его во зло, то есть не растлевать духа. Только с такими требованиями и вправе мы подходить к оценке жизни и деятельности, скажем, Флобера или Уэллса, Маяковского или Есенина, Короленко или Горького, Репина или Венецианова, Даргомыжского или Лядова, Монферрана или Тона. Таким образом, этические требования, предъявляемые к таланту или гению, — требования общечеловеческого этического минимума.

В таком случае уж не являются ли требования, предъявляемые нами к вестнику, требованиями этического максимума? — может возникнуть мысль. Но дело в том, что предъявлять к кому-нибудь требования, превышающие этический минимум, у нас вообще нет никаких прав. Только соблюдения в жизни и в творчестве норм этического минимума могли бы мы требовать и от вестника. Дело не в наших требованиях, а в требованиях тех, чьими величайшими усилиями дар вестничества данному художнику вручен. И по-видимому, эти требования в одних случаях оказываются более снисходительными, чем могли бы быть наши собственные, а в других — гораздо более суровыми. Отдельные нарушения даже общечеловеческого нравственного минимума со стороны вестника могут быть в иных случаях оставлены без последствий; но самые тяжкие последствия влечет за собой всякое предательство, искажение или замутнение миссии. Создание «Орлеанской девственницы» отягчило карму Вольтера неизмеримо сильнее, чем десятки его неблаговидных поступков в личной жизни.

«Гений и злодейство — две вещи несовместные». Трудно сказать, приглядываясь к историческим фактам, так ли это. Во всяком случае, с тяжкими пороками, глубокими падениями, множеством мелких слабостей, даже с проступками против элементарных нравственных норм художественная гениальность не только «совместима», но в большинстве случаев гений даже не в состоянии всего этого миновать, по крайней мере в молодости. Такие люди, как проживший удивительно чистую жизнь Моцарт, — феноменально редки; это — существа, еще никогда не воплощавшиеся людьми, а только ангелами и у которых поэтому дьявольское эйцехоре заключено не в шельте, а только в эфирно-физических тканях существа, унаследованных от людей-родителей.

Есть гении, свой человеческий образ творящие, и есть гении, свой человеческий образ разрушающие. Первые из них, пройдя в молодые годы через всякого рода спуски и срывы, этим обогащают опыт своей души и в пору зрелости постепенно освобождаются от тяготения вниз и вспять, изживают тенденцию саморазрушения, чтоб в старости явить собою образец личности, все более и более гармонизирующейся, претворившей память о своих падениях в мудрость познания добра и зла. Это — Данте, Леонардо, Сервантес, Гете, Вагнер, у нас — Достоевский. Грани такой гармонизации своей личности достиг в последние дни жизни Лев Толстой. В ее направлении двигались, очевидно, Пушкин, Лермонтов, Чехов. Рано оборвавшаяся жизнь многих гениев не дает возможности определить с уверенностью потенциальные итоги их путей. История культуры знает и таких носителей художественной гениальности или крупного таланта, которые представляли собой гармоническую личность с самого начала, хотя и не в такой степени, как Моцарт: Бах, Глюк, Лист, Тулси Дас, Тагор, в России — Алексей К. Толстой. Знает и таких, подобно Микеланджело, которые, даже достигнув глубокой старости, не сумели привести в гармонию ни различных сторон своей личности между собой, ни своей личности со своей миссией.

Но есть еще и ряд гениев нисходящего ряда, гениев трагических, павших жертвой неразрешенного ими внутреннего противоречия: Франсуа Вийон и Бодлер, Гоголь и Мусоргский, Глинка и Чайковский, Верлен и Блок. Трагедия каждого из них не только бесконечно индивидуальна, она еще так глубока, так исключительна, так таинственна, что прикасаться к загадкам этих судеб можно только с величайшей бережностью, с целомудрием и любовью, с трепетной благодарностью за то, что мы почерпнули в них, меньше всего руководствуясь стремлением вынести этим великим несчастным какой-либо этический приговор. «Кому больше дано, с того больше и спросится», да. Но пусть спрашивает с них Тот, Кто дал, а не мы. Мы только учились на их трагедиях, мы только б р а л и, только читали написанные их жизненными катастрофами поэмы Промысла, в которых проступает так явственно, как никогда и ни в чем, многоплановый *предупреждающий смысл*.

Не таюсь я перед вами,
Посмотрите на меня:
Вот стою среди пожарищ,
Опаленный языками
Преисподнего огня...

Уж воистину: им судья — «лишь Бог да совесть».

Конечно, великая «обезьяна Бога» не бездействует и в этой области. Если бывают вестники Провидения, нетрудно догадаться, что культурно-исторический процесс не обходится и без темных вестников. Правда, в области искусства таковых встретишь не часто, да и встретив, не сразу распознаешь их подлинную природу. О тайнах демонического начала они редко говорят открыто и прямо: зачем могло бы понадобиться Гагтунгру раскрытие через таких вестников человеческому взору его собственной кромешной тьмы? Чаще деятельность темных вестников имеет негативный характер: они развенчивают и осмеивают духовность в истории, в искусстве, в религии, в жизни, в человеческой душе. Мало кому приходит в голову, что блестящий, прелестно-легкомысленный Парни осуществлял (вероятно, бессознательно или полусознательно) темную миссию: облекая кощунства в чарующую поэтическую форму, этим снижать религиозные ценности, дискредитировать проявления Мировой Женственности, обескрыливать духовные порывы в человеческих сердцах, развенчивать этические идеалы.

Однако темных вестников мы чаще встречаем не в искусстве, а в философии и в науке. Это, например, Бэкон, одним из первых утвердивший полный и окончательный отрыв науки от какой бы то ни было этики и какой бы то ни было духовности; Конт, противопоставивший всем существующим религиям свою религию «левой руки» — свой рассудочный, выхолощенный, мертвяще-холодный «культ Человечества», основанный на целой системе скользких и обескрыливающих сердце подмен. Таковы же — Штирнер, чья «этическая» система подрывает все корни какой бы то ни было морали ножом высшего критерия «Я хочу»; Ницше, своим идеалом сверхчеловека исказивший и профанировавший тот идеал совмещения в одной свободной личности наивысшей одаренности с наивысшей силой и наивысшей правед-

ностью, который должен был бы уясниться сознанию его эпохи, если бы не он; Маркс, ухватившийся за одно из колес передаточного механизма, каким является экономика, и провозгласивший его единственность и верховность. В науке же темными вестниками, носителями темных миссий, являются не деятели с крупным именем, с гениальной одаренностью, но второстепенные ученые, интерпретаторы и исказители глубоких научных теорий, вроде Тимирязева, который примитивизировал и довел учение Дарвина до полнейшей материалистической плоскости.

В искусстве (как, впрочем, и в науке) встречаются и такие темные вестники, которые лишены темных миссий и становятся глашатаями темного просто вследствие личных заблуждений. Ярким примером такого деятеля может служить Скрябин. В Бога он веровал и по-своему Его любил, самого себя считал Его вестником и даже пророком, но с удивительной легкостью совершал подмены, стал жертвой собственной духовной бесконтрольности и превратился в вестника Дуггура. Мало кто понимает, что в «Поэме экстаза», например, с поразительной откровенностью рисуется именно тот демонический слой с его мистическим сладострастием, с его массовыми сексуальными действами, с его переносом импульса похоти в космический план и, главное, рисуется не под разоблачающим и предупреждающим углом зрения, а как идеал. Естественно, что чуткий слушатель «Поэмы экстаза», сначала смущенный, а потом завороженный этой звуковой панорамой космического совокупления, под конец ощущает как бы внутреннюю размагниченность и глубокую прострацию.

В специфических условиях реального историко-культурного процесса нередко, а в XIX веке особенно часто бывает так, что неугасимое в душе вестника чувство своей религиозно-этической миссии вступает в конфликт с реальными возможностями его эпохи и с художественным «категорическим императивом», свойственным его дарованию. Такого конфликта не знали Андрей Рублев и строители храма Василия Блаженного, не знали Суриков и Левитан, не знал, как это ни странно, даже такой непревзойденный знаток тысяч других внутренних конфликтов, как Достоевский. Первые — не могли его знать потому, что их художественные тяготения совершенно совпадали с конкретными возможностями эпохи и с их собственной религиозно-этической миссией. Вторые же — сумели преодолеть неблагоприятный для них психологический климат своего времени и имели счастье сознавать, что их творения — чем дальше к зрелости и старости, тем больше — говорят именно о тех высотах духовности, посланниками которых являлись эти художники, и предупреждают о тех безднах, кои им дано было созерцать и о коих предупреждать было завещано.

Внутренний конфликт, о котором я говорю, есть противоречие тройное, есть борьба трех тенденций: религиозно-этико-проповеднической, самодовлеюще-эстетической и еще одной, которую можно назвать тенденцией низшей свободы: это есть стремление личности осуществить свои общечеловеческие права на обыкновенный, не обремененный высшими нормативами образ жизни, вмещающий в себя и право на слабости, и право на страсти, и право на жизненное благополучие. Этот внутренний конфликт четко наметился уже в Пушкине. Та цепь его стихотворений, среди которой мерцают таким тревожным и сумрачным блеском «Когда для смертного умолкнет жизни шум…», «Отцы пустынники и жены непорочны…», «Пророк», «Туда б, в заоблачную келью…» и другие, — это такие разительные свидетельства зова к духовному подвижничеству, крепнущего в душе поэта из году в год, что не понять этого может только тот, кто ни разу в жизни не слышал этого зова в собственной душе. Этот внутренний конфликт обострился в Лермонтове, с неимоверной жгучестью переживался Гоголем и Львом Толстым и превратил судьбу Блока в трагедию духовного спуска. Подробнее, однако, я буду говорить об этом в следующих главах.

Скажут, может быть: действительно, подобные противоречия свойственны были некоторым корифеям литературы русской. Но вот перед нами литературы других народов. Много ли и часто ли найдем мы там подобные конфликты? Многие ли из носителей крупного художественного дарования вообще осознавали свою миссию в виде некоего синтеза художественного творчества и духовного подвига?

Исчерпывающий ответ на этот вопрос потребовал бы, конечно, отдельной, весьма объемистой работы. В рамках же, предоставленных мне темой данной книги, можно заметить лишь следующее.

Прежде всего, многое зависит от того, какую именно литературу примем мы к рассмотрению. Конечно, античная трагедия, например, стоит под знаком если не ясного осознания, то во всяком случае настойчивого чувства необходимости возвещать и утверждать реальность высшего порядка. Персидская поэзия в лице Фирдоуси, Саади, Низами, Джелалэддина Руми являет собой созвездие мистических гениев, учителей душ. Вся индийская литература сплошь, от ведических гимнов до Рабиндраната Тагора, — это океан религиозно-этических откровений, выраженных языком художественных образов. Ни малейшего исключения не составляют ни гении западного Средневековья от Эшенбаха до Данта и Петрарки, ни гении Испании — Сервантес и Кальдерон, ни великие поэты Англии — Шекспир, Мильтон, Шелли, Кольридж, Китс, не говоря уже о корифеях литературы немецкой и скандинавской. Действительно особняком стоит в этом отношении литература французская, удивительно бедная вестничеством. Но это находится в теснейшей связи с общей метаисторической трагедией Франции. Еще в начале XVI века ее дух-народоводитель поднял нечто вроде бунта против демиургического плана. По-видимому, он желал, чтобы французский уицраор, незадолго перед тем родившийся, был санкционирован свыше на объединение романо-католических народов на основе не католичества, а французской государственности. Таким требованием этот дух вызвал свое отстранение, и Франция осталась без непосредственного водительства. Ее Синклит, оставшийся в Эдеме, слился с Синклитом апостола Петра, но после этого в него из Франции поднимались уже немногие, другие входили в Монсальват. Отсюда — та прогрессирующая духовная ущербность, которая бросается в глаза метаисторику при обозрении французской культуры уже в XVII веке. Позднее она находит свое выражение в

литературе и в философских поползновениях эпохи энциклопедистов — явлениях, говорящих о прискорбном господстве рассудка, выхолощенного ото всякой духовности и даже сознательно ей противостоящего. Здесь не место разъяснять тот необыкновенно сложный узел метаисторических процессов, каким была Великая французская революция. В связи с темой этой главы нужно отметить лишь, что те гражданские идеалы «свободы, равенства и братства», те «права человека», которые начали свое победное шествие по всему миру именно из Франции, были попыткой демиурга Романо-католической метакультуры при участии его собрата — демиурга Северо-Запада — поднять этот оставшийся без водительства народ теми идеалами, которые были для него органичнее. Но возраставшая пустынность трансфизических слоев над Францией делала ее все более беззащитной от всевозможных демонических воздействий. Искажение провозглашенных идеалов и их подмена революционной тиранией началась уже через несколько недель после взятия Бастилии. На арене появилась целая группа людей с темными миссиями, и яростное беснование, затопившее Францию, было наглядным доказательством мощи демонических сил, вторгшихся в ее шрастр из Гашшарвы. Беда не исчерпывалась при этом кровопролитием в самой Франции; она приобрела значение мировое благодаря тому, что был отравлен весь духовно-идейный поток, устремившийся из этой страны по землям Европы. Крупнейшим из носителей темных миссий той эпохи был, конечно, Наполеон, двойственная задача которого заключалась в подмене интернациональных освободительно-гражданских идей идеей единоличной тирании и в увеличении клубов гавваха путем непрерывных международных кровопролитий[1]. Постепенно Франция оказалась как бы в вакууме между двумя метакультурами, двумя синклитами. Что же касается французской литературы, то ее спуск по ступеням убывания духовности окончательно определился в XIX веке. Сколь высоко ни оценивали бы мы уровень художественной одаренности Бальзака, Флобера, Мопассана, Франса, никакого признака вестничества мы в их творениях не обнаружим; оно сказывается лишь у очень немногих писателей позднего периода Франции: у Шатобриана, Гюго, может быть, у Малларме. Последним, над чьими произведениями еще мерцал иногда отраженный отблеск вестничества, был, по-видимому, Ромен Роллан.

Таковы метаисторические обстоятельства, приводящие созерцателя французской литературы к горестным и тревожным выводам. Во всяком случае, эта литература, с ее сочетанием высокой художественности и низкого уровня духовности, с ее слабо выраженным вестничеством, является в ряду мировых литератур исключением.

1. Тот, кто был Наполеоном, рождался несколькими веками ранее с подобной же миссией «увеличения страданий» в халифате Аббасидов. После своего апофеоза в роли императора французов он несколько лет пробыл на Дне, потом в Гашшарве, где его подготавливали к третьей темной миссии: созданию одной религии левой руки в Германии. Если бы это удалось, задачи Гитлера были бы чрезвычайно облегчены, а сам Наполеон, в третий раз пав на Дно, испытал бы провал в Суфэтх и выпадение из Шаданакара. К счастью, его удалось вырвать из Гашшарвы; в этом принимали участие, между прочим, Людовик Святой и сама Жанна д'Арк.

И однако же, верно и то, что ни в одной литературе не проявилось так ярко, глубоко и трагично, как в русской, ощущение того духовного факта, что вестнику недостаточно быть великим художником. Вот в этом отношении русская литература действительно стоит особняком. Я пока не подвергаю этого обстоятельства никакой оценке, а лишь указываю на него как на исторический факт. Не только наши гении, но и многие носители меньшей одаренности высказывали, каждый на свой лад, эту мысль. То она отливалась в форму требования гражданского, даже политического подвига: призыв этот звучит у Радищева, у Рылеева, у Герцена, у Некрасова, у шестидесятников, народников и т.д. — вплоть до большевиков. То — художественную деятельность совмещали или пытались совместить с проповедничеством православия: началось это со славянофилов и Гоголя и завершилось Достоевским. То, наконец, художники слова предчувствовали, искали и находили либо, напротив, изнемогали в блужданиях по пустыне за высшим синтезом религиозно-этического и художественного служения: не говоря уже о том же Гоголе и Льве Толстом, вспомним и задумаемся об Алексее К. Толстом, Гаршине, Владимире Соловьеве, Блоке, Вячеславе Иванове; вспомним о прорывах космического сознания, отображенных в творчестве Ломоносова, Державина, Тютчева; найдем в себе достаточно зоркости, чтобы усмотреть готовность сделать первый шаг по духовному пути в рано оборвавшихся биографиях Грибоедова, Пушкина, Лермонтова; в образах лесковских праведников и в горячей вере этого живописца религиозного делания; обратим внимание на глубокое чувство и понимание Христа у Леонида Андреева, которое он пытался выразить в ряде произведений, и в первую очередь — в своем поразительном «Иуде Искариоте», — чувство, все время боровшееся в душе этого писателя с пониманием темной, демонической природы мирового закона, причем эта последняя идея, столь глубокая, какими бывают только идеи вестников, нашла в драме «Жизнь Человека» выражение настолько отчетливое, насколько позволяли условия эпохи и художественный, а не философский и не метаисторический склад души этого писателя![1] Проследим далее все ту же вестническую тенденцию, хотя и искаженную, в антропософском учительстве Андрея Белого; в бредовых идеях Хлебникова о преображении Земли и в его сумасшедших мечтах — стать правителем земного шара для этой цели; в гражданском подвиге уходившего все глубже в религиозность Гумилева; в высокой попытке Максимилиана Волошина — определить свою личную линию художника и современника революций и великих войн религиозно-этической заповедью: «В дни революции быть человеком, а не гражданином».

Недаром же великая русская литература начиналась с оды «Бог». Не случайно на первых же ее страницах пламенеют потрясающие строфы пуш-

1. В одну из своих предыдущих инкарнаций Л. Андреев жил в Палестине, где был крупным купцом. То была эпоха императоров Августа и Тиберия. Об Иисусе Христе Андреев, в сущности, только слышал, но был один случай, когда он видел Христа издалека на иерусалимской улице. Спаситель шел с группой учеников. Встреча продолжалась несколько секунд, и Андреев не знал, Кто это, но лицо Иисуса его поразило и врезалось в память навсегда.

кинского «Пророка»! Общепринятое толкование этого стихотворения сводится к тому, что здесь будто бы изображен идеальный образ поэта вообще; но такая интерпретация основана на ошибочном смещении понятий вестника, пророка и художественного гения. Не о гении, вообще не о собственнике высшего дара художественной одаренности, даже не о носителе дара вестничества гремит этот духовидческий стих, но именно об идеальном образе п р о р о к а. Об идеальном образе того, у кого раскрыты, помощью Провиденциальных сил, высшие способности духовного воспринимания, чье зрение и слух проницают сквозь весь Шаданакар сверху донизу и кто возвещает о виденном и узнанном не только произведениями искусства, но всею своею жизнью, превращающейся в житие. Это — тот идеальный образ, который маячил, как неотразимо влекущая цель, перед изнемогавшим от созерцания химер Гоголем, перед повергавшимся в слезах на землю и воздевавшим руки к горящему над Оптиной пустынью Млечному Пути Достоевским, перед тосковавшим о всенародных знойных дорогах странничества и проповедничества Толстым, перед сходившим по лестнице мистических подмен и слишком поздно понявшим это Александром Блоком.

Некоторые скажут: хорошо, что этот идеальный образ лишь маячил; жаль только, что бесплодное порывание к нему лишило нас тех художественных творений, которые создали бы Гоголь и Толстой, если бы он перед ними не маячил вовсе.

Пусть молчат о том, чего не знают! С не размыкающимися от колыбели до могилы духовным зрением и слухом, с бескрылым воображением, пресмыкающимся во прахе, что знают они о том лучезарном потоке небывалых созданий, превосходящих все ранее созданное без сравнения, который излился бы из духа художника, ставшего пророком воистину, а не в мечте? Пусть молчат. Пусть слушают то, что говорят знающие. Да не смеет никто судить <ни> Икара за его безумный полет, ни солнца, растопившего ему крылья.

Уж не думают ли они, что это устремление, вспенивающее и вздымающее вверх волны культуры, проходящее через полтораста лет великой литературы русской, есть плод случайности? Если такова случайность, то какова же закономерность? Если же это не случайность, а эхо могучего голоса, который слышался как внутренний категорический императив носителям наиболее глубоких дарований нашего золотого века, то в какой связи с последними целями русского сверхнарода пребывает этот голос? Откуда он льется? Из уст ли демиурга, внушающего своим посланникам т о, ч т о д о л ж н о б ы т ь? Из трансмифа ли христианства, где таится всезнание грядущих и завершающих эпох человечества, — тех эпох величайшей борьбы двух начал, когда сверхнарод российский и его Синклит должны будут осуществить свою планетарную миссию? Жизненное осуществление каких идеалов в историческом отдалении будущего он предварял, увлекая русских творцов к синтезу художественного и религиозного служения? И какой метаисторический смысл можно прочитать в их бурных, грешных и сверкающих житиях, в их исключительных судьбах?

Глава вторая
МИССИИ И СУДЬБЫ

Все, что творит демиург Яросвет, все, в чем проявляется его воздействие на исторический слой, имеет прямое или косвенное отношение к его верховной задаче, осуществление которой должно оправдать тысячелетний путь кровавого и страшного своей мучительностью становления сверхнарода. О задаче этой, поскольку она постижима и выразима на языке наших понятий, я уже говорил, но повторю еще раз. Метаисторически эта задача-цель заключается в рождении З в е н т ы - С в е н т а н ы демиургом и идеальной Соборной Душой сверхнарода российского; исторически — в явлении Розы Мира, то есть такой религиозно-нравственной инстанции, которая, показуя собой образ незапятнанной чистоты, эстетического богатства и широкого культурного всепонимания, обрела бы наивысший авторитет в глазах народов мира, через всемирный референдум приняла бы этический контроль над деятельностью всех государств — членов Всемирной Федерации и, постепенно формируя многообразною системой культурных средств поколения людей облагороженного образа, этим создала бы предпосылку — не к смягчению уже, но к полному преобразованию самой сущности государства во всечеловеческое братство.

Очевидно, демиургической мудрости уже в XVII столетии стало ясно то, что религиозной мудрости человеческой стало уясняться значительно позднее: то, что православная русская церковь, столько веков водительствовавшая обществом в духовном отношении, к пониманию ее конечной цели неспособна, трансфизический смысл ее существования — в ином, и что на пути к этой цели пора выдвинуть новую силу.

Православие как учение и практика сформировалось в основном еще в Византии, на давно минованных стадиях общего культурного сознания. Естественно, что оно не могло и впоследствии освободиться от некоторого архаического примитивизма, от известной узости и тесноты культурного сознания и общественного мышления. Этот тип сознания и мышления должен был уступить главенствующую роль новому типу мышления и сознания — тому, который возвещался художественными гениями и наиболее глубокими талантами России, превращаясь через них в новый исторический фактор первостепенной важности.

Без каких именно предпосылок была бы неразрешима в грядущем та задача З в е н т ы - С в е н т а н ы, которую я для краткости, и только для краткости, обозначил как преобразование государств в Братство? Перечислим из этих предпосылок лишь некоторые, наиболее важные, очевидные и простые.

Во-первых, это преобразование невозможно до тех пор, пока преграды между мировыми религиями не будут устранены или по крайней мере понижены; пока не будет обретен такой религиозный угол зрения, под которым догматика христианская и догматики других религий правой руки окажутся не исключающими друг друга, а взаимно дополняющими; чтобы Роза Мира могла объединить все христианские церкви на новых началах, а другие религии приблизить тесно к себе на основе свободной унии.

Во-вторых, преобразование сущности государства невозможно ни в каких локальных границах: если бы такой процесс совершился в одном государстве, а остальные продолжали бы существовать, они насильственно захватили бы и поглотили это образовавшееся среди них братство. Следовательно, задача неразрешима раньше, чем преодолена всеобщая раздробленность, раньше, чем создалось государство мировое. Это невозможно без того, чтобы в сознании России и всего человечества появилось и укрепилось новое отношение к государству, к общественному устройству, к таким явлениям, как границы, войны, диктатуры. Должны быть созданы такие условия, при которых получат возможность стремительного развития потребность всечеловеческого единства, отвращение к насилию и ужас перед тиранией. Как это ни странно, в развитии этих чувств в человеке повинны, в известной мере, сами уицраоры: ужас перед тиранией может быть знаком лишь тем, кто познал тиранию на себе или рядом с собой; отвращение к насилию больше всего свойственно жертвам насилия; потребность всечеловеческого единства — тем, для кого раздробленность сделалась жизненно невыносима. Таким образом, деятельность самих уицраоров и античеловечества вызвала диалектически то состояние людей, которое являлось предпосылкой к парализации и поражению уицраоров. Однако для повышения тонуса этого состояния до такой черты, чтобы оно сделалось одной из психологических причин всеобщего объединения и конца мировой раздробленности, мир принужден был бы пройти через стадию переразвития государств в тип тираний-мучительниц, системы наказаний — в неслыханные массовые репрессии, а войн — в трагедии уничтожения целых стран и народов. Но и при этом оставалась бы опасность, что аппарат тирании окажется сильнее всей суммы активных протестов, порожденных им. Поэтому усилия демиурга — вернее, всех демиургов человечества — неизбежно должны направляться на усиление в людях комплекса чувств и идей, активно направленных именно на борьбу с тиранией, на преодоление раздробленности и на соединение всех.

В-третьих, преобразование сущности государства невозможно раньше, чем будет достигнут некоторый уровень всеобщего материального благосостояния и незыблемой аксиомой станет право каждого человека на такое благосостояние. Для этого, с одной стороны, должны быть совершенно изжиты устойчивые классовые, национальные и социальные антагонизмы и предрассудки, возбуждено и углублено чувство социального сострадания и воспитано в поколениях сознание надсословных, надклассовых, наднациональных прав. С другой стороны, прогресс науки и техники должен быть предельно форсирован, а развитию в человеке соответствующих интеллектуальных и волевых качеств должна быть оказана Провиденциальная помощь, несмотря на то что вмешательство Гагтунгра в этот процесс с каждым десятилетием расширяет разрыв между уровнями человеческой техники и человеческой этики.

Преобразование сущности государства невозможно, в-четвертых, без того, чтобы обществом не была прочно осознана порочность этой старой сущности; следовательно, на разоблачение этой сущности должны быть брошены немалые силы.

В-пятых, преобразование государства в братство невозможно до тех пор, пока не снято противоречие между двумя исконными культурными тенденциями: отвергающей мир тенденцией аскетической духовности и тенденцией, утверждающей мир, плотской, так называемой «языческой»; пока Природа не воспринята как нечто двойственное: как источник радости, счастья и Света — с одной стороны, и как арена буйствования демонических сил — с другой; пока в лице Природы не усмотрен объект высокого нравственного и творческого долга, пока она не охвачена деятельной любовью, а к мирам светлых стихиалей не установилось отношение духовной и физической дружелюбности.

И наконец, торжество Розы Мира невозможно до тех пор, пока в устремлении религиозного человечества к Вечно-Женственному началу не будет вскрыт новый, углубленный смысл; пока веяние Звенты-Свентаны не смягчило и не высветлило слишком жгучую суровость мужественного начала, до сих пор полностью господствовавшего в этике, религии и общественности.

Был, конечно, и ряд других предпосылок исторических — не говоря уже о метаисторических, — без которых основная задача не могла бы быть решена; но достаточно, мне кажется, перечисления пока и этих нескольких.

Итак, ближайшими, конкретными целями усилий демиурга становились следующие: понижение преград между различными, исторически сложившимися типами религиозности; усиление в душе людей идей и чувств, направленных на борьбу с тиранией, на преодоление мировой раздробленности, на соединение всех; углубление чувства социального сострадания, жажды социальной справедливости и сознания всеобщих социальных прав; раскрытие в человеке тех потенций разума и рассудка, которые будут способствовать стремительному прогрессу науки и техники; разоблачение агрессивной и вампирической сущности государства; снятие в сознании множества людей антагонизма между духовно-аскетической и «языческой» тенденциями и развитие синтетического отношения к Природе; активизация в исторической деятельности проявлений Вечно-Женственного начала, выразительница которого в России, Навна, обессиленная и замученная, находилась в многовековом плену.

Перечисления этих объектов демиургической инвольтации достаточно, чтобы уяснилась окончательная неприспособленность для этой цели православной русской церкви. Но в направлении именно всех этих идей устремлялась инвольтация демиургом и Навною великих художественных гениев и наиболее глубоких талантов России: тех, кого мы называем вестниками. Разумеется, психологическая картина осложнялась при этом множеством чисто человеческих факторов: культурных, общественных, индивидуально-биографических, а иногда и воздействием могучего еще излучения от великого духовного вместилища предыдущих веков: от православия. Вторгались иногда и инспирации из демонических миров, особенно из двух: Друккарга и Дуггура.

Если бы я посвятил характеристике миссий и судеб каждого из русских вестников, даже ограничив себя при этом границами искусства слова, хотя бы по одной главе, получилась бы отдельная, свыше двадцати глав содержа-

щая работа. Я вынужден поэтому обойтись минимальным: числом характеристик, неразвернутых и совершенно афористических, и суждения мои об этих деятелях неизбежно будут иметь вид сообщений, почти лишенных аргументации. Я принужден миновать, не останавливаясь, эпохи Ломоносова, Державина и Карамзина и начать группу метаисторических характеристик с того, чье имя мы издавна привыкли связывать с началом золотого века нашей литературы.

О Пушкине, как это всякому известно, существуют горы исследований, высказывались тысячи суждений. Да позволено мне будет присовокупить к этим характеристикам еще одну, сделанную под таким углом зрения, какой до сих пор не учитывался: под углом зрения метаистории.

Под этим углом зрения миссия Пушкина заключается в том, что, создав емкий, гибкий, богатый и чрезвычайной выразительный литературный язык и великолепный стих, он этим дал решительный толчок процессу развития всенародной любви к языку, к слову, к стиху и к самой культуре языка как основного средства человеческого общения; вооружил следовавших за ним во времени творцов этим совершенным средством для выражения любых идей и чувств; разработал ряд необходимых для этого новых жанров и сам возглавил процесс художественного выражения этих идей и образов.

Какие же это идеи и какие именно образы?

Во-первых, это — идеи, связанные с задачей разоблачения демонической природы государства и с укреплением комплекса освободительно-моральных устремлений отдельной души и всей нации. Сюда относится идея о непрощаемости преступления, совершенного верховной властью, т<о> е<сть> сознание несостоятельности той власти, которая основана на нарушении этических норм (ода «Вольность» и особенно «Борис Годунов»). Сюда же относится идея неразрешимости ни в рассудочно-логическом плане, ни в плане гуманистической совести противоречий между личностью и государством, между личностью и демонизированными законами мира («Медный Всадник»). С этим же связана и идея противостояния между низшей, самостной свободой личности и общественной гармонией («Цыганы»). Эти идеи, воздействуя на сознание множества людей, приобщавшихся литературе, подготавливали его в конечном счете к идее-выводу о примате этики над государственным началом, то есть о желательности — хотя и утопичности для настоящего времени — установления высокоэтического контролирующего и направляющего начала над аморальным государством.

Второй цикл идей был связан с задачей изменения отношений христианского человечества к Природе. В основном это была идея-переживание Природы как начала объективно прекрасного, ни в коем случае не осужденного и не враждебного, хотя и обладающего такою стороной, которая принуждает зачастую воспринимать Природу как начало равнодушное и безучастное к человеку. При этом, однако, ощущение ее безучастности не препятствовало переживанию Природы как начала субъективно любимого. Эти переживания, нашедшие свое выражение в большом количестве первоклассных по форме стихотворений и отдельных мест в поэмах, подготавливали сознание к выводу о возможности какого-то — пока еще смутно мечтаемого — нового вида отношения и общения с Природой: радостно-чувственного, дружественного и в то же время ни в коей мере не греховного.

Это переплеталось с новым восприятием самого процесса жизни в ее повседневном облике: в обнаружении элементов поэзии и красоты и в озарении ими низших, будничных слоев человеческой жизни. Все это, как и предыдущее, шло вразрез с заветами аскетического периода и прокладывало дорогу к пониманию далеких грядущих задач Розы Мира — задач пронизывания духовностью и религиозно-поэтической стихией всех сторон жизни.

Третий цикл идей был связан с задачей вскрытия нового, углубленного смысла человеческих религиозных устремлений к Вечно-Женственному, и в этом сказалось, мне кажется, не только веяние Навны, но и самой Звенты-Свентаны.

К этому циклу относится идея Вечной Женственности как трансцендентного космического начала, какое бы то ни было выражение которого в конкретной человеческой множественности или в отдельной женщине — немыслимо и невозможно («Рыцарь бедный»); и — антиномичная идея Вечной Женственности как присущего человечеству начала, обретающего — не воплощение, конечно, но отдаленное отражение в проходящей среди нас прекрасной женской душе («Евгений Онегин»). Можно в «Бедной Лизе» Карамзина усмотреть первые, слабо уловленные отсветы Навны; все образы женственно прекрасного, даже все, хотя бы и робкие попытки фиксировать его в искусстве, содержат отсветы той или иной из Великих Сестер. Ибо до нисхождения в Шаданакар с космических высот Звенты-Свентаны, то есть до XIX века, именно пребывание в Шаданакаре идеальных Соборных Душ сверхнародов делало возможным проникновение сил Женственности в человеческое «я». Но в цепи женских образов нашей литературы, овеянных тончайшим благоуханием Навны, Татьяна Ларина — первый образ, прелесть и гармония которого воздействуют через столетие на потомков с тою же силой, как и во времена его возникновения.

Далее: Пушкин впервые поставил во весь рост специфически русский, а в грядущем — мировой вопрос о художнике как о вестнике высшей реальности и об идеальном образе пророка как о конечном долженствовании вестника. Конечно, он сам не мог сознавать отчетливо, что его интуиция этим расторгает круг конкретно осуществимого в XIX веке и прорывается к той грядущей эпохе, когда Роза Мира станет обретать в историческом слое свою плоть.

И наконец, в ряде своих произведений («Капитанская дочка», «Повести Белкина», «Пиковая Дама», «Пир во время чумы», «Моцарт и Сальери» и многие др<угие>) Пушкин поставил немало более частных психологических, моральных и культурных проблем, подхваченных и развитых его продолжателями.

Само собой разумеется, мысли, высказанные на этих вот страницах, ни в коем случае не претендуют на то, чтобы сложиться в исчерпывающую метаисторическую характеристику Пушкина. Это лишь первый опыт в данном направлении, и я не сомневаюсь, что работы последующих поколений над раскрытием метаисторического значения Пушкина полностью затмят этот бедный черновой набросок.

Многими исследователями отмечалось уже и раньше, что гармоничность Пушкина — явление иллюзорное, что в действительности он представлял собою личность, исполненную противоречий и совершавшую сложный и излучистый путь развития, хотя направление этого пути лежало, несомненно, ко все большей гармонизации. Это, конечно, так. Но не менее важно то обстоятельство, что, несмотря на эту противоречивость, вопреки, так сказать, фактам, Пушкин был и остается в представлении миллионов людей носителем именно гармонического слияния поэзии и жизни. И эта иллюзия тоже имеет свой положительный смысл (как и тысячи других иллюзий в истории культуры): этот солнечный бог нашего Парнаса, проходящий, то смеясь, то созерцая, то играя, то скорбя, то молясь, у самых истоков русской поэзии, этим самым сближает в сознании множества стихии поэзии и жизни, разрушает преграду, отделявшую человеческие будни, жизни обыкновенных людей от сферы поэтических звучаний, торжественных, заоблачных и бесплотных.

Каждая строка Пушкина вызывает у нас, русских, столько культурных и исторических ассоциаций, для нас драгоценных и священных, что мы легко поддаемся соблазну даже преувеличивать его значение, усматривать мировые масштабы там, где в действительности наличествуют масштабы национального гения и вестника. Из личных бесед и встреч с иностранцами я вынес совершенно твердое убеждение, уже и раньше складывавшееся у меня под впечатлением отзывов о Пушкине за рубежом: иностранцы, будучи лишены присущих нам ассоциаций и воспринимая тексты Пушкина в их, так сказать, оголенном виде, никак не могут понять, почему имя Пушкина окружено в России таким почти культовым почитанием. Возможно, что если бы полнокачественные переводы его произведений появились на европейских языках еще при его жизни, они встретили бы более горячий отклик. Но переводы опоздали, и теперь уже не приходится надеяться, что заложенный в поэзии Пушкина запас идей и образов или, тем более, его лирические напевы, взволновали бы когда-нибудь по-настоящему культурную среду других народов. Характерно, что иностранцы любой национальности, с которыми мне приходилось разговаривать, будь то немец или японец, поляк или араб, заражаются эмоциональным звучанием и признают наличие мировых масштабов не у Пушкина, а у Лермонтова.

Но хотя, как мне кажется, Достоевский в своей знаменитой речи на открытии памятника Пушкину в Москве несколько преувеличил именно интернациональную сторону пушкинского творчества, тем не менее, он и Жуковский были первыми на Руси поэтами, раздвинувшими поэтическую тематику до всемирных границ не в том условном, ложноклассическом плане, как это делали Княжнин или Озеров, а в плане действительного, глубоко интуитивного, подлинного проникновения в дух других наций и культур. Естественно, что этот культурно-исторический факт нашел свое место именно в первой половине XIX века, когда в числе первостепенных задач, стоявших перед инвольтирующими силами демиурга, ясно определилась и задача культурного преодоления границ между народами, задача сближения с ними народа русского, задача развития способностей психологического и идейного проникновения в существо иных культур.

Разговоры о том, что Пушкин уже успел, будто бы, к тридцати семи годам миновать зенит своего творчества и что, если бы он остался жив, от него уже нельзя было бы ожидать большего, чем работы по истории и культуре да несколько второстепенных художественных произведений, — ни на чем не основаны и не имеют никакой цены. Никакой — кроме разве той, что они обнажают поверхностность психологического анализа со стороны таких судей, не умеющих отличить неизбежных в жизни любого художника периодов творческого замирания и накопления от фазы конечного оскудения творческого импульса.

Всенародное горе, охватившее Россию при известии о гибели поэта, показало, что миссия всенародного значения впервые в истории возложена не на родомысла, героя или подвижника, а на художественного гения и что народ если этого и не осознал, то зато почувствовал совершенно отчетливо. Убийство гения было осознано всеми как величайшее из злодейств, и преступник был выброшен, как шлак, из пределов дотоле такой гостеприимной России. Бессильный гнев, возмущение и негодование можно испытать теперь, читая о благополучии и преуспеянии, которым обласкала Дантеса дальнейшая его судьба — судьба самодовольного дельца и богача, сенатора Второй империи, не испытавшего и тени раскаяния в совершенном преступлении. Но для метаисторического созерцания слишком ясно, каким мимолетным было это пошлое торжество и каким жутким — посмертие Дантеса. Теперь, после выполнения им второй темной миссии и вторичного падения на Дно Шаданакара, ему грозит сделаться носителем темной миссии в третий раз и после этого быть выброшенным из нашей брамфатуры.

Но если смерть Пушкина была великим несчастием для России, то смерть Лермонтова была уже настоящей катастрофой, и от этого удара не могло не дрогнуть творческое лоно не только Российской, но и других метакультур.

Миссия Пушкина, хотя и с трудом и только частично, но все же укладывается в человеческие понятия; по существу она ясна.

Миссия Лермонтова — одна из глубочайших загадок нашей культуры.

С самых ранних лет — неотступное чувство собственного избранничества, какого-то исключительного долга, довлеющего над судьбой и душой; феноменально раннее развитие бушующего, раскаленного воображения и мощного, холодного ума; наднациональность психического строя при исконно русской стихийности чувств; пронизывающий насквозь человеческую душу суровый и зоркий взор; глубокая религиозность натуры, переключающая даже сомнение из плана философских суждений в план богоборческого бунта, — наследие древних воплощений этой монады в человечестве титанов; высшая степень художественной одаренности при строжайшей взыскательности к себе, понуждающей отбирать для публикации только шедевры из шедевров… Все это, сочетаясь в Лермонтове, укрепляет нашу уверенность в том, что гроза вблизи Пятигорска, заглушившая выстрел Мартынова, бушевала в этот час не в одном только Энрофе. Это, настигнутая общим Врагом, оборвалась недовершенной миссия того, кто должен был создать со временем нечто, превосходящее размерами и значением догадки нашего ума, — нечто и в самом деле титаническое.

Великих созерцателей «обеих бездн», бездны горнего мира и бездны слоев демонических, в нашей культуре я до сих пор знаю три: Иоанн Грозный, Лермонтов и Достоевский. Четвертым следовало бы назвать Александра Блока, если бы не меньший, сравнительно с этими тремя, масштаб его личности.

Если и не приоткрыть завесу над тайной миссии, не свершенной Лермонтовым, то хотя бы угадать ее направление может помочь метаисторическое созерцание и размышление о полярности его души.

Такое созерцание приведет к следующему выводу: в личности и творчестве Лермонтова различаются без особого усилия две противоположные тенденции. Первая: линия богоборческая, обозначающаяся уже в детских его стихах и поверхностным наблюдателям кажущаяся видоизменением модного байронизма. Если байронизм есть противопоставление свободной, гордой личности окованному цепями условностей и посредственности человеческому обществу, то, конечно, здесь налицо и байронизм. Но это — поверхность; глубинные же, подпочвенные слои этих проявлений в творческих путях обоих поэтов весьма различны. Бунт Байрона есть прежде всего бунт именно против общества. Образы Люцифера, Каина, Манфреда суть только литературные приемы, художественные маски. Носитель гениального поэтического дарования, Байрон как человек обладал скромным масштабом; никакого воплощения в человечестве титанов у него в прошлом не было. Истинному титану мечта о короне Греции показалась бы жалкой и мелкой детской игрой, а демонические позы, в которые любил становиться Байрон, вызвали бы у него лишь улыбку, если бы он не усмотрел бы в них действительных внушений демонических сил. А такие внушения были, и притом весьма настойчивые. Жгучее стремление к славе и к власти, постоянный маскарад жизни, низменность итальянских приключений — все это указывает отнюдь не на титаническую природу этого человека, а только на его незащищенность от демонической инвольтации. А так как общая одаренность его натуры была огромной, а фон, на котором он действовал — общество того времени, — совершенно тускл, то маскарад этот мог ввести в заблуждение не только графиню Гвиччиоли, но и настоящего титана, каким был Гете. Байрон амистичен. Его творчество являло собою, в сущности, не что иное, как английский вариант того культурного явления, которое на континенте оформилось в идеологической революции энциклопедистов: революции скептического сознания против, как сказал бы Шпенглер, «великих форм древности». У Лермонтова же — его бунт против общества является не первичным, а производным: этот бунт вовсе не так последователен, упорен и глубок, как у Байрона, он не уводит поэта ни в добровольное изгнание, ни к очагам освободительных движений. Но зато лермонтовский Демон — не литературный прием, не средство эпатировать аристократию или буржуазию, а попытка художественно выразить некий глубочайший, с незапамятного времени несомый опыт души, приобретенный ею в предсуществовании от встреч со столь грозной и могущественной иерархией, что след этих встреч проступал из слоев глубинной памяти поэта на поверхность сознания всю его жизнь. В противоположность Байрону, Лермонтов — мистик по существу. Не мистик-декадент поздней, истощающейся культуры, мистицизм которого предопределен эпохой, модой,

социально-политическим бытием, а мистик, если можно так выразиться, милостью Божьей: мистик потому, что внутренние его органы — духовное зрение, слух и глубинная память, а также дар созерцания космических панорам и дар постижения человеческих душ — приоткрыты с самого рождения и через них в сферу сознания просачивается вторая реальность: реальность, а не фантастика. Это превосходно показал на анализе лермонтовских текстов Мережковский — единственный из критиков и мыслителей, который в суждениях о Лермонтове не скользил по поверхности, а коснулся трансфизического корня вещей (Д.С. Мережковский. «Лермонтов»).

Лермонтов до конца своей жизни испытывал неудовлетворенность своей поэмой о Демоне. По мере возрастания зрелости и зоркости он не мог не видеть, сколько частного, эпохального, человеческого, случайно-автобиографического вплелось в ткань поэмы, снижая ее трансфизический уровень, замутняя и измельчая образ, антропоморфизируя сюжет. Очевидно, если бы не смерть, он еще много раз возвращался бы к этим текстам и в итоге создал бы произведение, в котором от известной нам поэмы осталось бы, может быть, несколько десятков строф. Но дело в том, что Лермонтов был не только великий мистик; это был живущий всею полнотой жизни человек и огромный — один из величайших у нас в XIX веке — ум. Богоборческая тенденция проявлялась у него поэтому не только в слое мистического опыта глубинной памяти, но и в слое сугубо интеллектуальном, и в слое повседневных действенных проявлений, в жизни. Так следует понимать многие факты его внешней биографии: его кутежи и бретерство, его юношеский разврат — не пушкинский веселый, а угрюмый и тяжкий, его поведение с теми женщинами, перед которыми он представлял то Печорина, то почти что Демона, и даже, может быть, его воинское удальство. (К двадцати пяти годам все эти метания Лермонтова кончились, утратили для него всякий интерес и были изжиты, в то время как Байрон продолжал быть игралищем всевозможных сил до конца своей тридцатипятилетней жизни.) В интеллектуальном же плане эта бунтарская тенденция приобрела вид холодного и горького скепсиса, вид скорбных, разъедающе-пессимистических раздумий чтеца человеческих душ. Такою эта тенденция сказалась в «Герое нашего времени», в «Сашке», в «Сказке для детей» и т.д.

И наряду с этой тенденцией в глубине его стихов, с первых лет и до последних, тихо струится, журча и поднимаясь порою до неповторимо дивных звучаний, вторая струя: светлая, задушевная, теплая вера. Надо было утерять всякую способность к пониманию духовной реальности до такой степени, как это случилось с русской критикой последнего столетия, чтобы не уразуметь черным по белому написанных, прямо в уши кричащих свидетельств об этой реальности в лермонтовских стихах. Надо окаменеть мыслью, чтобы не додуматься до того, что Ангел, несший его душу на землю и певший ту песнь, которой потом «заменить не могли ей скучные песни земли», есть не литературный прием, как это было у Байрона, а факт. Хотелось бы знать: в каком же ином поэтическом образе следовало бы ждать от гения и вестника свидетельств о *даймоне*, давно сопутствующем ему, как не именно в таком? Нужно быть начисто лишенным религиозного слуха, чтобы не почувствовать

всю подлинность и глубину его переживаний, породивших лирический акафист «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...», чтобы не уловить того музыкально-поэтического факта, что наиболее совершенные по своей небывалой поэтической музыкальности строфы Лермонтова говорят именно о второй реальности, просвечивающей сквозь зримую всем: «Ветка Палестины», «Русалка», изумительные строфы о Востоке в «Споре», «Когда волнуется желтеющая нива...», «На воздушном океане...», «В полдневный жар в долине Дагестана...», «Три пальмы», картины природы в «Мцыри», в «Демоне» и многое другое.

Очевидно, в направлении еще большей, предельной поляризации этих двух тенденций, в их смертельной борьбе, в победе утверждающего начала и в достижении наивысшей мудрости и просветленности творческого духа и лежала несвершенная миссия Лермонтова. Но дело в том, что Лермонтов был не «художественный гений вообще» и не только вестник, — он был русским художественным гением и русским вестником, и в качестве таковых он не мог удовлетвориться формулой «слова поэта суть дела его». Вся жизнь Михаила Юрьевича была, в сущности, мучительными поисками, к чему приложить разрывающую его силу. Университет, конечно, оказался тесен. Богемная жизнь литераторов-профессионалов того времени была безнадежно мелка. Представить себе Лермонтова замкнувшимся в семейном кругу, в личном благополучии, не может, я думаю, самая благонамеренная фантазия. Военная эпопея Кавказа увлекла было его своей романтической стороной, обогатила массой впечатлений, но после «Валерика» не приходится сомневаться, что и военная деятельность была осознана им как нечто в корне чуждое тому, что он должен совершить в жизни. Но что же? Какой жизненный подвиг мог найти для себя человек такого размаха, такого круга идей, если бы его жизнь продлилась еще на сорок или пятьдесят лет? Представить Лермонтова, примкнувшего к революционному движению 60-х и 70-х годов, так же невозможно, как вообразить Толстого, в преклонных годах участвующим в террористической организации, или Достоевского — вступившим в социал-демократическую партию. Поэтическое уединение в Тарханах? Но этого ли требовали его богатырские силы? Монастырь, скит? — Действительно: ноша затвора была бы по плечу этому духовному атлету, на этом пути сила его могла бы найти для себя точку приложения. Но православное иночество несовместимо с художественным творчеством того типа, тех форм, которые оно приобрело в наши поздние времена, а от этого творчества Лермонтов, по-видимому, не отрекся бы никогда. Возможно, что этот титан так и не разрешил бы никогда заданную ему задачу: слить художественное творчество с духовным деланием и с подвигом жизни, превратиться из вестника в п р о р о к а. Но мне лично кажется более вероятным другое: если бы не разразилась пятигорская катастрофа, со временем русское общество оказалось бы зрителем такого — непредставимого для нас и неповторимого ни для кого — жизненного пути, который привел бы Лермонтова-старца к вершинам, где этика, религия и искусство сливаются в одно, где все блуждания и падения прошлого преодолены, осмыслены и послужили к обогащению духа и где мудрость, прозорливость и просветленное величие таковы, что все человечество взирает на этих владык горных вершин культуры с благоговением, любовью и с трепетом радости.

В каких созданиях художественного слова нашел бы свое выражение этот жизненный и духовный опыт? Лермонтов, как известно, замышлял роман-трилогию, первая часть которой должна была протекать в годы пугачевского бунта, вторая — в эпоху декабристов, а третья — в 40-х годах. Но эту трилогию он завершил бы, вероятно, к сорокалетнему возрасту. А дальше?.. Появился ли бы цикл «романов идей»? Или эпопея-мистерия типа «Фауста»? Или возник бы новый, невиданный жанр?.. — Так или иначе, в 70-х и 80-х годах прошлого века Европа стала бы созерцательницей небывалого творения, восходящего к ней из таинственного лона России и предвосхищающего те времена, когда поднимется из этого лона цветок всемирного братства — Роза Мира, выпестованная вестниками — гениями — праведниками — пророками.

Смерть Лермонтова не вызвала в исторической Европе, конечно, ни единого отклика. Но когда прозвучал выстрел у подножия Машука, не могло не содрогнуться творящее сердце не только Российской, но и Западных метакультур, подобно тому как заплакал бы, вероятно, сам демиург Яросвет, если бы где-нибудь на берегах Рейна оборвалась в двадцать семь лет жизнь Вольфганга Гете.

Значительную часть ответственности за свою гибель Лермонтов несет сам. Я не знаю, через какие чистилища прошел в посмертии великий дух, развязывая узлы своей кармы. Но я знаю, что теперь он — одна из ярчайших звезд в Синклите России, что он невидимо проходит между нас и сквозь нас, творит над нами и в нас и что объем и величие этого творчества непредставимы ни в каких наших предварениях.

Там же творит другие творения другое светило: тот, кто был столетие назад нашим милым, родным Гоголем.

Задача, которую предчувствовал Пушкин, которую разрешил бы, вероятно, к концу своей жизни Лермонтов, встала перед Гоголем с исключительной жгучестью.

Никакое сознательное движение вперед невозможно без осознания несовершенства той стадии, на которой находишься, и без понимания ее несовершенства.

Сделать так, чтобы Россия осознала все несовершенство своей стадии становления, всю неприглядность своей неозаренной жизни, — это должен был сделать и сделал Гоголь. Ему был дан страшный дар — дар созерцания изнанки жизни, и другой дар: художественной гениальности, чтобы воплотить увиденное в объективно пребывающих творениях, показуя его всем. Но трагедия Гоголя коренилась в том, что чувствовал в себе еще третий дар, нераскрытый, мучительно требовавший раскрытия, — а он не знал — и не узнал, — как раскрыть этот третий дар: дар вестничества миров восходящего ряда, дар проповедничества и учительства. При этом ему не удавалось осознать различия между вестничеством и пророчеством; ему казалось, что вестничество миров Света через образы искусства непременно должно связываться с высотой этической жизни, с личной праведностью. Ограниченные,

сравнительно с художественной гениальностью, способности его ума не позволили ему понять несоответствие между его задачей и формами православно-учительной деятельности, в которую он пытался ее облечь. Расшатанный и изъязвленный созерцанием чудищ «с унылыми лицами» психофизический состав его существа не выдержал столкновения между православным аскетизмом и требованиями художественного творчества, между чувством пророческого призвания и сознанием своего недостоинства, между измучившими его видениями инфернальных кругов и жгучею жаждою — возвещать и учить о мирах горних. А недостаточность — сравнительно с Лермонтовым — начала деятельно-волевого как бы загнала этот жизненный конфликт во внутреннее пространство души, лишила его необходимых выявлений вовне и придала колорит тайны последнему, решающему периоду его жизни.

«Гоголь запостился...», «Гоголь замолился...», «Гоголь заблудился в мистицизме...». Как жалки эти, сто лет не сходящие со страниц нашей печати, пошлости.

Известна картина Репина «Самосожжение Гоголя». В конце концов каждый зритель привносит в произведение живописи нечто свое, и доказать, что именно он видит в данной картине нечто такое, чего не видят другие, невозможно. Среди профессионалов-живописцев эта картина Репина вызывает иной раз отзывы скорее скептические, а иногда даже возмущенные. Некоторые полагают, что тут налицо незаконное вторжение «литературы» в живопись. Случается слышать и еще более суровые оценки, усматривающие в этом произведен подмену духовной трагедии Гоголя какою-то чисто физиологической коллизией. Я ничего этого не вижу. Я вижу совсем другое. Я вижу, что ни один человек, о трагедии Гоголя высказывавший свое суждение, даже такой глубокий аналитик, как Мережковский, не был так проницателен и глубок, как недалекий и обычно совсем не глубокий Репин.

Когда, будучи свободным от профессиональных предубеждений, вглядываешься в эту картину, ощущаешь себя невольно втягиваемым в душевную пропасть сквозь последовательные психофизические слои. Сначала видишь больного, полупомешанного, может быть, даже и совсем помешанного, изнемогающего в борьбе с каким-то, пожалуй, галлюцинаторным видением. При этом испытываешь смесь соболезнования и того бессознательного, невольного отталкивания, какое свойственно «психически нормальным» людям при соприкосновении с душевнобольным. Но вот этот слой спадает, как шелуха; внезапно различаешь искаженное предсмертным томлением лицо человеческого существа, принесшего и приносящего в жертву кому-то все свое драгоценнейшее, все, чем жил: заветнейшие замыслы, любимейшие творения, сокровеннейшие мечты, — весь смысл жизни. В потухающих глазах, в искривленных устах — ужас и отчаяние подлинного самосожжения. Ужас передается зрителю, смешивается с жалостью, и кажется, что такого накала чувств не сможет выдержать сердце. И тогда делается видным третий слой — не знаю, впрочем, последний ли. Те же самые потухающие глаза, те же губы, сведенные то ли судорогой, то ли дикою, отчаянною улыбкой, начинают лучиться детскою, чистой, непоколебимой верой и той любовью, с какой припадает рыдающий ребенок к коленям

матери. «Я все Тебе отдал, — прими меня, любимый Господи! утешь, обойми!» — говорят очи умирающего.

И чудо художника в том, что уже в самой мольбе этих глаз заключен ответ, точно видят уже они Великую Заступницу, обнимающую и принимающую эту исстрадавшуюся душу в лоно любви.

Тот, кто пройдет сквозь все эти слои поразительного репинского создания, не усомнится еще и в другом, самом высоком, все утешающем и оправдывающем: в том, что врата Синклита распахнулись перед Гоголем во всю ширь как перед любимейшим из сынов его.

Эти три первых великих гения русской литературы вознесли и утвердили эту литературу на высоту духовной водительницы общества, учительницы жизни, указательницы идеалов и возвестительницы миров духовного света, приобрели ей всенародный авторитет и увенчали нимбом мученичества.

Глава третья
МИССИИ И СУДЬБЫ
(Продолжение)

Освещая — насколько я могу осветить — в главе о средних мирах Шаданакара характер связи между человечеством и сакуалой Даймонов, я упомянул о расе метапрообразов, обитающей подле даймонов и имеющей большое значение для понимания некоторых произведений искусства Энрофа.

Лев Толстой — отец Андрея Болконского, хотя, конечно, и не в том смысле, в котором он был отцом Сергея Львовича или Татьяны Львовны. Интуиция гениального художника, синтетически создававшего образ Андрея из отдельных психических и физических черт разных людей, уловила сквозь эту амальгаму, как через своеобразный эфирный фокус, похожий, но еще более значительный образ существа из Жерама — того слоя в сакуале Даймонов, который играет для них ту же роль, что Энроф для нас. Это было существо из расы метапрообразов — отставшей в своем развитии от даймонов и опекаемой ими расы. Я упоминал уже, что они чрезвычайно схожи с людьми как своим внешним обликом, так и душой. Образ Андрея Болконского воспринимался и творчески сопереживался миллионами людей, читавших эпопею Толстого. Психическое излучение этого людского множества необычайно усилило этот объективно существующий, созданный Толстым эфирный образ Андрея, а для метапрообраза, связанного с ним, он стал одним из материальных облачений, чем-то вроде его эфирного тела, чем-то необходимым ему для дальнейшего развития, вернее — облегчающим и ускоряющим его развитие, как бы наполняющим новыми горячими силами и полнотой жизни его существо. Проанализировать этот процесс точнее я не в состоянии. Возможно, что в следующем эоне, когда преображенное человечество приступит ко спасению сорвавшихся в магмы и ядро Шаданакара, тот, кто нам известен как Андрей Болконский и ныне находящийся в Магирне, обретет свое воплощение в Энрофе и примет участие в великом творческом труде вместе со всеми нами. А в текущем эоне каждый из метапрообразов, полу-

чивших эфирное облачение от художников Энрофа, [не только] вбирает наши психические излучения, им вызванные, в свой состав, но и воздействует обратно на множество конкретных человеческих психик: он тормозит их становление либо способствует ему — в зависимости от природы, которая ему сообщена его творцом-художником. Вот почему общечеловеческий долг отцовства снимается с великих художников: снимаясь, он заменяется долгом отцовства другого рода. Дант, Леонардо, Рафаэль, Микеланджело, Сервантес, Шиллер, Моцарт, Бетховен, Лермонтов, Гоголь, Чехов, Глинка, Чайковский, Мусоргский и десятки других художественных гениев и вестников не имели детей, но никакой наш моральный инстинкт не вменяет им этого в ущерб именно потому, что все мы бессознательно знаем, что долг отцовства был ими выполнен, хотя и не так, как это происходит обыкновенно.

Было бы грубым упрощением полагать, будто за всеми человеческими образами художественной литературы и искусства стоят метапрообразы из мира даймонов. Напротив, — они стоят лишь за ничтожным меньшинством из этой необозримой галереи: обычно за теми, кого мы называем типами, и за очень крупными индивидуальностями. Но в тех случаях, когда они стоят, смысл создания художником человекообраза является двусторонним. Во-первых, через его посредство совершается могучее воздействие на человеческие существа нашего слоя. Во-вторых, повторяю, создается тонкоматериальное облачение, сообщающее жизненные силы метапрообразу и сокращающее его путь в сакуале Даймонов.

Ясно, однако, что художник не может быть свободен от кармической связи с отображенными им метапрообразами и от кармической ответственности за их судьбу, — подобно тому, как человек-отец несет ответственность за судьбу рожденных и воспитанных им детей. Гоголь затратил огромные усилия и поистине титанический труд, чтобы помочь в восходящем пути тем, кому он когда-то дал имена Собакевича, Чичикова или Плюшкина. Предчувствовал ли он это при жизни или нет, но всем известно, что он уже тогда страстно мечтал и даже пытался художественно предварить так называемое «обращение» главных персонажей «Мертвых душ», то есть их сознательное вступление на восходящий путь. Недовершенное в жизни совершается художником в посмертии и на этот раз.

Чем значительнее созданный художником человеко-образ, тем большие возможности открывает он перед метапрообразом. И тот, кто был отображен Гете как Фауст, скоро вступит в Синклит Мира, где давно уже пребывает Дон Кихот, а во втором эоне станет грандиозной личностью среди преображенного человечества.

Для человека с раскрывшимися духовным зрением и слухом встреча с тем, кто нам известен и нами любим как Андрей Болконский, так же достижима и абсолютно реальна, как и встреча с великим человеческим духом, который был Львом Толстым. Вопрос — в раскрытии соответствующих, в каждом из нас заложенных органов воспринимания и в том, в который именно из иноматериальных слоев Шаданакара проникли мы благодаря этим органам.

Сколь фантастично ни казалось бы все, что я здесь говорю, и сколько бы насмешек ни вызвал уверенный тон этих высказываний, я иду навстречу

любым насмешкам, но не могу взять назад ни одной из формулированных здесь мыслей.

Однако после сказанного уже не может показаться странным следующее: роль крылатого даймона по отношению к человеку — носителю дара и миссии вестника заключается, в смысле метода его воздействия, в том, что он прежде всего снимает запоры с хранилища творческого импульса, заложенного в вестнике, как и во всяком человеке, и этим способствует тому, что в творческое лоно художника устремляется поток оплодотворяющих впечатлений жизни, отливаясь в тот или иной образ; во многих случаях — в человеко-образ. Дальнейшая же работа даймона над астралом вестника преследует цель ослабления косности тех эфирно-физических преград, которые отделяют человеческое сознание от высших способностей, заложенных в астральном теле. При этом, в зависимости от художественной и личной индивидуальности данного художника, а также в зависимости и от характера его миссии, работа даймона может быть сосредоточена в особенности на какой-нибудь одной из этих способностей: на духовном зрении или слухе, на глубинной памяти, на способности созерцания космических панорам и перспектив, на способности высшего понимания других душ человеческих — можно назвать ее способностью духовного анализа — и, наконец, на способности к Любви в самом высоком смысле этого слова. В отдельных случаях работа даймона может направиться на раскрытие исключительно одной из этих способностей, а ее раскрытие облегчит и ускорит его работу над другими способностями уже в другой, более поздний период жизни вестника на земле. Нечто схожее происходило, например, с Чеховым. Его миссией было пронизание искусства слова любовью к людям в такой мере, к какой только приближались Диккенс и Достоевский. Чехов стоял на совершенно прямом пути. Закрытость его духовного зрения, слуха, способности созерцания космических панорам — все это было явлением временным, вызванным тем, что работа даймона была устремлена на раскрытие в нем дара высшей любви, и когда эта фаза работы была бы завершена, остальные способности раскрылись бы одна за другой с потрясающею быстротой. К семидесяти годам Чехов являл бы собой образец сочетания гениальности и святости. Этому помешала только смерть в сорокачетырехлетнем возрасте, только она.

Существует некий закон масштабов: становящаяся монада делается тем более великой, чем глубже были спуски, которые ею совершены, и страдания, которые пережиты. Монада эманирует из Отчего лона в материю не для того, чтобы скользнуть по поверхности одного из слоев планетарного космоса, а для того, чтобы пройти его весь, познать его весь, преобразить его весь и, возрастая от величия к величию, стать водительницей звезд, созидательницей галактик и наконец соучастницей Отца в творении новых монад и вселенных.

Отсюда — наше чувство благоговения и преклонения не только перед категориями прекрасного и высокого, но и перед категорией в е л и к о г о.

Отсюда — возникновение в нашей душе этого чувства при соприкосновении с такими образами, как Эдип, Прометей, Фауст, Дон Жуан, Брандт.

И именно грандиозные масштабы заложенных в них потенций отличают «детей Достоевского».

Чем, в сущности, оправданы всевозможные, без конца варьирующиеся от романа к роману, от персонажа к персонажу «инфернальные» спуски этих героев? Какое положительное значение могут принести наши блуждания вслед за ними по лабиринтам этих страстей, этих убийств и самоубийств, телесных и духовных растлений, по самым темным излучинам душевного мира? Не чреваты ли такие странствия, напротив, опасностями — поддаться соблазну, перейти к подражанию, к совершению таких же непростительных, даже преступных действий?

Те, кто любит Достоевского, часто ссылаются в оправдание на то, что великий писатель учит различать в самой падшей душе «искру Божию», что он внушает сострадание к несчастным и т.п. Сострадание он действительно внушает, и сострадание великое. Но всегда ли? Неужели главным компонентом в нашем отношении к Ставрогину, к Петру Верховенскому, к Свидригайлову будет сострадание? Да и обнаружение «искры Божией» в Верховенском или Смердякове служит плохим утешением; их преступных действий оно не оправдает и не смягчит. Дело в другом: в том, что их в какой-то мере — не то что оправдывает, но заставляет нас верить в высокие возможности их потенций иррационально нами ощущаемый масштаб их. Это значит, конечно, не то, что с них снимается ответственность за совершенное, а то, что у нас (во всяком случае, у читателя, обладающего метаисторическим мироощущением) возникает уверенность, что чем глубже спускались эти одержимые соблазном души, чем ниже были круги, ими пройденные о п ы т н о, тем выше будет их подъем, тем грандиознее опыт, тем шире объем их будущей личности и тем более великой их далекая запредельная судьба.

Как художник-этик, пробуждающий наше сострадание к несчастным и падшим, Достоевский велик — так велик, что этого одного было бы достаточно, чтобы упрочить за ним навсегда одно из первых мест в пантеоне всемирной литературы. Не менее, вероятно, велик он и как художник-вестник Вечно-Женственного; только искать веяние этого Начала нужно не в замутненных, душевно искалеченных, внутренне потерявшихся, снижаемых собственной истеричностью образах Настасьи Филипповны или Катерины Ивановны, а в том варианте общечеловеческой темы, на Западе разработанной в лице Маргариты и Сольвейг, который у нас создал именно Достоевский. История Сони Мармеладовой и Раскольникова — это потрясающее свидетельство о том, как das Ewigweibliche zieht uns hinan[1].

Но еще более велик Достоевский именно тем, что проводит нас, как Вергилий проводил Данта, по самым темным, сокровенно греховным, самым неозаренным кручам, не оставляя ни одного уголка — неосвещенным, ни одного беса — притаившимся и спрятавшимся. В этом и состояла главная особенность его миссии: в просветлении духовным анализом самых темных и жутких слоев психики. В этом отношении он является не только великим, но, пожалуй, глубочайшим писателем всех времен. Дальше перед ним начи-

1. Вечно-женственное влечет нас ввысь (*нем.*) — *Ред.*

налось другое: пронизывание таким анализом и светлых слоев, но на этой дороге он едва успел сделать первые шаги.

Во всяком случае, если для тех конечных целей демиурга, о которых я говорил в предыдущей главе, нужно предельно расширить границы личности и включить в зону, ею охваченную, самые кромешные слои инфрафизики (ибо пока они не изведаны, они не могут быть и просветлены), то никто не сделал для этого так много, как Достоевский.

Я не случайно упомянул Данте. Но, чтобы правильно понять эту связь, следует ясно отдавать себе отчет в различных планах, различных формах и стадиях подобного спуска в инфрафизические слои.

Работа даймона над Достоевским сосредоточивалась преимущественно на развитии его способности высшего понимания других человеческих душ; другие его духовные органы оставались только приоткрытыми. Поэтому в его творениях заключены не *прямые*, не *открытые* образы иноматериальных реальностей, как у Данта, но их *функции* в слое человеческой психики, человеческих деяний и судеб. Человек, сохранивший о подобных спусках воспоминание более отчетливое, мог бы различить функции таких слоев нисходящего ряда в психике и деяниях многих героев Достоевского. Он обнаружил бы функции Дуггура, Шим-бига и Дна в душе Ставрогина и Свидригайлова; Друккарга и Гашшарвы — в душе Петра Верховенского, функцию Гашшарвы и Цебрумра — слоя грядущего антицеркви антихриста — в Великом Инквизиторе. В личности Ивана Карамазова обнаружились бы функции многих различных миров и восходящего, и нисходящего ряда. Глава «Кана Галилейская» — явное воспоминание о Небесной России, может быть, даже отблеск Голубой пирамиды — Трансмифа Христианства, — и вообще в психике Мышкина, Алеши Карамазова, особенно старца Зосимы чувствуются следы полузабытых странствий по очень высоким слоям. В образ и даже в слова Хромоножки вложено воспоминание о великой стихиали — Матери-Земле.

Галерея человеческих образов, созданных Достоевским, не имеет себе равных, и не в одной только русской литературе. Недаром ни один русский писатель, кроме Толстого, не пользуется такой незыблемой всемирной славой. Каждому известно, что идеи философские, религиозные, нравственные, психологические, социально-исторические, культурные, выдвинутые Достоевским, поистине неисчислимы. Я ограничусь указанием лишь на две из них, имеющие с метаисторической точки зрения значение совершенно особое.

Первая — это та трактовка революционного движения того времени, за которую Достоевский получил впоследствии прозвание «пророка русской революции». В «Бесах» можно обнаружить массу деталей, верно подмеченных Достоевским у народовольцев, но не передавшихся их историческим преемникам. Эти последние именно потому и отрицают свое родство с персонажами знаменитого романа и считают его вообще поклепом на революцию. Но если суметь отделаться от этой ослепленности яркими деталями, обнажится некая субстанция, общая как для Верховенского и его сподвижников, так и для их исторических потомков, — некий «корень вещей». И те и другие жаждали крушения существующего порядка, дабы «строить самим». Те и другие

шли к этому путем расшатывания общественных устоев и, наконец, вооруженного переворота. Те и другие не только были беспощадны и лишены всякого намека на чувство жалости, благодарности или снисхождения, но ненавидели все, им мешающее, жгучей, мстительной, неудержимой ненавистью. Одни предвидели, а другие осуществляли на свой лад необходимость пустить легенду об «Иване-царевиче», чудотворном вожде. Одни мечтали, а другие осуществляли «раз в несколько лет всеобщую судорогу», уносящую гекатомбы жертв. Одни мечтали, а другие осуществляли воспитание новых поколений, воображающих себя свободными и лишенных души. Те и другие — две последовательные стадии в развитии одной и той же тенденции, хотя метаисторические силы, стоявшие за каждой из этих стадий, были, как постараюсь я показать впоследствии, не идентичными, хотя и весьма родственными.

Другая идея Достоевского имеет не менее прямое отношение к конечным целям демиурга и вообще к нашему и общечеловеческому будущему. Идея эта изложена в известном диалоге Ивана Карамазова с иноками в монастыре (глава «Буди, буди!»). Заключается же идея в уповании на то, что в историческом будущем осуществится нечто, противоположное римской католической идее превращения церкви в государство (так, по крайней мере, понимал католическую идею Достоевский): превращение государства в церковь. Семьдесят пять лет назад такая идея казалась каким-то утопическим анахронизмом, двадцать пять лет назад — бредом мистика, оторванного от жизни; сейчас же она заставляет призадуматься; через десять или двадцать лет она начнет свое победоносное шествие по человечеству. Естественно, что задачу эту Достоевский возлагал не на Розу Мира, предвидеть которую в XIX веке не мог даже он, а на православие.

Явственными признаками провиденциальности отмечена и судьба самого Достоевского. Конечно, страдание есть всегда страдание, и сердце может сжиматься от жалости и сочувствия, когда мы читаем о бесконечных мытарствах и мучениях, из которых была соткана внешняя сторона этой жизни. Но, как ни ужасны с гуманистической точки зрения даже тягчайшие ее события, они были абсолютно необходимы, чтобы сделать из человека и художника того великана, каким он стал. Таковы — его эпилепсия, аномальный облик его сексуальной сферы, безудержность и страстность его натуры, минуты его на эшафоте, пребывание его на каторге и даже, по-видимому, его бедность.

Но почему-то почти не отмечается в литературе о нем факт исключительной важности: а именно то, что в последние годы своей жизни Достоевский освобождался, одна за другой, от страстей, требовавших преодоления и изживания: для него наступила пора очищения. Великое сердце, вместившее в себя столько человеческих трагедий, исходившее кровью за судьбу стольких детей художественного гения, опрозрачнивалось от мути, и вместе с очищением возрастали силы любви. И когда читаешь некоторые страницы «Братьев Карамазовых», например главы о капитане Снегиреве или некоторые абзацы о Димитрии, охватывает категорическое чувство: чтобы **так** любить, т а к обнимать состраданием и т а к прощать, надо стоять уже на границе праведности.

Конечно, в своем посмертии Достоевский получил такие возможности ко спасению и подъему своих метапрообразов, каких мы не можем знать. И в этом отчасти и заключалось, во всяком случае в известный период, его посмертное творчество. Скоро начался и другой труд: быть В е р г и л и е м с п я щ и х по кругам инфрафизики.

Но если это мы еще способны представить себе, то дальнейшие творческие его ступени уводят в такую высь и приобретают такой масштаб, что воспринять мы сможем их только тогда, когда сами вступим — духовидением при жизни или всем составом нашим после смерти — в затомис нашей метакультуры.

Говоря о предпосылках, без которых рождение Розы Мира немыслимо исторически и психологически, я отметил как одну из важнейших снимание исконного противоречия двух начал: аскетически-духовного и так называемого языческого. Аскетическое начало, как самодовлеющее, было оправдано метаисторической диалектикой на ранних этапах многих метакультур; в метакультурах же христианских, как это говорилось уже не раз, оно было связано с прерванностью, недовершенностью миссии Христа. И надо застрять именно на этом этапе, чтобы продолжать думать всерьез, будто цель мирового становления исчерпывается спасением нескольких сот тысяч праведников. Подобная мысль возможна при кругозоре первых веков христианства; историческое христианство формировалось, опираясь на данные именно такого кругозора; большею широтой не отличались — да и не могли отличаться — и другие религии, формировавшиеся полтора — два — два с половиной тысячелетия тому назад. Единственной наполовину удавшейся попыткой хоть немного изменить окостеневшую догматику была Реформация. Но Ренессанс и Реформация представляют собою необычайно сложные метаисторические узлы. Трансфизическое чудовище, стоявшее за инквизицией, начало действовать гораздо раньше, чем инквизиция появилась на исторической арене, и вызвало своими действиями раскол светлых сил. Одни из них стремились к очищению христианства, но и среди них не было единства: внутри этого стана определилось две направленности; первая — отразившаяся крайне замутненно в Реформации, вторая — во внутреннем, хотя и слабом, стремлении католичества к очищению церкви от гнусных грехов предыдущего этапа. Другая же часть светлых сил сочла за необходимость временно отойти от исторически сложившихся форм христианства совсем, надеясь, что на пути развития светской, гражданственной гуманности Европа придет постепенно к новому осмыслению идеалов Христа. Таким образом, Реформация и Ренессанс оказались под знаком двух противных сил: только что описанной силы светлых начал, лишившейся единства и общей направленности, — и силы демонической. Естественно, что как только ослабело внешнее религиозное принуждение, в неподготовленную душу хлынули потоки из разных темных миров: Мудгабра, Юнукамна, Дуггура. Усилилось влияние кароссс. Немало сделал и сам Урпарп. Расширение пропасти между наукой и этикой инспирировалось, разумеется, им, дабы привести науку к полной изоляции от нравственности, религии и вообще духовности. Над этим старались специальные существа, игравшие роль как бы темных даймонов. Они вмешива-

лись и направляли деятельность даже людей совершенно светлой воли; не свободны от их воздействия были даже Коперник, Галилей и Декарт. За спиной Леонардо такой даймон стоял всю жизнь, хотя к концу его инвольтация была подавлена влиянием Света. Входили, так сказать, в план демонических сил и многие крупные художники Ренессанса, например Тициан, но его стихийность и чрезвычайная неотчетливость сознания помешали Урпарпу сделать из него такого профанатора и соблазнителя, какого ему хотелось. Не вполне чисто даже творчество Рафаэля. «Энрофизация» представлений о высших мирах Шаданакара — такое определение звучит прозаично и плоско, но и творчество Рафаэля, и весь Ренессанс стоят под знаком именно этого процесса. Несмотря на все художественные достижения, это был некоторый шаг назад, хотя и логический, и неизбежный, если не забывать — никогда не забывать! — о трагических последствиях недовершенности миссии Христа.

Вожди протестантизма свернули на путь не обогащения мира религиозных идей, прозрений и чувств, а его обеднения за счет извергаемых из него элементов мистериальных, магических, а также за счет ослабления роли элемента религиозно-эстетического. При этом в пылу борьбы с Римом были отвергнуты и какие бы то ни было надежды на духовное руководство государством со стороны религиозно-нравственных инстанций, хотя бы только как мечта о далеком будущем. Эта ущербленность протестантизма не могла окупиться частичным оправданием мирского начала, потому что связывалась не с ограничением исключительных требований аскетической духовности, а с полным отказом от этих начал, и потому еще, что у самого мирского начала отнимали перспективы его преобразования и просветления. Лютер исказил свое долженствование и самозванно присвоил миссию. Он мог бы стать папой, ему была бы дана власть для очищающих реформ. Вместо этого он сделал то, что сделал: он оказался повинен в дроблении Западной церкви и в духовном опустошении отколовшейся ее половины. Неудивительно, что ему пришлось испытать нисходящее посмертие и лишь к нашему времени подняться до Синклита Германии.

Дальнейший ход культурно-исторических процессов на Западе показал, что протестантизм, в сущности, оказался очередной ступенью общего, с раннего Ренессанса начавшегося и через гуманизм прошедшего движения — так сказать, «обезрелигиозирования» жизни (да извинят мне еще одно неуклюжее слово; постараюсь его не повторять). Разумеется, сами деятели Реформации не могли этого знать и понимать, но такова была объективная направленность их деятельности, субъективно истолковывавшейся ими, конечно, совершенно иначе. Это мчался над христианским человечеством Красный всадник Апокалипсиса — тот самый, в конце пути которого живет наше поколение. Следующей после Реформации ступенью этого процесса послужили эмпирическая философия в Англии, развитие наук, эмансипировавшихся от религии и этики; а затем — энциклопедисты с их наполовину деистической, наполовину материалистической философией, сделавшей уже только одну, да и то жалкую и бессильную попытку при Робеспьере — превратиться в культ. Далее последовала ступень научно-философского материализма и наконец в XX веке был достигнут конец лестницы в виде возведения одной

из разновидностей материализма в ранг государственного, всеобщеобязательного учения и его догматизация.

Это совершилось уже не на Западе, а в стране, этапа протестантизма не проходившей и даже философского деизма едва коснувшейся, а прямо заимствовавшей извне идеи гораздо более позднего этапа. Но почва, сделавшая возможной для России историческую прочность такого заимствования, была опять-таки не чем иным, как отставанием исторического христианства (на этот раз — в его православной разновидности) от объективного расширения культурного кругозора и от стремительных сдвигов психологии. Так мстило мирское «языческое» начало за свое угнетение в течение многих веков. Новые формы, в которые это культурное движение отливалось в XIX столетии, можно и должно рассматривать именно как западные интеллектуальные формы для исконно русского, правильнее — россианского содержания. Формами этими были: заимствованные с Запада социальные доктрины — фурьеризм, социализм, анархизм; художественно-литературные жанры — роман, новелла, трагедия, комедия; бытовой жанр в живописи; симфония, соната, опера, музыкальная драма; критика и публицистика... Общим же содержанием их оказалось энергично отстаивающее свои осознанные наконец права жизнеутверждающее и социально-преобразующее мирочувствие. Но знак времени был уже иным. И если праросcианство отнюдь не было лишено духовности, только духовность эта была связана с Навной и с мирами стихиалей, а не с Трансмифом христианства, то новая стадия в этом движении знаменовалась почти полным угасанием элементов магических и мистериальных и бурным проявлением и ростом импульсов социально-реформаторских и революционно-политических. Таким образом, подпочвенные струи вырвались на поверхность культуры и в первой половине XX века затопили страну со всеми ее церквами и монастырями.

Применительно к этому процессу метаисторическая диалектика заключается в том, чтобы понять двойственность самого россианского движения в культуре — светлой стихиальности, то есть оправданности одних ее сторон, и темной демоничности других; прогрессивности его на одной стадии и регрессивности на другой. (Под регрессивными я понимаю, конечно, такие явления, которые выражают собою борьбу с Провиденциальным началом в человечестве и в космосе.)

Любовь к миру не только оправдана, но *непременна*: без нее невозможно ничто, кроме себялюбивых устремлений к индивидуальному самоспасению.

Но есть любовь и любовь.

Любовь к миру, то есть к среде природной и к среде культурной как к источникам пользы только для нас и наслаждения только для нас, и притом таким источникам, какие должны превратиться полностью в нашего слугу и раба, — вот то, без чего *должно*.

Любовь к миру как к прекрасному, но искаженному, замутненному, страдающему и долженствующему стать еще прекраснее, чище и блаженнее через века и эоны нашей работы над ним, — вот та любовь, без которой *нельзя*. Это не значит, конечно, что силы Природы нельзя обращать на пользу человеку; это значит только, что наряду с таким обращением долж-

но совершаться и обратное: обращение сил человека на пользу — и духовную пользу — Природы.

Любовь к жизни как к сумме наслаждений и польз для нас либо же как к материалу, который мы насильственно и тиранически претворяем в то, чего хотим, — вот импульс, подлежащий безоговорочному и полному преодолению в нас самих.

Любовь к жизни как к мировому потоку, творимому Богом, иерархиями и человеком, благословенному во всем, от созвездий и солнц до электронов и протонов, — во всем, кроме демонического, — прекрасному не только в нашем слое, но и сотнях других слоев и ждущему нашего участия в нем во имя любви, — вот то, без чего человечество придет лишь к абсолютной тирании и к духовному самоугашению.

И это не значит опять-таки что чувственная радость сама по себе пребывает для человека чем-то запретным. Наоборот, это значит только, что такая радость оправдана, если не увеличивает суммы страданий других существ и уравновешивается в нас самих готовностью принимать от жизни не только наслаждение, но и скорбь, и труд, и долг.

Подобная четкость разграничений еще не могла быть достигнута в прошлом столетии. Смешение этих форм любви к миру и к жизни было еще неизбежно. Но усиление их, накал, подъем были необходимы, и с этим связана миссия нашего второго из величайших художественных гениев — Льва Толстого[1].

Сколько бы других, более частных задач ни выполнил в своем литературном творчестве Толстой, как бы велики ни были созданные им человеко-образы, сколько бы психологических, нравственных, культурных вопросов он ни ставил и ни пытался разрешить, но для метаисторика самое главное в том, что им осуществлена была могучая проповедь любви к миру и к жизни. Жизни — не в том уплотненном, сниженном, ничем не просвеченном смысле, в каком понимали ее, скажем, Бальзак или Золя, а к жизни, сквозь формы и картины которой именно сквозит свет некоей неопределимой и невыразимой, но безусловной высшей Правды. В одних случаях эта Правда будет сквозить через грандиозные исторические коллизии, через войны народов и пожары столиц, в других — через великолепную, полнокровную, полнострастную природу, в третьих — через индивидуальные искания человеческих душ, их любовь, их неутолимое стремление к добру, их духовную жажду и веру. Вот такую проповедь Толстой, как гений и вестник, и должен был осуществлять — и осуществлял — зачастую вопреки намерениям его логизирующего, слишком рассудочного ума; проповедь — не тенденциозными тирадами, а художественными образами, насыщенными до предела именно любовью к миру, к жизни и к стоящей за ними высшей Правде, — образами, которые сильнее всех тирад и обязательнее всякой логики.

Он любил, и наслаждаясь этой любовью, учил любить все: цветущую ветку черемухи, обрызганную дождем, — и трепещущие ноздри горячей лошади; песню косарей, идущих по дороге, и от звуков которой точно колышется сама земля, — и крепкие икры бегающих мальчишек; бесприютную старость Карла Ивановича — и усадебные идиллии Левиных и Ростовых; духовную жажду, уводящую Пьера к масонам, а отца Сергия — в странничество, — и хруст снега под торопливыми шагами Сони, когда ее озаренное зимней луной лицо приближается к губам Николая со всей чистотой юности и красотой влюбленности; огненную молитву юродивого Гриши — и физическое наслаждение от скачки верхом и от купания, от питья ледяной воды из ручья и от бального наряда, от полевой работы и от чувственной любви.

1. Второго — если считать первым Достоевского.

Но строфы пушкинского «Пророка» недаром выжглись раз и навсегда на первых страницах великой русской литературы. То самое, что привело Гоголя к самосожжению, привело Толстого к отречению от своих художественных созданий и к попытке воплотить образ Пророка в себе самом.

Всю мою жизнь я слышу со всех сторон сокрушения любителей литературы об уходе Толстого в область религиозно-нравственной проповеди. «Скольких гениальных художественных творений лишились мы из-за этого!» — Подобные стенания доказывают лишь непонимание личности Толстого и детскую непродуманность того, что такое русская художественная гениальность. На склоне жизни каждого из гениев России возникает мощная, непобедимая потребность: стать не только вестником, а именно пророком — гонцом горнего мира, выражающим высшую Правду не одними только образами искусства, но всем образом своей жизни. Найти такой синтез и воплотить его в реальности дано только ничтожным единицам. Лев Толстой не нашел его и в проповедничестве своем не создал ничего, равноценного «Войне и миру». Но поступить он мог только так, и никак иначе.

Трагедия Толстого заключается не в том, что он ушел от художественной литературы, а в том, что дары, необходимые для создания из собственной жизни величавого образа, который превышал бы значительность его художественных творений, — дары, необходимые для пророческого служения, — остались в нем нераскрытыми. Духовные очи не разомкнулись, и миров горних он не узрел. Духовный слух не отверзся, и мировой гармонии он не услышал. Глубинная память не пробудилась, и виденного его душою в иных слоях или в других воплощениях он не вспомнил. Шаданакар остался ему неизвестен, метаистория — непонятна, исторические процессы и цели — неразгаданы, а любовь к миру и требования духовности — не примирены. Его проповеди кажутся безблагодатными потому, что рождены они только совестью и опираются только на логику, а духовного знания, нужного для пророчества, в них нет.

Но духовная жажда его была так велика, а чувство *долга проповеди* так неотступно над ним довлело, что тридцать лет он пытался учить тому, что подсказывала ему совесть. А так как совесть его была глубока, разум остр, а словесное мастерство — колоссально, то безблагодатная проповедь оказалась достаточно сильна, чтобы вызвать образование *секты* и даже перекинуться далеко за рубеж, рассеивая семена идеи о непротивлении злу злом, — семена, падавшие в некоторых странах на подготовленную почву и давшие потом такие всходы, как социально-этическая доктрина Махатмы Ганди.

Таким образом, нам через пятьдесят лет начинает брезжить суть происшедшего с Толстым. Он принял свою духовную жажду за призыв к пропо-

ведничеству; свое покаяние — за право учительного обращения к миру; свое вступление на длительный и тернистый путь к пророчеству — за санкцию на пророчество. Он опередил самого себя.

Но преждевременное проповедничество, усиливая его гордыню и запутывая его в противоречиях, не ускоряло, а замедляло его движение по тому отрезку пути, какой оставался ему до раскрытия внутренних даров и до превращения в пророка. Ему казалось, что нужен еще какой-то героический акт: не то — мученичество за веру, не то — подвижнический уход от общества и от культуры. И действительно: если бы он не заблудился среди нагромождений своего рассудка, если бы ушел из дому лет на двадцать раньше, сперва — в уединение, а потом — с устной проповедью в народ, совершенно буквально странствуя по дорогам России и говоря простым людям простыми словами о России Небесной, о высших мирах Шаданакара, о верховной Правде и универсальной любви, — эта проповедь прогремела бы на весь мир, этот воплощенный образ Пророка засиял бы на рубеже XX века надо всей Европой, надо всем человечеством, и невозможно измерить, какое возвышающее и очищающее влияние оказал бы он на миллионы и миллионы сердец. Но, запутавшись в тенетах своих противоречивых обязанностей, действительных и мнимых, Толстой долго колебался, не смея поверить в правильность своего намерения — бросить свою семью и сложившийся за столько десятков лет уклад жизни. Когда же поверил и совершил — ему было восемьдесят два, силы иссякли, и долгожданное утоление духовной жажды встретило его уже по ту сторону смертной черты.

Тот, кто был Толстым, теперь не водительствует, кажется, никем из живущих по кругам Шаданакара, как Лермонтов, Гоголь или Достоевский. На высотах метакультуры он творит иное — то, что для тех слоев еще грандиознее, чем «Война и мир» — для нас. Ибо тройственный *дар-долг* гения — вестника — пророка, за который он столько лет боролся с самим собой, — лишь подобие наивысших форм служения и творчества, осуществляемых в затомисах метакультур и еще выше — вплоть до Синклита Человечества. Земное творчество — лишь подготовка к творчеству в высших мирах. Потому-то и обращена такая внимательная забота Провиденциальных сил на судьбы и души тех, кого мы называем обычно творцами культуры. Поэтому к ним посылаются даймоны, поэтому их оберегают херувимы и поэтому же демонические силы борются за каждую пядь их жизни и за каждое движение их души.

Глава четвертая
МИССИИ И СУДЬБЫ
(Окончание)

Есть в истории русской культуры особенность, которая, будучи один раз подмечена, поражает сознание и становится предметом тягостного раздумья.

При ознакомлении с античностью бросается в глаза наличие в греческой мифологии разнообразнейших и весьма напряженных выражений Женственного начала. Без Афины, Артемиды, Афродиты, Деметры, без девяти муз,

без множества богинь и полубогинь меньшего значения олимпийский миф совершенно немыслим. Так же немыслим героико-человеческий план греческой мифологии без Елены, Андромахи, Пенелопы, Антигоны, Федры.

Нельзя себе представить духовного мира древних германцев без Фрейи, Фригги, без валькирий, а их героического эпоса — без образов Брунгильды, Гудруны, Кримгильды.

Ни в одной культуре женщина и Женственное не занимают в пантеоне, мифологии и эпосе, а позднее — во всех видах искусства столь огромного места, как в индийской. Богиня Сарасвати и богиня Лакшми царят на высочайших тронах. Позднее, но уже в течение двух тысяч лет брахманизм и индуизм воздвигают тысячи храмов, ваяют миллионы статуй великой Матери миров — Кали-Дурги, зиждительницы и разрушительницы вселенной. Живопись, скульптура, поэзия, драматургия, танец, философия, богословие, культ, фольклор, даже быт — все в Индии насыщено переживаниями Женственного начала: то жгучими, то нежными, то строгими.

Не только пантеону — и эпосу каждого народа знакомы, в большей или меньшей степени, образы женственного, народом излюбленные и переносимые художниками из сказания в сказание, из искусства в искусство, из века в век.

Что же видим мы в России?

На самой ранней, дохристианской стадии, в бледном восточнославянском пантеоне — ни одного женского имени, сравнимого по вызываемому ими почитанию с Ярилой или Перуном.

В христианском пантеоне — полностью перенесенный к нам из Византии культ Богоматери и поклонение нескольким — византийским же — угодницам.

Народные легенды о св. Февронии Муромской вызывают только чувство тягостного разочарования у всякого, кто раньше познакомился с этим образом через его вариант в опере-мистерии Римского-Корсакова.

Образ Ярославны едва намечен в «Слове о полку Игореве»; в продолжении шестисот лет — ни сказка, ни изобразительные искусства, ни поэзия даже не попытались дать более углубленного, более разработанного варианта этого образа. Приближалось к концу седьмое столетие после создания гениальной поэмы, когда, наконец, образ Ярославны зазвучал по-новому в опере Бородина.

Весь колоссальный круг былин, и киевских, и новгородских, лишен женских образов почти совершенно.

Если не считать занесенную Бог ведает откуда легенду об Амуре и Психее, превратившуюся у нас в сказку об Аленьком Цветочке, — во всем необозримом море русских сказок можно найти, кажется, только один светлый женский образ с углубленным содержанием: Василису Премудрую.

И такая пустыня длится не век, не два, но тысячу лет, вплоть до XIX столетия.

И вдруг — Татьяна Ларина. Следом за ней — Людмила Глинки. И — точно некий Аарон ударил чудотворным жезлом по мертвой скале: поток изумительных образов, один другого глубже, поэтичнее, героичнее, трогательнее,

пленительнее: Лиза Калитина, Елена из «Накануне», Ася, Зинаида, Лукерья из «Живых мощей», княжна Марья Болконская, Наташа Ростова, Грушенька Светлова, Марья Тимофеевна Лебядкина, Лиза Хохлакова, Волконская и Трубецкая — Некрасова, Катерина — Островского, Марфа — Мусоргского, мать Манефа и Фленушка — Мельникова-Печерского, бабушка в «Обрыве» Гончарова, бабушка в «Детстве» Горького, «Дама с собачкой», «Три сестры» и «Чайка» Чехова, «Олеся» Куприна и, наконец, Прекрасная Дама — Блока.

Что это такое?

Это — прямое следствие разрыва, происшедшего между Яросветом и Вторым уицраором.

После взятия Парижа второй демон великодержавия преисполнился непомерной гордыни и чего-то близкого к тому, что на языке психиатрии называется манией грандиоза. Инвольтируя царя и других деятелей российской государственности, он добился того, что форма Священного союза была выхолощена от первоначальной идеи, а внутри страны воцарился режим, получивший прозвище аракчеевщины. Наконец демиург поставил перед Жругром требование, своего рода ультиматум: не мешать восприятию Александром I демиургической инвольтации, которая тогда сводилась в основном к внушению идеи о необходимости немедленных коренных реформ: освобождению крестьян и созыву всенародного и постоянного Земского Собора. Уицраор отверг эти требования. Тогда, в 1819 г<оду>, санкция демиурга была с него снята, и Яросвет впервые обратил свое светоносное оружие против Жругра: часть цитадели игв в Друккарге была разрушена; инвольтация Навны, до тех пор тщетно силившаяся пробиться сквозь эти вековые средостения к сознанию творческих слоев сверхнарода, получила наконец доступ к ним. В высшей степени знаменательно то, что рождение первого образа из женского пантеона России — Татьяны Лариной — падает именно на годы, последовавшие за 1819-м. Между обеими иерархиями началась открытая борьба. Одним из ее видов — со стороны уицраора — было насильственное обрывание жизни в Энрофе тех людей, которые были носителями светлых миссий, и в непосредственной связи с этим находятся трагические смерти, вернее, умерщвления Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, омрачение и запутывание в безвыходных противоречиях Гоголя, Александра Иванова, Мусоргского, Льва Толстого, преждевременные смерти Владимира Соловьева и Чехова.

История вестничества в русской литературе — это цепь трагедий, цепь недовершенных миссий.

Темен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведет
Пушкина — под дуло пистолета,
Достоевского — на эшафот...
(М. Волошин)

Но он (не рок, а уицраор, а иногда даже сам Урпарп) — умерщвлял одних, а на смену являлись новые. И в этом ряду особое значение имеет деятельность великого писателя, обладавшего высшею степенью художественной одаренности: Тургенева.

Конечно, тургеневские образы «лишних людей» очень жизненны и очень интересны для историка. Но — только для историка. Материала, привлекательного для психолога, в фигурах Рудина, Лаврецкого или Литвинова, на мой взгляд, не заключено, а интереса метаисторического никто из них не возбуждает потому, что не выражает и не отражает ни метаисторических сущностей, ни метаисторических процессов. Симптоматичнее других, разумеется, фигура Базарова, но огромное метаисторическое значение тургеневского творчества все же совсем в ином.

Миссия Тургенева заключалась в создании галереи женских образов, отмеченных влиянием Навны и Звенты-Свентаны.

То ли вследствие своеобразной, ущербной личной своей судьбы, а может быть — и в связи с какими-то более глубокими, врожденными свойствами темперамента своего и дарования Тургенев более чем кто-либо из писателей его поколения понимал и *любил любовь* только в ее начальной поре: он — гениальный поэт «первых свиданий» и «первых объяснений». Дальнейший ход событий ведет каждый раз к катастрофе, причем совершается эта катастрофа еще до того, как судьбы любящих соединились. Может быть, тут сказалось и известное предубеждение писателей предшествующих эпох, полагавших, будто «счастливая» любовь — тема бессюжетная и неблагодарная. Но правильнее, кажется, усмотреть в этой особенности тургеневских романов и повестей отражение определенного жизненного опыта: материала для иного развития любовного сюжета этот опыт Тургеневу не дал.

И все же он попытался преодолеть эту свою ущербность. Одна из чудеснейших его героинь, Елена, соединяется, как известно, с Инсаровым, становится спутницей его по всем излучинам пути и соучастницей его жизненного подвига. Но, наметив таким образом выход из ущербного круга, Тургенев не смог найти в запасе своих жизненных впечатлений такого материала, который позволил бы ему этот сюжет разработать и облечь в художественную плоть и кровь. Даже более: уже соединив обоих героев в их общем жизненном деле, Тургенев поддался свойственной ему любовной меланхолии и заставил Инсарова умереть, а Елену — в одиночестве продолжать начатое дело мужа. Да и особенности тургеневской *эстетики любви* продолжали сказываться: по-видимому, его особенной, художественной любовью пользовались именно те коллизии, и только те, где звучала непременная нота печали, надлома, разрыва между мечтой и действительностью, — щемящая мелодия грусти о непоправимом. Другие коллизии, очевидно, казались ему недостаточно *красивыми*. Так, есть люди и даже целые эпохи, которым руина представляется поэтичнее любого здания, живущего всей полнотой жизни. Но если мы вспомним, что в его эпоху Навна продолжала оставаться пленницей Жругров, а цитадель игв была разрушена Яросветом только в незначительной части, то ущербность тургеневских поэм о любви перестанет казаться нам следствием только ущербности его собственных личных коллизий и будет понята во всей своей объективной значительности и закономерности.

И все-таки Елена — первый образ русской женщины, вырывающейся из вековой замкнутости женской судьбы, из узкой предопределенности ее

обычаем, и уходящей в то, что считалось до тех пор уделом только мужчины: в общественную борьбу, на простор социального действия. Женственно-героическая линия, та линия Навны, у истоков которой на заре русской культуры возвышается монументальная фигура княгини Ольги, позднее — Марфы-посадницы и боярыни Морозовой, а в эпоху, предшествовавшую Тургеневу, — фигуры жен декабристов, — эта линия поднялась в образе Елены на новый уровень и нашла впервые свое художественное воплощение.

Сколько ни писали у нас — от Писарева до последнего гимназиста — о тургеневских женских характерах, а мне все кажется, что характер Лизы Калитиной до сих пор не оценен по заслугам. Это естественно. Недооценен он потому, что наиболее влиятельная критика, публицистика и литературоведение сто лет находились в руках именно тех, кто сетовал на отход Гоголя от художественной литературы в область религиозно-нравственной проповеди, кто возмущался подобными же стремлениями Толстого, кто высмеивал каждого писателя, желавшего показать своим творчеством или доказать образом своей жизни, что религиозная жажда в человечестве отнюдь не угасла. Не только уход в монастырь, но самая *идея монастыря* была в глазах русской критики и общественности идеей реакционной, порочной в самой своей основе. Все столетие, протекшее с 1855 года, шло под знаком развенчания и ниспровержения самодовлеюще-религиозных идеалов. Даже мыслители-мистики, как Мережковский, не умели подойти к идее монастыря хотя бы под углом зрения ее оправданности на определенных стадиях религиозно-культурного развития личности или народа. Можно было подумать, что глубоко верующие люди (а ведь Лиза принадлежала к их числу) уходят в монастырь, ничего не взвесив, не сообразив, не разобравшись в самих себе, и ради какого-то нелепого каприза бросают свою молодую жизнь в некую черную дыру. То есть совершают нечто вроде духовного самоубийства, и только потому, что им не посчастливилось встретиться с такими прогрессивными, высококультурными людьми, как мы: трезвый голос, бодрый призыв со стороны уж конечно предохранил бы заблуждающихся от рокового шага. Как будто драма, разыгравшаяся в жизни Лизы, не ударила по заветнейшему, нежнейшему, что она носила в себе: по ее религиозной совести. Столкновение произошло между этой совестью и любовью — а любить Лиза могла в жизни лишь раз (она — образец характеров-однолюбов), и любовь для нее была столь же священна, как ее понятия о добре и правде. Она поняла, и поняла совершенно правильно, что для нее, для человека *такой* совести и *такой* любви, развязать этот узел в условиях нашего человеческого мира невозможно. Ни один мудрец не придумает другого выхода из положения, если только пожелает видеть Лизу такой, какой она была у Тургенева, а не такой, какой ему хочется. А если развязать узел — непредставимо как — можно будет только в другом мире, то что же может наполнить и осмыслить остающиеся годы жизни в Энрофе, как не подготовка и не очищение себя ради достойного перехода в тот мир, где будут развязываться сложнейшие узлы, завязанные здесь? А если так, то какой же путь, если не иноческий, тверже и прямей всех, прямее и вернее всех ведет к этому очищению? — Правда, впрочем, и то, что растолковать это людям, возмущающимся Лизой совершенно так же, как возмущаются они

Гоголем и Толстым, — невозможно. Что знают они о том, чего могло бы достигнуть это чистейшее сердце за те сорок или пятьдесят лет, которые ему предстояло биться под рясой монахини? Может быть, таких же безусловных плодов святости, каких достигли великие подвижники и подвижницы, пользующиеся всенародным признанием!.. Вот уж кого Тургеневу в его посмертии не пришлось «спасать» и досоздавать, так это Лизу Калитину. Пожалуй даже, получилось обратное, и немало грехов сняла Лиза с Ивана Сергеевича после его смерти.

Но еще значительнее другой образ, с которым мы знакомимся по художественному воссозданию его Тургеневым; значительнее, между прочим, и потому, что в нем он поведал не о вступлении русской женской души на путь к праведности, но о праведности как таковой, уже достигнутой и земную дорогу завершающей. Это — Лукерья из потрясающего очерка «Живые мощи» — одной из жемчужин русской литературы. Что о нем сказать? В нем всякое слово полно углубленного смысла; не комментировать, а только вчитываться да вчитываться надо в этот шедевр. Здесь Тургеневым преодолено все: и собственная ущербность, и литературные предрассудки, и воинствующе-мирской дух эпохи, и его не вполне правая (потому что односторонне-страстная) любовь к молодости, и его вечный страх перед недугами и смертью. Как известно, Лукерья не была чисто творческим тургеневским образом: в «Живых мощах» зарисована, много лет спустя, встреча писателя с бывшей крепостной его матери. Может быть, он и сам не понимал до конца, какая глубина таится в немудреных словах Лукерьи, им добросовестно воспроизведенных. Сомнительно, чтобы он сам верил в то, что Лукерья уже «искупила свои грехи» и начинает искупать грехи своих близких. Трудно допустить также мысль, будто он понял символику — не символику, точнее говоря, а мистическую реальность знойной нивы, которую жнет Лукерья в своем «сне», серпа, становящегося серпом лунным на ее волосах, и жениха — Васю, нет, не Васю, а Иисуса Христа, приближающегося к ней поверх колосьев. Это — из тех образов, пробовать истолковать которые — значит, снижать их; на них, как выражается сам Тургенев, «можно только указать — и пройти мимо».

Во всяком случае, женских образов этого плана и этого уровня Россия до сих пор создала лишь два: деву Февронию и Лукерью.

Тот, кто следит за изложением моих мыслей, ждет, вероятно, что после Тургенева я не уклонюсь от того, чтобы попытаться охарактеризовать таким же образом остальных носителей дара вестничества в русской литературе: Алексея Толстого, Тютчева, Лескова, Чехова, Блока. Но рамки моей основной темы побуждают меня отложить изложение мыслей о Тютчеве, Лескове и Чехове на неопределенный срок, об Алексее Толстом — до специальной о нем статьи, а характеристике Блока предпослать характеристику другого деятеля: Владимира Соловьева.

Какая странная фигура — Владимир Соловьев на горизонте русской культуры! Не гений — но и не просто талант; то есть как поэт, пожалуй, талант, и даже не из очень крупных, но есть нечто в его стихах, понятием таланта не покрываемое. Праведник? Да, этический облик Соловьева был исключительным, но все же известно, что от многих своих слабостей Соловьев

при жизни так и не освободился. Философ? Да, это единственный русский философ, заслуживающий этого наименования безо всякой натяжки, но система его оказалась недостроенной, большого значения в истории русской культуры не имела, а за границей осталась почти неизвестной. Кто же он? Пророк? Но где же, собственно, в каких формах он пророчествовал и о чем? Может быть, наконец, *«молчаливый пророк»*, как назвал его Мережковский, — пророк, знаменующий некие духовные реальности не словами, а всем обликом своей личности? Пожалуй, последнее предположение к действительности ближе всего, и все-таки с действительностью оно не совпадает.

Философская деятельность Соловьева диктовалась намерением, которое он очень рано для себя определил: подвести под богословское учение православия базис современной положительной философии. Часто, конечно, он выходил далеко за пределы этого задания; на некоторых этапах жизни даже уклонялся от строгой ортодоксии, вследствие чего, например, его капитальная работа «La Russie et l'Eglise universelle»[1] даже не могла быть опубликована в России. Но он постоянно был озабочен тем, чтобы не оказаться в религиозных отщепенцах, и вряд ли что-нибудь рисовалось ему в более отталкивающем виде, чем судьба ересиарха.

И все же он оказался — не ересиархом, конечно, но предтечей того движения, которому в будущем предстоит еще определиться до конца и к которому православная ортодоксия, во всяком случае сначала, быть может, отнесется как к чему-то недалекому от ереси.

Великим духовидцем — вот кем был Владимир Соловьев. У него был некий духовный опыт, не очень, кажется, широкий, но по высоте открывшихся ему слоев Шаданакара превосходящий, мне думается, опыт Экхарта, Беме, Сведенборга, Рамакришны, Рамануджи, Патанджали, а для России — прямотаки беспримерный.

Это — три *видения*, или, как назвал их сам Соловьев в своей поэме об этом, «три свидания»: первое из них он имел в восьмилетнем возрасте во время посещения церкви со своею бонной, второе — молодым человеком в Библиотеке Британского музея в Лондоне, а третье, самое грандиозное — вскоре после второго, ночью в пустыне близ Каира, куда он устремился из Англии, преодолевая множество преград, по зову внутреннего голоса. Отсылаю интересующихся и еще незнакомых с этим уникальным религиозным документом к поэме «Три свидания»: она говорит сама за себя. Цитировать ее в настоящее время я лишен возможности, а передавать ее содержание собственными словами не дерзаю. Осмелюсь констатировать только, что Соловьев пережил трижды, и в третий раз с особенною полнотой, откровение Звенты-Свентаны, то есть восхи́щение в Раорис, один из наивысших слоев Шаданакара, где Звента-Свентана пребывала тогда. Это откровение было им пережито в форме видения, воспринятого им через духовное зрение, духовный слух, духовное обоняние, органы созерцания космических панорам и метаисторических перспектив — то есть через почти все высшие органы восприимания, внезапно в нем раскрывшиеся. Ища в истории религий европейского круга какого-нибудь аналога или, лучше сказать, предварения такого духовного опыта, Соловьев не смог остановиться ни на чем, кроме гностической идеи Софии Премудрости Божией. Но идея эта у гностика Валентина осложнена многоярусными спекулятивными построениями, с опытом Соловьева, по-видимому, почти ни в чем не совпадавшими, тем более что он сам считал какие бы то ни было спекуляции на эту тему недопустимыми и даже кощунственными. Идея эта не получила в историческом христианстве ни дальнейшего развития, ни, тем более, богословской разработки и догматизации. Это естественно, если учесть, что эманация в Шаданакар великой богорожденной женственной монады совершилась только на рубеже XIX века, — метаисторическое событие, весьма смутно уловленное тогда Гете, Новалисом и, может быть, Жуковским. Поэтому до XIX века никакого мистического опыта, подобного опыту Соловьева, просто не могло быть: объекта такого опыта в Шаданакаре еще не существовало. В эпоху гностицизма воспринималось другое: происшедшее незадолго до Христа низлияние в Шаданакар сил Мировой Женственности, не имевшее никакого *личного* выражения, никакой сосредоточенности в определенной богорожденной монаде. Эхо этого события достигло сознания великих гностиков и отлилось в идею Софии. В восточном христианстве образ Софии Премудрости Божией все-таки удержался, хотя и остался никак не связанным с православною богословскою доктриной и даже как-то глухо ей противореча. Слабые попытки увязать одно с другим приводили только к абсурду вроде понимания Софии как условно-символического выражения Логоса, Христа.

Сам Соловьев считал, что в девяностых годах прошлого века для открытой постановки вопроса о связи идеи Софии с православным учением время еще не приспело. Он хорошо понимал, что вторжение столь колоссальной высшей реальности в окостеневший круг христианской догматики может сломать этот круг и вызвать новый раскол в церкви; раскол же рисовался ему великим злом, помощью грядущему антихристу, и он хлопотал, как известно, больше всего о противоположном: о воссоединении церквей. Поэтому он до конца своей рано оборванной жизни так и не выступил с провозвестием нового откровения. Он разрешил себе сообщить о нем лишь в легком, ни на что не претендующем поэтическом произведении. Личная же скромность его и глубокое целомудрие, сказывающиеся, между прочим, в кристальной ясности языка даже чисто философских его работ, подсказали ему — окружить повесть о трех свиданиях, трех самых значительных событиях его жизни, шутливым, непритязательно-бытописующим обрамлением. Поэма осталась мало известной вне круга людей, специально интересующихся подобными документами, — круга, у нас немногочисленного даже и перед революцией, а ныне и вовсе лишенных возможности как-либо проявлять себя вне стен своих уединенных комнат. Но влияние этой поэмы и некоторых других лирических стихотворений Соловьева, посвященных той же теме, сказалось и на идеалистической философии начала века — Трубецком, Флоренском, Булгакове — и на поэзии символистов, в особенности Блока.

Из всего только что изложенного как будто бы ясно, что грядущее рождение Звенты-Свентаны в Небесной России силами демиурга Яросвета и На-

1. «Россия и Вселенская церковь» (*фр.*) — *Ред.*

вны имеет к идеям Соловьева самое прямое отношение, ибо Звента-Свентана — это не что иное, как выражение Женственной ипостаси Божества для Шаданакара. Всякому ясно, следовательно, что такие идеи, вытекающие из откровения Вечной Женственности, не совпадают с пониманием Троичности в ортодоксальном христианстве. И не удивительно, что В. Соловьев, пекшийся о воссоединении христианства, а не о его дальнейшем дроблении на конфессии и секты, не торопился оглашать свой пророческий духовный опыт.

Была, вероятно, и вторая причина. Хорошо знакомому с историей религий Соловьеву не могли быть неизвестны факты, показывающие, что вторжение в религиозные организации и в культ представлений о различии божественно-мужского и божественно-женского начал чревато исключительными опасностями. Понятые недостаточно духовно, недостаточно строго отделенные от сексуальной сферы человечества, вторжения эти ведут к замутнению духовности именно сексуальной стихией, к кощунственному отождествлению космического духовного брака с чувственной любовью и в конечном счете к ритуальному разврату. Насколько можно судить, положительный опыт — лицезрение Звенты-Свентаны в этом облике сверхчеловеческой и сверхмирской женственной красоты — был для Соловьева настолько потрясающим, настолько не совместимым ни с чем человеческим или стихийным, что духовидца с тех пор отталкивали какие бы то ни было спуски в слои противоположных начал. Он знал, и хорошо знал, о существовании Великой Блудницы и о возможных страшных подменах, подстерегающих всякое недостаточно четкое, недостаточно окрепшее сознание, уловившее зов Вечно-Женственного сквозь замутняющие слои страстных, противоречивых эмоций. Но существование великой стихиали человечества — Лилит, ваятельницы и блюстительницы плоти народов, осталось, по-видимому, для него неясным. Он употребляет раза два или три выражение «простонародная Афродита», но, очевидно, разумеет при этом неопределенное смешение двух начал: стихиального и сатанинского. Их спутанность, нерасчлененность в представлениях Соловьева — несомненна. Но указание на подстерегающую в этом направлении опасность, сделанное хотя бы в такой неотчетливой форме, было все же необходимо в высшей степени. После происшедшего с Александром Блоком можно только пожалеть, что это предупреждение Соловьева не было сделано с большею разработанностью.

В том, что миссия Соловьева осталась недовершенной, нет ни капли его собственной вины. От перехода со ступени духовидения на ступень пророчества его не отделяло уже ничто, кроме преодоления некоторых мелких человеческих слабостей, и вряд ли может быть сомнение в том, что, продлись жизнь его еще несколько лет, эти слабости были бы преодолены. Именно в пророчестве о Звенте-Свентане и в создании исторических и религиозных предпосылок для возникновения Розы Мира заключалась его миссия. Тогда Роза Мира, вернее, ее зерно могло бы возникнуть еще внутри православия, его изменяя и сближая со всеми духовными течениями правой руки. Это могло бы произойти в России даже в условиях конституционной монархии. Соловьев должен был бы принять духовный сан и, поднимая его в глазах народа на небывалую высоту авторитетом духовидца, праведника и чудотворца,

стать руководителем и преобразователем церкви. Известно, что в последние годы жизни перед внутренним взором Соловьева все отчетливее раскрывались перспективы последних катаклизмов истории и панорама грядущего царства Противобога, и он сосредоточился на мечте о воссоединении церквей и даже о будущей унии иудаизма и ислама с христианством для борьбы с общим врагом: уже недалеко во времени рисовавшимся пришествием антихриста. В его письмах имеются бесспорные доказательства, что в подготовке общественно-религиозного сознания к этой борьбе он видел в последние годы свое призвание. Мы не можем знать, в каких организационных и структурных формах религиозности совместил бы он преследование этой задачи с пророческим служением Вечной Женственности. Формы эти зависели бы не от него одного, но и от объективных условий русской и всемирной истории. Но и само течение этой истории было бы иным, если бы первые тридцать лет двадцатого столетия были бы озарены сиянием этого светлейшего человеческого образа, шедшего прямой дорогой к тому, чтобы стать чудотворцем и величайшим визионером всех времен.

Призвание осталось недовершенным, проповедь — недоговоренной, духовное знание — не переданным до конца никому: Соловьев был вырван из Энрофа в расцвете лет и сил тою демонической волей, которая правильно видела в нем непримиримого и опасного врага.

Обаяние его моральной личности, его идей и даже его внешнего облика — прямо-таки идеального облика Пророка в настоящем смысле этого слова — воздействовало на известным образом преднастроенные круги его современников чрезвычайно, и это несмотря на всю недоговоренность его религиозного учения. За пятнадцать лет, протекшие от его смерти до революции, было издано многотомное собрание его сочинений и появилась уже целая литература о Соловьеве и его философии. Работа эта была оборвана на сорок с лишним лет с приходом предшественников того, о ком он предупреждал. Подобно завесе гробового молчания, опущенной на весь отрезок жизни Александра Благословенного после Таганрога, глухая вода безмолвия сомкнулась и над именем Владимира Соловьева. Его сочинения и работы о нем были сделаны почти недоступными, и имя философа проскальзывало только в подстрочных примечаниях к стихам Александра Блока как имя незадачливого идеолога реакции, внушившего молодому поэту кое-какие из наиболее регрессивных его идей. Философская бедность России повела к провозглашению вершинами философии таких деятелей XIX столетия, в активе которых числятся только публицистические, литературно-критические или научно-популярные статьи да два-три художественно беспомощных романа. Единственный же в России философ, создавший методологически безупречный и совершенно самостоятельный труд «Критика отвлеченных начал», замечательную теодицею «Оправдание добра» и ряд провидческих концепций в «Чтениях о богочеловечестве», «Трех разговорах», «России и Вселенской церкви», — оказался как бы не существовавшим. Дошло до того, что целые интеллигентные поколения не слыхали даже имени Владимира Соловьева, покоящегося на московском Новодевичьем кладбище под обескрещенною плитой.

Что в Синклите России могуч Пушкин, велик Достоевский, славен Лермонтов, подобен солнцу Толстой — это кажется естественным и закономерным. Как изумились бы миллионы и миллионы, если бы им было показано, что тот, кто был позабытым философом-идеалистом в России, теперь досягает и творит в таких мирах, куда еще не поднялись даже многие из светил Синклита.

Глава пятая
ПАДЕНИЕ ВЕСТНИКА

Вся огромная исследовательская литература об Александре Блоке возникла в специфических условиях, всем нам слишком хорошо известных. Не удивительно, что проблемы внутренней эволюции Блока еще почти не поставлены. Существует, конечно, официальная версия, будто бы Блок явился выразителем мирочувствия упаднической эпохи с неотемлемым от нее мистицизмом, присущим якобы только подобным эпохам; что он носил в себе вместе с тем и ростки новых, здоровых начал, которые обусловили его присоединение к революции 1917 года, но что силы его были уже надломлены и в этом, дескать, следует искать причину его творческого безмолвия в последние годы и его преждевременного конца. При этом стихи автобиографичнейшего из поэтов рассматриваются не как документы, зачастую совершенно буквально отображающие события и процессы его личной жизни, а как некие художественные величины, смысл которых — только в высоте их чисто поэтического качества да в заключенных в них отзывах на внешнюю действительность эпохи. Между тем Блок принадлежит к категории поэтов, стихи которых могут оказывать художественно-эмоциональное воздействие на кого угодно, но человек, лишенный мистического чувства и опыта, так же бессилен «разобраться» в Блоке, как бессилен осмыслить теорию относительности тот, кто не обладает знанием высшей математики. Этот изъян будет щедро восполнен со временем. Поэтому я только намечу здесь несколько вех той религиозно-мистической трагедии Блока, которая, как я понимаю, предопределила ход его поэтической эволюции, его нисходящего движения по лестнице жизни, его роковой конец и искупительное посмертие. Но даже и это ограниченное задание вынуждает меня сломать на данном отрезке структуру книги и посвятить Александру Блоку отдельную главу. Оправдание этому — в том, что через материал этой главы я приближаюсь к кругу реальностей, связанных с проявлением Звенты-Свентаны в сознании людей, с опасностью подмен Ее сил силами демоническими и с одним из пяти грядущих культов Розы Мира.

Общеизвестно, что в ранней юности, в пору своих еще совершенно наивных и расплывчатых поэтических вдохновений, ничем оригинальным не отмеченных, Блок познакомился не столько с философией, сколько с поэзией Владимира Соловьева. Самого Соловьева он успел повидать только один раз и, кажется, даже не был представлен знаменитому тогда философу. Об этой встрече Блок сам рассказывает в статье «Рыцарь-монах», мало известной, но в метаисторическом отношении весьма замечательной. Дело происходило на панихиде и похоронах какого-то литературного или общественного деятеля, в серый зимний столичный день. Молодой, никому еще не ведомый поэт не мог, конечно, отвести глаз от фигуры властителя его дум — фигуры, поражавшей людей и с гораздо меньшей восприимчивостью. Но встретились они глазами, кажется, только раз; синие очи духовидца Звенты-Свентаны остановились на прозрачных серо-голубых глазах высокого, статного юноши с кудрявою, гордо приподнятой головой. Бог знает, что прочитал Соловьев в этих глазах; только взор его странно замедлился. Если же вспомнить горячую любовь Блока к стихам Соловьева и необычайный пиетет к его личности, то покажется естественным, чтобы в момент этой первой и единственной между ними встречи глаза будущего творца «Стихов о Прекрасной Даме» отразили многое — столь многое, что великий мистик без труда мог прочитать в них и заветную мечту, и слишком страстную душу, и подстерегающие ее соблазны сладостных и непоправимых подмен.

Рассказывая об этой встрече, Блок явно недоговаривает. Свойственная ему скромность и естественное нежелание обнажать в журнальной статье свое слишком интимное и неприкосновенное помешали ему высказать до конца смысл этой встречи глаз под редкими перепархивающими снежинками петербургского дня. Очевидно только то, что встреча эта осталась в памяти Блока на всю жизнь и что он придавал ей какое-то особое значение.

Через три года в книжных магазинах появились «Стихи о Прекрасной Даме». Соловьева — единственного человека, который мог бы понять эти стихи до последней глубины, поддержать своего молодого последователя на трудном пути, предупредить об угрожающих опасностях, — уже не было в живых. Но литературною молвой Александр Блок был признан как преемник и поэт-наследник пророка Вечной Женственности.

Не приходится удивляться тому, что ни критика, ни публика того времени не смогли осилить, не сумели осмыслить мистическую двойственность, даже множественность, уже отметившую этот первый блоковский сборник. Слишком еще был нов и неизведан мир этих идей и чувств, этих туманных иерархий, хотя каждому казалось, будто он отлично разгадывает этот поэтический шифр как игру художественными приемами.

Между тем анализ текста позволяет с точностью установить здесь наличие трех существенно различных пластов.

Прежде всего в этом сборнике останавливают поэтический слух мотивы, начинающие порою звучать гордым и мужественным металлом, интонациями торжественного самоутверждения:

...Мне в сердце вонзили
Красноватый уголь пророка!

...Я их хранил в приделе Иоанна,
Недвижный страж, — хранил огонь лампад,
И вот — Она, и к Ней — моя Осанна —
Венец трудов, превыше всех наград.

Но не космическими видениями, не чистым всемирным блистанием, а смутно и тихо светится здесь луч Женственности. Он проходит как бы сквозь туманы, поднимающиеся с русских лугов и озер, он окрашивается в специфические оттенки метакультуры Российской. Самое наименование — Прекрасная Дама — еще говорит об отдаленных реминисценциях Запада: недаром Блоку так близок был всегда мир германских легенд и романтизм Средневековья. Но нет: эти отблески Европы не проникают глубже наименования. Образ той, кто назван Прекрасной Дамой, обрамляется русскими пейзажами, еловыми лесами, скитскими лампадами, дремотной поэзией зачарованных теремов. Старая усадебная культура, мечтательная, клонящаяся к упадку, но еще живая, дышит в этих стихах — поздняя стадия этой культуры, ее вечерние сумерки. Если бы о Прекрасной Даме писал не двадцатидвухлетний юноша, а тридцатилетний или сорокалетний мастер слова, господин собственных чувств и аналитик собственных идей, он, вероятно, дал бы Ей даже другое имя и мы увидали бы наиболее чистое и ясное отображение одной из Великих Сестер: идеальной Соборной Души российского сверхнарода. Именно вследствие этого Андрей Белый, Сергей Соловьев, Сергей Булгаков не могли признать в Прекрасной Даме Ту, Кому усопший духовидец посвятил свои «Три свидания»: ничего еще не зная о таких иерархиях, как Навна, они недоумевали перед слишком человеческими, слишком национальными одеждами Прекрасной Дамы, чуждыми мирам Святой Софии.

Но есть в стихах этих еще и другой пласт, и многоопытного Соловьева он заставил бы тревожно насторожиться. Сборник писался в пору влюбленности Блока в его невесту, Любовь Дмитриевну Менделееву. Голос живой человеческой страсти лишь вуалируется матовыми, мягкими звучаниями стиха; постоянное же переплетение томительно-влюбленного мотива с именем и образом Прекрасной Дамы окончательно погружает все стихи в мглистую, тревожную и зыбкую неопределенность. Чувствуется, что эту неопределенность сам поэт даже не осознает, что он весь — в ней, внутри нее, в романтическом смешении недоговоренного земного с недопроявившимся небесным.

Недопроявившимся: в этом и заключается корень несчастия. Взгляните на портреты молодого Блока: прекрасное, гордое, полное обаяния, но как бы взирающее из глубины сна лицо; печать какой-то неотчетливости, что-то грезящее, почти сомнамбулическое. Это отмечалось уже и некоторыми из его современников. Да: водимый, как сомнамбула, своим даймоном во время медиумического сна по кручам и кругам Шаданакара, он, пробуждаясь и творя, смешивал отблески воспоминаний с кипевшими в его дневной жизни эмоциями влюбленности и страсти, а свойственная его строю души бесконтрольность мешала ему заметить, что он — на пути к совершению не только опасного и недолжного, но и кощунственного: к допуску в культ Вечно-Женственного чисто человеческих, сексуальных, стихийных струй — то есть к тому, что Владимир Соловьев называл «величайшей мерзостью».

Существует нечто вроде «души» лирического произведения — песни, романса, гимна (конечно, я имею в виду лишь небольшое их число:

критерий — значительность и талантливость). Эти тонкоматериальные сгущения пребывают в различных слоях, в зависимости от своего содержания. Ни малейшей антропоморфности, разумеется, в их обликах нет; скорее, они близки к волокнам тумана различных оттенков и музыкального звучания. Для них возможно просветление, совершающееся параллельно просветлению их творцов; впоследствии они включаются в объем его личности. Те же из них, которые лучезарны с самой минуты их создания, воздействуют озаряющим и поднимающим образом и на того, кто их создал, и на тех, кто их воспринял. Но стихи, исполненные уныния и отчаяния либо взывающие к низшим инстинктам похоти, зависти, ненависти, ничем не озаренной чувственности, не только понижают душевный уровень многих из тех, кто их воспринял, но и становятся проклятием для их творца. На его пути неизбежны будут такие излучины, когда эти души стихов, мутные, сладострастные, злобные и липкие, обступят клубами его собственную душу, заслоняя от нее всякий свет и требуя в нее допуска для своих извивающихся и присасывающихся волокон. Строки Блока в поздний период его жизни:

Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда! —

выражение отчаянной попытки избавиться от последствий того, что он создавал сам.

Миновало еще три года. Отшумела первая революция. Был окончен университет, давно определилась семейная жизнь. Но — сперва изредка, потом все чаще — вино и омуты ночного Петербурга начинали предрешать окраску месяцев и лет.

И вот из печати выходит том второй: «Нечаянная радость».

Название красивое, но мало подходящее. Нет здесь ни Нечаянной радости (это — наименование одной из чтимых чудотворных икон Божьей Матери), ни просто радости, ни вообще чего бы то ни было нечаянного. Все именно то, чего следовало ждать. Радостно только одно: то, что появился колоссальный поэт, какого давно не было в России, но поэт с тенями тяжкого духовного недуга на лице.

Только наивные люди могли ожидать от автора «Стихов о Прекрасной Даме», что следующим его этапом, и притом в двадцатипятилетнем возрасте, будет решительный шаг к некоей просветленности и солнечной гармоничности. Как будто груз чувственного и неизжитого, уже вторгшегося в культ его души, мог исчезнуть неизвестно куда и отчего за три года жизни с молодой женой и слушанья цыганских песен по ресторанам.

Когда читаешь критические разборы этих стихов Андреем Белым или Мережковским, то есть теми, от кого можно было бы ждать наибольшей чуткости и понимания, сперва охватывает недоумение, потом чувство горечи, а под конец — глубокая грусть. Какое отсутствие бережности, дружественности, любви, даже простой человеческой деликатности! Точно даже злорадство какое-то сквозит в этих ханжеских тирадах по поводу «измены» и «падения» Блока. И все облечено в такой нагло поучающий тон, что даже ангел

на месте Блока крикнул бы, вероятно: «Падаю — так падаю. Лучше быть мытарем, чем фарисеем».

И все же измена действительно совершилась. И по существу дела каждый из этих непрошеных судей был прав.

Блок не был «Рыцарем бедным». Видение, «непостижимое уму», если и было ему явлено, то в глубоком сомнамбулическом сне. Для того чтобы «не смотреть на женщин» и «не поднимать с лица стальной решетки», он был слишком молод, здоров, физически силен и всегда испытывал глубокое отвращение к воспитанию самого себя: оно казалось ему насилием над собственными, неотъемлемыми правами человека. Низшая свобода, свобода самости была ему слишком дорога. Мало того: это был человек с повышенной стихийностью, сильной чувственностью и, как я уже отмечал, бесконтрольностью. Преждевременные устремления к бесплотному повлекли за собой бунт стихии. Естественность такой эволюции была бы, конечно, ясна Соловьеву, если бы он знал стихи о Прекрасной Даме. Не ее ли предугадал он в ту короткую минуту, когда погрузил взор в дремотно-голубые глаза неизвестного юноши-поэта?

Однако эволюция эта была естественна, но не неизбежна. Вряд ли можно всецело оправдывать кого бы то ни было ссылками на слабость характера или на нежелание разобраться в себе. Блок не был человеком гениального разума, но он был достаточно интеллигентен и умен, чтобы проанализировать и понять полярность, враждебность, непримиримость влекущих его сил. Поняв же, он мог, по крайней мере, расслоить их проекции в своей жизни и в творчестве, отдать дань стихийному, но не смешивать смертельного яда с причастным вином, не путать высочайший источник Божественной премудрости и любви с Великою Блудницей.

Во втором и потом в третьем томе стихов художественный гений Блока достигает своего зенита. Многие десятки стихотворений принадлежат к числу ярчайших драгоценных камней русской поэзии. Звучание стиха таково, что с этих пор за Блоком упрочивается приоритет музыкальнейшего из русских поэтов. Появляется даже нечто, превышающее музыкальность, нечто околдовывающее, завораживающее, особая м а г и я с т и х а, какую до Блока можно было встретить только в лучших лирических стихотворениях Лермонтова и Тютчева. Но сам Блок говорил, что не любит людей, предпочитающих его второй том. Неудивительно! Нельзя ждать от человека, затаившего в душе любовь, чтобы его радовало поклонение людей, восхваляющих его измену.

И в «Нечаянной радости», и в «Земле в снегу» звучит, разрастаясь и варьируясь, щемяще-тревожный, сладостный и пьянящий мотив: жгучая любовь — и мистическая, и чувственная — к России. Кто, кроме Блока, посмел бы воскликнуть:

О, Русь моя! Ж е н а моя! До боли
Нам ясен долгий путь!

Эта любовь взмывает порой до молитвенного экстаза — Куликово поле, трубные крики лебедей, белые туманы над Непрядвой…

И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде, свет струящей,
Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.

И когда, наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

Да ведь это Навна! Кто и когда так ясно, так точно, так буквально писал о Ней, о великой вдохновительнице, об идеальной Душе России, об ее нисхождениях в сердца героев, в судьбы защитников родины, ее поэтов, творцов и мучеников?

Какие бы грехи ни отягчили карму того, кто создал подобные песнопения, но гибель духовная для него невозможна, даже если бы в какие-то минуты он ее желал: рано или поздно его бессмертное будет извлечено Соборной Душой народа из любого чистилища.

Да… но и нерукотворный лик на щите остаться «светлым навсегда» не сможет.

…И дальше путь, и месяц выше,
И звезды меркнут в серебре.
И тихо озарились крыши
В ночной деревне, на горе.

Иду, и холодеют росы,
И серебрятся о тебе.
Все о тебе, расплетшей косы
Для друга тайного в избе.

Дай мне пахучих, душных зелий
И ядом сладким заморочь,
Чтоб, раз вкусив твоих веселий,
Навеки помнить эту ночь. —

О ком это, кому это? Раскрываются широкие дали, затуманенные пеленой осенних дождей; пустынные тракты, притаившиеся деревни со зловещими огнями кабаков; душу охватывают тоска и удаль, страстная жажда потеряться в этих просторах, забыться в разгульной, в запретной любви — где-то у бродяжьих костров, среди полуночных трав, рдеющих колдовскими огнями.

Любые берлоги утробной, кромешной жизни, богохульство и бесстыдство, пьяный омрак и разврат —

Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

Не только такой, но уже и м е н н о такой. Слышатся бубенцы бешеных троек, крики хмельных голосов, удалая песня, — то ли разгул, то ли уже разбой, — и она, несущаяся в ведовской, в колдовской пляске:

Каким это светом
Ты дразнишь и манишь?
В кружении этом
Когда ты устанешь?
Чьи песни? чьи звуки?
— Чего я боюсь?
Щемящие звуки
И — вольная Русь?!

Да, Русь, но какая? Что общего с Навной в этой разбойной, в этой бесовской красе?

Здесь буйно заметает вьюга
До крыши — утлое жилье,
И девушка на злого друга
Под снегом точит лезвее.

Закружила плясками, затуманила зельями, заморочила ласками, а теперь точит нож.

Не Навна, не Идеальная Душа, а ее противоположность.

Сперва пел о Навне, принимая ее в слепоте за Вечную Женственность. Теперь поет о Велге, принимая ее за Навну в своей возросшей слепоте.

Но это еще только начало. Страстная, не утолимая никакими встречами с женщинами, никаким разгулом, никаким растворением в народе любовь к России, любовь к полярно-враждебным ее началам, мистическое сладострастие к ней, то есть сладострастие к тому, что по самой своей иноприродной сути не может быть объектом физического обладания, — все это лишь одно из русел его душевной жизни в эти годы. А параллельно с ним возникает и другое.

Сперва — двумя-тремя стихотворениями, скорее описательными, а потом все настойчивее и полновластнее, от цикла к циклу, вторгается в его творчество *великий город*. Это город Медного Всадника и Растреллиевых колонн, портовых окраин с пахнущими морем переулками, белых ночей над зеркалами исполинской реки, — но это уже не просто Петербург, не т о л ь к о Петербург. Это — тот трансфизический слой под великим городом Энрофа, где в простертой руке Петра может плясать по ночам факельное пламя; где сам Петр или какой-то его двойник может властвовать в некие минуты над перекрестками лунных улиц, скликая тысячи безликих и безымянных к соитию и наслаждению; где сфинкс «с выщербленным ликом» — уже не каменное изваяние из далекого Египта, а царственная химера, сотканная из эфирной мглы… Еще немного — цепи фонарей станут мутно-синими, и не громада Исаакия, а громада в виде темной усеченной пирамиды — жертвенник-дворец-капище — выступит из мутно-лунной тьмы. Это — Петербург нездешний, невидимый телесными очами, но увиденный и исхоженный *им*: не в поэтических вдохновениях и не в ночных путешествиях по островам и набережным вместе с женщиной, в которую он сегодня влюблен, — но в те ночи, когда он спал глубочайшим сном, а кто-то водил его по урочищам, пустырям, расщелинам и вьюжным мостам инфра-Петербурга.

Я говорил уже: среди инозначных слоев Шаданакара есть один, обиталище могучих темных стихиалей женственной природы: демониц великих городов. Они вампирически завлекают человеческие сердца в вихреобразные воронки страстной жажды, которую нельзя утолить ничем в нашем мире. Они внушают томительную любовь-страсть к великому городу, мучительную и неотступную, как подлинное чувственное влечение. Это — другой вид мистического сладострастия — сладострастие к городу, и притом непременно ночному, порочному, либо к удушливо-знойному городу летних предвечерий, когда даже шорох переливающихся по улицам толп внушает беспредметное вожделение. Возникают мимолетные встречи, чадные, мутные ночи, но утоления они не дают, а только разжигают. Из этой неутолимой жажды, из запредельного сладострастия возникает образ, для каждого свой, но тот самый, который всякому, прошедшему этим путем, встречался *реально* в трансфизических странствиях, забытых полностью или на девять десятых и кажущихся сном. О, не даймон, совсем уже не даймон водил его по кругам этих соблазнов: кто-то из обитательниц Дуггура подменил даймона собой, кто-то из мелких демониц внушал ему все большее и большее сладострастие, показывая ему такие формы душевного и телесного — хотя и не физического — разврата, какие возможны в Дуггуре — и нигде более.

Я не уверен, что «каждый вечер, в час назначенный», мечтая о своем за уединенным столиком ресторана, Блок видел иначе, как только в мечте, «девичий стан, шелками схваченный», и как «без спутников, одна, дыша духами и туманами, она садится у окна». Но мечтал он о ней и отравлял свои дни и ночи неутолимым томлением *потому*, что смутно помнил о встречах с нею в Дуггуре.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег зачарованный
И зачарованную даль…

Да, воистину: *незнакомка*. Пока не раскрылась глубинная память, пока не вспомнился со всею отчетливостью Дуггур, до тех пор невозможно

понять, кто это!.. Но ни падениями, ни разгулом, ни вином эта память не раскроется; и от тоски по нестерпимо влекущему, но в Энрофе отсутствующему, от сладострастия к той, кого нельзя забыть и нельзя до конца припомнить, спешишь за призраком «от одной страстной ночи к другой», потому что вино дает хоть иллюзию ее близости, а физические сближения — хоть иллюзию обладания необладаемым.

Смутными воспоминаниями о Дуггуре насыщена вся «Снежная маска». Едва начинается почти любое из этих стихотворений, и вдруг уже реальный план сдвинулся, мгновенное колебание всех тканей стиха — и вот уже пейзаж другого, смежного мира, другой Невы, других вьюг, других громад по берегам — каких-то ледяных громад с пещерами и гротами, каких-то полетов на «пасмурных конях» по воздушным пучинам другого слоя: инфра-Петербурга.

Нет исхода из вьюг,
И погибнуть мне весело.
Завела в очарованный круг,
Серебром своих вьюг занавесила...

«Снежная маска» — шедевр из шедевров. Совершенство стиха — завораживающее, форма каждого стихотворения в отдельности и всего цикла в целом — бесподобна, ритмика неповторима по своей выразительности, эмоциональный накал достигает предела. Здесь, как и во многих стихах последующего тома, Блок — величайший поэт со времен Лермонтова. Но возрастание художественного уровня идет параллельно линии глубокого духовного падения. Более того: каждое такое стихотворение — потрясающий *документ* о нисхождениях по лестнице подмен: это — купленное ценою гибели *предупреждение*.

Спутанности, туманности, неясности происходящего для самого автора, которые в какой-то мере смягчали ответственность за цепь подмен, совершенных по отношению к Душе России, здесь уже нет. Гибельность избранного пути осознана совершенно отчетливо.

Что быть бесстрастным? что — крылатым?
Сто раз бичуй и укори,
Чтоб только быть на миг проклятым
С тобой — в огне ночной зари!

Вряд ли сыщется в русской литературе другой документ, с такой силой и художественным совершенством говорящий о жажде быть проклятым, духовно отвергнутым, духовно погибшим, — о жажде саморазрушения, своего рода духовного самоубийства. И что тут можно сделать,

Если сердце хочет гибели,
Тайно просится на дно?

Сперва — тайно, а потом уже и совершенно явно. Любовь к Н.Н. Волоховой (а «Снежная маска» посвящена именно ей) оказывается своего рода магическим кристаллом: с неимоверной настойчивостью следуют

друг за другом такие образы женственного, какие не применимы ни к какой женщине в нашем физическом слое. Они возрастают в своей запредельности, в своей колоссальности от стихотворения к стихотворению, пока наконец

В ледяной моей пещере —
Вихрей северная дочь!

Из очей ее крылатых
Светит мгла.
Трехвенечная тиара
Вкруг чела...

Стерегите, злые звери,
Чтобы ангелам самим
Не поднять меня крылами...
Не вскружить меня хвалами,
Не пронзить меня Дарами
И Причастием своим!

У меня в померкшей келье —
Два меча.

У меня над ложем — знаки
Черных дней.

И струит мое веселье
Два луча.

То горят и дремлют маки
Злых очей.

Уж, кажется, яснее ясного, что это за злые очи! Неужто и после этого придет в голову хоть одному чуткому исследователю, будто центральный женский образ «Снежной маски» — конкретная женщина, любимая поэтом, актриса такого-то театра Н.Н. Волохова? Тонкая, умная, благородная Волохова, по-видимому, никогда (насколько можно судить по ее неопубликованным еще воспоминаниям) не могла понять до конца пучин этой любви к ней: понять, кого любил Блок в ней, за ней, сквозь нее. Это ее непонимание сознавал, кажется, и сам Блок:

Из всех — не знаешь ты одна,
Каким рожденьям ты причастна,
Какою верой крещена.

Ведь не попусту же, в конце концов, это многозначительное заглавие: «Снежная м а с к а»! Недаром же все время проходит мотив маскарада, мотив женского лица, скрытого от взоров. Можно сказать, в некотором смысле, что

для Блока сама Волохова была маскою на лице женственной сущности, неудержимо увлекающей его то ли в вихри звезд и вьюг, то ли вниз и вниз, в трясины Дуггура.

Разумеется, не на каждое стихотворение Блока следует смотреть под таким углом зрения. Многие чудесные стихи его совершенно свободны от всякой душевной мути. Но я говорю здесь об основном его пути, о линии его жизни.

В вечерних сумерках собора
Прочитан мною свиток твой;
Твой голос — только звук из хора,
Но звук протяжный и глухой.

Таким обращением некоей женственной сущности к поэту начинается одно из стихотворений, которое Блок даже не решился напечатать. Начало, перекликающееся со стихами его юности, когда входил он «в темные храмы», совершая «бедный обряд»: там ждал он «Прекрасной Дамы в сиянье красных лампад». Не Прекрасная ли Дама и сейчас мерцает своему погибающему певцу? Что говорит она? Чем утешит, чем обнадежит? — Но голос звучит холодно и сурово, едва доносясь из других, далеких, инозначных слоев:

Твое страданье и томленье,
Твоя тоска — что мне до них?
Ты — только смутное виденье
Миров далеких и глухих.

И испытать тебя мне надо:
Вас много, ищущих меня,
Неповторяемого взгляда,
Неопалимого огня.

И вот тебе ответный свиток
На том же месте, на стене,
За то, что много страстных пыток
Узнал ты на пути ко мне...

Как будто бы очень похоже на Прекрасную Даму. Прекрасной Даме, госпоже небесных чертогов, человек, может быть, тоже кажется видением миров далеких и глухих. Говорящая теперь утверждает, что его страдание, томление и тоска были о ней. Но о ком же они были, как не о Прекрасной Даме? Значит, мы слышим наконец в этих стихах или голос Прекрасной Дамы, или кого-то, говорящего ее голосом. Так что же начертывает она в «ответном свитке» сердцу, ее ищущему?

Кто я, ты долго не узнаешь,
Ночами глаз ты не сомкнешь,
Ты, может быть, как воск, истаешь,
Ты смертью, может быть, умрешь.

И если отдаленным эхом
Ко мне дойдет твое «люблю»,
Я громовым холодным смехом
Тебя, как плетью, опалю.

Так вот она кто! Пускай остается неизвестным ее имя — если имя у нее вообще есть, — но из каких мировых провалов, из каких инфрафизических пустынь звучит этот вероломный, хищный голос, — это, кажется, яснее ясного. Госпожа... да, Госпожа, только не небесных чертогов, а других, похожих на ледяные, запорошенных серым снегом преисподних. Это еще не сама Великая Блудница, но одно из исчадий, царящих на ступенях спуска к ней, подобно Велге.

«Здесь человек сгорел» — эту строку Фета взял он однажды эпиграфом к своему стихотворению:

Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельный пожар!

Но в чем же, собственно, заключался пожар жизни и что в нем было гибельного? Блок всю жизнь оставался благородным, глубоко порядочным, отзывчивым, добрым человеком. Ничего непоправимого, непрощаемого, преступного он не совершил. Падение выражалось во внешнем слое его жизни, в плане деяний только цепью хмельных вечеров, страстных ночей да угаром цыганщины. Людям, скользящим по поверхности жизни, даже непонятно: в сущности, какое тут уж такое будто бы ужасное падение, о какой гибели можно говорить? Но понять чужое падение *как падение* могут только те, кому самим есть откуда падать. Те же, кто сидит в болоте жизни, воображают, что это в порядке вещей и для всех смертных. Когда вчитаешься в стихи Блока как в автобиографический документ, как в исповедь, тогда уяснится само собой, что это за падение и что за гибель.

Третий том — это, в сущности, уже пепелище. Душевное состояние поэта ужасно.

Ты изменил давно,
Бесповоротно.

Непробудная ночь плотно обняла все — и землю, и то, что под ней, и то, что свыше. Одна беспросветная страница сменяется другой, еще кромешнее. Клочья, уцелевшие в памяти от трансфизических странствий, переплетаются с повседневностью в единый непрерывный кошмар. Вспоминается стих Корана: «Один мрак глубже другого в глубоком море».

Не таюсь я перед вами,
Посмотрите на меня:
Вот стою среди пожарищ,
Опаленный языками
Преисподнего огня.

Вот в эти-то годы и была написана Блоком коротенькая статья-воспоминание «Рыцарь-монах», та самая, с напоминания о которой я начал эту гла-

ву. Заголовок — странный, вне метаисторического толкования не имеющий смысла. Каким рыцарем был при жизни Соловьев — человек, во весь век свой не прикоснувшийся к оружию, доктор философии, лектор, кабинетный ученый? и каким монахом — он, никакого пострига никогда не принимавший, обета целомудрия не дававший и, несмотря на всю свою православную религиозность, живший обыкновенной мирской жизнью? Но Блок и не говорит о таком Соловьеве, каким он был. Он говорит о том, каким он стал. Каким он видел его, спустя ряд лет, где-то в иных слоях: в темных длинных одеждах и с руками, соединенными на рукояти меча. Ясно, что и меч был не физический, и рыцарство — такое, какое предугадывал лишь «Рыцарь бедный», и монашество не историческое, не в Энрофе, но не от мира сего.

Ничего нет более закономерного, чем то, что рыцарь Звенты-Свентаны не оставлял младшего брата, который мечтал таким рыцарем стать даже после его измены. Но что именно совершалось во время их трансфизических встреч, какие круги ими посещены были, от каких действительно и окончательно непоправимых срывов он спас поэта — это, конечно, должно остаться неприкосновенной тайной Александра Блока.

Но из того, что было показано Блоку в потусторонних странствиях этой поры его жизни, проистекло наряду с другими одно обстоятельство, на которое мне хочется указать особо. Блок и раньше, даже в период Прекрасной Дамы, показал, что провидческою способностью в узком смысле этого слова, то есть способностью исторического предвозвещения, он обладал, хотя редко ею владел. Стоит вспомнить стихотворение, написанное за два года до революции 1905-го: «—Все ли спокойно в народе? — Нет. Император убит», — и в особенности его окончание:

— Кто ж он, народный смиритель?
— Темен, и зол, и свиреп:
Инок у входа в обитель
Видел его — и ослеп.

Он к неизведанным безднам
Гонит людей, как стада...
Посохом гонит железным...
— Боже! Бежим от Суда!

Теперь эта способность обогатилась новым опытом, но опытом, связанным только с демоническими мирами. Поэтому мы не найдем у Блока никаких пророчеств о грядущем Свете, об отражении Звенты-Свентаны в исторической действительности будущих эпох, о Розе Мира, о золотом веке человечества. Но страшное стихотворение «Голос из хора» рисует далекую грядущую эпоху: ту, когда после господства Розы Мира над всем человечеством придет величайший враг и ее, и всякой духовности, — тот, кого Гагтунгр выпестывает столько веков.

И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы и я.

Все небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия...

Весну напрасно ты будешь ждать —
Весна обманет.
Ты будешь солнце на небо звать —
Солнце не встанет.
И крик, когда ты начнешь кричать,
Как камень, канет...

Но исторической и метаисторической развязки всемирной трагедии первого эона ему не дано было знать; этого утешения он лишил себя сам своими падениями, замглившими его духовные очи ко всему, что исходило от Высот, а не от бездны.

После «Земли в снегу» он прожил еще двенадцать лет. Стихи рождались все реже, все с большими интервалами — памятники опустошенности и поздних, бессильных сожалений. А после «Розы и креста» и художественное качество стихов быстро пошло под уклон, и за целых пять лет ни одного стихотворения, отмеченного высоким даром, мы не найдем у Блока. В последний раз угасающий гений был пробужден Великой Революцией. Все стихийное, чем было так богато его существо, отозвалось на стихию всенародной бури. С неповторимостью подлинной гениальности были уловлены и воплощены в знаменитой поэме «Двенадцать» ее рваные ритмы, всплески страстей, клочья идей, вьюжные ночи переворотов, фигуры, олицетворяющие целые классы, столкнувшиеся между собой, матросский разгул и речитатив солдатских скороговорок. Но в осмыслении Блоком этой бунтующей эпохи спуталось все: и его собственная стихийность, и бунтарская ненависть к старому, ветхому порядку вещей, и реминисценции христианской мистики, и неизжитая его любовь к «разбойной красе» России-Велги, и смутная вера, вопреки всему, в грядущую правду России-Навны. В итоге получился великолепный художественный памятник первому году Революции, но не только элементов пророчества — хотя бы просто исторической дальновидности в этой поэме нет. «Двенадцать» — последняя вспышка светильника, в котором нет больше масла; это отчаянная попытка найти точку опоры в том, что само по себе есть исторический мальстрем, бушующая хлябь, и только; это — предсмертный крик.

Смерть явилась лишь через три с половиной года. Душевный мрак этих последних лет не поддается описанию. Психика уже не выдерживала, появились признаки ее распада. Скорбут сократил мучения, точнее — тот вид мучений, который присущ нашему физическому слою. Блок умер, не достигнув сорокадвухлетнего возраста. Впрочем, еще при жизни многие, встречавшие его, отзывались о нем как о живом трупе.

Я видел его летом и осенью 1949 года. Кое-что рассказать об этом — не только мое право, но и мой долг. С гордостью говорю, что Блок был и остается моим другом, хотя в жизни мы не встречались, и когда он умер, я был

еще ребенком. Но на некоторых отрезках своего пути я прошел там же, где когда-то проходил он. Другая эпоха, другое окружение, другая индивидуальность, отчасти даже его предупреждающий пример, а главное — иные, во много раз более мощные силы, предохранили меня от повтора некоторых его ошибок. Я его встречал в трансфизических странствиях уже давно, много лет, но утрачивал воспоминание об этом. Лишь в 1949 году обстановка тюремного заключения оказалась способствующей тому, что впечатления от новых ночных странствий с ним вторглись уже и в дневную память.

Он мне показывал Агр. Ни солнца, ни звезд там нет, небо черно, как плотный свод, но некоторые предметы и здания светятся сами собой — все одним цветом, отдаленно напоминающим наш багровый. Я уже два раза описывал этот слой; во второй раз — в четвертой части этой книги; снова напоминать этот жуткий ландшафт мне кажется излишним. Важно отметить только, что не случайно мой вожатый показывал мне именно Агр: это был тот слой, в котором он пребывал довольно долгое время после поднятия его из Дуггура. Избавление принес ему Рыцарь-монах, и теперь все, подлежащее искуплению, уже искуплено. Испепеленное подземным пламенем лицо его начинает превращаться в просветленный лик. За истекшие с той нашей встречи несколько лет он вступил уже в Синклит России.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ
К МЕТАИСТОРИИ ПОСЛЕДНЕГО СТОЛЕТИЯ

Глава первая
ВОЦАРЕНИЕ ТРЕТЬЕГО ЖРУГРА

Заканчивая книгу о метаистории Петербургской империи, я сопоставил между собой две исторические фигуры, характеры и облики которых столь различны, что сопоставлять их как-то не принято. Однако исторические роли их не только сопоставимы, но даже являются, в какой-то мере, одна вариантом другой: они имеют идентичное значение, каждая — для своего цикла эпох. Обе они знаменовали собой зенит мощи русских уицраоров, вступление этих уицраоров на путь открытой борьбы с демиургом, доведение тиранической тенденции до предела — и начало процесса государственной гибели. Эти исторические фигуры — Иван IV и Николай I.

Непосредственными преемниками Грозного на престоле были два лица: Федор Иоаннович и Борис. Один — человек исключительного мягкосердечия, кроткий молитвенник, лишенный не только государственного, но вообще сколько-нибудь крупного ума; другой — обладатель настоящего государственного разума, одушевляемый стремлением вывести страну из тупика, куда ее завел Грозный, и прочно обосновать народную жизнь на согласовании между собой противоречивых интересов различных сословий и групп населения. Можно предположить, что в самом факте наличия на престоле такого человека, как Федор, выразилась метаисторическая потребность России уравновесить образ царя грозного образом царя безгневного, милостивого и юродивого; в Борисе же выразилась ясно осознанная потребность российской государственности — исправить, залечить ошибки Иоанна путем устранения всех следов опричнины, прекращением террора, смягчением законодательства и укреплением международных связей.

Непосредственным преемником Николая был Александр II. Это был добродушный от природы, сердобольный, но неустойчивый, хотя и очень упрямый, воспитанный на принципах абсолютизма человек, ум которого не блистал никакими яркими достоинствами; впрочем, обвинять Александра в крайней ограниченности было бы несправедливо. Можно сказать, что этот человек был чем-то средним между добролюбивым и набожным, но придурковатым Федором и активным государственным деятелем, властным Борисом. При этом, конечно, Александр оставался далек и от духовности первого, и от дальновидной зоркости и трезвости второго.

Когда с русской исторической сцены сходит великий тиран, царствовавший 30 или 40 лет, нагромоздивший горы жертв, доведший государство до грани военной катастрофы и развенчавший в глазах народа самое поня-

тие помазанника, народного вождя и отца, непременно происходит следующее. Его преемники пытаются исправить дело путем ограниченных реформ, стараясь показать, будто царство террора было только исторической случайностью, а теперь власть будет всецело вдохновляться идеями народного блага. При этом новые правители, роковым образом скованные по рукам узами политической преемственности и не могущие отрешиться от основ старой государственной концепции, оказываются неспособными понять, до какой степени развенчали тирания и террор в глазах народа эту самую концепцию, со всеми ее идеалами. Частичного отмежевания от слов и дел усопшего деспота им представляется достаточным для того, чтобы народ простил власти и ее носителям только что минованный, кровавый, уродливый и бессмысленный этап. Однако весьма скоро обнаруживается, что народ не забыл, не простил и прощать не собирается; что он только притих до времени, поскольку полицейская система, усовершенствованная деспотом, продолжает, хотя и в ослабленном виде, существовать и поскольку атмосфера не только политического, но и культурного, духовного единодержавия, царившая столько лет, окаменила ту психологическую почву, без которой не могут выглянуть на свет ростки новых идеологий. Тем не менее от года к году начинают множиться признаки того, что народ мечтает изменить структуру власти в самых ее основах, потому что при старой структуре он не чувствует себя в безопасности от возможных рецидивов и еще потому, что чувство глубочайшей обиды, сливаясь с чувством озлобленности и взывая ко справедливости, не может удовлетвориться теми подачками, которые теперь бросаются народу в виде вознаграждения за несколько десятилетий произвола и кровопусканий.

Таков один из законов русской истории, закон — в том смысле, в каком можно прилагать это слово к историческим явлениям, повторявшимся уже три раза.

Разумеется, в каждом новом случае этот закон, проявляясь в новой социальной, культурной и международной обстановке, подчиняет себе конкретный исторический материал новой эпохи, и в результате — перед нами как бы новый вариант старой темы, осложненный спецификой нового времени. Следует отличать суть этого закона от облепливающих его исторических случайностей. Существенно не то, например, что в конце царствования Бориса во внутреннюю русскую распрю вмешался уицраор Польши, а в конце царствования Александра II ничего похожего не произошло; и не то, что Борис умер — или покончил с собой — в связи с появлением самозванца, а Александр был убит борцами против самодержавия и мстителями за народ. Важно то, что оба эти деятеля выражали собой отчаянную попытку демона великодержавной государственности — исправить допущенные ошибки и преступления системою смягчающих преобразований, оба не могли удержаться на этом курсе, потому что он открывал слишком широкие клапаны клокочущему народному недовольству, оба шатались в своих государственных начинаниях то вправо, то влево, оба делали то шаг вперед, то шаг назад, и оба претерпели наконец то, что претерпевает всякий, пытающийся сидеть между двумя стульями.

Корень неудач заключался в том, что в обоих случаях уицраоры действовали уже без санкции демиурга, ибо санкция эта была снята с них еще

раньше, а во втором случае начался даже еще более трагический процесс: демиург вступил с уицраором в открытую борьбу. Под этим углом зрения метаистория должна рассматривать все события русской государственности и культуры на протяжении всего царствования Николая I, Александра II и Александра III: ожесточенную борьбу воинствующего государственного начала против начала культуротворческого; гибель Пушкина, Лермонтова, удушение литературы, парализацию осмысляющей мысли, засилие бюрократии и военщины, ослабление международных связей, возрастающий страх перед российским колоссом в странах Запада, Крымскую войну, поражение, вынужденную перемену курса, отмену крепостного права, попытки разнообразных реформ, учащающиеся вспышки революционных страстей, народовольчество, террор снизу, убийство царя, панику в высших кругах общества, очередное шарахание вспять, реакцию при Александре III и назревание новой революционной ситуации.

Картина крайне усложнялась тем, что демиург Яросвет и Второй Жругр не были единственными участниками борьбы: в нее вмешивались порождения Жругра — хищные и алчные детеныши, время от времени отпочковывавшиеся от него. Ранее Жругру удалось уничтожить двух первых, набросившихся на отца еще в те времена, когда ему не приходилось обороняться от сил Яросвета. Движения Разина и Пугачева были потоплены в реках крови. Третий же жругрит был слаб и недостаточно деятелен: ему не удалось даже выдвинуть свое человекоорудие — вождя нового движения, как не удалось ему инвольтировать и народные массы; разгром движения декабристов даже не потребовал больших жертв. Но вскоре после смерти Николая I, когда уицраору, уже столько времени напрягавшему силы в борьбе с демиургом, требовалась передышка, а исторической государственной власти, тридцать лет боровшейся с духовностью, с веянием красоты, свободы и гения в искусстве и в общественной мысли, требовалось найти какой-либо модус вивенди с этою силой — как раз в этот момент отпочковался новый жругрит: бурый, очень энергичный, с черными глазами без блеска и со злобным, весьма интеллектуальным лицом. Юрко и неуловимо, как хищная касатка вокруг неповоротливого кита, завертелся он вокруг измученного, дряхлеющего родителя. Он требовал от игв пищи, и напор его был столь стремителен, что многие из обитателей Друккарга, не решаясь ослушаться, начали доставлять питательную росу ему вместо старого Жругра. Вскоре его резкий, крикливый голос, насмешливый и наглый, донесся и до поверхности земли и через сознание нескольких десятков человек, обладавших чувством эпохи, бойкостью мысли, волей к общественному действию и к тому же владевших пером, стал трансформироваться в небольшой запас новых идей, проповедуемых иногда талантливо, иногда нет, но всегда с большим темпераментом, с огромным задором и самоуверенностью и по большей части резким, издевательским, циничным тоном. Начинались шестидесятые годы.

От слова до дела, от пропаганды до революционного террора оставался один шаг. Он был сделан очень быстро, и старый Жругр затрясся от боли и бешенства, когда детеныш оторвал у него одно из главных щупальцев, а проводники воли этого детеныша в Энрофе умертвили прямо на петербургской

улице императора — неустойчивое, слабое, слишком мягкое, но все-таки орудие Второго Жругра.

А Яросвет? Он, снявший свою санкцию со Второго уицраора, мог ли он осенить ею новое порождение? Что сулило бы господство этого жругрита в Друккарге? Какую новую государственность создало бы в Энрофе это существо, первые шаги которого были запятнаны кровью, а узкий уицраориальный рассудок с самого начала отказался вместить какую бы то ни было инвольтацию демиурга? Ради чего было помогать этому существу занять место его отца — ему, уже грозящему обрушить на страну волны революционных неистовств? Поэтому не может показаться странным, что в 1881 году демиург, боровшийся до тех пор со старым Жругром, на время вложил свое оружие в ножны: он давал старику возможность сосредоточить силы на борьбе с его порождением. Этих сил оказалось еще достаточно, чтобы привести жругрита в состояние длительного истощения.

Но Жругр не мог стать мудрее самого себя. Давно пораженный идейным бесплодием, он и теперь не сумел воспользоваться предоставленной ему передышкой для создания новой концепции власти, новой философемы, новых идеалов. Только самодержавие, православие и народность — причем все три компонента в самом сниженном, обездушенном смысле — вот и все, что могла выжать из себя государственность Александра III.

Но чем старше уицраор, тем чаще отпочковываются от него его детища. В восьмидесятых годах игвы впервые увидели, как в отсутствие старого Жругра в Друккарг тихо вползает и бесшумно захватывает питательную росу новое создание: темно-багрового цвета, с головой на необыкновенно длинной шее и с невероятным количеством присосок. Оно еще не отваживалось нападать на отца; оно предпочитало маскироваться и прятаться, пока не войдет в силу. Вскоре появилось и третье: бледное, очень тощее, но с огромной пастью. К чему предназначена была пасть у существа, питавшегося с помощью присосок, а для речи которому было бы достаточно трубчатого рта, как у всех Жругров? Очевидно, пасть у этого чудовища появилась заблаговременно, для удовлетворения каких-то потребностей будущего. Пока же он был способен только тихонько скулить, как бы жалуясь на отца, и методически, трезво доказывать Великим Игвам, что он гораздо успешнее, чем старик, мог бы справиться с задачами.

Я понимаю, как оскорбительно для поколений, воспитанных на идеалах революционной борьбы и видящих в событиях 1905 года беззаветный героизм народных масс и их вождей — с одной стороны, кровавый произвол власти — с другой, принять мысль, что за этой величественной эпопеей скрывается грызня отвратительных чудовищ метаистории между собой — столь отвратительных, что санкция демиурга не могла осенить ни одного из них своим отблеском. Но самый факт существования уицраоров и их борьба нисколько не умаляет ни духовной красоты революционного героизма, ни оправданности тех субъективных мотивов, которыми были движимы наиболее идейные и чистые борцы за народное освобождение, ни, наконец, гнусной жестокости их палачей. Но пора уяснить себе, что за историческими событиями, масштаб которых нас ослепляет и заставляет их

поэтизировать, стояла все-таки именно борьба метаисторических чудовищ: именно поэтому так кровавы эти исторические эпопеи и так сомнителен их конкретный положительный результат. Ведь борьба чудовищ стоит и за мировыми войнами, и хорошо, по крайней мере, что мы не склонны больше поэтизировать этих войн. Со временем будет покончено и с поэтизированием революций.

Но верно и то, что взаимной борьбою одних только иерархий метакультуры не исчерпывается и не объясняется метаистория вообще и метаисторическая драма России XX века в частности. Как раз именно к XX веку, и особенно в грандиозных событиях, ареной которых стала Россия, сказывается воздействие начал планетарных — сложнейшее переплетение и столкновение инспираций, исходивших из центров гораздо большего масштаба и преследовавших гораздо более обширные цели.

Как известно, в середине XIX ст<олетия> в Западной Европе сформировалось универсальное учение, которое за следующую сотню лет поднялось к господству над одной третью земного шара. Его первая победа, имевшая воистину мировое значение, совершилась в России, и этим самым Россия была выдвинута на такую позицию, пребывание на которой делало эту страну водительницей чуть ли не половины человечества и активнейшей участницей самых страшных военных схваток, какие потрясали когда-либо поверхность нашей планеты. Здесь не место вдаваться в метаисторически-философский анализ этого учения: такой анализ мог бы послужить темой отдельного капитального труда. Но совершенно необходимо обратить внимание на внутреннюю противоречивость этого учения, на разрыв между его идеалами и его методами. Экономическая сторона его, глубоко обоснованная теоретически и оправданная морально, вследствие именно этого разрыва претерпела серьезнейшие искажения, как только явилась возможность к ее практическому осуществлению. Философская же доктрина, надстроенная над этою экономическою программой, была порождена умами, страдавшими всей ограниченностью XIX века. Выразители воинствующе-рассудочного умонастроения, унаследованного от энциклопедистов и усилившегося в связи со стремительными успехами естественных наук, умы эти возвели некоторые положения современного им материализма в завет, в краеугольный догмат, ни разу не высказав догадки о том, что те же самые естественные науки через сотню лет начнут подрывать основы этого самого догмата. Один из передаточных механизмов между народоводительствующими иерархиями и исторической действительностью — экономику — провозгласили верховным вершителем исторических судеб. Была ли эта ложь осознанной? По-видимому, нет, хотя основатель доктрины к концу жизни додумался, кажется, до того, что механизм этот движется кем-то. Но это новое понимание потребовало бы для своего включения в доктрину столь значительной ломки всего сооружения, что основатель предпочел промолчать о своем открытии. Впрочем, насколько мне известно, никаких намеков на это открытие в принадлежащих ему документах не осталось, и мое сообщение об этом основано лишь на тех же источниках, на каких основаны вообще все те мои сообщения, которые невозможно проверить научно.

Ясно, что положительные идеалы этого учения, во многом совпадающие с мечтаниями самых высоких человеческих сердец, не были и не могли быть инспирированы силами Гагтунгра. Корнями своими они уходят в противоположный планетарному демону ряд общечеловеческих идей, в тот ряд, который включает в себя и многие проявления христианской духовности. Но, попав между валиками энергичного, неутомимого, охваченного гордыней, узкого и ограниченного ума, они сплющились, спрессовались, стиснулись, и в конце концов идеалы утратили свою духовность, а провозглашаемые методы оказались в резком противоречии с требованиями элементарной гуманности. Быть может, ущерб духовности ни в чем не сказался так ярко, как именно в утверждении, будто бы единственный путь к претворению этих идеалов в жизнь лежит через вооруженную борьбу, насильственный захват власти, беспощадное уничтожение врагов и диктатуру одного класса — вернее, его организованной части — над всеми остальными группами населения. Таким образом, борьба между демоническим и провиденциальным развернулась и внутри этого учения, между его идеалами и его методами, даже в уме и душе самого основателя, а позднее — между различными его истолкователями и последователями.

Мало того: эта борьба продолжалась и в сознании того лица, которое в России стало на рубеже XX века вождем этого движения. Мечта о счастии человечества и пламенная вера в то, что дорога к этому счастию для него совершенно ясна, ярко горели в его душе. Узкое, корыстное честолюбие было ему чуждо: он жаждал власти не ради себя, а ради блага большинства — блага, секрет которого он чувствовал себя постигнувшим четче и безошибочнее, чем кто-либо другой. Ему были знакомы даже минуты умиления природой или красотой искусства, которые он потом, в часы самобичевания, объяснял своей классовой половинчатостью. Но безумный азарт не давал ему взглянуть ни вправо, ни влево. И то, что он становится орудием багрового жругрита, а может быть, и самого Урпарпа, стало приоткрываться ему только в самом конце, в болезни. Бывали мгновения страшных прорывов, великой тоски и даже молитв. Но отступать было уже некуда, да никто и не принял бы тогда его отступлений.

Итак, на рубеже XX века демиург Яросвет продолжал одновременную борьбу против старого Жругра и против всех трех его порождений. Но борьба эта имела целью их обуздание, их ограничение, а отнюдь не уничтожение всего их рода: как ни противопоставляли себя уицраор и его детища силам Яросвета и Синклита, все же они были по-прежнему необходимы: в этом и заключалась трагедия. Россия не была защищена никакими океанами, никакими цепями гор от могущественных держав, сформировавшихся на Западе; их агрессивные уицраоры ждали только ослабления старого Жругра, чтобы наброситься на него, кинув в Энрофе против ветшающей государственности России свою собственную, насквозь военизированную государственность. В этих условиях полное обессиление рода Жругров силами Света означало бы не только открытие ворот Друккарга расе иноземных игв, но и добровольное сбрасывание с тела России той брони, которая одна лишь обеспечивала его физическое существование. Поэтому вопрос об уничтожении всего рода

Жругров все еще не мог быть поставлен. Не мог быть поставлен даже вопрос о предпочтении которого-нибудь из жругритов: даже самый хилый из них одним видом своей пасти мог рассеять любые сомнения касательно его метаисторических потенций. Только его проекция в истории, маскирующаяся под либеральную и благообразную «оппозицию его величества», могла ввести в заблуждение тех, чей взгляд неспособен проникнуть за плоскость политики и общественности и кто бессилен понять, что за демагогическими программами партий, подобных кадетам, таится воинствующий дух национального империализма, дух колониализма, буржуазный дух неутолимой жадности, самодовлеющий здравый смысл, пошлость.

Еще бóльшую тревогу мог внушить пока еще самый тихий жругрит — багровый. Прячась за спинами своих братьев, он лишь короткими рывками набрасывался иногда на отца, сейчас же отступая и незаметно пожирая питательную росу, пока старик и два других исчадия боролись, переплетясь всеми своими щупальцами. Его лицо было ужасно, но не лишено сатанинского величия. Голова на длинной шее была гордо закинута назад, а в темных глазах, наполовину прикрытых суровыми веками и похожих на опрокинутые полукруги, роились оранжевые точки, придавая им выражение бурно развивающейся мысли и сверхчеловеческой хитрости. Естественно, что историческая проекция именно этого жругрита становилась богаче всех остальных идеологическим зарядом. Именно она, и только она, была вооружена широкообъемлющей доктриной, универсальной программой и пониманием исторического момента. И именно багровый жругрит, и только он, уже создавал себе превосходное человекоорудие: существо с тяжелым и неутомимым мозгом и таранообразным лбом, с широким и жадным, инфантильно припухлым ртом и хитрыми, по-татарски дикими и безжалостными глазами.

Я бесконечно далек от мысли затрагивать здесь вопрос о моральной ответственности отдельных государств за Первую мировую войну. В той или иной мере ответственны все великие державы: одни — как агрессоры, другие — как провокаторы. Но если бы меня спросили, который из уицраоров первым напал на соседа и которая из рас античеловечества первая вторглась в чужой шрастр, я принужден был бы ответить, что таким инициатором мировой бойни явился уицраор Германии, обезумевший от стремительности собственного роста, алчности и зависти, потерявший правильный глазомер и лишившийся способности трезво сопоставлять вещи и в своем, и в нашем мире. Но в замыслы Гагтунгра входило именно это. В его замыслы входило, чтобы великий игва Германии вообразил себя предназначенным к главенству надо всеми шрастрами, — вообразил, хотя бы эта иллюзия стоила неисчислимых жертв и даже его собственной гибели. В этот замысел входила мировая война как небывалый еще по величине источник питательного гавваха и как путь к образованию на развалинах некоторых государств эмбриона новой социальной формации, которая в далеком будущем могла бы преобразоваться в ядро абсолютной всемирной тирании. Предвидел ли уже тогда демонический разум Шаданакара, руины которой именно из европейских империй станут фундаментом этой новой формации или же это стало уясняться ему в ходе событий? Та идеология, которая по своему интернациона-

лизму, универсальности, наукообразию, доступности, этической сниженности и согласованности с духом времени лучше других подходила для указанных задач, существовала не в одной только России. И если бы захват ею власти не удался в одной стране, он мог бы удаться в другой и, как цепная реакция, перекинуться в государства соседей.

Во всяком случае, развязав Первую мировую войну, уицраор и шрастр Германии сделали свое дело.

Когда враг, ярость которого учетверялась оттого, что ему приходилось бороться на два фронта, вторгся в Друккарг и стиснул в железном объятии тело старого Жругра, даже бурый и бледный жругриты поспешили отцу на помощь. Они уразумели, что дело идет о существовании самой цитадели Жругров и что если чужеземный враг захватит эту цитадель, в подземном мире придет конец всему роду российских уицраоров, а в Энрофе — конец российскому великодержавию. Только багровый жругрит оказался зорче: в Друккарге произошла смена великих игв, и новый, усиленно инспирируемый Гагтунгром, раскрыл перед багровым жругритом такие перспективы в случае гибели старого Жругра, от которых могла закружиться голова.

А Жругр погибал. Перед лицом исполинской мощи германского уицраора помощь бледного и бурого оказывалась ничтожной, как помощь детей взрослому солдату в танковом бою. Тогда они отбежали в сторону, чтобы, улучив мгновение агонии отца, вгрызться в его тело и пожрать его сердце, — акт, совершив который, пожиратель становится преемником погибшего. Полная неспособность старого демона великодержавия к защите России уяснилась в этот час самому Яросвету, и его гневный удар обрушился на цитадель Друккарга. Глыбы ее треснули и расселись, и эта минута стала великой и потрясающей для всего русского народа. Треснула и расселась сама имперская государственность, и сквозь образовавшуюся брешь миллионы человеческих душ увидели духовным зрением голубое сияние Навны. Они увидели близость той, чье освобождение будет залогом осуществления метаисторической миссии русского народа, — путем ко всечеловеческому Братству. Их сознания не могли вместить это лучезарное видение, но на несколько великих дней вся атмосфера их существа исполнилась неописуемой радости и опьяняющей веры. То была вера в свершение вековой мечты, в наступление всеобщего счастья. То были незабвенные дни на рубеже февраля и марта 1917 года, когда священный хмель бескровной революции залил Петербург и Москву, катясь от сердца к сердцу, от дома к дому, по всей стране, по всколыхнувшимся, ликующим губерниям. Даже самые уравновешенные умы поверили на мгновение, будто Россия вступила в эру всеобщего братства, оставив позади всякое зло и указывая путь к мировой гармонии всем народам. Видение угасло, цитадель устояла, разум так и не понял ничего в происшедшем, но память о захватывающей минуте какого-то всемирного предчувствия, какого-то предварения всечеловеческого Братства осталась во множестве человеческих душ. Искаженная рассудочностью, замутненная воздействиями всполохнувшихся жругритов, захватываемая в своих интересах той или иной политической теорией, память об этом вещем прозрении чувств продолжала жить — она должна была жить, она не могла не жить, ей предстояло переходить из поколения в поколение.

Но этою минутой не преминул воспользоваться багровый жругрит, чтобы вгрызться в извивающееся туловище своего отца. Ржавый купол короны сорвался с головы несчастного: нездешний гул и звон огласил все плоскогория и города Друккарга, когда вековая эмблема, магический кристалл властвования, ударилась об направленные к центру земли пики гор и, перепрыгивая от вершины к вершине, разбилась на тысячи осколков. Военные оркестры в городах Энрофа грянули ликующий революционный гимн, и в дребезжании их литавров слышались отголоски то ли звона разбитой эмблемы, то ли праздничного грохота музыкальных инструментов игв, беснующихся от восторга. Ибо старый Жругр давно им надоел своей старческой вялостью, бесплодием, безынициативностью, тупостью, своей неспособностью осуществить мировые замыслы, все четче отпечатываемые Гагтунгром в разуме великих игв.

Но старый Жругр был еще жив. Волоча внутри себя багрового жругрита, прогрызавшегося глубже и глубже к его сердцу, он тащился из последних сил к центральному капищу: он надеялся, что, совпав с ним очертаниями своего тела, он вызовет в игвах взрыв того энтузиазма, который всегда их воспламенял в подобные торжественные минуты. И здесь, прямо над улицами Друккарга, от умирающего отпочковался последний жругрит — черный, маленький недоносок, быть может, самый злобный из всех. Едва родившись, в туловище родителя стал вгрызаться и он, а бурый, стремясь наверстать время, пропущенное в замешательстве, рванулся туда же вслед за багровым, тщетно пытаясь опередить его на пути к родительскому сердцу.

Тогда древняя Велга России, пробуждавшаяся от сна в Гашшарве, великая умножительница жертв и страданий, почувствовала, что опять настает ее час. Она сошла в Друккарг, еле зримая игвам, как полыхание лиловых и черных покрывал, но с подобием остроконечной головы, закованной в глухую, без прорезей, маску. Она охватила своими покрывалами черного недоноска и вливала в него избытки своих сил. И в Друккарге, и в Энрофе начиналась анархия — совместная инвольтация их обоих.

В Энрофе бушевала поздняя осень. Ледяные дожди хлестали по проспектам и дворцам Петербурга, когда в Друккарге багровому жругриту удалось первому добраться до сердца отца и вырвать его из туловища. Это была та секунда, когда в Энрофе по стенам Зимнего дворца с Невы ухнули пушки крейсера; а в глубоком подземном мире багровый победитель внутри главного капища игв, высоко, под самым конусом прижимал щупальцами пульсирующее сердце к своей груди, выпивая из него присосками кровь, каплю за каплей. Другие жругриты, беснуясь от зависти и ненависти, отступили вдаль, кроме черного, извивавшегося тут же; все они старались вооружиться наново, сосредоточив вокруг себя отряды игв и раруггов; а багровый жругрит все пил — каплю за каплей. Германский уицраор, кусаемый сзади другими врагами, но еще могучий, таща за собой рати других рас античеловечества, тоже пробивался к великому капищу, уже захватив четверть подземной страны; а багровый жругрит все пил. И Друккарг, и Энроф начали превращаться в хаос, а он все пил. Его человекоорудие завладело Кремлем и укрепилось в нем, а он все пил. И только когда в подвалах Екатеринбурга прозву-

чали, один за другим, несколько выстрелов и последнее из человекоорудий старого Жругра понесло расплату за грехи трех веков, — только тогда можно было понять, что победитель выпустил наконец из щупалец пустое, выпитое сердце и теми же щупальцами возложил на себя, в виде короны, золотой куб. Он стал Третьим уицраором России.

Нужно ли после этого подробно останавливаться на метаисторическом смысле Гражданской войны? Указывать, человекоорудиями каких именно жругритов были вожаки тех или иных движений? Все это ясно и без объяснений, да и не это существенно и важно с точки зрения мирового будущего.

Важно то, что борьба демонического и провиденциального начал продолжала протекать и внутри того исторического движения, внутри той психологии, которые к концу Гражданской войны сделались господствующими и оставались таковыми в течение нескольких десятилетий. При анализе этих явлений никогда нельзя забывать, что семя этой идеологии и всего этого движения, идеал совершенного социального устройства, было посеяно на исторической ниве теми же силами, которые некогда уяснили разуму и сердцам далеких минувших поколений идеалы всеобщего братства, равенства людей перед Богом и права на свободу для каждого из живущих. В человечестве, не получившем возможности это осуществить вследствие оборванности миссии Христа, идеалы эти неизбежно должны были постепенно лишиться своей одухотворенности, снизиться и выхолоститься, а практика должна была отказаться от слишком медленного и веками дискредитировавшегося принципа христианского самосовершенствования и прийти к замене его принципом внешнего насилия. Так демоническое начало исказило идеал и залило кровью дорогу. Именно это и видим мы и в панорамах Гражданской войны, и в последовавших за нею этапах истории. Но это еще не значило, будто бы демоническое начало полностью захватило и контролирует и это движение, и психику людей, к нему примкнувших. Сколь ни снижалась их этическая практика и сколь враждебен ко всякой духовности ни становился их порабощенный материалистической доктриной ум, но человеческие душевные движения, вытекавшие из бессознательной или сверхсознательной сферы, продолжали зачастую быть и возвышенными, и чистыми, и достойными. Отсюда вытекало и чувство товарищества, и жажда знания, и героизм, и самопожертвование, тем более ценные, что жертвующий своей жизнью ради блага грядущего человечества не рассчитывал на воздаяние в загробной жизни.

С метаисторической точки зрения в событиях первых лет революции важно еще и другое. Важно то, что новый Жругр, едва возложив на себя золотой куб, и даже еще раньше, уже обладал щупальцами такой неимоверной длины, что, будучи сжат врагами на тесном пространстве Центральной России, он мог шарить далеко за спинами своих врагов, в их собственных шрастрах. Важно то, что щупальцы эти были еще слишком тонки и слабы, чтобы стиснуть в смертельном объятии уицраоров других метакультур, но достаточно длинны и многочисленны, чтобы расшатывать основы чужих цитаделей, а в Энрофе выдвигать тысячи человекоорудий. Важно было то, что возможность мировой революции и перехода к мировой тирании стала актуальнейшей угрозой дня и что демиург и Синклит России, очертив вокруг нового

российского уицраора нерушимое кольцо света, оцепив его стеной Провиденциальных сил, предотвратили или, по крайней мере, отодвинули эту угрозу.

Замысел Гагтунгра не был осуществлен, но он не был и опрокинут. Та новая социальная формация, которую он изобрел и формировал в Энрофе как ступень ко всемирной тирании, не была воплощена во всемирных масштабах. Но площадь для первого ядра этой формации, для ее крепости, для ее образца, для будущего плацдарма к захвату других метакультур была вырвана, укреплена, ограждена. Теперь предстояло на этой площади создавать самую эту формацию, никогда нигде не существовавшую, но брезжившую светлым гениям и праведникам человечества, искаженную и обездушенную по наитию Гагтунгра сильными умами и одним темным вестником предыдущего столетия, а теперь руководимую великим человекоорудием Третьего Жругра.

Глава вторая
БОРЬБА С ДУХОВНОСТЬЮ

Существует ходячее представление, будто бы материальная бедность общества отражается, и притом прямо, и на его духовной бедности. И наоборот: материальное изобилие влечет — или обязано влечь за собой — также и духовное богатство.

Объективные исторические наблюдения не подтверждают этого тезиса. До поздней фазы капитализма богатством располагали те или иные привилегированные классы или группы, а не общество, и различествовали не средние уровни этих обществ, а материальные уровни составлявших их групп. К обществу в целом прилагать понятие материального изобилия можно лишь на поздней стадии исторического развития. Можно говорить об изобилии и богатстве — по крайней мере, в определенные периоды — таких обществ, как современная Швеция, как Голландия последнего столетия, как Швейцария. О богатстве Соединенных Штатов можно говорить тоже, хотя с некоторыми существенными поправками, ибо разница материальных уровней различных групп населения в этой стране очень велика и далеко не все общество бывало охвачено так называемым просперити даже в самые лучшие свои времена. Что касается стран социалистического лагеря, то я не упоминаю о них здесь потому, что эти образования относятся к еще более позднему историческому периоду.

Я был бы очень заинтересован, если бы кто-нибудь сумел убедительно показать мне, что перечисленные общества, достигшие высокого уровня общего материального благосостояния, как то: Швеция, Голландия, Швейцария — проявили одновременно также и подлинное духовное богатство. Правда, что они вносили и вносят кое-что в мировую науку и технику, но наука, как и техника, относится в основном к ряду не духовных, а интеллектуальных ценностей. С самого начала следует научиться делать различие между этими двумя рядами явлений. Умонастроение определенного типа, весьма ныне распространенного, не отличает духовного от интеллектуального. Гуманитарные науки, искусство, общественность, этика, религия, науки физи-

ко-математического и биологического циклов, даже некоторые аспекты техники — все сваливается в одну кучу. Творчество Калидасы и Дарвина, Гегеля и Эдисона, Рамакришны и Алехина, Сталина и Ганди, Данте и Павлова рассматривается как явление одной и той же области — «духовной» культуры. Эту аберрацию можно было бы назвать дикарской, если бы в ней не были повинны цивилизованные люди весьма интеллигентного облика. А между тем ясно как день, что здесь перед нами два совершенно различных ряда явлений: духовный и интеллектуальный. Почти вся область науки и тем более техники принадлежит ко второму ряду; в него входят также философские, эстетические и моральные построения в той мере, в какой они высвобождаются от представлений и переживаний иноприродного, иноматериального, запредельного, духовного в точном смысле этого слова. В той же точно мере входят в него общественные движения, политические программы, экономическая и социальная деятельность, даже искусство и художественная литература. Духовный же ряд состоит из человеческих проявлений, находящихся в связи именно с понятием многослойности бытия и с ощущением многообразных нитей, которыми связан физический план жизни с планами иноматериальными и духовными. Сюда полностью относятся области религии, спиритуалистической философии, метаистории, магии, высокой этики и наиболее глубокие творения литературы, музыки, пространственных искусств.

Если понять и усвоить это различие двух родов явлений, духовного и интеллектуального, тогда станет ясно, что духовное богатство находится отнюдь не в прямой зависимости от богатства материального. Дурно отражаются на духовной деятельности только две крайние степени материального достатка: нищета и роскошь. Первая заставляет тратить все силы на борьбу за существование, вторая ведет к погоне за умножением богатств либо к пресыщенности, к опустошению, к затягиванию психики душевным салом.

Не Швеция, не Голландия, не Соединенные Штаты, а бедный Таиланд, полуцивилизованные (разумеется, с точки зрения европейцев) Цейлон, Бирма и Камбоджа, «полудикие» Тибет и Непал, полунищая Индия являют собой образцы обществ, жизнь которых гораздо более, чем жизнь обществ западных, пронизана артистичностью, повседневным участием масс в творчестве высокоэстетических ценностей, интенсивными идейными исканиями и тем душевным теплом, которое найдешь только в странах, где веками царил нравственный климат, создаваемый огромными водоемами духовности. У нас привыкли сосредоточивать внимание на экономической отсталости этих стран, на индийской бедности, на тибетской малограмотности, на примитивности цейлонского быта, на пережитках в Индии кастовой системы, а в Тибете — теократического феодализма, на несовершенствах семейного уклада. И сознательно закрывают глаза на другую сторону жизни этих стран: ту сторону, чьими силами создавались и поддерживались города, наполовину состоящие из храмов потрясающей красоты и просветленности; взлетами чьего гения лик земли украсила дивная архитектура; благодаря чему священные реки текут по этим странам между берегов, увенчанных бесчисленными памятниками человеческого устремления к духу, свету и красоте. Забывают ту сторону индийской жизни, без наличия которой никакой народ не мог бы от

векового порабощения освободиться методами ненасилия — самыми этически чистыми методами, какие только удалось до сих пор измыслить. Не интеллектуализм, а именно духовность веет от всевозможных проявлений народной жизни индийской и индомалайской метакультур: и от пронизанных внутренним светом изумительных ремесел, и от народного искусства, и от отношения «человека массы» к проблемам жизни и смерти, и от мистерий и героических эпопей, которые целыми ночами представляются на жалкой площади в любой, самой захудалой деревне, и от поражающей нас незлобивости по отношению к недавним поработителям, и от незначительного, особенно в сравнении с Америкой и Россией, процента уголовных преступлений, и от высокоморальных программ действия, принимаемых массовой правящей партией, и даже, например, от преобладающих в индийском обществе типов женщин, так рельефно изображенных Рабиндранатом Тагором и Прэмом Чандом.

Подмена понятия духовного понятием интеллектуального, причем с сохранением именно термина «духовный», столь повсеместна в России и даже на Западе, что становятся совершенно ясными ее смысл и цель. Ее смысл и цель — все в том же стремлении вывести человеческую психику из области высших ценностей в область ценностей утилитарных. Это стремление и его действенное осуществление составляют одну из главнейших сторон переживаемого нами этапа культурно-исторического процесса. Это связано, конечно, и с выхолащиванием далекого социального идеала, о чем я уже говорил, и с усилиями сделать это постепенно, прикровенно, дабы общество, малопомалу выхолащиваясь само и перерождаясь, не замечало образующегося вакуума, не замечало, как у него отнимают ценнейшие из ценностей и взамен подставляют другие, подчиненные.

Материальный достаток есть сам по себе безусловная ценность. Это есть естественный, достойный человека уровень его внешнего существования. Он представляет собою ценность потому, что это — та самая броня внешнего благополучия, которая дает возможность спокойно созревать и плодоносить семенам души. Но провозглашать материальный достаток и внешнее покорение сил природы ради опять-таки материального изобилия человечества ценностью основной и наивысшей, целью организованной борьбы масс во всем мире, идеалом общественного развития, во имя которого следует приносить в жертву целые поколения и все, что относится к духовному ряду ценностей, — это есть или трагическая ошибка, или полуосознанный обман.

Однако же именно эта ложная мысль, иногда провозглашаемая полным голосом, иногда недоговариваемая до конца, но всегда присутствующая в комплексе революционных идей нашего века, определяет и характер идеалов, венчающих этот комплекс, и усвоенную им методику.

Ту многообъемлющую социально-политическую и философскую доктрину, которая была выработана в середине прошлого века на Западе и постепенно сделалась гегемоном в области передового, революционного мышления, станем для краткости обозначать здесь словом Доктрина. Нетрудно представить себе, что эта Доктрина, тесно связанная генетически с предыдущими звеньями западной философской и научной мысли, даже с христи-

анством, разрабатывалась, однако, при активной помощи тех сил, которые озабочены созданием мощного учения, долженствующего сделаться ведущим в человечестве, но ведущим по лестнице идейно-социальных подмен к такому состоянию общественному, культурному, психологическому и техническому, откуда остается лишь один короткий скачок до абсолютной единоличной тирании. Если допустить такую посылку, то луч прожектора, при котором мы привыкли созерцать явления культуры и истории, внезапно резко сдвинется; погрузятся в тень явления, до сих пор казавшиеся нам такими отчетливыми, и, напротив, выступят из тьмы феномены, о которых мы раньше не подозревали либо не обращали на них внимания. Железно-упрямый, не желающий уступать ни пяди, буквально с пеной у рта отстаиваемый материализм; жгучая, до неистовства доходящая ненависть ко всему, что можно заподозрить в религиозности, в мистике или в идеализме; полное исключение духовных ценностей, приравнивание их к пережиткам древности и утверждение лишь материального и интеллектуального рядов ценностей; поставление во главу угла идеи о материальном изобилии большинства; благословение любых средств, если они способствуют достижению этой цели; провозглашение диктатуры пролетариата, затем подмена пролетариата одной-единственной партией, а еще позднее — подмена партии фигурой единовластного вождя; возвещение суровой необходимости подчинения всех остальных классов общества, а потом физическое уничтожение мешающих классов; строгий контроль государства, то есть единовластной партии, над всей идейной и культурной продукцией общества; колоссальная роль, отводимая технике, машине, индустрии, автоматизации — автоматизации и производственных процессов, и социальных отношений, и самой психики, — все это и многое другое приобретает под новым углом зрения новый и достаточно зловещий смысл.

В высшей степени симптоматично, что та самая Доктрина, которая пробивала себе путь на общественную поверхность при помощи освободительных лозунгов и тирад о свободе, начала эру своего господства с разгона всенародного собрания представителей, в выборе которых сама же участвовала, тщетно надеясь получить большинство. За этим немедленно последовало наложение запрета на деятельность всех других партий и политических организаций и уничтожение всех органов печати, кроме своих собственных.

Под указанным здесь углом зрения метаистории важно рассмотреть и такие феномены, как науку, технику и индустриализацию.

В человеческом существе — не в физическом его теле только, но во всем сложном, разноматериальном конгломерате его существа — заложены такие потенции, развитие которых бесконечно раздвинуло бы возможность нашего пользования материальными средами и совершенно изменило бы соотношение между человеком и пространством, человеком и временем, человеком и природой, человеком и другими слоями бытия. Проблему полета способна решить не только авиация. Борьба с болезнями за продление нормальных сроков жизни может вестись и совершенно другими методами, чем те, какими пользуется медицина. Быстрое передвижение в пространстве и общение на громадном расстоянии вовсе не являются монополией наук,

связанных с усовершенствованием видов транспорта и средств связи. Способность к полету, например к преодолению пространств с невообразимой быстротой, к общению на больших расстояниях, к прохождению сквозь плотную среду, к преодолению болезней, к продлению срока человеческой жизни в два-три раза, ко встречам с существами других слоев, к созерцанию трансфизических панорам, к восполнению жизненных сил не через пищу, а через впитывание излучения светлых стихиалей и через вдыхание благоуханий — все эти способности, как и многие другие, покоятся в зачаточном состоянии в глубине нашего существа. Грубыми, до смешного громоздкими, вульгарными, тяжкими, примитивными, отвратительно бездушными и даже, как ни странно, нерациональными показались бы технические достижения наших дней, вроде реактивных самолетов, телевизоров или кибернетических устройств, тому, кто способен предвидеть человека, овладевшего способностью ангельского летания, духовного зрения или умением мгновенного выполнения сложнейших умственных операций единственно в силу развития способностей, дремлющих в нашем мозгу, в нашем физическом, эфирном и астральном организме. Одухотворенность и мудрая красота птичьих крыльев не столь далека от мертвенного поблескивания надраенного самолетного крыла, как далеки друг от друга конкретные результаты движения по этим двум контрастным путям человеческого развития. Магия древности и, позднее, некоторые направления в восточной философской практике едва-едва прикасались к вопросу о раскрытии этих потенций. Путь к этому раскрытию почти неизведан, чрезвычайно трудоемок и дает плоды лишь в итоге преемственной работы многих поколений. Особая же его трудность заключается в том, что подобная практика теснейшим образом связана с общим одухотворением личности, с подъемом ее нравственного уровня, с очищением от всевозможной мути. Древняя магия не смогла далеко уйти по этому пути именно вследствие недооценки связи между магической практикой и этикой. Подчинение этой деятельности корыстным мотивам влечет за собой, в большинстве случаев, приостановку движения, а иногда — продолжение движения, но ценою демонизации шельта со всеми вытекающими из этого запредельными следствиями.

На позднейших культурно-исторических стадиях, в лоне высокоразвитых религий так или иначе прикасались к этой проблематике очень многие течения и школы: и пифагорейство, и каббала, и восточнохристианское монашество, и монашество даосизма и ламаизма. Кажется, сознательнее всех преследовали цель развития в себе именно этих потенций индийские йоги. При этом связь подобной работы с личной этикой была им уже совершенно ясна. Но требуемый йогой отказ от многих общечеловеческих потребностей и строжайшая самодисциплина препятствовали включению в это движение широких масс. Весьма сомнительно, однако, что для раскрытия этих потенций действительно необходим, независимо от эпохи и культуры, именно крайний аскетизм. Условия Нового времени диктовали бы, вероятно, не мучительное умерщвление плоти наподобие монахов времен Исаака Сирина или индийских отшельников, а облегченные условия, близкие к представлению о мирской праведности, либо, например, к

повседневному укладу южнобуддийских общин — строгому и чистому, но умерщвление плоти отвергающему.

В метакультурах древности, включая Византию, общество еще не сделало окончательного выбора между этим путем развития и другим — тем, который для краткости можно назвать научно-техническим. Правда, в панораме древнеримской империи видятся признаки того, что в плане дневного общественного сознания тогда уже почти ничего не осталось от идей первого типа развития; они сделались достоянием эзотерических и полуэзотерических обществ, мистических культов, некоторых кругов жречества. Но социально-экономические условия Древнего Рима, Византии, даже западного Средневековья не могли еще способствовать быстрому продвижению общества по второму пути. Рубежом следует считать приблизительно XV век — эпоху от изобретения пороха и книгопечатания до открытия Америки, Индии и до вызванных этим колоссальных экономических и психологических сдвигов.

С начала XVII века преобладание тенденции ко второму пути развития и стремительное угасание потенций первого пути становятся уже предельно ясными.

Второй путь развития характеризуется несколькими особенностями. Во-первых, резко и полностью разрывается связь между наукой, то есть познанием окружающего мира, и какой-либо духовностью. Духовность окончательно отбрасывается в область богословия, культа, мистической философии и искусства, то есть в ту область, на которую наука не обращает ни малейшего внимания, лишь гораздо позднее начиная изучать ее со своих же научных позиций. Во-вторых, методика познания сужается до скрупулезной эмпирики и чисто рассудочных обобщений эмпирически добытого материала. В-третьих, научная деятельность как таковая полностью эмансипируется от каких бы то ни было связей с практической этикой: корыстность или бескорыстность мотивов, порочность или добродетельность ученого не имеют больше никакого отношения к плодотворности его занятий. Конечно, кармические следствия дурно направленной научной или технической деятельности, например, военного изобретательства, приходится пожинать каждому в его посмертии; но эти следствия находятся далеко вне круга его сознания при жизни. И в-четвертых, наука в принципе делается открытой для всякого, обладающего упорством и прилежанием. Окончательный разрыв между духовным и интеллектуальным рядами становится незыблемой реальностью.

Как расценивать — с метаисторической точки зрения — этот выбор пути, совершенный западным человечеством, а позднее определивший направленность умственной деятельности и в других метакультурах? Если бы миссия Христа не была оборвана, человечество получило бы могучий импульс к движению именно по духовному пути. Вот тогда были бы открыты и усвоены те методы, которые позволили бы вовлечь на этот путь народные множества вместо тех единиц, которые вовлекаются на него в Индии и в странах буддизма; несравненно большими, для всех явными, были бы и достижения этих поколений. Это подобно тому, как отличается размах научных достижений в древности, когда в этом направлении работали единицы, от размаха научных достижений теперь, когда в эту деятельность вовлечены миллионы.

Тот, кто оборвал жизнь Христа в самом ее начале, продолжал свою глубоко целеустремленную, сатанински разумную деятельность и в дальнейшем. И уж конечно, он приложил немало сил к тому, чтобы глушить все побеги духовности и способствовать бурному росту научной и технической мысли. Не требует объяснений, зачем именно ему нужно было первое; во втором же он нуждался потому, что без высочайших достижений техники не было бы мыслимо объединение человечества в монолит, а без этого объединения невозможно установление всемирной тирании — единственной тирании, заслуживающей наименование абсолютной.

Но объединение человечества есть цель, вернее, необходимый этап на пути к конечной цели — не только для демонических начал. Объединение человечества — этап в достижении конечной цели также и для начал Провиденциальных. Ибо пока объединение не достигнуто, человечество будет терзаться войнами и революциями — войнами все более и более разрушительными; наступит день, когда их разрушительность превратится в угрозу для всей органической жизни на поверхности Земли. Вне всеобщего объединения, политического и социального, нет способов к предотвращению этой угрозы. И поскольку человечеством уже давно, хотя и неосознанно, сделан выбор научно-технического пути развития, поскольку невозможно в короткий срок изменить соответствующим образом общее умонастроение в сторону пути духовного, постольку Провиденциальные силы принуждены, со своей стороны, форсировать движение человечества по научно-техническому пути. Такова метаисторическая диалектика. Силы Света озабочены только тем, чтобы направить научную мысль, поскольку это зависит от них, по таким дорогам, которые меньше других грозят гибельными для людей открытиями и изобретениями. Сознание и воля ученых — такое же поприще битв Света и Мрака, как и все в Шаданакаре. И в то время как одухотворенный разум Эйнштейна, Планка, Кюри, совершавших подвиги своих грандиозных открытий, просвещался и озарялся инспирацией даймонов, разум изобретателей шестиствольных минометов, термоядерных бомб, аппаратов подслушивания и межконтинентальных ракет направлялся в своих усилиях невидимыми слугами нашего вечного Врага.

Но и помимо умножения разрушительных сил войны, развитие техники имело для человечества первостепенное и противоречивое значение.

От всех других явлений духовного и интеллектуального ряда, даже от чистой науки, в значительной степени движимой чувством жажды познания, техника отличается одним: она не может не быть насквозь утилитарной. Психика людей, повседневно работающих в технике, над техникой, с техникой, приучается ко всему на свете подходить с критерием практической полезности. Если человек не сумеет сам заметить эту опасность, если он не отгородит глухой стеной ту сферу своей жизни и деятельности, где властвует техника, от остальных сфер своей жизни и души, он превращается в духовного калеку, духовного импотента, духовного слепца. Нет лучшего способа угасить в себе проблески чего бы то ни было духовного; нет более верного пути к выхолащиванию психики от понимания искусства, от любви к природе, от тяготения к религии, от тоски по мировой гармонии, от жажды любви. В на-

шем эоне развитие техники неизбежно, неотвратимо и оправдано потому, что без него невозможно ни объединение человечества, ни установление того всеобщего материального уровня, который достоин человека. Но горе тем, кто позволил технике властвовать над своей душой.

Строго закономерно, исполнено железной исторической логики то обстоятельство, что Доктрина апеллировала прежде всего к пролетариату и именно пролетариат был предызбран ею как будущий класс-гегемон. Тогда еще можно было вводить умы в заблуждение, взывая к чувству справедливости и жалости и вопия о том, что пролетариат пока еще создает только материальные ценности лишь потому, что он бесправен, угнетен, задавлен, нищ, сир, наг. Наивные энтузиасты веровали, что, освободясь от эксплуатации и придя к власти, этот класс создаст такие высшие ценности, перед которыми померкнут все шедевры прошлого. И что же?

Феодальная аристократия эксплуатировала народ, но объем культурных ценностей, созданных этим классом, не поддается ни исчислению, ни обозрению. Жречество и духовенство эксплуатировали, как это известно теперь даже грудному младенцу, темноту масс, но они создали не только религиозные концепции и культ, они создали вечные памятники зодчества, живописи, поэзии, музыки, философии, они создали высокие нравственные заветы. Буржуазия повинна во всех смертных грехах, но культурное творчество этого класса составляет едва ли не большую часть того, что теперь именуется культурным наследием. Крестьянство оставалось на социальном дне, но все же и оно создало песни и сказки, орнаменты и легенды, художественные ремесла и фольклор.

А рабочий класс? Я живу в стране, где рабочий класс остается гегемоном уже пятое десятилетие. Что же создал он, кроме все тех же ценностей материального ряда да всевозможных технических, производственных усовершенствований? Скажут, может быть: а как же вся рабочая интеллигенция, то есть выходцы из рабочей среды, становящиеся инженерами, экономистами, юристами, учеными, литераторами? Но это — не рабочий класс: это — те, кто его перерос, кому нечего больше делать в этой среде и кого навсегда отделили от этой среды и характер деятельности, и круг интересов, и материальные условия жизни. Монах, расписывавший фресками храм, оставался монахом; помещик, писавший у себя в усадьбе или в своем городском доме романы, поэмы и картины, оставался помещиком; буржуа, посвящавший свой досуг искусству и науке или предававшийся меценатству, оставался буржуа; и крестьянин, сочинявший былины или расписывавший утварь, оставался членом своего класса. Но рабочий, становящийся интеллигентом, тем самым перестает быть рабочим. И того, что создала эта интеллигенция, не приходится принимать к рассмотрению, когда мы говорим о том, что создал этот класс как таковой.

Духовной — в точном смысле слова — продукции рабочего класса не существует вообще; его интеллектуальная продукция ничтожна. Рабочий класс — не венец человечества, а его трагедия, его memento mori[1], грозное

1. Memento mori (*лат.*) — напоминание о смерти. — *Ред.*

напоминание о том, что миллионы людей, потенциально ничем не отличавшихся от остального полноценного общества, осуждены этим обществом на духовное скопчество, на культурное вырождение, смягчаемое лишь тем, что эти несчастные в подавляющем большинстве сами не понимают всего ужаса своего положения. Утратившие связь с матерью-Землей и не вознагражденные за это приобщением к мировой культуре, психически искалеченные вечной возней с машинами, эстетически колеблющиеся от красот индустриального пейзажа до частушки и пошлой олеографии, эти люди становятся жертвами одуряющей скуки, как только оказываются наедине с самими собой. Они как огня боятся тишины, ибо тишина ставит их лицом к лицу с их душевной опустошенностью. Природа для них мертва, философия — смертельно скучна, искусство и литература доступны им лишь в самых сниженных своих проявлениях, религия возбуждает в них лишь высокомерную насмешку невежд, и только наука вызывает чувство инстинктивного уважения как нечто, бесспорно высшее, чем они. Их отдых — карты, водка, домино, спорт, примитивный флирт да кинематограф. И пусть не лгут, будто я клевещу на этих людей: им слишком долго кадили фимиамом, их растлевали потоками демагогической лести и лжи; приходит время, когда перед ними поставят их собственные, ничем не разукрашенные портреты.

Закономерно и логично, что именно эту человеческую формацию Доктрина возвела на пьедестал; именно из нее создаются кадры единовластной партии; именно она возносится перед человечеством как якобы самый ценный из человеческих слоев, как образец, коему должны по мере сил следовать все остальные.

Смысл индустриализации — одного из главнейших мероприятий государства в 20-х и 30-х годах нашего века — отнюдь не исчерпывается тем, что эта мера усилила обороноспособность страны, одновременно поднимая, хотя и черепашьими темпами, ее материальный уровень. Смысл индустриализации еще и в том, что она произвела насильственную ломку психологии крестьянства и интеллигенции, заставив Россию, как выразился один иностранный журналист, «мыслить машинами», а в обществе распространяя тот психологический режим, который был до этого свойствен рабочему классу: психологический режим, при котором все расценивается мерилом практической полезности, все чувствуют себя винтиками в гигантской машине и считают это нормой; режим, при котором вырождается искусство, становится государственной проституткой литература, умирает религия, опошляется культурное наследие и выхолащивается этика: психологический режим бездуховности.

Культурное наследие остается единственным каналом, по которому духовность все-таки проникает еще в сознание людей. И не мешает припомнить, что в первые годы после великой революции, когда еще верили в мираж скорой революции во всем мире, в русской культуре бушевало такое течение, которое требовало и всю культуру прошлого сдать в архив. Один из идеологов Доктрины, Маяковский, лишь гораздо позже пришел к заключению, что Пушкин писал не так уж плохо; сначала же он, как и другие, требовал, чтобы Пушкин был сброшен с корабля современности. При этом Пушкин

понимался, конечно, как некое олицетворение классики вообще. Самый талантливый театральный деятель той эпохи, Мейерхольд, выворачивая классиков наизнанку, культивировал тот урбанистический, конструктивистский, оголенно-схематический стиль, который приводит на память стиль массовых действ в Друккарге. И еще поразительнее было отражение архитектурного стиля игв конструктивным стилем тех зданий, которые возникли среди русских городов в 20-х годах и в начале 30-х: лишенные каких бы то ни было украшений, это были сочетания кубов, ромбов, параллелепипедов — голых геометрических форм — при явном пренебрежении закругленной линией. Потребовалась усиленная инвольтация из Фонгаранды, чтобы приостановить дальнейшее выхолащивание или, лучше сказать, «игвизацию» зодчества. Впрочем, воздействие вкусов и стиля античеловечества в архитектуре XX века сказалось далеко не в одной России: конструктивизм на Западе оказался даже устойчивее, чем у нас, он до сих пор уродует своими железобетонными ублюдками прекрасные города Франции, Англии, Германии. Удивляться нечему: инвольтация демонических начал — всемирна, и если на некоторых отрезках истории Россия сделалась ее основным плацдармом в человечестве и лицо Друккарга стало выпирать на ее поверхность, то и остальное человечество не было оставлено без демонического внимания, чтобы в случае, если Россия отобьется от рук, было где и на чем продолжать сооружение фундамента грядущей сатанократии. Вот почему шрастр Северо-Западной метакультуры, Мудгабр, все больше и больше просвечивает теперь сквозь города Западной Европы и Америки.

Глубоко закономерен был, конечно, стратегический курс, взятый государством с самого начала революции в отношении религии как таковой. Но тактику приходилось варьировать в зависимости от ситуации и от зоркости тех, кто этим курсом руководил на данном отрезке времени. Доктрина еще не успела захватить власть, как великое человекоорудие Третьего Жругра уже объявило, что религия есть опиум для народа. На первых порах ради ослабления православной церкви, так долго господствовавшей над умами наиболее широких народных масс России, в особенности над крестьянством, попытались расшатать монолит православия, оказывая попустительство всевозможным сектам. Но скоро уяснилось, что такими паллиативами церковь расшатать нельзя и что, напротив, дух религиозного искательства начинает разливаться вширь. Поэтому секты подверглись тем же гонениям, что и церковь. Их судьбу разделили религиозные, философские и мистические организации и группы, бытовавшие среди интеллигенции: антропософские и теософские ложи, оккультные кружки, Религиозно-философское общество и религиозные ордена любой окраски. Деятельность антирелигиозных организаций, и в первую очередь общества «Безбожник», выплеснулась в клубы, лектории, на эстрады, трибуны, кафедры, в печать, театр и кино, даже прямо на городские и сельские площади. В дни церковных праздников храмы окружались стаями молодежи, изощрявшейся в разных видах кощунства, и шутовскими процессиями, в которых комсомольцы изображали пузатых попов со съехавшими набекрень митрами и с бутылями в руках; эти скоморохи двигались по улицам параллельно крестному ходу верующих. Недостаток

остроумия, эстетическое бесплодие и отпечаток непроходимой пошлости, лежавший на этих затеях, мало способствовали их удаче. Скудоумие приходилось восполнять трехпалым свистом, взрывами кое-как срепетированного хохота, хлопушками, ракетами, а зачастую и прямым хулиганством.

Скоро стало очевидным, что и эти приемы бессильны отвлечь от религии сколько-нибудь заметное число любителей духовного опиума. Даже напротив: храмы бывали так полны, как никогда этого не случалось до революции. И когда в 1925 году скончался находившийся под домашним арестом патриарх Тихон, его похороны вылились в такую миллионную демонстрацию, что перед ней померкли все внушенные правительством и партией массовые изъявления горя, которые годом раньше поразили москвичей в дни похорон или, вернее, мумификации первого вождя. После этого тактика была изменена и церковь расколота изнутри. Преемник покойного патриарха выступил с широковещательным заявлением, что отныне радости безбожного государства — и наши радости, его горести — и наши горести. Превышая свои полномочия, высший иерарх русской церкви включил в текст великой ектиньи моление о властях предержащих и «о пребывании их во всяким благочестии и чистоте». Весьма вероятно, что субъективные мотивы, руководившие при этом высшей иерархией, сводились к мысли, что лучше хоть таким путем сберечь церковь от полного физического разгрома, хоть этими способами обеспечить для народа выполнение основных ее функций: таинства крещения, исповеди, евхаристии. Но так или иначе, этим было положено начало тому политическому курсу со стороны церкви, который вскоре превратил ее в безропотную рабу антирелигиозного правительства. Естественно, что такой поворот вызвал среди духовенства и мирян резкое разделение. Большинство священников или отказалось напрямик, или уклонялось от поминовения властей при богослужении. На саботажников обрушились кары — отнюдь, впрочем, не церковные. За тысячу лет своего существования русская церковь насчитывала среди своих святых едва ли десяток мучеников за веру. Теперь эта недостача была пополнена в изобилии. Тысячи священников и верующих мирян погибли в тюрьмах и трудлагерях. Храмы подверглись закрытию и разрушению либо превращению в склады, мастерские или общежития. Истребительный самум обращал в груды щебня и те храмы и монастыри, которые пользовались мировой известностью как уникальные памятники искусства. Колокола, веками катившие над городами и полями России волны благовеста, отзвонили в последний раз и, сброшенные с разломанных колоколен, были отправлены как металлический «утиль» на переплавку. К середине 30-х годов в Москве из 600 действующих церквей уцелело едва ли 40, а в Киеве, например, остался открытым один-единственный собор. Судьбу православной церкви разделили и все другие вероисповедания.

К тому времени уже давно было сконструировано, свинчено и поваплено то, что долженствовало заменить собою церковь как водительницу душ, как учительницу жизни, как массовую организацию. Эта квазицерковь приняла от своей предшественницы и ее исконную догматическую неколебимость, и свойственное ей сочетание централизованности с демократизмом, и ее систему сурового внутреннего подчинения, и ее претензии на роль един-

ственного индикатора истины. Постарались имитировать даже то душевное тепло, которое свойственно церкви. Идейное и структурное единство партии охранялось такими же беспощадными мерами, какими некогда, в века своего становления, христианская церковь оберегала свое единство, вступая в жестокую борьбу с любой ересью. А исключение провинившегося члена из лона квазицеркви стало таким же страшным наказанием и воспринималось несчастным столь же трагически, как в Средние века воспринималось отлучение от церкви.

Мало-помалу квазицерковь выработала и квазикульт. Вместо жалких, кустарных антирелигиозных маскарадов в дни церковных праздников упор был взят теперь на устройство грандиозных массовых шествий, парадов и помпезных действ в дни праздников революционных, на хоровое исполнение партийных квазипсалмов и квазиакафистов и на поклонение квазимощам, покоившимся в квазихраме у стен Кремля.

Средствами экономического и внеэкономического принуждения на службу квазицеркви было привлечено все — от художественной литературы до цирка, от сцен ведущих театров до ресторанных эстрад. Стержнем же этой системы было сделано так называемое просвещение, то есть лестница образовательно-воспитательных и научных учреждений от детских садов до Академии наук СССР.

Человек какого о б р а з а воспитывался этой всеобъемлющей педагогической системой? Каков был ее идеал?

Она развивала в испытуемом *смелость*, ибо смелость эта была нужна государству для борьбы с врагами и для грядущих боев за всемирную власть. Воспитывалась *воля*, но такая воля, которая покорна государству и квазицеркви и тверда в осуществлении их — и только их — директив. Воспитывалось *чувство товарищества*, но товарищества по отношению только к тем, кто неукоснительно и твердо отстаивал дело именно этого государства и этой квазицеркви. Воспитывались *правдивость и честность*, но честность особого рода: такая честность, когда человек, не колеблясь, предаст товарища, друга, отца, выдаст любую доверенную ему тайну, если они хотя бы в деталях противоречат интересам государства и указаниям квазицеркви. Воспитывалось *творческое отношение к труду* — все ради эффективности трудовых процессов в интересах той же квазицеркви и того же государства. Поощрялась *жажда знания*, но направлялась она по строго определенному руслу: такому руслу, которое обеспечивало технический прогресс и формирование определенной идеологии. Все это окрашивалось тщательно культивируемой, выращиваемой, питаемой, поливаемой, подогреваемой ненавистью к врагу, причем врагом считался каждый мыслящий иначе, чем квазицерковь. В итоге получалась развитая, энергичная, жизнерадостная, целеустремленная, волевая личность, по-своему честная, по-своему идейная, жестокая до беспощадности, духовно узкая, религиозно невежественная, зачастую принимающая подлость за подвиг, а бесчеловечность — за мужество и героизм. Создавался законченный тип самоуверенного фанатика, воображающего, что его государство — лучшее из всех государств в мире, его народ — талантливее всех народов, его квазицерковь — ковчег абсолютной истины, его идеология — безупречно правильна,

его вождь — непогрешим не только ex cathedra[1], но и во все минуты своей жизни, все же остальное — ветошь, исторический мусор, только мешающий жить и осужденный на безжалостное уничтожение.

Но какими бы прочными ни были позиции, занятые Доктриной в битве за человеческие души, внутри этих душ продолжала протекать почти невидимая постороннему глазу, часто невнятная рассудку самих людей борьба Провиденциального начала с теми, кто пытался его искоренить. В повседневности, в быту, в семьях, в дружбе, в любви, в тайных движениях человеческого сердца, в смутной тоске, в неутолимых сомнениях, самопроизвольно возникающих из недр совести, в общении с природой, в струях красоты, изливавшихся в душу от великих творений прежних времен, сказывалось непобедимое сопротивление духа.

Таких стадий достигла борьба с духовностью в тридцатых годах нашего века, когда над шестой частью земного шара обрисовалась с окончательной резкостью исполинская фигура страшного человеческого существа, еще издалека предвиденная и предсказанная великими пророками России.

Глава третья
ТЕМНЫЙ ПАСТЫРЬ

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет,
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пищей многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
И станет глад сей бедный край терзать...

Так начинается поразительное стихотворение, написанное шестнадцатилетним юношей Лермонтовым в 1830 году. Озаглавлено оно четко: «Предсказание».

...И станет глад сей бедный край терзать,
И зарево окрасит русла рек.
Тогда явится мощный человек,
И ты его узнаешь, и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож.
И горе для тебя! Твой плач, твой стон
Тогда ему покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как черный плащ с клонящимся пером.

В другой редакции последняя строка читается так:

Как черный плащ с возвышенным челом.

1. С кафедр (*лат.*); здесь: на трибунах, официально. — *Ред.*

И в обоих своих вариантах последняя строка остается единственной, свидетельствующей о том, что поэту не все было видно с одинаковой ясностью сквозь мглу грядущей сотни лет. «Клонящееся перо» — дань юношескому романтизму, перенос реквизита эпох прошлого на эпоху будущего. «Черный плащ» — выражение при помощи поэтического образа той непроницаемой тьмы, которая будет окутывать эту страшную фигуру, видимую из-за дыма и туч целого столетия. Что же касается выражения «возвышенное чело», то здесь или характерная черта лермонтовского Демона, перенесенная на человеческое существо почти сверхъестественной мощности, глубоко связанное с демоническим началом, или, быть может, указание на то, что в этом пророческом видении перед духовным взором поэта слились в одном образе **две** исторические фигуры следующего столетия, которые, будучи видимы ему во временной перспективе, как бы находили одна на другую, и Лермонтову не удалось различить, что высокое чело будет отличать не того окутанного мраком гиганта, а его предшественника.

— Все ли спокойно в народе?
— Нет: император убит.
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит.

Это — стихотворение Александра Блока, написанное двумя годами раньше революции 1905 года.

— Все ли готовы подняться?
— Нет. Цепенеют и ждут.
Кто-то велел дожидаться:
Ходят и песни поют.

— Кто же поставлен у власти?
— Власти не хочет народ.
Дремлют гражданские страсти:
Слышно, что кто-то идет.

Сжатые, очень точные формулировки, передающие общественную атмосферу накануне первой революции. Но дальше начинается нечто неожиданное:

— Кто ж он, народный смиритель?
— *Темен, и зол, и свиреп:*
Инок у входа в обитель
Видел его — и ослеп.

Он к неизведанным безднам
Гонит людей, как стада…
Посохом гонит железным…
— Боже! Бежим от Суда!

Но бежать было поздно. Появление этого существа было предопределено слишком давно и подготовлено слишком могущественными силами инфракосмоса. В русской литературе прошлого века имеется и еще одно предсказание о нем, еще более поражающее. В особенности если учесть, что оно принадлежит перу автора, от метаисторических представлений и чувств далекого. Сделано оно не в стихах, а в прозе, и содержание его настолько глубоко, что мне придется в этом месте нарушить правило, принятое в работе над настоящей книгой: не злоупотреблять цитатами. Я вынужден дать целую цепь цитат, жалея только о том, что границы книги не позволяют включить в нее всего, что относится до предварения этого существа в одном из весьма известных произведений русской классики. Начну с сокращенной передачи описания воображаемого портрета этого существа.

«Это мужчина среднего роста с каким-то деревянным лицом… Как смоль *черные волосы покрывают конический череп и плотно, как ермолка, обрамляют узкий лоб*. Глаза… осененные несколько припухшими веками… *взгляд чистый, без колебаний; губы тонкие, бледные, опушенные подстриженною щетиной усов; челюсти развитые*, но без выдающегося выражения плотоядности, а *с каким-то необъяснимым букетом готовности раздробить или перекусить пополам. Одет в военного покроя сюртук, застегнутый на все пуговицы*».

Читаешь — и вздрагиваешь. Что это? Когда и о ком написано? Написано в шестидесятых годах прошлого века. Но почему же такое невероятное совпадение с обликом, слишком уж памятным не людям шестидесятых годов, а именно нашему поколению? Читаем дальше.

«На лице не видно никаких вопросов; напротив того, во всех чертах выступает какая-то солдатски невозмутимая уверенность, что все вопросы давно уже решены. Какие это вопросы? как они решены?.. Может быть, это вопрос о всеобщем истреблении, а может быть, только о том, чтобы все люди имели грудь выпяченную вперед на манер колеса? Ничего неизвестно. Известно только, что этот неизвестный вопрос во что бы то ни стало будет приведен в действие. А так как подобное противоестественное приурочение известного к неизвестному запутывает еще более, то последствие такого положения может быть только одно: всеобщий панический страх».

«Перед глазами зрителя восстает чистейший тип идиота, принявшего какое-то мрачное решение и давшего себе клятву привести его в исполнение… Когда же придатком к идиотству является властность, то дело ограждения общества значительно усложняется».

«Угрюм-Бурчеев принадлежал к числу самых фанатических нивелираторов. Начертавши прямую линию, он замыслил втиснуть в нее видимый и невидимый мир с таким непременным расчетом, чтоб нельзя было повернуться ни взад, ни вперед, ни направо, ни налево»[1]. «Нет ничего опаснее, как воображение прохвоста, не сдерживаемого уздою и не угрожаемого непрерыв-

1. Вряд ли подозревал Щедрин, что в этом стремлении втиснуть все в прямую линию может сказываться отголосок воспоминания об обстановке в одном из других слоев, а именно — на одномерном Дне Шаданакара.

ным представлением о возможности наказания на теле. Однажды возбужденное, оно сбрасывает с себя всякое иго действительности и начинает рисовать своему обладателю предприятия самые грандиозные». А Угрюм-Бурчеев был «прохвост всем своим существом, всеми своими помыслами. Виртуозность прямолинейности засела, точно ивовый кол, в его скорбной голове, пустив там целую непроглядную сеть корней и разветвлений. Это был какой-то таинственный лес, преисполненный волшебных сновидений. Таинственные тени гуськом шли одна за другой, застегнутые, выстриженные, однообразным шагом, в однообразных одеждах, все шли, все шли… Уже до прибытия в Глупов, он уже составил в своей голове целый систематизированный бред, в котором до последней мелочи были регулированы все подробности будущего устройства этой злосчастной муниципии».

«На другой же день по приезде он обошел весь город… Шел он долго, все простирая руку и проектируя, и только тогда, когда глазам его представилась река, он почувствовал, что с ним совершилось нечто необыкновенное. Он позабыл… он ничего подобного не предвидел… Излучистая полоса жидкой стали сверкнула ему в глаза, сверкнула и не только не исчезла, но даже не замерла под взглядом этого административного василиска.

— Кто тут? — спросил он в ужасе.

Но река продолжала свой говор, и в этом говоре слышалось что-то искушающее, почти зловещее».

«…Дома он через минуту уже решил вопрос по существу. Два одинаково великих подвига предстояли ему: разрушить город и устранить реку. Средства для исполнения первого подвига были обдуманы уже заранее; средства для исполнения второго представлялись ему неясно и сбивчиво. Но так как не было той силы в природе, которая могла бы убедить прохвоста в неведении чего бы то ни было, то в этом случае невежество являлось не только равносильным знанию, но даже в известном смысле было прочнее его. Он не был ни технолог, ни инженер; но он был твердой души прохвост, а это тоже своего рода сила, обладая которою можно покорить мир».

«…Город приник; в воздухе чувствовалась спертость и духота. *Он* еще не сделал никаких распоряжений, не высказал никаких мыслей, никому не сообщил своих планов, а все уже понимали, что пришел *конец*».

Конец начался, как известно всем, читавшим Щедрина, с разрушения старого города до основания и со свезения всего образовавшегося мусора, включая навоз, к реке.

«И вот вожделенная минута наступила. Созвавши будочников, он привел их к берегу реки, отмерил шагами пространство, указал глазами на течение и ясным голосом произнес:

— От сих мест — до сих!

Как ни были забиты обыватели, но и они восчувствовали. До сих пор разрушались только дела рук человеческих, теперь же очередь доходила до дела извечного, нерукотворного…

— Гони! — скомандовал он будочникам, вскидывая глазами на колышущуюся толпу.

Борьба с природой восприняла начало».

Борьба с природой!.. — Общепринято мнение, что в образе Угрюм-Бурчеева Щедрин воспроизвел — разумеется, в сатирическом преломлении — образ Аракчеева. Это доказывается и некоторыми чертами внешнего сходства между щедринским героем и обликом гнусного временщика, и явной пародией на военные поселения, которую представляла собой административная и градостроительная система, мечтавшаяся Угрюм-Бурчееву. Ясно также, что в этом образе отразился в какой-то мере и реальный исторический образ другого деспота, наложившего на Россию еще более резкий отпечаток, и к тому же более близкого к Щедрину хронологически: образ Николая I. Но… борьба с природой? Ни Аракчеев, ни Николай не сносили городов с лица земли, дабы строить на их месте новые, по их скудоумному ранжиру разграфленные; ни тот ни другой не сгоняли все население на бессмысленную и слепую борьбу с природой.

Наконец горы мусора запрудили реку.

«Раздался треск, свист и какое-то громадное клокотание… Затем все смолкло; река на минуту остановилась и тихо-тихо начала разливаться по луговой стороне. К вечеру разлив был до того велик, что не видно было пределов его, а вода между тем все прибывала и прибывала. Откуда-то слышался гул; казалось, что где-то рушатся целые деревни и там раздаются вопли, стоны и проклятия. Плыли по воде стоги сена, бревна, плоты, обломки изб и, достигнув плотины, сбивались в кучу в одном месте».

Известно, что замыслы Угрюм-Бурчеева потерпели крах на следующее же утро. За ночь река размыла и унесла плотину и снова двигалась в своих берегах. Тогда ошеломленный преобразователь решил уйти от реки и построить мечтаемый город Непреклонск на новом месте, на ровной, как скатерть, низине. Там, наконец, его сморило, и он заснул с топором в руке.

«Изнуренные, обруганные и уничтоженные, глуповцы после долгого перерыва в первый раз вздохнули свободно. Они взглянули друг на друга — и вдруг устыдились. Они не понимали, что именно произошло вокруг них, но чувствовали, что воздух наполнен сквернословием и что далее дышать в этом воздухе невозможно. Была ли у них история, были ли в этой истории моменты, когда они имели возможность проявить свою самостоятельность? — ничего они не помнили. Помнили только, что у них были Урус-Кугуш-Кильдибаевы, Негодяевы, Бородавкины и, в довершение позора, этот ужасный, этот бесславный прохвост! И все это глушило, грызло, рвало зубами — во имя чего? Груди захлестывало кровью, лица судорожно искривляло гневом при воспоминании о бесславном идиоте, который с топором в руке пришел неведомо откуль и с неисповедимой наглостью изрек смертный приговор прошедшему, настоящему и будущему…»

Угрюм-Бурчеев проснулся и возвратился к сооружению Непреклонска, но атмосфера неуловимо изменилась. «Он начал нечто подозревать. Его поразила тишина во время дня и шорох во время ночи. Он видел, как, с наступлением сумерек, какие-то тени бродили по городу и исчезали неведомо куда, и как, с рассветом дня, те же самые тени вновь появлялись в городе и разбегались по домам. Несколько дней сряду повторялось это явление, и всякий раз он порывался выбежать из дома, чтобы лично расследовать причину ночной суматохи, но суеверный страх удерживал его».

Цитаты кончились.

Удивительно в них, конечно, не то, что великий сатирик дал односторонний — не реалистический, а резко гротескный — образ, доведенный до чудовищности. На то он и сатирик. Удивительно то, что, отталкиваясь от конкретных исторических фигур прошлого, фигур гораздо меньшего масштаба, он предварил в своем творении исполинскую фигуру будущего. Конечно, он увидел и изобразил ее только с одной стороны, с той самой, которая роднила ее с российскими деспотами прошлого. Но долгое, острое, исполненное душевной боли и муки вглядывание мыслителя в типичные образы отечественной истории и в ее тенденции привело его к пророчеству о том, что тираническая тенденция, проявлявшаяся и в Бироне, и в Павле, и в Аракчееве, и в Николае, достигнет своей кульминации лишь в грядущем, и тогда появится на вершинах власти тот, на одну из существеннейших сторон которого Угрюм-Бурчеев похож больше, чем на любого из его предтеч.

Великие тираны российской истории Иоанн Грозный и Николай I были орудиями демона великодержавной государственности — и только. Этим исчерпывалось их метаисторическое значение, если не говорить о том, что в первый период царствования Грозного через этого царя волил демиург, а в конце — Велга. Орудием очередного Жругра был и Сталин, но все дело в том, что этим отнюдь не исчерпывалось его метаисторическое значение.

Как ни велика была Россия при Грозном и особенно при Николае, но ее победы и поражения, возрастание или ослабление ее мощи могли непосредственно отражаться на судьбах лишь ограниченной географической зоны: Средней Европы, Среднего и Ближнего Востока. Воинствующая российская идеология двух первых Жругров — идея Третьего Рима и концепция «самодержавие, православие, народность» — были отмечены провинциализмом, узконациональным и конфессиональным. Это вполне соответствовало той стадии мирового технического развития и международных связей, которой достигло тогда человечество. Но связи укреплялись и расширялись, а достижения техники изменили самое понятие географического пространства, приблизив друг к другу континенты, а воинственных соседей уперев друг в друга границами с такой плотностью, с какою упираются один в другого лбами борющиеся бараны. Передовое место в истории Россия заняла с той минуты, когда внутри нее к власти пришла — впервые в мире — интернациональная Доктрина. Россия стала первой страной, вооруженной такой идеологией, какая могла бы, в принципе, распространиться на все страны земного шара. Даже больше того: в Доктрине был заложен такой импульс к расширению, который предполагал своим пределом именно только границы планеты. Когда мы говорим о мировых империях или мировых претензиях великих завоевателей прошлого, от Чингиз-хана до Наполеона и Британской империи, мы употребляем слово «мировой» в значении условном. Революционная Россия с ее Доктриной была первой в истории носительницей мировой тенденции в совершенно безусловном смысле. Секрет же заключался в том, что вместо мечты о всемирной гегемонии какого-либо отдельного народа (мечты утопической, ибо ни один народ не достаточно многочислен для этого) теперь прокламировалась идея всемирного содружества народов, объединенных новым социальным строем, который должен был возникнуть везде в результате революционных взрывов. Революционизирующее, освободительное влияние этой концепции для внероссийских стран, в особенности для колоний и полуколоний Востока и Юга, было колоссально. В одних из стран оно постепенно развивалось по программе, намеченной в Москве, в другие было принесено на штыках советских армий. Немало нашлось и таких стран, как Индия или Бирма, где это революционизирующее начало резко изменило свою этическую и политическую окраску. Но как бы там ни было, везде вовлекались в революционную или преобразовательную деятельность массы именно тех сверхнародов, тех стран, тех наций, а вовсе не одной только России. Россия стремилась лишь, по мере возможности, сохранить за собой роль направляющей силы (что, конечно, удавалось ей далеко не всегда, и чем дальше во времени, тем меньше).

Естественно поэтому, что за образами обоих вождей революционной России видятся не только очертания третьего русского уицраора, но явственно выступает тень существа неизмеримо более огромного, существа планетарного — того осуществителя великого демонического плана, который носит имя Урпарпа.

Но значение, роли и сама природа этих двух человекоорудий были глубоко различны.

Первый из них был человеком. Таким же человеком, как и почти все носители светлых или темных миссий. Конечно, над его шельтом и всеми остальными компонентами его существа велась многолетняя, если не вековая, работа, дабы превратить его в послушное орудие иноприродной воли. Но при всем том его личная монада оставалась незатронутой, она парила попрежнему в своем многосолнечном Ирольне, и его человеческий образ, его характер неизбежно отражал в какой-то мере свет этой монады, сколько бы преград ни ставили между монадой и человеком его демонические пестуны. В характере оставались даже и такие свойства, которые казались мешающими с точки зрения его миссии, но которые не могли быть заглушены окончательно. Этот человек не сделался ни кровожаден, ни активно жесток; он упорно веровал в Доктрину и работал не во имя свое, а во имя этого идеала. Он по-своему любил народ и человечество, хотя и обобщенно-абстрактной, мечтательно-головной любовью. Он желал им блага, как сам это благо понимал, и если прибегал порой к весьма крутым мерам, умея проявлять даже неумолимость, то это диктовалось не мстительностью, не бесчеловечностью, а уверенностью в том, что такова печальная революционная необходимость. Пролитие крови или причинение страданий само по себе не доставляло ему никакого наслаждения. Даже когда совершенный против него террористический акт вызвал его тяжелое ранение и едва не стоил ему жизни, вождь нашел в себе нравственную силу и достаточную политическую дальнозоркость, а может быть, и гуманность, чтобы настоять на том, чтобы политическая преступница была подвергнута не казни, а тюремному заключению. К своим товарищам по партии он относился с отеческой бережностью и даже против тех из них, которые возглавляли внутри партии оппозиционные течения, он не принимал иных мер, кроме дискуссионной борьбы, партийного внушения и давления собственного авторитета. Политические деятели, много раз демонст-

рировавшие свое инакомыслие, как Троцкий, Зиновьев, Бухарин, оставались активными членами элиты и несли громадную нагрузку в общем партийно-государственном труде.

Множество случаев, когда его вмешательство предотвращало незаслуженно суровую кару или слишком крутое мероприятие властей на местах, доказывают, что первому вождю нередко бывали доступны общечеловеческие чувства жалости, сочувствия, справедливости. Слишком искренне впитал он в себя демократические идеалы предыдущих поколений; он был слишком интеллигентен для того, чтобы его удалось превратить в тирана. Доказывается все это и его отношением к так называвшимся тогда нацменьшинствам: его указания на этот счет проникнуты такой заботливостью о том, чтобы не ранить болезненно обострившееся благодаря вековым гонениям национальное самолюбие, полны такой настороженной человечностью и таким пониманием психологии угнетенных наций, что диву даешься: как могли подобные указания столь беззастенчиво и цинично попираться его преемником.

Ленин был интернационалистом не на словах, а на деле. Он во многом был осуществителем темной миссии, но он глубоко верил в то, что его деятельность направлена на благо человечества.

Другая природа и другое предсуществование второго вождя определили и совершенно другой его характер.

Каждая из инкарнаций этого существа была как бы очередной репетицией. В предпоследний раз он явился на исторической арене в том самом облике, который с гениальной метаисторической прозорливостью запечатлел Достоевский в своем «Великом инквизиторе». Это не был Торквемада или кто-либо другой из крупнейших руководителей этого сатанинского опыта; но и к рядовым работникам инквизиции он не принадлежал. Он появился уже на некотором спаде политической волны, и в течение его многолетней жизни ему стало ясно, что превратить католическую церковь в послушный механизм Гагтунгра, в путь ко всемирной тирании, не удастся. Но опыт деятельности в русле инквизиции очень много дал этому существу, развив в нем жажду власти, жажду крови, садистическую жестокость и в то же время наметив способы связи между инспирацией Гагтунгра, точнее — Урпарпа и его дневным сознанием. Эта инспирация стала восприниматься временами уже не только через подсознательную сферу, как раньше, а непосредственно подаваться в круг его бодрствующего ума. Есть специальный термин: *хохха*. Он обозначает сатанинское восхи́щение, то есть тип таких экстатических состояний, когда человек вступает в общение с высокими демоническими силами не во сне, не в трансе, а при полной сознательности. Теперь, в XVI веке, в Испании, хохха стала доступна этому существу. Оно достигло ступени осознанного сатанизма.

Промежуток между этой инкарнацией и следующей протекал сперва, конечно, на Дне, куда шельт вместе с астралом были сброшены грузом ужасной кармы; а затем в Гашшарве: извлеченный туда Урпарпом и его слугами, потенциальный антихрист подготавливался там свыше двести лет к своему новому воплощению. Напомню, что монада, некогда похищенная для него из Ирольна самим Гагтунгром у одного из императоров Древнего Рима,

продолжала томиться в плену, в пучине лилового океана, в Дигме, а как бы обезглавленный шельт императора пребывал в подобии летаргического сна в одном из застенков Гашшарвы.

Кажется, однако, что в глубине существа, о коем идет речь, оставалась еще, вопреки осознанному преклонению перед Гагтунгром, то ли крохотная искра, то ли некоторая тень сомнения в правильности своего выбора. Возможно, впрочем, что это был просто инстинктивный страх перед невообразимо ужасной катастрофой после грядущего апофеоза. Так или иначе, эта искра была наконец потушена в начале его нового существования на земле. В маленькой стране на границе Азии и Европы, в горной деревушке, в бедной верующей семье снова увидело солнечный свет это существо; и еще подростком распростилось оно навсегда со всем, что прямо или косвенно связано с христианством. Казалось, Провиденциальные силы еще раз приоткрыли ему дверь спасения, предоставив возможность дальнейшего пути в лоне церкви, в сане священника. Но какие перспективы могла бы сулить эта скромная дорога существу, одержимому импульсом владычества надо всем миром? С подготовкой к духовному пути — в обоих значениях этого слова — было покончено навсегда — окончательно и бесповоротно. Возможно также, что выбор, по существу, был сделан раньше, еще в Гашшарве, теперь же он только нашел соответствующее выражение в Энрофе. Объект многовековых попечений дьявола примкнул к революционному движению на Кавказе и основательно проштудировал Доктрину, отчетливо поняв, что не найти ему ни лучшей маски, ни лучшего рычага для сокрушения существующего порядка вещей, ни лучшей программы для *первых* мероприятий после захвата власти.

Но почему, вернее, зачем это существо, предназначенное к владычеству над Россией, было рождено не в русской семье, а в недрах другого, окраинного, маленького народа? Очевидно, затем же, зачем Наполеон был рожден не французом, а корсиканцем, не наследником по крови и духу великой французской культуры и национального характера этого народа, а, напротив, узурпатором вдвойне: захватчиком не только власти, к которой он не был призван ни обществом, ни правом наследования, но еще вдобавок власти в стране чужой, а не в своей собственной. И Корсика, и Грузия, страны суровые, горные, культурно отсталые, где человеческая жизнь стоит дешево, а всякий конфликт перерастает в кровавое столкновение, сделали свое дело, укрепив в обоих своих порождениях глубокое презрение к ценности человеческой жизни, жгучую мстительность, неумение прощать и ту поразительную легкость, с какой уроженцы этих стран готовы пустить в ход оружие. Для того чтобы лучше выполнить свое предназначение во Франции и в России, оба эти существа должны были быть как бы чужеродными телами в теле обеих великих стран, не связанными никакими иррациональными, глубинными, духовными нитями с тем народом, которому предстояло стать главной ареной их деятельности и их жертвой по преимуществу. Надо было прийти «с топором в руке неведомо откуль и с неисповедимой наглостью» действовать так, как действует завоеватель на порабощенной земле.

Людовик XIV хладнокровно вел свои войны, отождествляя государство с самим собой и посылая на смерть тысячи французов. Петр I пожертвовал

несколькими десятками тысяч крестьянских душ ради сооружения Петербурга. Ленин трудился ради мировой революции, которая стоила бы жизни, вероятно, миллиону человек. Но бросить чуть не половину мужского населения Франции в пасть непрерывных войн, имевших единственной целью расширение зоны личного властвования; пожертвовать для спасения своего никем и ничем не благословленного престола по крайней мере десятью миллионами российских солдат, а потом посадить за проволочную изгородь одну пятую часть населения страны и при этом быть готовым на превращение в лунный ландшафт ее прекраснейших городов и самых цветущих областей ради химеры распространения своего владычества на всю планету — нет, на такие деяния не отважились бы ни Людовик, ни Петр, ни Ленин — никто, в чьих жилах течет та же кровь, что и проливаемая кровь народа, для кого культурные ценности нации — его ценности, ее прошлое и будущее — его прошлое и будущее, а земля, по которой он ступает, — драгоценная, милая и незаменимая земля Родины.

Но «отец лжи», подготавливая свое детище из века в век, никогда не внушал ему, разумеется, *всей* правды — ни о конечных целях и возможностях, ни о значении отдельных этапов подготовки. Обеспечивая его инкарнацию в последний раз, великий демонический разум понимал, что для царства антихриста в Энрофе еще не созрели условия, равно как и сам кандидат совершенно не готов для подобной роли. В его существе еще не были припасены вместилища для тех сверхчеловеческих даров, какие были бы необходимы владыке мира. Органы, которые впоследствии должны были развиться в его материальном составе, оставались еще в зачатке. Еще некуда было вложить гениальность научную, гениальность государственную, гениальность художественную, гениальность темной религиозности. Ибо способности к погружению в состояние *хохха* еще недостаточно для того, чтобы облечь материал, полученный через дьявольское духовидение, в обаятельные для человечества формы великой квазирелигии. Урпарп знал лучше всех, что предстоит еще не спектакль, а только генеральная репетиция. Но следовало укреплять в сознании детища иллюзию о том, что это — не репетиция, а уже долгожданный спектакль и что именно в этой инкарнации он сможет достичь, если будет играть хорошо, своей всемирной цели. Такая иллюзия явилась бы сильнейшим стимулом для актера — играть во всю силу: сильнейшим стимулом в его деятельности на посту вождя всемирного революционного потока.

Жутко вглядываться в сохранившийся портрет этого существа еще в те дни, когда оно было ребенком. Какой потрясающий контраст с лицом маленького Ленина! Ничего мальчишеского, ни проблеска детского!.. Удивительно странный лоб, настолько сниженный и суженный кромкой черных, гладко прилизанных, надвинутых «как ермолка» волос, что это производило бы впечатление дегенерации, если бы под волосами не обозначался поразительной формы череп — *конический* череп — не закругляющийся плавной линией назад, а вздымающийся вверх и вверх до самой маковки. Заостряясь, он наконец увенчивается тою выпуклостью, которая говорит о высокой мистической одаренности. Подбородок длинный и узкий; впоследствии он резко раздастся вширь. Нос воинственно выдается вперед; в очертаниях сухих

и бледных, стиснутых губ — упорство, бессердечие и странная, неинтеллигентная тупость. А глаза, напряженно сдвинутые, глядят так угрюмо, самоуверенно и с такой заведомой враждебностью ко всему, что перед ними находится, какой никогда не встретишь у ребенка.

Тридцать лет повсеместно маячил перед нами портрет этого существа — уже не мальчиком, разумеется, а мужчиной. Нельзя было сделать ни шага, чтобы не встретить его справа, слева или впереди. И трудно освободиться от привычки к этому лицу, от множества ассоциаций, вызываемых у нас при его виде, и взглянуть на эти черты непредубежденно. На большинстве портретов глаза вождя слегка сощурены, как бы полуприкрыты чуть-чуть припухшими веками. Иногда — это гримаса, долженствующая имитировать добродушно-хитрую полуусмешку, как у Ленина, иногда же это похоже на напряженное всматривание вдаль. Лишь на известном портрете, принадлежащем кисти Бродского, глаза раскрыты так, как им надлежит быть: непро-глядная тьма, свирепая и грозная, смотрит оттуда. Густые волосы, зачесанные назад, скрывают ненормальность черепа; знаменитые усы смягчают слишком разоблачающую линию губ. Впрочем, усы и сами по себе вносят немаловажный оттенок: оттенок какой-то пошловатой примитивности, как если бы их обладатель гордился своей мужской грубостью и сам культивировал ее в себе. Узкий в детстве овал лица давно заменился четко очерченным квадратом: это объясняется развившейся с годами сокрушительной мощью челюстей, способных, кажется, перемолоть камни. Неимоверная воля отпечаталась на этом лице и столь же безграничная самоуверенность. Ни единой черты, говорящей — не то чтобы об одухотворенности, но хотя бы о развитой интеллигентности. Только убийственную хитрость в сочетании с непонятной тупостью можно разглядеть в этих чертах, да еще нечто, вызывающее недоумение и тревогу: череп! череп! что вмещают эти необычайные выпуклости головы, что обозначают эти уникальные пропорции?

Хитрость, воля, тупость, бесчеловечность — ведь таких свойств недостаточно, чтобы оставить в истории такой след, какой оставил он. Должны быть налицо и дарования высшего порядка. Может быть, о них свидетельствует то, что на портрете не может быть запечатлено, — голос, тембр, дикция? Но все мы, его современники, слышали этот лишенный вибраций, выхолощенный от нюансов, медлительный и тупой голос автомата, эту дикцию восточного человека, не сумевшего овладеть до конца правильным русским языком.

Кто же это? неужели и вправду идиот? Но когда же и где, кроме города Глупова, идиот становился полновластным правителем, и притом в огромном государстве? становился не по праву наследования, а собственными усилиями? Ведь для того, чтобы захватить власть и после этого три десятилетия единолично править исполинской державой, заставляя дрожать целые континенты, — для этого надо обладать и кое-чем другим, кроме идиотизма.

Но оставим портрет, приглядимся к биографии государственного человека.

Вопреки открытому и ясному завещанию Ленина, предостерегавшего партию от вручения слишком обширных полномочий этому любителю «острых блюд», любитель сумел в два-три года растолкать локтями всех других

претендентов, обладавших бóльшими заслугами и большими достоинствами; сумел мастерски проведенными интригами довести всех конкурентов, которые не успели умереть сами, до казни или остракизма; не преминул раздавить, как гнезда насекомых, одну за другой все оппозиционные группы внутри партии и вне ее; нашел способы истолочь в порошок интеллигенцию — рассадник разномыслия — и взамен создать свой собственный эквивалент этого культурного слоя; разрушил внешние покровы и формы религии, заставив ее в то же время служить верой и правдой его интересам; ухитрился создать такой культурный режим, при котором даже самая отчаянная голова была бы лишена фактической возможности возвысить голос против этого режима; умудрился соорудить такой аппарат безопасности, при котором жизнь владыки сделалась абсолютно недосягаемой ни для яда, ни для кинжала, ни для пуль, ни для бомб; посадил на всякий случай за решетку несколько миллионов человек; сумел слить голоса остального населения в неумолчном гимне — ему, только ему, любимому, мудрому, родному, — о, воистину для всего этого нужно было обладать гениальностью. Гениальностью особой, специфической: темной гениальностью тиранствования.

Гениальность же тиранствования слагается в основном из двух сил: величайшей силы самоутверждения и величайшей жестокости.

По-видимому, в истории человечества еще не было существа, одержимого жаждой самоутверждения с такой силой, накалом, темпераментом. Какой жалкой выглядит сорокаметровая статуя Нерона в образе Аполлона, некогда сооруженная им возле Колизея, если сопоставить ее со многими тысячами статуй революционного вождя, воздвигнутых повсеместно, на любой привокзальной площади, в любом парке, в любом заводском дворе, а размерами варьировавшихся от масштабов обычного памятника до масштабов Колосса Родосского! Заставить назвать своим именем главную улицу в каждом городе и добрую треть всех колхозов страны; принудить любое общественное собрание, каким бы вопросам оно ни было посвящено, завершаться овацией в честь вождя; вменить это прославление в обязанность всем видам искусства, литературы, музыки, науки; вынудить в XX веке половину человечества считать его корифеем всех отраслей знания; наладить механизм фальсификации исторических документов, чтобы революционные или государственные заслуги побежденных соперников приписывались только ему; написать новое евангелие, в котором прославлять самого себя, и заставить все население штудировать этот хлам чуть ли не наизусть; навести такого туману, что неисчислимые массы людей за рубежом уверовали в то, что им выпало величайшее счастье — жить одновременно с гениальнейшим, мудрейшим и гуманнейшим из смертных… Что рядом с этим все поползновения деспотов прошлого: и фальсификация истории Рамзесом II, и молитвы перед своим изображением во храме, которые вынуждал Калигула у некоторых жрецов, и истошный рев «Хайль Гитлер», десять лет громыхавший над Германией[1], и даже горы человеческих черепов или караваны с корзинами, полными вырванных человеческих глаз, — апофеозы, до которых додумывалось приземистое воображение всяких чингиз-ханов и тимуров.

1. Говорю «10 лет», потому что позже гул патриотических возгласов был совершенно заглушен грохотом налетов и разрывами бомб.

Известно, что Сталин был весьма озабочен реабилитацией некоторых страшилищ прошлого, например Ивана Грозного, Малюты Скуратова. И однако о том же Грозном он пренебрежительно заметил под конец: «Казнит горстку бояр, а потом две недели молится и кается. Хлюпик!» Да, назвать Грозного хлюпиком имел право, пожалуй, только он.

Эти беспрецедентные формы и масштабы тиранствования говорят о сверхчеловеческой жажде самоутверждения и столь же сверхчеловеческой жестокости.

Он был кровожаден, как истый демон. Какими соображениями государственной пользы, хотя бы и искаженно понятыми, объяснишь систему периодически производившихся массовых кровопусканий? В первый раз он это позволил себе в начале коллективизации, когда кулачество, точнее — зажиточное крестьянство ликвидировалось, по его предначертанию, «как класс». Толпы людей лишались средств к существованию и в условиях, гибельных даже для скота, перебрасывались в необжитые районы, где и отдавали Богу свои души. «Откуда-то слышался гул; казалось, что где-то рушатся целые деревни и там раздаются вопли, стоны и проклятия. Плыли по воде стоги сена, бревна, плоты, обломки изб…» Нет сомнения, что если бы коллективизацией сельского хозяйства руководил хотя бы Ленин — о подлинных гуманистах и демократах я уже не говорю, — это мероприятие было бы проведено совершенно другими методами. Ее осуществили бы с осторожной медлительностью, не принуждением, а наглядной демонстрацией выгоды и целесообразности колхозов, оберегая при этом все материальные ценности единоличных хозяйств. От этого выиграло бы и крестьянство, и сельское хозяйство, и само государство, и вся мировая Доктрина в целом. Вместо этого на Украине и в некоторых других местах в 1933 году наступил неслыханный голод, дело дошло до людоедства, и, может быть, историки будущего сумеют установить хотя бы приблизительную цифру жертв этой группы мероприятий. Вслед за первой гекатомбой воздвигалась и вторая: жертвы разгрома религиозных конфессий. Короткая передышка, пока полчища Гагтунгра переваривали великолепную порцию гавваха, — и вот уже несется новое блюдо на пиршественные столы в Гашшарве и Дигме: два или три миллиона жертв «ежовщины». Еще немного — и начинает расти гекатомба жертв Отечественной войны. Второго вождя можно считать одним из ее виновников лишь относительно, но ответственность за масштабы человеческих жертв несет и он. Едва начинает в 1945 году иссякать этот источник гавваха, как человекоорудие Урпарпа уже спешит озаботиться о новом. Воевать больше нельзя — военные ресурсы истощаются, да и враг сумел забежать вперед, изобретя атомную бомбу; значит, надо обеспечить новые потоки гавваха в условиях международного мира. Начинаются массовые репрессии. Без разбора, без смысла, с нескончаемой фабрикацией дел на пустом месте, со зверскими пытками и с таким режимом в некоторых «спецлагерях», перед которым меркнут Освенцимы и Бухенвальды. Разумеется, сейчас мы еще не располагаем точными цифровыми данными о жертвах этого периода. Несомненно, однако, что циф-

ры погибших в лагерях с 1945 по <19>53 год составляют несколько миллионов, а если прибавить сюда погибших раньше, а также тех, кого массовое досрочное освобождение при Хрущеве вызволило из лагерей на краю могилы, придется забыть о прежних единицах счета и перейти уже к операциям с десятками миллионов.

Пытаясь осмыслить происходившее, люди становились в тупик. Пробовали объяснить зверства происками и коварными замыслами тех, кто, по ошибке вождя, был поставлен руководить системой безопасности. Этому способствовал и сам вождь, время от времени устраняя и сурово наказуя своих ставленников. Вслед за казненным Ягодой канул в пучину Ежов, за ним Абакумов, а сейчас же после смерти вождя — тот, кто руководил системой безопасности по высочайшему повелению в течение пятнадцати лет. Всем было ясно, что подобные мероприятия не только не вызывались соображениями государственной пользы, но, напротив, находились с этими интересами в вопиющем противоречии. Это будет ясно всякому историку. А метаисторику, сверх того, ясно, что в этих океанах гавваха не был заинтересован ни Жругр, ни игвы, ибо они питаются не гаввахом, а психическими эманациями государственного комплекса человеческих чувств. В глазах метаисторика этими деяниями Сталин разоблачил себя уже не в качестве орудия Третьего уицраора, а в качестве орудия самого Великого Мучителя, ибо только Гагтунгр и демоны Гашшарвы были заинтересованы в притоке этих неслыханных объемов гавваха.

Таким образом, уясняются оба компонента того, что мы можем назвать в этом существе гениальной способностью к тиранствованию: жажда самоутверждения и активная жестокость, доведенные до почти экстатической напряженности.

Но ведь Сталин и поныне пользуется репутацией великого государственного деятеля — замечательного политика и дипломата, выдающегося полководца, первоклассного организатора, даже крупного деятеля культуры. Присмотримся: каковы главнейшие государственные задачи Сталина до Второй мировой войны? Думается, их можно определить так: укрепление своего абсолютного единовластия и разгром какой бы то ни было оппозиции; борьба с духовностью; коллективизация сельского хозяйства; индустриализация; подготовка военной машины к отражению возможного нападения и к собственному прыжку на Запад, Восток и Юг; создание благоприятной для этого международной ситуации; максимальное сбережение человеческих ресурсов Советского Союза для последней схватки с капиталистическим миром.

Однако для укрепления собственного единовластия и полного разгрома всякой оппозиции совершенно нет надобности быть великим государственным умом. Достаточно быть гениальным тираном. Достаточно им быть также и для борьбы с духовностью теми методами, какими вел ее Сталин. О том, насколько антигосударственными были методы коллективизации, я уже говорил; добавлю теперь, что роковое отставание страны в производстве продуктов сельского хозяйства объясняется не только несуразностями самой коллективизации, но той политикой выжимания всех соков из крестьян и тем неумелым хозяйствованием, которыми отличался весь аграрный курс Сталина с начала и до конца. Имело немалое значение и то, что упор на чрезмерную убыстренность темпов развития тяжелой индустрии вырвал из деревни огромные массы людей; еще большие массы вырвала Отечественная война, а после войны не было сделано ничего, чтобы стимулировать возвращение людей на землю и активно заинтересовать их в повышении производительности сельскохозяйственного труда. Слепая вера в воздействие чисто внешних средств повела к тому, что все упования были возложены на механизацию сельского хозяйства. Итогом явилось обезлюдение деревни, расширение сектора пустующих земель, тысячи тракторов и комбайнов на остальном секторе и пустые животы колхозников. Естественно, что всеми правдами и неправдами люд убегал из деревень в города.

Выиграло бы государство и вся Доктрина в целом также и в том случае, если бы план индустриализации был не так однобок, если бы не было оставлено без должного внимания производство средств потребления. Но так как довлела не забота о благосостоянии населения, а о том, чтобы промышленность, в случае чего, легко можно было бы перевести на военные рельсы, то населению предлагалось потерпеть как-нибудь одну пятилетку, вторую, третью, четвертую, а может быть, и еще две-три ради того, чтобы обеспечить страну производством средств производства. В итоге к концу тридцатилетнего царствования продукции легкой промышленности, равно как и продукции сельского хозяйства, оказывалось едва достаточно, чтобы удовлетворить кое-как население больших городов, а остальное население принуждено было перманентно терпеть недостаток в самом необходимом.

Казалось бы, все делается для создания военной машины неслыханной мощности. Но, как ни странно, и в этой едва ли не главенствующей отрасли государственной работы все получалось каким-то роковым образом не так, как хотелось. Тиранство, не терпящее подле себя ни одного выдающегося человека, привело к тому, что незадолго до Второй мировой войны верхушка советской армии была разгромлена и десятки талантливых военных руководителей истреблены неизвестно зачем и почему вместе с Тухачевским. Поражает, как мало эффекта дала забота об усилении военной авиации. Еще поразительнее то, что в обоих первых пятилетних планах не уделено было никакого внимания строительству новых путей сообщения, и к моменту германского нашествия страна оказалась располагающей только той сетью железных дорог, большинство которых было построено еще в XIX столетии. Даже самые важные в стратегическом отношении дороги, как, например, большая часть Московско-Киевской, оставались однопутными, а в огромных азиатских владениях за двадцать лет построена только одна серьезная железная дорога — пресловутый Турксиб. Все это неумелое руководство, вкупе с цепью внешнеполитических просчетов, имело своим итогом то, что в первый же год Отечественной войны советским армиям пришлось отдать врагу все территории вплоть до Сталинграда.

Говорят о гениальном политике, замечательном дипломате. Трудно, однако, усмотреть что-либо замечательное в таком политическом курсе, который со времен революции и вплоть до 1941 года держит страну в международной изоляции; который из боязни чуждых идеологических веяний зако-

лачивает наглухо все окна — не только в Европу, но и куда бы то ни было; который своей поддержкой революционного движения в чужих странах и заявлениями о предстоящей борьбе с капитализмом не на жизнь, а на смерть вызывает в других странах сперва опасения, потом страх и наконец извлекает из небытия такую агрессивную встречную доктрину с бесчеловечной идеологией, как немецкий национал-социализм; который, не зная, который враг опаснее — этот национализм или англо-французский колониализм, — мечется от переговоров с одним к договору о дружбе с другим и в конце концов получает от вероломного друга такой удар по голове, от которого трещит череп. Вряд ли можно считать более удачным этот политический курс и в его дальнейшем развитии, когда выдающийся политик и замечательный дипломат дает себя морочить обещаниями открыть второй фронт в 1942 году, потом в 1943 году и на протяжении трех лет позволяет своему отечеству исходить кровью, а себе самому — проглатывать один дипломатический обман и провал за другим.

Правда, некоторые уроки из всего этого были извлечены. Бессильная ярость, бушевавшая в душе этого существа сперва под ударами немецкого соперника, а потом от сознания своей одураченности дипломатией западных держав, — ярость эта явилась сильнейшим стимулом к тому, чтобы в послевоенные годы обратить все внимание, всю заботу, все силы народа, все ресурсы государства на то, чтобы догнать и перегнать в военном отношении сильнейшую державу Запада. К счастью, эта цель была достигнута уже после его смерти — к счастью потому, что, если бы он успел это сделать раньше, Третья мировая война была бы к настоящей минуте уже далеким прошлым, равно как прошлым уже были бы Париж, Рим, Нью-Йорк, Лондон, Москва, Ленинград и все прочее.

Думается, что Сталин обладал в известной мере способностями организатора. Без таких способностей нельзя координировать в своих руках водительство всеми отраслями государства, и притом государства до такой степени централизованного. В особенности заметно это было в годы войны, когда почти без отдыха и сна он руководил и военной машиной, и работой тыла, и международными сношениями, вмешиваясь во все детали. Другой вопрос — кому, кроме него самого, было нужно это вмешательство во все и во вся и выигрывало ли в конце концов от этого дело обороны. Только истинный гений или даже сверхгений мог бы в этой сумятице, дикой спешке, при молниеносном перепрыгивании от одного вопроса к совершенно другому избежать грубых просчетов, скороспелых решений и неправильных выводов. Тиранство, не терпящее разделения прерогатив верховной власти ни с кем, и тут возобладало над умом и волей государственного деятеля.

Что касается применения к Сталину термина «полководец», то оно основано на явном недоразумении. История не видела и никогда не увидит полководца, не смеющего за всю четырехлетнюю войну ни разу выехать на передовую, ни разу не вдохновившего солдат примером собственного бесстрашия и мужества, а, напротив, спрятавшегося в самом недоступном углу и там, вызывая к себе настоящих военных специалистов, боевых маршалов и генералов, которые несут на себе всю тяжесть фактического командования,

испрашивающего их авторитетного мнения по каждому военному вопросу, чтобы затем присвоить себе эти мнения, эти решения, эти стратегические и тактические концепции. Надо думать, что Жуков, Рокоссовский или Малиновский могли бы многое порассказать о том, как умел этот верховный главнокомандующий оказываться мудрым инициатором того, что ему и не снилось до беседы с ними.

Азарт и государственная дальнозоркость — вещи плохо совместимые. Во время войны Сталин был, по-видимому, столь охвачен азартом, что послевоенное будущее мало интересовало его, и это приводило, конечно, к непоправимым промахам. Примером может служить то, что в течение четырехлетней войны, когда под ружье был взят каждый второй полноценный мужчина в государстве, генералиссимус, охваченный прямолинейной идеей «все для войны», запрещал давать отпуска солдатам и офицерам. Естественным следствием этого было катастрофическое падение рождаемости. В приросте населения по годам образовалась четырехлетняя зияющая дыра, которая должна была сказаться самым ужасным образом в период с 1959-го по 1963 год, когда перед лицом нависшей Третьей мировой войны в государстве не оказалось бы молодежи призывных возрастов. Возможно, что руководитель думал, что третью войну ему удастся развязать и завершить раньше, чем поколение, рожденное в начале сороковых годов, достигнет призывного возраста.

Можно ли того, кто не только стрижет, но и истребляет свой скот, назвать хорошим скотоводом? Можно ли такого хозяина, который заставляет выпалывать вместе с сорняками побеги овощей, не считать разрушителем собственного хозяйства? Можно ли такого руководителя политического курса, на которого вся военная мощь соседа сваливается как снег на голову, назвать хорошим политиком и дипломатом? Можно ли того, кто без причины и часто даже без повода истребляет испытанные кадры своих же сторонников, считать разумным лидером партии, истинным вождем? Это не пастух, а волк.

Итак, носитель своеобразной темной гениальности, которая проявлялась во всем, что имело отношение к тиранствованию, оказался обладателем государственных способностей никак не выше среднего. Сталин был дурным хозяином, дурным дипломатом, дурным руководителем партии, дурным государственным деятелем. Полководцем он не был вообще.

Но мы знаем некоторые проявления его личности, в которых сказалось качество еще более низкое, чем «дурной». Это относится к сфере его так называемой к у л ь т у р н о й деятельности.

«Он не был ни инженером, ни технологом». Оставаясь дилетантом во всех областях знания, кроме, может быть, политико-экономических наук, но воображая себя гением энциклопедического типа, он с «неисповедимой наглостью» Угрюм-Бурчеева взялся за руководство всей научной жизнью Советского Союза. Конечно, он не занимался лабораторными исследованиями. Но деятельность всей системы Академии наук СССР, со всеми входящими в нее институтами, равно как и работа начальной, средней и высшей школ, направлялась согласно установкам, полученным персонально от Сталина. Этого мало. Организовывались широкие общественные дискуссии по вопросам биологических, физических, даже астрономических дисциплин, задачей ко-

торых были обсуждение и разработка такого угла зрения на текущие научные проблемы, какой предуказывался и определялся именно Сталиным. Но и этого мало. В некоторых областях науки он даже осмеливался выступать как ученый-исследователь; незачем напоминать, что при этом каждое его суждение становилось нерушимой догмой для всех специалистов этой научной области. Всем еще памятны его работы в области языкознания, где общеизвестные истины, вроде мысли о том, что язык является основным средством общения людей, перемешивались со вздорными утверждениями. Достаточно напомнить безапелляционное утверждение о том, что мышление вне слов невозможно, — утверждение, загонявшее специалистов в тупик, так как оставалось совершенно необъяснимым, как же мыслит композитор, обдумывая свое новое творение, или архитектор, уясняя себе конструкцию будущего здания, или живописец, приступая к своей картине.

Будучи в очень слабой степени одарен образным мышлением и привыкнув почти всю свою умственную деятельность проводить через слова, Сталин, по-видимому, действительно совершенно не понимал природы художественного творчества. Однако это не мешало ему видеть в себе глубокого понимателя эстетических ценностей, проникновенного указателя, куда и как должны двигаться художественная литература, архитектура, живопись, музыка, театр. Общеизвестный афоризм по поводу сказки Горького «Девушка и смерть»: «Эта штука посильнее “Фауста” Гете», — может быть не без пользы дополнен еще одним, который теперь уже мало кто помнит, но документально точную фиксацию которого можно найти в газетах за 1926 или <19>27 год. В те еще патриархальные времена Сталин вместе с Луначарским и Калининым посетил выставку московской организации художников АХР. В назидание потомству высокие гости оставили в книге отзывов резюме своих впечатлений. Луначарский воспользовался случаем, чтобы со свойственным ему поверхностным блеском изложить целое эстетическое кредо. Калинин был скромнее: тактично оговорившись, что он далек от вопросов искусства, он безо всяких претензий отметил то, что ему понравилось или не понравилось на выставке, и сжато объяснил, как сумел, почему именно понравилось. Третий посетитель оказался лаконичнее всех. Воспроизвожу его отзыв буквально: «По моему ничего. И. Сталин».

Но прошло всего 6–7 лет, и человек, изобличивший свой художественный идиотизм, добился такого положения, что поводья всех пегасов советского искусства и литературы оказались зажатыми в его кулаке.

Отпечаток художественной эклектики, внешнего гигантизма, безвкусицы и нуворишеского стремления к показной роскоши несмываем со всего того, чем Сталин собирался обессмертить себя как великого строителя, — будь то станции московского метро и высотные здания или волгодонские шлюзы и новые украшения Сталинграда. Отдельные частные удачи — счастливые достижения некоторых архитекторов, сумевших убедить вождя в своей художественной правоте, — тонут в абсурдном нагромождении разностильных элементов — дорических портиков и готических шпилей, ренессансных лоджий и модернизированных колонн, в лесу белых скульптурных групп, размахивающих мраморными знаменами и эмблемами, как бы вопиющих о

своем убожестве к самому небу, и в беспримерной нелепости мозаик, где фигуры в бесцветных партийных куртках и картузах маячат на золотом иератическом фоне Византии.

Гениальный тиран. Дурной хозяин. Неудавшийся ученый. Художественный идиот.

Увы, — идиот. В этом Салтыков-Щедрин был прав. И не в одной только художественной области проявлялся этот злосчастный идиотизм. Идиотично было непонимание границ своих способностей и возможностей. Идиотичной была та негибкость ума, которая повинна в длинной цепи политических промахов, начиная от недооценки Гитлера в тридцатых годах и кончая разрывом с Югославией накануне пятидесятых. Идиотизмом отзывались и неумение уважать никого, кроме себя, и неумение понимать сколько-нибудь тонкие и сложные душевные движения. Несмотря на свою довольно большую эрудированность, Сталин оставался, как это ни странно, полуинтеллигентом.

Но почему же Урпарп не озаботился обогатить это существо и государственной, и научной, и художественной гениальностью? Разве это не способствовало бы всемирному торжеству Доктрины? О, еще как способствовало бы! Если бы *государственная* гениальность предохранила бы второго вождя от длинной цепи воистину роковых ошибок, то через тридцать лет его правления коммунистическая Россия достигла бы баснословного экономического расцвета и небывалой силы влияния на народы всех стран. Если бы его универсальная *научная* гениальность обеспечила бы такое стремительное научное и техническое развитие России, что эта страна опередила бы развитие капиталистических государств и их военных машин, то весьма вероятно, что к середине XX века на очереди стоял бы не вопрос о коммунизации Кореи или Вьетнама, а о господстве Доктрины уже надо всем земным шаром. И если бы *художественная* гениальность второго вождя вызвала к жизни, вместо плоской галиматьи «Краткого курса» или нудной жвачки его докладов и речей, подлинные шедевры устного и письменного слова, способные «глаголом жечь сердца людей», и в самом деле — возможно, что носитель такой гениальности добился бы всемирной единоличной власти уже не в одних только мечтах.

Отсутствие у Сталина гениальности научной, государственной и художественной было следствием отчаянного сопротивления Провиденциальных сил. Темные дары гениальности научной и гениальности художественного слова, уже вложенные в него Урпарпом, удалось парализовать в астральном теле этого существа еще до его рождения на Кавказе. Гениальность же государственная была вырвана у него уже после его появления в Энрофе, когда он был ребенком. Ясно осознать происшедшее он не мог; да и Урпарп не считал нужным разъяснять ему это. Смутная же память об акте вручения ему темных даров продолжала в нем жить; отсюда и разрыв между глубокой верой в свою энциклопедическую гениальность и тем фактом, что ни в одной области, кроме тиранствования, он этой гениальности проявить не мог. Сталин — это потенциальный, недопроявившийся благодаря сопротивлению светлых начал, темный универсальный гений.

Впрочем, демонический разум не смотрел на Доктрину как на единственное, что может и должно объединить мир. Предусматривались и другие

варианты. Интернациональная революционная Доктрина была только первой серьезной попыткой, опытом, генеральной репетицией: в ее ходе должно было выясниться, каким цементом и чьими силами можно добиться этого всемирного объединения прочнее и в то же время бездуховнее. Потенциальный, недопроявившийся темный гений мог бы быть изъят из Энрофа в Гашшарву с тем, чтобы пройти там окончательную подготовку и воспринять свою последнюю инкарнацию в следующем столетии, когда с его пути к абсолютной власти осуществленная Доктрина убрала бы последнее препятствие, а темные дары были бы все-таки вложены, втиснуты, впечатаны в него, потому что тогда Урпарп уже хорошо знал бы, каким оружием парализует эти дары светлое начало, и сумел бы избежать своего проигрыша во второй раз.

А во время последней репетиции должно было решиться и еще многое другое. В частности, должно было решиться, действительно ли данный кандидат в антихристы сильнее всех других? Правда, этих других было, кажется, только два, а из этих двух один не мог быть, по разным причинам, рожден в это время в Энрофе. Но оставался второй, и схватка между ними должна была выяснить окончательно и безошибочно, кому следует играть главную роль в долгожданном спектакле.

Мне неизвестно, кем был, какими путями был ведом и как подготавливался другой кандидат. Я вижу только результаты. Я вижу, что гениальной способностью к тиранствованию обладал и он: та же жажда самоутверждения, та же кровожадность, та же способность на любое злодейство. Но человекоорудие третьего уицраора Германии, метаисторический смысл которого тоже отнюдь не исчерпывается инвольтацией его этим уицраором, не сумел довести эти качества до совершенства. Некоторые чисто человеческие черты в нем окончательно не искоренились.

Сталин вполне допускал такую возможность, что он доживет до той ступени в развитии науки, когда она сможет продлить его жизнь намного дольше естественного человеческого предела, а может быть, и дать ему даже физическое бессмертие. По-видимому, с годами эта его мечта лишь укреплялась. Поэтому он планировал политику своей державы так, как будто ему никогда не придется сойти со сцены. Он не думал о тех, кто будут его преемниками, не делал никаких распоряжений на случай своей смерти, никаких завещаний. «После меня хоть потоп», — мог бы он сказать, если бы его идею не выражал точнее другой афоризм: «Я буду всегда. Предположение, якобы что-то будет *после* меня, — лишено смысла». Бесчисленные скульптурные изображения собственной персоны, которые он тысячами насаждал везде, вовсе не следует понимать как стремление к увековечению своего образа в умах потомков. Может быть, сначала этот мотив и играл какую-то роль, но позднее он полностью заместился другим: это было не увековечение в умах потомков, а самопрославление для современников. Характерно, что при всем многообразии форм и приемов в культе своей личности он и не подумал, тем не менее, подготовить для себя мавзолей: он не желал допускать мысли, что ему придется когда-нибудь быть похороненным либо мумифицированным.

Такое парение на высотах культа своей личности в разреженной атмосфере веры в свое бессмертие было его германскому сопернику не по плечу. Тот чувствовал себя величайшим завоевателем всех времен, личностью беспримерной и провиденциальной, призванной к осчастливливанию немецкого народа и к достижению мировой гегемонии Германии. Он глухо намекал даже на то, что после войны даст народу новую религию. Но физически бессмертным он себя не воображал никогда, время от времени возвращаясь к разработке завещания своим преемникам. И даже официально назначил Геринга ближайшим наследником всех обязанностей и прав вождя.

Я не знаю, «отколь» пришел он в немецкий Энроф, но, во всяком случае, он не был инородным телом в теле Германии. Это не проходимец без роду и племени, а человек, выражавший собою одну — правда, самую жуткую, но характерную — сторону германской нации. Он сам ощущал себя немцем плоть от плоти и кровь от крови. Он любил свою землю и свой народ странною любовью, в которой почти зоологический демосексуализм смешивался с мечтою — во что бы то ни стало даровать этому народу блаженство всемирного владычества. А с него самого было бы достаточно привести народ к этому блаженству, устроить его в нем, а после этого отойти в некие потусторонние высоты и наслаждаться, видя оттуда ослепительные плоды своих дел и впивая фимиам благодарных поколений.

Правда, когда война, грубо опрокинув все его расчеты, оказалась не заманчивым блицкригом, а невиданной мясорубкой, шесть лет перемалывавшей плоть его народа (другие народы были ему глубоко безразличны), он, скрежеща зубами, с пеной у рта бросаясь на пол и грызя ковер от ярости, от досады и от горя о погибающих соотечественниках, все же гнал и гнал их на убой вплоть до последней минуты своего существования. Но это было не то ледяное бездушие, с каким бросал в мясорубку миллионы русских его враг, а отчаянная попытка — дотянуть как-нибудь до минуты, когда фортуна обернется к нему лицом и изобретенная наконец немцами атомная бомба превратит Москву и Лондон в ничто.

Его противопоставление себя и своего учения всякой духовности тоже не отличалось последовательностью и окончательностью. Он с благоволением поглядывал на поползновения некоторого круга, группировавшегося подле Матильды Людендорф, к установлению модернизированного культа древнегерманского язычества; вместе с тем он до конца не порывал и с христианством. Поощряя распространение в своей партии очень туманного, но все же спиритуалистического мировоззрения («готтглеубих»), он сам за два дня до самоубийства обвенчался, как известно, по церковному обряду с Евой Браун.

Вообще, на картине его гибели есть некоторый налет романтики. Это дрожащее от бомб убежище в подвалах Имперской канцелярии, эти поминутно получаемые известия о приближении орд врага уже к самому центру столицы, этот полусумасшедший, бледный до синевы, уже только шепотом способный говорить человек, его дикая свадьба в последнюю минуту, его самоубийство со словами о том, что он уходит, но и из другого мира будет держать вахту здесь, в сердце Германии, — все это, при всей фантасмагоричности, вполне человечно — не в смысле гуманности, разумеется, а в том смысле, что существо, пригодное к роли всемирного абсолютного тирана, никогда не могло бы опуститься до такой сентиментальной агонии.

Я не буду останавливаться на тех свойствах его характера и ума, которыми он уступал своему врагу и которые могут служить материалом для размышления историку. Я указываю только на те черты, которыми он, будучи сопоставлен со Сталиным, проигрывал под углом зрения метаистории в качестве кандидата в абсолютные тираны.

Проигрывала под этим углом зрения (как, впрочем, и под всеми остальными углами) и его идеологическая концепция. Она была лишена именно той стороны, которой сильна была Доктрина: интернациональности. Мечта о владычестве семидесятимиллионного немецкого народа над двумя с лишним миллиардами земного шара действительно могла бы назваться бредовой. И если бы Вторая мировая война окончилась, каким-нибудь чудом, победой Германии, концепцию пришлось бы в корне пересмотреть, расширив базу «нации» по крайней мере до границ европейской «расы господ». Но и тогда эта концепция, по самой своей природе, должна была бы стать объектом ненависти и отвращения для подавляющего большинства народов нашей планеты. Задача же Урпарпа заключается как раз в обратном: в кристаллизации такого учения, которое, тая в себе ядро будущей всемирной тирании, на первых порах казалось бы привлекательным для большинства.

Интересно отметить, что если концепция национал-социализма страдала безнадежной националистической или расовой ограниченностью, то советская доктрина — в том виде, в каком она пребывала в течение первых двадцати лет своего господства, — отличалась противоположным дефектом: все это время она относилась с пренебрежением и даже враждебностью к национальному импульсу в психологии масс. Национальное начало терпелось только в тех случаях, когда речь шла о национальных меньшинствах или об угнетенных нациях колоний. Но это было дефектом, и Сталин это понял. Он, несколькими годами раньше, из побуждений, недалеких, очевидно, от хулиганской потребности колотить зеркала и разбивать статуи, сносивший безо всякой нужды памятники русского зодчества, превращавший черт знает во что храмы и монастыри, а иные гражданские сооружения уничтожавший под предлогом выпрямления улиц (т<о> е<сть> ради злосчастной идеи «прямолинейности»), — теперь вдруг обратился к национальному прошлому России, реабилитировал целый пантеон русских государственных деятелей прежних эпох и стимулировал воспитание в подрастающем поколении некоего синтетического — и национально-русского, и интернационально-советского — чувства «Родины». Он понял, что ввиду предстоящего столкновения с агрессивно-национальной идеологией фашизма не нужно пренебрегать национальным импульсом в собственном народе. Наоборот: следует его расшевелить, разбередить, заставить и его лить воду на ту же мельницу. А вскоре после начала войны он понял еще и другое: конфессии, которые так и не удавалось выкорчевать из массовой психологии никакой антирелигиозной политикой, следовало обратить в верных слуг, а потом и в рабынь. Нескольких ничтожных подачек, вроде милостивого разрешения на восстановление патриаршего престола и обещания воздерживаться впредь от сноса храмов (благо их осталась уже какая-нибудь десятая часть), оказалось достаточно, чтобы церковная иерархия полностью солидаризировалась и с программой, и с практикой партии и государства.

Но это произошло уже во время войны, когда лозунг «Все для войны!» вспыхнул в его мозгу, как факел. Вспыхнул же он потому, что враг, которого он рассчитывал перехитрить, заставив его истекать кровью в борьбе с западными демократиями, чтобы потом, когда ослабеют обе коалиции, самому обрушиться на них со своей интернациональной Доктриной и со свежей 20-миллионной армией, — этот самый враг сам его перехитрил, опередил, спутал все карты, и как гром с ясного неба на не подготовленную к таким сюрпризам страну посыпались авиабомбы Германии и ее союзников.

Наступила минута слабости. Та минута, когда у вождя, выступавшего перед микрофоном, зубы выстукивали дробь о стакан с водой. Та минута, растянувшаяся, увы, на несколько месяцев, когда в октябре 41-го года вождь с лицом, залитым слезами, вручал Жукову всю полноту командования фронтом Москвы, уже наполовину окруженной германскими армиями, и заклинал его голосом, в котором наконец-то появились некоторые вибрации, спасти от гибели всех и вся. Этой минуты, он, конечно, никогда не забыл. Его натуре стыд был знаком лишь в одном аспекте: стыд перед теми людьми, которые подглядели его слабость. Без Жукова нельзя было обойтись, покуда шла война. Но когда она кончилась, был использован первый же подходящий момент, чтобы законсервировать этого свидетеля покрепче.

Возможно, впрочем, что, кроме стыда за свою слабость перед людьми, вождь испытывал и другое, еще более мучительное чувство: страх за то, что этой минутой он дискредитировал себя в глазах Урпарпа: ею он вызвал в демоническом разуме Шаданакара сомнение: а не хлюпик ли он сам, Иосиф Виссарионович? Следовало своим поведением как можно скорее доказать, что минута слабости никогда не повторится и что схватку с роковым соперником он выдержит до конца, бросив в мясорубку, если потребуется, хоть сто миллионов, но не дрогнув ни одним мускулом. Так он и держал себя в дальнейшем.

Каково же стало отношение Провиденциальных сил России к этому существу, когда оно, волей судьбы, оказалось во главе государства, ведущего борьбу не на жизнь, а на смерть с чужеземным врагом?

Это отношение определялось двумя факторами. Первым фактором следует считать непоправимо демоническую природу этого существа. Провиденциальная помощь не могла быть ему оказана ни при каких обстоятельствах. Достаточно было того, что ему всей своей напрягшейся мощью помогает Жругр и что Великий Игва Друккарга пользуется его способностью к состоянию «хохха», чтобы вразумлять его и корректировать его действия. Но вторым фактором являлось то, что концепция Третьей империи грозила, в случае ее победы, еще более ужасающими бедствиями. Она грозила полным уничтожением Русского государства и превращением России в опустошенную зону хозяйничанья бесчеловечного и неумолимого врага. А в более широких масштабах она сулила разгром и уничтожение западных государств — носителей наиболее демократических режимов и простирание над миром от Японии и Австралии до Англии и Канады черного покрывала длительной, убийственной физически и духовно эры владычества «расы господ». Такой путь ко всемирной тирании был, быть может, еще прямее, еще менее обещающим спасительные срывы и излучины, чем победа интернациональной Доктрины.

Поэтому демиург и Синклит России прекратили свою постоянную трансфизическую борьбу с Друккаргом в тот момент, когда на эту подземную цитадель обрушились орды чужеземных игв из шрастра Клингзора. Как отражение этого была прекращена и борьба с теми, кто руководил Российскою державою в Энрофе. Им не оказывалось помощи, но никакие их силы могли не отвлекаться более на борьбу с силами Света, а сосредоточиться всецело на войне с врагом, еще более темным, чем они сами.

Наступила глубокая ночь. Силы Света обрекли себя на временное добровольное бездействие, пока не завершится схватка чудовищ. Только перипетии этой схватки были видимы всем на земле; точно духовный паралич сковал высшие способности людей, и лишь напряженнейшие медитации да наивысший творческий взлет могли поднять иногда человеческую душу над непроницаемым кровом тьмы.

В это роковое время произошло отпочкование второго жругрита. Первый отпочковался давно, вскоре после окончания Гражданской войны; борьба внутри господствующей партии и яростное сопротивление воцарявшемуся Сталину некоторых крупнейших деятелей коммунистической элиты отразили это метаисторическое событие. Но первый жругрит был слаб и задушен в самом начале. Теперь же на свет появился новый; он вступил в связь с руководством армией врага, даже с Великим Игвой германского шрастра, рассчитывая, что разгром Друккарга позволит ему занять место отца, так как уицраор германский представлялся ему слишком ограниченным в своих возможностях, чтобы непосредственно властвовать в Друккарге. Второй жругрит действовал, постепенно отступая, до самого окончания войны, когда Жругр, пожравший сердце врага и сказочно возросший в мощи, уничтожил свое неразумное чадо, если можно так выразиться, одним щелчком.

В исходе войны немалое значение имело то, что эманация государственного комплекса чувств, которой восполняют убыль своих сил Жругр и игвы, усилиями вождя и партии была доведена до таких объемов, какие в мирное время были бы, конечно, немыслимы. Этой эманации способствовали все и всё: от пропагандистов и агитаторов в армии до священников на амвонах, от знаменитейших композиторов и писателей до микроскопически неведомых работников печати и кино, от ведущих ученых до последних, мельчайших партийных работников на заводах. Взывалось при этом к различным инстинктам: и к патриотизму, и к национализму, и к интернационализму, и к вере в Бога, и, напротив, к вере в партию, и к жажде мира, который мог прийти только через победу, и к омерзению и ужасу перед зверствами фашизма, и к любви к своей земле, семье, дому, детям.

Поэтому к концу войны Жругра распирала неслыханная сила. Множество игв и раруггов пали в борьбе, но уицраор окреп так, как никогда еще не видели. Он жаждал расширения, он ворвался в германский шрастр, он умертвил Великого Игву Германии, произвел форменный погром и едва-едва был введен в некоторые границы уицраорами Англии и Америки — Устром и Стэбингом.

Сталина в его натиске на Запад заставило остановиться одно неожиданное событие. То есть предуведомлен о нем он был, но не придавал этой опасности должного значения. В мае <19>45 года, когда началась уже разработка планов нападения на недавних союзников, вождь был информирован — не из мистического, а вполне земного источника — об испытании первой атомной бомбы в Нью-Мексико. Он почувствовал нечто вроде того, как если бы атомная бомба разорвалась у него в сознании. Вместо долгожданного перерастания Второй мировой войны против фашизма в сокрушение всего капиталистического мира, вместо триумфального шествия революционных армий через Францию, Испанию, Африку неведомо куда, предстояло застыть на месте, кусая локти и высчитывая, сколько же лет потребуется теперь для того, чтобы тоже обзавестись атомным оружием, догнать и перегнать врага и, уложив капитализм в гроб молниеносным превращением в пустыню его столиц, провозгласить объединение мира под верховной властью единственного человекобога.

Была сокрушена опасность мирового распространения национал-социализма. Обрисовывались уже совершенно отчетливо новые опасности.

Одна заключалась в том, что на почве Второй мировой войны с головокружительной быстротой вырос до умопомрачительных размеров уицраор Америки. Казалось, гряда небоскребов отделена теперь от Европы не океаном, а лужей воды. Этот уицраор сумел объединиться со своими дальними родственниками в Западной Европе и расположиться так, что его щупальцы шарили чуть ли не у всех границ Советского Союза. Учитывая ошибки своего немецкого предшественника, он вырабатывал идеологическую концепцию, которая против интернационализма Доктрины выдвигала не что-либо провинциальное и локальное, но космополитизм — идею, столь же чреватую всемирной потенцией, как и сама Доктрина. Взор Гагтунгра все с большим благоволением останавливался на Стэбинге, все с большим вниманием обращал он часть своих сил на его инвольтирование.

Другая опасность заключалась в том, во что была превращена в итоге Второй мировой войны — и духовно, и физически — Россия.

Единовластная тирания принимала размеры и формы, уже не похожие на реальность, явно фантастические. Хотелось сказать: этого не может быть, это нам снится, мы все в бреду. Но так как было бесспорно, в то же время, что все не только не спят, но бешеные темпы жизни и работы, не говоря уже о массовых арестах, никому не дают спокойно провести хотя бы одну ночь, то начинало ощущаться, как сквозь повседневную вакханалию просвечивает вакханалия какая-то нездешняя, непостижимая и уже совершенно нечеловеческая.

Возросли репрессии. Волна за волной арестовывались и получали двадцатипятилетние сроки заключения или расстрел одна категория граждан за другой. В тюрьмах и трудлагерях толпились в общем столпотворении фашисты и коммунисты, троцкисты и белоэмигранты, интеллигенты и колхозники, генералы и дезертиры, рабочие и священники, безбожники и сектанты, православные и евреи, хулиганы и монахи, бандиты и непротивленцы, проститутки и ученые, воры и философы, толстовцы и педерасты, секретари обкомов и бандеровцы, инженеры и партизаны. Расплатились за свои проступки, действительные или мнимые, все, остававшиеся на территории, в свое время оккупированной немцами, и все, принимавшие прямое или косвенное участие в украинском и прибалтийском движении за независи-

мость, — все, заподозренные в сочувствии контрпартизанам или в неумеренных симпатиях к государству Израиль. Те, кто побывал в немецком плену и, поддавшись тоске по родине и близким, рискнул вернуться домой, и те, кто находился в частях советской Армии, оккупировавших Центральную Европу, а возвратившись в Россию, поделился некоторыми наблюдениями и выводами. Те, кто рассказал какой-нибудь анекдот, и те, кто писал на имя вождя послания в детской надежде раскрыть ему глаза на совершающиеся беззакония. Отправились в Воркуту, Караганду, на Колыму или в Потьму и все те, кто имел когда-нибудь несчастие побеседовать с иностранцем; кто выразил сомнение в целесообразности какого бы то ни было государственного мероприятия, партийной установки, правительственного указа. Люди, когда-либо в раздражении пожелавшие при ком-нибудь из близких, чтобы отец народов поскорее покинул этот свет, привлекались по обвинению в замысле террористического акта против вождя; привлекались и те, в чьем присутствии было высказано роковое пожелание, и их родственники, и их знакомые, и знакомые знакомых. Пытками добивались признания в том, чего никогда не было. Несколько тысяч работников ленинградской партийной организации поплатились кто смертью, кто многолетним тюремным заключением за выдуманную, никогда не имевшую места в действительности попытку отделить Ленинградскую область от советской метрополии. Ни абсурдность обвинений, ни смехотворность улик никого не смущали. Дело громоздилось на дело, фабрикация на фабрикацию. В любом уголке страны трудно было встретить семью, не потерявшую в лагерях и тюрьмах кого-нибудь из своих членов; многие семьи выкорчевывались целиком. Все процессуальные нормы, всякая законность отбрасывалась, как только человек оказывался подследственным по знаменитой 58-й статье Уголовного кодекса, то есть политическим преступником. Вернулись к средневековым способам выколачивания признаний; опыт инквизиции припомнили и использовали, обогатив его приемами новыми, соответствовавшими другому уровню технического развития. Широчайшая сеть штатных и нештатных осведомителей опутывала общество — от членов Политбюро до туркменских чабанов и украинских доярок. Можно ли не вспомнить повсеместную сеть шпионов и доносчиков, насажденных Угрюм-Бурчеевым в каждом доме славного города Непреклонска, и того, что Щедрин определил как всеобщий панический страх?

Страх, плотный, удушающий, застящий солнечный свет, отнимающий у жизни всякую радость и смысл, простерся над обществом и пропитал собою каждую мысль, каждое чувство, каждое слово человека. Он усугублялся еще и тем, что из лагерей, вопреки всему, просачивались смутные и тем более жуткие слухи о режиме, царствовавшем там, о вымирании целых лагерей от голода, о невыполнимых производственных нормах для заключенных, о садизме начальников и надзора, об умерщвлении провинившихся в чем-нибудь неслыханными способами, вроде привязывания в голом виде к дереву или столбу на пожирание комарам и сибирскому гнусу.

В лагерях создавался режим, убивавший не только физически, но и духовно. Доведенные до потери человеческого облика издевательствами, непосильным трудом, слежкой друг за другом и доносами, недоеданием и

недостатком медицинской помощи, люди задолго до своей смерти утрачивали волю к нравственному сопротивлению. Политических заключенных, половина которых была неповинна ни в чем, а половина другой половины виновна в проступках, за которые в любом другом государстве их присудили бы к нескольким неделям заключения или к незначительному штрафу, — этих людей вплоть до <19>49 г<ода> расселяли вперемешку с бандитами, с прожженными убийцами и насильниками и с несовершеннолетними, которых общение со взрослыми преступниками развращало до конца. Мысль об исправлении преступников никому не приходила даже в голову, и лагеря превратились в гигантские растлевалища. Между национальными группами провоцировалась вражда, доходившая до взаимных кровавых побоищ. Воцарилась обстановка, в которой только единицы могли выдержать, не искалечившись психически и морально. Основную же массу несчастных освобождение не ожидало и за гробом: растление своего эфирного тела и груз кармы увлекают эти скопища душ в серые котловины Скривнуса, в безмолвную тьму Морода, в жуткий Агр, и всего Синклита России не хватало на то, чтобы облегчить и ускорить их подъем из угрюмых чистилищ.

Он к неизведанным безднам
Гонит людей, как стада,
Посохом гонит железным...

Когда эта книга сможет увидеть свет, увидят его и десятки других — и личных воспоминаний, и документальных сводок, и исторических исследований, которые с исчерпывающей полнотой воссоздадут картину того массового кошмара, в который было погружено существование двадцати — если не более — миллионов. Раскроются до конца и отдельные преступления над крупными деятелями советского государства: странная история о том, зачем, как и по чьему внушению был убит Киров, как погибли Косиор, Постышев, Рудзутак, Орджоникидзе, Тухачевский, Куйбышев, Вознесенский, Жданов; каким чудом удалось уберечься от такого же конца Хрущеву, Маленкову, даже самому Молотову. Наши внуки узнают, зачем и почему были оборваны жизненные пути таких деятелей культуры, как Всеволод Мейерхольд, Борис Пильняк, Осип Мандельштам, Николай Клюев, Сергей Клычков, Артем Веселый, Николай Вавилов, Павел Флоренский. Но они не узнают никогда, сколько замечательных талантов, сколько писателей и поэтов, художников и артистов, мыслителей и ученых, чьи имена могли бы стать гордостью России, но остались не известными никому, а от творений их не сбереглось даже пепла, — сколько таких творцов было уничтожено сатанинской машиной, носившей, точно в насмешку, наименование органов «безопасности».

Нельзя, конечно, найти ни одного смягчающего обстоятельства при рассмотрении деятельности таких палачей народных множеств, как Ежов, Абакумов и Берия. Но ребячеством была бы попытка переложить исключительно на них ответственность за эти гекатомбы. Достаточно ясно, чья верховная воля действовала через эти зловещие фигуры и какой инспиратор, поочередно ставя их к рулю дьявольской машины, думал, что сам он останется при этом в глазах народа суровым, но справедливым, как пастырь телес и душ.

Но тот, кто сеял кругом этот панический, почти метафизический страх, жил и сам, согласно железной логике деяний, в постоянном страхе. Отравивший жизнь общества отравил и собственную жизнь, лишив себя какой бы то ни было радости, кроме наслаждения тиранствованием.

Даже Гитлер и Муссолини не были лишены личной храбрости. Они появлялись на парадах и праздниках в открытых машинах, они во время войны не раз показывались на передовой, и однажды Гитлер на русском фронте, застигнутый внезапным появлением танковой колонны врага, едва избежал пленения. Сталин за все время своего правления ни разу не проявил ни проблеска личной храбрости. Напротив, он вечно трясся за свое физическое существование, воздвигнув до самых небес вокруг себя непроницаемую стену. Вероятно, это было связано с тем, что он, в состоянии хохха прозревавший ужасную перспективу, которая неизбежно поглотила бы его в случае смерти, яснее других понимал, что смерть для него будет не просто провалом в небытие, а неотвратимым падением сквозь муки магм и Ядра на Дно Шаданакара. Естественно, что он цеплялся за жизнь как мог, пока наука не додумается до способов сделать его физически бессмертным. Но с годами этот страх смерти стал перерастать в манию преследования. Это была та самая мания, которая отравила жизнь и многим другим тиранам. Она измучила Тиберия и Домициана, она терзала Людовика XI и султана Алла-эд-Дина, она доводила до сумасшествия Грозного и Павла I. Притом она оставалась лишь одной стороной более общего психического расстройства, того самого, которое носит в психиатрии название кесарского помешательства. Заключается оно в сочетании мании преследования, во-первых, с садизмом, с неутолимой жаждой крови и чужих страданий, а во-вторых, с верой в свое безмерное превосходство над всеми людьми прошлого и настоящего и с утратой ясного представления о границах своего могущества. Как правило, кесарское помешательство деспота выражается внешне в усилении беззаконных и бесчеловечных расправ, в принятии преувеличенных мер к собственной безопасности, в неустанных заботах о самопрославлении и в цепочке грандиозных, но зачастую ненужных для государства, даже нелепых строительных начинаниях. Калигула, например, заставлял насыпать горы на ровном месте и копать целые озера на месте гор ради одного морского парада, а позднее замыслил построить новый Рим высоко над миром, на ледниках Альп. Всем известны также грандиозные и бессмысленные начинания Нерона, Домициана, Гелиогабала. Все это было бесполезно для общества или предпринималось под предлогом этой пользы, в действительности же — только ради прославления владыки. Подобные постройки должны потрясать воображение сверхъестественными размерами и роскошью отделки. Такими сооружениями Сталина были безвкусно-великолепные станции московского метрополитена, неоправданно дорогие высотные здания, бездарный, хотя и грандиозный, университет или разукрашенные со странным, неуместным роскошеством шлюзы Волгодона. На эти, как выразился впоследствии Хрущев, «архитектурные излишества» бросались неимоверные суммы — опять-таки не в интересах народа или государства, а только для прославления самого себя.

Удивительно, что после столь ясного и наглядного урока некоторые теоретики еще и теперь продолжают нарочито преуменьшать роль личности в истории. Кажется, уже начинает забываться, как отпечаток данной личности, даже ее совершенно частных привычек и склонностей, накладывался на жизнь огромного общества. Сталин, например, любил работать по ночам. Этого было достаточно, чтобы весь государственный аппарат перестроил свою работу на противоестественный ночной лад. Ни один из ответственных работников, даже ни один рядовой инженер не мог обеспечить себе ночью нормальный сон, его то и дело поднимали с постели по телефону и вызывали на производство, а десятки тысяч работников и вовсе ложились спать не ночью, а утром. Спали урывками, в два-три приема, лишались возможности проводить вечера в кругу семьи, посетить театр или концерт, не смели, даже находясь в отпуску, уехать куда-нибудь, не оставив начальству своего адреса. Так продолжалось не месяц, не год, но лет пятнадцать.

Отчасти от страха перед выступлением с трибуны даже перед десять раз «просеянной» аудиторией, отчасти от величайшего презрения к народу, над которым он мог себе позволить все что хотел, Сталин в последние годы своей жизни почти не появлялся публично. А когда в 1949 году было с такой помпой, какой не знала всемирная история, и с таким раболепием, какого она тоже не знала, отпраздновано его 70-летие, он, присутствуя на банкете и на концерте, данных в его честь с пышностью «Тысячи и одной ночи», не проронил ни единого звука. Наглость перешла все границы. Даже слова самой простой благодарности не сорвалось с его языка. Он казался мрачным и недовольным, хотя оставалось совершенно непонятно — чем.

В самом деле: это был как раз зенит его могущества. Завершалась его последняя великая международная акция: коммунизация Китая. Что же его угнетало? Изобретение американцами водородной бомбы? Но Советский Союз и сам овладевал уже термоядерным оружием. Или проявилось просто минутное дурное настроение, какое бывает у всякого деспота? Но хотя бы ради декорума можно было в присутствии десятков иностранных наблюдателей подавить это скверное настроение в такой знаменательный день, перед лицом буквально всего мира. Очевидно, что-то более глубокое, не поддающееся усилиям воли, грызло его. Это было знание о том, что происходит вне Энрофа — знание, почерпаемое им в состоянии хохха.

Не знаю, видел ли его когда бы то ни было кто-нибудь в этом состоянии. В 30-х и 40-х годах он владел хоххой настолько, что зачастую ему удавалось вызвать ее по своему желанию. Обычно это происходило к концу ночи, причем зимою чаще, чем летом: тогда мешал слишком ранний рассвет. Все думали, что он отдыхает, спит, и уж конечно, никто не дерзнул бы нарушить его покой ни при каких обстоятельствах. Впрочем, войти никто не смог бы, даже если бы захотел, так как дверь он запирал изнутри. Свет в комнате оставался затенен, но не погашен. И если бы кто-нибудь невидимый проник туда в этот час, он застал бы вождя не спящим, а сидящим в глубоком, покойном кресле. Выражение лица, какого не видел у него никто никогда, произвело бы воистину потрясающее впечатление. Колоссально расширившиеся, черные глаза смотрели в пространство немигающим взором. Странный ма-

товый румянец проступал на коже щек, совершенно утративших свою обычную маслянистость. Морщины казались исчезнувшими, все лицо неузнаваемо помолодевшим. Кожа лба натягивалась так, что лоб казался больше обычного. Дыхание было редким и очень глубоким. Руки покоились на подлокотниках, пальцы временами слабо перебирали по их краям.

Хохха — это, собственно, не состояние, а целый тип состояний, отличающихся одно от другого тем, с каким именно слоем и с какою из темных иерархий вступает в общение духовидец. Но во всех случаях физические предметы окружения смутно проступают для него сквозь картины иных слоев. Если бы каким-нибудь чудом кто-либо из людей вошел в эту минуту в комнату, визионер его различил бы и, хотя не сразу, мог бы переключиться в обычный план.

У Сталина наиболее частыми были такие хохха, когда он общался с великим игвой Друккарга и с Жругром; иногда его удостаивал непосредственной инспирацией и сам Урпарп. Было, кроме того, еще одно невидимое существо, специально к нему приставленное, его постоянный советчик, один из обитателей Гашшарвы, нечто вроде антидаймона.

В состоянии хохха Сталин многократно входил в Гашшарву, в Друккарг, где был виден не только великим игвам, но и некоторым другим. Издалека ему показывали Дигм. Он осторожно был проведен, как бы инкогнито, через некоторые участки Мудгабра и Юнукамна, созерцал чистилище и слои магм. Издали, извне и очень смутно он видел даже затомис России и однажды явился свидетелем, как туда спустился, приняв просветленное тело, Иисус Христос. Но эта встреча не вызвала в темном духовидце ничего, кроме усиления смертельной ненависти, и именно поэтому она была допущена Урпарпом.

Хохха вливала в это существо громадную энергию, и на утро, появляясь среди своих приближенных, он поражал всех таким нечеловеческим зарядом сил, что этого одного было бы достаточно для их волевого порабощения.

Именно в состояниях хохха, следовавших одно за другим накануне его 70-летия на протяжении нескольких ночей, он уяснил себе в общих чертах очень неприятные для него события, происходившие тогда в Российской метакультуре и в смежных с ней областях. Он явился безмолвным и бессильным свидетелем одной из жесточайших потусторонних битв. Демиурги России, Китая, Махаяны, Индомалайской метакультуры и обеих метакультур Запада сражались со Жругром и с Лай-Чжоем, его новым союзником — странным детищем двух уицраоров, российского и китайского. Уицраоры не были уничтожены, но их экспансия решительно приостановлена. Вокруг них был очерчен нерушимый круг.

Попытки уицраоров перейти, спустя некоторое время, опять в наступление, не привели в шрастрах ни к чему, а в Энрофе завершились трехлетней войной в Корее, после которой пришлось вернуться к исходному положению.

Тогда был взят курс «ва-банк» — на быстрейшую подготовку и развязывание Третьей мировой войны, ибо дальнейший ход процессов грозил привести к перемещению силы тяжести в Северо-западный шрастр и к переносу санкции Гагтунгра со Жругра на Стэбинга.

Постоянными усилиями демонических сил вокруг Сталина было соткано нечто вроде непроницаемых тенет мрака. Никакое воздействие Провиденциальных начал до него не достигало, пока наконец после неимоверных усилий со стороны синклитов — и не только русского — однажды во время его пребывания в хоххе эти тенета были прорваны на короткий миг. В этот миг ему были показаны — не панорамы светлых миров — это только усилило бы его ненависть — но отдаленные этапы его собственного грядущего пути, его возможное воплощение антихристом и конечная катастрофа: сбрасывание на Дно Галактики — то самое, где нет никаких времен, — страдалище, страшнее и безвыходнее которого не существует в мироздании. Эта была ночь непередаваемого ужаса. Ужас был таким, что на несколько минут все его существо воспламенилось отчаянною молитвой — спасти его, предотвратить его дальнейшие шаги по этой дороге. Минуты прошли. Гордыня, упрямство и жажда беспредельной власти возобладали. Но эта ночь, случившаяся в 1952 году, возымела некоторое действие. Погружения в хохху после этого уже не вливали в него новых сил. Сказалась, может быть, и слишком тяжкая психологическая нагрузка — это вечное хождение в маске материализма, марксизма, эта постоянная двойная жизнь. Он как бы надорвался. Силы продолжали вливаться уже только от Жругра через постоянный канал инвольтации. За короткое время вождь постарел, а постоянные физические недомогания окончательно подрывали его нервное равновесие.

Разрывал его и страх перед новыми соперниками. Первым, совершенно явным, был, конечно, Стэбинг. Однако такого человекоорудия Гагтунгра, которое могло бы стать новым кандидатом в антихристы, в верхних кругах американскою народа не намечалось. Но сознание, рассудок и некоторые неотчетливые сведения, получаемые от земных источников информации, вносили теперь такую путаницу, что вождю начал мерещится еще не открытый им в виде конкретного человеческого существа, но уже родившийся где-то в Энрофе страшный соперник, более пугающий, чем Гитлер. И подобно тому как сам он, владычествуя в России, по крови и духу был не русским, а грузином, так и потенциальный соперник мерещился ему не американцем по рождению. Ему представлялось, что этот кандидат должен выйти из недр мирового еврейства: о том, что в еврействе имеются некоторые узкие круги, носящиеся с затеей выпестовать всемирного владыку, он знал. И он решил, что неспроста Гитлер так беспощадно расправлялся именно с еврейским народом. Только не следовало действовать так топорно. Следовало постепенно выселить по крайней мере евреев Советского Союза в особые зоны, где и можно было бы как следует их прощупать — всех до единого.

Сознание начинало давать перебои.

Тем опаснее представлялось дальнейшее пребывание у власти этого существа, утратившего последние представления о соотношении вещей и масштабов. Урпарп не мог уже вливать в него ни своей энергии, ни эманации своего разума через хохху, и только Жругр продолжал еще пользоваться некоторым подобием пуповины, эфирным каналом инвольтации, соединявшим его с человекоорудием. Сам внушаемый великим демоническим разумом Шаданакара, уицраор готовился к решительному вторжению, вместе со

всей воинственной силой Друккарга и китайского шрастра, в шрастры других метакультур. Все активнее внушал он проводнику своей воли решимость развязать Третью мировую войну. Предполагалось, что нападение должно произойти совершенно внезапно, мгновенно и что несколько десятков водородных бомб, сброшенные в течение немногих часов на жизненные центры западных государств, сразу определят исход войны в пользу Доктрины. В противном же случае санкция Урпарпа перенеслась бы на Стэбинга, а Сталин, погибнув в Энрофе, был бы возможно скорее взят в Гашшарву для окончательной подготовки к последнему воплощению. Умостить историческую и социальную дорогу ко всемирной тирании в Энрофе тогда пришлось бы не Доктрине, а той концепции, которая победила бы ее и на основе космополитизма создала бы новое прельстительное универсальное учение. Демонический разум понимал, конечно, что разрушительная сила Третьей мировой войны вызовет опустошение целых стран, и это само по себе было ему нежелательно, но новый огромный приток гавваха был желателен в высшей степени. Кроме того, предполагалось, что молниеносный характер войны сузит масштабы возможных опустошений.

В первых числах марта 1953 года произошел решительный поединок между Яросветом и Жругром. Канал инвольтации, соединявший существо уицраора с его человекоорудием, был перерезан во мгновение ока. Если бы это можно было сделать раньше, настолько же раньше оборвалась бы и жизнь человекоорудия, так как никаких человеческих сил было недостаточно, чтобы выдерживать лежавшую на этой психике и на этом физическом организме нагрузку. Это совершилось около двух часов ночи. Через полчаса его сознание угасло, но агония продолжалась, как известно, несколько дней. Урпарп подхватил оборванный конец канала инвольтации и пытался сам влить в погибавшего силу и сознание. Это не удалось — отчасти потому, что несколько человек, сновавших у смертного ложа, постарались, чтобы он не вернулся к жизни. Мотивы, руководившие этими людьми, были различны. Некоторые боялись, что, если он останется во главе государства, он развяжет войну, а война рисовалась им как великое бедствие для всех и смертельная опасность для Доктрины. Но был среди приближенных и тот, кто столько лет стоял у руля механизма безопасности; он знал, что вождь уже наметил его как очередную жертву, очередную подачку глухо ропщущему народу; на него должна была быть возложена в глазах масс вся ответственность за миллионы невинно погибших. Кончина Сталина приоткрывала для него шанс к тому, чтобы самому занять его место. Линия его деятельности при жизни вождя диктовалась тремя мотивами: запугивать Сталина, раздувая и выдумывая физические опасности, якобы грозившие ему со всех сторон, держать страну в узде страха и немоты и этим самым утолять собственную жажду крови. Человек этот был носителем темной миссии, заключавшейся в умножении всенародных страданий, но сознание его было плоским и амистичным, как стол, а объем его личности и дарований — ничтожным. Это был Малюта Скуратов XX века.

Наконец великая минута настала: Сталин испустил дух.

От этого удара дрогнула Гашшарва. Друккарг огласился воплями ужаса и гнева. Жругр взвыл от ярости и боли. Полчища демонов взмыли из глубин

в верхние слои инфракосмоса, стараясь затормозить падение умершего в пучину магм.

Горестное беснование передалось в Энроф. Похороны вождя, вернее, перенос его тела в мавзолей, превратились в идиотическое столпотворение. Морок его имени и его дел был так велик, что сотни тысяч людей восприняли его смерть как несчастие. Даже в тюремных камерах некоторые плакали о том, что же теперь будет. Толпы, никогда не удостаивавшиеся чести видеть вождя при его жизни, теперь жаждали улицезреть его хотя бы в гробу. Москва являла собой картину Бедлама, увеличенного до размеров мирового города. Толпы залили весь центр, пытаясь пробиться к Дому Союзов, где был выставлен для обозрения труп тирана и откуда должно было выступить траурное шествие. Прилегающие улицы превратились в Ходынку. Люди гибли, раздавливаемые о стены домов и столбы фонарей, растаптываемые под ногами, срывающиеся с крыш многоэтажных домов, по которым они пробовали миновать клокотавшее внизу человеческое месиво. Казалось, будто он, питавшийся всю жизнь испарениями страданий и крови, даже из-за гроба тянул к себе в инфракосмос горы жертв.

Ему, всегда отгонявшему от себя мысль о смерти, не озаботившемуся даже о сооружении для себя достойной усыпальницы, теперь приходилось улечься в саркофаг рядом с саркофагом его предшественника и, с вынутым мозгом, с телом, пропитанным консервирующими составами, стать объектом поклонения толп и толп. Впрочем, раз уж пришлось умереть, он желал бы именно такой странной формы упокоения. Эманация благоговейно склоняющихся людских множеств вливала бы в него силы даже и в загробном пути, пока спуск еще не увлек его слишком глубоко. Но мумификация и соответствующая перестройка мавзолея требовали времени, а время не ждало.

Странно, что никто в свое время, после смерти Ленина, не обратил серьезного внимания на магический, вернее, демонический характер этого никогда и нигде не применявшегося способа создания квазимощей. Не задумывались над тем, как не вяжется это создание центра заупокойного культа ни с материалистической Доктриной, ни с личной скромностью первого вождя, ни со всей психологической атмосферой революционного движения. Инициатором создания мавзолея был второй вождь. Не знаю, руководила ли им тогда бессознательная интуиция или он уже тогда понимал, что в ту минуту, когда из тела Ленина был вынут мозг, этим самым актом была порвана связь внутри эфирного тела усопшего: это тело было лишено своего жизненного центра и распалось, а эфирный мозг усопшего — так называемый *рахт* — был подхвачен по воле Урпарпа Великим Игвой Друккарга и его помощниками. Там, в Друккарге, рахт был помещен и бережно предохраняем от разложения в конусе главного капища, где игвы поддерживали в нем потенциальную жизнь. Если бы, пройдя свой искупительный искус в нижних слоях, первый вождь достиг бы когда-нибудь Друккарга, он принял бы свой рахт в себя как центр своего нового эфиротела. Среди античеловечества это прогремело бы как величайшее чудо, герой и чудотворец воцарился бы в Друккарге, и одно это значило бы для объединения всех шрастров в покорный Гагтунгру монолит больше, чем все воинственные предприятия Жругров.

Но после мучений на Дне и в других слоях, достигнув через много лет Друккарга, первый вождь отказался принять свой рахт. Умудренный страшным опытом преисподних, он понял, чем это грозит для него и для всего человечества. Тогда разъярившийся Жругр втянул его и сбросил на Дно опять. Но он уже был бессилен противостоять силам Синклита в дальнейшем влиянии на посмертье первого вождя, ибо шельт усопшего стал им открыт и доступен после совершенного им героического выбора. Сброшенный на Дно был почти сразу поднят стремительно вверх, в Олирну, чтобы после ряда лет в мирах Просветления включиться в творение блаженной Аримойи — грядущего всечеловеческого затомиса.

Первый вождь отказался принять свой рахт; второй же теперь возлагал свои надежды именно на это. И он сам, и Урпарп, и демоны из Гашшарвы всеми силами тормозили его кармический спуск, дабы в серых туннелях Шимбига, смежных с Друккаргом, дать возможность выкормышу Гаггунгра пробиться в российский шрастр и завладеть своим рахтом. Несколько месяцев длился этот тормозящийся спуск. Полгода боролись силы тьмы против действия кармического груза, увлекавшего жуткого покойника вниз и вниз. Они вливали в него такую мощь, что голос его гремел по всем чистилищам, достигал шрастров, докатывался до самого Энрофа и там повергал в содрогание и трепет тех, кто расслышал его. Самое опасное произошло в Шим-биге в октябре <19>53 года. Падавший вырвался из рук блюстителей кармы. Он был уже почти не похож на свой человеческий облик, но невообразимо страшен и силен. Его тело состояло из бурых клубов, а огромные глазницы, казавшиеся слепыми, были почти всезрящими. Несомый на крыльях ангелов мрака, он взмыл к воротам Друккарга. Жругр спешил к нему на помощь, игвы и ругги ликовали в экстатическом восторге.

Там, у стен российского шрастра, разыгралась одна из величайших битв. Сил Синклита России и ее демиурга оказалось недостаточно. На помощь устремились ангелы, даймоны и многие просветленные из других метакультур. Некоторое время врывавшегося удерживал у самого входа в Друккарг великий человекодух того, кто был на земле Авраамом Линкольном. Наконец послышался топот белого всадника, устремлявшегося с высот Синклита Мира сюда, в шрастр. Узурпатор был окутан волевым оружием Александра Благословенного и передан блюстителям кармы. Вопль, сотрясавший столько дней чуть ли не половину Шаданакара, стал глохнуть и глохнуть, пока не умолк совсем. Это спускаемый вниз внедрился в сверхтяжелые магмы и стал погружаться дальше и дальше, на одномерное Дно.

Глава четвертая
К МЕТАИСТОРИИ НАШИХ ДНЕЙ

В третий раз повторялось в истории России одно и то же, но на этот раз в размерах, далеко превосходивших оба предыдущих случая. Подобно Иоанну IV и Николаю I, Сталин знаменовал собой зенит мощи очередного демона великодержавия, его открытую борьбу с демиургом и Синклитом,

доведение тиранической тенденции до предела и начало процесса государственной гибели.

Те, кому пришлось взять бразды правления во дни, когда его гроб еще красовался в Доме Союзов и к нему тянулись нескончаемые ленты умиленных и потрясенных москвичей, впервые могли ознакомиться со всеми ужасами, творившимися за помпезным фасадом этой диктатуры. Раньше каждому из них было строго указано: «от сих мест — до сих!», и при покойнике только один руководитель органов безопасности знал несколько больше своих коллег. Правда, многие вопросы выносились Сталиным на обсуждение в Политбюро (позднее в Президиум ЦК) и в Совет министров, но, во-первых, эти обсуждения были слишком формальны, а решения Сталина — безапелляционны, а во-вторых, еще больше было вопросов, ни на какое обсуждение не выносившихся. Конечно, всеми чувствовалось, что в стране далеко не все благополучно, но никто не мог нарисовать себе общей панорамы. Теперь завеса тайны начала спадать, и первые, перед кем она ниспала, были члены Президиума ЦК.

Конклав узнал, что не то одна восьмая, не то одна пятая часть населения страны находится в лагерях и тюрьмах. Что память о невинно погибших или прошедших сквозь многолетние мучения должна жить едва ли не в каждой семье. Разверзлось перед конклавом и многое другое. Кошмарное падение производительности сельского хозяйства; обезлюдение деревень, перманентно недоедающие города; нехватка товаров широкого потребления; устрашающий рост уголовных преступлений и, в частности, детской преступности; блат, пронизывающий всю систему и весь быт граждан; недовольство, охватившее все слои общества, за исключением тонкой привилегированной прослойки.

«Изнуренные, обруганные и уничтоженные», члены конклава «после долгого перерыва в первый раз вздохнули свободно. Они взглянули друг на друга — и вдруг устыдились. Они не понимали, что именно произошло вокруг них, но чувствовали, что воздух наполнен сквернословием и что далее дышать в этом воздухе невозможно».

А сквернословием воздух был наполнен даже в залах международных сборищ. Покойник, сидя у себя дома, не привык стесняться в выражениях; это обыкновение перенесли его дипломаты и за рубеж. Наглые требования, облеченные в хамский тон, давно не оставили ничего от традиционной дипломатической вежливости. Главное же, международная атмосфера была накалена до того, что Третья мировая война могла вспыхнуть в любую минуту. Западный блок держав, отставáвший в вопросе количественного показателя своих армий, был все еще впереди в области термоядерного оружия. Коммунистический Китай — последнее достижение покойника — весьма не скоро еще мог бы заставить считаться с собой как с великой военной державой; да и можно ли было полагаться на его руководителей твердо и безоговорочно? Всюду были затянуты натуго такие узлы международной политики, которые, казалось, могли быть разрублены только мечом. Существование двух антагонистических Германий; двух антагонистических Вьетнамов и даже двух Китаев; Польша, утерявшая свои восточные земли,

присоединенные к Советскому Союзу, и компенсированная немецкими территориями, от которых большинство немцев не собиралось отказываться; Корея, после трех лет братоубийственной войны возвращающаяся к исходному положению — к раздробленности на две непримиримо враждебных половины; пороховой погреб в виде группы арабских государств, революционизация которых уже началась, но уйти из которых западные державы не могли иначе как в итоге мирового пожара... А в довершение всего военная машина, с которой покойный вождь бросался в опасные авантюры и даже собирался ринуться в пучину Третьей мировой войны, в действительности еще не достигла той мощности, при которой исход этой войны был бы предрешен в пользу Советского Союза. К тому же в обеих коалициях с каждым новым годом истребительная сила новых видов термоядерного оружия возрастала в какой-то дикой прогрессии. Начинало становиться достаточно ясным, что если бы даже советская сторона восторжествовала в предстоящей схватке, это было бы торжество над странами, превращенными в радиоактивную пустыню.

Сталин оставил ужасное наследие.

Но, к сожалению, они все еще «не понимали, что именно произошло вокруг них». Источник ошибок и злосчастий был определен как «культ личности», но они не в состоянии были понять, что этот источник — не случаен, что Россия переживает нечто подобное уже в третий раз и что сами они в силу роковой исторической — и метаисторической — логики вынуждены будут разыгрывать на свой лад политические роли, которые уже сыграли три с половиной века назад Федор Иоаннович, Годунов и Шуйский, а сто или пятьдесят лет назад — Александр II, Александр III и Николай II. Опять придется сидеть между двух стульев, то признавая ошибки и даже преступления усопшего тирана и отмежевываясь от них, то признавая свою политическую от него преемственность; опять придется пойти на мелкие подачки ропщущему народу, а через год или два забить отбой, так как в приоткрытый клапан ринутся пары такого негодования, гнева и ненависти, которые выльются уже в настоящие волнения, даже восстания, и будут грозить гибелью всей системы; придется сделать попытки умаслить волнующееся крестьянство, хотя корень зла — колхозный принцип — надо будет оставить нетронутым, ибо отказ от него вызвал бы такие потрясения, и экономические, и идеологические, кои выходят за пределы воображения; придется признать ошибкой то, что при Сталине выделялось слишком мало средств на развитие легкой промышленности и на производство средств потребления, — такое признание вызовет у населения самый горячий отклик, — а через год или два вернуться к прежнему тезису, ибо отход от него вызовет отставание в гонке вооружений; придется озаботиться смягчением международной обстановки и стараться отсрочить Третью мировую войну — для этого следует пойти на небольшие, но эффектные уступки и поддерживать всеобщую борьбу за мир, но на серьезное изменение курса идти нельзя, ибо Америка, конечно, не замедлит этим воспользоваться. Короче говоря, придется изворачиваться, как на горячей сковороде, то обжигая один бок об угрозу мировой войны, то другой бок — об угрозу внутренних переворотов.

Мы дошли до метаистории современности. Но современность тем и отличается от прошлого, что мы никогда не располагаем в своем знании о ней той суммой фактов, какой располагаем относительно даже самых темных эпох прошлого. Тем более это относится к странам с таким режимом, который чурается гласности и не публикует почти никаких статистических данных (засекречено почти все, начиная от расходов на вооружение и кончая численностью уголовных преступлений, самоубийств или жертв уличного движения). Не менее глухим покровом тайны увиты и те пружины, благодаря которым с руководящих постов исчезают одни лица и появляются другие. Граждане являются зрителями какой-то странной пантомимы: некие таинственные фигуры, прославляемые всеми средствами агитации и пропаганды, но даже о семейных обстоятельствах, привычках, вкусах и характерах которых хранится гробовое молчание, — эти фигуры, вознесенные на недосягаемую высоту, как бы в стратосферу общества, и видимые всему земному шару, делают движения руками, головой, всем торсом для того, чтобы внезапно исчезнуть неизвестно куда и почему и быть замененными следующими, на которых в свою очередь будет взирать человечество, терзаемое непостижимым смыслом и целью этого загадочного балета.

Метаисторическое познание современности лишено возможности опираться на знание необходимого количества исторических фактов. Поэтому, хотя ему удается иногда теми или иными методами восполнить эти пробелы и понять те силы, которые движут человекоорудиями наших дней, но незаполненных пробелов остается еще больше, и общая картина ни в коем случае не может претендовать на ту полноту, которой отличаются метаисторические картины некоторых прошлых эпох.

Люди, оказавшиеся у власти после смерти Сталина, были в качестве государственных деятелей существами двойственной, даже тройственной природы. Все они были, так или иначе, звездами его плеяды. Все они выдвинулись при нем и благодаря ему, все они были воспитаны в его политической школе. При нем они дрожали, правда, за свое существование, а в глубине души возмущались многими из его действий. Но та Доктрина, которая для него была лишь маской, а отчасти — руководством к практическому действию, для них была наивысшей истиной, их искренним убеждением, их заветным кредо. Нельзя ожидать от обыкновенного человека, деятельность которого на протяжении всей жизни протекала, например, в лоне православной церкви, чтобы он на старости лет нашел в себе достаточно свежести ума, гибкости и широты, необходимых для переосмысления собственной деятельности и всего своего миропонимания. Подобное переосмысление было бы для него катастрофой, творческим и жизненным банкротством, и уж конечно, после этого он не был бы способен ни к какой активной общественной деятельности. Точно так же не могло подобное коренное переосмысление Доктрины потрясти умственную сферу этих людей, всю жизнь мысливших, чувствовавших и действовавших по ее указаниям.

Другой стороной этой группы людей как государственных деятелей была жестокая травмированность произволом усопшего деспота. Созерцая картину внутреннего гниения общества — результат этой тирании — и вспо-

миная обстановку вечного страха и неуверенности за собственную жизнь, в которой они существовали и работали столько лет, они начинали бояться больше всего рецидивов прошлого, то есть появления среди них некоего второго Сталина, который опять скрутил бы всех в бараний рог и повергнул бы страну в окончательную бездну. Поэтому они старались принять меры к тому, чтобы печальное прошлое не повторилось. И взамен идеи о полноте коллективного разума, нашедшего свое конкретное воплощение в разуме гениального вождя, была воскрешена и громогласно возвещена идея коллегиальности — идея всенародного разума, воплощенного в коллективе ЦК и его Президиума.

Но некоторые из этой группы лиц обладали еще и третьей стороной — конечно, тщательно скрываемой от остальных. Это была тайная надежда на то, что постепенно из этого коллектива выдвинется опять единый полновластный вождь, и этим вождем будет именно он. Невозможно сказать, разумеется, сколько именно человек из этого конклава таили в себе подобное упование, но, во всяком случае, число их было не меньше трех.

Не нужно подозревать, однако, в таких поползновениях всех трех членов того первого триумвирата, который возник как наглядное доказательство победы идеи коллегиальности сразу же после смерти деспота. С уверенностью можно сказать, что о единовластии мечтал только один из них — тот самый, что пятнадцать лет стоял у кормила органов государственной безопасности. Только смерть Сталина спасла его от страшной расплаты. Но в глазах остальных он был уже разоблачен как массовый палач, как виновник гибели миллионов невинных. Он не мог надеяться на то, что его долго будут терпеть в составе триумвирата. Поэтому ему оставалось одно — отчаянная попытка переворота и узурпации верховной власти. Если бы этот план осуществился, это означало бы возвращение к сталинскому режиму и курс на мировую войну. К счастью, попытка была вовремя пресечена, виновник расстрелян, и на первых порах на него попытались свалить ответственность за массовые нарушения социалистической законности. Его объявили как бы самозванцем, не имевшим ни малейших прав на престол и гнуснейшими махинациями едва не добившимся такого положения, при котором он мог бы развивать худшие из тенденций того, чьим прямым продолжателем он себя считал: не своего физического отца, конечно, как думал то в свое время Лжедмитрий, а своего отца духовного, своего учителя и пестуна. Не обошлось и без разоблачений истинных или выдуманных фактов, будто злоумышленник был связан с зарубежным врагом, кующим меч против Московского государства: на этот раз не с Польшей, конечно, великодержавное значение которой давно отошло в область преданий, а с Англией.

Падение этого самозванца было воспринято в трудовых лагерях как признак того, что сталинский режим должен измениться в корне. Режим мест заключения, действительно, был смягчен. Но этого уже было мало: ждали и требовали пересмотра дел и освобождения. Терпение начало иссякать, и самые отчаянные или отчаявшиеся подняли в лагерях свой голос. Голоса слились воедино, и такие цитадели безопасности, как знаменитая Воркута, каторжные лагеря Норильска, Караганда, Колыма, сотряслись забастовками и

восстаниями. Волнения, так или иначе, были подавлены, а с другой стороны, начали восстанавливаться законные методы судопроизводства. Но освободить сразу такое множество людей, вернуть их домой и обеспечить работой было невозможно; поэтому никто не мог понять, что его ждет, и общая напряженность не ослабевала.

Брешь, образовавшаяся в триумвирате, заполнилась между тем новой фигурой, еще раньше взявшей под свой контроль весь аппарат правящей партии. Прошел год, полтора — и из триумвирата выбыл, при довольно неясных пока обстоятельствах, еще один член, а в 1957 году — еще один. Вместо триумвирата во главе государства и партии оказался возвышающимся расторопный, хитрый, жизнерадостный, не лишенный добродушия человек, подвижной сангвиник, преисполненный решимости исправить ошибки деспота и способный на некоторые смелые повороты курса, но не обладавший той независимостью и свежестью ума, которые позволили бы ему пересмотреть коренные ошибки Доктрины и старой программы ее конкретного осуществления.

Конечно, от самых смутных догадок о метаисторической подкладке вещей он был так же далек, как и все остальные. Что и откуда, в самом деле, мог бы знать этот человек о смятении, воцарившемся в Друккарге, о вражде между игвами и раруггами, перерастающей в открытую борьбу, и о том, что санкция Гагтунгра, покрывавшая российского уицраора столько лет, может быть вот-вот перенесена на его смертельного врага?

Главное заключалось в том, что 1957 год принадлежал во многих отношениях уже к совсем другой эпохе, чем, например, 1952-й, вообще, чем все годы правления Сталина. В эпоху Сталина великий демонический разум еще мог смотреть на возможную Третью мировую войну как на беспримерный источник гавваха; при этом желательной представлялась победа Жругра — поэтому и санкция оставалась на нем, — но даже в случае победы американского уицраора можно было бы использовать эту победу для будущего объединения мира на почве нового бездуховного учения, возникающего из космополитической концепции. Но положение менялось, и притом в очень странном направлении. Сказочное возрастание в обеих коалициях мощи термоядерного оружия принуждало рассматривать вопрос под новым углом. Да, подобная война сулила бы, действительно, Монбланы и Эвересты гавваха. Но она сулила и нечто иное: она готова была поставить на очередь вопрос о физическом существовании человечества и уж во всяком случае привела бы к сокращению его численности едва ли не на четверть, к исчезновению целых стран с лица земли, к разрушению цивилизации, может быть, на целых континентах и, следовательно, к отбрасыванию человечества (в умственном, техническом и экономическом смысле) вспять на многие века. Вряд ли могла бы идти речь о каком бы то ни было объединении человечества после того, как физически уцелевшие территории оказались бы отделенными друг от друга зонами радиоактивных пустынь, их население — пораженным дотоле неизвестными болезнями на целые поколения вперед, а всеобщий крах экономики принудил бы остатки народов перейти к самым примитивным способам существования. Следовательно, цель абсолютной всемирной тирании

отодвинулась бы в неразличимую даль грядущих веков. Поэтому великий демонический разум отказался от идеи Третьей мировой войны и поэтому же он стремился воздействовать и на Жругра, и на Стэбинга, и на великих игв Друккарга и Мудгабра с тем, чтобы парализовать их воинственный пыл, им же самим столько лет подогревавшийся.

Создавалось положение, столь парадоксальное, какого мировая метаистория еще не знала: все иерархии Света и высшие из иерархий Тьмы стремились предотвратить планетарную военную катастрофу. Некоторые же из низших темных иерархий продолжали добиваться ее в ослепляющем бешенстве. Высокоинтеллектуальные и менее кровожадные игвы уже начинали проникаться пониманием гибельности этого устремления к войне во что бы то ни стало. Но распухший до фантастических размеров Жругр с его ограниченным разумом и феноменальным темпераментом и слышать не хотел об отказе от роковой схватки. Чем больше он распухал, тем больше его томил мучительный голод, и эманации народов советского государства уже было недостаточно, чтобы его утолить: надо было заставить эманировать для него новые и новые народы. Не хотели слышать об отказе от схватки и раругги; эти бешено злобные, алчные существа, какими только и могут быть аллозавры, претерпевшие миллионы лет инкарнаций в демонических слоях и давно облекшиеся в каррох, готовы были скорее на революцию в Друккарге, на низвержение великих игв и на экспансию «ва-банк» в другие шрастры, чем на прозябание в прежних условиях. Их интеллект был слишком слаб, чтобы взять под контроль эти воинствующие инстинкты.

Положение усложнялось еще и тем, что человек, укрепившийся во главе советской державы, не отличался ни кровожадностью, ни воинственностью. Согласно логике власти, он бессознательно выполнял воления Жругра, поскольку эти воления были направлены на внутреннее упорядочение государства и на умножение эманаций государственного комплекса человеческих чувств. Но его нежестокий от природы характер оставлял в существе его как бы ряд щелей, сквозь которые могла проструиваться в его подсознательную сферу также инспирация светлых начал. Если бы не эта инспирация, никакие разумные доводы не были бы в состоянии подвигнуть этого человека на такой головокружительный поворот внутренней политики, самое предположение о котором вызывало озноб ужаса в его коллегах, — поворот, выразившийся в разоблачении ряда преступлений Сталина и в массовом освобождении заключенных.

Трудно охватить и оценить потрясение умов, вызванное его выступлением на XX съезде партии. Обнародование, хотя бы и частичное, и запоздалое, и с оговорками, длинной цепи фантастически жутких фактов, виновным в которых оказывался тот, кого целые поколения почитали за величайшего гуманиста, прогремело, как своего рода взрыв психо-водородной бомбы, и волна, им вызванная, докатилась до отдаленнейших стран земного шара. А в России? В России «не понимали, что именно произошло вокруг них, но чувствовали, что далее дышать в этом воздухе невозможно. Была ли у них история, были ли в этой истории моменты, когда они имели возможность проявить свою самостоятельность? — ничего они не помнили. Помнили только, что у них были Иоанны, Петры, Бироны, Аракчеевы, Николаи, и в довершение позора этот ужасный, этот бесславный прохвост! И все это глушило, грызло, рвало зубами — во имя чего?..»

Предучел или не предучел тот, кто взял на себя неблагодарную роль главного разоблачителя, масштабы этого резонанса во всем мире, но, очевидно, он полагал, что сокрушительный удар, наносимый таким образом престижу Доктрины, может быть отчасти парализован аргументами в пользу того тезиса, что культ личности Сталина не вытекает из Доктрины, а, напротив, противоречит ей, что это — злокачественная опухоль, требующая иссечения.

Мириады заключенных, не чаявших спасения, устремились из лагерей по домам, сея повсюду рассказы о том, что творилось в этих страдалищах при тиране. Во многих учреждениях поспешно снимали со стен опостылевшие всем портреты второго вождя; в ряде городов народ сбросил с постаментов его статуи. В зарубежных компартиях воцарилось замешательство, перешедшее кое-где в настоящий раскол. В высших учебных заведениях Советского Союза брожение умов вылилось в организацию студенческих дискуссионных клубов, в групповые протесты против преподавателей и программ, в выпуск полулегальных или нелегальных журналов, даже в настоящие студенческие забастовки. В литературных и художественных кругах заговорили о смягчении обязательных идеологических установок. Все это показывало, что руководитель государства играет, пожалуй, с огнем. Предпочтительнее было сделать шаг назад, попытавшись неуклюже разъяснить, что покойный деспот был хоть и деспот, но, как ни странно, образцовый коммунист и что не следует сокрушать в прах все, что им сделано. Литература, искусство, человеческая мысль, едва высунувшиеся наружу, были заботливо водворены на прежнее место. И некоторые люди, озираясь с недоумением, начали убеждаться, что есть нечто общее между курсом третьего вождя и давними эпохами Бориса Годунова и Александра II: два шага вперед — полтора назад. А впереди, согласно печальному закону российской истории, уже маячил призрак реакции, то есть поворота вспять, как это уже случилось некогда в конце царствования Бориса и при Шуйском, а позднее — при Александре III и Николае II.

И все-таки при сравнении нового режима с режимом Сталина у всякого становилось теплее на сердце. Третий вождь был простым человеком, любившим жизнь и искренне желавшим, чтобы хорошо жилось не только ему, но и всем. К сожалению, однако, благих желаний недостаточно для того, чтобы на земле воцарился мир, а в человецех — благоволение. Если бы на нашей планете существовали только государства социалистического лагеря, можно было бы покончить с собственной военной машиной, а освободившиеся средства употребить на улучшение жизни масс. Но, поскольку закрыть Америку не удалось даже Сталину, приходилось одной рукой форсировать испытания новых и новых средств массового уничтожения и будоражить освободительное движение в странах капитализма, а другою — выпускать белых голубков мира, чтобы любоваться их курбетами на фоне грозовых туч. Хотелось даже самому превратиться в такого голубка и с пальмовой веткой в клюве перепархивать из страны в страну — в Югославию, в Индию, в Бирму, в государства мусульманского Востока, даже в упрямую и недоверчивую Англию. Но так как голу-

бок летал в то самое время, как по глубинным пластам передавались содрогания от разрыва новых и новых экспериментальных бомб, то всеобщий парадиз оставался лишь в мечтах, нисколько не влияя на трагическую реальность.

В том-то и было несчастье, что руководство никак не решалось пойти на уступки капитальные: ведь единственной серьезной уступкой, способной убедить врага в искренности русского миролюбия, был бы отказ от курса на революционизацию всех стран, прекращение поддержки соответствующих движений в Европе, на Ближнем Востоке, в Африке, в Латинской Америке. Сколь прикровенно ни совершалась эта поддержка, изобличающие факты выпирали то здесь, то там, обесценивая все тирады о мирном сосуществовании и возбуждая в великих капиталистических державах взрывы негодования и злобы. Особенно неистовствовал Стэбинг, опутавший щупальцами своих монополий и торговых фирм чуть ли не половину Энрофа. Этого экономического порабощения и высасывания ему было мало, это была только ступень. Поскольку в политическом отношении эти страны оставались независимыми, постольку в них не могла порождаться в заметных размерах и та эманация государственных чувств, которая была бы направлена к Соединенным Штатам и служила бы пищей для Стэбинга и для всего населения американского шрастра. Поэтому Стэбинг не мог удовлетвориться только экономическим проникновением в эти земли — ему требовалось и политическое их подчинение, которое сопровождалось бы включением их в государственную систему Соединенных Штатов, в их административно-полицейскую, идеологическую и воспитательную систему, порождающую бурную эманацию государственных чувств. Вместо же этого Стэбинг получал пинок за пинком. В Корее и Вьетнаме после взаимных побоев и укусов дело кончилось вничью, но в Китае его щупальцы были обрублены самым грубым образом, а впереди маячила опасность, что то же самое произойдет и во всех арабских странах. Поэтому каждый случай, когда Доктрина дискредитировала себя, подхватывался и раздувался так, чтобы вызвать повсеместное возмущение лицемерием и лживостью всех ее руководителей, будь то первый вождь, второй или третий.

Первым серьезным ударом, который нанес третий вождь по международному престижу Доктрины, было разоблачение злодейств его предшественника. Вторым ударом по этому престижу было военное вмешательство в дела охваченной антисоветским восстанием Венгрии. Но мог ли он поступить иначе? Когда и где допускал Жругр, чтобы у него из щупалец вырвали лакомый кусок? Какой уицраор был способен мирно созерцать, как у него под боком вместо верного сателлита оказывается вооруженный до зубов враг? Каковы бы ни были личные качества третьего вождя, сколь острое отвращение ни питал бы он к войне, но логика великодержавия часто становилась сильнее личных свойств его характера.

И все же именно его личные качества мешали Жругру. Они не давали ему превратить этого человека в свое беспрекословное орудие. Они делали политический курс колеблющимся, двойственным, ненадежным. Никогда нельзя было поручиться наперед, что вождь поступит так, как нужно уицраору. И взор демона великодержавия вонзился в другое существо, более пригодное. Оно тоже входило в состав советской элиты, но то был не штатский

«хлюпик», а крупнейший из полководцев Отечественной войны, с громадными военными заслугами, с авторитетом в глазах народа, и особенно армии, человек жгучего честолюбия и болезненно уязвленного самолюбия, принужденный и так уже слишком долго и мучительно вводить в какие-то границы свой бонапартистский нрав. Для роли вождя в условиях Третьей мировой войны нельзя было бы Жругру найти лучшего агента. Этот не поколеблется швырнуть без предупреждения на потенциального врага хорошую серию водородных бомб; не опустит в отчаянии рук, когда на российские города обрушатся такие же; не постесняется насаждать Доктрину во всемирных масштабах, когда треть планетарной поверхности будет обращена в золу!

И маршал был сделан орудием третьего уицраора.

Но было, кажется, уже поздно. В Друккарге давно не осталось даже следов былого единства, и шрастр кипел, как котел. Раругги рвались в бой, и на них Жругр мог положиться твердо, но игвы с каждым годом, с каждым месяцем упорнее сопротивлялись возможностям большой войны. В довершение всего в начале октября <19>57 года Друккарг был потрясен небывалым событием: отпадением Великого Игвы от демонического лагеря. Это совершилось с некоторой постепенностью, но для населения Друккарга неожиданно, даже внезапно. Бывали и в прошлом редкие случаи, когда некоторые из великих игв прозревали до весьма высоких миров Света, но при этом они оставались при своем. Теперь же все получилось иначе. Великий Игва, царствовавший свыше сорока лет, настоящий столп и опора Друккарга, стал переходить из некоторых состояний вроде хохха в состояние такого восхи́щения, что узрел Христа, и даже не в затомисе России, а в гораздо более высоком мире, где Спаситель не был облечен в человекоподобный облик. Это произошло с Великим Игвой у главного капища, в присутствии множества раруггов и игв. Небесная встреча переросла в такое воздействие Планетарного Логоса на духовидца, что его каррох стал стремительно замещаться телом из сиайры. Эта трансформа совершалась на глазах у всех. Многие были потрясены и уверовали. Другие пришли в крайнее замешательство, а раругги — в неистовый гнев. Через несколько дней отступник был ими растерзан, а прах его собран раруггами и, так сказать, ортодоксальными игвами и предан дематериализации: акт, до которого еще не досягнула человеческая наука.

Тогда разразился бунт великих пленников Друккарга. Я не буду перечислять имен тех, кто отважился к нему примкнуть; во всяком случае, российский шрастр еще никогда не видел подобных зрелищ. Разорвавшими узы гигантами с земли поднимались глыбы величиной с небоскреб и швырялись по воздуху на ненавистную цитадель. Цитадель была сильно повреждена. Этот бунт заставил объединиться игв и раруггов снова. Подоспевший на помощь Жругр втянул бунтарей в себя и изверг их, по своему обыкновению, на Дно Шаданакара. Впрочем, вмешательство Синклита Мира быстро оборвало на этот раз их пребывание там, и все герои были подняты наконец в Олирну. Пленниками Друккарга остались только те, кто не посмел примкнуть к восстанию.

События в Друккарге развивались, если применимо здесь это выражение, с кинематографической быстротой. Третий уицраор почувствовал внезапно, что санкция Гагтунгра с него снята. Снята потому, что в своем стремлении

к мировой войне и в шрастрах, и в Энрофе он нарушил запрет верховного демонического разума. Он заметался по Друккаргу, с ревом ярости собирая вокруг себя раруггов и требуя низвержения власти игв, прекративших поставку ему питательной красной росы. Ярость раруггов не уступала ярости их господина. Их глаза, расположенные по обеим сторонам головы, похожей то ли на жутко изуродованную лошадиную, то ли на голову мезозойских ящеров, а размерами напоминавшие небольшой человеческий дом, наполнились темно-багровой каррохиальной кровью. Крылья, прямые и твердые, как крыло самолета, хлестали по стенам и кровлям игв. Среди этого буйства было оцеплено главное капище, и игвы не могли проникнуть туда, чтобы при помощи своего магического сатанослужения связаться с Гагтунгром. Знаменитая статуя первооснователя Друккарга, изображавшая игву верхом на раругге, была сброшена и повреждена как эмблема ненавистного подчинения бывших аллозавров высшему интеллекту игв. Между собой ругги попытались второпях восстановить хоть какую-нибудь дисциплину, чтобы ринуться всем на завоевание других шрастров. Было очевидно, что война без помощи игв Друккарга может привести только к полному погрому: скорбные головы раруггов не были еще приспособлены к овладению утонченной военной техникой. Среди них попадались, так сказать, отдельные таланты, но не было необходимых кадров. Однако недостаточность ума восполнялась такой телесной мощью, таким неописуемым накалом чувств, такой яростью, что они верили в свой конечный успех вопреки всему. А если бы шансов на мировую победу не осталось, они способны были бы даже на массовое самоубийство — единственно от избытка злобы.

Место убитого Великого Игвы занял новый. Он был еще неподготовлен, недостаточно опытен, недостаточно авторитетен; и не окажись престол вакантным раньше времени, этот игва должен был бы проходить своеобразную высшую школу еще много лет. Но лучшего не было, и масса игв, привыкшая к дисциплине, подчинилась ему за неимением другого выхода.

Наконец в бушующий Друккарг вторглись демонические полчища Гашшарвы. Исполняя волю Гагтунгра, ангелы мрака и рыфры надвинулись на уицраора со всех сторон. Жругр отчаянно сопротивлялся, ругги безуспешно пытались отразить натиск сил, нездешних не только по отношению к нам, но и с точки зрения Друккарга. Уицраор был обмотан по всем тысячам своих щупалец волевыми спиралями. Но уничтожить его, то есть сбросить в Уппум, было нельзя — он еще мог пригодиться, а кроме того, его гибель не была бы допущена иерархиями Света, ибо без него телесная сохранность Российской метакультуры была бы уничтожена уицраорами Запада в несколько дней. И он был оставлен лежать в одном из котлованов Друккарга, тяжко дыша. И странное зрелище представляли собой ангелы мрака со своими рубиновыми крыльями, усевшиеся, точно исполинские стрекозы, на волевых спиралях, окольцевавших его тушу со всех сторон.

Человекоорудие уицраора — маршал — попытался было действовать в интересах своего инспиратора. Впоследствии история расскажет нашим детям, а может быть, и нам, каким образом удалось третьему вождю парализовать эти попытки и удалить своего соперника. Так или иначе, этому событию можно было только радоваться, как и всему, что оттягивало мировую бойню.

Под давлением высших темных начал раруггам пришлось устанавливать с игвами некий новый «модус вивенди». Они добились того, что игвы опять стали поставлять плененному Жругру красную росу, но в гораздо меньших размерах. Были также приняты меры к тому, чтобы быстрее сформировать из наиболее способных раруггов нечто вроде военного командования, которое со временем должно было отчасти заменить слишком миролюбивых игв.

Теперь санкция Гагтунгра переносилась на Мудгабр. Но и там происходило нечто схожее: пыл бунтующих раруггов, жаждущих новой войны, игвам едва удавалось сдерживать. Великий Игва усиленно инвольтировался из Дигма, но ругги держали его как бы в полуплену; духовно-демонические силы, им получаемые, не удавалось поэтому трансформировать для Энрофа, и его воздействие на тех людей, которые работали над усилением военной мощи Соединенных Штатов, едва-едва просачивалось в их сознание. Результатом было отставание Америки в области вооружений и такие, казалось бы, сугубо земные явления, как запоздание запуска искусственных спутников Земли или овладение межконтинентальными ракетами. Таким образом, некоторые действия раруггов, диктуемые их ограниченным умом, обращались против них же.

Урпарп же добивался такого хода вещей, при котором, доведя мощь военных коалиций до последней грани войны, он заставил бы перепуганные народы Восточного союза — и, конечно, население Друккарга — сделать отчаянное усилие для того, чтобы уступить, отступить, отказаться от военной схватки; чтобы Стэбингу удалось развить такую силу в своих необозримо-длинных щупальцах, которая позволила бы ему развороти все укрепления в Друккарге, не прибегая ко вторжению западных игв и раруггов в этот шрастр, а в Энрофе — развалить без всякой третьей войны социалистическую коалицию. Тогда можно было бы ставить вопрос о всемирном господстве космополитической концепции и о долгожданном объединении земли под эгидой Стэбинга.

На черном горизонте Энрофа единственным просветом оставались народы Индии и Индомалайской культуры. Правда, индийский демиург вынужден был пойти все на тот же роковой шаг всех демиургов, который приводит к рождению уицраора. Но этот уицраор — имя его Авардал — с самого начала инвольтировался из очень высоких миров Света с такою силой, что приоткрывалась даже некоторая надежда на необычайный акт — на его будущее отпадение от демонического стана. Нечто схожее совершайтесь и с Укурмией — юным уицраором Западной Германии, но светлые слои, надстоящие над Индией, были древней и несравненно сильнее. Деятельность Авардала контролировалась демиургом и Соборной Душою Индии, и эта страна, медленно устранявшая тяжкое наследие иноземного порабощения и отечественного феодализма, являла собой образ такого необыкновенного государства, которое поднимается к процветанию, не нарушая, а, напротив, утверждая с неукоснительным постоянством принципы высокой этики. Остальным народам, не сумевшим обеспечить для себя такого пути и приближающимся к роковой грани полного взаимного уничтожения, оставалось только созерцать эту удивительную страну со смешанным чувством восторженного восхищения и горестной зависти.

А положение третьего вождя становилось все отчаяннее. Если бы он был простым человекоорудием инфернальных сил, ему была бы неведома мораль-

ная трагедия человека, взявшего на себя необъятную ответственность, а теперь видящего, что никаких человеческих сил недостаточно, чтобы предотвратить войну, если только не пожертвовать ради этого и властью своей партии, и самой Доктриной, и всем тем, что казалось ему неотделимым от блага человечества. Только орудие уицраора, ничем человеческим не смущаемое, могло бы переть напролом через войну, через лунные ландшафты на месте Европы, Азии и Америки, чтобы, уцелев физически в какой-нибудь глубиннейшей норе, вылезти потом на свет в качестве владыки остатков человечества. И временами он поддавался внушениям Жругра. Содрогания этой подземной туши, пытавшейся ослабить кольца пут, сотрясали все окрестные слои. Ему уже удалось высвободить несколько щупалец, а так как его человекоорудие, маршал, сошел с политической арены, вся сила его инвольтации направлялась теперь, за неимением лучшего, на третьего вождя. Едва обострялось внешнеполитическое положение, вождь начинал проявлять столь повышенную энергию и такую воинственность, какие не согласовывались ни с его возрастом, ни с характером, ни с жаждой мира. Он переносился из страны в страну почти со сверхъестественной быстротой, он слал бесчисленные ноты друзьям и врагам, он совещался со всеми союзниками, он тут же изобретал и осуществлял новые меры, чтобы укрепить положение внутри страны, он возвышал голос на весь земной шар, он предупреждал, уговаривал, заклинал, требовал, стучал кулаком, угрожал. Но он все-таки оставался человеком, и моральная трагедия накладывала отпечаток даже на черты его лица. Править бы ему в другие времена, хозяйничать бы в безобидной стране, в уютную, мирную эпоху!

Хорошо было бы и мне писать эту книгу не на грани войны, не тогда, когда ежедневно барабанят по мозгам одни угрожающие известия за другими! Хорошо быть уверенным хотя бы в том, что завтра не превратится в ничто и тот город, в котором живешь, и сотни других городов во всех странах! Хорошо быть уверенным, что книгу, которую вынашиваешь всю жизнь, когда-нибудь прочитают чьи-то внимательные глаза и чья-то душа обогатится изложенным в ней духовным опытом. Быть уверенным, наконец, что книга войдет как один из кирпичей в фундамент грядущего всечеловеческого Братства. — Но уверенности такой нет и не может быть. Уверенность только в другом остается незыблемой основой всех упований: в том, что если миру удастся избежать величайшей войны, Роза Мира возникнет, неизбежно и неотвратимо, сперва в одной демократической стране, потом в других и осенит собою постепенно все земли мира; если же, вопреки усилиям всех высших иерархи́й — и света, и мрака, — война развяжется волей низших начал тьмы, то Роза Мира возникнет даже на пепелище. Быть может, тогда она не раскинет надо всеми странами сень расцветающих ветвей, не превратит земной ландшафт в луга золотого века. Но она соединит в союз тысячи людей высокого духа на всех концах земли и станет еще одним препятствием на пути того, кого уже поднял со Дна и выпестовывает в Гашшарве великий демон как осуществителя беспредельной тирании на всей земле, как князя мира.

5 июля 1958

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ
ВОЗМОЖНОСТИ

Глава первая
ВОСПИТАНИЕ ЧЕЛОВЕКА ОБЛАГОРОЖЕННОГО ОБРАЗА

Во всей своей определенности и во всей своей полноте Грядущее ведомо только Всеведающему. Перед нами же оно предстает как непрерывно ветвящаяся цепь дилемм. Каждое звено этой цепи двойственно: оно составляет пару взаимоисключающих возможностей.

Мы никогда не смеем сказать с абсолютной уверенностью: при наступлении такого-то звена человечеством будет сделан выбор именно этой, а не другой возможности. Я не могу сказать, например: Роза Мира придет к власти тогда-то и так-то; я даже не могу сказать, придет ли она к власти вообще. Но если, в момент наступления определенного исторического звена, определенной пары возможностей, человечеством будет сделан выбор в сторону призвания Розы Мира ко власти, то с железной логичностью перед ним вскоре предстанет необходимость выбора одной из двух следующих возможностей. И если будет сделан выбор в такую-то сторону, вскоре возникнут очертания новой, третьей пары; если же в другую — следующая пара возможностей возникнет перед ним тоже, но она будет иной.

Чем зорче метаисторическое зрение, тем дальше в туманах будущего различает оно эту цепь ветвящихся дилемм.

История знает и такие явления, даже таких личностей, которые подготавливались могущественными началами — светлыми или темными — так тщательно, так издалека, им придавалось такое огромное значение и столько сил было на эту подготовку брошено, что они сделались фактически неизбежными. Но как именно осуществятся эти явления в истории, будут ли они завершены или прерваны, выполнены согласно мечтавшемуся идеалу или искажены, а если искажены, то в какой именно степени, — этого предрешить было невозможно, и не только людям, но и разуму высоких иерархий, потому что невозможно было предучесть, принадлежа к одному из мировых станов, соотношение борющихся сил в роковую минуту их решающей битвы.

Еще на рубеже XX века, например, определилась неизбежность мировой войны. Но будет ли эта война единственной и последней или предстоит целый тур их, и кто победит в первой войне, и каков будет — в точности — состав обеих коалиций — это было ведомо только Богу. Человеческий же взор мог различать лишь неизбежность мировой войны и наступление вместе с ней эры великих международных потрясений. Самое бóльшее, на что этот взор был способен, — это проследить, какая новая пара возможностей возникнет перед историей в случае, если победит одна сторона, и какая — если победит про-

тивная. Лишь взор величайших духовидцев мог бы тогда, и может теперь, проследить грядущую цепь дилемм до четвертого или пятого звена.

Таким образом, некоторые узловые события больших процессов пребывают в грядущем как бы незыблемо предрешенными точками. Но их чрезвычайно мало, да и они, осуществляясь в истории, могут принять тот или иной вид, ту или иную степень желаемой полноты. Рождение Планетарного Логоса в человечестве было предрешено на тысячелетия раньше, чем оно совершилось в Палестине. Но в каком народе и в каком веке оно произойдет, стало определяться несравненно позднее. Вопрос же о том, закончится ли оно Его победой, полным завершением Его миссии, частичным ли ее выполнением либо даже временным поражением, — этот вопрос оставался непредрешенным и непредрешимым до тех пор, пока борьба не закончилась предательством Искариота. И никто, кроме Всеведающего, даже Сам Иисус, не мог заранее знать степени победы или поражения.

Иногда мистический разум и мистическая интуиция испытывают прозрения и несколько особого характера. Порою взору прозревающего предстают события далекого грядущего не в качестве звена будущей цепи дилемм, а в виде более или менее изолированных картин, неопровержимо убедительных своею яркостью и оправданностью. При этом целый ряд звеньев, промежуточных между ними и нашим временем, ряд дилемм более близкого будущего остается неосвещенным, непонятым или понятым лишь частично. Такие картины отображают те узловые моменты Грядущего, которые издавна предрешены и незыблемы, либо же они оказываются предвидением *одной* из возможностей исторической действительности, наиболее вероятной, но не абсолютно неизбежной и, во всяком случае, не абсолютно точно воспринятой.

Рождение Звенты-Свентаны в одном из затомисов совершенно предрешено. Предрешено, следовательно, и рождение Розы Мира в человечестве. Но когда именно, как именно и с какой степенью полноты совершится это историческое событие, предвидеть в точности — свыше наших сил. Ближайшей к нам во времени великой дилеммой, нависшей над нами как дамоклов меч, является выбор между Третьей мировой войной и всеобщим мирным сосуществованием. Если война будет развязана, человечество будет отброшено так далеко вспять, а демонические полчища так усилятся вследствие обилия гавваха, что со временем станет возможной даже четвертая мировая война и физическое самоубийство человечества, либо нескончаемая цепь более локальных войн и переворотов, либо, наконец, объединение мира под эгидой американского или еще какого-нибудь из уицраоров. В промежутке же хотя Роза Мира и возникнет в человечестве, но, вероятно, лишь как подспудное течение, как едва терпимая (а позднее и вовсе нетерпимая) организация, как слабый светоч в крипте катакомб. О ее приходе через всемирный референдум к этическому контролю над универсальным государством думать, вероятно, уже не придется. Универсальное государство вступит на путь к универсальной тирании. Промежуток между нашими днями и приходом антихриста сократится во много раз и во столько же раз возрастут его физические и, главное, духовные жертвы.

Если же теперь будет сделан выбор в сторону мира — шансов на это, к сожалению, немного, — Роза Мира получит возможность проявиться во всей полноте, но — еще только возможность. Само ее возникновение окружится совершенно иною атмосферой: она появится в условиях демократического уклада многих стран, постепенно распространяясь везде и вовлекая в свои ряды лучших представителей человечества. Тогда предстанет следующая дилемма: это будет возникшая перед людьми необходимость выбора между объединением земли под этическим руководством Розы Мира либо объединение на какой-то иной основе, может быть, на основе космополитической концепции Америки, во всяком случае, на основе менее духовной, безрелигиозной, морально ущербной. Если будет выбрано первое — Роза Мира придет к власти и перед ней откроется дорога к осуществлению всех ее задач. В противном случае она сойдет на такое же положение едва терпимой, почти никакого влияния не имеющей организации, на каком оказалась бы она после Третьей мировой войны, с тою, однако, разницей, что за период от первой до второй дилеммы она успеет достигнуть широкого разветвления, создаст многочисленные кадры, выдвинет немало выдающихся деятелей, окажет свое влияние на ход общего культурного развития и разбросает семена по всему лицу земли.

Обращая взор на различные возможности будущего, я сосредоточусь только на некоторых из них, чтобы не затеряться в бесконечности. Я буду говорить о том, как представляется мне деятельность Розы Мира в том случае, если благоприятное разрешение цепи ближайших дилемм даст ей возможность поставить перед человечеством вопрос о ее приходе к универсальной власти. Чтобы сузить проблему, и без того огромную, и не отвлекаться в сторону, я с этой минуты не буду более касаться возможностей отрицательных, то есть таких, какие могут в будущем поставить перед Розою Мира непреодолимые преграды на пути к осуществлению ее задач в универсальном масштабе. Будем пока говорить лишь о светлом! Сердце истерзано ужасами прошлого и настоящего. Озарим же круги нашей души размышлениями о самых прекрасных из всех возможностей Грядущего!

Уменьшение жертв темного стана — вот основная из ее задач. Эта задача — создание в человечестве такого духовного климата, при котором просветление души переживут не сотни и тысячи, как теперь, а миллионы. Эта задача — отвращение от миллионов, даже, может быть, миллиардов человеческих душ опасности их порабощения грядущим антихристом, то есть от гибельного ущербления их существа и вступления их после смерти на длительную дорогу искупительных страданий.

Если ставить перед собой такую цель, из нее неизбежно вытечет некоторая программа действий. Программа эта состоит из ряда задач, разрешаемых последовательно или параллельно. Поэтому напоминаю еще раз об основных задачах Розы Мира: воспитание человека облагороженного образа; водворение всеобщего материального достатка; помощь развитию в человечестве высших способностей и светлых творческих начал; консолидация усилий со всеми учениями светлой направленности; преобразование планеты в сад, а всемирной Федерации государств — в Братство.

Есть среди этих задач одна, к разрешению которой Роза Мира сможет приступить еще задолго до своего прихода к универсальной власти: воспитание человека облагороженного образа. Потому что для заложения основ этой новой, наиболее одухотворенной педагогики не будет еще требоваться всемирного контроля над всеми школами земного шара. Новая педагогика сможет формироваться в нескольких отдельных учебных заведениях, находящихся в распоряжении Розы Мира. А такими учебными заведениями она сможет располагать, даже пребывая еще на уровне религиозно-благотворительной организации в условиях свобод, нормальных для всякой действительно демократической страны. Опыт, накопленный в течение такого подготовительного периода, впоследствии сможет быть перенесен на всеобщую воспитательную и образовательную систему.

Когда мне случилось говорить о системе воспитания коммунистического, я отмечал уже некоторые из самых существенных ее достижений, хотя эти достижения были обкорнаны и обесценены рядом воспитательно-идеологических подмен. К ним относились воспитание воли и твердости, правдивости и чувства товарищества, смелости и стойкости, жизнерадостности и идейности. Конечно, и человек облагороженного образа будет смелым и волевым. Но смелость и воля направятся в нем не на борьбу какого-либо коллектива за гегемонию над остальными, а на деятельность, имеющую в виду совершенствование сперва себя, потом условий, в которых формируется другая личность, и, наконец, не насильственное, а исполненное любовью совершенствование других. Эта деятельность будет устремлена к бескровному объединению человечества, к уменьшению страданий всех живых существ, к возрастанию в человечестве общей суммы любви и счастья и к доведению Энрофа нашей планеты до возможного состояния гармонии между всем живым, что населяет его.

Конечно, такой человек не сможет не обладать в полной мере высокой правдивостью и чувством товарищества. Ложь может быть оправдана лишь тогда, когда через ее посредство страдание другого человека перекладывает на себя или отвращает от кого-нибудь опасность. Но разглашение чужой тайны, выдача товарища или донос, в какое благообразное одеяние он ни был бы облечен, останутся в глазах такого человека постыднейшим из предательств.

Не может быть чужда такой душе и жизнерадостность. Но эта жизнерадостность не вырождается в нарочитый оптимизм, избегающий всего, что намекает на теневые стороны жизни, на скорбь и угрюмость некоторых иных миров или на опасности грядущего. Явления жизни и культуры будут вызывать к себе отношение в зависимости не от того, на оптимистические или пессимистические выводы они наталкивают, а от того, сужают или расширяют они диапазон личности, возвышают или снижают уровень души, содействуют в конечном счете свободе и любви или же ненависти и порабощению. Такая натура достаточно мужественна, чтобы смотреть любым чудовищам в глаза, и достаточно развита духовно, чтобы любить жизнь не только такой, какова она теперь и здесь, но и такой, каковой она предощущается в мирах восходящего ряда или в будущем просветленном Энрофе.

Воспитание способности вносить во всякий труд творческое начало останется одним из краеугольных камней педагогики. Если потребность в творческом труде не станет неотъемлемым свойством личности, то в условиях общего достатка и прогрессирующего сокращения рабочего дня человеку будет грозить пресыщение, опустошение, паралич духа. Но следует быть готовым к тому, что представление о пользе и оправданности того или иного вида труда, о его месте в иерархии творчеств претерпит значительные изменения. Труд, хотя бы и творческий, направленный на умножение страданий живых существ, — будь то изобретение смертоносных средств, или печатание развращающих книг, или уничтожение животных ради развлечения, ради чревоугодия, ради так называемой научной пользы, — всякий такой труд будет восприниматься как атавизм, как нечто дикое и постыдное. И напротив: многие формы внутреннего труда, раньше приравнивавшиеся к безделью, найдут свою правильную оценку. Созерцание, размышление, религиозная деятельность во всех ее видах, общение с природой, развитие тела, гораздо более многообразное, чем нынешний спорт, экскурсии или паломничества к великим очагам и памятникам культуры, занятия, пусть самые скромные, литературой и искусством, творческая любовь женщины и мужчины, духовно оплодотворяющее общение друзей, — во всем этом усмотрится элемент подлинного внутреннего труда, необходимого и благословенного, и вместо жалких крох досуга этим занятиям будут отводиться почетные и полноценные часы. Потому что если дело способствует углублению, расширению, возвышению или облагораживанию хотя бы одного, этим самым оно способствует совершенствованию мира. Если же руководящим стремлением сделаются в данном случае поиски личного наслаждения, господству такого стремления объявится непримиримая душевная война. Потому что незыблема аксиома, что человек, живущий только для себя, есть даже не нуль, а отрицательная величина в человечестве.

Кажется, достаточно ясно, чтобы имелась надобность в специальных разъяснениях, что жажда знаний есть стимул, всемерно и тщательно развиваемый. Но эта жажда не ограничится областью знаний, приобретаемых на научных и художественных путях, но включит в себя познания метаисторические, трансфизические, религиозные. Разовьется не только жажда знания, но духовная жажда вообще.

Коммунистическая педагогика, которой мне удавалось лишь так бегло коснуться здесь, имела в виду развитие также еще трех свойств натуры, трех отличительных свойств огромной важности: подчинения личного общему, духа интернационализма и устремления к будущему.

Не будем касаться того, в какой мере удавалось работникам этой системы добиваться выращивания этих свойств в воспитанных ими поколениях. Во всяком случае, система добивалась, чтобы примат общего над личным прочно был усвоен сознанием воспитуемого. К сожалению, при этом совершались незаметно две идейные подмены. Под «общим» подразумевалось не человечество и даже не все население в целом одной или нескольких стран; подразумевалась *часть* человечества, объединенная общей, твердо очерченной идеологией. Все же, оказывавшиеся по ту сторону этого очертания, рас-

ценивались либо как враги — и пощады им не было, — либо как сегодняшние союзники, причем будущее должно было решить: станут ли эти союзники вполне «своими», включатся ли в расширяющийся воинственный коллектив или же сделаются врагами и тогда будут уничтожены. Такова была первая подмена: подмена общего групповым. А вторая подмена заключалась в том, что утрачивалось представление о пропорциях: мелкая, ничтожная выгода, которую мог извлечь коллектив из самоотречения личности, считалась выше, чем интерес этой личности как таковой, даже иногда чем ее жизнь. Мелкое правонарушение рассматривалось как государственное преступление, а естественное нежелание человека оторваться навсегда от своей семьи ради многолетней работы на недоступно далекой периферии встречало на своем пути целые баррикады, нагроможденные государством, партией, общественностью.

Новое отношение между личным и общим должно быть освобождено от этих подмен. Не групповой интерес, не интерес данного государства или данного общественного движения имеет право довлеть над личным — такие групповые тираны суть вампиры, идолы и Молохи, — но благо *всего* человечества. «Человечество не едино, — возразят многие, — оно разбито на антагонистические классы, группы и т.д.» Да, разбито; и общее благо его именно в том и заключается, чтобы оно перестало быть разбито. И перестало не за счет отсечения одних частей и насильственного переделывания других, а за счет развития в человечестве центростремительных сил и изживания центробежных. Чтобы это единение не обошлось опять человечеству в сотни миллионов насильственных смертей, в еще большую сумму личных трагедий и превращение части человечества в обитателей тюрьмы. Уместно здесь это напоминание или неуместно, но слишком обожглось наше поколение на этих подменах и этой лжи. И я готов твердить об этом вновь и вновь, кстати или некстати, лишь бы мой предупреждающий голос дошел хоть до нескольких умов и сердец, которым еще предстоит со временем созидать и жить, а может быть, и таких, которым еще предстоит родиться. Только *так* понимаемое общее достаточно весомо, чтобы претендовать на примат над личным элементом. Но и этот примат не имеет права быть абсолютным: правильное соотношение заключается в том, чтобы большие жертвы со стороны личности приносились ради действительно больших результатов, а ради мелких, частных результатов достаточно и мелких жертв.

Тезис интернационализма — это грандиозная сила, и в основе ее лежит абсолютная правда. Но ложь не замедлила вкрасться и сюда: мысль, будто все народы по своим характерам, по своей одаренности и по своему историческому долженствованию равны между собой, — пустая демагогия. Разумеется, одного или нескольких народов, особо предпочтенных Божеством перед остальными и которым поэтому позволено больше, чем остальным, — нет. Но каждый народ провиденциально предназначен — если угодно, избран — для решения некоторых особых исторических и культурных задач; и эти миссии неповторимо своеобразны. Есть народы — обычно они бывают и численно весьма велики, — предопределенные к колоссальным ролям планетарного значения; другие — к заданиям более частным, более

узким. Но кому больше дано, с того больше и спросится. Как для личности, так и для народа повышенная одаренность и масштаб суть основания не для повышенных требований к другим, а только к самому себе. Одаренность и масштаб *обязывают* к бóльшему, а вовсе не дают права на то, на что остальные смерт-ные не имеют права. Вообще, исключительность не дает абсолютно никаких дополнительных прав: она накладывает только дополнительные обязанности. Именно такое понимание заключает в себе опровержение любых расистских или националистических теорий. Когда нас пытаются уверить, будто маленький, отсталый, почти ничего не внесший в общую сокровищницу народ равен народу китайскому, британскому, германскому или индийскому — это неубедительно и вздорно, потому что такой тезис нельзя защитить никаким щитом против вопиющих и неопровержимых фактов. Истинное опровержение расизма и любых сверхчеловеческих претензий — народа или отдельной личности, безразлично — только в указании: noblesse oblige — доблесть обязывает. Станет ли кто-нибудь, кроме людей, пребывающих в этическом отношении на уровне дикарства, оправдывать эксплуатацию бедных богатыми или слабых сильными? И только нравственные дикари могут полагать, будто бóльшая национальная одаренность и мощь дают народу право на эксплуатацию меньших. К сожалению, лицемерная болтовня о пресловутом «бремени белого человека» успела внести профанацию и сюда. Если бремя белого человека и существует на свете, то это не бремя колонизатора, а бремя высокоинтеллигентных существ, обязанных просвещать темных, кормить голодных, нести радость горюющим, лечить больных, поднимать отсталых, озарять, украшать и смягчать их жизнь. Вот истинное бремя великих наций!

Ясно, что никакой националистический бред не может даже и пытаться возникнуть на почве духовных полей, осененных голубыми лепестками Розы Мира.

Остается еще третья черта старой педагогики — устремление к будущему, — великая черта! Черта, прекрасно и гордо отличающая людей, воспитанных этой системой. Такой человек мыслит перспективно. Он мечтает и верит в солнце грядущего, он вдохновляется благом будущих поколений, он чужд себялюбивой замкнутости. Это устремление к будущему — огромный шаг вперед, но оно еще не совершенно. Доктрина насытила это представление о будущем определенным содержанием, сниженным и упрощенным. Практически это представление сформировалось из двух величин: материального изобилия и покорения природы. Такое представление прямолинейно, как рейсшина. Оно лишено духовности, как бетон, и материалистически наивно, как высказывания школьника 7-го класса у пионерского костра. Да, панорама грядущего предполагает, конечно, и материальный достаток, а впоследствии даже изобилие. Но всеобщий достаток может быть достигнут сравнительно скоро, это только первый этап, только необходимое условие для умственного и духовного расцвета. В XXI веке человек будет так же мало восторгаться этим достатком или изобилием, так же мало обращать на него внимания и переживать его душевно, как современный житель Нью-Йорка или Москвы относится без интереса и восторга к существованию, например,

канализации или автобусного сообщения. Человек следующего столетия будет *пользоваться* материальным достатком, а позднее изобилием — и только. Что же до покорения природы — понятия, носящего агрессивный, империалистический, чуть ли не колониалистский оттенок отношения человека к природе, то ему в противовес выдвинется идея гармонизации взаимосвязей между природой и человеком. После четкого осознания двойственного характера природы, ее провиденциальных и демонических начал, человек вмешается в жизнь природы таким образом, чтобы бороться с демонизмом в ней, а с ее светлой стороной установить теснейшее взаимопроникновение. Он будет озабочен не только тем, чтобы извлекать из нее новые и новые энергетические ресурсы, но и тем, чтобы способствовать духовному развитию животного царства, гармонизировать отношения между видами, совершенствовать растительное царство и весь природный ландшафт, а со светлыми стихиалями установить отношения любви и дружбы.

Действительным пафосом тех эпох будет возрастание духа любви — во-первых; творчество, точнее, богосотворчество во множестве видов и форм — во-вторых; просветление природы — в-третьих; разрушение преград между физическим миром и другими мирами — в-четвертых; радость жизни, кипящей и в Энрофе, и во многих других мирах, — в-пятых; и высшие формы богопознания — в-шестых. Устремление к *такому* будущему — вот что отличит человека облагороженного образа от человека всех предыдущих культурных ступеней.

Чем же может характеризоваться умственный облик такого человека?

Непрерывно растущей жаждой знания, которая питается непрерывно растущей эрудицией; навыками самостоятельного мышления и интеллектуальной независимостью; свободным и счастливым чувством преклонения перед явлениями Глубокого и явлениями Великого.

Что характеризует его эстетический облик?

Развитие неотъемлемой потребности художественных впечатлений; высокоразвитый вкус; знание и понимание искусств прошлого и их памятников; органическая потребность в художественном творчестве, хотя бы и малого диапазона; свободное и счастливое чувство восхищения перед явлениями Прекрасного.

Что характеризует его облик нравственный?

Деятельная доброта к окружающим; способность горячего сострадания и сорадования; чувство единства общечеловеческого; чувство единства космического; свободное и счастливое чувство благоговения перед явлениями Высокого.

Что же характеризует его облик религиозный?

Живое переживание нашего материального слоя как одного из слоев Шаданакара; внутренняя работа над раскрытием органов духовного восприимания; вседневное ощущение жизни как Мистерии; знание религиозных форм прошлого и настоящего; умение со-веровать всем религиям, то есть понимать опыт и учение каждой из них как отражение *одного из рядов* духовной реальности; императивная потребность собственного участия в религиозной жизни и творчестве человечества; способность к чувству захватывающей радости от участия в них.

Чем же, наконец, может характеризоваться внешний, телесный облик такого человека?

Мне кажется, его телосложение будет стройным, движения пластичными, походка легкой, мускулатура гармоничной, а лицо — открытым, высоко интеллигентным, исполненным приветливости и как бы светящимся изнутри. Потому что в основу физического развития кладется заповедь о дружбе со светлыми стихиалями; ею с детства пронизываются спорт, танец, игра. И еще потому, что он отчетливо сознает двойственность природы и не дает проникать в свое существо инвольтациям темных сил. Как солнечное дитя, проходит он сквозь свои ранние годы, и воистину юного бога напоминает он, вступая в молодость. В легкой одежде по цветущей земле идет он, ее сын, ее друг и ее преобразователь, старший друг птиц и зверей и собеседник ангелов, строитель прекраснейших городов, совершенствователь гор, лесов и пустынь, хозяин планеты-сада.

Так выступает перед внутренним зрением грядущий человек облагороженного образа.

Из этой характеристики ясно, на развитие каких задатков натуры будут направлены в основном воспитательные и образовательные усилия.

В отрыве от природы развитие этих свойств было бы крайне затруднено. Поэтому основным типом общеобязательной средней школы мне представляется колледж-интернат, расположенный или за городом, или на окраине города. Те же колледжи, которые будут обслуживать детей, живущих в городской обстановке дома, должны, по крайней мере, обеспечивать их летними выездами за город на все лето. И если классные занятия будут продолжаться не 8 или 9 месяцев в году, а только 7, и если срок обучения в начально-средней школе займет не 10, а 12 или 13 лет — в этом нет ничего страшного. Ведь впереди не будет ждать молодежь никакое жерло воинской повинности; никакая гонка вооружений или соревнование между двумя политико-экономическими системами не будет подхлестывать жизненного темпа, и если человек будет заканчивать свое высшее образование даже к 30 годам, это будет означать только то, что он выходит в жизнь не узким специалистом, а человеком в полном смысле этого слова.

Не должно отпугивать и дискредитированное слово «интернат». Никакой изоляции учеников от жизни такой интернат не предполагает. Учащихся свяжут с обществом многообразные нити: рабочая помощь — с крестьянскими хозяйствами, художественная самодеятельность — с клубами и со школами открытого типа, выходные дни — с семьей, спортивные праздники — с молодежными организациями, экскурсии — с музеями, заводами, научными учреждениями, путешествия — с различными культурными и общественными слоями своей страны и других стран. Называть такое заведение закрытым можно только условно. Цель, ради которой детям стоит большую часть времени проводить в стенах колледжа, заключается, конечно, не в отрыве их от жизни или от семьи, а совсем в другом. Такой уклад обеспечивает наиболее целесообразное использование времени, позволяет более многосторонне воздействовать на ученика и способствует развитию чувства коллектива.

От педагогов таких школ потребуются, конечно, особенно внимательная подготовка, тонкий педагогический такт и глубокое понимание своей задачи. Надо, чтобы интернат стал чем-то средним между товариществом и семьей. Все, отдающее казенной сухостью, чинной официальностью, начальственной холодностью, а тем более муштрой, не должно сметь приближаться к этому зданию на пушечный выстрел. Ведь личность, формирующаяся здесь, должна быть способна жить в обществе, основанном на добровольности, а не на принуждении. Конечно, система запретов, наказаний и поощрений в какой-то мере останется, особенно вначале. Но она будет играть только подсобную роль и сведется к минимуму. Следует не внушать страх перед наказанием, а развивать качества, делающие совершение недолжного невозможным. Не страх и не тщеславие будут мешать воспитаннику лгать, обижать слабейших, пренебрегать учением, совершать поступки антиобщественные, антитоварищеские или жестокие по отношению к животным: это постепенно будет становиться для него невозможным потому, что ему помогут *полюбить* дружелюбие, правдивость, храбрость, сострадательность. С малых лет ему привьют *вкус* к труду, *вкус* к творчеству, *вкус* ко внутренней и внешней культурности. Только из этого может проистекать органично и естественно отвращение к безделью, отвращение к невежеству, отвращение к жестокости, бездушию и себялюбию. Я не педагог, да и не место здесь было бы выдвигать подробные методологические проекты. Здесь можно говорить лишь о задачах педагогической системы Розы Мира и о ее основных принципах.

Религиозно-этическое и религиозно-художественное воспитание учтет, надо полагать, прискорбный опыт таких архаических дисциплин, как, например, печальной памяти «закон Божий». Не замкнутым в неподвижные кристаллы догматики, не затиснутым в одну узенькую дисциплину, непримиримо противоречащую всем остальным, должно оно быть, а действительно воспитанием, пронизывающим и освещающим все. Спорт, купанье, прогулка, садоводство, цветоводство, возня с животными, игра — все переплетется с веселыми, поэтичными, радостными действами, вводящими в культ стихиалей. Учение, занятия искусствами, чтение, пение, посещение музеев и храмов, беседы на темы культуры, истории и метаистории соприкоснутся с глубокими и торжественными обрядами, вводящими в культ Синклитов. Насыщенный, деятельный день, обогативший ум и сердце, хорошо бы завершать чтением вслух священных книг — не более одной главы ежевечерне, и чтобы читали при этом вслух поочередно все — мальчики и девочки. Великое будет несчастие, если такой уклад выродится где-нибудь, благодаря неподготовленности учителей, в цепь нудно-обязательных повинностей. Задача в том, чтобы раскрыть перед каждым ребенком внутреннюю поэзию, красоту, глубину и возвышенность этих религиозных действий. Если же все это будет понято и почувствовано — возникнет *потребность* в них, не нуждающаяся ни в каких подталкиваниях.

Но избежать введения в программу некоего учебного предмета, посвященного специально миру религиозных идей, конечно, не удастся: наряду с развитием собственного религиозного мира чувств в душе ученика требуется и наличие у него систематически приобретенных религиозных знаний.

Мне думается, что такие знания ученик мог бы черпать из специальной дисциплины — всеобщей истории религий, излагающей со всею объективностью, какая только возможна, духовную эволюцию человечества. Ее надо будет тесно увязать с курсом политической истории, который, в свою очередь, должен быть сильно расширен и образно оживлен путем включения в него материалов по истории искусств, наук, философии и материальной культуры. И само собой разумеется, эти дисциплины обогатятся, насколько будут позволять время и средства, демонстрацией фильмов, устройством выставок и телепередач, кружковой работой, посещением храмов различных конфессий и очагов народной религиозной жизни.

Вообще, заботливо пестуется и всячески поощряется творческое начало: взращиваются малейшие ростки музыкального, словесного, сценического, архитектурного, живописного, философского, религиозного творчества. Культивируется, как уже сказано, творческое отношение ко всякому труду, отвращение к насилию, к разрушению, к подавлению чужой воли.

О допущении таких забав, как рыбная ловля, охота или составление энтомологических коллекций, не может быть и речи. Какая там охота! Хороши были бы педагоги, пекущиеся на словах о развитии доброты и любви и в то же время спокойно созерцающие, как их воспитанники развлекаются мучениями животных. Начинать придется, вероятно, с категорического запрещения подобных забав, а потом отвращение к мучительству живых существ станет органически вытекать из любви к ним, любовь же разовьется через уход за прирученными животными. Постепенно чувство близости стихиалей начнет пронизывать повседневную жизнь; будет тщательно поддерживаться состояние *готовности к этому восприятию*. Организм закаляется физическими упражнениями, одежда облегчается, тело открывается прикосновениям стихий, насколько позволяет климат, обувь упраздняется, исключая часы пребывания в морозную погоду под открытым небом.

В связи с этим мне приходится коснуться одной группы приемов, более частной, подсобной, но, на мой взгляд, практически важной.

По-видимому, уже недалеки те времена, когда открытие естественными науками особого рода излучений земной поверхности заставит изменить взгляд на многое. Экспериментальное исследование установит, что различным ландшафтам свойственны различные виды и степени этого излучения и что оно, проникая в нас через прикосновение, то есть через подошвы ног, а при купании — через всю поверхность тела (в слабейшей степени — через воздух), беспрерывно и мощно воздействует на человека — не столько на его организм в целом, сколько на нервную систему и психику. Однако с излучениями, исходящими из раскаленных недр земного шара, эти эманации верхнего слоя коры не имеют никакой связи. Выяснится также, что материальная среда населенных мест, в особенности их почва и, в меньшей степени, стены зданий, отдают эманацию другого типа, оказывающую на нас несколько иное, но не менее благотворное воздействие. Позднее будет установлено, что почва есть как бы резервуар, накапливающий, хранящий и отдающий энергию излучений за огромные промежутки времени, а сами источники излучений пребывают в мирах другой материальности, хотя их передвижение в про-

странстве **там** отражается на состоянии стихий и всего ландшафта з д е с ь. Я не физик, и делать прогнозы о будущем ходе развития естественных наук — не мое дело; я буду спокойно ждать, пока физика подойдет к дверям, за которыми распахиваются трансфизическая глубь и даль; пока она укажет с обстоятельностью, свойственной точным наукам, что один из этих двух классов эманаций принадлежит слоям некоторых *стихиалей природы*, а другой — некоторым *стихиалям именно населенных мест* и, главное, *арунгвильте-пране человечества*.

Что купание, воздух и солнце полезны, всем давно известно; теперь уяснится, что польза эта во много раз глубже и многостороннее, чем думали, и что еще полезнее сама земля. Окажется, что самое полезное заключается в том, на что раньше не обращалось внимания, и что обувь является не только защитой изнеженных ног от поранений, но и основной преградой между нашим организмом и излучениями земли. При этом подтвердится, что ходить босыми полезно не только среди природы, где почва отдает излучения стихиалей, но и в населенных местах, где убывание этих излучений восполняется эманацией жизненной силы человечества. Открытие это перевернет систему физического воспитания, во многом изменит спорт и быстро отразится на одежде. Опрокидывая архаические приличия Европы и Америки и заглушая восклицания недоумевающих снобов беззаботным топотом босых ног, новая мода превратится в обыкновение молодежи, потом во всеобщий обычай, и ему географические и сезонные границы положат только морозы северных зим. Впрочем, это — частности, и об этой смене обычаев можно было бы не упоминать, если бы суть вопроса исчерпывалась оздоровительным значением. В действительности этот вопрос глубже, чем может показаться на первый взгляд.

В числе пяти внешних чувств человека имеется одно, до сих пор почти не осмысленное, даже заклейменное каким-то странным пренебрежением. Наши языки выработали пару глаголов: слушать — слышать. Выработали другую: смотреть — видеть. Но в осмыслении нашего чувства осязания и того, что мы можем воспринимать через него, произошла какая-то заминка, несоразмерное запоздание. Мы обычно «осязаем» в смысле механического получения осязательных впечатлений, но отнюдь не осязаем в смысле *осознанности этих впечатлений*. Как бы «смотрим», но не «видим», «слушаем», но не «слышим». Кто и когда испытывает хоть каплю удовольствия и хоть секунду задумывается над тем, что он чувствует, прикасаясь к предметам обихода, к стенам и полу жилищ, к растениям, к воде, к земле? По крайней мере, половина человечества, то есть свыше миллиарда людей, ходит босиком. Разумеется, это здорово, полезно и удобно. Но одни при этом не испытывают вообще ничего, сколько-нибудь заметного, другие — чисто телесное удовольствие, поскольку поступь разутого человека, к этому привычного, вообще легче и свободнее. Если же я знаю, что всякий мой шаг есть прикосновение к телу родимой Земли, что малейшие изгибы почвы, изменения ее влажности и сухости, прохладности и теплоты, шершавости и гладкости, мягкости и твердости, плотности и рассыпчатости есть не что иное, как ее речь ко мне, не что иное, как прикосновение к подошвам моих ног этой всеобщей Матери, любящей меня как свое дитя и еще какою-то непостижимо горячей, сверхчеловеческой любовью, — я испытываю кроме телесного удовольствия непередаваемое чувство, похожее на ласку любви, и теплую, упоительную радость.

Множество людей на юге ходит босиком и в городах. При этом в силу привычки они — по крайней мере, большинство их — не испытывают, кажется, ничего. Но если бы эти люди вслушались в глубину собственного осязания! Если бы они осознали, что здесь жили, дышали, ходили, трудились, любили тысячи и миллионы — то самое человечество, к которому принадлежат и они! Если бы они вникли, как по их существу поднимаются от этого невзрачного асфальта токи, горячие не физическим, а каким-то другим теплом! Если бы они осознали все это, они осознали бы также и то, что, ступая по этим камням босыми подошвами, они испытывают кроме физического удовольствия особый прилив сил, веселых и горячих, бодрящее чувство полноты жизни, чувство единения с целым.

Чтобы развить в себе способность постоянной фиксации обязательных восприятий и углубленного их осмысливания, не требуется ни обременительных медитаций, ни сухой умственной гимнастики. Я никому не собираюсь навязывать эту методику, но не считаю нужным скрывать те способы, которые давали мне проникать в природу глубже обычного, а силу радости от общения с нею и с жизненной силой человечества увеличивали во много раз. Для этого следует развить в себе способность «бокового осязания». Сосредоточивая сознание на чем угодно и в то же время воспринимая осязанием различные предметы, к которым прикасаешься, надо *фиксировать* их определенным уголком сознания, время от времени как бы обращая на них взор мысли и осмысляя их. Это — первое. Второе — связать «боковое осязание» с тем общим отношением к физическому слою, которое я бы назвал *готовностью к восприятию его сквожения*. Мир заговорит с нами тысячами голосов, каждый будет полон своеобразия, выразительности и неожиданно глубокого смысла. Ветер перестанет быть механическим напором множества мертвых молекул воздуха на наше тело и лицо: он явится нам либо лаской чудесных невидимых существ, либо неистовыми забавами другого, более сурового слоя. Земля, по которой мы до сих пор равнодушно ступали, тупо отзываясь лишь на крайний жар или холод, теперь заговорит с нами живым языком. Она заговорит через наши смеющиеся от радости подошвы ног то шаловливыми восклицаниями ручьев и лужиц, то покалывающим смехом валежника и хвои в бору, то взволнованным речитативом сухой дороги. Она заласкает нас влажной глиною лесных тропинок, трогательной нежностью травы, суровой мудростью камня и мягчайшими коврами дорожной пыли. «И равнодушная природа красою вечною сиять…» Бедный Александр Сергеевич! Довелось же ему родиться во времена, когда недоступно было господам дворянам это босое счастье! Теперь природа перестала бы казаться ему равнодушной: он ощутил бы с неопровержимой достоверностью, что не только он любит ее, но и *любим ею*.

Углубление и осмысление чувства осязания и постоянное, повседневное пользование им — вот, на мой взгляд, одна из существенных ли-

ний в той воспитательной системе, которая имеет в виду развитие способности трансфизического познания. Как будто раньше мы рассматривали в лупу участок органической ткани, различая ее строение и сокращения ее волокон, ничего не выражающие… теперь же взглянули простым ясным взором и поняли вдруг, что перед нами — телесная ткань прекрасного лица, живущего глубоко осмысленной жизнью и полного выразительности. Бессмысленная громада мертвой материи — раньше; ослепительно прекрасное, мощно живущее, мудро и любовно взирающее на нас и на мириады существ Лицо Мира — теперь.

Естественно, что и профиль будущего колледжа изменится сравнительно с современной средней школой: углубится и расширится гуманитарный цикл. Увеличение курса истории и введение курса истории религий в широком аспекте этого понятия потребует большого числа дополнительных часов; эти часы будут найдены путем удлинения сроков обучения. Возможно, что в старших классах придется прибегнуть к системе трех уклонов: гуманитарного, естественнонаучного и технического. И независимо от того, собирается ли оканчивающий поступать в высшее учебное заведение или готовится к практической работе, ему обязана предоставляться годичная стипендия для путешествия, коллективного или индивидуального, в любую интересующую его страну или ряд стран — для расширения кругозора, для ознакомления с природой и культурой, для установления связей. Сеть специальных молодежно-туристских очагов во всех странах и работа в этих очагах высококвалифицированных педагогов предохранят большинство стипендиатов от растраты этого золотого времени на пустяки и помогут им избежать случайных и бесплодных увлечений.

Легко возникает вопрос: чем можно оправдать такое расширение гуманитарного цикла? Ведь в первую эпоху Розы Мира потребуются колоссальные кадры других работников — работников точных наук, инженеров всех специальностей. Разве обеспечение всеобщего материального достатка не предполагает прежде всего использования энергетических ресурсов природы, уже изысканных или ждущих обнаружения?

Да. Но наряду с этими кадрами потребуются столь же многочисленные кадры работников, обеспечивающих проведение всесторонних общественных реформ. Кроме того, естественно-научные и инженерно-технические работники новой формации тем и будут отличаться от своих предшественников, что вместо образа узкого специалиста явят собой человека облагороженного образа. А в-третьих, с течением лет, с подведением материальной базы, потребность в инженерно-технической интеллигенции начнет уменьшаться, а потребность в гуманитарных кадрах — возрастать.

Вообще, у нас нередко забывают, что потребности общества в целом и каждого его члена в частности только сейчас представляют знакомую и убедительную для нас картину. Оглядываясь, например, на Средние века или на общественность родового строя, мы склонны воображать, будто колдуны, знахари, монахи, астрологи — в сущности, не более как паразиты. Ничего, кроме ограниченности, в таком взгляде, конечно, не заключено. Все эти общественные группы и, так сказать, профессии могли существовать и существовали именно потому и только потому, что отвечали определенным потребностям общества — потребностям, которых теперь почти нет. С другой стороны, люди этих отдаленных эпох не имели понятия о множестве потребностей, которые возникли у их потомков и определили всю картину нашей жизни. Физик XX века в своем кабинете и его лаборанты, кинорежиссер в своем ателье и окружающие его операторы и артисты, посетители музеев и экскурсоводы, туристы и гиды, инструкторы физкультуры и спортсмены, телефонистки и трактористы, шахматисты и фотографы, миллионы людей всевозможных специальностей — все они показались бы типичному человеку Средних веков либо чародеями, либо чудаками и только в лучшем случае просто бездельниками и паразитами.

Столь же странными, нелепыми, вредными или непонятными показались бы многим из нас иные виды деятельности, которые будут призваны к жизни потребностями грядущих эпох. Некоторые из потребностей, ныне остающиеся уделом единиц, сделаются через несколько десятилетий массовыми. По-видимому, стремительно возрастут потребности эстетического ряда, а потребности религиозные изменят свой характер, станут гораздо многообразнее и теснее свяжутся с мирами природы и с кругами культуры. Естественно поэтому, что примат гуманитарного цикла наук скажется не только в профиле средних школ, но в типах высших учебных заведений, в их программах и в их, так сказать, удельном весе. Ибо как только Роза Мира сможет приступить к универсальным реформам, с того же момента потребность в педагогах и юристах нового типа, в общественниках, историках, перевоспитателях преступников, литературоведах, психологах, философах, вооруженных новой методикой и воодушевленных новыми целями, сделает стремительный скачок.

Неизбежно возникновение и новых научных дисциплин: зоогогики, метапсихологии, метафизиологии. Обе последние, каждая со своей стороны, направят усилия на исследование органов духовного воспринимания, до сих пор ждущих своего открытия европейской наукой. На основе опыта этих дисциплин впоследствии сформируется окончательно новая педагогическая система, ставящая целью действенно помочь раскрытию этих органов, заложенных в каждом человеке. Однако расцвета этой педагогики вряд ли можно ждать, даже при самых благоприятных обстоятельствах, раньше чем через несколько десятков лет, когда метапсихология и метафизиология накопят достаточный материал и смогут обобщить его разработанною теорией.

Размах и глубина реформ вызовут необходимость в перестройке и других высших учебных заведений, включая естественно-научные.

Уже несколько раз заговаривал я о предстоящем со временем, под руководством Розы Мира и усилиями нескольких поколений, превращении поверхности нашей планеты в сад. Да не смутит этот образ приверженцев нетронутой природы! В течение тысяч и миллионов лет нетронутой оставалась вся поверхность земного шара. В XIX веке нетронутая природа владела уже только половиной этой поверхности. А теперь… Это, быть может, печально, но другого пути развития нет и не может быть. Рост народонаселения, технический прогресс и раскрытие гигантских ресурсов энергии предопре-

делили будущее «дикой природы» с полной очевидностью. Дилемма заключается не в выборе между дикой природой и природой-садом, а в выборе между природой-садом и антиприродой.

Под антиприродой я понимаю превращение больших районов, а потом и всей поверхности суши в урбанизированный комплекс с включением в него изувеченных остатков природы ради извлечения из них гигиенической пользы и физиологического удовольствия.

Под природой-садом я разумею превращение больших районов, а потом и всей поверхности суши в чередование парков горных, парков луго-лесных, обрабатываемых при помощи высшей техники полей, заповедников девственной природы, резерваций для животных, городов-садов и сел-садов, — с тем чтобы не только жизнь человечества, но и жизнь животного царства, растительного царства и стихий поднять до возможной гармонии, а мировой ландшафт возвести на высокую художественную ступень.

В этом труде усилия многих наук и многих искусств скрестятся с религиозно-этическим воздействием учения о стихиалях. Новые масштабы, новые требования, новые технические и декорационные приемы превратят старое искусство сада в нечто принципиально новое — не только по объему, но и по качеству. Оно сомкнется с монументальным зодчеством и скульптурой. Оно подчинит себе и лесоводство, и цветоводство, и агротехнику, и селекцию, и декоративную живопись, и зоогогику, и мелиорацию, и озеленение пустынь, и многое другое. Искусство это объединит усилия самых различных профессий и квалификаций, и возможно даже, что в известные исторические периоды оно станет ведущим, массовым, излюбленнейшим из искусств.

Понятно, что применительно к этим задачам перестроится и работа соответствующих научных учреждений — учебных и научно-исследовательских.

Но и этим отнюдь не исчерпывается преобразование высшей школы и всего научно-исследовательского комплекса. Создастся мощная лестница религиозно-культурных учебных заведений нового типа — от колледжей до академий.

Гуманитарный колледж-интернат для подростков от двенадцати до двадцати лет мне представляется наиболее вероятной первой ее ступенью. В такие колледжи предстоит отбирать детей, сочетающих склонность к искусствам или к гуманитарным наукам с нравственной одаренностью. Вторую ступень составит религиозно-философский университет: ряд его факультетов будет готовить, кроме духовных лиц всех пяти культов Розы Мира, также новых общественников, руководителей религиозных и филантропических — в широком смысле слова — организаций, философов, психологов, публицистов, редакторов, комментаторов, режиссеров мистериала и многих других. Можно ли забывать, что впереди — титанический труд сотен миллионов человек, ставящий себе цель — пробить ту броню псевдонаучного невежества и антирелигиозных предрассудков, в которую заковала многочисленные народы первая половина нашего века! Достаточно вспомнить, что в течение двух или трех поколений обширные страны были лишены полностью даже самой насущной, элементарно необходимой религиозной литературы, хотя

бы Библии и Корана, не говоря уж о каких бы то ни было серьезных трудах или о популяризации религиозных сокровищ прошлого. Предстоит выпуск миллионными тиражами канонических текстов христианства и других религий, снабженных научным аппаратом, который отвечал бы запросам современного читателя; многочисленные серии художественных изданий и учебных пособий, воспроизводящих памятники мировой религиозной культуры; издания научно-исследовательские, способные удовлетворить углубляющийся интерес к духовной истории человечества; специальные и популярные серии, знакомящие общество, одичавшее в атеизме или в равнодушии, с великими учениями о духе — от Веданты до Шопенгауэра, от гностицизма до антропософии и экзистенциализма. Таких работников и будут готовить религиозно-философские университеты. Наконец, лестница учебных и ученых учреждений завершится всемирной религиозно-философской Академией, координирующей и направляющей идеологическую работу внутри Розы Мира. Подобные академии национальных масштабов возникнут, разумеется, в каждой стране.

Но будут еще и другие области деятельности, которые потребуют такого количества работников гуманитарного цикла, какое невозможно охарактеризовать иным эпитетом, как «грандиозное».

Преобразование всемирного государства в братство невозможно одними внешними средствами. О некоторых внешних средствах как первых предпосылках к этому преобразованию речь пойдет в следующей главе. Здесь же своевременно указать на то, каким образом воспитание поколений облагороженного образа позволит перейти к самому процессу этого преобразования.

Подобно тому поколению израильтян, которое, выйдя с Моисеем из Египта, должно было уступить место другим поколениям прежде, чем племя войдет в страну Обетованную, так и поколению середины XX столетия, отравленному воздухом эпохи мировых войн, суждено сойти с арены для того, чтобы воцарился долгожданный строй, брезжущий нам сквозь анфиладу трех последовательно просветляющихся периодов. Потому что строй этот не есть установление внешнее. Он будет органичен и естественно необходим только тогда, когда моральный облик новых поколений сделает невозможными злоупотребления свободой и превращение ее в анархию. Никакие меры перевоспитания не достаточны для того, чтобы в корне преобразовать психику двух миллиардов людей, уже сформировавшуюся в иной, кровью и изуверствами насыщенной атмосфере. Конечно, миллионы лучших из тех, кто живет теперь, отвечали бы самым высоким требованиям той отдаленной эпохи. Но надо, чтобы им отвечали не лучшие, а подавляющее большинство, — чтобы целые поколения были воспитаны Розой Мира как люди облагороженного образа.

Преобразование сущности государства — ведь что это такое? Разоружение всех, подлинная демократия, смягчение законов, облегчение наказаний? Разумеется; но всего этого мало. Сущность государства есть бездушный автоматизм. Оно руководствуется материальными интересами бóльших или меньших человеческих массивов, понимаемых как целое. К интересам личности как таковой оно безучастно. Духовность же ему неизвестна совсем, как

неизвестна она уицраорам и эгрегорам, и о духовном благе — как личности, так и народа — оно не может иметь ни малейшего понятия.

Смысл первого этапа правления Розы Мира заключается в достижении всеобщего материального достатка и в создании предпосылок для превращения Федерации государств-членов в общечеловеческий монолит. Что за этот период наиболее демократические общественно-политические институты станут достоянием всех стран — это разумеется само собою. Огромными содружествами законоведов, педагогов, психологов, юристов и религиозных деятелей пересмотрятся все кодексы, реформируется система правовых норм, процессуальных норм, смягчится шкала наказаний и сам принцип наказания начнет уступать место принципу врачевания преступника. За этот же период подготовятся те кадры работников нового типа, которые необходимы для проведения универсальных реформ, знаменующих следующий, второй, этап: этап превращения общечеловеческого, уже смягченного государства в Братство.

Надо полагать, что на начало второго этапа падет срок всеобщей судебной реформы.

Все-таки суд присяжных — по крайней мере, некоторые разновидности этого суда — это, по-видимому, наиболее прогрессивная из форм суда, существующих ныне. Но это отнюдь не потолок развития. На серьезнейшие недостатки этой формы указывалось бесчисленное количество раз, и притом людьми, стоящими на самых различных позициях. Указывалось, что принцип свободного найма профессионала-защитника несовершенен тем, что способствует перерождению адвоката в своего рода виртуоза, приемами красноречия заменяющего подлинное, человечески горячее участие в судьбе подзащитного. Вряд ли кто-нибудь станет оспаривать, что принцип профессиональной прокуратуры несовершенен тем, что ничто не уберегает прокурора от перерождения в чиновника, который в каждом обвиняемом видит непременно преступника и интересуется только той стороной его личности, какая обусловила, по мнению прокурора, совершение преступления. Что же до принципа присяжных, то он несовершенен потому, что зачастую сложные в психологическом отношении дела, требующие не только доскональнейшего изучения, но и высокой культурности, проницательности и справедливости со стороны судящих, повергает на рассмотрение лиц случайных, неквалифицированных, часто даже малоразвитых; смешно думать, будто несколько часов помощи им со стороны специалистов могут компенсировать их недостаточность.

В настоящее время ничем лучшим заменить подобную форму суда, по-видимому, невозможно. Это станет возможным тогда, когда продолжающееся несколько десятилетий руководство Розы Мира обеспечит образование кадров судебных работников нового типа.

К деятельности этого рода юноше придется начать готовить себя еще в колледже, из трех уклонов избрав гуманитарный. Намеченная в начале этой главы система воспитания и образования примет в высшей юридической школе некоторые дополнительные особенности, предусматривающие формирование именно будущих судей. Вероятно, сугубое внимание обратится на

развитие таких сторон натуры, которые сильнее других предохранят от казенного, формального и тем более корыстного отношения к человеку. Изучение, наряду с этим, искусств и философии, истории культуры, истории этики, истории судебных установлений, психологии, психопатологии, психиатрии разовьет врожденную проницательность, понимание недугов человеческой души и правильное понятие о способах их устранения. Вошедшее в плоть и кровь представление о ценности человеческой личности и о долге судьи-врачевателя будет стимулировать предельно осторожный, бережный, теплый подход к подсудимому. Потому что на него утвердится взгляд как на больного, доступного лечению, — не обязательно больного в современном психиатрическом смысле, а больного в смысле поврежденности этической структуры души. Роль таких судебных деятелей невозможно переоценить: это спасители человеческих душ, и человечество нуждается в них не менее, чем во врачах, педагогах и священниках. Кто-нибудь возразит: такие идеальные лица встречаются единицами, как исключения. — Но разве даже теперь, в совсем другой, давящей, отравленной атмосфере так уж редко формируются педагоги и врачи самого высокого и чистого этического облика? Где же основания полагать, что педагогическая система, специально к этому направленная, именно эту цель преследующая и действующая притом в самой благоприятной общественной атмосфере, окажется бессильной избрать из миллиарда юношей несколько миллионов таких, которые после ряда лет работы над ними смогут достойно нести бремя суда над преступником и его — не перевоспитания, а правильнее сказать — врачевания?

Мне представляется — хотя возможно, конечно, что в действительности получится иначе, — что работники этого рода составят несколько групп: следователи, судьи и перевоспитатели в собственном смысле слова. Сейчас несвоевременно и неуместно вдаваться в подробности этой реформы, тем более мне, ни профессионального юридического образования, ни опыта не имеющему. Позволю себе высказать только одну мысль: что вместо институтов обвинителя, защитника и присяжных установится со временем нечто совсем иное. Прения сторон будут иметь место, как и теперь, но это будет уже не борьба двух красноречий, не состязание артистов, один из которых по долгу службы чернит подсудимого, а другой старается обелить его. Это будут поочередные выступления не двух, а трех лиц: их всех можно условно назвать истолкователями. Пользуясь материалами следствия и результатами личного общения с подсудимым, двое из них предлагают два различных толкования разбираемого дела. Третий же стремится сблизить оба толкования, по возможности примирить их или выявить преимущественные стороны обоих. Такое примирение точек зрения редко окажется осуществимым в первом туре выступлений; однако некоторые шаги к сближению будут сделаны. Тогда следуют второй и третий туры. Судьи, не участвующие в прениях, но при них присутствующие, получают таким образом представление о деле наиболее глубокое и объективное, представление о нем *по существу*. Право на выступление сохраняется, разумеется, и за подсудимым. Судьи же оказываются не случайными, неподготовленными людьми, подобно большинству заседателей, не привыкших разбираться в сложных психологических и пси-

хопатологических коллизиях, но тщательно подготовленными специалистами новой формации. Нечего смущаться, если подготовка таких судей займет не пять лет, как теперь, а хоть десять: для того чтобы «карательная система» (до чего гнусно одно уже это выражение!) превратилась в систему излечения, нравственного и общественного воскрешения человека, никакого количества лет жалеть не приходится.

Ну и, конечно, тюрьмы как форма наказания навсегда отойдут в область прошлого. Слово «лагерь» теперь тоже очень скомпрометировано: оно вызывает в памяти картины всяких Потьм, Бухенвальдов и Норильсков. Но мне его придется здесь употреблять условно, за неимением лучшего. Теперь пробуют перевоспитывать кое-где при помощи труда; нечего удивляться, что результаты этого так слабы. Большинство преступников находятся на весьма низком общекультурном уровне; это люди, сбившиеся с пути еще подростками и питающие непреодолимое отвращение к труду; наивно ждать, что в лагере или тюрьме они изменят свое отношение к нему только оттого, что им в руки дадут сапожный молоток или фуганок. Главное в том, чтобы повысить их общекультурный уровень, тогда-то они и почувствуют прелесть труда, и совершенно необязательно ремесленного или производственного (ведь не у всех же людей к такому труду лежит душа!), а и к труду умственному. И под повышением общекультурного уровня я разумею не изучение какой-нибудь технической специальности, а именно общую, то есть умственную, этическую, эстетическую, общественную и духовную культурность. Кое-что делают сейчас в этом смысле, кажется, некоторые религиозно-благотворительные организации за рубежом, в особенности католические и методистские. Их следовало бы всемерно привлекать к этой работе, опыт их изучать и некоторые их приемы усваивать. Во всяком случае, нежелание утяжелять свой умственный багаж, косность, лень и беспечность таких преступников сперва следует ослабить тем положением, что заключение их будет не тупо неподвижной цифрой лет (при малом сроке преступник беспечно ждет вожделенного дня, а при большом ему становится «наплевать» на все в мире), а *функцией исправления преступника*: чем успешнее он одолеет курс общего гуманитарного образования плюс специальный курс какой-нибудь общественно полезной профессии и чем скорее коллектив его перевоспитателей признает его подготовленным к жизни на свободе, тем скорее покинет он стены лагеря.

Вряд ли можно сомневаться, что сочетание высокого уровня всеобщего благосостояния с неизбежными результатами всеобщей воспитательной системы и с повсеместным психологическим климатом второго этапа будет из году в год уменьшать число правонарушений. Если учесть, что в некоторых Скандинавских странах даже в начале нашего века число уголовных преступлений снизилось до нескольких десятков в год, то отнюдь не утопической покажется уверенность, что при указанных условиях число их во всем мире постепенно падет до нескольких тысяч в год и будет неуклонно снижаться и в дальнейшем.

Некоторые принципы того воспитательно-образовательного курса, через который будут подготавливаться работники следствия, суда и перевоспитания, лягут в основу работы и других учебных заведений, выпускающих экономистов, хозяйственников, инженеров, техников, служащих в учреждениях. Я имею в виду те принципы, которые преследуют цель — воспитать в каждом из таких работников человека в высшем смысле этого слова. Изменятся функции даже того института, который теперь носит дискредитированные названия полиции или милиции. На втором этапе правления Розы Мира этот институт еще будет выполнять между прочим и функции уголовного розыска. Но с каждым десятилетием этот сектор внутри полиции будет играть все меньшую роль. Постепенно полиция превратится в службу *общественных удобств*, в коллективное и индивидуальное всеобщее обслуживание, и работа на этом поприще сделается такой же почетной и всеми уважаемой, как любая другая.

Государство состоит из людей. Люди, воплощающие государственную власть на всех ее ступенях, в большинстве формальны, черствы, сухи, холодны. Изжить бюрократизм нельзя ни административными мерами, ни призывами к совести и чувству долга, если это чувство долга и профессиональная совесть не вошли в плоть и кровь человека с малых лет. Система Розы Мира будет готовить кадры всемирного государства так, чтобы отрицательные качества заменить их противоположностями. Чтобы всякий, обращаясь к представителям власти или входя в учреждение, встречал не бюрократов с профессионально притупившейся от монотонной службы способностью сочувствия и участия и не односторонних фанатиков, пекущихся о соблюдении лишь государственных интересов, но братьев.

Из тех особенностей, которыми всемирное Братство будет отличаться от государства, а человек облагороженного образа — от предыдущих психологических формаций, я отметил здесь лишь некоторые, те, какие нетрудно различить даже из нашего временнуго отдаления. Но проявятся со временем и многие другие черты — их трудно вообразить или предугадать теперь; они постепенно начнут уясняться взору и мысли только будущих, более одухотворенных поколений.

Глава вторая
ВНЕШНИЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Заговорив о проблеме воспитания человека облагороженного образа и о связанных с этим проблемах преобразования государства в Братство, а планеты — в сад, я временно выключил из поля зрения другую огромную проблематику. Это — проблематика тех внешних социально-политических, экономических и культурных мероприятий, которые будут способствовать водворению всеобщего материального благосостояния и гармонизации человеческого общества.

Мне думается, что весь период между возникновением Розы Мира и ее приходом к этическому контролю над государственной властью надлежит рассматривать как подготовительный. В этот период сложится ее структура, сформируются и размножатся ее организации — религиозные, политические и культурные. Всесторонне разработается ее учение и ее конкретная истори-

ческая программа; развернется широчайшее проповедничество, письменное и устное, во всех демократических странах и на всех языках. А те ее кадры, которые в начале ограничивались десятками или сотнями человек, превратятся в многомиллионное всемирное содружество. Во всякой стране, где в этот период существование Розы Мира может быть допущено конституцией, допустимо и участие ее политических организаций в общенародных выборах наряду с другими партиями. Ясно само собой, что с уст ни единого из ее агитаторов или кандидатов во время предвыборной борьбы (равно, впрочем, как и во всякое другое время) не должно срываться ни слова лжи, клеветы, легкомысленных обещаний, саморекламы, дискредитации противников, даже просто непроверенных утверждений. Им подобает вести себя так, чтобы в глазах народов на Розе Мира не было ни единого пятна. Ей надлежит одерживать политические победы не вопреки своим этическим заповедям, но благодаря им.

Вероятно, Роза Мира будет приходить к контролю над государственной властью разновременно в различных странах. И возможно, что несколько таких стран смогут объединиться в конфедерацию гораздо раньше, чем возможность объединения всеобщего станет реальностью. Но социальная и политическая обстановка на протяжении этого подготовительною периода может быть столь пестра и столь непредрешима, что непредрешимы и те пути, которыми Роза Мира, как всемирная разветвленная организация, придет к контролю над властью во всемирном масштабе. Можно только сказать, что так как на подобный шаг она будет иметь право лишь при соблюдении нормальных демократических процедур и лишь располагая большинством голосов во всех странах, то надо предположить, что решающий акт будет иметь форму, схожую с каким-нибудь референдумом или плебисцитом. Легко представить, что такой референдум даст ей победу в большинстве стран, но не во всех. Время, однако, будет работать в ее пользу, ее идеалы и методы будут привлекательны для таких необъятных человеческих масс, что по прошествии нескольких лет второй референдум привлечет во Всемирную федерацию последние из сопротивлявшихся государств. Тогда начнется первый этап ее этического контроля над всемирной государственной властью, причем национальные соборы Розы Мира примут контроль над национальными правительствами.

Если всеобщее полное разоружение не будет достигнуто раньше этого момента, то закон о немедленном, всеобщем, абсолютном разоружении станет, надо полагать, тем, чем Роза Мира ознаменует свой приход к этическому контролю. Что же касается самой техники разоружения, то ее предвосхищать невозможно, да и не нужно: ее выработает то поколение, которому придется это разоружение проводить в жизнь. Мыслимо создание, например, Министерства Разоружения в правительстве Федерации и соответствующих министерств в правительствах всех государств-членов. Если учесть громадность экономических проблем, связанных со всеобщей демилитаризацией и с переоборудованием военных предприятий на мирный лад, а также с трудовым обеспечением освобождающихся из-под ружья нескольких десятков миллионов человек, то будет естественно предположить, что процесс всеобщего разоружения займет не меньше пяти или семи лет.

Уже давно подсчитывается, какие суммы могла бы высвободить всеобщая демилитаризация. Мы не знаем, когда и в какой обстановке она произойдет, и поэтому точные подсчеты в этой области строятся на песке. Однако похоже на то, что общая сумма будет не очень далека от триллиона долларов; так или иначе, она будет невообразимо велика. Именно эта сумма и даст возможность проведения великих реформ.

В первый период правления Розы Мира национальные, местные особенности политических установлений, традиционных общественных институтов разных стран еще сохранятся, изменяясь постепенно, и не извне, а изнутри, пока универсальное государство не утратит специфических черт бюрократизма. Вообще, приход Розы Мира не предполагает немедленного пересмотра конституций государств-членов, исключая того единственного пункта, который должен быть изменен или дополнен в том смысле, чтобы оговорить признание самой Розы Мира как инстанции, ограничивающей государственный суверенитет. В дальнейшем возможны и даже неизбежны перемены во многих статьях, но сначала они будут отличаться, мне кажется, скорее техническим, чем принципиальным характером. Во всяком случае, население каждой страны само определит свободным волеизъявлением, подлежит ли его политическое устройство немедленным и коренным преобразованиям или оно должно быть в основном сохранено. Могут найтись, например, даже такие страны, где приверженность к традиционному монархическому устройству окажется устойчивой и прочной. Разве так трудно представить, что консерватизм этого рода обнаружится в Англии или Японии? Разумеется, в подобных случаях монархический принцип должен быть сохранен. Когда же само современное понятие государства начнет отмирать, превращаясь в понятие хозяйственно-планирующего механизма по преимуществу, носитель короны останется духовным главой или живым олицетворением славного прошлого своего народа и его традиций.

То же самое относится и к социально-экономической структуре отдельных стран. Впоследствии, когда общая социализация постепенно втянет в свой процесс все народы и материальные уровни различных стран сравняются, начнут уравниваться и их социально-экономические структуры. К тому времени большинство предприятий, промышленных, сельскохозяйственных и торговых, уже будут переданы в руки общественных ассоциаций, причем каждая из них станет автономным коллективом, юридическим лицом, пользующимся всеми доходами со своего предприятия, исключая сумм, отчисляемых государству. Государство будет финансировать создание новых ассоциаций, исходя из учета материальных потребностей общества, и обеспечивать их на основе долгосрочных ссуд необходимым оборудованием. Реорганизация частных предприятий в такие ассоциации будет стимулироваться. Вероятно, взимание средств с населения тогда примет форму, напоминающую современный всеобщий подоходный налог, но более совершенную. Но для того чтобы принцип ассоциаций мог стать прочным базисом финансовой системы универсального государства, должно протечь, разумеется, немало времени.

Что касается политических партий, то они будут функционировать, как и раньше. Единственным препятствием для них может быть только одно:

их агрессивно-национальный, агрессивно-классовый или агрессивно-религиозный характер. Квалифицировать ту или иную партию как агрессивную имеют право только инстанции самой Розы Мира. Впрочем, полного запрета на такие партии не будет накладываться даже на первом, сравнительно строгом этапе; но права на устную и письменную пропаганду своих взглядов они будут лишены. Слишком страшно то, что сулит человечеству их власть, хотя бы их адепты и не понимали до конца всей глубины этого ужаса. Впоследствии, во осуществление максимальной свободы, из-под запрета и контроля будут освобождены даже они. Но это допустимо, мне думается, не раньше второго этапа, когда стадия общего культурного развития будет сама служить гарантией против возобладания агрессивных или сепаратистских идей.

На протяжении первого этапа должен быть достигнут всеобщий материальный достаток. В деятельности Розы Мира будет и нечто, совпадающее даже с коммунистической мечтой. Любой из граждан, независимо от нации, местожительства, рода занятий, должен быть обеспечен так, чтобы полностью были удовлетворены основные его потребности: в пище, в одежде, в жилище, в подходящей к его характеру и навыкам работе, в отдыхе, в досуге, в лечении, в элементарных житейских удобствах, в повышении образования, в приобщении искусствам и наукам, в религиозных действиях. Те гигантские суммы, которые в капиталистических обществах до сих пор идут на безграничное расширение производства, вызывая в итоге перепроизводство, безработицу, кризисы, будут вкладываться в начинания, никакой прибыли не приносящие и никакой экономической цепной реакции за собой, таким образом, не влекущие. Я имею в виду строительные и культурные мероприятия всемирного размаха. Кадры мировой рабочей силы придется перераспределить так, чтобы, с одной стороны, покончить с безработицей, а с другой — приступить к прогрессивному сокращению рабочего дня. Дальнейший рост техники и производительных сил доведет это сокращение рабочего дня до немногих часов. Органы здравоохранения и социального обеспечения распространят сеть своих лечебных и оздоровительных заведений на самые глухие уголки земного шара, охватывая все слои общества, в том числе и крестьянство, доныне почти не пользовавшееся фактически этими правами. Стоит ли говорить здесь о более частных достижениях в этой области, например о том, что всемирный размах санитарно-гигиенических предприятий позволит устранить вредителей и паразитов? Или о том, что достижения медицины сведут к нулю многие из заболеваний, терзающих человечество в наши дни?

Предрешать чисто экономический аспект этих реформ — не мое дело. Я бы даже сказал, что это — не дело моего поколения, какой экономической проницательностью ни обладали бы некоторые его представители. Регламентировать на десятилетия вперед такие частности значило бы предаваться ненужному и даже вредному прожектерству. Придет время, и авторитетная инстанция разработает и, со всеобщего одобрения, приступит к практике всемирной экономической реконструкции.

Впрочем, как раз некоторые частности представить себе не стоит большого труда. Например, легко вообразить, или, правильнее — сообразить, что в первые же годы создастся повсеместно очень мощная промышленность

строительных материалов: база мирового строительства. Позднее это строительство, и в первую очередь жилищное, развернется во всю ширь. Оно охватит все страны, чтобы в ближайшее за тем десятилетие трущобы, лачуги, хибары отсталых народностей или набитые до отказа беднотой громады в городах отошли в область печальных воспоминаний. Они уступят место жилищам разного типа в зависимости от климата, от потребностей и вкусов, от бытовых традиций, от национальных стилей — начиная от коттеджей и бунгало и кончая, может быть, даже высотными зданиями, — но все эти жилища в равной мере будут отвечать потребностям живущих.

Перспективное мышление подводит к выводу, что задачу превращения планеты в сад рационально начинать с районов, еще не заселенных. А это связывается с воплощением старинных мечтаний об освоении великих пустынь — Сахары, Гоби, Калахари, внутренних областей Аравии и Австралии. Их обводнение и озеленение превратятся в первые опыты комплексного, всестороннего преобразования огромных площадей земной поверхности в художественно совершенный ландшафт. Начнутся работы по утеплению полярных областей и зон вечной мерзлоты: освоение атомной энергии, кажется, уже создает необходимые для этого технические предпосылки. В тропическом поясе развернутся широчайшие работы по расчистке лесов Конго, Нигера, Амазонки, Ориноко и по превращению их в высококультурные области. Из стран, страдающих от перенаселенности, организуется эмиграция трудового населения в районы, соответствующие его климатическим и культурно-бытовым навыкам. Добровольные переселенцы, пользуясь развитой техникой и обеспеченные всеми необходимыми жизненными средствами, приступят к превращению этих районов в высокопродуктивные сельскохозяйственные площади. Для облегчения экономических связей, для вовлечения отсталых участков во всемирный товарооборот и культурный обмен сотни миллиардов вкладываются в развитие международного транспорта и средств связи. К тому времени преимущества пассажирской авиации перед наземными средствами сообщения станут еще заметнее, чем теперь. Однако рельсовый транспорт, во всяком случае какие-то его разновидности, долгое время еще будет оставаться наиболее массовым, демократическим средством сообщения; сохранит он за собой преобладание и в качестве грузового транспорта на большие расстояния. Меридиональные и широтные трансконтинентальные магистрали перевяжут материки вдоль и поперек, подобно тому как в магазинах перевязывают, упаковывая приобретенный покупателем абажур. Я отлично понимаю, что направление этих линий определится в свое время на основании развития тех культурно-экономических связей, которые сейчас можно предучесть лишь с ошибками и большими пробелами. Но я почему-то до сих пор, раздумывая над картой мира, люблю испытывать чисто детское удовольствие, когда прикидываю возможное направление этих трасс. Мне приятно думать, например, что намеченная еще в прошлом столетии магистраль Кейптаун — Каир завершится наконец постройкой и будет продолжена через Кавказ до Петрограда, а другая, начавшись от того же Кейптауна, пересечет всю Западную Африку и по двум подводным туннелям — под Гибралтаром и Ла-Маншем — достигнет Лондона. Мое воображение радуется при мысли о

магистрали Эфиопия — озеро Чад — Сенегамбия и еще больше — об огромнейшем афро-азийском железном пути от Сайгона через Калькутту, Багдад и Каир до Касабланки. Мне кажется, что давно напрашивается сама собой и, конечно, будет построена трансевразийская магистраль, которая свяжет страны Южной Европы со Средней Азией, в Алма-Ате соединившись с дорогой, пересекающей Тянь-Шань и Синь-Цзян и достигающей Пекина. Мне грустно при мысли, что я не доживу до постройки великого пути из Москвы через Ташкент и Кабул до благословенного Дели и что только мои правнуки или праправнуки проедутся на экспрессе «Мадрас — Лхасса — Иркутск — Норильск». Я ищу некоторого утешения в мысли, что полярная магистраль в Сибири будет закончена быстрее, связавшись через Воркуту с Центральною Европой, а через туннель под Беринговым проливом — с железнодорожной сетью Америки.

Ну вот, я пожертвовал полстраницы этим ребяческим мечтам. А теперь — забавы в сторону.

На известной исторической стадии перед Розой Мира и всем человечеством возникнет дилемма: либо Всемирная Федерация и дальше будет продолжать существовать как таковая, либо универсальное государство, преобразуемое в Братство, должно сначала быть превращено в космополитический монолит — космополитический в том смысле, что этнографические и культурные особенности наций будут, конечно, уважаться и оберегаться, но антагонизмы между ними ослабнут уже настолько, что административно-политическое устройство всех стран можно будет сделать единообразным, лишь с минимальными местными уклонениями. Борьба между собой сторонников обоих путей развития ничем уже, вероятно, не напомнит социально-политических конфликтов прошлого: это будет борьба идей, протекающая на высоком нравственном уровне, и борющиеся будут располагать лишь одним оружием: словом. После длительной всенародной дискуссии новое голосование разрешит вопрос, и если Федерация станет превращаться в монолит, то верховный наставник Розы Мира, проявивший себя как глава сторонников Федерации, добровольно уступит пост своему идейному противнику.

Есть известная логика технического развития, логика цивилизации. Каковы бы ни были убеждения и идеалы человека, но если он способен к перспективному мышлению, то, размышляя о будущем, он не сможет миновать ни проблемы освоения Сахары или Арктики, ни всемирного жилищного строительства, ни ориентировочных вех, намечающих направление великих будущих магистралей.

Это и есть та сторона представлений о грядущем, в которой предположения Розы Мира совпадают в некоторых частностях с панорамой мечты о коммунизме.

Но то, что для коммунистической мечты является как бы точками, возвещающими близкий предел, — дальше идет только мечта о космических кораблях, — то же самое для Розы Мира суть лишь некоторые из внешних мероприятий на первом этапе ее правления.

Так как во избежание перепроизводства и экономических кризисов колоссальные суммы должны вкладываться в строительство бездоходное, в

предприятия и учреждения бесприбыльные, то средства, которые можно и должно будет обратить на задачи *религиозно-культурного строительства*, в следующем столетии станут фактически неисчерпаемыми.

Это строительство приобретет, конечно, много форм, сейчас еще непредставимых, и станет развиваться по различным параллельным путям. Мне хочется остановиться сейчас на одном из них, на создании великих очагов новой религиозной культуры, потому что архитектурные ансамбли, вмещающие и выражающие эти очаги, я вижу, с настойчивостью неизбежного и с отчетливостью воочию виденного, почти всю мою сознательную жизнь. Мне было едва пятнадцать лет, когда эти образы стали возникать передо мной впервые, а год спустя я уже пытался запечатлеть их при помощи карандаша. Я не стал ни художником, ни архитектором. Но образы этих ансамблей, их экстерьеры и интерьеры, такие величественные, что их хотелось сравнить с горными цепями из белого и розового мрамора, увенчанными коронами из золотых гребней и утопающими своим подножием в цветущих садах и лесах, становились определеннее от одного десятилетия моей жизни к другому. Осуществит ли Роза Мира подобные ансамбли или не осуществит, но эта книга, я думаю, не пострадает, если на ее страницах возникнет этот мираж далеких грядущих эпох. Ведь компоненты миража непременно существуют, хотя и в большом отдалении, а сам мираж только приближает их к путешественнику, бредущему по пустынным пескам.

Эти великие центры религиозной культуры вместе с сетью их многочисленных филиалов будут постепенно вовлекать бóльшие и бóльшие круги человечества в широкое русло творения счастливой, солнечной религии, в русло личного и социального совершенствования, в русло совершеннейшего богопознания и соприкосновения через любовь, природу, творчество и священнодействие — мирам иным.

Религиозно-культурное строительство не завершится, пока человечеством руководит Роза Мира и пока духовная жажда жива в человеческой душе. К тем формам, которые будут воздвигаться сперва, впоследствии присоединятся новые и новые. И нельзя предугадать ни характера многих из сооружений, неимоверных по грандиозности, которыми ознаменуется третий этап правления Розы Мира, ни хотя бы их назначения. Я хотел бы заменить лишь несколько основных типов тех сооружений, которые, как мне кажется, будут возводиться повсеместно на первом и втором этапах. Исчерпать же их многообразия немыслимо даже по отношению к тем недалеким, еще доступным нашему предвидению, временам.

Мне видится, как в крупнейших городах мира, а потом вообще во всех городах воздвигаются очаги и источники новой религиозной культуры: я с юности привык применять к ним наименование *верграды* — города веры: наименование не вполне удачное, условное, но я не знаю, как в действительности их будут называть тогда. Это — архитектурные ансамбли: осью каждого из них является храм Солнца Мира, окруженный венцом меньших святилищ. Составляя единое целое с системою парков, водоемов, улиц, рощ и площадей, неотъемлемыми составными частями каждого верграда, особенно в крупных городах, станут мистериалы, медитории, театры, музеи, рели-

гиозно-философские академии и университеты, галереи, философиаты, храмы Синклитов, храмы стихиалей и стадионы; в верграды включится также некоторое количество жилых домов. Подобный комплекс станет средоточьем духовной и культурной жизни города и района, центром народных празднований, чествований, массовых богослужений, шествий, спортивных состязаний, освобожденных от их прежней бездуховности и сопряженных теперь с культом светлых стихиалей; они будут центрами религиозно-просветительной, религиозно-художественной, религиозно-научной работы, источниками солидарности, радости и совершенствования.

Чтобы не подвергать коренной перестройке центральную часть городов, верградам будут отведены, вероятно, большие районы на окраинах жилого массива. В глубь этого массива от верграда устремятся несколько широких зеленых полос или лучей. И хотя, рисуя подобные картины будущего, не следует вдаваться в подробности, потому что именно подробности наверное не совпадут с ее штрихами, когда эта картина из будущего станет настоящим, я, тем не менее, не могу отказать себе в наслаждении — рассказать об этом один раз подробнее, чем надлежит. При этом я подчеркну, что некоторые названия совершенно условны, они придуманы мною, чтобы отличать одни объекты изображений от других. Таковы, например, названия зеленых полос, соединяющих верград с городским массивом и предназначенных для празднеств, для отдыха и прогулок, для торжественных шествий: Золотой Путь, Триумфальные Сады, и третий — парк, имеющий особое, художественно-историческое значение. Все эти три парка — начинания совершенно своеобразного назначения и характера.

Это — ансамбли, возведенные на высшую ступень художественного качества и сочетающие богатые древонасаждения с мощными скульптурно-зодческими сооружениями: арками и памятниками, лестницами и фонтанами, а главное — с монументальными группами еще небывалых жанров. Для всех них подножием представляется море цветов с газонами и водоемами. Эти парки создадутся для того, чтобы через высокое эстетическое наслаждение развивать чувство стиля и художественного вкуса, чувства историческое и метаисторическое, чувства культурного универсализма и общечеловечности.

Одним из таких парков мне представляются Триумфальные Сады, соединяющие верград с исторически сложившимся центром города: они посвящены историческим воспоминаниям данного народа. Представить себе будущую Москву, например, без Триумфальных Садов нашим потомкам будет так же трудно, как нам — вообразить нашу столицу лишенной Кремля. Применить к этим Садам старое наименование парка, а тем более проспекта или бульвара, было бы невозможно. Широкое зеленое пространство с монументальными древесными купами, лужайками и целыми рощами, окаймленное по сторонам проездами с узорчатою мостовой из разноцветного камня, устремляется от загородных холмов над рекой, где расположен храм Солнца Мира[1], к Кремлю. Проезды отделяют его от фасадов зданий, то повышающихся — на углах перекрестков — до размеров, схожих с высотными зданиями,

1. В Филях или в с<еле> Коломенском.

то понижающихся до нескольких этажей: это — культурные учреждения, отели, жилые дома; местами они отступают несколько вглубь, давая место площади или партеру. Сам зеленый массив прорезается в длину главною пешеходною дорогой, а вправо и влево от нее ответвляются извилистые дорожки, образуются поляны и цветники, а среди могучих древесных групп и куртин открываются, здесь и там, скульптурные сооружения нового типа. О, они будут разнообразны почти до бесконечности. Мне представляется, например, следующий странный жанр. На от крытом цоколе, прямоугольном и вытянутом, к которому ведут с трех сторон низкие пологие ступени, возвышается стена, облицованная мрамором: красным или зеленым, серым или розовым. Ее вытянутая поверхность — лишь фон. Частью почти в одной плоскости с ней, частью выделяясь из нее как горельеф, частью же свободно перед ней поставленные, композиционно связываются между собой многочисленные группы фигур: в некоторых случаях — бронзовые, в других — мраморные, но цвет мраморных фигур не совпадает с цветом мраморного фона, а составляет с ним тонкий и выразительный контраст. Так запечатлеваются в камне и металле великие события давно отшумевших времен национальной истории: принятие христианства, битва на Куликовом поле, возвышение Москвы, драматические коллизии Смутного времени и великолепная деятельность Петра — все, вплоть до эпопей мировых войн и Великой Революции. Не угадаешь, сколько таких композиций украсит этот художественный парк: двадцать? тридцать? Но каждая из них — лишь смысловая ось отдельной скульптурно-зодческой системы: каждую композицию дополняют свободно стоящие памятники деятелям былых эпох: иногда в систему включается монументальная арка; порою из глубины зелени выглядывает строгая и скромная часовня. А на перекрестках Триумфальных Садов с городскими магистралями возвышаются своеобразные архитектурные сооружения — я не знаю, как их назовут тогда — в память таких исторических событий, характер которых легче выражается приемами зодчества, чем скульптуры. Из этой художественной эпопеи не должны быть исключены и моменты великих народных бедствий: татарского ига, опричнины, скорбных дней междуцарствия и многое другое. Они найдут свое выражение в простых и суровых траурных памятниках.

Другой зеленый массив, направляющийся от верграда ко Кремлю как бы полукругом, лишен парадной прямолинейности Триумфальных Садов: он посвящен деятелям русской культуры. Он распланирован свободнее и живописнее, образуя более интимный, более внутренний ландшафт и легко вписывая в него отдельные памятники. Их индивидуализация, их непосредственность, разнообразие их художественных решений и тесная связь с растительным окружением устранят опасность — притупить восприимчивость посетителя изобилием памятников и монотонностью скульптурных мотивов. Вместе с тем такой тип парка будет наводить на особую настроенность, совмещающую торжественность с теплотой, а благоговение с нежностью. Скульпторам, садоводам и архитекторам будущего предстоит необозримая работа над этими проблемами. Они привлекут на помощь новые строительные и облицовочные материалы, новую трактовку паркового пространства

и массива городских кварталов, замыкающих его как рама и отчасти как фон; они обогатят свои композиции элементами струящейся, бьющей, неподвижно зеркальной или тихо плещущей воды, горящими под открытым небом светильнями, портиками для прогулок и террасами для священнодейств и многим другим, что подскажут их воображению потребности того времени.

Но мыслить великие города будущего замкнувшимися в почитании только своей национальной культуры — значит конструировать грядущее по моделям прошедшего. В сознании людей XXI века с каждым десятилетием будет стираться память о гранях между культурами и народами. Москву, например, тех эпох нельзя представить без памятников Платону и Копернику, Шекспиру и Рафаэлю, Вагнеру и Махатме Ганди в той же мере, как Москву наших дней — без монумента Минину и Пожарскому. Возможно, что с памятью о гениях других культур будет связан третий зеленый луч верграда.

Четвертым же мне представляется Золотой Путь — проспект-парк совершенно особого значения. Начинаясь за несколько километров от верграда и направляясь ко храму Синклита Мира, он на пересечениях своих с городскими магистралями должен быть обозначен специальными архитектурными сооружениями. Каждое из них должно выражать собой одну из великих метакультур человечества с ее синклитом. Во время соответствующих праздников по Золотому Пути будут проходишь многонародные шествия, и перед архитектурными символами Эанны, Сукхавати, Олимпа, Мэру, Монсальвата, Небесного Кремля и Аримойи священство и народ будут совершать глубокий мистериальный обряд, связующий сердца живущих ныне со всем просветленным человечеством.

Такими представляются мне подступы к верграду. Сам же верград слагается из трех архитектурных комплексов: храмового, культурного и жилого. О храмовом предпочтительнее будет говорить в следующей главе, в связи с культом Розы Мира, а сейчас — бросить взгляд на некоторые сооружения, неотъемлемые от комплекса культурного.

Одно из главнейших зданий верграда — это *мистериал*, театр мистерий. В крупных верградах их будет, вероятно, два: драматический и музыкальный.

Генетически идея мистериала ведет свое начало из глубокой древности: вспомним мистерии Элевзина, католические действа Средневековья и как уцелевший до нашего времени их рудимент — мистерии Страстной недели в баварском городке Обераммергау. Другие мистериальные традиции живы до сих пор в Индии, Индонезии и странах Индомалайской метакультуры. Но, несравнимые с религиозным примитивом Средних веков, идейное богатство и глубина нового религиозного сознания вызовут к жизни такие сценические действа, которые окажутся отстоящими от старых мистерий так же далеко, как наши представления о космосе от системы Птолемея. Оборудование механизмами, о каких даже в начале нашего века никто не посмел бы мечтать, позволит воплощать литературные и музыкальные тексты многопланового содержания, мистериально отображать события, совершающиеся или совершавшиеся в иных мирах Шаданакара. Репертуар мистериалов сформируется постепенно, когда жанр мистерии нового типа, получив широкое распространение, вызовет появление монументальных драматических эпопей этого рода. Но из ресурсов мировой поэзии и музыкальной драмы уже и теперь могли бы быть привлечены к постановке в мистериалах немало первоклассных произведений. Трагедии Эсхила, «Фауст», «Орфей», драмы Калидасы и Тагора, «Пер Гюнт», «Лоэнгрин», «Парсифаль», «Сказание о граде Китеже» — все эти шедевры могут и должны быть наконец философски и сценически трактованы как мистерии. Уже даже теперь театральная техника была бы в состоянии заменить наивную бутафорскую сказочность старых постановок тонким, мистически убедительным отображением многослойных реальностей мира. Вырисовываются перспективы такого технического могущества, когда иерархии смогут быть сценически отображены не в сниженном, уплощенном, убого-очеловеченном виде, но в гигантских обликах, туманных или светящихся, проносящихся, как веяние ветра, или вздымающихся, как огненные смерчи. Обогащение технического оснащения кинематографическими средствами раздвинет пространство сцены и позволит расслоить его на любое число планов, таким образом отражая параллелизм событий и процессов, в них совершающихся. Все это обеспечит появление таких постановок, относительно художественного великолепия и философской глубины которых нам составить себе представление еще нельзя.

Но к постановкам театральным исполнение подобных мистерий не может быть приравнено: мистерия стоит на полдороге от театра к культу, и многие стороны роднят ее с богослужением. Поэтому образование коллектива исполнителей и постановщиков мистериала ни в коем случае не должно преемственно связываться с такими формированиями, как театральная труппа. Этические нормы, прилагаемые к коллективу мистериала, атмосфера и обычаи, в нем царящие, религиозное горение, без которого он теряет свой смысл, — все это не прилагалось и не может прилагаться к артистам театра. Артисты мистериала образуют коллектив, имеющий черты сходства отнюдь не с труппой, а с ее антиподом: с монастырем. Совместное обитание подле мистериала, подчиненность повседневной жизни смыслу мистерий, внутренняя работа над собой, изгнание из личных отношений всяких признаков враждебности, зависти, соперничества и т.п. — разве такие установки могут возбудить у артистов театра иное отношение, кроме огульного отрицания всякой возможности воплотить эти принципы в жизнь? Однако напрасно искать между коллективом мистериала и монастырем слишком много общих черт: «единица» такого коллектива заключается не в одиноком бессемейном иноке, но именно в *семье* каждого члена; безбрачие никому, разумеется, не может быть вменено в обязанность. Не нужна, даже недопустима и та степень изолированности от мира, какая отличает монастырь: артист мистериала не отрезает себя от жизни, он находится одновременно в ней и над ней; задача — в отыскании таких внешних форм существования, которые выражали бы это внутреннее положение и способствовали бы ему.

Одному из основных видов внутренней работы — созерцанию — служат особые здания, входящие во всякий верград как его необходимый компонент: *медиторий*. Окруженный тихим и безлюдным садом, разделенный на небольшие звукоизолированные помещения, медиторий представляет собою

круглое башнеобразное здание в несколько этажей. Вокруг лестнично-лифтовой клетки радиусами расположены однотипные, очень просто обставленные кабинеты: удобное кресло, кушетка, небольшой стол, за окнами — деревья сада. Посетитель получает на несколько часов возможность пользоваться совершенной тишиной и покоем; в его распоряжении — предметы, необходимые для разного рода медитаций: цветы, зерна, минералы, скульптурные и живописные изображения, иконы. В первом этаже может быть оборудована религиозно-философская библиотека.

Дома творчества, иногда расположенные в пределах верграда, но чаще за городом, не представляли бы, в сущности, ничего нового. Не имеет смысла останавливаться здесь и на таких учреждениях верграда, как музеи, ученые и учебные заведения, клубы и небольшие, тихие, укрывшиеся среди зелени монастыри. Но нелишне, мне кажется, указать на *философиат* — особое культурно-просветительное и религиозно-образовательное учреждение. У этого учреждения имелись бы черты, роднящие его с «домами культуры» нашего времени. Философиат организовывал бы и предоставлял помещение для выставок, лекций, кружковой работы, собеседований, конференций; его сотрудники вели бы широкую работу среди населения. При этом огромное внимание уделялось бы вовлечению в русло религиозно-научного и религиозно-художественного творчества детей и юношества. О, религиозный элемент ни в коем случае не может навязываться и преподноситься в виде надоедливых рацей и сухих схем, внедряться в сознание в качестве готовых и неукоснительных моральных норм. Он действует вглубь: он развивает в человеке чувство прекрасного, чувство великого, чувство глубокого и высокого; чувство метаисторическое и чувство космическое; любовь к природе и любовь к культуре; любовь к человеку и ко всему живому; восприятие мира как ряда просвечивающих друг сквозь друга слоев. И из этого формирующегося мироотношения органически возникают и определяются этические и религиозные требования к самому себе. Воспитание Розы Мира не опутывает человека сетью нормативов, выработанных без его участия и не считающихся с его индивидуальностью. Наоборот: оно пробуждает в самом человеке внутренний источник религиозно-нравственной деятельности, способствуя всячески его проявлению и помогая кристаллизации вытекших из этой глубины духовных струй в образы творчества, в осознанные веления этики, в принципы самовоспитания.

По мере роста религиозно-культурного строительства верграды будут сооружаться все в большем числе городов, а в крупных городах — по нескольку, пока ими не окажутся насыщены все города земного шара. Отдельные же компоненты верграда, в особенности храм Солнца Мира, храмы стихиалей и философиат, могут быть воздвигаемы и независимо от остального ансамбля.

Так свяжутся верграды с массивами городов, войдут в толщу жилых кварталов, в глубину жизненных интересов, в повседневность широчайших народных масс. Подле них или даже внутри них могут воздвигаться и храмы других вероисповеданий. Сердце же верграда — это храмы Солнца Мира, Синклитов и стихиалей, и, заканчивая очерк о предстоящих универсальных преобразованиях, я считаю необходимым хотя бы бегло осветить их назначение, их устройство и неотъемлемый от них, как дыхание, многообразный культ.

Глава третья
КУЛЬТ

Провиденциальные силы на страже всегда. Они всегда готовы прийти на помощь каждому из нас. Они постоянно трудятся над каждым из нас — над его душой и его судьбой. Каждая душа — поприще их борьбы с демоническим началом, и вся жизнь души — непрерывная цепь выборов, встающих перед «я», — выборов, усиливающих или парализующих помощь ему со стороны светлых начал.

Душа подобна путнику, перебирающемуся через шаткий мост. С другого берега протягивается к ней рука помощи, но, чтобы принять эту помощь, путник должен протянуть руку и сам. Такою рукой, протягиваемой навстречу силам Света, является каждый благой выбор, каждый правый поступок и каждое светлое движение души, и в том числе молитва. В этом и заключается зерно ответа на вопрос: зачем молитва? и зачем богослужение?

Слово «молитва» я употребляю здесь в очень широком смысле. Это и уединенная беседа души с Богом или с сотворящими Ему силами Света; это и состояние умиления, благоговения и духовного восторга, охватывающее сердце при созерцании Прекрасного, Высокого или Великого; это и тот катарсис, через который поднимают душу человека окрыляющие произведения искусства; это и участие ее в очищающих и возвышающих действиях храма.

Молитва может быть келейной — уединенной — или соборной, когда ее бессловесная песнь вливается в торжественный поток богослужения. Оба эти действия в равной мере необходимы. Уединенная молитва есть такое напряжение души, когда она, удаленная от духовного Средоточья мира, но связанная с ним единственной и неповторимой струной, заставляет звенеть эту струну высоком звучанием, отгоняющим тени ночи. Молитва же соборная есть согласное напряжение тысяч таких струн, это есть хоровая песнь, наполняющая каждую отдельную душу предощущением всеобщей гармонии. Ибо богослужение есть не произвольное действие, придуманное людьми, но действие мистериальное, то есть такое, которое отображает гармоническую действительность высших сфер и низводит ее силы в наше сердце. Отсюда — глубочайшая оправданность того, что мы называем культом. И отсюда же напряженная молитвенная жизнь — творческая и мистическая жизнь грядущих храмов Розы Мира.

Что такое обряд? Это есть священнодействие, на основании внутреннего опыта человека установленное, ради снискания помощи ему сверхчувственных светлых сил или ради предотвращения враждебных воздействий на него со стороны сверхчувственных сил темных.

Что такое таинство? Это есть такое священнодействие, при совершении которого сверхсознательные корни человеческой воли принимают божественную благодать, то есть преисполняются сил для движения к гармонии между личностью и вселенной, духом и плотью, человеком и Божеством.

Поэтому безучастность сознания или недостаток веры со стороны того, над кем таинство совершается, не лишают таинство его действенности. Отсюда — возможность совершения таинств над неверующими, тяжело-

больными и детьми. Но участие разума и личной веры облегчают и ускоряют течение токов благодати от сверхсознательных корней воли в сферу дневного сознания.

Трансрациональная и сверхличная природа таинств обуславливает их действенность при недостатке или даже отсутствии веры и мистической сосредоточенности также и со стороны тайнодействующего. Отсюда — независимость действенности таинства от личных свойств и от душевного состояния священника. Но его сосредоточенность, вера и вникновение в смысл совершаемого, передаваясь тому, над кем таинство совершается, облегчает последнему восприятие благодатного тока.

Таинство может быть совершено каждым. Но ради большей действенности предпочтительнее его совершение людьми, прошедшими соответствующий искус, духовную и культурную подготовку, завершающуюся *посвящением*, которое само по себе тоже есть одно из таинств. Суровый многолетний искус, через который подобает проходить священнику, обеспечил бы сознательность его подхода к совершаемым действиям, сосредоточенность его воли и веры в момент таинства и, таким образом, его наибольшую действенность.

Однако природа таинств не содержит ничего, что могло бы, при совершении таинства лицом верующим, хотя и не получившим посвящения, нанести духовный ущерб ему или тому, над кем таинство совершается. Поэтому совершение таинств мирянами не может быть запрещено; в случаях же неотложной потребности в таинстве и при отсутствии священника такое действие должно быть приветствуемо. Таинство не может совершиться только в том случае, если один из участников — тайнодействующий или тайнодействуемый — подходит к нему с кощунственной целью.

Признавая мистическую действенность таинств, установленных древним христианством и совершаемых священниками христианских церквей, нельзя, однако, не отметить, что вследствие сдвигов, происшедших в мировом религиозном сознании за последние века, наше изменившееся понимание стремится вложить в некоторые таинства, например в евхаристию, существенно новый смысл. Главное же, новое религиозное сознание усиливает душевную потребность в таких таинствах, о каких не могли тосковать ни отцы великих христианских церквей, ни установители и творцы внехристианских культов. И не только таинства: эта потребность распространяется на всю область священнодействий. Она тоскует по соборным молитвам, возносимым к таким инстанциям невидимого мира, которых не могли осознавать творцы древних религиозных форм. Она жаждет обрядов, которые освящали бы и благословляли всю жизнь: не только движение человеческой души по вертикали вверх, то есть душевное возвышение, но и движение человека по горизонтали, то есть расширение им объема своей души. Эта тоска, возникшая давно и никогда вполне не угасавшая, в эпоху мировых войн достигла своего апогея. Она достигла той степени силы, когда вопль, восходящий к духовному небу, не может не вызвать ответа.

Дух дышит, где хочет. Уверенность в том, что откровение в послеапостольские века осеняло только отцов церкви и кристаллизовалось во Вселенских соборах, остается в том типе сознания, который находит адекватные себе формы в старых христианских конфессиях, — и только в нем. Сознание нового типа слышит голоса откровения и в гимнах Вед и Эхнатона, и в высоком духовном парении Упанишад, и в прозрениях Гаутамы Будды и Рамануджи, Валентина и Маймонида, и в гетевском «Фаусте», и в музыкальных драмах Вагнера, и во многих строфах великих поэтов — слышит его не менее явственно, чем в песнопениях Иоанна Дамаскина и в литургии Василия Великого. Более того, оно слышит его в собственной глубине и жаждет его воплощения в совершенных формах.

Слишком долго ждало человечество, что новый голос раздастся с церковных кафедр и амвонов. Все существующие вероисповедания оказались способными лишь к сохранению древнего содержания и древних форм. Голос звучит, откуда не ждали: из глубины повседневности, из безвестных квартир в гуще больших городов, из тюремных камер, из одиноких полночных комнат, из лесной глуши. Его глашатаи не рукоположены священниками Запада или Востока. И ни у православных патриархов, ни у римского первосвященника, ни у теологов протестантских церквей не получило признания то, что они говорят. Но будет день, и ими возвещенное станет тем средоточием, у которого сойдутся и теологи, и патриархи, и первосвященники всех религий и, забывая о древних разногласиях, скажут: Да.

Передать ли хоть отдаленный отблеск впечатлений от службы во храме без привлечения на помощь обширных выдержек из поэтических и музыкальных текстов этих служб? Но освещение богослужебных текстов выходит далеко за пределы моей книги. Они уже веют и звучат в душевной глубине, и каждый, кто их предчувствует, стремится подготовить себя к их словесному и музыкальному воплощению. Уже различаются отдельные речения, отдельные возглашения хоров и священств, ясно видятся порою отдельные мгновения этих священнодействий, полные непередаваемой красоты. Дожить до лет, когда эти таинства предстанут зримо и явно не в творческом предвосхищении, но в храмах, воздвигнутых на площадях верградов и полных поющею и склоняющеюся толпой, мне не суждено. Молю Бога продлить сроки моей жизни хотя бы до тех дней, когда, успев закончить все остальное, что я должен, я смогу вслушаться и воплотить в слове богослужения Розы Мира — последнюю из моих книг.

Что же я могу — теперь и здесь? Лишь дать несколько беглых указаний на сухом и бесстрастном языке о внутреннем пространстве этих святилищ и о назначении некоторых из них.

Центр верграда, его сердце и в то же время его вершина — это храм Солнца Мира. Без многих других сооружений можно представить верграды в небольших городах, только без храма Солнца Мира невозможно.

Почти с детских лет стоит перед моим душевным зрением образ этого храма. Я вижу его слишком обобщенно для того, чтобы суметь передать его в чертежах и в живописных эскизах. Но чувство не сравнимого ни с чем великолепия охватывает меня всякий раз, как он передо мною возникает. Облицованный чем-то похожим на белый мрамор, он возвышается на гребне холмов над речной излучиной, и к нему ведут широко раскинувшиеся ле-

стницы. Каждая из таких лестниц поднимается к нему с одной из четырех сторон, как бы раздвигая тяжелый цоколь и разрезая пояс монументальных колоннад, на цоколе возвышающихся. Каждую лестницу встречает высокая белая стена с тремя полукруглыми воротами и с золотой эмблемой наверху: крылатое сердце в крылатом солнце. Над колоннадами и над центральной стеной поднимаются кровли: являя собой сложную систему мощных золотых ступеней, они служат как бы пьедесталами для пяти белых, слегка сужающихся кверху башен. Центральная башня огромнее остальных, но все пять украшены узкими вертикальными членениями и увенчаны золотыми куполами; кажется, облака цепляются за странные их кресты.

В сущности, каждая башня венчает особый, заключенный под нею придел; под центральною башней уступообразные кровли — величественнее, внутреннее пространство святилища, расположенного под ней, — шире и колоссальнее; оно устремляется ввысь, непосредственно переходя во внутреннюю полость главной башни. Там, в самом куполе, на головокружительной высоте, ровным светом сияет сквозь медленно меняющиеся голубоватые клубы, эмблема пылающего Солнца, вписанного в равноконечный крест с четырьмя заостряющимися лучами.

Мне кажется, неф центрального святилища окаймлен рядами поддерживающих хоры колонн и обращен к широкому амвону; амвон отделен аркадою от главного алтаря. Бывают праздничные службы, когда заалтарный образ-витраж раздвигается, открывая высокий проем во внешнее пространство. Становятся видными северо-восточный отрезок горизонта и утренний диск летнего солнца, всплывающий из-за городских крыш, чтобы начать свое шествие по небесной дуге самого длинного дня в году. Через проем, образовавшийся позади алтаря, предстоящие выходят на открытую террасу над городом, обращенную на северо-восток. Здесь, видимый и собравшимся на площади, и молящимся во храме, верховный наставник совершает торжественную службу Солнцу в трех его значениях: как воплощению великого жизнетворящего духа; как отчему лону, из которого изошло телесное существо всей Земли и всего земного, и как образу — подобию Всевышнего.

Оборудованный совершенной техникой, храм располагал бы возможностями к устранению любых внешних неудобств или помех для собравшихся и к обеспечению внешней стороны самых сложных, многолюдных и великолепных действ. Пульт управления механической частью был бы, вероятно, вынесен на хоры; там же расположились бы орга́ны, места для оркестров и клиров.

Направо и налево от главного алтаря, в котором протекают также служения, обращенные к Первой Ипостаси, мне представляются приделы Приснодевы-Матери и Бога-Сына: они сообщаются с центральным залом двумя высокими арками; тяжелые занавесы закрывают проемы этих арок в обычные дни. Если же оглянуться назад, то по сторонам от главного входа увидишь две другие подобные же арки; за ними — приделы Синклита России и Синклита Мира.

В верградах небольших городов не будет необходимости в отдельных храмах, посвященных одной из ипостасей Троицы или в отдельных храмах Синклитов: потребность в этих культах могут удовлетворять служения в соответствующих приделах храма Солнца Мира. Но в больших городах наряду с такими приделами неизбежно возникнут особые храмы именно этого назначения.

Культ Единого, культ Солнца Мира не сможет исчерпать того религиозного осмысления, которое Роза Мира даст событиям истории, событиям культуры, событиям личной человеческой жизни. Таинство рождения; обряды, сопутствующие различным возрастам детей и их возмужанию; таинство брака и таинство расставания; таинство побратимства — священнодействие, благословляющее союз двух душ в высокой дружбе; благословение творчества художественного, воспитательного, врачевательного, общественного, творчества любви, творчества семьи, творчества просветления животных, творчества даже таких родов и форм, которых мы еще не предвидим, — все это войдет в ритуал Розы Мира, направляясь в одних случаях — к инстанциям христианского трансмифа, в других — к Синклитам метакультур и Синклиту человечества, к Великим Стихиалям и к Матери-Земле и, наконец, к Той, на Чье приближение к нам мы уповаем.

О, культ Приснодевы-Матери и Ее выражения на земле — Звенты-Свентаны — будет прекрасным, как весеннее небо, и таким же незапятнанно чистым. Мужского духовенства этот культ не должен знать. Осторожность и бережность во имя охраны от малейшей мути должны быть в нем неусыпнее и тщательнее, чем в любом ином. Гарантировать его чистоту было бы невозможно, если бы в ритуальных действиях принимали участие духовные лица обоих полов или даже только мужчины. Лишь исключительная ясность сознания и очищенность души могла бы быть порукой, что священник никогда не внесет в эти священнодействия, вольно или невольно, капли тонкого душевного яда, не примешает в атмосферу чистейшего поклонения струй духовной влюбленности, некоторой эмоционально-поэтической экзальтации. Поэтому вход в алтари Приснодевы и Звенты-Свентаны должен быть мужскому духовенству запрещен, исключая двух или трех особых праздников в году, когда священнослужительницам сослужит один из первосвященников. И поэтому же храм Приснодевы соединен со своеобразным женским монастырем, — но не тем монастырем старых времен, который ломал судьбы «бременами неудоносимыми», но монашеством строгих обетов, даваемых на столь же строгий срок, не более десятилетия. Никто не воспрепятствует — напротив: церковь благословит священнослужительницу, по истечении срока, еще в расцвете сил, сложить с себя ношу иноческого служения и возвратиться в мир для исполнения ее долга общечеловеческого: любви, материнства и воспитания.

Но будет, вероятно, и другая категория среди духовных лиц этой второй, голубой иера́рхии: женщины, уходящие в храмовую жизнь на склоне своих лет, когда все личное в душе уже перегорело. Только преклонный возраст позволит им с успехом подвизаться на тех поприщах, на которых, помимо культа, голубое духовенство будет проявлять себя: в области воспитания, ухода за больными и, может быть, этического врачевания преступников.

Есть необозримо огромная область человеческой жизни, с которой до сих пор непосредственно связано лишь одно таинство христианского куль-

та: это область отношений между мужчиной и женщиной и связанное с ней таинство бракосочетания. В главе о Женственности я уже указывал, что великая аскетическая эра, так жестко и сурово отпечатавшаяся на историческом христианстве, привела к тому, что брак и деторождение были освящены таинством, но высшим состоянием продолжало считаться иночество. Правильнее сказать, что брак и деторождение терпелись поневоле — и только. Есть некое, не всеми сознаваемое противоречие в обрядах, когда благословение на брак испрашивается у таких инстанций духовного мира, которые как раз оправдывают как прямейшую дорогу к ним безбрачие и самоограничение. А инстанции христианского мифа именно таковы. Уместно ли испрашивать благословение на брачное сожительство у Иисуса Христа, Которого кощунственно даже мыслить вступившим в человеческий брак? Или у великих святых, достигших святости именно в безбрачии? Или у Пресвятой *Девы* Марии? Говорят про чудо в Кане Галилейской. Но разве мыслимо этот единственный в своем роде эпизод евангельской истории противопоставлять повелительному духу всех ее остальных глав, всем бесчисленным речениям евангелистов, апостолов и Самого Христа, указывавших на отречение от всех земных привязанностей как на наивысший идеал? Очень правдоподобно, что если бы миссия Христа в Энрофе не прервалась, то чудо в Кане Галилейской оказалось бы началом такой цепи Его деяний, которые в конце концов привели бы к полному преобразованию физической данности брака и любви. Но этого не совершилось. И не удивительно, что таинство бракосочетания оформилось словесным текстом, не лишенным надуманности и сухости. Чувствуется, что «Исайя, ликуй!» создавалось каким-нибудь чернецом по приказу высших иерархов. Освятить глубоким и осмысленным обрядом такой потрясающий своей значительностью момент, как *рождение* человека, никому в христианстве даже в голову, по-видимому, не приходило. Развод же — богословски и фактически — оказался почти невозможен: «Что Бог соединил, человек да не разъединяет».

Однако ведь, когда воля Божия сказалась в соединении двух любящих, она проявилась не в громе и молнии, не в чудесном вторжении иерархий в наш видимый мир, а просто в голосе любви, заговорившем в двух сердцах, и в их собственной воле к этому соединению. Этот голос любви и был воистину божественным голосом; таинство же брака есть мистериальное действие, имеющее целью низвести в волю обоих любящих высшие духовные силы, которые помогут им осуществить эту любовь в совместной брачной жизни, не замутняя, не искажая и не истощая любви. Ну, а если в их сердцах заговорила воля к расставанию? если один из двоих убедился, что любовь иссякла, а взамен ее возникла, столь же непостижимо, как и первая, новая любовь, обращенная на третье лицо? И возникла притом не в качестве мимолетного влечения, а в виде глубокого, непобедимого чувства? Кто это сказал, откуда это известно, каким мудрецом провозглашено, будто любовь может прийти к каждому человеку только один раз в жизни, и ни в коем случае не больше? Какое пуританское незнание душ человеческих может навязывать всем этот путь единиц? И если даже такой новой любви не возникло, а только оба убедились, что продолжение совместной жизни — обоюдная, никому не нужная

мука, и жаждут освобождения — разве жажда свободы не есть проявление в человеке той же исконной божественной воли? Речение Христа «Что Бог соединил, человек да не разъединяет» — это не юридическая норма, а нравственный завет, духовное предупреждение. Оно означает, что если Бог, то есть голос взаимной любви, услышанный двумя сердцами, соединил обе их жизни, пусть каждый из них остережется разрывать этот союз, подпав соблазну слишком человеческих побуждений: потаканию своей низшей, самостной свободе, эгоизму, беглым увлечениям и страстям, лени, похоти, нетерпению. Почему же мы налагаем таинством брака нерасторжимые узы на всю жизнь? Как будто таинством нельзя низводить духовную помощь в круг таких усилий, которые имеют в виду брачный союз на длительный срок, а не на вечность! Почему мы освящаем таинством соединение любящих и не желаем освящать другим таинством боль их расставания? Разве не может быть такого мистериального действия, которое имело бы целью низведение в волю обоих расстающихся новых духовных сил, помогающих им очистить сердце от взаимной враждебности, мелкого недовольства, ревности, зависти, себялюбия, обид, возвести внутренний акт расставания в более высокий план и, расставаясь в качестве супругов, остаться взаимно уважающими, взаимно расположенными, взаимно благодарными друзьями?

Да ведь и самый брак может быть разных форм и видов. Мне думается, что, когда перед алтарем предстают юноша и молодая девушка, не нужно налагать на них брачные обеты на бóльший срок, чем на несколько лет, да и помощи им уместно просить не у инстанций христианского трансмифа, а у Матери-Земли и даже у Всенародной Афродиты человечества. Только по прошествии ряда лет, если союз окажется прочным и любовь не иссякнет между ними, можно другим таинством, обращенным только к Матери-Земле и к Солнцу, низводить благодатную помощь на следующий, более длительный этап — на длительный этап, но тоже не на вечность. И только если минует и этот срок, а любовь между супругами окажется прочной и углубляющейся, выдержит все испытания жизни, будет возрастать, и когда оба они, пред лицом надвигающейся смертной разлуки, испытают потребность благословения свыше своей любви как любви *на веки веков* — тогда священнослужительница Приснодевы-Матери скрепит их духовные судьбы таинством в е ч н о г о б р а к а, вечного спутничества друг другу во всех мирах.

Что касается архитектурного облика и художественного стиля храмов, посвященных Приснодеве-Матери, то мне они рисуются как бы вариантами храмов Солнца Мира. Легко угадывается при этом, что преобладающим в их интерьерах цветами будут оттенки голубого, а внешняя отделка зданий либо серебристо-голубоватой, либо сочетающей золото, синь и белизну.

И естественно предположить, что рядом с храмами Приснодевы найдут свое место храмы Бога-Сына, в основном посвященные образу Иисуса Христа. Мне не думается, чтобы этот культ резко разнился от культов старого христианства; значительные отличия, однако, все-таки неизбежны. Старинные богослужебные тексты отягощены грузным наследием Ветхого Завета, а ветхозаветность — это как раз тот элемент в христианстве, который ждет своего пересмотра прежде всего. И все то в богослужении, что пропитано

этим древним иудаистическим духом, не сможет быть оставлено в неприкосновенности. С другой стороны, в христианском культе не найти ни единого намека на то, в чем заключался восходящий путь, деятельность и творчество Иисуса Христа после той Его трансформы, которая упоминается в Евангелии как вознесение. А между тем с этого дня прошло свыше девятнадцати веков; Спаситель и Его великие друзья, в неустанной борьбе с силами Противобога, преобразили целые системы миров во всех метакультурах, из кругов вечных страданий превратив их в чистилища; величайшие из просветленных, те, кто входит в Элиту Шаданакара, творили и творят изумительнейшие миры. Напомню, что основы Уснорма, слоя вечного богослужения всех человечеств Шаданакара, созданы тем великим духом, который в последний раз прошел по земле в образе апостола Иоанна Богослова. Невозможно забыть также, что планы таких миров, как Небесная Россия, романо-католический Эдем, Византийский Рай, Монсальват, сотворены великими духами, известными нам под именами апостолов Андрея и Петра, Иоанна Крестителя и легендарного, запечатленного только в эзотерических сказаниях Титурэля. И до каких же пор следует сохранять гробовое молчание о той непрерывной, множество форм принимавшей и принимающей борьбе, которую ведут силы Христа с тысячеобразными порождениями Противобога, с его меняющимися мировыми замыслами? До каких пор и во имя чего делать вид, будто мы не знаем ничего о мировых перспективах, ждущих нас, — о грядущем антихристе, его царстве и гибели, о том, что зашифровано было две тысячи лет назад в пророчестве о втором пришествии и Страшном суде? Кто дал нам право держать под семью печатями головокружительную радость от знания о неизбежно грядущем «тысячелетнем царстве», когда миллионы просветленных, взошедших, восходящих и долженствующих взойти в затомисы метакультур, возродятся на преображенной Земле и когда начнутся те тысячелетия, смысл которых — спасение всех, павших в нижние слои Шаданакара, воссоединение с ними, борьба за обращение демонических сил на восходящий путь, просветление всех слоев брамфатуры и искупление самого Противобога? Все это и многое другое не может долее оставаться неотраженным в культе Спасителя Христа, об этом не смеем мы дольше молчать в богослужениях Логосу.

С этим культом будет связана третья из иера́рхий духовенства Розы Мира. Если первой их них — иера́рхии Триединого Бога, чтимого под символом Солнца Мира, и Его первой ипостаси, Бога-Отца — может быть присвоен золотой цвет, а второй иерархии — голубой или синий, то, согласно мистической традиции, духовенство Бога-Сына, Планетарного Логоса, Иисуса Христа закономерно представляется облаченным в одежды белого цвета.

Все эти три иера́рхии, все три культа имеют универсальный, космический смысл; по самому существу своему они могут и должны быть едиными для всего человечества. Но, сверх того, учение Розы Мира обладает такими аспектами, каждым из которых она обращается только к одному сверхнароду, к людям одной культуры. Метаисторическое объединение человечества — величественный процесс, могущий протекать лишь с постепенностью. Пока существуют метакультуры, со всей спецификой их исторических выражений, единое учение будет преломляться сквозь различные культурные призмы, и

в этих преломлениях скажутся различия исторических судеб, фонда знаний, накопленной мудрости и исторического долженствования. Единая в своих высших проявлениях, Роза Мира в каждой из культур создаст для себя как бы фундамент в виде некоторого этического и метаисторического учения, сопровождаемого культом и обращенного только к данному сверхнароду или нации. Такое учение будет говорить о слоях данной метакультуры, о ее Синклите и ее затомисе, ее шрастрах и ее античеловечестве, о судьбах и образах ее великих праведников, гениев и героев — обо всем том, что непосредственно и горячо затрагивает только тех, кто принадлежит к этой культуре. Оно будет учить осмыслению ее прошлого и настоящего, оно уяснит задачи, стоящие перед этим сверхнародом, — задачи неповторимо индивидуальные, исторически отличные от задач, стоящих перед народами других метакультур. Воспитывая поколения, оно сосредоточит внимание на выпестывании преимущественно тех сторон личности, которым предстоит проявиться всего активнее, когда воспитуемый включится в творческую борьбу за осуществление исторических задач данной культуры.

Таким аспектом единого учения, обращенным, например, к народу японскому, мог бы быть преобразованный шинтоизм.

Аспектом, обращенным к народу еврейскому, могло бы стать преобразованное иудейство.

Аспект, обращенный к народу германскому, был бы создан впервые на основе метаисторического откровения, сходящего в культуру Германии; этому аспекту можно было присвоить условное наименование Deutschentuhm[1].

В аспекте, обращенном к народу индийскому (его было бы правильно, если не ошибаюсь, назвать *бхараттва*), был бы подытожен метаисторический опыт именно этого народа.

Тот аспект всечеловеческой религии, который обращен к народу российскому, и только к нему, есть россианство. Оно учит о нашей метакультуре, о нашем Синклите, об исторических и запредельных деяниях русских героев, гениев и святых. Оно учит о светлых и темных иерархи́ях, проявляющих свою волю в нашей культуре и истории, о религиозном, культурном и социальном долженствовании нашего сверхнарода, о русской нравственности — личной и социальной. Оно подготавливает русских к всечеловеческому служению. Оно вырабатывает россианский культ.

Отсюда — неизбежность четвертого культа и четвертой иера́рхии Розы Мира. Цвет, который ей надлежит присвоить, будет, возможно, пурпуровым. Для народов России этот культ будет россианским, эта иера́рхия — россианской иерархией. Но и в России, и во всякой стране возникнет то, что я привык называть, за неимением другого, более правильного слова, пантеонами: храмы Синклита данной страны.

Мне представляется большой, овальной формы зал, со входом на одном из узких концов его, с алтарным возвышением на другом. На громадном, вытянутом вверх запрестольном образе в россианском храме туманно светятся условные облики: многокрылый демиург Яросвет и восседающая на тро-

1. Немецкий дух (*нем.*) — *Ред.*

не, осененная демиургом Навна с Младенцем-девочкою Звентой-Свентаною на коленях. Не стены — только колоннады отделяют этот зал от кольцеобразного вокруг него придела: там, в полусумраке высоких ниш, приподнятых рядом ступеней над полом, затуманенно сияют узкие, высокие метапортреты родомыслов, гениев, вестников и праведников нашей страны. Перед каждым из них в урочный день зажигаются огни, совершаются служения, и, быть может, у этих служб будут некоторые черты сходства с акафистами православия. По наружной же стене храма, в соответствующих нишах, белеют скульптурные портреты — портреты в общепринятом смысле этого слова, — такие образы этих людей, какими обладали они при жизни. Ибо метапортреты, перед которыми могут протекать служения, суть лишь условные изображения просветленных: таких, какими пребывают они в затомисе. Невозможность точно воспроизвести четырехмерный образ в двухмерной плоскости и выразить девятицветную спектральную гамму тех миров семицветными средствами Энрофа обусловит, конечно, относительность этих метапортретов. Но сколь бы условен ни был такой образ, достоин принимать молитвословия именно он, и только он, ибо внутренним правом и смыслом обладает только та молитва, которая обращена не к человеческим существам, какими были эти души на земле столько-то десятилетий или веков назад, а к их просветленному, запредельному существу, ныне пребывающему и творящему в России Небесной.

Наряду с пантеонами отдельных сверхнародов и наций будут воздвигнуты, конечно, и пантеоны человечества — Синклита Мира и Элиты Шаданакара. Думаю, что со временем ни один город не обойдется без такого пантеона, потому что великие духи, достигшие этих наивысших миров, — друзья и сотворцы всего человечества.

Но верграды включают еще один род святилищ, и подобных храмов еще не было, да и не могло быть никогда. Место им — не иначе как подле водоемов — рек, озер или каналов с проточной водой. Это — храмы стихиалей.

Роза Мира укажет путь к тому, чтобы наслаждение от соприкосновения с плотью природы делать все шире, наше счастье от общения с ее духами — все глубже, а нашу радость от исполнения долга перед ней — все чище и оправданнее. До сих пор, по-видимому, только индийские религии с их заветом «ахимсы» — запретом нанесения страдания какому бы то ни было живому существу — приблизились к подлинной религиозно-этической любви к природе. Но ахимса имеет в виду главным образом людей и животных; стихиали остаются вне пределов завета, если не считать души некоторых рек. А между тем давно уже время понять, что мы, вырубая леса под корень, безбожно насилуя течение рек во имя извлечения гидроэнергии, а луга и поля заменяя ландшафтом убогих пригородов и поселков, наносим ущерб. И прошу не принимать эти слова за традиционные вздохи праздных, поэтически настроенных натур: ущерб, этим наносимый нами самим себе, совершенно конкретен, хотя и не утилитарен. Это — тот самый душевный изъян, тот самый разрастающийся вакуум в душе человечества, который образуется вместе с заменой природы антиприродой. Тот изъян, который состоит в гипертрофии двух сфер человеческого существа — рассудка и примитивной чувственности и в отмирании всех остальных его потенций. Этот изъян растет параллельно тому ущербу, который мы наносим дивным мирам Лиурны и Арашамфа, Дараинны и Мурохаммы, Фальторы и Страны Эльфов. И напротив, сажая деревья, ухаживая за лесами, расширяя сады, учреждая заповедники, озеленяя города, мы творим добро не только себе, но и им. Но этого еще недостаточно. Поскольку нами и в этом руководит утилитарный интерес, жажда материальной выгоды, постольку все это и обогащает нас только материально. И лишь в те времена, когда мы станем делать все это не ради себя, а именно ради просветления природы, ради расширения в ней областей, животворимых светлыми стихиалями, и изгнания из нее стихиалей демонических — только в те времена мы начнем осуществлять по-настоящему наш прекрасный долг по отношению к ней. Ничто так не привлекает светлых стихиалей, как садоводство и древонасаждение. Без садоводства, сосредоточенного рядом со святилищами и распространяемого по всей земле, мыслить культ стихиалей невозможно. Естественно также, что этот культ освятит и одухотворит своими веселыми и чистыми священнодействиями этапы ежегодных полевых работ, а многие обряды будут так просты и поэтичны, что войдут во всеобщий быт, так как их сможет исполнять всякий, даже ребенок.

Следует постоянным чувством дружбы со светлыми стихиалями одухотворить спорт. Почему средний тип спортсмена наших дней поражает примитивностью своей психологии? Отчего мысли его поглощены только вопросами спортивной техники, а над его чувствами властвуют инстинкт соперничества, бесенок честолюбия да огромный, мускулистый бес самодовольства? Причины этого многоразличны, но главная та, что он замкнут в своей утилитарно-физиологической любви к природе. Он и не подозревает возможности о с м ы с л е н и я связи со стихиалями, среди излучения которых он пребывает так часто и так подолгу. Он остается за тысячу верст от мысли, что если его тело погружается в воду и мчится великолепным брассом, восхищая зрителей, то как бы ни был он сосредоточен мыслью на правильности своих движений, но одна частица сознания должна непрерывно, жадно следить, вчувствоваться, вдумываться в струи и брызги воды — в эти крылья и руки существ Лиурны, с упоением обнимающие его тело. Если он на лыжах устремляется с горы, одна частица сознания (чем бы ни были заняты другие частицы) должна осязать привлеченных его смелостью, ловкостью и быстротой, целующих его ветром в лицо стихиалей Нивенны и Ахаша; а скольжение этих пушистых снегов и плавные изгибы земной поверхности надо воспринимать подобно тому, как воспринимает человек изгибы телесных форм женщины, которую он любит.

Потому что Земля — не только наша мать; в каком-то глубочайшем смысле, которого еще нельзя изъяснить, она — и наша возлюбленная. Следует вспомнить завет Достоевского, заклинавшего нас целовать землю, и расширить этот завет, дав возможность нашим ногам целовать землю постоянно, при каждом шаге. Этой удвоенной радостью — радостью от прикосновения стихий и радостью от сквозящих за ними светлых стихиалей — пронижутся игры, танец, омовение, спорт, полевой труд, цветоводство и огородничество, воспитание животных, туризм, вся физическая культура. Это и

будет культ стихиалей, мирный и веселый культ, полный счастья. Он будет сопряжен с посадкой деревьев и цветов, с расчисткой зарослей, с богослужением Солнцу и Земле, с посвященными стихиалям народными действами.

Влияние человечества на стихиалей — огромно, хотя еще совершенно не осознано нами самими. Современная бездушная цивилизация действует на них ужасно. Если, например, система шлюзов и плотин, искалечившая Волгу, будет функционировать сотню лет, Волга станет мертва, как реки Марса — планеты, где есть реки, но стихиалей уже нет, а растительность существует лишь по инерции, просто в силу законов материи, производящих атмосферные движения и вызывающих выпадение осадков. Это не значит, что недопустимо никакое шлюзование рек, никакое строительство гидростанций. Это значит только, что зеленая иерархия Розы Мира, иерархия стихиалей, должна взять подобные работы под свой контроль, внося в них дух бескорыстия, дружественность, веру, одухотворенность.

Недавно вблизи города Майсора в Южной Индии построена большая плотина. Она воздвигнута на той самой реке Кавэри, которую, согласно верованиям индийцев, наполняет животворной водой богиня Кавэри, родившаяся в горах — Западных Гатах. Советский журналист, имевший счастье побывать там, пишет: «Сказочной выглядела и сама плотина, с огромным озером, раскинувшимся среди голых, обожженных солнцем холмов. Сказочно красивым был и сад, с фонтанами, созданный вблизи плотины… Умные и искусные руки вырастили сад необыкновенной яркости и красоты, перед которой бледнеет сама природа… Мимо прямых каналов и круглых бассейнов с фонтанами мы пересекли весь сад и по лестнице, в центре которой почти бесшумно летел водопад, поднялись к павильону богини Кавэри. Мягко поблескивая позолотой, богиня сжимала на своей груди кувшин, через край которого хлестала вода. Став перед нею, наши хозяева сложили молитвенно руки, подняв их на уровень лица: знак, означающий и приветствие, и благодарность. Перед Кавэри обязательно останавливались и также молитвенно складывали руки все проходившие мимо индийцы. Они благодарили богиню за то, что она дает им воду и покровительствует величественной плотине»[1].

Это имеет глубочайший смысл. Это та самая живая душевная связь народа со светлыми стихиалями, о которой я говорю. И как естественно, что мы встречаем ее именно у народа индийского, в религиозном отношении гениальнейшего из всех народов.

Излучения светлой духовности людей действуют на темных стихиалей разительно. Они отступают, частично перерождаясь. Вот отчего нас так поражает различие между реками, одинаково протекающими по странам тропического пояса, но в одном случае — вьющимися по непроходимым лесам, почти необитаемым людьми, как Амазонка и Ориноко, в другом — орошающим стра́ны с высокой духовной, именно духовной, а не технической культурой: я имею в виду Ганг, Нербадду, Иравади, Меконг. Природа великих рек Южной Америки, по берегам которых обитают лишь примитивные, почти лишенные еще духовности племена, демонизирована насквозь: трудно представить себе более хищную фауну, более жуткую флору, чем флора и фауна этих бассейнов. Реки же Индии и Индо-Малайи — кормилицы и благодетельницы этих стран, и надо увидеть их собственными глазами, чтобы ощутить эманацию неизъяснимого мира, дружественности и каких-то нездешних прохлады и тепла, веющих над их водами. Это — следствие неосознанного нами воздействия очищенных, смягченных и устремленных к свету человеческих душ — излучения народов, века и тысячелетия по их берегам обитавших со всею своей возраставшей и накапливавшейся духовностью. То же происходило в долине Нила и, хотя в меньшей степени, на реках Европы и России. И если бы подобные очаги духовности возникли на берегах Ориноко и Амазонки, через несколько столетий хищные и жуткие стихиали Ганникса отступили бы прочь, а светлые стихиали притекли бы сюда и изменили бы эту природу.

1. Краминов Д. По Индии.< М.>: Молодая гвардия, 1956. С. 184–186.

Еще сильнее будут воздействовать те ясные, глубоко осознанные, не ощупью, а с духовной целесообразностью принимаемые меры, которыми Роза Мира будет преобразовывать лицо земли.

Главными элементами храмов стихиалей мне представляются, как ни странно, водоем и стадион, расположенные параллельно друг другу. Каждый из них окаймлен с одной стороны как бы амфитеатрами — открытыми, без кровли, а между водоемом и стадионом, слегка вдаваясь в них открытыми террасами, возвышается здание центрального святилища. В террасу обращена и плоская его кровля с небольшой башнею в середине. Открытая лестница вьется вокруг этой башни к маленькой площадке наверху. Здесь совершаются служения солнечному и лунному божествам, великим стихиалям воздуха и мировых вод. Внутреннее помещение может быть предназначено для богослужений в зимнее время и для священнодействий значения частного, связанных с рождением, с учением детей и их возмужанием, с первым и вторым браком. Стадионы же и водоемы предназначены для многолюдных действ, в которых элементы танца, спорта, игры и славословия соединены, образуя мистериальное целое. Эти действа настраивают душу и тело к восприятию стихиалей, их близости, их действенности; телесную радость они пронизывают духовностью, а переживание близости светлых миров облекают в чистое и жизнерадостное чувство, полное молодого веселья.

Священство стихиалей — пятая и последняя иера́рхия Розы Мира: зеленая. От остальных иерархий ее отличает ряд особенностей, неповторимых и своеобразных черт. По-видимому, каждая из иерархий будет иметь свой особый устав, будет предъявлять к своим членам особые требования. Вступление в иера́рхию Солнца Мира, в священство Бога-Сына и в священство Синклитов предполагает обширное образование, общее и специальное, длительную подготовку и весьма суровый искус. Слишком хорошо известно, как к любому движению в человечестве — религиозному, общественному или политическому, — по мере его успеха начинают примыкать множества людей, преследующих личные интересы и личные выгоды. Легко представить, сколько лиц, не имеющих никакой внутренней связи с идеалами Розы Мира, поспешит примкнуть к ней, превращая ее в поприще честолюбия и корыстолюбия. В той или иной степени это неизбежно. Но это несчастие должно быть ослаблено. По мере возрастания общественного значения и положения но-

вого духовенства придется повышать ту ограду, которая оберегает его от проникновения в его среду людей безыдейных и случайных. Возможно, что под конец установятся весьма жесткие нормы испытательного искуса, вплоть до обязательного, добровольного, двух- или трехгодичного уединения в условиях, средних между условиями кельи, кабинета и одиночной камеры. Вероятно, испытуемый не будет лишен возможности покинуть место своего искуса в любой момент, но этим он утратит право на принятие сана. Кроме того, объем знаний, необходимых для успешного выполнения задач, стоящих перед каждым духовным лицом, столь велик, ответственность столь огромна, а возможная амплитуда его практической деятельности столь широка, что приобретение этих знаний и навыков потребует весьма длительного курса. Поэтому в золотую, белую и пурпуровую иера́рхии мужчины вряд ли будут приниматься раньше тридцати пяти лет. Функции голубой иера́рхии обрисовываются гораздо уже; поэтому деятельность священнослужительниц может начинаться раньше и либо заканчиваться к тридцати годам, либо видоизменяться в дальнейшем так, что необходимые для этого знания и опыт будут приобретаться в ходе самой этой деятельности.

На зеленое духовенство возлагается, кроме обязанностей культа, решение двух задач. Первая — та сторона воспитания подрастающих поколений, которая, будучи обогащена и пронизана духовностью стихиалей, заменит плоское и отупляющее физическое воспитание наших дней. С этим связывается и ведущая роль в преобразованных организациях молодежи, и участие в организациях естественно-научных, агрономических, зоовоспитательных.

Деятельность такого рода потребует не столько углубленных и универсальных знаний или жизненного опыта, сколько юношеской энергии, силы, телесной гармоничности и красоты, задора и неистощимой жизнерадостности. Как ясно вижу я этих веселых загорелых юношей и девушек в изумрудно-зеленой одежде, с зеленой накидкой на плечах в свежую погоду, всегда и везде босых, одинаково ловко и ладно ухаживающих за цветниками и прыгающих с шестом, ощущающих в ритуальном танце близость светлых стихиалей или, под хоровое пение молодых голосов, совершающих приношение цветов и плодов Луне и Солнцу! Я представляю их окруженных школьниками или читающих лекции для подростков; легкой поступью расхаживающих по шумным улицам или беспечно валяющихся на лугу, закинув руки за голову и глядя в небо. Счастливцы! Как прекрасна будет их молодость, как гармонична жизнь, как полна любовь, какие чудесные будут у них дети!

Но перед зеленым духовенством станет еще другая задача: руководство во всем, что касается преобразования и просветления природы. Для этого будет уже недостаточно молодости, силы и чистоты: потребуются опыт и знания. Опыт жизненный и опыт духовный, знания научные и знания трансфизические. Мне кажется, все это может приобретаться с годами, параллельно с работой в храмах стихиалей и в школах; если для этого когда-нибудь и понадобится этап уединения, то это уединение должно протекать, конечно, среди природы, может быть, в заповедниках.

Вот приближается к концу изложение концепции. Я вполне отдаю себе отчет в ее чрезвычайной сложности и в том, насколько мало найдется людей,

чья духовная потребность была бы достаточно сильна, чтобы заставить их преодолеть трудности этой книги. Со временем число таких людей будет возрастать, придут и истолкователи, и популяризаторы. Но, с другой стороны, учение будет восполняться духовным опытом многих и многих других, и в эпоху господства Розы Мира сложность учения сделается так велика, что лишь единицы смогут понять его и обнять во всех частностях. И пусть! Это хорошо, что в учении останется эзотерическая глубь: не всегда и не все должно выносить на площадь, даже если это площадь верграда.

И все же для меня особенно радостными бывают те часы, когда мне удается (иногда это приходит само собой) уловить отголоски той великой праздничной службы, которая совершается перед лицом многих десятков тысяч человек и в которой участвуют — единственный раз в году — все пять священств Розы Мира. До моего сердца доносятся звуки золотых труб — высоко-высоко, под самым куполом на главной башне великого храма. Город еще во мгле, а купол и эти трубы уже загорелись в солнечных лучах: поднимается день летнего солнцеворота. Я слышу мелодию, я вижу, как распахивается в храме заалтарный проем, и алый диск, еще перерезанный зубчатой линией городского горизонта, является перед народом. Я вижу вокруг престола в алтаре представителей всех священств и среди них священнослужительницу Приснодевы и священнослужительницу Великих Стихиалей. Я различаю, как все предстоящие — их семь — протягивают над престолом правую руку. Я не могу различить, что за таинство совершают они, но вижу гармонию их медленных движений и слышу, как обращается к Солнцу старший из них, верховный наставник человечества:

— Слава тебе, восходящее Солнце!

Громоносные хоры повторяют эти слова, и снова трубят золотые трубы снаружи храма, под куполом.

— Слава тебе, возносимое сердце! — различается второй возглас верховного наставника, и я вижу, как он, сопровождаемый иерархами всех священств, направляется через распахнутый проем на восточную террасу. И когда замолкает гром хора и трубы в третий раз повторяют свой напев, я вижу, как верховный наставник приближается к парапету над площадью и возглашает, поднимая на фон алого диска крылатое сердце-лампаду, светящуюся изнутри:

— Благословенна желанная встреча в зените!

Глава четвертая
КНЯЗЬ ТЬМЫ

Многое воспринимаю я при помощи различных родов внутреннего зрения: и глазами фантазии, и зрением художественного творчества, и духовным предощущением. Кое-что вижу и тем зрением, которым предваряется долженствующее быть. Но все, что я вижу впереди, — для меня желанное; и нередко я совершаю, может быть, незаметную подмену, принимая желаемое за объективно предназначенное к бытию.

Такая подмена больше не может иметь места, коль скоро взор направляется в дальнейшую тьму времен и различает там не желаемое и радующее, а ненавидимое и ужасающее.

Не странно ли, что Роза Мира, долгое время господствуя над человечеством, все-таки не сможет предотвратить пришествия князя тьмы? — Да, не сможет. Ко всеобщему величайшему горю — не сможет. Не сможет, хотя и будет всеми силами стремиться отсрочить его приход, чтобы закалить для борьбы с ним наибольшее число умов и сердец человеческих.

При благоприятном решении ряда исторических дилемм она действительно водворит на земле условия Золотого Века. Она упразднит государственное и общественное насилие. Она устранит какую бы то ни было эксплуатацию. Она ослабит хищное начало в человеке. Она смягчит нравы народов до той степени, на какую намекают нам вещие сны светлых мечтателей прошлого. Она откроет перед людьми пучины познания об иных мирах и о путях восхождения Энрофа. Она поднимет некоторые виды животных до овладения речью и до разумно-творческого бытия. Неослабными предупреждениями о грядущем князе мрака она заранее вырвет из-под его духовной власти мириады тех, кто без такого предупреждения мог бы быть им обольщен и вовлекся бы в колесо горчайшего искупления. Ее грандиозный Синклит — Аримойя — преобразит некоторые из чистилищ в миры духовного врачевания. Но останется несколько противоречий, которых не сможет разрешить и она: их вообще нельзя разрешить до тех пор, пока человечество, как говорил Достоевский, не переменится физически.

Такие противоречия можно смягчить, сгладить, временно заглушить, но устранить их корень нельзя потому, что корень их — в том эйцехоре, которое, со времен падения Лилит, свойственно всем живым существам Энрофа, кроме тех, кто изжил его и испепелил в ходе своего просветления. Главнейшие из этих противоречий психологически выражаются наличием в человеке импульса жажды власти и сложной, двойственной и противоречивой структурой его сексуальной сферы.

Действуя то порознь, то вместе, эти импульсы создают тяготение ко злу, свойственное почти каждому человеку, и способность подпадать обаянию зла в его различных видах, а иногда даже беспримесному Злу, не маскирующемуся уже никакими личинами Блага.

Нужно ясно представить себе ту атмосферу гармонического спокойствия, которая воцарится на земле к эпохе седьмого или восьмого понтификата Розы Мира. О деспотизме государств, о войнах, революциях, голоде, бедности, эпидемиях эти поколения будут узнавать только из книг и памятников искусства. Не отвлекаемые социальной борьбой, силы будут уходить на духовное и физическое совершенствование, на утоление жажды познания и жажды творчества, на личную жизнь, несравненно обогатившуюся, усложнившуюся и расширившуюся.

Насколько я могу различить — хотя это и удивляет меня, — постоянной столицы мира, то есть города, постоянно остающегося резиденцией верховных наставников и Верховного Собора Розы Мира, не возникнет. Кажется, при каждом новом понтификате столица мира будет переноситься в главный город той страны, которая выдвинула данного верховного наставника. Во всяком случае, Дели и Москва окажутся столицами по два раза. Последней открытой резиденцией верховных наставников, когда фактическим властелином мира уже станет антихрист, а единая Церковь человечества начнет уходить в катакомбы, будет, насколько я понимаю, Токио.

Но, хотя всеобщее изобилие подорвет корни зависти материальной, останутся нетронутыми корни зависти духовной, ибо различная степень и различные виды одаренности будут выдвигать одних — на руководящие роли, а других — на роли руководимых. С течением эпох очертания интеллигенции совпадут с очертаниями человечества. Но интеллигенция не будет единой, и производители материальных благ перестанут ощущать себя солью земли. Проблемы материального изобилия и комфорта, проблемы технические и хозяйственные утратят свое преобладание. И глухое недовольство начнет томить тех, кто считает себя производителями материальных ценностей, чей душевный и умственный строй заставляет их тяготеть к работе в областях промышленной техники, хозяйства, агрономии, точных наук, изобретательства. Техническую интеллигенцию не удовлетворит та подсобная роль, которую предстоит ей играть при пятом, шестом, седьмом понтификате, ибо тогда первенствовать будут круги, работающие над проблемами этическими, эстетическими, трансфизическими, метаисторическими, зоовоспитательными, религиозными. Вот это-то глухое недовольство и зависть к положению интеллигенции гуманитарной и окажется одной из общественно-психологических предпосылок для движения, которым воспользуется явившийся в человеческом облике противобог.

Если Роза Мира придет к этическому контролю над всемирной государственной властью, то между этим моментом и сменою эонов должно протечь, если я не ошибаюсь, около двадцати шести верховных понтификатов. Но из этого числа на эпоху господства Розы Мира придется, кажется, семь или восемь, не более девяти. Остальные будут протекать в период царствования антихриста и в следующий затем период последних исторических катаклизмов. Несколько самых последних понтификатов будут очень короткими, а кончины этих верховных наставников — мученическими, ибо властелин мира изыщет способы преждевременно сократить их жизненные пути. В числе верховных наставников, которые преемственно воспоследуют друг за другом, будут русские и индусы, китайцы и уроженцы разных стран Америки, немец и абиссинец, испанец и еврей, японец и малаец, англичанин и араб. Но предательства Божьего дела не совершит ни один. Последний из верховных наставников, тот, при котором исполнится смена эонов, выйдет из маленького, бедного североазиатского народа, в наше время едва приобщившегося цивилизации.

В этой галерее водителей мира я различаю более или менее отчетливо двоих. Одному из них суждено стать верховным наставником, кажется, сразу после того референдума, который предопределит превращение Всемирной Федерации в монолит. Передо мною вырисовывается личность исполинского духовного роста. Мудрость и нездешнее спокойствие, веющие от этого человека, наталкивают на мысль, что, если вообразить Гаутаму Будду коро-

нованным и соединившим достоинство Нирваны с верховной властью над человечеством, можно приблизиться к представлению о блистательном величии этой судьбы и этой души. Облик его заставляет меня предполагать, что этот человек выйдет из недр Китая.

Одним из его ближайших преемников явится другой духовный великан, в гирлянде прежних жизней которого выделяется удаленное во времени звено, когда он проходил по земле в облике одного весьма известного государя империи Гогенштауфенов. Он и на этот раз примет инкарнацию в том же народе, в Германии. При нем завершится полное воссоединение христианских церквей и сочетание всех религий правой руки в свободной унии.

Я уже столько раз указывал на то, как отразилась недовершенность миссии Христа в ущербности средневекового христианства и как из психологического климата, создавшегося на Западе вследствие этой ущербленности церкви, возникло антидвижение: Ренессанс, Реформация, Революция, безрелигиозная наука и демонизирующаяся техника — стремительный полет Красного всадника Апокалипсиса. При Белом всаднике будет сделано все возможное, чтобы высвободить науку и технику из-под власти демонизирующих начал. Науку и технику попробуют сопрягать с трансфизическим знанием и с этикой, их заставят работать единственно в целях всеобщего благосостояния, гармонизируя, поелику возможно, взаимоотношения цивилизации и природы. Но специфика техники — ее рассудочность, утилитарность и бездуховность — не преодолеются тем одним, что перед техникой будут поставлены более возвышенные задачи, а ее методам будет навязан этический контроль. Эта внутренняя бездуховность и утилитарность сохранятся до тех пор, пока именно эти свойства техники не понадобятся пришедшему во плоти противобогу. Технический прогресс, вызванный безрелигиозной эрой, останется, в сущности, нерешенной проблемой и, как флегмона, развивающаяся на организме человечества, прорвется на рубеже антихристова царства.

Жажда власти и жажда крови тайно шевелятся на дне многих душ. Не находя удовлетворения в условиях социальной гармонии, они толкнут некоторых на изобретение доктрин, ратующих за такие социальные и культурные перемены, которые сулили бы в будущем удовлетворение этих неизжитых страстей. А других будет томить скука. Она перестанет быть гостьей, она сделается хозяйкой в их душевном доме, и лишенное коллизий общественное бытие начнет им казаться пресным. С тоской, с раздражением и завистью будут эти авантюристические натуры знакомиться по книгам с насыщенной приключениями, столкновениями, преступлениями и страстями жизнью других эпох. А наряду с такими индивидуальностями в человечестве выявится еще один слой: чем сытее, благополучнее будет их существование, тем мучительнее начнет язвить этих людей связанность сексуальных проявлений человека путами морали, религии, традиции, общественных приличий, архаического стыда.

Инстинкт морально-общественного самосохранения держит, со времен родового строя, самодовлеющую сексуальную стихию в строгой узде. Но вряд ли выдержала бы долго эта узда, если бы она выражалась только во внутренних самоусилиях человека; если бы общественное принуждение не приходило ей на помощь в виде социальных и государственных узаконений. Здоровый инстинкт самосохранения говорит, что снятие запретов со всех проявлений сексуальной стихии без разбора чревато разрушением семьи, развитием половых извращений, ослаблением воли, моральным растлением поколений и в конце концов всеобщим вырождением — физическим и духовным. Инстинкт морально-общественного самосохранения силен, но не настолько, чтобы предохранить общество от этой опасности без помощи государственных законов, юридических норм и общепринятых приличий. Здоровый инстинкт силен; но когда с инстинкта сексуальной свободы срывается внешняя узда, этот второй инстинкт часто оказывается сильнее. Не следует бояться правды; следует признать, что этот центробежный инстинкт потенциально свойствен, в той или иной мере, большинству людей. Его подавляют внутренние противовесы и внешнее принуждение, он угнетен, он дремлет, но он есть. О, сексуальная сфера человека таит в себе взрывчатый материал невообразимой силы! Центростремительный инстинкт морально-общественного самосохранения притягивает друг к другу, спаивает элементы личной жизни каждого из нас: благодаря ему личная жизнь среднего человека являет собой некоторую систему, некоторую элементарную стройность, подобно тому, как в микромире нуклоны образуют плотно спаянное ядро атома. Но если найти убедительное и обаятельное учение, которое убаюкало бы человеческий страх перед снятием узды с инстинкта абсолютной сексуальной свободы, произойдет моральная катастрофа, подобных которой еще не происходило никогда. Высвобождение центробежной энергии, заложенной в этом инстинкте, могло бы, переходя в цепную реакцию, вызвать такой сокрушительный общественно-психологический переворот, который сравним с высвобождением внутриядерной энергии в области техники.

То, что я сейчас говорю, останется, боюсь, для многих непонятным и враждебным. Слишком прочно укоренилась в нашем обществе недооценка значения сексуальной сферы. Тем более неприемлемой покажется мысль, будто именно эта сфера таит в себе такие разрушительные возможности. Легко представляю себе, как возмутит благонамеренного читателя подобный прогноз и с какой поспешностью окрестит он его пустым домыслом, возникшим из замутненности этой сферы не в человечестве вообще, а только у самого автора. Ах, если бы это было так! Нет сомнения, что соблазны Дуггура остаются в психике большинства из нас пока что вне круга осмысляемого. Меньшинство же, не подозревая об их трансфизическом источнике и боясь признаться в этих искушениях даже перед собой, в полном уединении, тем не менее, смутно их осознает. Рассчитывать на человеческую откровенность об этом с окружающими было бы слишком простодушно. Лишь ничтожное число людей, сознавая эти соблазны с совершенной отчетливостью, готово не скрывать их в тайниках души, а, напротив, дать им волю при первом случае. Но робкое в этом отношении большинство сделается несравненно отважнее, когда самые авторитетные инстанции — научные, общественные и религиозно-государственные — провозгласят необходимость полной сексуальной свободы, неотъемлемое право на нее каждого человека и системою многообразнейших мер будут ей способствовать, поощрять ее и оборонять.

Жаждать власти будут сотни и тысячи. Жаждать сексуальной свободы будут многомиллионные массы.

Освобождение от уз Добра — вот каково будет настроение многих и многих к концу Золотого Века: сначала — подспудное, а потом все откровеннее и требовательнее заявляющее о себе. Человечество устанет от духовного света. Оно изнеможет от порываний ввысь и ввысь. Ему опостылит добродетель. Оно пресытится мирной социальной свободой — свободой во всем, кроме двух областей: сексуальной области и области насилия над другими. Заходящее солнце еще будет медлить розовым блеском на мистериалах и храмах Солнца Мира, на куполах пантеонов, на святилищах стихиалей с их уступами водоемов и террас. Но сизые сумерки разврата, серые туманы скуки уже начнут разливаться в низинах. Скука и жажда темных страстей охватят половину человечества в этом спокойном безвластии. И оно затоскует о великом человеке, знающем и могущем больше всех остальных и требующем послушания во всем взамен безграничной свободы в одном: в любых формах и видах чувственного наслаждения.

Ведь и сама Роза Мира будет состоять не из праведников только, но из людей, стоящих на самых разных ступенях нравственного развития. Задачи всемирной церкви обретут с самого начала столь огромные очертания, они будут столь обширны и многочисленны, что ограничить число активных членов Розы Мира одними только людьми высокоидейными и морально безупречными не найдется никакой практический возможности. Суровость искуса — мера, конечно, необходимая, но это не панацея. Как и в любое сообщество людей, даже основанное на самых возвышенных принципах, в нее проникнут люди, не свободные от любоначалия, от тщеславия, от жажды повелевать, от чрезмерной привязанности к комфорту, от нетерпеливого и жесткого отношения к другим. Мглистый эгрегор создастся и вокруг Розы Мира, как создавался он вокруг церквей прошлого. Углубленная мистическая сознательность ее руководства воспрепятствует разбуханию этого эгрегора в плотный клуб, заслоняющий Аримойю. Но полное его уничтожение окажется, конечно, неосуществимым. И естественно поэтому, что даже в среде Верховного Собора найдутся отдельные люди, которые не устоят против искушений князя тьмы, а на нижних ступенях посвящения такие люди обнаружатся со временем в значительном числе.

В условиях широкой идейной свободы зашевелится сперва тайная, а потом и явная религия левой руки. Ядовитым цветком вырастет она из массовой тоски по темному избавителю от уз Добра, и содержанием ее сделается поклонение Гагтунгру как некоему Прометею, вечному мятежнику, борцу за истинную свободу всех, а целью этой квазирелигии станет подготовка людей к признанию грядущего анти-Логоса.

О, конечно, человечество не будет иметь недостатка в предостережениях. Разве не предупреждали об этом уже в далеком прошлом Евангелие, даже Коран, даже Махабхарата? Разве мало было великих духовидцев и на Западе, и на Востоке, твердивших о неизбежности грядущего антихриста? Все понтификаты Розы Мира, от эпохи соединения религий до появления на исторической арене этого чудовищного существа, будут концентрировать свои

усилия на этом предостерегающем труде. Но при величайшей идейной и культурной свободе никакого оружия, кроме слова, не останется в их руках. Под давлением крайне левых кругов общества будут незаметно сняты наконец последние запреты, еще ограничивавшие свободу слова: запрет нарушения норм общественного стыда и запрет кощунства. Именно это и откроет широкий доступ предтечам великого исчадия тьмы к сердцам человеческим.

Немало найдется таких предтеч, но, кажется, крупнейшим из них намечается создатель такой культурно-исторической и социально-нравственной доктрины, которая сконцентрирует внимание именно на том факте, что при наличии множества свобод человечество все еще остается якобы рабом сексуальной ограниченности, рабом ложного стыда, предрассудков и старомодных норм, — норм, поддерживаемых и Розою Мира, и всем устаревшим общественным укладом. Мне кажется, что книга этого мыслителя будет той самой книгой «Открытый путь», относительно которой Владимир Соловьев предполагал, что она выйдет из-под пера самого антихриста. Нет: блестящий, обаятельнейший, остроумнейший из французов, предтеча этот станет властителем дум целого поколения. Вряд ли будет этот носитель темной миссии отчетливо сознавать, кому он служит и кому предшествует. При всей гениальности его ума мистический разум его будет закрыт почти наглухо. И когда долгожданный избавитель явится, французский мыслитель настолько поразится его сверхчеловеческим величием, что воскликнет с ликованием и восторгом: «Вот — тот, кого ждет весь мир и о ком я говорил!» И лишь гораздо позднее, когда явившийся достигнет всей полноты власти и обнажит свое подлинное лицо, его предтеча покончит сам свои счеты с жизнью. Да, он будет гениальным мыслителем, да, да. Но перед тем, кому он уготовит путь, он окажется пигмеем. Перед тем, кому он уготовит путь, пигмеями окажутся все, жившие в Энрофе в любых странах и в любые века, кроме одного только Иисуса.

Будет ли он человеком?

И да и нет.

Уже не раз говорилось о том, как в течение веков и веков, жизней и жизней облекалась в покровы из демонической материальности — темный шельт, астрал и эфир — монада одного из императоров Рима, похищенная Гагтунгром из самого Ирольна. Именно из такой демонической материальности, из агги, они были сотканы, а не из сиайры, как у всех обитателей Энрофа и у всех существ в мирах восходящего ряда. Говорилось достаточно и о последней его инкарнации в России, и о том, как вследствие сопротивления Провиденциальных сил Урпарпу не удалось сделать тогда из него темного универсального гения. Но д в а ж д ы предотвратить вкладывание в это существо даров темной гениальности — невозможно: теперь Урпарп уже знает, как оградить свое чадо от этих враждебных ему трансфизических операций. В Энроф он больше не выпустит его до тех пор, пока не обеспечит ему возможности полного владения всеми дарами, необходимыми для успешного выполнения исторической роли антихриста. Гениальная одаренность Сталина в области тиранствования и его способность к гипнотическому порабощению людских воль принадлежали к числу видимых для всех остатков тех достижений, которыми ознаменовался предыдущий этап работы в Гашшар-

ве над этим существом — работы, прерванной силами Света. После его смерти в Энрофе и нового водворения в Гашшарву работа была возобновлена в ускоренном темпе. Пройдя в Дигме последние этапы подготовки, небывалое существо приблизится вплотную к своему последнему, роковому рождению в эпоху седьмого или восьмого понтификата.

Кажется, местом его рождения будет одна из стран Латинской Америки, но это рождение, само по себе, обещает оказаться совершенно особенным. Принужденная принять человеческий облик для того, чтобы сделаться его матерью, Лилит по воле Урпарпа примет этот облик без какого бы то ни было рождения: она не будет нуждаться ни в отце, ни в матери, ни в детстве; она прямо явится путем черного чуда в облике женщины. Явные нарушения законов природы, сверхъестественные связи с грозными существами иных миров, колдовские сказания и легенды окружат ее кратковременную жизнь. Зачав физическое тело грядущего анти-Логоса не от человеческого семени, а от сил самого Гагтунгра, она вскоре после рождения младенца исчезнет из Энрофа, так как эта ее миссия будет выполнена. И хотя позднее Лилит явится в человечестве еще раз, но тогда ее миссия и ее женственный человеческий облик будут иными; иным будет и само явление ее, хотя столь же непостижимым, как предыдущее.

Как и у всех людей, физическое тело анти-Логоса будет из сиайры.

Умнейший из всех, кто когда-либо жил, превосходящий гениальностью всех гениев человечества без сравнения, он к тридцати трем годам уже станет общепризнанным главой мировой науки. Молниеносный охват мыслью сложнейших научных и трансфизических проблем, мгновенное проницание в глубь разнообразнейших дисциплин, и естественных и гуманитарных, сверхчеловеческая работоспособность, беспримерная разносторонность дарований, включая гениальность поэтическую и зодческую, ряд фундаментальных открытий, которыми он начнет обогащать человечество с головокружительной быстротой, показная доброта к людям по праву стяжают ему наивысший авторитет в глазах большинства населения земного шара. В некоторых научных дисциплинах он произведет переворот, реабилитировав кое-какие из принципов магии и несравненно углубляя и дополняя их тем знанием, которое будет подаваться в круг его мышления из его высшего, неисчерпаемого, самим дьяволом обогащаемого ума.

Он будет красив поражающей, но страшною красотой. Впрочем, по чертам его лица будет трудно определить принадлежность этого человека к какой-либо нации, даже к определенной расе, и он будет казаться синтетическим воплощением человечества в одном лице.

В возрасте около тридцати лет он примет духовный сан и вскоре станет как бы вторым человеком в человечестве, с видимым смирением дожидаясь часа, когда смерть верховного наставника даст ему право через всемирный референдум возложить на себя эту тиару самому.

И вот ему исполнится тридцать три года — возраст, в котором закончил свой путь по земле Иисус, — возраст, отмеченный смертью и воскресением Планетарного Логоса. У людей, обладающих исключительными мистическими дарами, этот возраст нередко бывает рубежом, когда устанавливается неразрывная связь их бодрствующего сознания с монадой. Именно в подобном возрасте совершит этот человек свое первое необычайное чудо — акт действительно беспрецедентный: свое физическое тело, доселе состоявшее из сиайры, он превратит в тело, состоящее из агги. Впервые за все время существования Энрофа на земле появится существо, облеченное не в физическое тело, а в каррох. Минута этой трансформы явится для него минутой ослепительнейшей радости, ибо это будет действительно величайшая из побед, отодвигающая от него в неопределенную даль опасность телесной смерти.

Трансформа будет сразу же, конечно, замечена людьми, но ни ее смысл, ни ее механизм постичь никому не удастся. Внешний человеческий облик преображенного останется почти прежним, но невыразимая жуть начнет излучаться от него ко всем, кто его увидит даже на расстоянии. Прикоснувшийся к карроху человек будет поражаем как бы электрическим разрядом. Правда, непобедимая гипнотическая сила привлечет к нему многих женщин, и те из них, которыми это существо будет обладать, несколько умеряя убийственную силу своего прикосновения, будут воистине неисчислимы. Но позднее он перестанет в этом ограничивать себя, и каждая его наложница станет расплачиваться жизнью за несколько секунд наслаждения. Ни для кинжала, ни для яда, ни для пороха или динамита каррох окажется неуязвим. Только оружие термоядерного типа могло бы погубить его; и впоследствии найдутся отчаянные головы, которые отважатся даже на это. Но все замыслы подобного рода будут раскрываться задолго до их осуществления.

Волнение, которое вызовется в Розе Мира и среди всего населения Земли трансформой анти-Логоса, окажется необычайно. Верховный наставник будет умерщвлен. Когда же чудотворец, проведя фальшивый референдум, возложит на себя тиару, объявляя себя вестником Мировой Женственности и подтверждая невероятную силу своего волшебства тем, что вызовет новую, зримую всем инкарнацию Лилит, выдаваемую им за воплощение Звенты-Свентаны, — в монолитном до тех пор народоустройстве мира произойдет непоправимый раскол. Половина человечества, в особенности народы Азии, откажутся признать узурпатора и изберут другого верховного наставника. Но вторая половина склонится перед захватчиком как перед своим абсолютным главой и отпадет от Розы Мира, восстанавливая институты политического и общественного насилия. Насилию будут подвергаться, конечно, те, кто откажется вручить антихристу свою волю.

Темные чудеса будут умножаться, потрясая сознание людей до самых основ. Сказания о чудесах Христа покажутся мелкими. Поднимется и покатится по лицу Земли волна безумного энтузиазма.

Одни страны — добровольно, другие — в итоге насилия и обмана, но постепенно от Розы Мира отпадут все, и анти-Логос сосредоточит в своих руках единоличную власть надо всей планетой.

Но узурпатору не подчинится истинный верховный наставник. Не подчинятся ему и миллионы, даже сотни миллионов людей во всех странах мира. Наступит эпоха гонений, возрастающих от года к году и по своим масштабам, и по методам, и по своей лютости. При этом хитрость Гагтунгра су-

меет даже героический протест широких масс обратить себе на пользу. Тот неудачный кандидат в антихристы, который был побежден предыдущим воплощением князя тьмы и покончил с собой в финале Второй мировой войны, теперь явится самозванным вождем, увлекая на борьбу с властелином мира толпы негодующих. При этом он будет яростно обличать Розу Мира в слабости и в непротивлении, утверждая, что в борьбе с исчадием тьмы хороши все средства без исключения. Это движение, отрывающее от Розы Мира тех, кого не смог оторвать антихрист, будет само темным насквозь, вовлекая сердца в воронку неистовой злобы, жестокости и опустошающей ненависти.

Сторонники же Розы Мира пойдут на мученическую смерть, не обнажая оружия. Наконец Роза Мира подвергнется запрету. Немного долее других будет терпим, кажется, культ стихиалей, постепенно извращаемый в сторону поклонения Лилит и демоницам Дуггура. Потом гонение распространится на поклонение каким бы то ни было стихиалям Света, и единая всечеловеческая Церковь уйдет в катакомбы. Тогда и начнется тот ряд трагических понтификатов, неизбежно завершающихся каждый раз гибелью верховного наставника, который, как золотая гирлянда в глубоком мраке, протянется сквозь полтора или два столетия и достигнет дня и часа второго пришествия Христа.

Однако довольно долгое время анти-Логос не будет отрицать ни жизни Иисуса в Палестине как исторического факта, ни даже того мистического факта, что в Иисусе воплотилась богорожденная монада, выразительница Бога-Сына. Но, развиваясь динамически и меняясь от этапа к этапу, его учение претерпит ряд метаисторических и богословских подмен, постепенно приводящих ко все большему умалению значения Христа, потом к полному Его развенчанию и наконец к завесе гробового безмолвия, опускаемой надо всем, что связано с Его именем. Минуется еще и такой этап, когда анти-Логос объявит себя воплощением Бога-Отца, а женщину, чей облик приняла при помощи дьявольского чуда Лилит, — воплощением Вечной Женственности. Темных чудес в подтверждение этого прольется слишком много и слишком потрясающими будут они, чтобы большинство человечества осмелилось таить сомнение в истинности утверждений этих двух сверхчеловеческих существ. Вокруг себя и воплощенной Лилит антихрист создаст кощунственный культ мирового совокупления, и гнусные действа между ними, окруженные сказочными эффектами и одурманивающим великолепием, будут разыгрываться перед лицом всех и вся, якобы отображая в нашем мире космический брак двух ипостасей Троицы.

Омерзение и нездешний ужас охватят многих людей. Даже миллионы таких, кто ранее был далек от вопросов религии, кто был погружен в заботы своего маленького мирка либо в художественное творчество и научные исследования, ощутят, что перед ними ставится некий выбор, единственный и столь жуткий, что рядом с ним даже пытки и казни становятся мелочью. Тогда-то и скажутся плоды духовного труда восьми понтификатов Розы Мира. Тогда-то и отшатнутся от исчадия тьмы бесчисленные толпы тех, кто без этого предостерегающего, разъясняющего, воспитывающего труда над ними не устоял бы перед потоком черных чудес и перед обаянием сверхчеловека, сочетающего необъятную силу ума с цинично бесстрашной злобностью деяний. Почти треть населения земли охватит восторг мученичества. Невозможно исчислить, какими сонмами героических душ восполнится тогда Аримойя. Но еще большими сонмами тех, кто совершил богоотступничество и дал детищу Гагтунгра растлить себя, наполнятся слои возмездия.

Непрерывная, тысячеобразная, напряженнейшая борьба светлых и демонических сил начнет приближаться к своей кульминации. Бушуя в десятках слоев Шаданакара, она вступит в этап безостановочных битв Синклитов, даймонов, ангелов — всех сил Провидения — с невидимыми чудищами, порождениями и союзниками Гагтунгра и Воглеа. Эти порождения будут могучи и невоплотимы в нижних мирах. Но их деятельность в мирах пяти и шести измерений будет проектироваться и в Энроф, выражаясь и в разнуздании сексуальной стихии, и в возрастании жажды крови, и в опустошающих душу успехах техники, и в систематическом уничтожении всех, поднявшихся духовно выше общего уровня демонизируемого человечества, и во многом другом, что сейчас невозможно ни понять, ни представить. Ясно, что воинства Синклитов будут оказывать всемерную помощь тем из людей, кто противостоит антихристу здесь, в Энрофе. Их инспирация поможет найти, между прочим, способ ослаблять мучительность пыток и казней. Способы эти будут отчасти связаны с методикой внутренней, с развитием некоторых заложенных в человеке, но еще дремлющих свойств, отчасти же — с открытием невидимых обезболивающих средств: открытием, внушенным братьями Синклитов.

Спустя некоторое время, когда антихрист ощутит, что его власть упрочилась окончательно, он при помощи ловких философических трюков подвергнет пересмотру собственный вариант толкования своей личности как воплощения будто бы Бога-Отца. Последняя маска отбросится за ненадобностью, так как идеальная система насилия предотвратит возможность чьих-либо протестов, кроме отдельных единиц. Предыдущий идеологический этап подвергнется забвению. На место Бога-Отца будет открыто возведено имя Великого Мучителя, а на место Женственности — Великая Блудница. Выдававшая себя за Женственность воплощенная Лилит станет чередовать бесстыдные действа с анти-Логосом и оргии-мистерии, открытые сперва для сотен, а потом, в принципе, для всех. От воплощенной Лилит будет излучаться свет невыразимой красоты, напоминающий лунное сияние. Прикосновение же к ее телу будет вызывать не какое-либо подобие электрического разряда, а, напротив, несказанное наслаждение для всякого человека и полное угасание последних проблесков в его памяти о чем-либо высшем. И так как одно уже лицезрение анти-Логоса и Лилит будет воздействовать с околдовывающей силой, то эти оргии и действа будут передаваться во все уголки земли при помощи технических ухищрений, напоминающих телевидение наших дней, но, конечно, оставивших изобретения XX века далеко за собою.

Другие изобретения, которые естественно ожидать от техники XXII или XXIII века, позволят правительству осуществлять совершенный контроль над психикой каждого из жителей земного шара. Чтение мыслей на далеких расстояниях перестанет быть пугающей утопией: оно превратится в будничную

научно-техническую реальность. Обороняемые синклитами, деятели Розы Мира будут сопротивляться в своих катакомбах, разрабатывая систему психической и трансфизической защиты. Но эта оборонительная система, которую сейчас представить, конечно, еще невозможно, явит собою исключительные трудности, и усвоить ее смогут лишь немногие. Верховные наставники в той или иной степени будут владеть ею все, но враг научится изыскивать малейшие бреши в этой системе и противопоставлять обороне Света свое оружие. Поэтому жертвами анти-Логоса рано или поздно погибнут почти все, ему не поклонившиеся. К моменту смены эонов число устоявших вряд ли будет насчитывать сотню человек на несколько миллиардов дьяволочеловечества.

К середине этого царствования будет завершена работа над фантастической, неслыханной фальсификацией истории. За пятьдесят или семьдесят лет постепенно истребятся все книги и памятники, свидетельствующие о том, что человечество обладало когда-то светлыми культами, высокими философскими учениями, прекрасными искусствами, возвышенными литературами, героями, праведниками, гениями — всем, что от Бога. Все храмы, уцелевшие от былых времен, будут сметены с лица земли либо превращены в капища Гистурга, Великой Блудницы и Урпарпа, неузнаваемо изменив даже свой архитектурный облик. Многие из них превратятся в усеченные конусы или четырехсторонние пирамиды с плоским верхом, напоминая, но великолепием намного превосходя дворцы-капища Дуггура. Придут поколения, которые даже не будут подозревать о существовании в прошлом Христа и христианства. Все представления этих поколений о минувших веках будут не просто искажены — они будут ложны почти полностью, так как к этому приведет воспитание на теориях, выдуманных анти-Логосом и представляющих перспективу истории так, как это ему выгодно.

Интересно, какому толкованию подвергнутся тогда личность и историческая роль предпоследнего воплощения антихриста. Владыка мира в глубине души будет испытывать чувство, отдаленно похожее на стыд, вспоминая собственную ограниченность, слепоту и длинную цепь грубых промахов, совершенных в предыдущем воплощении. Он позаботится о том, чтобы у людей не мелькнуло даже смутного подозрения, что вторым вождем мирового революционного движения некогда был именно он. Но осуждение этого вождя или ирония над ним будут за собою влечь для неосторожного ревизиониста мгновенную смерть, ибо гордыня владыки не позволит ему терпеть ничьих насмешек даже над своими старыми, в других столетьях совершенными ошибками. И образ Сталина опять вознесется на пьедестал; усопший вождь будет провозглашен хотя и ограниченным, еще далеко не все постигшим и охватившим, но все же величайшим деятелем прошлого.

С установлением обязательного культа Гистурга и Фокермы начнется уже полный и всеобщий шабаш. Наука, философия, искусство, общественные институты, законы — все направится на то, чтобы разнуздать сексуальную стихию. Будут проповедоваться всеми способами и превозноситься как проявления якобы раскрепощенного духа всевозможные извращения. Чем более публично будут удовлетворяться они, тем больше похвал и восхищения станет изливаться на героев. Медицина к тому времени выйдет победительницей

почти всех заболеваний, паразиты и вредные микробы будут уничтожены, а гигиена поднимется на такой уровень, что пыль и грязь в населенных пунктах совершенно забудутся. Эти стерильные улицы и площади городов превратятся в арену всевозможных видов и форм массового бесстыдства. Рабочий день сведется к минимуму, досуг станет почти неограниченным; интересы же, удовлетворение которых заполняло досуг людей в эпоху Розы Мира, отомрут, заменяясь по преимуществу интересами сексуальными, столь разнообразными, изощренными и напряженными, что мы в XX веке не в состоянии их даже представить себе. Человеческие города превратятся в подобия городов Дуггура с тою разницей, что здесь будет оскорбляемо само Солнце.

И все-таки абсолютная сексуальная свобода для всех достигнута еще не будет. Для всех граждан, кроме, конечно, самого антихриста и его элиты, сохранятся запреты таких проявлений, или, лучше сказать, извращений, которые сопряжены с истязаниями. Наслаждения этого рода будут разрешены только тем, кто тесно свяжет свою деятельность с полицейскою системой и со службой правительственной безопасности. Нетрудно представить себе нравственный облик существ, которые составят кадры этих профессиональных садистов.

И наконец князь тьмы оставит только для себя право на то наслаждение, которое ему доставит людоедство, — не в переносном, а в буквальном смысле. Вероятно, чувство услады, которое он будет испытывать в подобные часы, заключается не только в удовлетворении полового, хотя бы и совершенно извращенного инстинкта, но в сочетании с этим того сатанинского сладострастия, которое испытывается в минуту вызова, бросаемого самым краеугольным законам, и божеским и человеческим, и в попирании душевных корней совести, морального страха и стыда.

Наслаждение усилится еще и сознанием безнаказанности. Чудовище будет упиваться тем, что может позволить себе абсолютно все, и притом не только заставляя человечество созерцать эти мерзости, но вызывая в его развращенном большинстве смешанное чувство восхищения, зависти, ужаса и благоговения. Очевидно, нечто схожее толкало в свое время деспотов вроде Калигулы или Нерона именно к таким деяниям, в которых садизм смешивался с публичной демонстрацией своего духовного бесстыдства. Но сознания полной безнаказанности у них не могло быть: одни трепетали за свою физическую сохранность, другие — перед образами адских мук. От этих обоих видов страха, отравлявшего им часы наслаждения, совершенно свободен будет только князь тьмы.

Потому что позволить себе все это сможет только тот, чье физическое тело неуязвимо и обладает такими свойствами и способностями, которые намного превосходят физические свойства людей. Возрастая от десятилетия к десятилетию, эти способности противобожеского карроха достигнут наконец такой мощи, что анти-Логос будет ужасать и морочить людей своими явлениями одновременно в трех, четырех пунктах земного шара. Многие сначала заподозрят наличие каких-то его двойников, но он разобьет эту детскую гипотезу, начав являться народу всеми обликами сразу в одном месте, и то соединяя их на глазах у всех в один, то размножая.

Такие особенности его карроха полностью освободят это существо от всякого страха перед насильственным прерывом его физического существования. Что же до естественной смерти, то достижения демонизированной науки приведут к тому, что совершенно реально встанет вопрос о продлении жизни на неограниченно долгий срок, во всяком случае, для обладателя карроха. При всем могуществе и ясности его разума, при всей зоркости его трансфизического зрения, антихристу будет свойственна та же аберрация, которая свойственна всем демоническим существам: вера в свою конечную победу. Он будет убежден, что неподвластен физической смерти, а следовательно, и загробному возмездию, что он достаточно силен для достижения физического бессмертия, что он постепенно распространит свою власть на многие другие слои Шаданакара и даже на планеты других звездных систем и что со временем он сможет по собственному произволению видоизменять свои тела, молниеносно переходя из слоя в слой, из мира в мир путями самопроизвольной трансформы. Подобные мечты останутся, правда, мечтами, но самопроизвольного перехода в шрастры и обратно он достигнет и в самом деле, а продление его жизни против обычного человеческого лимита станет реальным историческим фактом. Поэтому его царствование продлится свыше ста лет, а может быть, и значительно больше.

Подготовится система мероприятий, чрезвычайно сложных, беспримерных по своему научно-техническому размаху, имеющая в виду приспособление поверхности Марса и Венеры для обитания излишков человечества. Будут отправлены также несколько экспедиций на планеты других звездных систем, но на Землю эти экспедиции не возвратятся. Что же до Венеры и Марса, то довести этого своего замысла да конца властелин мира не успеет, и момент смены эонов на земном шаре застигнет поверхность соседних планет почти столь же необитаемой людьми, как и теперь.

Абсолютно свободный от страха, также будет он свободен и от жажды любви — потребности, которая была ему еще знакома во времена предыдущей инкарнации. Сталину еще хотелось, чтобы его не только боялись, но и обожали. Антихристу будет нужно только одно: чтобы все без исключения были уверены в его неизмеримом превосходстве и проявляли абсолютное ему повиновение.

Всеобщее изобилие, между тем, будет все возрастать, и регламентированный рабочий день сведется к ничтожному отрезку времени. Техническая интеллигенция, опираясь на которую анти-Логос делал свои первые шаги, получит привилегированное положение, и человечество вступит опять в период головокружительного технического прогресса, хотя представление о мироздании, методы исследований и формы техники будут весьма отличны от современных. От классического материализма еще к концу XX века не останется и следа, картина мира окажется неизмеримо сложнее, а к XXIII столетию единственной идеологией, обязательной для всех, сделается та, которую создаст антихрист. При всей своей бездуховности материалистическая доктрина все-таки менее вредна, чем это демонизированное насквозь мировоззрение будущего. Она здоровее этически, и не случайно созданное и пропитанное ею народоустройство держит центробежный сексуальный инстинкт в строгой узде, временами даже доходя, как это было в начале Великой Революции в России, до своеобразного аскетизма. Квазирелигия, навязанная человечеству антихристом, будет отнюдь не лишена духовности в широком смысле этого слова. Борьба с духовностью нужна лишь на определенном этапе, чтобы расчистить место для разлива и всеобщего затопления умов и воль духовностью демонической, философские и религиозные формы которой ныне представить еще крайне трудно. Во всяком случае, если бездуховность, сама по себе, может быть повинна только в посмертном сбрасывании души в чистилища, в Скривнус, Агр и Дромн, то демоническая духовность будет затягивать душу в трансфизические воронки, гораздо более жуткие и глубокие. Одной из них будет слой, еще лишь подготавливаемый ныне, — Цебрумр, где будет господствовать над демонизированными шельтами и астралами людей эгрегор всемирной противоцеркви антихриста. Другие воронки будут засасывать в миры магм и ядра, третьи — в Дуггур и в лунный ад, создаваемый Воглеа. Будет и такая воронка, через которую избранники зла будут в своем посмертии подниматься в темную высоту, в Дигм, обреченные на рабствование Гагтунгру в течение необозримых тысячелетий.

Элементы темной магии — не той, что мы знаем из истории Древнего мира и Средних веков, а несравненно более действенной, разработанной и глубокой — сольются воедино с наукой, пропитают и демонизируют ее насквозь, а властелин будет пользоваться этим сатаническим знанием для расширения своего владычества — во-первых, а во-вторых — для создания человечеству условий такой роскоши, какая будет вызывать все большее подпадение людей интересам удовлетворения чувственности, изощрившейся до невероятия. Те же, у кого еще сбережется способность стремиться к чему-то более общему, вовлекутся в осуществление грандиозных технических мероприятий, якобы полезных для всего мира. При этом действительно полезное будет сводиться на нет другими мероприятиями либо своими далекими следствиями. Завершатся даже некоторые предприятия Розы Мира: утепление полярных областей или, например, полное преобразование лесных трущоб тропиков и пустынь. Но все это достигнется такими техническими средствами, которые вызовут катастрофическое истощение и паралич всех стихиалей природы, и темных, и светлых. Когда наступление машинной цивилизации на природу станет производиться в универсальных масштабах, весь ландшафт земной поверхности превратится в законченную картину антиприроды, в чередование урбанизированных полусадов и небоскребов. Стихиали оторвутся от своей среды в Энрофе. Реки и озера, луга и поля Земли станут духовно пустыми, мертвыми, как реки и степи Марса, и выхолощенные остатки растительности будут поддерживаться лишь разлитой еще везде арунгвильтой-праной да механически действующими по инерции метеорологическими и орологическими процессами. Эта внутренне опустошенная и внешне искалеченная природа ни в ком не сможет вызвать ни эстетических, ни пантеистических чувств, и любовь к природе прежних поколений сделается психологически непонятной.

В начале царствования властелин воздвигнет среди Альп столицу мира. Основное место его пребывания будет там. И к концу его господства этот город прославится умопомрачающим великолепием, а его население достигнет цифры в несколько десятков миллионов человек.

Конечно, даже во времена ничем не ограниченной власти тирана найдется немало людей, внутреннее существо которых будет восставать против того, во что антихрист превращает человеческую жизнь. Но контроль над психикой позволит выявлять подобную направленность мысли в самом зародыше, и лишь немногим единицам удастся достичь овладения системой духовной обороны раньше, чем они будут уничтожены физически. Неизмеримо большее число из тех, у кого уцелеет искра человечности и проблеск совести, впадут в отчаяние. Число самоубийств возрастет до баснословной цифры. Впрочем, кармические следствия самоубийства сделаются тогда иными, чем сейчас: с точки зрения посмертия души даже самовольный уход из жизни станет меньшим злом, чем покорность антихристу и утрата человеческого имени.

Но сколь ни велико будет количество самоубийц, все же они останутся в меньшинстве. С каждым новым поколением из сознания миллиардов будут все больше стираться отблески влияния Розы Мира. Последние живые свидетели ее заката вскоре уйдут из жизни; за ними последуют и те, кто еще хранил крупицы знания исторической правды, полученные от предшествующих поколений. Все письменные или иные свидетельства, опасные для антихриста, будут уничтожены; за хранение таких материалов будет полагаться мучительная смерть. Такая же смерть постигнет и тех, в ком понимание правды возникнет независимо от каких-либо книг, непроизвольно, и кто осмелится поделиться своим духовным опытом с кем бы то ни было. Не так уж трудно представить себе духовный портрет тех поколений, которые окажутся почти единственными насельниками Земли к XXIV столетию. С глазами, привыкшими с младенческих лет к повседневным зрелищам самого изощренного разврата, с умом, направленным лишь на изыскание новых и новых видов чувственного наслаждения либо на окончательное опустошение природы, с совестью, заглушенной столетней проповедью аморализма, с ростками высших движений души, до корня вытоптанными общественным глумлением, с сознанием, выхолощенным от малейших догадок об иных ценностях и об иными идеалами озаренных эпохах, эти несчастные уже к годам своей молодости будут являть собой не людей, а страшные и жалкие на них карикатуры. Молодость сделается для них тем возрастным рубежом, когда изведано уже все возможное, тело уже изношено, а душа смертельно пресыщена и существование длится лишь по инерции.

...И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы, и я:
Все небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех —
Тоска небытия.

Так будут сходить, поколение за поколением, умирая на Земле, в миры Возмездия, и эти миры, подобно кухням ада, будут клубиться как никогда густыми, жирными, неиссякающими клубами гавваха. Никакие мировые войны, революции и репрессии, никакие массовые кровопролития не могли бы породить гавваха в таких количествах, напитать им демонические полчища до такого невообразимого разбухания.

Незадолго до конца своего господства князь тьмы начнет изыскивать пути к такому наказанию непокорных, которое, в случае своей удачи, поставило бы под сомнение грядущую победу Света в земном Энрофе. Отлично зная, что физическое уничтожение его противников, сколь угодно мучительное, высвобождает их шельт и астрал, возводит душу в Синклит Аримойи и умножает этим могучие рати Света, он предпримет работу над тем, чтобы изыскать способ к уничтожению самого шельта непокорных. Если бы это удалось, умножение светлого стана прекратилось бы совершенно, а монады, чей шельт был бы уничтожен, принуждены были бы начинать созидание всей своей гирлянды сызнова.

Да и вообще человечество, даже в своем демонизированном аспекте, не удовлетворит антихриста. Оно еще будет нужно ему как источник гавваха, да. Но в качестве живых насельников Энрофа, осуществляющих его план, оно не сможет выполнить его требований. Люди окажутся слишком ненадежны: над каждым из них в лучезарном Ирольне все-таки будет бодрствовать его высшее Я, и даже в растленной душе будет дремать подавляемая, но неугасимая искра совести. Даже само отчаяние, прострация и отвращение к жизни, которые охватят под конец многих из них, будут для антихриста нестерпимы. На что ему нужен интеллектуальный паралич, наступающий вслед за пресыщением и отчаянием? Подобные существа не способны к дальнейшему развитию демонизированной науки и техники, к захвату космоса и переделыванию его на дьявольский лад. Станет насущно необходим ввод в Энроф тех высокоинтеллектуальных демонических существ, которые ждут и добиваются его в своих инфрафизических странах на изнанке мира. И князь тьмы совершит еще одно чудо — не меньшее, чем превращение его физического тела в каррох: при помощи воплощенной Лилит он породит чету полулюдей-полуигв; мало отличаясь от людей своим обличием, они будут обладать таким же шельтом, каким обладали в своих преисподних шрастрах; физическое же тело их будет, если можно подобрать такое слово, каррохизировано. Размножаясь стремительно, как рыбы или земноводные, они через две-три генерации достигнут численности почти в миллион и примут на себя руководство человечеством, суля в грядущем полное исчезновение человека в собственном смысле с лица земли. Скрещение людей и полуигв окажется исключенным полностью: оно будет мучительно для людей и совершенно бесплодно.

Античеловечество хлынет на лицо земли.

Размножающимся полуигвам потребуется пространство. Чтобы его освободить, властелин мира прежде всего обратит свой губительный взор на мир животных. Не знаю, какие мотивы выдвинет он в оправдание полного истребления животных видов, в том числе и таких, которые давно уже будут подняты усилиями Розы Мира до разумного и творческого бытия. Весьма возможно, что вообще никаких мотивов не потребуется, ибо никто не посмеет спрашивать у него отчета. Во всяком случае, животный мир будет истреблен, а бывшие заповедники и звериные зоны начнут подготавливаться к приему и прокормлению миллиардов полуигв. В тех же самых целях начнет приводиться в исполнение и проект приспособления к возможностям органической жизни поверхности соседних планет.

Катастрофа наступит неожиданно для князя тьмы и вопреки его абсолютной вере в свою безграничную победоносность и свою безнаказанность.

Она будет вызвана тем, что монада императора, некогда похищенная для него Гагтунгром и без которой невозможно пребывание его как живого существа в Энрофе, будет наконец освобождена. Сам Спаситель Христос явится за нею в Дигм, лиловый океан расступится перед Ним в стороны, Гагтунгр в неописуемом ужасе шарахнется в Шог, а несчастная монада будет поднята в недоступные ему высоты. Ее связь с первоначальным владельцем, томящимся в Гашшарве, будет восстановлена, а связи с материальными покровами антихриста пресечены. Суть катастрофы будет заключаться в том, что князь тьмы внезапно начнет падать, точнее — проваливаться сквозь все слои преисподних, прорежет, как молния, миры Возмездия, Магмы, Ядро и через Дно Шадданакара выпадет из брамфатуры совсем на лишенное времен Дно Галактики.

Катастрофа в нашем мире разразится наглядно, на глазах у многих живых людей и полуигв, в момент одного из самых пышных апофеозов анти-Логоса. Потрясенным толпам это событие предстанет так, как будто каррох этого существа, внушавший всем трепет мистического ужаса и только что пребывавший в неуязвимости, вдруг начнет терять видимую плотность и медленно превращаться как бы в туман. При этом властелин мира внезапно уразумеет происходящее и поведет себя так, каким его не видал никто никогда: в нездешнем отчаянии, крича неистовым голосом, он начнет хвататься за что попало, метаться, выть как зверь, и так постепенно, на протяжении часа, исчезнет из глаз людей.

Катастрофа же, которой завершится жизнь на Земле последнего воплощения Лилит, не будет иметь ни одного зрителя. Сразу после гибели антихриста она исчезнет неизвестно как и куда. В действительности ее физический облик бесследно распадется на составные компоненты. Этого никто не будет знать, и поиски ее будут продолжаться долго. Появятся даже самозванки, но, конечно, ни одна из них не сможет выдержать до конца такой нечеловеческой роли. И немало людей покончат с собой от тоски по невозвратно исчезнувшей.

Глава пятая
СМЕНА ЭОНОВ

Гибель того, кто безраздельно властвовал над человечеством свыше ста лет, самая необычайность, непостижимость этой гибели вызовут среди населения земного шара смятение небывалое, никаких прецедентов не имеющее. Мгновенное изъятие из Энрофа этого сверхчеловеческого мозга, единственного в своем роде, за всех думавшего, за всех решавшего, за всех планировавшего жизнь, опрокинет все планы, все устоявшиеся представления, подорвет всю идеологию, выработанную им для людей. Чем единовластнее будет царство антихриста, тем более похоже станет человечество после его гибели на колесо, из которого вырвана ось, спицы рассыпаются во все стороны, а обод устремляется бессмысленными зигзагами куда попало, без управления и без цели.

Рассыпающиеся спицы — это элита антихриста, состоящая преимущественно из полуигв и служившая передачей его воли народным массам. Сначала именно к ней по инерции и перейдет власть. Но вместо единства между ее крупнейшими деятелями и группами начнется яростная грызня, как и всегда среди демонических существ, если перестает спаивать их между собой принцип тиранического насилия. Этому взаимопожиранию в общественных верхах будут соответствовать в массах беспорядочные завихрения разнузданных страстей и брожение умов, оставшихся без авторитетного руководства.

Ненависть к исчезнувшему властелину, глухо шевелившаяся в глубине душ, особенно после того, как человечество ощутило опасность быть вытесненным полуигвами, вспыхнет и прорвется со стихийною силой. Ему припомнится многое: и темные чудеса, которые теперь станут объясняться гениальным шарлатанством, и уничтожение животного царства — акт, в котором люди усмотрят пролог к их собственному намечавшемуся уничтожению, и гекатомбы человеческих жертв, и рождение уродливых, безжалостных полуигв, и, главное, его великую ложь: обещав всем абсолютную сексуальную свободу, он этим ввел людей в обман, только своим ближайшим подручным разрешив наслаждение мучительством и истязаниями, а людоедство — только себе.

Скоро эти взрывы страстей перерастут в стычки разных клик, мгновенно возникших везде полубандитских обществ и просто разъяренных толп. Некоторые группы из элиты антихриста попробуют отмежеваться от имени погибшего и даже с резкостью осудят предыдущий исторический этап. Но так как их собственная прошлая деятельность будет в глазах всех теснейшим образом связана с деятельностью владыки, то эта запоздалая перемена фронта не убедит никого. Все, связанное с именем погибшего, подвергнется неистовому глумлению и уничтожению со стороны той самой черни, на моральное растление которой он потратил свою жизнь, и даже две. Среди общего замешательства из катакомб выйдут уцелевшие последователи Розы Мира, но в атмосфере, отравленной столь длительным господством Зла, умы окажутся неспособными воспринять какое бы то ни было провозвестие светлой духовности, и проповеди их не дойдут до человеческого сознания, как речи на незнакомом языке. Число новообращенных ограничится единицами, и остатки Розы Мира скоро подвергнутся новой волне гонений.

Но полная сексуальная свобода наконец-то будет достигнута и в самом деле. Развяжется то, что при властелине оставалось запретным плодом для масс: садизм и сексуальное людоедство. Процесс распада универсального государства убыстрит свой темп, и анархию внутри каждой из его частей лишь местами удастся кое-как обуздать при помощи драконовских мероприятий.

Особенно зверские формы примет взаимная вражда людей и полуигв. Пришельцы будут глубоко презирать человечество как низшую, ни на что серьезное не способную расу, а люди — ненавидеть эти сухо рассудочные существа как наглых захватчиков, похитителей их исконных прав, как одушевленные подобия механических роботов, лишенные понимания человеческих страстей и выполняющие коварный план полного истребления человечества. Эта взаимная ненависть быстро перерастет в последнюю мировую войну. Полуигвы удержат власть в бывшей столице мира и оттуда поведут наступление во всех направлениях, чтобы безраздельно подчинить себе поверхность земли и прекратить хаос. Так как развитию военной техники при антихрис-

те не уделялось внимания, то средств вооруженной борьбы окажется слишком мало у обоих лагерей, они будут изобретаться и совершенствоваться на ходу, и война затянется. Возможно, орудия войны окажутся в общем даже более примитивными, чем во второй половине XX столетия. К тому же ни в одном из лагерей не будет единства. Бывшая элита, вернее, те из ее числа, кто не сразу погибнет во взаимных распрях или жертвами самосуда толпы, так и не смогут окончательно договориться между собою. Тем более разобщенной будет коалиция человеческих государственных образований; однако люди начнут подавлять врага своей численностью. В ходе войны прославленная столица будет захвачена, и ярость масс проявится в бешеном разгроме этого города со всею его роскошью. Часть населения будет беспощадно, лучше сказать садистически, истреблена, другая в панике покинет город, и за несколько дней он превратится в скопище зловонных руин, со стен которых только изображения бесовских оргий и скотских действ будут смотреть на огонь пожаров и мерзость запустения.

Среди кровавой вакханалии, охватившей весь мир, возникнут и движения светлой направленности, но они окажутся в положении преследуемых, разобщенных, не понятных почти никому. В какой-то степени они проявятся даже среди полуигв — далекое звено в развитии тех потенций, которые уже в наши дни доказали свое бытие фактом обращения Великого Игвы Друккарга и его немногочисленных последователей. Конечно, среди полуигв таких будет ничтожное меньшинство.

Не знаю, сколько лет продлится этот период — от гибели князя тьмы до смены эонов, во всяком случае, недолго, — и к концу его общество на поверхности земли погрузится во всеобщий хаос. Некоторые зоны воочию превратятся в то, что теперь называется лунным ландшафтом. Другие захлестнутся хлябями анархии, борьбы всех против всех. В третьих возникнут местные тираны, которые сумеют ухватиться за некоторые технические изобретения, позволяющие контролировать поведение масс; иные из этих тиранов даже встретят поддержку среди разных слоев как единственная сила, хоть как-нибудь цементирующая общество. Наконец, в зонах четвертого типа наступит полный экономический развал и стремительный технический регресс. Разобщенные человеческие ячейки вернутся к примитивным способам добычи средств существования. Общая панорама будет безмерно омрачена тем, что моральный уровень с самого начала этой эпохи будет столь низок, каким он не бывал даже в доисторические времена.

Не при антихристе, а именно через два-три десятилетия после него разгул Зла на поверхности Земли достигнет своего апогея.

Ибо «...произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним. И услышал я громкий голос, говорящий на небе: ныне настало спасение и сила и царство Бога нашего, и власть Христа <...> Горе живущим на земле и на море, потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени!» (Апок. 12, 7–12)

В природе начнутся необъяснимые явления, внушающие ужас, как предвестия какой-то космической катастрофы, еще не бывавшей и, может быть, завершающей. Только ничтожная горсть устоявших, рассеянных по всем концам Земли, поймет эти явления. Они поймут, что свыше двух тысяч лет спустя после Голгофы Планетарный Логос вошел наконец в Свою полную силу, достаточную для того, чтобы совершить преображение Земли.

«И явилось на небе великое знамение — жена, облеченная в солнце <...>. Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения <...> Дракон <...> стал пред женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца. И родила она младенца мужеского пола <...> и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его.<...> И даны были жене два крыла великого[1] орла, да парит она в пустыню в свое место от лица змия и питается там[2] в продолжение времени, времен и полвремени. И пустил змий из пасти своей вслед жены как реку <...>. Но земля помогла жене, и разверзла земля уста свои, и поглотила реку, которую пустил змий[3] из пасти своей. И рассвирепел дракон на жену и пошел, чтобы вступить в брань с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа» (Апок. 12, 1–2, 4–5, 14–17)

Что значит «жена, облеченная в солнце»? Это — Звента-Свентана, объятая Планетарным Логосом и рождающая великий Дух второго эона. В мировой истории это отобразится Розою Мира, в крайних муках подготавливающей человечество во времена перед антихристом, при нем и после него как грядущий сосуд ко вмещению этого рождаемого Духа.

Наконец, одно из знамений прочтется как знак, что в высших мирах метаистории все подготовлено и что старый эон вступает в свои последние дни.

Несколько десятков человек — все, что останется от Розы Мира, установят связь с теми немногими из людей и полуигв, которые, независимо от Единой Церкви и даже не зная о Ней, совершили внутренний выбор светлой направленности. Будет подан знак о том, что наступает время соединения всех оставшихся в живых братьев Света в одной точке на поверхности Земли. Преодолевая все препятствия, сто или двести верных соберутся воедино, и последний из верховных наставников возглавит их. В Откровении Иоанна это место названо по-еврейски — «Армагеддон». Я не знаю, что значит это слово. Мне кажется, великое событие это совершится в Сибири, но почему для последней встречи изберется именно эта страна, мне неизвестно.

И в этот час вздрогнет сверху донизу весь Шаданакар.

В мирах ангелов, даймонов, стихиалей, во всех мирах восходящего ряда явится Тот, Кто проходил по дорогам земной Галилеи столько веков назад. Непредставимое ликование охватит эти миры, и обитатели их пройдут сквозь еще одну, светлейшую трансформу.

Он явится во всех затомисах человечества, и все синклиты устремятся за Ним, сходя в Энроф.

1. В Апок.: большого. — *Ред.*
2. В Апок.: чтобы она летела в пустыню в свое место от лица змия и там питалась. — *Ред.*
3. В Апок.: дракон. — *Ред.*

Князь тьмы ужасал людей, являясь в трех-четырех физических обликах одновременно. Христос явится во стольких обликах, сколько будет тогда в Энрофе воспринимающих сознаний, каждому из них показуя Себя и каждому из них глаголя.

Эти облики, непостижимо отождествляясь, будут в то же время слиты в одном, верховном, грядущем на облаках в неизреченной Славе.

И не останется в Энрофе ни одного существа, не видящего Бога-Сына и не слышащего Его слов.

И исполнится то, иносказание о чем хранится в Писании как пророчество о Страшном суде.

Пространство Энрофа еще не изменится, но материальность человека будет изменена.

Те, кого этот час застигнет живущими в Энрофе, претерпят не смерть, но одну из двух противоположных трансформ.

Немногие из людей, оставшиеся верными, преобразятся физически, их материальные облачения будут мгновенно просветлены. Эти останутся в Энрофе.

Большинству же — всем тем, кто составит дьяволочеловечество — предстоит трансформа обратная: не умерев физически, они телесно изменятся так, что очутятся в мирах Возмездия. Сперва — в верхних чистилищах, потом — вниз и вниз, — каждый сообразно своей карме.

Некоторые игвы, в незначительном числе, будут оставлены в Энрофе, где сделаются как бы особою расой, руководимой просветленным богочеловечеством. Остальные падут на Дно Шаданакара, а позднее поднимутся в слой объединенных шрастров.

Высшие животные, уцелевшие от истребления антихристом, которых смена эонов застанет в Энрофе, вознаградятся за все страдания: они испытают то же преображение, что и человеческое меньшинство, и дополнят собою число насельников земли во втором эоне.

Достигший божественного могущества Спаситель сойдет и в другие слои. Игвы всех шрастров, в смятении и потрясении, воочию улицезрят Его, источающего волны любви и света. Явление Планетарного Логоса, Кого их перевернутый ум принимал за мятежника и грозного тирана, вызовет изменение направленности их воль, и, оставаясь еще в своих каррохах, они вольются в медленный процесс — просветление античеловечества и изнанки мира. Нечто схожее предстоит и раруггам. Демонов же великодержавной государственности ко дню смены эонов уже не будет: все они, кроме одного, еще гораздо раньше падут в Уппум, и спасение их включится в число задач второго эона.

Узы страдальцев, томящихся в чистилищах и магмах, будут преодолены, их материальность облегчена, способности духовного восприятия — раскрыты, и пленники начнут подъем по ступеням миров восходящего ряда.

Грозные демонические существа ринутся вниз, ибо Дигм будет уничтожен еще раньше, в тот метаисторический момент, о котором Апокалипсис говорит как об их поражении в небесной войне и об их низвержении на землю. Они будут обороняться в Гашшарве, Цебрумре и в лунном аду.

И еще ниже сойдет Спаситель — в тот слой, куда не мог до тех пор проникнуть никто, кроме его хозяина, Гагтунгра. В Суфэтхе, кладбище Шаданакара, распахнутся врата, пребывавшие замкнутыми от века, и потоки божественного света зальют от края и до края пустыню, доселе озарявшуюся лишь лиловым солнцем антикосмоса. Умирающие скорлупы, покинутые монадами, приподнимутся навстречу жизнедарующим лучам. Дыхание воскрешающего Логоса вдунет новую жизнь в эти полуживые останки душ, обреченных на смерть вторую, но не переживших еще минуты окончательного распада своих шельтов. Кладбище Шаданакара прекратит свое существование навсегда.

Синклиты же — все тридцать четыре синклита человечества, все мириады просветленных душ — и положивших начало своему восходящему пути в древнейших цивилизациях Атлантиды, Гондваны или Египта, и вступивших на него в позднейшие века, и достигших блистающей Аримойи через мученичество в последние века истории, — все сойдут в Энроф следом за Спасителем Христом — не родятся, но явятся и населят Землю.

«И слышал я как бы голос многочисленного народа, как бы шум вод многих, как бы голос громов сильных, говорящих: аллилуйя! ибо воцарился Господь Бог Вседержитель. Возрадуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу, ибо наступил брак Агнца, и жена Его приготовила себя. И дано было ей облечься в виссон чистый и светлый; виссон же есть праведность святых. И сказал мне Ангел: напиши: блаженны званные на брачную вечерю Агнца. И сказал мне: сии суть истинные слова Божии» (Апок. 19, 6–9).

Так завершится мистерия первого эона — борьбы Мрака со Светом за овладение Землей и поражения Мрака.

Тогда наступит брачная вечеря. Логос Планеты и ее Церковь сочетаются в неизреченной любви во внутреннем чертоге Мировой Сальватэрры, на запредельных высотах.

Второй эон, о котором свидетельствуют пророчества как о тысячелетнем царстве праведных, вступит в свои права. Его цель — спасение всех без исключения, кто сорвался, кто отстал, кто пал в глубину миров Возмездия, и преображение всего Шаданакара.

Ибо силы Гагтунгра, изгнанные из Энрофа, еще удержат власть в некоторых иных мирах, и потому что в чистилищах и страдалищах останутся еще множества совершивших роковую ошибку в последние исторические эпохи. И встанет задача — завершение преобразования темных миров, начатого Христом еще в три великие дня между Голгофою и Воскресением: преобразование безысходных страдалищ во временные чистилища, а чистилищ — в миры духовного врачевания и поднимание всех страдальцев сквозь эти слои в миры Просветления.

На Земле же Богочеловечество, не зная более разобщенности ни со Христом, ни со Звентой-Свентаною, но возглавляемое и направляемое ими, приступит к преобразованию и одухотворению того, что осталось от его предшественников в Энрофе: искалеченной природы, городов и цивилизации.

Ни человеческого рождения, ни болезней и смерти, ни страданий души, ни вражды и борьбы не будет знать второй эон: он будет знать лишь любовь и творчество ради избавления погибших и просветления всех слоев

материи. Ибо для этого и существуют все человечества и все содружества: и наше, и ангельское, и даймонское, и царство животных, и стихиали, и все иерархии Света. Для этого мы и воплощаемся здесь, в плотной, еще не озаренной материальности.

Наступят и те отдаленные времена, когда задачей сделается высветление слоев самых плотных, самых тяжких, самых низших. И кто же будет разрешать эту задачу, как не добровольные мученики? Ибо они, оставляя просветленный Энроф, будут спускаться в такую тьму, единая минута пребывания в которой есть великое мучение.

В человечестве зла уже не останется, но темные силы будут еще оказывать сопротивление в демонических мирах. Никто, кроме Всеведающего, не знает, сколько тысячелетий продлится царство праведных на Земле. Само время сделается тогда иным, чем теперь, оно превратится в золотую симфонию параллельно струящихся времен, и то, что мы называем историей, иссякнет. Не история, а возрастание мировой гармонии будет содержанием времени.

В середине второго эона опустеют все слои Возмездия. Ни излучения страданий, ни излучения злобы, ни излучения похоти уже не будут питать собою стана демонов, и богоборческие существа одно за другим отпадут от своей демонической природы. К исходу второго эона опустеет и преобразится сама Гашшарва, исчезнет Дно, и лишь Гагтунгр в неприступном Шоге будет твердить свое «Нет», впивая силы из антикосмоса Галактики.

Если планетарный демон, покинутый соратниками, упорствует во зле, оставшись один на один с началом Света среди преображенной брамфатуры, никакие силы Люцифера не в состоянии ему помочь на продолжение борьбы с силами Провидения. Тогда он, побежденный, покидает брамфатуру совсем, ища новых пристанищ и новых путей к своей тиранической мечте в иных краях Вселенной.

Если же Гагтунгр, оставшись один в преображенном, ликующем Шаданакаре, скажет наконец Христу и Богу: «Да!» — Шаданакар вступит в третий эон. Он исчезнет из космического Энрофа, как исчезла некогда планета Дайя, чтобы в высших, непредставимых формах бытия разрешать задачу третьего эона: искупление Гагтунгра. Это о наступлении третьего эона клянется великий ангел Апокалипсиса, говоря, что времени уже не будет.

Так, восходя от света к свету и от славы к славе,
все мы, населяющие Землю теперь,
и те, кто жил, и те, кто явится жить в грядущем,
будем подниматься к неизреченному Солнцу Мира,
чтобы рано или поздно слиться с Ним
и погрузиться в Него
для сорадования
и для сотворчества Ему
в созидании вселенных и вселенных.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ
имен, терминов и названий, часто упоминаемых в тексте

Ágга. — Все виды материальностей нашей брамфатуры, созданные или создаваемые демоническими началами. Структурно отличаются от материальности физической и вообще от сиайры (см.) тем, что количество первичных слагаемых агги крайне ограничено и ни одна из ее элементарных частиц не обладает ни свободой воли, ни одушевленностью. (Стр. 224, 511 и др.)

Антикосмос. — Условное обозначение для совокупности всех миров, создаваемых демоническими началами, и предполагаемое замещение Божественному космосу. К антикосмосу нашей брамфатуры ныне принадлежат слои: Шог, Дигм, Гашшарва, Суфэтх и Дно. (См. стр. 144 и др.)

Аримойя. — Ныне созидаемый затомис (см.) общечеловеческой метакультуры. (Стр. 102, 125.)

Арунгвильта-прана. — Безличная, бессознательная тонкоматериальная субстанция, разлитая в Энрофе (см.), переливающаяся из тела в тело и обеспечивающая возможность индивидуальных органических существований. Чувство присутствия арунгвильты-праны было осью душевной жизни праанимистического человечества и являлось, по-видимому, древнейшим из откровений.

Астрал. — Здесь — второе из тонкоматериальных облачений монады (см.). Шельт (см.) творится самою монадою; в творении же астрала принимает участие великая стихиаль Мать-Земля. Она принимает участие в творении индивидуальных астралов всех существ Шаданакара — людей, ангелов, даймонов, животных, стихиалей, демонов и даже Великих Иерархий, когда последние спускаются в слои, где это тело необходимо. Астрал — высший инструмент шельта. В нем сосредоточены способности духовного зрения, слуха, обоняния, глубинной памяти, способность полета, способность общения с существами иных слоев, способность созерцания космических панорам и перспектив. (См. стр. 93.)

Брамфатура. — Почти каждое небесное тело обладает рядом разноматериальных слоев, образующих взаимосвязанную и взаимообусловленную систему. Брамфатурами называются такие системы, объединенные общностью процессов, протекающих в их слоях. В большинстве брамфатур нашей Галактики основной процесс, объединяющий слои каждой из них, есть процесс борьбы Провиденциальных и демонических сил. Имеются, однако, и такие брамфатуры, которые полностью подпали демонической власти, и такие, которые уже полностью от нее освободились. (Стр. 80, 81 и мн. др.)

Объяснения даны сжато. В скобках указаны номера страниц, где содержание данного слова дается в развернутом виде.

Воглéа. — Имя великого демона женственной природы, виновника катастрофы, некогда постигшей человечество Лунной брамфатуры. Долгое время находясь в полуизоляции, враждуя и с Провиденциальными силами и отчасти с Гагтунгром, ныне Воглеа сопрягает свои усилия с усилиями планетарного демона. (Стр. 139.)

Гаввáх. — Тонкоматериальное излучение человеческого страдания, выделяемое нашим существом как при жизни, так и в нисходящем посмертии. Гаввах восполняет убыль жизненных сил для многих категорий демонических существ и самого Гагтунгра. (Стр. 86 и др.)

Гагтунгр. — Имя планетарного демона нашей брамфатуры. Он обладает тремя лицами, как и некоторые другие из крупнейших иерархий. Первая ипостась Гагтунгра — великий мучитель Гистург. Вторая — великая блудница Фокерма. Третья — Урпарп, великий осуществитель демонического плана, называемый иногда Принципом формы. (Стр. 85–87, 143 и мн. др.)

Гашшарва. — Один из основных слоев демонического антикосмоса в Шаданакаре; мир двух пространственных измерений, гнездилище разнообразных и могущественных демонических сил. (Стр. 145–147.)

Даймоны. — Высшее человечество Шаданакара, обитатели сакуалы миров с четырьмя пространственными координатами и различным числом временных координат. Даймоны проходят путь становления, схожий с нашим, но начали его раньше и совершают успешнее. С нашим человечеством они связаны многообразными нитями, некоторые из коих уясняются в ходе общего изложения. (Стр. 130–132 и др.)

Дигм. — Обиталище Гагтунгра, один из миров пяти пространственных и множества временных измерений. (Стр. 143–144.)

Друккарг. — Шрастр (см.) Российской метакультуры. (Стр. 169–170.)

Дуггур. — Один из слоев демонических стихиалей, имеющий для человечества особое значение. Существа, проходящие свои инкарнации в Дуггуре, восполняют убыль своих жизненных сил эйфосом — излучениями похоти человечества. (Стр. 174–178.)

Затомисы. — Высшие слои всех метакультур человечества, их небесные страны, опора народоводительствующих сил, обители Синклитов. Вместе с созидающейся ныне Аримойей (см.) — затомисом Розы Мира — их общее число достигает тридцати четырех. (См. стр. 108–129.)

Звента-Свентана. — Великая богорожденная монада, выразительница Вечной Женственности, Невеста Планетарного Логоса, сошедшая с духовно-космических высот в верхние слои Шаданакара около полутора столетий назад и долженствующая принять просветленное (отнюдь не физическое) воплощение в одном из затомисов человечества. Это метаисторическое событие отразится в земном Энрофе как появление Розы Мира. (Стр. 122, 208–209, 372–373, 525–527.)

Игвы. — Главная из рас античеловечества, высокоинтеллектуальные демонические существа, обитатели «изнанки мира» — шрастров (см.). (Стр. 161–165.)

Иерархия. — Это слово употребляется в настоящей книге в двух значениях: 1) иерáрхия — то есть лестница соподчиненных чинов, церковных, военных или административных; 2) иерархи́я (иерархии) — различные категории иноприродных, иноматериальных или духовных существ, например иерархии ангельские, демонические, иерархии стихиалей, даймонов и мн<огие> другие.

Ирольн. — Один из миров пяти пространственных координат, обиталище монад человечества. (Стр. 93.)

Кароссы. — Локальные, связанные с отдельными нациями или сверхнародами проявления единой великой стихиали человечества — Лилит. Кароссы лишены монад, но обладают эквивалентом сознания и воли. (Стр. 185,243.)

Каррох. — Аналогичное физическому плотное органическое тело некоторых видов демонических существ (напр<имер>, игв и раруггов), созданное не из сиайры, а из агги (см.). (Стр. 176, 513 и др.)

Лилит. — Великая стихиаль (см.) человечества, некогда супруга Первоангела, затем ваятельница физической плоти человеческого рода и некоторых других существ. Ее собственное существо демонизировано Гагтунгром задолго до появления в Энрофе человечества, существующего ныне. (Стр. 184–185, 513–515, 521 и др.)

Метаистория. — 1) Ныне находящаяся вне поля зрения науки и вне ее методологии совокупность процессов, протекающих в тех слоях иноматериального бытия, которые, пребывая в других видах пространства и в других потоках времени, просвечивают иногда сквозь процесс, воспринимаемый нами как история. (Стр. 53 и след.); 2) религиозное учение об этих процессах.

Метакультуры. — Внутренние сакуалы Шаданакара (см.), представляющие собой как бы сегментарные членения некоторых его нижних слоев. Метакультуры состоят из разного числа слоев, однако каждая из них обладает непременно тремя: физическим — местом обитания в Энрофе соответствующего сверхнарода, творящего свою культуру; затомисом — небесною страной просветленных душ этого народа и шрастром — демоническим исподним миром, противопоставляемым затомису. Кроме того, все метакультуры включают то или иное число слоев Просветления и слоев Возмездия. Характер этих миров в каждой из метакультур варьируется в зависимости от хода метаисторических процессов. (Стр. 94–100.)

Мировая Сальватэрра. — Условное обозначение вершины и сердца Шаданакара, наивысшей из его сакуал, состоящей из трех миров: обители Планетарного Логоса, обители Богоматери и обители Звенты-Свентаны. (Стр. 209–210.)

Монада. — Здесь — первичная, неделимая, бессмертная духовная единица, богорожденная либо богосотворенная. Мироздание являет собою неисчислимое множество монад и многообразные виды материальностей, создаваемых ими. (Стр. 93, 210–211.)

Монсальват. — Затомис Северо-Западной <мета>культуры. (Стр. 117.)

Мудгабр. — Шрастр Северо-Западной метакультуры. (Стр. 166.)

Навна. — Богорожденная монада, одна из Великих Сестер, идеальная Соборная Душа Российской метакультуры. Имя условное. (Стр. 207–208, 238.)

Небесная Россия (Святая Русь). — Затомис Российской метакультуры, обиталище ее Синклита. (Стр. 120–124.)

Нэртис. — Один из миров Просветления, страна лучезарного отдыха и блаженного покоя. (Стр. 106.)

Олирна. — Первый из миров восходящего ряда, страна усопших, общая для всего человечества, хотя в каждой из метакультур имеющая свой особый характер. (Стр. 102–105.)

Планетарный Логос. — Великая Богорожденная монада, выразительница Бога-Сына, божественный разум нашей брамфатуры, древнейшая, самая первая из всех ее монад, выразившая Себя в человечестве Иисусом Христом и возглавляющая подготовку нашего мира к смене эонов. Планетарный Логос — Вождь всех сил Света в Шаданакаре. (Стр. 211–226, 525–527.)

Раругги. — Вторая из рас античеловечества, представляющая собою существа, до стадии которых развились великие хищники древних геологических эр, пройдя через бесчисленные инкарнации в слоях демонической материальности. (Стр. 164, 189–190.)

Родомыслы. — Исторические деятели, оказавшие могучее и благотворное воздействие на судьбы народа или государства и руководимые в своей деятельности инспирацией народоводительствующих иерархий. (Стр. 242, 265–266 и др.)

Роза Мира. — Грядущая всехристианская Церковь последних веков, объединяющая в себе церкви прошлого и связующая себя на основе свободной унии со всеми религиями светлой направленности. В этом смысле Роза Мира интеррелигиозна или панрелигиозна. Основная задача ее — спасение возможно большего числа человеческих душ и отстранение от них опасности духовного порабощения грядущим противобогом. Возникновение Розы Мира в человечестве будет отражением эфирного рождения Звенты-Свентаны в одном из затомисов. (Стр. 25–33, 50–51, 459–505 и мн. др.)

Сакуала. — Здесь — система двух или нескольких разноматериальных слоев, тесно связанных между собою структурно и метаисторически. (Стр. 80.)

Сверхнарод. — Группа наций или народностей, объединенная общею, совместно создаваемою культурой. (Стр. 238.)

Сиайра. — Все виды материальностей, созданные или создаваемые Провиденциальными силами. (Стр. 224, 513.)

Синклиты. — Обитающие в затомисах метакультур сонмы просветленных человеческих душ. (Глава «Затомисы» и мн. др.; Синклит Мира — стр. 204–205.)

Скривнус. — Верхнее из чистилищ христианских метакультур, имеющее свой аналог и в других метакультурах человечества. Неизбежный посмертный этап всех душ, кроме тех, кто после физической смерти вступает непосредственно в Олирну и далее — по ступеням миров Просветления. (Стр. 151–152.)

Стихиали. — Категория богосотворенных монад, проходящих свой путь становления в Шаданакаре преимущественно сквозь царства Природы, но в большинстве не имеющих физического воплощения. Так как аспектом своеобразного природного царства обладает и человечество, то имеются разнообразные виды стихиалей, связанные не со стихиями Природы в широком смысле этого слова, а с природным, стихийным аспектом человечества. (Стр. 69–76, 171–172, 177–186.)

Уицраоры. — Могущественные, разумные и крайне хищные существа, обитающие в слоях, смежных со шрастрами. С точки зрения человека, это — демоны великодержавной государственности. Их очень немного. В метаистории уицраоры играют огромную, противоречивую, двойственную роль. (Стр. 166–170 и мн. др.)

Уппум. — Один из слоев Возмездия, «Дождь Вечной Тоски», ад уицраоров.

Шавва. — Тонкоматериальное излучение некоторых состояний человеческой психики, связанное с чувствами «государственного комплекса». Шавва восполняет убыль жизненных сил уицраоров, игв и раруггов. (Стр. 167–168.)

Шаданакар. — Имя собственное брамфатуры нашей планеты. Состоит из огромного числа (свыше 240) разноматериальных слоев, инопространственных и иновременных. (Стр. 80 и мн. др.)

Шельт. — Первое из материальных облачений монады. Шельт творится самою монадой из материальности пятимерно-пространственных миров. Вместилище монады вместе с ее божественными свойствами и ее ближайшее орудие. Не сама монада, остающаяся в Ирольне (см.), но именно шельт является тем «я», которое совершает свое странствие по низшим слоям ради их просветления. (Стр. 93–94.)

Шрастры. — Инопространственные материальные слои, связанные с некоторыми зонами в физическом теле планеты Земли, а именно — с «компенсационными выступами» материков, опрокинутыми остриями к земному центру. Обиталища античеловечества, состоящего из двух совместно живущих рас — игв и раруггов. В шрастрах имеются своеобразные огромные города и очень высокая демоническая техника. (Стр. 160–170.)

Эгрегоры. — Здесь — иноматериальные образования, возникающие из некоторых психических выделений человечества над большими коллективами: племенами, государствами, некоторыми партиями и религиозными общинами. Они лишены монад, но обладают временно сконцентрированным волевым зарядом и эквивалентом сознательности. (Стр. 129–130, 281–282 и др.)

Эйцехоре. — Здесь — демоническая часть в каждом существе, чье материальное воплощение происходило при участии Лилит, т.е. не только людей, но и титанов, игв, уицраоров. (Стр. 261–262.)

Энроф. — Имя нашего физического слоя — понятие, равнозначное современному понятию астрономической вселенной. Характеризуется наличием в нем пространства трех измерений и времени одного измерения. (Стр. 79 и след.)

Эоны. — Здесь — мировые периоды, характеризующиеся различным состоянием материальности в Энрофе какой-либо брамфатуры. Различие этих состояний определяется тою или иной степенью проявления духовных потенций в материальности Энрофа. При этом учитываются не единичные случаи уклонения от норм, а всеобщее, доминирующее состояние. Так, при вступлении Энрофа Шаданакара во второй эон совершится трансформа органической материи, а при вступлении в третий — трансформа также и материи неорганической. Этим самым Шаданакар выйдет из пределов мирового Энрофа. (Стр. 525–527 и др.)

Эфирное тело. — Третье из тонкоматериальных облачений воплощающейся монады: без него невозможна никакая органическая жизнь в мирах трех и четырех координат. (Стр. 93–94 и др.)

Яросвет. — Богорожденная монада, один из великих демиургов человечества, народоводитель Российской метакультуры. Имя условное. (Стр. 207–208, 238 и мн. др.)

24 декабря 1950 — 12 октября 1958

ПРИМЕЧАНИЯ

Первое издание «Розы Мира» — Андреев Д. Роза Мира: Метафилософия истории / Предисл. А. Андреевой; Послесл. В. Грушецкого. М.: Прометей, 1991 (до этого книга распространялась в самиздате) — положило начало ее широкой популярности и большому количеству переизданий. Однако это издание отмечено обилием опечаток и рядом искажений текста, вплоть до привнесения придуманного издателями и отсутствующего у автора подзаголовка «Метафилософия истории». Не свободно от недостатков и следующее издание: Андреев Д. Роза Мира / Сост. и подгот. текста А.А. Андреевой. М.: Иной мир, 1992. При подготовке текста «Розы Мира» для первого издания Собрания сочинений (Т. 2: Роза Мира / Сост., подгот. текста А.А. Андреевой. М.: Московский рабочий: Присцельс, 1995) существенная часть опечаток была устранена, но и оно, впоследствии механически воспроизводившееся издательством «Мир Урании», сохранило немалую часть опечаток и искажений текста. Для настоящего издания текст «Розы Мира» был вновь тщательно сверен по авторской машинописи, хранящейся в составе архива А.А. Андреевой. Приводимые Д.Л. Андреевым цитаты, большей частью по памяти, нередко содержат неточности, что отмечается в примечаниях с указанием источников. В публикуемом тексте, как правило, сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации и некоторые, особо не оговариваемые, разночтения.

В примечаниях кроме кратких пояснений приводятся и некоторые, наиболее значительные, черновые варианты текста как по машинописи с правкой автора, так и по рукописям, хранящимся в Русском архиве Бротертонской библиотеки университета г. Лидса (Великобритания).

Условные сокращения

ЖМ — Железная мистерия

Краткий словарь — Краткий словарь имен, терминов и названий, часто упоминаемых в тексте [«Розы Мира»]

РАЛ — Русский архив Бротертонской библиотеки университета г. Лидса (Великобритания)

РБ — Русские боги

РМ — Роза Мира

СС — Андреев Д. Собр. соч.: В 3 т. (4 кн.). М.: Московский рабочий; Фирма Алеся; Присцельс; Урания, 1993–1997

КНИГА ПЕРВАЯ
РОЗА МИРА И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ

Глава первая
РОЗА МИРА И ЕЕ БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ

С. 7. *Я заканчиваю рукопись «Розы Мира» на свободе…* — Д.Л. Андреев завершил работу над книгой, начатой во Владимирской тюрьме, во время пребывания с А.А. Андреевой в поселке (ныне город) Горячий Ключ Апшеронского района Краснодарского края.

С. 11. *…возникший еще во времена древнеримской империи мистический ужас перед грядущим объединением мира…* — Здесь и далее речь идет об Откровении Иоанна Богослова и о высказанных в нем пророчествах.

С. 14. *Индийский национальный конгресс* — крупнейшая политическая партия Индии, основанная в декабре 1885 г.

С. 15. *…последнее крупное религиозное движение в человечестве — протестантская Реформация — имело место четыреста лет назад…* — Антикатолическое движение Реформации, первоначальным центром которого была Германия, возникло в первой четверти XVI в.; особое значение для его начала имело выступление М. Лютера 31 октября 1517 г. в г. Виттенберге с тезисами против торговли индульгенциями.

…последняя религия мирового значения, ислам, насчитывает уже тринадцать веков существования… — Ислам возник в VII в. в Аравии.

С. 19. *…вроде теософического, антропософского или масонского…* — *Теософия* (букв. богопознание) — учение о возможности постичь Бога мистической интуицией и через откровение, доступное посвященным; Д.Л. Андреев имеет здесь в виду теософские воззрения, связанные с деятельностью Теософского общества, основанного в 1875 г. Е.П. Блаватской. *Антропософия* — учение, которое считает, что человек, развивая скрытые в нем мистические способности сверхчувственного восприятия, может достичь господства над природой; основано Р. Штейнером, создавшим в начале XX в. Всеобщее антропософское общество. *Масонство* — религиозно-философское течение, сопровождавшееся созданием «тайных лож», существующих и в наше время. В черновиках РМ (РАЛ) сохранилась следующая запись: «1. Блаватская — скрещ<енное> воздействие: 1) крайне смутн<ых> предч<увствий> Р.М., 2) гипноз некот<орых> низших форм инд<ийской> философ<ии>, 3) всевозм<ожной> бесовщины от Дуггура до Цебрумра. … Штайнер — несчастный путаник, наконец доберется до Олирны. Падал в магмы: самозванство и совращение с пути тысяч душ. Он был добр, и это сократило муки».

Шаданакар — см. Краткий словарь; существует не лишенное остроумия предположение, что это название представляет собой анаграмму слова «карандаш».

Задачу преобразования социального тела человечества не ставила перед собой ни одна религия, исключая средневековый католицизм. — В Средние века укрепление папской власти сделало возможным ее претензии на политическое влияние и утвердило теократические идеи, так, при папе Иннокентии III (1198–1216) большая часть католической Европы фактически была подчинена его власти, и лишь в конце XIII в. политическое значение папского престола стало падать.

С. 20. *Метаистория* — термин, возможно почерпнутый Д.Л. Андреевым у С.Н. Булгакова (см. с. 53), встречается также у Н.А. Бердяева.

С. 22. *…мы видели роковую годину Индии и великого духом Ганди.* — Речь идет об антиколониальном движении 1946–1947 гг., когда М.К. Ганди выдвинул лозунг «Вон

из Индии!», направленный против английских властей, и в то же время продолжал выступать против насильственных методов борьбы и кровопролитных столкновений между индусами и мусульманами.

С. 25. *…маори XIX века…* — *Маори*, коренное население Новой Зеландии, в первой половине XIX в., до захвата ее Великобританией, находилось на стадии первобытно-общинного строя.

Глава вторая

ОТНОШЕНИЕ К КУЛЬТУРЕ

С. 32. *Монада* — от греч. единица, единое; см. Краткий словарь, а также примеч. к РБ, 1, 491.

С. 33. *«Се, творю все новое»…* — См. Апок., 21, 5.

С. *36. …такое искусство… можно было бы назвать сквозящим реализмом…* — См. об этом главу «Сквозящий реализм» в работе «Некоторые зам<етки> по стиховедению»; т. 4.

Глава третья

ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИЯМ

С. 38. *…вопрос Пилата…* — Имеется в виду вопрос, обращенный к Христу: «Что есть истина?» (Ин. 18, 38).

С. 40. *…учения «левой руки»*. — В индуистском богословии учения «левой руки» те, что приводят к безнравственным поступкам; левое — противоположно правому, находится, по давним представлениям, со стороны «некрещеной» руки.

С. 41. *За мифами всегда стоит та или иная трансфизическая реальность…* — Ср. у А.Ф. Лосева: «Миф — необходимейшая — прямо нужно сказать, трансценденталь-но-необходимая — категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это подлинная и максимально конкретная реальность» (Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 397).

«человеческого, слишком человеческого» — выражение восходит к названию книги Фридриха Ницше «Человеческое, слишком человеческое» (1878).

С. 42. *Идея перевоплощения* души из одного тела в другое, в том числе в животных и даже в растения, присущая ряду ранних религий, получила особое развитие в философско-религиозных традициях Индии, в брахманизме, буддизме и индуизме; присутствовала она и в Древней Греции (орфизм, пифагорейство); *каббала* — средневековое религиозно-мистическое иудаистское учение — также допускает переселение душ.

С. 43. *…«Пророк, познав совершенное единство Божие, убедился в ложности учения о Троице»…* — Видимо, здесь имеется в виду следующее высказывание в Коране: «И вот сказал Аллах: “О Иса сын Марйам! Разве ты сказал людям: Примите меня и мою мать двумя богами кроме Аллаха?” Он сказал “Хвала Тебе! Как можно мне говорить, что мне не по нраву?”» (5: 116; пер. И.Ю. Крачковского); в то же время мусульманские богословы не склонны считать, что здесь речь идет о Троице.

С. 44. *…ислам (суннизм) и протестантизм отрицают правомерность культа святых…* — В отличие от протестантизма, большинство направлений ислама признают культ святых, который мусульманские богословы основывают на 63-м аяте 10-й суры Корана, где говорится о «близких родных Аллаху».

С. 45. *…«Отче, Отче, вскую Меня покинул?»…* — См.: Пс. 21, 2; Мф. 27, 46; Мк. 15, 34.

С. 46. *…Брахмо Самадж, Кешуб Чандер-Сен, высказал весьма глубокую мысль: он сказал, что мудрость индуистов, кротость буддистов, мужество магометан — все это от Христа. — Брахмо Самадж* (Общество Брахмы) — религиозное реформаторское общество, организованное в 1828 г. Раммоханом Раем, проповедовавшее универсальную религию, которая бы синтезировала индуизм, ислам и христианство; *Кешуб Чандер-Сен* возглавлял общество.

С. 48. *Арунта* — небольшое австралийское племя, в конце XIX в. насчитывавшее несколько сот человек.

С. 49. *Прана* (санскр.: дыхание) — термин в индуистской религии, означающий жизненную силу; прана также близка понятию «мировая душа», к соединению с которой она стремится.

С. 50. *…пока Восьмой вселенский собор…* — Имеется в виду грядущий Вселенский собор, на котором могло бы произойти объединение христианских церквей, так как Православная церковь признает только семь Вселенских соборов, последний из которых, Второй Никейский собор, проходил в 783–787 гг.

КНИГА ВТОРАЯ

О МЕТАИСТОРИЧЕСКОМ И ТРАНСФИЗИЧЕСКОМ МЕТОДАХ ПОЗНАНИЯ

Глава первая

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА

С. 53. *…применение кантовской терминологии к проблемам этого порядка вряд ли поможет…* — Здесь речь идет о термине «ноуменальный», который И. Кант трактовал как возможную, но непостижимую для человеческого опыта объективную реальность — «вещь в себе».

С. 58. *Уицраор* — возможно, это наименование восходит к евр. йецер ha-ра — устремление к злу.

Глава вторая

НЕМНОГО О ТРАНСФИЗИЧЕСКОМ МЕТОДЕ

С. 67. *Никогда близлежащие к человеку участки Природы не уродовались так рассудочно и противоестественно, как в эпоху Версальского парка. — Версальский парк* был создан при Людовике XIV, когда Версаль стал королевской резиденцией (1572); как во всяком регулярном парке, природа в нем преобразовывалась по строгому плану, в котором главенствовал «геометрический» принцип, когда геометрический характер придавался и тщательно подстригавшейся растительности.

Греко-персидские войны — войны между древнегреческими городами-государствами и Персией в 500–449 гг. до н.э.

Философия Руссо знаменует собою поворотный пункт. — В философии Ж.Ж. Руссо важное место занимали отрицательный взгляд на цивилизацию, искажающую «естественного» человека, а также культ природы.

Озерная школа — содружество английских поэтов-романтиков У. Вордсворта, С. Кольриджа, Р. Саути, сложившееся в конце XVIII — начале XIX в.

Барбизонская школа живописи — группа французских пейзажистов 1830–60-х гг., названная по имени деревушки близ леса Фонтенбло.

С. 76. *…такой случай описывает, например, в своих «Воспоминаниях» Рабиндранат Тагор*. — Р. Тагор в «Воспоминаниях» не однажды говорит о воздействии на него природы и ее состояний. Возможно, здесь Д.Л. Андреев имеет в виду следующие строки: «Из-за листвы деревьев вставало солнце. Я смотрел, смотрел — и вдруг в одно мгновение с моих глаз словно спала пелена. Я увидел, что весь мир озарен чудесным сиянием и его омывают волны радости красоты» (Тагор Р. Соч.: В 8 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 8. С. 133).

С. 77. *…все было во мне тою ночью, и я был во всем*. — Ср. в стихотворении Ф.И. Тютчева «Тени сизые смесились…» (1835): «Все во мне и я во всем».

С. 78. *…страница в поэме Эдвина Арнольда «Свет Азии»…* — В оригинале поэма «Свет Азии, или Великое отречение» (1890) написана белым стихом и повествует о Будде и учении буддизма. Д.Л. Андреев неточно и с некоторыми сокращениями цитирует прозаический перевод А.Н. Анненской (на русском языке вышли также переводы И.М. Сабашникова — СПб., 1891; 1896 и А.М. Федорова — М., 1895; СПб., 1906); см.: Свет Азии: Поэма Эдвина Арнольда / Пер. А. Анненской; Под ред. В. Лесевича. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1890. С. 124–125.

…кальп и махакальп… — *Кальпа* — мировой период, сутки Будды; существуют различные мнения о их продолжительности — от 1 млн 344 тыс. земных лет до 1 млд 280 млн и 8 млд 640 млн.

Сакуалу за сакуалой… — В цитируемом оригинале: «Саквал за саквалом…»; саквал — здесь, очевидно, чаккавала — галактика; по представлениям буддизма, Вселенная состоит из бесконечного числа чаккавал, организованных в триады. Принятое Д.Л. Андреевым толкование термина «сакуала» см. в Кратком словаре (с. 532).

Глава третья
ИСХОДНАЯ КОНЦЕПЦИЯ

1. МНОГОСЛОЙНОСТЬ

С. 79. *…понятие антиматерии*. — Гипотеза о существовании антимиров и антивещества была выдвинута физиком П. Дираком в 1933 г., но поныне не подтверждена; Д.Л. Андреев был знаком с этой гипотезой.

2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗЛА. МИРОВЫЕ ЗАКОНЫ. КАРМА

С. 85. *«Бог есть Свет и нет в Нем никакой тьмы»*. — 1 Ин. 1, 5.

3. К ВОПРОСУ О СВОБОДЕ ВОЛИ

С. 91. *Демиург* (греч., букв. изготавливающий вещи для народа) — творец, созидающее начало; Д.Л. Андреев в использовании этого понятия отчасти следует традиции Платона, который впервые ввел его в философию, назвав в «Тимее» демиургом творца Вселенной, вещей, создателя низших богов, мировой души и бессмертной части человеческой души (см.: Платон. Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 469–470 и др.).

6. МЕТАКУЛЬТУРЫ

С. 97. *Шрастр* — см. Краткий словарь; шрастры (санскр.) — древние священные книги, трактаты.

Эанна — храм бога небес Ану и его дочери Инанны (Иштар) в Эрехе (Уруке).

Зиккурат — см. т. 1, примеч. к с. 87

Эрех — древнееврейское название древнейшего города Вавилонии, упоминаемого в Библии; в клинописных текстах — Урук, ныне городище Варка.

Эсагиль — храмовый комплекс с семиярусным зиккуратом (Вавилонской башней) в Вавилоне.

Сумэра (Меру) — Меру, иначе называемая Сумеру-парвати (гора Сумеру) — в индийской мифологии священная гора в Гималаях, на вершине которой находится город Брахмы, отождествляемая с Рудра-Хималаями в Гарвале, где берет начало река Ганга.

Джаннэт; Джанна (араб., сад) — у мусульман наиболее частое обозначение рая.

Шан-Ти; *Шан* — первое известное государство Древнего Китая.

Монсальват — см. примеч. к поэме «Песнь о Монсальвате», т. 2.

С. 98. *Титурэль, Клингзор* — см. примеч. к поэме «Титурэль», т. 2.

Офелия — героиня трагедии «Гамлет» (1601); *Макбет* — герой одноименной трагедии (1606) У. Шекспира.

Брандт — герой одноименной драматической поэмы (1865) Г. Ибсена.

Эсфирь — речь идет о картине Х. Рембрандта «Артаксеркс, Аман и Эсфирь» (1660).

Маргарита — героиня трагедии «Фауст»; *Эгмонт* — здесь герой драмы «Эгмонт» (1788) И.-В. Гете.

М-р Пикквик — герой романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1837).

Жан Кристоф — герой одноименного романа (1904–1912) Р. Роллана.

Джолион Форсайт — герой трилогии Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» (1922).

С. 99. *Мерлин* — здесь герой средневековых повествований цикла о короле Артуре, волшебник, провидец и поэт.

…байроновский Каин… — Здесь герой мистерии «Каин» (1821) Д. Байрона.

Амфортас — см. примеч. к поэме «Титурэль», т. 2.

Эммануэль Квинт — герой романа «Юродивый во Христе Эммануил Квинт» (1910) Г. Гауптмана.

Лир — герой трагедии «Король Лир» (1605) У. Шекспира.

Сольвейг — героиня драматической поэмы «Пер Гюнт» (1867) Г. Ибсена.

…мистериях Байрэйта?.. — Имеются в виду постановки опер Р. Вагнера в Байрейтском театре, открытом в 1876 г. постановкой оперы «Кольцо нибелунгов»; см. также примеч. к РБ, 1, 513.

Якобинство — политическое объединение сторонников революционной диктатуры и террора, членов Якобинского клуба в период Великой французской революции.

КНИГА ТРЕТЬЯ

СТРУКТУРА ШАДАНАКАРА. МИРЫ ВОСХОДЯЩЕГО РЯДА

Глава первая

САКУАЛА ПРОСВЕТЛЕНИЯ

С. 101. *…знаю, где и когда умирал я в последний раз…* — В черновых записях существует следующая запись: «*Личное. Предсущ<ествование>* Атлантида — Ява Гондвана — (*был дай<моном>*) — Индия при Гуптах: заклинатель змей. С Наири встречи: I, II — и IV: Траванкор, XVII в<ек>: брамин-поэт. Сцена у реки (в поэме) действ<ительно> была. Но позднее девушка <…> (Ю). Ради ее любви ты отдал сомнит<ельные> блага. Исключен из касты и изгнан. Встречался и в других слоях, но в одном из них Ю соверш<ил> тяжкую ошибку. — Дар поэт<ической> ген<иальности> был решен, еще когда ты умирал в Траванкоре — …и у. решили для тебя еще 100 лет назад. Вызволить Ю стоило огромных усилий. Он же падал ниже Агра. Ив. Шидловский. Сердце остановится. Он бросится к тебе сам. Будет безумно любить, и ты его так же. Буд<ет> воз<можно> его силой в путеш<ествии> с уч. Поэтому прост<ится> все при условии, что это не повр<едит> миссии. Станет чудесн<ым> художн<иком>: роспись одного из замечат<ельных> храмов С<олнца> М<ира> Све<т> на веки веков. Во II эоне узел с Наири будет преображен в гарм<онию> так, как ныне представить невозм<ожно>».

Глава вторая

ЗАТОМИСЫ

С. 108. *…одной из ангельских иерархий — Господствами…* — См. примеч. к РБ, 1, 499.

С. 111. *…Антлантической метакультуры, существовавшей в Энрофе приблизительно с двенадцатого по девятое тысячелетие до Рождества Христова.* — Дошедшие до нас сведения об Атлантиде имеют главным источником диалоги «Тимей» и «Критий» Платона; все сообщаемые о ней Д.Л. Андреевым подробности в главном соответствуют описаниям Платона; а указываемое время существования Антлантиды не только не противоречит Платону (см.: Платон. Соч. Т. 3. Ч. 1. С. 547), но и совпадает с мнением многих исследователей (см.: Зайдлер Л. Великая катастрофа. М.: Вече, 2004. С. 254–255). Кроме научных гипотез атлантологии, опирающейся на данные научных дисциплин и учитывающей мифологические сказания, в особенности «о потопе», существует также «эзотерическое» учение об Атлантиде, имеющее собственную традицию (см.: Блаватская Е.П. Тайная Доктрина: В 2 т. Рига, 1937; Рерих Н.К. Мифы Атлантиды // Собр. соч.: В 7 т. М., 1914 и др.).

Атлантида находилась на архипелаге островов, крупнейший… по размерам напоминал Сицилию. — В диалоге Платона «Тимей» говорится, что власть царей Атлантиды распространялась «на весь остров, на многие другие острова и на часть материка, а сверх того… они овладели Ливией вплоть до Египта…» (Платон. Соч. Т. 3. Ч. 1. С. 466).

С. 112. *…предание об Атлантиде достигло впоследствии до Египта…* — Платон в диалоге «Тимей» сообщает, что об Атлантиде Солону поведали египетские жрецы (см.: Платон. Соч. Т. 3. Ч. 1. С. 464–466).

Над этическими представлениями атлантов довлели образы беспощадных и алчных божеств… — Платон в диалоге «Критий» сообщает о культе Посейдона у атлантов и о их первоначально «божественной природе», которая постепенно утратилась и сменилась «безудержной жадностью и силой» (см.: Платон. Соч. Т. 3. Ч. 1. С. 559), а, например, Е.П. Блаватская пишет о «нечестивых атлантах, великих колдунах» (Блаватская Е.П. Указ. соч. Т. 2. С. 618). *…погибли от ряда сейсмических катастроф.* — Платон говорит о гибели Атлантиды от «невиданных землетрясений и наводнений» (Платон. Соч. Т. 3. Ч. 1. С. 466).

С. 112. *…Красный храм на черном фоне; перед ним — четыре фигуры в белом…* — Ср. у Платона в диалоге «Критий»: «Камень белого, черного и красного цвета они добывали в недрах срединного острова…» (Платон. Соч. Т. 3. Ч. 1. С. 535).

Гондвана — гипотетический материк (назван по исторической области в Центральной Индии), существовавший, по мнению ученых, в палеозойской и частично мезозойской эрах в Южном полушарии.

С. 113. *Иалу* (или Иару) — в древнеегипетской мифологии загробный мир, также место пребывания всех «блаженных», поля рая.

Реформа Эхнатона — имеется в виду запрещение культа Амона-Ра и введение культа единого бога Атона фараоном Аменхотепом IV, принявшим новое имя — Эхнатон (угодный Атону), но после его смерти египетское жречество вернулось к прежним культам.

С. 114. *…затомис Китайской метакультуры, существовавшей… со второго тысячелетия до н.э.* — Начало древнекитайской цивилизации историческая наука относит к рубежу III–II тысячелетий до н.э.

Конфуцианство — философское учение, возникшее в VI–V вв. до н.э. и превратившееся в философско-теологическую систему; государственный культ Конфуция, утвержденный в 59 г. н.э., просуществовал до 1928 г.

Распространение буддизма… — Буддизм, зародившийся в середине I тысячелетия до н.э. в Индии, впоследствии распространился в Юго-Восточной и Центральной Азии и на Дальнем Востоке; в V в. он возник в Китае, в VII–XIV вв. в форме ламаизма сложился в Тибете, в конце XVI в. распространился среди монголов, а в XVII в. проник на территорию России.

С. 115. *Зерван — затомис Древнеиранской (маздеистской) метакультуры.* — *Зерван* (авест.) — в иранской мифологии бог, персонификация времени и судьбы, а также верховный бог зерванизма, религиозного течения, соперничавшего с маздеизмом. *Маздеизм*, или религия магов — религия населения Древнего Ирана в IX–IV вв. до н.э., сосуществовавшая с зороастризмом и в некоторых аспектах переплетавшаяся с ним.

Инвольтация — от лат. involuta — отемнение.

С. 116. *После окончательного разгрома евреев при Адриане…* — Имеется в виду разгром антиримского восстания в 132–135 гг. в Иудее.

С. 119. *Махаяна* (санскр., букв. большая колесница, широкий путь спасения) — одно из двух направлений буддизма, в отличие от хинаяны утверждающее, что путь к спасению может обрести не только монах.

С. 121. *…дабы Господь упокоил их в «месте светлом, месте злачном, месте покойном, иде же несть ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная».* — См. «Последование по исходе души от тела», песнь 3 и кондак, глас 8.

С. 123. *Великий зодчий, когда-то приступивший к сооружению храма «Тела, Души и Духа» в Москве, на Воробьевых горах…* — Речь идет о проекте грандиозного храмового ансамбля А.Л. Витберга, посвященного победе в Отечественной войне 1812 г.; проект получил царское одобрение на конкурсе 1815 г. («Колоссальный, исполненный религиозной поэзии проект Витберга поразил Александра» — Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 8. С. 280), но храм, заложенный в 1817 г., не был возведен. Вот как передает замысел храма друживший с архитектором Герцен:

«Храм Витберга, как главный догмат христианства, тройственен и неразделен.

Нижний храм, иссеченный в горе, имел форму параллелограмма, гроба, тела; его наружность представляла тяжелый портал, поддерживаемый почти египетскими колоннами; он пропадал в горе, в дикой, необработанной природе. Храм этот был освещен лампами в этрурийских высоких канделабрах, дневной свет скудно падал в него из второго храма, проходя сквозь прозрачный образ рождества. В этой крипте должны были покоиться все герои, павшие в 1812 году, вечная панихида должна была служиться о убиенных на поле битвы, по стенам должны были быть иссечены имена всех их, от полководцев до рядовых.

На этом гробе, на этом кладбище разбрасывался во все стороны равноконечный греческий крест второго храма,— храма распростертых рук, жизни, страданий, труда. Колоннада, ведущая к нему, была украшена статуями ветхозаветных лиц. При входе стояли пророки. Они стояли вне храма, указывая путь, по которому им идти не пришлось. Внутри этого храма были вся евангельская история и история апостольских деяний.

Над ним, венчая его, оканчивая и заключая, был третий храм в виде ротонды. Этот храм, ярко освещенный, был храм духа, невозмущаемого покоя, вечности, выражавшейся кольцеобразным его планом. Тут не было ни образов, ни изваяний, только снаружи он был окружен венком архангелов и накрыт колоссальным куполом.

Я теперь передаю на память главную мысль Витберга, она у него была разработана до мелких подробностей и везде совершенно последовательно христианской теодицее…» (Герцен А.И. Собр. соч. Т. 8. С. 281–282).

С. 126. …*Дравидической метакультуры*… — Дравиды — народы, населяющие в основном Южную Индию, а также частично населяющие о. Цейлон, Малайзию, Бирму и другие страны Юго-Восточной Азии.

Сумеры, шумеры — древний народ, населявший Южное Двуречье.

Мохенджо-Даро, *Хараппа* — открытые в 1921 г. развалины центров хараппской цивилизации, существовавшей в середине III тысячелетия до н.э. — XVII–XVI вв. до н.э. в долине Инда на северо-западе Индостана.

Асгард (др.-исл. «ограда ассов») — в скандинавской мифологии небесное селение, крепость богов-ассов; *Валгалла* — находящееся в небесах, в Асгарде, жилище павших в бою храбрых воинов.

С. 127. …*Древнетибетской культуры, разрушенной буддизмом*… — Буддизм в Тибетской империи, существовавшей в VII–IX вв., стал государственной религией в 787 г., хотя позднее были периоды его преследования.

Глава третья
СРЕДНИЕ СЛОИ ШАДАНАКАРА

С. 129. *Эгрегоры* (возможно, от лат. agregia — славные дела, заслуги, подвиги) — в эзотерической и мистической литературе эгрегоры понимаются как «руководители душ, духи энергии и действия»; в некоторых направлениях восточных философий они описываются как существа, представляющие астральный или божественный свет, как планетарные духи; общепринято толкование эгрегоров как энергоинформационных пространств (резервуаров, ниш и т.п.), образующихся в результате психоэнергетической связи тождественных миропониманий, сосредоточенных на определенном образе.

С. 132. «*Боярыня Морозова*» (1887) — картина В.И. Сурикова.

Изображение Репиным убийства Грозным своего сына… — Имеется в виду картина «Иван Грозный и сын его Иван» (1885).

«Поверженный Демон» (1902) — последняя картина М.А. Врубеля, посвященная теме демона; см. ее описание также в романе Д.Л. Андреева «Странники ночи» (т. 4, 76–77).

С. 133. *Борис* — здесь герой трагедии «Борис Годунов» (1824–1825) А.С. Пушкина. *Цезарь* — здесь герой трагедии «Юлий Цезарь» (1599) У. Шекспира.

Ставрогин, Свидригайлов — герои романа «Бесы» (1871–1872); *Иван Карамазов, Смердяков* — герои романа «Братья Карамазовы» (1879–1880) Ф.М. Достоевского.

Собакевич, Чичиков — герои поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842).

Пьер Безухов, Андрей Болконский, княжна Марья, Наташа Ростова — герои романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (1863–1869).

Дон Кихот — герой одноименного романа (1605–1615) М. Сервантеса.

С. 133–134. *Шаляпин был глубоко прав, постясь и молясь после исполнения роли Мефистофеля.* — Ф.И. Шаляпин пел партию Мефистофеля в операх Ш.-Ф. Гуно «Фауст» и А. Бойто «Мефистофель»; о впечатлении, которое производил певец в этой партии, Л.Н. Андреев в 1902 г. писал: «…на меня глядит сам Мефистофель со всею колючестью его черт и сатанинского ума, со всею его дьявольской злобой и таинственной недосказанностью» (Андреев Л. Полн. собр. соч.: В 6 т. СПб.: Т-во А.Ф. Маркс, 1913. Т. 6. С. 341).

С. 134. *Спектакль «Жизнь человека»* — см. примеч. к РБ, 1, 490.

Гопуррамы; Гопурамы (санскр.) — в средневековой индийской архитектуре надвратные башни в храмовых оградах.

С. 136. …*в Апокалипсисе пророчество о высокоразумных животных, обступивших алтарь*… — См.: Апок. 4, 6–10.

С. 141. *Хинаяна* (санскр. — малая колесница, или узкий путь) — одно из двух, наряду с махаяной, направлений буддизма, в котором главное значение в спасении придается личным усилиям.

Джайнизм — одна из религий Индии, возникшая в VI в. до н.э., в центре которой учение о вечной душе, ответственной за все совершенное вследствие закона кармы; см. о философии джайнизма: Чаттерджи С., Дата Д. Введение в индийскую философию. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. С. 72–105; Д.Л. Андреев в письме к А.А. Андреевой от 5 апреля 1955 г. писал в связи с чтением этой книги: «…проштудировал изумительную (особенно в отношении этики) философию джайнизма» (см.: т. 4, «Переписка»).

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
СТРУКТУРА ШАДАНАКАРА. ИНФРАФИЗИКА

Глава первая
ОСНОВА

С. 147. *Белые карлики* — очень плотные горячие звезды, состоящие из вырожденного газа, считающиеся конечной стадией эволюции обычных звезд.

Глава вторая
МИРЫ ВОЗМЕЗДИЯ

С. 150. *Шеол* (евр.) — неведомое состояние, местопребывание мертвых, преисподняя; от греч. перевода в Ветхом Завете слова шеол — hades — ад.

С. 158. …*«Кто соблазнит одного из малых сих»*… — Мф. 18, 6.

С. 159. …*смерть вторая, о которой говорится в Священном писании*. — См.: Апок. 20, 14.

Глава третья

ШРАСТРЫ И УИЦРАОРЫ

С. 161. *Они называются игвами.* — Здесь в машинописи далее следовал зачеркнутый текст: «То, что мне известно об игвах, уже изложено мной в прозаической поэме “Жизнь на изнанке мира”. Место не позволяет мне повторять все это здесь с теми же подробностями. Сообщу главнейшее».

С. 165. *Сэтх*; Сетх — в египетской мифологии бог «чужих стран» (пустыни), олицетворение злого начала.

С. 168. *Стэбинг* — видимо, от англ. stabing, здесь: наносящий удары, раны.

С. 169. *Кто она, Навна?* — Здесь в машинописи далее следовал зачеркнутый текст: «И что значит то, что она соборна? Душу имеет всякий народ: без нее он представлял бы собою лишь случайную сумму единиц, лишь хаотическое коловращение индивидуальностей. Такие Души суть великие монады женственной природы; они нисходят в созидаемые затомисы с самого начала исторического народного бытия».

КНИГА ПЯТАЯ
СТРУКТУРА ШАДАНАКАРА. СТИХИАЛИ

Глава первая

ДЕМОНИЧЕСКИЕ СТИХИАЛИ

С. 177. *Сойдут глухие вечера…* — Цитата из стихотворения А.А. Блока «Петр» (1904).

С. 178. *Пенаты* — в римской мифологии божества — хранители дома, домашнего очага и его символы, также как и лары.

Лары — в римской мифологии божества — покровители общин и их земель, а также дома и семьи.

С. 179. *…вспомним «Хозяйку Медной горы»…* — Речь идет о сказе «Медной горы Хозяйка» П. Бажова из книги «Малахитовая шкатулка» (1939).

Тролли — в германо-скандинавской мифологии подземные обитатели гор — великаны.

Глава вторая

СВЕТЛЫЕ СТИХИАЛИ

С. 180. *…во времена госпожи Простаковой*. — Имеется в виду реплика героини комедии Д. Фонвизина «Недоросль» (1772) Простаковой, сказавшей, в частности, о необходимости изучения географии: «Да извозчики-то на что ж? <…> Это-таки и наука-то не дворянская» (д. 4, явл. 8).

Эльфы — в мифологии германских народов духи; иногда делятся на светлых и темных.

С. 181. *Вайита* — возможно, наименование этого слоя, как и слоя Ваюмн, образовано от Вайю (авест.) — бог ветра в иранской мифологии.

…пыль «житейского попечения»… — Выражение из церковного песнопения «…отложите всякое житейское попечение…», см. также поучения Исаака Сирина

(«Слова подвижнические» — «Слово третье»), встречается оно и в Добротолюбии, имевшемся в библиотеке Д.Л. Андреева (см.: Даниил Андреев в культуре XX века. М.: Мир Урании, 2000. С. 317).

С. 183. «*Снежная Королева*» (1844) — сказка Х.-К. Андерсена.

С. 186. *Люби нас, сияющий!* — Далее в авторской машинописи следовал вычеркнутый текст: «Мне думается, что так будет учить нас Роза Мира осмыслять могучий духовный опыт многобожия. Она будет указывать пути к тому, чтобы делать наше счастье от общения с духами Природы все глубже и глубже, наслаждение от соприкосновения с плотью Природы — все полнее и шире, а радость от исполнения нашего долга перед ней — все безоблачнее и чище. Ибо до сих пор, по-видимому, только индийские религии с их заветом ахимсы — запретом нанесения страдания какому бы то ни было живому существу — приблизились к подлинной религиозно-этической любви к Природе. Но ахимса имеет в виду лишь людей и животных; стихиали остаются вне пределов завета. А между тем давно уже время понять, что мы, вырубая леса, насилуя течение рек и заменяя луга и поля ландшафтом убогих пригородов и поселков, наносим ущерб. Ущерб не только самим себе и не только той внешней природе, которую большинство считают бездушной, но и дивным мирам Лиурны и Мурохаммы, Дараинны и Арашамфа, Фальторы и Страны Эльфов. И напротив, сажая деревья, ухаживая за лесами, расширяя сады, учреждая заповедники, озеленяя города, мы творим добро не только себе, но и им. Следует вспомнить завет Достоевского, заклинавшего нас целовать землю, и расширить этот завет, дав возможность нашим ногам целовать землю постоянно, при каждом шаге. Этой удвоенной радостью — радостью от прикосновения стихий и радостью от сквозящих за ними светлых стихиалей — пронижутся игры, танец, полевой труд, садоводство и огородничество, спорт, туризм, вся физическая культура.

Почему средний тип спортсмена наших дней поражает примитивностью своей психологии? Отчего мысли его поглощены только вопросами спортивной техники, а над его чувствами властвуют инстинкт соперничества, бесенок честолюбия и огромный, мускулистый бес самодовольства? Причины этого многоразличны, но главная та, что он замкнут в своей утилитарно-физиологической любви к природе. Он и не подозревает возможности о с м ы с л е н и я связи со стихиалями, среди излучения которых бывает так часто и так подолгу. Он остается за тысячу верст от мысли, что если его тело погружается в воду и мчится великолепным брассом, восхищая зрителей, то как бы он ни был сосредоточен мыслью на правильности своих движений, но одна частица сознания должна жадно, непрерывно следить, вчувствоваться, вдумываться в струи и брызги воды — в эти крылья и руки существ Лиурны, с упоением обнимающие его тело. Если он на лыжах устремляется с горы, одна частица сознания (чем бы ни были заняты другие частицы) должна осязать привлеченных его смелостью, ловкостью, быстротой, целующих его ветром в лицо стихиалей Нивены и Ахаша; а скольжение этих пушистых снегов и плавные изгибы земной поверхности надо воспринимать подобно тому, как воспринимает человек изгибы телесных форм женщины, которую он любит.

Так омовение, спорт и игра войдут неотъемлемыми составными частями в будущий культ стихиалей. Это будет мирный и веселый культ, полный двойной радости от причастия стихиям, наслаждения от спортивных состязаний и игры. Он будет сопряжен с посадкой деревьев и цветов, с уходом за ними, с расчисткой зарослей, с богослужениями Солнцу и Матери-Земле, с посвященными стихиалям народными действами. Для этого культа потребуется совсем особый вид храмов, совсем особое священство: таких еще не бывало никогда и нигде… Но об этом — еще не сейчас, на очереди другое, а об этом я попытаюсь заговорить в последних главах, когда доведу мой рассказ до религиозно-культурного строительства и до культов Розы Мира».

Завет Достоевского… — Имеются в виду слова старца Зосимы из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби…» (см.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Художественные произведения. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 292).

Глава третья

ОТНОШЕНИЕ К ЖИВОТНОМУ ЦАРСТВУ

С. 188. *Махатма* (санскр.; букв. великая душа) — в индуизме одно из наименований мирового духа, а также приставка к имени пророков, подвижников, духовных вождей.

С. 189. *Бронтозавры* (апатозавры) — род пресмыкающихся отряда ящеротазовых динозавров юрского периода — гигантских (длиной до 20 м) четвероногих животных с длинной шеей и небольшой головой.

Игуанодоны — род пресмыкающихся отряда птицетазовых динозавров конца юрского и первой половины мелового периода — крупных (длиной до 10 м) животных, передвигавшихся на задних ногах.

С. 190. *…слова старца Зосимы…* — Неточная цитата из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (см.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 267).

Нигойда; Нигода (Нигойя) — в джайнизме души-дживы, представляющие самую низшую ступень мельчайших существ.

С. 194. *Джайны* — последователи джайнизма.

С. 196. *Д. Садовников (Встречи. О Тургеневе)* — см.: Садовников Д.Н. Встречи с И.С. Тургеневым. «Пятницы» у поэта Полонского в 1879–1880 гг. // Русское прошлое: Исторические сборники. Пг.; М., 1923. Вып. 3.

С. 199. *Испанский сапог* — приспособление для сжимания ног, *гаррота* — стягиваемый винтом обруч — орудия пытки в средневековой Испании и Португалии.

С. 203. *Мальтузианство* — связанное с именем английского экономиста Т.-Р. Мальтуса направление в демографии, в котором главное внимание уделяется увеличению темпов роста населения Земли.

КНИГА ШЕСТАЯ

ВЫСШИЕ МИРЫ ШАДАНАКАРА

Глава первая

ДО МИРОВОЙ САЛЬВАТЭРРЫ

С. 205. *…а также Василий Великий*. — Далее в авторизованной машинописи следует вычеркнутое: «Из молодой Российской метакультуры до сих пор вошли в Синклит Человечества весьма немногие. Называю имена тех из них, которые мне известны, в историко-хронологическом, а не в метаисторическом порядке: св. князь Владимир Киевский; Ярослав Мудрый; Антоний и Феодосий Печерские; летописец Нестор; дружинник князя Игоря Святославовича — творец «Слова о полку Игореве»; Александр Невский; св. Сергий Радонежский; Андрей Рублев; св. Нил Сорский; Ломоносов; св. Серафим Саровский; св. Амвросий Оптинский; Александр Благословенный».

С. 210. *Абхиджна* (санскр.) — сверхзнание, полученное путем непосредственного восприятия.

Дао (букв. путь, дорога) — важнейшее понятие даосизма, учение о пути, естественном и извечном законе спонтанного возникновения, развития и исчезновения Вселенной.

Плерома (от греч. полнота) — церковь как всемирная община, «мистическое тело»; в гностических учениях плерома составляется из полного числа эонов, в которых до конца развертывает себя верховная первосущность.

Эмпирей — в древнегреческой космогонии наиболее высокая часть неба, наполненная огнем и светом.

Дыхание Парабрамы — см. примеч. к ЖМ, т. 2.

Азуры; агуры — духи света в Авесте — священной книге древнеиранской религии.

Дэвы — добрые духи ведического пантеона.

Сукхавати (санскр.) — счастливая страна, рай, управляемый Буддой Амитабхой, где обитают бодисатвы.

Нирвана — центральное понятие буддизма и джайнизма, означает высшее состояние духа, в котором преодолены все земные привязанности, прекращение перевоплощений, абсолютный покой.

Глава вторая

ЛОГОС ШАДАНАКАРА

С. 213. *Кроманьон* — здесь эпоха верхнего палеолита, начинающаяся 38 000 лет до н.э.

С. 214. *Учение Лао-цзы* — даосизм, религиозное учение, принципы которого изложены Лао-цзы в книге «Дао-дэ-дзин»; в нем «Дао» — сущность и первопричина мира, «матерь всех вещей»; пантеон даосизма возглавляет троица — Шан-ди, Лао-цзы и Паньгу, творец мира.

Аватара — в индуизме воплощение божества в образах других божеств, людей или животных.

…заканчивая свой вдохновенный гимн Единому Божеству трагической жалобой: «И никто не знает Тебя, кроме сына Твоего, Эхнатона!» — Текст «Гимна богу Атону», сохранившийся в гробнице сановника Эйе, приближенного Эхнатона, очевидно, приводится по книге Б.А. Тураева «История Древнего Востока» (Л.: ОГИЗ, 1935. Т. 1. С. 288), имевшейся в библиотеке Д.Л. Андреева (см.: Даниил Андреев в культуре XX века. С. 317).

С. 215. *…историческая истина восстановлена лишь в конце XIX века усилиями европейских археологов*. — Имеются в виду раскопки столицы Эхнатона в Телль-эль-Амарне, которые велись с 1891 г. под руководством английского археолога Питри; эти открытия продолжились позднее, так, в 1922 г. английским археологом Г. Картером была найдена гробница фараона Тутанхамона; см. также: Тураев Б.А. Указ. соч. С. 285.

С. 221. *…изверг на престоле, Домициан, падает жертвой заговорщиков*. — Правление Домициана отличалось самодержавностью, он ограничил власть сената, повелел называть себя «господином и богом», при нем увеличилось число процессов и казней; убит он был 18 сентября 96 г. в результате заговора «ближайших друзей и вольноотпущенников» (Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1966. С. 217) и затем проклят сенатом.

С. 225. *«Легенда о Великом Инквизиторе»* — глава «Великий инквизитор» из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Глава третья

ЖЕНСТВЕННОСТЬ

С. 228. *«Пошлю вам Духа утешителя, он же наставит вас на всякую истину»*. — См.: Ин. 15, 26; 16, 13.

С. 228. *Гностики* — представители религиозно-теософских учений поздней античности и Средневековья, в которых идеи поздней античности связаны со стремлением дать синтез религий.

С. 229. *…обвинение в многобожии, брошенное христианству Мухаммедом 1300 лет назад*. — В проповеди Мухаммеда главное — строгое требование единобожия: «Свидетельствует Аллах, что нет божества, кроме Него…», «Поистине, религия перед Аллахом — ислам, и разошлись те, кому было даровано писание…» (Коран, 3:16–17; пер. Ю.И. Крачковского).

С. 230. *«Бог есть любовь», — сказал Иоанн.* — 1 Ин. 4, 16.

С. 232. *…пока человечество, как говорил Достоевский, «не переменится физически»*. — Здесь, видимо, имеются в виду слова Кириллова в романе Ф.М. Достоевского «Бесы»: «Но я заявляю своеволие <…> это одно спасет всех людей и в следующем же поколении переродит физически…» (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 472).

С. 236. *…он в Египетской пустыне звездной ночью пережил потрясающий прорыв сознания…* — Речь идет о пережитом В.С. Соловьевым во время путешествия в Египет (октябрь 1875 – март 1876), когда 25–27 ноября 1875 г. под Каиром ему явилось «видение» Софии Премудрости Божией, которое он описал в поэме «Три свидания» (1898).

КНИГА СЕДЬМАЯ

К МЕТАИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Глава первая

КИЕВСКАЯ РУСЬ КАК ЯВЛЕНИЕ МЕТАИСТОРИЧЕСКОЕ

С. 238. *…народности Нубии, Напаты, Мероэ…* — *Нубия* (древнеегипетское Куш) — одно из названий (с X в.) исторической области между первым и шестым порогами Нила, была населена семито-хамитскими и кушитскими племенами; *Напата* — Напатское царство со столицей Напата в Куше, возникшее около VIII в. до н.э.; Мероэ — Мероитское царство со столицей в Мероэ (2-я пол. VI–IV в. до н.э.).

С. 242. *…православие, еще в Византии занявшее, по выражению Достоевского, «угол в государстве»…* — Выражение из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (см.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 56, 58).

С. 249. *…Египет эпохи номов…* — *Номы* — административные округа Древнего Египта.

…ведическая Индия… — Имеется в виду эпоха, когда складывались веды — древнейшие памятники индийской религиозной литературы — кон. II – нач. I тысячелетия до н.э.

Полис — город-государство; полисная система политической и социально-экономической организации была характерна для Древней Греции.

С. 250. *…Афины времен Перикла*. — Время, когда Перикл был главнокомандующим Афин (443–429 до н.э.), считается периодом их высшего расцвета.

…Средиземноморье в IV–V столетиях н.э. … — В эпоху перед падением в 476 г. Римской империи под нашествием варваров и позже, в период образования варварских королевств, Средиземноморье переживало период завоевательных войн и экономического упадка.

…мусульманские страны после халифата… — Халифат перестал существовать в 1258 г. после взятия Багдада монгольскими войсками, что привело не только к политической раздробленности, но и упадку культуры в арабских странах.

…Германия после Тридцатилетней войны… — Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. в Европе имела тяжелые последствия для Германии, разорив страну и утвердив ее раздробленность.

Глава вторая

ХРИСТИАНСКИЙ МИФ И ПРАРОССИАНСТВО

О прароссианстве у Д.Л. Андреева см.: Махнач В. Мотивы прароссианства Даниила Андреева в русской культуре // Даниил Андреев в культуре XX века. С. 174–178.

С. 253. *«Плетение словес»* — искусное создание словесного произведения, в древнерусской литературе стилевое направление («извитие словес»); восходит к греч. («словесем плетение» — выражение из древнерусского перевода Хроники Георгия Амартола).

Этот пласт образов восходит, конечно, к дохристианскому мироотношению… — В.М. Василенко, крупный исследователь народного искусства, друг Д.Л. Андреева, очевидно обсуждавший с ним эти темы, позднее писал: «Сирины, львы, берегини-русалки, грифоны, единороги потому так выразительны и так обращены своими “ликами” к зрителю, жаждут вступить с ними в контакт, что они глубоко жизненны. Нам хотелось бы здесь употребить выражение — волшебный реализм. Будучи глубоко отвлеченными и фантастичными, они в народном художественном истолковании приобретали… внутреннюю наполненность…» (Василенко В.М. Народное искусство. М.: Советский художник, 1974. С. 30).

С. 255. *Нарышкинское барокко* — стиль в русской архитектуре кон. XVII – нач. XVIII в., названный по нарядным многоярусным церквям, построенным в имениях Нарышкиных.

С. 257. *Домострой* — древнерусская энциклопедия «домостроительства», в которой представлен свод религиозных, семейных и хозяйственных наставлений и знаний, определявших быт и мироощущение средневековой Руси; авторство Сильвестра, священника кремлевского Благовещенского собора, до сих пор не получило в науке определенного подтверждения; современные взгляды на Домострой, в целом подтверждают оценки Д.Л. Андреева; см.: Домострой / Изд. подготовили В.В. Колесов, В.В. Рождественская. СПб.: Наука, 2001.

С. 259. *Карамазовский «черт»…* — См. главу «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» из романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского.

Глава третья

ЭПОХА ПЕРВОГО УИЦРАОРА

…по замечанию Ключевского, «какой–то особенной чувствительной, не-домостроевской любовью». — См.: Ключевский В.О. Соч.: В 9. Т. 2: Курс русской истории. Ч. 2. М.: Мысль, 1988. С. 179.

КНИГА ВОСЬМАЯ
К МЕТАИСТОРИИ ЦАРСТВА МОСКОВСКОГО

Глава первая
СМЕНА УИЦРАОРОВ

С. 274. *…какие и почему?* — Далее в машинописи следовал позднее зачеркнутый текст: «Вряд ли нужно еще раз на этом останавливаться после поэтической симфонии “Рух”, которую автор думал озаглавить сначала “Апокалипсисом великой Смуты”».

С. 275. *Не «боги жаждут»…* — Аллюзия заглавия романа А. Франса «Боги жаждут» (1912) о терроре Великой французской революции.

Глава вторая
ЭГРЕГОР ПРАВОСЛАВИЯ И ИНФРАФИЗИЧЕСКИЙ СТРАХ

С. 278. *…ни даже к Иоанну Грозному, проявившему в письмах к Курбскому незаурядный умственный темперамент, мы, строго говоря, не могли бы применить термин «мыслители»*. — Полемическая переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского — один из самых известных и ярких исторических и литературных памятников эпохи, но, по словам современного ученого, «смысл и назначение этой переписки, ее место в истории общественной мысли недостаточно исследованы» (Лурье Я.С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1981. С. 214). Можно предположить, что в своих взглядах на Ивана Грозного, отразившихся также в его поэме «Гибель Грозного», Д.Л. Андреев, в частности, опирался на неопубликованные в те годы труды крупнейшего специалиста по эпохе Грозного академика С.Б. Веселовского, с которым поэт был знаком.

…столкновение сторонников и противников крупного монастырского землевладения, ярчайшими представителями обоих течений — Нил Сорский и Иосиф Волоцкий, а открытой формой и ареной борьбы — Собор 1503 года и горячая литературная полемика. — Речь идет о борьбе вокруг монастырских владений, когда на Соборе 1503 г. Нил Сорский поставил вопрос о правомочности владения монастырей селами, что дало толчок спорам между его последователями, так называемыми нестяжателями, и иосифлянами, последователями Иосифа Волоцкого.

Глава третья
ЗАПОЛНЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ

С. 289. *…Русская Америка была продана*. — Русские владения в Америке — на Аляске, Алеутских островах и по северо-западному побережью — были проданы по договору 18 марта 1867 г. за 7, 2 млн долларов США.

…в 1925 году, его преемники все еще не будут иметь военного, да, в сущности, и гражданского флота на Тихом океане? — Решение о создании морских сил на Тихом океане было принято советским правительством 13 апреля 1932 г., до этого (с окончания Гражданской войны) советский флот на Дальнем Востоке практически отсутствовал.

С. 290. *Великая Северная экспедиция* — видимо, имеется в виду камчатская экспедиция В. Беринга; для нее Петр I составил инструкцию, которой предписывалось искать, где Азия «сошлася с Америкою».

Глава четвертая
РОДОМЫСЛ ПЕТР И ДЕМОНИЧЕСКОЕ ИСКАЖЕНИЕ ЕГО МИССИИ

С. 292. *…в том же Преображенском…* — В селе Преображенском под Москвой Петр I провел детство и отрочество (с 1682 до августа 1689), где завел потешные полки, ставшие впоследствии гвардией и ядром регулярной армии.

С. 295. *То он с подданным мирится…* — Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Пир Петра Первого» (1835), правильно: «Нет! Он с подданным мирится…»

КНИГА ДЕВЯТАЯ
К МЕТАИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРИИ

Глава первая
ВТОРОЙ УИЦРАОР И ВНЕШНЕЕ ПРОСТРАНСТВО

С. 300. *…ломоносовская формула, возвещавшая, что «будет собственных Платонов и быстрых разумов Невтонов Российская земля рождать»*. — Неточная цитата из стихотворения М.В. Ломоносова «Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны. 1747 года».

…забавлял себя и свою столицу зрелищем «всешутейшего собора»… — Коллегия пьянства, или «Сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор», под председательством «всешутейшего патриарха московского» в сопровождении пародировавших церковную иерархию «пьяниц и обжор», среди которых Петр I носил сан протодьякона, был одним из характернейших развлечений царя (см.: Ключевский В.О. Соч. Т. 4. С. 36–38).

…добровольное общество «Безбожник»… — Имеется в виду созданный в 1925 г. на основе объединения актива газеты «Безбожник» Союз безбожников, переименованный в июне 1929 г. в Союз воинственных безбожников, а затем в добровольный Союз воинственных безбожников СССР; в 1947 г. его функции перешли к Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний.

С. 302. *Достаточно было столкнуться с дипломатическими происками Англии, чтобы начавшееся в Иран русское движение было приостановлено навсегда*. — Еще в 1785 г. Иран при поддержке Великобритании и Франции предпринял попытку захватить Грузию, на что Россия ответила Персидским походом 1796 г.; в дальнейшем движение боровшейся за присутствие в Закавказье России на восток привело к Русско-иранской войне 1804–1813 гг., после которой Великобритания заключила договор с Ираном и стояла за иранскими требованиями возвратить территории, отошедшие к России по Гюлистанскому мирному договору, что позднее вызвало Русско-иранскую войну 1826–1828 гг., окончившуюся также победой России; в дальнейшем русское влияние и экономическое присутствие в Иране сталкивалось с все более активным английским.

… увенчалась Цусимою и Мукденом. — Речь идет о трагических эпизодах Русско-японской войны — сражении у острова Цусима в Корейском море (14–15 мая 1905), в котором русская Тихоокеанская эскадра погибла, и Мукденском сражении (6–25 февраля 1905), в котором русская армия потерпела крупное поражение.

Глава вторая

ВТОРОЙ УИЦРАОР И ВНУТРЕННЕЕ ПРОСТРАНСТВО

С. 311. *…признание, сделанное уже на пороге XX века одним из корифеев нашей литературы, Чеховым, о том, что даже он — он! — годами, всю жизнь, «по капле выдавливал из себя раба»*. — В письме к А.А. Суворину А.П. Чехов писал: «Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек <…> выдавливает из себя по капле раба…» (Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 3: Письма. М.: Наука, 1974. С. 133), но вряд ли можно считать это высказывание прямым автобиографическим признанием, что неоднократно делалось в литературе о Чехове.

С. 312. *Кубу* — малочисленный народ, живущий на юго-востоке острова Суматра, потомки древнейшего населения Индонезии.

Глава третья

СНЯТИЕ САНКЦИИ

С. 318. *…когда идеолог и осуществитель реформ Сперанский был отправлен в ссылку*. — М.М. Сперанский в 1812 г. был сослан вначале в Нижний Новгород, затем в Пермь; в 1816 г. назначен пензенским губернатором, в 1819 — генерал-губернатором Сибири, а в 1821 г. возвращен в Петербург.

…во что выродился Священный союз, когда Александр, не встречая понимания ни в России, ни на Западе, отступил… — Акт Священного союза, инициированный Александром I, был подписан 26 сентября 1815 г. в Париже, кроме русского императора, австрийским императором Францем I и прусским королем Фридрихом Вильгельмом III, 19 ноября французским королем Людовиком XVIII, а затем большинством монархов Европы. Как писал в своих мемуарах Меттерних, «союз был единственно выражением мистических стремлений императора Александра и приложением к политике принципов христианства», но реальные политические обстоятельства и разнородные интересы привели, в том числе в результате деятельности Меттерниха, к отступлению от первоначальных деклараций.

С. 320. *Напрасно видишь здесь ошибку…* — Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «К бюсту завоевателя» (1829).

Глава четвертая

ПОДВИГ

С. 324. *«Легенда о старце Федоре Кузьмиче»* — См.: Вел. кн. Николай Михайлович. Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Козьмича // Исторический вестник. 1907. № 7; Барятинский В.В. Царственный мистик. СПб., 1910; Василич Г. Император Александр и старец Феодор Кузьмич. М.: Московское книгоиздательское т-во «Образование», 1911; Романов Д.Г. Таинственный старец Феодор Козьмич в Сибири и император Александр I. Харьков, 1913; современный взгляд на эту легенду см. в книге: Сахаров А.Н. Человек на троне. М.: Маран, 1992.

И все же обнаруживаются новые данные, ждущие изучения. За рубежом появляются исследования, замалчиваемые здесь. — Легенде о Федоре Кузьмиче в русском зарубежье посвящены различные публикации; см. напр.: Кноринг Н. По поводу александровской легенды // Голос минувшего на чужой стороне. Кн. 4 (XVII). Париж, 1906; Д.О. (Оболенский Д.). Разгаданная загадка. Несколько слов о Федоре Кузьмиче // Час. 1926. 17 мая. № 24; Нелидова-Фивейская Л. Жертва вечерняя. Драматический этюд в стихах в одном действии (Из легенды о сибирском старце Федоре Кузьмиче). Чикаго: Рассвет, 1934; Айвазовский А.П. Тайна смерти императора Александра I (Новые данные) // Возрождение. 1956. № 8 и др.

Его образ развенчивали… — Речь идет о книгах: Кудряшов К.В. Александр Первый и тайна Федора Кузьмича. Пб.: Время, 1923; Пресняков А.Е. Александр I. Пг., 1924 и др.

…потрясающий исторический факт, что при вскрытии гробниц Петропавловской крепости гроб Александра I оказался пустым, остался почти никому не известен. — А.А. Андреева вспоминала, что Д.Л. Андреев рассказывал ей о человеке в 20-е годы жившем в доме Добровых (фамилии его она не запомнила), который принимал участие во вскрытии царских останков в Петропавловской крепости, и от него поэт услышал сообщаемый факт.

С. 325. *Сохранился портрет во весь рост старца Федора Кузьмича, написанный неопытной кистью местного (кажется, тобольского) живописца.* — В авторскую машинопись «Розы Мира» вложена фоторепродукция с этого портрета; на ее обороте надпись рукой неустановленного лица по старой орфографии: «Знаменитый томский старец, про которого ходит легенда в Сибири, что это император Александр Благословенный, о чем теперь идут усиленные дебаты в разных газетах и журналах. Нянька наша с покойной мамой при отъезде нашей семьи из Сибири в 1860 году заезжала к нему в Томск, и нянька говорит, что этот старец будто бы благословил меня, бывшего на руках у няньки. Мама же будто с ним говорила все время по-французски».

…император Ашока, после сокрушительной победы над государством Калингой постигший греховность убийства… — Историки Индии долгое время считали, что после войны с Калингой Ашока стал «мечтателем» и обратился к буддизму, отказавшись от завоевательной политики; сейчас эта точка зрения существенно скорректирована; см.: Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М.: Наука, 1985. С. 218–221.

С. 326. *Новый государь наложил руку на ее письма и дневники, прочитал их в полном уединении и собственноручно сжег в камине*. — Сохранились и некоторые письма императрицы, и ее записки о пребывании в Таганроге (см.: Кудряшов К.В. Указ. соч. С. 143–150), правда, обрывающиеся на 11 ноября.

…в Саровскую обитель, отстоявшую от Петербурга на 1200 верст, внезапно пожаловал он, государь император. — Документальными свидетельствами поездка Николая I в Саров не подтверждается.

С. 327. *…покинув Саров, он в глубокой старости умирал в сибирской тайге…* — Феодор Кузьмич появился в Сибири в 1837 г., одно время жил «около деревни Коробейниковой, находившейся верстах в 10 от Красноречинска к северу, в самой тайге» (Василич Г. Указ. соч. С. 126), но умер близ Томска 20 января 1867 г.; о пребывании его в Сарове сведений нет.

…осенью 1836-го к одной из кузниц на окраине города Красноуфимска… — Сообщаемые здесь подробности см.: Василич Г. Указ. соч. С. 113–114.

С. 330. *Самоубийство Николая…* — Версия о самоубийстве Николая I прямо не подтверждается историческими свидетельствами; о ее источниках см.: Штакельберг Н. Загадка смерти Николая I // Русское прошлое: Исторические сборники: Пг.; М., 1923. Вып. 1. С. 58–73.

КНИГА ДЕСЯТАЯ
К МЕТАИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Глава первая
ДАР ВЕСТНИЧЕСТВА

С. 332. *Тютчев…* — В черновых записях к РМ (РАЛ) о нем сказано: «Тютчев — дар вестнич<ества> космоса, окруж<ающего> земной Энроф. Выполнил далеко не до конца. Мешала неуверенность в себе, разъедающ<ий> скепсис и раздвоенность сознания между скепт<ическим> рассудком и мист<ическим> разумом. Посмерт<ного> спуска не было. Опять со светл<ой> мисс<сией> в Герм<ании>. Еще совсем юн. Изумит<ельное> обаяние, одаренность и чистота. Сказалась лучшая сторона герм<анского> народа и память о гирлянде, из кот<орой> он помнит лучше всего Р<оссию>, страшно ее любит и ждет ex oriente lux. Мыслитель и вдохнов<енный>… <поэт>, один из основат<елей> Р.М. на Западе».

С. 333. *«Тщетно, художник, ты мнишь, что своих ты творений создатель…»* — неточно приведенная первая строка стихотворения (1856) А.К. Толстого, правильно: «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель».

«Иоанн Дамаскин» (1858?), *«Дракон»* (1875) — поэмы; «Дон Жуан» — драматическая поэма (1859–1860) А.К. Толстого.

«Слеза дрожит в твоем ревнивом взоре…» (1858) — Стихотворение А.К. Толстого.

С. 334. *«Я — изысканность русской медлительной речи…»* — Строки из стихотворения «Я — изысканность русской медлительной речи…» (1901) К.Д. Бальмонта.

«Monumentum» — речь идет об оде (III, 30) Горация, известной в русской поэзии во многих переводах и подражаниях.

«…и люди разных вкусов… все назовут меня: Валерий Брюсов». — Неточная цитата из стихотворения В.Я. Брюсова «Памятник» (1912).

«Я гений, Игорь Северянин…» — Строка из стихотворения И. Северянина «Эпилог» (1912).

«Мой стих шагнет…» — Неточно приведенные строки из вступления в поэму «Во весь голос» (1930) В.В. Маяковского, правильно: «Мой стих дойдет…»

…одному — даже около трех десятилетий. — Возможно, здесь имеется в виду В.Я. Брюсов.

С. 336. *Создание «Орлеанской девственницы» отягчило карму Вольтера…* — Речь идет о резко антиклерикальной и пародийно высмеивающей католическую версию предания о Жанне д'Арк поэме Вольтера «Орлеанская девственница» (1735).

«Гений и злодейство — две вещи несовместные». — Цитата из сц. 2 «Моцарта и Сальери» (1830) А.С. Пушкина.

С. 337. *Чайковский…* — В черновых записях к РМ (РАЛ) о нем сказано: «Чайк<овский>. О мис<сиях> комп<озиторов> крайне трудно говорить словами. Урпарп сумел исказить его сексуальную сферу, и это имело огром<ное> значение. К счастью, Ч<айковский> сумел не замутить творчество своей болезненностью, но сознание своего уродства, неполноценности и запачканости давило его всю жизнь, как камень, не давало воспарить его духу. Конечно, ему простилось очень многое. Св<ятая> Рос<сия>. Возможно, родится еще. Фон Мекк — поразительное светило Неб<есного> Кр<емля>. Душа огромн<ого> будущего».

Не таюсь я перед вами… — Неточная цитата из стихотворения А.А. Блока «Как свершилось, как случилось…» (1912) из цикла «Возмездие».

…им судья — «лишь Бог да совесть» — Перифраз строки М.Ю. Лермонтова из стихотворения «Я не хочу, чтоб свет узнал…» (1837).

Бэкон, одним из первых утвердивший полный и окончательный отрыв науки от какой бы то ни было этики и какой бы то ни было духовности; Конт, противопоставивший всем существующим религиям свою религию «левой руки» — свой… «культ Человечества»… — Английский философ Ф. Бэкон отделял веру от науки, подчеркивая значение опыта и рационалистического анализа; французский философ О. Конт — основоположник позитивизма, провозгласил создание «новой религии человечества».

С. 339. *…«Когда для смертного умолкнет жизни шум…», «Отцы пустынники и жены непорочны…», «Пророк», «Туда б, в заоблачную келью…»…* — Здесь не совсем точно перечисляются стихотворения А.С. Пушкина «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день…»; 1828), «Отцы пустынники и жены непорочны…» (1836), «Пророк» (1826), «Монастырь на Казбеке» (1829).

С. 341. *…в антропософском учительстве Андрея Белого…* — Андрей Белый, познакомившийся в мае 1912 г. с Р. Штейнером, создателем антропософии, стал его приверженцем, слушал его лекции, участвовал в строительстве антропософского храма в Дорнахе и пропагандировал антропософские идеи; см., напр., его исследование «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» (М., 1917) и «Воспоминания о Штейнере» (1929), с которыми Д.Л. Андреев был знаком.

…в бредовых идеях Хлебникова о преображении Земли и в его сумасшедших мечтах — стать правителем земного шара… — См. примеч. к стихотворению «Хлебников», 2, 518.

…«В дни революции быть человеком, а не гражданином». — Цитата из стихотворения М.А. Волошина «Доблесть поэта (Поэту революции)» (1925).

…с оды «Бог». — Ода «Бог» (1784) — произведение Г.Р. Державина.

Глава вторая
МИССИИ И СУДЬБЫ

С. 346. *…воспринимать Природу как начало равнодушное и безучастное к человеку.* — См. стихотворение Д.Л. Андреева «[Ответ Пушкину]»; 2, 656 и примеч. к нему.

С. 347. *Можно в «Бедной Лизе» Карамзина усмотреть первые, слабо уловленные отсветы Навны…* — «Бедная Лиза» (1792) — повесть Н.М. Карамзина.

С. 348. *Из личных бесед и встреч с иностранцами…* — Речь идет о встречах Д.Л. Андреева с иностранцами — заключенными Владимирской тюрьмы.

…Достоевский в своей знаменитой речи… несколько преувеличил интернациональную сторону пушкинского творчества… — Речь была произнесена Ф.М. Достоевским 8 июня 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете и затем включена им в «Дневник писателя» за 1880 г.; в ней он, в частности, говорил о «всемирности» и «всечеловечности» пушкинского гения.

С. 349. *…гроза вблизи Пятигорска, заглушившая выстрел Мартынова…* — А.И. Васильчиков, секундант М.Ю. Лермонтова, вспоминал, что, когда Лермонтов уже лежал мертвый, «…черная туча, медленно поднимавшаяся на горизонте, разразилась страшной грозой, и перекаты грома пели вечную память новопреставленному рабу Михаилу» (М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1989. С. 471).

С. 350. *Образы Люцифера, Каина, Манфреда…* — *Люцифер, Каин* — герои мистерии «Каин», *Манфред* — герой одноименной мистерии (1817) Д. Байрона.

…мечта о короне Греции… — Байрон 14 июля 1823 г. отплыл из Англии в Грецию, чтобы принять участие в освободительном восстании; там, в Мессалонги, он простудился и умер. Это предприятие поэта, как и многое в его жизни, вызвало самые противоречивые отклики и слухи.

…маскарад этот мог ввести в заблуждение не только графиню Гвиччиоли, но и настоящего титана, каким был Гете. — Гете еще при жизни Байрона посвятил ему стихотворение «Лорду Байрону» (1823), через год после его смерти написал статью «Памяти Байрона» и, в частности, говорил, что Байрон был продуктивнейшим из людей, которые вообще когда-нибудь существовали, о его «благородной воле и несчастной судьбе, которая завела его в Грецию» и т.д. (см.: Эккерман И.-П. Разговоры с Гете. М.; Л.: Academia, 1934. С. 762).

…против, как сказал бы Шпенглер, «великих форм древности». — См.: Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. М., 1998.

С. 351. *Д.С. Мережковский. «Лермонтов»*. — Речь идет об очерке Мережковского «Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (1908).

…«заменить не могли ей скучные песни земли»… — Из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Ангел» (1831).

С. 352. *«Я, Матерь Божия, ныне с молитвою…»…* — Из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Молитва» (1837).

…«слова поэта суть дела его». — Неточная цитата высказывания А.С. Пушкина, приведенного Н.В. Гоголем в статье «О том, что такое слово» (1844; Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1952. Т. 8. С. 229).

С. 354. *Картина Репина «Самосожжение Гоголя»* (1909), хранящаяся в Третьяковской галерее, по мнению И.Э. Грабаря, разделявшемуся и другими искусствоведами, «произведение второстепенного художника, попытавшегося сделать нечто сильное, “под Репина эпохи расцвета”, но с задачей не справившегося» (Грабарь И. Репин. М.: Наука, 1964. Т. 2. С. 138).

…ни один человек, о трагедии Гоголя высказывавший свое суждение, даже такой глубокий аналитик, как Мережковский… — Имеется в виду книга Д.С. Мережковского «Гоголь и черт. (Исследование)» (1906).

Глава третья

МИССИИ И СУДЬБЫ *(продолжение)*

С. 357. *Эдип* — здесь герой трагедий «Эдип-царь» и «Эдип в Колоне», *Прометей* — здесь герой трагедии «Прометей прикованный» Эсхила. *Дон Жуан* — образ, созданный средневековой испанской легендой XIV в., ставший героем ряда произведений мировой литературы — Тирсо де Молина, Ж.-Б. Мольера, А. Мюссе, Н. Ленау, А.С. Пушкина, А.К. Толстого и др.

С. 358. *Петр Верховенский* — герой романа «Бесы»; *Настасья Филипповна* — героиня романа «Идиот» (1868); *Катерина Ивановна, Соня Мармеладова, Раскольников* — герои романа «Преступление и наказание» (1866) Ф.М. Достоевского.

…das Ewigweibliche zieht uns hinan. — Цитата из трагедии «Фауст» (II) И.-В. Гете.

С. 359. *Мышкин* — герой романа «Идиот»; *Алеша Карамазов, Зосима* — герои романа «Братья Карамазовы»; *Хромоножка* — героиня романа «Бесы» Ф.М. Достоевского.

Достоевский получил впоследствии прозвание «пророка русской революции». — Речь идет о статье Д.С. Мережковского «Пророк русской революции. (К юбилею Достоевского)» (1906).

С. 360. *…пустить легенду об «Иване-царевиче»…* — См. главу «Иван-царевич» из романа Ф.М. Достоевского «Бесы».

…«раз в несколько лет всеобщую судорогу»… — См. там же: «…раз в тридцать лет Шигалев пускает и судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга…» (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 323).

С. 363. *Фурьеризм* — движение 1830–40-х гг. последователей французского социалиста-утописта Фурье.

С. 365. *Карл Иванович* — герой повести «Детство» (1852); *Ростовы, Пьер, Николай, Соня* — герои романа «Война и мир»; *Левин* — герой романа «Анна Каренина» (1873–1877); *отец Сергий* — герой одноименного рассказа (1890–1898) Л.Н. Толстого.

Глава четвертая

МИССИИ И СУДЬБЫ *(окончание)*

С. 366. *Девять муз* — в греческой мифологии богини поэзии, искусств, наук.

С. 367. *…превратившуюся у нас в сказку об Аленьком Цветочке…* — Далее следовал вычеркнутый текст: «(трудно сказать, в какой мере усилиями народа, в какой — стараниями С.Т. Аксакова)». Сказка «Аленький цветочек» (1856) С.Т. Аксакова, включенная писателем в приложение к «Детским годам Багрова-внука», имеет варианты как в русском («Перушко Финиста, ясна сокола», «Заклятой царевич»), так и западноевропейском фольклоре.

С. 388. *Лиза Калитина, Елена* — героини романов «Дворянское гнездо» (1858), «Накануне» (1860); *Ася, Зинаида, Лукерья* — героини рассказа «*Живые мощи*» из «Записок охотника» (1847–1852) И.С. Тургенева.

Грушенька Светлова, Лиза Хохлакова — героини романа «Братья Карамазовы»; *Марья Тимофеевна Лебядкина* — героиня романа «Бесы» Ф.М. Достоевского.

Волконская и Трубецкая — героини поэмы Н.А. Некрасова «Русские женщины» (1872–1873).

Катерина — героиня драмы А.Н. Островского «Гроза» (1859).

Марфа — героиня оперы М.П. Мусоргского «Хованщина» (1886).

Мать Манефа и Фленушка — героини романов П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» (1871–1874) и «На горах» (1875–1881).

Темен жребий русского поэта… — Цитата из стихотворения М.А. Волошина «На дне преисподней» (1921).

С. 369. *Рудин* — герой одноименного романа (1855); *Лаврецкий* — герой романа «Дворянское гнездо» (1858); *Литвинов* — герой романа «Дым» (1867); *Елена, Инсаров* — герои романа «Накануне» И.С. Тургенева.

С. 370. *Сколько ни писали у нас — от Писарева до последнего гимназиста — о тургеневских женских характерах…* — Начиная с первой статьи о творчестве Тургенева, посвященной «Дворянскому гнезду» (Рассвет. 1859. № 11. С. 23–40), в которой критик, в частности, писал об образе Лизы Калитиной, Д.И. Писарев неизменно касался женских характеров, изображенных писателем.

С. 371. *…«можно только указать — и пройти мимо»*. — Заключительные слова романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо».

С. 372. *…«молчаливый пророк»…* — Имеется в виду статья Д.С. Мережковского «Немой пророк» (1908).

…«La Russie et l'Eglise universelle» даже не могла быть опубликована в России. — Эта книга В.С. Соловьева была издана на французском языке в 1889 г. в Париже.

…как назвал их сам Соловьев… «три свидания»… — В поэме «Три свидания» время «видений» обозначено уже в подзаголовке: «(Москва — Лондон — Египет. 1862–75–76)».

С. 373. *…идея эта у гностика Валентина осложнена многоярусными спекулятивными построениями…* — Это гностическое учение изложено в статье В.С. Соловьева о Валентине для Словаря Брокгауза и Ефрона; см.: Энциклопедический словарь. Т. 5. СПб., 1891. С. 406–409.

Он употребляет раза два или три выражение «простонародная Афродита»… — Об Афродите «всенародной» и «небесной» В.С. Соловьев говорит, рассматривая эти понятия у Платона, в статье «Жизненная драма Платона» (1898); см.: Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 609.

С. 375. *…многотомное собрание его сочинений…* — См.: Соловьев В.С. Собр. соч.: В 10 т. СПб.: Просвещение, 1911–1914.

….к провозглашению вершинами философии таких деятелей XIX столетия, в активе которых числятся только публицистические, литературно-критические или научно-популярные статьи да два-три художественно беспомощных романа. — Имеется в виду включение в курсы истории русской философии В.Г. Белинского, Д.И. Писарева, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского.

«*Критика отвлеченных начал*» (1877–1879) — докторская диссертация В.С. Соловьева; «*Оправдание добра*. Нравственная философия» (1894–1897); «*Чтения о богочеловечестве*» (1877–1880), «*Три разговора*» (1900).

Глава пятая

ПАДЕНИЕ ВЕСТНИКА

С. 377. *…на панихиде и похоронах какого-то литературного или общественного деятеля…* — Неточность; в начале статьи А. Блока «Рыцарь-монах» (1910) говорится о встрече с В.С. Соловьевым на похоронах родственницы поэта.

Через три года в книжных магазинах появились «Стихи о Прекрасной Даме». — Неточность, встреча поэта с В.С. Соловьевым на похоронах произошла в феврале 1900 г., а книга «Стихи о Прекрасной Даме» вышла в 1905 г. (фактически в конце 1904 г.; М.: Гриф).

«*…Мне в сердце вонзили…*» — Строки из стихотворения А.А. Блока «Ночная» («Спи. Да будет твой сон спокоен…») (1904) цикла «Молитвы» из книги «Стихи о Прекрасной Даме».

«*…Я их хранил в приделе Иоанна…*» (1902) — Стихотворение А.А. Блока из книги «Стихи о Прекрасной Даме».

С. 379. *Молчите, проклятые книги!* — Из стихотворения А.А. Блока «Друзьям» (1908).

…выходит том второй… — Вторая книга А.А. Блока «Нечаянная радость» вышла в 1907 г. (М.: Скорпион).

…критические разборы этих стихов Андреем Белым или Мережковским… — Речь, видимо, идет о рецензии Андрея Белого на книгу А.А. Блока «Нечаянная радость» (Перевал. 1907. № 4. С. 59–61) и о статье Д.С. Мережковского «Декадентство и общественность» (Весы. 1906. № 5), содержавшей отзыв на стихотворения этой книги.

С. 380. *Блок не был «Рыцарем бедным».* — См. стихотворение А.С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный…» (1829), цитаты из которого приводятся далее.

Во втором и потом в третьем томе стихов… — Речь идет о томах лирической трилогии А.А. Блока подготовленного им в 1910 г. для издательства «Мусагет» «Собрания стихотворений», состав которых впоследствии уточнялся; первый том трилогии составили стихотворения 1898–1904, второй — 1904–1908, третий — 1907–1916 гг.

О, Русь моя! Жена моя! До боли… — Строки из стихотворения А.А. Блока «Река раскинулась, течет лениво…» (1908) цикла «На поле Куликовом».

С. 381. *И с туманом над Непрядвой спящей…* — Строки из стихотворения «В ночь, когда Мамай залег с ордою…» (1908) цикла «На поле Куликовом».

…И дальше путь, и месяц выше… — Из стихотворения А.А. Блока «Ищу огней — ищу попутных…» (1906).

С. 382. *Да, и такой, моя Россия…* — Из стихотворения А.А. Блока «Грешить бесстыдно, беспробудно…» (1914).

Каким это светом… — Из стихотворения А.А. Блока «О, что мне закатный румянец…» (1907) из цикла «Заклятие огнем и мраком».

Здесь буйно заметает вьюга… — Из стихотворения А.А. Блока «Русь» (1906).

В простертой руке Петра… — Здесь и далее речь идет о стихотворении А.А. Блока «Петр» (1904).

…сфинкс «с выщербленным ликом»… — См. стихотворение А.А. Блока «Снежная дева» (1907).

С. 383. *…«каждый вечер, в час назначенный»…* — Здесь и далее с некоторыми неточностями цитируется стихотворение А.А. Блока «Незнакомка» (1906).

С. 384. «*Снежная маска*» — Цикл А.А. Блока, вышедший отдельной книгой (СПб.: Оры, 1907).

….полетов на «пасмурных конях»… — Имеется в виду стихотворение А.А. Блока «Неизбежное» (1907).

Нет исхода из вьюг… — Из стихотворения А.А. Блока «Нет исхода» (1907).

Что быть бесстрастным? что — крылатым?.. — Из стихотворения А.А. Блока «Перехожу от казни к казни…» (1907) из цикла «Заклятие огнем и мраком».

Если сердце хочет гибели… — Из стихотворения А.А. Блока «Обреченный» (1907).

С. 385. *В ледяной моей пещере…* — Из стихотворения А.А. Блока «Прочь» (1907).

…Волохова, по-видимому, никогда (насколько можно судить по ее неопубликованным еще воспоминаниям) не могла понять… — Эти воспоминания ныне опубликованы: Волохова Н.Н. Земля в снегу // Труды по русской и славянской филологии. IV. Тарту, 1961 (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 104). С. 371–378.

Из всех — не знаешь ты одна… — Из стихотворения А.А. Блока «Ушла. Но гиацинты ждали…» (1907).

С. 386. *В вечерних сумерках собора…* — Неточная цитата из стихотворения А.А. Блока «В глубоких сумерках собора…» (1908).

…одно из стихотворений, которое Блок даже не решился напечатать. — Стихотворение «В глубоких сумерках собора…» впервые в иной редакции было опубликовано в журнале «Лебедь» (1909. №8) под заглавием «Незнакомка — смертному», но было включено лишь в пятый сборник А.А. Блока «Седое утро» (1920).

…когда входил он «в темные храмы»… — Имеется в виду стихотворение А.А. Блока «Вхожу я в темные храмы…» (1902).

Твое страданье и томленье… — Неточная цитата из стихотворения А.А. Блока «В глубоких сумерках собора…»; правильно: «Твои стенанья и мученья…».

Кто я, ты долго не узнаешь… — Из стихотворения А.А. Блока «В глубоких сумерках собора…».

С. 387. *«Здесь человек сгорел» — эту строку Фета взял он однажды эпиграфом…* — Речь идет о стихотворении «Как тяжело ходить среди людей…» (1910) с эпи-

графом «Там человек сгорел» из стихотворения А.А. Фета «Когда читала ты мучительные строки…» (1887).

Чтобы по бледным заревам искусства… — Из стихотворения А.А. Блока «Как тяжело ходить среди людей…».

Ты изменил давно… — Из стихотворения А.А. Блока «Седые сумерки легли…» (1910).

«Один мрак глубже другого в глубоком море». — См.: Коран, 24:40: «…как мрак над морской пучиной. Покрывает ее волна, над которой волна, над которой облако. Мрак — один поверх другого» (пер. И.Ю. Крачковского).

Не таюсь я перед вами… — См. примеч. к с. 337.

С. 388. *…стихотворение, написанное за два года до революции 1905-го…* — «Все ли спокойно в народе?..» (1903)

«Голос из хора» (1910–1914) — стихотворение А.А. Блока из цикла «Страшный мир».

С. 389. *После «Земли в снегу» он прожил еще двенадцать лет.* — Книга А.А. Блока «Земля в снегу» вышла в 1908 г. (М.: Золотое руно).

«Роза и Крест» (1912) — драма А.А. Блока.

….любовь к «разбойной красе»… — Имеется в виду стихотворение А.А. Блока «Россия» (1908).

Я видел его… — В черновых тетрадях (РАЛ) есть следующая запись: «Облик Ал<-ександра> Блок<а> и Д<остоевского>, вместо волос сияние. О цвете глаз говорить невозможно. О форме носа — ну, пожалуй. Одежда светящ<аяся>, у Б<лока> — синяя».

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ
К МЕТАИСТОРИИ ПОСЛЕДНЕГО СТОЛЕТИЯ

Глава вторая
БОРЬБА С ДУХОВНОСТЬЮ

С. 401. *Просперити;* prosperity (англ.) — преуспевание, процветание.

С. 404. *…с разгона всенародного собрания представителей, в выборе которых сама же участвовала…* — Речь идет об Учредительном собрании, выборы которого состоялись в ноябре – декабре 1917 г.; в них активно участвовали и большевики, но получили в нем меньшинство (около 120 из 750 мест), и ночью 6(19) января 1918 г. Учредительное собрание было разогнано, а на следующий день был выпущен Декрет о его роспуске.

С. 405. *Пифагорейство* — религиозное и философское учение в Древней Греции в VI–IV вв. до н.э., названное по имени философа Пифагора, считавшего число первоосновой сущего.

Ламаизм — одно из направлений буддизма, сложившееся в VII–XIV вв. в Тибете.

Йоги — последователи школы йоги, считающие главной задачей человека стремиться к освобождению души от гнета материи и добивающиеся этого методами психологических и физических упражнений.

С. 409. *…Маяковский, лишь гораздо позже пришел к заключению, что Пушкин писал не так уж плохо; сначала же он, как и другие, требовал, чтобы Пушкин был сброшен с корабля современности*. — Подпись В.В. Маяковского среди прочих стоит под манифестом футуристов «Пощечина общественному вкусу» (декабрь 1912), в котором провозглашалось: «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности», позднее в стихотворении «Юбилейное» (1924), обращаясь к Пушкину, Маяковский признавался: «Я люблю вас…»

С. 411. *Преемник покойного патриарха выступил с широковещательным заявлением, что отныне радости безбожного государства — и наши радости, его горести — и наши горести.* — Речь идет о Сергии (Страгородском Иване Николаевиче; 1867–1944), преемнике патриарха Тихона, с 1925 г. патриаршем местоблюстителе, с 1943 г. патриархе; в 1927 г. Синод по его инициативе призвал церковь к лояльности к советской власти, что было сделано под давлением властей, подвергших духовенство жестоким репрессивным гонениям.

Повапить (стар.) — выбелить или окрасить. «Гробы повапленные» — раскрашенные снаружи.

Глава третья
ТЕМНЫЙ ПАСТЫРЬ

С. 413. *Настанет год, России черный год…* — Из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Предсказание» (1830).

С. 415. *«Это мужчина среднего роста…»* — Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худ. лит., 1969. Т. 8. С. 399 и далее.

Написано в шестидесятых годах прошлого века. — «История одного города» написана в 1869–1870 гг.

С. 417. *Общепринято мнение, что в образе Угрюм-Бурчеева Щедрин воспроизвел — разумеется, в сатирическом преломлении — образ Аракчеева.* — Действительно, критики не раз сравнивали Угрюм-Бурчеева с А.А. Аракчеевым, в то же время отмечалось, что он наделен сатириком портретным сходством с Николаем I (Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. Т. 8. С. 585).

С. 421 «*…с топором в руке пришел неведомо отколь и с неисповедимой наглостью…*» — Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. Т. 8. С. 421.

С. 422. *…говорит о высокой мистической одаренности*. — В черновых записях Д.Л. Андреева есть следующая характеристика Сталина: «С<талин> вовсе не обл<адал> мистич<еской> слепотой. Материализм был лишь маской. Был момент (<19>51), когда он даже молился в великом ужасе: ему приоткрылась грядущ<ая> перспектива — вплоть до *судьбы* Антих<риста>. Но упорство и *безум<ная> беспре-д<ельная>* жажда власти превозмогли. Он надеялся, что наука успеет дать ему физич<еское> бессмертие. А мечта была с *детства*. — Пав уже до Шим-бига, он, уже в клочкообразн<ом> теле, вырвался при помощи анг<елов> мрака. Он же еще был очень силен и страшен (окт. 53). В битве с ним трое из бр<атьев> Синклит<а> были пленены и до них нет <…> находятся в *задней* темн<ице> Друккарга (в том числе Якубович-Мельшин)».

С. 423. *Вопреки открытому и ясному завещанию Ленина…* — Речь идет о так называемом ленинском «Письме к съезду», обращенном к XII съезду РКП(б) в апреле 1923 г.

С. 424. *…сорокаметровая статуя Нерона в образе Аполлона, некогда сооруженная им возле Колизея…* — Предание сообщает о статуе работы Зенодора высотою в 39 м, установленной в 58 г.; к Колизею она была перенесена Адрианом, до этого по повелению Веспасиана превращенная в статую Гелиоса.

Колосс Родосский — бронзовая статуя Гелиоса, бога-покровителя Родоса, высотой 37 м была воздвигнута в честь выдержанной осады в 304 г. до н.э. скульптором Харетом из Линда; считалась одним из семи чудес света.

С. 424. *…написать новое евангелие, в котором прославлять самого себя…* — Речь идет о книге: Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография / Сост. Г.Ф. Александров, М.Р. Галактионов, В.С. Кружков, В.Д. Мочалов, В.Д. Поспелов. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1947, затем неоднократно переиздававшейся.

…фальсификация истории Рамзесом II… — Рамзес II правил около 66 лет, и война с хеттами, которую он вел долгое время, заключив мир лишь на 21-м году своего правления, в официальной хронике, в сочинениях придворных поэтов и храмовых изображениях была представлена как ряд чудесных подвигов фараона.

…молитвы перед своим изображением во храме, которые вынуждал Калигула… — См. жизнеописание Гая Калигулы у Светония: «В храме он поставил свое изваяние в полный рост и облачил его в собственные одежды…» (Гай Светоний Транквилл. Указ. соч. С. 112).

С. 425. «*Откуда-то слышался гул…*» — Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. Т. 8. С. 413.

…в 1933 году наступил неслыханный голод, дело дошло до людоедства, и, может быть, историки будущего сумеют установить хотя бы приблизительную цифру жертв этой группы мероприятий. — Речь идет о голоде 1933 г. в Поволжье, на Кубани, Нижнем Дону и на Украине («голодомор»); данные о количестве умерших от голода в советское время были засекречены; сегодняшние оценки зарубежных и современных историков различны — от 2–3 млн до 8 и более млн человек.

С. 426. *…тот, кто руководил системой безопасности…* — Имеется в виду Л.П. Берия.

С. 431. *…«Краткого курса»…* — Имеется в виду «Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», вышедший в сентябре 1938 г. под редакцией комиссии ЦК ВКП(б) и, как утверждала пропаганда, «при непосредственном личном участии товарища Сталина».

С. 433. *…спиритуалистического мировоззрения…* — Спиритуализм — мировоззрение, рассматривающее дух в качестве первоосновы мира, независимой от материи; к спиритуализму относится ряд школ во французской и итальянской философии XIX–XX вв.

С. 437. *…об испытании первой атомной бомбы в Нью-Мексико.* — Имеется в виду испытание, произведенное 16 июля 1945 г. в Аламогордо штата Нью-Мехико.

С. 438. *Несколько тысяч работников ленинградской партийной организации поплатились кто смертью, кто многолетним тюремным заключением за выдуманную, никогда не имевшую места в действительности попытку отделить Ленинградскую область…* — Имеется в виду так называемое Ленинградское дело — серия дел, сфабрикованных в кон. 1940 — нач. 1950-х гг., по обвинению ряда партийных и советских руководителей (шестеро из них были приговорены к расстрелу, остальные, около 2 тыс. человек, получили длительные сроки); в подробности поэта мог посвятить осужденный по этому делу однокамерник Л.Л. Раков (см. о нем. т. 1, примеч. к с. 416).

С. 440. *Калигула, например, заставлял насыпать горы на ровном месте и копать целые озера на месте гор…* — Эти сведения отчасти восходят к Светонию, который сообщает, что Калигула требовал, чтобы «долины насыпями возвышались до гор и горы, перекопанные, сравнивались с землей» (Гай Светоний Транквилл. Указ. соч. С. 118), но считается, что это лишь риторические образы, изображающие властолюбивое стремление к роскоши.

…как выразился впоследствии Хрущев, «архитектурные излишества»… — Борьбе с «архитектурными излишествами» было посвящено постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 4 ноября 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», подписанное Н.С. Хрущевым и Н.А. Булганиным, в котором, в частности, говорилось, что «в работах многих архитекторов и проектных организаций получила широкое распространение внешне-показательная сторона архитектуры, изобилующая большими излишествами, что не соответствует линии партии и правительства в архитектурно-строительном деле».

Глава четвертая

К МЕТАИСТОРИИ НАШИХ ДНЕЙ

С. 447. *«Изнуренные, обруганные и уничтоженные…»* — Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. Т. 8. С. 421.

С. 451. *Прошел год, полтора — и из триумвирата выбыл, при довольно неясных пока обстоятельствах, еще один член, а в 1957 году — еще один.* — Под триумвиратом, очевидно, подразумеваются Н.С. Хрущев, Г.М. Маленков и Н.А. Булганин, бывший с 1955 г. председателем Совета министров СССР и на Пленуме ЦК КПСС 22–29 июня 1957 г. осужденный в составе «антипартийной группы».

В черновых записях к РМ (РАЛ) есть следующие записи, относящиеся к событиям пятидесятых годов: «22/X <1957?> Раругги совсем сбесились. Буйствуют. Окружили капище, не дают игвам входа. Свергли статую. Игвы не хотят в<ойны> одни — <…> другие понимают безумие. Раругги способны на мас<совое> самоуб<ийство> в случае, если шансов на миров<ую> победу не останется.

Хр<ущев> много дней не вых<одил> из дому; страх. Но долж<ен> быть скоро на засед<ании> Пр<езидиума> ЦК. Там будет буря, неизвестно, чем кончится.

Оппоз<иция> <…> Мик<оян>, <…>, <…>, Перв<ухин>, Бул<ганин> колеблется.

15 членов Президиума ЦК в октябре 1957 г.: Хрущев, Микоян, Жуков, Брежнев, Суслов, Фурцева, Козлов, Булганин, Ворошилов, Аристов, Беляев, Куусинен, Шверник <…> Первухин был кандидатом в члены Президиума».

С. 452. *…выступлением на XX съезде партии.* — Имеется в виду доклад Н.С. Хрущева 25 февраля 1956 г. на закрытом заседании XX съезда КПСС, посвященный разоблачению так называемого культа личности И.В. Сталина.

С. 454. *…военное вмешательство в дела охваченной антисоветским восстанием Венгрии.* — Венгерское восстание 23 октября – 4 ноября 1956 г. было жестоко подавлено введенными в Венгрию советскими войсками.

С. 455. *И маршал был сделан орудием…* — Видимо, имеется в виду маршал Г.К. Жуков, поддержавший Н.С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 22–29 июня 1957 г., когда была осуждена так называемая антипартийная группа.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

ВОЗМОЖНОСТИ

Глава первая

ВОСПИТАНИЕ ЧЕЛОВЕКА ОБЛАГОРОЖЕННОГО ОБРАЗА

С. 464. *Молох* (финик.) — в Библии обозначение обряда принесения человеческих жертв; символ силы, требующей человеческих жертв.

С. 465. *…noblesse oblige* — доблесть обязывает (фр.) — выражение, принадлежащее французскому писателю герцогу де Леви («Изречения и мысли»).

…болтовня о пресловутом «бремени белого человека»… — Выражение, восходящее к названию стихотворения Р. Киплинга «Бремя белого человека» (1899).

С. 471. *«И равнодушная природа красою вечною сиять…»* — См. примеч. к стихотворению «[Ответ Пушкину]», (2, 656).

С. 472. *…профиль будущего колледжа изменится сравнительно с современной средней школой: углубится и расширится гуманитарный цикл.* — В черновых тетрадях Д.Л. Андреева среди записей на педагогические темы есть набросок программ преподавания в подобных колледжах: «Отделения: 1. Литературное. 2. Музыкальное. 3. Изобр. искусств. 4. Театральное. 5. Политико-экономическое. 6. Историческое. 7. Религиозно-философское.

36 часов		Младшие классы	
Математика	3	Всемирн. истории	6
Физика	2	Рус. истории	3
Химия	2	Рус. литературы	3
Естествознание	3	Всемирн. лит.	2
География	2	Семинары	3
Англ. яз.	3	Языковедение	1
Нем. яз.	3		

Старшие классы

Геогр. и геология	3	Ист. рел<игии>	3
Физиология	2	Полит. экон.	2
Англ. яз.	2	Законоведение	2
Нем. яз.	2	Философия	3
Всем. ист.	6	Семинары	4
Рус. ист.	3		
Рус. лит.	3		
Всем. лит.	2		

(С 5 кл. вместо законоведения — астрономия)».

С. 475. *Веданта* — наиболее известное индийское религиозно-философское течение, согласно которому высшая причина и реальность всего сущего — вечный несотворенный брахман (абсолют), а цель бытия — достижение изначального торжества индивидуального духовного начала (Атмана) и брахмана.

Экзистенциализм — философское направление, возникшее в начале XX века, стремящееся постигнуть бытие как нерасчлененную целостность, выделяя переживание субъектом своего «бытия-в-мире».

Глава вторая
ВНЕШНИЕ МЕРОПРИЯТИЯ

С. 448. *….вспомним мистерии Элевзина…* — В *Элевзине* (Элевсине), древнегреческом городе вблизи Афин, находилось святилище мистического культа Деметры и Персефоны; мистерии (от греч. mysterion — таинство), им посвященные, проходили как религиозные общегосударственные торжества в феврале (малые мистерии) и сентябре (великие мистерии) и сопровождались тайными обрядами посвящения.

…католические действа Средневековья… — Религиозные драматические представления — мистерии (от лат. ministerium — церковная служба) возникли в XIII в. и были распространены в XIV–XV вв. в католической Европе, особенно во Франции; мистерии на библейские и евангельские сюжеты составляли иногда огромные циклы из многих тысяч стихов с сотнями персонажей, представления их длились до нескольких недель; в XVI в. представления мистерий папами были запрещены.

…мистерии Страстной недели в баварском городке Обераммергау. — Речь идет о постановках мистерии «Страсти Господни», разыгрывавшейся каждые десять лет в память об избавлении от чумы в 1601 г. (1634) в долине у деревни Обераммергау в Верхней Баварии; в представлении, длившемся один день, участвовало 700 человек.

Система Птолемея — геоцентрическая модель мира, разработанная К. Птолемеем.

С. 489. *Трагедии Эсхила* — до наших дней дошло семь трагедий Эсхила: «Просительницы», «Персы», «Семеро против Фив», «Прикованный Прометей» и трилогия «Орестея».

«Орфей» — здесь, возможно, речь идет о театральном действе «Орфей и Эвридика» (1762) К.В. Глюка

…драмы Калидасы и Тагора… — Речь идет о драмах Калидасы «Малявика и Агнимитра», «Шакунтала», «Мужеством добытая Урваши» и некоторых драмах Р. Тагора — «Гений Вальмики» (1881), «Жертвоприношение» (1890), «Освобожденный поток» (1922) и др.

«Лоэнгрин» (1850) и драматическая мистерия *«Парсифаль»* (1882) — оперы Р. Вагнера.

«Сказание о граде Китеже» — опера-легенда Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и о деве Февронии» (1904).

Глава третья
КУЛЬТ

С. 492. *Дух дышит, где хочет…* — Ин. 3, 8.

С. 493. *Гимны Вед* — имеются в виду гимны Ригведы — древнейшего сборника индийских религиозных гимнов.

Гимны Эхнатона — имеются в виду «Гимны богу Атону»; см.: Тураев Б.А. Указ. соч. С. 286–289.

Упанишады — религиозно-философские комментарии к «Ведам».

С. 496. *«Исайя, ликуй!»…* «Исаие ликуй, дева име во чреве…» — Из церковного песнопения.

…«Что Бог соединил, человек да не разъединяет». — См.: Мф. 19, 6.

С. 499. *Шинтоизм* — то же, что шинто; см. примеч к ЖМ, т. 2.

Бхараттва — видимо, от Бхарата — имени мифического основателя рода Бхарата, давшего впоследствии название всей стране: Индия — Бхратаварша — Страна Бхаратов.

С. 502. *…как реки Марса…* — После полета к Марсу автоматических станций (начиная с 1964 г.) было обнаружено, что на нем существуют извилистые каналы с притоками, напоминающими высохшие русла рек.

Глава четвертая

КНЯЗЬ ТЬМЫ

С. 508 *…полет Красного всадника Апокалипсиса. При Белом всаднике…* — См.: Апок. 6, 2–4; 9, 17–20; 19, 11–15.

С. 510. *Махабхарата* (санскр. «Сказание о великих Бхаратах») — эпос народов Индии на санскрите, сложившийся к середине I тысячелетия н.э.

С. 511. *…книгой «Открытый путь», относительно которой Владимир Соловьев предполагал, что она выйдет из-под пера самого антихриста.* — О сочинении «Открытый путь к вселенскому миру и благоденствию» говорится в последней книге В.С. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (СПб., 1901. С. 164).

Будет ли он человеком? — Далее следовал затем вычеркнутый текст, частично повторяющий описание на с. 144 (см. Кн. 4, гл. 1):

«И нет и да.

Безмерно жуток облик Гагтунгра, каким его видели духовные очи многих людей, проникших в темные высоты Дигма. Как бы возлежащий на бушующем лиловом океане, с черными крыльями, раскинутыми от горизонта до горизонта, он поднимает свое темно-серое лицо в зенит, где невыразимым цветом, отдаленно напоминающим фиолетовый, пульсирует арка, перекинутая от края до края, — антикосмос Галактики, средоточие в ней сил самого Люцифера. Горе тому, на кого Гагтунгр опустит свой взор и кто этот взор встретит открытыми очами. Из всех носителей темных миссий среди людей, восхищенных позднее в Дигм, кажется, только один — Торквемада — нашел силы вспомнить в этот миг Божье имя. Остальные монады стали рабами дьявола на неисчислимые века.

Временами фиолетовая арка зенита как бы прогибается вовнутрь и силы Люцифера льются в Дигм. Тогда Гагтунгр, приемля их в себя, воздевает свои крылья в черное небо. — И много, много таких эманаций потребовалось для того, чтобы планетарный демон сделался достаточно могущественен для создания анти-Логоса в земном Энрофе».

С. 519. *…орологическими процессами*. — Орология (от греч. oros — гора) — изучение изменения земных и горных пород; этот геологический термин ввел или одним из первых употребил В.И. Роборовский, исследователь Центральной Азии, труды которого были знакомы Д.Л. Андрееву (См.: Андреев Д.Л.; Матвеев С.Н. Замечательные исследователи горной Средней Азии. М.: Географгиз, 1946).

С. 520. *…И век последний, ужасней всех…* — Из стихотворения А.А. Блока «Голос из хора».

Глава пятая

СМЕНА ЭОНОВ

С. 523–524. *Так как развитию военной техники при антихристе не уделялось внимания…* — Далее следовал затем вычеркнутый текст: «(внимание было сосредоточено на контроле над психикой, на духовном опустошении природы да на приспособлении соседних планет к органической жизни)».

С. 525. *В Откровении Иоанна это место названо по-еврейски — «Армагеддон». Я не знаю, что значит это слово.* — Армагеддон (вершина Мегиддо) упоминается в Апок. (16, 16) символически, как место последнего сражения сил зла и небесного воинства, поскольку такое название носил город у подножия горы Кармил, где происходили кровавые битвы (Суд. 5,19); Мегиддо или Мегиддон означает — место Божие, а также полчища, толпы.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, ТЕРМИНОВ И НАЗВАНИЙ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ Д. Л. АНДРЕЕВУ[1]

Авардал (уицраор) 168, 457
*Агга 224, 225, 511, 513
Агр 153–155, 174, 390, 439, 519
Азур 141
Айрэнг-Далянг (затомис) 119
Аликанда 137
Альфокк (шрастр) 165
Амиуц 158
Антидаймон 442
*Антикосмос 87, 113, 144, 145, 148, 149, 159, 162, 224, 268, 279, 284, 527, 528
Анти-Логос 510, 512–518, 522
Античеловечество 121, 132, 144, 155, 160–162, 164, 167, 170, 176, 262, 328, 329, 344, 397, 399, 410, 445, 499, 521, 526
Аолинор 206
Арашамф 73, 180, 181, 501
Арвантакернис 205
Ариман (уицраор) 165
*Аримойя (затомис) 37, 120, 122, 125, 446, 488, 506, 510, 515, 521, 527
Ару (шрастр) 165
*Арунгвильта-прана 49, 94, 212, 276, 479, 519
Арэя 139
Асгард (затомис) 126
Астр 208
*Астрал 93, 111, 135, 163, 191, 224, 225, 241, 263, 295, 335, 357, 420, 511, 519, 521
Астральное тело 93, 94, 162, 186, 191, 224, 244, 357, 431
Астрафайр 136, 137, 139
Атхеам; см. Иалу
Ахаш 183, 184
Ахнос 138
Аэ 141

Бабилон (шрастр) 165
Бартрад (уицраор) 168
Баюшми 208, 236
Белый всадник 236, 508
Белый чертог 280
Биаск 158, 170
Бон (затомис) 127
*Брамфатура 19, 80, 81, 82, 84, 85, 93, 121, 136, 138, 139, 144, 147, 148, 151, 172, 174, 176, 205–209, 211, 224, 230, 236, 242, 257, 349, 498, 522, 528
Бубгищ (шрастр) 165
Бустивич 153–155, 174, 176

Ваггаг (уицраоры) 168
Вайита 181
Ваюмн 184
Велга 146, 212, 244, 247–249, 251, 264, 266, 268, 269, 273–278, 288, 294, 382, 387, 389, 397, 418
Великие Иерархии 205, 211, 214
Великие Сестры 206–208, 236, 238, 347, 378
Верград 485–490, 493, 494, 500, 505
Вестник 34, 45, 123, 212, 213, 222, 223, 300, 332–338, 341, 342, 345, 347, 348, 351–353, 356–358, 364–366, 376, 500, 513
Вестничество 24, 331–336, 339–342, 353, 368, 371
Вируана 139
Вланмим 182
Вларол 184
*Воглеа 124, 128, 139, 140, 174, 175, 515, 519
Волгры 153, 154
Вселенский (вид религиозного познания) 53, 65, 76, 83, 95
Вуальра 138
Вэатнор 138

Гаввах 86, 87, 146, 147, 158, 258, 266, 397, 425, 426, 444, 451, 460, 520, 521
*Гагтунгр 85–88, 114–116, 126, 130, 137, 139, 143–151, 157, 159, 160, 162, 163–167, 169, 175, 176, 184, 185, 188–190, 194, 197, 211–213, 217, 219–226, 236, 242, 247–249, 257, 263, 268, 275, 281, 306, 328, 337, 344, 388, 396–399, 401, 420, 421, 425, 426, 437, 442, 443, 445, 451, 455–457, 510–513, 515, 519, 522, 527, 528
Ганга 206
Ганникс 173
Гаурипур (затомис) 127
Гашшарва 121, 132, 139, 145–148, 158–160, 163, 168, 186, 225, 248, 249, 264, 275, 278, 298, 340, 359, 399, 420, 421, 425, 426, 432, 442, 444, 446, 456, 458, 512, 522, 526, 528
Гвэгр 157

_____ 1. Имена и термины, отмеченные *, включены в «Краткий словарь…».

Гебн 138
Гимнос 139
*Гистург 143, 516
Готимна 107–109, 121, 218
Грезуар 139
Гридруттва 125, 137, 280

Дабб (шрастр) 165
*Даймоны 93, 110, 120, 122, 130–132, 134–137, 150, 165, 172, 185, 186, 209, 212, 213, 245, 252, 259, 266, 329, 332, 333, 335, 351, 355–357, 359, 361, 366, 378, 383, 407, 446, 515, 525, 528
Дайя 138, 151, 528
Дараинна 180, 181, 501
Даффам (затомис) 128
Девенга 206
Дейтраст 137
Демиурги 46, 91, 116, 121, 122, 125, 126, 138, 148, 157, 165–169, 186, 187, 206–208, 211, 215, 236, 238–242, 244, 247–253, 256, 257, 259, 261, 262, 265–267, 268–271, 276, 278, 280, 281, 283, 288–293, 297, 298, 301–304, 306, 310, 313, 314, 318, 321, 323, 329, 330, 335, 339, 340, 342–345, 348, 353, 359, 360, 368, 373, 391, 393, 394, 396, 400, 418, 436, 442, 446, 457, 499
Дерайн 139
Джаннет (затомис) 97, 118, 260
*Дигм 143, 144, 145, 162, 175, 421, 425, 442, 457, 512, 519, 522, 526
Дингра 169, 185, 243, 244, 248, 251, 253, 254, 261, 262, 268, 277, 291
Дирамн 184
Дно 147, 148, 159, 163, 340, 359, 420, 443, 446, 458, 528
Дно Шаданакара 145, 147, 148, 159, 160, 170, 349, 416, 440, 455, 526
Доктрина 396, 397, 400, 403, 404, 408–410, 418, 419, 421, 434, 435, 437, 444, 445, 449, 451, 453, 454, 455, 458, 465, 518
Дромн 155, 156, 519
*Друккарг (шрастр) 132, 155, 164, 165, 169, 170, 176, 262, 266, 274, 275, 278, 295, 296, 315, 329, 345, 359, 368, 393, 394, 396, 398–410, 435, 436, 442, 444–446, 451, 452, 455–457, 524
*Дуггур 132, 133, 139, 174–178, 182, 185, 295, 312, 338, 345, 359, 361, 383, 384, 386, 390, 509, 514, 516, 517, 519
Дэван (шрастр) 165

Жаг (эгрегоры) 130
Жерам 131–133
Жимейра 190
Жругр (уицраоры) 168, 169, 170, 251, 261–264, 269, 271, 274, 276–278, 281–283, 289, 293, 295, 296, 307, 314, 321, 324, 329, 368, 369, 391, 394, 396, 398–401, 410, 418, 426, 435, 436, 442–446, 451, 452, 454–458
Жругриты 169, 277, 393, 394, 396–400, 436
Журщ 217
Жюнфлейя (затомис) 118, 126, 135

Заолита 138
Заранда 185
Затив (эгрегоры) 130
*Затомисы 94, 97, 106–120, 122–129, 131, 134, 137, 160, 165, 180–182, 190, 218, 236, 239–241, 246, 252, 258–260, 280, 306, 361, 366, 442, 446, 455, 460, 498–500, 525
*Звента-Свентана 122, 211, 236, 239, 277, 329, 343, 345, 347, 369, 372–375, 388, 460, 495, 500, 513, 525, 527
Зерван (затомис) 115
Зинг (шрастр) 165
Зоогогика 201, 473, 474
Зунгуф 182, 183

Иалу; см. Атхеам (затомис) 113
Иваройнис 205
*Игвы 144, 161–170, 185, 212, 224, 248, 262, 266, 368, 369, 393, 394, 396–410, 426, 435, 436, 442, 445, 446, 451, 452, 455–457, 524, 526
*Иерархии 35, 47, 50, 62, 63, 85, 87, 92, 93, 94, 100, 108, 111, 116, 120–122,126, 135, 141, 142, 155, 161, 176, 182, 186, 192, 205–209, 211, 214, 229, 231, 270, 271, 274, 286, 323, 350, 364, 368, 377, 378, 395, 411, 434, 442, 452, 456, 458, 459, 489, 496, 498, 499, 502, 503, 528
Инвольтация 116, 121, 138, 139, 155, 161, 165, 211, 221, 268, 269, 277, 288, 292–294, 298, 302, 313, 314, 321, 345, 348, 350, 362, 368, 393, 394, 399, 410, 432, 437, 443, 444, 457, 458, 467
Интеррелигия (панрелигия) 16, 19, 21, 26, 50, 120, 130, 309, 311
Интиль (затомис) 128, 306
Инфракосмос 415, 445
Инфрафизика 143, 160, 164, 172, 263, 275, 276, 359, 361
Инфрафизический 58, 157, 160, 162, 163, 173, 242, 244, 247, 250, 263, 264, 266, 267, 268, 272, 274, 275, 278, 280, 283, 359, 387, 521
Иора 138
Иордис 139
*Ирольн 93, 94, 137, 211, 225, 241, 420, 521
Ирудрана 182, 183
Исонг 190
Истарра (уицраор) 168

Йиру (затомис) 127

Кали-Дурга 157
*Кароссы 166, 168, 169, 185, 186, 243, 243, 248, 253, 261, 262, 276, 277, 288, 291, 292, 361
*Каррох 161, 176, 185, 190, 452, 455, 456, 513, 517, 518, 521, 526
Картиала 131–133, 137
Каттарам 178, 179, 181
Каэрмис 137, 188, 190

Клингзор (шрастр) 436
Крагр 277
Кэрту (затомис) 128

Лаал 140
Ладреф 151, 152, 157
Лай-Чжой (уицраор) 168
Леа (затомис) 128
Лига 13–16, 18
Лигея 138
*Лилит 94, 133, 162, 166, 184–186, 211, 243, 248, 262, 374, 506, 512–515, 521, 522
Лимуарна 208
Линат (затомис) 112, 113
Лиурна 73, 182, 501
Лиханга 206
Лиэдарнис 205
Логос 46, 209, 213, 214, 224, 230, 252, 254, 373, 498, 525–527
Логос Шаданакара 185, 204, 216, 259
Люварн 139

Магирн 133, 137, 355
Магралейнос 205
Маиф (затомис) 111
Макробрамфатура 81, 82, 84, 85, 257
Манику 178
Малейн 139
Медиторий 485, 489
Метабрамфатура 148, 260
*Метаистория 20, 50, 53–55, 62, 63, 88, 97, 100, 114, 129, 166, 167, 170, 184, 218, 223, 226, 236, 238, 243, 261, 264, 268, 270, 272, 281, 285, 294, 297, 298, 303, 304, 307, 311, 315, 331, 346, 365, 391, 393–395, 402, 404, 434, 446, 449, 452, 468, 525
Метаисторический 9, 21, 52–55, 60, 62, 64, 65, 80, 81, 94, 95, 97, 98, 100, 117, 118, 120, 129, 133, 135, 165, 177, 192, 215, 219, 222, 225, 226, 237, 238, 239, 241–244, 247, 249, 252–254, 258, 260, 261, 265–268, 270–272, 274, 276, 277, 279, 280, 281, 283–286, 290–292, 298, 301, 303–305, 307, 313–316, 325, 326, 329, 331, 333, 339–343, 345–347, 349, 350, 358–361, 363, 369, 372, 376, 388, 389, 391, 394, 395, 397, 398, 400, 406, 407, 415, 418, 420, 432, 436, 448, 449, 451, 459, 463, 486, 490, 498, 499, 507, 514, 526
*Метакультуры 43, 50, 61, 87, 94–97, 99, 100, 101–103, 106, 108–120, 125–129, 135, 136, 141, 149, 150, 156, 158, 160, 161, 165–169, 238–242, 245–247, 249–252, 257–260, 262, 265, 266, 272, 275, 280, 291, 306, 328, 329, 331, 334, 335, 340, 349, 353, 361, 366, 378, 400, 403, 436, 410, 442, 446, 456, 488, 495, 498, 499
Метапсихология 473
Метафизиология 473
Метаэфирный 207, 209, 240, 241, 248, 282
Микробрамфатура 82, 90, 224
Микро-эго 273, 275
*Мировая Сальватэрра 122, 140, 204, 209, 210, 214, 218, 242, 254, 256, 260, 266, 281, 527
Миры Возмездия 86, 149, 212, 217, 520, 522, 526, 527
Миры Просветления 102, 103, 109, 115, 116, 121, 123, 135, 152, 208, 527
Младшие Сестры 206, 208
*Монада 32, 35, 38, 41, 46, 64, 82–84, 87, 88, 90,91, 93, 94, 105, 109–111, 118, 124, 125, 129, 134, 137, 143–145, 154, 157, 159, 161, 172, 176–178, 180, 185, 186, 188, 189, 191, 206–212, 216, 223–225, 227, 233, 236, 241, 243, 244, 262, 278, 304, 328, 419, 420, 511, 513, 514, 521, 522, 527
*Монсальват (затомис) 97, 98, 117, 118, 120, 135, 160, 166, 205, 239, 260, 339, 488, 498
Мород 151, 152, 153, 439
*Мудгабр (шрастр) 166, 170, 207, 410, 442, 452, 457
Мурохамма 181, 501
Мэру; см. Сумэра

*Навна 121, 128, 169, 208, 238–241, 244, 245, 248, 251, 256, 257, 262, 277, 286, 296, 300, 321, 329, 345, 369, 378, 381, 382, 398, 500
Намбата (затомис) 126
Наммарайнос 205
Наолитис 208
Натолис 138
Небесная Индия 107, 114, 115
*Небесная Россия, Святая Русь (затомис) 58, 106, 119–125, 135, 160, 169, 176, 182, 208, 239–242, 246, 252, 271, 328, 359, 366, 373, 498
Небесный Иерусалим 117, 122, 124, 142, 241, 252, 256, 260
Небесный Кремль 58, 120, 121, 122, 132, 265, 328, 329, 488
Небесный Нил 115
Нергал (шрастр) 165
Ниатос 137
Нибруски 178, 182
Нивенна 183
Нигвэя 139
Нигойда 190, 194
Никисака (затомис) 119, 128
Нирвана 119, 141
Нируддха 141
Ниссуш (уицраор) 168
Нихорд (затомис) 116
Нугурт 174, 182
*Нэртис 106–108, 218

Оамма 208
Одгиана 138
Окрус 156, 157
Олимп (затомис) 97, 115, 116, 131, 132, 488
*Олирна 85, 102–105, 109, 116, 135, 137, 171, 178, 179, 211, 216, 218, 446, 455
Орион (система брамфатур) 138
Орлионтана 171

*Планетарный Логос 46, 82, 86, 116, 122, 125, 159, 204, 207, 211–214, 217, 218, 223, 226, 236, 239, 260, 460, 498, 512, 525–527
Плейрагор 206
Плерома 210, 230
Повурн 184
Полуигвы 163, 521–525
Прэд 126
Пропулк 157–159, 170, 306
Противобог 12, 36, 40, 163, 225, 244, 247, 303, 304, 375, 498, 507, 508, 517

Рай 117, 135, 160, 498
Рамн 138
Рамнагор 206
Рангарайдр 208, 238–240, 277
Ранматирнис 205
Раорис 209, 236, 372
Раос 139
*Ругги 161, 164–167, 169, 176, 185, 190, 262, 266, 295, 399, 436, 446, 451, 452, 455–457, 526
Рафаг 153, 155, 176
Рахт 445, 446
Ро 137
*Родомыслы 113, 241, 242, 252, 259, 265, 266, 269, 271, 273, 278, 291, 292–294, 297, 316–318, 349, 500
*Роза Мира 9, 17–26, 28–32, 34–36, 38–40, 50–52, 69, 80, 89, 90, 92, 100, 120, 125, 129, 130, 142, 200, 202, 228, 232, 236, 237, 309, 312, 343, 344, 345, 347, 353, 360, 361, 374, 376, 388, 458–462, 465, 468, 472–476, 479–482, 484, 485, 488, 490, 491, 493, 495, 498–500, 502, 503, 505–507, 510, 511, 513, 514, 516, 517, 519–521, 523, 525
Рон 178, 179, 181
Рыфры 146, 212, 456

*Сакуалы 78, 80, 94, 100, 101, 107, 108, 118, 125, 128, 129–132, 134–140, 142, 146, 160, 163, 166, 171, 172, 179, 184, 188, 190, 204, 205, 207–211, 218, 236, 239, 250, 355, 356
Саора 208
*Сверхнароды 37, 94–96, 98, 99, 108, 113, 114, 116, 117, 120, 125, 126, 128, 165, 166, 185, 206–208, 211, 215, 216, 238, 242–245, 247–252, 254–256, 259–261, 263, 265, 267, 268, 271, 272, 274, 275, 277–280, 286, 287, 289, 290, 293, 300–304, 308–311, 329, 330, 335, 342, 343, 347, 368, 378
Свикс 173, 174
Сербарайнис 205
Сиайра 224, 511–513
Сианна 184
Сибрана 137,
*Синклиты 58, 60, 61, 97, 100, 109–111, 115–118, 120–125, 128, 131–133, 137, 141, 142, 150, 154, 155, 159, 160, 165, 167, 170, 181, 204, 205, 208, 213, 214, 218, 220, 226, 238, 247, 249, 252, 262, 265, 272, 278, 281, 294, 295, 329, 334, 335, 339, 340, 342, 353, 355, 356, 362, 366, 376, 390, 396, 400, 436, 439, 443, 446, 468, 486, 488, 490, 494, 495, 499, 500, 503, 506, 515, 516, 521, 525, 527
Сиринга 206
*Скривнус 151, 152, 157, 439, 519
Соборная душа 113, 116, 121, 122, 125, 169, 206, 207, 215, 216, 239, 241, 244, 249, 250, 262, 264, 277, 278, 288, 335, 343, 347, 378, 381, 457
Сольдбис (затомис) 140
Страна Эльфов 180, 501
*Стихиали 28, 36, 65, 70, 73, 75, 76, 93, 94, 106, 109, 111, 113, 116, 120, 121, 127, 129, 132–134, 136, 137, 149, 155, 171–175, 177–186, 204, 208, 209, 211, 212, 215, 239–241, 245, 248, 254, 259, 262, 335, 345, 359, 363, 374, 385, 405, 466–470, 474, 486, 490, 495, 500–505, 510, 514, 519, 525, 528
Странганор 206
Стэбинг (уицраор) 168, 436, 437, 442–444, 452, 454, 457
Сукхавати (затомис) 119, 210, 488
Сумэра; Мэру (затомис) 97, 114, 115, 488
Суфэл; Суфэтх 159, 176, 209, 218, 340, 527
Сэтх (шрастр) 165

Тальтном (затомис) 128
Танит 140, 175
Тартар (шрастр) 165
Товия 137
Токка (затомис) 127
Трамнос 139
Тримойя 139
Трансмиф 96–99, 111, 115, 117–119, 121, 137, 140–142, 182, 204, 210, 215, 223, 241, 245, 246, 250–252, 254, 256, 257, 259, 260, 262, 312, 328, 342, 359, 363, 495, 497
Трансфизический; трансфизика 41, 48, 49, 52, 53, 59–62, 64,65,69, 70, 76, 80, 94–96, 100, 108, 109, 111, 113, 114, 118, 127–129, 131–135, 149, 156, 157, 160, 166, 167, 169, 171, 174, 180, 183, 191, 192, 194, 212, 225, 232, 249, 265, 275, 279, 282–285, 299, 315, 323, 324, 333, 335, 340, 343, 351, 361, 382, 383, 387, 388, 390, 463, 470, 472, 504, 507–509, 511, 512, 516, 518, 519
Трансформа 85, 86, 104, 105, 122–124, 135, 154, 179, 180, 216–218, 498, 513, 518, 525, 526
Тугибд (шрастр) 165

Удгрогр (эгрегоры) 130
*Уицраоры 58, 114, 116, 119, 121, 125, 127, 131, 149, 160, 162, 163, 165–170, 186, 206, 207, 212, 215, 220, 221, 247–252, 261–266, 268–272, 274–278, 280, 282, 288, 289, 293, 294, 297, 298, 301, 302, 307, 310–315, 319, 321, 324, 328, 329, 333, 339, 344, 368, 391–394, 396–401, 419, 426, 432, 436, 437, 442, 443, 444, 451, 454–458, 460, 476
Укарвайр 157, 306
Укурмия (уицраор) 169, 457
Унидр (уицраор) 169
*Уппум («Дождь Вечной Тоски») 169, 274, 278, 456, 526
Урпарп 143, 144, 147, 361, 362, 368, 396, 419, 420, 422, 425, 431, 432, 434, 442–446, 457,511, 512, 516
Урм 131–134
Уснорм 136, 137, 178–180, 190, 218, 498
Устр (уицраор) 168, 436

Файр 105, 106, 137, 178–180, 190, 218
Фальтора 73, 181, 501
Фаолеммис 208
Фианна 138
Флермос 139
Фляурос 137, 178, 180
*Фокерма 143, 516
Фонгаранда 134, 164, 252, 410
Форайгор 206
Фораун (эгрегоры) 130
Форсуф (уицраор) 168, 220, 221
Фошц (уицраор) 168
Фукабирн 156–158, 172
Фу-Чжу (шрастр) 165

Хангвилла 137, 190, 191, 329
Харада (уицраор) 168
Хохха 420, 422, 435, 440–443, 455
Хранга 206

Цебрумр (эгрегоры) 130, 519, 526
Целирор 206
Цен-Тинь (затомис) 126

Чармич (уицраор) 168
*Шавва 168, 262, 263
*Шаданакар 19, 21, 30–33, 36, 47, 50, 51, 62, 65, 69, 70, 80–82, 85–87, 93–96, 99–101, 104, 105, 110, 114, 122, 125, 129–131, 133– 149, 151, 155, 157–160, 163, 165, 171, 172, 175, 176, 179, 185–187, 190, 191, 204, 205, 207–212, 215–218, 223, 224, 236, 238, 240, 241, 243, 244, 257, 259, 260, 262, 263, 274, 278, 303, 340, 342, 347, 355, 356, 362, 365, 366, 372, 373, 374, 378, 383, 397, 407, 435, 443, 446, 466, 488, 498, 515, 521, 525, 527, 528
Шатриттва 141
Шан-ти (затомис) 97, 114, 119
Шалеем 178, 179, 215
Шартамахум 173
*Шельт 93, 94, 110, 131, 134, 137, 144, 145, 147, 152, 156, 159, 163, 169, 172, 176, 180, 188, 189–191, 194, 211, 212, 224, 225, 266, 275, 277, 284, 295, 296, 335, 336, 405, 419–421, 446, 511, 519, 521, 527
Шериталы 111
Шеолы 150, 152
Шим-биг 155, 156, 173, 446
Шог 144, 145, 522, 528
Шостр (уицраор) 168
*Шрастры 97, 114, 121, 125, 130–132, 149, 155, 160–170, 171, 174, 175, 190, 215, 218, 220, 248, 262, 275, 340, 400, 410, 436, 442, 444–446, 452, 454–457, 499, 518, 521, 526

Ырл 158, 159
Ытрыч 158, 173

Эа; см. Вларол
Эанна (затомис) 97, 113, 160, 488
*Эгрегоры 116, 129, 130, 166, 281, 282, 239, 243, 244, 247–250, 262, 278, 281, 282, 284, 286, 476, 510, 519
Эдем (затомис) 97, 117, 118, 135, 205, 210, 260, 339, 498
Эйфос 175, 258
*Эйцехоре 185, 186, 211, 261, 262, 243, 248, 262, 264, 269, 277, 336, 506
Элита Шаданакара 122, 134, 140, 209, 236, 281, 498, 500
*Энроф 79–81, 85, 86, 94, 95, 97–118, 121, 122, 124, 125, 128–141, 145–169, 172–176, 179, 180–186, 188, 190, 191, 195, 205, 207–209, 211–213, 215, 216, 219, 220, 225, 226, 235, 237, 239, 240, 242, 248, 251, 252, 260, 262–264, 272, 274, 295, 333, 349, 355, 356, 362, 368, 370, 375, 382, 384, 388, 393, 394, 396, 398–401, 421, 422, 431–433, 436, 441–446, 454, 456, 457, 462, 466, 496, 500, 506, 511–513, 515, 519, 521, 522, 526–528
*Эоны 138, 159, 169, 174, 184, 186, 194, 220, 226, 230–233, 243, 355, 356, 363, 389, 405, 439, 445, 507, 516, 518, 522, 524–528
Эрамо 138
Эрмастиг 190, 191
Эрой 141
Эстира 184
*Эфирное тело 59, 61, 94, 103, 104, 106, 134, 151–156, 162, 163, 166, 176, 181, 182, 186, 191, 218, 265, 445
Эфрор (уицраор) 168

Юмаройя 138
Юнкиф (затомис) 127
Юнукамн (шрастр) 165, 170, 361, 442

*Яросвет 121, 208, 238, 238–242, 244, 245, 247–249, 251, 256, 261, 265, 271, 277, 278, 290, 293, 294, 300, 301, 314, 319, 321, 329, 393, 394, 396, 398, 444, 499

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

Аарон, в Ветхом Завете старший брат Моисея, первосвященник — 367
Абакумов Виктор Семенович (1894–1954), министр государственной безопасности (1946–1951) — 426, 439
Аббасиды, династия арабских халифов (750–1258), происходившая от Аббаса, дяди пророка Мухаммеда — 340
Авалокитешвара, один из главных бодхисатв в буддийской мифологии махаяны и вдажраяны — 141
Аввакум Петрович (1620 или 1621–1682), протопоп, деятель русского старообрядчества, писатель — 283, 299
Август, Гай Юлий Цезарь Октавиан (63–14 до н.э.), римский император (с 27 до н.э.) — 341
бл. Августин, Аврелий (354–430) — один из четырех западных отцов церкви, богослов и философ — 209
Авраам, в Ветхом Завете патриарх, прародитель еврейского народа — 116
Адам, в Ветхом Завете имя первого человека — 211
Адриан, Публий Элий (76–138), римский император (117–138) — 116
Аксаковы, семья — 124
Александр I Благословенный (1777–1825), российский император (с 1801) — 124, 170, 301, 314–322, 324–329, 368, 375, 446
Александр II (1818–1881), российский император (с 1855) — 124, 298, 312, 391–393, 448, 453
Александр III (1845–1894), российский император (с 1881) — 316, 393, 394, 448, 453
св. Александр Невский; Александр Ярославович (1219–1263), князь новгородский (1236–1251), великий князь владимирский (с 1252) — 124, 170, 251, 265, 271, 279, 328
Алексей Михайлович (1629–1676), русский царь (с 1645) — 287
Алексей Николаевич (1904–1918), великий князь, цесаревич — 124, 298
Алексей Петрович (1690–1718), царевич, старший сын Петра I — 294, 314
Алехин Александр Александрович (1892–1946), русский шахматист — 402
Алла-эд-Дин, Хусейн Джеган Суз, султан — основатель династии Гуридов, правил с 1150 по 1156 — 235, 440
Альба, Альварес де Толедо Фернандо (1507–1582), герцог, испанский военачальник и государственный деятель — 235
Аматерасу; Аматэрасу, верховное божество в японской мифологии и религии, олицетворение солнца — 128
Амвросий Оптинский (Александр Михайлович Гренков; 1812–1891), иеромонах, старец Оптиной пустыни, духовный писатель — 124, 331

1. В указатель включены исторические и мифологические имена, кроме упоминаемых лишь в примечаниях.

Аменхотеп IV, египетский фараон (правил 1419 – ок. 1400 до н.э.), провозгласивший новый культ Атона, см. Эхнатон — 113, 209, 213–215, 493
Амитабха (букв. неизмеримый свет), один из будд в буддийской мифологии махаяны и вдажраяны — 119
Амур, в римской мифологии божество любви — 367
Анастасия Романовна (?–1560), московская царица, первая жена Ивана Грозного — 266
Андерсен, Ханс Кристиан (1805–1875), датский писатель — 183
Андреев Леонид Николаевич (1871–1919), прозаик, драматург, публицист — 124, 134, 341
Андрей Первозванный (ум. ок. 70), один из двенадцати апостолов, брат апостола Петра — 239, 498
Андромаха, героиня греческого эпоса — 239, 367
Анна Иоанновна (1693–1740), российская императрица (с 1730) — 301, 314
Анна Леопольдовна (1718–1746), «правительница» Российской империи при Иване VI (с 1740 по 1741) — 313
Антигона, героиня греческого эпоса — 367
Антоний Печерский (983–1073), основатель Киево-Печерского монастыря (1051), один из родоначальников русского монашества — 124, 242
Аполлон, в греческой мифологии бог-целитель, прорицатель, покровитель искусств — 116, 131, 424
Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), граф, военный и государственный деятель — 170, 320, 321, 417, 418, 453
Аристотель (384–322 до н.э.), древнегреческий философ и ученый-энциклопедист — 25, 209
Арнольд (Арнолд), *Эдвин* (1832–1904) — английский поэт, переводчик, журналист — 78
Артемида, в греческой мифологии богиня-девственица, покровительница охоты — 366
Ассаргадон (680–669 до н.э.), ассирийский царь — 235
Астарта, в финикийской мифологии богиня плодородия, материнства и любви — 114
Атахуальпа; Атауальпа (ок. 1500–1533), правитель инков — 306
Атриды — 320
Ауренгзеб; Аурангзеб (1618–1707), последний подлинный правитель Могольской империи (1658–1707) — 268
Афанасий Иркутский, епископ — 328
Афина Паллада, в греческой мифологии одна из главных богинь, богиня войны и победы, а также мудрости, знаний, искусств и ремесел — 116, 366
Афродита, в греческой мифологии богиня любви и красоты; от Платона («Пир») идет противопоставление Афродиты Пандемос (Народной) и Афродиты Урании (Небесной) — 141, 166, 184, 185, 232, 243, 366, 374, 497
Афродита Пандемос; см. Афродита
Афродита Урания; см. Афродита
Ахемениды, царская династия древнеперсидской державы (558–330 до н.э.) — 215
Ашока, древнеиндийский царь, правивший в 268–232 до н.э. — 209, 325

Баженов Василий Иванович (1737 или 1738–1799), архитектор — 123
Байрон, Джордж Ноэл Гордон, лорд (1788–1824), английский поэт, драматург — 99, 350, 351
Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), революционер, один из основоположников анархизма — 64
Бальзак, Оноре де (1799–1850), французский писатель — 335, 340, 364
Бах, Иоганн Себастьян (1685–1750), немецкий композитор и органист — 336
Беатриче, Портинари (в замужестве Деи Барди; 1266–1290), возлюбленная Данте — 235

Бедный Демьян (наст. имя и фам. Ефим Алексеевич Придворов; 1883–1945), поэт — 158
Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1948), литературный критик, публицист — 285
Белый Андрей (наст. имя и фам. Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934), прозаик, поэт, теоретик символизма — 341, 378, 379
Беме Якоб (1575–1624), немецкий философ и мистик — 372
Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) — с 1938 нарком внутренних дел СССР, в 1941–1946 зам. председателя Совнаркома СССР, с 1946 1-й зам. председателя Совета министров СССР, с марта по июль 1953 министр внутренних дел — 158, 235, 439
Бетховен, Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор — 87, 356
Бирон Эрнст Иоганн (1690–1772), граф, политический деятель, фаворит императрицы Анны Иоанновны, герцог Курляндский (с 1737) — 301, 418, 453
Бичер-Стоу, Гарриет (1811–1896), американская писательница — 120
Блок Александр Александрович (1880–1921), поэт — 124, 131, 177, 284, 332, 337, 339, 341, 342, 350, 368, 371, 373–380, 383–390, 414
Бодлер, Шарль (1821–1867), французский поэт — 337
Бонапарты, династия, основанная Наполеоном I Бонапартом (1804–1814, 1815; 1852–1870) — 318
Борис Федорович *Годунов* (1552–1605), русский царь (с 1598) — 133, 269, 270, 283, 287, 291, 346, 391, 392, 448, 453
Бородин Александр Порфирьевич (1833–1887), композитор — 367
Браун, Ева (по мужу Гитлер; 1912–1945), любовница, а с 28 апреля 1945 жена А. Гитлера — 433
Бродский Исаак Израелевич (1883–1951), живописец и график — 423
Брунгильда, одна из главных героинь древнегерманского героического эпоса — 367
Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924), поэт, прозаик, критик и литературовед — 334
Будда (букв. Просветленный), имя, данное основателю буддизма Сиддхарате Гаутаме (623–544 до н.э.) — 32, 63, 78, 119, 141, 209, 210, 213, 214, 493, 507
Будда Амитабхи; см. Амитабха
Будда Гаутама; см. Будда
Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944), экономист, философ, богослов — 53, 63, 124, 284, 373, 378
Бухарин Николай Иванович (1888–1938), деятель коммунистической партии и Советского государства, экономист, социолог — 420
Бэкон, Фрэнсис (1561–1626), английский философ и политический деятель — 337

Вавилов Николай Иванович (1887–1943), генетик, растениевод, географ — 439
Вагнер, Рихард (1813– 1883), немецкий композитор, писатель, философ, публицист — 87, 98, 166, 180, 336, 488, 493
Валентин (ум. 160), философ-гностик — 373, 493,
Валькирии, в скандинавской мифологии девы, дарующие по воле Одина победы в битвах — 367
Василий Великий (ок. 330–379), христианский церковный деятель, епископ Кесарийский (Малая Азия) — 205, 493
Василий II Васильевич Темный (1415–1462), великий князь московский (с 1425) — 279
Василий IV Иванович Шуйский (1552–1612), русский царь (1606–1610) — 271, 273, 276, 448
Василии, великие князья — 270
Ватто, Антуан (1684–1721), французский живописец — 67
Великие Моголы, династия правителей в Индии (1526–1858) — 127
Венера, в римской мифологии богиня любви и красоты — 132
Венецианов Алексей Гаврилович (1780–1847), живописец — 335

Вергилий, Публий Марон (70–19 до н.э.), римский поэт — 358, 361
Верлен, Поль (1844–1896), французский поэт — 337
Веселый Артем (наст. имя и фам. Николай Иванович Кочкуров; 1899–1939), писатель — 439
Вийон, Франсуа (наст. фам. Монкорбьеили де Лож; 1431/1432 — ?), французский поэт — 336
Витберг Александр Лаврентьевич (1787–1855), архитектор — 123, 124, 321, 322
Вишну, один из главных богов индуизма, составляющий вместе с Брахмой и Шивой божественную триаду — 44, 214
Владимир Святославович; Святой (?–1015), великий князь киевский — 124, 135, 170, 242, 244, 265, 281
Владимир Всеволодович; Мономах (1053–1125), великий князь киевский — 170, 242, 265
Вознесенский Николай Алексеевич (1903–1950), советский государственный и партийный деятель, с 1938 председатель Госплана СССР, с 1939 заместитель председателя СНК СССР, с 1941 1-й зам. председателя Совета министров СССР — 439
Волоцкий Иосиф; см. Иосиф Волоцкий
Волошин Максимилиан Александрович (1877–1932), поэт, критик, художник — 124, 341, 368,
Волохова (урожд. Анциферова) *Наталья Николаевна* (1878–1966), драматическая артистка; ей посвящена книга А.А. Блока «Снежная маска» и ряд стихотворений — 384, 385, 386
Вольтер (наст. имя и фам. Мари Франсуа Аруэ; 1694–1778), французский поэт, прозаик, драматург, публицист, философ — 336
Вольфрам фон Эшенбах (ок. 1170–1220), немецкий поэт-миннезингер — 98, 339
Врубель Михаил Александрович (1856–1910), живописец — 132, 145, 146, 284, 332

Галилей, Галилео (1564–1642), итальянский физик, механик и астроном, поэт, филолог и критик — 362
Гамсун, Кнут (наст. фам. Педерсен; 1859–1952), норвежский писатель — 195, 196
Ганди, Моханад Карамчанд (1869–1949), один из руководителей национально-освободительного движения Индии, отрицавший насилие — 14, 22, 193, 365, 402, 488
Гаршин Всеволод Михайлович (1855–1888), писатель — 341
Гауптман, Герхарт (1862–1946), немецкий писатель — 99
Гвиччиоли, Тереза (урожд. Гамба; 1800–1873), графиня, возлюбленная Байрона, автор воспоминаний о поэте — 350
Гегель, Георг Вильгельм-Фридрих (1778–1831), немецкий философ — 64, 99, 402
Гелиогабал; Элагабал (императорское имя — Цезарь Марк Аврелий Антоний Август; 204–222), римский император (с 218) — 440
Генрих VIII (1491–1547), английский король (с 1509) — 270
Геринг, Герман (1893–1946), один из представителей правящей верхушки фашистской Германии, с 1933 имперский министр авиации и глава правительства Пруссии, с 1935 главнокомандующий военно-воздушными силами — 433
Гермоген (не позже 1530–1612), патриарх (с 1606) — 265, 278, 297
Герцен Александр Иванович (1812–1879), писатель, публицист, философ, общественный деятель — 332, 341
Гете, Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий писатель, естествоиспытатель, политический деятель — 64, 67, 87, 98, 133, 235, 336, 350, 353, 356, 373, 430, 493
Гиммлер, Генрих (1900–1945), один из представителей правящей верхушки фашистской Германии, с 1929 руководитель СС, с 1936 шеф гестапо, с 1943 имперский министр внутренних дел — 235
Гитлер, Адольф (наст. фам. Шикльгрубер; 1889–1945), лидер германской фашистской (национал-социалистической) партии; глава германского фашистского государства (1933–1945) — 250, 268, 340, 424, 431, 440, 443

Глинка Михаил Иванович (1804–1857), композитор — 123, 337, 356, 367
Глюк, Кристоф Виллибальд (1714–1787), австрийский композитор — 336
Гогенштауфены, династия германских королей и императоров Священной Римской империи (1138–1254) — 508
Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), писатель — 63, 123, 124, 131, 133, 284, 337, 339, 341, 342, 353–356, 365, 366, 368, 370, 371
Годунов Борис; см. Борис Годунов
Годунова Ксения (Аксинья; в монашестве Ольга) *Борисовна* (?–1622), дочь Бориса Годунова — 272
Годуновы, русские цари — 270
Гончаров Иван Александрович (1812–1891), писатель — 368
Гораций, Квинт Гораций Флакк (65–8 до н.э.), римский поэт — 334
Горький Максим (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков; 1868–1936), писатель, публицист, общественный деятель — 332, 333, 335, 368, 430
Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829), драматург, поэт; дипломат — 302, 341, 368
Григорий VII Гильдебранд (1015/1020–1085), папа римский (с 1073) — 170
Гудруна; Гудрун, героиня скандинавского эпоса; в эддических песнях выступает в роли мстительницы — 367
Гумилев Николай Степанович (1886–1921), поэт — 124, 341
Гюго, Виктор Мари (1802–1885), французский писатель — 340

Даниил Александрович, князь (1261–1303), московский князь, сын Александра Невского — 135
Даниил, пророк в Ветхом Завете — 205
Данте, Алигьери (1265–1321), итальянский поэт — 61, 87, 160, 209, 235, 336, 339, 356, 358, 359, 402
Дантес-Геккерн, Жорж-Карл (1812–1895), барон, убийца А.С. Пушкина — 147, 349
Дарвин, Чарльз Роберт (1809–1882), английский естествоиспытатель, создатель теории эволюции — 338, 402
Даргомыжский Александр Сергеевич (1813–1869), композитор — 335
Декарт, Рене (1596–1650), французский философ, математик, физик и физиолог — 362
Деметра, в греческой мифологии богиня плодородия — 366
Державин Гаврила Романович (1743–1816), поэт — 123, 341, 346
Джеймс, Уильям (1842–1910), американский философ и психолог — 76
Диккенс, Чарльз (1812–1870), английский писатель — 72, 357
Диоклетиан (243–313/316), римский император (284–305) — 325
Дмитрий Донской; Донской Дмитрий Иоаннович (1363–1389) — князь московский и великий князь владимирский — 252, 265, 270
Дмитрий Юрьевич (Шемяка) (1420–1453), князь галицкий — 270
Долгорукий Юрий Владимирович (ок. 1090–1157), князь суздальский и великий князь киевский, основатель Москвы — 279
Домициан, Тит Флавий (51–96), римский император (с 81) — 159, 221, 268, 440
Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), писатель — 25, 63, 123, 124, 133, 134, 160, 190, 225, 232, 242, 284, 285, 332, 336, 338, 341, 342, 348, 350, 352, 357–360, 364, 366, 376, 420, 501
Дюрер, Альбрехт (1471–1528), немецкий художник — 99

Ева, в Ветхом Завете жена Адама, праматерь рода человеческого — 211
Ежов Николай Иванович (1895–1940), — нарком внутренних дел (1936–1938), член Политбюро ЦК ВКП(б) — 158, 425, 439

Екатерина II (1729–1796), российская императрица (с 1762) — 301, 314
Елена, в греческой мифологии спартанская царица, прекраснейшая из женщин — 367
Елизавета Алексеевна (урожд. Луиза Мария Августа, принцесса Баденская; 1779–1826), императрица, жена Александра I — 323, 326
Елизавета Петровна (1709–1761/1762), российская императрица (с 1741) — 301
Есенин Сергей Александрович (1895–1925), поэт — 335

Жанна д'Арк (ок. 1412–1431), французская национальная героиня, возглавила борьбу против англичан во время Столетней войны; сожжена по обвинению в ереси, в 1920 канонизирована — 64, 159, 209, 340
Жданов Андрей Александрович (1896–1948), деятель коммунистической партии и Советского государства — 439
Жуков Георгий Константинович (1896–1974), советский военачальник, маршал Советского Союза — 429, 435
Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), поэт, переводчик — 348, 373

Зиновьев (Родомысльский) *Григорий Ефимович* (1883–1936), деятель коммунистической партии и Советского государства — 420
Золя, Эмиль (1840–1902), французский писатель — 72, 364
Зороастр, пророк и реформатор древнеиранской религии (зороастризма) — 120, 209, 213, 215

Иаков, в Ветхом Завете патриарх, родоначальник «двенадцати колен Израилевых» — 210
Ибсен, Генрик (1828–1906), норвежский драматург — 87
Иван I Данилович Калита (1304–1340)— князь московский, великий князь владимирский — 135, 279
Иван Иванович (1554–1581), сын Ивана IV — 294
Иванов Александр Андреевич (1806–1858), художник — 368
Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949), поэт, мыслитель, филолог, переводчик — 341
Иезекииль (VI в. до н.э.), пророк в Ветхом Завете — 205
Изяслав I Ярославич (1024–1078), князь туровский, с 1054 великий князь киевский — 244
Иисус Сирах, автор ветхозаветной Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова — 215
Иисус Христос; Бог Сын; Спаситель; Воскресший — 45, 46, 49, 57, 58, 87, 91, 104, 111–118, 127, 130, 150, 156, 163, 166, 211, 214–222, 226–228, 230, 239, 242, 257, 259, 341, 361, 362, 371, 373, 406, 407, 442, 455, 460, 496–498, 502, 508, 511–514, 516, 522, 524–528, 531
Икар, в древнегреческой мифологии сын Дедала, пытавшийся взлететь к солнцу — 242
Индра, в древнеиндийской мифологии бог грома и молнии, глава богов — 182
Иннокентий Камчатский (Иван Евсеевич Вениаминов; 1797–1879), епископ — 328
Иоанн III; Иван III Васильевич (1440–1505), великий князь московский (с 1462) — 170, 264, 265
Иоанн (Иван) IV Васильевич Грозный (1530–1584), первый русский царь (с 1547) — 132, 159, 170, 235, 264–270, 275, 278–280, 283, 287, 294, 295, 301, 314, 329, 330, 332, 350, 391, 418, 425, 440, 446
Иоанн V; Иван V Алексеевич (1666–1696), русский царь с 1682 по 1689, при котором фактически правила царевна Софья Алексеевна — 269
Иоанн VI; Иван VI Антонович (1740–1764), номинальный российский император (с октября 1740 по ноябрь 1741) — 124, 170, 313

Иоанн Богослов, апостол и евангелист — 33, 57, 136, 165, 213, 218, 230, 498, 525
Иоанн Дамаскин (ок. 675–до 753), византийский богослов, философ, поэт — 333, 493
Иоанн Златоуст (344/354–407), христианский проповедник, епископ Константинопольский (398–404) — 209
Иоанн Креститель (Иоанн Предтеча), пророк в Новом Завете — 117, 498
Иоанн Кронштадтский (Иоанн Ильич Сергеев; 1829–1908/1909), настоятель Андреевского собора в Кронштадте, религиозный писатель, проповедник — 124
Иоанны, русские цари — 270, 453
Иов, праведник в Ветхом Завете — 215
Иосиф Аримафейский, член синедриона из города Аримафеи, тайный последователь Иисуса Христа, снявший Его тело с креста — 98
Иосиф Волоцкий (Иван Санин; 1439 или 1440–1515), игумен основанного им Волоцкого монастыря, церковный деятель и публицист — 282
Исаак Сирин; Сириянин (VII в.), христианский подвижник и писатель — 405
Иуда Искариот, апостол, предавший Христа — 104, 159, 217, 220, 341, 460

Кавэри; Кавери, богиня реки Кавери в Южной Индии — 502
Казаков Матвей Федорович (1738–1812), архитектор — 123
Каин, в Ветхом Завете сын Адама и Евы, убивший своего брата Авеля — 99, 350
Калигула, Гай Юлий Цезарь (12–41 до н.э.), римский император (с 37) из династии Юлиев-Клавдиев — 268, 424, 440, 517
Кали-Дурга, Дурга, в индуистской мифологии одна из грозных ипостасей жены Шивы, которая выступает и под именем Кали («черная»), олицетворяя губительную божественную энергию — 141, 367
Калидаса, древнеиндийский поэт и драматург — 402, 489
Калинин Михаил Иванович (1875–1946), деятель коммунистической партии и Советского государства, с 1922 председатель ЦИК СССР, с 1938 по 1946 председатель Президиума Верховного Совета СССР — 430
Кальвин, Жан (1509–1564), деятель Реформации в Швейцарии — 44
Кальдерон де ла Барка (1600–1681), испанский драматург — 339
Каншка, царь Кушанского царства в 78–123 гг. — 209
Кант, Иммануил (1724–1804), немецкий философ и ученый — 39
Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), поэт, прозаик, историк — 317, 346, 347
Карл V (1500–1558), император Священной Римской империи в 1519–1556, испанский король (Карлос I) в 1516–1556 из династии Габсбургов — 170, 323, 325
Кешуб Чандер Сен (Кешобчондро Шен; 1838–1884), глава индийской религиозной общины Брахмо Самадж — 46
Киплинг, Джозеф Редьярд (1865–1936), английский писатель — 196
Киров (наст. фам. Костриков) *Сергей Миронович* (1886–1934), деятель коммунистической партии и Советского государства — 439
Китс Джон (1795–1821), английский поэт —339
Клюев Николай Алексеевич (1884–1937), поэт — 439
Клычков (наст. фам. Лешенков) *Сергей Антонович* (1889–1937), поэт, прозаик, переводчик — 439
Ключевский Василий Осипович (1841–1911), историк — 124, 266
Княжнин Яков Борисович (1740/1742–1791), поэт, драматург — 348
Колумб, Христофор (1451–1506), испанский мореплаватель — 31
Кольридж; Колридж Самюэль Тейлор (1772–1834), английский поэт — 339
Конт, Огюст (1798–1857), французский философ и социолог — 64, 337
Конфуций; Кун-цзы (551–479 до н.э.), китайский философ — 114, 257

Коперник, Николай (1473–1543), польский астроном, создатель гелиоцентрической теории системы мира — 362, 488
Короленко Владимир Галактионович (1853–1921), писатель, публицист — 332, 335
Косиор Станислав Викентьевич (1889–1939), деятель коммунистической партии и Советского государства — 439
Краминов Даниил Федорович (1910–1994), журналист — 502
Кримгильда; Кримхильда, героиня германского эпоса «Песнь о нибелунгах» — 98, 367
Крюдинер (Кридинер; урожд. фон Витингхоф или Фиттингоф) *Варвара Юлиана* (1764–1824), баронесса, русская мистическая проповедница, писательница — 320
Куйбышев Валериан Владимирович (1888–1935), деятель коммунистической партии и Советского государства — 439
Куприн Александр Иванович (1870–1938), писатель — 368
Курбский Андрей Михайлович (1528–1583), политический и военный деятель, писатель-публицист, в 1564 бежал в Литву — 278
Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813), полководец, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией, разгромившей Наполеона — 124, 318
Кюри; Жолио-Кюри Ирен (1897–1956), французский физик — 407

Лада, здесь, по А.Н. Афанасьеву, богиня весеннего плодородия, весны и лета, богиня Зори — 240
Лагарп, Фредерик Сезар де (1754–1838), швейцарский политический деятель, в 1784–1795 воспитатель Александра I — 318
Лакшми, Шри (Прекрасная), в индуизме богиня красоты, любви, счастья, богатства, супруга Вишну — 367
Лао-Цзы, Ли Эр (VI–V вв. до н.э.), автор древнекитайского даосского трактата «Лао-цзы» — 209, 213
Левенцоф (Левецов), *Ульрика фон* (1804–1899), последнее увлечение И.-В. Гете — 235
Левитан Исаак Ильич (1860–1900), живописец — 338
Лемэтр, Жорж Эдуар (1894–1966), бельгийский физик, космолог и богослов — 28
Ленин (наст. фам. Ульянов) *Владимир Ильич* (1870–1924), политический деятель и теоретик марксизма, основатель коммунистической партии и Советского государства — 285, 420, 422, 423, 425, 445
Леонардо да Винчи (1452–1519), итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер — 87, 132, 209, 336, 356, 362
Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891), философ, писатель, публицист, литературный критик — 63
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841), поэт, прозаик — 67, 87, 123, 124, 284, 336, 339, 341, 348–354, 356, 366, 368, 376, 380, 384, 393, 413, 414
Лесков Николай Семенович (1831–1895), писатель — 124, 332, 371
Лжедмитрий I (?–1606), самозванец, по официальной версии, беглый дьякон Чудова монастыря Григорий Богданович Отрепьев, выдававший себя за русского царевича Дмитрия Ивановича; царь в 1605—1606 гг. — 272–275, 279, 291, 450
Линкольн, Авраам (1809–1865), президент США (с 1860) — 446
Лист, Ференц (1811–1886), венгерский композитор, дирижер и пианист — 336
Лойола, Игнатий (Игнацио) (ок. 1491–1556), испанский религиозный деятель, основатель ордена иезуитов — 64, 170
Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765), естествоиспытатель, поэт, художник, историк — 124, 300, 341, 346
Лондон, Джек (наст. имя Джон Гриффит; 1876–1916), американский писатель — 196

Лука, апостол, евангелист — 227
Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), советский государственный деятель, писатель, критик, искусствовед — 430
Людендорф, Матильда Фредерика Каролина (1877–1966), невропсихиатр и религиовед; супруга генерала Эриха Людендорфа — 433
Людовик IX Святой (1214–1270), французский король (с 1226) из династии Капетингов — 340
Людовик XI (1423–1483), французский король (с 1461) из династии Валуа — 268, 440
Людовик XIV (1638–1715), французский король (с 1643) из династии Бурбонов — 270, 421, 422
Людовики, французские короли — 67
Лютер, Мартин (1483–1546), немецкий религиозный реформатор, основатель лютеранства — крупнейшего направления протестантизма — 44, 362
Люцифер (букв. носитель света), падший ангел, дьявол — 82, 83, 85, 143, 144, 211, 350, 528
Лядов Анатолий Константинович (1855–1914), композитор, дирижер, педагог — 335

Магеллан, Магальяйнш Фернан (ок. 1480–1521), мореплаватель — 31
Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1844), государственный деятель, в 1810–1811 сотрудник М.М. Сперанского — 321
Маймонид (наст. имя Мешебен Маймон; 1135–1204), еврейский философ — 493
Макарий Оптинский (Михаил Николаевич Иванов; 1788–1860), старец Оптиной пустыни — 331
Маленков Георгий Максимилианович (1901–1988), деятель коммунистической партии и Советского государства, в 1955–1957 заместитель председателя Совета министров СССР и с 1938 по 1958 член Президиума Верховного Совета СССР — 439
Малиновский Родион Яковлевич (1898–1967), советский военачальник, маршал Советского Союза — 429
Малларме, Стефан (1842–1898), французский поэт — 340
Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938), поэт — 439
Мария Богоматерь; Богородица; Дева; Приснодева — 122, 141, 216, 218, 227, 229, 230, 236, 252, 254, 367, 379, 494–497, 505, 531
Мария Магдалина, последовательница Иисуса Христа — 209
Маркс, Карл (1818–1883), немецкий философ и экономист, основоположник коммунистического учения — 338
Мартынов Николай Соломонович (1816–1876), убийца М.Ю. Лермонтова — 349
Марфа-посадница; Марфа Борецкая (XV в.), глава партии новгородских бояр, враждебных Ивану III — 370
Матфей, евангелист — 158, 227
Махавира («великий герой»), в джайской традиции мифологизированный образ вероучителя джайнизма (VI в. до н. э.) — 141, 209, 213
Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930), поэт — 333, 335, 409
Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940), режиссер и актер — 410, 439
Мельников-Печерский (наст. фам. Мельников, псевдоним Андрей Печерский) *Павел Иванович* (1818–1883), писатель — 368
Менделеева Любовь Дмитриевна (в замуж. Блок; 1881–1939), жена А.А. Блока, дочь Д.И. Менделеева, драматическая артистка — 378
Меншиков Александр Данилович (1673–1729), русский военный и политический деятель, сподвижник Петра I — 300
Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866–1941), писатель, публицист, философ — 284, 320, 351, 354, 370, 372, 379

Меровинги, первая королевская династия в государстве франков (к. V в. – 751) — 97
Меттерних (Меттерних–Виннебург), *Клеменс* (1773–1859), князь, австрийский политический деятель, министр иностранных дел, фактически глава правительства (1809–1821), канцлер (1821–1848) — 318, 321
Микеланджело, Буонаротти (1475–1564) — итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт — 87, 336, 356
Миларайба; Миларэпа (1040–1123), тибетский поэт и отшельник — 32
Милн, Эдуард Артур (1896–1950), английский астрофизик — 28
Мильтон, Джон (1608–1674), английский поэт и политический деятель — 339
Минин (Захарьев-Сухорук) Козьма (?–1616), нижегородский посадский человек, один из организаторов и руководителей второго ополчения в период польской и шведской интервенции начала XVII в. — 265, 278, 488
Митра, в древнеиранской (индоиранской) мифологии бог солнца, договора, согласия — 215
Михайловский Николай Константинович (1842–1904), социолог, публицист, литературный критик, идеолог народничества — 332
Мнишек, Марина (ок. 1588–1614), дочь польского воеводы Ежи (Юрия) Мнишека, жена Лжедмитрия I — 273
Моисей, в Ветхом Завете предводитель израильтян, основатель иудаизма, пророк — 209, 213, 475
Молотов (наст. фам. Скрябин) *Вячеслав Михайлович* (1890–1986), политический деятель СССР, в 1930–1941 председатель СНК СССР, одновременно с 1939 нарком иностранных дел, в 1941–1957 1-й зам. председателя СНК, затем Совета министров СССР, одновременно (1941–1949, 1953–1957) министр иностранных дел СССР — 439
Монферран, Август Августович (Огюст Рикар де Монферран; 1786–1858), архитектор — 335
Мопассан, Анри Рене Альбер Ги де (1850–1893), французский писатель — 335, 340
Морозова Феодосия Прокофьевна (урожд. Соковина; 1632–1675), деятельница русского раскола — 132, 370
Моцарт, Вольфганг Амадей (1756–1791), австрийский композитор — 336, 347, 356
Мусоргский Модест Петрович (1839–1881), композитор — 123, 285, 332, 337, 356, 368
Муссолини, Бенито (1883–1945), глава итальянской фашистской партии и итальянского фашистского государства в 1922–1943 и правительства так называемой республики Сало (с 1943) — 22, 440
Мухаммед; Мохаммед (ок. 570–632), основатель ислама — 43, 44, 63, 222, 223, 229

Нагарджуна (ок. II в.), индийский мыслитель, повлиявший на философию буддизма — 209
Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский император (1804–1814, март – июнь 1815), основатель династии Бонапартов — 170, 235, 250, 303, 316, 318, 320, 340, 417, 418, 421
Невтон; см. Ньютон
Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877/1878), поэт, прозаик — 332, 341, 368
Нептун, в римской мифологии бог морей — 184
Нергал, в шумеро-аккадской мифологии первоначально — небесный бог, олицетворение палящего солнца; позднее — владыка подземного царства, а также божество войны — 162
Нерон, Клавдий Цезарь (37–68), римский император (с 54) из династии Юлиев–Клавдиев — 221, 235, 268, 424, 440, 517
Нестор (XI – нач. XII в.), летописец, монах Киево-Печерского монастыря — 124, 242
Нефертити (кон. XV – нач. XIV в. до н.э.), древнеегипетская царица — 214

Низами Гянджеви Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф (ок. 1141 – ок. 1209), азербайджанский поэт и мыслитель — 339
Николай I (1796–1855), российский император (с 1825) — 314, 326, 329, 330, 391, 393, 418, 446
Николай II (1868–1918), российский император (1894–1917) — 170, 301, 314, 448, 453
Николаи, русские цари — 453
Никон (Никита Минов; 1605–1681), патриарх (1652–1667) — 282, 283
Нил Сорский (Николай Майков; ок. 1433–1508), богослов, глава нестяжательства, основатель монастыря на реке Соре — 124, 258, 279, 282
Ницше, Фридрих (1844–1900), немецкий философ — 337
Новалис (наст. имя Фридрих Леопольд фон Гарденберг; 1772–1801), немецкий поэт и прозаик — 373
Ньютон, Исаак (1643–1727), английский математик, астроном, физик, создатель классической механики — 191, 270, 300

Озеров Владислав Александрович (1769–1816), русский драматург — 348
Ольга (в крещении Елена; ок. 890–969), великая княгиня киевская — 370
Орджоникидзе Григорий (Серго) Константинович (1886–1937), деятель коммунистической партии и Советского государства — 439
Орфей, в греческой мифологии фракийский певец, сын музы Каллиопы — 489
Осия (VIII в. до н.э.), пророк в Ветхом Завете — 209, 213
Островский Александр Николаевич (1823–1886), драматург — 368

Павел, апостол — 209, 221
Павел I (1754–1801), российский император (с 1796) — 155, 170, 313–316, 318, 418, 440
Павлов Иван Петрович (1849–1936), физиолог — 28, 124, 402
Павлова Анна Павловна (Матвеевна) (1881–1931), артистка балета — 124
Пален Петр Алексеевич фон дер (1745–1826), граф, генерал от кавалерии; один из организаторов заговора против Павла I и его убийства — 315
Парни, Эварист Дезире де Форж (1753–1814), французский поэт — 337
Патанджали (II в. до н.э.), древнеиндийский философ и филолог — 209, 372
Пенелопа, героиня греческого эпоса, супруга Одиссея — 367
Пересвет Александр (ум. 1380), монах Троице-Сергиева монастыря, начавший Куликовскую битву поединком с Темир-мурзой (Челибеем) — 252
Перикл (ок. 490–429 до н.э.), афинский стратег (главнокомандующий), политический деятель — 250
Перун, в славяно-русской мифологии бог грозы (грома) — 182, 240, 367
Петр, апостол — 117, 134, 498
Петр I Великий (1672–1725), русский царь (с 1682), первый российский император (1721) — 177, 280, 283, 284, 289–295, 298–301, 310, 314, 316, 319, 329, 382, 421, 422
Петр III Федорович, Карл Петр Ульрих (1728–1762), российский император (1761–1762) — 313, 316
Петры, русские цари — 453
Петрарка, Франческо (1304–1374), итальянский поэт — 339
Писарро; Писарро Франсиско (между 1470 и 1475–1541), испанский конкистадор — 235
Пилат, Понтий, римский наместник Иудеи (26–36) — 38
Пильняк (наст. фам. Вогау) *Борис Андреевич* (1894–1937), писатель — 439
Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868), литературный критик, публицист — 332, 370
Планк, Макс Карл Эрнст Людвиг (1858–1947), немецкий физик-теоретик — 28, 407
Платон (428 или 427–347 до н. э.), древнегреческий философ — 209, 300, 488

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918), философ, публицист, деятель российской и международной социал-демократии — 285
Плутон, в греческой мифологии один из богов подземного царства — 184
Пожарский Дмитрий Михайлович (1578–1642), государственный и военный деятель, руководитель второго ополчения в Смутное время — 265, 278, 488
Посейдон, в греческой мифологии бог — повелитель морей — 184
Постышев Павел Петрович (1887–1939), деятель коммунистической партии и Советского государства — 439
Потемкин Григорий Александрович (1739–1791), государственный и военный деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал — 300, 301
Пришвин Михаил Михайлович (1873–1954), писатель — 196
Прокруст, в греческой мифологии великан-разбойник, укладывавший путников на ложе, и тем, кто был большего размера обрубал ноги, а малорослых растягивал до размеров ложа (отсюда — прокрустово ложе) — 53
Прометей, в греческой мифологии титан, похитивший у богов огонь для людей — 357, 510
Прэм Чанд; Премчанд (наст. имя Дханпатрай Шривастав; 1880–1936), индийский писатель и публицист — 403
Психея, в греческой мифологии олицетворение человеческой души — 367
Птолемей, Клавдий (ок. 90 – ок. 160), древнегреческий ученый, разработавший геоцентрическую систему мира — 488
Пугачев Емельян Иванович (1740/1742–1775), донской казак, предводитель крестьянской войны 1773–1775 — 393
Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), поэт, прозаик — 67, 123, 124, 133, 270, 284, 295, 320, 329, 336, 338, 341, 346–349, 353, 368, 376, 393, 409, 471

Радищев Александр Николаевич (1749–1802), писатель, публицист — 341
Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630–1671), донской казак, предводитель крестьянской войны 1670–1671 — 393
Рамаджуна; Рамануджа (ок. 1017–?), индийский религиозный мыслитель, основатель вишишта-адвайта, разновидности веданты — 32, 372, 493
Рамакришна (наст. имя Гададхар Чаттерджи; 1836–1886), индийский философ-мистик и религиозный реформатор — 205, 372, 402
Рамзес II; Рамсес II (тронное имя Усер-маат-Ра-сотеп-ен-Ра), египетский фараон (кон. XIV– сер. XIII вв. до н.э.) — 424
Распутин (Новых) *Григорий Ефимович* (1872–1916), фаворит Николая II и его жены Александры Федоровны; убит монархистами — 297
Рафаэль, Санти (1483–1520), итальянский живописец и архитектор — 356, 362, 488
Рахманинов Сергей Васильевич (1873–1943), композитор, пианист и дирижер — 124
Рембрандт, Харменс Ван Рейн (1606–1669), голландский живописец и график — 98
Репин Илья Ефимович (1844–1930), живописец — 132, 335, 354
Рерих Николай Константинович (1874–1947), живописец, археолог — 133
Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844–1908), композитор и дирижер — 124, 286, 367
Робеспьер, Максимилиан (1758–1794), деятель Французской революции, руководитель якобинцев — 158, 235, 362
Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968), военачальник, маршал Советского Союза — 429
Роллан, Ромен (1866–1944), французский писатель — 340
Романов Константин Константинович (1858–1915), великий князь, поэт, переводчик; президент Императорской Академии наук (с 1889) — 124

Романовы, царская (с 1613), императорская (1721–1917) династия — 297, 313
Ронсар, Пьер де (1524–1585), французский поэт — 67
Рубенс, Питер Пауэл (1577–1640), фламандский живописец — 335
Рублев Андрей (ок. 1360–1370 – 1427 или 1430), иконописец — 123, 124, 279, 300, 338
Рудзутак Ян Эрнестович (1887–1938), деятель коммунистической партии и Советского государства — 439
Руми, Джалаледдин (1207–1273), персоязычный поэт-суфий — 339
Руссо, Жан Жак (1712–1778), французский философ и писатель — 67
Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826), поэт-декабрист — 341
Рэц, Жиль де Лаваль (1404–1440), барон, французский маршал — 159
Рюисдаль; Рейсдал, Якоб ван (1628/1629–1682), голландский живописец — 99
Рюрик (ум. 879), по летописному преданию, предводитель варяжского отряда, призванный на княжение в Новгород — 269
Рюриковичи, князья, потомки киевского великого князя Игоря, считающегося сыном Рюрика — 269

Саади (1203/1210–1292), персидский поэт и мыслитель — 339
Садовников Дмитрий Николаевич (1847–1883), фольклорист, этнограф, поэт — 196
Салтыков-Щедрин (наст. фам. Салтыков, псевдоним Н. Щедрин) *Михаил Евграфович* (1826–1889), писатель-сатирик, публицист — 72, 415–417, 431, 438
Сальери, Антонио (1750–1825), итальянский композитор и дирижер — 347
Самадрагупта, царь династии Гупта в Древней Индии (335–375 или 380) — 209
Сарасвати, в индийской мифологии река и ее богиня — 367
Сведенборг, Эмануэль (1688–1772), шведский ученый и теософ-мистик — 372
Свифт, Джонатан (1667–1745) — английский писатель-сатирик — 72
Святополк I Окаянный (ок. 980–1019), князь туровский (с 988), киевский (с 1015), убил трех своих братьев, чтобы завладеть их уделами — 244, 279
Северянин Игорь (наст. имя и фам. Игорь Васильевич Лотарев) (1887–1941), поэт — 334
Сен-Жюст, Луи Антуан (1767–1794), французский военный деятель, сторонник М. Робеспьера — 158
Сен-Симон, Клод Анри де Рувруа (1760–1825), граф, французский мыслитель, социолог, социалист-утопист — 99
св. Серафим Саровский (Прохор Сидорович Мошнин; 1759/1760–1833), православный подвижник — 58, 124, 188, 258, 326, 327, 331
Сервантес, Сааведра Мигель де (1547–1616), испанский писатель — 336, 339, 356
Сергий, дружинник — 124, 279
св. Сергий Радонежский (в миру Варфоломей Кириллович; 1321–1391), церковный и политический деятель; основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря — 64, 124
Сигизмунд III Ваза (1566–1632), король польский и великий князь литовский (с 1587), в 1592–1599 король шведский — 276, 277
Сильвестр (ум. ок. 1566), священник, автор многочисленных посланий, известен своей редакцией Домостроя — 257
Симеон Бекбулатович (до крещения Саин-Булат; ум. 1616), касимовский хан, потомок ханов Золотой Орды — 270
Скопин-Шуйский Михаил Васильевич (1586—1610), государственный и военный деятель — 271–273, 276
Скрябин Александр Николаевич (1871/1872–1915), композитор и пианист — 338
Скуратов Малюта; Бельский Григорий Лукьянович (?–1573) — сподвижник Ивана Грозного, один из организаторов опричного террора — 158, 235, 279, 425, 444
Сократ (ок. 470–399 до н.э.), древнегреческий философ — 131

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), философ, поэт, публицист — 63, 124, 236, 284, 341, 368, 371–378, 388, 511
Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879), историк — 378
Соломон, царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965 – ок. 926 до н.э.) — 215
Софья, царевна; Софья Алексеевна (1657–1704), правительница России в 1682–1689 — 292
Сперанский Михаил Михайлович (1771/1772–1839), граф, политический деятель; ближайший советник Александра I (1808–1812), генерал-губернатор Сибири (1819–1821) — 318
Сталин (наст. фам. Джугашвили) *Иосиф Виссарионович* (1879–1953), один из руководителей коммунистической партии (генеральный секретарь ЦК с 1922) и Советского государства — 22, 124, 270, 402, 418, 424–426, 428–432, 434–436, 440–444, 446, 448–453, 511, 516, 518
Стендаль (наст. имя и фам. Анри Мари Бейль; 1783–1842), французский писатель — 72
Стефан Пермский (ок. 1345–1396), деятель русской православной церкви, церковный писатель — 279
Стрибог, в русско-славянской мифологии бог ветра, бури и непогоды — 240
Суворов Александр Васильевич (1729 или 1730–1800), полководец, генералиссимус (1799) — 300
Сулла (138–78 до н. э.), римский полководец, диктатор (82–79 до н.э.) — 325
Сун, династия в Китае (960–1279) — 250
Суриков Василий Иванович (1848–1916), живописец — 123, 132, 285, 332, 338

Тагор, Рабиндранат (Тхакур Робиндронатх; 1861–1941), индийский писатель — 72, 76, 336, 339, 403, 489
Тан, династия китайских императоров (618–907) — 250
Тантал, в греческой мифологии лидийский или фригийский царь, похитивший с пира богов нектар и в наказание обреченный на вечные муки, — стоя по горло в воде и видя над головой плоды, мучиться от жажды и голода — 80
Теодорих Великий, Теодерих (ок. 454–526), король остготов (с 493) — 25
Тиберий, Клавдий Нерон (42 до н.э. – 37 н.э.), римский император (с 14) — 235, 341, 440
Тимур; Тамерлан (1336–1405), среднеазиатский государственный деятель и полководец — 147, 235, 250, 263, 270, 362
Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920), естествоиспытатель-дарвинист — 338
Тихон (Василий Иванович Белавин; 1865–1925), Патриарх Московский и всея Руси (с 1917) — 124, 411
Тициан (Тициано Вечеллио; ок. 1476/1477 или 1489/1490 – 1576), итальянский живописец — 335
Толстая Татьяна Львовна (в замуж. Сухотина; 1864–1950), дочь Л.Н. Толстого, мемуаристка — 355
Толстой Алексей Константинович (1817–1875), граф, поэт, прозаик, драматург — 124, 332, 333, 336, 341, 371
Толстой Лев Николаевич (1828–1910), граф, писатель — 87, 123, 124, 133, 285, 332, 336, 339, 341, 342, 352, 355, 356, 359, 364, 365, 368, 370, 371, 376
Толстой Сергей Львович (1863–1947), сын Л.Н. Толстого — 355
Тон Константин Андреевич (1794–1881), архитектор — 335
Тор, в скандинавской мифологии бог грома, бури и плодородия — 182
Торквемада, Томас (ок. 1420–1498), монах-доминиканец, глава инквизиции в Испании (с 1480-х гг.) — 67, 144, 170, 235, 420

Троцкий (наст. фам. Бронштейн) *Лев Давыдович* (1879–1940), один из вождей большевистской революции, деятель коммунистической партии и Советского государства; в 1929 выслан из СССР — 420
Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905), князь, философ, публицист — 373
Трубецкая Екатерина Ивановна (урожд. Лаваль; 1800–1854), графиня, жена декабриста С.П. Трубецкого — 368
Тулси Дас; Тулсидас (ок. 1532–1624), индийский поэт — 336
Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), писатель — 72, 195, 368–371
Тутанхамон (тронное имя — Небхепрура), египетский фараон эпохи Нового царства (ок. 1400 – ок. 1392 до н.э.) — 25
Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937), военачальник, маршал Советского союза — 427, 439
Тютчев Федор Иванович (1803–1873), поэт, публицист, политический мыслитель, дипломат — 64, 332, 341, 371, 380

Успенский Глеб Иванович (1843–1902), писатель — 332
Уэллс, Герберт Джордж (1866–1946), английский писатель — 335

Фальконе Этьен Морис (1716–1791), французский скульптор — 295
св. Феврония Муромская (в миру Евфросинья; ум. 1228), святая и благоверная княгиня, супруга муромского князя Давида Юрьевича, в монашестве Петра — 367, 371
Федор II Годунов; Федор Борисович Годунов (1589–1605), русский царь с 13 апреля по 1 июня 1605 — 170, 269–271
Федор Иоаннович (1557–1598), русский царь (с 1584) — 170, 269, 391, 448
Федор Кузьмич (1777?–1864), старец — 324–328
Федра, в греческой мифологии дочь критского царя Миноса — 367
Феодосий Печерский (ок. 1036–1074, по другим данным, 1091), игумен Киево-Печерского монастыря (с 1062), религиозный писатель и политический деятель — 124, 242
Феофан Затворник (Георгий Васильевич Говоров; 1815–1894), епископ Тамбовский (с 1859), Суздальский и Владимирский (с 1863), с 1866 в Вышенской пустыни, с 1872 — отшельник; богослов, религиозный писатель, переводчик — 331
Фет Афанасий Афанасьевич (1820–1892), поэт — 124, 387
Филарет (в миру Федор Никитич Романов; ок. 1554/1555–1633), патриарх (с 1619); отец первого царя из династии Романовых — 313
Филипп II (1527–1598), испанский король (с 1556) — 263
Фирдоуси, Абулькасим (ок. 940–1020 или 1030), персидский и таджикский поэт — 339
Фихте, Иоганн Готлиб (1762–1814), немецкий философ — 99
Флобер, Гюстав (1821–1880), французский писатель — 335, 340
Флоренский Павел Александрович (1882–1937), философ, богослов, ученый, инженер — 124, 373, 439
Франс, Анатоль (наст. имя и фам. Анатоль Франсуа Тибо; 1844–1924), французский писатель — 340
св. Франциск Ассизский (наст. имя Джованни Бернардоне; 1181 или 1182–1226), итальянский религиозный деятель, поэт, основатель ордена францисканцев — 32, 188, 209
Фрейя, в скандинавской мифологии богиня плодородия, любви, красоты — 367
Фригга; Фригг, Фрия, в германо-скандинавской мифологии богиня брака, любви, жена верховного бога Одина — 367
Фурье, Франсуа Мари Шарль (1772–1837), французский утопический социалист — 99

Хлебников Велимир (Виктор) *Владимирович* (1885–1922), поэт — 341
Хомяков Алексей Степанович (1804–1860), поэт, богослов, философ, публицист — 63
Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971), деятель коммунистической партии и Советского государства; с 1953 первый секретарь ЦК КПСС, с 1958 по 1964 председатель Совета министров СССР — 426, 439, 440

Цезарь, Гай Юлий (102/100–44 до н.э.), римский диктатор, полководец, писатель — 133
Цингер Я.А., автор учебного пособия «Простейшие» (М.: Учпедгиз, 1947) — 198

Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856), мыслитель и публицист — 284
Чайковский Петр Ильич (1840–1893), композитор, дирижер, педагог — 332, 337, 356
Чандрагупта, Маурия, царь древнеиндийского государства Магадха (317–293 до н.э.), основатель династии Маурьев — 209, 325
Чемесов Ефграф Петрович (1737–1765), гравер и рисовальщик — 124
Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889), писатель, публицист, критик, общественный деятель — 332
Чехов Антон Павлович (1860–1904), писатель — 311, 332, 336, 356, 357, 368, 371
Чингиз-хан; Чингисхан (собств. имя Тэмуджин, Темучин; ок. 1155–1227), основатель единого монгольского государства, полководец — 235, 250, 418
Чюрлянис; Чюрленис Микалоюс Константинас Константино (Николай Константинович; 1875–1911), литовский живописец и композитор — 133

Шаляпин Федор Иванович (1873–1938), оперный певец — 124, 133
Шанкара (предположительно 788–820), индийский философ и поэт, реформатор индуизма, создатель адвайта-веданты — 209
Шатобриан, Франсуа Рене де (1768–1848), французский писатель и мыслитель — 340
Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861), украинский поэт и художник — 124
Шекспир, Уильям (1564–1616), английский драматург и поэт — 133, 339, 488
Шелли, Перси Биши (1792–1822), английский поэт — 339
Шиллер, Иоганн Фридрих (1759–1805), немецкий поэт, драматург, теоретик искусства — 356
Шопенгауэр, Артур (1788–1860), немецкий философ — 475
Шпенглер, Освальд (1880–1936) — немецкий историк и философ — 350
Штирнер, Макс (наст. имя и фам. Каспар Шмидт; 1806–1856), немецкий философ — 337
Шуйский Василий Иванович, см. Василий IV
Шуйский Дмитрий Иванович (?–1613), боярин, брат В.И. Шуйского — 271

Щедрин; см. Салтыков-Щедрин М.Е.

Эддингтон, Артур Стэнли (1882–1944), английский астроном — 28
Эдип, в греческой мифологии царь Фив, ослепивший себя, узнав, что сбылось страшное предсказание оракула — 357
Эдисон, Томас Алва (1847–1931), американский изобретатель и предприниматель — 402
Эйнштейн, Альберт (1879–1955), физик — 25, 28, 407
Экхарт, Иоганн; Мейстер Экхарт (ок. 1260 — кон. 1327 или нач. 1328), немецкий философ-мистик — 372
Эрешкигаль, в шумеро-аккадской мифологии богиня — владычица подземного царства — 114
Эркман-Шатриан, литературное имя соавторов: Эмиль Эркман (1822–1899) и Шарль Луи Гратьен Александр Шатриан (1826–1890) — 72

Эсфирь, в Ветхом Завете главная героиня Книги Есфири — 98
Эсхил (ок. 525–456 до н.э.), древнегреческий драматург — 87, 489
Эхнатон; см. Аменхотеп IV

св. Юст; Иустин (II в.), святой отец и учитель церкви — 325

Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938), с 1920 управляющий делами ВЧК, с 1924 заместитель председателя ОГПУ, в 1934–1936 нарком внутренних дел — 426
Яма, в древнеиндийской мифологии владыка царства мертвых — 184
Ярила (Ярило), в восточнославянской мифологии бог солнца, плодородия, весны и любви — 240, 367
Ярослав Мудрый (ок. 978–1054), великий князь киевский (с 1019) — 124, 242, 244, 265
Ярославский Емельян Михайлович (наст. фам. и имя Губельман Миней Израилевич; 1878–1943), деятель коммунистической партии, публицист — 158

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая
РОЗА МИРА И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ
7

Глава первая. Роза Мира и ее ближайшие задачи **7**
Глава вторая. Отношение к культуре **26**
Глава третья. Отношение к религиям **38**

Книга вторая
О МЕТАИСТОРИЧЕСКОМ И ТРАНСФИЗИЧЕСКОМ МЕТОДАХ ПОЗНАНИЯ
52

Глава первая. Некоторые особенности метаисторического метода **52**
Глава вторая. Немного о трансфизическом методе **65**
Глава третья. Исходная концепция **79**
1. Многослойность **79**
2. Происхождение Зла. Мировые законы. Карма **82**
3. К вопросу о свободе воли **88**
4. Бытие и сознание **92**
5. Разноматериальная структура человека **93**
6. Метакультуры **94**

Книга третья
СТРУКТУРА ШАДАНАКАРА. МИРЫ ВОСХОДЯЩЕГО РЯДА
101

Глава первая. Сакуала Просветления **101**
Глава вторая. Затомисы **108**
Глава третья. Средние слои Шаданакара **129**

Книга четвертая
СТРУКТУРА ШАДАНАКАРА. ИНФРАФИЗИКА
143

Глава первая. Основа **143**
Глава вторая. Миры Возмездия **149**
Глава третья. Шрастры и уицраоры **160**

Книга пятая
СТРУКТУРА ШАДАНАКАРА: СТИХИАЛИ
171

Глава первая. Демонические стихиали **171**
Глава вторая. Светлые стихиали **179**
Глава третья. Отношение к животному царству **186**

Книга шестая
ВЫСШИЕ МИРЫ ШАДАНАКАРА
204

Глава первая. До Мировой Сальватэрры **204**
Глава вторая. Логос Шаданакара **210**
Глава третья. Женственность **226**

Книга седьмая
К МЕТАИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
238

Глава первая. Киевская Русь как явление метаисторическое **238**
Глава вторая. Христианский миф и прароссианство **252**
Глава третья. Эпоха первого уицраора **261**

Книга восьмая
К МЕТАИСТОРИИ ЦАРСТВА МОСКОВСКОГО
268

Глава первая. Смена уицраоров **268**
Глава вторая. Эгрегор православия и инфрафизический страх **278**
Глава третья. Заполнение пространства между культурами **286**
Глава четвертая. Родомысл Петр и демоническое искажение его миссии **291**

Книга девятая
К МЕТАИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРИИ
297

Глава первая. Второй уицраор и внешнее пространство **297**
Глава вторая. Второй уицраор и внутреннее пространство **310**

Глава третья. Снятие санкции **315**
Глава четвертая. Подвиг **322**

Книга десятая
К МЕТАИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
332

Глава первая. Дар вестничества **332**
Глава вторая. Миссии и судьбы **343**
Глава третья. Миссии и судьбы *(продолжение)* **355**
Глава четвертая. Миссии и судьбы *(окончание)* **366**
Глава пятая. Падение вестника **376**

Книга одиннадцатая
К МЕТАИСТОРИИ ПОСЛЕДНЕГО СТОЛЕТИЯ
391

Глава первая. Воцарение Третьего Жругра **391**
Глава вторая. Борьба с духовностью **401**
Глава третья. Темный пастырь **413**
Глава четвертая. К метаистории наших дней **446**

Книга двенадцатая
ВОЗМОЖНОСТИ
459

Глава первая. Воспитание человека облагороженного образа **459**
Глава вторая. Внешние мероприятия **479**
Глава третья. Культ **491**
Глава четвертая. Князь Тьмы **505**
Глава пятая. Смена эонов **522**

Краткий словарь имен, терминов и названий,
часто упоминаемых в тексте
529

Примечания
534

Указатель имен, терминов и названий,
принадлежащих Д. Л. Андрееву
567

Указатель имен
572

Андреев Д.Л.

А 655 Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3: Роза Мира / Сост., подгот. текста и примеч. Б.Н. Романова. — М.: Русский путь, 2006. — 592 с.: 16 с. ил.

ISBN 5-85887-247-6
ISBN 5-85887-250-6

Третий том собрания сочинений Д.Л. Андреева составил наиболее известный труд поэта — «Роза Мира». Для настоящего издания текст был заново сверен с авторскими рукописями и уточнен. Том заключают примечания, в которые включены фрагменты, не вошедшие в окончательный текст книги, а также терминологический и именной указатели.

ББК 84 (2Рос)6

Даниил Леонидович АНДРЕЕВ
Том 3
РОЗА МИРА

Редактор С. Бучнева
Художник Е. Вельчинский
Компьютерная верстка Л. Фирсова
Корректор О. Савичева

Подписано в печать 23.10.2006. Формат 70x100/16
Бумага офсет. Шрифт: Charter
Усл. печ. л. 49,02. Тираж 2000 экз. Заказ №

ЗАО «Издательство “Русский путь”»
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (495) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru
www. rp-net.ru

Отпечатано в ОАО «Типография “НОВОСТИ”»
105005, Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 46

ISBN 5-85887-250-6
9 785858 872504 >